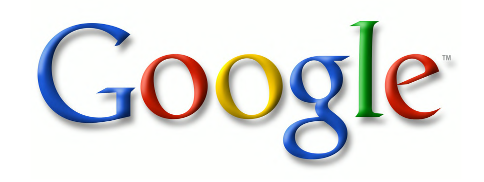

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDINAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ CCCXCI. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1902.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ СССХСІ. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1902.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

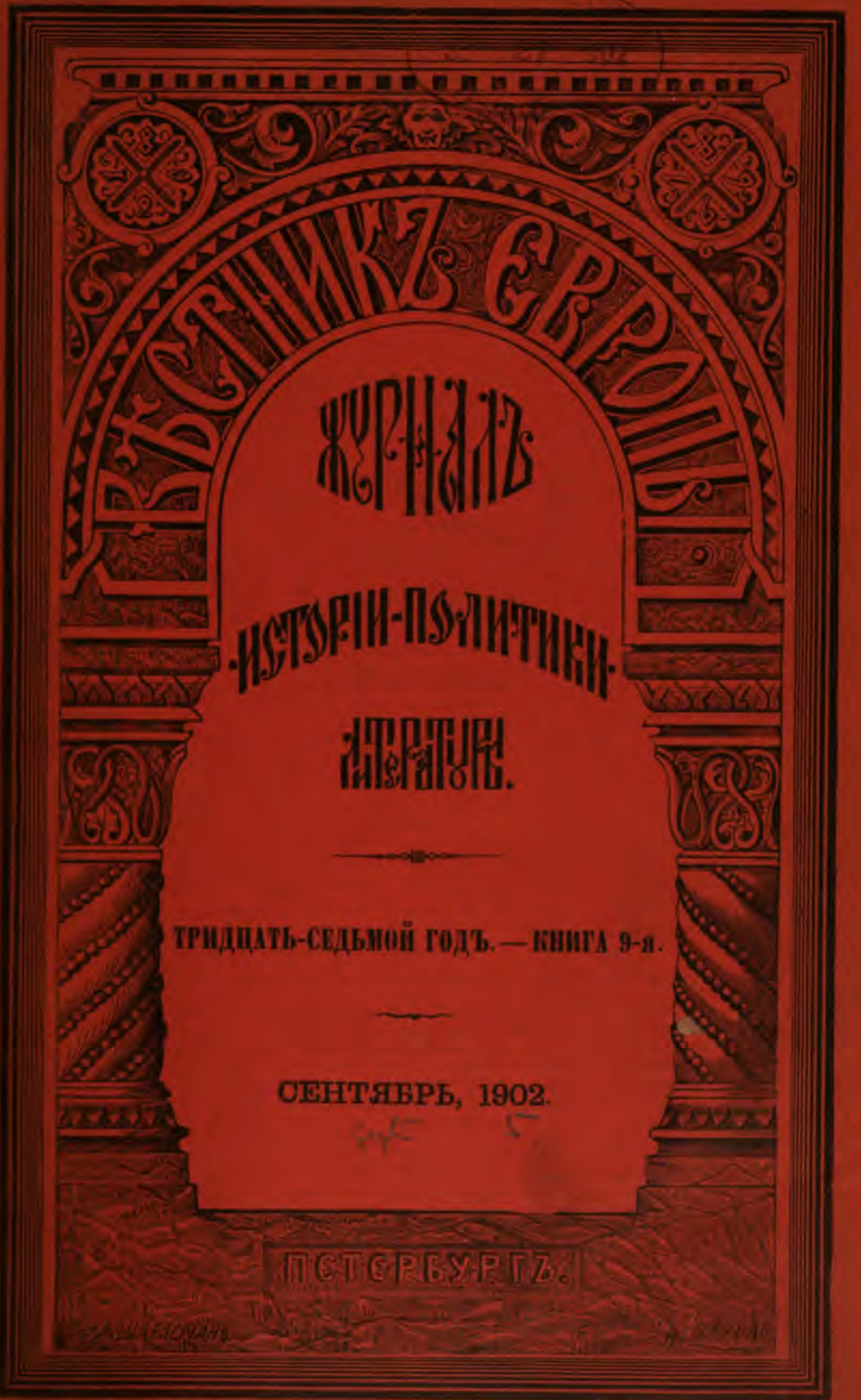
Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

3173

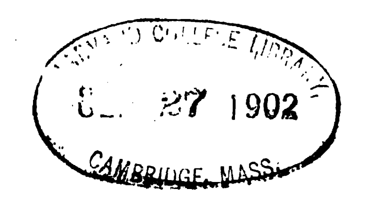

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1902.

Стр.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Процессъ устройства крестьянъ юго-западнаго края отличался отъ крестьянской исторіи прочихъ русскихъ мѣстностей болѣе частою и рѣзкою смѣною направленій. Въ этомъ двадцати-пятилѣтнемъ процессѣ, среди колебаній въ разныя стороны, особенно выдаются два момента подъема правительственнаго участія къ крестьянскимъ интересамъ: ранѣе эпохи общаго крестьянскаго освобожденія, въ концѣ сороковыхъ годовъ,—введеніе „инвентарныхъ правилъ", ограничившихъ крѣпостное право, а послѣ освобожденія, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ—общая повѣрка уставныхъ грамотъ съ обязательнымъ выкупомъ для возстановленія крестьянскихъ правъ, нарушенныхъ при первоначальномъ примѣненіи Положеній 19 февраля.

Обѣ эти мѣры возникли на почвѣ современныхъ имъ политическихъ соображеній, направленныхъ противъ вызвавшихъ на ...ѣ правительственное раздраженіе польскихъ помѣщиковъ края. ...эстьянскому и польскому вопросамъ не удавалось въ этомъ ...ѣ такъ разграничиться между собою, чтобы каждому высту... самостоятельно. Вопросы эти смѣшивались и въ правитель...нномъ, и отчасти въ общественномъ представленіи; но если ... смѣшеніе являлось своего рода ненормальностью по су-

ществу, то нельзя отрицать, что въ силу многихъ особенностей нашей государственной и общественной жизни оно имѣло и полезныя практическія послѣдствія. Безъ сомнѣнія, крестьянскіе права и интересы нуждались въ защитѣ независимо отъ національности мѣстныхъ помѣщиковъ; но, соображая факты, какими они были, нельзя не видѣть, что какъ ни односторонни были первыя работы по осуществленію „Положеній", какъ ни нуждались въ поддержкѣ крестьяне—они не дождались бы такого попечительнаго вниманія, еслибы послѣднее не было вызвано острымъ политическимъ мотивомъ и крестьянскій вопросъ края выступалъ совсѣмъ свободнымъ отъ польской окраски. Однако та же связь обоихъ вопросовъ имѣла и другую сторону, будучи причиною болѣе частой смѣны направленій, такъ какъ съ измѣненіемъ остроты отношеній къ польскому дѣлу мѣнялись и отношенія къ крестьянскому. Попечительность уступала инымъ мотивамъ, и хотя въ общемъ итогѣ западные крестьяне выиграли сравнительно съ прочими, но имъ приходилось переживать чувствительные переходы отъ пользованія усиленною заботливостью къ испытыванію пренебреженія ихъ интересовъ. Такъ, въ крѣпостную пору инвентарныя правила быстро теряли практическую силу, а устройство крестьянъ послѣ освобожденія совершалось на разнообразныхъ основаніяхъ.

Средина шестидесятыхъ годовъ была для западныхъ крестьянъ особенно важною эпохою, такъ какъ тутъ моментъ участія къ нимъ совпалъ съ временемъ закладки главныхъ основъ ихъ поземельнаго, платежнаго и общественнаго устройства. Положеніе собственно „юго-западнаго" крестьянства въ это время выгодно оттѣнилось даже отъ состоянія сосѣднихъ ему бѣлорусскаго и сѣверо-западнаго, вслѣдствіе личной вліятельности въ столь существенномъ дѣлѣ генералъ-губернаторовъ, вовсе не отличавшихся однородностью взглядовъ. Тогда какъ въ сѣверо-западномъ краѣ и Бѣлоруссіи смѣны этихъ администраторовъ происходили чаще, взгляды ихъ расходились между собою рѣзче, направленія измѣнялись сильнѣе, и оттого благопріятные для крестьянства періоды выходили короче,—въ юго-западномъ четыре самыхъ важныхъ года (1865—1868) на кіевскомъ генералъ-губернаторскомъ посту держался дѣльный и заявившій себя участливостью къ крестьянству старый генералъ Безакъ, при которомъ прошло девять десятыхъ работы крестьянскаго устройства. Пока Безакъ правилъ въ Кіевѣ—въ Вильнѣ соотвѣтствующій постъ поочередно занимали: Муравьевъ, Кауфманъ, Барановъ и Потаповъ,—каждый съ особою физіономіею. Конечно, важ-

нымъ для юго-западнаго крестьянства условіемъ было то, что на судьбахъ его дѣла отражалось и болѣе живое общественное участіе, проникавшее въ составъ учрежденій, производившее свое вліяніе извнѣ и не чуждое самому умному генералъ-губернатору; но какъ ни оцѣнивать это участіе—все-же надо сказать, что главная роль его была въ началѣ дѣла, когда еще требовалось вынести на свѣтъ существенные вопросы, а затѣмъ почти вся реальная сила сосредоточилась въ рукахъ мѣстной административной власти, на которую сталъ опираться и живой элементъ учрежденій. Правда, власть дѣйствовала рѣзко, понукательно, грубовато, не безъ излишествъ; но при всей возможной критикѣ ея пріемовъ, соображая всю совокупность тогдашнихъ обстоятельствъ, нельзя не видѣть, что иначе едва ли и быть могло, и нельзя не оцѣнить того, какъ эта власть помогла фактическому успѣху объединеніемъ характера устроительныхъ работъ и достиженіемъ той быстроты ихъ, которая дала возможность совершить главную массу дѣла при дѣйствіи однородныхъ благопріятныхъ условій. Затяжка—какъ всегда—была одною изъ наибольшихъ опасностей, и свойство административныхъ пріемовъ, во всякомъ случаѣ, вознаградилось результатами.

Зато та же сила власти показала и свойственный ей недостатокъ—очень легкую доступность перемѣнамъ. Направленная въ одну сторону, эта сила способна также легко обращаться въ другую. Оттого и въ самую горячую пору заботъ о крестьянскомъ устройствѣ ни на одинъ день не терялось сознаніе полной вѣроятности близкой и существенной реакціи, которая дѣйствительно не заставила себя долго ждать, выступивъ вслѣдъ за смертью Безака.

Изложивъ въ трехъ статьяхъ[1]) свои воспоминанія о ходѣ крестьянскаго дѣла на юго-западѣ въ различные періоды—неопредѣленные, колебательные и самый благопріятный для крестьянства,—завершаю ихъ теперь разсказомъ объ этой реакціи, который послужитъ эпилогомъ къ моимъ прежнимъ статьямъ.

I.

Новые вѣтры.

Безакъ умеръ какъ разъ въ ту пору, когда ему предстояла рѣшительная встрѣча съ усилившеюся въ крестьянскомъ дѣлѣ

1) „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ", августъ и сентябрь 1900 г.; „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ", іюль 1901 г., и „Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ"—январь и февраль 1902 г.

реакціею. Оттого вопросъ о послѣдствіяхъ такой встрѣчи—т.-е. былъ ли Безакъ способенъ рѣзко измѣнить свой образъ дѣйствій, или, напротивъ, готовился держаться до послѣдней возможности въ позиціи защитника крестьянскаго населенія —остался практически нерѣшеннымъ. Въ этомъ отношеніи возможны были однѣ догадки, а такъ какъ укрѣпившіяся въ то время силы дѣйствовали не только противъ системы, но и противъ личности Безака, то всего вѣроятнѣе, что—останься онъ и живъ—дѣло даже не дошло бы до большой борьбы, а просто разрѣшилось бы скорымъ удаленіемъ его съ поста начальника юго-западнаго края.

Вслѣдъ за столь благовременною въ своемъ родѣ для Безака смертью, постъ его пробылъ вакантнымъ только нѣсколько дней. Безакъ умеръ 30 декабря, а въ первыхъ числахъ января 1869 года генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ былъ уже назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ — тотъ самый, кого еще при жизни Безака называли готовымъ преемникомъ ему. Все, какъ видно, предрѣшено было заранѣе.

Съ этимъ назначеніемъ распространилась въ краѣ масса новыхъ ожиданій. Въ немъ увидѣли несомнѣнный признакъ наступленія той самой политики, которой противники только-что закончившагося управленія дожидались уже давно. Основаніе подобнымъ надеждамъ давало, разумѣется, не прошлое кн. Дондукова—такъ какъ нѣкоторою извѣстностью пользовались лишь его боевыя отличія за Кавказомъ въ эпоху крымской войны, не имѣвшія никакого отношенія къ административнымъ задачамъ края,—но главнымъ образомъ то, что новаго генералъ-губернатора считали ставленникомъ той партіи, которая долго орудовала противъ Безака, имѣя своимъ органомъ популярную среди мѣстныхъ помѣщиковъ ярую и узкую сторонницу ихъ интересовъ—газету „Вѣсть“.

Судьбы крестьянскаго дѣла возбуждали интересъ всего болѣе, хотя, въ сущности, положеніе его не представляло основаній для разсчетовъ на слишкомъ крупныя перемѣны. Послѣ энергическихъ работъ Безаковскаго четырехлѣтія, неоконченнаго въ крестьянскомъ устройствѣ было немного. Изъ 7.350 подлежавшихъ составленію по тремъ губерніямъ выкупныхъ актовъ, къ моменту генералъ-губернаторской перемѣны было уже утверждено главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ 5.315 и лежало въ томъ же учрежденіи, ожидая утвержденія, 1.553, такъ что вообще успѣло выйти изъ сферы мѣстнаго вліянія 6.868 дѣлъ, а оставалась подъ этимъ вліяніемъ въ губернскихъ присутствіяхъ и мировыхъ

съѣздахъ едва пятнадцатая часть общей массы. Правда, былъ еще другой, не менѣе серьезный остатокъ, именно исправленіе выкуповъ по договорамъ и одностороннимъ помѣщичьимъ требованіямъ, состоявшимся до повѣрочной эпохи, т.-е. раньше половины 1863 года, такъ какъ въ Безаковское время изъ общей массы ихъ исправлено было менѣе третьей части и осталось неисправленныхъ болѣе трехсотъ; однако, и при соединеніи обѣихъ категорій остатковъ все-же выходило, что изъ 7.788 дѣлъ не кончено только 790, т.-е. едва десятая часть, а судьба прочихъ девяти десятыхъ уже рѣшена. Такимъ образомъ, матеріалъ для новыхъ тенденціозныхъ опытовъ могла обѣщать лишь эта запоздалая десятая доля, да пожалуй еще разрѣшеніе случаевъ спора и недоразумѣній при введеніи въ дѣйствіе актовъ уже утвержденныхъ. Тѣмъ не менѣе, помѣщики разсчитывали на рѣзкій переломъ въ смыслѣ выигрыша ихъ интересовъ за счетъ крестьянскихъ, и мнѣнія ихъ расходились только относительно размѣровъ этого перелома: умѣренные ждали измѣненія участи лишь неконченныхъ дѣлъ, да ограниченныхъ опытовъ надъ исполненіемъ остальныхъ, а болѣе увлекавшіеся доходили до надеждъ на передѣлку, тѣмъ или другимъ способомъ, и того, чтѐ было уже окончательно утверждено всѣми инстанціями въ Безаковское время.

Существенную перемѣну предвидѣли и сами дѣятели крестьянской реформы. Хотя новый переходный моментъ нѣсколько напоминалъ имъ пережитый четыре года назадъ [1]),—когда одновременно ждали дурного и хорошаго,—но положеніе было уже далеко не то: прежде дѣло выходило изъ туманнаго состоянія, ища пути направо или налѣво, а теперь, когда только-что былъ прожитъ исключительно благопріятный крестьянскому устройству періодъ, чувствовалась неизбѣжность расплаты за него затяжнымъ реакціоннымъ процессомъ, приближеніе котораго къ тому же внушительно напоминалось вѣстями о происходившихъ уже въ сѣверо-западномъ краѣ рѣзкихъ Потаповскихъ ломкахъ и складывавшихся въ Петербургѣ комбинаціяхъ.

Фактической провѣрки надеждъ и сомнѣній пришлось ждать недолго. Новая политика стала обозначаться вслѣдъ за пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора въ Кіевъ, выступая даже съ нѣкоторою поспѣшностью. Мнѣ пришлось съ нею встрѣтиться при появленіи самыхъ начальныхъ ея симптомовъ.

---

[1]) См. IV и V главы статьи: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“, „Вѣстн. Европы“, іюль 1901 г.

Первый оффиціальный пріемъ представителей края у князя Дондукова состоялся въ послѣдній день масляницы, 2 марта. Какъ разъ около этого времени мнѣ нужно было быть въ Кіевѣ по своимъ частнымъ дѣламъ, но я пріѣхалъ туда только въ самый день упомянутаго пріема, почему къ торжественному моменту не попалъ и могъ представиться новому генералъ-губернатору лишь дня два спустя. Разспрашивая объ обстоятельствахъ пріема, я услышалъ только, что вступительная рѣчь кн. Дондукова была очень коротка, заключая въ себѣ лишь нѣсколько общихъ фразъ, слегка разведенныхъ „Вѣстью". Относительно крестьянскаго дѣла въ ней упоминалось о необходимости воздержанія отъ „увлеченій", однако безъ дальнѣйшихъ разъяснительныхъ словъ. Съ появленіемъ этой рѣчи въ мѣстной газетѣ, она показалась еще суше, такъ что впечатлѣніе оставлялъ одинъ намекъ на увлеченія.

Безцвѣтность параднаго пріема начала вознаграждаться при послѣдующихъ, будничныхъ объясненіяхъ. Дня черезъ два отправился я для представленія въ генералъ-губернаторскій домъ къ пріемному часу. Въ большой пріемной залѣ было уже много разныхъ лицъ, между которыми трое представителей разныхъ мировыхъ съѣздовъ. Намъ оказано было особое вниманіе: едва дежурный офицеръ пошелъ съ докладомъ о насъ въ кабинетъ, какъ вернулся съ объявленіемъ, что генералъ-губернаторъ проситъ насъ не уходить послѣ общаго представленія, такъ какъ онъ желаетъ, отпустивъ прочую публику, поговорить съ нами отдѣльно. Скоро кн. Дондуковъ вышелъ въ залу и началась обычная процедура формальныхъ пріемовъ. Внѣшность новаго начальника края ничѣмъ не напоминала его предшественника. Вмѣсто маленькаго, черстваго и скупого на слова старика, предъ нами былъ человѣкъ сравнительно молодой, лѣтъ 45 или около того, выше ростомъ, довольно красивый, словоохотливый и болѣе привѣтливый. Послѣ обмѣна съ каждымъ нѣсколькими словами, онъ сдѣлалъ общій заключительный поклонъ, публика ушла, а мы вчетверомъ приглашены были въ кабинетъ.

Здѣсь генералъ-губернаторъ принялся излагать намъ тотъ взглядъ на положеніе крестьянскаго дѣла, какой у него составился къ данному моменту. Послышался новый тонъ, и между нами произошелъ первый обмѣнъ мыслями, который передаю здѣсь въ сжатомъ видѣ, по возможности придерживаясь подлинныхъ выраженій.

Среди не то привѣтливыхъ, не то двусмысленныхъ улыбокъ, кн. Дондуковъ высказалъ, что ему извѣстно, какъ много уже

сдѣлано по устройству крестьянъ; однако,—прибавилъ онъ,—если взглянуть на дѣло съ полною серьезностью требованій, то, несмотря на массу сдѣланныхъ работъ,—оно окажется все-таки не близкимъ къ удовлетворительному концу, такъ какъ осталась почти нетронутою очень важная часть его, на которую необходимо обратить полное вниманіе, именно—разверстаніе владѣній. Мировые съѣзды,—замѣтилъ онъ,—очень усердно, пожалуй даже съ излишкомъ старанія, заботились объ устроеніи крестьянъ, но нельзя не сознаться, что такія заботы постоянно направлялись въ одну сторону: все надѣляли крестьянъ землею, все дѣлали имъ добавки, не обращая вниманія на другіе интересы и—что же изъ этого, между прочимъ, вышло?.. Надѣлано много черезполосья, которое затрудняетъ помѣщичье хозяйство, появились разные сервитуты, вышла земельная путаница, имѣнія обезцѣниваются... ну, однимъ словомъ, создалось такое положеніе, изъ котораго надо какъ-нибудь выйти...

Послѣдовало съ нашей стороны объясненіе, что черезполосье есть наслѣдіе давняго прошлаго, и такъ какъ законъ требовалъ установленія старыхъ инвентарныхъ границъ, то оно явилось неизбѣжностью вездѣ, гдѣ существовало въ прежнее время и не устранилось добровольными соглашеніями. Тѣми же закономъ и старымъ обычаемъ объясняются и сервитуты, въ видѣ общаго для крестьянъ и помѣщиковъ пастбища по парамъ и стернямъ (площади пашенъ, по снятіи съ нихъ хлѣбовъ), а также въ видѣ смѣшаннаго пользованія площадью крестьянскихъ покосовъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Конечно, все это соединено съ извѣстными неудобствами, но было неотвратимо.

— Не спорю, можетъ быть это и такъ,—сказалъ генералъ-губернаторъ,—но каковы бы ни были причины, надо постараться это исправить. Вотъ въ чемъ состоитъ, по моему, главная нынѣшняя задача. Надо войти въ интересы помѣщика. Фигура земли въ хозяйствѣ значитъ очень много. Надо улучшать хозяйство, переходить отъ старыхъ системъ къ новымъ, а тутъ черезполосье и сервитуты—большая помѣха. Вотъ видите, что для успѣшнаго исхода надо бы тронуть границы и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянское дѣло считается конченнымъ,—надо двинуть разверстаніе пошире. Какъ вы объ этомъ думаете?

Не зная, твердое ли намѣреніе высказываетъ впервые видимый нами администраторъ, или только свое pium desiderium, нельзя было во всякомъ случаѣ не отнестись къ его словамъ съ нѣкоторою тревогою: вѣдь если приняться за принудительныя разверстанія, да еще при дѣйствіи новыхъ вѣтровъ, то подъ

флагомъ улучшенія границъ можно, мѣняя одни участки на другіе, такъ поломать составъ владѣній, такъ измѣнить выгоды и взволновать только-что успокоившееся населеніе, что исчезнетъ большая часть результатовъ предъидущихъ работъ и безплодны останутся всѣ состоявшіяся утвержденія выкупныхъ актовъ, т.-е. ничто не окажется прочнымъ. Надо было дать подходящій отвѣтъ; однако на этотъ разъ оказалось, что опасность была не такъ велика.

Мы отвѣтили, что сами вполнѣ сочувствуемъ наибольшему соглашенію интересовъ обѣихъ сторонъ, а потому всегда готовы помогать и разверстаніямъ на справедливыхъ основаніяхъ, но должны прибавить, что дѣло это — не настолько легкое, чтобы можно было разсчитывать на его быстрый повсемѣстный ходъ. Затрудненія есть и формальныя, и по существу. Прежде всего— нѣтъ закона, допускающаго принудительныя разверстанія, а кромѣ того они были бы опасны, потому что тутъ пришлось бы снова поставить на карту весь исходъ земельнаго устройства, рискуя крупными ошибками. Стало быть, разверстанія возможны только по добровольнымъ соглашеніямъ, а тутъ важное значеніе имѣетъ то, что для крестьянъ, почти никогда не жалующихся на черезполосье, разверстаніе соединено съ извѣстными невыгодами, напримѣръ—потерею пастбищнаго сервитута, который предоставленъ имъ закономъ только въ неразверстанныхъ имѣніяхъ. Даже при полномъ расположеніи къ соглашеніямъ, крестьяне на такія потери добровольно не пойдутъ безъ соотвѣтствующаго вознагражденія, и въ бывшихъ до сихъ поръ случаяхъ соглашеній всегда условливались земельныя уступки отъ помѣщиковъ собственно за самое разверстаніе, независимо отъ обмѣна равными количествами земли. Далѣе, назначать вознагражденіе можно на основаніи оцѣнки измѣняемыхъ выгодъ,—а кто тутъ можетъ быть компетентнѣе самихъ участвующихъ сторонъ? Давленіе, диктовка условій начальствомъ большею частію способны, даже безъ намѣренія, обидѣть или одну сторону, или обѣ. Вотъ почему къ дѣлу разверстанія необходимо относиться крайне осторожно, и удовлетворительный исходъ — не въ изданіи принудительныхъ правилъ.

— Да, я съ этимъ готовъ вполнѣ согласиться,—сказалъ съ одобрительною улыбкою генералъ-губернаторъ, выслушавъ означенныя соображенія.—Я самъ думаю не объ обязательномъ разверстаніи, а о добровольномъ. Для обязательнаго вѣдь нужно еще просить прàвилъ, и какими еще они выйдутъ! А добровольныя возможны и теперь. Разумѣется, умѣстно при этомъ и вознагражденіе крестьянъ, и я полагаю, что помѣщикамъ нисколько

не обидно будетъ уступить что-нибудь за округленіе своихъ дачъ, которое развяжетъ имъ руки. И пусть стороны сами опредѣляютъ это вознагражденіе, потому что мы легко можемъ тутъ ошибаться. У насъ даже и матеріала нѣтъ для регулированія такихъ вознагражденій, но... вотъ это-то и показываетъ, что теперь нужно развить разверстанія какъ можно шире: они будутъ полезны сами по себѣ, да, сверхъ того, дадутъ и этотъ матеріалъ, такъ что если потомъ и дойдетъ до введенія обязательнаго разверстанія, то откуда же лучше заимствовать для него условія, какъ не изъ опыта прежнихъ соглашеній? Онъ всего яснѣе покажетъ, что нужно и что возможно. Какъ бы только дать хорошій толчокъ подобнымъ соглашеніямъ?..

— Сдѣлокъ по разверстанію было уже не мало, вѣроятно онѣ и теперь кое-гдѣ налаживаются,—отвѣтили мы.—Необходимо только избѣгать поводовъ къ возбужденію подозрѣній, что онѣ чѣмъ-нибудь вынуждаются. Излишняя настойчивость способна будить подозрительность,—слѣдовательно, больше вредить, чѣмъ содѣйствовать соглашеніямъ.

— Конечно, конечно, принужденій не нужно, — согласился генералъ-губернаторъ;—но теперь, видите ли, вотъ что особенно важно: надо, чтобы сами мировые посредники прониклись готовностью какъ можно энергичнѣе помогать разверстаніямъ. Объ этомъ давно бы имъ надо было думать, но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ совершенно неправильно понимаютъ свое положеніе: задаются собственными „убѣжденіями“, „направленіями“, считаютъ себя представителями какой-то высокой миссіи, какъ будто это кому-нибудь нужно. Они видятъ свое призваніе въ исключительномъ радѣніи о крестьянахъ, становятся на ходули, называютъ себя „дѣятелями“, тогда какъ, въ сущности, мировой посредникъ—такой же чиновникъ, какъ и другіе; его задача—не осуществлять собственныя идеи, а дѣлать то, что указываетъ власть. Отъ чиновника требуется одна исполнительность, и чѣмъ больше онъ ея проявляетъ, тѣмъ больше соотвѣтствуетъ своему назначенію. Вотъ и теперь посредникамъ слѣдуетъ, не задумываясь надъ высшими вопросами, взяться за разверстанія проще: гдѣ имѣніе не разверстано—твердить крестьянамъ постоянно о пользѣ и неизбѣжности разверстанія, убѣждать, что они сами отъ него выиграютъ; а когда крестьяне достаточно расположатся къ тому, тогда браться за помѣщика, который, конечно, всегда этого пожелаетъ...

Разговоръ въ такомъ родѣ продолжался у насъ около часа и заключился обѣщаніемъ кн. Дондукова скоро начать объѣздъ края,

при которомъ намъ опять придется съ нимъ встрѣтиться и поговорить побольше. Тонъ у новаго начальника все время былъ наружно привѣтливъ, рѣчь развязная и обильная, въ перемежку съ улыбками и опытами остроумія; однако сквозь всю эту внѣшность замѣтно проглядывало недовольство наличнымъ положеніемъ, а временами прорывались попытки ироніи надъ избыткомъ попечительности о крестьянскихъ интересахъ или неодобрительные намеки въ третьемъ лицѣ, которые можно было принимать во второмъ. Среди язвительныхъ замѣчаній о претензіяхъ на миссіи проскользали признаки, что самъ кн. Дондуковъ признаетъ за собою миссію исправлять или направлять по новому сдѣланное въ Безаковское время, охраняя помѣщика въ качествѣ обиженнаго. Зато переданный выше призывъ къ чиновничьему равнодушію въ крестьянскомъ дѣлѣ вылился такъ натурально и съ такимъ нагляднымъ сознаніемъ убѣдительности, что годился для характеристики самаго источника новыхъ вѣтровъ, съ точки зрѣнія котораго болѣе участливое отношеніе къ крестьянамъ, видно, казалось или смѣшнымъ, или вреднымъ.

Какъ бы то ни было, уйти съ этого объясненія приходилось въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ приступать къ нему, потому что ни о какихъ ломкахъ рѣчи не было, а если на горизонтѣ показался вопросъ о разверстаніяхъ, то этимъ тревожиться было нечего, коль скоро имѣлась въ виду дѣйствительная добровольность. Опасенія могли возникать развѣ со стороны избытка угодливости, къ какой были способны представители нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, такъ какъ, при устройствѣ разверстаній черезчуръ по домашнему, подъ покровомъ добровольности могло выступать нѣчто ей несоотвѣтствующее. Впрочемъ, предъ нами прошелъ едва первый дѣловой разговоръ, слѣдовательно до положительныхъ заключеній было еще далеко и не ослабѣвалъ интересъ къ дальнѣйшимъ симптомамъ.

Не замедлили и такіе симптомы, показывавшіе, что дѣло далеко не въ одной заботѣ о разверстаніяхъ. Каждый новый пріемъ, распоряженіе или чья-нибудь встрѣча съ начальствомъ давали поводъ къ сенсаціоннымъ разсказамъ. Изъ нихъ выходило, что предубѣжденный заранѣе противъ всего, сдѣланнаго въ Безаковское время, новый генералъ-губернаторъ сталъ укрѣпляться въ томъ еще мѣстными вліяніями, такъ какъ въ Кіевѣ и вообще въ краѣ партія противниковъ Безака была велика и вліятельна. Представители ея открыто выражали кн. Дондукову, что они истомились крестьянофильскою политикою Безака и оживились надеждами только теперь, видя, что Кіевъ „наконецъ“ получилъ

настоящаго генералъ-губернатора. Подобныя выраженія, соединенныя то съ просьбами и ходатайствами, то съ тенденціозно-раскрашенными разсказами о недавнемъ прошломъ, да еще при видномъ общественномъ положеніи нѣкоторыхъ обращавшихся къ новому начальнику, представляли своего рода натискъ, съ какимъ не легко бы справился и болѣе твердый характеръ, чѣмъ свойственный кн. Дондукову. Въ Кіевѣ разсказывали, что группа тяготившихся Безаковскимъ временемъ даже доставила-было ему списокъ неблагопріятно аттестуемыхъ ею должностныхъ лицъ этого времени, и помню, какъ меня самого разъ предостерегали, говоря, будто я занимаю въ означенномъ спискѣ не послѣднее мѣсто. Немного спустя обозначилось и перераспредѣленіе ролей въ средѣ окружающихъ генералъ-губернатора лицъ. Къ кому Безакъ относился съ довѣріемъ, кого онъ особенно цѣнилъ—тѣ очутились въ положеніи только терпимыхъ до времени, а мѣсто ихъ заняли или противники Безаковскаго направленія, исполнявшіе прежде лишь пассивную роль, дѣйствуя по-чиновничьи вопреки собственнымъ симпатіямъ, или совсѣмъ новые люди. Обращалъ на себя вниманіе и выборъ такихъ людей. Можно было ожидать, что онъ падетъ, по крайней мѣрѣ, на способныхъ работниковъ, хотя бы въ духѣ новыхъ требованій,—однако чаще выходило, что онъ обращался на людей вообще непригодныхъ къ какому-либо серьезному труду. Дѣльнаго человѣка иногда замѣнялъ пустой говорунъ, свѣтскій щеголь, маменькинъ сынокъ и т. п. Такіе люди могли поболтать въ одобряемомъ тонѣ, поусердствовать въ услужливости, но дальше этого способности ихъ не шли, а между тѣмъ столь легковѣсному чиновнику давались иногда серьезныя порученія.

Въ дѣлахъ почувствовалось усиленіе значенія протекцій, особенно когда выступали интересы лицъ съ виднымъ положеніемъ, связями, или чѣмъ-нибудь другимъ снискавшихъ себѣ благоволеніе. Называли уже дѣла, ожидающія новой передѣлки безъ особенныхъ счетовъ съ существующимъ закономъ и степенью основательности протежируемыхъ претензій. Производили впечатлѣніе также нѣкоторыя новыя назначенія. Между прочимъ, на вліятельныя должности по крестьянскому дѣлу стали попадать люди со стороны, не имѣвшіе съ этимъ дѣломъ ничего общаго ни по своей прежней дѣятельности, ни по личнымъ склонностямъ и знаніямъ, для кого вопросъ—идти ли въ предсѣдатели мирового съѣзда, или въ исправники, или въ акцизъ—рѣшался только сравненіемъ размѣровъ денежнаго полученія; словомъ, тутъ интересъ дѣла видимо уступалъ простому мотиву пристроить чело-

вѣка къ „мѣсту“, при господствѣ понятія, что для крестьянскаго дѣла годится всякій чиновникъ.

Подобныя условія могли бы сразу очень чувствительно отразиться на судьбахъ дѣла, еслибы вліяніе ихъ не умѣрялось отчасти нѣкоторымъ благодушіемъ генералъ-губернатора, сдерживавшимъ порывы къ крутымъ распоряженіямъ, а еще болѣе—его легкимъ отношеніемъ къ дѣлу. Покритиковать свысока, поострить надъ тѣмъ, что̀ ему не нравилось, онъ былъ расположенъ, но гораздо меньше въ немъ обнаруживалось склонности утруждать себя серьезнымъ изученіемъ положенія, обдумываніемъ, какъ именно можно устроить то или другое, и даже ознакомленіемъ съ главными законами и предѣлами своихъ правъ. Стали встрѣчаться попытки превышенія власти, но и ихъ въ значительной мѣрѣ можно было объяснять незнакомствомъ съ закономъ. Оттого перемѣны задерживались или смягчались, задуманное нерѣдко оставалось безъ послѣдствій, да и легко даваемыя личныя обѣщанія часто не исполнялись вслѣдствіе несоображенныхъ прежде затрудненій.

Остатки крестьянскаго дѣла, двигавшагося до этой поры такъ быстро, вдругъ сильно затормазились. Что̀ могло разрѣшаться окончательно губернскими инстанціями — еще шло впередъ, но гдѣ требовалось участіе генералъ-губернаторской власти, тамъ начались особыя мудрованія. Ходатайства заинтересованныхъ, закулисныя хлопоты и даже неумѣлое вліяніе окружающихъ чиновниковъ приводили къ колебаніямъ, потугамъ направить дѣло по новому, и въ лучшихъ случаяхъ это имѣло послѣдствіемъ значительное замедленіе. Прежде всего это отражалось въ дѣлѣ пониженія выкупныхъ платежей, такъ какъ утвержденіе пониженій больше 15 процентовъ по закону предоставлялось только генералъ-губернатору. Затѣмъ стали выступать и опыты ломки по существу. Слѣдуетъ замѣтить, что законный порядокъ движенія выкупныхъ актовъ былъ такой: единогласное утвержденіе ихъ губернскимъ присутствіемъ окончательно опредѣляло составъ выкупаемой *земли*, включительно съ возвращаемыми крестьянамъ инвентарными участками, а также пониженіе платежей до 15%, такъ что въ этомъ отношеніи жалобы на выкупные акты уже не допускались, и если не требовалось бо̀льшаго пониженія, то акты должны были, минуя Кіевъ, прямо идти въ выкупное учрежденіе; далѣе отъ генералъ-губернатора зависѣло только допустить или не допустить увеличеніе пониженія противъ 15%, а утвержденіе акта главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ выражало въ сущности одно распоряженіе объ отпускѣ выкупной суммы. Но,

при представленіи въ Кіевъ нѣкоторыхъ единогласно утвержденныхъ губернскими присутствіями актовъ собственно для утвержденія пониженія платежей, генералъ-губернаторъ, не ограничиваясь однимъ платежнымъ вопросомъ, сталъ входить въ обсужденіе и земельной стороны дѣла, требуя передѣлокъ и не останавливаясь предъ тѣмъ, что земельные вопросы были по закону уже окончательно рѣшены, и въ результатѣ часть назначенной крестьянамъ земли у нихъ отнималась. Такой выходъ изъ предѣловъ установленнаго порядка вызвалъ уже болѣе серьезное смущеніе, показывая, что личное усмотрѣніе начинаетъ вытѣснять самый законъ, почему упроченнымъ можно считать развѣ положеніе тѣхъ дѣлъ, которыя успѣли пройти кіевскую инстанцію раньше. Только незначительность числа неоконченныхъ дѣлъ ограничивала дѣйствіе подобной тенденціи.

Два мѣсяца складывался въ Кіевѣ новый порядокъ дѣлъ и отношеній. Въ теченіе этого времени комбинировались: привезенные изъ Петербурга взгляды, вліяніе мѣстныхъ одностороннихъ требованій (отъ чрезмѣрности которыхъ порою кн. Дондукову приходилось даже обороняться), впечатлѣнія перваго знакомства съ дѣлами и разныя случайности. Трудно было предугадывать, до чего именно доведетъ совокупность всѣхъ этихъ вліяній, а покуда, вмѣсто чего-либо опредѣленнаго, получалась смущавшая путаница. Всюду чувствовалось, что въ Кіевѣ закладывается такой зарядъ новыхъ стремленій, какому суждено скоро въ значительной мѣрѣ разрѣшиться при объясненіяхъ на мѣстахъ, въ губерніяхъ. Поэтому предстоявшій объѣздъ края генералъ-губернаторомъ обѣщалъ боевой характеръ, и люди съ установившимся отношеніемъ къ дѣлу, работавшіе въ предъидущій періодъ, стали готовиться къ нему съ тревогою и вмѣстѣ съ готовностью тверже встрѣтить натискъ, отстаивая что̀ можно.

II.

Встрѣча направленій.

Начался объѣздъ края. Посѣтивъ нѣсколько уѣздовъ, новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ губернскій городъ Каменецъ въ половинѣ мая 1869 года. Но еще немного раньше стали доходить до насъ слухи о нѣкоторыхъ эпизодахъ его путешествія. Между прочимъ, помню впечатлѣніе отъ разсказа, какъ онъ въ сосѣднемъ уѣздѣ, заѣхавъ по пути на завтракъ или

обѣдъ къ крупному помѣщику О—скому, по жалобѣ послѣдняго, пригрозилъ крестьянамъ присылкою казаковъ для экзекуціи. Отъ такихъ явленій мы въ ту пору уже было-отвыкли.

Въ Каменецъ съѣхались представители нѣсколькихъ мировыхъ съѣздовъ, а также не мало помѣщиковъ съ различными жалобами по крестьянскому дѣлу. Послѣдніе готовились къ мѣстному натиску. Въ губернскомъ присутствіи, еще дня за два до пріѣзда генералъ-губернатора, я уже слышалъ о болѣе замѣчательныхъ дѣлахъ, ожидавшихъ обсужденія въ его присутствіи. Усиленный интересъ возбуждало одно изъ нихъ, обстоятельства котораго были такъ характерны, что ихъ стоитъ привести здѣсь, особенно въ виду покровительства, оказывавшагося заинтересованному въ этомъ дѣлѣ лицу.

Въ двухъ уѣздахъ нашей губерніи находились имѣнія новаго помѣщика кн. К. Очень незадолго предъ тѣмъ, эти имѣнія принадлежали другому владѣльцу, поляку Я—му, но послѣдній, подобно многимъ тогдашнимъ мѣстнымъ помѣщикамъ, въ силу особаго правительственнаго распоряженія, обязанъ былъ продать свои владѣнія въ установленный срокъ кому-либо изъ лицъ, обладающихъ правомъ пріобрѣтенія земель въ западномъ краѣ. Тутъ въ качествѣ покупщика явился упомянутый К., и переходъ владѣнія совершился. Крестьянское дѣло въ этихъ имѣніяхъ ко времени продажи было уже закончено, и хотя акты не успѣли еще пройти чрезъ главное выкупное учрежденіе, но земельная сторона дѣла была уже рѣшена губернскимъ присутствіемъ окончательно, слѣдовательно назначенныя крестьянамъ изъ помѣщичьей земли добавки были учтены въ продажной цѣнѣ, т.-е. отнесены на счетъ прежняго владѣльца Я—скаго. Тѣмъ не менѣе, новый владѣлецъ, сознавая свою привилегированность, не усомнился ходатайствовать о передѣлкѣ крестьянскаго надѣла, добиваясь отдачи ему части земель, назначенныхъ крестьянамъ. Выигравъ разъ на условіяхъ вынужденной для Я—го продажи, онъ хотѣлъ выиграть еще въ другой разъ за счетъ крестьянъ, оттягавъ у нихъ то, чего онъ, въ сущности, не покупалъ. Въ этихъ притязаніяхъ отражался характерный взглядъ усилившейся въ ту пору группы особаго рода національныхъ политиковъ, которые видѣли торжество русскаго элемента въ томъ, чтобы русскій помѣщикъ могъ прижать крестьянъ сильнѣе, чѣмъ польскій. Подобные претенденты не могли, конечно, не понимать, что, дебютируя въ роли новыхъ землевладѣльцевъ отнятіемъ у крестьянъ того, что̀ должны были отдать послѣднимъ поляки, они рискуютъ вызвать противъ себя непріязненное чувство въ массѣ населенія, которая

въ пришествіи ихъ увидитъ для себя событіе не желанное, а тягостное, и придетъ къ мысли, что съ поляками жилось легче; однако подобными соображеніями эти люди не затруднялись, полагая, что нечего церемониться съ мужикомъ, котораго всегда можно усмирить, тогда какъ устроивать собственный интересъ вовсе не дурно, особенно при протекціи.

Исканія К. нашли участливую поддержку. Кн. Дондуковъ рѣшилъ подвергнуть дѣло пересмотру, не стѣсняясь его законченностью, и въ Каменцѣ предстояло обсужденіе собственно способовъ этого пересмотра. Всѣми понято было, что тутъ требуется не столько повѣрка правильности опредѣленія крестьянскаго надѣла, сколько отысканіе тѣхъ или другихъ предлоговъ къ убавкѣ крестьянской земли въ пользу К.; слѣдовательно, здѣсь разомъ возникло два острыхъ вопроса: какъ передѣлывать то, что̀ по закону считается окончательно рѣшеннымъ, и какъ содѣйствовать притязаніямъ такого достоинства, какъ притязанія К.? Привыкшіе къ дѣятельности недавняго прошлаго, конечно, относились къ этимъ вопросамъ отрицательно, даже съ чувствомъ отвращенія. Когда я пріѣхалъ въ Каменецъ, меня было-испугали сообщеніемъ, что разслѣдованіе дѣлъ К. предположено возложить на меня, но потомъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, чаша эта выпала на долю другого; а между тѣмъ, при данныхъ обстоятельствахъ, подобное порученіе ставило очень тягостную дилемму: или угождай противнымъ требованіямъ, или иди на убой!

Другимъ протежируемымъ жалобщикомъ выступалъ титулованный помѣщикъ В., направлявшій атаку прямо на меня. Главная его жалоба состояла въ томъ, что при повѣркѣ уставныхъ грамотъ отданы были крестьянамъ находившіеся въ его владѣніи усадебные участки, которые были ему нужны по ихъ близости къ его мельницамъ,—только я лично въ этомъ дѣлѣ былъ рѣшительно ни при чемъ. Помимо того, что усадьбы не могли не перейти къ крестьянамъ, какъ часть ихъ прежняго инвентарнаго надѣла, вопросъ о нихъ рѣшенъ былъ еще до прибытія моего въ уѣздъ, гдѣ находились имѣнія В., и я засталъ дѣло утвержденнымъ всѣми инстанціями, почему ровно ничего не могъ бы сдѣлать для удовлетворенія претензій В., еслибы и хотѣлъ. Но считающіе себя привилегированными не мирятся съ законными препятствіями, и В. продолжалъ настаивать на своихъ требованіяхъ, надѣясь на новое начальство.

Предвидѣлось еще нѣсколько жалобъ по разнымъ уѣздамъ, но отъ нихъ слишкомъ большого эффекта не ожидали, потому что

помѣщики тутъ выступали рядовые, средніе, безъ титуловъ и вѣскихъ связей.

Съ другой стороны, членъ губернскаго присутствія Ушинскій приготовился поставить ребромъ, въ присутствіи генералъ-губернатора, общій вопросъ объ участи исправленія выкупныхъ договоровъ 1861—1863 годовъ, которое еще съ конца прошедшей осени, т.-е. съ отъѣзда покойнаго Безака въ Петербургъ, совершенно остановилось, такъ что крестьяне, по жалобамъ своимъ на договоры, не получали ни удовлетворенія, ни отказа.

Генералъ-губернаторъ пріѣхалъ, прошла церемонія общаго представленія ему чиновъ губерніи, затѣмъ исполненъ былъ обычный въ такихъ случаяхъ осмотръ города съ его учрежденіями и достопримѣчательностями. На другой день — большой обѣдъ у губернатора, съ массою приглашенныхъ, на слѣдующій затѣмъ—парадный обѣдъ въ клубѣ, но все это прошло настолько безцвѣтно, среди ординарныхъ разговоровъ и шаблонныхъ тостовъ, что самые зоркіе губернскіе наблюдатели политическихъ примѣтъ не могли усмотрѣть на горизонтѣ ничего новаго. Только вечеромъ, послѣ клубнаго обѣда, назначено было общее засѣданіе по крестьянскому дѣлу въ губернаторской залѣ, гдѣ обозначеніе новыхъ административныхъ вѣяній было уже неизбѣжно. Едва вечеръ наступилъ, въ губернаторскій домъ стала набираться большая масса разнообразныхъ лицъ и послѣдовало первое серьезное столкновеніе новыхъ тенденцій съ прежнимъ порядкомъ.

Опять предъ нами та же губернаторская зала съ колоннами, въ которой пришлось уже видѣть столько памятныхъ эпизодовъ мѣстной исторіи крестьянскаго дѣла! Здѣсь мы засѣдали въ первую смутную пору его съ прежнимъ губернаторомъ Сухотинымъ, когда онъ проповѣдывалъ неукоснительное взысканіе выкупныхъ платежей съ устраненіемъ всякихъ вопросовъ на томъ основаніи, что у крестьянъ деньги напрятаны въ кубышки; здѣсь потомъ собирался большой и затяжной съѣздъ представителей крестьянскихъ учрежденій, вырабатывавшій систему пониженія тѣхъ же платежей; здѣсь же происходили и засѣданія съ Безакомъ, когда онъ настойчиво требовалъ участливаго вниманія къ нуждамъ крестьянскаго дѣла и напряженно-дѣятельныхъ работъ. А теперь, среди тѣхъ же стѣнъ и обстановки, готовился напоръ противоположныхъ стремленій, показывавшихъ, какъ непрочны у насъ всякія направленія и какъ ненадежна участь такихъ дѣлъ, процессъ которыхъ требуетъ сколько-нибудь долгаго времени. Вмѣстѣ съ прежними дѣятелями, въ залѣ появились новыя лица. Опять

усѣлись мы вокругъ знакомаго стола прежнихъ засѣданій въ большомъ составѣ. Кромѣ новаго генералъ-губернатора, тутъ были: губернаторъ Горемыкинъ, всѣ члены губернскаго присутствія, три или четыре предсѣдателя мировыхъ съѣздовъ, нѣсколько мировыхъ посредниковъ, старый кіевскій дѣятель Сабанѣевъ, новый генералъ-губернаторскій чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ Красовскій и еще кое-кто изъ кіевскихъ пріѣзжихъ и мѣстныхъ чиновъ. Бывшіе въ пріемной комнатѣ помѣщики, явившіеся съ жалобами и просьбами, приглашались для объясненій въ засѣданіе поочередно.

Войдя въ залу, генералъ-губернаторъ, безъ всякихъ рѣчей общаго характера, занялъ свое мѣсто и послѣ нѣсколькихъ словъ обратился къ дѣламъ, начавъ съ выслушиванія жалобъ. Благодаря присутствію моего обвинителя В., мнѣ первому пришлось выдерживать атаку. Дѣло В. могло быть выражено въ двухъ словахъ, но В., отличаясь притязаніями на краснорѣчіе, широко распространился въ повѣствованіи о томъ, какъ обидѣлъ его мировой съѣздъ, отдавъ крестьянамъ усадьбы, какъ нужны ему были эти усадьбы, какъ его требованія оставались безъ удовлетворенія и т. д. Когда рѣчь его закончилась, кн. Дондуковъ обратился ко мнѣ:—Не угодно ли вамъ противъ этого объясниться!

Отвѣтъ требовался не сложный. Я высказалъ, что претензія В. давно мнѣ извѣстна, но удовлетворить ее было нельзя уже потому, что выкупной актъ по данному имѣнію утвержденъ всѣми инстанціями еще раньше моего прибытія въ уѣздъ, а кромѣ того крестьянское право на усадьбы основательно и по существу. Вполнѣ возможно, что потеря этихъ усадебъ для В. очень неудобна, но она была неизбѣжна, такъ какъ крестьяне владѣли означенными усадьбами въ инвентарное время, а что̀ имъ принадлежало по инвентарямъ—закрѣплено за ними закономъ. Возможное удовлетвореніе желаній В. состоитъ въ обмѣнѣ усадебъ на другія по взаимному соглашенію, но такого соглашенія не было.

Объясненіе это нисколько не удовлетворило кн. Дондукова. Нахмурившись, онъ сталъ недовольнымъ тономъ излагать свой взглядъ на способы отвода крестьянскихъ надѣловъ.

— Изъ вашихъ словъ я вижу,—сказалъ онъ мнѣ,—что эти крестьяне имѣли право на усадьбы по инвентарю и что на такомъ основаніи вы имъ отдали тѣ самыя усадьбы, какими они владѣли прежде и какія такъ нужны помѣщику, на что̀ онъ и жалуется. Очень можетъ быть, что все это и такъ, но отсюда я могу только заключить, что мировой съѣздъ взглянулъ на дѣло

крайне узко и односторонне, какъ онъ вовсе смотрѣть не долженъ. Пусть эти усадьбы и записаны были за крестьянами по инвентарю, но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что данный крестьянинъ имѣетъ право вообще получить какую-нибудь усадьбу, но это еще не значитъ, чтобы онъ имѣлъ право именно на *ту самую усадьбу*, какою владѣлъ прежде и возвратить которую для помѣщика неудобно. Вы могли дать крестьянамъ какіе-нибудь другіе участки, и вѣроятно В. не возражалъ бы противъ этого. Но мировой съѣздъ лишилъ его такой возможности согласить свой интересъ съ крестьянскимъ. Стало быть, надо спросить—откуда и для чего такая узкость, такая стѣснительность требованій?

— Вполнѣ возможно, что для В. было бы удобнѣе, вмѣсто возврата инвентарныхъ усадебъ, отдать другія,—отвѣтилъ я,—но дѣло въ томъ, что еслибы мировой съѣздъ рѣшилъ такимъ образомъ, то вышелъ бы изъ предѣловъ своей власти и поступилъ бы вопреки прямому указанію закона. Узкость, на которую указываете в. с—во, вытекаетъ не изъ усмотрѣнія мирового съѣзда, а именно изъ самаго закона, который даетъ крестьянамъ право не просто на то или другое количество земли, но именно на *ту самую* землю, какою они владѣли въ инвентарное время, т.-е. въ давнихъ же границахъ, и лишать крестьянъ этого права мировому съѣзду не предоставлено.

— Помилуйте, что вы! Да развѣ можетъ быть такой законъ?—произнесъ генералъ-губернаторъ съ ироническою улыбкою.

— Этотъ законъ,—отвѣтилъ я, — Высочайше утвержденное 10 августа 1864 года Положеніе и принадлежитъ къ числу основныхъ законовъ по надѣленію крестьянъ юго-западнаго края. Тамъ именно указано, что слѣдуетъ отводить надѣлъ въ границахъ дѣйствительнаго пользованія 1847 года.

— Нѣтъ, ужъ извините, я никакъ не могу повѣрить, чтобы существовалъ такой несообразный законъ; тутъ что-нибудь у васъ не такъ,—продолжалъ настаивать кн. Дондуковъ, впадая уже въ раздраженіе.

Дѣло принимало видъ пререканія о томъ, есть ли законъ, или нѣтъ его. Для ускоренія развязки я сказалъ:

— Что законъ этотъ существуетъ, вашему с—ву легко убѣдиться теперь же, потребовавъ текстъ Положенія 10 августа.

— Превраснo, очень хорошо, мы сейчасъ это увидимъ,—отозвался генералъ-губернаторъ съ преждевременно-торжествующею улыбкою, и обратился къ губернатору:—Ваше п—ство, прикажите пожалуйста подать намъ этотъ любопытный законъ!

Губернаторъ передалъ это приказаніе секретарю губернскаго присутствія; тотъ ушелъ и почему-то замедлилъ, такъ что въ засѣданіи установилась натянутая пауза, и это дало кн. Дондукову поводъ еще разъ поиронизировать:

— Что-то долго ищутъ; надѣюсь, что этотъ интересный законъ такъ и не отыщется.

Но едва онъ произнесъ эти слова, входитъ секретарь и подаетъ раскрытую книгу узаконеній. Генералъ-губернаторъ съ недоумѣніемъ вглядывается и видитъ, что границы мірской земли точно подлежатъ установленію „сообразно дѣйствительному пользованію крестьянъ въ 1847 году". Торжествующая улыбка исчезла, лицо опять нахмурилось и новая пауза вышла уже неловкая. Собраніе увидѣло, какъ данное ему поученіе о способахъ отвода надѣловъ стушевалось, оказавшись сдѣланнымъ безъ предварительнаго труда ознакомленія съ основными законами дѣла.

Перешли къ другой жалобѣ В., но и она оказалась не болѣе удачною, разрѣшившись такого же рода исходомъ послѣ разъясненія обстоятельствъ дѣла и правилъ. Тутъ генералъ-губернаторъ былъ осторожнѣе въ замѣчаніяхъ и, въ заключеніе, сухо замѣтилъ мнѣ:

— Да, я долженъ сказать, что вы юридически правы,— причемъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „юридически". Мнѣ осталось только поклониться.

Однако настойчивый В. все еще не удовлетворился и заявилъ, что у него есть еще третья жалоба. Недѣли за двѣ предъ тѣмъ получилъ онъ отъ мирового съѣзда приглашеніе явиться къ разбору дѣла по претензіи крестьянина на одну изъ принадлежащихъ ему мельницъ, которой крестьянинъ искалъ не на правѣ надѣла, а на правѣ собственности.

— Я по этому вызову не явился, — говорилъ В.,—потому что это уже посягательство на мою собственность, оставшуюся мнѣ даже послѣ отвода крестьянскаго надѣла. Это—дѣло, выходящее изъ ряда; такія посягательства колеблютъ... и т. д.

На новое предложеніе объясниться мнѣ пришлось отвѣтить:

— Этотъ крестьянинъ обратился въ мировой съѣздъ съ заявленіемъ, что мельница построена имъ на собственныя средства при крѣпостномъ правѣ, и онъ пользовался ею какъ владѣлецъ, хотя она формально считалась за помѣщикомъ. Такія претензіи предвидѣны закономъ и рѣшаются учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ въ качествѣ совѣстнаго суда. Для разбора ихъ, прежде всего, вызываются обѣ стороны, и если дѣло не кончится миромъ, то получаетъ дальнѣйшее движеніе сообразно представ-

леннымъ доказательствамъ. Отъ исполненія такого порядка мировой съѣздъ уклоняться не имѣетъ права, и потому вызовы въ съѣздъ были посланы обѣимъ сторонамъ. Но законъ требуетъ, чтобы для подтвержденія подобныхъ исковъ непремѣнно были какія-нибудь письменныя доказательства. Къ разбору даннаго дѣла явился одинъ только крестьянинъ, никакихъ письменныхъ доказательствъ не представилъ, и ему было отказано, а неявившемуся помѣщику послано о томъ увѣдомленіе.

— Ахъ, я объ этомъ совсѣмъ не зналъ!..—сорвалось у В., но тутъ накопившаяся у генералъ-губернатора досада разомъ обратилась на него самого.

— Помилуйте, что же это вы со мною дѣлаете!—воскликнулъ кн. Дондуковъ.—Вы мнѣ жалуетесь, не узнавъ даже, чѣмъ рѣшено ваше дѣло, вѣдь это что же такое!.. Такъ нельзя, мы теряемъ дорогое время на то, о чемъ и разговаривать было нечего, тогда какъ здѣсь ждутъ другіе,—въ какое положеніе вы меня ставите!—и т. д.

В. извинялся, но его роль была уже кончена, и онъ оставилъ засѣданіе.

Первая атака такимъ образомъ прошла, оставивъ свое впечатлѣніе. Стали выступать другіе жалобщики, рядовые помѣщики, противъ которыхъ объясняться пришлось представителямъ другихъ съѣздовъ. Новый начальникъ видимо подготовленъ былъ ко встрѣчѣ чрезвычайныхъ притѣсненій помѣщиковъ, но тутъ ничего особенно выдающагося не выходило. Представлялись обстоятельства, о которыхъ можно было потолковать, по поводу которыхъ можно было потребовать новыхъ объяснительныхъ свѣдѣній—и только; обвинительнаго же матеріала не находилось при всемъ исканіи. Иныя жалобы завершались однимъ разговоромъ, по другимъ генералъ-губернаторъ счелъ нужнымъ получить письменныя справки; а такъ какъ въ засѣданіи дать ихъ было нельзя, то онъ требовалъ присылки ихъ къ себѣ, оживляя надежды жалобщиковъ эффектными словами: „Адресуйте мнѣ въ Кіевъ, въ собственныя руки“! Тонъ у кн. Дондукова все время былъ непріязненный къ крестьянскимъ учрежденіямъ, причемъ выдавалась манера уколоть, задѣть, сдѣлать свысока ироническое замѣчаніе. По поводу одного запроса—чѣмъ замедлилась какая-то отписка въ губернскомъ присутствіи?—губернаторъ отвѣтилъ, что причиною тутъ было стеченіе нѣсколькихъ праздничныхъ дней; когда же потомъ пришлось коснуться подобнаго обстоятельства въ другой разъ, Дондуковъ съ улыбкою обратился къ губернатору:

— Если тамъ помѣшали праздники, то тутъ вѣроятно замедленіе вышло по случаю поста?

— Нѣтъ, по случаю поста замедленій быть не можетъ,— отрѣзалъ губернаторъ.

Дошли до дѣла К. Самъ владѣлецъ тутъ не присутствовалъ, а прислалъ своего управляющаго, какого-то иностранца, который, сознавая привилегированность своего патрона, держался очень требовательнаго тона, отчасти поощряемаго генералъ-губернаторомъ. Изъ прочитаннаго доклада выходило, что земельные споры были уже рѣшены, но въ виду генералъ-губернаторскихъ настояній, повторявшихся и въ засѣданіи, вопросъ сводился къ тому, чтобы произвести на мѣстѣ новое разслѣдованіе. Пошли рѣчи о томъ, кому поручить это разслѣдованіе, другому ли мировому съѣзду, или члену губернскаго присутствія? Осмѣленный управляющій вмѣшивался въ сужденія, но наконецъ рѣшено было возложить разслѣдованіе на члена присутствія Ушинскаго, съ тѣмъ чтобы потомъ дѣло было пересмотрѣно губернскимъ присутствіемъ и представлено генералъ-губернатору. Для Ушинскаго это порученіе было великою тягостью, такъ какъ политическою угодливостью онъ не отличался, симпатизировать объясненнымъ уже выше притязаніямъ К. не могъ, а идти прямо значило идти на опасность. Управляющій, не разъ уже пытавшійся импонировать заявленіями, на чтò согласенъ и несогласенъ будетъ его патронъ, выступилъ еще съ новымъ требованіемъ: чтобы самъ онъ, какъ представитель интересовъ К., былъ допущенъ въ засѣданіе губернскаго присутствія, когда дѣло это будетъ тамъ пересматриваться. Генералъ-губернаторъ уже выразилъ-было на это согласіе, но тутъ не выдержалъ губернаторъ и, возвысивъ голосъ, внушительно замѣтилъ управляющему:

— Чтобы быть допущеннымъ въ губернское присутствіе, вы должны испросить разрѣшеніе его предсѣдателя, губернатора, отъ котораго зависитъ, допустить васъ или нѣтъ.

— Я потому, что князь старше...—пустился-было разбирать старшинство управляющій, но тутъ прекратилъ неудобное пререканіе самъ кн. Дондуковъ, сказавъ ему:

— Да, да, обратитесь въ свое время съ просьбою къ г. губернатору!..

Когда покончено было съ частными дѣлами, членъ губернскаго присутствія Ушинскій поднялъ общій вопросъ объ исправленіи выкупныхъ договоровъ 1861—1863 годовъ, высказавъ приблизительно слѣдующее:

— У насъ производится много дѣлъ о неправильныхъ вы-

купныхъ договорахъ, но въ послѣднее время они совсѣмъ остановились и находятся въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Очень многіе изъ этихъ договоровъ совершены съ выдающимся нарушеніемъ крестьянскихъ правъ. Земельные надѣлы уменьшались, платежи преувеличивались, вводились въ договоры и другія условія, крайне невыгодныя для крестьянъ, а добровольность ихъ составленія бо̀льшею частью представляется не только сомнительною, но даже невѣроятною или прямо опровергается обнаруженными обстоятельствами дѣлъ. Нѣкоторые договоры составлялись подъ вліяніемъ экзекуцій и даже въ самое время ихъ производства, такъ что являются прямымъ послѣдствіемъ насильственныхъ дѣйствій. Въ иныхъ дѣлахъ видны слѣды такихъ дѣяній, которыя имѣютъ уголовный характеръ. Кромѣ нарушенія крестьянскихъ интересовъ по существу, договоры эти соединялись съ такими грубыми внѣшними неправильностями, что не выдерживаютъ перваго прикосновенія даже чисто формальной критики. Нерѣдко оказывается, что въ составленіи договора принимало участіе не большинство крестьянскаго общества, а только незначительная его часть, да и тутъ среди подписей встрѣчаются имена давно умершихъ или отсутствовавшихъ крестьянъ, откуда видно, что пренебрегались элементарнѣйшія условія добровольныхъ соглашеній и участіе крестьянскаго желанія выставлено ложно. Словомъ, договоры несправедливы по существу и неправильны формально. На такое положеніе правительствомъ уже обращено вниманіе, и еще 28 апрѣля 1865 года изданъ спеціальный законъ о порядкѣ исправленія подобныхъ договоровъ. По этому закону, помѣщикамъ сперва предлагается добровольно исправлять договоры соотвѣтствующими уступками, а при несогласіи ихъ—договоры представляются къ уничтоженію въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, послѣ чего производится уже повѣрка уставныхъ грамотъ на общемъ основаніи. До настоящаго времени исправленію подверглась лишь часть договоровъ. Въ предъидущіе годы, по предложенію генералъ-губернатора, нѣкоторые помѣщики согласились на уступки и въ ихъ имѣніяхъ дѣла уже окончились или оканчиваются. Но участь остальныхъ дѣлъ, т.-е. большинства, представляетъ теперь острый вопросъ и едва ли даже не самую главную часть нынѣшняго остатка крестьянскаго дѣла. Сдѣланныя помѣщикамъ предложенія остаются безъ отвѣта, помѣщики чего-то выжидаютъ или отказываются отъ уступокъ, и въ результатѣ дѣло остается безъ движенія. Договоры не исправляются и не представляются къ уничтоженію. Возникаетъ поэтому недоумѣніе—дѣйствуетъ ли

еще законъ объ исправленіи договоровъ, или сводится къ безнадежной перепискѣ? Если онъ сохраняетъ силу, то конечно нуждается въ энергическомъ примѣненіи, и это теперь неотложный вопросъ. Вдобавокъ Ушинскій ссылался на нѣкоторые частные примѣры и приводилъ цифровыя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ данный моментъ.

Генералъ-губернаторъ слушалъ Ушинскаго съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и, когда послѣдній кончилъ, сталъ ему рѣзко возражать. Совсѣмъ неподготовленный къ сущности затронутаго вопроса, но съ изряднымъ запасомъ предубѣжденія, онъ лавировалъ около этой сущности, играя общими фразами, преимущественно о значеніи законченности такихъ дѣлъ, какъ выкупные договоры.

— Чтò же это?—спросилъ онъ. — Вы хотите ломать массу вполнѣ завершенныхъ актовъ, передѣлывать устройство земель тамъ, гдѣ все уже было кончено... вамъ желательно подвергать помѣщиковъ уголовнымъ преслѣдованіямъ, вносить въ хозяйственную жизнь новыя потрясенія?.. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Конечно, вездѣ могутъ быть неправильности, но нельзя забывать о важномъ значеніи законченности дѣлъ. Если изъ-за какихъ-нибудь неправильныхъ случаевъ ломать все сдѣланное и начинать съизнова, то ничто не окажется прочнымъ и пойдетъ что-то разрушительное... Можетъ быть, гдѣ-нибудь неправильности бывали даже большія, не буду отвергать возможности случаевъ частныхъ злоупотребленій—чтò дѣлать, въ жизни всякое бываетъ!—однако не слѣдуетъ этого преувеличивать. Между тѣмъ, договоры въ свое время прошли всѣ инстанціи, и формальная сторона тоже имѣетъ свой авторитетъ. И существенныя обстоятельства должны бываютъ уступать формѣ, особенно когда перевѣшиваются другими интересами.

Ушинскій отвѣтилъ, что если ужъ такъ важна формальная сторона, то и она въ большей части договоровъ не выдерживаетъ никакой критики, такъ что нарушеніе правъ прикрыто и несостоятельною формою; но кн. Дондуковъ и на это нашелъ возраженіе:

— Въ чемъ же тутъ дѣло? Что гдѣ-нибудь недостаетъ нѣсколькихъ подписей, что вмѣсто одного крестьянина ошибочно записанъ какой-нибудь другой?.. Вѣдь это же пустыя формальности!..

Словомъ, по этой авторитетной логикѣ выходило, что когда есть существенныя нарушенія правъ и интересовъ, то не стоитъ трогать дѣла ради уваженія къ формѣ, а если грѣшитъ послѣдняя,

то нечего придавать значеніе формальностямъ, и въ итогѣ договоры заслуживаютъ охраны, каковы бы ни были всѣ части ихъ состава.

Объясненія по вопросу о договорахъ протянулись еще нѣкоторое время, но—все въ томъ же родѣ. Существо дѣла оставалось въ сторонѣ, шло поверхностное парированіе доводовъ общими мѣстами. Слова Ушинскаго и поддерживавшихъ его встрѣчали отпоръ въ непріязненномъ тонѣ, уклончивости и игрѣ словами. Замѣтно стало, что какъ ни недружелюбно кн. Дондуковъ относился ко всѣмъ, но наибольшее раздраженіе возбудилось въ немъ противъ Ушинскаго. Послѣдній, однако, продолжалъ стоять на своемъ, а когда я заговорилъ съ нимъ отдѣльно—объяснялъ свое поведеніе такъ: „Что жъ, видно, куда дѣло направляется; видно, намъ пришло время уходить изъ дѣла, но слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, объясниться на-чистоту; надо же знать, предстоитъ ли продолжать дѣло серьезно или только шутки шутить,—а что̀ такое—безплодно передвигать взадъ и впередъ бумаги о договорахъ, если не шутки“?

Возобновились еще рѣчи о разверстаніяхъ, но суть ихъ тоже не шла дальше того, что̀ мнѣ уже пришлось слышать отъ генералъ-губернатора раньше, въ Кіевѣ. Здѣсь онъ особенно ударялъ на то, что если мировыя учрежденія примутъ его указанія съ надлежащею готовностью, то дѣло можетъ пойти очень успѣшно, почему главное условіе—чтобы мы какъ можно больше прониклись такою готовностью. Это отзывалось призывомъ къ инстинкту служебной политики, который скоро и началъ мѣстами проявляться, хотя далеко не всегда удачно, такъ что въ общемъ, при муссированіи, дѣло двигалось даже медленнѣе, чѣмъ прежде, безъ муссированія.

Засѣданіе наше кончилось уже глубокою ночью. Мы разошлись въ удрученномъ состояніи отъ впечатлѣній этой рѣзкой встрѣчи прежняго духа съ новымъ. Участники засѣданія явились двумя обособленными сторонами, которыя разстались въ явно натянутыхъ отношеніяхъ. Положимъ, выдержанная нами атака обнаружила крайнюю легкость вооруженія нападавшей стороны, выказавъ свойственный ей недостатокъ знанія, убѣдительности и способности къ труду, но ея задоръ, обладая авторитетомъ власти, несмотря на всю пустоту арсенала, обѣщалъ тревожныя послѣдствія.

Пусть первые опыты давленія вышли не совсѣмъ удачны, даже неловки, но натянутыя отношенія сторонъ не могутъ быть постоянными и слабѣйшая вынуждена будетъ уступить. Помимо

того, что кіевская власть одною задержкою дѣлъ и отказами въ утвержденіи не нравящихся ей рѣшеній можетъ оказывать могущественное вліяніе на дѣло, тутъ въ основѣ былъ простой вопросъ силы. Будь слабѣйшая сторона тысячу разъ права, стой она какъ нельзя тверже на законѣ—послѣдній, самъ по себѣ, ея не поддержитъ. Одни вынуждены будутъ уйти; другіе, подчиняясь мотивамъ служебной политики, пойдутъ по требуемому пути, а третьи, замкнувшись въ себя, станутъ молча созерцать происходящее, не оказывая на него вліянія, и тогда станетъ невозможною даже такая картина, какъ прошедшая предъ нами въ только-что закончившемся засѣданіи. Одно измѣненіе личнаго состава—такое орудіе, которое подѣйствуетъ сильнѣе самой убѣдительной аргументаціи, потому что при помощи его можно, взамѣнъ основательнѣйшей оппозиціи, получить группу людей, готовыхъ ловить на лету каждое желаніе, не стѣсняясь законностью и не задумываясь надъ судьбами дѣла. Для дорожащихъ этими судьбами, дальнѣйшая дѣятельность утрачивала привлекательность, коль скоро упадала надежда на результаты личныхъ усилій. Возникала мысль: „надо уходить изъ края“, хотя, съ другой стороны, чувствовалась еще потребность выждать нѣкоторое время, чтобы увидѣть, въ какой мѣрѣ слышанныя рѣчи отразятся на дѣловой практикѣ и что̀ еще можно будетъ сдѣлать для остатковъ крестьянскаго дѣла.

Съ отъѣздомъ генералъ-губернатора, разъѣхались и мы по своимъ мѣстамъ, и на нѣкоторое время все затихло. Однако скоро пришла непріятная вѣсть объ участи Ушинскаго. Едва онъ появился въ имѣніяхъ К., чтобы взяться за порученное ему разслѣдованіе, какъ успѣлъ уже чѣмъ-то не угодить протежируемымъ интересамъ, и ему была прислана изъ Кіева отставка безъ объясненій. Это была у насъ первая жертва новаго направленія. На мѣсто Ушинскаго, членомъ губернскаго присутствія назначенъ былъ одинъ изъ самыхъ безличныхъ и малоспособныхъ работниковъ прежняго времени, наиболѣе подходившій къ типу умножавшихся тогда въ нашихъ рядахъ чиновниковъ. Пошли новыя вѣсти о мудрованіяхъ надъ отдѣльными дѣлами и въ то же время начались опыты посылки изъ Кіева въ разныя селенія чиновниковъ для дознаній. Насколько бывало основательности въ поводахъ къ тому, сколько получалось толку отъ такихъ дознаній и какія избирались при этомъ орудія — образецъ этого скоро пришлось встрѣтить мнѣ самому.

Въ концѣ лѣта получилъ я извѣстіе, что изъ Кіева посылается въ мой уѣздъ для дознанія по двумъ дѣламъ состоящій

при генералъ-губернаторѣ чиновникъ по крестьянскому дѣлу, Красовскій. Одно дѣло было о маленькомъ участкѣ земли въ имѣніи ординарнаго помѣщика, гдѣ устройство крестьянъ производилось безъ моего участія повѣрочнымъ отдѣленіемъ, а другое —опять о тѣхъ самыхъ усадьбахъ В., о которыхъ происходили описанныя выше объясненія въ присутствіи генералъ-губернатора. Меня не удивило разслѣдованіе по первому дѣлу, какъ новому, но оставалось вполнѣ загадочнымъ, къ чему можетъ привести дознаніе по второму, когда это дѣло вполнѣ разъяснилось еще въ Каменцѣ, гдѣ помѣщикъ изложилъ все, что̀ могъ сказать, а генералъ-губернаторъ въ заключеніе моихъ объясненій уже согласился съ ихъ юридическою основательностью. Останавливалъ на себѣ вниманіе и выборъ назначеннаго для дознанія лица. Красовскаго я зналъ раньше; это былъ состоятельный малороссійскій помѣщикъ, служившій изъ почета и достигшій уже большого чина, пожилой толстякъ, большой гастрономъ, бонвиванъ, говорунъ, много разсказывавшій о своихъ служебныхъ подвигахъ, но среди окружающихъ вовсе не имѣвшій репутаціи дѣльнаго чиновника. Что̀ новаго могъ онъ „дознать“ объ усадьбахъ В.? Ужъ не было ли назначеніе этого дознанія однимъ дипломатическимъ актомъ наружнаго вниманія къ претензіямъ титулованнаго владѣльца В., безъ достаточно серьезной цѣли? И точно, процессъ дознанія оказался весьма своеобразнымъ.

Въ одинъ изъ сентябрьскихъ вечеровъ подъѣхала къ моей квартирѣ дорожная карета. Изъ нея вышелъ Красовскій, и я сейчасъ же пригласилъ его остановиться у меня. Весь вечеръ провели мы въ неумолкавшихъ разговорахъ, причемъ гость мой такъ увлекся разсказами о своихъ служебныхъ дѣяніяхъ, что не могъ уже утаить ни одной шевелившейся въ немъ мысли. Показавъ мнѣ относившіяся къ предмету дознанія бумаги, онъ затѣмъ вытащилъ изъ портфеля и демонстрировалъ съ воспоминательными комментаріями еще кучу другихъ, касавшихся прежнихъ его командировокъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ, а въ порывѣ дальнѣйшей откровенности сообщилъ по секрету и нѣсколько совсѣмъ интимныхъ документовъ. Между ними оказались обширныя конфиденціальныя письма на французскомъ языкѣ, которыми В. бомбардировалъ кн. Дондукова независимо отъ формальныхъ жалобъ. Расплываясь въ краснорѣчіи, В. давалъ тутъ очень нелестную аттестацію и моему вредному направленію, и моимъ личнымъ способностямъ, а для вящей убѣдительности прибавлялъ, что я тайно агитирую противъ самого кн. Дондукова, помѣщая въ газетахъ осуждающія его статьи и со-

ставляя крестьянамъ жалобы на его дѣйствія въ высшія учрежденія. Въ заключеніе В. рекомендовалъ уже и своего кандидата на мое мѣсто. Откуда почерпалъ онъ свѣдѣнія о моей закулисной дѣятельности—догадываться было трудно, но нельзя было не полюбоваться такимъ достойнымъ пріемомъ, какъ личное натравливаніе начальства секретными наговорами въ дѣлѣ собственнаго интереса. Вотъ съ чѣмъ приходилось считаться! Правда, Красовскій прибавлялъ, что Дондуковъ уже тяготился частыми надоѣданіями В.; однако, соображая безцѣльность дознанія объ усадьбахъ, не мудрено было задаться вопросомъ: ужъ не въ этой ли конфиденціальной перепискѣ настоящая причина дознанія?

Стали мы намѣчать планъ дѣйствій для слѣдующаго дня, и Красовскій высказалъ такія соображенія:

— Видите, я думаю всего лучше будетъ сдѣлать такъ. Завтра утромъ поѣдемъ вмѣстѣ къ В., а передъ тѣмъ прикажемъ забрызгать грязью мою карету, чтобы дѣло имѣло видъ, будто я прямо изъ Кіева, не останавливаясь, направился къ нему для дѣла, заѣхавъ по дорогѣ только за вами. Это, знаете, производитъ свой эффектъ. А какъ мы пріѣдемъ—тутъ видно станетъ, что̀ надо дальше дѣлать.

— Выпачкать грязью карету, конечно, можно, — отвѣтилъ я,—но въ домъ къ В., при нашихъ отношеніяхъ и послѣ его наушничества, я не поѣду. Поэтому предложу немного иначе: отправимся вмѣстѣ до этого селенія, тамъ вы меня выпустите у волостного правленія, а сами поѣзжайте въ своей каретѣ къ В. и бесѣдуйте съ нимъ сколько угодно. Если же я на что-нибудь буду нуженъ—найдете меня въ волостномъ правленіи.

Убѣждалъ-было меня Красовскій, что въ моемъ визитѣ къ В. не будетъ „ничего такого", но наконецъ согласился, и на слѣдующее утро такъ мы и сдѣлали. Я вышелъ изъ экипажа у волостного правленія и на досугѣ занялся ревизіею дѣлопроизводства, а Красовскій покатилъ къ помѣщичьему дому. Не долго, однако, пришлось мнѣ ревизовать. Какая бесѣда происходила въ помѣщичьемъ домѣ, я не знаю, но, спустя примѣрно около часа, знакомая карета опять появилась предъ волостнымъ правленіемъ, и изъ нея вышли В. и Красовскій. Съ первымъ мы обмѣнялись молчаливымъ поклономъ на приличномъ разстояніи, а затѣмъ послѣдовала сцена, не чуждая даже нѣсколько комическаго характера. Въ комнатѣ волостного правленія я и В. стали одинъ противъ другого на нѣкоторой дистанціи, а между нами сталъ въ полуоборотъ Красовскій, являя собою какъ бы посредника.

— Вотъ видите, В. говоритъ то-то и то-то, и въ самомъ

дѣлѣ хорошо бы перемѣнить эти усадьбы! — обратился ко мнѣ тономъ убѣжденія Красовскій.

— Этого нельзя сдѣлать потому-то и потому-то,—отвѣтилъ я ему.

— Да, да, дѣйствительно тутъ есть такія затрудненія...—и Красовскій тѣмъ же убѣждающимъ тономъ повторилъ мои слова буквально, обратившись къ В.

Послѣдній подалъ свою реплику, обращаясь къ Красовскому же; тотъ повторилъ ее, обернувшись ко мнѣ; далѣе я снова отвѣтилъ тѣмъ же порядкомъ; потомъ новое повтореніе и т. д. И я, и В. не сказали прямо одинъ другому почти ничего, каждый обращался къ лицу Красовскаго, а онъ, стоя между нами, бралъ на себя трудъ повторять каждую рѣчь, направляя ее по адресу противной стороны и не прибавляя отъ себя ничего, словно исполнялъ роль переводчика. При этомъ ни В. не высказалъ ничего новаго противъ своихъ прежнихъ заявленій, ни я не прибавилъ ни одной черты къ мотивамъ, выраженнымъ еще въ засѣданіи съ генералъ-губернаторомъ. Такъ поговорили нѣкоторое время,—разумѣется, ни до чего не договорились, и осталось только разойтись. Вотъ въ чемъ состояло „дознаніе", послѣ котораго мы съ Красовскимъ вернулись въ городъ, въ его каретѣ, и, переночевавъ у меня, отправились на слѣдующій день къ другому дознанію.

Немногимъ отъ перваго отличалось и это второе дознаніе, произведенное тоже чуть не въ полчаса: выслушались претензіи, раньше извѣстныя изъ бумагъ, и повторились объясненія, выраженныя прежде въ перепискѣ. Осталось вопросомъ—стóило ли изъ-за этого ѣздить изъ Кіева съ особыми полномочіями и тревожить стороны? Правда, внѣшній эффектъ административнаго участія къ интересамъ жалобщиковъ былъ на нѣкоторое время произведенъ, но сколько потомъ ни наводилъ я справокъ и въ губерніи, и въ генералъ-губернаторской канцеляріи,—не узналъ ровно ничего о послѣдствіяхъ описанныхъ дознаній. Чтó о нихъ было доложено и было ли что-нибудь доложено начальству—слѣды этого затерялись въ пространствѣ, а на мѣстахъ жительства сторонъ ждали рѣшеній, ждали... и—по крайней мѣрѣ въ теченіе всего моего дальнѣйшаго пребыванія въ уѣздѣ—не дождались ничего.

III.

Тормазъ и мудрованія.

Прошелъ цѣлый годъ новаго управленія. Фактовъ и впечатлѣній накопилось уже столько, что становилась возможною общая характеристика устанавливавшагося положенія.

Реакція была очевидна, но по силѣ своей она все-таки значительно уступала развернувшейся одновременно въ сосѣднемъ сѣверо-западномъ краѣ. Тамъ Потаповъ напиралъ грубо, гнулъ круто, вмѣстѣ съ упрямствомъ проявлялъ самонадѣянность. Независимо отъ самостоятельныхъ распоряженій въ краѣ, онъ двигалъ и законодательнымъ путемъ проекты такой ломки вполнѣ законченныхъ крестьянскихъ дѣлъ, что своею неумѣренностью вызвалъ наконецъ въ законодательныхъ сферахъ оппозицію, которая нѣсколько ограничила его размахи. А въ юго-западномъ краѣ при Дондуковѣ дѣло велось осторожнѣе. Скользкій законодательный путь избѣгался, новое направленіе примѣнялось насколько можно домашними средствами, словно втихомолку, и превышенія власти ограничивались дѣлами, еще не успѣвшими выйти изъ сферы мѣстныхъ учрежденій, такъ что самое существованіе неправильностей могло обнаруживаться развѣ крестьянскими жалобами въ Петербургъ, далеко не всегда возможными. Вообще, если въ тогдашнихъ виленскихъ и кіевскихъ стремленіяхъ была однородность по существу, то въ Кіевѣ для проведенія ихъ было меньше энергіи и систематичности. Многое говорилось генералъ-губернаторомъ по случайному настроенію, не переходя въ дѣло, а казавшіяся категорическими требованія и внушенія иногда забывались, также какъ личныя обѣщанія, почему не все слышимое слѣдовало принимать въ серьёзъ. Иногда случались даже проблески участія къ крестьянамъ, когда ужъ слишкомъ надоѣдала претенціозность противной стороны. Для совѣщательнаго же и исполнительнаго персонала, въ кругу кіевскихъ довѣренныхъ лицъ требуемаго направленія, все не находилось способныхъ людей. Дѣйствіе генералъ-губернаторской власти отражалось главнымъ образомъ на отдѣльныхъ дѣлахъ, и хотя крестьянскіе интересы при этомъ страдали, но вслѣдствіе незначительности числа неконченныхъ дѣлъ подобные примѣры, въ отношеніи къ общей массѣ крестьянскаго дѣла, представлялись какъ бы наружными уколами, щипкàми или мелкими ампутаціями спорадическаго характера. Словомъ, при всей непріятной осязательности,

юго-западная реакція была сравнительно вялая, легкомысленная, безтолковая. Она больше томила, изводила, чѣмъ разрушала.

Успѣшно двигаться при такихъ условіяхъ дѣло, конечно, не могло ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи, но зато тормазить его постоянными мудрованіями удавалось превосходно, какъ это въ концѣ года рельефно представили оффиціальные цифровые итоги. Въ то время вѣдомости о ходѣ выкупныхъ актовъ публиковались періодически, и изъ сравненія ихъ, между прочимъ, получилось слѣдующее: за годовой періодъ изъ всѣхъ трехъ губерній представлено было въ выкупное учрежденіе только 162 акта, тогда какъ въ Безаковское время, за три съ половиною года, ихъ туда пришло болѣе 6 тысячъ (т.-е., среднимъ числомъ, около 1.800 въ годъ). Но и этотъ итогъ образовался главнымъ образомъ въ первые мѣсяцы, до фактическаго вступленія новаго генералъ-губернатора въ управленіе краемъ, т.-е. подъ вліяніемъ прежняго порядка. За фактическое же время этого управленія, съ 1 марта по 1 ноября, т.-е. за восемь мѣсяцевъ, представлено было въ Петербургъ едва 12 актовъ! Выдающійся тормазъ, такимъ образомъ, являлся основною чертою новаго положенія. Замѣчательно, что отсутствіемъ успѣха отличался и ходъ разверстаній, несмотря на все благопріятствованіе имъ со стороны кіевскаго начальства и порывы усердія нѣкоторыхъ представителей мировыхъ учрежденій, сказывавшіеся особенно въ первое время. За тѣ же восемь мѣсяцевъ, по даннымъ вѣдомостей, выходило 67 разверстаній, тогда какъ въ предъидущее время число полныхъ разверстаній и частныхъ земельныхъ обмѣновъ по добровольнымъ соглашеніямъ значилось 1.686, т.-е. на каждый годъ приходилось по нѣскольку сотъ. Уже отсюда было видно, какъ плохо вызовъ дѣйствительной добровольности поддается торопливымъ стараніямъ и начальственной настойчивости. Съ одной стороны эта настойчивость будила въ крестьянахъ подозрительность, а съ другой—не оставалось безъ вліянія и то, что многіе помѣщики, надѣясь на усиленную начальственную помощь разверстаніямъ, становились при сдѣлкахъ скупѣе на уступки въ пользу крестьянъ, и соглашенія шли туго. Въ это время я встрѣтилъ даже такого помѣщика, который, добиваясь разверстанія, не самъ былъ готовъ на уступки, а претендовалъ еще на полученіе вознагражденія отъ крестьянъ, т.-е. на приплату къ имъ же получаемой отъ нихъ выгодѣ.

Одновременно съ такими неказистыми итогами, очень уже чувствовались итоги личныхъ перемѣнъ. Въ нашей губерніи къ концу года ушелъ губернаторъ Горемыкинъ, постоянно участливо

относившійся къ крестьянскому дѣлу. Онъ возвратился въ военное вѣдомство, а на его мѣсто былъ назначенъ гражданскій чиновникъ кн. Мещерскій, для крестьянскаго дѣла частью безцвѣтный, частью тянувшій въ новомъ направленіи, но заявлявшій себя преимущественно выраженіемъ властолюбія и капризами. Чиновниковъ онъ безпощадно увольнялъ за дѣло и безъ дѣла, наводя на нихъ трепетъ, но замѣняя ихъ вовсе не лучшими, такъ что при немъ стали выплывать откуда-то чиновники, положительно напоминавшіе старинныхъ героевъ Щедринскихъ „Губернскихъ очерковъ", считавшихся-было уже исчезнувшими, но—какъ обнаружилось—еще сохранившихся въ какихъ-то складахъ, гдѣ ихъ и отыскивала чья-либо протекція. Съ мировыми же учрежденіями, поставленными болѣе самостоятельно, этотъ губернаторъ дѣйствовалъ вызывающе, впадая въ задирчивыя пререканія. Въ составъ мировыхъ съѣздовъ, одинъ за другимъ, тоже вдвигались люди новаго типа, которые болѣе и болѣе разсиропливали наше учрежденіе,—да и прежнія сравнительно темныя силы, державшіяся пассивно, начали поднимать голову, поддѣлываясь къ новымъ вѣтрамъ, такъ что почувствовалась уже немалая рознь. Старый духъ учрежденія замѣтно угасалъ, а въ новыхъ людяхъ, при отсутствіи оживляющаго участія къ самому дѣлу, сказывались или та бездушная исполнительность, которая такъ рекомендовалась сверху, или влеченіе къ бездѣлью, а иногда проявлялись даже поползновенія къ прямымъ злоупотребленіямъ, скоро породившія эффектные инциденты. И не мудрено: гдѣ нѣтъ участія къ населенію, тамъ этому мотиву нечѣмъ замѣниться, кромѣ неразборчиваго инстинкта личнаго интереса.

Среди такой обстановки, мое положеніе въ дѣловомъ отношеніи было еще сравнительно лучшимъ, потому что всѣ выкупные акты моего уѣзда удалось провести еще при Безакѣ, такъ что въ селеніяхъ, которыхъ они касались, могли возникать вопросы развѣ о немногихъ мелкихъ кусочкахъ земли, которыхъ коснулось недоразумѣніе при введеніи актовъ въ дѣйствіе. Но если просторъ для новыхъ опытовъ былъ невеликъ въ этихъ селеніяхъ, то меня сильно безпокоило положеніе дѣлъ о старыхъ выкупныхъ договорахъ 1861—1863 годовъ (о нихъ говорилъ, какъ выше объяснено, Ушинскій), какихъ въ моемъ уѣздѣ оставалось еще безъ исправленія болѣе десятка и которыми крестьянскіе интересы затрогивались очень чувствительно. Дѣла эти начаты были тоже при Безакѣ, но не успѣли закончиться къ моменту его смерти. О нѣкоторыхъ шли уже переговоры съ помѣщиками, когда все остановилось изъ-за кіевской административной перемѣны. Гдѣ помѣ-

щики прежде соглашались почти на полное удовлетвореніе нарушенныхъ крестьянскихъ правъ, тамъ они перестали давать отвѣты или выражали увѣренность, что все сохранится какъ было, а между тѣмъ ни отъ генералъ-губернатора, ни изъ губернскаго присутствія объ этихъ дѣлахъ не приходило никакихъ вѣстей,—словно они затерялись. Только по одному какъ-то осенью обнаружилось нѣчто въ родѣ движенія, да и то въ совершенно исключительной формѣ. Явился ко мнѣ управляющій титулованной помѣщицы и доставилъ письмо кн. Дондукова. Послѣдній, увѣдомляя меня, что помѣщица для удовлетворенія крестьянъ согласна уступить имъ 70 десятинъ земли, прибавлялъ, что, принимая участіе въ ея положеніи, онъ проситъ оказать все возможное съ моей стороны содѣйствіе окончанію ея дѣла. Между тѣмъ, крестьянамъ слѣдовало слишкомъ въ пять разъ больше. Послѣ такого письма, пришлось мнѣ вступить въ личныя объясненія съ помѣщицею; но такъ какъ она рѣшительно отказывалась отъ всякихъ дальнѣйшихъ уступокъ, распространяясь только о полученныхъ ею генералъ-губернаторскихъ обѣщаніяхъ, то изъ нашихъ переговоровъ ничего не вышло, и это дѣло осталось въ такомъ же неопредѣленномъ состояніи, какъ и прочія. Не могъ, конечно, не остановить на себѣ вниманія такой пріемъ, какъ письменное увѣдомленіе объ участіи начальства къ интересамъ одной изъ спорящихъ сторонъ, переданное притомъ частнымъ образомъ, черезъ помѣщичьи руки, но несущественность этого пріема впослѣдствіи разъяснена была мнѣ самимъ генералъ-губернаторомъ. По его словамъ, упомянутая помѣщица, отличаясь чрезвычайною докучливостью и не заслуживая похвалъ въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, успѣла такъ надоѣсть ему своими приставаніями, что почти вырвала у него то письмо, которое было ею мнѣ переслано чрезъ управляющаго, между тѣмъ какъ самъ онъ признаетъ, что уступаемыхъ 70 десятинъ въ этомъ дѣлѣ мало.

Сдѣлать что-нибудь серьезное по вопросу о договорахъ или даже хотя выяснить будущность этого дѣла очевидно можно было только черезъ генералъ-губернатора же, такъ какъ губернская инстанція потеряла уже способность ко всякой инціативѣ. Правда, смущало воспоминаніе объ оппозиціи кн. Дондукова, выразившейся еще весною непріязненными репликами Ушинскому въ Каменцѣ; но, принимая во вниманіе нѣкоторые другіе факты, показывавшіе, что не всякимъ рѣчамъ надо придавать полное значеніе, нельзя было отказываться отъ попытокъ дѣйствованія въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что иначе слишкомъ годовая затяжка дѣлъ грозила обра-

титься въ безсрочную. И вотъ зимою, взявъ отпускъ въ Петербургъ уже для заблаговременной подготовки себѣ возможности такъ устроиться, чтобы покинуть ставшій непріятнымъ юго-западный край, я съ этою цѣлью задержался, по пути, въ Кіевѣ на нѣсколько дней.

Сейчасъ по пріѣздѣ туда, направился я въ генералъ-губернаторскую канцелярію и сталъ наводить справки у приставленнаго къ крестьянскому дѣлу знакомаго чиновника Безаковскаго времени. На вопросъ—въ какомъ положеніи находятся мои дѣла о выкупныхъ договорахъ—онъ, указывая на одинъ изъ стоявшихъ въ сосѣдней комнатѣ столовъ, отвѣтилъ:

— А вотъ, всѣ они лежатъ тутъ, на этомъ столѣ. Здѣсь ихъ и найдете.

Я подошелъ къ столу, началъ перебирать, и точно—знакомыя дѣла всѣ лежатъ кучею, одно на другомъ, и находящіяся въ нихъ бумаги сложены въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были при выходѣ изъ моихъ рукъ. И эта кучка уже подернулась пылью.

— Но что же съ ними здѣсь дѣлается? Какое они получаютъ направленіе?

— Какъ пришли въ канцелярію,—отвѣчалъ чиновникъ,—такъ и попали на этотъ столъ, и покоятся неподвижно. Никто о нихъ не спрашиваетъ, никто ими не интересуется, а сколько имъ еще тутъ лежать—этого я не знаю, да врядъ ли кто здѣсь и можетъ вамъ это объяснить.

Предвѣстіе—неладное, еще сильнѣе побуждавшее обратиться къ источнику движенія. На другой или на третій день отправился я въ пріемную генералъ-губернатора. Публики почти не было, а кн. Дондуковъ, видимо, находился въ хорошемъ настроеніи. Онъ немедленно позвалъ меня въ кабинетъ, былъ очень разговорчивъ и привѣтливъ, такъ что слѣдовъ прошлогоднихъ неудовольствій не было замѣтно. Послѣ разспросовъ о причинахъ моего пріѣзда и тому подобнаго, рѣчь сосредоточилась на положеніи дѣла въ моемъ уѣздѣ. Объяснивъ, что все болѣе или менѣе обстоитъ благополучно, я прибавилъ, что крупнымъ исключеніемъ, однако, представляется состояніе дѣлъ объ исправленіи договоровъ: сущность каждаго дѣла вполнѣ выяснена, крестьяне напряженно ждутъ исхода своихъ жалобъ, а между тѣмъ ничто не двигается впередъ и мѣсяцы за мѣсяцами проходятъ безрезультатно.

— Но гдѣ же эти дѣла и чѣмъ именно задерживаются?—спросилъ генералъ-губернаторъ.

— Теперь они въ канцеляріи в. с—ва,—отвѣчалъ я.—По-

мѣщикамъ сдѣланы были предложенія о необходимыхъ уступкахъ для удовлетворенія крестьянскихъ претензій, нѣкоторые давно согласились и покончили все, но остальные не говорятъ ни да, ни нѣтъ. Выходомъ изъ такого неопредѣленнаго положенія можетъ быть одно изъ двухъ: или добровольныя помѣщичьи уступки, или представленіе договоровъ къ уничтоженію въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что̀ зависитъ отъ в. с—ва.

— Объясните же мнѣ, отчего помѣщики не соглашаются, если другіе прежде согласились?—продолжалъ спрашивать кн. Дондуковъ.

— Другое время было, а теперь у помѣщиковъ возникли новыя надежды, которыя они иногда и высказываютъ. Откуда-то распространилось мнѣніе, будто вы не сочувствуете примѣненію закона 28 апрѣля 1865 года объ исправленіи договоровъ, и оттого многіе считаютъ этотъ законъ какъ бы потерявшимъ практическую силу. А изъ надежды на его бездѣйствіе выходитъ разсчетъ на возможность сохранить все по старому, слѣдовательно обойтись безъ уступокъ. Вотъ главная причина застоя дѣлъ.

Генералъ-губернаторъ нѣсколько задумался, нахмурился, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Но если помѣщики такъ думаютъ, то они ошибаются. Они меня не понимаютъ, я вовсе не противъ удовлетворенія крестьянъ, гдѣ они обижены, и желаю, чтобы неправильные договоры были исправлены.

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—отозвался я,—но для дѣла очень важно, чтобы желаніе в. с—ва исправить договоры было выражено вполнѣ опредѣленно и получило наибольшую извѣстность. Какъ только помѣщики увидятъ ваши дѣйствительныя намѣренія, какъ только твердое предложеніе объ уступкахъ они услышатъ именно отъ васъ и убѣдятся, что въ случаѣ ихъ несогласія вы готовы повести дѣло дальше—такъ исчезнетъ самый источникъ неосновательныхъ слуховъ и это всего сильнѣе поможетъ дѣлу.

— Да, да, тутъ дѣйствительно надо что-нибудь сдѣлать,—произнесъ въ раздумьи генералъ-губернаторъ:—надо разсѣять заблужденія, только какъ именно это лучше сдѣлать...

Въ такомъ родѣ разговоръ у насъ затянулся. Я старался обрисовать положеніе порельефнѣе, приводилъ частные примѣры, и, сверхъ ожиданія, мнѣ удалось возбудить въ генералъ-губернаторѣ вниманіе къ заброшенному въ его управленіи вопросу и

убѣдить въ необходимости дать послѣднему серьезный толчокъ. Можетъ быть, тутъ помогъ и предъидущій годовой опытъ управленія, нѣсколько ослабившій предвзятыя представленія, привезенныя Дондуковымъ въ Кіевъ; можетъ быть, пособило настроеніе даннаго момента, но—такъ или иначе—мнѣ пришлось ощутить нѣкоторый успѣхъ аудіенціи. Наша бесѣда о способахъ разсѣянія заблужденій завершилась предложеніемъ со стороны генералъ-губернатора такой комбинаціи:

— Весною я опять примусь объѣзжать губерніи и буду въ вашемъ уѣздѣ. Подготовьте къ этому времени, насколько можно, тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ касаются выкупные договоры, а когда я пріѣду—пригласите ихъ ко мнѣ для объясненій. Я положительно выскажу имъ, что они должны сдѣлать необходимыя уступки крестьянамъ, что я на этомъ настаиваю и, въ случаѣ ихъ несогласія, не затруднюсь представить дѣла въ главный комитетъ. А у васъ пусть будутъ готовы всѣ нужныя данныя, для обсужденія—на какихъ условіяхъ слѣдуетъ исправить каждое дѣло, и такъ вѣроятно мы достигнемъ существеннаго успѣха.

Мнѣ осталось уйти въ состояніи нѣкотораго ободренія, ѣхать въ Петербургъ, а по возвращеніи оттуда ждать новой встрѣчи съ генералъ-губернаторомъ.

Дѣйствительно, въ концѣ апрѣля 1870 года, кн. Дондуковъ прибылъ въ мой уѣздный городъ съ значительною свитою, въ которой находился и новый губернаторъ. Онъ не забылъ своего обѣщанія, и послѣдствія наглядно показали, что дѣйствительно весь тормазъ происходилъ отъ возлагавшихся на него одностороннихъ надеждъ. На этотъ разъ выкупные договоры наконецъ подвинулись.

Встрѣча у насъ опять вышла очень миролюбная. За обѣдомъ шли анекдоты, остроты и тому подобное, хотя не обошлось и безъ знакомыхъ попытокъ запускать шпильки. Разсказывая о посѣщеніи разныхъ уѣздовъ, кн. Дондуковъ, обращаясь ко мнѣ, высказалъ, что, по вынесеннымъ имъ впечатлѣніямъ, въ устройствѣ крестьянъ и развязкѣ ихъ счетовъ съ помѣщиками вообще слишкомъ многое зависѣло отъ личныхъ взглядовъ мировыхъ посредниковъ:

— Въ одномъ мѣстѣ,—говорилъ онъ,—мировой посредникъ смотритъ на дѣло такъ—и получается одинъ исходъ, а въ другомъ взглянетъ иначе—и выходятъ другіе результаты. Общей системы нѣтъ, и личный элементъ получалъ черезчуръ большое значеніе.

— Я не могу брать на себя характеристики другихъ съѣз-

довъ,—отозвался я,—но что касается моего уѣзда, могу съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ дѣлѣ личность мирового посредника не имѣла такого рѣшающаго вліянія, потому что ни одно дѣло не разрѣшалось безъ моего ближайшаго руководительнаго участія. Худо или хорошо вышло, но за устройство каждаго селенія я принимаю отвѣтственность лично на себя.

— Да я вовсе и не имѣлъ въ виду вашего уѣзда,—сказалъ генералъ-губернаторъ,—я говорилъ о другихъ; у васъ же я увѣренъ, и т. д. Этимъ рѣчь на задѣтую тему прекратилась.

Послѣ обѣда я сталъ-было откланиваться, спрашивая указаній о дальнѣйшихъ занятіяхъ, но кн. Дондуковъ меня удержалъ. Бывшее за столомъ общество перешло въ другую комнату, гдѣ появились ликерныя рюмки, бокальчики и т. под., и пошла у насъ оживленная бесѣда за-просто. Генералъ-губернаторъ разговорился; выступили его административныя и иныя соображенія, разсказы объ испытываемыхъ имъ докучливыхъ претензіяхъ со стороны заинтересованныхъ въ дѣлахъ, досталось полякамъ и пр. инородцамъ, пошла передача впечатлѣній, полученныхъ при объѣздѣ, развернулись разныя личныя аттестаціи и т. д. Словомъ, разговоръ принялъ вполнѣ благодушный характеръ. На задаваемые мнѣ вопросы я долженъ былъ давать аттестаціи своимъ мировымъ посредникамъ, а при дальнѣйшемъ развитіи бесѣды кн. Дондуковъ сталъ даже спрашивать мое мнѣніе о представителяхъ другихъ мировыхъ съѣздовъ и нѣкоторыхъ губернскихъ чинахъ, и по словамъ его выходило, что мои отзывы замѣчательно совпадали съ его собственными впечатлѣніями. Мы засидѣлись до ночи, а при разставаніи условились, что на слѣдующее утро я доставлю всѣ справки и разсчеты для выводовъ, чтò именно долженъ уступить крестьянамъ каждый изъ вызванныхъ помѣщиковъ, а потòмъ представлю ему этихъ послѣднихъ, и мы начнемъ съ ними объясняться.

Такъ все и было сдѣлано. Около 9 часовъ утра въ пріемной уже было восемь или девять вызванныхъ помѣщиковъ; остальные не прибыли или за болѣзнью, или за отсутствіемъ въ уѣздѣ. Пройдя въ комнату, служившую временнымъ кабинетомъ генералъ-губернатора, я доложилъ послѣднему готовыя справки и разсчеты, и мы стали предварительно совѣщаться между собою. При этомъ вышло у насъ только одно разномысліе. Увидя, что по двумъ имѣніямъ незначительныхъ помѣщиковъ уступки проектированы очень небольшія, кн. Дондуковъ замѣтилъ мнѣ, что если отъ нихъ требовать такъ мало, то выйдетъ неравномѣрность, и другіе, уступая больше, сочтутъ себя обиженными, почему надо или отъ

этихъ двухъ потребовать больше, или сократить требованія въ отношеніи къ остальнымъ. Я возразилъ въ томъ смыслѣ, что равномѣрность тутъ невозможна по существу, такъ какъ размѣръ уступокъ находится въ зависимости отъ степени нарушенія крестьянскихъ интересовъ, и самая цѣль исправленія договоровъ состоитъ не въ наложеніи на помѣщиковъ извѣстной тягости, а въ возстановленіи нарушенныхъ правъ; въ двухъ же упомянутыхъ имѣніяхъ крестьянскіе интересы затронуты договорами слабо, да притомъ владѣльцы по малосостоятельности едва ли и въ силахъ дѣлать крупныя уступки. Но съ этимъ кн. Дондуковъ согласился не сразу.

— Однако, какъ хотите, все же это будетъ неравномѣрность,—сказалъ онъ,—и мы къ однимъ отнесемся мягче, а къ другимъ строже...

— Какъ угодно будетъ вашему сіятельству; я высказалъ, какъ дѣло представляется мнѣ.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ, подумавъ, кн. Дондуковъ,—въ такомъ случаѣ сдѣлаемте вотъ какъ: этихъ двухъ мы вызовемъ подъ самый конецъ, чтобы рѣшенія по ихъ дѣламъ не производили впечатлѣнія на другихъ, которые, глядя на нихъ, тоже могутъ заскупиться. А затѣмъ я попрошу васъ держаться такого порядка: сперва вызывайте тѣхъ, которые вамъ извѣстны, какъ болѣе уступчивые, покладистые. Въ такихъ дѣлахъ тоже много значитъ примѣръ. Первый уступитъ—и другіе за нимъ пойдутъ легче; первый заупрямится—и другіе замнутся.

Послѣ этого кн. Дондуковъ вышелъ въ пріемную, я представилъ ему помѣщиковъ, а онъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Высказавъ, что выкупные договоры составляютъ важный неоконченный остатокъ крестьянскаго дѣла, онъ прибавилъ, что пріѣхалъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ двинуть это дѣло, и прежде всего считаетъ долгомъ предложить имъ кончить все добровольными уступками, на которыя и надѣется.—Имѣйте въ виду,—сказалъ онъ,—что сегодня вы получаете возможность покончить все разомъ, но да будетъ вамъ также извѣстно, что если вы упустите этотъ случай, то я вынужденъ буду представить ваши договоры въ главный комитетъ, который, по всей вѣроятности, ихъ уничтожитъ, и тогда въ вашихъ имѣніяхъ произведена будетъ полная повѣрка уставныхъ грамотъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и тамъ, гдѣ договоровъ не было. Обдумайте все это и дайте мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Надѣюсь, вы поймете, что въ вашихъ собственныхъ интересахъ лучше теперь кончить добровольно, чѣмъ дождаться уничтоженія выкупныхъ договоровъ. За-

тѣмъ, для отдѣльныхъ объясненій каждый изъ васъ будетъ приглашенъ по очереди.

Мы вернулись въ кабинетъ, и тутъ установилась такая сцена: у трехъ сторонъ четыреугольнаго стола расположились кн. Дондуковъ, я и губернаторъ, а стулъ у четвертой стороны поочередно предоставлялся вызываемымъ на аудіенцію помѣщикамъ. Я вызвалъ перваго, объяснилъ ему, по предложенію генералъ-губернатора, сущность необходимыхъ съ его стороны уступокъ, и онъ съ двухъ словъ согласился.

— Отлично,—сказалъ ему кн. Дондуковъ,—ваше дѣло можно считать конченнымъ. Потрудитесь только сегодня же пожаловать къ предсѣдателю мирового съѣзда и выдать формальную подписку о принятыхъ вами условіяхъ, а затѣмъ уже сдѣлано будетъ распоряженіе о прирѣзкѣ крестьянамъ уступленной вами земли.

Помѣщикъ былъ отпущенъ. Тѣмъ же порядкомъ послѣдовалъ рядъ другихъ короткихъ аудіенцій. Иные слегка торговались, заявленія ихъ подвергаемы были моей критикѣ и, послѣ непродолжительныхъ объясненій, достигались соглашенія. Сильно заупрямился-было только одинъ нѣмецъ, папиросный фабрикантъ, пріобрѣвшій имѣніе за долгъ прежняго владѣльца, неосторожно у него закредитовавшагося по разнымъ денежнымъ обязательствамъ. Этотъ фабрикантъ все твердилъ, что такъ какъ договоръ съ крестьянами заключалъ не онъ, а прежній владѣлецъ, то почему же на него падаетъ расплата за послѣдняго? Свое пріобрѣтеніе имѣнія за обязательства фабрикантъ вполнѣ понималъ, но очень туго усвоивалъ понятіе, что и къ нему имѣніе перешло тоже со всѣми падавшими на него обязательствами, и пререканіе дошло уже до того, что утомленный кн. Дондуковъ съ раздраженіемъ сказалъ ему:—„Ну, видно, мы съ вами ни до чего не договоримся; не станемъ и времени терять; ваше дѣло пойдетъ въ главный комитетъ, у васъ будетъ повѣрка на общемъ основаніи, а теперь перейдемъ къ другимъ!"—Тутъ только фабрикантъ сдался и выразилъ согласіе, повторяя однако: „Ахъ, какъ непріятно расплачиваться, охъ, какъ непріятно"!..

Въ результатѣ, по одному или двумъ дѣламъ пришлось сдѣлать небольшія сбавки съ первоначальныхъ требованій, ради скораго конца, но въ общемъ все шло настолько успѣшно, что при данныхъ условіяхъ можно было быть этимъ довольнымъ. Въ теченіе какого-нибудь часа приводилось къ концу разомъ нѣсколько затянувшихся безпокойныхъ дѣлъ. Съ шестью помѣщиками было уже кончено, когда очередь дошла до самаго бо-

гатаго изъ нихъ и прижимистаго С—каго, составившаго два договора по двумъ большимъ селеніямъ, изъ которыхъ одно получило мало земли, а другому въ составъ выкупленнаго надѣла включено было изрядное пространство неудобныхъ для пользованія крутизнъ, обрывовъ и тому под. Этотъ помѣщикъ, на сдѣланныя ему предложенія, немного помолчалъ, а потомъ процѣдилъ, что вообще на уступки онъ согласенъ, но проситъ дать ему время подумать для окончательнаго опредѣленія, что̀ именно уступить. Между тѣмъ кн. Дондуковъ уже утомился переговорами и видимо спѣшилъ кончить. Выслушавъ заявленіе С—каго, онъ поспѣшилъ отвѣтить:—„Ну, въ такомъ случаѣ, вы подумайте, а потомъ пришлите вашъ отзывъ уже прямо ко мнѣ, въ Кіевъ".—Тѣмъ разговоръ съ С—кимъ кончился, задуманныя послѣднимъ условія избѣгли своевременной оцѣнки, и это принесло потомъ свои плоды.

Данная помѣщикамъ аудіенція заключилась. Въ неопредѣленномъ положеніи остались дѣла С—каго и тѣхъ помѣщиковъ, которые не явились по вызову. Кн. Дондуковъ торопился отъѣздомъ, всталъ съ мѣста, но вдругъ, съ видомъ что-то внезапно вспомнившаго, обратился ко мнѣ:

— Ахъ, я и забылъ... у меня есть еще болѣе десятка письменныхъ жалобъ на васъ отъ разныхъ помѣщиковъ... Какъ же съ ними быть? Времени такъ мало...

— При прежнемъ генералъ-губернаторѣ,—сказалъ я,—бывало такъ: онъ давалъ мнѣ подобныя жалобы, я дѣлалъ по нимъ краткія справки изъ дѣлъ и немедленно докладывалъ ему, а онъ, положивъ свои резолюціи, потомъ объявлялъ ихъ. Такой докладъ и теперь много времени не потребуетъ. Можетъ быть, по инымъ жалобамъ я смогу объясниться даже по памяти.

— Нѣтъ... это неудобно... все-таки выйдетъ задержка... Да ужъ лучше такъ: не въ службу, въ дружбу, возьмите эти жалобы къ себѣ, разсмотрите ихъ на досугѣ и какія слѣдуетъ резолюціи объявите жалобщикамъ отъ моего имени!—произнесъ генералъ-губернаторъ, отдавая мнѣ пачку исписанныхъ листовъ.

Вслѣдъ затѣмъ кн. Дондуковъ уѣхалъ со своею свитою изъ города. Въ тотъ же день помѣщики являлись ко мнѣ одинъ за другимъ и выдавали подписки о согласіи на принятыя ими условія. А еще черезъ нѣсколько дней я долженъ былъ разослать жалобщикамъ рядъ увѣдомленій въ такомъ родѣ: по разсмотрѣніи поданной вами такой-то жалобы, принимая во вниманіе то-то и то-то, генералъ-губернаторъ приказалъ объявить вамъ то-то и то-то.

IV.

Изморъ остатковъ.

Описанное выше разрѣшеніе участи выкупныхъ договоровъ существенно помогло дѣлу, но оказалось лишь кратковременною вспышкою генералъ-губернаторскаго участія къ крестьянскимъ интересамъ, и послѣ того опять пошли явленія прошлогодняго характера, т.-е. или односторонность, или рѣшенія „какъ-нибудь". Вмѣстѣ съ тѣмъ портились и установившіяся-было между нами миролюбныя отношенія, скоро смѣнившіяся противоположными, которыя уже не поправлялись до конца моего пребыванія въ краѣ.

Дѣло о выкупномъ договорѣ той помѣщицы, чрезъ управляющаго которой доставлено было мнѣ письмо генералъ-губернатора объ его участіи къ ея интересамъ, рѣшено было въ Кіевѣ только прибавкою къ 70-десятинной уступкѣ еще обязательства владѣлицы вносить за крестьянъ ежегодно по 300 рублей выкупного платежа, тогда какъ крестьянамъ не додано было болѣе 370 десятинъ земли и около тысячи четвертей запасного хлѣба. Много хлопотъ мнѣ потомъ доставило предупрежденіе здѣсь крестьянскаго сопротивленія власти [1]). Въ разныхъ уѣздахъ повторялись увольненія по наговорамъ, безъ объясненій причинъ. Прошлогоднее кіевское направленіе проявлялось и въ рядѣ другихъ частныхъ случаевъ, о которыхъ распространяться здѣсь не буду. На наши личныя отношенія не оставались безъ вліянія и мои конфликты съ губернаторомъ, который въ своихъ аггрессивныхъ попыткахъ тоже плохо считался съ закономъ и обстоятельствами, почему не разъ бывалъ вынуждаемъ къ отступленіямъ, возбуждавшимъ непріязненность. Ближайшимъ же поводомъ къ ухудшенію моихъ отношеній съ Кіевомъ была характерная исторія того самаго дѣла о выкупныхъ договорахъ С—каго, которое при разсказанной выше помѣщичьей аудіенціи у генералъ-губернатора подверглось, вмѣсто разрѣшенія, отсрочкѣ.

Примѣрно около двухъ мѣсяцевъ послѣ означенной аудіенціи пришло изъ губернскаго присутствія увѣдомленіе о рѣшеніи этого дѣла. С—кій, въ доставленномъ кн. Дондукову заявленіи, выразилъ согласіе, для окончанія дѣла по обоимъ договорамъ, внести на погашеніе крестьянскаго выкупного долга 10 тысячъ

---

[1]) См. главу III статьи „Крестьянское дѣло въ юго-зап. краѣ", февраль 1902 г.

рублей и подарить обоимъ селеніямъ около 300 десятинъ земли въ точно означенныхъ имъ границахъ; а генералъ-губернаторъ, не запросивъ предварительно мировой съѣздъ, поспѣшилъ признать эти уступки достаточными и рѣшилъ кончить на этомъ основаніи все дѣло. Такое рѣшеніе было передано съѣзду уже для исполненія.

Съ перваго взгляда, упомянутыя уступки дѣйствительно могли показаться достаточными, такъ какъ хотя при значительности селеній взносъ 10 тысячъ рублей понижалъ годовые крестьянскіе платежи лишь около 10 процентовъ, а всего на 600 руб., но даримая земля увеличивала площадь надѣла процентовъ на 15—20, тогда какъ земельный вопросъ былъ тутъ всего важнѣе. Настоящая суть дѣла, однако, состояла не въ числѣ даримыхъ десятинъ, а именно въ томъ, что онѣ назначались въ точно указанныхъ *границахъ*, причемъ это обстоятельство не обратило на себя въ Кіевѣ никакого вниманія. Надо было посмотрѣть, что̀ же именно находится въ этихъ границахъ? Справившись съ планами, я былъ пораженъ открытіемъ: тамъ оказались извилистые, прихотливыхъ фигуръ участки крутыхъ склоновъ, обрывовъ, водомоинъ, которые на старомъ помѣщичьемъ планѣ отмѣчены были и польскою надписью: „неужитки“, т.-е. неудобныя мѣста. Въ своемъ заявленіи генералъ-губернатору помѣщикъ, не распространяясь о наличномъ состояніи этихъ пространствъ, утверждалъ только, что даримая земля особенно годна для разведенія виноградниковъ, которые могутъ обогатить крестьянъ, хотя самъ онъ, будучи очень богатымъ и предпріимчивымъ владѣльцемъ, а также прекраснымъ хозяиномъ, за многіе годы владѣнія не собрался завести тамъ ни одного винограднаго куста. Не довольствуясь планами, поѣхалъ я еще для осмотра на мѣсто и тутъ поразился еще сильнѣе: предо мною были скалы, крутизны около 45 градусовъ подъема, изрытыя водою и наполненныя камнями площади и т. под. Словомъ, такой „подарокъ“ отзывался насмѣшкою, и трудно было сомнѣваться въ томъ, что объявленіе о немъ крестьянамъ вызоветъ въ нихъ только новое раздраженіе. Будь этотъ подарокъ предложенъ еще на аудіенціи или будь въ свое время запрошенъ о его цѣнности мировой съѣздъ—суть дѣла разъяснилась бы вд̀-время и рѣшеніе могло бы быть предупреждено, но ловкость хода С—каго въ томъ и состояла, что онъ провелъ свое дѣло въ Кіевѣ безъ мѣстной провѣрки его предложеній.

Что̀ тутъ было дѣлать? Исполненіе рѣшенія представлялось невозможнымъ. Обращаться же въ губернское присутствіе было

безплодно, такъ какъ оно неизбѣжно отвѣтило бы, что не считаетъ себя въ правѣ пересматривать рѣшеніе высшей, генералъ-губернаторской инстанціи. Сколько я ни передумывалъ, не отыскивалось другого исхода, какъ обратиться опять съ личными объясненіями къ генералъ-губернатору. Поѣхалъ я снова въ Кіевъ, и сейчасъ же по прибытіи туда направился къ генералъ-губернаторскому дому. Пріема тамъ въ это время не было; слуга объявилъ, что князь завтракаетъ, но, должно быть, скоро уже выйдетъ. Въ ожиданіи, принялся я шагать взадъ и впередъ по пустой пріемной залѣ, какъ вдругъ появился предо мною кн. Дондуковъ. Увидя меня, онъ съ удивленнымъ видомъ спросилъ, по какому случаю я здѣсь?

— Я пріѣхалъ доложить в. с—ву о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при исполненіи вашего рѣшенія по такимъ-то выкупнымъ договорамъ.

— Какія же тутъ могутъ быть затрудненія?—съ неудовольствіемъ спросилъ генералъ-губернаторъ.

— В. с—во признали возможнымъ удовлетворить крестьянъ тою землею, которую уступилъ помѣщикъ С—кій, но эта земля оказалась совершенно негодною.

— Позвольте, но вѣдь это дѣло мною уже рѣшено!—внушительно замѣтилъ мнѣ Дондуковъ.

— Да, оно рѣшено, только исполненіе этого рѣшенія представляется положительно невозможнымъ. — Тутъ я въ краткихъ словахъ объяснилъ, какъ помѣщикъ уступилъ землю въ точно указанныхъ границахъ, а тамъ только скалы и каменистыя мѣста, ни къ чему непригодныя, и въ заключеніе прибавилъ: — Конечно, какъ угодно будетъ в. с—ву, но положеніе такъ исключительно, что я не счелъ себя въ правѣ оставаться безучастнымъ, и пріѣхалъ доложить вамъ о немъ и просить вашихъ распоряженій.

Неудовольствіе явно выступило въ лицѣ Дондукова, да и дѣйствительно его положеніе вышло неловкимъ: рѣшить безъ справокъ—и вдругъ это рѣшеніе оказывается столь неудачнымъ! Къ тому же, въ эту минуту, сейчасъ послѣ завтрака, онъ не расположенъ былъ заниматься и видимо искалъ предлога скорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго вѣстника.

— Однако, заявляя мнѣ объ этомъ, вы, конечно, понимаете, что я не могу положиться на одни слова,—сказалъ онъ.—Нужны доказательства.

— Со мною портфель документовъ, и я готовъ подробно объясниться, когда вамъ будетъ угодно.

— Хорошо,—отрывисто отозвался генералъ-губернаторъ. — Скажите, долго ли вы пробудете въ Кіевѣ?

— Вся цѣль моего пріѣзда только въ томъ, чтобы объяснить это дѣло,—слѣдовательно, пробуду сколько для того потребуется, — отвѣчалъ я.

— Ну, такъ вотъ что̀ я вамъ предложу: сегодня я этимъ заниматься не могу, а завтра пожалуйте къ 8 часамъ вечера. У меня есть свое присутствіе, которое къ этому времени соберется, и тамъ вы все намъ объясните. Только еще разъ предваряю васъ, что въ виду такой серьезности вашего заявленія я жду доказательствъ, и вы должны имѣть ихъ при себѣ.

Мнѣ осталось прокоротать въ Кіевѣ болѣе сутокъ, а на слѣдующій день, за нѣсколько минутъ до восьми часовъ вечера, я былъ уже въ пріемной. Въ сосѣдней комнатѣ уже слышались голоса и замѣтно было движеніе, служившее признакомъ засѣданія. Немного погодя, дверь изъ этой комнаты отворилась и изъ нея прошелъ за чѣмъ-то въ пріемную Дондуковъ. Увидя меня, онъ произнесъ:

— А, вы уже здѣсь! Обождите, пожалуйста, нѣсколько минутъ, я сейчасъ попрошу васъ къ намъ. Кстати—документы ваши при васъ? Вамъ надо обстоятельно объясниться!

Отвѣтивъ утвердительно, я сталъ ожидать вызова. Послѣ двукратныхъ напоминаній о необходимости доказательствъ, о доставленіи документовъ, слѣдовало готовиться къ наиболѣе убѣдительному изложенію дѣла и встрѣчѣ съ требовательною, можетъ быть даже придирчивою критикою. Я сосредоточивалъ мысли на обстоятельствахъ своего дѣла,—однако все это оказалось напраснымъ, и мнѣ пришлось встрѣтить вовсе не то, что̀ я могъ предвидѣть. Какъ ни коротокъ былъ промежутокъ между послѣднимъ напоминаніемъ мнѣ о доказательствахъ и началомъ объясненій, генералъ-губернаторъ успѣлъ уже придумать способъ избавиться отъ разсмотрѣнія безпокойнаго дѣла.

Ждать мнѣ пришлось дѣйствительно лишь нѣсколько минутъ. Когда я былъ приглашенъ въ комнату засѣданія, то увидѣлъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ значительное собраніе знакомыхъ и незнакомыхъ состоявшихъ при немъ чиновъ. Всѣ они сидѣли вокругъ большого стола и тутъ происходилъ собственно докладъ чиновниковъ по текущимъ дѣламъ. Мнѣ предложено было занять мѣсто тутъ же и объяснить цѣль моего появленія. Но едва я успѣлъ выразить ее въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и взяться за портфель, какъ генералъ-губернаторъ вдругъ повелъ такую рѣчь:

— Знаете ли, я прихожу къ мнѣнію, что мы здѣсь не можемъ разсматривать вашихъ документовъ... Вѣдь какъ ни взглянуть на дѣло, такое разсмотрѣніе было бы внѣ общаго порядка. Вы миновали губернское присутствіе, тогда какъ вамъ слѣдовало обратиться прямо къ нему, а оно, признавъ ваши заявленія уважительными, представило бы уже мнѣ.

— Въ настоящемъ случаѣ, в. с—во, мнѣ нельзя было поступить такъ,—возразилъ я. — Положеніе совершенно исключительное. Дѣло рѣшено вами,—что̀ же можетъ отвѣтить мнѣ губернское присутствіе? Оно только сошлется на ваше рѣшеніе и подтвердитъ объ его исполненіи.

— А вы попробуйте,—настаивалъ генералъ-губернаторъ,— можетъ быть, оно поступитъ и иначе. Вѣдь какъ хотите, тутъ нарушеніе іерархическихъ отношеній. Конечно, предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ можетъ быть и удобно, пользуясь желѣзною дорогою, обращаться съ личными объясненіями непосредственно ко мнѣ, однако при такомъ порядкѣ губернская инстанція осталась бы въ сторонѣ отъ дѣла.

Принялся я подробнѣе объяснять, что обойти губернское присутствіе было для меня дѣломъ вынужденнымъ; что обращаться къ нему значило бы завѣдомо идти на безрезультатность, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія въ его отказѣ отъ пересмотра рѣшеннаго дѣла, и что дать послѣднему движеніе можетъ только генералъ-губернаторская иниціатива; между тѣмъ, необходимо скорѣе выйти изъ столь остраго положенія на такой путь, который обѣщаетъ привести къ существенному исходу, устраняя промедленіе изъ-за напрасной переписки, и т. д. Кн. Дондуковъ нѣкоторое время продолжалъ возражать съ принятой имъ іерархической точки зрѣнія, я—доказывать, и наконецъ онъ, чтобы покончить объясненія, сдѣлалъ уступку:

— Хорошо; чтобы устранить ваши опасенія и вмѣстѣ соблюсти должный порядокъ, пусть будетъ такъ: поѣзжайте обратно, представьте ваше дѣло со всѣми необходимыми данными въ губернское присутствіе и при этомъ сообщите, что вы докладывали мнѣ объ этомъ дѣлѣ и дѣйствуете по моему указанію.

Я выразилъ еще нѣкоторыя сомнѣнія и добился новой прибавки:

— Ну, въ такомъ случаѣ, уполномочиваю васъ передать губернскому присутствію отъ моего имени, чтобы оно вошло въ новое разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла, не стѣсняясь состоявшимся моимъ рѣшеніемъ!—сказалъ генералъ-губернаторъ.

Мнѣ осталось уложить свои неразсмотрѣнныя бумаги въ

портфель, откланяться и покинуть засѣданіе, въ которое я былъ вызванъ и куда мнѣ, въ сущности, не зачѣмъ было являться, потому что полученное мною указаніе генералъ-губернаторъ могъ дать мнѣ и безъ всякихъ засѣданій. Существенное было во всякомъ случаѣ достигнуто, такъ какъ путь къ новому пересмотру дѣла расчистился, а разрѣшеніе не стѣсняться генералъ-губернаторскимъ рѣшеніемъ практически равнялось взятію этого рѣшенія назадъ. Недовольный тонъ начальства какъ бы оставался ни при чемъ.

Вернувшись домой, я немедленно поступилъ согласно данному указанію, и губернскому присутствію пришлось получить генералъ-губернаторское предложеніе отъ меня, словно іерархическій порядокъ выигрывалъ при этомъ больше, нежели при томъ возобновленіи дѣла изъ Кіева, о которомъ я просилъ. Вся практическая разница между обоими порядками оказалась лишь въ томъ, что видѣнное мною засѣданіе освободилось отъ лишняго дѣла въ тотъ вечеръ.

Губернское присутствіе вполнѣ согласилось съ моимъ представленіемъ, признавъ невозможнымъ кончить дѣло о выкупныхъ договорахъ С—каго на основаніи его „подарковъ", и представило о томъ въ Кіевъ. Тогда и генералъ-губернаторъ положилъ новое рѣшеніе: взамѣнъ неудобной земли, дорѣзать крестьянамъ удобную. Существо дѣла выиграло, но мнѣ пришлось уже поплатиться при этомъ за свою докучливость формальнымъ выраженіемъ начальственнаго неблаговоленія и недовѣрія, такъ какъ къ новому своему рѣшенію генералъ-губернаторъ прибавилъ еще распоряженіе: передать окончаніе дѣла о договорахъ С—каго изъ моего мирового съѣзда въ сосѣдній съѣздъ.

Исполненіе новаго рѣшенія потомъ изрядно затянулось, такъ что я уѣхалъ изъ края, не дождавшись окончанія этого дѣла. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, я слышалъ въ Петербургѣ отъ пріѣзжаго изъ губерніи, что дѣло это изъ сосѣдняго съѣзда переходило еще для дознаній къ члену губернскаго присутствія, и т. д., но въ окончательномъ результатѣ, послѣ длившихся годы мытарствъ, крестьяне все-таки получили какую-то земельную прирѣзку. За точность этого сообщенія, впрочемъ, ручаться не могу.

При такомъ ходѣ дѣлъ требовалось уже самое напряженное участіе, чтобы отстоять какой-либо существенный интересъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ крестьянскаго устройства. А такъ какъ это участіе погасало и въ измѣнявшемся составѣ мировыхъ учрежденій, то успѣхъ затруднялся одновременно извнѣ и изнутри. Съ одной стороны сдерживали, а съ другой—пере-

ставали двигать. Окружающій личный составъ парализовывалъ послѣдній интересъ оставаться въ краѣ. Новыя назначенія приносили все новыя физіономіи, и въ то же время измѣняли свой образъ дѣйствій нѣкоторые прежніе представители крестьянскихъ учрежденій, безразличные или политиканствовавшіе, такъ что пребываніе въ подобной сферѣ съ каждымъ мѣсяцемъ становилось тягостнѣе. Въ предъидущую эпоху много заботъ понадобилось для оживленія учрежденія, но гораздо легче оказывалось обезличить его, ухудшить; оживленіе же его въ другой разъ, послѣ такихъ поучительныхъ опытовъ, представлялось невѣроятнымъ, какъ успѣхъ Сизифовой работы. Проводившійся принципъ служебнаго равнодушія дѣлалъ свое дѣло, усиливая преобладаніе мотивовъ личнаго удобства или неразборчивой выгоды, что болѣе и болѣе отражалось также на дѣлѣ крестьянскаго управленія. На такой почвѣ чаще стали выростать некрасивыя дѣйствія, но, не распространяясь о нихъ, остановлюсь лишь на одномъ исключительномъ по яркости примѣрѣ.

Незадолго предъ моимъ отъѣздомъ изъ края, однажды заѣхали ко мнѣ по пути одинъ изъ старыхъ членовъ губернскаго присутствія и знакомый генералъ-губернаторскій чиновникъ. Они съ возмущеніемъ разсказали, что ѣдутъ въ ольгопольскій уѣздъ для разслѣдованія чрезвычайныхъ подвиговъ двухъ мировыхъ посредниковъ, С—го и М—на, о которыхъ вѣсти дошли до высшей администраціи. Первый изъ этихъ посредниковъ былъ молодой человѣкъ изъ новой формаціи и даже покровительствуемый въ Кіевѣ, а второй—изъ прежнихъ, но считавшихся безцвѣтными. Оба они, на досугѣ и вдали отъ административныхъ центровъ, по словамъ моихъ посѣтителей, соблазнились возможностью выгодной операціи: получали отъ помѣщиковъ въ разныхъ мѣстахъ участки земли въ пользованіе и обработывали ихъ крестьянскимъ трудомъ. Безплатная земельная аренда и даровой трудъ приносили имъ доходъ, какъ помѣщикамъ, только безъ расходовъ. Кромѣ того, они занялись торговлею крестьянскимъ запаснымъ хлѣбомъ. Разговаривая объ этихъ мерзостяхъ, мы дружно высказывались за необходимость самаго безпощаднаго преслѣдованія и были увѣрены, что оба героя очень скоро выступятъ предъ судомъ. Вышло, однако, не то. Когда злоупотребленія подтвердились и дошло до вопроса, какъ направить это дѣло дальше, то въ Кіевѣ выступила административная мягкость: обоимъ конфиденціально было предложено подать прошенія объ отставкѣ, и тѣмъ все кончилось. Такъ участь хищниковъ уравнена была съ участью члена губернскаго присутствія Ушинскаго, уволеннаго прежде за неподатливость

въ протежируемыхъ начальствомъ дѣлахъ (см. выше, главу II-ю). М—нъ скоро послѣ того умеръ, а С—кій выплылъ на какую-то другую арену дѣятельности, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось прочитать въ большой петербургской газетѣ тепло написанный его некрологъ, гдѣ прославлялась его безупречная жизнь и самая его служба мировымъ посредникомъ въ юго-западномъ краѣ выставлялась добрымъ служеніемъ народному благу. Интересно было прочитать эту аттестацію!

Мои воспоминанія доведены до той поры, когда процессъ крестьянскаго устройства на юго-западѣ сталъ уже терять характеръ массового движенія и исторія его въ сущности обращалась уже въ исторію запоздавшихъ отдѣльныхъ дѣлъ, представлявшихъ частный интересъ разбросанныхъ по разнымъ угламъ края селеній. Участь такихъ дѣлъ, даже въ совокупности, уже слабо отражалась на общей физіономіи мѣстнаго деревенскаго міра. Крестьянская реформа въ краѣ не имѣла точно обозначившагося конечнаго момента и остатокъ ея стушевывался постепенно и медленно. Одни дѣла затянулись на годы, другія далеко перешагнули и за десятилѣтіе. Скоро послѣ описаннаго времени и я оставилъ край, дождавшись сокращенія состава учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, при которомъ вышелъ за штатъ, и съ тѣхъ поръ могъ слѣдить за судьбами тамошняго крестьянства только по частнымъ сообщеніямъ и газетамъ. Въ виду означеннаго измѣненія характера дѣла, а также и потому, что моею главною цѣлью была передача воспоминаній о видѣнномъ и слышанномъ во время личнаго моего участія въ ходѣ крестьянской реформы юго-западнаго края, прекращаю свой разсказъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ВЪ ОПУСТѢЛОМЪ ДОМѢ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

VII *).

Издали уже я увидѣлъ ее на террасѣ. Она опустилась на кресло и тихо плакала. Долженъ признаться, эти слезы вызвали у меня чувство радостнаго торжества. Я, стало быть, не ошибся. Въ ней говорила не отвлеченная привязанность къ какимъ-то принципамъ, какъ у иныхъ дѣвушекъ, взвинтившихъ себя до искусственнаго энтузіазма, а недовѣріе къ искренности моей любви. Сердце ея принадлежало мнѣ, несмотря на рѣзкость ея словъ,—про это говорили ея слезы. И все-таки я остановился и не пошелъ на террасу. Къ счастью, она не замѣтила моего приближенія. Къ своей чести, я долженъ сказать, что сознаніе долга все-таки было во мнѣ сильнѣе желанія услышать отъ нея, что она меня любитъ, насладиться ея трепетнымъ горемъ, которое вѣдь такъ легко мнѣ было утѣшить. И хоть совѣсть и долгъ были для меня тогда пустыми словами, я повиновался имъ безсознательно. Вѣдь пойти туда, опуститься передъ нею на колѣни, обвить ея станъ жадными руками, это значило на вѣки испортить ея жизнь. Время шуточнаго моего ухаживанія за ней прошло безвозвратно. Теперь насъ связывало глубокое, истинное чувство, и воспользоваться имъ—это было бы въ моихъ глазахъ низко, отвратительно. Стать ея мужемъ я не могъ, обольстить ее

---

*) См. выше: авг., 480 стр.

не хотѣлъ. Съ опущенной головой я, тихо крадучись, направился къ калиткѣ, черезъ которую вошелъ, вскочилъ на лошадь и уѣхалъ къ себѣ.

Двѣ недѣли спустя, открылось земское собраніе. Совершенно иное впечатлѣніе оно произвело на меня, чѣмъ въ прошломъ году. Поднятые вопросы мнѣ уже не казались мелочными, кругозоръ земцевъ—ограниченнымъ. Даже излишняя восторженность какого-нибудь Ѳедора Кирилловича не вызывала у меня смѣха. Это было все-таки лучше самодовольнаго петербургскаго равнодушія. Я принялъ самое живое участіе въ работахъ, взялся даже быть секретаремъ въ собраніи. Но, вотъ, на второй день передъ открытіемъ засѣданія, я сразу примѣтилъ на первой страницѣ газеты объявленіе съ чернымъ ободкомъ. „Аглая Александровна Терницкая,—гласило оно,—съ глубочайшимъ душевнымъ прискорбіемъ"...

„Какъ, Аггея Христофоровича, недавно еще такъ полнаго оживленія и дѣятельности, уже не было въ живыхъ"?!

Газета у меня выпала изъ рукъ. Хоть не было у меня никакой истинной привязанности къ своему начальнику, неожиданный ударъ смерти, разразившійся такъ страшно близко къ моей жизни, смутилъ меня до глубины существа. И мигомъ у меня сложилось рѣшеніе, что дѣлать было нечего, что надо сейчасъ, въ тотъ же день уѣхать въ Петербургъ. А чтò будетъ тамъ, дальше... У меня голова закружилась отъ предвидѣнія того, чтò ожидало меня въ близкомъ будущемъ.

И мое предвидѣніе сбылось. Аглая бросилась ко мнѣ на встрѣчу и съ непривычной для нея стремительностью меня благодарила.—Да, иначе и быть не могло... Я знала, что ты будешь... Въ такомъ...

Она очевидно хотѣла сказать: „въ такомъ горѣ", но спохватилась и только сказала:—„въ такую минуту"...

Да, я только-что успѣлъ переступить черезъ порогъ ея дома, и она уже съумѣла дать мнѣ почувствовать, что мы связаны неразлучно, что я весь принадлежу ей. Положеніе ея, какъ вдовы, было такъ безпомощно не отъ недостатка средствъ, положимъ, а благодаря своей двусмысленности.—Вѣдь свѣтъ догадается навѣрное, онъ уже догадался,—твердила она.—А я не хочу быть одной изъ тѣхъ...

Слушая ее, я былъ вынужденъ съ нею соглашаться, чувствовалъ въ себѣ какое-то странное оцѣпенѣніе воли. Аглая встрѣтила меня какъ самаго близкаго человѣка, въ то же время какъ бы

говоря съ подавленною грустью, что близость эту надо тщательно скрывать отъ прочихъ.

— Какъ ни тяжело это для насъ обоихъ,—повторяла она,—а подчиниться этому гнету необходимо.

Былъ только одинъ исходъ—женитьба. И очень скоро она дала мнѣ понять, что ожидаетъ именно этого. И такъ хорошо она съумѣла опутать меня легкой паутиной мнимыхъ обязанностей, что противъ воли я убѣдился, какъ невозможно для меня, какъ несогласно съ чувствомъ порядочности, было бы отказаться. Я бы могъ возразить, конечно, что не тревожили ея совѣсти и не грозили ея доброму имени наши отношенія, пока былъ живъ ея мужъ. Отчего же теперь, когда она стала свободной?.. Развѣ у нея возникли новыя, болѣе священныя обязанности? И именно потому какъ разъ, что все это было вѣрно, неотразимо, логично, я этого прямо высказать не могъ. И она, заранѣе предугадывая мои доводы, уничтожила ихъ, ссылаясь на то высшее чувство долга, какое, по мнѣнію всѣхъ женщинъ, связываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше на комъ лежитъ настоящихъ обязанностей. Я вѣдь не обѣщалъ ей ничего, когда она стала моей. Но какъ разъ потому, то высшее, неуловимое, что̀ называется деликатностью и чего никто требовать не можетъ, даже во имя самой строгой морали, связывало меня, какъ порядочнаго человѣка. Невысказанное обязательство—самое священное изъ всѣхъ,—намекала мнѣ Аглая. Она свободна, да, но зато и беззащитна. Извѣстно, какъ свѣтъ думаетъ о молодыхъ вдовахъ. Выходило такъ, что, будучи женой Аггея Христофоровича, она имѣла право отдаться мнѣ, не рискуя своей репутаціей—мужъ вѣдь заслонялъ ее отъ пересудъ,—а теперь, овдовѣвъ, она утратила великое право замужней женщины на измѣну мужу, котораго я, ея любовникъ, былъ призванъ ей замѣнить.

Когда я вспоминаю про это, злобный смѣхъ поднимается во мнѣ, и я не понимаю, какъ могъ я поддаться обману этихъ софизмовъ. Но тогда они вызвали во мнѣ рыцарскій порывъ самопожертвованія. Я былъ моложе и, стало быть, глупѣе, а можетъ быть, сухой, хоть и трезвый голосъ эгоизма не звучалъ во мнѣ такъ громко, какъ теперь. Словомъ, я далъ себя опутать, и роковое обѣщаніе было высказано, хоть и безъ особаго восторга.

Годъ, ровно годъ спустя послѣ кончины Аггея Христофоровича, мы обвѣнчались, и въ приданое—до сихъ поръ не знаю въ точности, какими путями—Аглая принесла мнѣ назначеніе вице-директоромъ того самаго департамента, которымъ управлялъ ея мужъ. Это вознагражденіе за мою жертву въ высшей степени

мнѣ претило, но для отказа не имѣлось даже предлога. Назначеніе было совершенною неожиданностью. Разъ меня вызвали къ министру, и тотъ въ самыхъ лестныхъ словахъ предложилъ мнѣ новое мѣсто, говоря, что меня ожидаетъ въ скоромъ времени дальнѣйшее повышеніе.

— Ну, что-жъ,—сказалъ я себѣ,—я хотѣлъ оторваться отъ канцелярской цѣпи, наивно гонялся за призракомъ какой-то жизненной поэзіи, а видно мнѣ попросту суждено быть зауряднымъ чиновникомъ. Что-жъ? Мой департаментъ по крайней мѣрѣ давалъ мнѣ убѣжище, гдѣ можно было заглушить воспоминанія прошлаго, уйти, укрыться отъ другой заурядности—отъ домашняго очага, гдѣ давно уже никакого огня не горѣло.

А въ сущности вѣдь наша жизнь съ Аглаей была сносною и многихъ она бы удовлетворила. Нравъ у нея былъ прекрасный, удивительно ровный, безъ малѣйшихъ вспышекъ. Такимъ же ровнымъ звучалъ ея красивый голосъ. Одѣвалась она безупречно, принимала мастерски. Чего же больше, кажется? Какого еще желать счастья? И ребенокъ у насъ родился на третьемъ году,—сынъ, котораго назвали Димитріемъ. Я не спрашивалъ у себя—подлинно ли онъ мой: прошлое на этотъ счетъ могло вызвать нѣкоторое сомнѣніе. Мнѣ было все равно—за женой я не слѣдилъ.

Но какъ разъ это „все равно" и было ужасно. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала моей женой, Аглая перестала разыгрывать передо мною роль умной и обольстительной женщины. Обольщать приходилось уже другихъ, а мнѣ было дано заглянуть за кулисы той салонной сцены, гдѣ прежде для меня лично выступала героиней Аглая. Я видѣлъ теперь, какъ зажигались электрическіе огни ея тонкаго кокетства, какъ искусственно подготовлялся источникъ ея ума, ея начитанности. Я зналъ, какъ завинчивалось это художественное созданіе—доведенная до совершенства свѣтская женщина. Для меня уже не было тайной—откуда почерпались остроумныя фразы, приводившія въ восхищеніе слушателей, какъ была приправлена та смѣсь сердечной теплоты съ изящной ироніей, которая сервировалась посѣтителямъ ея салона, обезпечивая за ней репутацію возвышенной натуры. О, эта возвышенность, этотъ умъ, которые заранѣе заготовлялись, какъ румяна на лицѣ! Я зналъ теперь, что алтарь, передъ которымъ преклонялись всѣ, былъ на самомъ дѣлѣ пустъ; что никакого огня не теплилось въ этомъ сухомъ, холодномъ сердцѣ. Мелочность руководившихъ ею мотивовъ, равнодушіе ко всему, кромѣ себя и своего собственнаго тщеславія, такъ ясно вѣдь

сквозили иной разъ въ брошенномъ небрежно замѣчаніи, въ складкѣ губъ, въ выраженіи глазъ. Передо мной она уже не стѣснялась.

И я возненавидѣлъ ее глубоко, тихо, понемногу, но зато прочно. Она догадывалась про это какъ нельзя лучше. И ей тоже, кажется, было все равно. На первыхъ порахъ жизнь наша пошла, впрочемъ, гладко. Мы размежевались по безмолвному уговору. Я не мѣшалъ ничѣмъ ея вкусамъ, ея привычкамъ, и она мнѣ тоже не мѣшала, когда, уставъ отъ разыгрываемой передо мною комедіи, я уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и погружался въ свою работу, стараясь не допускать къ себѣ ни звука, ни шороха изъ остального, внѣшняго міра. А такимъ внѣшнимъ сталъ для меня и міръ Аглаи—ея гостиная, ея пріятели съ ихъ вѣчнымъ утомительнымъ притязаніемъ на тонкое остроуміе. Аглая была, впрочемъ, увѣрена, что даже усердно помогаетъ мнѣ въ томъ, что̀ стало теперь, по ея мнѣнію, главной задачей моей жизни— въ карьерѣ. Когда она заговаривала объ этомъ, увѣряя, что жена и мужъ должны какъ союзники пополнять другъ друга въ борьбѣ за существованіе,—она любила прибѣгать къ выраженіямъ, приправленнымъ ученостью,—я не разъ пробовалъ ей объяснить, что такая карьера, взятая съ бою, путемъ интриги, мнѣ не нужна, что цѣли у меня свои, иныя. Я вѣдь добросовѣстно старался облагородить свою работу, внести въ нее чистую струю безкорыстнаго служенія общей пользѣ. Но такія слова вызывали только блѣдную усмѣшку на ея изящныхъ губахъ. Высокіе принципы годились вѣдь только для эффекта, когда ихъ умѣло вставляли въ небрежный салонный разговоръ, но вдвоемъ съ мужемъ прибѣгать къ нимъ смѣшно. Когда остаешься дома и нѣтъ гостей —не надѣваешь вѣдь на шею ожерелье съ драгоцѣнными камнями. Помнится, я возразилъ ей со злобою въ голосѣ, что камни эти, должно быть, фальшивые, коли нужны они только чтобы морочить публику. Она отвернулась, услыхавъ это, и молча пожала плечами.

Какъ-то незамѣтно я понемножку входилъ въ бывшее положеніе Аггея Христофоровича. Въ тонѣ Аглаи со мной я все чаще подмѣчалъ тѣ же мягкія, пренебрежительно участливыя ноты, какія были у нея прежде, когда она говорила съ покойнымъ мужемъ.

„Что-жъ, можетъ быть,—думалъ я про себя,—и во всемъ остальномъ я стану похожъ на бывшаго своего начальника“. Среди обычныхъ гостей жены я все больше чувствовалъ себя чужимъ. Вдвоемъ съ нею мы все чаще впадали въ продолжи-

тельное молчаніе, какъ бы не зная, про чтò заговорить. Потребность въ общеніи все замѣтнѣе исчезала. И какъ это ни странно, хотя мнѣ самому и не было уже потребности въ этомъ общеніи, я раздражался противъ нея и давалъ ей это чувствовать. Меня бѣсила самая ровность ея нрава, безукоризненно гладкій звукъ ея голоса. Роли благовоспитаннаго, равнодушнаго мужа я не выдержалъ. У меня была какая-то потребность, какой-то зудъ высказать ей свое настоящее мнѣніе, сорвать эту претившую мнѣ личину невозмутимаго изящества.

Когда въ первый разъ у меня слетѣло съ языка то, чтò давно уже копилось на сердцѣ, она обратила на меня свои холодно-вѣжливые глаза и спокойно отвѣтила:—Ты, кажется, недоволенъ тѣмъ, что я тебѣ сценъ не дѣлаю никогда?

— А лучше сцены, лучше чтò угодно, чѣмъ эта вѣчная ледяная благовоспитанность. Еслибы у тебя хоть искра чувства была, а не эта раздушенная пустота на душѣ,—то чтò я сказалъ сейчасъ—вызвало бы у тебя хоть вспышку гнѣва, а то нѣтъ, какъ бронзовая статуя, которую ударили, ты отвѣчаешь только вѣчнымъ металлическимъ звукомъ, отголоскомъ пустоты...

Она изящно захохотала.—Ты меня, кажется, съ статуей Мемнона хочешь сравнить... объясненіе на почвѣ археологіи... это, по крайней мѣрѣ, оригинально.

— Оставь лучше твое остроуміе для обычныхъ своихъ гостей, имъ эта приправа нравится...

— А тебѣ нѣтъ?

— Мнѣ претитъ,—знай это,—все фальшивое, все дѣланное. А у тебя хоть нѣтъ еще вставныхъ зубовъ, зато вставныя чувства, вставная душа. Какъ ученый попугай, ты чужія мысли повторяешь, и вся твоя возвышенность, твое изящество будто для выставки приготовлены, и вся твоя жизнь—выставка. Тебѣ одного надо—чтобы твоимъ умомъ любовались, какъ туалетомъ. И то и другое—вѣдь только костюмъ.

— А безъ костюма мною ужъ любоваться нельзя?—поднялась она съ злымъ хохотомъ.

— Не знаю,—вырвалось у меня. Мы стояли другъ противъ друга. Она смѣрила меня съ ногъ до головы.

— А, не знаешь?—проговорила она съ удареніемъ.—Такъ вотъ до чего уже дошло?.. Это, я вижу, настоящая ненависть.

И сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, она обернулась.—Знаешь, мой другъ, тебѣ бы лучше провѣтриться немножко. Въ замкнутой атмосферѣ дурныя мысли зарождаются. Возьми отпускъ и съѣзди за границу. Теперь, кстати, апрѣль на

исходѣ; мы поѣдемъ вдвоемъ до Берлина, а оттуда можемъ ужъ выбрать особые маршруты.

— А сынъ нашъ?—спросилъ я взволнованно, и голосъ мой задрожалъ на словѣ „нашъ“.

— Митя,—спокойно отвѣтила она,—останется на рукахъ у миссъ Токсъ (такъ звали англичанку-бонну),—я ей вполнѣ довѣряю.

И зашелестивъ длиннымъ платьемъ, она медленно вышла изъ комнаты.

Дней десять спустя, мы уѣхали. Изъ Берлина я свернулъ въ Дрезденъ полюбоваться тамошней галереей, которой еще не видалъ, а затѣмъ въ саксонскую Швейцарію. Жена продолжала путь до Парижа, гдѣ думала остаться недѣли двѣ, чтобы потомъ отправиться на воды. Мы сговорились осенью съѣхаться гдѣ-нибудь въ Швейцаріи. Но путешествовать до осени намъ не пришлось. Въ крошечномъ мѣстечкѣ среди Тюрингенскихъ горъ, гдѣ я странствовалъ пѣшкомъ, меня настигла телеграмма Аглаи: „Митя заболѣлъ, сейчасъ получила извѣстіе. Ѣду въ Петербургъ“.

Предчувствіе неминуемой бѣды меня охватило сразу. Жена не сочла нужнымъ даже назвать болѣзнь ребенка. Но, видно, дѣло было нешуточное, коли сразу она собралась въ путь. Разумѣется, я тотчасъ поспѣшилъ назадъ въ Россію. Къ сыну я былъ горячо привязанъ, хоть и можетъ быть... Сомнѣніе на этотъ счетъ я всегда отгонялъ, да оно и не мѣшало мнѣ искренно любить нашего Митю. Я смутно чувствовалъ, что у Аглаи материнской привязанности къ нему нѣтъ, и оттого, должно быть, я привязался къ нему вдвойнѣ.

Моимъ худшимъ опасеніямъ было суждено сбыться. Съ недѣлю Митя прохворалъ. Болѣзнь его такъ и не опредѣлили по настоящему, и маленькое пламя жизни, пламя, еще слабо согрѣвавшее нашъ домашній очагъ, тихо, почти незамѣтно угасло. Аглая плакала, должно быть, искренно. До рыданій не доходило—они могли испортить ея невозмутимое изящество. И отирая слезы, и цѣлуя маленькій холодный лобикъ, она умѣла сохранить это изящество, придававшее самымъ складкамъ ея платья что-то похожее на изваяніе. Для меня потеря Мити значила утрату всякаго дальнѣйшаго смысла жизни. Я пріучился думать, что воспитаю его какъ слѣдуетъ и съумѣю уберечь отъ ошибокъ, сбившихъ съ толку мою собственную жизнь. Постарался бы я и уберечь Митю отъ своего безплоднаго невѣрія. Надъ его гробикомъ, какъ прежде надъ могилой отца, я почувствовалъ, что не-

вѣріе это не пошатнулось только, но и исчезло куда-то, а на мѣсто его—одна только непроглядная тьма неизвѣстности. Но стоило въ этой тьмѣ шагнуть смѣло впередъ, и путь—я былъ увѣренъ въ этомъ—найдется самъ собою. Но теперь, когда Мити уже не было, почти уже не стоило искать этого пути. Вести по немъ другое близкое существо уже не приходилось, а что касалось меня самого—я готовъ былъ махнуть на все рукой. Будущаго передъ собой я уже не видѣлъ.

Все я испробовалъ—и горячо отдаться работѣ, и съ женой помириться. Находили на меня такія минуты, что жажда любви и мира охватывала меня всего, и я готовъ былъ съизнова начать и службу, и семейную жизнь, принося той и другой свѣжую, даже наивную вѣру. Но съ первыхъ же шаговъ я почувствовалъ, что струна какая-то перестала во мнѣ звучать, что голосъ обрывался, какъ у пѣвца, взявшаго черезчуръ высокую ноту. Жена встрѣчала мои попытки удивленной улыбкой, а служившіе у меня въ департаментѣ не понимали хорошенько, чего я отъ нихъ требую. Ихъ съ виду дѣловые, а въ сущности бездушные, безсмысленные отвѣты возвращали меня къ трезвой дѣйствительности, и я бросилъ напрасное стараніе. Жизнь попросту требовала отъ меня выполненія извѣстныхъ обрядовъ, а я искалъ въ ней какого-то внутренняго содержанія. Служба заключалась въ томъ, чтобы ясно и въ то же время увертливо отвѣчать на отношеніе за такимъ-то нумеромъ, а я глупо воображалъ, что родина отъ меня чего-то ждетъ. Семейная жизнь сводилась къ тому, чтобы платить по счетамъ, держать въ повиновеніи прислугу, въ извѣстные часы надѣвать фракъ и выѣзжать или принимать гостей, а я хоть и зналъ хорошо Аглаю,—все ожидалъ, что хоть теперь, послѣ нашей утраты, живая искра въ ней загорится. Я думалъ, что надъ свѣжей могилой сына у нея потребность явится скрѣпить вновь расшатанный нашъ союзъ. Но и въ этомъ я ошибся. Кончина Мити и напрасныя мои попытки къ сближенію только разъединили насъ еще болѣе. Аглая не считала даже нужнымъ скрывать, что я сталъ для нея какой-то вывѣской, одной изъ необходимыхъ подробностей въ искусно размалеванной декораціи ея жизни. Разъ она даже выразила это напрямикъ.

— Вотъ видишь,—сказала она, играя кольцами на лѣвой рукѣ и попеременно то поднимая на меня свои безстрастные глаза, то опуская ихъ на эти кольца,—еслибы у насъ были по крайней мѣрѣ одинаковые взгляды, мы могли бы быть тѣмъ, чѣмъ и должны быть жена и мужъ—союзниками противъ цѣлаго осталь-

ного міра. Интересы у насъ вѣдь все-таки общіе. Помогая другъ другу, намъ бы легче достигнуть цѣли, чѣмъ идя врозь. И мы чувствовали бы это, и отношенія оставались бы хорошими, близкими. Такъ всегда было съ Аггеемъ Христофоровичемъ, а съ тобою не то. Ты смотришь на жизнь не моими глазами. Оттого выходитъ, что ты солидарности нашихъ интересовъ даже и не сознаешь. Ну и выходитъ, что мы становимся все болѣе чужими.

— Такъ зачѣмъ же ты потребовала, чтобы я на тебѣ женился?—спросилъ я взволнованнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ?..

Она чуть-чуть усмѣхнулась и на мигъ опять взглянула на меня, а потомъ такъ ужъ и не отрывала глазъ отъ своихъ колецъ. Вопросъ мой такъ и не получилъ отвѣта. Должно быть, онъ показался ей очень смѣшнымъ.

Слѣдующимъ лѣтомъ она опять уѣхала за границу, но уже безъ меня. Было рѣшено, что осенью я возьму шестинедѣльный отпускъ и мы встрѣтимся въ Біаррицѣ. Странное дѣло!—когда я вернулся въ нашу квартиру, проводивъ ее на вокзалъ, ощущеніе какой-то безпорядочной пустоты во мнѣ сказалось, какъ будто присутствіе жены наполняло мою жизнь чѣмъ-то дорогимъ или по крайней мѣрѣ необходимымъ.—Да нѣтъ, она вносила въ нее только безсодержательную суету, и оживленный говоръ ея посѣтителей могъ развѣ наполнять звуками ея гостиную. Мнѣ онъ не приносилъ ничего. То, что̀ я ощущалъ теперь, была попросту ноющая потребность видѣть возлѣ себя существо, съ которымъ въ самомъ дѣлѣ все было бы общимъ, не интересы только, а горе, счастье, даже самые помыслы. Надо мной совершился неизбѣжный приговоръ жизни надъ всѣми эгоистами, оттолкнувшими отъ себя дававшіяся имъ въ раиніе годы привязанности. Когда душа проситъ наконецъ такихъ привязанностей, опустошенная жизнь не въ состояніи уже ихъ дать.

Въ Біаррицѣ меня поразила перемѣна въ Аглаѣ: вмѣсто прежняго сдержаннаго кокетства—какая-то преувеличенная развязность, въ которой такъ и чувствовалось запоздалое желаніе войти въ какой-то новый, чуждый ей прежде тонъ, сбросить съ себя докучливое принужденіе. Говорятъ, въ каждой женщинѣ на порогѣ зрѣлости такой поворотъ неизбѣжно совершается. Онѣ словно торопятся сорвать послѣдніе цвѣты увядающей молодости, и цвѣты эти имѣютъ для нихъ особый пряный ароматъ. У Аглаи, впрочемъ, новая манера держать себя была такою же напускной, какъ и первая. Не могъ я не замѣтить, что она какъ-то подчеркиваетъ свою особую благосклонность къ какому-то необыкно-

венно пошленькому французику, литератору съ сомнительнымъ дарованіемъ, но необыкновенно беззастѣнчивому въ обращеніи со всѣми, особенно съ женщинами. Ревнивымъ я не могъ быть, конечно, но самоувѣреннаго, почти нахальнаго тона, какой позволялъ себѣ съ нею французикъ, вызывая у нея своимъ цинизмомъ лишь одобрительный смѣхъ, я снести не могъ. На замѣчаніе мое Аглая отвѣтила громкимъ хохотомъ.

— Ахъ, вотъ уже не ожидала! Вы забываете,—сказала она, въ первый разъ, кажется, переходя со мной на „вы",—что на ревность даетъ право одна только любовь.

— Я и не ревную ничуть. Я нахожу только, что чувство нашего достоинства...

— Говорите, пожалуйста, за себя,—опрокидываясь въ креслѣ и судорожно ударяя о полъ кончикомъ ноги, отвѣтила она.— Свое положеніе въ обществѣ я съумѣю уберечь, какъ уберегла его въ то время, когда... Но зачѣмъ про это вспоминать?..

— Вы носите мою фамилію, Аглая!

Она еще громче расхохоталась.

— Фамилію, ахъ, да!.. Вы, кажется, собираетесь разыграть передо мной неизбѣжную сцену изъ четвертаго акта какой-нибудь старинной пьесы...

— Въ такомъ случаѣ никто не мѣшаетъ намъ развестись.

— Развестись? Съ какой стати! Выходить за третьяго мужа я не собираюсь. Да и не такъ легко это сдѣлать. Вы, вѣроятно, такъ называемой вины не захотите на себя принять, чтобы не лишиться права пріискать мнѣ какую-нибудь преемницу; а что касается меня, вы, я думаю, не воображаете, что я соглашусь подвергнуть себя... Да и нахожу я, признаюсь, положеніе замужней женщины очень удобнымъ.

Хладнокровіе Аглаи, пока она высказывала эти изумительныя вещи, меня взорвало.

Въ пылу гнѣва я наговорилъ ей много такого, что̀ охотно бы потомъ взялъ назадъ. Бросать женщинѣ въ лицо прямыя оскорбленія не слѣдуетъ даже въ собственныхъ интересахъ. Онѣ вѣдь только для вида кажутся обиженными, а на самомъ дѣлѣ разсчетливо пользуются запальчивостью мужчины, чтобы пріобрѣсти себѣ на счетъ его лишнія права. Женщина умѣетъ сохранить хладнокровіе ума даже въ припадкѣ гнѣва, мужчина—нѣтъ.

— Если дѣло дошло уже до того, что оставаться со мной для васъ невыносимо,—проговорила она тихо, выслушавъ меня съ поразительнымъ спокойствіемъ,—я не вижу, право, отчего намъ попросту не разъѣхаться, какъ многіе это дѣлаютъ. Это вѣдь

такъ мало измѣнить наши отношенія. А появленія на свѣтъ непрошеннаго наслѣдника вамъ опасаться нечего—я сама заинтересована, чтобы этого не случилось.

Принудить Аглаю къ разводу съ обоюднаго согласія законъ мнѣ средствъ не давалъ. Пришлось согласиться на ея предложеніе и сказать себѣ лишній разъ, что въ семейныхъ разногласіяхъ всегда побѣждаетъ тотъ, кто считаетъ излишнимъ стѣсняться. Все это припоминалось мнѣ, когда холостякомъ поневолѣ, одинокимъ и пережившимъ себя въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ, я опять былъ въ своей Березовкѣ, куда я пріѣхалъ въ половинѣ мая, отряхнувъ съ себя все это недавнее, но уже схороненное прошлое.

VIII.

Въ первыя минуты послѣ нашей размолвки съ Аглаей я почти радовался, что мнѣ возвращена свобода. Но когда, прошлой осенью, я вернулся въ Петербургъ изъ-за границы, я съ ужасомъ почувствовалъ, что порвались у меня не однѣ только домашнія узы. Вся моя петербургская жизнь, и друзья, и служба,—все это словно отошло куда-то вдаль, стало чужимъ, постылымъ. Мнѣ казалось, что я только продѣлываю какіе-то внѣшніе обряды жизни, машинально хожу въ свой департаментъ, разговариваю съ знакомыми, а самъ я, мое внутреннее существо давно умерло. Я пробовалъ воскресить въ себѣ интересъ къ занятіямъ, подогрѣть остывшее честолюбіе. На короткое время это удавалось. Можно вѣдь и трупъ гальванизировать и вызвать въ немъ обманчивые признаки отсутствующей жизни. И скоро, очень скоро тяжелое омертвѣніе меня снова охватывало, будто коченѣла во мнѣ душа. Надо было хлебнуть отъ свѣжаго источника жизни. И весной, сказавшись больнымъ, я уѣхалъ въ деревню, попробовать, не могу ли я тамъ на родной почвѣ вновь пустить корни. Втайнѣ я помышлялъ уже объ отставкѣ. И вотъ лѣто подходило къ концу, и какъ ни былъ я у себя одинокимъ въ Березовкѣ, вокругъ которой вѣдь тоже чувствовалась подползавшая смерть, эти два слишкомъ мѣсяца прошли довольно сносно. На первыхъ порахъ, говоря откровенно, я принуждалъ себя интересоваться деревней, но мало-по-малу настоящій, живой интересъ пробуждался и оживлялись, кажется, притупленные, уснувшіе нервы. Удалось мнѣ пустить корни въ родную землю. Мнѣ предложили вновь баллотироваться въ гласные, и я поѣхалъ на избирательскій съѣздъ. Тамъ было уже не то, что̀ прежде—ни

численностью, ни оживленіемъ съѣздъ не отличался. Уцѣлѣлъ, однако, кое-кто изъ прежнихъ. И старый идеалистъ Буйносовъ, продавшій имѣніе, но сохранившій какой-то клочокъ земли ради земскаго ценза, съ неостывшимъ жаромъ принималъ къ сердцу всѣ мѣстные вопросы. Онъ уже не казался мнѣ смѣшнымъ: я ему впрямь даже завидовалъ.

Одно меня кольнуло почти болѣзненно. На съѣздѣ я услыхалъ много недобраго насчетъ Ксани. И нельзя было отвернуться отъ этихъ розсказней, какъ дѣлалъ я это въ началѣ лѣта. Послѣ моего ночного посѣщенія Заозерья воспоминанія прошлаго воскресли. Я съ жадностью ловилъ каждое слово о Ксанѣ, каждую даже укоризну на ея счетъ. И дорого бы я далъ, чтобы все это оказалось пустыми сплетнями.

Вернувшись къ себѣ изъ нашего уѣзднаго города, на слѣдующій вечеръ я опять пошелъ на охоту. Не застрѣлилъ я на этотъ разъ, впрочемъ, ничего,—вниманіе мое разбѣгалось куда-то, да и рука дрожала. Было слишкомъ девять. Солнце давно сѣло. Молочный туманъ поднялся надъ лугами. Мѣсяца не было, и ночная мгла едва пропускала слабое мерцаніе звѣздъ. Знакомой тропой я направился опять къ Заозерью.

Въ эту темную ночь оно показалось мнѣ еще пустыннѣе, еще мертвѣе, чѣмъ въ первый разъ. Едва я переступилъ черезъ обвалившуюся ограду, странные звуки долетѣли до моего уха. Это были словно звуки стариннаго инструмента, слабые, немного дрожащіе, но мягкіе и пріятные. Я ускорилъ шагъ, направляясь къ дому. Сомнѣваться было нельзя—кто-то игралъ на роялѣ, и звуки уже слагались въ опредѣленную мелодію. Это была знаменитая „Lotosblume“ Шумана. Въ опустѣломъ домѣ, стало быть, кто-то поселился. Я пробирался къ нему тихо, точно ночной воръ, осторожно раздвигая сучья. Когда я вышелъ на площадку, домъ не выросъ передо мною, какъ въ первое мое посѣщеніе, весь залитый бѣлымъ свѣтомъ мѣсяца. Онъ стоялъ теперь мрачный и весь ушелъ въ угрюмую тѣнь. Но черезъ окна гостиной, черезъ раскрытыя двери террасы пламя двухъ свѣчей явственно струилось сквозь тьму. „Не можетъ быть“,—подумалъ я, прислушиваясь внимательнѣе, и остановился въ какомъ-то странномъ трепетѣ. Это была игра Ксани. Старинный разстроенный инструментъ подчинялся легкому, скользящему прикосновенію ея пальчиковъ, такъ хорошо умѣвшихъ, когда нужно было, вызвать сильный звукъ у жидкихъ клавишей рояля. Отъ „Lotosblume“ она перешла къ другому романсу Шумана—къ „Двумъ гренадерамъ“. И тутъ ужъ я не могъ сомнѣваться. Это несомнѣнно была свой-

ственная ея игрѣ смѣсь задумчивой нѣжности и страстной внутренней силы. Забывъ про осторожность, я взбѣжалъ на террасу. Половица скрипнула подъ моими ногами. Игравшая остановилась и прислушалась.

— Кто тамъ? — спросилъ ея ровный голосъ, въ которомъ испуга не было и слѣда. Она тихо поднялась и подошла къ раскрытымъ дверямъ.

Мы узнали другъ друга мигомъ.

— Вы?—всматриваясь въ меня, воскликнула она.

— Ксаня!—невольно вырвалось у меня.—Ксенія Павловна, извините!—поспѣшилъ я, впрочемъ, поправиться.

— Пожалуй, Ксаня,—отвѣтила она весело.—Называйте меня такъ, коли хотите. Но какими судьбами?

— Ахъ, вы еще не знаете, что я опять поселился въ Березовкѣ?

— Да я сама вѣдь здѣсь только со вчерашняго дня... Войдите, войдите... Я скажу вамъ все.

Теперь только она протянула мнѣ руку. Въ первую минуту удивленія она этого не сдѣлала. Собака моя подошла къ ней, сперва осторожно, а потомъ, убѣдившись, что мы съ нею друзья, принялась ласкаться, сильно замахавъ хвостомъ. Ксаня тутъ только замѣтила мой охотничій костюмъ и слегка улыбнулась.

— Вы охотились? И какъ это вамъ въ голову пришло ночью, въ полномъ вооруженіи, забраться сюда, въ этотъ одичалый уголъ?

Мы вошли.

— Видите,—продолжала она, указывая на одно изъ немногочисленныхъ креселъ,—я собиралась вамъ про себя разсказать, а разспрашивать приходится васъ. Все вѣдь такъ необычайно въ нашей встрѣчѣ...

Я скинулъ ружье и ягдташъ и усѣлся противъ нея. Свѣчи на роялѣ слабо освѣщали высокую, обширную комнату, посылая къ потолку длинныя, смутныя тѣни. Что-то неестественное, почти сказочное будто наполняло собой обширный, опустѣлый домъ, гдѣ ни звука не раздавалось, и мы оба точно неземныя существа сошли откуда-то сюда на короткій мигъ, заглянуть въ обыденную земную жизнь. Да и подлинно, Ксаня со своими темными волосами, такъ отчетливо обрамлявшими блѣдный лобъ, Ксаня все такая же тонкая, дѣвственная, казалась въ своемъ свѣтломъ легкомъ платьѣ явленіемъ изъ другого міра. Пять лѣтъ пронеслись мимо, будто не коснувшись ея. Они кое-гдѣ только на лицѣ ея прибавили черточку, говорившую, что земное горе ея не мино-

вало, а форма головы была такая же чистая, станъ такой же легкій, румянецъ такъ же свѣжо, молодо розовѣлъ на ея щекахъ.—„Что̀ же мнѣ про нее говорили?“—спрашивалъ я у себя. „Неужели это воздушное существо узнало тѣ нехорошія, тяжелыя испытанія, черезъ которыя она, будто бы, прошла“?

Раздумывая объ этомъ, я говорилъ ей, какъ мнѣ довелось уже разъ побывать въ Заозерьѣ и какъ сегодня мнѣ захотѣлось возобновить тогдашнее впечатлѣніе.

— Да,—задумчиво отвѣтила она,—удивительно быстро разорилось наше семейное гнѣздо. Неуютно здѣсь, точно по комнатамъ бродятъ тѣни прошлаго...

На секунду она умолкла и, приподнявъ опущенную-было голову, продолжала уже въ иномъ тонѣ:

— Только привидѣній я не боюсь. Не такая я, чтобы надолго подчиняться внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Они давятъ на насъ только пока мы ихъ съ себя не стряхнемъ.

— А вѣдь, Ксенія Павловна,—возразилъ я,—коли стряхнуть ихъ совсѣмъ,—пожалуй, ничего въ насъ самихъ-то не останется.

— Ну, не думаю, — возразила она, и складка обрисовалась между ея бровями.—Плохъ тотъ человѣкъ, у котораго въ душѣ ничего нѣтъ своего, кто только зеркаломъ служитъ для внѣшняго міра... И вы сами не такой совсѣмъ, только на себя клевещете, по старинной, кажется, привычкѣ... Значитъ, вы такъ-таки по ночамъ бродите по окрестностямъ и будите въ себѣ романтическія струны. Вотъ тоже охота... Прошлое—на что̀ оно?..

— Какъ на что̀?—живо спросилъ я.—И люди, и цѣлые народы, у которыхъ прошлаго нѣтъ или которые его отсѣкли, не имѣютъ и будущаго.

Она живо покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я съ вами несогласна. То, что̀ умерло, воскрешать незачѣмъ. Вотъ я, напримѣръ,—какъ пріѣхала вчера, не позволила себѣ раздумывать о быломъ и постаралась только устроиться такъ, чтобы жить можно было въ этой полуразвалинѣ... Впрочемъ, мы встрѣтились здѣсь не затѣмъ, чтобы спорить... Хотите чаю?

Она живо поднялась.

— Какъ, развѣ такую реальную вещь можно получить въ этой развалинѣ?

— Ну,—засмѣялась Ксаня,—я ее быстро низвела изъ міра преданій въ разрядъ настоящихъ людскихъ жилищъ, хотя и

правда—довольно плохихъ. Здѣсь не такъ ужъ безлюдно, какъ вы думаете, да и горничную я съ собой привезла... А хорошо,— добавила она, уходя,—что здѣшнія собаки васъ не почуяли, когда вы подходили. Онѣ презлыя.

Дверь неестественно громко скрипнула и съ трудомъ затворилась, когда вышла Ксаня. Пять минутъ я оставался одинъ, и снова меня обвѣяло чѣмъ-то таинственнымъ, словно все дѣйствительное, живое исчезло за-одно съ Ксаней и безъ нея полумракъ вокругъ меня сталъ темнѣе.

„А все-таки въ ней перемѣна есть",—сказалъ я себѣ, стараясь опредѣлить точнѣе, въ чемъ эта перемѣна.

— Сейчасъ принесутъ,—объявила она, входя снова,—и свѣту прибавятъ, а то здѣсь въ самомъ дѣлѣ пахнетъ чѣмъ-то мрачнымъ. Закуривайте, пожалуйста! — протягивая мнѣ крошечную серебряную папиросницу, предложила она и закурила сама.

— А вы мнѣ про себя разсказать собирались.

— Разсказать? Да развѣ есть что̀ особеннаго разсказывать, или васъ такъ удивляетъ, что я сюда пріѣхала?

Я старался уловить въ ея словахъ что-нибудь принужденное, тревожное, но голосъ ея звучалъ совершенно спокойно. Былъ у нея только какой-то едва уловимый оттѣнокъ преднамѣренной развязности.

— Вы знаете, — продолжала она, — Заозерье осталось за мной.

— Ахъ, процессъ, значитъ, оконченъ?

— Процессъ? Да никакого процесса и не было. Я вижу, здѣсь ужъ цѣлая легенда успѣла сложиться. И сестры, и я давно бы сговорились, еслибы не повѣренный нашъ, которому мой зять, мужъ Ольги, поручилъ все устроить. Мужъ Ольги— это, вы знаете, самый серьезный человѣкъ на свѣтѣ, который не только другимъ, но и себѣ не довѣряетъ и находитъ мнимое затрудненіе тамъ, гдѣ можно сговориться въ нѣсколько минутъ. И вотъ, три года прошло со смерти Владиміра Николаевича... Вы знаете, послѣднее время дядюшка не жилъ въ Заозерьѣ... Были семейныя непріятности... Впрочемъ, это ужъ не моя исторія, и лучше про нее не говорить... Разумѣется, съ Вѣрой Сергѣевной мы больше не видались... Да и прежде близости не было между нами. Она поднимала разные споры изъ-за наслѣдства мужа и хотѣла Заозерье оставить за собой. Ну, а повѣренный все путалъ, мужья сестеръ съ нимъ важно переписывались, а я была несовершеннолѣтняя.

— Да вы замужемъ, Ксенія Павловна?—вырвалось у меня невольно.

— Говорю вамъ, называйте меня попросту Ксаней,—отвѣтила она и, промолчавъ съ мигъ, какъ будто съ трудомъ произнесла:—да, я замужемъ.., полтора года этому будетъ. Только,—и она попробовала засмѣяться, заговоривъ вдругъ оживленно,—это больше такъ... трудно и назвать это замужествомъ.

Я посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Мы разъѣхались съ мужемъ ровно шесть недѣль послѣ того, какъ насъ обвѣнчали... Вамъ непремѣнно хочется знать—какъ и почему?

Въ эту минуту долговязый мальчуганъ въ неопредѣленномъ костюмѣ—на немъ были смазные сапоги и полинялый фракъ съ гербовыми пуговицами—внесъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ, а за нимъ показалась какая-то женщина съ двумя бронзовыми подсвѣчниками стариннаго стиля.

— Какъ видите,—сказала Ксаня, когда прислуга вышла,—обстановка не блестящая и, какъ всегда бываетъ у насъ въ Россіи, смѣсь обломковъ Европы съ родною неряшливостью.

Она опять засмѣялась и, какъ мнѣ почудилось, немного принужденно. А меня такъ и подмывало узнать ея исторію, докопаться до самаго дна ея души, хотя не имѣлъ я на то никакого права. Смутная ревность къ чему-то неизвѣстному во мнѣ копошилась.

— Вы сюда надолго?—спросилъ я, пока она заваривала чай.

— Не знаю, право. Я вѣдь вольная птица и могу улетѣть, не спросившись. Попробую дѣла привести въ порядокъ.

— Вы?.. и дѣла?..—невольно воскликнулъ я.

— Это вамъ несообразнымъ кажется?—улыбнулась она совсѣмъ уже весело.—Такая сухая вещь, какъ дѣла, не сотвѣтствуетъ вашему представленію обо мнѣ, и вамъ непремѣнно хотѣлось бы, чтобы я оказалась пустой, ни на что непригодной особой. Нѣтъ, Александръ Дмитріевичъ, я считать хорошо умѣю и за свои интересы постоять, когда нужно,—словомъ, я женщина практическая, не дѣлайте себѣ на этотъ счетъ, пожалуйста, никакихъ иллюзій.

— Вы хотите сказать,—взволнованнымъ голосомъ возразилъ я,—что прежней дорогой мнѣ Ксани ужъ нѣтъ?

И въ ея отвѣтѣ послышались совсѣмъ иныя ноты, чѣмъ прежде. Только волненія въ ея голосѣ не слышалось.

— Полноте, Александръ Димитріевичъ! Если вамъ дорога

была прежняя Ксаня, то совсѣмъ ужъ не настолько, чтобы вы имѣли поводъ о ней сожалѣть.

Я хотѣлъ возразить, но она меня остановила.

— Передъ вами не дѣвочка, какъ тогда, а женщина, которую жизнь многому научила,—въ томъ числѣ пожалуй и дурному... Хотите еще чаю?—оборвала она себя вдругъ, увидавъ, что чашка моя пуста.

Я отказался.

— Ну, такъ пойдемте въ садъ,—здѣсь что-то душно. Онъ, правда, запущенъ немножко, ну да ничего, какъ-нибудь проберемся.

Мы сошли съ террасы, и тутъ еще сильнѣе на меня пахнуло стариной, милой стариной, такой же заглохшей, какъ и самый этотъ садъ. Рядомъ съ Ксаней онъ какъ-то мнѣ знакомѣй становился, точно разступались одичалыя вѣтви кустовъ и слѣдъ прежнихъ дорожекъ ясно вырисовывался среди ночной тьмы. Шагъ за шагомъ, одно за другимъ воспоминанія прошлаго воскресали во мнѣ съ поразительною отчетливостью, и что-то во мнѣ защемило до боли. Отчего нельзя было воскресить самое это прошлое, ухватиться за оборванную когда-то нить, вычеркнуть эти пять лѣтъ, такъ измѣнившія насъ обоихъ!..

— Ну, а вы сами,—вдругъ спросила она послѣ короткаго молчанія,—развѣ вы все такъ же, какъ тогда?

И не дождавшись отвѣта, она добавила:

— Я слышала, вы женаты.

— Такъ же, какъ вы замужемъ,—мы разъѣхались.

— Не совсѣмъ такъ же, я думаю. Полтора года назадъ я все-таки плохо еще знала жизнь, и мужу пришлось разсѣять у меня довольно-таки еще дѣтскія понятія... А вы когда стали мужемъ этой дамы?..

Знала она или нѣтъ про мою исторію съ Аглаей?

Въ послѣднихъ ея словахъ какая-то затаенная горечь мнѣ послышалась.

— Что-жъ? — возразилъ я.— Хотите, я вамъ разскажу эту невеселую повѣсть? Мнѣ отъ васъ прятаться нечего.

— Нѣтъ,—отвѣтила она почти рѣзко.—Послѣ... въ другой разъ. Не будемте портить нашей первой встрѣчи. Пусть лучше мы останемся пока другъ для друга загадкой, какъ двое новыхъ знакомыхъ, и загадка, можетъ быть, разрѣшится сама собой.

Это значило, что и отъ нея мнѣ не придется узнать въ этотъ день никакихъ подробностей о недавнемъ прошломъ. Она перешла опять на шутливый тонъ и держалась его до самаго

конца нашей прогулки, а мнѣ этотъ тонъ рѣзалъ ухо. Изъ-за него мнѣ слышалось подчасъ что-то глубоко-скорбное. Можетъ быть, впрочемъ, воображеніе мнѣ подсказывало въ словахъ Ксани небывалую горечь. А впрочемъ, мнѣ бы и не хотѣлось увидѣть ее на самомъ дѣлѣ беззаботно веселой. Ея чистая натура не могла пройти черезъ весь этотъ соръ и чадъ жизни, не утративъ прежней нетронутой свѣжести.

Мы незамѣтно между тѣмъ вернулись къ террасѣ. Я взбѣжалъ на ступени, чтобы взять ружье и затѣмъ проститься, но на самомъ порогѣ остановился.

— Знаете что̀, Ксаня? Когда я шелъ сюда, я издали услышалъ, какъ вы играли Шумановскую „Lotosblume“. Сыграйте мнѣ еще разъ эту дивную вещь.

— Дивную? И на этомъ хрипломъ, разстроенномъ инструментѣ?

— Все равно. Въ этихъ пожелтѣвшихъ клавишахъ прошлое сохранилось лучше, чѣмъ во всемъ остальномъ.

— Извольте...

Она посмотрѣла на меня пристально и пошла къ роялю. И снова полились волшебные звуки, тѣмъ болѣе трогательные, можетъ быть, что передавалъ ихъ старческій, надтреснутый голосъ ветхаго рояля. И во мнѣ еще болѣзненнѣе задрожало желаніе возвратить къ жизни безвозвратное прошлое...

IX.

Разумѣется, я не спалъ всю эту ночь. Образы невозвратнаго прошлаго насмѣшливо обступали меня, и показалось мнѣ наконецъ, что прошлое это опять стало настоящимъ. Я снова рядомъ съ прежней Ксаней иду подъ тѣнью знакомыхъ липъ, и она такая же, едва распустившаяся дѣвушка, какъ пять лѣтъ назадъ. И вотъ у входа той самой бесѣдки, гдѣ нѣкогда мы съ нею укрылись отъ грозы, показалась фигура Аглаи. Она все росла и росла, достигая чудовищныхъ, нечеловѣческихъ размѣровъ, и остановила насъ, когда мы приблизились. Это была уже не Аглая, а какой-то грозный, величественный образъ съ непреклонной строгостью на безстрастномъ лицѣ. Онъ сталъ между нами, и я почувствовалъ, что Ксаня все дальше уходитъ отъ меня, исчезая среди обступившей меня туманной мглы. Съ крикомъ я раскрылъ глаза. Яркій лучъ утренняго солнца прямо ударялъ мнѣ въ лобъ.

Голова у меня болѣла. Я посмотрѣлъ на часы—было уже почти двѣнадцать. Я вскочилъ съ кровати и думалъ, что при трезвомъ, дневномъ свѣтѣ мнѣ легче будетъ уяснить себѣ смутныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ Заозерья. Но ключъ къ загадкѣ мнѣ не давался. Въ чемъ перемѣнилась Ксаня и—чего добраго—не была ли правда въ сплетняхъ на ея счетъ, рѣшить этого я не могъ. Скверно у меня было на душѣ. Весь этотъ день работа мнѣ не давалась. Я пробовалъ взяться за книгу и заглушить въ себѣ неугомонные вопросы, но непослушное вниманіе все надъ ними работало, оставаясь замкнутымъ для того, что̀ я читалъ. А когда наступилъ вечеръ, меня потянуло опять туда, къ ней въ Заозерье. Я взялъ себя въ руки и не поддался навожденію. Какое мнѣ было, въ сущности, дѣло до ея тайны! Я былъ женатъ, она замужемъ. Мы должны встрѣчаться какъ простые знакомые. А если этого нельзя, если одинъ звукъ ея голоса вызываетъ во мнѣ цѣлый рой жгучихъ воспоминаній,—лучше сразу покончить и не вносить смуту въ мою только-что успокоившуюся жизнь.

Прошло три дня, и я продолжалъ крѣпиться, хоть и чувствовалъ втайнѣ, что не устою противъ искушенія. Да и что̀ это была за глупая боязнь передъ какой-то тѣнью прошлаго? Оба мы съ нею не дѣти, и будущія наши отношенія зависятъ отъ насъ. Въ сущности, вѣдь мы оба нравственно свободны, и связываютъ каждаго изъ насъ однѣ условныя обязанности.

На четвертый день мнѣ принесли записку отъ нея. „Понемногу я здѣсь устроиваюсь,—писала она,—но безъ чужого совѣта мнѣ обойтись трудно, а отъ кого его получить? Все вокругъ говоритъ объ общемъ разореніи. Вы одни, кажется, собираетесь устоять. Пріѣзжайте ко мнѣ въ Заозерье сегодня, если можете. Мы отобѣдаемъ вдвоемъ. Какъ женщина практическая, я не хочу терять время и желаю поскорѣе воспользоваться вашими совѣтами. И пожалуйста скажите себѣ разъ навсегда, что я просто ваша сосѣдка, принимающаяся хозяйничать, и забудьте о прежней Ксанѣ: ея нѣтъ и никогда не будетъ“.

Что̀ это было? Искренняя рѣшимость установить между нами простыя, трезвыя отношенія или затаенное кокетство? Я только пожалъ плечами, не желая раздумывать надъ этимъ, и поѣхалъ въ Заозерье, въ сущности очень обрадованный ея приглашеніемъ.

Тамъ уже все глядѣло по новому. За эти нѣсколько дней рука заботливой хозяйки успѣла сказаться. Дворъ былъ вычищенъ, выбитыя стекла въ окнахъ замѣнены новыми, и когда мой

тарантасъ подъѣхалъ къ крыльцу, ко мнѣ на встрѣчу выбѣжалъ совсѣмъ прилично одѣтый слуга. Въ обширныхъ сѣняхъ все было прибрано и чисто; даже огромные часы, прежде стоявшіе на каминѣ, опять красовались на старомъ мѣстѣ. Словомъ, заброшенный домъ глядѣлъ уже не развалиной, гдѣ на̀-скоро устроились какъ-нибудь, а прочнымъ, даже благоустроеннымъ жилищемъ. И въ комнатахъ уцѣлѣвшая мебель была разставлена въ полномъ порядкѣ, и сама молодая хозяйка, едва растворились передо мною двери въ гостиную, вышла ко мнѣ на встрѣчу оживленная и веселая, какъ бы съ праздничной улыбкой на лицѣ. Даже на террасѣ, куда она меня повела, слѣды запущенія исчезли. Появилась на ней удобная садовая мебель, по угламъ стояли группы растеній, половицы уже не скрипѣли подъ ногами. И въ саду передъ домомъ одичавшая заросль отступила назадъ, какъ побѣжденный непріятель, и дорожка, извивавшаяся вокругъ площадки, была вычищена и посыпана пескомъ.

— Вы молодецъ, Ксенія Павловна,—поздравилъ я ее, почему-то не называя ее Ксаней. — Вы въ совѣтахъ не нуждаетесь и энергіи у васъ хоть позанять. И всего за какихъ-нибудь пять дней.

— Была бы только охота и... деньги,—не отворачивайтесь, пожалуйста, отъ этого не-поэтическаго слова: вы вѣдь сами хорошо знаете, что безъ нихъ не обойдешься—и удивительно какъ много сдѣлаешь даже въ короткое время... Вы не повѣрите, сколько удовольствія, даже счастья мнѣ доставляетъ понемногу обновлять нашъ старинный домъ... Это точно долгъ благодарности памяти бѣднаго дяди. И мнѣ уже прозвище успѣли здѣсь дать; я разъ слышала, какъ меня называютъ „барыня-хлопотунья".

Она разсмѣялась, усаживаясь на качалку.

— Вы здѣсь думаете остаться? — спросилъ я, усаживаясь тоже.

— Да... по крайней мѣрѣ теперь... а можетъ быть, и передумаю со временемъ... а пока я здѣсь, хочу совсѣмъ серьезно приняться за дѣло.. Ну, вотъ, по части дома̀ и сада моей науки хватитъ, а насчетъ самаго хозяйства надо съ вами посовѣтоваться.

Ксаня принялась разсказывать, какъ безпорядочно велось до сихъ поръ заозерское хозяйство и какъ были сдѣланы попытки ее опутать съ первыхъ же шаговъ. Волей-неволей я долженъ былъ войти въ этотъ дѣловой тонъ. Нашъ разговоръ былъ прерванъ слугой, пришедшимъ сказать, что кушанье подано. Хозяйка взяла меня подъ руку. Мы прошли въ столовую, гдѣ тоже почти

не были замѣтны слѣды запустѣнія. За обѣдомъ мы продолжали дѣловую бесѣду. Слушалъ я, признаюсь, съ грѣхомъ пополамъ. Не то мнѣ хотѣлось услыхать отъ Ксани. И раза два она поймала меня даже на невнимательности.

Я извинился, какъ могъ, и на удачу высказалъ ей нѣсколько совѣтовъ, подѣлившись съ нею собственной немудрой наукой.

— А кто могъ подумать, пять лѣтъ назадъ, — сказалъ я, когда мы вернулись на террасу, — что заведется у насъ съ вами когда-нибудь такая дѣловая бесѣда? Помните?..

И я попробовалъ воскресить въ ея памяти кое-что изъ нашихъ прежнихъ разговоровъ.

— Ахъ, — отвѣтила она, засмѣявшись, и я, право, затруднился бы сказать, насколько искреннимъ былъ этотъ смѣхъ:— какъ все это смѣшно было и какимъ я была тогда ребенкомъ! Удивляюсь одному, какъ васъ эти ребячества занимать могли. Ну, хоть бы вотъ тотъ разъ—это была едва ли не послѣдняя наша встрѣча,—когда мы съ вами чуть-чуть было не рассорились отъ того, что я поймала васъ на какомъ-то противорѣчіи.

— А вы не повѣрите, — возразилъ я съ жаромъ, — какъ милы были мнѣ эти ребячества и самый вашъ искренній молодой гнѣвъ на меня, а потомъ,—я понизилъ голосъ и наклонился къ ней ближе,—когда я увидѣлъ, что вы плачете на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь, вотъ, сидимъ...

Она встрепенулась вся, услыхавъ это.

— Вы подстерегли эти глупыя, дѣтскія слезы?

— О, не называйте ихъ такъ! И не стыдитесь ихъ тоже... Я, вотъ, не стыжусь той, быть можетъ, нехорошей радости, какую я испыталъ тогда.

— Александръ Дмитріевичъ, — измѣнившимся, почти строгимъ голосомъ отвѣтила она,—неужели мнѣ и теперь вамъ приходится читать наставленія, хоть и въ иномъ родѣ? Мы изъ дѣтскихъ лѣтъ вышли оба и душевное волненіе пора намъ приберечь для серьезныхъ случаевъ... Въ жизни ихъ довольно... а любоваться слезами наивной дѣвочки, потому что эти слезы щекотали ваше самолюбіе... полноте!..

— Не одно только самолюбіе, Ксенія Павловна! Могу васъ увѣрить. Я любилъ васъ, искренно, горячо любилъ за эту самую дѣтскую наивность вашу, которая, впрочемъ, и тогда не обходилась безъ маленькаго плутовства, даже безъ коварства...

Она перебила меня почти гнѣвно.

— Вы говорите, что любили, и все-таки... Нѣтъ, это не любовь была... это такое чувство, которое я и назвать не хочу.

— Вы всего не знаете, Ксенія Павловна, и потому судите обо мнѣ такъ строго. Я вамъ все скажу теперь, коли хотите...

И не дождавшись отвѣта, я ей повѣдалъ всю свою невеселую повѣсть. Пока она слушала, голова ея опускалась все ниже, а сдвинутыя брови говорили, что разсказъ мой не смягчаетъ ея суда.

— И вы не видите,—вырвалось у нея, когда я окончилъ,— что разомъ лгали тогда и себѣ, и...

— Ксенія Павловна! — сказалъ я, поднимаясь съ мѣста и не чувствуя себя въ силахъ продолжать нашъ разговоръ. —Передумайте хорошенько обо всемъ, что̀ я сказалъ, и, можетъ быть, вы найдете, что я не совсѣмъ былъ такъ виноватъ, какъ вамъ теперь кажется. Долгъ—не такая простая вещь, какъ принято думать, и приходится иной разъ выбирать между двумя поступками, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворяетъ вполнѣ совѣсть.

Слово „совѣсть" теперь не было уже для меня лишено смысла. Ксенія посмотрѣла на меня пристально и опять опустила голову, не отвѣтивъ ни слова. Я простился съ нею и уѣхалъ.

Цѣлую недѣлю мы не видались. Слѣдующая наша встрѣча произошла совсѣмъ неожиданно. Я побывалъ въ городѣ по разнымъ дѣламъ и подъ конецъ заѣхалъ на почту, какъ вдругъ увидѣлъ выходившую оттуда Ксенію. Она щурила глаза подъ зонтикомъ, защищавшимъ ее отъ назойливаго солнечнаго блеска, но узнала меня тотчасъ.

— Ахъ, Александръ Дмитріевичъ, гдѣ вы все это время пропадали? А я думала, благодаря нашему сосѣдству... — Она погрозила мнѣ пальчикомъ и, смѣясь, добавила:—Въ наказаніе я васъ теперь же увожу съ собой. Сдайте-ка поскорѣе свои письма и садитесь ко мнѣ въ коляску. Да... да... въ коляску... Что вы на меня смотрите съ такимъ удивленіемъ—или вы думаете, я боюсь нареканій... Полноте, не все ли мнѣ равно!..

И пожавъ слегка плечами, она легко поднялась на ступеньку экипажа. Коляска была совсѣмъ новая, должно быть, только-что привезенная. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ въ почтовую контору и убѣдился, что мои опасенія были не совсѣмъ напрасны. Двое господъ изъ мѣстныхъ стояли у окна и хихикали, обмѣниваясь не совсѣмъ лестными замѣчаніями насчетъ Ксеніи Павловны. Даже ея изящный туалетъ и новый экипажъ не находили у нихъ пощады. Увидѣвъ меня, они замолчали, но кое-что я успѣлъ-таки разслышать.

— Какой у васъ растерянный видъ! — обратилась ко мнѣ Ксенія Павловна, когда я усѣлся.—Все, должно быть, на мой

счетъ безпокоитесь, потому что два какихъ-то незнакомыхъ мнѣ господина, кажется, дѣлаютъ мнѣ честь мною заниматься.

Она откинулась назадъ, укрываясь отъ солнца, и продолжала слегка взволнованнымъ, хоть и презрительнымъ голосомъ: — Мы съ вами, Александръ Дмитріевичъ, свободные люди. Мы оба стряхнули съ себя то, что̀ принято называть неразрывными узами. Что же, и мы станемъ принимать въ разсчетъ праздныя сужденія какихъ-то чужихъ людей, будемъ дрожать передъ самозваннымъ судомъ какого-то общества? Нѣтъ, Александръ Дмитріевичъ, отъ этой суевѣрной боязни я освободилась; я твердо знаю, что никогда не дамъ повода къ толкамъ на свой счетъ, и съ меня этого довольно. Пусть говорятъ обо мнѣ что̀ угодно.

Чувство горькой, незаслуженной обиды просвѣчивало, однако, сквозь эти гордыя слова.

— Будемте оба,—продолжала она, какъ бы смягчившись,— жить такъ, какъ намъ самимъ хочется, коли насъ совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ... И кстати, я могу вамъ теперь сказать, что много раздумывала надъ тѣмъ, что̀ вы мнѣ говорили, и нахожу теперь, что въ первую минуту осудила васъ напрасно: иначе вы поступить не могли. Можетъ быть, — добавила она, помолчавъ немного,—мнѣ не совсѣмъ пріятно было узнать, что вы уже не были свободны, когда... Какъ видите, ревность заднимъ числомъ.

И сказавъ это, она откровенно засмѣялась.

— Ну, скажите же, Ксаня,—вырвалось у меня, и невольно опять я назвалъ ее уменьшительнымъ именемъ,—тогда, по крайней мѣрѣ, еслибы не стояла между нами эта преграда, вы...

Она посмотрѣла на меня прямо, съ откровенной улыбкой.

— Вамъ непремѣнно хочется услышать отъ меня, что я была тогда, пять лѣтъ назадъ, немножко въ васъ влюблена. Ну, что же! Это признаніе не стоитъ никакого труда, повѣрьте... Хотя эта влюбленность тоже заднимъ числомъ. И вотъ что̀ я вамъ предложу. Будемте, Александръ Дмитріевичъ, будемте оба и о прошломъ, и о настоящемъ говорить съ полной откровенностью, какъ два хорошихъ пріятеля, которые хорошо понимаютъ, что прошлаго не вернешь, и стыдиться его, стало быть, нечего, а теперь бодро надо идти впередъ, не оглядываясь на мнѣнія постороннихъ, и сказать себѣ разъ навсегда, что жизнь не шутка и не мечта тоже, а суровая проза. И вотъ для такой жизни, коли хотите, подадимъ другъ другу руку.

— Для такой только, Ксаня? Старые дома приводить въ порядокъ и счета приказчиковъ повѣрять, и больше ничего? И

съ васъ этого хватитъ? Полноте, не обманывайте себя и не клевещите на себя тоже. Мы не старики оба, и обрекать себя на духовный постъ что-то рано.

Лицо ея словно облакомъ подернуло, и съ суровою грустью въ голосѣ она возразила:

— Нѣтъ, Александръ Дмитріевичъ, спасибо!.. Я испытала то, что̀ угодно вамъ считать поэзіей, и не ту легкую, шутливую поэзію, какой было мое чувство къ вамъ... и повѣрьте, съ меня одного этого опыта довольно. Съизнова начинать я не хочу.

Мы оба молчали съ минуту. Потомъ она заговорила опять.

— Ну, а что, признайтесь, много вы успѣли здѣсь про меня наслышаться нехорошаго?

— На сплетни я не обращаю вниманія, Ксенія Павловна.

— Ахъ, не отвѣчайте мнѣ этимъ оффиціальнымъ тономъ, точно вы боитесь вещи называть по имени! Или вы уже забыли наше обѣщаніе быть откровенными другъ съ другомъ... Вамъ разсказывали навѣрно, что я тайкомъ убѣжала изъ родного дома, и объясняли это, какъ водится.

Я отвѣтилъ лишь молчаливымъ кивкомъ головы.

— И говорили вамъ тоже,—съ жаромъ продолжала она,— что человѣкъ, съ которымъ я убѣжала, былъ моимъ мужемъ... недавнимъ мужемъ... и что выйти за него гласно, передъ лицомъ всѣхъ, я не могла. Я вамъ все скажу. Хотите? Всю правду. Только знайте, Александръ Дмитріевичъ, если я увижу, почувствую, что вы не вполнѣ довѣряете моимъ словамъ, и только изъ вѣжливости... О, если это я почувствую, я прощусь съ вами навсегда и постараюсь забыть, что мы съ вами когда-нибудь встрѣчались.

И она разсказала мнѣ все. Разъ, еще при жизни дяди, баронъ Штенбергъ привезъ съ собой въ Заозерье одного своего московскаго пріятеля, нѣкоего Равича. Это былъ человѣкъ уже не первой молодости, нѣсколько развинченный и, что̀ называется, прошедшій черезъ огонь и воду, но изъ тѣхъ счастливыхъ, хоть и пестро одаренныхъ натуръ, которыя любое общество оживляютъ своимъ присутствіемъ. Равичъ на все былъ пригоденъ: наигрывалъ по памяти любой мотивъ изъ любой оперы, пѣлъ чуть-чуть надтреснутымъ голосомъ, но съ большимъ огнемъ, цыганскіе романсы, недурно рисовалъ и въ нѣсколько минутъ могъ на любой сюжетъ „накропать“ стишки. Но вѣнцомъ его умѣнья была сцена. Онъ не только былъ мастеръ исполнить любую роль, отъ благороднаго отца до неблагороднаго любовника включительно,— онъ могъ и сочинить пьесу, и поставить для домашняго спектакля.

На выдумки онъ былъ неистощимъ, въ разсказахъ увлекателенъ, хоть и не совсѣмъ правдивъ, а въ спорахъ умѣлъ и бойко отвѣтить колкой остротой, и, въ случаѣ нужды, благоразумно отретироваться. Словомъ, это была одна изъ тѣхъ личностей, отъ которыхъ женщины безъ ума, и которыхъ мужчины бранятъ. Злые языки увѣряли, что когда-то онъ стяжалъ лавры въ качествѣ провинціальнаго актера, и разъ на нижегородской ярмаркѣ былъ накрытъ въ шулерствѣ и подвергся побоямъ. И тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ не только внѣшнее приличіе, но и изящество манеръ, и была въ немъ та заразительная, съ виду искренняя теплота, которая всегда подкупаетъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ Заозерьѣ какъ разъ собирались устроить домашній спектакль къ именинамъ Вѣры Сергѣевны. Равичъ открылъ у Ксани драматическій талантъ и такъ заразительно подѣйствовалъ на нее своимъ неугомоннымъ огнемъ, что свою роль она въ самомъ дѣлѣ сыграла очень недурно. На бѣду только исключительныя свойства Равича подѣйствовали такъ сильно на ея воображеніе, что память о немъ въ ней долго жила неугасимо послѣ его отъѣзда. А когда, три года спустя, они случайно встрѣтились снова лѣтомъ, на дачѣ,—Ксаня жила тогда у старшей сестры Ольги,—любовь къ этому человѣку проснулась въ ней съ неудержимымъ пыломъ первой истинной привязанности. Ксаня и не думала отъ меня скрыть, что это была первая ея привязанность, ничуть не похожая на полудѣтское увлеченіе мной. Спасибо ей за такую откровенность, хоть и больно мнѣ было это слышать. Ольга Павловна, хорошо понимавшая, что̀ за человѣкъ былъ Равичъ, отказала ему отъ дома, всячески предостерегая сестру, но все было напрасно. Равичъ до того не походилъ на всѣхъ, кого до тѣхъ поръ встрѣчала молодая дѣвушка, въ немъ было такое полное отсутствіе заурядности, что Ксаня слѣпо отдала ему свое довѣріе. Она тайкомъ уѣхала съ дачи сестры, обвѣнчалась въ глухомъ приходѣ гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы и опрометью, съ закрытыми глазами окунулась въ неизвѣстное будущее. А когда это будущее стало настоящимъ и глаза у нея раскрылись... но про это лучше не говорить: Ксанѣ тяжело вспоминать о своемъ пробужденіи отъ короткаго волшебнаго забытья, а мнѣ еще тяжелѣе повторять съ ея словъ краткую, но грустную повѣсть. Равичъ оказался по-просту гнуснымъ негодяемъ, развратникомъ. Ксаня чуть-было не отравилась съ отчаянія, когда поняла своего мужа, но и горе, какъ и былую любовь, она мужественно стряхнула съ себя и рѣшила, что въ ея жизни это будетъ первымъ и послѣднимъ навожденіемъ.

Глаза у нея блестѣли, когда она довела до конца свой разсказъ. И казалось, взглядъ этихъ глазъ такъ и проницалъ меня насквозь. Но во мнѣ и тѣни не было недовѣрія. Было одно только — глухая, тяжелая грусть, точно я потерялъ что-то дорогое. И какъ ни старалась хозяйка Заозерья меня задержать, я не могъ осилить овладѣвшаго мною чувства и, подъ предлогомъ неотложныхъ занятій у себя дома, уѣхалъ, не дождавшись обѣда.

X.

Странное по истинѣ существо человѣкъ. Я не только безусловно вѣрилъ Ксанѣ,—я всѣми силами души хотѣлъ ей вѣрить, дорожа, какъ святыней, милыми воспоминаніями о моей прежней чистой любви къ ней. И все-таки на эту святыню я мысленно посягалъ, сгорая весь отъ пламеннаго желанія овладѣть Ксаней. „Мы вѣдь оба свободны,—твердилъ я себѣ,—свободны тѣмъ болѣе, что связаны оба передъ лицомъ бездушнаго, формальнаго закона и еще болѣе бездушнаго общественнаго суда. Какое дѣло этому суду до насъ, равнодушныхъ къ его приговору, и развѣ мы виноваты, что не можемъ явно передъ всѣми зажить одною общею жизнью? Я бы ни минуты не колебался жениться на Ксанѣ, еслибы не стояли поперекъ дороги формальныя препятствія, которыхъ сломить мы не можемъ. И стало быть, отдавшись другъ другу, мы зажили бы честною жизнью, и ни одинъ честный, свободный отъ предразсудковъ человѣкъ насъ бы не осудилъ. Все это я повторялъ себѣ, вполнѣ увѣренный въ своей правотѣ, а воображеніе мое все разгоралось, рисуя мнѣ одну за другой соблазнительныя, жгучія картины. Въ сухомъ шелестѣ листьевъ, въ послѣднихъ лучахъ увядавшаго лѣта мнѣ чудились голоса, подстрекавшіе меня взять крѣпко въ руки счастье, которое само собой, такъ сказать, ко мнѣ просилось.

А между тѣмъ я не хотѣлъ признаться, что далеко не былъ увѣренъ въ этомъ счастьѣ. Ксаня выказывала мнѣ самое искреннее довѣріе. Наша близость росла съ каждымъ днемъ. Но въ этой близости столько было непринужденной простоты, Ксаня казалась такой безмятежной, что взрывъ страсти, котораго я такъ тревожно выжидалъ, все уходилъ въ неопредѣленное будущее. Кровь у меня такъ и стучала, а въ ея голосѣ нельзя было уловить неровной ноты, ея глаза блестѣли тоже безстрастно, какъ далекія звѣзды на небѣ. И попросту нельзя было нару-

шить это спокойствіе, отъ нашихъ незатѣйливыхъ бесѣдъ перейти къ инымъ,—какъ въ ясную погоду нельзя всколыхнуть тихое озеро или въ ровную фразу классической музыки вставить крикливую бурную ноту. Понемногу Ксаня разсказала мнѣ все про свою короткую замужнюю жизнь, закончившуюся непримиримымъ разрывомъ. Человѣкъ, въ объятья котораго она опрометью кинулась, грубо оборвалъ всѣ нѣжныя, до того нетронутыя струны ея нравственнаго существа, сразу поставивъ ее лицомъ къ лицу съ самой уродливой дѣйствительностью. Все ея существо возмутилось. Любовь къ этому человѣку стала отвращеніемъ. И теперь, заодно съ этимъ первымъ разочарованіемъ, самая мысль о новой привязанности сдѣлалась для нея чѣмъ-то ненавистнымъ. Я увѣрялъ ее, что одна ошибка не даетъ права отворачиваться отъ жизни, что другіе неотвѣтственны за ея мужа. Но она только упорно качала головой, и я не могъ не замѣтить, что повѣряетъ она мнѣ свое тяжелое прошлое только какъ брату. И чувствовалъ я какъ нельзя лучше, что стоило мнѣ выйти изъ этой скромной роли, потребовать бо̀льшаго, и сразу, какъ въ сказкѣ, исчезло бы очарованіе, среди котораго я жилъ за послѣднее время. Не только нарушена была бы мирная гармонія ея души,—эту душу я оттолкнулъ бы, быть можетъ, отъ себя на вѣки.

И все-таки я не могъ удовлетвориться этимъ мирнымъ счастьемъ. Внутренно я даже посмѣивался надъ собой, и какой-то злой, недовѣрчивый голосъ мнѣ подсказывалъ, что, чего добраго, подсмѣивается надо мной и она. Подчасъ я даже будто подмѣчалъ улыбку на ея губахъ, въ которой читалось скрытое торжество. Она вѣдь совсѣмъ ручнымъ меня сдѣлала, совсѣмъ послушнымъ; моя любовь, въ которой она вѣдь сомнѣваться не можетъ, для нея не болѣе, какъ игрушка. И не смѣшно ли, не безконечно ли смѣшно—съ замужней женщиной, слишкомъ хорошо узнавшей изнанку жизни, вторично проходить черезъ искусъ робкаго чувства, остановившагося когда-то передъ священною неопытностью полу-ребенка?!

И я пытки не выдержалъ. Разъ безмолвно-неподвижная августовская ночь тихо шептала мнѣ о безпредѣльномъ, о дерзостномъ счастьѣ; я медленно шелъ рядомъ съ ней по одной изъ дорожекъ стариннаго сада, и мѣсяцъ широкою струей лилъ на темную листву свой таинственный свѣтъ, и, точно прислушиваясь къ стоявшей вокругъ насъ тишинѣ, мы говорили медленно, чуть слышно говорили о самыхъ обыденныхъ предметахъ. А мнѣ точно тяжесть какая-то сдавливала грудь, что-то наружу проси-

лось. Плѣнное, скованное чувство силилось разбить свои оковы. Ксаня шла, опустивъ слегка голову, и повѣряла мнѣ свои будущіе планы, удивительно простые, безхитростные. Вдругъ она, точно усталая, оперлась на мою руку. И этого легкаго прикосновенія было достаточно, чтобы вызвать у меня взрывъ долго сдерживаемаго чувства.

— Ксаня,—зашепталъ я, стиснувъ зубы, страстнымъ, дрожащимъ шопотомъ,—я люблю васъ, люблю до боли, до страданій! Слышишь? — Я нагнулся къ ней слишкомъ близко и рука протянулась ее обнять.—Я люблю тебя... будь моею...

Я не могъ ожидать, что̀ за бурю вызоветъ мое признаніе. Она въ одно мгновеніе выскользнула изъ моихъ рукъ и вся трепещущая, съ испуганнымъ гнѣвомъ, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели вы не чувствуете, что это меня оскорбляетъ, что я этого не хочу, не хочу!.. И зачѣмъ нарушать наше доброе согласіе?.. Вѣдь такъ хорошо было!

— Ксаня! — подошелъ я къ ней, пробуя взять ее за руку.

— Нѣтъ, не подходите ко мнѣ, оставьте меня!—упавшимъ голосомъ произнесла она.—Вы не понимаете, что сдѣлали.

И слезы брызнули у нея изъ глазъ. Мое положеніе было не изъ завидныхъ. Утѣшать женщину въ томъ, что не въ пору произнесенное слово ее оскорбило,—непріятно и не легко тоже. Вѣдь это значитъ одно лишь, что подходящая струна въ отвѣтъ у нея не зазвучала;—сознавать это не особенно лестно. Мнѣ было жалко ее, какъ жалко бываетъ, когда случайно, неловкимъ движеніемъ разобьешь драгоцѣнную фарфоровую вазу, но къ этой жалости примѣшивалось внутреннее раздраженіе. Тайный голосъ опять принялся твердить, что я даю себя морочить притворщицѣ. И браня себя, я поспѣшилъ оборвать неудавшееся объясненіе.

Уже на слѣдующій день моя подозрительность нашла себѣ новую пищу. Не зная, что̀ дѣлать съ собой, потерявъ всякую охоту къ деревенскимъ занятіямъ, я поѣхалъ къ одному изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ сосѣдей. И тутъ я могъ убѣдиться, что мои частыя посѣщенія въ Заозерье хорошо извѣстны всему околотку, и что недоброжелатели Ксани не намѣрены стѣсняться моимъ присутствіемъ.

Обрывались, положимъ, съ первыхъ же словъ прозрачные намеки насчетъ владѣлицы Заозерья и послѣдствій, которыя можетъ имѣть иногда черезчуръ близкое сосѣдство. Но быстро обмѣненный взглядъ подчеркивалъ настоящую причину осторожности милыхъ сплетницъ. И какъ разъ потому, что мнѣ по на-

стоящему нельзя было и заступиться за Ксаню, недосказанные намеки были вдвойнѣ обидны. А все-таки я съ жадностью ловилъ каждую новую каплю яда, и еслибы могъ, принудилъ бы говорившихъ высказаться яснѣе. Намѣренно я завелъ рѣчь о мужѣ Ксани, объ этомъ отвратительномъ Равичѣ, допытываясь, не доводилось ли кому изъ бывшихъ тутъ его встрѣчать. Мое болѣзненное любопытство было удовлетворено вполнѣ. По наслышкѣ его знали хорошо. Это была настоящая цыганская натура, талантливая, но буйная и распущенная до крайности, одинъ изъ тѣхъ людей, которые дарованную имъ маленькую божью искру топятъ не въ винѣ только, но въ грязи. Спустивъ все до послѣдней копѣйки и все-таки не отставая отъ привычки швырять своими и чужими деньгами, онъ жилъ, чѣмъ могъ, не брезгая никакими средствами; бывалъ и нахлѣбникомъ, и шутомъ, а подчасъ и шулеромъ. И такого человѣка могла полюбить моя Ксаня!..

— Бываютъ странные вкусы, — точно угадывая мою мысль, сказала одна изъ бывшихъ тутъ дамъ. — У иныхъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ влеченіе къ испорченному, даже загрязненному. Я знавала одну дѣвушку, съ виду ангела невинности!..

И дама принялась разсказывать ужасныя вещи про этого ангела,—быть можетъ, нарочно присочиняя ихъ для меня.

— Но Ксенія Павловна,—оборвалъ я разсказъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія,—доказала вѣдь на дѣлѣ, что жить съ такимъ мужемъ, какъ Равичъ, она не въ силахъ.

— Ахъ, да,—пожимая плечами, отвѣтила дама,—они разъѣхались скоро... Ну, какъ хотите, если ничего лучшаго о женщинѣ сказать нельзя...

И когда я попробовалъ настаивать, дама съ самой небесной улыбкой, небрежно-усталымъ голосомъ, возразила:

— Знаю, знаю, и всѣ это знаютъ тоже... Ни прежде, ни послѣ, конечно... Блаженъ, кто вѣруетъ.

Меня подмывало отвѣтить, какъ она этого заслуживала. Но кому неизвѣстно, что горячо вступаться за женщину значитъ бо̀льшею частью оказывать ей плохую услугу.

Я вернулся въ Березовку съ невылившимся раздраженіемъ на душѣ и еще болѣе прежняго мучимый подозрѣніемъ.

Цѣлыхъ десять дней я не заглядывалъ въ Заозерье. Осень вступала въ свои права. То накрапывалъ мелкій, тоскливый дождь, то буря заводила въ порѣдѣвшей листвѣ злобный, печальный вой и гонимый ею дождь звонко хлесталъ о стекла. Въ каминѣ приходилось уже разводить огонь. И когда, задумчиво

усѣвшись въ кресло, я невольно прислушивался, какъ трещали дрова, странное оцѣпенѣніе меня охватывало. Какая-то неохота двигаться, даже по-просту размышлять, сковывала меня, точно и вокругъ, и во мнѣ самомъ пріостановилось само теченіе жизни. Да и жить-то было не для чего! И для меня, какъ для моей Березовки, ранняя осень наступила, и сквозь мутную, сѣрую мглу цѣли не видно, и хочется укрыться куда-нибудь, словно отъ непогоды, укрыться и замереть. И самыя воспоминанія въ сердцѣ звучатъ, какъ надтреснутыя струны. Да, во мнѣ самомъ что-то надтреснуто, и какъ ни старайся задѣлать щель, можно развѣ на время себя обмануть, будто нѣтъ ея совсѣмъ.

Скоро, однако, меня стало тяготить это леденящее нехорошее чувство, этотъ предвѣстникъ худшей изъ всѣхъ смертей — погибели того, чѣмъ жива душа. Я отряхнулъ съ себя малодушное оцѣпенѣніе и углубился въ цѣлый ворохъ годичныхъ отчетовъ о дѣятельности нашего земства. Собраніе открывалось черезъ недѣлю и надо было къ нему подготовиться. Когда личная жизнь опустѣла, воскресить въ себѣ охоту жить можно только однимъ — трудомъ на пользу широкой человѣческой семьи,—на пользу общества. И мнѣ показалось, что я дѣйствительно воскресъ. Несмотря на то, что я никого не видалъ за всѣ эти тусклые дни, безлюдье вокругъ меня словно оживилось.

Но, вотъ, на десятый день моего добровольнаго одиночества, пришла ко мнѣ записка отъ Ксани. Я тотчасъ почувствовалъ, что есть нѣчто на свѣтѣ, чего замѣнить не въ силахъ никакіе общественные интересы. Въ запискѣ стояло всего нѣсколько словъ: „Гдѣ вы, что̀ дѣлаете, отчего не показываетесь? Или вы на меня дуетесь? Не хорошо, коли такъ. Я по васъ соскучилась. К.“

Тотчасъ я приказалъ закладывать коляску, и часъ спустя она подкатила меня къ Заозерской усадьбѣ.

XI.

Ксаня встрѣтила меня будто съ недоумѣвающимъ вопросомъ на лицѣ. Но вопроса этого она не высказала. Она словно приглашала меня только высказаться самому. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ мы снова встрѣтились въ это лѣто, что-то почти смущенное читалось въ ея глазахъ. Она приняла меня въ гостиной. Всѣ окна были наглухо закрыты. Идти въ садъ—нечего было и думать. Непогода стихла, правда, но съ хмураго неба все еще накрапывалъ дождь, и вѣтеръ уныло качалъ обмокшія вѣтви.

Сразу мы не попали оба въ настоящій тонъ. Мы старались казаться непринужденными и чего-то словно избѣгали, точно бережно обходя какое-то опасное мѣсто. Эта натянутость продолжалась до самаго обѣда. Мы говорили о хозяйствѣ; я спросилъ—долго ли она думаетъ остаться въ Заозерьѣ и не пугаетъ ли ее надвигавшаяся осень. Она отвѣтила какъ-то нерѣшительно. Но когда мы усѣлись за столъ и подававшій намъ луга вышелъ, Ксаня вдругъ разсмѣялась.

— А мы съ вами будто комедію разыгрываемъ сегодня,—сказала она,—и заученныя фразы повторяемъ... И я вижу, что не ошиблась: вы въ самомъ дѣлѣ на меня дуетесь, а по настоящему?..

Я молча на нее взглянулъ, пристально всматриваясь въ ея черты. Неужели это искреннее, будто прозрачное лицо все-таки лгало, и это выраженіе задушевной безъискусственности—одно умѣлое притворство? Нѣтъ, это не могло быть,—говорилъ я себѣ. А другой, затаенный голосъ все-таки не переставалъ твердить, что я, какъ неопытный мальчикъ, даю себя въ обманъ.

— Ну,—продолжала она непринужденно,—чья бы ни была вина, давайте помиримся. Жить въ Заозерьѣ и чувствовать себя почти въ ссорѣ съ вами—это черезчуръ скучно. Вѣдь такъ хорошо было сознавать, что мы давнишніе, хорошіе пріятели и до всего остальнаго міра намъ дѣла никакого нѣтъ. Только миръ мы подпишемъ подъ однимъ условіемъ—чтобы никогда уже, никогда...

Я взглянулъ на нее опять, дожидаясь, чтобы она договорила. Но подъ моимъ упорнымъ холоднымъ взглядомъ—какъ мнѣ показалось—будто опустились ея рѣсницы, и начатая фраза такъ и осталась недоговоренной. Злое чувство внутри меня побѣдило.

— Вы сами говорите,—отвѣтилъ я, кажется, съ очень недоброй улыбкой на губахъ,—что намъ обоимъ дѣла нѣтъ до всего остальнаго міра, т.-е., попросту, до сплетенъ, а сплетни эти—не скрою отъ васъ—начались. Такъ будьте же послѣдовательны, сбросьте въ самомъ дѣлѣ съ себя эту боязнь передъ какимъ-то общественнымъ мнѣніемъ!

Лицо ея видимо преобразилось. Оно стало почти суровымъ.

— Нѣтъ, не передъ общественнымъ мнѣніемъ,—произнесла она,—только передъ моимъ собственнымъ. Я дорожу правомъ уважать себя. Или вы этого не понимаете?

Ироническія искорки, должно быть, заходили въ моихъ глазахъ. Ксаня вся вспыхнула.

— Вы, значитъ, сами повѣрили тому, что̀ вамъ говорили на

мой счетъ!..—И низкія, дрожащія ноты послышались въ ея голосѣ.
—Въ васъ я, стало быть, ошиблась.

Я попробовалъ небрежно встряхнуть плечами.

— Ксенія Павловна! Вы очень молоды, и съ изнанкой жизни вы успѣли познакомиться. Вы хорошо знаете, что въ вашемъ положеніи уйти отъ чужихъ пересудъ трудно.

— До пересудъ, говорю вамъ, мнѣ нѣтъ дѣла,—запальчиво отвѣтила она,—пока онѣ идутъ отъ чужихъ равнодушныхъ людей; но когда вы тоже, вы... Я въ глазахъ вашихъ читаю недовѣріе,—добавила она, увидавъ, что я усиленно покачалъ головой.

Нечего и говорить, что ни одинъ изъ насъ не прикоснулся ни до одного блюда. А во мнѣ опять зашевелилось чувство жалости. Вѣдь я любилъ ее, всѣми силами души любилъ, и все-таки немилосердно оскорблялъ. Неужели моя любовь—одно только хищное желаніе, и не могу я даже пощадить ее своими обидными подозрѣніями? И я заговорилъ уже иначе, сердечно, горячо, увѣряя, что болѣе безкорыстнаго, преданнаго друга нѣтъ и не будетъ у нея, что мнѣ одного нужно—уберечь ее отъ прикосновенія суровой дѣйствительности, дать ей позабыть о прошломъ. Глаза ея сверкали, пока я это говорилъ.

— Вы хотите уберечь меня, безкорыстно уберечь... Вы?.. Полноте!..

— Да будемъ же наконецъ вполнѣ откровенны другъ съ другомъ. Мы оба въ одинаковомъ положеніи. Насъ обоихъ теченіе выбросило на берегъ. Среди правильной, обычной жизни заурядныхъ людей намъ мѣста нѣтъ. Такъ подадимъ же другъ другу руку. Мы оба одинокіе, буреломные.

— И все-таки вамъ хочется новой бури? — чуть замѣтно улыбнулась она, вставая со стула.

— Грѣшно вамъ шутить, Ксенія Павловна, — отвѣтилъ я, проходя съ нею въ гостиную.—Дѣло идетъ о всемъ нашемъ будущемъ.

Она опустилась на диванъ и молча, пристально на меня взглянула. Внесли на подносѣ кофе. Она принялась наливать и заговорила, когда вышелъ слуга:

— Прежде всего я хочу, чтобы это будущее не походило на прошлое. Вы и представить себѣ не можете, какъ страстно мнѣ одного хочется—покоя, мира съ другими и съ собой.

— Страстно хочется—и только покоя?—спросилъ я.

— Во мнѣ еще не зажила рана отъ перваго жестокаго

разочарованія, и вамъ страннымъ кажется, что эту рану я не хочу растравлять вновь?

— Ахъ, Ксенія Павловна!—съ искренней задушевностью воскликнулъ я.—Вы ищете лекарства, котораго нѣтъ. Одно можетъ возвратить вамъ тотъ миръ, котораго вамъ хочется—новая привязанность. Я понимаю васъ, понимаю вашу жажду замкнуться въ себя, успокоиться, позабыть. Какъ ни тяжело мнѣ сознавать, что... Ну, да все равно! Дѣло не въ моемъ самолюбіи... Я имъ охотно пожертвую ради вашего счастья. Только счастья этого вамъ не найти въ одиночествѣ... Я это по опыту знаю... Одиночество горько...

Она меня слушала теперь внимательно съ какой-то мягкою, почти безпомощной улыбкой на лицѣ. Я говорилъ долго и, кажется, краснорѣчиво. Я чувствовалъ, что всѣ свои надежды ставлю на одну послѣднюю карту. Ксаня сравнивала нашу мирную товарищескую близость съ тѣмъ бурнымъ чувствомъ, которое возбудилъ въ ней когда-то ея негодяй-мужъ, и увы!—сравненіе выходило не въ мою пользу. Я это понималъ какъ нельзя лучше. Ей рѣшимости не хватало и довѣрія ко мнѣ тоже броситься на встрѣчу новому чувству и отдать мнѣ себя, свое будущее. Но я не отчаявался. Я вѣрилъ въ силу своей любви, своей преданности, вѣрилъ особенно потому, что вѣчный эгоизмъ страсти, видя передъ собой одну только жадно преслѣдуемую цѣль, и знать не хочетъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ эта страсть оправдать свои обѣщанія...

Должно быть, слова мои дѣйствовали. Головка ея опускалась все ниже. Рука, на которую она оперлась, задрожала, и двѣ блестящія слезинки показались на ея рѣсницахъ и медленно скатились по щекамъ. Ксаня меня не прерывала. Изрѣдка только недоумѣвающее, боязливое восклицаніе служило отвѣтомъ на мои горячія слова. Когда я кончилъ, она глубоко вздохнула и медленно поднялась.

— Хотите, я вамъ что-нибудь сыграю?—спросила она тихо, усаживаясь за рояль. Она играла долго. Тихой, сладостной грустью звучали пьесы, сами собой какъ-то просившіяся подъ ея пальцы. Отъ Шумана она перешла къ Шопену, потомъ къ Григу. Я слушалъ молча и въ недоумѣвающихъ, то болѣзненныхъ, то ироническихъ музыкальныхъ фразахъ мнѣ будто слышался подчасъ утвердительный отвѣтъ. Теперь, когда я вспоминаю про эти минуты, мнѣ больно дѣлается на сердцѣ, и дорого, очень дорого я бы далъ, чтобы ихъ воскресить.

— Ну, будетъ съ васъ, кажется, — сказала она, закрывая крышку.

Я хотѣлъ похвалить ея игру, но она меня остановила:

— Нѣтъ, не надо... пожалуйста не надо... Я знаю, что вы слушали внимательно, а я играла не пальцами только, а всей душой, и не для того, конечно, чтобы вы мою игру похвалили. А теперь, Александръ Димитріевичъ... прощайте!.. И завтра... завтра...— голосъ ея почти оборвался—пріѣзжайте обѣдать.

Дома я нашелъ неожиданное извѣстіе. Почта пришла въ мое отсутствіе, и на одномъ изъ писемъ я узналъ почеркъ Аглаи. Письмо было помѣчено изъ Петербурга. Аглая вернулась и съ невозмутимымъ спокойствіемъ извѣщала, что поселилась у меня. О нашемъ уговорѣ ни слова, точно его и не было совсѣмъ. „Впрочемъ, я въ Петербургѣ всего на нѣсколько дней, чтобы осмотрѣться и отдохнуть, а затѣмъ я пріѣду въ Березовку, гдѣ ни разу еще не была. Петербургъ совершенно пустъ, и дѣлать мнѣ здѣсь нечего“.

Ея беззастѣнчивость меня взорвала. Эта высоко изящная женщина своимъ будто полированнымъ умомъ не задумывалась нарушить наше условіе, какъ скоро это ей представлялось удобнымъ. Удивительная черствость скрывается иной разъ подъ самымъ изысканнымъ лоскомъ. И причина ея страннаго поведенія была мнѣ ясна: у нея не хватило денегъ, и надо было ихъ выманить у меня какимъ бы то ни было способомъ. Но допустить ея пріѣздъ въ Березовку я не могъ ни подъ какимъ видомъ. Теперь, когда новая жизнь для меня начиналась, встрѣтиться съ Аглаей, принять ее въ свой домъ я не согласился бы ни за что. И планъ дѣйствія у меня созрѣлъ мгновенно. Аглаѣ нужны были деньги—я долженъ отъ нея откупиться,—и я это сдѣлаю. Дѣдовскій боръ, который я такъ бережно хранилъ, сослужитъ мнѣ эту службу. И я велѣлъ позвать къ себѣ Ѳому Самойлова. Дѣло съ нимъ было улажено въ нѣсколько минутъ. Только за то, что вторично онъ явился на мой зовъ, я долженъ былъ поплатиться нѣсколькими тысячами. Ѳома совершенно позабылъ о своей прежней готовности дать за лѣсъ настоящую цѣну.

Но мнѣ было не до того. Лихорадочно я ждалъ минуты, когда наступитъ пора снова поѣхать въ Заозерье. И пора наступила. День былъ ясный и тихій, и я велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Ночью передъ тѣмъ грянулъ первый морозъ, отъ котораго и теперь еще копыта моего жеребца звонко стучали по гладкой дорогѣ. А солнце такъ весело грѣло и бѣлыя облака бѣжали такъ быстро, гонимыя южнымъ вѣтромъ.

Странное зрѣлище ожидало меня въ Заозерьѣ. Окна были заколочены, и тотъ самый слуга, который еще наканунѣ во фракѣ служилъ намъ за обѣдомъ, теперь съ метлой въ рукѣ возился около крыльца въ грязной ситцевой рубахѣ. Увидавъ меня, онъ глупо осклабился.

— А барыня наша, — сказалъ онъ, скидывая картузъ, — Ксенія Павловна, то-есть, — сегодня утромъ уѣхать изволили-съ. А для васъ письмецо отъ нихъ есть... Сію минуту доставлю.

И онъ побѣжалъ доставать письмо.

XII.

Вотъ что̀ я прочелъ, распечатавъ конвертъ дрожащими пальцами:

„Не сердитесь на меня и не обвиняйте въ неискренности. Повѣрьте, такъ для насъ обоихъ лучше. Вчера, когда мы разстались, я сама еще не знала, что уѣду сегодня. Долго, всю ночь я раздумывала о томъ, что̀ вы мнѣ говорили, и увѣряю васъ, я бы не остановилась передъ какими-нибудь условными обязанностями, еслибы... еслибы я въ себѣ самой почувствовала достаточно силы, чтобы навсегда безповоротно стать вашей. Но — тяжело мнѣ дѣлать вамъ это признаніе — такой силы во мнѣ нѣтъ. Я слишкомъ хорошо узнала, что̀ такое настоящая страсть, какъ она мигомъ заглушаетъ всякій другой внутренній голосъ, чтобы ошибиться насчетъ моего чувства къ вамъ. Я люблю васъ, какъ... Я не хочу сказать, какъ брата — это почти обидно — но какъ очень близкаго, милаго, дорогого человѣка. И все-таки это не настоящая любовь, не та, изъ-за которой все забывается — и совѣсть, и долгъ, и роковое неминуемое раскаяніе. Такое раскаяніе я испытала, и ни за что, ни за что не хочу пройти черезъ него вторично. Вы, конечно, не похожи на моего бывшаго мужа. Но именно потому, что вы такой хорошій и честный человѣкъ, вы имѣете право на безраздѣльную, даже на слѣпую привязанность. А такой привязанности я вамъ дать не могу. Я испытала себя внимательно, съ полной искренностью, я спрашивала у себя много разъ — готова ли я вамъ все отдать — спокойствіе, которое я съ такимъ трудомъ себѣ вернула, будущее мое, которое, быть можетъ, передо мной еще длинно и тяжело, право на собственное уваженіе наконецъ... и во мнѣ поднялись сомнѣнія. Да и въ своей любви ко мнѣ вы ошибаетесь. Я вѣдь хорошо поняла вчера, что словамъ моимъ вы не

довѣряете, что стоило кому-то вамъ насплетничать на меня, и у васъ зародился безпокойный вопросъ: „а кто знаетъ—она, пожалуй, такая же, какъ многія, и всей правды она мнѣ не сказала“. Даю вамъ слово теперь —я вамъ сказала всю правду.—Но вотъ еще одна истина, которую не мѣшаетъ вамъ сказать на прощанье. Одно только помогаетъ въ жизни пройти черезъ всѣ затрудненія—это полная, безграничная вѣра другъ въ друга. Какъ лунатики проходятъ черезъ опасныя мѣста съ закрытыми глазами, такъ съ этой вѣрой можно пройти мимо любой клеветы, мимо любого сомнѣнія, и не поскользнуться, не потерять равновѣсія. И ея-то въ васъ нѣтъ, а стало быть и не будетъ. Нѣтъ ея, можетъ быть, и у меня, признаюсь въ этомъ откровенно. Иначе я вамъ такъ не писала бы, а протянула бы къ вамъ обѣ руки и забыла бы про все. Одного я забыть не могу—моего прежняго чувства къ вамъ, когда я была дѣвушкой. Оно дорого мнѣ, хоть и не походило оно на другое, вихремъ охватившее меня позднѣе. О, еслибы тогда вы прямо, открыто сказали, что полюбили меня,—я довѣрчиво, радостно отдала бы вамъ свое будущее. И, можетъ, лучше было бы, кабы я той жгучей любви не узнала. Мы бы прожили хорошо, я думаю. А теперь—мнѣ жаль этого воспоминанія. Испортить его я не хочу. И послѣ того, что̀ я вынесла, мнѣ такъ хочется мира и покоя, что я, думается мнѣ, не способна заново полюбить. Вы вчера правду сказали, что мы оба съ вами—буреломные люди. У насъ обоихъ сердце надтреснутое. Что̀ дѣлать—это грустная истина, но лучше ее признать, чѣмъ идти на встрѣчу новымъ разочарованіямъ. Тотъ, кто проѣхалъ разъ по изрытой, мучительной дорогѣ, вторично уже не пустится по ней въ путь.

„Итакъ, прощайте, милый мой, хорошій! Прощайте навсегда и не ищите со мной встрѣтиться. Не сердитесь на меня за это скучное письмо. Оно причинитъ, быть можетъ, вамъ страданіе, но зато избавитъ васъ отъ страданія гораздо худшаго. Да и жизнь вѣдь не кончена. Мы оба еще молоды, хоть и много испытали нехорошаго. И въ будущемъ, когда улягутся дурныя воспоминанія, и раны заживутъ, много еще, быть можетъ, намъ встрѣтится на пути хорошаго... Но теперь, когда прошлое всей своей тяжестью насъ давитъ, мы оба не способны на то полное, свѣтлое, бодрое счастье, которое одно только и можетъ извинить да и искупить тоже забвеніе долга. И вотъ вамъ мое завѣщаніе—вѣдь я для васъ то же, что̀ покойница теперь—есть одно чувство, которое не измѣняетъ никогда и въ которомъ разочароваться нельзя, это—чувство любви къ ближнимъ. Оно холодно

немножко—это правда, но въ немъ вся горечь сердца растворяется, какъ въ морѣ растворилась бы капля яда. Отдайтесь безкорыстному служенію людямъ—если не близкимъ, то по крайней мѣрѣ сосѣднимъ. Я не говорю вамъ—служите человѣчеству: это слишкомъ обширно и оттого неопредѣленно. Помогайте тѣмъ, кого судьба поставила съ вами рядомъ. Найдете себѣ работу и утѣшеніе. Я и замѣтить успѣла, что васъ уже потянуло на этотъ хорошій путь. Ну, а теперь еще разъ прощайте.

„Жму вамъ крѣпко, крѣпко руку".

Итакъ,—кончено!

Лучъ свѣта, блеснувшій на мигъ, угасъ. А можетъ быть, вчера еще—не прочти она въ моихъ глазахъ оскорбившей ее недовѣрчивой улыбки—можетъ быть... Да нѣтъ! Коли ужъ возстановлять непоправимое прошлое,—зачѣмъ я не сказалъ ей про свою любовь, когда мы оба были еще нетронуты жизнью? Ея чуть забрезжившее чувство, какъ нераскрытый еще цвѣтокъ, ждало только луча любви, чтобы распуститься во всемъ своемъ благоуханіи. И позже, когда я увидѣлъ ее плачущей на террасѣ, зачѣмъ не бросился я къ ея ногамъ? Меня удержали мои отношенія къ Аглаѣ... Будущее скоро показало мнѣ ихъ настоящую цѣну. Какъ не съумѣлъ я отличить мнимый долгъ отъ истиннаго!.. Сколько суевѣрія, сколько нелѣпой условности искажали даже голосъ совѣсти, этого мнимо неподкупнаго внутренняго судьи! Аглая! Проклятъ будь день, когда я поддался обаянію ея лживаго ума. При одной мысли о ней во мнѣ поднялось холодное негодованіе, непохожее даже на ненависть... И въ ненависти еще слышится прежняя отцвѣтшая любовь, а для меня она стала постороннимъ существомъ, но однимъ изъ тѣхъ, надъ которыми хладнокровно произносишь осужденіе, когда узнаешь про совершенную ими низость...

Мысль преслѣдовать, отыскать Ксаню мнѣ и въ голову не пришла. Слишкомъ хорошо я сознавалъ, что это не привело бы ни къ чему. Ея письмо на этотъ счетъ не оставляло никакого сомнѣнія. Надо было мужественно вырвать изъ жизни, если не изъ памяти, эту недочитанную страницу, разстаться съ этой послѣдней дорогой иллюзіей. Будущее,—говорила она,—многое, быть можетъ, еще сулитъ впереди... только врядъ ли для меня. Полюбить вновь, какъ любилъ я Ксаню, врядъ ли мнѣ суждено, да и не хотѣлъ бы я этого. Буреломныя деревья не зацвѣтаютъ опять. Осталось мнѣ одно—исполнить ея завѣтъ: трезво ограни-

читься задачей, какую ставила передо мной сѣренькая дѣйствительность, и въ этой прозѣ отыскать себѣ клочокъ поэзіи. Можетъ быть, онъ и найдется... Прочь всѣ призраки—и мишура, и честолюбіе, и марево страсти!.. Надо приняться за скромное, будничное дѣло, какое всякому дается по мѣрѣ его способностей.

Аглаѣ я написалъ, что въ Петербургъ я не вернусь ранѣе конца октября и квартиру свою пока отдаю въ ея распоряженіе. Въ Березовку я просилъ ее не пріѣзжать. Въ случаѣ же какихъ-нибудь финансовыхъ затрудненій, я готовъ былъ ей помочь, лишь бы она избавила меня отъ всѣхъ личныхъ объясненій.

Земское собраніе въ этомъ году не походило на прежнее. Какое-то уныніе нависло надъ всѣми. Даже Буйносовъ упалъ духомъ и какимъ-то вялымъ казался. Но я не хотѣлъ подчиниться этому настроенію. Мнѣ думалось, что истинно-безкорыстная любовь къ родинѣ всего лучше сказывается на маленькомъ, даже на тускломъ дѣлѣ, гдѣ не заманиваетъ блескъ широкаго размаха. Я высказалъ это, между прочимъ, Буйносову, замѣтивъ, что и онъ жалуется на приниженность земства.

— Ну, Ѳедоръ Кирилловичъ,—сказалъ я ему,—бѣда, коли и вы тоже дадите въ себѣ угаснуть священному огню и станете презирать наши мелкія дѣла. Помните, цѣлые острова выростаютъ среди океана изъ кропотливой работы полиповъ. Все въ мірѣ самое великое изъ крошечныхъ зародышей создается. Мы, люди—тѣ же полипы, только разумные. Благо и честь намъ, коли мы станемъ творить неслышное дѣло, готовые помириться даже съ тѣмъ, что и нашихъ именъ никто не узнаетъ.

Лицо старика повеселѣло.

— А, вотъ вы какой!—воскликнулъ онъ.—Бывали примѣры, что отъ насъ способные люди уходили въ Петербургъ плавать пошире; а чтобы къ намъ изъ Петербурга возвращались на скромную нашу возню,—этого до сихъ поръ не видано... Ну, обрадовали меня, старика. Будьте у насъ первой ласточкой. Когда-нибудь прихлынетъ назадъ къ намъ волна, все унесшая съ собою въ столицу... Тогда и наступитъ для Россіи настоящая весна.

К. Головинъ.

СОНЕТЫ
ШЕКСПИРА

Полное собраніе сонетовъ Шекспира появилось въ печати въ 1609 г. Издатель ихъ, Томасъ Торпъ, предпослалъ имъ посвященіе, изъ котораго можно было видѣть, что вдохновителемъ поэта былъ нѣкто мистеръ W. H. Тѣмъ не менѣе, до начала XIX-го столѣтія большинство комментаторовъ Шекспира было убѣждено, что въ сонетахъ выражается пламенная любовь поэта къ неизвѣстной лэди. Такое убѣжденіе представлялось совершенно понятнымъ и естественнымъ—до такой степени страстная привязанность Шекспира къ неизвѣстному другу походила на обожаніе любимой имъ женщины. Позднѣе, когда вполнѣ выяснилось, что первые 126 изъ общаго числа 154 сонетовъ посвящены лицу мужескаго пола, между изслѣдователями возникли самыя разнообразныя предположенія. Перебирались всѣ близкія къ Шекспиру лица съ иниціалами W. H. Нѣкоторые прямо отрицали самое существованіе какого-нибудь мистера W. H.; и въ настоящее время одни утверждаютъ, что воспѣваемымъ другомъ не могъ быть никто другой, какъ графъ Соутгэмптонъ, другіе— графъ Пемброкъ. Въ молодой смуглой лэди, которой посвящены остальные 28 сонетовъ, узнаютъ фрейлину королевы Елизаветы, мистриссъ Мэри Фиттонъ.

Сонеты Шекспира въ своей послѣдовательности представляютъ цѣнный біографическій матеріалъ. Въ своемъ выборѣ мы останавливались, на-ряду съ сонетами, наиболѣе проникнутыми любовью къ другу, и на такихъ, въ которыхъ сквозь призму нѣжной дружбы просвѣчиваютъ черты Шекспировскаго міросозерцанія.

Изслѣдователи Шекспира указываютъ, что въ своихъ сонетахъ онъ сходитъ съ пьедестала генія и, какъ обыкновенный человѣкъ, плачетъ и жалуется на судьбу. Вотъ эти-то общечеловѣческія черты генія и останавливали болѣе всего наше вниманіе.

Сначала мы помѣстили сонетъ LXXVI, объясняющій причину однообразія всѣхъ остальныхъ пѣсенъ. Потомъ слѣдуютъ 6 сонетовъ (XXII, XXVII, XXXI, XXXVIII, XLI и LXXXI), въ которыхъ наиболѣе ярко выражена его горячая любовь къ другу. Сонеты XCVII и XCVIII раскрываютъ состояніе души влюбленнаго поэта во время разлуки съ милымъ сердцу, а CXVI—его твердую вѣру въ истинную любовь, истинную дружбу, которая устоитъ передъ разлукой и передъ какими угодно препятствіями. Далѣе идутъ сонеты, особенно интересные въ психологическомъ отношеніи. Въ XVIII и XXV высказывается недовѣріе Шекспира къ прочности житейскихъ благъ, въ LII—взглядъ на относительность счастья, на причины, заставляющія людей цѣнить его. Сонеты LX и LXVI проникнуты глубокимъ пессимизмомъ; въ послѣднемъ находятся прозрачные намеки на суровый политическій режимъ Елизаветы. Въ XXX и LXXIII слышится глубокая грусть поэта.

28 послѣднихъ сонетовъ, посвященныхъ женщинѣ, не представляютъ особаго интереса. Въ нихъ выраженія любви даже значительно блѣднѣе, чѣмъ въ предъидущихъ сонетахъ. Очевидно, Шекспиръ вносилъ въ свои новыя отношенія гораздо больше критики (описаніе наружности въ CXXX сонетѣ). Сонетъ CXLV представляетъ граціозную шутку, шаловливый эпизодъ любви. Въ заключеніе мы помѣстили чрезвычайно характерное обращеніе поэта къ своей душѣ (сонетъ CXLVI), быть можетъ, послужившее поводомъ для комментаторовъ настаивать на томъ, что и всѣ сонеты были бесѣдою поэта съ самимъ собою.—С. И.

1.

(LXXVI).

Зачѣмъ такъ странно чуждъ моимъ стихамъ
Новѣйшій ритмъ и способъ выраженья?
Зачѣмъ я не ищу по сторонамъ,
Какъ помоднѣй излить мнѣ вдохновенье?

Зачѣмъ всегда я объ одномъ пою,
На старый ладъ настроивъ лиру снова,
И простодушно этимъ выдаю
И автора, и цѣль любого слова?
Затѣмъ, что я лишь о тебѣ пишу,
Тебя пою свободными стихами,
Про все-жъ, что̀ въ сердцѣ такъ давно ношу,
Могу сказать лишь старыми словами...
Съ зарею солнце молодѣетъ вновь,
А съ новой пѣсней—старая любовь.

2.

(XXII).

Пока твои прелестныя черты
Еще щадитъ безжалостное время,
Я такъ же свѣжъ и молодъ, какъ и ты,
И плечъ моихъ не давитъ жизни бремя.
Могу-ль тебя, о другъ, я быть старѣй?
Въ моей груди твое вѣдь сердце бьется,
Мое-жъ трепещетъ радостно въ твоей.
Состарѣться намъ вмѣстѣ остается.
Щади-жъ себя для сердца моего,
Твое беречь я также не забуду.
Какъ мать хранитъ ребенка своего,
Стеречь его отъ грозъ житейскихъ буду.
А коль мое умретъ въ твоей груди,
Свое обратно отъ меня не жди.

3.

(XXVII).

Я въ мирномъ снѣ ищу успокоенья
Отъ будничныхъ заботъ и суеты.
Напрасно все. Не спитъ воображенье;
Спокойно тѣло,—бодрствуютъ мечты.
Онѣ къ тебѣ стремятся, другъ далекій,
Широкою и властною волной.
Застлалъ мнѣ взоръ полночи мракъ глубокій,
Какъ взоръ слѣпого, черной пеленой.

Но я не слѣпъ. Передо мной витаетъ
Твой милый образъ. Освѣщая ночь,
Онъ какъ звѣзда во тьмѣ ея блистаетъ,
Съ ея лица морщины гонитъ прочь.
Итакъ, днемъ члены отдыха не знаютъ,
А ночью мысли къ другу улетаютъ.

4.

(XXXI).

Сердца давно оплаканныхъ друзей
Въ твоей груди въ согласьѣ чудномъ бьются.
Не думалъ я, что чувства прежнихъ дней
Въ тебѣ одномъ таинственно сольются.
Не думалъ я, что всѣ, кого любилъ,
Кому во слѣдъ неслись мои рыданья,
О комъ въ тоскѣ такъ долго слезы лилъ,
Въ тебѣ воскреснутъ въ прежнемъ обаяньѣ.
Въ твоей груди вся прежняя любовь
И все богатство чувствъ моихъ сокрыто,
И для тебя теперь пылаетъ вновь—
Что̀ для друзей былыхъ уже забыто.
Я ихъ любилъ, предвидя образъ твой,
И ты за всѣхъ теперь владѣешь мной.

5.

(XXXVIII).

Пока перомъ моимъ ты управляешь,
Не хочетъ муза темъ иныхъ искать,
Хотя не все, что̀ ты въ мой стихъ вливаешь,
Я на бумагѣ въ силахъ передать.
Къ себѣ неси свою ты благодарность
За гимнъ, моей написанный рукой:
Повѣрь, одна лишь полная бездарность
Не вдохновится темою такой.
Къ чему-жъ искать иного мнѣ сюжета?
Пусть девять музъ—десятая затмитъ,
Въ безсмертныхъ пѣсняхъ твоего поэта
Пусть имя друга міру прогремитъ.

Коль стихъ мой нынѣ цѣнитъ свѣтъ суровый,—
Возьми по праву мой вѣнокъ лавровый.

6.

(XLI).

Пусть тьмою сонъ окутаетъ меня,
Во тьмѣ острѣй мое бываетъ зрѣнье;
Уставъ служить пустымъ заботамъ дня,
Мой взоръ тебя ласкаетъ въ сновидѣньѣ.
И призракъ твой ночную гонитъ тѣнь,
Твой легкій призракъ, сотканный мечтою.
Явись ты самъ—и самый свѣтлый день
Передъ твоей померкнетъ красотою.
Твой образъ свѣтитъ мнѣ сквозь мракъ ночной...
Когда-жъ придетъ желанный часъ свиданья
И на яву мы встрѣтимся съ тобой!
Отъ долгаго усталъ я ожиданья.
Вѣдь безъ тебя свѣтъ кажется мнѣ тьмой,
Съ тобой же ночь ясна, какъ свѣтъ денной.

7.

(LXXXI).

Иль ты умрешь, а я останусь жить,
Чтобъ тѣнь твою послѣдній разъ прославить,
Иль прежде я умру,—тебя забыть
Не можетъ смерть жестокая заставить.
Пусть я забытъ, пусть равнодушный свѣтъ
Мою могилу лавромъ не вѣнчаетъ,
Но образъ твой оставитъ яркій слѣдъ,
Въ безсмертіи предъ міромъ заблистаетъ.
Твой памятникъ, живая пѣснь моя,
Въ грядущія проникнетъ поколѣнья,
Сквозь даль временъ твой образъ, жизнь твоя
Зажгутъ въ сердцахъ восторгъ и умиленье.
Ты въ пѣсняхъ будешь жить изъ вѣка въ вѣкъ,
Пока землей владѣетъ человѣкъ.

8.

(XCVII).

Какой студеной, хмурою зимою,
Какой завѣсой непроглядной тьмы
Я окруженъ былъ въ дни, когда съ тобою
Разлучены, другъ нѣжный, были мы.
Пора межъ тѣмъ стояла золотая:
Смѣняя лѣто, осень плодъ несла,
Обильный плодъ, что отъ красавца мая
Она весной веселой зачала.
Но сиротливой, жалкой нищетою
Казалась мнѣ вся эта благодать.
Всю жизнь, всю радость ты унесъ съ собою,
И даже птицы громко щебетать
Не смѣли въ рощахъ, иль печальнымъ пѣньемъ
Листву пугали стужи приближеньемъ.

9.

(XCVIII).

Въ разлукѣ были мы. Кругомъ шумѣлъ
Въ своемъ цвѣтномъ плащѣ апрѣль веселый.
Вдохнуть во все онъ молодость съумѣлъ;
Казалось, прыгалъ самъ Сатурнъ тяжелый.
Ни пѣнье птицъ, ни яркіе цвѣты
Съ ихъ ароматомъ, прелестью уборовъ,
Ничто моей не трогало мечты,
Не привлекало равнодушныхъ взоровъ.
Я не плѣнялся блѣдностью лилей
И горделивыхъ розъ румянцемъ смѣлымъ:
Цвѣты казались копіей твоей,
Срисованной художникомъ умѣлымъ;
И безъ тебя апрѣль мнѣ былъ зимой,
Лишь тѣнь твоя—цвѣты—была со мной.

10.

(CXVI).

Ничто не можетъ помѣшать слiянью
Двухъ сродныхъ душъ. Любовь не есть любовь,
Коль поддается чуждому влiянью,
Коль отъ разлуки остываетъ кровь.
Всей жизни цѣль, любовь повсюду съ нами,
Ее не сломятъ бури никогда,
Она во тьмѣ, надъ утлыми судами
Горитъ, какъ путеводная звѣзда.
Бѣгутъ года, а съ ними исчезаетъ
И свѣжесть силъ, и красота лица;
Одна любовь крушенья избѣгаетъ,
Не измѣняя людямъ до конца.
Коль мой примѣръ того не подтверждаетъ,
То на землѣ никто любви не знаетъ.

11.

(XVIII).

Я съ лѣтнимъ днемъ сравнить тебя готовъ,
Но онъ не столь безоблаченъ и кротокъ;
Холодный вѣтеръ не щадитъ цвѣтовъ,
И жизни лѣтней слишкомъ срокъ коротокъ:
То солнце насъ палящимъ зноемъ жжетъ,
То ликъ его скрывается за тучей...
Прекрасное, какъ чудный сонъ, пройдетъ,
Коль повелитъ природа или случай.
Но никогда не можетъ умереть
Твоей красы плѣнительное лѣто.
Не можетъ смерть твои черты стереть
Изъ памяти забывчиваго свѣта.
Покуда кровь кипитъ въ людскихъ сердцахъ,
Ты не умрешь въ моихъ живыхъ стихахъ.

12.

(XXV).

Кто подъ счастливой родился звѣздой,
Тотъ въ правѣ блескомъ почестей гордиться,
Но я, довольный скромною судьбой,
Съумѣю лучшимъ счастьемъ насладиться.
Предъ сильнымъ міра ловкій фаворитъ,
Какъ златоцвѣтъ подъ солнцемъ, расцвѣтаетъ,
Но хмурый взглядъ—и разомъ онъ убитъ,
И въ мигъ его величье исчезаетъ...
Пусть воинъ далъ отчизнѣ рядъ побѣдъ,—
Лишь разъ накажетъ рокъ его ошибкой,
И прежняго восторга стынетъ слѣдъ,
Смѣняясь вдругъ презрительной улыбкой.
Нѣтъ, я доволенъ жребіемъ своимъ:
Любимымъ другомъ нѣжно я любимъ.

13.

(LII).

Похожъ я на скупого богача:
Лишь изрѣдка любуясь блескомъ клада,
Онъ достаетъ его изъ-подъ ключа;
Ему мила запретная отрада.
Не потому ль радъ празднику народъ,
Что нѣсколько лишь яркихъ дней веселья
Приходится на весь рабочій годъ.
Вѣдь крупныхъ перловъ мало въ ожерельѣ...
Какъ мой сундукъ ревниво стережетъ
Красивѣйшій нарядъ для воскресенья,—
Скупое время жадно бережетъ
Нечастыхъ встрѣчъ волшебныя мгновенья.
И я, мой другъ, всегда съ тобой живу,
Иль въ золотыхъ мечтахъ, иль наяву.

14.

(LX).

Какъ волнъ морскихъ ритмическій прибой,
Несутся легкокрылыя мгновенья,

Несутся вдаль поспѣшной чередой,
Не зная цѣли вѣчнаго движенья.
На утлой лодкѣ жалкій человѣкъ
Чрезъ море жизни быстро проплываетъ;
Въ борьбѣ за счастье свой истративъ вѣкъ,
Онъ никогда его не достигаетъ.
И не родилось до сихъ поръ красы,
Которую бы время пощадило.
Все губитъ мѣрный взмахъ его косы,
Все сокрушаетъ гибельная сила.
Но пѣснь моя съумѣетъ устоять
И долго будетъ друга прославлять.

15.

(LXVI).

Я смерть зову измученной душою,
Уставъ смотрѣть, какъ слѣпъ капризный рокъ,
Какъ добродѣтель борется съ нуждою
И въ золотѣ купается порокъ.
Какъ рядомъ съ вѣрой—ложь живетъ на свѣтѣ,
Какъ лаврами ничтожество дарятъ,
Невинность какъ безстыдно ловятъ въ сѣти,
Какъ всюду силы темныя царятъ.
Какъ ротъ искусству нагло зажимаютъ,
Какъ въ немъ судьей невѣжда хочетъ быть,
Какъ глупостью правдивость называютъ,
Какъ добродѣтель злу должна служить...
Уйти бъ скорѣй въ прохладный мракъ могилы,
Да друга бросить здѣсь не хватитъ силы.

16.

(XXX).

Въ часы, когда молчитъ усталый умъ,
И тихія ко мнѣ слетаютъ грезы,
О прошломъ я грущу. Полетъ печальныхъ думъ
Горячія сопровождаютъ слезы.
И плачу я о радостяхъ былыхъ,
О всѣхъ, кого давно взяла могила,

И о любви увядшей дняхъ златыхъ,
О всемъ, что прежде сердцу говорило...
Былое горе снова сердце жжетъ,
И прошлыя печали вереницей
Проносятся и предъявляютъ счетъ,
Давно уже оплаченный сторицей.
Но стоитъ лишь мнѣ вспомнить о тебѣ,
И снова благодаренъ я судьбѣ.

17.

(LXXIII).

Во мнѣ ты видишь, другъ, то время года,
Когда рветъ вѣтеръ желтый листъ вѣтвей,
Когда уныло стонетъ непогода,
Гдѣ прежде пѣлъ такъ сладко соловей.
Во мнѣ, мой другъ, ты видишь свѣтъ прощальный
На западѣ угаснувшаго дня.
Тотъ свѣтъ—предвѣстникъ полночи печальной,
Угрюмой смерти близкая родня.
Во мнѣ огня ты видишь угасанье...
Онъ умереть не хочетъ подъ золой,
Но вырваться смѣшны его старанья:
Его задушитъ пепла мертвый слой.
Во мнѣ ты это видишь, и разлуку
Предчувствуешь, и крѣпче жмешь мнѣ руку...

18.

(CXXX).

Тусклѣе солнца блескъ ея очей,
Блѣднѣй коралла губокъ пурпуръ нѣжный,
И бѣлыхъ персей все-же снѣгъ бѣлѣй.
Прошу прощенья за примѣръ небрежный—
Но проволокъ пучки у ней растутъ,
Гдѣ долженъ тонкій завиваться волосъ.
У ней на щечкахъ розы не цвѣтутъ;
Не музыка ея пріятный голосъ;
Ея дыханье все-жъ не ароматъ;
Ея походка все-же не богини,—
Я долженъ въ томъ признаться, радъ не радъ,
Хотя богинь не видывалъ донынѣ.

Пусть такъ, а все-жъ любовь рѣдка моя,
Какъ рѣдко лгу въ своихъ сравненьяхъ я.

19.

(CXLV).

Съ прелестныхъ губокъ, созданныхъ рукою
Амура самого, чуть слышный звукъ слетѣлъ:
„Я ненавижу“... Я молчалъ съ тоскою
И на нее въ отчаяньѣ глядѣлъ.
Мой видъ, должно быть, жалокъ былъ при этомъ.
Пришлось ей гнѣвъ на милость измѣнить,
Ей захотѣлось дружескимъ привѣтомъ
Унылый духъ мой вновь развеселить.
Она съумѣла краткимъ добавленьемъ
Своимъ словамъ обратный смыслъ придать:
Такъ день своимъ веселымъ приближеньемъ
Тьму заставляетъ съ неба улетать.
Лишь: „не тебя“,—она проговорила,—
И этимъ снова жизнь мнѣ возвратила.

20.

(CXLVI).

Зачѣмъ, душа, покорно ты страдаешь,
Перенося позорный плѣнъ страстей,
И дорогой цѣною покупаешь
Ты красоту земной тюрьмы своей?
Ты тратишь жизнь на это украшенье,
А жить, душа, такъ мало намъ дано...
Твой пышный домъ не убѣжитъ отъ тлѣнья;
Червямъ же, право, будетъ все равно.
Нѣтъ, нѣтъ, душа, не будь рабою тѣла,
Но отъ него богатство отнимай,
На счетъ его красы питаясь смѣло,
Себѣ права на вѣчность покупай.
Ты пищи тлѣнной смерти не оставишь,
И смерть погибнуть съ голоду заставишь.

Перев. С. Ильинъ.

НЕЛЛИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Темная ночь, съ едва мерцавшими звѣздочками и серебристымъ серпочкомъ мѣсяца, окутывала затихавшій курортный городокъ Эвіанъ—на лѣвомъ, французскомъ берегу озера Лемана.

На набережной, большое, красивое зданіе курзала сіяло огнями. Въ открытыя окна длинной залы—„клуба иностранцевъ"—доносились изъ сада мягкіе звуки недурного струннаго оркестра; врывавшаяся гортанная трескотня парижскихъ странствующихъ кокотокъ мѣшалась съ говоромъ понтёровъ, тѣснившихся у игорнаго стола.

Играли въ „баккара". Банкометъ, молодой русскій армянинъ—сутуловатый и кряжистый, съ капскимъ солитеромъ на яркомъ галстухѣ и съ перстнями на толстыхъ, волосатыхъ пальцахъ—спускалъ уже вторую тысячу франковъ, поводя дико глазами и коверкая по-французски игорные термины.

— Ставлю пять луидоровъ! Идетъ пополамъ, m-r Стефенъ?—сказалъ графъ Залѣсскій, изъ Кракова, державшій въ лѣвой рукѣ сигару, а въ правой стаканъ шампанскаго.—Не бойтесь: вамъ всегда чертовски везетъ!

И онъ повернулся всѣмъ своимъ массивнымъ туловищемъ къ стройному, худощавому брюнету лѣтъ тридцати, стоявшему у колонны и курившему съ видомъ знатока душистую турецкую папиросу въ янтарѣ, оправленномъ въ золото.

— Идетъ!—проговорилъ равнодушно Стефенъ.

Говоръ затихъ. Армянинъ помуслилъ пальцы и сталъ внимательно отдѣлять карты.

— Дана!—раздался звучный баритонъ графа. — Удвоимъ, m-r Стефенъ?

— Нѣтъ, довольно, — отвѣтилъ тотъ, подойдя къ столу и опуская въ жилетный карманъ выигранные золотые.

Графъ точно въ ужасѣ отшатнулся отъ него. Бѣлое, пухлое лицо его, съ врожденнымъ оттѣнкомъ надменности и длинными висячими усами, вспыхнуло.

— Забастовать! теперь!—вырвалось у него.

Онъ описалъ полукругъ большимъ животомъ съ сверкавшею золотою цѣпью, оглядывая понтёровъ и какъ бы говоря:—„Ну, игрокъ ли онъ, послѣ этого? Стоитъ ли подпускать его къ столу!"—потомъ рѣшительно опорожнилъ стаканъ и выкинулъ на столъ лиловенькую французскую кредитку въ сто франковъ.

Стефенъ между тѣмъ закурилъ новую папиросу, взялъ иллюстрированный курзальный листокъ и углубился въ чтеніе, раскинувшись на сафьянномъ диванчикѣ. Смуглое, красивое лицо его, съ правильнымъ, немного рѣзкимъ профилемъ и умнымъ высокимъ лбомъ, озаренное мягкимъ ровнымъ свѣтомъ электрической лампочки, приняло сосредоточенный видъ.

Вторая тысяча армянина скоро пришла къ концу, и игра прекратилась. Всѣ разсѣялись около столиковъ—кто закусывая, кто прохлаждаясь американскими напитками. Завязался откровенный клубный разговоръ о новостяхъ курорта, о женщинахъ, о кончавшихся и начинавшихся романахъ... Эти послѣдніе были, какъ водится, узломъ курортныхъ интересовъ... Чаще другихъ повторялось имя какой-то „Нелли Шевичъ"...

Стефенъ, мало интересовавшійся закулисною стороною курортной жизни, имѣвшій знакомства только клубныя, бросалъ порою изъ-за листка взглядъ на бесѣдовавшихъ, но участія въ разговорѣ не принималъ.—„Ба, старикъ Торстенъ здѣсь! Надо навѣстить его!"—мысленно воскликнулъ онъ, пробѣгая отдѣлъ со спискомъ вновь прибывшихъ иностранцевъ. Дочитавъ листокъ, онъ внесъ въ записную книжку адресъ Торстена и — не прощаясь, какъ было у него въ привычкѣ,—вышелъ изъ залы.

Въ саду, раскинутомъ по берегу Лемана, облитомъ трепетнымъ свѣтомъ электрическихъ лампіоновъ, таившихся въ зелени большихъ красивыхъ деревьевъ, оркестръ игралъ какую-то томную серенаду. Капельмейстеръ, тощій французикъ съ эспаньолкой и усами въ ниточку, тянулся подъ самую крышу ротонды, выдѣлывая палочкой мелодію. Въ первыхъ рядахъ стульевъ колыхались чудовищныя шляпы кокотокъ и ихъ подражательницъ—иностранокъ. Немногочисленная высшая публика—les étrangers

de marque—держалась въ сторонкѣ, на боковыхъ скамьяхъ, осѣненныхъ темными каштанами.

Съ веранды курзала кто-то окликнулъ Стефена. Онъ узналъ своего знакомаго изъ сосѣдняго большого курорта Эксъ-лё-Бэнъ—русскаго помѣщика Коротнева, жившаго тамъ съ родными и наѣзжавшаго въ Эвіанъ пожуировать вдали отъ семейнаго надзора, какъ полагалъ Стефенъ. Онъ любилъ этого русскаго, видя въ немъ развитого, благороднаго человѣка, пользовался отъ него свѣдѣніями о Россіи. Они познакомились въ Виши, гдѣ провели „англійскій" зимній сезонъ.

Стефенъ обрадовался встрѣчѣ и поспѣшно поднялся на веранду, гдѣ Коротневъ сидѣлъ одиноко за столикомъ, попивая глинтвейнъ.

II.

Ночь была тихая, теплая. Разгорѣвшіяся звѣзды обливали неяснымъ, дрожавшимъ свѣтомъ цѣпь окрестныхъ Савойскихъ Альповъ, темный Леманъ съ далекимъ, у самой Женевы, яркимъ маякомъ, мѣнявшимъ цвѣта; тихо шептали окаймлявшіе набережную стройные пирамидальные тополи; вдали, изъ темной купы гигантскихъ орѣховыхъ деревьевъ, раздавались трели соловья...

Возвращавшійся Стефенъ шелъ мѣрными, неторопливыми шагами, наслаждаясь и пѣснью соловья, и картинами ночи, какъ бы мѣнявшимися въ легкомъ, таинственномъ сумракѣ... Норвежецъ изъ Бергена, человѣкъ одинокій и съ хорошими, независимыми средствами, Оле Стефенъ уже давно скитался по Европѣ, держась въ сторонѣ отъ туристсвой толпы, любя одиночество, интересуясь нравами, историческими памятниками. Въ клубахъ онъ обращалъ иногда вниманіе на игорный столъ, ставилъ одну-другую карту съ приличнымъ кушемъ, но не втягивался въ игру при неудачѣ и не обольщался выпадавшею счастливою полосой. Въ Эвіанѣ эта своеобразная выдержка приводила въ отчаяніе графа Залѣсскаго—игрока въ душѣ и образованнаго польскаго аристократа изъ числа широкихъ натуръ.—„О какой это Нелли толковали они?"—подумалъ Стефенъ, вспомнивъ клубные разговоры. Онъ безсознательно подержалъ въ головѣ подвернувшуюся мысль и, пройдя коротенькую грушевую аллейку, взялся за ручку звонка у своего небольшого, уютнаго отельчика, окруженнаго старымъ, совсѣмъ дикимъ садомъ.

III.

На слѣдующій день утромъ Стефенъ отправился къ Торстену.

Адресъ привелъ его въ восточный конецъ города, занятый сплошь садами вишневыхъ деревьевъ. Здѣсь былъ уже не курортный, а промышленный Эвіанъ, славящійся выдѣлкою вишневой водки—„kirsch“. Среди разбросанныхъ тамъ и сямъ дачъ и отельчиковъ онъ скоро отыскалъ надобный ему „Меблированный домъ“—длинное, невысокое зданіе, стоявшее за рѣшеткой, въ глубинѣ двора.

Узенькая стеклянная дверь домика консьержа, у воротъ, оказалась запертой. Неподалеку, въ угловой бесѣдкѣ изъ плюща и вьющихся розъ, сидѣла дама; у ея ногъ играла, копаясь въ пескѣ, нарядная кудрявая дѣвочка.

Стефенъ направился туда.

— Вѣроятно, въ послѣднемъ подъѣздѣ, направо,—отвѣтила дама, выслушавъ его и опуская на колѣни томикъ французскаго романа:—тамъ только-что заняли квартиру.

Торстенъ, связанный съ родомъ Стефена давними узами дружбы, былъ старожилъ Бергена, оригиналъ, слывшій милліонеромъ. Онъ встрѣтилъ Стефена одѣтый въ шведскую кожаную куртку и въ бархатной ермолкѣ—точь-въ-точь у себя, въ бергенской конторѣ—и принялся угощать его родными наливками и настойками, жалуясь въ то же время на французовъ:

— Дикій народъ!.. Кто не живетъ по ихнему, то-есть по командѣ во всемъ, тотъ—варваръ, sale étranger!.. Сами всякими плутовскими рекламами больныхъ въ курорты зазываютъ, а они разныя китайскія церемоніи блюди: вставай, обѣдай—когда прикажутъ... къ столу чуть не во фракѣ являйся... Одно спасеніе—вотъ такъ, по домашнему, устраиваться!..

Новаго въ Бергенѣ оказывалось немного. Стефенъ скоро простился, обѣщавъ навѣщать старика. Дама была еще въ бесѣдкѣ. Онъ поклонился, проходя.

— Отыскали вы вашего знакомаго?—спросила дама.

— Да. Благодарю васъ.

— Который часъ теперь?

— Четверть двѣнадцатаго,—отвѣтилъ Стефенъ, взглянувъ на свой хронометръ.

— Такъ рано? Мнѣ казалось, что уже время завтракать...

Говоря это, дама подвинулась на плетеномъ диванчикѣ, какъ

бы давая знать, что Стефенъ можетъ присѣсть. Ему некуда было спѣшить, и онъ вошелъ въ бесѣдку, но сѣлъ противъ диванчика, на стулъ.

— Это ваша дочка?—спросилъ онъ, любуясь игравшею дѣвочкой.

— Моя капризница,—отвѣтила дама.

Она наклонилась и ласково потрепала кудри дѣвочки.

Лучъ солнца, пробиваясь сквозь сѣтку зелени, золотилъ пышные бѣлокурые волосы дамы, скользилъ узорами по ея легкому утреннему платью. При небольшомъ ростѣ и тонкомъ сложеніи, она казалась какъ бы излишне полною; ея лицо, съ искристыми синеватыми глазами, съ мягкими очертаніями полненькихъ губъ, носило замѣтный слѣдъ усталости. При первомъ взглядѣ Стефенъ не нашелъ ее красивою, но спустя минуту онъ перемѣнилъ это мнѣніе.

Они разговорились.

Бросая, среди безцвѣтной курортной „causerie“, то одно, то другое замѣчаніе, дама высказывала острый умъ и далеко не обычную, тонкую наблюдательность. Звучавшая въ ея пріятномъ голоскѣ вкрадчивая ласковость точно гипнотизировала Стефена, не замѣчавшаго, какъ бѣжитъ время.

Было уже за полдень, когда поднялась она съ диванчика.

— Идемъ, Кэтъ!—сказала она, приподнявъ и продвинувъ предъ собой дѣвочку.

Та заупрямилась, просясь на руки.

— Какъ это скучно!—нахмурилась дама.—Почему ты не можешь идти?

— Позвольте мнѣ донести ее,—вызвался Стефенъ.

Онъ наклонился. Дѣвочка задумалась, оглядывая его исподлобья, потомъ вдругъ протянула къ нему пыльныя голыя ручки.

Въ среднемъ подъѣздѣ, у квартиры второго этажа, ихъ встрѣтила высокая молодая горничная и взяла дѣвочку. Откланявшись, Стефенъ взглянулъ на затворившуюся дверь—на ней бѣлѣла французская визитная карточка, и онъ прочелъ: „Нелли Шевичъ“.

IV.

„Такъ вотъ она, Нелли Шевичъ!.. Странная встрѣча!..—думалъ Стефенъ, пробираясь между низенькими каменными стѣнками вишневыхъ садовъ къ шоссе.—Кто-жъ она и что̀ такое эта Нелли? Искательница приключеній или просто свободная со-

временная туристка? замужняя или вдова?.. „Нелли“—англійское сокращеніе имени Элеонора, а Шевичъ—что-то польское, сербское“...

Прелестный, ясный день горѣлъ и сверкалъ. Все вокругъ сіяло и искрилось. Савойскія Альпы тонули въ лазурномъ туманѣ; вся прибрежная полоса, опрокинутая въ голубой спокойный Леманъ, отражалась въ немъ, какъ въ зеркалѣ... Кто-то, поднимая въ галопъ безногаго манежнаго скакуна, обогналъ Стефена. Онъ узналъ своего сожителя по отелю—мизернаго, напыщеннаго французика-музыканта, возвращавшагося съ прогулки и хлопотавшаго показать себя во всей красѣ на главной улицѣ... Это напомнило Стефену о наступившемъ часѣ завтрака. Онъ прибавилъ шагу, но скоро остановился въ раздумьи. Полоса какой-то безпричинной веселости набѣжала на него; обычное, всегда не особенно занимательное табль-д'отное общество, состоявшее изъ десятка молчаливыхъ англичанъ и отупѣвшихъ rentiers-французовъ да неизбѣжнаго штатнаго сыщика, въ роли остроумца и весельчака, представилось ему теперь совсѣмъ непривлекательнымъ. Онъ свернулъ съ шоссе къ Леману и пошелъ тропинкой, у самой воды, направляясь къ простенькому прибрежному ресторанчику, гдѣ публику составляли обыкновенно рыбаки да небогатые туристы-пѣшеходы и гдѣ можно было получать неподдѣльное бѣлое вино, знаменитый савойскій деревенскій сыръ „томъ“ и традиціонное блюдо — фритюръ изъ мелкой озерной рыбки.

V.

Вечеромъ игра въ клубѣ шла совсѣмъ вяло.

Банкъ, всего въ сотню франковъ, держалъ какой-то гулящій русскій „сановникъ“ (такъ надо было судить по орденской бутоньеркѣ всѣхъ цвѣтовъ), хилый, съ заплетающимися ногами, но очень смѣтливый, озадачивавшій понтёровъ правилами парижскихъ клубовъ и допускавшій ставку не выше пяти франковъ на карту. Появившаяся съ швейцарскаго берега, изъ Лозанны, крикливая кучка русскихъ, наскучавшихся въ чинныхъ протестантскихъ пансіончикахъ, обступила столъ шумно и съ ажитаціей, но играть стала „въ складчину“, по франку „съ носу“.

Зато отличался другой столъ, ближе къ буфету... Тамъ шло веселье, хлопали пробки шампанскаго... Компанію составляли: графъ Залѣсскій, армянинъ, женевскій адвокатъ съ широкимъ

смугловатымъ лицомъ еврейскаго типа, нѣсколько человѣкъ изъ числа мѣстныхъ жуёровъ да два пухлыхъ молодыхъ нѣмчика изъ Вѣны. Послѣдніе, впрочемъ, прислушивались только и какъ-то особенно осторожно пригубливали изъ широкихъ стаканчиковъ легонькое шампанское (tisane de Champagne)—точно высчитывали, во чтò обходится глотокъ. Къ компаніи присоединился и явившійся Стефенъ.

— Чтò это за Нелли, о которой такъ толковали вчера?—обратился онъ къ графу, когда разговоръ коснулся излюбленной темы.

— Сердцеѣдка курортная...

— Не... кокотка?

— О, нѣтъ! Дама, какъ и всѣ... За русскую княгиню выдаетъ себя въ магазинахъ... И для кокотки она, такъ сказать, недостаточно отполирована: этого bel esprit нѣтъ у ней, нѣтъ лоску, шику... Кокотка должна родиться француженкой и непремѣнно огонь и воду парижскіе пройти... Но умѣнья, дьявольскаго умѣнья бѣдокурить и выходить сухою изъ воды—довольно у ней... Такою, впрочемъ, и должна быть истинная курортная дама...

— Почему?—изрекъ адвокатъ (онъ вообще говорилъ какъ бы изреченіями).

Графъ опорожнилъ свой стаканъ и пыхнулъ не спѣша сигарой.

— Да потому,—заговорилъ онъ,—что курортная дама—птица, вырвавшаяся изъ клѣтки... воли, всего быстраго, головокружительнаго жаждетъ она... Публика же въ курортѣ — все равно что въ кулакѣ, дѣться некуда... Ну, и вывертывайся! Съ однимъ обожателемъ въ городѣ встрѣчайся, съ другимъ на пароходѣ, съ третьимъ въ лѣсу... И на это взять Нелли...

— Nomina sunt odiosa...

— Мы не въ обществѣ!

— M-me Шевичъ эксцентрична,—ну, изъ этого и заключаютъ...—вставилъ армянинъ.

— Такъ,—согласился графъ.—А вы какъ полагаете?—повернулся онъ къ адвокату, накрывъ ладонью круглую, толстую колѣнку его.

— Чтò не доказано, то и неизвѣстно...

— Умѣй скрывать, значитъ, и въ рай попадешь? Вы кальвинистъ, что-ли?

— Я убѣжденъ, что m-me Шевичъ и скрывать нечего!

— И я... и я убѣжденъ!—радостно поддержалъ его армянинъ.

Графъ взглянулъ на нихъ своими заплывшими, прищуренными глазками, въ которыхъ такъ и свѣтилась умная Мефистофелевская насмѣшливость.

— И онъ убѣжденъ!.. Оба убѣждены! Чтò за оказія?!—воскликнулъ онъ съ комическимъ изумленіемъ.—Ну, а художникъ неаполитанскій?—И графъ сталъ загибать одинъ за другимъ свои бѣлые, красивые пальцы:—англичанинъ-велосипедистъ? эльзасецъ въ голубыхъ панталонахъ? русскій генералъ,—что красится въ лиловый цвѣтъ и анфанчикомъ рядится?.. Все это эксцентричность только? Скрывать и тутъ нечего?

Онъ снова окинулъ ихъ Мефистофелевскимъ взглядомъ и прибавилъ:

— Я даже поклясться готовъ, что и вы, messieurs, во вздыхателяхъ при ней состоите... не подозрѣвая этого другъ за другомъ. . А? Признайтесь!

Глаза армянина сверкнули. Юристъ, съ плохо скрытымъ смущеніемъ, запустилъ пальцы въ свою завитую барашкомъ шевелюру и нервно задрыгалъ закинутою одна на другую ногой.

Графъ, довольный успѣхомъ, захохоталъ отъ души и потребовалъ у пробѣгавшаго гарсона новую бутылку.

— Откуда... какимъ путемъ можно знать подобное?—изрекъ гробовымъ голосомъ адвокатъ, приставивъ палецъ ко лбу.

— Надо быть дружнымъ хотя съ одной дамой въ курортѣ...—объяснилъ графъ.

VI.

Выходя однажды, послѣ полудня, отъ Торстена, Стефенъ увидѣлъ у рѣшетки извозчичью коляску. Въ среднемъ подъѣздѣ, раскрывая модный яркій зонтикъ, стояла Нелли съ дѣвочкой и горничной.

Онъ раскланялся.

— Здравствуйте!—весело и вся какъ бы расцвѣтая, заговорила Нелли, выступивъ на встрѣчу и протягивая ручку.—М-г... ну, а дальше не знаю: вы не сказали мнѣ вашей фамиліи.

Стефенъ поспѣшилъ отрекомендоваться.

— А моя фамилія Шевичъ... Вы у вашего знакомаго были?

— Да.

— Чтò новаго въ курзалѣ? Правда, что балъ устраивается?

— Къ концу сезона... Но подписка довольно туго идетъ...

Они вышли за ворота. Горничная усадила дѣвочку въ коляску и, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, подняла глаза на Нелли. Стефену показалось, что онѣ какъ бы обмѣнялись пристальнымъ и точно условленнымъ взглядомъ.

Онъ ждалъ, готовясь помочь Нелли сѣсть въ коляску, но та медлила, застегивая старательно одну за другою пуговки свѣтлой лайковой перчатки.

— Я прокатиться собралась... Кэтъ воздухъ надобенъ...—заговорила она.—И мнѣ очень пріятно было встрѣтить васъ... Я, надо вамъ сказать, не prude, какъ англичанки... и не то, что̀ зовется у нѣмцевъ zierlich-manierlich... и потому могу показаться странной... У меня просьба къ вамъ... Позволяете?

— Дамы не нуждаются въ позволеніи.

— Да? Въ такомъ случаѣ...

Она застегнула, съ гримаской отъ усилія, послѣднюю пуговку, вскинула голову и докончила:

— Будьте моимъ кавалеромъ!

— Но я больше чѣмъ стѣсню васъ: въ коляскѣ всего три мѣста,—замѣтилъ Стефенъ, взглянувъ на горничную, бывшую въ шляпкѣ и державшую пледъ на рукѣ.

— Луиза не ѣдетъ, она гулять отпущена,—отвѣтила Нелли.

— Да, monsieur,—скромно подтвердила горничная.

Стефену оставалось повиноваться.

Нелли сѣла въ коляску рядомъ съ дѣвочкой и принялась одергивать хлопотливо платье надъ своими маленькими ножками въ туфелькахъ изъ золотистой кожи; ножки упрямились и продолжали выглядывать изъ-подъ оборки... Стефенъ усѣлся у самыхъ этихъ ножекъ, на откидной скамеечкѣ, стараясь не обезпокоить ихъ своими тяжелыми желтыми башмаками... И странно, и смѣшно, и въ то же время весело было ему въ нежданной роли искателя приключеній, и любопытство, послѣ клубныхъ разговоровъ, охватывало его...

VII.

Коляска медленно тянулась въ гору, по извивамъ верхней дороги, окаймленной гдѣ кустарникомъ, гдѣ рядами вишневыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. Вокругъ было тихо, пустынно. Внизу, на бѣлѣвшемъ береговомъ шоссе, кипѣло курортное движеніе—катились брэки и коляски, поднимая золотистыя полоски пыли; сверкали круги стальныхъ спицъ съ странными, точно корчившимися силуэтами надъ ними велосипедистовъ и велосипеди-

стокъ; пестрѣли галунами гарцовавшіе всадники—французское офицерство.

— Посмотрите, какъ хорошо!—указала Нелли, когда коляска, обогнувъ холмъ, спустилась въ лѣсистую низину.

Солнце не видѣлось отсюда. Вокругъ была ночь, а налѣво, весь точно пожаромъ охваченный, пылалъ и сверкалъ Леманъ.

— Да, это очень красиво!—воскликнулъ Стефенъ, охватывая восхищеннымъ взглядомъ еще не встрѣчавшуюся ему варіацію прихотливыхъ красотъ Лемана.—Вы любительница природы?

— Природа и музыка — двѣ стихіи мои..., — промолвила Нелли, держа предъ глазами лорнетъ и вглядываясь въ огнистые переливы.

— Я никогда не встрѣчалъ васъ на музыкѣ, въ саду...

— Я не люблю показываться тамъ...

— Почему?

— Желанія выставляться у меня нѣтъ... туалетовъ богатыхъ—тоже...

— Вы позволите мнѣ предложить вамъ одинъ, быть можетъ, нескромный вопросъ?..

— Пожалуйста! Нескромныхъ вопросовъ для меня нѣтъ!

— Вы... не вдова?

— И да, и нѣтъ...

— Это какъ?

— Что̀ жъ иное можетъ сказать о себѣ женщина, не знающая своего мужа и только обязанная зваться его женой?..

— Вы разошлись?

— Это цѣлый романъ...

Щурясь отъ блеснувшихъ изъ-за вершины пика лучей солнца и лавируя зонтикомъ надъ моднымъ стеклярусным токомъ, придававшимъ ей особенно кокетливый видъ, Нелли отвернула опечалившееся личико и устремила взглядъ на лиловатую цѣпь горъ, уже начинавшую крыться алымъ отблескомъ заката.

— Я русская... Отецъ мой князь... у насъ свой за̀мокъ на Кавказѣ...—продолжала она, спустя минуту.—Мнѣ было всего девятнадцать лѣтъ, когда въ Тифлисѣ, на балу, встрѣтилась я съ однимъ купцомъ—милліонеромъ петербургскимъ... Теперь я понимаю—что̀ такое знатность, княжескій родъ, а тогда... Словомъ, мы влюбились другъ въ друга... Отецъ, разумѣется, и слышать не захотѣлъ о такой mésalliance для меня... Ну, купецъ похитилъ меня, и мы обвѣнчались въ Петербургѣ... Потомъ я увидѣла, что мечты обманули меня... Наше купечество совсѣмъ неразвито... держится разныхъ странныхъ обычаевъ, предраз-

судновъ... Чуждая среда сдѣлалась ненавистною мнѣ... Мраморный дворецъ мужа опротивѣлъ, какъ тюрьма... Я не вынесла... Возвращаться къ оскорбленному, строгому отцу нечего было и думать... И вотъ я—ни вдова, ни замужняя... существую на крохи...

— Но если вашъ мужъ такъ богатъ...

— Да. Но онъ *купецъ*!—подчеркнула Нелли.—Онъ предлагаетъ мнѣ много... очень много... только требуетъ, чтобъ я отдала ему Кэтъ... А на это я никогда не соглашусь... Никогда! никогда!—заключила она съ горячностью, точно кто принуждалъ ее.

Въ воздухѣ начинало вѣять прохладой. Солнце докатилось уже почти до самыхъ отроговъ Юры и бросало по Леману длинныя багровыя полосы. Въ ихъ заревѣ двигался, постукивая глухо колесами, послѣдній, шедшій въ Женеву пароходъ, празднично убранный разноцвѣтными флагами (швейцарцы вѣчно празднуютъ что-нибудь!). Нелли взглянула на свой браслетъ, въ которомъ бѣлѣлъ крошечный циферблатъ часовъ, и приказала кучеру повернуть.

— Послушайте! — обратился къ ней Стефенъ. — Погода такъ прелестна, время дышать воздухомъ только-что наступаетъ. Не будемъ спѣшить въ душный городъ, отобѣдаемъ гдѣ-нибудь здѣсь.

Нелли задумалась, потомъ тряхнула съ удалью головкой и сказала:

— Вы правы! Будемъ кутить сегодняшній день! Птенчикъ же мой со мною и въ гнѣздо мы успѣемъ... Такъ вѣдь?—наклонилась она къ дѣвочкѣ.

— Да, такъ,—прокартавила та съ важностью.

Ресторанъ, по словамъ кучера, былъ тутъ же—у подножія ближайшаго холма. Коляска покатила туда. Кучеръ отчаянно защелкалъ бичомъ въ воздухѣ и принялся вертѣть, точно шарманку, ручку тормаза, такъ какъ дорога пошла подъ гору.

VIII.

Почти завечерѣло уже, когда коляска остановилась у зеленаго пригорка, поросшаго небольшими частенькими соснами.

На пригорокъ вела узенькая, убитая гравіемъ дорожка. На прибитой къ столбику doскѣ указующій перстъ упирался въ надпись: „Ресторанъ“. Кэтъ быстро стала карабкаться вверхъ между

соснами, вспугивая стайки притихшихъ уже кузнечиковъ и собирая цвѣты. Стефенъ и Нелли подвигались не спѣша по тропинкѣ, надѣясь съ каждымъ шагомъ встрѣтить ресторанъ, но тропинка вела все выше и выше. При поворотѣ за показавшуюся полуразрушенную стѣну, увитую старымъ густымъ плющомъ и поросшую сплошь куртинками камнеломки, открылись развалины какого-то древняго аббатства. Уцѣлѣвшая стройная башня съ изящными балкончиками и сквозными розетками отчетливо вырѣзывалась на чистомъ вечерѣвшемъ небѣ; высокіе ясени успѣли выросги у самыхъ стѣнъ и бросали свои легкія вѣтви на остатки карнизовъ; цѣлый лѣсокъ видѣлся наверху, въ изломахъ зубцовъ... Какъ-то особенно шли къ этой страницѣ исторіи тишина, уединеніе, прозрачность неба, дикость природы...

Стефенъ остановился, любуясь. Кэтъ тоже притихла, сцѣпивъ въ рукѣ цвѣты и поглядывая вверхъ—на вереницы стрижей, носившихся вокругъ тонкаго шпиля башни.

— Но гдѣ же ресторанъ?—прозвучалъ капризно голосокъ Нелли.

— Да вы посмотрите, что̀ за восторгъ! — указалъ ей Стефенъ на башню.—Вѣдь это кружева, да еще каменныя!

— Ни кружевъ, ничего мнѣ не надо! Я голодна!—топнула ножкой Нелли.

— Тогда иное дѣло,—согласился Стефенъ:—голодъ—эгоистическая, все презирающая сила, ему не до эстетики! Будемъ отыскивать ресторанъ!

Ресторанъ оказался совсѣмъ близко—по ту сторону башни, но былъ далеко не изъ первоклассныхъ. Его посѣщали только днемъ и исключительно туристы, привлекаемые развалинами. Гарсонъ, погруженный въ чтеніе парижской газетки, не безъ удивленія взглянулъ на столь позднихъ посѣтителей и не спѣша поднялся со стула. Къ обѣду нашлись только консервы да холодная курица. Зато столовая—чистенькая, уютная, съ глядѣвшими въ окно пышными кустами розъ—навѣвала идиллическое настроеніе, а весьма недурное старое бордо съ честью выкупило скудный выборъ блюдъ...

Нелли кушала съ завиднымъ аппетитомъ, а по поводу предложенной Стефеномъ воды въ вино выразилась, что „кощунствовать“ не хочетъ, такъ какъ, будучи православной, считаетъ le baptême великимъ таинствомъ [1]... По французскому обыкновенію, она хозяйничала за столомъ, но совсѣмъ плохо—не

---

[1]) Baptiser (крестить)—значитъ также разбавлять вино водою.

съумѣла даже приготовить саладъ... Въ обращеніи со Стефеномъ у нея замѣчалась какая-то загадочность—она точно поддразнивала его не сходившею съ губъ лукавою улыбочкой, хотя, съ видимымъ разсчетомъ, и помѣстила дѣвочку между нимъ и собой. Стефенъ держалъ себя безукоризненно и ухаживалъ за Кэтъ, называя ее своей дамой сердца. Она капризничала, не хотѣла ничего ѣсть, ожидая пирожнаго, вскакивала поминутно со стула—поиграть съ забравшимся черезъ окно котенкомъ, посыпать полъ собранными по дорогѣ цвѣтами.

Когда гарсонъ подавалъ Стефену счетъ, Нелли быстро перехватила его черезъ столъ.

— Это не касается васъ!—запротестовалъ Стефенъ, стараясь овладѣть счетомъ.

— А правило французское?

— Какое правило?

— Chacun a son compte!

— Дамы не считаются...

— Я не дама! Я—товарищъ!

— А между товарищами приглашающій платитъ!

— Сдаюсь!—отвѣтила Нелли и какъ бы въ изнеможеніи опустилась на стулъ, раскинувъ руки.

IX.

Въ городѣ Стефенъ взялъ изъ коляски уснувшую Кэтъ и понесъ ее вслѣдъ за Нелли къ подъѣзду. При мягкомъ, голубоватомъ блескѣ звѣздъ онъ замѣтилъ сидѣвшую на ступенькахъ входа фигуру. Это оказалась Луиза. Она поднялась и осторожно взяла дѣвочку. Что-то условленное въ ея пристальномъ взглядѣ на Нелли почудилось и теперь Стефену. Онъ хотѣлъ проститься, но Нелли, задѣвъ его плечомъ, скользнула на ступеньки и не проговорила, а бросила тихо и ласково:

— Entrez...

Они вошли въ небольшую гостиную, убранную съ дешевою пестротой, претендовавшей на моду. Въ углу, подъ потолкомъ, странно выдавался образъ въ золоченой багетовой рамкѣ, полуосвѣщенный голубенькою лампадкой. Нелли скрылась молча. Показавшаяся вслѣдъ затѣмъ Луиза провела Стефена въ смежный съ гостиною будуаръ, зажгла свѣчу въ розовомъ висячемъ фонарѣ и исчезла... Стефенъ постоялъ, подумалъ, взглянулъ на низенькую атласную кушетку, на матерчатые пуфы, на отливавшее

слабымъ свѣтомъ трюмо въ простѣнкѣ... Онъ собрался-было дать себѣ отчетъ въ странно-слагавшейся неожиданности, но предъ нимъ, безшумно, точно тѣнь, вся въ чемъ-то воздушномъ и ароматномъ, появилась Нелли и молча обвила руками его шею...

Было уже довольно поздно, когда вышелъ Стефенъ.

Виднѣвшееся зданіе курзала сіяло огнями, бросая далеко вокругъ блѣдное зарево. Онъ направился туда. Въ подъѣздѣ толпились, входя и выходя, нарядныя дамы, сыпля затверженными, банальными остротами, сверкая поддѣльными каменьями. Изъ сада доносились стройные звуки оркестра, прекрасно исполнявшаго что-то изъ Вагнера. Стефенъ прошелъ на веранду, спросилъ себѣ хересу съ мелкимъ льдомъ и сталъ задумчиво потягивать его чрезъ соломинку.

Завязавшійся неожиданно романъ интересовалъ его, выталкивалъ изъ установившейся неподвижности. Причудливый образъ Нелли, съ ея беззавѣтною кипучею страстью, съ чѣмъ-то диковатымъ, пробивавшимся сквозь наружный лоскъ, не отходилъ отъ него. Ея славянски-самобытная исторія съ мужемъ какъ-то не совсѣмъ укладывалась въ его пониманіе... Но Россія—страна чудесъ, гдѣ все возможно... Вдругъ, среди мелькавшихъ мыслей, выдѣлилась одна, яркая и ясная,—что онъ когда-то видѣлъ, даже зналъ Кэть, помнитъ ея черты, нотки дѣтскаго голоса... Это такъ поразило его, что онъ встрепенулся и сталъ припоминать. „На кого-то похожа она", — рѣшилъ онъ, послѣ напрасныхъ усилій вспомнить что-нибудь.

X.

Они стали видѣться.

Нелли извѣщала Стефена о днѣ свиданія лаконическимъ письмецомъ безъ подписи и не забывала принимать даже самыя мелочныя предосторожности. Они видѣлись то въ сосѣднемъ Мельери, то въ ближайшемъ, тоже курортномъ городѣ Тононѣ. У себя—изъ боязни какихъ-то враговъ, имѣющихъ сношенія съ мужемъ,—Нелли рѣдко назначала свиданія; а когда случалось это, Стефенъ долженъ былъ пробираться въ домъ по черной лѣстницѣ, выходившей на пустырь, и звонить наверху тихо два раза—какъ было условлено.

Все это волновало Стефена, держало въ тревожной неопредѣленности, заставляя влачить въ промежуткахъ какъ бы ни на

что ненадобные дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло и хорошую сторону—длило быстролетную прелесть новизны.

Опьяненный жгучими ласками, измученный ревнивыми допросами, онъ разставался съ Нелли счастливый, восхищенный... Клубные разговоры, сомнѣнія—все исчезало, какъ дымъ, все замѣнялось однимъ, мучительно-сладостнымъ чувствомъ—жаждой новаго свиданія, новыхъ опьяняющихъ ласкъ... Иногда, сквозь этотъ чарующій туманъ, мелькала мысль о близившемся концѣ сезона. Но Стефенъ не останавливался на ней: ему какъ-то само собою казалось, что онъ долженъ быть тамъ, гдѣ будетъ Нелли...

Одинъ только случай вторгся непріятнымъ диссонансомъ въ эту слагавшуюся гармонію...

Гуляя какъ-то передъ вечеромъ въ окрестностяхъ, Стефенъ встрѣтилъ извозчичью каретку. Уже почти смеркалось и каретка ѣхала быстро, но онъ успѣлъ ясно—такъ казалось ему—различить лицо Нелли... Съ нею—съ той стороны, гдѣ былъ Стефенъ,—сидѣлъ русскій графъ Савельевъ—видный изъ себя блондинъ съ ястребинымъ носомъ и быстрыми, не обѣщавшими ничего хорошаго глазами, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ и съ усами до ушей,—личность самая темная... Въ курзалѣ, въ саду, онъ всегда былъ окруженъ женщинами не первой молодости, а въ клубѣ игралъ исключительно въ „экарте“, съ новичками... Одна мысль, что Нелли знакома съ такимъ господиномъ, заставила Стефена вздрогнуть и передернуться нервно...

При первомъ же свиданіи съ Нелли онъ сказалъ:

— Я встрѣтилъ васъ на дняхъ... Вы ѣхали съ графомъ Савельевымъ...

— Я?.. Съ какимъ графомъ?—подняла на него Нелли свои ясные, искристые глаза.

— Вы не знаете графа Савельева?

— Чтò съ вами?!

Вся фигурка ея выражала изумленіе, взглядъ свѣтился чистотой невинности...

— Ахъ! мы ревнивы... Вотъ чтò!—вскрикнула она, расцвѣтая вся радостно, и кинулась ему на шею...

Стефенъ повѣрилъ, но какая-то безотчетная внутренняя неловкость осталась у него... разсудокъ какъ-то самъ собою вмѣшался въ чувство...

XI.

Вскорѣ, Стефена заинтересовала устроенная кружкомъ туристовъ дальняя экскурсія—къ форту Воклюзъ, подъ которымъ находится замѣчательный подземный протокъ Роны—la perte du Rhône, къ подошвѣ Мон-Грансона—въ знаменитый картезіанскій монастырь, прославленный ликеромъ Chartreuse.

Поѣздка длилась больше недѣли. Вернувшись въ Эвіанъ передъ вечеромъ и не найдя ничего отъ Нелли, которой писалъ онъ съ дороги, Стефенъ отправился въ клубъ.

Тамъ все имѣло праздничный видъ. Банкъ держалъ какой-то американецъ, въ завитомъ парикѣ и со вставными зубами изъ чистаго золота, которыми онъ точно хвалился, улыбаясь поминутно широкою улыбкой. Графъ Залѣсскій, не разстававшійся, по обыкновенію, съ сигарой и стаканомъ (поза, по увѣренію шутниковъ, будущей статуи его въ Монте-Карло, когда сорветъ онъ рулеточный банкъ), торжествовалъ, довольный свободою крупныхъ ставокъ и серьезностью куша въ банкѣ. (Кушъ этотъ, золотомъ и бумажками, наполнялъ объемистую русскую деревянную чашку).

Во время передышки, за шампанскимъ, графъ съ особеннымъ жаромъ отдался обычной своей роли Мефистофеля, заставляя однихъ смѣяться до упаду, другихъ—приходить въ безмолвное отчаяніе...

— Вотъ вамъ и Нелли ваша!—обратился онъ къ сумрачному и замѣтно подгулявшему армянину.—Кто теперь правъ?

— А что такое?—вскинулъ голову Стефенъ.

— Вы развѣ со вчерашняго дня въ курортѣ?—посмотрѣлъ на него графъ.

— Почти такъ: только-что вернулся изъ экскурсіи...

— Говорить уже устали всѣ! Бѣжала Нелли, надѣлавъ долговъ въ магазинахъ, не заплативъ ни мяснику, ни хлѣбнику... Какъ же! Но суть, разумѣется, не въ этомъ. Порядочный курортъ долженъ доводить до бѣгства отъ долговъ! Ха, ха, ха! Суть въ томъ, чего никто понять не можетъ: бѣжала съ авантюристомъ... съ русскимъ графомъ Савельевымъ... никогда не слыхалъ про такихъ графовъ!.. Онъ въ отелѣ оставилъ чемоданъ, набитый полѣньями, и даже съ прачкой не расплатился... И что за романтическая выходка—бѣжать, если нѣтъ тутъ уголовщины какой-нибудь!

Стефенъ принудилъ себя разсмѣяться. Когда снова началась игра, онъ вышелъ незамѣтно.

Было уже довольно поздно. За яркимъ кругомъ курзальныхъ огней чернѣла непроглядная темнота. Стефенъ шелъ быстро, шагая наудачу, не различая дороги въ сплошномъ, точно подвижномъ сумракѣ. Ворота рѣшетки оказались запертыми, но въ домикѣ консьержа свѣтился еще огонь. На стукъ Стефена появился старикъ въ шерстяномъ вязаномъ беретѣ и съ трубкой въ зубахъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ:—дома ли m-me Шевичъ?—онъ грубо проворчалъ, отступая въ дверь, что она съѣхала.

— Постойте! Я не хочу даромъ безпокоить васъ,—сказалъ Стефенъ и сунулъ ему въ руку подвернувшійся въ жилетномъ карманѣ луидоръ.—Разскажите... что̀ вы знаете...

Консьержъ, въ первое мгновенье оцѣпенѣвшій отъ щедрой подачки, напустилъ на себя важный видъ, притворилъ дверь и шагнулъ съ крылечка къ Стефену.

Попыхивая трубкой и потряхивая беретомъ, онъ сталъ таинственно и вставляя при каждомъ словѣ: „ma foi!“ сообщать— какой онъ проницательный консьержъ, какъ трудно провести его... какъ онъ сразу догадался, что дѣло не ладно, если покидаютъ квартиру, оплаченную за весь сезонъ...

Стефена злила эта болтовня; державшійся во влажномъ воздухѣ нестерпимый запахъ дряннаго французскаго табаку захватывалъ ему дыханіе. Но онъ терпѣливо вслушивался.

— На другой же день жандармы пришли—свѣдѣнія о ней собирать,—продолжалъ консьержъ.—И графа Савельева ищутъ— банкъ обманулъ онъ какимъ-то образомъ.. А вчера мужъ ея пріѣхалъ... важный господинъ... такъ разспрашивалъ меня...

— Онъ и назвалъ себя мужемъ?

— Нѣтъ... Но это видно: совсѣмъ помертвѣлъ, когда я сказалъ, что уѣхала... И о дѣвочкѣ чуть не со слезами говорилъ...

XII.

Стефенъ затворился у себя въ комнатѣ.

Его точно кошмаръ душилъ... Пережитое стояло предъ нимъ гадкимъ, язвительнымъ призракомъ... а страсть, успѣвшая незамѣтно набросить, ячейка за ячейкой, свою сѣть,—томила, наперекоръ разсудку... Онъ и проклиналъ, и ненавидѣлъ Нелли, и влекся къ ней всѣмъ своимъ существомъ... чувствовалъ, что явись она, стань предъ нимъ,—и въ немъ, отъ всего, обуревающаго теперь, останется только любовь...

Такъ протянулось нѣсколько дней.

Однимъ утромъ кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! — крикнулъ Стефенъ, не ожидавшій никого, кромѣ прислуги.

Вошелъ Коротневъ.

Стефенъ, самъ думавшій отправиться въ Эксъ-лé-Бэнъ, разсѣяться въ обществѣ друга, обрадовался ему, какъ родному.

— Простите, что въ такомъ видѣ: прямо съ желѣзной дороги,—извинился тотъ.

— Экскурсію дѣлали?—догадался Стефенъ, глядя на всклокоченные волосы гостя, на его нечищенные сапоги.

— Невольную... Былъ въ Женевѣ, Гренаблѣ, въ Аннеси...

— Чѣмъ угощать васъ?

— Попрошу стаканъ холодной воды...

— А вина?

— Пожалуй...

Пріятели усѣлись за столомъ предъ раскрытымъ окномъ, откуда, вмѣстѣ съ жаркимъ воздухомъ, вѣяло ароматомъ липы и назрѣвшихъ ландышей. Расторопная горничная въ бѣломъ воздушномъ чепчикѣ и съ розой на черномъ корсажѣ, внесла бутылку стараго бордо, запотѣвшій графинъ съ свѣжею водой и тонкіе узорчатые стаканчики.

Потрепывая свою густую русую бороду и какъ-то растерянно остановивъ на хозяинѣ взглядъ умныхъ сѣрыхъ глазъ, Коротневъ сказалъ:

— А я къ вамъ съ довольно странною просьбой...

— Именно?

— Не можете ли вы ссудить меня на нѣкоторое время небольшою суммой?

— Что же тутъ страннаго?—отвѣтилъ Стефенъ.—Не знаю только, найдется ли у меня достаточно... Сколько вамъ?

— Я желалъ бы... франковъ двѣсти-триста, если это не стѣснитъ васъ...

— Только-то! Возьмите пятьсотъ, если вамъ надо. Вы скоро получите деньги?

— Телеграфировалъ я...

— Тогда вотъ пятьсотъ франковъ. У меня только такіе билеты и остались.

И онъ положилъ билетъ на столъ.

Пріятное, съ крупными чертами, лицо Коротнева вспыхнуло. Онъ не ожидалъ такой готовности отъ случайнаго знакомца и, не прикасаясь къ билету, проговорилъ конфузливо:

— Тогда... позвольте оформить...

— Это еще что̀! — воскликнулъ, смѣясь, Стефенъ. — Вѣдь вамъ извѣстна теорія Генри Джорджа, ставящая всякіе долги внѣ закона...

— Да. Но она—утопія пока... А существующій порядокъ велитъ росписку написать...

И онъ шагнулъ къ письменному столу.

— Это лишнее даже и съ точки зрѣнія буржуазной осторожности!—запротестовалъ Стефенъ.—Во что̀ обойдется мнѣ погоня за вами по свѣту?.. Ха-ха-ха! Давайте лучше бесѣдовать!

Коротневъ задумчиво сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Бывало съ вами,—заговорилъ онъ, остановившись предъ Стефеномъ: — что мысли, воля—все пригнетено... на свѣтъ не глядѣлъ бы... и хочется только въ сентиментальность съ хорошимъ человѣкомъ удариться?..

— Съ кѣмъ не бываетъ!—отвѣтилъ Стефенъ, чувствовавшій себя именно такъ.

— Вотъ и я... угнетенъ, разбитъ... мыслей не соберу...

— Съ вами случилось нехорошее?

— Да...

Онъ опустился въ кресло, взялъ со столика папиросу и задумался, сжавъ ее между пальцами.

Стефенъ зажегъ спичку для него. Онъ закурилъ, но даже не поблагодарилъ его, глядя разсѣянно куда-то въ сторону.

— Вы за холостяка знаете меня,—проговорилъ онъ потомъ, вскинувъ голову:—а я—отецъ семейства...

— Но за границей вы безъ семьи?

— Нѣтъ, съ семьей... И вотъ... потерялъ ее...

Стефенъ молчалъ, не зная, что̀ сказать.

— Потерялъ, да...—продолжалъ Коротневъ.—Но никто не умеръ... да смерть и лучше: она естественна, понятна...

— Ради Бога, что̀ случилось съ вами? — проговорилъ тревожно Стефенъ.

— Вы хорошій человѣкъ, вы поймете... — отвѣтилъ Коротневъ, съ печальною, какъ бы дѣтскою улыбкой. — Уличная встрѣча съ дѣвушкой... потерянной... потомъ связь... ребенокъ... Мои средства, вниманіе, совѣты—все къ услугамъ... Въ обмѣнъ: изсохшее сердце, извращенныя чувства, изъ всякихъ способностей только самая низшая—хитрость...

— Вы такъ несчастны!—вырвалось у Стефена.

— Но что̀ же... Боже мой! Гдѣ искать полнаго счастья?.. Жизнь—то же, что торговое дѣло: въ ней не частныя потери

важны, а общій итогъ... да и логика у ней своя—темная для насъ... Я не смотрѣлъ на частности, я надѣялся... Стоики всю нравственность сводили къ правилу: „sustine"... Гёте называлъ геній высшею степенью терпимости... Почему не такъ?.. Забылъ сказать... Она—дворянка, изъ разорившейся семьи... Невѣроятно, чтобы люди, владѣющіе цѣлыми населенными пространствами, разорялись, не умѣя извлечь пользы изъ нихъ... Ну, а у насъ, въ Россіи, это—дѣло обыкновенное... Потомъ, въ нашемъ сословіи принято думать, что „благородная" кровь всегда хранитъ и носитъ въ себѣ достоинства... Оно, можетъ быть, и такъ, но при научной постановкѣ вопроса должно выйти, что если кровь способна хранить достоинства, то равно способна хранить и недостатки... А одинъ изъ пагубныхъ, природныхъ недостатковъ нашего сословія—жить ничего не дѣлая, даже презирая трудъ... И недостатокъ этотъ, дѣйствительно, остался въ крови... Онъ губилъ и мою жену... Мы не были вѣнчаны, но—форма не мѣняетъ сущности... И еще одно... Нашъ поэтъ Пушкинъ—о которомъ мы достаточно бесѣдовали съ вами—замѣтилъ, что личности у насъ „не зрѣютъ,—а сохнутъ иль гніютъ"... Такъ засохла... и сгнила, пожалуй, личность моей жены... Необыкновенный умъ, рѣдкіе таланты—все угасло, принизилось, извратилось... Чтò можно было возродить, о томъ я старался... Возродились музыкальныя способности... Но тутъ—бредъ Парижемъ, idée fixe—быть тамъ, совершенствоваться... Я согласился, далъ средства...

Онъ потупился и умолкъ. Когда онъ поднялъ потомъ голову, лицо его было блѣдно, въ глазахъ стояли слезы...

— Пріѣхавъ въ Парижъ,—заговорилъ онъ, — я нашелъ ее въ кварталѣ Бредà... Паденіе было полное... при этомъ—нищета, долги... Ребенокъ оказался на рукахъ деревенской няньки-промышленницы—заморенный, полуживой... Исходъ былъ одинъ—разрывъ... Но тутъ слезы, мольбы, раскаяніе... Она замѣчательная актриса—только, къ сожалѣнію, въ отношеніяхъ, а не на сценѣ... Изъ пасти Парижа я вырвалъ ее, но взять въ Эксъ-лé-Бэнъ, гдѣ мой отецъ, сестры, —не могъ, и поселилъ въ Эвіанѣ... Потому и пріѣзжалъ я сюда... Въ первый же мой пріѣздъ, къ первой услышанной мною позорной курортной исторіи оказалось привязаннымъ имя Нелли...

Стефенъ чуть не вскрикнулъ. Краска бросилась ему въ лицо. Все сдѣлалось понятнымъ ему, стало ясно—на кого похожа Кэтъ...

Коротневъ продолжалъ:

— Я не сталъ стѣснять, я закрылъ глаза на все... Я останавливался въ отелѣ, довольствовался мимолетнымъ счастьемъ увидѣть, приласкать ребенка... вѣрилъ, что долженъ же наступить конецъ, что, возвратившись въ Россію, поселившись со мною въ деревнѣ, она прозрѣетъ, опомнится... Исчезла и эта надежда... Къ паденію по покатой плоскости, къ позору, мотовству, потребовалось присоединить еще безуміе—бѣгство съ бездомнымъ, грязнымъ авантюристомъ... Обращали вы вниманіе на это фатальное влеченіе женщинъ именно къ грязнымъ, безнравственнымъ героямъ?.. Оно не въ романахъ только существуетъ.. Я былъ пораженъ... Я искалъ... не ее—ребенка искалъ... Объѣхалъ Швейцарію, Савойю, истратилъ все, что̀ было со мною...

Онъ всталъ, налилъ себѣ стаканъ вина и жадно выпилъ его. Попавъ случайно лицомъ къ окну, онъ такъ и остался, устремивъ безцѣльно взглядъ на одну точку. Изъ коридора донеслись заунывные звуки гонга, призывавшаго къ завтраку.

— Вотъ онъ, погребальный звонъ всякихъ заботъ! Идемте завтракать!—сказалъ Стефенъ, стараясь быть шутливымъ.

— Нѣтъ... не могу...—отвѣтилъ, долго спустя, Коротневъ.

Онъ надвинулъ на самыя брови свой дорожный англійскій картузъ, пожалъ крѣпко руку Стефену и вышелъ.

Не пошелъ завтракать и Стефенъ.

Онъ постоялъ задумчиво, потомъ прилегъ на кушетку, закинувъ руки за голову, и мало-по-малу погрузился въ размышленія... Къ давившей его тяжести прибавилось еще сознаніе вины предъ Коротневымъ...

„Да, я виновенъ... Но вина можетъ быть вольная и невольная... Жизнь надо брать такъ, какъ она есть...“ —вертѣлось у него въ головѣ оправданіе.

Коротневъ выслалъ чекъ на занятую сумму спустя нѣсколько дней. Въ письмѣ онъ горячо благодарилъ Стефена. Въ концѣ стояло: „Жизнь можетъ утомлять такъ же, какъ и движеніе. Радостенъ путь на утрѣ надеждъ и сладокъ покой—на закатѣ. Жму вашу благородную руку“.

На Стефена повѣяло скорбью отъ этихъ строкъ. Онъ также пожалъ, мысленно, руку случайнаго друга, считая ее болѣе благородной, и положилъ письмо въ портфель, вмѣстѣ съ письмами родныхъ.

XIII.

Кончился сезонъ. Противоположный, швейцарскій берегъ Лемана, отъ Лозанны до Монтрё, зацвѣлъ золотомъ и багрянцемъ; горы подернулись мягкими, блѣдными отливами радуги. Близилось отличающее этотъ уголокъ чудное лѣто св. Мартына, всегда полное свѣта, огня, живыхъ, своеобразныхъ красокъ и чуткой, чарующей тишины...

Стефенъ, все еще не пришедшій въ себя, рѣшилъ сдѣлать по тому берегу экскурсію пѣшкомъ.

Охватившій его новый міръ впечатлѣній подѣйствовалъ благотворно. Смѣнявшіяся одна другою картины природы, нравовъ, мирнаго сельскаго труда, дорожныя сцены, случайности—все будило интересъ, приковывало къ себѣ мысль, вниманіе. Съ котомкою за плечами, съ длиннымъ альпенштокомъ въ рукѣ, онъ прошелъ изъ конца въ конецъ Ронскую долину, бывшую чуть еще не вчера мокрымъ, каменистымъ ущельемъ и превращенную горстью тружениковъ въ роскошный, цвѣтущій садъ... заинтересовался геологическими особенностями кряжей въ Водуазскихъ Альпахъ... Отдаваясь прихоти случая, отдыхая на теплыхъ придорожныхъ камняхъ, обѣдая въ типичныхъ деревенскихъ трактирчикахъ, попадая то въ бѣдную хижину, затерявшуюся въ лѣсной глуши, то въ чистенькій, благоустроенный городокъ съ телефонами и электрическимъ свѣтомъ, онъ не спѣшилъ разстаться съ непрерывнымъ ласкающимъ впечатлѣніемъ новизны, съ особою прелестью свободнаго, вдумчиваго одиночества...

Въ одной деревнѣ, лежавшей высоко надъ прибрежнымъ городкомъ Лютри, вниманіе Стефена привлекла къ себѣ оживленная кучка крестьянъ предъ средневѣковымъ базарнымъ навѣсомъ.

Онъ подошелъ.

Подъ навѣсомъ стояло рядышкомъ человѣкъ пять дѣтей. Какой-то веселый краснолицый толстякъ, въ одномъ жилетѣ по случаю жары, сыпавшій шутками и прибаутками, *продавалъ* этихъ дѣтей желающимъ.

Стефенъ былъ пораженъ, но происходившее не допускало сомнѣній: продажа шла по всѣмъ правиламъ, и купленныя поступали тутъ же въ руки владѣльцевъ. Только торгъ дѣлался наоборотъ—состязавшіеся не повышали цѣну, а понижали.

— Сорокъ франковъ съ половиною! — крикнула высокая, простоволосая женщина въ бѣлой кофтѣ и повернула лицомъ къ себѣ худенькую кудрявую дѣвочку.

— Сорокъ франковъ!—прохрипѣлъ старикъ, въ шерстяной вязаной курткѣ и съ огромнымъ зобомъ на красной шеѣ.

— Ну, что ты лѣзешь!—накинулась на него женщина.—Я сама хозяйничаю, а ты прислугу нанимать долженъ.

— Вотъ потому-то и лѣзу!

— Съума ты сошелъ! Ребенокъ станетъ печь ему топить, обѣдъ готовить! Эхъ, дядя Ришаръ! Не скупись хоть на поденьщицъ-то—имъ тоже хлѣбъ надобенъ!.. Тридцать-девять франковъ!

— Тридцать-пять!—прохрипѣлъ Ришаръ.

— Тьфу! Тридцать-четыре!—отвѣтила женщина.

— Сбавляй, сбавляй, Ришаръ!— крикнулъ толстякъ. — Выростетъ—невѣста будетъ тебѣ!

— А, ну ее... я и то погорячился... — захрипѣлъ Ришаръ, утираясь рукавомъ куртки. — Теперь не прежнее время—когда хлѣбъ не стоилъ ничего, а говядину и по буднямъ ѣли... Потомъ—обуй, одѣнь...

Женщина, между тѣмъ, завладѣла дѣвочкой и принялась охорашивать ее, затѣмъ повела за руку черезъ дорогу. Онѣ проходили мимо Стефена, и онъ взглянулъ на нихъ: дѣвочка была разительно похожа на Кэтъ...

„Вотъ странное сходство!“ — подумалъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вглядываясь пристально.—„Положительно Кэтъ!“ —рѣшилъ онъ.

Покончивъ дѣло, швейцарцы двинулись отъ навѣса на другой конецъ площади, гдѣ сквозь вѣтви развѣсистыхъ платановъ мелькала синяя вывѣска съ бѣлою надписью: „Café de la Commune“. Стефенъ тоже отправился выпить кружку пива.

— Что это такое происходило? — обратился онъ тамъ къ одному изъ участниковъ.

— Сиротъ община отдавала...

— Но... ихъ продавали...

— Ха-ха-ха!—залился сидѣвшій около продавецъ-толстякъ.— На то похоже! Иностранцы часто такъ думаютъ! Нѣтъ, просто торговались, кто дешевле возьмется пропитывать... — сталъ объяснять онъ.—Обычай старый это, и законъ давно отмѣнилъ его... Но, какъ извѣстно, отмѣняется что-либо не закономъ, а силою обстоятельствъ... Тамъ, въ городахъ, гдѣ и пріюты, и общества всякія, легко помѣщать сиротъ, а бѣдной деревенской общинѣ что дѣлать съ ними?.. Не въ Бернъ же или Женеву отсылать, въ пансіоны для иностранцевъ... Ха, ха, ха! И тутъ соревнованіе, какъ вы видѣли... за самый возможный minimum помѣщаются дѣти...

— Но дешевизна должна отозваться на ихъ содержаніи...— замѣтилъ Стефенъ.

— Дурное вездѣ возможно, какъ равно и хорошее... Въ большинствѣ же каждый поступаетъ сообразно съ возможностью... Бѣдный содержитъ плохо, достаточный—лучше... А нерѣдко бываетъ и такъ, что къ ребенку привяжутся, какъ семьянина воспитаютъ, въ люди выведутъ...

— Эта дѣвочка, которую женщина взяла за тридцать-четыре франка,—кто она?

— Кудрявая? Графиня русская! Какъ же! Только бумагъ нѣтъ никакихъ...

— Почему же она въ общинѣ?

— По закону... На территоріи нашей общины родители кинули ее, ну мы и должны воспитать...

— Какъ, кинули?

— Очень просто... Вонъ, тамъ, наверху, въ отелѣ оставили... Явились графъ и графиня съ дочкой... прожили цѣлый мѣсяцъ... безъ шампанскаго за столъ не садились... Потомъ отправились въ Лозанну, на празднество стрѣльбы кантональной, дочку попеченіямъ хозяевъ поручили... А тамъ — и слѣдъ простылъ!.. Былъ слухъ, что ихъ арестовали, Франціи выдали... Мы писали—ничего не вышло... Оно, положимъ, — добавилъ толстякъ, чокаясь со Стефеномъ стаканомъ бѣлаго вина:—кому и заботиться о сиротахъ, какъ не общинѣ... Но въ случаяхъ, какъ этотъ, она совсѣмъ безвинно страдаетъ... Это не порядокъ! Отельщикъ рискуетъ—онъ и отвѣчай! Отельщикъ наживается отъ иностранцевъ —онъ и плати!.. Мы поднимемъ этотъ вопросъ въ кантональномъ собраніи!..

Стефенъ въ тотъ же день извѣстилъ о всемъ Коротнева. Но послѣдняго адреса его онъ не зналъ и направилъ письмо въ Эксъ-лè-Бэнъ.

XIV.

Осень застала Стефена въ Женевѣ.

Уже блекла зелень, оголялись платаны, усыпая улицы своими широкими, скорчившимися листьями; на Леманъ слетались чайки и утки-нырки, предвѣстники близившейся зимы, и сбивались въ стайки тамъ и сямъ; въ туманномъ воздухѣ чувствовался характерный запахъ сырости отъ низко падавшихъ тучъ.

Однимъ днемъ, возвращаясь къ обѣду въ отель и проходя

по Машинному мосту чрезъ Рону, Стефенъ былъ остановленъ сбѣгавшеюся отовсюду толпой любопытныхъ. У конца моста два дюжихъ, плечистыхъ швейцарца подтягивали что-то баграми къ низенькимъ периламъ шлюзовъ. Продвинувшійся съ толпою Стефенъ увидѣлъ показавшуюся надъ перилами, свисшую на бокъ человѣческую голову съ раздутымъ лицомъ. Странно мотнувшись, голова скрылась, потомъ снова поднялась уже совсѣмъ высоко. Это былъ трупъ Коротнева, и Стефенъ узналъ его.

— Въ Леманѣ, около Ніона, всплылъ, съ парохода утромъ видѣли его... съ часъ назадъ сюда вотъ прибило...—сталъ объяснять подошедшему жандарму какой-то высокій, сѣдой человѣкъ.

Стефенъ стоялъ, подергивая плечами, чувствуя пробѣгавшій по тѣлу холодокъ. Въ головѣ у него смутно мелькало, что надо что-то сказать, что-то сдѣлать. Но онъ только взглянулъ еще разъ чрезъ тѣснившуюся толпу на приподнятую баграми массу и пошелъ прочь.

Въ отель возвратился онъ безпокойный, съ горѣвшимъ лицомъ, и отказался отъ обѣда. Къ ночи открылся у него приступъ нервной горячки. Онъ метался въ мрачномъ, тяжеломъ бреду, говорилъ безъ умолку, мѣшая французскія слова съ датскими, и часто повторялъ непонятное никому: „Нелли“...

Н. Сѣверовъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ
ПАМФЛЕТИСТЫ
XIX-го вѣка.

VIII *).

„Жилъ былъ нѣкогда не король со своею королевой, но рабочій-бондарь, обладавшій во всемъ мірѣ только своими инструментами и носившій ихъ на спинѣ зимою по грязи, лѣтомъ—подъ палящимъ солнцемъ, переходя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, дѣлая и исправляя бочки, ведра и чаны. Его звали Франсуа,—онъ родился въ Бургундіи, не умѣлъ ни читать, ни писать, и не зналъ ничего, кромѣ своего ремесла. Это былъ мой отецъ" [1]).

Такъ разсказываетъ самъ Вельо о своемъ плебейскомъ происхожденіи. Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣтской жизни, Вельо пришлось натолкнуться на всѣ препятствія, которыя создаетъ бѣдность, и если, несмотря на все это, онъ достигъ такого высокаго общественнаго положенія, то, прежде всего, благодаря своимъ способностямъ, постоянству и трудолюбію. Вельо былъ самоучка, подобно Прудону, но въ то время какъ послѣдній съ дѣтства проявлялъ склонность къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, Вельо, наоборотъ, пользовался всѣми средствами для осуществленія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Какъ увидимъ дальше,

---

*) См. выше: авг., стр. 652.

[1]) Veuillot, Rome et Lorette, p. 11.

его мечта была сдѣлаться министромъ, но обстоятельства сложились такъ, что до самой своей смерти, въ 1883 году, Вельо оставался журналистомъ. Его продолжительная карьера журналиста дѣлится на два періода 1839 годомъ,—годомъ, когда произошло его обращеніе въ католичество. Въ противоположность Ламенне, начавшему самымъ ортодоксальнымъ католицизмомъ и кончившему идеалистическимъ деизмомъ, Вельо началъ съ невѣрія и вольтерьянства и кончилъ фанатическимъ католицизмомъ. Невѣріе его началось еще въ отцовскомъ домѣ, гдѣ, по словамъ Вельо, священники не пользовались никакимъ уваженіемъ. Среда, въ которую впослѣдствіи попалъ Вельо, могла только еще болѣе усилить существующее уже у него религіозное равнодушіе, развивъ у него въ то же время всевозможные аппетиты и честолюбивыя стремленія. Это была среда редакторовъ оффиціальныхъ газетъ. Здѣсь Вельо познакомился съ закулисной стороной политической борьбы, съ порчею общественныхъ нравовъ. Владѣльцы газетъ требовали отъ Вельо гривуазныхъ хроникъ, грубой брани противъ политическихъ противниковъ правительства. Сначала Вельо писалъ и то, и другое, по обязанности, а потомъ—съ настоящимъ наслажденіемъ. Его буйная полемика сдѣлала его извѣстнымъ тогда же, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ его газетныхъ исторій закончились шумными дуэлями. Одна изъ такихъ дуэлей обратила на него вниманіе маршала Бюжо, въ защиту котораго и писалъ Вельо. Бюжо сдѣлалъ его своимъ частнымъ секретаремъ. Впослѣдствіи Вельо исполнялъ ту же самую обязанность при Гизо [1]). Вельо всюду защищалъ идеи тѣхъ, которые ему платили. Впрочемъ, онъ самъ признавалъ это: „Я представлялъ изъ себя сопротивленіе,—писалъ онъ впослѣдствіи,—но я могъ также быть и движеніемъ“. Другими словами, онъ могъ бы быть на сторонѣ прогресса, какъ былъ на сторонѣ реакціи. „Я давалъ себѣ два мѣсяца срока, чтобы сдѣлаться однимъ изъ разбойниковъ пера, переходящихъ изъ одного лагеря въ другой и продающихъ скорѣе свою бездѣятельность, чѣмъ свою смѣлость“.

Частная жизнь, которую велъ Вельо въ это время, не отличалась значительно отъ жизнерадостныхъ, пикантныхъ хроникъ, которыя онъ писалъ въ газетахъ. Иногда среди оргій въ воображеніи Вельо возставали воспоминанія объ отцовскомъ домѣ, о простотѣ и честности его родителей, и тогда въ сердцѣ его

---

[1]) De Mirecourt, Contemporains illustres. Louis Veuillot, 1855; De Margieri, Louis Veuillot et ses derniers ouvrages (Correspondant, 1851, octobre).

пробуждалось нѣчто въ родѣ совѣсти. Но его жажда удовольствій одерживала верхъ. „Я говорилъ себѣ: будемъ плыть по теченію, потому что человѣкъ такъ устроенъ; онъ катится и уносится каждымъ вѣтромъ; заглушимъ же пѣснями и опьяненіемъ весь этотъ несносный ропотъ". Скоро Велье, которому было въ это время всего двадцать-семь лѣтъ, успѣлъ создать себѣ въ политическомъ мірѣ такія связи, что онъ началъ думать объ осуществленіи своей мечты сдѣлаться министромъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ политическіе планы Велье не увѣнчались успѣхомъ. Но изъ различныхъ неудачныхъ попытокъ онъ вынесъ чувство озлобленія противъ среды, въ которой ему приходилось вращаться. Онъ вполнѣ сознавалъ полное умственное и нравственное ничтожество этой среды, а о себѣ имѣлъ, наоборотъ, крайне преувеличенное представленіе. Тутъ-то и произошло обращеніе Велье, изъ котораго онъ сдѣлалъ свой собственный апоѳеозъ и которое описалъ въ „Rome et Lorette". Обращеніе его совершилось въ Римѣ въ 1838 году. Велье отправился въ Римъ на прогулку, сопровождая своего близкаго друга Гюстава и его молодую жену; оба они были людьми глубоко вѣрующими. Но, очевидно, и въ душѣ самого Велье жилъ религіозный атавизмъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ развиться до фанатическаго чувства. Велье былъ еще молодъ, воображеніе его было свѣже, духъ бодръ. Картина папской столицы поразила его. Онъ увидалъ Римъ во всей славѣ и во всемъ великолѣпіи его во время праздника Пасхи, когда пышно разубранныя церкви, роскошно одѣтое духовенство, шумъ колоколовъ, звукъ органовъ и хоровъ собираютъ со всѣхъ концовъ католическаго міра тысячи вѣрующихъ. Это не былъ опустѣлый лѣтній Римъ, пахнущій плесенью и разрушающійся, который наполнялъ меланхоліей душу Ламенне,—это былъ торжествующій, славословящій Бога Римъ. Католицизмъ при такой обстановкѣ дѣйствительно производилъ впечатлѣніе могучей духовной силы.

И все-таки Велье долго сопротивлялся. Онъ присутствовалъ при церемоніяхъ, потому-что его почти насильно принуждали къ этому его друзья. Сердце его оставалось холоднымъ. Онъ чувствовалъ даже злобу противъ своихъ друзей, лица которыхъ ярко выражали чувство вѣры; „когда они отходили отъ причастія, возвращаясь на свои мѣста, ихъ слабо освѣщенныя свѣчами алтаря лица выражали столько благоговѣнія, столько тихой радости, были воплощеніемъ такого глубокого спокойствія, что я почувствовалъ раздраженіе. Я взглянулъ на Гюстава,—онъ былъ распростертъ въ молитвѣ... мнѣ казалось, что всѣ другіе чув-

ствовали себя здѣсь въ домѣ своего Отца, и что только я одинъ казался здѣсь чужимъ, на котораго никто не обращаетъ вниманія".

Послѣднія слова произнесены Велью въ минуту меланхоліи; они несправедливы, такъ какъ друзья его думали о немъ и заботились о его религіозномъ воспитаніи. Они учили его молиться; а когда Велью замѣчалъ имъ, что онъ не вѣруетъ, то они отвѣчали ему, что онъ не имѣетъ права такъ говорить, пока не постарается вѣрить. Для того, чтобы Богъ сошелъ въ его душу, онъ долженъ очистить для Него мѣсто. Они учили его очищающей силѣ молитвы, и Велью началъ молиться, и усилія его увѣнчались успѣхомъ. Послѣ предписываемой религіей исповѣди, Велью крестился и принялъ причастіе. Этимъ и закончился первый періодъ его жизни.

Если Шатобріанъ писалъ о себѣ: „я много страдалъ, и увѣровалъ"; если Ламенне могъ сказать о себѣ: „я много любилъ, и увѣровалъ", то Велью имѣетъ право сказать только: „я много грѣшилъ, и увѣровалъ".

Обращеніе Велью положило конецъ тѣмъ оргіямъ, среди которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ. Но вмѣсто нихъ начались другія оргіи, или „теологическія вакханаліи", какъ выражался Лакордеръ.

Гордость, тщеславіе, самоувѣренность не только не исчезли изъ души Велью, но развились, или, вѣрнѣе сказать, онъ началъ проявлять ихъ безъ всякаго стѣсненія. Теперь онъ могъ оправдываться той высокой цѣлью, которой они должны были служить. Кромѣ того, новое положеніе, въ которомъ находился Велью, давало ему несравненное преимущество передъ его противниками. Онъ вѣрилъ, а для человѣка вѣрующаго нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ, напримѣръ, Велью отказался послѣдовать совѣту одного своего пріятеля, предлагавшаго ему вычеркнуть изъ слѣдующаго изданія „Rome et Lorette" нѣкоторыя мѣста, касающіяся противорѣчащихъ современной наукѣ чудесъ св. Франциска Ассизскаго съ птицами, которыхъ онъ заставлялъ говорить. Велью отвѣтилъ: „я вѣрю въ религіи и тому, что̀ я могу себѣ объяснить, и, можетъ быть, еще болѣе тому, чего я не понимаю. Я вѣрю въ чудеса, о которыхъ я говорю въ этой книгѣ, также какъ вѣрю въ стигматы серафима, также какъ вѣрю въ силу моей молитвы и святость моихъ четокъ, какъ вѣрю въ индульгенціи".

Но такъ какъ для Велью религіозныя убѣжденія были единственно истинными и серьезными, а все остальное было софиз-

момъ, то легко представить себѣ, съ какимъ презрѣніемъ онъ относился къ истинамъ философіи, литературы и науки.

На все это онъ смотрѣлъ свысока, считая эти истины ничтожными и далекими отъ жизненныхъ интересовъ человѣчества, которые были чисто религіозными. Точно такъ же смотрѣлъ Вельо на самихъ ученыхъ, философовъ и литераторовъ. По его мнѣнію, они ничего не знали и не понимали. При извѣстіи о всякомъ новомъ открытіи или изобрѣтеніи, Вельо иронически пожималъ плечами и спрашивалъ: „А знаютъ ли эти ученые, что̀ такое жизнь? что̀ такое смерть“? И конечно, этими восклицаніями, которыя Вельо умѣлъ пристегивать ко всѣмъ литературнымъ, философскимъ или научнымъ темамъ, онъ повергалъ въ недоумѣніе своихъ противниковъ и приводилъ въ восторгъ своихъ читателей-католиковъ. Такимъ образомъ, Вельо могъ критиковать все и всѣхъ. Вѣра замѣнила для него знаніе и сообщила ему рѣдкую самоувѣренность, несмотря на его полное невѣжество.

Но религіозный фанатизмъ подавилъ въ немъ не только потребность знанія, но и потребность всякой общественной морали.

Онъ и въ самомъ христіанствѣ видѣлъ не высоко этическое ученіе о любви и всепрощеніи, а аскетическую доктрину, враждебно относившуюся къ человѣку, смотрѣвшую на него какъ на существо павшее, на его жизнь—какъ на проклятіе, а на произведенія человѣческаго духа—какъ на рядъ заблужденій.

Такая доктрина подходила вполнѣ къ характеру Вельо, у котораго не было ни доброты, ни милосердія, который смотрѣлъ на людей какъ на враговъ, и ненавидѣлъ ихъ.

Раньше чѣмъ сдѣлаться католикомъ, раньше чѣмъ быть въ Римѣ, онъ уже былъ озлобленъ противъ всего міра.

„Я горячо желалъ не видѣть больше Франціи,—писалъ онъ впослѣдствіи,—я испытывалъ странное чувство ненависти къ моей родинѣ. Да, впрочемъ, развѣ въ эту минуту было что-нибудь, чего бы я не ненавидѣлъ“?

Дорога въ Римъ была для него дорогой въ Дамаскъ. По возвращеніи оттуда, онъ даетъ полную волю своимъ сокровеннымъ чувствамъ. Тогда онъ написалъ, изданную въ 1839 году, брошюру: „Les pélerinages en Suisse“, гдѣ онъ призываетъ къ суду Марка Аврелія, Карла IX-го, Лютера и еретиковъ. Въ 1841 году онъ издалъ „Rome et Lorette“, гдѣ, среди описанія Рима и своего обращенія, онъ вставилъ длинныя тирады противъ политиковъ и ученыхъ. Какъ вообще Вельо относится къ послѣднимъ, видно изъ слѣдующихъ словъ въ его сборникѣ статей: „Ça et là“. „Есть одна вещь, которой вы, ученые,

совсѣмъ не знаете, — говоритъ онъ, влагая эту фразу въ уста человѣка изъ народа, — вы не знаете, что мѣра противъ васъ переполнилась, также какъ вы переполнили ее нѣкогда противъ дворянъ и священниковъ... Ваши писанія надоѣли, вы лжецы и узурпаторы; есть много мѣстъ, гдѣ вы превратили народъ въ раздраженнаго звѣря, который сброситъ намордникъ и когтями и зубами расправится съ вашими бумагами, съ вашими платьями и съ вашей кожей".

Немного спустя, Вельо издалъ памфлетъ: „Les Libres penseurs". Въ 1843 году онъ вступилъ въ редакцію газеты „l'Univers", въ которой оставался цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, до 1883 года,—года его смерти.

Въ продолженіе второго періода своей карьеры Вельо остался вѣренъ своему крайнему клерикализму, но собственно политическіе взгляды его измѣнялись сообразно обстоятельствамъ. Въ этихъ измѣненіяхъ отражались разнообразныя положенія, которыя занимала по отношенію къ церкви государственная власть въ разныя эпохи.

Одинъ изъ вопросовъ, по поводу котораго происходили частныя столкновенія ультрамонтановъ съ защитниками гражданскаго общества, былъ вопросъ о народномъ образованіи. Идеалъ ультрамонтановъ извѣстенъ,—они требуютъ передачи народнаго образованія въ руки духовенства. Но если цѣль оставалась та же при всѣхъ режимахъ,—ихъ тактика, наоборотъ, мѣнялась по обстоятельствамъ. Гибкость клерикаловъ въ этомъ отношеніи извѣстна. Такъ, во время Людовика XVIII и Карла X, когда ультрамонтаны пользовались поддержкой власти и во главѣ министерства народнаго просвѣщенія находился аббатъ де-Лаферронне, они громко высказывали свои намѣренія и открыто стремились къ осуществленію своего теократическаго идеала.

Но при іюльской монархіи, съ проникающимъ ее либеральнымъ духомъ, проповѣдь клерикализма не могла разсчитывать на какой-либо успѣхъ, и поэтому ультрамонтаны измѣнили свою тактику. Они перешли отъ наступательнаго положенія къ оборонительному, отъ клерикальнаго абсолютизма—къ клерикальному либерализму.

Не имѣя больше шансовъ овладѣть вполнѣ народнымъ образованіемъ, они начали требовать равноправія. Ультрамонтанская партія находилась теперь въ томъ положеніи, въ которомъ были ультра-роялисты въ началѣ реставраціи, когда они, дѣлая bonne mine contre mauvaise fortune, требовали уваженія къ парламентскимъ формамъ.

Въ особенности клерикалы начали заявлять о своемъ либерализмѣ въ 1844 г., когда вырабатывался законъ, отнимавшій у членовъ іезуитскаго ордена право преподаванія.

Эти либеральныя тенденціи клерикальной партіи усилились еще больше подъ вліяніемъ возростающаго демократическаго движенія въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Не имѣя поддержки Луи-Филиппа, который легко жертвовалъ интересами католической церкви, разсчитывая поддержать этимъ свою постепенно падающую популярность, духовенство должно было искать поддержки въ самой массѣ и заигрывать съ демократическими партіями.

Эта эволюція французскаго клерикализма достигла своего кульминаціоннаго пункта во время февральской революціи въ 1848 году, когда духовенство благословляло „деревья свободы". Въ самомъ паденіи Луи-Филиппа многіе католики видѣли заслуженное Божіе наказаніе, а другіе—событіе, которое должно было примирить католицизмъ съ республикой: „Не желая судить революцію 1848 года,—писалъ въ 1851 г. одинъ публицистъ-католикъ,—невозможно не признать, что она являлась законнымъ возмездіемъ за революцію 1830 года". Еще болѣе категориченъ былъ самъ Вельо. На другой день послѣ революціонныхъ событій, 26 февраля 1848 года, онъ писалъ въ „L'Univers": „голосомъ событій говоритъ Богъ. Революція 1848 года есть указаніе Провидѣнія. Монархія падаетъ подъ тяжестью своихъ грѣховъ; теперь у нея нѣтъ приверженцевъ. Никогда ни одинъ тронъ не рушился болѣе унизительнымъ образомъ. Пусть французская республика дастъ свободу церкви, и не будетъ тогда лучшихъ республиканцевъ, чѣмъ французскіе католики".

IX.

Но неестественность союза церкви со „свободой" скоро обнаружилась и прежде всего въ самой Папской области, гдѣ передъ народнымъ возстаніемъ Пій IX долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ крѣпость Гаэту. Съ другой стороны, во Франціи разразилось іюньское движеніе парижскаго пролетаріата, противъ котораго соединились всѣ реакціонныя партіи и въ томъ числѣ клерикалы. Ультрамонтаны способствовали и выбору Бонапарта, какъ противника республики, а Бонапартъ, съ своей стороны, вопреки буквѣ и духу конституціи, послалъ французское войско въ Италію, чтобы возстановить власть папы Пія IX.

Такимъ образомъ былъ освященъ союзъ между клерикалами и цезаристами, продолжавшійся до итальянской войны 1859 г. Выразителемъ этого движенія былъ Вельо. Въ его памфлетахъ мы видимъ, какъ постепенно вырабатываются всѣ элементы цезаристскаго фазиса французскаго клерикализма. Еще послѣ іюньскаго возстанія Вельо написалъ двѣ алегорическія пьесы въ формѣ діалога: „Esclave Vindex" и „Le lendemain de la Victoire". Вторая была въ сущности продолженіемъ первой.

Въ „Esclave Vindex" разговариваютъ двѣ статуи изъ Тюльерійскаго сада. Одна изъ нихъ—статуя Спартака, а другая—статуя Виндекса. Спартакъ представляетъ либеральную и республиканскую буржуазію, уже освободившуюся отъ ига аристократіи, а Виндексъ—современный пролетаріатъ, который хочетъ освободиться отъ буржуазіи. „Теперь твоя очередь уступать",—говоритъ Виндексъ Спартаку, но въ это время раздается громъ, который прерываетъ ихъ разговоръ.

Брошюра „На другой день послѣ побѣды" изображаетъ торжество соціализма, которое тогда казалось очень близкимъ не только соціалистамъ, но и ихъ противникамъ. Вельо изображаетъ этотъ *другой день* самыми мрачными красками. На каждомъ шагу встрѣчаются жестокости, насилія, кровопролитія. Тюрьмы полны заключенными. И здѣсь-то, въ тюрьмѣ, и находятся тѣ трое людей, которые спасутъ Францію. Они символизируютъ католицизмъ. Это—священникъ Алексѣй, собирающій въ тюрьмахъ обильную жатву спасенія и обращенія,—сестра Евлалія, помогающая бѣднымъ,—наконецъ солдатъ Валентинъ де-Лавуръ, подготовляющій священную войну противъ „варваровъ". Но замѣчательно, что Вельо ничего не говоритъ о политическомъ идеалѣ отца Алексѣя, такъ что остается неизвѣстнымъ, какая форма правленія будетъ во Франціи, когда въ ней восторжествуетъ католицизмъ. Это замалчиваніе политической программы имѣетъ глубокую причину въ самой сущности ультрамонтанства, которое стремится къ теократіи, къ политическому господству духовенства, а форма, при которой осуществится это господство, имѣетъ второстепенное значеніе. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи или въ южныхъ американскихъ республикахъ іезуиты господствовали и при республиканской формѣ управленія. Что касается Франціи, то въ 1850 году Вельо ждалъ, какая изъ реакціонныхъ фракцій—легитимистовъ и бонапартистовъ—побѣдитъ. Переворотъ 2-го декабря разрѣшилъ его недоумѣнія. Вельо сдѣлался бонапартистомъ. Бонапартъ, какъ мы знаемъ, съ своей стороны тоже искалъ поддержки церкви; онъ доказалъ это

не только въ 1849 году, организовавъ римскую экспедицію, но и позднѣе, въ 1850 году, когда способствовалъ, въ качествѣ президента республики, реформѣ образованія, дававшей свободу іезуитамъ и вводившей епископовъ въ университетскій совѣтъ.

Въ этотъ періодъ „L'Univers", редактировавшійся Вельо, былъ однимъ изъ оффиціозныхъ правительственныхъ органовъ на ряду съ „Le Pays". Вельо писалъ не только противъ соціалистовъ и республиканцевъ, но и противъ легитимистовъ и орлеанистовъ. Онъ называлъ „политической алхиміей", „смѣшною микстурой" ихъ проектъ примиренія Бурбоновъ съ Орлеанами. Единственно достойнымъ государемъ и Божьимъ избранникомъ былъ Наполеонъ III, которому онъ предсказывалъ болѣе великую роль, чѣмъ даже роль его великаго дяди. „Если за послѣднее столѣтіе можно было надѣяться на общественное возрожденіе, то это именно теперь, въ данную минуту,—писалъ Вельо въ „L'Univers".—Передъ какимъ предпріятіемъ политическаго и умственнаго умиротворенія могло бы почувствовать себя слишкомъ слабымъ привилегированное правительство, которое извлекаетъ выгоду изъ всего великаго, сдѣланнаго Наполеономъ I, и не несетъ отвѣтственности ни за одну изъ его ошибокъ, и которому сорокалѣтній опытъ даетъ возможность исправить эти ошибки? Ему нечего бояться своихъ революціонныхъ враговъ, доктрины которыхъ ужасны, и своихъ парламентскихъ противниковъ, упрямство которыхъ вызываетъ жалость. Противъ этого безпорядочнаго отряда двѣ арміи протянули другъ другу руки на защиту народнаго дѣла въ средѣ того народа, который ихъ любитъ и изъ котораго они вышли. Одна изъ этихъ армій состоитъ изъ 400 тысячъ воиновъ, дисциплинированныхъ и молодыхъ, защищающихъ старую честь своего знамени, и другая, которой не было у Наполеона I и которой, можетъ быть, никогда не видалъ никакой народъ въ такомъ цвѣтущемъ и прекрасномъ состояніи: армія милосердія, въ которой 40 тысячъ священниковъ и 50 тысячъ монахинь".

Въ 1858 году Наполеонъ III предпринялъ путешествіе въ Бретань; Вельо ѣхалъ впереди его и говорилъ народу рѣчи, въ которыхъ императоръ представлялся современнымъ Карломъ Великимъ.

Подъ снисходительнымъ контролемъ императорской цензуры, Вельо, обругавши всѣ политическія партіи (кромѣ правительственной) и ихъ „смѣшныя идеи свободы и уваженіе различныхъ мнѣній", напалъ на нѣкоторыхъ изъ французскихъ епископовъ. Послѣдніе отвѣтили ему, такъ что въ скоромъ времени

во всѣхъ рядахъ клерикальной партіи началась междоусобная война, которая не кончилась до тѣхъ поръ, пока не вмѣшался самъ папа Пій IX. Этотъ эпизодъ исторіи французскаго католицизма—чрезвычайно характеренъ, такъ какъ онъ обнаруживаетъ существующій и до сихъ поръ въ средѣ самого духовенства внутренній разладъ.

Поводомъ къ этой борьбѣ послужилъ вопросъ о школьныхъ программахъ. Священникъ Гомъ (Gaume) началъ кампанію противъ классическихъ авторовъ: Виргилія, Горація, Цицерона, Тита Ливія, Тацита, за то, что они были язычниками. Онъ требовалъ, чтобы они были замѣнены отцами церкви. Вельо сталъ на сторону Гома, придавъ вопросу болѣе страстный полемическій характеръ. Наоборотъ, орлеанскій епископъ Дюпанлу явился защитникомъ классицизма. За него высказались сорокъ-пять епископовъ и вообще самая образованная часть французскаго духовенства. Вельо отвѣтилъ на ихъ аргументы нападками въ обычномъ своемъ рѣзкомъ тонѣ, что̀ вызвало со стороны парижскаго архіепископа Сибура запрещеніе газеты въ парижской епархіи. Запрещеніе это, изданное 17-го февраля 1853 года, мотивировалось „оскорбительными и клеветническими обвиненіями противъ нѣкоторыхъ епископовъ и настойчивостью газеты въ высмѣиваніи смѣхомъ, заимствованнымъ у Вольтера, тѣхъ священниковъ, которые защищаютъ церковь по способу, практикующемуся во всѣхъ школахъ католическаго міра“ [1]).

Вельо обратился къ папѣ, который, къ величайшему удивленію высшаго духовенства, объявилъ его правымъ въ энцикликѣ отъ 21-го марта 1853 года. Въ то же время папскій секретарь Фіорамонти написалъ льстивое письмо Вельо. „Другіе редакторы религіозныхъ газетъ нападаютъ на васъ съ тѣмъ болѣе печальной рѣзкостью,—писалъ секретарь отъ имени папы,—что эта рѣзкость задерживаетъ все болѣе и болѣе замѣтное движеніе, увлекающее народы къ послушанію святѣйшему Риму и любви къ нему“.

Папа считалъ болѣе политичнымъ искать поддержки какого-нибудь Вельо, который сдѣлался политической силой и притомъ былъ преданъ ультрамонтанству, чѣмъ поддержки епископовъ, которые, какъ государственные чиновники, не имѣли никакого политическкго значенія. Кромѣ того французское бѣлое духовенство всегда отличалось своими галликанскими чувствами, почему оно и пользовалось всегда ненавистью духовныхъ орденовъ,

---

[1]) Delord, Histoire du Second Empire, t. II, p 224.

особенно іезуитовъ, составлявшихъ главную силу ультрамонтанской партіи. Когда парижскій архіепископъ Аффръ былъ убитъ на баррикадахъ въ іюнѣ 1848 года, то ультрамонтанскія газеты писали: „смерть смыла пятно его жизни"; а пятномъ этимъ былъ его галликанизмъ. Приблизительно такъ же говорили іезуиты, когда одинъ фанатикъ-священникъ убилъ архіепископа Сибура въ 1857 году, и позднѣе, въ 1871 году, когда былъ разстрѣлянъ его преемникъ, парижскій архіепископъ Дарбуа.

Послѣ того какъ по желанію папы была прекращена полемика между Вельо и епископами, началась другая полемика между Вельо и либеральными католиками. Послѣдніе отвѣчали въ своемъ органѣ, ежемѣсячномъ журналѣ „Le Correspondant". Де-Брольи отъ ихъ имени выставилъ противъ Вельо обвиненіе въ томъ, что онъ безчеститъ католицизмъ и роняетъ авторитетъ церкви своими „постоянными вызовами свободѣ" и своимъ циническимъ прославленіемъ Наполеона III. И на этотъ разъ власти пришли на помощь Вельо. Уже не папа, а самъ министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ предостереженіе журналу „Le Correspondant". Вельо восторжествовалъ, благодаря поддержкѣ, которая оказывалась ему то изъ Ватикана, то изъ Тюльери. Онъ не находилъ въ своемъ поведеніи ничего безнравственнаго, или любилъ оговариваться словами: „церковное законодательство, это—запрещеніе и предостереженіе". Но скоро и самому Вельо пришлось испытать превратности судьбы. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Наполеонъ III, который видѣлъ, что одни только крестьяне и ультрамонтаны представляютъ для него ненадежную опору и что положеніе его не будетъ обезпечено до тѣхъ поръ, пока онъ не склонитъ на свою сторону городскія массы, рѣшилъ попробовать либеральную политику. Съ этой цѣлью была предпринята въ 1859 году война за объединеніе Италіи, а послѣ побѣды при Маджентѣ была объявлена всеобщая амнистія. Но объединеніе Италіи не могло произойти безъ того, чтобы не уменьшилось политическое могущество папы. Здѣсь Наполеонъ вступалъ въ конфликтъ съ ультрамонтанами и изъ „второго Карла Великаго" подъ перомъ Вельо превратился въ „Юліана Отступника". За этотъ дерзкій тонъ „L'Univers" былъ пріостановленъ. Хотя самый фактъ закрытія газеты не могъ радовать друзей свободы печати, но то обстоятельство, что судьба наказываетъ Вельо, обрадовало даже республиканцевъ. Свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующая замѣтка, напечатанная по поводу запрещенія „L'Univers" въ ліонской демократической газетѣ „Le Progrès": „Пусть Вельо не пробуетъ разжалобить насъ, этотъ плакса, чув-

ствующій необходимость свободы только для себя одного, и который завтра же воспользовался бы своимъ перомъ только для того, чтобы требовать, чтобы сломали перо его противниковъ. Его крокодиловы слезы не вызываютъ нашего сочувствія, потому что если что-нибудь могло бы насъ утѣшить во всѣхъ стѣсненіяхъ, которыя мы испытываемъ, то это именно безсиліе подобнаго апостола инквизиціи. Если мы не можемъ возвысить голосъ, то, по крайней мѣрѣ, мы будемъ имѣть то утѣшеніе, что воображеніе наше не будетъ больше терзаемо рычаніями апологета невозможныхъ насилій" [1]).

Потерявъ свою газету, Вельо продолжалъ полемику памфлетами, изъ которыхъ составился сборникъ „Les odeurs de Paris". Для характеристики пріемовъ его полемики въ этотъ періодъ мы приводимъ слѣдующія разсужденія его о Викторѣ Гюго: „тщеславіе Виктора Гюго легко возбуждается, когда его критикуютъ; оно превращается въ гордость, когда его подвергаютъ цензурѣ, и изъ его грубой и буйной души поднимаются грубыя и буйныя мысли"... „Когда я хотѣлъ причинить ему страданія, то это легко удавалось мнѣ, и послѣ многихъ лѣтъ онъ все чувствовалъ еще мои уколы. Но онъ ужъ слишкомъ чесался; я вовсе не имѣлъ намѣренія вызывать такое сильное воспаленіе".

Въ 1867 году Вельо удалось возобновить свою газету; полемическіе пріемы его не измѣнились, и вся редакція и особенно братъ Вельо старались держаться въ его тонѣ. Республиканская газета „Le Siècle" характеризовала буйную католическую пару братьевъ Вельо слѣдующимъ каламбуромъ: „Оба брата Вельо производятъ впечатлѣніе, будто опростали всѣ церковные каноны" [2]).

Въ эту новую эпоху его дѣятельности главнымъ руководствомъ его, бывшимъ какъ разъ на уровнѣ его образованія, явился знаменитый „Syllabus", каталогъ ошибокъ и заблужденій XIX-го столѣтія (между означенными тамъ ошибками были: свобода, эмансипація, прогрессъ, либерализмъ), который Пій IX издалъ въ декабрѣ 1865 года. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ „L'Univers" началъ кампанію въ пользу созванія вселенскаго католическаго собора, чтобы провозгласить на немъ догматы непорочнаго зачатія Богородицы и непогрѣшимости папы. Провозглашеніе обоихъ этихъ догматовъ давно уже составляло мечту іезуитовъ, а то обстоятельство, что въ концѣ XIX-го столѣтія

---

[1]) Цитировано у Вельо: „Les Odeurs de Paris", p. 10.

[2]) Слово *canon* употреблено въ двухъ смыслахъ: канонъ и кружка.

они могли достичь того, что̀ было для нихъ невозможно въ продолженіе стольких вѣковъ, показываетъ, какъ сильно стало ультрамонтанское движеніе съ тѣхъ поръ какъ выступило на политическую арену. Нѣкоторые изъ французскихъ епископовъ, а особенно либеральный Дюпанлу, заявившіе себя противъ „Syllabus“, возстали противъ Вельо. Послѣдній отвѣчалъ со своей обычной рѣзкостью, вызвавъ со стороны Дюпанлу извѣстное „предостереженіе господину Вельо“, въ которомъ по адресу послѣдняго говорилось: „Вы дѣлаете папу отвратительнымъ. Вы возбуждаете бури противъ церкви. Вы изгоняете католицизмъ изъ цивилизованныхъ странъ“. Но и въ этомъ случаѣ окончательная побѣда осталась на сторонѣ Вельо. Онъ больше выражалъ идеи Рима, чѣмъ Дюпанлу.

Провозглашеніе папской непогрѣшимости не было въ состояніи предупредить катастрофу, слѣдствіемъ которой была утрата папою свѣтской власти. Но когда, послѣ событій коммуны, въ самой Франціи усилилась монархическая и клерикальная агитація, какъ случилось послѣ іюньскаго возстанія въ 1848 году, Вельо и друзья его подняли въ странѣ шумную агитацію въ пользу возстановленія свѣтской власти папы. По иниціативѣ „L'Univers“ католики со всѣхъ концовъ Франціи посылали въ національное собраніе прошенія въ этомъ смыслѣ. Эта агитація приняла такіе широкіе размѣры, что германское правительство, начавшее въ это время „Kulturkampf“, сдѣлало дипломатическія представленія французскому правительству. Подобные же протесты поднялись и въ англійской палатѣ лордовъ, и въ венгерской палатѣ депутатовъ.

Торжество республиканскихъ партій на законодательныхъ выборахъ 1876 года было сигналомъ къ смѣлому анти-клерикальному движенію, проявившемуся въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ духовныхъ конгрегацій. Злоба̀ Вельо была велика, но уже безсильна. Вельо умеръ въ 1883 году. Въ 1899 году ему, по публичной подпискѣ католиковъ, былъ воздвигнутъ бюстъ въ парижской церкви „Sacré Coeur“.

X.—Шарль Рожаръ.

Война за объединеніе Италіи, поссорившая Наполеона III съ ультрамонтанами, была началомъ новой внутренней политики, проникнутой болѣе либеральнымъ духомъ. Таковы же были декреты 1860 и 1861 года; первый изъ нихъ давалъ законодательному

собранію и сенату право обсуждать тронную рѣчь императора, а второй допускалъ гласность парламентскихъ обсужденій. Смягченіе режима дало возможность проявиться республиканской оппозиціи.

Въ законодательномъ собраніи эта оппозиція состояла изъ горсти депутатовъ; но какъ собственное положеніе ихъ, такъ и парламентскій уставъ не допускали большой свободы выраженій. Однако внѣ парламента, въ самой странѣ и особенно въ Парижѣ, начала организоваться воинствующая республиканская партія. Она рекрутировалась изъ возвратившихся, послѣ всеобщей амнистіи въ 1859 году, эмигрантовъ и изъ университетской молодежи Латинскаго квартала. Здѣсь въ 1863 и 1864 годахъ стали выходить нѣсколько маленькихъ по объему, но чрезвычайно смѣлыхъ газетокъ; въ одной изъ этихъ газетъ, „La Rive gauche“ (другое названіе Латинскаго квартала), появился памфлетъ: „Les propos de Labienus“. Авторъ этого памфлета, Шарль Рожаръ, до тѣхъ поръ неизвѣстный, сразу сдѣлался знаменитъ. Онъ родился въ 1820 году въ Парижѣ, гдѣ въ 1840 году окончилъ высшую нормальную школу. Когда, послѣ 2-го декабря 1851 года, онъ отказался принести присягу Луи Бонапарту, то подвергся преслѣдованіямъ со стороны полиціи. Въ 1856 году онъ былъ обвиненъ, какъ участникъ въ одномъ заговорѣ, но послѣ тридцатидневнаго ареста освобожденъ, за недостаткомъ доказательствъ. Но Рожаръ остался республиканцемъ и по идеямъ, и по чувствамъ, и доказалъ это въ своемъ памфлетѣ. Послѣдній являлся удачнымъ подражаніемъ эпическому стилю Тацита, но устами Лабіена, современника Цезаря, говорилъ французскій республиканецъ, а въ лицѣ Цезаря былъ изображенъ самъ Наполеонъ III. Успѣхъ памфлета „Propos de Labienus“ былъ чрезвычайный. Книга быстро разошлась. Помимо содержанія, этому распространенію способствовало и другое обстоятельство. Самъ Наполеонъ III написалъ и издалъ сочиненіе: „Жизнь Цезаря“, такъ что „разговоры Лабіена“ являлись чѣмъ-то въ родѣ отвѣта самому императору.

„Знаете ли вы Лабіена? — пишетъ Рожаръ. — Это былъ странный человѣкъ, своеобразнаго характера. Представьте себѣ, что онъ упорно стоялъ на томъ, чтобы остаться гражданиномъ въ городѣ, гдѣ были только подданные. Понимаете вы это? Civis romanus sum, говорилъ онъ. И невозможно было заставить его отступиться отъ этого. Онъ хотѣлъ, какъ Цицеронъ, умереть свободнымъ въ своемъ свободномъ отечествѣ; можете вы себѣ вообразить подобную эксцентричность?.. Онъ былъ изъ тѣхъ злыхъ, которые должны трепетать при сильномъ правительствѣ, для того

чтобы добрые могли чувствовать себя въ безопасности, и чтобы общество, потрясенное въ своихъ основахъ, могло снова опереться на свои устои".

„Старый Лабіенъ,—писалъ Рожаръ въ другомъ мѣстѣ,—былъ изъ тѣхъ, которые видѣли республику; въ этомъ онъ былъ невиноватъ, но онъ имѣлъ глупость помнить о ней—вотъ въ чемъ былъ корень зла. Теперь онъ былъ свидѣтелемъ великаго царствованія—и не былъ доволенъ. Бываютъ люди, которые никогда не довольны... Потомъ у него были фантастическія идеи, невѣроятная манія и въ особенности странная, невѣроятная склонность: онъ любилъ свободу! Очевидно у Лабіена совершенно отсутствовалъ разсудокъ. Гражданинъ и свободный безумецъ! Конечно, онъ говорилъ только такъ, также какъ впослѣдствіи Поліевктъ говорилъ: „Я христіанинъ", самъ хорошенько не зная, что̀ говоритъ онъ. Дѣло было въ томъ, что бѣдная голова его была серьезно повреждена; онъ страдалъ опасной мозговой болѣзнью: по крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе доктора Августа, знаменитаго Антонія, который называлъ этотъ родъ сумасшествія резонерской мономаніей и который предписалъ лечить больного тюрьмою. Лабіенъ не исполнилъ предписанія; поэтому онъ не выздоровѣлъ... Это былъ человѣкъ старой партіи, такъ какъ свобода ужъ прошла,—реакціонеръ, такъ какъ республика относилась къ прошлому".

Когда Наполеоновская полиція стала искать Рожара, онъ уже былъ за границей. Рожаръ вернулся во Францію послѣ провозглашенія республики. Въ апрѣлѣ 1871 года онъ былъ избранъ на дополнительныхъ выборахъ коммуны членомъ послѣдней. Но онъ отказался, считая свое избраніе незаконнымъ, такъ какъ общее число голосующихъ не превосходило половины записанныхъ избирателей. Позднѣе онъ сотрудничалъ въ газетѣ „Le Rappel", основанной Викторомъ Гюго и Вакери. Рожаръ умеръ 4-го декабря 1896 года.

Литературная дѣятельность Рожара была кратковременна, но имя его останется связаннымъ съ первымъ памфлетомъ, вышедшимъ во Франціи противъ Наполеона III. Онъ былъ сигналомъ къ развитію той памфлетистской литературы, которая сдѣлалась такой обильной въ послѣдніе годы второй имперіи и въ которой выдающееся мѣсто занимаютъ памфлеты Рошфора.

XI.—Рошфоръ.

Очень немногіе люди достигаютъ той популярности, какая выпала на долю Рошфора. Его пріѣзды въ Парижъ послѣ амнистіи въ 1880 и 1896 годахъ сопровождались нескончаемыми оваціями со стороны парижскаго населенія. Въ минувшемъ столѣтіи такія торжественныя оваціи были устроены только одному французу—Виктору Гюго.

Теперь парижское населеніе уже далеко не такъ единодушно въ своихъ симпатіяхъ къ Рошфору, но вліяніе его все еще остается большимъ, какъ доказали парижскіе муниципальные выборы 1900 года, когда въ большей части парижскихъ кварталовъ были избраны кандидаты изъ списка его газеты „L'Intransigeant". Журнальная карьера Рошфора чрезвычайно продолжительна; она началась еще въ эпоху второй имперіи, и сама личность Рошфора сохранила много чертъ этой эпохи. Онъ напоминаетъ ее по своему шовинизму и по водевильному остроумію, такъ часто встрѣчающемуся въ его статьяхъ, и по своей невысокой и крайне поверхностной умственной культурѣ.

Вторая имперія совпадаетъ во Франціи съ большимъ застоемъ въ философскихъ и соціальныхъ наукахъ. Этотъ застой являлся отчасти естественнымъ слѣдствіемъ 1848 года и пораженія, понесеннаго въ этотъ моментъ разными соціальными системами; отчасти онъ вызывался полицейскимъ режимомъ Наполеона III.

Молодое поколѣніе, которому по возрасту суждено было дѣйствовать въ эту эпоху, должно было или отдаться чистой наукѣ—тогда появились Клодъ Бернаръ, Пастёръ и др.,—или политической дѣятельности совершенно неопредѣленнаго характера. При тогдашнихъ условіяхъ печати всякая политическая критика должна была носить возможно менѣе политическій характеръ. Тогда создался въ газетахъ отдѣлъ *хроники*—полу-увеселительный, полуполитическій отдѣлъ, нѣчто въ родѣ политическаго фельетона, который въ скоромъ времени получилъ большое распространеніе.

Если размѣры, въ которыхъ политика допускалась въ хроникѣ, зависѣли отъ цензуры, то, съ другой стороны, много значила ловкость самого журналиста. Но, конечно, хроника никогда не могла вполнѣ замѣнить политическія статьи, такъ какъ идеи могли вводиться въ нее только въ умѣренномъ количествѣ, а главное мѣсто отводилось шуткамъ, каламбурамъ, остроумнымъ характеристикамъ и другимъ чисто-литературнымъ элементамъ. Именно таковъ былъ талантъ Рошфора: въ немъ было много

остроумія, но мало идей. Онъ и до сихъ поръ остался журналистомъ эпохи второй имперіи.

Что касается до шовинизма Рошфора, не нужно забывать, что это—старое и даже республиканское чувство. Еще во время французской революціи, въ эпоху директоріи, многіе изъ самыхъ вліятельныхъ республиканцевъ стремились создать новую религію патріотизма [1]). Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи понятіе „республиканецъ" и „патріотъ" покрывали другъ друга. Въ періодъ реставраціи патріотизмъ соединилъ въ секретномъ обществѣ карбонаріевъ республиканцевъ съ бонапартистами. А если имѣть въ виду, что большая часть замѣчательныхъ республиканскихъ дѣятелей іюльской монархіи выросла въ эпоху реставраціи, то намъ будетъ понятно, почему многіе изъ нихъ были проникнуты тѣмъ же духомъ. Такими патріотами были и Бланки, и Барбесъ. Извѣстно, что во время севастопольской войны Барбесъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ, писалъ такія восторженныя письма о побѣдахъ французскихъ солдатъ, что Наполеонъ III, которому полиція доставила одно изъ этихъ писемъ, приказалъ освободить Барбеса. Послѣдній не хотѣлъ принять милости императора и просилъ, чтобы ему снова открыли двери тюрьмы. Черезъ два дня,—срокъ, который Барбесъ назначилъ полиціи для своего ареста,—онъ добровольно отправился въ изгнаніе. Для этого фанатическаго патріота, для котораго родная земля была святою, который плакалъ при видѣ тогда на половину французскаго Рейна, изгнаніе было самымъ тяжкимъ наказаніемъ.

Но націонализмъ тогдашнихъ республиканцевъ не шокировалъ прогрессистовъ другихъ странъ Европы, такъ какъ онъ не шелъ въ разрѣзъ съ интересами европейскаго мира и съ либеральными идеями. Тогда не существовало ни идеи „реванша", которая теперь ставитъ Францію во враждебное положеніе по отношенію къ Германіи, ни стремленія къ колоніальнымъ завоеваніямъ, которое создаетъ такія же враждебныя отношенія между Франціей съ одной стороны и Англіей и Италіей—съ другой. Наоборотъ, въ націонализмѣ республиканцевъ поколѣнія іюльской революціи не было ничего наступательнаго. Они ненавидѣли Наполеона I-го, и вслѣдъ за поэтомъ Барбьѐ, своими стихами противъ „стараго и унылаго плѣнника священнаго союза" отмщавшимъ отъ имени республиканской Франціи за похищенную свободу,—полковникъ Шаррасъ въ „Les Campagnes de 1815" старался развѣнчать даже самый военный геній аустерлицкаго героя.

---

[1]) A. Aulard, Histoire politique de la Révolution Française, P. 1901, p. 644.

Очевидная крайность, въ которую впадали республиканцы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ дѣятельности Наполеона I, свидѣтельствуетъ только о томъ, насколько они возмущались противъ его завоевательной политики. Въ патріотизмъ французскихъ республиканцевъ входило сознаніе, что Франція стоитъ во главѣ народовъ по своей цивилизаторской роли, что она должна быть очагомъ свободы,—такъ что этотъ патріотизмъ не только не отрицалъ, но, наоборотъ, предполагалъ любовь къ человѣчеству. Но и въ самой этой любви было много снисходительности, много состраданія, которое болѣе сильный человѣкъ можетъ испытывать по отношенію къ болѣе слабымъ. Французы, республиканцы и не-республиканцы, считали свое отечество во всѣхъ отношеніяхъ стоящимъ во главѣ человѣчества. Такое опьяненіе патріотизмомъ приводило къ тому, что на ряду съ добрыми чувствами по отношенію къ чужимъ народамъ—у французовъ развилось какое-то пренебреженіе ко всему чужому. „Вы не знаете нѣмцевъ", — говоритъ одинъ изъ героевъ романа „Страсбургъ" Поля и Виктора Маргерита, обращаясь къ одному изъ своихъ друзей. „Съ чѣмъ себя и поздравляю",—отвѣчаетъ послѣдній.

Такія слова могли бы быть произнесены одинаково и бонапартистомъ, и роялистомъ, и республиканцемъ, и людьми, стоящими у власти, и людьми, критикующими ее. Когда нѣкоторыя отдѣльныя личности указывали на военное превосходство Германіи,—что̀ случалось рѣдко,—то всѣ смѣялись надъ ихъ наивностью. Самъ Рошфоръ разсказываетъ, какой гомерическій хохотъ вызвало у него наканунѣ войны заявленіе одного нѣмца во Франкфуртѣ, что войска, дефилирующія подъ окнами гостинницы, предназначаются для того, чтобы идти на Парижъ. „Легко представить себѣ, какъ мы держались за бока отъ хохота, — пишетъ Рошфоръ,—услыхавъ это торжественное заявленіе, которое я сейчасъ же отмѣтилъ для хроники, какъ образчикъ тевтонскаго тщеславія" [1]).

Кромѣ этихъ чувствъ и взглядовъ, приближающихъ Рошфора ко всему молодому поколѣнію пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, у него встрѣчаются еще и другія черты, общія съ аристократической средой, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію.

Правда, Рошфоръ отказался, еще съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности, отъ своего титула маркиза, но онъ не могъ отказаться отъ тѣхъ чертъ своего характера, отъ тѣхъ инстинктовъ

---

[1]) Henri Rochefort, Les Aventures de ma vie, t. I, p. 289.

и понятій, которые воспитали въ немъ семейныя традиціи. Сюда, прежде всего, относится фрондёрство Рошфора—этотъ своего рода аристократическій анархизмъ—насмѣшливое и презрительное отношеніе ко всѣмъ авторитетамъ, какого бы происхожденія они ни были.

Такое отношеніе къ политическимъ, религіознымъ и философскимъ принципамъ создалось, прежде всего, среди самой французской аристократіи въ эпоху ея упадка, когда короли начали ее замѣщать новосозданнымъ дворянствомъ чиновниковъ или „приказчиковъ", какъ ихъ ядовито обозвалъ герцогъ Сенъ-Симонъ.

И это понятно. Аристократы не могли любить центральную власть, которая развилась на развалинахъ феодализма; они не могли уважать авторитетъ католической церкви, потому что знали слишкомъ хорошо распутную жизнь вышедшихъ изъ ихъ же среды церковныхъ прелатовъ. Наконецъ, аристократія была слишкомъ испорчена духомъ и сердцемъ, чтобы вѣрить высшимъ идеаламъ, о которыхъ говорили отдѣльные отщепенцы изъ ея сословія.

Всѣ эти черты вмѣстѣ съ кровью перешли къ Рошфору.

Когда онъ систематически осмѣиваетъ все, и дурное, и хорошее, когда онъ дѣлаетъ оппозицію для оппозиціи, называетъ папу „souteneur", самъ не создавши въ душѣ своей въ замѣну ни одного положительнаго принципа,—онъ остается вѣренъ прошлому своего сословія.

Его политическіе пріемы напоминаютъ пріемы фрондёровъ, которые боролись не противъ даннаго режима вообще, а противъ той или другой отдѣльной личности—противъ Ришельё или Мазарини. Всѣ аргументы Рошфора носятъ тотъ же исключительный личный характеръ. Онъ нападаетъ на общественное положеніе своего противника, на его семейную честь и даже на его физическіе недостатки.

Когда Рошфоръ писалъ противъ Тирара, министра-президента при Карно, онъ прибавлялъ всегда: „Tirard, l'ancien marchand d'horloges"; дородный Жозефъ Рейнакъ превращался подъ его перомъ въ „boule de juif", а замѣчательный своимъ высокимъ ростомъ Мильвуа въ статьяхъ Рошфора назывался не иначе, какъ „Мильвуа-эвкалиптъ".

Это только смѣшитъ, какъ смѣшитъ и то, когда Рошфоръ указываетъ на нѣкоторыя слабости характера государственныхъ людей, какъ, напр., на тщеславіе Макъ-Магона, или на скупость и мѣщанскую разсчетливость Жюля Греви.

Но Рошфоръ далеко переходитъ предѣлы общественной са-

тиры. Онъ нападаетъ и на тѣ стороны личности своихъ противниковъ, которыя могли бы вызывать только состраданіе, или за которыя, во всякомъ случаѣ, они нравственно не отвѣтственны. Такъ, прошлою весною Рошфоръ засыпалъ Вальдека-Руссо непереводимыми эпитетами по поводу его болѣзни, дѣлая при этомъ циничныя предположенія относительно ея настоящаго характера. Покончивъ съ личностью самого противника, Рошфоръ переходилъ на его близкихъ. Однимъ изъ его любимыхъ пріемовъ противъ бывшаго министра и теперешняго французскаго посланника въ Константинополѣ, Констана, было описаніе его женитьбы на дочери заключеннаго. Онъ даже сочинилъ коротенькій водевиль, гдѣ невѣста является вмѣстѣ съ женихомъ Констаномъ въ тюрьму и проситъ благословенія отца.

Недавно въ полемикѣ съ Жоресомъ онъ не разъ его упрекалъ въ томъ, что его супруга—ярая католичка, и что она для крещенія своей дѣвочки выписала воду изъ рѣки Іорданъ.

Всѣ эти отрицательныя стороны памфлетовъ Рошфора искупаются отчасти его по истинѣ неисчерпаемымъ остроуміемъ. Это и способствовало ихъ колоссальному успѣху. Надъ его остроумными выходками смѣялись не только друзья, но и враги.

Мы уже замѣтили еще раньше, что на Рошфора оказали извѣстное вліяніе памфлеты Курье. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже замѣтно, что Рошфоръ имъ прямо подражаетъ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ нумерѣ своей газеты „La Lanterne“ — Рошфоръ дѣлаетъ отъ слова „sujet“ каламбуръ, пользуясь его двоякимъ значеніемъ: *подданный* и *предметъ*.

„Народный календарь,—пишетъ Рошфоръ,—говоритъ, что во Франціи 36 милліоновъ подданныхъ (sujets), не считая, конечно, предметовъ неудовольствія (sujets de mécontentement)“. Но на тему о подданныхъ „дурныхъ“ и „хорошихъ“ составлено отчасти первое прошеніе Поля-Луи Курье къ обѣимъ палатамъ.

Другое, болѣе яркое доказательство подражанія Курье даетъ замѣчательно остроумное „политическое credo“, которое Рошфоръ написалъ въ томъ же первомъ нумерѣ своей газеты „La Lanterne“. Тамъ онъ объявляетъ себя приверженцемъ Наполеона II (который, какъ извѣстно, никогда не царствовалъ), прибавляя при этомъ: „Какое царствованіе, друзья мои! Какое царствованіе! Ни налоговъ, ни безполезныхъ войнъ, ни громадныхъ расходовъ... Вотъ именно такого монарха я понимаю“!

Несомнѣнно, идея этой статьи была навѣяна Рошфору тѣмъ письмомъ Курье къ редактору „Цензора“, гдѣ онъ говоритъ о блаженствѣ первобытнаго естественнаго состоянія. „Тогда управ-

лять было пріятно,—писалъ Курье,—ни памфлетовъ, ни газетъ, ни петицій о хартіи, ни жалобъ, ни налоговъ. Счастливый вѣкъ, который длился слишкомъ мало"! Но, отмѣчая сходство, нужно отмѣтить и разницу, и эта разница—къ невыгодѣ Рошфора. У Курье слогъ часто поднимается до высшаго патетизма, и въ самыхъ его остротахъ сквозитъ всегда какое-нибудь высокое чувство. Наконецъ, иронія для Курье—только средство для распространенія строго опредѣленной общественной идеи. У Рошфора наоборотъ—смѣхъ есть цѣль сама по себѣ; въ жизни онъ не видитъ не только ничего высоко-трагическаго, но даже ничего серьезнаго, а только смѣшное. Въ самыхъ важныхъ проявленіяхъ человѣческой души онъ видитъ только низость и пошлость. Еслибы Рошфоръ былъ высоко образованнымъ человѣкомъ, онъ напоминалъ бы Мефистофеля, а теперь онъ напоминаетъ скорѣе Скаррона, „пѣсенника-скомороха" (le poète burlesque) и автора знаменитыхъ „Мазаринадъ".

Отсутствіе серьезнаго отношенія къ жизни лишаетъ памфлеты Рошфора всѣхъ достоинствъ, присущихъ памфлетамъ Курье. Рошфоръ не выходитъ изъ заколдованнаго круга каламбуровъ, „словечекъ" и всякихъ комическихъ словесныхъ сопоставленій и сочетаній. Онъ никогда не поднимается до общечеловѣческихъ чувствъ, какъ восторгъ, радость или возмущеніе. Въ этой разницѣ между Рошфоромъ и Курье скрывается другая, болѣе важная разница, а именно разница въ ихъ политическомъ положеніи. Курье былъ человѣкъ опредѣленной партіи, если не формально, то фактически; съ самаго начала своей литературной дѣятельности и до конца онъ придерживался извѣстныхъ принциповъ. Но къ какой партіи принадлежалъ и принадлежитъ Рошфоръ? Въ своей дѣятельности онъ руководствовался только личными, сложившимися изъ всевозможныхъ произвольныхъ мотивовъ, симпатіями и антипатіями. Но его дѣйствія случайно совпадали съ интересами то одной, то другой общественной группы. „Политическихъ убѣжденій у Рошфора почти не было,—пишетъ Делоръ, историкъ второй имперіи,—до того дня, когда успѣхъ „Lanterne" далъ ихъ ему" [1]). Антибонапартизмъ Рошфора имѣлъ больше всего успѣхъ среди республиканцевъ, и онъ сталъ такимъ. Но въ наше время онъ по меньшей мѣрѣ два раза—во время буланжизма и теперь въ націоналистическомъ движеніи—шелъ рука объ руку съ врагами республики—клерикалами, роялистами и цезаристами. Рошфоръ переходилъ изъ одного лагеря въ другой, уносимый различными общественными теченіями, самъ этого не замѣчая.

---

[1]) Taxile Delord, Histoire du Second Empire. T. V, p. 221.

XII.

Рошфоръ родился въ Парижѣ, 31-го января 1831 года. Его отецъ принадлежалъ къ очень знатнымъ, стариннымъ дворянамъ, рода маркизовъ и канцлеровъ—Люсэ де-Рошфоръ, бывшаго очень богатымъ до революціи и окончательно разорившагося въ ея время. Отецъ молодого Рошфора, кромѣ писанія водевилей,—страсть, которая перешла и къ сыну,—принужденъ былъ искать свой заработокъ въ чиновничествѣ. Самъ Анри де Рошфоръ, по окончаніи курса въ лицеѣ св. Людовика, поступилъ простымъ писцомъ въ префектуру сенскаго департамента. О воспитаніи Рошфора заботилась его богатая тетка, ярая легитимистка, какъ и его отецъ, и старавшаяся привить тѣ же самыя чувства, и идеи своему племяннику. Рошфоръ первое время поддавался этому вліянію, и такъ какъ легитимизмъ и католицизмъ шли вмѣстѣ, то Рошфоръ увлекался и католицизмомъ. Къ эпохѣ его пребыванія въ лицеѣ относится его религіозная ода, посвященная Пресвятой Дѣвѣ, о которой такъ часто потомъ напоминали ему его противники. Но Рошфоръ по своей природѣ былъ слишкомъ подвиженъ, чтобы остановиться на идеяхъ своихъ родителей. Въ 1848 году онъ поддается общему увлеченію молодежи въ пользу республики, и при первомъ извѣстіи, что революція противъ Луи Филиппа началась и что въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ уже дерутся, онъ, вмѣстѣ съ товарищами своего класса, перелѣзъ черезъ стѣны лицейскаго двора и очутился на улицѣ. Но участіе лицеистовъ въ революціонныхъ событіяхъ ограничилось прогулкой по улицамъ и по набережной Сены, послѣ чего они возвратились опять въ лицей.

На поприщѣ журналиста Рошфоръ появился впервые въ 1861 году, въ юмористической газетѣ „Charivari“, той самой, которую разъ Тургеневъ, недовольный большой игривостью слога Герцена, сравнивалъ, въ письмѣ къ послѣднему, съ „Колоколомъ“.

До поступленія въ „Charivari“, Рошфоръ пробовалъ свое счастье какъ водевилистъ. Это ему не удалось. Онъ могъ видѣть смѣшныя стороны отдѣльныхъ людей, но у него не было достаточно глубины мысли, чтобы замѣтить недостатки цѣлой группы людей,—онъ не могъ создавать типовъ. У него не было и драматическаго таланта, ибо всѣ его герои не дѣйствуютъ, а говорятъ каламбуры, слова, и этимъ стараются разсмѣшить публику.

Рошфоръ началъ свою журнальную карьеру какъ „хроникёръ“, т.-е. фельетонистъ. Первыя его хроники были посвящены

„большому свѣту“, судебнымъ процессамъ и вообще явленіямъ болѣе общественнаго, чѣмъ политическаго характера.

Разсѣянное въ нихъ остроуміе скоро обратило вниманіе на молодого хроникёра. Нѣкоторыя его фразы стали повторяться и сдѣлались ходячими во французскомъ лексиконѣ, какъ, напр., выраженіе „malheureux comme un polonais“. Понятіе о томъ насмѣшливомъ тонѣ, которымъ были проникнуты хроники Рошфора, даетъ описаніе судебныхъ порядковъ, заканчивающееся фразой: „еслибы я былъ присяжнымъ засѣдателемъ, то я оправдалъ бы всѣхъ, въ томъ числѣ и адвокатовъ“. Многія изъ этихъ статей были собраны потомъ въ отдѣльной книгѣ: „Les Français de la décadence“, съ слѣдующимъ посвященіемъ: „Я посвящаю эту книгу цензурному комитету, который, отказывая часто въ разрѣшеніи къ напечатанію многихъ моихъ статей, крайне способствовалъ ихъ успѣху“.

Скоро Рошфоръ началъ въ своихъ хроникахъ „зацѣпляться“, какъ онъ говорилъ, и за политическую жизнь Франціи. Прежде чѣмъ дойти до самого Наполеона III, онъ обрушился на столповъ имперіи: на Руэра—министра-президента, Персиньи—министра внутреннихъ дѣлъ, и на герцога де-Морни, побочнаго брата Наполеона III, предсѣдателя законодательнаго корпуса. Де-Морни любилъ на досугѣ писать драматическія пьесы, подъ псевдонимомъ Сенъ-Реми, которыя хотя и не отличались никакими достоинствами, встрѣчали большія похвалы со стороны оффиціозныхъ журналистовъ.

„О, какое счастье для насъ, бѣдныхъ писателей, — писалъ одинъ изъ этихъ журналистовъ, по поводу новой пьесы де-Морни,— что бо̀льшая часть времени автора этой прелестной вещицы поглощена высшими государственными заботами. Что̀ стало бы съ нами, еслибы у него былъ досугъ вполнѣ отдаться драматической литературѣ?“... Для Рошфора эти слова были прекраснымъ поводомъ обрушиться на де-Морни. „О, какое счастье для автора,— писалъ онъ,—что, принявъ участіе въ прибыльномъ государственномъ переворотѣ, онъ не нуждается теперь въ произведеніяхъ своего пера, для поддержанія своего существованія! Еслибы кто-нибудь изъ насъ посмѣлъ явиться къ директору театра съ подобной дребеденью,—директоръ сейчасъ же велѣлъ бы схватить его и ввергнуть въ помѣщеніе капельдинершъ, приказавъ имъ уничтожить его ударами маленькихъ скамеечекъ“.

Рошфоръ любилъ перефразировать и слова самихъ министровъ. На рѣчь Руэра, назвавшаго мексиканскую экспедицію „la

plus grande pensée du règne", онъ отвѣчалъ, что эта экспедиція —„la plus grande filouterie du règne".

Ободренный своими успѣхами среди публики, Рошфоръ перешелъ Рубиконъ и коснулся, наконецъ, личности самого Наполеона III. По случаю смерти султана острова Гаити, Сулука, Рошфоръ пишетъ хронику, въ которой перемѣшиваетъ черты Сулука и Бонапарта.

„Между изобрѣтеніями,—пишетъ Рошфоръ въ этой хроникѣ, —надъ которыми будетъ насмѣхаться потомство, льстецы Сулука выдумали слѣдующее: въ послѣдніе годы своего царствованія, когда привязанность его народа показывала на солнцѣ два градуса ниже нуля, старый Сулукъ любилъ объѣзжать свои провинціи, чтобы подогрѣвать энтузіазмъ, съ каждымъ днемъ замораживавшійся, какъ шампанское, все больше и больше. Куртизанство гаитянъ заслужило первую медаль на выставкѣ пошлостей: чтобы старыя уши Сулука не огорчались мрачнымъ молчаніемъ, сопровождавшимъ его повсюду, придворные придумали придѣлать къ колесамъ его вагона аппаратъ, кричавшій: „Да здравствуетъ императоръ!" во все время хода поѣзда.

„Сидя въ своемъ вагонѣ, Сулукъ былъ увѣренъ, что эти безпрестанныя привѣтствія выходили изъ благородныхъ устъ его вѣрноподданныхъ. Тронутый до слезъ, онъ бросалъ иногда въ окно вагона монеты съ крикомъ: „Вотъ вамъ, добрые люди"! Кочегаръ, машинистъ и первый министръ молча подбирали деньги и дѣлили ихъ между собою, а Сулукъ возвращался въ свою столицу, убѣжденный, что никогда онъ еще не былъ такъ силенъ и такъ обожаемъ народомъ".

Эта статья была помѣщена въ 1867 году въ „Figaro", куда Рошфоръ перешелъ, послѣ того, какъ былъ въ редакціяхъ „Charivari" и „Nain Jaune". Во главѣ газеты „Figaro" находился ея основатель, ловкій дѣлецъ Вильмессанъ. Понятіе о его ловкости и находчивости можетъ дать слѣдующій интересный анекдотъ. Еще въ 1856 году газетѣ „Figaro" угрожало закрытіе. Дѣло уже было рѣшено, когда родился наслѣдный принцъ Луи. Вильмессанъ сейчасъ составилъ прошеніе на имя новорожденнаго, которое ему удалось, благодаря придворнымъ, бросить въ колыбель самого ребенка. Этотъ оригинальный способъ подачи просьбы тронулъ Наполеона III, и запрещеніе съ газеты было снято. Вильмессанъ старался, для увеличенія тиража своей газеты, подойти ко вкусамъ публики, среди которой Рошфоръ уже пользовался большимъ успѣхомъ, и потому пригласилъ его къ себѣ. Но послѣ статьи о Сулукѣ, alias Наполеонѣ III, существованію га-

зеты снова начали угрожать сверху. Вильмессанъ нашелъ нужнымъ удалить своего новаго сотрудника. Онъ предложилъ въ то же самое время Рошфору средства на изданіе собственной газеты, въ прибыляхъ которой долженъ былъ участвовать и Вильмессанъ. Но этотъ проектъ Рошфоръ могъ осуществить только въ 1868 году, по выходѣ новаго закона о печати, которымъ ознаменовался новый либеральный періодъ второй имперіи. По новому закону, изданіе газетъ допускалось безъ предварительнаго разрѣшенія. Такова исторія появленія „La Lanterne", еженедѣльнаго маленькаго памфлета, съ красной обложкой, на оборотѣ которой былъ изображенъ столбъ, а на желѣзномъ крюкѣ, имѣющемъ форму буквы N, висѣли фонарь и веревка. Рошфоръ разсказываетъ въ своихъ „Aventures", что когда одинъ его знакомый, Эйликъ Лангле, спросилъ, почему онъ далъ своей газетѣ такое названіе, Рошфоръ, подозрѣвая, что Эйликъ его спрашиваетъ по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, отвѣтилъ: „скажите этимъ господамъ, что я назвалъ газету этимъ именемъ потому, что фонарь можетъ служить въ одно и то же время для того, чтобы свѣтить честнымъ людямъ, и для того, чтобы вѣшать негодяевъ" [1]).

Еще въ первомъ нумерѣ „Фонаря" была напечатана какъ бы программа газеты, тотъ диѳирамбъ Наполеону II, о которомъ мы уже упоминали выше. „Я—бонапартистъ, — заявлялъ Рошфоръ,—но мнѣ дòлжно быть позволено выбрать моего героя въ этой династіи. Изъ легитимистовъ нѣкоторые отдаютъ предпочтеніе Людовику XVIII, другіе—Людовику XVI; третьи, наконецъ, изливаютъ всѣ свои симпатіи на главу Карла X; какъ бонапартистъ, я предпочитаю Наполеона II; это—мое право. Я прибавлю даже, что онъ представляетъ въ моихъ глазахъ идеалъ государя. Никто не будетъ отрицать, что онъ былъ на престолѣ, такъ какъ его преемникъ вѣдь называется Наполеономъ III. Какое царствованіе, друзья мои, какое царствованіе! Ни налоговъ, ни безполезныхъ войнъ съ ихъ десятинными сборами, ни далекихъ экспедицій, на которыя тратятся шестьсотъ милліоновъ для того, чтобы получить пятнадцать франковъ, ни громадныхъ расходовъ на содержаніе главы государства, ни министровъ, занимающихъ каждый по пяти или шести должностей, по сту тысячъ франковъ каждая. Вотъ именно такой монархъ, какого я понимаю! О, да! Наполеонъ II, я люблю тебя, восхищаюсь тобой безгранично. Кто же посмѣетъ теперь утверждать, что я не искренній бонапартистъ"? Успѣхъ газета имѣла необыкновенный.

---

[1]) Les Aventures de ma vie, t. I, p. 322.

Первые два нумера разошлись въ 120.000 или 150.000 экземплярахъ.

Правительство, дѣлавшее сначала видъ, что не обращаетъ вниманія на волненіе, вызванное „Lanterne", наконецъ встревожилось и, послѣ одиннадцатаго нумера газеты, отдало редактора подъ судъ, за „оскорбленіе особы императора и за возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству". Тогда Рошфоръ бѣжалъ въ Бельгію. Интересно при этомъ, для характеристики его личности, сдѣланное имъ самимъ признаніе, что одно изъ соображеній, которыя его заставили эмигрировать, было желаніе одной молодой особы. Она его любила, или по крайней мѣрѣ говорила, что любитъ, и назначила ему свиданіе въ Брюсселѣ. Здѣсь Рошфоръ продолжалъ изданіе „Lanterne", которую потомъ тайно распространялъ во Франціи. Для перевозки черезъ границу онъ придумалъ оригинальный способъ—онъ пользовался большимъ и пустымъ бюстомъ Наполеона III, который наполнялъ экземплярами своей газеты, такъ что „Lanterne" путешествовала подъ высшимъ покровительствомъ самого императора. Содержаніе газеты, выходившей за границей, было еще болѣе дерзкое. Между прочимъ, тамъ была напечатана комическая пародія на четвертую сцену III-го дѣйствія „Макбета", гдѣ Наполеонъ III игралъ роль шотландскаго короля, императрица Евгенія — лэди Макбетъ, а вмѣсто призрака Банко является призракъ убитаго на баррикадахъ, 2 декабря 1851 года, республиканскаго депутата Бодена.

„Дѣйствіе происходитъ въ Компьенѣ. Макбетъ и его жена принимаютъ въ тѣсномъ кружкѣ. У нихъ гости: министры де-Ньюверкерке, Руэръ, Дельво и Пинаръ. Разговоръ вяжется съ трудомъ. Макбетъ смотритъ озлобленнымъ, по временамъ его пробираетъ дрожь. Наконецъ онъ нарушаетъ молчаніе, обращаясь къ своимъ гостямъ:

Макбетъ. — Я сяду по срединѣ. Теперь веселье за сорокъ тысячъ франковъ въ день [1]). Забудемте все, забудемъ Мексику, забудемъ письмо 19 января [2]). *(Въ минуту, когда онъ направляется къ своему креслу, тѣнь Бодена входитъ и садится на мѣсто Макбета).*

Лэди Макбетъ.—Что же, начинаемъ мы? Желудокъ у меня въ пяткахъ, какъ говоритъ госпожа де-Меттернихъ. Ну, Макбетъ,

---

[1]) Столько получалъ Наполеонъ по цивильному листу, если считать по днямъ.

[2]) Манифестомъ 19 января 1867 года Наполеонъ III обѣщалъ либеральныя реформы.

что̀ съ тобой? Ты блѣденъ, какъ наканунѣ государственнаго переворота.

Маквётъ.—Кто изъ васъ позволилъ себѣ эту шутку! Назадъ, назадъ, не качай передъ мною твоей окровавленною головою!

Руэръ *(тихо Дельво)*.—Ну, держитесь! Припадокъ начинается. Онъ опять пошлетъ какой-нибудь манифестъ въ „Moniteur“.

Лэди Маквётъ.—Не пугайтесь, господа: это маленькій эпилептическій припадокъ. *(Тихо къ Макбету.)*—Полноте! вы не мужчина, что-ли?

Маквётъ.—Да, я мужчина, и мужчина, который дерзнулъ больше, чѣмъ всякій другой. Я приносилъ клятвы и не побоялся имъ измѣнить. Я дѣлалъ возстаніе въ Страсбургѣ, я выѣхалъ въ Булонь съ орломъ на моей шляпѣ. Но посмотри на этотъ призракъ съ тремя пулями въ головѣ... Говори! если ты можешь качать головой,—ты можешь и говорить! Если бы кладбища принялись возвращать намъ людей, которыхъ мы имъ довѣряемъ, никакое правительство было бы немыслимо. Ахъ! *(Онъ падаетъ въ обморокъ. Тѣнь Бодена исчезаетъ).*

Лэди Маквётъ.—Видите ли, онъ точно барометръ: если съ нимъ что-нибудь случится, это значитъ, что пойдетъ дождь.

Маквётъ *(приходитъ въ себя)*.—Ну, вотъ, я чувствую себя лучше. Новый декретъ хотѣлъ выйти отъ меня, а я его выпущу завтра. *(Поднимаетъ бокалъ и пьетъ. Тѣнь Бодена опять появляется.)* Прочь съ моихъ глазъ, ужасное видѣніе! Твои глаза мертвы, но они пронизываютъ меня насквозь. Чего ты хочешь? Су-префектуру? Ты былъ на баррикадѣ,—я знаю это; но что̀ за фантазія—идти и защищать конституцію вмѣсто того, чтобы поступить въ директора почты, какъ Вандаль, или сдѣлаться даже министромъ, какъ г. Дюрюи, такой же старый и горячій республиканецъ, какъ ты. Вонъ отсюда, страшный призракъ! *(Тѣнь исчезаетъ).*

Лэди Маквётъ.—Вечеръ совсѣмъ испорченъ, а я надѣла новое платье.

Маквётъ.—Я васъ не понимаю, милый другъ. Вы должны видѣть, какъ и я, а краска не сходитъ съ вашихъ щекъ.

Лэди Маквётъ.—Оставьте, пожалуйста, мои щеки въ покоѣ. *(Къ приглашеннымъ.)* Встаньте изъ-за стола. Его величество нуждается въ отдыхѣ. *(Приглашенные уходятъ).*

Маквётъ *(расхаживая по комнатѣ)*.—Кровь требуетъ крови...

Лэди Маквётъ.—Какъ! Еще такъ молодъ, и уже угрызеніе совѣсти?

Маквет.—Угрызеніе совѣсти? Никогда! Я просто спѣшу конфисковать „L'Avenir National" [1]).

Пока Рошфоръ былъ въ Брюсселѣ, Франція дѣятельно приготовлялась къ законодательнымъ выборамъ 1869 года. Въ Парижѣ, между прочимъ, была выставлена кандидатура самого Рошфора, противъ другого кандидата тоже республиканской партіи, Жюля Фавра. Выбраннымъ оказался послѣдній. Но послѣ общихъ выборовъ въ Парижѣ открылось вакантное мѣсто, вслѣдствіе рѣшенія Гамбетты, выбраннаго одновременно и въ Парижѣ, и въ Марселѣ, принять полномочія послѣдняго города.

По поводу дополнительныхъ выборовъ произошелъ очень характерный случай, свидѣтельствующій о либеральномъ направленіи, принятомъ тогда политикою Наполеона III, съ пришествіемъ къ власти новаго министерства—Эмиля Оливье. Хотя Рошфоръ былъ приговоренъ заочно къ шестимѣсячному тюремному заключенію, онъ получилъ разрѣшеніе правительства возвратиться во Францію и защищать свободно свою кандидатуру. На этотъ разъ онъ былъ выбранъ, но пробылъ въ законодательномъ собраніи всего нѣсколько мѣсяцевъ, до трагической смерти Виктора Нуара. Въ парламентѣ языкъ Рошфора былъ такимъ же смѣлымъ, какъ и въ „Lanterne". Между прочимъ, онъ обратился разъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ о высылкѣ одного пребывающаго въ Парижѣ испанскаго республиканца, тогда какъ такіе же испанскіе эмигранты, но принадлежащіе къ карлистской партіи, не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ. „Эта терпимость съ одной стороны, и эта строгость—съ другой,—говорилъ Рошфоръ, обращаясь къ министру,—показываютъ намъ, что единственное, чего вы боитесь—это республика. И вы имѣете основаніе бояться ея, потому что она близка и отомститъ за всѣхъ насъ, и за испанцевъ, и за французовъ".

Исторія убійства Виктора Нуара, положившая конецъ парламентской карьерѣ Рошфора при второй имперіи, заключается въ слѣдующемъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Рошфоръ началъ издавать ежедневную газету „La Marseillaise", и вслѣдствіе одной полемики ему былъ посланъ вызовъ со стороны принца Пьера Бонапарта, двоюроднаго брата Наполеона III. За отсутствіемъ самого Рошфора, на этотъ вызовъ отозвался сотрудникъ газеты, Паскаль Груссе, который прислалъ къ Бонапарту своихъ секундантовъ, также сотрудниковъ газеты: де-Фонвьелля и Виктора Нуара.

---

[1]) Въ этой газетѣ, какъ извѣстно, была открыта подписка на памятникъ Бодена.

Послѣ короткаго объясненія, принцъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ стрѣлять въ совсѣмъ не ожидавшихъ такой ловушки секундантовъ. Фонвьелль успѣлъ спастись, а Нуаръ, раненный въ грудь, упалъ мертвымъ тутъ же на мѣстѣ, въ домѣ Бонапарта.

Это ничѣмъ не оправданное убійство вызвало страшное возмущеніе въ радикальныхъ кругахъ. „La Marseillaise" вышла въ траурѣ съ жгучей статьей Рошфора, призывавшей парижскій народъ къ возстанію. Въ палатѣ, съ его стороны и со стороны другого республиканскаго депутата, Распайля, былъ сдѣланъ запросъ, вызвавшій бурныя сцены. Фамилія Бонапартовъ называлась фамиліею убійцъ, „хуже Борджіа".

Похороны Нуара вызвали грандіозную манифестацію двухсотъ-тысячной толпы, явившейся на приглашеніе Рошфора. Но послѣдній уже успѣлъ сообразить, какъ мало шансовъ на успѣхъ имѣло бы какое бы то ни было революціонное движеніе, и сталъ самъ уговаривать толпу не дѣлать никакихъ безпорядковъ. Когда толпа двинулась къ кладбищу, распѣвая марсельезу, съ Рошфоромъ сдѣлался обморокъ, надъ которымъ тоже не разъ смѣялись потомъ его противники.

Этимъ дѣло не кончилось. 17-го января, по требованію генеральнаго прокурора Гранперрè, законодательное собраніе 222 голосами противъ 34 рѣшило отдать Рошфора подъ судъ, за подстрекательство къ гражданской войнѣ. Судъ приговорилъ его къ шестимѣсячному тюремному заключенію, которое онъ долженъ былъ отсиживать въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи. Здѣсь его засталъ переворотъ 4-го сентября 1870 года.

Рошфоръ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и приглашенъ войти въ составъ временнаго правительства. Какъ онъ объяснялъ потомъ, временное правительство, состоявшее почти исключительно изъ умѣренныхъ республиканцевъ, не питало большихъ симпатій къ Рошфору, но оно пригласило его въ свою среду, чтобы связать ему руки: „mieux vaut encore l'avoir dedans que dehors", сказалъ Жюль Фавръ [1]).

Во временномъ правительствѣ продолжался тотъ разладъ, который начался среди республиканцевъ еще въ послѣдніе годы второй имперіи, когда нѣкоторые изъ ихъ вождей, какъ Эмиль Оливье, перешли на сторону Наполеона III и сдѣлались его министрами. Этой эволюціи собирались послѣдовать и другіе республиканцы, въ родѣ Эрнеста Пикара, основавшаго такъ-называемую „открытую лѣвую", для поступленія въ которую не требовалось признанія

---

[1]) Les Aventures, t. II, p. 208.

республиканскаго принципа. Настоящіе республиканцы, Гамбетта, Греви, Фавръ, Ферри и Жюль Симонъ, составляли непримиримую, или „закрытую лѣвую“ группу, въ которую могли входить только республиканцы. Но кромѣ этихъ парламентскихъ фракцій, среди республиканской интеллигенціи существовали и другія теченія, не имѣвшія своихъ представителей въ парламентѣ. Здѣсь были якобинцы, какъ Шарль Делеклюзъ, издатель газеты „Le Reveil“, Гюставъ Флурансъ, Верморель и другіе. Они отличались отъ республиканцевъ „закрытой лѣвой“ не по своей цѣли,—и у тѣхъ, и у другихъ идеаломъ была республика,—а по выбору средствъ: якобинцы думали, что безъ народнаго возстанія водвореніе республиканскаго строя невозможно, тогда какъ Гамбетта и его друзья надѣялись на легальную парламентскую борьбу и были противъ революціонныхъ мѣръ. „Героическія времена республиканской партіи миновали“, говорилъ Гамбетта 19 апрѣля 1870 года въ своей рѣчи къ учащейся молодежи.

Наконецъ, чтобы исчерпать перечень республиканскихъ фракцій при второй имперіи, нужно упомянуть о республиканцахъ-соціалистахъ, входившихъ въ французскія секціи знаменитаго международнаго общества рабочихъ. Они стремились одинаково къ политическому и общественному перевороту, къ перемѣнѣ формы правленія и формы собственности. Какое мѣсто занималъ среди всѣхъ этихъ группъ Рошфоръ? Мы уже говорили, что у него никогда не было доктрины; онъ переходилъ на ту сторону, гдѣ было больше шума и движенія. Въ его газетѣ „La Marseillaise“ участвовали сотрудники какъ изъ якобинскаго, такъ и изъ соціалистическаго лагеря. Въ средѣ временнаго правительства онъ именно былъ представителемъ этихъ двухъ теченій. Но скоро здѣсь Рошфоръ убѣдился, что является совсѣмъ лишнимъ, безполезнымъ человѣкомъ, какъ вслѣдствіе своей изолированности, такъ и вслѣдствіе полной неподготовленности къ государственной дѣятельности. Поэтому онъ воспользовался, еще въ концѣ октября 1870 года, первымъ предлогомъ, чтобы выйти изъ временнаго правительства, взяться за перо во вновь издающейся газетѣ „Le mot d'ordre“ и начать открытую борьбу противъ своихъ бывшихъ коллегъ.

Когда, въ февралѣ, послѣ перемирія, состоялись выборы въ національное собраніе, Рошфоръ былъ выбранъ депутатомъ въ Парижѣ. Тогда городское населеніе вообще, а особенно населеніе Парижа, было очень враждебно настроено противъ военныхъ, которыхъ оно считало главными виновниками пораженія французовъ. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ деревенскихъ округахъ, гдѣ реакціон-

ныя партіи насчитывали многихъ приверженцевъ, были выбраны въ депутаты нѣсколько генераловъ. Это обстоятельство дало поводъ Рошфору написать въ „Le mot d'ordre", отъ 14-го февраля 1871 года, любопытную статью, свидѣтельствующую, какъ отрицательно относился тогда къ военному классу во Франціи Рошфоръ, будущій защитникъ генеральнаго штаба въ дѣлѣ Дрейфуса.

„Что касается меня,—пишетъ Рошфоръ,—то я не сержусь на то, что въ палату попало столько генераловъ. Они, конечно, объяснятъ намъ, какія они употребляли спеціальныя средства, чтобы оказаться постоянно побитыми. Имъ, очевидно, извѣстенъ какой-то секретъ. Можетъ быть, они откроютъ его намъ. Это не возвратитъ намъ, конечно, Эльзаса и Лотарингіи, но мы по крайней мѣрѣ узнаемъ, какъ мы ихъ потеряли... Отправляясь въ Бордо сводить счеты съ Пруссіей, было бы, можетъ быть, полезно свести ихъ съ самими собою. Какъ бы больно ни было это сознаніе, мы должны тѣмъ не менѣе признать, что ни одна нація никогда не заслуживала болѣе Франціи того, что съ нею случилось. Можетъ быть, пришла минута заглянуть въ этотъ знаменитый for intérieur [1]), единственный, котораго мы не сдали непріятелю, и спросить себя: неужели можно быть такъ наказанными, не бывъ глубоко виноватыми? Нѣмцы безспорно жестоки. На отнятую у насъ добычу г. Бисмаркъ предполагаетъ открыть магазинъ со ста тысячами стѣнныхъ часовъ. Фонъ-Мольтке, фонъ-Вердеръ и всѣ дворянскіе фоны опустошили наши фермы, разорили наши кровли, все изнасиловали, все разстрѣляли, все украли, и все-таки эти убійцы и воры едва ли сдѣлали половину тѣхъ преступленій, которыми запятнала себя французская армія, прежде чѣмъ подать въ отставку при Седанѣ. Нѣмцы разстрѣливали во Франціи деревенскихъ мэровъ, не бывшихъ въ состояніи заплатить военную контрибуцію, которая на нихъ была наложена; а французы въ Мексикѣ вѣшали патріотовъ, которые отказывались принимать въ серьёзъ власть субъекта, носившаго имя Базена, прославившагося впослѣдствіи подъ стѣнами Меца. Нѣмцы увезли мебель изъ замка Сенъ-Клу, а французы доходили до Китая, чтобы забрать тамъ эмалевыя издѣлія и курильницы изъ лѣтняго дворца. Нѣмцы поджигали скирды хлѣба, чтобы лишить нашу армію запасовъ, а французы, во время африканской кампаніи, рѣзали арабскимъ женщинамъ уши, чтобы избавить себя отъ труда

---

[1]) Каламбуръ съ словомъ for—совѣсть, которое произносится одинаково, какъ и fort—крѣпость.

вынимать серьги... Мы воевали, какъ дикари, и намъ отвѣчаютъ пріемами дикарей. Мы сами должны свергнуть старую систему и замѣнить милитаризмъ патріотизмомъ. Поэтому я только въ томъ случаѣ буду радоваться тому, что народъ послалъ въ палату генераловъ, если онъ отнынѣ будетъ посылать гражданъ въ войска".

Рошфоръ не присутствовалъ въ національномъ собраніи изъ-за болѣзни, а когда онъ оправился, въ Парижѣ уже господствовала коммуна. Такимъ образомъ въ провозглашеніи послѣдней онъ не принималъ непосредственнаго участія, но во все время до ея паденія Рошфоръ издавалъ газету „Mot d'ordre". Онъ велъ жестокую полемику съ газетами версальскаго правительства, но также возставалъ противъ рѣшеній коммуны, направленныхъ къ ограниченію свободы печати и личности. Рошфоръ приписывалъ эти мѣры вліянію Феликса Піà, члена коммуны, бывшаго въ то же время директоромъ газеты „Le Vengeur" и желавшаго избавиться отъ конкурренціи своихъ собратьевъ. Когда версальское войско ворвалось въ Парижъ, Рошфоръ попытался бѣжать черезъ нѣмецкія линіи, но былъ схваченъ и переданъ французскимъ военнымъ властямъ. Онъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что нѣмецкій генералъ, къ которому его привела нѣмецкая стража, зналъ, по разсказамъ своего отца, дѣда Рошфора, эмигрировавшаго въ Германію во время революціи, и поэтому любезно предложилъ самому Рошфору устроить ему побѣгъ; Рошфоръ отказался отъ этой милости и предпочелъ быть отданнымъ французскимъ властямъ.

Хотя онъ и не участвовалъ въ дѣлахъ коммуны и оставался все время независимымъ журналистомъ, тѣмъ не менѣе военный судъ приговорилъ его къ вѣчной ссылкѣ въ Новую Каледонію. До приговора онъ находился въ одной изъ тюремъ съ молодымъ и даровитымъ полковникомъ Росселемъ, однимъ изъ первыхъ учениковъ политехнической школы и сдѣлавшимся потомъ военнымъ министромъ коммуны, за чтò и былъ приговоренъ къ смертной казни. Этотъ приговоръ былъ отмѣненъ изъ-за нѣкоторыхъ юридическихъ упущеній. Военный судъ снова судилъ Росселя и снова приговорилъ его къ разстрѣлянію. При одной встрѣчѣ съ Росселемъ, послѣ второго приговора, Рошфоръ его спросилъ: „Какъ вы себя чувствуете?" — „Какъ приговоренный два раза къ смерти", — отвѣтилъ ему Россель.

Вмѣстѣ со многими другими осужденными, Рошфоръ былъ отправленъ, въ 1872 году, въ Новую Каледонію. Но скоро здѣсь ему удалось войти въ соглашеніе съ капитаномъ англійскаго

судна, который устроилъ ему и его пяти товарищамъ побѣгъ. Въ 1874 году Рошфоръ поселился въ Женевѣ и взялся за изданіе еженедѣльной газеты, которую назвалъ тоже „Lanterne". Кромѣ того, онъ принималъ участіе, подъ псевдонимомъ, въ издаваемой въ Парижѣ газетѣ „Citoyen".

Въ это время усилія всѣхъ республиканцевъ были направлены противъ монархистовъ и противъ поддерживавшаго ихъ Макъ-Магона. На него посыпались теперь сарказмы и каламбуры Рошфора. Онъ его называлъ „Mac ma honte" и „le faux blessé", въ отвѣтъ на данное ему его приверженцами прозвище „Le glorieux blessé", за полученную въ битвѣ при Седанѣ рану. Рошфоръ увѣрялъ, что Макъ-Магонъ не былъ никогда раненъ, а притворился такимъ, чтобы не подписать капитуляціи французской арміи.

Когда Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку и непосредственная опасность для республики миновала,—опять воскресла старая борьба среди республиканцевъ. Первый серьезный поводъ къ столкновенію далъ вопросъ объ амнистіи сосланнымъ послѣ событій коммуны. Находившіеся во власти друзья Гамбетты и Ферри думали, что часъ для амнистіи еще не наступилъ. Одинъ изъ ихъ приверженцевъ, сенаторъ Прессансé, въ одной рѣчи сказалъ, между прочимъ, что амнистію слѣдуетъ отсрочить „pour des temps plus opportuns". Эта фраза и дала поводъ Рошфору написать статью, гдѣ въ первый разъ была дана умѣреннымъ республиканцамъ сдѣлавшаяся исторической кличка „оппортюнистовъ". Но наконецъ, благодаря сильной агитаціи въ странѣ и въ парламентѣ, амнистія была принята и объявлена 14 іюля 1880 года, въ день національнаго праздника (годовщины взятія Бастиліи). Ссыльные и эмигранты начали возвращаться со всѣхъ концовъ свѣта. Въ числѣ вернувшихся былъ и Рошфоръ, которому, по пріѣздѣ въ Парижъ, была устроена грандіозная манифестація. Его карета съ трудомъ пробиралась среди густой толпы народа, наполнявшей площадь и большія улицы возлѣ ліонскаго вокзала.

Послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, Рошфоръ началъ издавать газету „L'Intransigeant", въ которой продолжалъ поднятую еще за границею борьбу противъ оппортунистовъ и ихъ двухъ главныхъ вождей, Гамбетты и Жюля Ферри. На помощь явились радикалы, съ Клемансо во главѣ, которые въ палатѣ депутатовъ вели ту же самую кампанію, какую Рошфоръ велъ въ прессѣ. Когда, наканунѣ законодательныхъ выборовъ 1881 года, Гамбетта явился, вечеромъ 17 августа, на народное собраніе въ Шаронскомъ округѣ (кварталъ Парижа), публика его встрѣтила

свистками и криками. Всѣ усилія Гамбетты и его друзей говорить—остались тщетными, и Гамбетта, покидая залу въ гнѣвѣ, обращаясь къ толпѣ, произнесъ памятныя слова: „Рабы, я сыщу васъ въ вашихъ норахъ"! Выборы показали, что Гамбетта дѣйствительно потерялъ свою популярность среди парижскихъ избирателей. Изъ двухъ округовъ Бельвилля, гдѣ онъ былъ постоянно выбираемъ, теперь онъ былъ выбранъ только въ одномъ. Въ провинціи, наоборотъ, выборы кончились въ пользу товарищей Гамбетты. Самъ Гамбетта былъ снова выбранъ предсѣдателемъ палаты, постъ котораго опять занялъ, послѣ своего недолговременнаго пребыванія во главѣ совѣта министровъ. Но вдругъ, 30 декабря 1882 года, разнеслась неожиданная вѣсть о его смерти. Онъ былъ уже на пути къ выздоровленію отъ полученной раны,—по словамъ однихъ, отъ нечаяннаго выстрѣла, а по догадкамъ другихъ—въ связи съ какой-то любовной исторіей,—какъ вдругъ обнаружилось воспаленіе слѣпой кишки, положившее конецъ шумной карьерѣ знаменитаго дѣятеля „національной обороны".

Мѣсто Гамбетты во главѣ умѣренныхъ республиканцевъ занялъ Жюль Ферри. Онъ былъ извѣстенъ со временъ второй имперіи, и впослѣдствіи былъ неоднократно министромъ и министромъ-президентомъ. Во время его перваго министерства происходили законодательные выборы 1881 года. Уже тогда онъ испыталъ нападенія радикальныхъ газетъ, и въ томъ числѣ „L'Intransigeant" Рошфора. Поводомъ этихъ нападеній послужила тунисская экспедиція, противъ которой высказались радикалы, по соображеніямъ какъ экономическимъ, такъ и международнымъ. Радикалы считали колоніальную политику—лишней тратой военныхъ силъ Франціи, которыя нужно было сохранить для будущей войны съ Германіей.

Ферри, какъ и Гамбетта, сильно желавшій завоеванія Туниса, воспользовался предлогомъ, что тунисское племя хрумиры дѣлаетъ набѣги на провинцію Алжиръ. Для наказанія хрумировъ была отправлена экспедиція, но, по словамъ газетъ, экспедиція хрумировъ и не видала, да и самые набѣги, которые, будто бы, они дѣлали—выдумка. По этому поводу Рошфоръ писалъ въ „L'Intransigeant": „Мы увѣрены, что министерство Ферри дало бы 30.000 франковъ тому, кто доставилъ бы ему одного хрумира, чтобы показать его арміи, какъ образчикъ. Къ несчастію, хрумиры совершенно отсутствуютъ на рынкѣ".

Когда Ферри сталъ снова во главѣ министерства въ 1883 году, онъ предпринялъ экспедицію въ Тонкинъ, неудачный исходъ которой и вызвалъ его паденіе. Но Ферри былъ очень популя-

рецъ среди умѣренныхъ республиканцевъ, и потому они, послѣ отставки президента Греви, вслѣдствіе открытія, что зять его Вильсонъ торгуетъ орденами почетнаго легіона, поставили кандидатуру Ферри на вакантный президентскій постъ.

Это встревожило радикаловъ, желавшихъ, во что бы то ни стало, помѣшать выбору ненавистнаго имъ „тонкинца" Ферри. Радикальные вожди и редакторы главныхъ радикальныхъ газетъ, въ томъ числѣ и Рошфоръ, собирались нѣсколько разъ на совѣщанія. На одномъ изъ такихъ совѣщаній у депутата Лагерра,— ставшемъ потомъ извѣстнымъ подъ названіемъ „исторической ночи",—было предложено крайнее средство—возстаніе; но большинство отвергло эту идею [1]). Наконецъ Клемансо и Рошфору,—они оба были тогда депутатами,—пришла мысль выставить кандидатуру Карно, тоже изъ умѣренныхъ республиканцевъ.

Во время президентства Карно, третьей республикѣ суждено было перенести бурю буланжизма — движеніе, успѣху котораго такъ много способствовалъ Рошфоръ съ своей кампаніей въ „L'Intransigeant".

Въ послѣдующихъ своихъ фазисахъ буланжизмъ сдѣлался монархистскимъ движеніемъ, поддерживаемымъ роялистами, въ увѣренности, что оно вызоветъ низверженіе республики. Но въ самомъ началѣ за буланжизмъ стояли демократическіе элементы. Популярность Буланже вызвана была первоначально тѣмъ, что онъ, въ качествѣ военнаго министра въ кабинетѣ Гобле, смѣстилъ нѣкоторыхъ офицеровъ-роялистовъ и пригрозилъ наказать всѣхъ военныхъ, выставлявшихъ на показъ свои анти-республиканскія чувства. Въ это время разыгралась исторія ареста заманеннаго подъ ложнымъ предлогомъ на нѣмецкую территорію французскаго полицейскаго коммиссара Шнебеле. Этотъ арестъ вызвалъ дипломатическое столкновеніе между Франціей и Германіей, которое угрожало превратиться въ войну. Она была избѣгнута, противъ желанія Бисмарка, ловкостью французской дипломатіи и энергической дѣятельностью Буланже, который двинулъ на границу въ короткое время большія военныя силы, чѣмъ доказалъ, что Франція готова встрѣтить врага. Вызванная по этому поводу и связанная съ именемъ Буланже полемика въ прессѣ, какъ нѣмецкой, такъ и французской, сдѣлала его дальнѣйшее пребываніе въ министерствѣ невозможнымъ. Скоро весь кабинетъ Гобле вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ министерствомъ Рувье. Такъ какъ во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ страхъ передъ Германіей

---

[1]) Mermeix, député de Paris, Les Coulisses du Boulangisme. Paris, 1900, p. 218.

игралъ извѣстную роль, то французскія шовинистскія газеты окрестили министерство Рувье „le ministère allemand". Генералу Буланже, паденіе котораго приписывалось нѣмецкимъ интригамъ, была устроена грандіозная манифестація, въ тотъ день, когда онъ отправлялся съ ліонскаго вокзала въ Клермонъ-Ферранъ, гдѣ былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ.

Но самъ Буланже, еще бывши министромъ, очевидно, смотрѣлъ иначе на свою роль. Еще тогда онъ думалъ воспользоваться движеніемъ, которое создалось вокругъ его личности, для своихъ сокровенныхъ диктаторскихъ цѣлей. Онъ началъ заигрывать съ роялистами, возвратилъ на старыя мѣста смѣщенныхъ за роялизмъ офицеровъ, и въ благодарность за это роялистская пресса не только пріостановила свои нападенія, но даже начала хвалить генерала.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ Рошфора, поддерживавшаго до тѣхъ поръ Буланже, и онъ началъ угрожать генералу въ „L'Intransigeant": „Пусть генералъ поразмыслитъ объ этомъ; не имѣя въ своемъ активѣ ни одной побѣды, на которую онъ могъ бы указать, онъ имѣетъ престижъ въ глазахъ народа только по тому довѣрію, которое внушаетъ. Въ тотъ день, когда нація сочтетъ себя вынужденной держаться настороже, энтузіазмъ сейчасъ же упадетъ ниже нуля, потому что тогда не только палата, не только сенатъ и Греви сочтутъ себя небезопасными въ своихъ дворцахъ; нѣтъ, угроза будетъ направлена противъ свободы и права, которыхъ—мы хотимъ этому вѣрить—Франція не позволитъ снова конфисковать" [1]).

Но скоро Рошфоръ, увлекшись, какъ всегда, общимъ теченіемъ, забылъ свою осторожность, и когда онъ защищалъ Буланже, во имя лучшей республики, его протеже конспирировалъ съ монархистами. Этого Рошфоръ не могъ не знать—обстоятельство, доказывающее, что основной мотивъ его дѣятельности былъ всегда личный успѣхъ.

Когда министерство Фрейсинэ рѣшило привлечь къ суду Рошфора, вмѣстѣ съ Буланже, за заговоръ противъ республики, Рошфоръ бѣжалъ въ Лондонъ. Онъ и оттуда продолжалъ писать каждый день въ „L'Intransigeant". Главное лицо, противъ котораго Рошфоръ направлялъ теперь свои нападенія, былъ Констанъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, ловкимъ пріемамъ котораго онъ ошибочно приписывалъ паденіе буланжизма. Рошфоръ разсказываетъ въ своихъ „Aventures", что Констанъ при-

---

[1]) Статья эта приведена въ „Les Aventures", t. V, p. 32.

сылалъ къ нему общихъ знакомыхъ, прося прекратить кампанію противъ него. Взамѣнъ Констанъ обѣщалъ внести въ парламентъ проектъ закона о всеобщей амнистіи. Съ другой стороны, такіе же „общіе знакомые“ являлись и отъ имени Фрейсинэ, министра-президента, съ противоположными предложеніями. Фрейсинэ, желавшій отдѣлаться отъ своего непріятнаго коллеги, одобрялъ, будто бы, кампанію Рошфора.

Эти факты передаетъ самъ Рошфоръ, и поэтому они требуютъ подтвержденія, но они слишкомъ подходятъ къ нравамъ извѣстной части французскаго общества, чтобы не считать ихъ правдоподобными.

Фрейсинэ, дѣйствительно, искалъ только случая избавиться отъ Констана. Онъ воспользовался ничтожнымъ разногласіемъ, которое возникло между нимъ и парламентской коммиссіей, разсматривавшей законъ объ ассоціаціяхъ, чтобы выйти въ отставку. Во главѣ новаго министерства выступилъ Лубэ; большинство старыхъ министровъ, въ томъ числѣ и Фрейсинэ, остались на своихъ постахъ, за исключеніемъ Констана, который очутился внѣ новой комбинаціи.

Съ пораженіемъ буланжизма, для Рошфора наступила политическая изолированность. Но скоро событія 1893—94 годовъ опять сблизили Рошфора съ его старыми друзьями демократической лѣвой, изъ рядовъ которой онъ вышелъ въ эпоху буланжизма. Поводомъ для примиренія съ Клемансо послужило извѣстное дѣло Нортона. Такъ назывался негръ—уроженецъ острова св. Маврикія, бывшій слуга въ англійскомъ посольствѣ въ Парижѣ, пустившій въ ходъ поддѣльныя бумаги, гдѣ доказывалось, что многіе французскіе дѣятели, въ томъ числѣ Клемансо и Рошфоръ, находятся на содержаніи у англійскаго правительства. Самымъ характернымъ было то, что эти бумаги дошли до свѣдѣнія публики черезъ посредство буланжистскихъ депутатовъ, Мильвуа и Деруледа, считавшихся до тѣхъ поръ близкими друзьями Рошфора.

Апокрифическій характеръ документовъ былъ легко доказанъ, но это обстоятельство вызвало разрывъ между Рошфоромъ и его недавними друзьями, Деруледомъ и Мильвуа, сблизивъ его съ Клемансо.

Въ 1894 году разразилась во Франціи борьба противъ президента Казиміра Перьè, правленіе котораго ознаменовалось многими репрессивными законами. Въ этой борьбѣ Рошфоръ принялъ участіе на ряду съ французскими соціалистами, которые раньше, во время буланжизма, были его ожесточенными врагами. Чтобы способствовать выбору Жеро Ришара, редактора сатирическаго

листка „Le Chambard", осужденнаго на годъ къ тюремному заключенію за оскорбленіе особы президента, Рошфоръ отстранилъ поставленную въ томъ же округѣ кандидатуру своего друга Менорваля. Въ глазахъ соціалистовъ этотъ поступокъ Рошфора получалъ тѣмъ большее значеніе, что ихъ кандидатъ Жеро Ришаръ былъ личнымъ врагомъ Рошфора со времени буланжизма. Онъ былъ редакторомъ газеты „La Bataille", въ которой нападалъ на личность Рошфора несдержаннымъ языкомъ самого Рошфора.

Жеро Ришаръ былъ выбранъ. Это вызвало отставку Казиміра Перье и выборъ Феликса Фора, начавшаго болѣе либеральную политику. По его желанію министерство Рибо внесло въ парламентъ предложеніе о всеобщей амнистіи. Оно было принято обѣими палатами, и Рошфоръ вернулся снова во Францію, среди такихъ же грандіозныхъ манифестацій, какъ и въ 1881 году. Жоресъ, его будущій врагъ по дѣлу Дрейфуса, произнесъ, по прибытіи Рошфора на вокзалъ, маленькую рѣчь, гдѣ называлъ его „основателемъ третьей республики".

Судя по результатамъ первыхъ двухъ лѣтъ президентства Феликса Фора, казалось, что, наконецъ, наступилъ для Франціи періодъ мирной парламентской дѣятельности, сосредоточенной на внутренней организаціи страны. Но вспыхнувшее съ такою силой волненіе по дѣлу Дрейфуса скоро уничтожило эти иллюзіи. Лично для Рошфора, привыкшаго жить среди шума уличныхъ манифестацій и въ атмосферѣ ожесточенныхъ газетныхъ полемикъ, новый скандалъ явился кстати. Иначе, талантливый, но невѣжественный редакторъ „L'Intransigeant" остался бы безъ матеріала для своихъ передовицъ. Старыя шовинистическія влеченія естественно толкнули Рошфора въ лагерь генеральнаго штаба, который онъ теперь сталъ защищать отъ желающихъ заглянуть въ его продѣлки. Принятое Рошфоромъ направленіе разлучило его опять съ соціалистами, взявшими сторону правосудія. Полемика, завязавшаяся между „L'Intransigeant" и „La Petite République",—между Рошфоромъ и Жеро Ришаромъ,—окончилась дуэлью, на которой Рошфоръ былъ раненъ. Это была не первая дуэль нашего памфлетиста. Рошфоръ дрался на дуэли еще во время имперіи съ Люсьеномъ Бонапартомъ и съ Полемъ Кассаньякомъ.

Дѣло Дрейфуса вновь сблизило Рошфора со старыми знакомыми буланжистскаго періода, Мильвуа, Деруледомъ, точно также какъ и съ клерикалами и роялистами. Теперь Рошфоръ—одинъ изъ вдохновителей націонализма. Но послѣднему такъ же мало суждено имѣть успѣха, какъ мало имѣлъ его буланжизмъ. Хотя

Рошфору уже больше семидесяти лѣтъ, но духъ его бодръ, и онъ продолжаетъ давать каждый день свою передовицу въ „L'Intransigeant". Говорятъ, что часто Рошфоръ только ограничивается подписью своего имени подъ статьями, написанными однимъ, умѣющимъ поддѣлаться подъ его слогъ, сотрудникомъ. Такъ или иначе, но Рошфоръ останется одною изъ крупныхъ личностей въ исторіи современной Франціи. Его вліяніе было часто очень вредно, но всегда громадно. И этого одного было бы достаточно, чтобы остановиться подробнѣе на его жизни.

XIII.—Поль де-Кассаньякъ.

Обыкновенно памфлетисты всегда принадлежали къ оппозиціонному лагерю. Только не стѣсненный никакой отвѣтственностью, не ограниченный никакими обязанностями, свободный и независимый журналистъ можетъ дать волю своему боевому темпераменту. А кромѣ того, если на сторонѣ правительства является какой-нибудь талантливый журналистъ, онъ скоро достигаетъ значительнаго оффиціальнаго положенія—депутата, сенатора, высшаго чиновника, начальника или министра. Поэтому всѣ извѣстные памфлетисты третьей республики находятся на сторонѣ различныхъ фракцій оппозиціи. Бонапартисты имѣютъ Кассаньяка, радикалы —Клемансо и Юрбена Гойе, соціалисты—Геда, Жеро Ришара, Лафарга, антисемиты—Дрюмона.

Жеро Ришаръ, главный редакторъ органа соціалистовъ „Petite République", напоминаетъ многими своими пріемами Рошфора. Онъ точно также любитъ вводить комическій элементъ, употреблять каламбуры и „mots" во всѣхъ своихъ статьяхъ, о чемъ бы рѣчь ни шла. Несомнѣнно, что хотя Жеро Ришаръ врагъ Рошфора, но послѣдній былъ его учителемъ.

Очень похожи другъ на друга по писательскимъ пріемамъ и глубоко различаются своими взглядами три журналиста—Жюль Гедъ, Клемансо и Юрбенъ Гойе. Первый—такой же непримиримый защитникъ соціализма, какъ послѣдніе два, Гойе и Клемансо,—непримиримые защитники индивидуализма. У всѣхъ троихъ доктрина превращается въ святой догматъ, который они защищаютъ во всѣхъ его логическихъ слѣдствіяхъ съ религіознымъ фанатизмомъ. „Или все, или ничего!"—вотъ девизъ ихъ. Гедъ расходился со всѣми своими друзьями, каждый разъ, когда они вступали въ компромиссъ съ представителями буржуазныхъ партій, а радикалъ Клемансо отдѣлялся отъ своихъ друзей, когда

они входили въ компромиссъ съ оппортунистами. Этотъ фанатизмъ во взглядахъ отражается какъ на краснорѣчіи Геда и Клемансо,—а оба они первоклассные ораторы,—такъ и на ихъ литературной дѣятельности. Оба они съ особеннымъ стараніемъ подбираютъ выраженія и слова, дѣлающія ихъ слогъ сжатымъ, яснымъ и ѣдкимъ.

Про Юрбена Гойе, редактора газеты „L'Aurore", получившей такую широкую популярность послѣ дѣла Дрейфуса, достаточно сказать, что онъ и бонапартистъ Кассаньякъ представляютъ собою самыхъ неистовыхъ французскихъ журналистовъ. Они лишены остроумія и игривости слога Рошфора, который веселитъ и оживляетъ читателя. Но Гойе, сравнительно, молодой журналистъ, и поэтому на немъ мы не будемъ останавливаться. Гораздо чаще приходилось русскимъ читателямъ слышать о Кассаньякѣ, начавшемъ борьбу противъ республики еще въ семидесятыхъ годахъ въ „Le Pays" и продолжавшемъ ее потомъ въ „L'Autorité". Вотъ какъ о немъ говорила въ своемъ дневникѣ, восхищаясь имъ, Марія Башкирцева.

„А, да! Пауло, пугало черни, человѣкъ, который носитъ при себѣ пистолеты и дубину, который имѣетъ въ своемъ домѣ зеркало, чтобы слѣдить за приходящими къ нему людьми, и акустическую трубу, чтобы имъ крикнуть:—его нѣтъ дома"!

А въ „Руководствѣ для ознакомленія съ палатой депутатовъ", за тотъ же 1876 годъ, когда Башкирцева писала свой дневникъ, о Кассаньякѣ сказано: „Кондомскій депутатъ Поль де-Кассаньякъ, 32 лѣтъ. Журналистъ. Все его имущество—его перо. Артиньянъ литературы. Большой, сильный, задорный носъ, закрученные усы, очень черные и густые волосы, кожа смуглая, глаза живые, настоящій гасконецъ, жестами, акцентомъ и храбростью. Служилъ имперіи съ самоотверженіемъ солдата, служитъ ей и теперь; буйный, безъ дисциплины, очень рѣзокъ въ своей полемикѣ и любитъ часто вызывать на дуэль". Эти двѣ характеристики пополняютъ одна другую.

Кассаньякъ напоминаетъ тѣхъ агентовъ бонапартизма, которыхъ знаменитый каррикатуристъ Домье обезсмертилъ въ типѣ „Ратапуаль",—это типъ агента-провокатора, владѣющаго острымъ языкомъ, чтобы подстрекать людей, и дубиной, чтобы ихъ избивать. Впрочемъ, уже отецъ самого Кассаньяка—Гранье де-Кассаньякъ—исполнялъ роль такого агента въ основанной имъ газетѣ „Le

[1]) Nouveau journal inédit de Marie Bachkirtzeff. La Revue des Revues, 1901, Juin, p. 628.

Pays". Что касается сына, то слѣдующія выдержки изъ „Pays" дадутъ понятіе о его полемическихъ пріемахъ. Нужно вспомнить психологическій моментъ, когда эти статьи были писаны. Это было послѣ выборовъ 1876 года, которые доказали, какой непопулярностью пользуются монархисты вообще, а бонапартисты въ частности. „Трусы, скряги, лицемѣры, родившіеся отъ кровосмѣшенія орлеанизма съ республикой, имѣющіе матерью вазальщицу, а отцомъ національнаго гвардейца, люди лѣваго центра—выбрали президентомъ г. де-Марсера".

А въ другомъ нумерѣ: „Вѣчная республика—но вѣдь это такъ же невозможно, какъ невозможна вѣчная холера, вѣчная чума. Всѣ погибли бы. Мы хотимъ вѣрить, наоборотъ, что если Франція по неосторожности заболѣла республикой, она вылечится очень скоро отъ нея лекарствомъ, уже два раза оказавшимъ свое спасительное дѣйствіе". Послѣ одного скандала, вызваннаго въ парламентѣ Кассаньякомъ, предсѣдатель, съ согласія большинства, въ видѣ наказанія лишилъ Кассаньяка депутатскаго вознагражденія на извѣстный срокъ. Въ отвѣтъ на это Кассаньякъ писалъ: „Быть порицаемымъ, быть осужденнымъ людьми нашего круга, людьми, которыхъ мы уважаемъ,—это было бы очень тяжело и заставило бы насъ задуматься. Но слышать все это отъ республиканцевъ, т.-е. отъ людей, которыхъ мы глубоко презираемъ и также глубоко ненавидимъ—вотъ что̀ насъ совсѣмъ не трогаетъ. Они насъ судятъ по-своему, и воображаютъ, что наши убѣжденія, какъ и ихъ, зависятъ отъ звонкой монеты; поэтому они намъ угрожаютъ лишеніемъ депутатскаго вознагражденія! Только это! Да мы вамъ его бросимъ въ лицо, если это вамъ угодно. И вы, наивные республиканцы, вы вѣрите, что мы позволимъ, чтобы вы насъ ругали и оскорбляли, и чтобы наши избиратели насъ ненавидѣли за 750 франковъ въ мѣсяцъ! Безчестіе—по 25 франковъ въ день—это для васъ очень хорошая плата, потому что вы его проглотите и еще за мѣньшую цѣну, но для насъ это мало,—совсѣмъ недостаточно" [1]).

Впрочемъ, такой увѣренностью отличался языкъ Кассаньяка, когда онъ обращался не только къ своимъ врагамъ, но и къ друзьямъ. Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо, которое онъ написалъ предсѣдателю банкета имперіалистовъ 15 августа 1901 года. Чтобы понять суть дѣла, нужно замѣтить, что среди французскихъ бонапартистовъ по настоящему существуютъ двѣ фракціи. Одна, состоящая изъ открытыхъ им-

¹) Henri Avenel, Histoire de la Presse française, Paris 1900, p. 722—723.

періалистовъ, а другая—изъ приверженцевъ такъ называемой „плебисцитарной республики". Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и самъ принцъ Викторъ Наполеонъ —бонапартистскій претендентъ. Онъ требуетъ, чтобы французскому народу было предоставлено право свободно выбирать какъ форму правленія, такъ и главу государства. При этомъ принцъ Наполеонъ увѣренъ, что народъ выберетъ его. Кассаньякъ — другого мнѣнія. Онъ принадлежитъ къ открытымъ имперіалистамъ, взывающимъ не къ волѣ народа, не къ плебисциту, а къ праву наслѣдства.

Проповѣдниковъ плебисцита онъ называетъ людьми „выродившимися, которые только по трусости" не рѣшаются назвать себя имперіалистами. „Они только переряжаютъ имперію въ видѣ какого-то республиканскаго маскарада, воображая, что республиканцы будутъ настолько наивны, чтобы поддаться ихъ обману, послѣ историческаго опыта съ Наполеономъ I и Наполеономъ III".

Несомнѣнно, Кассаньякъ скорѣе остается вѣрнымъ бонапартизму, говоря, что къ имперіи нужно стремиться открыто всѣми средствами, и главное—насильственнымъ переворотомъ. „Имперія по своей формѣ есть монархія,—пишетъ онъ,—но только современная и демократическая. Если Викторъ Наполеонъ не наслѣдникъ императора Наполеона III, онъ—ничто, такъ какъ самъ по себѣ онъ простой гражданинъ, какъ и всѣ остальные. Внѣ наслѣдственныхъ правъ, внѣ династическаго титула, онъ не имѣетъ никакихъ титуловъ. Онъ не можетъ быть съ двумя головами, быть для однихъ консуломъ, а для другихъ императоромъ, улыбаться имперіи и подмигивать республикѣ. Принцъ Викторъ будетъ Наполеономъ или сойдетъ съ политической сцены, какъ это случилось съ его отцомъ, который напрасно искалъ смѣшаннаго рѣшенія, соединяющаго имперіалистскую монархію съ консульской республикой".

До послѣдняго времени Кассаньякъ представлялъ въ палатѣ одинъ изъ округовъ Жерскаго департамента.

XIV.—Лафаргъ.

Съ развитіемъ печати, гдѣ всѣ талантливые полемисты могли свободно прилагать свои дарованія, уменьшилось число памфлетовъ, выходящихъ отдѣльными брошюрами. Теперь мы можемъ указать только на двухъ такихъ авторовъ, которые впервые стали извѣстными многочисленной публикѣ своими памфлетами: Поль Лафаргъ и Эдуардъ Дрюмонъ.

Лафаргъ, членъ французской рабочей партіи (parti ouvrier français), былъ извѣстенъ въ узкихъ кругахъ молодежи еще въ послѣдніе годы второй имперіи. Онъ принималъ участіе въ республиканскихъ манифестаціяхъ Латинскаго квартала, за что и былъ выгнанъ изъ парижскаго медицинскаго факультета. Лафаргъ поѣхалъ тогда кончать курсъ въ Лондонъ, гдѣ вошелъ въ мѣстную секцію интернаціонала, познакомился съ Марксомъ и женился на его второй дочери, Лорѣ,—единственной, оставшейся теперь въ живыхъ послѣ трагической смерти Элеоноры. По провозглашеніи республики 4-го сентября 1870 года, Лафаргъ возвратился во Францію, поступилъ на службу при правительствѣ народной обороны, но снова долженъ былъ бѣжать на этотъ разъ въ Испанію, когда, со вступленіемъ Тьера во власть, начались преслѣдованія противъ соучастниковъ международнаго общества рабочихъ.

Послѣ всеобщей амнистіи 1880 года, Лафаргъ опять вернулся во Францію и примкнулъ къ основанной Жюлемъ Гедомъ рабочей партіи. Къ этому времени относятся и написанные Лафаргомъ два памфлета: „Право на лѣность" и „Религія капитала", которые были переведены почти на всѣ европейскіе языки.

„Право на лѣность" представляетъ собою язвительную критику ученія о святости и благородствѣ труда—ученія, выразившагося въ знаменитыхъ декретахъ временнаго республиканскаго правительства 1848 года, когда было провозглашено „право на трудъ". Противъ этого начала и направленъ памфлетъ Лафарга, который носитъ еще и другое заглавіе: „Опроверженіе права на трудъ, провозглашеннаго въ 1848 году".

Лафаргъ—сенсуалистъ и эпикуреецъ—старается дѣйствовать на страсти, на естественныя влеченія массы, чтобы вызвать у нея отвращеніе къ теперешнему общественному строю, который не даетъ этимъ влеченіямъ и страстямъ проявляться. Проповѣдывать и восхвалять нужно не трудъ, а лѣность и праздность. „Лѣность даетъ уму тонкость,—пишетъ Лафаргъ,—развивающуюся главнымъ образомъ вслѣдствіе скуки, которую испытываютъ праздные люди. Лѣность придаетъ человѣку изящество, гордость, и предрасполагаетъ его стремиться къ свободѣ и независимости. Вотъ почему древніе греки презирали трудъ. Вотъ почему лѣнивый испанскій нищій, закутанный въ свой продырявленный плащъ, когда обращается къ маркизамъ и графамъ, называетъ ихъ: „Amigo". Если дикари статны и красивы, это тоже потому, что они не работаютъ". Лафаргъ восхищается порядками католической церкви,

которая обезпечивала рабочему народу „90 дней отдыха, 52 воскресныхъ дня и 32 праздничныхъ". Наоборотъ, Наполеонъ I-ый, желавшій пріучить своихъ подданныхъ къ подчиненію и развить въ нихъ рабскіе инстинкты, писалъ 5-го мая 1807 года: „Чѣмъ больше будетъ работать мой народъ, тѣмъ меньше будетъ у него пороковъ. Я—власть, и поэтому съумѣю распорядиться такъ, чтобы въ воскресенье, послѣ церковной службы, лавки были открыты и всѣ рабочіе шли бы на работу".

Второй памфлетъ Лафарга, „Религія капитала", сходенъ по своему сюжету съ первымъ. Его цѣль—убѣдить, что трудъ въ современномъ обществѣ имѣетъ только одно назначеніе: увеличить прибыль капиталиста. Вся брошюра состоитъ изъ діалоговъ, изъ которыхъ первый происходитъ въ Лондонѣ, на вымышленномъ конгрессѣ, гдѣ рядомъ засѣдаютъ философы и священники, —Спенсеръ и папскій легатъ,—консерваторы, либералы, республиканцы, свободомыслящіе и клерикалы, объединенные всѣ однимъ общимъ желаніемъ подчинить трудъ капиталу. „Послѣ долгихъ споровъ,—пишетъ Лафаргъ,— всѣ они, охваченные духомъ истины, начали метаться и кричать: „Капиталъ — это богъ"! „Капиталъ не признаетъ ни отечества, ни границы, ни цвѣта лица, ни расы, ни возраста, ни пола; онъ—богъ международный, богъ всемірный; онъ подчинилъ своимъ законамъ всѣхъ дѣтей человѣческаго рода!—воскликнулъ папскій легатъ въ божественномъ экстазѣ. — Уничтожимъ религію прошлаго, забудемъ нашу національную ненависть и религіозную вражду, соединимся и духомъ, и сердцемъ, чтобы провозгласить догматы новой вѣры —религіи капитала"!

Лафаргъ излагаетъ затѣмъ „догматы новой вѣры". Когда въ „катихизисѣ рабочаго" спрашиваютъ рабочаго, какъ его звать, онъ долженъ отвѣтить:

„— Наемнымъ рабочимъ.

„— Кто былъ твой родитель?

„— Мой отецъ былъ наемнымъ рабочимъ. Точно также и мой дѣдъ, и прадѣдъ, и ихъ родители были крѣпостными рабами. Моя мать называется бѣдностью.

„— Откуда ты? Куда идешь?

„— Я выхожу изъ бѣдности и иду къ нищетѣ, пройдя больницу, гдѣ мое тѣло будетъ служить предметомъ испытанія новыхъ лекарствъ и для практическихъ работъ хирурговъ, которые лечатъ привилегированныхъ капиталистовъ.

„— Гдѣ ты родился?

„— Въ мансардѣ, подъ крышей дома, построеннаго моимъ отцомъ и его товарищемъ по труду.

„— Какого ты вѣроисповѣданія?

„— Вѣроисповѣданія капитала.

„— Какія обязанности налагаетъ на тебя вѣроисповѣданіе капитала?

„— Двѣ главныя обязанности: обязанность отрѣшенія и обязанность труда“.

Въ томъ же духѣ составлены и всѣ остальныя главы второго памфлета Лафарга.

Въ 1892 году, въ связи съ безпорядками въ Фурми, Лафаргъ былъ приговоренъ на годъ къ тюремному заключенію, но вскорѣ былъ выбранъ депутатомъ въ Лиллѣ, вслѣдствіе чего палата депутатовъ потребовала его освобожденія. Пребываніе Лафарга въ парламентѣ продлилось лишь до общихъ выборовъ въ августѣ 1893 года. Его памфлетистская дѣятельность тоже ограничилась двумя указанными брошюрами.

XV.—Дрюмонъ.

Гораздо большей извѣстностью пользуется другой изъ современныхъ французскихъ памфлетистовъ, Эдуардъ Дрюмонъ,—вождь французскихъ антисемитовъ.

Дрюмонъ—ученикъ Вельо, котораго онъ назвалъ въ признательность „славнымъ плебеемъ“. Литературная карьера Дрюмона началась въ газетѣ Вельо „L'Univers“. Вліяніе Вельо сказывается на характерѣ и на литературныхъ произведеніяхъ Дрюмона. Правда, по литературному таланту ученикъ уступаетъ учителю, но онъ напоминаетъ его своимъ неимовѣрнымъ тщеславіемъ и самоувѣренностью, скрывающимися, какъ и у Вельо, подъ маской христіанскаго благочестія. Такъ же какъ и Вельо онъ считаетъ себя всезнающимъ и съ необыкновеннымъ апломбомъ, но и съ рѣдкой поверхностностью говоритъ въ своихъ памфлетахъ и статьяхъ о всевозможныхъ вопросахъ, называя при этомъ себя „соціологомъ и философомъ“. Скромность и христіанское смиреніе вообще не въ привычкахъ Дрюмона, какъ не были и въ привычкахъ Вельо. Самъ Дрюмонъ говоритъ: „Я не хочу быть умѣреннымъ и робкимъ. Св. Іоаннъ причисляетъ робкихъ къ грѣшникамъ, населяющимъ адъ“. Поэтому Дрюмонъ, съ развязностью балаганнаго фокусника, хвастается своимъ прошлымъ, своими успѣхами и неудачами, а чаще всего своею религіозностью, проявляющеюся въ томъ, что онъ часто бывалъ въ церкви.

„Ровно шесть лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1886 года, —писалъ Дрюмонъ въ 1892 году, выпуская первые нумера газеты „La Libre Parole“, — одинъ писатель издалъ въ двухъ томахъ сочиненіе, посвященное соціальнымъ вопросамъ. Писатель былъ совсѣмъ неизвѣстенъ публикѣ и знакомъ только маленькому кружку литераторовъ. Онъ отдалъ свои ничтожныя сбереженія журналиста для напечатанія этого сочиненія, которое, по всей вѣроятности, должно было ему закрыть всѣ двери. Книгопродавецъ осмотрѣлъ оба тома, нашелъ ихъ очень толстыми, поздравилъ себя, что не ему пришлось ихъ издавать, и спросилъ своего приказчика, есть ли мѣсто въ подвалѣ, гдѣ экземпляры могли бы остаться нѣкоторое время, прежде чѣмъ попадутъ къ лавочнику.

„Вдругъ страшный шумъ наполнилъ Парижъ, Францію, весь міръ,—шумъ рукоплесканій, криковъ радости, скрежетъ зубовъ, ропотъ, негодованіе, шумъ стоновъ, угрозъ и одобреній. Неизвѣстное наканунѣ имя автора „France Juive“ сдѣлалось сразу знаменитымъ. Писатель, какъ говорили про Байрона, однимъ скачкомъ достигнулъ славы“...

„Кто былъ этотъ человѣкъ, который владѣлъ силой, вызывающей столько ярости, который возбудилъ столько восторговъ и заслужилъ столько похвалъ? Это былъ человѣкъ очень скромный, очень миролюбивый и очень мягкій. Онъ происходилъ изъ старой французской семьи, былъ плебеемъ съ ногъ до головы и насчитывалъ за собою много поколѣній крестьянъ, рабочихъ, полевыхъ сторожей, родившихся на французской землѣ, все честныхъ людей, все крещеныхъ; онъ унаслѣдовалъ отъ нихъ глубокое прямодушіе и неумолимую ненависть къ мошенникамъ... Онъ попалъ молодымъ въ парижскую жизнь и, несмотря на свои слабости и ошибки, не поддался вліянію ея грязи и испорченности. Вслѣдствіе понесенной жестокой утраты, онъ почувствовалъ себя свободнымъ, могъ располагать собою, будучи увѣреннымъ, что его смерть едва-ли вызоветъ нѣсколько быстро вытертыхъ слезъ на глазахъ рѣдкихъ друзей“.

Это похвальное слово, которое Дрюмонъ произноситъ себѣ самому, напоминаетъ ту страницу Вельо изъ „Rome et Lorette“, гдѣ онъ въ аналогичной формѣ разсказываетъ о своей жизни. Ученикъ только подражаетъ учителю. Даже антисемитизмъ Дрюмона—не что другое, какъ иная форма того же католическаго фанатизма и религіозной нетерпимости, которую питалъ Вельо къ свободомыслящимъ. Но при современныхъ нравахъ во Франціи, при теперешнемъ уровнѣ политическаго сознанія массы, открытая борьба противъ либеральныхъ идей не имѣла бы никакого

успѣха, и поэтому Дрюмонъ началъ войну противъ евреевъ, какъ распространителей принциповъ революціи и свободомыслія.

Дрюмонъ родился въ Парижѣ въ 1842 году. Какъ и Рошфоръ, онъ началъ свою общественную карьеру чиновникомъ въ сенской префектурѣ, гдѣ служилъ и его отецъ. Онъ познакомился скоро съ Вельо, и сталъ сотрудничать въ „L'Univers". Потомъ, по рекомендаціи самого Вельо, Дрюмонъ перешелъ въ „Figaro" и наконецъ въ католическую газету „Le Monde". Здѣсь Дрюмонъ, по поводу одной полемики, дрался на дуэли, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить редакцію „Le Monde", правилами которой, согласно ученію католической церкви, дуэль была воспрещена. По выходѣ изъ „Le Monde", Дрюмонъ написалъ доставившій ему печальную славу большой памфлетъ: „La France Juive".

О какомъ-нибудь научномъ достоинствѣ этой книги не можетъ быть и рѣчи. Всѣ знанія Дрюмона исчерпываются повтореніемъ поверхностныхъ взглядовъ нѣкоторыхъ антропологовъ, старающихся свести сложную психологію народовъ къ ихъ анатомическому строенію.

Такъ же мало цѣнности имѣетъ книга Дрюмона съ исторической точки зрѣнія. Хотя въ ней множество фактовъ, но очевидная вымышленность многихъ изъ нихъ бросаетъ тѣнь и на остальные. Съ какой безцеремонностью Дрюмонъ обращается съ истиной, доказываетъ его утвержденіе, что Герценъ—еврей [1]). Дрюмонъ выдумалъ еврейскую генеалогію Герцена, чтобы подтвердить свою излюбленную тему, что вожаки всѣхъ революціонныхъ движеній—евреи. Евреи—это единственная причина разрушенія общественнаго и политическаго порядка, семьи, морали и религіи. „Тэнъ написалъ „La Conquête Jacobine", я напишу „La Conquête Juive",—объявляетъ въ началѣ своей книги Дрюмонъ. „Единственно кому революція принесла пользу — это еврею. Все выходитъ отъ еврея, все идетъ къ нему... Передъ нами совершилось настоящее завоеваніе, настоящее закрѣпощеніе цѣлой громадной націи ничтожнымъ, но крѣпко сплоченнымъ меньшинствомъ, подобно закрѣпощенію саксонцевъ семидесятью тысячами нормандцевъ Вильгельма Завоевателя. Правда, употребляемыя средства были различны, но результатъ—одинаковъ. Вся исторія Франціи, послѣ паденія Людовика XVI,—не что иное, какъ исторія еврейскаго вліянія. Евреи вызвали французскую революцію, чтобы спекулировать съ національными имуществами; они

---

1) „La France Juive". T. II, p. 201.

толкали Наполеона на войны, чтобы посредствомъ французскаго оружія распространить свою власть и на Европу. Отъ вліянія евреевъ не могли избавиться ни Людовикъ XVIII, ни Наполеонъ III. Но апогея своей власти евреи достигли при Луи-Филиппѣ, когда постройкой желѣзныхъ дорогъ выдвинулась семья Ротшильдовъ, и въ особенности при третьей республикѣ, когда многіе изъ государственныхъ людей, во главѣ съ Гамбеттой, были по происхожденію евреи. Евреи управляютъ современной Франціей и посредствомъ политическихъ обществъ, какъ франъ-масонскія ложи, и посредствомъ печати, главные органы которой находятся въ ихъ рукахъ, и больше всего посредствомъ банковыхъ учрежденій и биржи, гдѣ они царствуютъ какъ короли".

Однимъ словомъ, еврей—причина зла. При такой постановкѣ вопроса очевидно, что нужно удалить евреевъ изъ Франціи, чтобы уничтожить зло... „Нужно, чтобы французская кровь сдѣлалась господиномъ",—восклицаетъ Дрюмонъ. Для осуществленія этого идеала, Дрюмонъ надѣется на народныя массы, на рабочихъ и крестьянъ въ союзѣ съ духовенствомъ.

Какъ его учитель Вельо, такъ и Дрюмонъ питаетъ къ французской аристократіи нѣкоторую инстинктивную ненависть; онъ ее выдѣляетъ изъ будущей французской христіанской монархіи. Французская аристократія показала себя ниже своего назначенія, еще во время французской революціи, когда она или переходила въ лагерь революціонеровъ, или бѣжала спасаться за границей, оставляя народъ бороться самому за роялистскіе принципы. Дрюмонъ указываетъ на тотъ фактъ, что когда крестьяне поднялись въ Вандеѣ для защиты короля и религіи, среди ихъ вожаковъ былъ только одинъ аристократъ, князь Тальмонъ,—всѣ остальные вожди восставшихъ были дѣтьми народа. Теперешніе французскіе аристократы, „потомки легкомысленныхъ сеньоровъ, съ такою же беззаботностью какъ и ихъ предки, смотрятъ на гибель Франціи и не дѣлаютъ ничего, чтобы ее предотвратить". Множествомъ цитатъ изъ консервативныхъ и роялистскихъ газетъ, какъ „Figaro" и „Gaulois", Дрюмонъ показываетъ, что на всѣхъ вечерахъ и празднествахъ еврейскихъ банкировъ, Ротшильдовъ, Эфрусси и т. д., присутствуетъ цвѣтъ французской аристократіи.

Послѣдняя съ своей стороны тоже не питаетъ къ Дрюмону нѣжныхъ чувствъ, хотя онъ готовъ простить ей прегрѣшенія, если она пойдетъ за нимъ; аристократія боится антисемитской агитаціи, которая фатально ведетъ къ тому, что̀ въ шутку было названо: „прибавочной статьей". Если согласиться съ идеями

Дрюмона, что нужно наложить руку на имущества евреевъ, какъ на накопленныя путемъ эксплоатаціи, то справедливость требуетъ, чтобы эта мѣра была распространена и на всѣ имущества, накопленныя тѣми же способами, и, значитъ, на имущества чистокровной французской буржуазіи и аристократіи.

„La France Juive" имѣла необыкновенный успѣхъ. Въ очень короткій срокъ она вышла во множествѣ изданій (то, которымъ мы пользуемся, помѣчено 69-мъ), распространившихся не только во Франціи, но и за границей. Этимъ успѣхомъ она была обязана не столько антисемитскимъ идеямъ автора, сколько своему фельетонному содержанію. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Дрюмонъ усердно собиралъ свѣдѣнія, печатавшіяся въ различныхъ газетахъ, или просто распространяющіеся слухи объ интимной жизни французскихъ политическихъ, литературныхъ и финансовыхъ круговъ, и теперь предавалъ ихъ гласности. Въ „France Juive" излагаются скандальныя исторіи, происходившія за кулисами биржи, парламента, театра, игорныхъ и другихъ домовъ. Онъ говоритъ обо всемъ, о любовныхъ увлеченіяхъ, разводахъ, о семейныхъ скандалахъ разныхъ знаменитостей Франціи.

Это содержаніе и способствовало успѣху книги среди той— къ сожалѣнію еще очень значительной—части французскаго общества, которая всегда падка къ сенсаціоннымъ и скабрёзнымъ разоблаченіямъ.

Дрюмонъ хотѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ, и онъ дѣйствительно этого достигъ, путемъ литературнаго скандала. По выходѣ книги, нѣкоторые, считавшіе затронутою свою честь, вызвали Дрюмона на дуэль, что̀, несомнѣнно, тоже входило въ намѣренія автора, такъ какъ это создавало рекламу для самой книги. Между другими поединками былъ одинъ очень характерный—съ журналистомъ Шарлемъ Лораномъ, которому онъ приписалъ еврейское происхожденіе. Оказалось, что Лоранъ вовсе не еврей, но что самъ Эдуардъ Дрюмонъ, по свидѣтельству многихъ, дѣйствительно происходитъ изъ евреевъ.

Дрюмонъ хотѣлъ воспользоваться созданнымъ шумомъ и выпустилъ новые памфлеты: „La Fin d'un monde" и „La France Juive devant l'opinion". Но любопытство публики было удовлетворено, и эти памфлеты не имѣли успѣха. Тогда Дрюмонъ пустился въ политическую агитацію вмѣстѣ съ однимъ авантюристомъ, маркизомъ де-Моресъ. Они созвали рядъ митинговъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи, и чтобы дать своей антисемитской пропагандѣ болѣе широкій національный характеръ, они ее соединили съ пропагандой въ пользу русско-фран-

цузскаго союза, главнымъ препятствіемъ котораго являлись, будто бы, евреи. Маркизъ де-Моресъ зашелъ такъ далеко, что сталъ злоупотреблять именемъ русскаго посланника въ Парижѣ, барона Моренгейма [1]).

Но и антисемитская агитація не имѣла въ сущности успѣха. Хотя въ извѣстной части католическаго населенія еще живетъ средневѣковая ненависть къ евреямъ, но это чувство уступало всегда болѣе реальнымъ интересамъ.

Агитація, о которой мы говоримъ, происходила во время парламентскихъ выборовъ 1889 года. Послѣ своихъ агитаторскихъ неудачъ Дрюмонъ замолкъ и снова появился на сценѣ, во время скандала, вызваннаго подкупами общества Панамскаго канала. Въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, были замѣшаны люди всѣхъ партій; но клерикалы и монархисты, въ виду общихъ выборовъ, которые должны были состояться въ августѣ 1893 г., рѣшили начать агитацію на почвѣ панамскихъ злоупотребленій и направить ее исключительно противъ республиканской партіи. Хорошимъ руководителемъ такой агитаціи могъ стать Дрюмонъ. Поэтому іезуитская конгрегація ссудила ему деньги на изданіе ежедневной газеты „La Libre Parole“, которая начала выходить въ апрѣлѣ 1892 года [2]).

Къ осени того же года „La Libre Parole“ начала свои сенсаціонныя раскрытія, вызвавшія нескончаемые скандалы и въ парламентѣ, и въ прессѣ. Розничная продажа газеты поднялась до 200.000 нумеровъ въ день, но въ концѣ концовъ побѣда не осталась на сторонѣ клерикаловъ и антисемитовъ. Если, вслѣдствіе ихъ настойчивыхъ указаній, нѣкоторые республиканскіе вожди потеряли свое положеніе,—не меньше потеряли клерикалы, и въ томъ числѣ Дрюмонъ и маркизъ де-Моресъ. Разъ начались разоблаченія,—ихъ нельзя было ограничить только намѣченными республиканцами. Они распространились, какъ пожаръ, и на клерикаловъ, и на антисемитовъ. Скоро было доказано, что и самъ Дрюмонъ, и его другъ маркизъ де-Моресъ не пренебрегали деньгами панамскаго общества. Этотъ фактъ, вызвавшій ссору Дрюмона съ Моресомъ, бросаетъ свѣтъ на нравственность самого Дрюмона и заслуживаетъ быть разсказаннымъ болѣе подробно.

---

[1]) См. въ „Figaro“ письма Мореса (8 августа и 2 сентября 1892 года) и письмо барона Моренгейма (12 сентября того же года).

[2]) Участіе іезуитовъ въ изданіи „La Libre Parole“ доказывается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что нѣкій Одленъ, завѣдывавшій финансовой частью газеты, состоялъ въ то же самое время директоромъ іезуитской коллегіи въ Rue des Postes въ Парижѣ (Joseph Reinach, Affaire Dréyfus etc., p. 217).

На процессѣ о подложныхъ бумагахъ Нортона, о которыхъ мы упоминали въ біографіи Рошфора, присутствовали, между прочимъ, и Клемансо, какъ гражданская сторона, и маркизъ де-Моресъ, какъ свидѣтель. Здѣсь Клемансо обратился къ маркизу съ вопросомъ: „не имѣлъ ли онъ какихъ-нибудь интимныхъ сношеній съ извѣстнымъ, замѣшаннымъ въ подкупахъ панамскаго общества, Корнеліусомъ Герцемъ“? Маркизъ де-Моресъ долженъ былъ сознаться, что онъ прибѣгалъ къ его денежной помощи, но что онъ это дѣлалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Дрюмономъ. Выданный, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ другомъ, Дрюмонъ долженъ былъ тоже объясниться. Передъ публикой разыгралась забавная сцена, въ которой оба вчерашніе пріятеля обвиняли другъ друга. Дрюмонъ оправдывался тѣмъ, что онъ принесъ себя въ жертву товарищескому чувству. Дѣло произошло такъ. Весною 1891 года маркизъ де-Моресъ крайне нуждался въ двадцати тысячахъ франковъ, чтобы заплатить „долгъ чести“, т.-е. игорный долгъ. Онъ обратился къ своему знакомому, бывшему полицейскому префекту Андріе. Тотъ ему сказалъ, что единственно кто могъ бы одолжить деньги антисемиту Моресу—это еврей Корнеліусъ Герцъ, и что Герцъ согласенъ не брать никакихъ процентовъ, но ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы къ нему явился съ просьбою самъ де-Моресъ вмѣстѣ съ Дрюмономъ. Такимъ образомъ случилось, что вожакъ антисемитовъ провелъ нѣсколько часовъ съ однимъ изъ главныхъ агентовъ панамскаго общества [1]).

Не достигнувъ практическаго успѣха своимъ антисемитизмомъ во Франціи, Дрюмонъ устремилъ свое вниманіе на Алжирію, гдѣ привилегированное положеніе, которымъ пользуются евреи передъ мѣстнымъ арабскимъ населеніемъ, создало сильное анти-еврейское движеніе. Дрюмонъ поставилъ свою кандидатуру въ Алжирѣ, гдѣ и былъ выбранъ депутатомъ въ 1898 году.

Имя Дрюмона останется связаннымъ съ осужденіемъ капитана Дрейфуса въ 1894 году. Послѣ многихъ процессовъ, вызванныхъ этимъ дѣломъ, стало извѣстнымъ, что „La Libre Parole“ была та газета, гдѣ полковникъ Анри, желавшій во что бы то ни стало осужденія Дрейфуса, помѣщалъ всякія конфиденціальныя свѣдѣнія и вызвалъ ту ожесточенную кампанію прессы, которая заставила тогдашняго военнаго министра, честолюбиваго и малодушнаго генерала Мерсье, предать Дрейфуса военному суду.

---

[1]) „La Libre Parole“, 9 Août, 1893.

Когда, въ концѣ 1897 года, дѣло Дрейфуса снова выступило на сцену, „La Libre Parole“ сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ оффиціозной газеты генеральнаго штаба. Послѣ самоубійства полковника Анри, автора фальшивыхъ документовъ, „La Libre Parole“ открыла подписку въ пользу его вдовы, доставившую ей больше 40.000 франковъ.

Дрюмонъ назвалъ поддѣлку Анри „патріотическою поддѣлкою“. Этимъ редакторъ „La Libre Parole“ оставался вѣренъ если не традиціямъ французскаго патріотизма, то, во всякомъ случаѣ, традиціямъ іезуитской казуистики.

XVI.

Давши характеристику отдѣльныхъ памфлетистовъ, указавъ на связь, которая существовала между ними, намъ остается еще опредѣлить, въ какой степени они находились—близко или далеко отъ того демократическаго идеала, къ которому стремилась и стремится французская нація. Такимъ образомъ, опираясь на литературу памфлетовъ, мы можемъ резюмировать въ общихъ чертахъ различные фазисы политическаго развитія Франціи за XIX столѣтіе.

Въ эпоху реставраціи политическая идеологія французскихъ партій сводилась къ двумъ рѣзко отмѣченнымъ доктринамъ: ультра-роялизма и либерализма. Но тогда какъ ультра-роялизмъ въ своемъ фанатизмѣ доходилъ до самыхъ крайнихъ требованій, какъ, напримѣръ, возстановленія средневѣковаго института первородства и средневѣковыхъ наказаній за богохульство и святотатство, либерализмъ, наоборотъ, держался въ умѣренно-защитительномъ положеніи. Его крайнія требованія не шли дальше извѣстной свободы печати — вопросъ, которымъ почти исчерпывается содержаніе политической борьбы того времени.

Правда, въ тайномъ обществѣ карбонаріевъ и въ нѣкоторыхъ масонскихъ ложахъ говорилось о низверженіи Бурбоновъ, о возстановленіи республики или имперіи, во главѣ которой долженъ былъ бы стать сынъ Наполеона I, герцогъ Рейхштадтскій, но эти планы не дѣлались предметомъ публичнаго обсужденія. Это были проекты только маленькой горсти заговорщиковъ. Общественное мнѣніе не выходило за предѣлы легальнаго порядка и хартій. Это и видно изъ содержанія памфлетовъ Курье. Онъ борется противъ трехъ фактовъ: противъ по-

литическаго произвола, противъ клерикальнаго давленія и противъ мѣръ, ограничивающихъ свободу печати.

Но какого мнѣнія Курье относительно самой формы правленія? Несомнѣнно, что Курье противъ Бурбоновъ: несомнѣнно также, что изъ всѣхъ формъ правленія онъ бы предпочелъ республику, но его республиканскія убѣжденія не выходятъ за предѣлы *вѣрованія*, такъ какъ онъ ихъ не высказываетъ.

Точно также въ памфлетахъ Курье, какъ и во всѣхъ политическихъ полемикахъ того времени, нѣтъ или почти нѣтъ рѣчи о соціальномъ вопросѣ. Для тогдашняго поколѣнія онъ еще не существуетъ. Сенъ-Симонъ и Фурье, независимо одинъ отъ другого, съ трудомъ, среди всеобщаго равнодушія, находятъ нѣсколькихъ энтузіастовъ, которые прославятъ имена своихъ учителей, но только послѣ ихъ смерти.

Хотя политическая борьба во время реставраціи ведется отъ имени народа, но самъ народъ къ ней не причастенъ. Она охватываетъ только круги средней и крупной буржуазіи, которые, вслѣдствіе высокаго ценза, могли одни имѣть избирательныя права.

Іюльская революція внезапно переноситъ центръ политической жизни изъ высшихъ классовъ въ низшіе. Въ связи съ этимъ историческимъ фактомъ произошла крупная перемѣна въ политическихъ стремленіяхъ и идеяхъ всѣхъ партій.

Роялисты, какъ Шатобріанъ, начинаютъ требовать всеобщаго избирательнаго права, оставаясь при этомъ, по крайней мѣрѣ формально, приверженцами монархической формы правленія.

Другіе идутъ дальше и отрицаютъ самую форму. Такимъ образомъ создается открытая республиканская партія, въ которую входитъ часть либераловъ эпохи реставраціи,—остальные либералы составляютъ орлеанистскую партію,—и часть бывшихъ роялистовъ, какъ Кормененъ.

Изъ памфлетовъ Корменена мы видимъ еще, что вопросъ о богатствѣ и бѣдности выступаетъ на очередь. Всѣ теперь прислушиваются къ соціальнымъ ученіямъ, къ которымъ раньше были вполнѣ равнодушны. Незамѣтно часть новыхъ соціальныхъ принциповъ входитъ въ программы даже консервативныхъ политиковъ. Когда Шатобріанъ, въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ очерковъ „Объ англійской литературѣ", говоритъ „о наемномъ трудѣ, который есть не что иное, какъ другая форма рабства", или о „соединеніи производителя съ потребителемъ", онъ пользуется не только идеями, но и терминами сенъ-симонистовъ.

Демократическая война, поднявшаяся съ іюльской революціи, увлекаетъ въ своемъ порывѣ даже клерикаловъ. Предѣломъ этого демократическаго подъема было провозглашеніе всеобщаго избирательнаго права въ 1848 году.

На этомъ и останавливается политическій прогрессъ Франціи.

Вторая половина XIX столѣтія начинается для нея государственнымъ переворотомъ.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1850—1860 гг., во Франціи есть просторъ только для средневѣкового фанатизма Вельо и полицейскаго произвола Бонапарта. Но все-таки движеніе 1848 г. не прошло даромъ. Не только въ исторіи идей, но и въ самой практической жизни Бонапартъ не могъ уничтожить значеніе всеобщаго избирательнаго права. Онъ только его изуродовалъ, превративъ всеобщую подачу голосовъ въ „плебисцитъ" и ограничивъ права парламента. Принципъ же всеобщаго избирательнаго права сохранился. Вельо тоже былъ противъ демократическихъ учрежденій, но, чтобы бороться съ ними, онъ долженъ былъ искать поддержки въ самой народной массѣ. Бонапартъ и Вельо, каждый въ своей области, были въ сущности демагогами.

Часто говорятъ, что лицемѣріе—это почтеніе, которое ложь высказываетъ истинѣ; также можно сказать, что демагогія—почтеніе, которое теократія и цезаризмъ оказываютъ демократическому принципу.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появились во Франціи либеральныя вѣянія. Прежде всего, депутаты законодательнаго корпуса получили право предлагать запросы министрамъ; кромѣ того, засѣданія сдѣлались публичными. Но въ парламентскихъ рѣчахъ истина говорила приниженнымъ голосомъ, который не былъ въ состояніи расшевелить массы. Нужно было что-нибудь необыкновенное, чтобы вызвать французское общество изъ его оцѣпенѣнія. Тогда и раздался въ ушахъ французовъ шумъ знаменитыхъ „Propos de Labienus", замѣчательныхъ своимъ невозмутимымъ эпическимъ спокойствіемъ и своей глубокой ироніей.

Памфлеты Рошфора еще больше возбудили то чувство негодованія противъ порядковъ второй имперіи, которое закипѣло послѣ „Propos de Labienus".

Съ утвержденіемъ третьей республики, борьба партій при существовавшей широкой политической свободѣ велась при одинаковыхъ или почти одинаковыхъ условіяхъ для всѣхъ. Но здѣсь именно обнаружилась органическая слабость реакціонныхъ партій. Однѣ изъ нихъ уменьшаются по численности, переживая свои,

можетъ быть, послѣдніе годы въ взаимной борьбѣ, какъ мы видѣли въ характеристикѣ Кассаньяка; другіе, чтобы обмануть довѣріе страны, выставляютъ себя защитниками народа отъ эксплоатаціи евреевъ. Но это все признаки слабости. Сила идейная и нравственная, какъ и политическая, находится въ лагерѣ демократіи, несмотря на всѣ ошибки и увлеченія ея вождей и оффиціальныхъ представителей.

Х. Г. Инсаровъ.

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ
ВЪ
ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

III *).

Неожиданный визитъ индѣйцевъ и новые горизонты, которые онъ открывалъ барону, видимо отразились на немъ. Его недавно еще скучающій, высокомѣрный видъ замѣнило раздумье, въ движеніяхъ прорывалась лихорадочная потребность дѣйствій, которая потомъ замѣнялась часами молчаливой сосредоточенности. Весь слѣдующій день, куря до одуренія сигару за сигарой, онъ ходилъ по тѣнистой аллеѣ сада, погруженный въ свои думы. Наступившая ночь не прервала этого настроенія, и голубоватый свѣтъ его завѣшеннаго окна, виднаго съ улицы черезъ рѣшетку сада, свѣтился чуть не до разсвѣта.

Борьба была у него въ душѣ. По мѣрѣ того какъ образъ Нисахъ-Керрý отдалялся проходившимъ временемъ, баронъ чувствовалъ сильнѣе, какъ не легко будетъ ему устранить его. И въ то же время онъ понималъ необходимость этого устраненія. Сдѣлка съ нимъ немыслима: индѣецъ понимаетъ, что бѣлые поработятъ его бѣдное племя, что отъ золотыхъ богатствъ имъ ничего не останется, кромѣ дурно оплаченнаго тяжелаго подне-

*) См. выше: августъ, 440 стр.

вольнаго труда. Но онъ, конечно, не допуститъ этого... И мысль барона останавливалась на угрозѣ индѣйца.

Онъ высказалъ ее не безъ борьбы съ самимъ собой и видимо довольный отсутствіемъ жены барона. Въ этомъ „modus operandi" нельзя заподозрить игру или запугиваніе, потому что тогда онъ могъ бы сказать свою угрозу при ней, разсчитывая, что боязнь жены должна усилить впечатлѣніе. И скажи онъ при ней, это, вѣроятно, такъ бы и случилось! Люси фонъ-Ванденъ ни за что не согласилась бы на такую борьбу... Да и теперь, не зная угрозы, она угадываетъ опасность, и надо дѣйствовать умѣло, чтобы избѣжать ея сценъ и слезъ...

Значитъ, угроза была искренняя. Но осуществима ли она? Ему припоминались фразы индѣйца: „При измѣнѣ смерть ждетъ тебя и твоихъ товарищей"; или: „Смерть ждетъ тамъ всѣхъ васъ, бѣлыхъ". Кажется,—послѣднее. Но что же онъ можетъ, собственно, сдѣлать? Напасть съ шайкой дикарей изъ засады? Ранить отравленными стрѣлами? Конечно, что-нибудь въ этомъ родѣ... Но вѣдь это все можно предвидѣть. Бахчаръ-Итэ надо взять сразу; дорога будетъ изслѣдована передовымъ вооруженнымъ отрядомъ, а самъ онъ, баронъ, поѣдетъ въ кавалькадѣ вооруженнаго отряда. И дикари, конечно, уступятъ. Слабость ихъ понимаетъ и самъ Нисахъ-Керрў: поэтому и не допускаетъ къ нимъ бѣлыхъ. Надо только устроить сношеніе съ начальникомъ округа. Ему уже писали изъ Буэносъ-Айреса, и, конечно, онъ будетъ содѣйствовать барону изъ служебныхъ видовъ; онъ пойметъ положеніе Бромлеевъ и ихъ связи... Надо будетъ организовать отрядъ... Это главное... И тогда всѣ эти „керрў" отойдутъ вдаль!

Но мысль барона, останавливаясь на молодомъ индѣйцѣ, давала рядъ борющихся между собою ощущеній. Въ глубинѣ интимнаго существа его назойливо, неумолкаемо, пробуждался голосъ, упрекавшій цивилизатора и говорившій въ пользу индѣйца.

Баронъ подавлялъ его усиліями разсужденій, или, такъ сказать, головнымъ усиліемъ. Онъ чувствовалъ, досадно, злобно сознавая это,—прямоту и честность индѣйца. Подавляемый разными софизмами, назойливый голосъ не умолкалъ и говорилъ ему, что онъ, баронъ фонъ-Ванденъ, изящный, самоувѣренный и сильный своей цивилизацiей—и слабѣе, и меньше (гораздо, гораздо меньше) бѣднаго индѣйца Нисахъ-Керрў, и притомъ—умышленно бѣднаго, т.-е. дѣйствительно не ищущаго богатства. Это замѣчалось во всей его личности. Да и самое это дѣло... Вѣдь онъ по своимъ способностямъ и вліянію въ своей средѣ („выборный"—припоминалось барону) могъ бы повести дѣло

иначе и прямо-таки обогатиться, т.-е. вступить въ сдѣлку съ барономъ и бѣлыми. А онъ—прямо враждебенъ этой сдѣлкѣ.

Конечно, такая личность можетъ быть опасной...

И боязнь этой мести, и стыдъ этой боязни охватывали барона. Расхаживая по аллеѣ подъ вліяніемъ этихъ ощущеній, онъ безсознательно, инстинктивно оглядывался, точно избѣгая постороннихъ.

Чтобы подавить эти темныя ощущенія, онъ переносился опять къ планамъ будущаго, создавалъ въ себѣ настроеніе силы. И отъ этихъ мечтаній, заглушая назойливый голосъ сознанія, со дна души поднималась воровская отвага, воровская надежда безнаказанности. Являлась радость хищника, увѣренно идущаго къ добычѣ, хищника, который *пока* и не думаетъ передъ самимъ собою отрицать характеръ своего воровского дѣла...

Баронъ сознавалъ это *пока*. Онъ почувствовалъ,—а потомъ понялъ это и мышленіемъ,—что, разъ дѣло будетъ устроено, „щепетильности“ настоящаго колебанія исчезнутъ.

Предложенія Бромлеевъ удивительно совпадали съ его планами о Бахчаръ-Итэ. Игрокъ по натурѣ, баронъ, самъ себѣ не отдавая въ этомъ отчета, былъ не лишенъ суевѣрія, т.-е. вѣрилъ въ примѣты счастья или проигрыша. Въ данномъ случаѣ ему видимо везло.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что зачастую непонятно и невѣдомо откуда явившееся дѣйствіе *случайности* создаетъ положенія и обстоятельства, которыхъ умышленно не выработалъ бы и самый талантливый дипломатъ или организаторъ... И въ случайности какъ будто таится мысль...

Гг. Бромлей сообщали о пріобрѣтеніи около Айкъ-Итэ и погранично съ нимъ нѣсколькихъ гектаровъ земли, часть которой они уступаютъ „на особыхъ основаніяхъ“ сложившейся въ Буэносъ-Айресѣ акціонерной компаніи, а другую часть назначаютъ для устройства колоніи; они предписываютъ поэтому отмежевать отъ 10 до 12 кв. километровъ, *для начала*, лѣсной земли. Сдѣлка объ этомъ пріобрѣтеніи юридически уже разработана и заключена между ними и правительствомъ Боливіи, представитель котораго въ Буэносъ-Айресѣ, по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ (Ministerio del Hacienda) въ Чукизакѣ, уже сообщилъ г-ну Мигуэлю Саенцъ-Кортэсу, начальнику округа, въ районѣ котораго находятся Санъ-Педро и Айкъ-Итэ, прося его содѣйствія при отмежеваніи земель. Ему, барону, какъ представителю интересовъ гг. Бромлеевъ, предоставляется право выбора лѣсныхъ угодій, причемъ обращается вниманіе

его на близость и неточность границъ съ Бразиліей—обстоятельство, могущее впослѣдствіи создать осложненія и недоразумѣнія при колонизаціи или перепродажѣ земель; предписывалось, поэтому, при отмежеваніи сообразоваться съ планомъ округа, составленнымъ согласно конвенціи между обѣими странами, чтобы не выйти изъ границъ Боливіи. При составленіи же плана отмежеванныхъ пространствъ, имъ, барономъ, должна быть составлена карта мѣстности въ возможно бо́льшемъ масштабѣ, топографически подробная; два экземпляра ея онъ долженъ переслать немедленно же гг. Бромлеямъ, оставивъ третій экземпляръ для собственнаго руководства и для теоретическихъ соображеній въ послѣдующей его, барона, дѣятельности.

Бахчаръ-Итэ, какъ пунктъ бразильской территоріи, останется на границѣ заселенныхъ пространствъ. Пріобрѣтеніе его по стоимости должно быть ничтожно: Бразилія, какъ и Боливія, почти даромъ даетъ земли, колонизируя именно границы. И Бахчаръ-Итэ по своему богатству перетянетъ къ себѣ колоніи гг. Бромлеевъ. Это, конечно, страшно озлобитъ ихъ... но... развѣ это не конкурренція, создавшаяся цивилизаціей? Это во-первыхъ; а во-вторыхъ... тогда гг. Бромлей уже не будутъ нужны ему, барону, а скорѣе онъ имъ, какъ человѣкъ, создавшій промышленное движеніе въ цѣломъ районѣ, имѣющее тамъ и вѣсъ, и значеніе. И вѣроятно, беря это въ разсчетъ, гг. Бромлей даже не станутъ ссориться, разъ Бахчаръ-Итэ сдѣлается центромъ золотопромышленнаго района этой части Боливіи, теперь дикой еще. И барона опять охватывало мечтательное настроеніе. Колонизація привлечетъ капиталы, рабочія руки, создастъ и разовьетъ новую жизнь. Вѣковую тишь непроходимыхъ лѣсовъ пробудятъ локомотивы и громъ поѣздовъ. Возникнутъ поселенія тамъ, гдѣ теперь, таясь, крадется за добычей звѣрь, или, неслышно ступая, точно тѣнь, въ сумракѣ, проходитъ между стволами охотникъ-индѣецъ.

Цѣлыхъ два дня ходилъ и курилъ баронъ, объятый думами и планами будущаго; но это не помѣшало обрисоваться передъ нимъ потребностямъ настоящаго.

Надо было подумать объ отвѣтѣ на предписанія гг. Бромлеевъ. Изъ тона письма и того, что они уже снеслись съ начальникомъ округа, ему было ясно ихъ желаніе скорости дѣла. Баронъ понималъ важность отвѣта, его связь со своими личными планами. Другой задачей являлась экспедиція Ганса. Откуда собрать свѣдѣнія объ индѣйцахъ? Отъ Лассàрдіа? Но тогда будетъ понятенъ ему и отъѣздъ Ганса!.. А это надо скрыть...

Не нарушеніе секрета смущало барона, а то, что это нарушеніе было преждевременно... Онъ вѣрилъ въ честность Нисахъ-Керру́, вѣрилъ и Утуру́нгу, но этому уже меньше, какъ слабому, порочному дикарю. И другіе вѣроятно похожи на него... Кто знаетъ, что̀ можетъ случиться съ Гансомъ среди этой дикой страны!

И теперь баронъ пожалѣлъ, что поставилъ себя далеко отъ мѣстной власти, и понялъ, что для организатора или заговорщика существуютъ не личности, а единицы—нужныя или ненужныя, это главное. И, войдя въ колею практическихъ соображеній, онъ вдругъ разсмѣялся, гордо-презрительно поднявъ голову.

Онъ нашелъ планъ!.. Конечно, нельзя скрыть отъѣздъ Ганса: въ Санъ-Педро всѣ знаютъ одинъ другого, а онъ, баронъ, и его домъ—на виду у всѣхъ. Но отъѣздъ Ганса будетъ замаскированъ, и по плану барона—Лассардіа разскажетъ ему все, что̀ онъ знаетъ объ индѣйцахъ Бахчаръ-Итэ, но не узнавъ при этомъ, зачѣмъ именно нужны барону эти свѣдѣнія. И онъ рѣшилъ поговорить съ Лассàрдіа.

На третій день послѣ посѣщенія индѣйцевъ, баронъ ранѣе обыкновеннаго поѣхалъ верхомъ въ Айкъ-Итэ, не столько по надобности осмотра работъ, сколько по инстинктивному влеченію „отдаться“ жизни, оторваться на время отъ думъ, чтобы съ болѣе свѣжей головой приняться за рѣшеніе трудныхъ задачъ.

Было утро сѣренькаго, но знойнаго дня, безъ малѣйшаго вѣтерка въ воздухѣ. Баронъ поѣхалъ крупной рысью застоявшейся лошади по большой улицѣ города черезъ плацъ. Проѣзжая около ратуши, онъ увидѣлъ у подъѣзда ея нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, видимо только-что пришедшихъ изъ далекаго пути. Солдаты-негры держали ихъ подъ уздцы, а другіе, стоя на вытяжкѣ, отдавали по военному честь какому-то смуглому толстяку въ военной боливійской формѣ и съ галунами на кепи. Толстякъ видимо только-что слѣзъ съ лошади, стоялъ растопыривъ ноги и держась за поясницу. Передъ нимъ, что-то почтительно объясняя, стоялъ Лассàрдіа. Баронъ вѣжливо раскланялся съ Лассàрдіа. Толстякъ, стоявшій къ барону спиной, обернулся, смотря на него, и баронъ видѣлъ, что они говорили о немъ, но рысь лошади уносила его отъ наблюденій.

Повернувъ за уголъ уже извѣстной читателю церкви, онъ поѣхалъ по улицѣ, окаймленной по сторонамъ зеленѣющей стѣной садовъ, между рѣдкими домами, ихъ раздѣлявшими. Улица, или лучше дорога, шла въ гору и кончалась холмомъ, который, точно нарисованный, виднѣлся въ перспективѣ между двухъ зе-

ленѣющихъ стѣнъ. Дорога, извиваясь желтой лентой песчанаго грунта, выходила изъ города, извивалась между группами деревьевъ и перелѣсковъ и исчезала въ темномъ пространствѣ лѣса на вершинѣ холма. За этимъ лѣсомъ и было Айкъ-Итэ.

Въѣхавъ на вершину холма, баронъ услышалъ внизу, по дорогѣ, топотъ скачущей лошади. Къ холму, оставляя за собою неподвижныя облака пыли, скакалъ всадникъ. Присмотрѣвшись, баронъ узналъ въ немъ, по красному кепи, полицейскаго солдата-негра. Онъ скакалъ, погоняя лошадь, и то исчезалъ за деревьями, то появлялся опять въ просвѣтахъ дороги. По движеніямъ его при поворотахъ, барону показалось, что солдатъ точно наблюдалъ за нимъ или догонялъ его. Баронъ остановился и рѣшилъ подождать. У подошвы холма негръ махнулъ ему рукой, точно показывая что-то, и лихимъ карьеромъ взлетѣлъ на вершину, осадивъ разгоряченную лошадь передъ пятившимся пугливо конемъ барона. Не слѣзая съ лошади и перегнувшись на сторону, онъ подалъ барону бѣлую визитную карточку, объясняя, что начальникъ округа „проситъ на нее отвѣтить, если угодно сеньору барону, теперь же“.

На карточкѣ было отпечатано по испански: „Мигуэль-Саенцъ-Кортэсъ“. По-испански же, мелко и изысканно-вѣжливо написаннымъ слогомъ, просили барона увѣдомить, когда и гдѣ найдетъ онъ возможность назначить свиданіе для переговоровъ по дѣлу, его, барона, интересующему.

Баронъ понялъ, что предписаніе изъ Буэносъ-Айреса высоко чтится въ этой глуши. Первымъ движеніемъ его было сказать негру, что онъ увидится тотчасъ же съ его начальникомъ; но, подумавъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать медленнѣе, на всякій случай.

— Когда пріѣхалъ начальникъ округа?—обратился онъ къ негру, почтительно смотрѣвшему на него въ ожиданіи отвѣта.

— Онъ только-что пріѣхалъ. Еще нѣтъ и часу.

Баронъ посмотрѣлъ на часы: было восемь часовъ утра. Сеньоръ Кортэсъ долженъ былъ, значитъ, ѣхать ночью? На вопросъ объ этомъ негръ отвѣчалъ утвердительно, добавивъ, что начальникъ округа всегда ѣздитъ ночью, во избѣжаніе жары и для сбереженія лошадей.

Баронъ слѣзъ съ коня и, отдавъ поводья негру, сѣлъ на бугоркѣ у дороги. Изъ своей записной книжки онъ вынулъ визитную карточку—съ баронской короной надъ именемъ—и, отточивъ конецъ карандашика, не торопясь и систематически, написалъ слѣдующія строки: „Ричардъ Е. фонъ-Ванденъ, благодаря г. начальника округа за желаніе содѣйствія въ дѣлѣ прогресса и пре-

успѣянія этой мѣстности, не можетъ немедленно же выразить это лично и проситъ сеньора Саенцъ-Кортэса почтить его своимъ присутствіемъ отъ 4-хъ часовъ пополудни вмѣстѣ съ сеньоромъ Лассàрдіа". Перечитавъ свой отвѣтъ, баронъ нашелъ его удовлетворительнымъ и совершенно въ духѣ страны: прогрессъ и „преуспѣяніе"—любимыя темы креоловъ. Приглашеніе сеньора Лассàрдіа было нѣсколько... шероховато и не совсѣмъ удобно въ данномъ случаѣ, т.-е. онъ могъ бы стѣснять конференцію. Не имѣя еще представленія о личности этого сеньора Кортэса, барону казалось однако, что онъ долженъ быть прежде всего служебно-административной единицей. Отдавъ карточку негру и приказавъ ему не марать ее руками, баронъ поѣхалъ въ Айкъ-Итэ съ быстро явившейся у него мыслью: собрать свѣдѣнія о новой личности, которая—онъ это предвидѣлъ а priori—будетъ ему нужна въ его планахъ построенія будущаго.

И на этотъ разъ онъ удивилъ Перкинса своимъ хорошимъ расположеніемъ духа и любезнымъ предложеніемъ ему сигары. Послѣ отмѣтки работъ и одобренія ихъ, баронъ заговорилъ съ нимъ о „могущемъ быть расширеніи ихъ общей дѣятельности". Потомъ онъ уже совершенно „по товарищески" просилъ Перкинса сообщить ему все, чтò онъ знаетъ о Кортэсѣ.

Это сперва смутило осторожнаго старика, который, какъ это и предвидѣлъ баронъ, зналъ о начальникѣ округа изъ разсказовъ рабочихъ. Оказалось, что окружный помпадуръ имѣетъ репутацію страшно распущенной, безнравственной личности, что въ него даже стрѣлялъ какой-то оскорбленный отецъ, что газеты бросали въ него бомбы грязи, но что онъ удерживаетъ свое положеніе, благодаря связямъ: у него братъ министромъ въ Чукизакѣ, а самъ онъ—въ чинѣ маіора.

Эти сообщенія нисколько не смутили барона. Загадочно смѣясь, онъ пожалъ руку Перкинса, сказавъ ему, что теперь имъ надо быть болѣе соединенными для общихъ работъ будущаго, и т. п. Эти разсужденія болѣе тревожили Перкинса чѣмъ нравились ему,—онъ мало вѣрилъ въ жизнь, да не много, конечно, вѣрилъ и барону.

Дома баронъ увѣдомилъ о своемъ приглашеніи г-жу фонъ-Ванденъ. Отъ нея не ускользнула перемѣна въ немъ за эти дни, и приглашеніе властей встревожило ее.

— Вы, значитъ, хотите устроить военную экспедицію, Риччи? Да?

— Не совсѣмъ военную, собственно... То-есть, по крайней мѣрѣ, теперь,—уклонялся баронъ.

И видя ея тревогу, онъ объяснилъ ей, что опаснаго ничего быть не можетъ. Онъ отстранитъ индѣйцевъ и откроетъ для цивилизаціи Бахчаръ-Итэ, но сдѣлаетъ это безъ борьбы.

Ее не удовлетворяли общія фразы; она судила по непосредственному чувству и представленію. Въ „устраненіи“ индѣйцевъ она видѣла борьбу, насиліе.

— Что же тогда-то? Вѣдь васъ могутъ ранить? Даже и убить?—спрашивала она, блѣднѣя и хмурясь.

— Конечно, это возможно, если я приму участіе въ борьбѣ. Но, разумѣется, я этого не сдѣлаю. Я буду наблюдать грозу подъ защитой крыши! — усмѣхнулся баронъ. И въ глазахъ его отразился цинизмъ увѣреннаго въ себѣ хищника. Въ эти минуты онъ напоминалъ кабатчика русской глуши, поссорившаго между собою пропоицъ-мужиковъ, чтобы за безцѣнокъ овладѣть ихъ „яровыми“.

И она замѣтила это выраженіе. Это успокоило ея страхъ, но въ то же время она почувствовала, что сожалѣніе о быломъ, прошломъ, тоской сжало ей душу. Авантюристка—она все-же была дочь народа, изъ бѣдной, боровшейся за жизнь семьи. Развращеніе не вполнѣ коснулось ея, не убило въ ней человѣческаго сознанія о правотѣ, о добрѣ. Теперь она невольно дѣлала сравненіе съ *тѣмъ*, съ молодымъ индѣйцемъ. И даже мысленно она не хотѣла назвать его по имени, хотя и помнила это имя. Она чувствовала теперь, что до встрѣчи съ нимъ мужъ казался ей болѣе сильнымъ, лучшимъ,—чувствовала, еще не отдавъ себѣ въ этомъ отчета, и, откинувшись въ кресло, она задумалась, не глядя на ходившаго по комнатѣ барона.

Онъ тоже отдавался думамъ, и какъ далеки были они одинъ отъ другого въ эти минуты! Мечты Люси переносили ее опять туда, за океанъ. Тамъ онъ увлекъ ее тѣмъ, чего теперь она уже въ немъ не видѣла. И онъ именно увлекъ ее потому, что тамъ она имѣла свой штатъ „почитателей ея таланта“. Грубость этой лжи не приходила ей въ голову, и она кончила тѣмъ, что и сама повѣрила своему таланту. Она была не изъ послѣднихъ „дивъ“ сезона: ея страстный, пѣвучій голосъ, наружность и фигура, какъ бы созданныя для полу-прикрытой обнаженности „Прекрасной Елены“ и другихъ выставочныхъ ролей, увлекали весьма и весьма многихъ. И она понимала, что могла сдѣлать карьеру, устроиться прочно и почетно, не боясь потомъ уже обличеній зеркала въ ея будуарѣ законной супруги.

И однакоже она отдалась барону по любви, т.-е. безъ разсчета и корысти, забывая или игнорируя и его титулъ барона.

Но тогда его окружалъ благородный ореолъ дуэлиста. Правда, дѣло вышло изъ-за картъ, изъ-за сброшенной со стола шляпы. Но баронъ явилъ тутъ и силу характера, и благородство души. Гордо выдержавъ мучительное прицѣливаніе врага и слегка имъ раненный въ плечо, онъ выстрѣлилъ въ воздухъ, объявивъ, что прощаетъ противника.

Такое прощеніе дурно скрывало месть и, конечно, роняло въ общественномъ мнѣніи противника барона, не возвышая и его самого. Но все это понималось не всѣми, и большинство было на сторонѣ барона.

И она, Люси, переживая тогда весну природы и жизни, отдалась барону, какъ герою ея грезъ, вѣря найти въ немъ ту силу души, въ гордомъ спокойствіи которой таится и любовь, и ласка. Невѣжественная испанка, она выросла подъ вліяніемъ театра, экзальтированная имъ и совсѣмъ уже не подготовленная къ трудовой жизни съ ея прозой. Не мудрено, что наравнѣ съ другими, съ немыслящимъ большинствомъ, въ интересномъ раненномъ героѣ она видѣла и благородство души, и силу характера.

Онъ довольно долго поддерживалъ въ ней эту иллюзію, несмотря на послѣдующія событія совсѣмъ уже не геройскаго характера: онъ долженъ былъ, постыдно скрываясь, уѣхать ночью, избѣгая полицейскаго разслѣдованія по поводу нѣкотораго чека. Люси во-время спасла его, продавъ всѣ подарки обожателей, чтобы устроить общій съ нимъ побѣгъ.

И теперь—странное дѣло! — припоминая, она замѣчала то, чего не видѣла точно тогда.

Онъ совсѣмъ уже не казался храбрымъ въ этомъ побѣгѣ. Мертвенная блѣдность его лица обращала на него вниманіе кондукторовъ и пассажировъ ночного, къ счастью, поѣзда. Потомъ въ отелѣ, въ ожиданіи бразильскаго парохода, онъ чуть не слегъ отъ страха ареста. Въ шагахъ поднимавшагося по лѣстницѣ со щеткой слуги ему слышались жандармы; подъѣзжавшій къ отелю экипажъ подвозилъ переодѣтую полицію; въ личностяхъ table-d'hôte'а онъ видѣлъ прокурора или слѣдователя. И это длилось до полученія успокоительной телеграммы изъ Берлина: его тетка, придворная дама, взяла на себя издержки и трудъ „потушить" дѣло, для спасенія фамильной чести фонъ-Ванденовъ.

Въ четыре часа къ дому барона, поднимая пыль по тихой улицѣ, подъѣзжалъ начальникъ округа со своей небольшой сви-

той. Замѣтно выдѣляясь, онъ ѣхалъ впереди на красивомъ сѣромъ иноходцѣ. Сбоку, и точно сдерживая коня, ѣхалъ Лассардіа, на этотъ разъ въ формѣ полицейскаго офицера. Сзади нихъ тряской рысью на дрянныхъ заморенныхъ лошадяхъ частили два полицейскихъ солдата-негра въ красныхъ кепи и парусинныхъ загрязненныхъ парахъ съ мѣдными пуговицами.

Подъѣхавъ къ рѣшеткѣ сада, первымъ спѣшился сеньоръ Кортэсъ.

На видъ это былъ еще не старый, но преждевременно потучнѣвшій господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ и рѣзко военнаго типа. Его лицо, почти квадратное, съ отвислыми внизъ щеками, было смугло; подъ козырькомъ кепи, съ галунами и шитьемъ маіора, глядѣли небольшіе черные, хитро бѣгающіе глаза, несмотря на заносчивое выраженіе всей физіономіи. Щетинистые черные усы были комично зачесаны отъ угловъ рта кверху и держались пучками. Ноздри приплюснутаго, точно вдавленнаго по срединѣ носа тоже поднимались отъ этого кверху. Спрыгнувъ съ коня и держа поводья одной рукой, онъ снялъ другой рукой кепи, обнаживъ голову. Его коротко остриженные черные волосы не скрывали формы головы—широкая внизу, съ челюстями и ртомъ бульдога, кверху она была сжата съ боковъ, какъ у австралійскаго дикаря. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлую пару. Его короткій пиджакъ, двубортный, съ блестящими золочеными пуговицами, застегнутый до горла, которое окружалъ туго накрахмаленный воротничокъ рубашки, поднялся сзади кверху, не скрывая очертанія тѣла. Въ общемъ, по физіономіи и фигурѣ онъ былъ и комиченъ, и непріятенъ по первому впечатлѣнію. Стоя въ полуоборотъ, онъ крикнулъ подъѣзжавшимъ солдатамъ:

— A ver [1]), Каманчо! Поторопитесь!

Быстро спрыгнувъ съ лошадей, негры торопливо отдали ихъ поводья Лассàрдіа и бѣжали къ маіору. Одинъ изъ нихъ принялъ поводья его лошади, а другой держалъ въ рукахъ саблю съ болтающимся темлякомъ и портупеей. Произошла комичная сцена: повелитель, надѣвши кепи и важно насупившись, поднялъ обѣ руки, держа ихъ горизонтально, точно благословляя или собираясь вспорхнуть, а сбоку негръ, подобострастно поднявъ край пиджака и не рѣшаясь его разстегнуть, опоясывалъ начальника штабъ-офицерской портупеей изъ золотого галуна. Послѣ этого маіоръ, держа въ рукѣ рукоятку сабли, пошелъ къ двери

---

[1]) *Ver* значитъ *видѣть*, но повелительное: „à ver!“—равносильно нашему: „эй“ или „послушай“!

рѣшетки, ведшей на террасу, гдѣ уже почтительно ждалъ его Гансъ, чтобы провести его и Лассардіа въ гостиную. Послѣдній почтительно слѣдовалъ за маіоромъ, держа въ рукахъ большой затасканный портфель.

Маіоръ Мигуэль Саенцъ-Кортэсъ оказался человѣкомъ гостиной. Несмотря на выпяченную грудь и отставленную впередъ саблю, его ноги, обутыя въ блестящія ботинки, не спотыкались о ковры гостиной, издавая мягкій звонъ шпоръ. Кланялся онъ какъ-то въ полъ-корпуса, т.-е. грудь и голова не наклонялись. Голосъ былъ смягченъ любезностью тона. Отрекомендовался онъ изящно-увѣренно, назвавъ себя по имени и фамиліи, а не по чину и должности. Баронъ представилъ его женѣ, и маіоръ, ловко шаркнувъ въ бокъ ногами со звономъ шпоръ, очутился передъ ней, почтительно пожимая ей руку, въ то время какъ его глаза скользили по всей фигурѣ Люси.

— Сеньора! несказанно счастливъ имѣть честь познакомиться. И если въ чемъ могу быть полезнымъ, прошу васъ не забывать меня, сеньора.

Вслѣдъ затѣмъ баронъ, уже безъ тѣни прежняго скучающаго высокомѣрія, представилъ и Лассардіа, какъ „префекта нашего города“,—представилъ въ любезномъ и вѣжливомъ тонѣ.

Хозяйка дома предложила садиться и заняла софу. Маіоръ положилъ кепи на рояль и сѣлъ противъ нея въ кресло, между барономъ и Лассардіа, скрестивъ ноги и качая одной ногой. Лассардіа опустилъ на полъ свой портфель, прислонивъ его къ ножкѣ кресла.

Маіоръ заговорилъ о пріятномъ для него и правительства долгѣ и обязанности содѣйствовать дѣятельности барона,—фразами, видимо подготовленными. Баронъ наблюдалъ не безъ интереса этотъ экземпляръ боливійской администраціи, рѣшивъ дать ему самому подойти къ цѣли посѣщенія. У него уже складывался планъ дѣйствій. Заговорили о Санъ-Педро, о мѣстной природѣ, о пріятностяхъ и непріятностяхъ мѣстной жизни. Лассàрдіа больше вставлялъ фразы, чѣмъ принималъ участіе въ разговорѣ. Маіоръ, говоря объ Айкъ-Итэ и жизни въ лѣсахъ, перешелъ и къ цѣли ихъ rendez-vous, спросивъ барона, когда думаетъ онъ заняться пріобрѣтеніемъ большихъ участковъ земли. Баронъ только и ожидалъ этого.

— Вы ставите меня въ трудное положеніе, маіоръ. Рѣшить это нелегко... Прежде всего, сердечно благодарю васъ за любезность и содѣйствіе! Но дѣло это сопряжено съ большой для меня отвѣтственностью въ будущемъ... Такъ что я думаю пи-

сать объ этомъ сэру Вильяму... и вашему президенту,—чтобы поблагодарить его въ вашемъ лицѣ. Но думаю, что относительно земли надо... надо... дѣйствовать медленнѣе. Дѣло серьезное, согласитесь!

По мѣрѣ того какъ говорилъ баронъ, лицо маіора, комично хмурясь, не скрывало недоумѣнія и неудовольствія,—точно отъ непріятной ему неожиданности. Лассáрдіа зорко наблюдалъ за обоими, а г-жа фонъ-Ванденъ, сдерживая улыбку, кусала свой носовой платокъ.

— Такъ что вы, сеньоръ баронъ, что̀ же, собственно, думаете?—спросилъ маіоръ уже тревожно.

— Я уже сказалъ вамъ... Дѣло это сложно, и отвѣтственность въ исполненіи... серьезная...

— Согласенъ... Хотя при вашемъ умѣ... Но позвольте... Вы, значитъ, хотите отложить межеваніе?

— Да, именно, отложить,—хладнокровно отвѣчалъ баронъ.

— Хорошо... Я этого не ожидалъ... т.-е., лучше сказать, не могъ ожидать. Но позвольте, на сколько же времени думаете вы отложить отмежеваніе участковъ?

— Да, думаю, на два-три мѣсяца, т.-е. пока спишусь и выясню окончательно.

— Что̀ же, собственно, вы хотите выяснить?—недоумѣвалъ бѣдный помпадуръ.

— А видите ли, маіоръ... Это сложно вообще рѣшить теперь,—безцеремонно уклонялся баронъ.

Маіоръ озадаченно посмотрѣлъ на Лассàрдіа, точно спрашивая его о причинахъ такого непонятнаго для него рѣшенія. Лассàрдіа, переложивъ ногу на ногу, медленно обернулся къ барону.

— Позвольте, сеньоръ баронъ, черезъ три мѣсяца и даже раньше нельзя будетъ межевать землю.

— Почему же это?—спросилъ баронъ.

Маіоръ видимо не понималъ тоже, но „чуялъ“ помощь.

— А потому что начнется періодъ дождей. Тогда особенно неудобны ручьи и ихъ разлитіе.

— Да, да!—подхватилъ маіоръ.—Тогда, знаете ли, топи въ лѣсахъ и проѣхать даже трудно! Да, вы это сочтите, сеньоръ баронъ. Я этого не подумалъ, т.-е., лучше сказать, я это все-таки могъ подумать,—важно добавилъ онъ.

Г-жа фонъ-Ванденъ поднесла платокъ къ губамъ. Баронъ холодно покосился на нее.

— И долго длятся дожди?—ледянымъ тономъ спросилъ онъ у Лассàрдіа.

— Около трехъ мѣсяцевъ. Но потомъ, несмотря уже на хорошую погоду, въ лѣсахъ непріятно отъ лихорадокъ и москитовъ,—отвѣчалъ Лассàрдіа.

— Да, да... Тогда непріятно... Вамъ надо это взять во вниманіе,—говорилъ маіоръ.

Баронъ соображалъ, гладя усы и смотря въ окно на улицу.

„Онъ, значитъ, сильно хочетъ устроить дѣло, — мелькнуло у него въ головѣ;—тѣмъ лучше, я заставлю его дѣйствовать...“— И ему припомнился Талейранъ: „языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать наши мысли“.

— Хорошо, маіоръ,—заговорилъ онъ, принявъ озабоченный видъ, — я уже благодарилъ васъ за содѣйствіе, и въ томъ же смыслѣ буду писать и въ Чукизаку... Это сообщеніе о дождяхъ заставляетъ меня... посовѣтоваться съ вами прежде всего... Какъ же вы думаете объ этомъ?

Раздумье барона и его вопросъ видимо обрадовали маіора. Онъ оживился, брякнувъ шпорами.

— Чтò я думаю? Помилуйте! Конечно, сеньоръ баронъ, вамъ надо приступить къ дѣлу немедленно же. Это... это... необходимо... Потому что видите ли... въ вашихъ же интересахъ. Пріѣздъ мой сюда... Уже два мѣсяца какъ я далъ свѣдѣнія, т.-е. отвѣтилъ въ Чукизаку, и—теперь отложить!.. Это непріятно и мнѣ... и... брату. Я говорю это вамъ откровенно.

Баронъ насторожилъ уши. Прежде всего онъ хотѣлъ скрыть свое незнаніе хода дѣла.

— Уже два мѣсяца какъ вы писали въ Чукизаку?—безмятежно спросилъ онъ.

— Да! и даже больше, думаю. Гг. Бромлей, черезъ посредство нашего посланника въ Аргентинѣ, снеслись съ министерствомъ. И конгрессъ рѣшилъ заселеніе границъ, уступая зѐмли почти даромъ... Гг. Бромлей вамъ это писали, конечно?

— Для меня это было бы лишнимъ, дѣло началось по моей иниціативѣ,—отвѣчалъ баронъ.

— А-а... Д-да... Я это... это подозрѣвалъ! — съ апломбомъ сказалъ ничего не подозрѣвавшій маіоръ, съ уваженіемъ смотря на барона, злобно думавшаго о писаніяхъ гг. Бромлей при совершенномъ игнорированіи его, барона.

„Но я скоро заставлю ихъ иначе смотрѣть на меня!“—рѣшалъ онъ мысленно.

— Вашъ братъ, сеньоръ Кортэсъ, уже давно министромъ? —спросилъ онъ, помолчавъ.

— Два года уже. Вамъ объ этомъ писали?

— Да, конечно. Но я думаю, что это не будетъ ему непріятно,—вывѣдывалъ баронъ.

— То-есть, непріятна тутъ оппозиція... президенту и ему... Газеты съ ихъ крикунами. Со стороны Чили, вы знаете... примиренія быть не можетъ. Военное вѣдомство организовано братомъ совершенно по-европейски, но въ заселеніи границъ заинтересованъ и онъ.

Баронъ продолжалъ задумчиво гладить усы, пока маіоръ съ жаромъ говорилъ о положеніи страны, злобно негодуя на либерализмъ палатъ. Послѣ чилійской войны Боливія не можетъ подняться, и конгрессъ не вотируетъ на военное министерство ни одного пэзо экстренныхъ расходовъ. Обереженіе границъ, внутренняя стража, отраженіе индѣйцевъ — все это надо дѣлать административными мѣрами. Кажется, еще немного—и дойдутъ до позора, до упраздненія арміи! Теперь такое настроеніе въ законодательномъ лагерѣ, и его поддерживаютъ газеты въ пику президенту. Теперь дѣлается все возможное для привлеченія эмиграціонныхъ элементовъ съ ихъ рабочими руками и капиталами для развитія промышленности и культуры страны. Все это хорошо, но гг. камаристы заходятъ далеко: землю съ ея лѣсами отдаютъ почти ни за что! Но это продлится недолго.

Баронъ уже прозрѣвалъ, что маіоръ едва ли могъ бы думать все это самъ. Онъ видимо пѣлъ заученное съ чужого голоса, или, вѣрнѣе, съ голоса брата-министра. Но положеніе было не лишено вѣроятія. Настроеніе чукизакскихъ ораторовъ можетъ измѣниться и въ одинъ мѣсяцъ создать другой порядокъ вещей.

И онъ заговорилъ о трудностяхъ межеванія въ дикихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, и объ опасностяхъ тропическихъ лѣсовъ:— тамъ змѣи, болѣзни, звѣри и, наконецъ, дикари. Все это надо принять въ разсчетъ. Въ тонъ ему заговорила и Люси: она рѣшительно боится такихъ экскурсій и знаетъ напередъ, что эти отъѣзды Риччи измучатъ ее страхомъ за него.

Она говорила, точно декламируя любовный монологъ, и видимо волновала смуглаго маіора. Онъ торжественно „поклялся честью родины и шпаги“ оберегать ея благороднаго супруга какъ свое дитя. „Какъ свое дитя, сеньора!“—воскликнулъ онъ, стукнувъ въ полъ саблей. Сдерживая хохотъ, Люси почувствовала въ себѣ артистку прежнихъ дней... Устремивъ на него страдающій взглядъ, она сказала, что не допуститъ этихъ поѣздокъ, если для Риччи не дадутъ вооруженнаго отряда.

Маіоръ немедленно согласился удовлетворить эту просьбу, выславъ отрядъ въ 25—30 человѣкъ по первому же требованію

барона и на время, которое онъ сочтетъ нужнымъ. Но это онъ дѣлаетъ только для спокойствія сеньоры, такъ какъ опасности нѣтъ. Лѣса почти необитаемы — индѣйцы ушли далеко за границы Бразиліи, а небольшія группы оставшихся живутъ охотой и огородничествомъ. Войнъ между ними нѣтъ. Для удобства передвиженія и переноски инструментовъ, цѣпей съ желѣзными значками, эшелоновъ и т. п., онъ дастъ фургонъ мѣстной окружной команды, палатку и всѣ удобства. Мѣстности вокругъ Санъ-Педро вообще здоровы и живописны, а дороги для проѣзда въ сухое время есть всюду даже и за Бахчаръ-Итэ, и перейдя границу даже.

— А что же это... Бахчаръ-Итэ? Тамъ есть поселеніе?

— Да, жители есть. Нѣсколько хижинъ индѣйцевъ. Это отсюда около сорока миль.

— Но это уже будетъ Бразилія...

— Бразилія! Что вы это!—удивился маіоръ.—Наша территорія, по послѣдней конвенціи, идетъ до Игуэ. Ну, конечно, жители думаютъ, что это уже Бразилія. Но это еще мой округъ.

Баронъ едва сдерживалъ радость: это открытіе значительно упрощало его задачу. Радость хищника, которому точно помогаетъ сама судьба, овладѣвала имъ, но онъ оставался спокойнымъ. Изъ разспросовъ его о Бахчаръ-Итэ оказалось, что прежде тамъ были обширныя колоніи іезуитскихъ миссій, теперь изгнанныхъ. При іезуитахъ мѣста эти носили священныя названія — „valle de San Antonio", „de San Ignatio", т.-е. долина св. Антонія или св. Игнатія. Теперь всѣ эти святости забылись, и мѣсто называется по-индѣйски же: Айкъ-Итэ значитъ „быстрая вода", Бахчаръ-Итэ — „высокая вода". *Игуэ*, т.-е. *темно* или *темнота*—назвали густую темную чащу на границѣ Бразиліи, т.-е. лѣсъ непроходимый. Въ Бахчаръ-Итэ іезуиты съ „обращенными" индѣйцами устроили плотину и, спуская воды озера по долинамъ съ именами святыхъ, собирали богатыя жатвы риса. Колоніи были богатыя, оттуда шло много всего въ Европу по Ла-Платѣ. Но и теперь тамъ много золота въ „жилахъ" камней и по ручьямъ. Индѣйцы приносятъ его въ Санъ-Педро и мѣняютъ на водку или табакъ.

Баронъ невозмутимо слушалъ. Мысль о томъ, что маіоръ можетъ знать о приходившихъ къ нему индѣйцахъ, заняла его воображеніе.

Въ Санъ-Педро все на виду, и домъ его, барона,—тѣмъ болѣе. Основываясь на этомъ, онъ сообщилъ Лассардіа и маіору о по-

сѣщеніи индѣйцевъ и спросилъ у обоихъ, что̀ это за народъ эти индѣйцы, по ихъ мнѣнію.

— Видите ли... сеньоръ баронъ... это... это не должно васъ безпокоить!—отвѣчалъ маіоръ. Но при этомъ онъ и хмурился, и точно стѣснялся, но на вопросъ о Нисахъ-Керрў сообщилъ не мало интереснаго или, по общепринятому выраженію, страннаго.—Лечитъ онъ магнетизмомъ,— недоумѣвающе говорилъ маіоръ и при этомъ извинялся за это неприличное, по его понятію, слово. Онъ сначала хотѣлъ запретить это леченіе—неприлично... Да и... и... колдовство. Хотя, конечно, этому не надо вѣрить... Но, однакоже, лечитъ. И успѣшно. Помнетъ руками больное мѣсто и вылечитъ. Какъ человѣкъ—онъ не дурной. Честный. И ничего не боится въ лѣсахъ... Жалѣетъ бѣдныхъ и особенно своихъ земляковъ. Но въ то же время скверная личность (personage de canálla)! Сумасшедшій. Вѣруетъ въ какого-то ихняго Великаго Духа. Отказался отъ крещенія, несмотря на награды. Гордецъ, дурацкій фантазеръ.

Дальнѣйшія сообщенія маіора окружали личность индѣйца ореоломъ таинственности. Изъ разслѣдованій на этотъ счетъ оказалось, что много лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ, его племя было захвачено правительствомъ Боливіи за производимые имъ грабежи миссій и поселеній. Отецъ его, какъ кацикъ племени, былъ разстрѣлянъ наравнѣ съ наиболѣе выдающимися индѣйцами. Молодыхъ индѣйцевъ правительство опредѣлило на суда эскадры. Нисахъ-Керрў попалъ юнгой на фрегатъ, командиръ котораго былъ старымъ „морскимъ волкомъ". Дезертирство было сильно въ бразильскомъ флотѣ, по строгости режима того времени, и потомъ дезертиръ-морякъ сразу попадалъ въ лучшія условія: приходящія европейскія суда не мало оставляютъ въ Бразиліи заболѣвающихъ отъ климата или умирающихъ матросовъ. Дезертиры выгодно замѣняли этотъ пробѣлъ, и въ числѣ другихъ на этотъ путь попалъ и Нисахъ-Керрў. Его принялъ юнгой же или матросомъ какой-то англійскій шкиперъ, отплывавшій съ грузомъ кофе и хлопка. Гдѣ именно онъ плавалъ—неизвѣстно; но потомъ открылось, что онъ былъ и долго жилъ въ Остъ-Индіи и что отъ индусовъ у него на тѣлѣ есть какіе-то священные знаки; что они же и научили его и докторству, и колдовству, и разной бѣсовщинѣ. Ему, маіору, это положительно извѣстно потому, что бывшій въ прошломъ году одинъ англичанинъ-географъ говорилъ съ Нисахъ-Керрў по-англійски, а потомъ просилъ его, маіора, убѣдить индѣйца наняться проводникомъ для его экскурсій. Но индѣецъ отвѣчалъ,

что онъ вернулся на родину, чтобы охранять своихъ земляковъ отъ бѣлыхъ, а не служить бѣлымъ, и что деньги ему не нужны.

Появленіе Ганса, пришедшаго доложить г-жѣ фонъ-Ванденъ, что чай готовъ, прервало иллюзію разсказа маіора. Хозяйка дома медленно и томно поднялась съ софы, обращаясь къ гостямъ:

— Господа, я думаю, вамъ пріятнѣе будетъ пить чай въ саду, а не здѣсь?

Сидѣвшіе встали, и маіоръ ловко расшаркался передъ нею.

— Всякое ваше предложеніе прелестно (delicioso), сеньора!

Повернувшись какъ-то бокомъ, онъ взялъ съ рояля свой кепи и подвинулся къ Люси, предлагая ей руку.

— Сдѣлайте мнѣ честь, позвольте васъ вести къ чаю, сеньора.

Она разсмѣялась, скользнувъ по немъ взглядомъ опытной женщины. Толстый и точно неуклюжій по виду, онъ былъ ловокъ въ движеніяхъ. Самое безобразіе его было комично, но не непріятно, а простодушно-увѣренный въ себѣ тонъ его „causerie“ могъ интересовать.

— Благодарю васъ! Вы вполнѣ заслуживаете ваше имя, сеньоръ Кортэсъ [1]), — отвѣчала Люси, продѣвая въ его толстую руку свою бѣлую ручку и направляясь съ нимъ къ выходу. Подъ руку съ Люси маіоръ представлялъ собой олицетвореніе торжества. Выпятивъ впередъ грудь и держа саблю на отлетѣ, онъ легко и ловко велъ по дорожкѣ къ павильону свою даму, идя со звономъ шпоръ въ „кадансъ“ ея шаговъ, какъ-то ровно дрыгая толстыми ногами. Въ немъ угадывался и танцоръ, и дамскій угодникъ.

— Вашъ начальникъ—очень ловкій кавалеръ, — говорилъ баронъ, обращаясь къ Лассáрдіа, который опять овладѣлъ своимъ портфелемъ. Они пошли рядомъ за Люси и маіоромъ.

Лассáрдіа улыбался какъ-то принужденно. Баронъ замѣтилъ, что этотъ молчаливый малый, почти не принимая участія въ разговорѣ, съ интересомъ слѣдилъ за нимъ, точно ожидая чего-то.

Въ павильонѣ, на бѣлоснѣжной скатерти круглаго стола, чай былъ сервированъ по всѣмъ правиламъ five o'clock tea. Не были забыты ромъ, коньякъ и какая-то золотисто-оранжевая благоухающая наливка. Люси, отпустивъ стоявшаго съ салфеткой въ рукѣ Ганса, принялась наливать чай, угощая гостей и искоса посматривая на мужа. Разговоръ сдѣлался общимъ, перейдя на

---

[1]) Cortés (кортэсъ) по-испански значитъ вѣжливый, угодливый.

будущее покореніе лѣсовъ, и маіоръ уже называлъ барона „просвѣтителемъ" ихъ края, „устроителемъ прогресса" и т. п. При этомъ, любовно глядя на бутылки, точно соображая о ихъ вмѣстимости, онъ подливалъ въ стаканъ рому, игнорируя уже чай.

Къ удивленію Люси, баронъ тоже пилъ не мало. Это просто пугало ее, и она рѣшила отвлечь ихъ отъ стола музыкой или прогулкой по саду. Прежде всего она разрѣшила имъ курить, о чемъ они забыли въ своемъ оживленномъ разговорѣ. Всѣ трое задымили передъ налитыми рюмками, и баронъ отъ общаго опять перешелъ къ частному, то-есть къ Бахчаръ-Итэ. Люси понимала невозможность своихъ попытокъ. Изъ портфеля Лассáрдіа появился на столѣ планъ округа съ межевыми знаками его границъ по послѣдней конвенціи съ Бразиліей. Вся мѣстность округа гидрографически представляла сѣть водяныхъ путей почти въ одномъ направленіи—къ системѣ Амазонки, а начало истоковъ получалось съ сѣвера. Участокъ Бахчаръ-Итэ состоялъ изъ узкихъ долинъ или лощинъ, почти параллельно раздѣленныхъ между собою цѣпью холмовъ. Орографія мѣстности показывала, что лощины служили русломъ водяныхъ путей, и баронъ зналъ о золотыхъ богатствахъ именно въ наносныхъ пластахъ. Разспрашивая маіора и Лассáрдіа, онъ понялъ, что золотопромышленность можетъ дать доходъ и въ другихъ пунктахъ округа, но Бахчаръ-Итэ — несомнѣненъ; такъ что колебаться барону нечего.

И слушая ихъ, баронъ понималъ, что если участіе ихъ и не безкорыстно—чиновники глуши, въ улучшеніи страны они видѣли собственное улучшеніе,—то и не ложно, относительно говоря. И вліяя на нихъ „давленіемъ свыше", ведя дѣло съ тактомъ, можно заставить ихъ „оттѣснить" всѣхъ этихъ „керрý" безъ столкновеній, опасныхъ лично для него, барона. Посылать теперь Ганса ему казалось уже лишнимъ. Овладѣвъ Бахчаръ-Итэ, онъ откроетъ тамъ эти камни съ золотомъ... За водку индѣйцы покажутъ все —это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Нисахъ-Керрý, эта между ними исключительная личность, будетъ побѣжденъ общимъ ходомъ дѣлъ. И наконецъ, разъ ему не дали ни указаній, ни образчиковъ руды — нѣтъ и обязательствъ, клятвъ Великому Духу, грому и т. п.

Перейдя къ переговорамъ о покупкѣ Бахчаръ-Итэ на свое имя (по особымъ договорамъ между нимъ и гг. Бромлей), онъ заявилъ, что, какъ заинтересованное лицо, онъ не можетъ произвести межеваніе земли самому себѣ. Оказалось, что на этотъ счетъ маіоръ уже имѣетъ предписаніе отъ Ministerio del Hacienda, на основаніи котораго межеваніе будетъ произведено окружнымъ землемѣромъ при участіи и контролѣ барона. Просмотрѣли и по-

становленіе о стоимости продаваемой земли. Оказалось, что при пріобрѣтеніи ея за наличныя деньги, безъ льготъ въ уплатѣ, баронъ за шестьсотъ-двадцать-четыре боливійскихъ пэзо сдѣлается собственникомъ громаднаго участка земли со всѣми ея лѣсными богатствами, съ правомъ продажи ея другому лицу послѣ ввода во владѣніе. Актъ же этого ввода немедленно выдается покупателю: а) по полной уплатѣ стоимости отмежеваннаго участка; б) прямого государственнаго налога (contribucion directo) за текущій годъ, и в) по постройкѣ въ районѣ отмежеваннаго участка какого-либо зданія или строенія, стоимость котораго должна быть не менѣе $^2/_3$ стоимости участка. Всѣ эти условія были легко исполнимы для барона, и онъ рѣшился дѣйствовать.

— Скажите, маіоръ, вамъ надо оффиціально заявить о моемъ желаніи покупки?—спросилъ онъ.

— Да. Вамъ надо подать прошеніе на имя начальника округа, т.-е. мнѣ. Чтобы съэкономить время, если хотите,—первыя формальности можемъ сдѣлать здѣсь же.

Баронъ, помолчавъ съ минуту, вдругъ всталъ и точно выпрямился озабоченно и серьезно. Его красивые глаза посоловѣли, но держался и говорилъ онъ твердо и увѣренно.

— Сеньоръ маіоръ! Я прошу вашего честнаго слова солдата въ вашемъ содѣйствіи... вооруженномъ, если мнѣ это понадобится... Слово солдата, сеньоръ!

Маіоръ тоже всталъ, восхищенный и гордый. Его смуглое лицо отъ возліяній получило цвѣтъ темнаго кирпича; пучки усовъ непоколебимо торчали кверху.

— Сеньоръ баронъ, вы были? Ну, а я и до сихъ поръ солдатъ, сеньоръ! Вѣрьте же моему слову и моему оружію!

И сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ протянулъ руку, пожимая руку барона, обѣщая дать ему взводъ милиціи въ восемнадцать человѣкъ рядовыхъ, подъ командой унтеръ-офицера (sargento), верховыхъ и вооруженныхъ „отъ округа“ и десять человѣкъ солдатъ полицейскаго состава. Силы эти будутъ въ полной зависимости отъ барона фонъ-Вандена, который при томъ на содержаніе ихъ не потратитъ ни одного centano.

— Хорошо, маіоръ. Содѣйствуя мнѣ, вы содѣйствуете культурнымъ видамъ правительства... И, конечно, оно замѣтитъ нашу общую дѣятельность!.. Но у меня есть еще просьба! Послѣдняя...

— Не просьба, а приказаніе, сеньоръ! Что могу еще сдѣлать вамъ полезнаго?

Баронъ оперся рукой о край стола въ позѣ оратора. Г-жа

фонъ-Ванденъ, блѣднѣя и хмурясь, наблюдала эту сцену. Лассáрдіа, болѣе трезвый, поднялъ голову отъ плана и смотрѣлъ серьезно, точно раздумывая что-то.

— Коснемся послѣдняго пункта, господа, и разъ онъ рѣшенъ утвердительно и ясно, я подаю вамъ прошеніе, маіоръ,— рѣшительнымъ тономъ сказалъ баронъ.—Намъ извѣстно, что въ Бахчаръ-Итэ живутъ индѣйцы. Пріобрѣтая участокъ, я не могу допустить на немъ подобное населеніе! Элементы такого рода... противные прогрессу... Я прошу немедленнаго выселенія ихъ.

Это нисколько не удивило все рѣшающаго маіора, и во взглядѣ, которымъ онъ обмѣнялся съ Лассáрдіа, видно было, что онъ совершенно согласенъ на это требованіе. По его приказанію, Лассáрдіа нашелъ § 8 узаконеній объ индѣйцахъ, которые, „при неимѣніи осѣдлости и опредѣленныхъ занятій, должны быть удаляемы по требованію землевладѣльца, мѣрами полицейской власти; причемъ сопротивляющіеся подвергаются аресту и употребленію на публичныя работы при улучшеніи дорогъ и сохраненіи каналовъ“.

— Но они живутъ тамъ осѣдло, - безстрастно замѣтилъ Лассáрдіа.

Маіора это замѣчаніе взбѣсило, и торчавшіе неподвижно пучки его усовъ отъ движенія губъ какъ-то особенно задергались. Онъ сказалъ, что законодательство выяснило „осѣдлость“, но что, въ общемъ, во всѣхъ другихъ параграфахъ ясна тенденція его—покровительствовать заселенію и культурѣ. Это ясно! Баронъ не допускаетъ ихъ на своемъ участкѣ, и имѣетъ право, и надо покровительствовать этому праву. Рѣшили, что баронъ въ своемъ прошеніи включитъ этотъ пунктъ. Прошеніе было быстро написано дѣловымъ Лассáрдіа, и въ немъ баронъ, прося объ отводѣ ему участка Бахчаръ-Итэ, въ то же время просилъ и „о возможно быстромъ выселеніи кочующихъ индѣйцевъ, какъ гарантіи собственности и жизни цивилизованныхъ поселенцевъ и строителей въ пріобрѣтенномъ районѣ, согласно параграфамъ покровительствующаго закона страны, для преуспѣянія ея цивилизаціи на почвѣ законности и культуры“.

Фразеологія принадлежала барону и была только ороографически подправлена Лассардіа. Маіоръ былъ въ восторгѣ отъ стиля и ума барона. Важно насупившись, онъ написалъ подъ подписью барона слѣдующую „резолюцію“:

„Съ полученіемъ сего, предписываю вамъ, сеньоръ коррехидоръ, отправиться лично въ мѣста пребыванія индѣйцевъ и выселить ихъ изъ района Бахчаръ-Итэ, считая отъ нижеписаннаго

числа въ десятидневный срокъ, и о послѣдующемъ немедленно же донести".

Подписавъ эту „резолюцію", онъ отдалъ бумагу Лассáрдіа, который приложилъ подъ подписью маіора печать начальника округа, съ государственнымъ гербомъ Боливіи.

— Но позвольте, господа,—вмѣшалась Люси,—вы, значитъ, прогоняете индѣйцевъ? Да?

— Ну, да, конечно!—отвѣчалъ ей съ недоумѣніемъ баронъ.

— Хорошо... Но они могутъ вернуться? И... и... разсерженные! Чтò же тогда, напримѣръ?

Маіоръ улыбался; Лассáрдіа смотрѣлъ исподлобья серьезно, а баронъ вздернулъ плечами.

— Оставьте ваши страхи, Люси! — сухо сказалъ онъ.— Вернувшись, они будутъ еще менѣе опасны.

И онъ объяснилъ свой планъ быстраго покоренія Бахчаръ-Итэ. Вслѣдъ за выселеніемъ индѣйцевъ, онъ переведетъ на ихъ мѣста три или четыре артели рабочихъ изъ Айкъ-Итэ. Въ двѣ недѣли поставятся бараки и создастся поселеніе. Это первый шагъ. Съ началомъ же работъ тѣ же индѣйцы придутъ просить работы и хлѣба. Ихъ примутъ мало-по-малу, съ осторожностью и тактомъ. Они сольются съ общей массой рабочихъ и цивилизуются. При этомъ онъ не чуждъ великодушія или гуманности. При выселеніи индѣйцевъ, онъ поможетъ имъ платьемъ или пищей,—поможетъ... Но нельзя оставить ихъ. Надо, чтобы они пришли потомъ сами, понявъ необходимость работы и силу цивилизаціи, т.-е. уже покоренные.

Планъ такого покоренія былъ не лишенъ продуманности, и маіоръ видѣлъ въ немъ и высокія качества германской интеллигенціи, и тактъ администратора. Цивилизаторы рѣшили послать завтра же отрядъ съ помощью для индѣйцевъ, которую имъ дастъ баронъ фонъ-Ванденъ, но и съ приказаніемъ немедленнаго выселенія изъ Бахчаръ-Итэ. Десятидневный срокъ значился на бумагѣ для легальности, „на всякій случай"; на дѣлѣ же надо было дѣйствовать быстро,—съ американской быстротой создать поселеніе въ Бахчаръ-Итэ до наступленія дождей.

Остановившись на этомъ, собесѣдники почувствовали себя хорошо; съ обѣихъ сторонъ отлетѣли сомнѣнія, и ихъ замѣнила обоюдная сплоченность. Хозяева просили гостей остаться обѣдать, т.-е. вмѣстѣ окончить день. Маіоръ не заставилъ себя долго просить и приказалъ, черезъ Лассáрдіа, солдатамъ уѣхать, задать кормъ лошадямъ и немедленно же приготовить въ подгородномъ загонѣ лошадей и муловъ для завтрашняго отряда.

Обѣдали тоже въ павильонѣ, уже при свѣтѣ китайскихъ фонариковъ, въ предупрежденіе отъ москитовъ. Потомъ опять прошли въ гостиную, гдѣ Люси, не ожидая просьбъ, сѣла за рояль. Точно желая подавить свои внутреннія ощущенія, она артистически-бурно сыграла вальсъ „il Bacio“, потомъ „Аррагонскую хоту“, потомъ еще что-то, не менѣе гремящее, точно сверкающее звуками и несущееся волнами... И ничего дѣйствительно музыкальнаго, зовущаго въ міръ звуковъ... Баронъ, стоя за табуретомъ жены, перевертывалъ листы нотъ, и они потомъ бездушно-красиво спѣли дуэтомъ „Die Wacht am Rhein“.

Разстались не поздно, точно приготовляясь,—не говоря объ этомъ,—къ завтрашнему дню. Маіоръ и Лассàрдіа пошли пѣшкомъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсячнаго серпа, по улицамъ Санъ-Педро, до „правительственнаго дома“.

Утро слѣдующаго дня привлекло къ нему не мало любопытныхъ, смотрѣвшихъ на „экспедицію“. Между верховыми лошадьми и нагруженными мулами сновали солдаты, съ ружьями за спиной и съ саблями, поправляя сѣдла и грузъ.

Въ числѣ начальствующихъ лицъ, подъ аркой входа правительственнаго дома, былъ и баронъ. На этотъ разъ его обычное tenue замѣнялъ военный, ловко сидѣвшій на немъ костюмъ. Бѣлоснѣжный китель съ золочеными пуговицами, рейтузы, ботфорты со шпорами, офицерская фуражка, бѣлыя перчатки и прямая прусская сабля...

Когда отрядъ выстроился въ линію, маіору и барону подвели лошадей. Послѣ обычныхъ словъ команды, они верхомъ поѣхали во главѣ отряда. По бокамъ улицъ изъ всѣхъ домовъ вышли жители, глазѣя на проѣзжающихъ. Отрядъ остановился у рѣшетки сада барона, гдѣ спѣшившихся солдатъ угостили водкой и закуской.

Послѣ этого маіоръ и баронъ—опять-таки во главѣ отряда—сдѣлали съ нимъ около двухъ миль пути, и вернулись въ Санъ-Педро, довольные и отрядомъ, и своими подвигами.

Черезъ недѣлю отрядъ вернулся, покоривъ Бахчаръ-Итэ. Выселенные индѣйцы должны были оставить свои жилища, несмотря на сопротивленіе. Присланную барономъ помощь, состоявшую изъ одежды, муки, табаку и т. п., индѣйцы сочли платой за золото, данное ими барону, и не хотѣли оставлять жилища, но уступили силѣ. Нестройная, озлобленная толпа ихъ, при воѣ и рыданіи женщинъ, ушла къ границамъ Бразиліи, къ Игуэ. По приказа-

нію начальника отряда, жалкія жилища индѣйцевъ были разрушены и сожжены, еще до ухода ихъ обитателей, чтобы показать имъ, что о возвращеніи въ нихъ не можетъ быть и рѣчи.

Эти новости сообщилъ барону Перкинсъ, видимо неохотно и не сразу, давая ему понять, что о погромѣ знаютъ рабочіе, виня въ немъ барона и его друга-маіора. Баронъ слушалъ, блѣднѣя; его безпокоила эта побѣда, и онъ просилъ Перкинса, „въ ихъ общихъ интересахъ будущаго“ разсѣять это впечатлѣніе. Онъ, баронъ, тутъ ни при чемъ. Дѣло идетъ „свыше“, т.-е. отъ самого правительства страны, которое нуждается въ продажѣ земель. Онъ здѣсь только „административная единица“... При этомъ онъ жалѣетъ бѣдныхъ людей вообще—будь они индѣйцы или эскимосы—для него все равно. Онъ послалъ имъ помощь, жалѣя ихъ. Онъ просилъ внушить это рабочимъ, которые въ Бахчаръ-Итэ устроятся съ нимъ хорошо.

Не безъ гнетущаго безпокойства ѣхалъ онъ изъ Айкъ-Итэ; мысль о Нисахъ-Керрý опять овладѣвала имъ. Проѣзжая по Санъ-Педро, онъ замѣчалъ у домовъ и черезъ изгороди садовъ лица жителей, казавшіяся ему теперь совсѣмъ не дружелюбными. На углу одной изъ улицъ, у дверей мелочной лавки и вмѣстѣ кабака, нѣсколько оборванныхъ негровъ съ жаромъ спорили между собой. До барона донеслись слова: „Бахчаръ-Итэ“ и „разбой“. Онъ проѣзжалъ, по обыкновенію, гордо и на этотъ разъ сдерживая лошадь. Проѣхавъ нѣсколько саженъ, онъ хотѣлъ уже пустить въ галопъ, какъ вдругъ лошадь рванулась въ сторону, едва не сбросивъ его на землю,—комъ земли, брошенный сзади, разсыпался, ударивъ ее въ крупъ. Баронъ поворотилъ ее назадъ и въ два аллюра былъ передъ кабакомъ. Негры исчезли, а двери оказались уже запертыми.

— A vér!—хозяинъ или кто тутъ есть! Пусть выйдетъ!—закричалъ онъ по-испански, блѣдный отъ злобы и съ трудомъ сдерживая пугливаго коня.

На улицу вышла, притворяя за собой дверь, толстая мулатка. Едва сдерживая насмѣшливую улыбку, она спросила барона, что̀ ему надо. Онъ спросилъ, знаетъ ли она стоявшихъ здѣсь негровъ, и кто это осмѣлился кидать въ него комомъ земли?

Мулатка, уже нагло смѣясь, отвѣчала, что никакихъ негровъ она не видала и что если швырнули въ него землей, то надо узнать объ этомъ въ другихъ домахъ. Въ то же время изъ открывавшихся мало-по-малу дверей смотрѣли какія-то лица; за изгородью мелькали фигуры.

Видя, что съ мулаткой онъ только срамится, баронъ хотѣлъ

немедленно же ѣхать въ полицію; потомъ, подумавъ, что это можетъ еще болѣе усилить его непопулярность, ограничился угрозой и ускакалъ, слыша сзади себя торжествующій смѣхъ. Если прежде въ Санъ-Педро къ нему относились глухо враждебно,—теперь эта массовая непріязнь получала форму и выражалась открыто.

Блѣдный отъ злобы, онъ проѣхалъ другими улицами, дѣлая крюкъ, чтобы придти въ себя. Пріѣхавъ домой, онъ осматривалъ сѣдло лошади, ея ноги и спину, чтобы успокоиться, прежде чѣмъ встрѣтиться съ Люси, рѣшивъ скрывать отъ нея свою борьбу и злобу. Какъ жалѣлъ онъ теперь свое вмѣшательство въ военномъ костюмѣ и гарцованіе передъ отрядомъ на глазахъ всей этой дикой орды санъ-педровцевъ! Онъ могъ бы двигать все это дѣло, оставаясь въ тѣни... Онъ понималъ теперь, что это его вмѣшательство было весьма удобно и маіору, и Лассàрдіа... Проклятые хитрые креолы!.. Особенно послѣдній, дѣловитый полуиндѣецъ, молчаливый и наблюдающій. Назначенный руководить выселеніемъ, онъ, не отказываясь прямо, съумѣлъ, подъ предлогомъ службы, остаться въ Санъ-Педро, пославъ на это непріятное дѣло какого-то полицейскаго унтера. И злобно думая объ этомъ, баронъ рѣшилъ, что разъ дѣло устроится и онъ, баронъ, возьметъ бòльшую силу—Лассàрдіа не уцѣлѣетъ коррехидоромъ. Онъ не проститъ ему этой измѣны. Ну, а пока... Путь славы не лишенъ тернистыхъ низменностей. И надо постепенно обрубать эти колючія вѣтви пути, спокойно владѣя нервами, чтобы скрывать все отъ Люси. Къ счастью, она занята испанскими романами Кампоамора и Веги.

И точно въ отвѣтъ на эти думы о ней, Люси встрѣтила его на порогѣ гостиной съ пакетомъ бумагъ и развернутой газетой, присланными изъ округа маіоромъ.

Баронъ рѣшилъ представиться увѣреннымъ въ успѣхѣ дѣла и какъ бы игнорирующимъ его мелочи. Обнявъ ее за талію одной рукой и другой держа за плечо, онъ привлекъ ее къ себѣ, цѣлуя ее въ щеку и шею. Она оставалась холодно-грустной, точно тревожной. Но эти поцѣлуи, какъ въ магической рамкѣ волшебнаго видѣнія, создали передъ ней гордый и прекрасный обликъ того... другого... Въ душѣ воскресалъ взглядъ прекрасныхъ глазъ, въ которомъ она теперь видѣла и грусть, и ласку... Отдаваясь этому образу, влеченію къ нему, она быстро, точно цѣлуя *его*, обожгла холодную щеку мужа своимъ поцѣлуемъ...

Это былъ самообманъ... И несмотря на мимолетную быстроту его, она почувствовала и жизнь, и сіянье радостнаго счастья...

Но это сіянье точно промелькнуло, позвавъ ее... и потухло. Въ горлѣ ея точно стали слезы. Освободясь, она дала мужу газету.

Онъ смотрѣлъ на нее снисходительно, съ отблескомъ страсти въ глазахъ. Въ головѣ его пронеслось: „Она не цѣловала меня *такъ* прежде... Можетъ быть, мы скоро будемъ трое? Тѣмъ лучше!.. Объ этомъ спрошу потомъ... Или это тревога изъ-за моего дѣла? Конечно, она любитъ меня и — эти исторіи... она ихъ боится!.. За меня, конечно!"—тщеславно думалъ онъ, не подозрѣвая, какъ далеко была отъ него въ эти минуты *его* Люси.

— Посмотримъ же газету!—сказалъ онъ, сѣвъ на софу.— „Mensajero del Pueblo" совершенно въ духѣ страны. А-а... Вотъ и статья!—И онъ началъ читать вслухъ:

„Экспедиція изъ Санъ-Педро, которую организовалъ нашъ дѣятельный начальникъ округа, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; индѣйцы Бахчаръ-Итэ, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія административнымъ мѣрамъ сеньора Кортэса, были удалены за предѣлы участка, пріобрѣтеннаго представителемъ капиталистовъ гг. Бромлей, сеньоромъ барономъ фонъ-Ванденъ. Toldos [1]) индѣйцевъ, между которыми оказались больные beri-beri, въ видахъ гигіеническихъ должны были быть сожжены; поэтому баронъ фонъ-Ванденъ, какъ человѣкъ высокой культуры и истинно-христіанской гуманности, оказалъ серьезную помощь нуждающимся индѣйцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ индѣйцы, покоренные благодарностью, войдутъ въ составъ полезнаго рабочаго населенія. Нельзя не пожелать сеньорамъ Кортэсъ и фонъ-Вандену полнаго успѣха въ ихъ дѣятельности во имя цивилизаціи и культуры страны. Ограничиваясь пока этимъ сообщеніемъ, мы вернемся опять къ этому отрадному явленію пробужденія промышленной дѣятельности округа".

Баронъ, прочитывая это, гладилъ усы, видимо довольный.

— Я думаю, что это написалъ маіоръ или кто-нибудь по его просьбѣ... Онъ пишетъ вамъ теперь о солдатахъ и о землемѣрѣ,—сказала Люси, подавая мужу вскрытые пакеты.

Онъ принялся за чтеніе бумагъ, на этотъ разъ уже озабоченно хмурясь. Люси встала и хотѣла уйти. Замѣтивъ это, онъ молча остановилъ ее рукой, продолжая читать.

---

[1]) Toldo, вообще, значитъ „покрышка" или „покровъ"—надъ чѣмъ-либо. Въ Южной Америкѣ это слово означаетъ жилище индѣйца конусообразной формы, состоящее изъ палокъ или жердей, крытыхъ пучками травы или листьями пальмъ.— Beri-beri—родъ европейскаго тифа въ гастрической формѣ, болѣзнь заразительная и особенно опасная для европейцевъ.

— Что̀ такое?—спросила она, остановившись. Баронъ кончилъ чтеніе и сложилъ бумаги.

— Солдаты должны придти завтра. Съ ними же ѣдетъ и землемѣръ, какой-то сеньоръ Риверо. Ему надо отвести комнату у насъ въ домѣ. Мнѣ это нужно для дѣла.

Она въ раздумьѣ согласилась. Рѣшили дать комнату Ганса, постлавъ въ ней коверъ и поставивъ мебель, а Ганса перевести „бивуакомъ" на сѣновалъ около конюшни.

— Хорошо, такъ устройте же это... Землемѣръ пробудетъ не больше дня: послѣ завтра мы вмѣстѣ съ отрядомъ ѣдемъ въ Бахчаръ-Итэ.

Люси слегка поблѣднѣла. Лицо ея оставалось какъ-то холодно-спокойнымъ.

— Ну, а объ *немъ*... ни въ газетѣ, ни въ вашихъ бумагахъ ничего не говорится?—спросила она.

Мысль, что Нисахъ-Керрў тревожитъ и ее, раздражила барона.

— Что же о *немъ* могутъ говорить?! Съ нимъ вѣдь не было никакихъ... клятвенныхъ условій, или вообще условій... съ моей стороны... Такъ что этотъ принцъ тутъ ни при чемъ собственно. Ну, а правительство и совершенно его игнорируетъ! Да и вообще дѣло приняло другой оборотъ, т.-е. внѣ его вліяній и отношеній съ нимъ. Оставьте же ваши страхи. Теперь о *немъ* и думать нечего: выселеніе совершилось, и Бахчаръ-Итэ—уже пустой лѣсъ. Теперь его сопротивленіе и смысла не имѣло бы.

Онъ говорилъ, все болѣе и болѣе оживляясь, убѣждая не ее только, но и самъ чувствуя потребность бравировать, заглушить не засыпавшую въ душѣ тревогу при мысли о мщеніи за „административныя мѣры", воспѣтыя газетнымъ борзописцемъ округа...

Оставивъ жену, онъ пошелъ въ свою рабочую комнату. Съ циркулемъ въ рукѣ онъ изучалъ оставленную ему маіоромъ карту округа, сличая ее съ громадной стѣнной картой Боливіи. Пріѣздъ землемѣра и начало культурнаго покоренія Бахчаръ-Итэ—онъ это чувствовалъ—должны оторвать его отъ тревожныхъ думъ о мести индѣйца, и онъ былъ радъ пріѣхавшему къ нему, по его приказанію, Перкинсу.

Онъ начиналъ видѣть въ немъ интеллигентную силу, несмотря на его оболочку ничтожнаго бѣдняка. Онъ представилъ его Люси и пригласилъ обѣдать. Благодаря этому третьему лицу, оба, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, чувствовали себя лучше.

Разговоръ касался помѣщенія трехъ рабочихъ артелей въ Бахчаръ-Итэ. Перкинсъ находилъ перемѣщеніе туда бараковъ съ

Айкъ-Итэ немыслимымъ и дорого стоящимъ. Барона это чуть не вводило въ отчаяніе, но онъ скоро понялъ правоту старика, который предложилъ ему выстроить въ его „собственности" собственныя же и строенія. Баронъ насторожилъ уши... Бараки принадлежали компаніи. Рѣшивъ взвѣсить всѣ pro и contra искренности совѣтчика, онъ перешелъ къ его плану постройки: какъ именно строить?

Проектъ Перкинса скоро и успокоилъ, и восхитилъ его. Старикъ предложилъ австралійскіе set-house'ы: бревна срубленныхъ деревьевъ, очищенныя отъ коры, вкапываются на аршинъ глубины въ землю, стоймя, образуя стѣны дома, которыя потомъ обмазываются снаружи и изнутри глиной. Крыша—въ два стока воды или въ одинъ—для удобства постройки кроется поверхъ прочныхъ стропилъ высушенными подъ прессовкой полосами той же коры, т.-е. снятой съ бревенъ. Такіе дома выдерживаютъ безопасно и ураганы, и наводненія, и при этомъ имъ не опасны огни костровъ, неизбѣжныхъ въ лѣсной жизни скваттера. Баронъ принялъ совѣтъ, облегченный въ главной задачѣ поселенія. Рѣшили, что прибывающій завтра отрядъ пробудетъ въ Санъ-Педро день для отдыха, а послѣ-завтра баронъ съ землемѣромъ и Перкинсомъ поведутъ артели подъ прикрытіемъ отряда на мѣсто работъ. Имъ троимъ будетъ удобно въ одной палаткѣ. Рабочіе устроятъ шалаши, пока не построятъ свои set-house'ы. Составили смѣту расходовъ содержанія артелей на мѣсяцъ, и баронъ выдалъ на покупку быковъ и жизненныхъ припасовъ двѣ тысячи боливійскихъ пэзо. Изъ этой же суммы первой заботой Перкинса должна быть покупка лопатъ, ломовъ, топоровъ и пикъ. Постройка начнется немедленно же по пріѣздѣ ихъ въ Бахчаръ-Итэ.

— Сколько же времени вы думаете пробыть тамъ, сеньоръ баронъ?—спросилъ Перкинсъ.

— До окончанія построекъ и межеванія. Set-house на пятьдесятъ человѣкъ, напримѣръ,—во сколько времени его можно построить? Недѣли полторы или двѣ будетъ достаточно?

— Это условно: зависитъ отъ качества лѣса и количества годныхъ прямыхъ стволовъ. Но три артели, т.-е. около пятидесяти человѣкъ, построятъ его окончательно въ мѣсяцъ времени, т.-е. какъ разъ къ наступленію дождей, если только они не наступятъ раньше. Вотъ чего надо бояться. Они парализуютъ работы и сообщенія.

— Дожди? Да вѣдь до нихъ еще около двухъ мѣсяцевъ?!—удивился баронъ.

— Не думайте такъ. Я жду ихъ въ этомъ году раньше, уже предупрежденный рабочими.

— Да почему же это раньше? Почему вы это знаете? Или они, эти ваши рабочіе...

— Не знаю почему,—но они всегда опредѣляють вѣрно. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ начнутся ливни.

— Такъ что же вы совѣтуете? Нельзя же на мѣсяцъ оставить Айкъ-Итэ?

На этотъ счетъ старикъ былъ спокоенъ. Онъ оставилъ тамъ спокойныхъ и надежныхъ рабочихъ подъ надзоромъ своего помощника, надсмотрщика, давъ имъ новый „разрѣзъ" и остановивъ „промывку". Дефицитъ добыванія покроется слѣдующимъ мѣсяцемъ. Въ Бахчаръ-Итэ онъ, напротивъ, возьметъ болѣе энергичный элементъ рабочей массы. Но надо торопиться и не оставлять Айкъ-Итэ въ періодъ дождей.

Они долго говорили еще, и опытный, бодрый старикъ успокоительно дѣйствовалъ на барона. Они разстались, когда поздняя луна поздняго вечера освѣщала Санъ-Педро съ его садами, изъ которыхъ неслись звуки гитары и запахъ цвѣтущихъ деревьевъ. Но звуки стихали и говоръ у домовъ уменьшался.

Проводивъ гостя, баронъ вышелъ въ садъ. Полная луна точно остановилась надъ нимъ, и въ тишинѣ знойной тропической ночи онъ казался фантастически очарованнымъ заснувшимъ лѣсомъ. Ни малѣйшаго вѣтерка въ воздухѣ; свѣтъ луны—яркій до желтизны почти дневнаго свѣта. По широкой дорожкѣ аллеи рѣзкія тѣни деревьевъ съ ихъ сучьями неподвижными, точно заснувшими, отпечатывались на землѣ, какъ нарисованныя черной тушью. Онъ началъ ходить по аллеѣ отъ павильона къ дому, разстегнувъ душившій его воротникъ рубашки и проводя рукой по горячему лбу; чувствуя потребность бодрости, баронъ, угощая коньякомъ Перкинса, не забылъ и самого себя.

Теперь, въ тишинѣ заснувшей природы, онъ чувствовалъ себя сильнымъ и увѣреннымъ... Съ завтрашняго дня начнется дѣятельная работа покоренія лѣсовъ съ ихъ тайнами и богатствами! Около пятидесяти человѣкъ рабочихъ съ солдатами... Вѣдь этого за глаза довольно, чтобы оттѣснить этихъ жалкихъ „керру"! Если *онъ* и соберетъ какую-нибудь толпу... Но едва-ли. Слабость ихъ очевидна: зачѣмъ иначе охранялъ бы онъ ихъ отъ бѣлыхъ?! Опасности нѣтъ. Въ средѣ всего этого люда онъ достаточно защищенъ. Конечно, мѣсяцъ лѣсной жизни... безъ комфорта... безъ Люси... Это не вкусно... Но это—необходимая жертва. Горизонтъ прояснится... Черезъ годъ о немъ заговорятъ газеты...

Уже тамъ, за океаномъ... Онъ возобновитъ сношенія съ Берлиномъ, начнетъ иную жизнь. И тогда просто смѣшными покажутся ему настоящіе страхи передъ какимъ-то индѣйскимъ проходимцемъ!

Мысль летѣла за океанъ,—онъ опять переживалъ былое...

Какъ бы въ отвѣтъ на это, изъ гостиной донеслась прелюдія „Серенады“ Шуберта. На этотъ разъ Люси играла, точно отдаваясь звукамъ пѣсни. Въ ея аккордахъ слышался шумъ заснувшаго сосноваго лѣса съ его поэзіей родной Германіи. Потомъ, за аккордами, страстной лаской призыва донеслась ея пѣсня любви:

Пѣснь моя летитъ съ мольбою,
Тихо въ часъ ночной...
Въ рощу тихою стопою
Ты приди, другъ мой!
Слышишь? Въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья.
Звуки ихъ полны печали,
Молятъ за меня...

Нѣжный и въ то же время сильный голосъ ласкалъ слухъ барона.

„Я услышу это *тамъ*, когда оставлю наконецъ эти трущобы“, —думалъ онъ. Но при всей силѣ пѣнія, даже и онъ, баронъ, занятый великими планами, уловилъ, наконецъ, нотки страданія поющей... Это перенесло его мысль на Люси.

И что-то въ родѣ сожалѣнія проснулось у него въ душѣ. Какъ всѣ безсердечные люди, въ большинствѣ, онъ не былъ злымъ, и чужое страданіе давало ему ощущеніе, близкое къ досадѣ или скукѣ. Онъ предвидѣлъ, что въ этотъ мѣсяцъ разлуки она истомится ожиданіями и страхами. И если при этомъ она въ положеніи... обѣщающемъ,—онъ припомнилъ ея жгучій поцѣлуй по его пріѣздѣ,—почти жестоко оставлять ее. Но взять ее туда немыслимо. Еще менѣе возможно отложить дѣло. Надо скрыть отъ нея время разлуки. Сказать, напримѣръ, что пробудетъ три—четыре дня, потомъ писать, не прерываясь, и она успокоится. Главное, избѣжать сценъ и слезъ. Всѣ эти ея страхи, конечно, изъ-за этого принца; не будь его, оба они не мучились бы.

Злоба выпившаго человѣка поднималась у него со дна души уже безъ слѣда боязни. Потомъ неожиданно появилась мысль:

„А что если этотъ проходимецъ затѣетъ какое-нибудь... геройство и, напримѣръ, получитъ пулю въ лобъ? Несмотря на

свой „магнетизмъ“ и „Великаго Духа“ съ его громомъ и клятвами. Чтò тогда“?

Онъ удивился, почему это раньше не пришло ему на мысль. Но теперь онъ положительно желалъ этого. Это было бы рѣшеніемъ всѣхъ усложненій и лучшимъ рѣшеніемъ! Развѣ этотъ „принцъ“—не врагъ цивилизаціи и общества? Развѣ онъ не мучитъ ихъ обоихъ? Онъ положительно вреденъ своими исторіями и идеями, поддерживая вѣру въ суевѣрія и вздоръ, и опасенъ по вліянію и манерамъ. Отправить его къ его „Великому Духу“ было бы равносильно услугѣ человѣчеству и цивилизаціи.

И злобно стискивая зубы онъ ходилъ по аллеѣ, уже не слушая Тальберга, къ которому перешла Люси, и вдругъ, идя по направленію къ павильону, онъ остановился съ широко открытыми, недоумѣвающими глазами: въ павильонѣ былъ свѣтъ.

Баронъ былъ отъ павильона въ десяти шагахъ. Въ черномъ и пустомъ квадратѣ его входа свѣтъ выдѣлялся голубовато-бѣлымъ, мерцающимъ пространствомъ, то вспыхивая, точно расширяясь и свѣтясь сильнѣе, то уменьшаясь въ своей свѣтовой силѣ. Баронъ наблюдалъ это явленіе безъ мысли или представленія о чемъ-либо, не спрашивая даже себя еще о его причинѣ, сознавая его скорѣе зрѣніемъ, чѣмъ мыслью.

Эта полусознательность длилась недолго. Свѣтъ точно пахнулъ впередъ отъ стола къ выходу изъ павильона—и баронъ инстинктивно сдѣлалъ шагъ впередъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ остановился уже съ явившейся мыслью, съ сознаніемъ того, чтò онъ видитъ. И отъ этой сформировавшейся уже мысли мучительный ужасъ сжалъ ему душу, дыханіе сперлось въ груди. И сперва онъ созналъ эту перемѣну въ самомъ себѣ.

Въ освященномъ квадратѣ выдѣлялась высокая, темная фигура, въ которой баронъ сразу узналъ своего врага. Длинные волосы окаймляли черными космами лицо, точно дышавшее жизнью и местью,—непоколебимой местью! Грозно и презрительно глядѣли его глаза.

Страшная, влекущая къ себѣ сила ихъ взгляда точно парализовала барона. Онъ смотрѣлъ въ эти глаза, какъ сдавленный неумолимой силой, несшейся отъ возставшаго передъ нимъ видѣнія. Это были мгновенія, можетъ быть секунды; но по силѣ переживаемаго въ нихъ ощущенія онѣ длились невыразимо мучительно, отъ ожиданія еще бòльшаго, чтò можетъ быть,—чего-то еще болѣе ужаснаго.

И въ то же время онъ, не сознавая, чувствовалъ окружающее.

Сзади него, отъ дома, неслись звуки рояля; ломанной линіей проносилась между деревьями летучая мышь. Онъ видѣлъ, какъ черный треугольникъ ея промелькнулъ между ними обоими, видѣлъ, безъ силъ для крика или движенія, и смотрѣлъ не моргая въ глаза призрака.

— Оставь насъ!—донесся глухой, знакомый голосъ.—Остановись или погибнешь!

Онъ протянулъ впередъ руку, точно угрожая барону, на котораго вдругъ пахнуло точно токомъ воздуха.

Остановившееся дыханіе порывисто вышло изъ его груди. Онъ вскрикнулъ, протянулъ впередъ руки, точно заслоняясь ими отъ грознаго видѣнія, и пятясь назадъ, на стволъ дерева аллеи. Призракъ исчезъ и свѣтъ потухъ. Входъ въ павильонъ по прежнему чернѣлъ своей безмолвной пустотой. Баронъ дышалъ порывисто и тяжело. Земля ходила кругомъ у него подъ ногами. Онъ съ минуту смотрѣлъ еще расширенными глазами сумасшедшаго на черный квадратъ павильона, потомъ провелъ рукой по лбу—холодно-липкій потъ покрывалъ его. Дрожь пробѣгала по тѣлу. Шатаясь какъ пьяный, вышелъ онъ изъ тѣни деревьевъ на освѣщенную луной средину аллеи.

Въ этомъ освѣщенномъ пространствѣ ему чувствовалось уже лучше. Въ знойной тишинѣ заснувшаго сада онъ подозрѣвалъ теперь таившуюся жизнь, которой для него не было прежде, еще такъ недавно. Опустивъ голову и неровно дыша, онъ смотрѣлъ на сидѣвшую на землѣ жабу, на ея блестѣвшую при лунѣ спину и круглые, глупые глаза... Люси продолжала играть, и онъ уже припоминалъ знакомую мелодію, начиная понимать ее вернувшейся разсудочностью.

— Проклятіе!—беззвучно шепталъ онъ. — Неужели же это его... его... магнетизмъ? Или... или это былъ онъ самъ! Нѣтъ!.. Самъ онъ не былъ бы *такимъ*,—лихорадочно и быстро сообразилъ онъ.—И этотъ свѣтъ!.. Конечно, это... это его магнетизмъ, и теперь на его счетъ нечего колебаться! Но я, кажется, крикнулъ?—припоминалъ онъ.

Вернувшееся прежнее опьянѣніе, прогнанное испугомъ, опять давало ему силы. Онъ, обернувшись, посмотрѣлъ на домъ, потомъ на павильонъ. И странно, какое-то непонятное сознаніе говорило ему, что *онъ* не явится въ другой разъ. Это успокоило его, хотя въ то же время темнота павильона казалась ему еще точно оживленной... Подумавъ немного, онъ медленно пошелъ къ дому, идя по серединѣ аллеи.

И по мѣрѣ приближенія его къ дому, звуки рояля, обычная

жизнь, охватывая его, возвращали ему способность „разсужденія“. Потомъ онъ чувствовалъ уже и потребность разсуждать.

„Конечно, это былъ магнетизмъ. И онъ происходилъ отъ него же, барона. Онъ думалъ, опасался, и отъ этихъ думъ ему и показался миражъ, конечно, вздоръ несуществующій. Потому что иначе надо допустить и „духовъ“, и ихъ „Великаго Духа“! Но это было бы безсмысленно! Этимъ занимаются „спириты“ и тому подобные господа, находящіе болвановъ, ихъ слушающихъ и читающихъ. Ну, а насчетъ его, этого проходимца—дѣло рѣшенное. Онъ завтра же прикажетъ начальнику отряда покончить съ нимъ пулей. И при первой же встрѣчѣ. Это необходимо. Онъ противенъ обществу, религіи... Онъ не только будетъ мѣшать дѣлу, но и мучить ихъ! И въ такомъ „отправленіи“ его къ „Великому Духу“ нѣтъ ничего противнаго совѣсти или религіи. Цивилизація требуетъ жертвъ, уничтоженія противныхъ ей элементовъ. Это ясно. И разъ *его* отправятъ, онъ можетъ быть спокоенъ, онъ предастся безъ помѣхи дѣлу. И, конечно, отъ „Великаго Духа“ онъ не появится въ павильонѣ: „muerto el perro—se acabò la rabia“. „Убита собака—кончилось и бѣшенство“,—вспомнилъ онъ поговорку испанцевъ.

Придя въ свою комнату, онъ выпилъ полстакана коньяку, изъ бутылки, оставшейся послѣ ихъ конференціи съ Перкинсомъ. Потомъ, сунувъ въ карманъ брюкъ заряженный револьверъ, со спичками въ рукахъ, опять пошелъ въ садъ. Онъ рѣшилъ всетаки изслѣдовать павильонъ. Можетъ быть, его хотятъ запугать... индѣецъ или его друзья. Свѣтъ могли устроить искусственно. Напримѣръ, фосфоромъ. Онъ гдѣ-то и читалъ объ этомъ въ обличеніи спиритизма. Да, да... Надо убѣдиться.

Выпитый коньякъ прибавилъ опьянѣнія. При медленности отяжелѣвшей мысли онъ чувствовалъ возбужденное состояніе, раздраженіе, перешедшее въ злобу за перенесенный имъ испугъ, за это униженіе его военнаго мужества,—его, цивилизатора и барона.

Но спичку онъ зажегъ, однакоже, у входа въ павильонъ, и вслѣдъ затѣмъ, непрерывно освѣщаясь другими спичками, осмотрѣлъ его полъ. Не оказалось ни малѣйшаго слѣда, кромѣ двухъ прыгавшихъ подъ столомъ жабъ.

Н. С. Кларкъ.

КИМЪ

РОМАНЪ.

Kim, by Rudyard Kipling.

Окончаніе.

XII *).

— Ну, теперь я опять собрался съ духомъ,—сказалъ Е. 23, пользуясь шумомъ и говоромъ на платформѣ. — Отъ голода и страха люди шалѣютъ, а то бы я и самъ еще раньше придумалъ такой побѣгъ. Однако я былъ правъ: меня уже ловятъ. Ты спасъ мнѣ жизнь.

Къ вагонамъ, раздвигая толпу, направлялась группа пэнджабскихъ полицейскихъ, въ желтыхъ панталонахъ, подъ предводительствомъ разгоряченнаго и вспотѣвшаго молодого англичанина.

— Видишь, молодой сагибъ читаетъ бумагу. Вѣдь это я въ ней описанъ,—сказалъ Е. 23. — Они обходятъ вагонъ за вагономъ, точно рыбаки, тянущіе сѣти.

Когда процессія дошла до ихъ отдѣленія, то Е. 23 отсчитывалъ свои четки однообразнымъ движеніемъ кисти руки; Кимъ подсмѣивался, что онъ такъ одурѣлъ отъ своихъ снадобій, что потерялъ надѣтые на кольцо щипцы, составляющіе отличительную принадлежность всякаго садду. Лама, погруженный въ размышленія, глядѣлъ неподвижно прямо передъ собою, а крестьянинъ, бросая украдкой косые взгляды, собиралъ свои пожитки.

---

*) См. выше: авг., стр. 703.

— Тутъ только нѣсколько бродягъ-монаховъ, — произнесъ громко англичанинъ и прошелъ дальше, среди ропота недовольства: мѣстная полиція любитъ заниматься вымогательствомъ по всей Индіи.

— Теперь затрудненіе въ томъ, — прошепталъ Е. 23, — чтобы послать по телеграфу сообщеніе въ то мѣсто, гдѣ я спряталъ письмо, за которымъ былъ посланъ. Въ такомъ видѣ я не могу пойти на телеграфъ.

— Не довольно ли и того, что я спасъ твою голову?

— Нѣтъ, если дѣло останется неоконченнымъ. Развѣ „цѣлитель жемчуга“ никогда не говорилъ тебѣ этого? Ахъ, еще другой сагибъ идетъ!

Къ вагону подходилъ высокій полицейскій надзиратель, въ каскѣ, съ поясомъ, блестящими шпорами и всѣмъ прочимъ. Онъ двигался очень важно, покручивая свои темные усы.

— Что̀ за дураки эти полицейскіе сагибы! — произнесъ весело Кимъ. Е. 23 взглянулъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ.

— Это хорошо сказано, — выговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ. — Я пойду воды напиться. Побереги мое мѣсто.

Онъ неловко выскочилъ изъ вагона и почти попалъ въ объятія англичанина, выругавшаго его за это на грубомъ урдусскомъ языкѣ.

— *Тумъ мутъ?* Пьянъ ты, что-ли? Ишь лѣзетъ, — чуть не сшибъ, точно вся делійская станція тебѣ одному принадлежитъ, дружище.

Е. 23, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, отвѣчалъ цѣлымъ потокомъ непристойной брани, доставившей истинное наслажденіе Киму. Она напомнила ему мальчиковъ-барабанщиковъ и барачныхъ метельщиковъ въ Умбаллѣ, въ ужасное время его первоначальнаго ученія.

— Нечего, дуралей, — протяжно выговорилъ англичанинъ. — *Никль жао!* Иди назадъ въ вагонъ!

Почтительно отступая шагъ за шагомъ и понижая голосъ, желтый садду сталъ лѣзть обратно въ вагонъ, проклиная полицейскаго вплоть до отдаленнѣйшаго потомства проклятіемъ — тутъ Кимъ даже подпрыгнулъ — „камня королевы“ и тѣмъ, что̀ написано подъ „камнемъ королевы“, а также цѣлымъ подборомъ разныхъ божествъ съ совершенно новыми именами.

— Я не знаю, что̀ ты говоришь! — Англичанинъ сердито покраснѣлъ. — А только это какая-то возмутительная дерзость. Убирайся вонъ отсюда!

Е. 23, дѣлая видъ, что не понимаетъ, съ важностью выта-

щилъ свой билетъ, а полицейскій надзиратель сердито вырвалъ билетъ у него изъ рукъ.

— О, *зулумъ!* Чтò за притѣсненіе!—простоналъ изъ своего угла крестьянинъ.—И все это изъ-за шутки.—Онъ все время смѣялся надъ свободой и смѣлостью выраженій садду.—Сегодня твои чары что-то плохо дѣйствуютъ, святой человѣкъ!

Садду послѣдовалъ за полицейскимъ, низко кланяясь и умоляя его. Толпа вновь нахлынувшихъ пассажировъ, занятая своими ребятишками и узлами, не обратила вниманія на это происшествіе. Кимъ проскользнулъ за садду и полицейскимъ. Ему показалось, что онъ уже слышалъ, какъ этотъ глупый и грубый сагибъ говорилъ дерзости старой дамѣ возлѣ Умбаллы, три года тому назадъ.

— Все очень хорошо, — прошепталъ садду, протискиваясь среди шумной и крикливой толпы.—Онъ пошелъ, чтобы послать телеграмму о письмѣ, которое я спряталъ. Мнѣ говорили, что *онъ* въ Пешаверѣ. Мнѣ слѣдовало бы догадаться еще раньше. Онъ меня спасъ теперь отъ бѣды, но жизнью я, все-таки, обязанъ тебѣ.

— Значитъ, онъ также одинъ изъ *нашихъ?*

— Не болѣе и не менѣе, какъ самый главный. Намъ обоимъ везетъ! Я сообщу ему обо всемъ, чтò ты сдѣлалъ. Подъ его покровительствомъ я въ безопасности.

Онъ пробился сквозь толпу, осаждавшую вагоны, и усѣлся скорчившись на скамейкѣ, недалеко отъ телеграфной конторы.

— Вернись, а то твое мѣсто займутъ. Не бойся ни за успѣхъ дѣла, братъ, ни за мою жизнь. Мы еще поработаемъ съ тобою для игры. Прощай!

Кимъ поспѣшилъ вернуться въ вагонъ, съ чувствомъ гордости и растерянности, а также и нѣкоторой досады на то, что не имѣлъ ключа ко всѣмъ этимъ тайнамъ.

„Я еще только новичокъ въ игрѣ, это вѣрно,— думалъ онъ. — Я бы не съумѣлъ такъ ловко выскочить, какъ сдѣлалъ это садду. Онъ зналъ, что подъ лампой всего темнѣе. Мнѣ бы не пришло въ голову сообщать новости подъ видомъ проклятій. А какъ ловокъ былъ сагибъ! Ну, да ничего, я спасъ жизнь... А куда же ушелъ крестьянинъ, святой отецъ?—шопотомъ спросилъ онъ, усаживаясь въ своемъ отдѣленіи, теперь переполненномъ народомъ.

— На него нашелъ страхъ, — отвѣчалъ лама, съ выраженіемъ нѣжнаго лукавства.—Онъ видѣлъ, какъ ты въ мгновеніе ока превратилъ маратту въ садду, для предотвращенія зла.

Потомъ увидѣлъ, какъ садду прямо попалъ въ руки полиціи— все благодаря твоему искусству. Тогда онъ подхватилъ своего сына и убѣжалъ. Говоритъ, что ты превратилъ мирнаго торговца въ безстыднаго спорщика съ сагибами, и что онъ боится, чтобы и съ нимъ того же не случилось. А гдѣ же садду?

— Въ рукахъ полиціи, — отвѣчалъ Кимъ, — но все-таки я спасъ крестьянскаго ребенка.

Лама съ кроткимъ видомъ понюхалъ табаку.

— Ахъ, чела, видишь, какъ легко впасть въ ошибку! Ты вылечилъ крестьянскаго ребенка исключительно для того, чтобы сдѣлать доброе дѣло. Но когда ты наводилъ чары на маратту, то въ тебѣ говорило тщеславіе—я вѣдь наблюдалъ за тобою— и ты поглядывалъ по сторонамъ, чтобы смутить стараго, стараго человѣка и глупаго крестьянина. Отсюда и произошло бѣдствіе и подозрѣніе полиціи.

Кимъ сдѣлалъ несвойственное его возрасту усиліе, чтобы провѣрить себя. Ему также, какъ и всякому другому юношѣ, было непріятно сносить упреки или быть дурно понятымъ, но онъ очутился между двухъ огней. Поѣздъ быстро уходилъ отъ Дели въ ночную тьму.

— Это правда,—прошепталъ онъ.—Если я оскорбилъ тебя, то, значитъ, былъ неправъ.

— Болѣе того, чела. Ты совершилъ поступокъ и послалъ его въ міръ, и, какъ круги отъ брошеннаго въ воду камня, послѣдствія его разойдутся—ты не знаешь, докуда.

Это незнаніе было благодѣтельно, какъ для тщеславія Кима, такъ и для душевнаго спокойствія ламы, если принять во вниманіе, что въ Симлѣ была получена телеграмма о прибытіи въ Дели Е. 23, и другая, еще болѣе важная, сообщавшая о мѣстѣ нахожденія письма, которое онъ былъ посланъ похитить. Случайно, не въ мѣру ревностный полицейскій арестовалъ на Делійской станціи, по обвиненію въ убійствѣ, совершенному въ отдаленномъ южномъ государствѣ, одного, глубоко этимъ возмутившагося, хлопчато-бумажнаго торговца, объяснявшагося съ нѣкоимъ м-ромъ Стрикландомъ, въ то время, какъ Е. 23 пробирался окольными путями въ самый центръ города Дели. Черезъ два часа послѣ этого, разсерженный министръ южнаго государства получилъ нѣсколько телеграммъ, доносившихъ ему, что всякій слѣдъ извѣстнаго, подвергшагося тяжелымъ побоямъ, маратты, былъ потерянъ.

Выйдя подъ утро на одной изъ станцій, лама совершилъ длинную молитву недалеко отъ платформы, у росистаго кустар-

ника, окаймлявшаго рѣшетку, и совсѣмъ развеселился отъ яркаго солнца и отъ присутствія своего ученика.

— Оставимъ все это,—сказалъ онъ, указывая на блестящій паровозъ и на сверкающіе рельсы. — Отъ тряски въ поѣздѣ— хотя онъ и удивительная вещь—кости мои превратились въ жидкость. Отнынѣ будемъ дышать чистымъ воздухомъ.

— Пойдемъ въ домъ женщины изъ Кулу,—предложилъ Кимъ, весело шагая, нагруженный свертками и узлами. Въ этотъ ранній утренній часъ пыли на дорогѣ не было, и воздухъ былъ пропитанъ запахомъ травы и цвѣтовъ. Онъ подумалъ объ утреннихъ часахъ въ Сентъ-Ксавье, и это еще усиливало накопившуюся въ немъ радость.

— Откуда у тебя явилась эта торопливость? Мудрые люди не бѣгаютъ, какъ цыплята на солнцѣ. Мы уже проѣхали сотни и сотни миль, а до сихъ поръ я еще ни на мгновеніе не оставался наединѣ съ тобою. Какъ можешь ты внимать наставленіямъ среди давки и толкотни? Какъ могу я, обремененный потоками рѣчей, размышлять о пути?

— Такъ, значитъ, она съ годами не стала воздержнѣй на языкъ?—улыбаясь, спросилъ Кимъ.

— Нѣтъ, и все также требуетъ разныхъ заклинаній и чаръ. Однажды, я помню, я говорилъ о „колесѣ жизни", — лама порылся за поясомъ, чтобы отыскать послѣднюю копію рисунка— и она интересовалась только демонами, преслѣдующими дѣтей. Она сдѣлаетъ доброе дѣло и угодитъ Богу, оказывая намъ гостепріимство, когда представится случай, но это будетъ въ свое время, а не такъ, сразу. Теперъ же мы будемъ странствовать свободно, наблюдая за „цѣпью вещей". Исходъ нашего исканія обезпеченъ.

И они пошли, не торопясь, черезъ большіе фруктовые сады въ полномъ цвѣту и населенныя деревни. Часто къ полудню, когда тѣни сокращались, а лама тяжелѣе опирался на плечо Кима, они дѣлали остановку. Старикъ всегда въ такихъ случаяхъ вытаскивалъ рисунокъ „колеса жизни", разстилалъ его, положивъ по краямъ чисто обтертые камни, и начиналъ указывать соломинкой и толковать одинъ циклъ за другимъ. Здѣсь, наверху, сидѣли боги,—заключительная мечта всѣхъ земныхъ мечтаній. Здѣсь находилось наше небо и мѣстопребываніе полубоговъ, изображенныхъ въ видѣ сражающихся на горахъ всадниковъ. Здѣсь были животныя въ предсмертныхъ мукахъ; души, восходящія и нисходящія по лѣстницѣ существованія, и которыхъ нужно предоставить ихъ судьбѣ. Здѣсь были преисподнія, горячія и холод-

ныя, и мѣстопребываніе мучимыхъ духовъ. Чела изучалъ печальныя послѣдствія объяденія: вздутый животъ и горящія внутренности. Онъ дѣлалъ это очень покорно, склонившись такъ, что четки почти касались рисунка, и быстро водя смуглымъ пальцемъ за указкой; но когда дѣло дошло до земного міра, находящагося непосредственно надъ адомъ, хлопотливаго и ненужнаго, то его вниманіе стало отвлекаться, такъ какъ мимо нихъ по дорогѣ катилось само „колесо настоящей жизни", объѣдаясь, упиваясь, торгуя, любя и ссорясь, самымъ живымъ, горячимъ образомъ. Часто лама избиралъ какую-нибудь картину изъ жизни предметомъ своего поученія, совѣтуя Киму, повиновавшемуся въ такихъ случаяхъ особенно охотно, обратить вниманіе на то, въ какія безчисленныя формы облекается плоть,—то привлекательныя, то отвратительныя по мнѣнію людей, но незначительныя и безцѣльныя сами по себѣ.

Иногда какая-нибудь женщина, или какой-нибудь бѣднякъ, присмотрѣвшись къ обряду, — толкованіе развернутой большой желтой хартіи нельзя было принять ни за что другое,—бросали на край рисунка цвѣты, или пригоршню раковинъ, замѣняющихъ у нихъ деньги. Этихъ смиренныхъ людей радовало, что они встрѣтили святого старца и что, благодаря ихъ скромнымъ приношеніямъ, онъ помянетъ ихъ въ своихъ молитвахъ.

— Исцѣляй ихъ, если они больны,—сказалъ лама, замѣтивъ, что въ Кимѣ снова пробудилось желаніе блеснуть своей ловкостью и умѣньемъ.—Лечи ихъ, если они страдаютъ лихорадкой, но ни въ какомъ случаѣ не прибѣгай къ чарамъ. Вспомни, чтò случилось съ мараттой.

— Значитъ, всякое дѣйствіе есть зло? — возразилъ Кимъ, лежа подъ большимъ деревомъ на перекресткѣ и наблюдая за муравьями, бѣгавшими по его рукѣ.

— Воздерживаться отъ дѣйствія хорошо, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда угождаешь Богу.

— Въ „воротахъ ученья" намъ внушали, что воздерживаться отъ дѣйствія не годится для сагиба. А я—сагибъ.

— „Всѣмъ на свѣтѣ другъ"!—Лама пристально посмотрѣлъ на Кима.—Мы всѣ—души, ищущія освобожденія. Чтò значитъ мудрость, пріобрѣтенная тобою у сагибовъ! Когда мы достигнемъ моей рѣки, ты будешь освобожденъ отъ всѣхъ заблужденій, вмѣстѣ со мною. Мои кости тоскуютъ по этой рѣкѣ, какъ онѣ тосковали и ныли въ поѣздѣ, но духъ мой выше костей моихъ, —онъ сидитъ и ждетъ. Исканіе увѣнчается успѣхомъ.

— Хорошо. А могу я задать одинъ вопросъ?

Лама наклонилъ свою величественную голову.

— Я ѣлъ твой хлѣбъ въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ тебѣ извѣстно. Скажи же мнѣ, святой отецъ, откуда...

— Въ Ботіалѣ собрано много того, что̀ люди называютъ богатствомъ, — спокойно отвѣчалъ лама, — и тамъ я, кажется, пользуюсь почетомъ. Я спрашиваю, что̀ мнѣ нужно. Счетъ меня не касается,—это дѣло моего монастыря.

И онъ, чертя пальцемъ по песку, началъ разсказывать исторіи, слышанныя еще въ монастырѣ, объ огромныхъ, пышныхъ храмахъ, о процессіяхъ и дьявольскихъ плясках, о превращеніи монаховъ и монахинь въ свиней, о святыхъ градахъ, построенныхъ въ воздухѣ на недостижимой высотѣ, о монастырскихъ интригахъ, о горныхъ голосахъ и о таинственныхъ миражахъ, мелькающихъ на мерзломъ снѣгѣ. Онъ разсказывалъ даже о Далай-Ламѣ, котораго имѣлъ случай видѣть, и которому поклонился.

Каждый изъ этихъ долгихъ дней, приносившихъ съ собою что-нибудь новое, становился преградой и отдалялъ Кима отъ его соотечественниковъ и родного языка. Онъ опять сталъ думать и даже во снѣ говорить на мѣстномъ нарѣчіи и машинально подражалъ ламѣ въ соблюденіи разныхъ обрядовъ во время ѣды, питья и т. п.

Чѣмъ чаще взглядъ старика останавливался на вѣчныхъ снѣгахъ, тѣмъ больше онъ вспоминалъ о своемъ монастырѣ. Его рѣка уже не такъ заботила его, хотя иногда онъ все-таки подолгу смотрѣлъ на пучокъ травы или вѣтку, ожидая, что земля разверзнется и извергнетъ благословенную воду. Онъ наслаждался присутствіемъ своего ученика и прохладнымъ вѣтромъ, доносившимся съ горъ. Предметы, попадавшіеся имъ на пути, будили въ немъ воспоминанія, и мало-по-малу, въ безсвязныхъ отрывкахъ, передалъ онъ своему челѣ всѣ свои странствія по Индіи, и Кимъ, любившій его безъ всякой причины, теперь полюбилъ его по множеству причинъ.

Новости быстро распространяются по Индіи, и вскорѣ къ нимъ явился тощій слуга, съ сѣдыми усами. Онъ принесъ корзину кабульскаго винограда и золотистыхъ апельсинъ, съ просьбой оказать честь своимъ присутствіемъ его госпожѣ, очень огорченной тѣмъ, что лама такъ долго не вспоминаетъ о ней.

— Теперь я вспомнилъ, — лама произнесъ это такъ, какъ будто дѣло шло о большой новости.—Она добродѣтельная, но необыкновенно болтливая женщина.

Кимъ сидѣлъ на краю коровьихъ яслей, разсказывая сказки дѣтямъ деревенскаго кузнеца.

— Она только будетъ выпрашивать еще сына для своей дочери. Я ее хорошо помню,—сказалъ онъ.—Дай ей возможность сдѣлать доброе дѣло. Пошли сказать, что мы придемъ.

Въ два дня они прошли одиннадцать миль полями и были встрѣчены съ распростертыми объятіями. Старая дама оказывала всѣмъ по традиціи самое широкое гостепріимство и принуждала къ тому же своего зятя, находившагося подъ башмакомъ у женской половины своего дома. Годы не ослабили ни ея способности говорить, ни ея памяти, и сквозь рѣшетку верхняго окна, загороженнаго изъ скромности, она, въ присутствіи не менѣе дюжины слугъ, отсыпала Киму такіе комплименты, которые привели бы въ ужасъ слушателя-европейца.

— Ты остался все тѣмъ же безстыднымъ нищенскимъ отродьемъ,—пронзительно выкрикивала она.—Я тебя не забыла. Помойтесь-ка съ дороги да поѣшьте. Отецъ сына моей дочери уѣхалъ на время, такъ что мы, бѣдныя женщины, нѣмы и беззащитны.

Въ доказательство своихъ словъ она стала безпощадно распекать всѣхъ домашнихъ, пока не подали ѣсть и пить, а вечеромъ, когда потянуло дымомъ и поля приняли оттѣнки темной мѣди и бирюзы, она велѣла поставить свой паланкинъ среди главнаго двора, при свѣтѣ дымныхъ факеловъ, и продолжала болтать изъ-за неплотно сдвинутыхъ занавѣсокъ.

— Если бы святой старецъ пришелъ одинъ, я приняла бы его совсѣмъ иначе, но развѣ можно быть достаточно осторожной съ этимъ плутомъ и бездѣльникомъ! Ну, разскажи-ка мнѣ о своихъ похожденіяхъ, если не стыдно! Сколько дѣвушекъ и чьи жены вѣшались тебѣ на шею? Вы теперь изъ Бенареса? Я бы тоже не прочь туда отправиться въ этомъ году, но моя дочь... у насъ вѣдь только два сына. Но я попрошу святого отца,—да отойди же ты, бездѣльникъ,—дать мнѣ заклинанье отъ ужаснѣйшихъ желудочныхъ коликъ, которыми страдаетъ старшій сынъ моей дочери во время цвѣтенія мангиферовъ. Два года тому назадъ, онъ далъ мнѣ могущественное заклинанье.

— О, святой отецъ!..—выговорилъ Кимъ, задыхаясь отъ смѣха, при взглядѣ на спокойное лицо ламы.

— Это правда. Я далъ ей заклинанье отъ коликъ.

— Отъ зубовъ... отъ зубовъ... отъ зубовъ! — застрекотала старуха.

— Исцѣляй ихъ, если они больны,—привелъ Кимъ подлин-

ныя слова ламы,—но ни въ какомъ случаѣ не прибѣгай къ чарамъ. Вспомни, что случилось съ мараттой.

— Это было два года тому назадъ. Она такъ утомила меня своимъ приставаньемъ, — простоналъ лама. — Такъ всегда случается, замѣть это, чела,—даже послѣдователей пути пустыя женщины совращаютъ въ сторону. Цѣлыхъ три дня, пока былъ боленъ ребенокъ, она, не переставая, все что-то говорила мнѣ.

— Вотъ такъ разъ! А то кому же мнѣ было говорить? Мать мальчика ничего не знала, а отецъ,—это было по ночамъ, во время дурной погоды,—„молитесь“, говоритъ, „богамъ!“—повернется, да и захрапитъ!

— Я далъ ей заклинанье. Что оставалось дѣлать такому старику, какъ я?

— Воздержаться отъ дѣйствія хорошо, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда совершаешь доброе дѣло.

— Ахъ, чела, если еще ты мнѣ измѣнишь, то я буду совсѣмъ одинокъ.

— Во всякомъ случаѣ, молочные зубы у него очень легко прорѣзались,—сказала старая дама.—А вотъ лекарства хакима я не рѣшаюсь употреблять, потому что цвѣтъ пузырьковъ не благопріятенъ для ребенка.

Лама, воспользовавшись ея рѣчью, удалился въ приготовленное для него помѣщеніе.

— Несвоевременно приставая къ мудрому, можно навлечь на себя бѣдствіе,—строго произнесъ Кимъ.—Не разсердила ли ты его?

— Его—о, нѣтъ! Онъ просто утомился и ослабѣлъ отъ дороги, а я совсѣмъ объ этомъ забыла, ужъ недаромъ я бабушка. Только бабушки и умѣютъ смотрѣть за дѣтьми; матери способны только носить ихъ. Завтра, когда онъ увидитъ, какъ выросъ сынъ моей дочери, онъ навѣрно напишетъ мнѣ заклинанье. Кромѣ того, онъ можетъ судить о лекарствахъ новаго хакима.

— А кто этотъ *хакимъ*, магарани?

— Пришелецъ, какъ и ты, только очень разсудительный бенгаліецъ изъ Дакки, основательно знающій врачебное дѣло. Онъ меня избавилъ отъ спазмы послѣ обѣда, давъ мнѣ маленькую пилюлю, которая такъ и завертѣлась у меня въ желудкѣ, какъ спущенный съ цѣпи дьяволъ. Онъ тутъ разъѣзжаетъ и продаетъ очень дорогія средства. У него даже есть бумаги, въ которыхъ напечатано по-англійски, какъ онъ помогъ больнымъ слабымъ мужчинамъ и женщинамъ. Онъ уже четыре дня у меня, но, услыхавъ, что вы пришли (хакимы и монахи—какъ змѣя и тигръ

между собою), кажется, спрятался.—Она остановилась, чтобы передохнуть послѣ своего монолога; старый слуга воспользовался этимъ и произнесъ, почтительно возвысивъ голосъ:

— Сагиба, хакимъ поѣлъ и спитъ. Онъ въ помѣщеніи за голубятней.

Кимъ весь насторожился, какъ такса въ ожиданіи врага. Было бы недурно смѣло встрѣтить лицомъ къ лицу бенгалійца, учившагося въ Калькуттѣ, и переспорить говорливаго торговца снадобій изъ Дакки. Нельзя было допустить, чтобы такой человѣкъ оттѣснилъ ламу и его и взялъ надъ ними верхъ. Ему хорошо были знакомы эти любопытныя фальшивыя англійскія объявленія на послѣднихъ страницахъ мѣстныхъ газетъ. Ученики Сентъ-Ксавье приносили ихъ иногда тайкомъ, чтобы посмѣяться украдкой съ товарищами, потому что благодарные паціенты, передающіе симптомы своихъ болѣзней, обнаруживаютъ иногда разныя тайны самымъ наивнымъ образомъ.

— Да,—произнесъ презрительно Кимъ,—главнымъ средствомъ для такихъ людей служитъ небольшая порція подкрашенной воды и очень большая порція безстыдства. Добычей имъ служатъ разорившіеся короли и объѣвшіеся бенгалійцы, а доходы имъ приносятъ дѣти... еще не родившіяся.

Старая дама разсмѣялась.

— Не будь завистливъ. Такъ, значитъ, заклинанія больше помогаютъ, а? Я этого никогда и не отвергала. Позаботься о томъ, чтобы святой старецъ написалъ мнѣ завтра утромъ хорошій амулетъ.

— Только невѣжда можетъ отрицать,—прогудѣлъ густой, заспанный голосъ изъ темноты, и чья-то фигура приблизилась и усѣлась на корточкахъ на землю.—Только невѣжда можетъ отрицать значеніе заклинаній. Только невѣжда можетъ отрицать значеніе лекарствъ.

— Крыса нашла кусочекъ желтаго инбиря и объявила: „открываю лавку колоніальныхъ товаровъ",—возразилъ Кимъ. Поединокъ начался, и можно было догадаться, что старая дама такъ и замерла, прислушиваясь къ спору.

— Ученикъ монаха помнитъ хорошо имя своей кормилицы и какихъ-нибудь трехъ боговъ, а заявляетъ: „Внимайте мнѣ, иначе я васъ прокляну тремя милліонами великихъ божествъ".—Было ясно, что въ колчанѣ невидимаго противника Кима могло найтись двѣ или три довольно острыхъ стрѣлы.

— Я вѣдь только учитель азбуки,—продолжалъ онъ.—Я изучилъ всю мудрость сагибовъ.

— Сагибы никогда не старѣютъ. Они пляшутъ и играютъ, какъ дѣти, уже сдѣлавшись дѣдушками. Крѣпкій народъ!—раздался писклявый голосъ изъ паланкина.

— У меня есть лекарства, помогающія отдѣленію мокроты у сердитыхъ и горячихъ людей; желтая глина изъ Китая, возвращающая людямъ молодость на удивленіе всѣхъ ихъ домашнихъ; шафранъ изъ Кашмира и самое лучшее питательное средство Кабула. Множество людей умерло прежде...

— Этому я охотно вѣрю,—вставилъ Кимъ.

— Прежде чѣмъ испробовать дѣйствіе моихъ лекарствъ. Я не даю моимъ больнымъ простыхъ чернилъ, которыми пишутся заклинанія, но крѣпкія и сильно дѣйствующія лекарства, помогающія отъ разныхъ страданій.

— Да, они очень сильно дѣйствуютъ, — вздохнула старая дама.

— Теперь я находился на правительственной службѣ,—продолжалъ гудѣть голосъ изъ темноты.—Я получилъ ученую степень въ большой школѣ въ Калькуттѣ, куда, быть можетъ, пошлютъ современемъ и сына нашего хозяина. Никогда не видывалъ я такого ребенка. Родился онъ въ благопріятный часъ, и еслибъ не эти колики, которыя—увы!—могутъ перейти во что-нибудь худшее и унести его, какъ голубка,—то ему предстоитъ прожить многіе годы, и онъ просто зависти достоинъ.

— *Ай май!*—сказала старая дама.—Нехорошо хвалить маленькихъ дѣтей, а то бы я охотно тебя послушала, но отецъ ребенка въ отлучкѣ, и мнѣ приходится сторожить домъ на старости лѣтъ. Ну, вы, вставайте! Поднимайте паланкинъ. Пусть хакимъ и молодой браминъ рѣшаютъ между собою, что̀ полезнѣе: заклинанья или лекарства. Эй, вы, лодыри, принесите табаку гостямъ, а я отправлюсь, чтобъ осмотрѣть все хозяйство.

Паланкинъ, покачиваясь, повернулъ назадъ, сопровождаемый колеблющимися факелами и цѣлой сворой собакъ. Двадцать деревень знали сагибу, ея недостатки, ея языкъ и широкую щедрость. Двадцать деревень надували ее по установившемуся съ незапамятныхъ временъ обычаю, но ни одинъ человѣкъ ни за какія блага въ мірѣ не рѣшился бы на воровство или грабежъ въ ея владѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, она придавала большое значеніе своему формальному надзору и производила при этомъ такой шумъ, что его было слышно на нѣсколько миль.

— Разсуждать о медицинѣ передъ невѣждой—все равно, что учить пѣть павлина,—произнесъ хакимъ, когда хозяйка дома удалилась.

— Настоящая учтивость,—отозвался Кимъ,—часто граничитъ съ безразличіемъ.

Такой обмѣнъ мыслей—это нужно понять—служилъ признакомъ тонкаго обращенія, и фразы эти произносились съ цѣлью произвести другъ на друга сильное впечатлѣніе.

— Эй, у меня язва на ногѣ!—закричалъ одинъ поваренокъ изъ числа слугъ.— Осмотри мнѣ ее!

— Пошелъ прочь! Убирайся!—сказалъ хакимъ.—Или здѣсь въ обычаѣ надоѣдать почтеннымъ гостямъ? Чего вы столпились, какъ стадо буйволовъ?

— Еслибы сагиба знала...—началъ-было Кимъ, какъ вдругъ хакимъ, едва двигая губами, тихо произнесъ:

— Какъ поживаете, м-ръ О'Гара? Я очень радъ, что опять васъ встрѣчаю.

Пальцы Кима замерли, сжимая трубку. Гдѣ-нибудь въ дорогѣ онъ не былъ бы такъ удивленъ, но здѣсь, среди этой спокойной жизни, протекавшей какъ вода, поднятая шлюзами, встрѣча съ Гурри-бабу была для него совершенной неожиданностью. Ему было непріятно, что его такъ провели.

— Ахъ-а! Я говорилъ вамъ въ Лукноу, что появлюсь снова и вы меня не узнаете. На что̀ вы бились объ закладъ—а?

Онъ, не спѣша, жевалъ нѣсколько зеренъ кардамона, но дышалъ ускоренно, съ видимымъ безпокойствомъ.

— Зачѣмъ вы сюда явились, Бабужи?

— А! Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ сказалъ Шекспиръ. Я явился поздравить васъ съ вашимъ подвигомъ въ Дели. Увѣряю васъ, что мы гордимся вами. Это было очень изобрѣтательно и ловко сдѣлано. Нашъ общій другъ, онъ мой старый пріятель, разсказалъ мнѣ объ этомъ, а я сообщилъ м-ру Лургану. Онъ доволенъ, что вы такъ мило преуспѣваете. Весь департаментъ доволенъ.

Первый разъ въ жизни Кимъ весь задрожалъ отъ настоящей гордости, при такой похвалѣ, но, какъ восточный человѣкъ, тотчасъ же сообразилъ, что „бабу“ не поѣхалъ бы съ единственной цѣлью передать ему всѣ эти комплименты.

— Разскажите, въ чемъ дѣло, бабу,—произнесъ онъ авторитетнымъ тономъ.

— Ровно ничего нѣтъ. Только я былъ въ Симлѣ, и при мнѣ пришла телеграмма относительно того, что̀ спряталъ нашъ общій другъ, и старикъ Крейтонъ...

Онъ посмотрѣлъ на Кима, чтобы видѣть, какъ на него подѣйствуетъ эта дерзость.

— Полковникъ-сагибъ,—поправилъ недавній ученикъ школы Сентъ-Ксавье.

— Ну, да. Онъ напалъ на меня врасплохъ, и я долженъ былъ ѣхать въ Читоръ за этимъ проклятымъ письмомъ. Я не люблю юга,—слишкомъ много приходится ѣздить по желѣзной дорогѣ, но зато даютъ хорошія прогонныя. На обратномъ пути изъ Дели я встрѣтилъ нашего общаго друга, услыхалъ о томъ, что̀ вы сдѣлали, пришелъ въ восторгъ,—и вотъ явился сюда, чтобы сообщить вамъ объ этомъ.

— Никто не поѣдетъ за кѣмъ-нибудь изъ Симлы и не станетъ переодѣваться только для того, чтобы сказать нѣсколько сладкихъ словъ. Я вѣдь не ребенокъ. Говорите по-индусски и приступимъ къ самой сути. Изъ десяти словъ, произносимыхъ вами, нѣтъ ни единаго слова правды. Зачѣмъ вы здѣсь? Отвѣчайте прямо. Если дѣло касается „игры", то я могу помочь. Но что̀ я могу сдѣлать, когда вы болтаете и хо̀дите кругомъ да около?

Гурри-бабу досталъ трубку и сталъ сосать ее до тѣхъ поръ, пока внутри ея не захрипѣло.

— Теперь я буду говорить на туземномъ нарѣчіи. Васъ не проведешь, м-ръ О'Гара... Дѣло идетъ объ аттестатѣ бѣлаго жеребца.

— Опять? Но вѣдь ужъ это давно кончено.

— Большая игра кончается только со смертью, не раньше. Дослушайте меня до конца. Пять королей готовились неожиданно начать войну, три года тому назадъ, когда Магбубъ-Али передалъ вамъ аттестатъ бѣлаго жеребца. Благодаря ему, наша армія напала на нихъ, прежде чѣмъ они успѣли приготовиться.

— Да, восемь тысячъ человѣкъ съ пушками. Я помню эту ночь.

— Но настоящей войны не произошло. Это—обычное поведеніе правительства. Войска были отозваны, потому что правительство повѣрило тому, что пять королей усмирены, а прокормъ людей на горныхъ дорогахъ не дешево обходится. Гиласъ и Бунаръ—вооруженные раджи—взялись за извѣстную плату оберегать ущелья съ сѣвера, не пропуская черезъ нихъ ни единаго человѣка и дѣлая видъ, что ихъ побуждаетъ къ этому и страхъ, и чувство дружбы.—Онъ хихикнулъ и перешелъ на англійскій языкъ.—Конечно, я передаю вамъ это неоффиціально, и чтобы выяснить политическое положеніе, м-ръ О'Гара. Оффиціально я не смѣю критиковать поступки начальства. Теперь я продолжаю. Это понравилось правительству, которое

радо было избѣжать расходовъ, и былъ заключенъ союзъ. На основаніи его Гиласъ и Бунаръ, за извѣстное количество рупій въ мѣсяцъ, должны оберегать ущелья, какъ только правительственныя войска будутъ отозваны. Въ это время,—это было послѣ нашей первой встрѣчи,—я былъ назначенъ канцелярскимъ письмоводителемъ въ армію. Когда войска были отозваны, то меня оставили, чтобы расплатиться съ чернорабочими, прокладывавшими дороги въ горахъ. Прокладываніе дорогъ входило въ условія союза между Бунаромъ, Гиласомъ и правительствомъ.

— Такъ; ну а что̀ же дальше?

— Ну и было же тамъ дьявольски холодно, когда лѣто прошло, могу сказать, — сообщилъ Гурри-бабу конфиденціальнымъ тономъ.—Каждую ночь я дрожалъ, что люди Бунара перерѣжутъ мнѣ горло, чтобы похитить кассу. А мои сипаи только смѣялись надо мною. Ей Богу! Я человѣкъ боязливый. Но не въ этомъ дѣло, это такъ только, къ слову пришлось... Я нѣсколько разъ посылалъ сообщеніе, что эти два короля продались врагамъ, и Магбубъ-Али, находившійся еще дальше на сѣверѣ, вполнѣ подтвердилъ мои слова. Но все это было ни къ чему. У меня только ноги отмерзли. Я послалъ сообщеніе, что дороги, за которыя я платилъ землекопамъ, были проложены для чужеземцевъ и враговъ. Тогда меня отозвали для того, чтобы я подтвердилъ мое донесеніе устно. Магбубъ тоже явился на югъ. Теперь мой разсказъ идетъ къ концу. Въ этомъ году черезъ ущелья, послѣ таянія снѣговъ,—онъ вздрогнулъ, какъ бы отъ холо̀да,—пробрались два иностранца, подъ видомъ охоты за дикими козами. При нихъ ружья, но кромѣ того и веревки, и ватерпасы, и компасы.

— Ого! дѣло начинаетъ выясняться.

— Они хорошо приняты у Бунара и Гиласа. Они даютъ хорошія обѣщанія. Ходятъ по горамъ и по долинамъ и говорятъ: „Здѣсь подходящее мѣсто для постройки бруствера; здѣсь вы можете основать крѣпость; здѣсь вы можете отрѣзать дорогу непріятелю“,—ту самую дорогу, за которую я ежемѣсячно выплачивалъ рупіи. Правительство все это знаетъ, но ничего не дѣлаетъ. Три другіе короля, которымъ не платили за охраненіе дорогъ, доносятъ, черезъ гонцовъ, объ измѣнѣ Бунара и Гиласа. И когда уже все зло сдѣлано, тогда является приказъ мнѣ, Гурри-бабу: „Отправляйтесь на сѣверъ и посмотрите, что̀ дѣлаютъ эти иностранцы“. Я говорю Крейтону-сагибу: „Отчего, чортъ возьми, не прикажете вы какому-нибудь смѣльчаку простона-просто отравить ихъ? Это, позвольте замѣтить, предосуди-

тельная слабость съ вашей стороны". А полковникъ Крейтонъ только смѣется надо мной! А все это ваша дьявольская англійская гордость. Вы воображаете, что никто не посмѣетъ составить заговоръ.

Кимъ медленно курилъ, обдумывая своимъ быстрымъ умомъ все это дѣло.

— Значитъ, вы отправляетесь вслѣдъ за этими иностранцами?

— Нѣтъ, на встрѣчу къ нимъ. Они направляются къ Симлѣ, чтобы отправить козлиные рога и шкуры для выдѣлки въ Калькутту. Это джентльмены, занимающіеся исключительно спортомъ, и имъ выданы отъ правительства особенныя льготы. Конечно, мы всегда такъ дѣлаемъ. Это наша британская честь.

— Такъ чего же ихъ бояться?

— Они не черные люди, чортъ возьми! Съ черными я, конечно, могу продѣлать все, чтò угодно. Но это французы, люди въ высшей степени недобросовѣстные. Я... я совсѣмъ не желаю съ ними столкнуться безъ свидѣтеля.

— Что же, они убьютъ васъ?

— Это еще ничего. Я достаточно хорошій послѣдователь Герберта Спенсера, надѣюсь, чтобы спокойно встрѣтить такую ничтожную вещь, какъ смерть, вполнѣ зависящую отъ судьбы. Но... но они могутъ побить меня.

— Почему?

Гурри-бабу съ раздраженіемъ захрустѣлъ пальцами.

— Конечно, я проберусь къ нимъ или въ качествѣ сверхштатнаго переводчика, или въ качествѣ человѣка, дошедшаго до невмѣняемаго состоянія отъ голода, или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ. Потомъ, вѣроятно, мнѣ удастся подцѣпить у нихъ чтò будетъ можно. Для меня это такъ же легко, какъ разыгрывать г-на доктора передъ старой дамой. Но только... но только... видите ли, м-ръ О'Гара, я, къ несчастію, азіатъ, чтò очень невыгодно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, я бенгаліецъ— человѣкъ боязливый.—Онъ кашлянулъ и выплюнулъ зерна кардамона. Если вашъ старикъ и вы не связаны никакимъ обязательствомъ, то, можетъ быть, вамъ удастся завлечь его въ ту сторону, а я постараюсь подѣйствовать на его воображеніе. Я очень высокаго о васъ мнѣнія, послѣ встрѣчи съ моимъ другомъ въ Дели. Когда все это дѣло будетъ исполнено, то я включу ваше имя въ оффиціальное донесеніе. Это весьма послужитъ вамъ на пользу. Вотъ для чего собственно я и пріѣхалъ сюда.

— Гм! Конецъ разсказа можетъ быть и вѣренъ, но начало?

— О пяти короляхъ? И это правда. Болѣе правда, чѣмъ вы полагаете,—серьезно отвѣчалъ Гурри.

— Я отправлюсь въ Муссури. Потомъ черезъ Рампуръ въ Чини. Это единственный для нихъ путь. Я не люблю дожидаться на холоду, но ихъ придется подождать. Съ ними я отправлюсь въ Симлу. Они французы, а я недурно владѣю французскимъ языкомъ.

— *Онъ* будетъ радъ опять увидать свои горы,—произнесъ задумчиво Кимъ.—Онъ послѣдніе десять дней почти ни о чемъ другомъ и не говоритъ. Если мы пойдемъ вмѣстѣ...

— Мы можемъ въ пути дѣлать видъ, что не знаемъ другъ друга. Я буду держаться на четыре или на пять миль впереди. Я выйду завтра, а вы послѣ завтра, если хотите. А? Подумайте-ка объ этомъ до утра. Теперь ужъ и утро недалеко.

Онъ тяжело зѣвнулъ и, не прощаясь, направился къ мѣсту своего ночлега. Но Кимъ въ эту ночь спалъ мало и думалъ на мѣстномъ нарѣчіи:

„Правильно называютъ это „большой игрой"! Какъ челнокъ по ткацкому станку пробѣгаетъ она по всей Индіи. И тѣмъ, какъ сложилась моя жизнь, и всей моей радостью я обязанъ,—онъ улыбнулся въ темнотѣ,—ламѣ. Также и Магбубу-Али, и Крейтону-сагибу, но, главнымъ образомъ, моему святому старцу. Онъ правъ, говоря, что это огромный и удивительный міръ, а я—Кимъ".

— Кимъ, Кимъ—одинъ, въ единственномъ лицѣ посреди всего этого.

— Ну, къ чему привела вчерашняя болтовня?—спросилъ на утро лама, совершивъ молитву.

— Да пришелъ тамъ какой-то бродячій продавецъ лекарствъ, блюдолизъ сагибы. Конечно, я побѣдилъ его аргументами и молитвами, доказавъ, что наши чары дѣйствительнѣе его подкрашенной воды.

— Увы! Мои чары! Эта добродѣтельная женщина все еще добивается получить новое заклинанье?

— Да, и весьма положительно.

— Дѣлать нечего, надо написать, а то она оглушитъ меня своими криками.

Онъ сталъ рыться, отыскивая свой пеналъ.

— Въ долинахъ,—началъ Кимъ,—всегда очень много народа. Въ горахъ, я думаю, меньше.

— О! Горы и горные снѣга!—лама оторвалъ тоненькій ли-

стокъ бумаги, годный для амулета.—Но чтò ты знаешь о горахъ?

— Да онѣ очень близко.—Кимъ распахнулъ дверь и сталъ смотрѣть на длинную нѣжную линію Гималайевъ, порозовѣвшихъ отъ утренняго свѣта.

Лама сталъ жадно вдыхать горный вѣтеръ.

— Если мы пойдемъ на сѣверъ,—Кимъ обратился съ этими словами къ восходящему солнцу,—то избѣжимъ полуденнаго зноя, если будемъ идти даже невысокими горами... Готово заклинанье, святой отецъ?

— Я написалъ имена семи глупыхъ дьяволовъ, изъ которыхъ ни одинъ не стòитъ песчинки въ глазу. Вотъ какъ безумныя женщины совращаютъ насъ съ пути!

Гурри-бабу вышелъ изъ-за голубятни, чистя зубы съ необыкновенной важностью. Благодаря своей толщинѣ, тяжеловѣсности, бычачьей шеѣ и низкому голосу, онъ мало былъ похожъ на „боязливаго человѣка". Кимъ сдѣлалъ ему незамѣтно знакъ, что все шло отлично, и, окончивъ свой утренній туалетъ, Гурри-бабу пришелъ и въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ ламу.

Они поѣли, конечно, каждый отдѣльно, послѣ чего старая дама, скрываясь болѣе или менѣе за оконной рѣшеткой, опять возвратилась къ интересовавшему ее вопросу о коликахъ ребенка въ періодъ цвѣтенія мангиферовъ. Въ медицинѣ познанія ламы ограничивались симпатическими средствами. Онъ вѣрилъ, что навозъ черной лошади, смѣшанный съ сѣрой и положенный въ змѣиную кожу—самое дѣйствительное лекарство отъ холеры; символизмъ интересовалъ его гораздо больше науки. Гурри-бабу отнесся къ его взглядамъ снисходительно и съ очаровательной любезностью, такъ что лама назвалъ его вѣжливымъ врачомъ. Гурри-бабу возразилъ, что онъ только неопытный ученикъ, поверхностно занимающійся тайнами природы, но что онъ, по крайней мѣрѣ,—и за это онъ благодаренъ Богу—отлично знаетъ, когда находится въ присутствіи настоящаго мастера. Онъ учился у сагибовъ, не жалѣвшихъ издержекъ на его образованіе, но—и онъ первый всегда это признавалъ—существуетъ мудрость болѣе высокая, чѣмъ земная мудрость: возвышенная и одинокая наука созерцанія. Кимъ смотрѣлъ на него съ завистью. Тотъ Гурри-бабу, котораго онъ зналъ, лоснящійся, болтливый и нервный—исчезъ; исчезъ и вчерашній нахальный продавецъ лекарствъ. Вмѣсто него сидѣлъ вѣжливый, внимательный, хорошо

образованный и скромный человѣкъ, наученный опытомъ и невзгодами, благоговѣйно внимающій мудрымъ изреченіямъ ламы.

Старая дама призналась Киму, что эти важныя матеріи были выше ея пониманія. Она любила заклинанія, написанныя чернилами; ихъ можно было смыть въ водѣ, проглотить, да и дѣло съ концомъ. Иначе какая же польза была бы отъ боговъ? Она любила всѣхъ людей, мужчинъ и женщинъ, и охотно разсказывала о нихъ,—о царькахъ, которыхъ знала въ былыя времена; о собственной молодости и красотѣ, о хищническихъ нападеніяхъ леопардовъ; о погребальныхъ церемоніяхъ; о томъ, какъ надо ухаживать за дѣтьми, и какъ молодые люди потеряли всякій стыдъ. Кимъ, интересовавшійся жизнью міра сего, въ которую только-что вступилъ и которую она должна была уже скоро покинуть, жадно внималъ ей, подобравъ ноги подъ подоломъ своей одежды, тогда какъ лама уничтожалъ одну за другой всѣ теоріи леченія тѣла, предлагаемыя Гурри-бабу.

Въ полдень „бабу" связалъ ремнемъ свой окованный мѣдью ящикъ съ лекарствами, взялъ въ одну руку патентованные кожаные, парадные башмаки, въ другую—яркій голубой съ бѣлымъ зонтикъ и отправился къ сѣверу, въ Дунъ, куда, по его словамъ, его требовали мелкіе владыки тамошнихъ земель.

— А мы съ тобой пойдемъ, когда наступитъ вечерняя прохлада, чела,—сказалъ лама.—Этотъ вѣжливый врачъ, изучившій физическія науки, утверждаетъ, что жители этихъ невысокихъ горъ набожны, великодушны и нуждаются въ учителѣ. Очень недалеко,—такъ говоритъ хакимъ—насъ овѣетъ прохладный воздухъ и ароматъ сосенъ.

— Вы идете въ горы? И по кулусской дорогѣ? О, трижды счастливые! — пронзительно вскрикнула старая дама. — Еслибы меня не удручали немного заботы по хозяйству, то я взяла бы паланкинъ... Но это было бы безстыдствомъ, и моя репутація погибла бы. Хо! хо! Я знаю эту дорогу, каждый шагъ на ней мнѣ знакомъ. Вы повсюду найдете гостепріимство—такому красивому не отказываютъ. Я распоряжусь насчетъ провизіи. Дать вамъ слугу въ провожатые? Нѣтъ... ну, такъ, по крайней мѣрѣ, я вамъ нажарю и напеку вкусной ѣды.

— Что за женщина сагиба!—произнесъ старый слуга съ сѣдыми усами.—Она никогда не забывала друга, она никогда не забывала врага во всю свою жизнь. Что же касается ея кухни... ухъ!—онъ потеръ свой тощій желудокъ. И дѣйствительно, сагиба не забыла своихъ друзей: тутъ были и лепешки,

и сласти, и холодная птица, тушенная кусочками съ рисомъ и черносливомъ. Кима нагрузили всей этой провизіей, какъ мула.

— Я стара и не приношу никому никакой пользы,—сказала старая дама.—Меня ужъ теперь никто не любитъ и никто не уважаетъ, но немногіе сравнятся со мною, когда я взываю къ богамъ или справляюсь съ моими кухонными горшками. Приходите ко мнѣ опять, о, люди съ доброй волей! Святой отецъ и ты, ученикъ его, приходите ко мнѣ опять! Комната всегда приготовлена, и весь домъ къ вашимъ услугамъ. Смотри, чтобы женщины не бѣгали ужъ слишкомъ открыто за твоимъ ученикомъ. Я знаю кулусскихъ женщинъ. А ты, чела, берегись, какъ бы онъ не сбѣжалъ, почуявъ запахъ родныхъ горъ... Ай! смотри, не опрокинь мѣшокъ съ рисомъ... Благослови, святой отецъ, наше хозяйство и прости рабѣ твоей всѣ ея глупости!

Она вытерла концомъ покрывала свои покраснѣвшіе старческіе глаза и разсмѣялась гортаннымъ смѣхомъ.

— Женскій разговоръ,—сказалъ уже дорогой лама,—но это только женская слабость. Я далъ ей заклинанье. Она у „колеса" и всецѣло предана кажущимся явленіямъ этой жизни, но тѣмъ не менѣе, чела, она добродѣтельна, добра, гостепріимна, съ широкимъ и горячимъ сердцемъ. Кто можетъ сказать, что она не угодитъ Богу?

— Только не я, святой отецъ,—отвѣчалъ Кимъ, перекладывая съ одного плеча на другое шестъ съ привязанными къ его концамъ корзинами съ обильной провизіей.—Я старался въ воображеніи представить себѣ такую женщину уже освобожденною отъ „колеса", ничего не желающею, ничего не говорящею, въ родѣ какъ бы монахиней.

— Ну и что же, бѣсенокъ ты этакій?—Лама почти громко разсмѣялся.

— Я не могъ вообразить себѣ ее такою.

— Я тоже не могу. Но ей предстоятъ еще многіе и многіе милліоны жизней. Быть можетъ, она въ каждой изъ нихъ будетъ понемногу пріобрѣтать мудрость.

— Но я надѣюсь, что во время своихъ превращеній она не разучится дѣлать тушеное мясо съ шафраномъ?

— Твой умъ направленъ на недостойные предметы. Но это правда, она обладаетъ большимъ искусствомъ... Мнѣ легче дышется. Когда мы дойдемъ до горъ, я еще болѣе окрѣпну. Хакимъ сегодня утромъ правду сказалъ, что дыханіе снѣговъ сдуваетъ двадцать лѣтъ съ плечъ человѣка. Мы взойдемъ на горы, на высокія горы, чтобы послушать шумъ таящихъ снѣговъ и

шумъ деревьевъ—хоть не надолго. Хакимъ—мудрый человѣкъ, но безъ всякой гордости. Я ему разсказалъ, пока ты говорилъ съ сагибой, о головокруженіи и боли въ затылкѣ, которыя у меня дѣлаются по ночамъ. Онъ сказалъ, что это—слѣдствіе чрезмѣрной жары, и что все пройдетъ отъ свѣжаго воздуха. Подумавъ, я даже удивился, что мнѣ самому раньше не пришла въ голову такая простая мысль.

— А ты разсказалъ ему про свое исканіе?—спросилъ съ ревнивымъ чувствомъ Кимъ. Ему было бы пріятнѣе, еслибы на ламу подѣйствовали его слова, а не плутовской обманъ Гурри-бабу.

— Конечно. Я ему разсказалъ о моемъ видѣніи и о томъ, какъ я угодилъ Богу, давъ тебѣ возможность пріобрѣсти мудрость.

— Ты не сказалъ ему, что я—сагибъ?

— Зачѣмъ? Я много разъ говорилъ тебѣ, что мы не что̀ иное, какъ двѣ души, ищущія освобожденія. Онъ сказалъ—и онъ вполнѣ правъ,—что рѣка исцѣленія, какъ это было и въ видѣніи, брызнетъ у меня изъ-подъ ногъ, если будетъ нужно. Найдя истинный путь, освобождающій отъ „колеса", долженъ ли я буду заботиться о томъ, чтобы разыскивать путь черезъ земныя поля, представляющія собою одну обманчивую видимость? Я помогъ тебѣ найти предсказаннаго тебѣ „краснаго быка". Я былъ въ этомъ случаѣ только орудіемъ. Ты найдешь мнѣ мою рѣку и тоже будешь только орудіемъ. Исканіе увѣнчается успѣхомъ!

Онъ обратилъ къ манившимъ его горамъ свое желтое, какъ слоновая кость, ясное и безмятежное лицо, а передъ нимъ, по землѣ, двигалась его длинная тѣнь.

XIII.

„Кто идетъ въ горы, тотъ идетъ къ своей матери".

Съ каждымъ днемъ они углублялись все дальше и дальше въ нагроможденныя толпою горы, и Кимъ наблюдалъ, какъ съ каждымъ днемъ къ ламѣ возвращались силы. Проходя черезъ дунскія террасы, онъ еще опирался на плечо Кима и готовъ былъ воспользоваться каждой остановкой. Поднявшись по покатому склону къ Муссури, онъ весь подобрался, какъ старый охотникъ, осматривающій знакомый берегъ, и вмѣсто того, чтобы опуститься на землю въ изнеможеніи, закинулъ на плечо длинныя складки своей одежды, глубоко вдохнулъ въ себя въ два пріема кри-

стальный воздухъ и пошелъ такъ, какъ ходятъ горцы. Кимъ, родившійся и выросшій въ долинѣ, обливался пòтомъ и задыхался, съ изумленіемъ глядя на старика.

— Это моя родная сторона,—сказалъ лама;—сравнительно съ Зухъ-Зенъ, здѣсь земля ровнѣе, чѣмъ рисовое поле.

И онъ двинулся впередъ размѣренными, умѣлыми шагами. На крутомъ спускѣ съ холма, проходя три тысячи футовъ въ три часа, онъ далеко обошелъ своего ученика. У Кима болѣла спина, потому что онъ все время старался откидываться назадъ при спускѣ, а травяная веревка отъ сандаліи почти перерѣзала ему большой палецъ. Лама стремился впередъ черезъ большіе лѣса деодаровъ, гдѣ дрожали кружевныя тѣни, черезъ дубовые лѣса, украшенные папоротниками, какъ перьями, черезъ березовыя рощи и рощи остролистника, рододендроновъ и сосенъ, взбираясь на склоны обнаженныхъ холмовъ, покрытыхъ только скользкою, выгорѣвшею на солнцѣ травою, и снова спускаясь въ лѣсную прохладу, пока дубъ не смѣнялся бамбукомъ и пальмами долинъ.

Оглядываясь въ сумеркахъ на огромные горные хребты, оставшіеся позади него, и тонкую, блѣдную линію пройденной дороги, онъ, съ свойственной только горцамъ широтой взгляда, намѣчалъ дальнѣйшій путь на завтра. Сначала дыханіе вѣчныхъ снѣговъ было довольно умѣренное, но черезъ нѣсколько дней, когда они достигли высоты девяти или десяти тысячъ футовъ, горный вѣтеръ началъ рѣзать лицо путниковъ, и Кимъ милостиво дозволилъ горцамъ изъ одной деревушки угодить Богу, давъ имъ грубую попону. Лама кротко удивлялся, что можно было имѣть что-нибудь противъ рѣжущаго какъ ножемъ вѣтра: у него этотъ вѣтеръ срывалъ только лишніе годы съ плечъ.

— Это вѣдь еще только небольшія горы, чела. Холодъ начнется только когда мы дойдемъ до настоящихъ горъ.

— Воздухъ и вода здѣсь хорошіе и народъ довольно благочестивый, но пища очень плохая,—проворчалъ Кимъ,—и мы идемъ такъ, точно мы сумасшедшіе—или англичане. По ночамъ довольно сильно морозитъ.

— Можетъ быть немножко,—настолько, чтобы заставить старыя кости радоваться солнышку. Не вѣчно же намъ нѣжиться на мягкихъ постеляхъ и объѣдаться роскошной пищей.

— Будемъ, по крайней мѣрѣ, держаться дороги.

На ихъ пути попадались горныя деревушки, состоявшія изъ земляныхъ и глиняныхъ хижинъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были деревянныя кровли, съ грубыми выпиленными украшеніями.

Онѣ лѣпились, какъ ласточкины гнѣзда, по отвѣснымъ скаламъ, тѣснясь одна къ другой на крошечныхъ площадкахъ на половинѣ склона въ три тысячи футовъ вышиною; жались въ расщелинѣ между двухъ утесовъ, обдуваемыхъ со всѣхъ сторонъ вѣтрами, или на вершинѣ, соблазнительной своими лѣтними пастбищами, но зимою покрытой на десять футовъ снѣгомъ. Обитатели их, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, грязные, въ шерстяныхъ одеждахъ, съ голыми короткими ногами и почти эскимосскими лицами, толпами собирались вокругъ ламы и поклонялись ему.

Жители долинъ, кроткій и ласковый народъ, почитали ламу какъ святѣйшаго изъ святыхъ людей. Но горцы обожали его, какъ существо, находящееся въ общеніи со всѣми дьяволами. Религія ихъ представляла собою искаженные остатки буддизма, омраченные обожествленіемъ природы, фантастическимъ, какъ ихъ родные пейзажи, и тщательно разработаннымъ, какъ ихъ крошечныя поля. Однако, большая шляпа, щелкающія четки и удивительныя китайскія изреченія были для нихъ большимъ авторитетомъ, и они относились съ почтеніемъ къ человѣку, носившему эту большую шляпу.

Мало-по-малу Кимъ началъ находить удовольствіе въ этомъ трудномъ путешествіи. Отъ сухого вѣтра, вздыхавшаго на вершинахъ головоломныхъ тропинокъ, кожа его загрубѣла и сдѣлалась болѣе выносливой, а крутые подъемы образовали новые упругіе мускулы на его икрахъ и бедрахъ.

Они часто размышляли о „колесѣ жизни“, еще чаще съ тѣхъ поръ, какъ, по словамъ ламы, освободились отъ его видимыхъ искушеній. Если не считать сѣраго орла, случайно замѣченнаго медвѣдя, рывшагося въ землѣ на склонѣ холма, пятнистаго леопарда, пожиравшаго козла въ сумеркахъ, на днѣ тихой долины, и попадавшихся, отъ времени до времени, пестрыхъ птицъ, то они были одни, совершенно одни, среди вѣтровъ и травы, однообразно пѣвшей подъ вѣтромъ. Женщины въ дымныхъ хижинахъ, по крышамъ которыхъ они проходили, спускаясь съ горъ, непривѣтливыя и нечистоплотныя, были женами нѣсколькихъ мужей и страдали зобомъ. Мужчины занимались или рубкой лѣса, или земледѣліемъ, были очень кротки и просты до невѣроятія. Но судьба, не желая лишить нашихъ путниковъ подходящаго собесѣдника, послала имъ любезнаго врача изъ Дакки, котораго они нагнали или который ихъ поджидалъ на пути. За ѣду онъ платилъ туземцамъ мазью, вылечивавшей зобъ, и совѣтами, водворявшими миръ среди мужей и женъ. Повидимому, онъ такъ же хорошо

зналъ горы, какъ и горныя нарѣчія, и увѣрилъ ламу, что они могли бы въ одну минуту возвратиться въ долины, но что для человѣка, любящаго горы, ихъ путь представлялъ много занимательнаго. Все это онъ сообщилъ не сразу, а понемногу, во время вечернихъ встрѣчъ въ каменныхъ гумнахъ, гдѣ врачъ, покончивъ съ своими паціентами, начиналъ курить, лама нюхалъ табакъ, а Кимъ наблюдалъ крошечныхъ коровокъ, щипавшихъ траву на крышахъ домовъ, или стремился душою и взглядомъ къ глубокимъ безднамъ, синѣвшимъ среди горныхъ цѣпей. Происходили и отдѣльные разговоры въ темныхъ лѣсахъ, когда врачъ собиралъ травы, а Кимъ сопровождалъ его въ качествѣ будущаго врача.

— Видите ли, м-ръ О'Гара, я, чортъ возьми, не знаю, что̀ мнѣ, собственно, дѣлать, когда я встрѣчу нашихъ любителей спорта, но если вы не будете терять изъ виду моего зонтика, то я буду чувствовать себя гораздо лучше. Я только боюсь, какъ бы они не отослали всѣхъ своихъ писемъ и компрометтирующихъ бумагъ. Конечно, они отправятся какъ можно дальше на востокъ, чтобы показать, что никогда не были въ западныхъ государствахъ. Я разспрашивалъ о нихъ моихъ паціентовъ,—ихъ здѣсь повсюду знаютъ. Вы увидите, что я ихъ поймаю гдѣ-нибудь въ чинійской долинѣ. Только, пожалуйста, не упускайте изъ виду моего зонтика!

Этотъ зонтикъ кивалъ имъ издали то въ долинѣ, то на склонѣ горъ, какъ колеблемый вѣтромъ гіацинтъ, и, слѣдуя за нимъ, Кимъ и лама достигли наконецъ мѣстности, заключавшей въ себѣ цѣлый особенный міръ. Это была долина, тянувшаяся на множество миль, съ холмами, образовавшимися изъ щебня и мелкихъ горныхъ обломковъ. Послѣ цѣлаго дня ходьбы они такъ же мало подвинулись впередъ, какъ спящій человѣкъ въ кошмарѣ, едва передвигающій отяжелѣвшія ноги. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ трудомъ подвигались они по ребру одного изъ холмовъ, выставивъ впередъ плечи,—и что̀ же? Оказалось, что это была одна изъ самыхъ дальнихъ возвышенностей въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ отроговъ главнаго хребта. То, что̀ имъ представлялось издали круглой лужайкой,—когда они приблизились къ ней, оказалось обширнымъ плоскогорьемъ, убѣгавшимъ далеко въ долину. Черезъ три дня оно имъ казалось едва замѣтной складкой на землѣ, идущей къ югу.

— Навѣрное тутъ обитаютъ боги,—сказалъ Кимъ, пораженный царившимъ вокругъ молчаніемъ, необъятностью пространствъ

и разорванными тѣнями отъ облаковъ послѣ дождя.—Здѣсь не мѣсто жить людямъ!

— Давнымъ давно,—проговорилъ лама, какъ бы про себя, —спросили однажды Владыку, вѣченъ ли міръ. На это Совершеннѣйшій не далъ отвѣта... Когда я былъ на Цейлонѣ, одинъ мудрый искатель подтвердилъ мнѣ это изъ священной книги, написанной на языкѣ Пали. Конечно, если намъ извѣстенъ путь къ успокоенію, то этотъ вопросъ безполезенъ, но... смотри и познавай заблужденіе, чела! Это—настоящія горы! Онѣ похожи на мои родныя горы въ Зухъ-Зенъ. Никогда не бывало подобныхъ горъ!

Надъ ними, неизмѣримо выше того мѣста, гдѣ они находились, мѣстность возвышалась по направленію къ цѣпи снѣжныхъ горъ. Тамъ, съ востока на западъ, на протяженіи сотни миль виднѣлись правильные, какъ бы разлинованные линейкой, участки, заросшіе послѣдними березами, не побоявшимися такой высоты. Надъ ними, отдѣльными глыбами или пересѣкая землю какъ бы поясомъ, скалы вздымали свои вершины надъ сѣдою, туманною мглою, а еще выше—неизмѣнные съ сотворенія міра, но измѣняющіеся по малѣйшей прихоти вѣтра и тумана, лежали вѣчные снѣга. Они могли разсмотрѣть всѣ впадины и пятна на ихъ поверхности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ взвивались и плясали вихри и мятели. Внизу, подъ ихъ ногами, миля за милей тянулся лѣсъ, переходя мало-по-малу въ синевато-зеленую полосу. За лѣсомъ находилась деревня съ немногими, расположенными въ видѣ террасъ, полями и крутыми пастбищами.

По обыкновенію, лама повелъ Кима далеко отъ главной дороги, по тропинкамъ, протоптаннымъ коровами, и окольными путями, гдѣ за три дня до этого Гурри-бабу, этотъ „пугливый человѣкъ", пробрался, какъ олень во время страшной грозы, которую девять изъ десяти англичанъ не смогли бы выдержать. Гурри-бабу, сидя на гумнѣ въ Зиглорѣ, увидѣлъ все, что̀ ему было нужно, а именно: двѣ маленькія точки въ двадцати миляхъ, если идти прямо, какъ летитъ орелъ,—и въ сорока, если идти проложенными дорогами. Въ первый день эти точки находились какъ разъ подъ снѣжной цѣпью, а на другой день подвинулись внизъ по склону холма на какіе-нибудь шесть дюймовъ. Когда положеніе дѣлъ выяснялось и Гурри-бабу принимался за работу, то проявлялъ необыкновенную способность проходить огромныя пространства своими толстыми босыми ногами. Поэтому, въ то время какъ Кимъ и лама пережидали грозу въ зиглорской хижинѣ, пропускавшей дождь черезъ крышу,—весь вымокшій и лоснящійся, но все еще улыбающійся бенгаліецъ съумѣлъ втереться

въ общество двухъ промокшихъ и полу-простуженныхъ иностранцевъ. Онъ прекрасно говорилъ по-англійски, хотя не всегда прекрасныя фразы, и явился, обдумывая самые дикіе планы дѣйствія, тотчасъ же вслѣдъ за грозою, съ трескомъ обрушившею сосну на стоянку этихъ двухъ иностранцевъ.

Вновь пришедшій легко убѣдилъ, на мѣстномъ нарѣчіи, сопровождавшихъ иностранцевъ и перепуганныхъ носильщиковъ — кули, въ томъ, что день былъ неблагопріятенъ для дальнѣйшаго пути. Кули тотчасъ же сбросили на землю всю кладь и единодушно рѣшили не двигаться съ мѣста. Это были подданные одного горнаго раджи, эксплуатировавшаго, по обыкновенію, ихъ трудъ, а въ довершеніе ихъ личныхъ неудовольствій иностранные сагибы еще пригрозили имъ винтовками. Большинство изъ нихъ давно было знакомо и съ винтовками, и съ сагибами, но еще во всю жизнь никто съ ними такъ не обращался, и, несмотря на всѣ ругательства и крики, они отказались идти дальше. Бабу выжалъ свое мокрое платье, надѣлъ свои патентованные башмаки, открылъ бѣлый съ голубымъ зонтикъ и аффектированной походкой, съ сильно бьющимся сердцемъ, предсталъ предъ лицо иностранныхъ путешественниковъ въ качествѣ „агента его королевскаго высочества, раджи Рампура“.

— Джентльмены! Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ?

Джентльмены были въ восторгѣ. Повидимому, они были французы, но говорили по-англійски немногимъ хуже „бабу“. Они прибѣгли къ его помощи. Ихъ туземная прислуга заболѣла въ пути; они очень спѣшили, торопясь доставить трофеи своей охоты въ Симлу, пока моль не поѣла шкуръ. У нихъ было рекомендательное письмо (бабу привѣтствовалъ его по-восточному) къ должностнымъ лицамъ всѣхъ государствъ. Другихъ партій охотниковъ въ пути они не встрѣчали, справлялись одни. Припасовъ у нихъ было довольно, но все-таки имъ хотѣлось бы двигаться впередъ какъ можно скорѣе. Послѣ этого бабу подкараулилъ одного изъ горцевъ, усѣвшагося на землю на корточки подъ деревьями, и черезъ три минуты, съ помощью нѣкотораго разговора и небольшого количества денегъ (находясь на государственной службѣ, нельзя быть экономнымъ, хотя сердце бабу и облилось кровью при этой лишней тратѣ) ему удалось снова созвать одиннадцать кули. Они рѣшили, что, по крайней мѣрѣ, „бабу“ будетъ свидѣтелемъ претерпѣваемыхъ ими притѣсненій.

— Моему повелителю это будетъ очень непріятно, но вѣдь они народъ простой и въ высшей степени невѣжественный. Я

буду очень радъ, если ваша милость снисходительно отнесетесь къ этому происшествію. Скоро дождикъ пройдетъ, и тогда мы можемъ двинуться дальше. Вы охотились, да? Хорошее это дѣло!

Онъ сталъ проворно переходить отъ одной „кильты" къ другой, дѣлая видъ, что приводитъ въ порядокъ и прилаживаетъ конусообразныя корзины. Англичанинъ никогда не будетъ фамильяренъ съ азіатомъ, но не станетъ также ударять въ грудь добродушнаго „бабу" за то, что онъ нечаянно опрокинулъ кильту съ крышкой, обтянутой красной клеенкой. Съ другой стороны, онъ никогда не станетъ напаивать бабу и приглашать его къ обѣду. Иностранцы поступили именно такъ и задавали много вопросовъ, преимущественно о женщинахъ, на каковые вопросы Гурри отвѣчалъ весело и просто. Они дали ему выпить стаканъ бѣловатой жидкости, похожей на джинъ, а потомъ налили и еще, и скоро онъ утратилъ всю свою важность, разгорячился, сталъ вести себя какъ настоящій измѣнникъ, говоря плаксивымъ тономъ и въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ о своемъ правительствѣ, давшемъ ему насильно образованіе бѣлаго человѣка и не позаботившемся о томъ, чтобы снабдить его жалованьемъ бѣлаго человѣка. Онъ бормоталъ заплетающимся языкомъ, приводя примѣры насилій и несправедливости, пока, наконецъ, слезы не потекли у него по щекамъ и онъ началъ плакать о несчастіи своей родины. Потомъ онъ всталъ, пошатываясь, началъ пѣть бенгальскія любовныя пѣсни и наконецъ свалился на мокрый пень. Никогда еще французамъ не попадался болѣе жалкій продуктъ англійскаго владычества въ Индіи.

— Они всѣ на одинъ образецъ, — сказалъ одинъ охотникъ по-французски другому.—Когда мы попадемъ въ настоящую Индію, ты самъ увидишь. Я хотѣлъ бы попасть къ его раджѣ. Возможно, что онъ слышалъ о насъ и захочетъ намъ выразить свое благоволеніе.

— Некогда намъ. Мы должны какъ можно скорѣе попасть въ Симлу,—возразилъ ему товарищъ.—Что до меня касается, то я бы хотѣлъ, чтобы наши донесенія уже были отосланы.

— Англійская почта лучше и надежнѣе. Они сами всячески облегчаютъ намъ нашу задачу. Что̀ это,—невѣроятная глупость?

— Нѣтъ, это гордость,—гордость, которая заслуживаетъ наказанія и получитъ его.

— Да, перехитрить и побѣдить какого-нибудь молодца европейца въ нашемъ дѣлѣ—это что-нибудь да значитъ. Тамъ приходится рисковать, а съ этимъ народомъ... это слишкомъ легко.

— Гордость, все это ихъ гордость, мой другъ.

„Ну, на кой мнѣ чортъ все это,—думалъ Гурри, похрапывая съ открытымъ ртомъ на влажномъ мху,—если я не понимаю по-французски? Они говорятъ удивительно скоро! Было бы гораздо лучше по-просту перерѣзать имъ ихъ дурацкія горла".

Когда, проспавшись, онъ появился снова, то у него мучительно болѣла голова, онъ каялся въ своемъ поведеніи и все время выражалъ страхъ, что не былъ сдержанъ и проговорился въ пьяномъ видѣ. Онъ вѣдь такъ любилъ англійское правительство, служившее источникомъ благоденствія и славы для всей страны, и его рампурскій властелинъ былъ точно такого же мнѣнія. Тогда иностранцы стали поднимать его на смѣхъ и приводить произнесенныя имъ слова, пока, наконецъ, бѣдный „бабу", пробовавшій сначала отвергать всѣ обвиненія, умолявшій ихъ съ нѣжными масляными улыбками и подмигиваньями, не былъ выбитъ изъ позиціи и принужденъ говорить... правду.

Когда впослѣдствіи Лурганъ узналъ объ этой исторіи, то чуть не заплакалъ, и громко выражалъ сожалѣніе о томъ, что не могъ очутиться на мѣстѣ тупоумныхъ и ненаблюдательныхъ кули, дожидавшихся подъ открытымъ небомъ, прикрывъ головы травяными циновками. Всѣ знакомые сагибы, грубо одѣтые веселые люди, ежегодно возвращавшіеся охотиться по своимъ излюбленнымъ оврагамъ, имѣли слугъ, поваровъ и вѣстовыхъ, часто набираемыхъ изъ горцевъ. А эти сагибы путешествовали безъ всякой свиты. Поэтому они были бѣдные сагибы и невѣжественные: никакой здравомыслящій сагибъ не послушался бы совѣта бенгалійца. Но этотъ, появившійся неизвѣстно откуда, бенгаліецъ далъ имъ денегъ и, конечно, будетъ хитритъ, пользуясь знаніемъ мѣстнаго нарѣчія. Кули подозрѣвали, что имъ готовятъ какую-то ловушку, и рѣшили бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ.

Наконецъ они двинулись въ путь, вдыхая омытый дождемъ воздухъ, весь дымившійся благовонными испареніями земли и травъ и шагая по образовавшимся многочисленнымъ лужамъ. Бабу служилъ путеводителемъ, съ гордостью выступая впереди „кули" и скромно пропуская впередъ иностранцевъ. Его осаждали многочисленныя и самыя разнообразныя мысли. Самая незначительная изъ нихъ была бы способна заинтересовать его спутниковъ выше всякой мѣры. Впрочемъ, онъ былъ пріятнымъ проводникомъ. Онъ населялъ горы всевозможными звѣрями и животными, какихъ только имъ хотѣлось убить, разсуждалъ о ботаникѣ и этнологіи съ удивительной неточностью, а его запасъ всевозможныхъ мѣстныхъ легендъ (не надо было забывать, что онъ въ продолженіе

пятнадцати лѣтъ состоялъ государственнымъ тайнымъ агентомъ) былъ неисчерпаемъ.

— Рѣшительно, этотъ малый большой оригиналъ, — произнесъ старшій изъ путешественниковъ.—Свою родину онъ утратилъ, а новой не пріобрѣлъ. Но онъ питаетъ глубочайшую ненависть къ завоевателямъ. Послушай-ка, вчера вечеромъ онъ признался мнѣ, что...—и т. д.

Гурри-бабу подъ своимъ полосатымъ зонтикомъ напрягалъ и слухъ, и мозгъ, чтобы слѣдить за быстро льющейся французской рѣчью, и не спускалъ глазъ съ кильты, наполненной чертежами и документами. Это была самая большая корзина съ двойною крышкой изъ красной клеенки. Онъ не хотѣлъ ничего красть. Онъ только хотѣлъ знать, что̀ именно слѣдовало украсть и какимъ образомъ слѣдовало улизнуть, укравши. Онъ благодарилъ всѣхъ боговъ Индостана и Герберта Спенсера, что еще существовали цѣнности, которыя стоило красть.

На другой день дорога круто поднялась къ откосу, возвышавшемуся надъ лѣсомъ и покрытому травой. Тамъ, когда солнце стало садиться, имъ попался старый лама (они назвали его бонзой). Онъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, надъ какою-то таинственной хартіей, развернутой на землѣ и придерживаемой камнями, и объяснялъ сдѣланный на ней рисунокъ, повидимому, новообращенному юношѣ рѣдкой, хотя и нѣсколько дикой красоты.

Кимъ еще съ половины перехода разсмотрѣлъ пестрый зонтикъ и, чтобы подождать бабу, внушилъ ламѣ, что надо сдѣлать остановку.

— Ха! — произнесъ Гурри-бабу съ находчивостью кота въ сапогахъ.—Это важный мѣстный святой человѣкъ. Быть можетъ, онъ подданный моего повелителя.

— Что̀ такое онъ дѣлаетъ? Это очень любопытно.

— Онъ толкуетъ святое изображеніе; оно все сдѣлано отъ руки.

Оба путешественника, залитые косыми лучами солнца, остановились съ непокрытыми головами въ блестѣвшей, какъ золото, травѣ. Угрюмые кули, радуясь остановкѣ, спустили на землю свою поклажу.

— Посмотри, — сказалъ старшій путешественникъ. — Это точно картина рожденія религіи: первый учитель и первый ученикъ. Онъ буддистъ?

— Да, только не настоящій,—отвѣчалъ другой.—Въ горахъ настоящихъ буддистовъ нѣтъ. Но посмотри на складки его одежды. Взгляни на его глаза,—какое наглое выраженіе!

Онъ нахмурился и съ угрозой посмотрѣлъ на кроткое лицо ламы и на всю его фигуру, выражавшую глубокое спокойствіе.

— Ты бы его зарисовалъ,—предложилъ ему его товарищъ.

Между тѣмъ бабу приблизился къ сидящимъ величественной походкой. Его сильно выпрямленная спина совершенно не соотвѣтствовала дружелюбному кивку въ сторону Кима и почтительной рѣчи, съ которою онъ обратился къ ламѣ.

— Святой отецъ, это сагибы. Мои лекарства вылечили одного изъ нихъ отъ простуды, и я отправляюсь въ Симлу, чтобы наблюдать за его выздоровленіемъ. Они хотятъ посмотрѣть твой рисунокъ...

— Лечить больного всегда хорошо. Это „колесо жизни",— отвѣчалъ лама.—То самое, что я тебѣ показывалъ въ хижинѣ, въ Зиглорѣ, когда шелъ дождь.

— Они хотятъ также послушать, какъ ты объясняешь рисунокъ.

Глаза ламы засверкали при мысли, что у него явятся новые слушатели.

— Толковать совершеннѣйшій путь — доброе дѣло. Обладаютъ ли они знаніемъ Индіи, какъ „хранитель изображеній"?

— Можетъ быть, они знакомы съ нею немного.

Тогда лама, съ простотою ребенка, овладѣвающаго игрою, откинулъ назадъ голову и началъ произносить громкое воззваніе, съ которымъ ученый служитель божества обращается къ слушателямъ, прежде, чѣмъ раскрыть имъ свое ученіе во всей его полнотѣ. Иностранцы оперлись на свои длинныя альпійскія палки и слушали, а Кимъ, скромно скорчившись на корточкахъ, наблюдалъ, какъ алѣли ихъ лица отъ солнечныхъ лучей, какъ раздѣлялись и снова сплетались ихъ тѣни. На нихъ были длинныя штиблеты и удивительные ременные пояса, смутно напомнившіе ему картинки въ одной книгѣ изъ библіотеки въ Сентъ-Ксавье, подъ заглавіемъ: „Приключенія юнаго натуралиста въ Мексикѣ". Они очень были похожи на одного изъ удивительныхъ героевъ этой повѣсти и нисколько не похожи на „въ высшей степени беззастѣнчивыхъ людей", какими воображалъ ихъ себѣ Гурри-бабу. Темнокожіе безмолвные кули усѣлись въ почтительныхъ позахъ на землѣ, на разстояніи двадцати или тридцати ярдовъ, а бабу сталъ возлѣ Кима, съ видомъ счастливаго собственника, причемъ полы его одежды, развѣваемыя свѣжимъ вѣтеркомъ, хлопали какъ флагъ.

— Это и есть тѣ самые люди, — прошепталъ Гурри, когда лама началъ развивать свое ученіе, согласно уставу, и оба ино-

странца стали слѣдить за травинкой, двигавшейся отъ „ада“ къ „небу“ и обратно.—Всѣ ихъ книги находятся въ большой кильтѣ съ красной крышкой,—книги, и донесенія, и карты; — я замѣтилъ также письмо, написанное Гиласомъ или Бунаромъ. Они его берегутъ тщательнѣйшимъ образомъ. Они ничего еще не отсылали. Это навѣрное.

— А кто съ ними?

— Одни только нищіе кули. Прислуги у нихъ нѣтъ. Они такъ скупы, что сами готовятъ себѣ кушанья.

— А что̀ же я долженъ дѣлать?

— Дожидайся и наблюдай. Если мнѣ представится счастливый случай, то ты будешь знать, гдѣ искать бумаги.

— Гораздо лучше имѣть дѣло съ Магбубомъ-Али, чѣмъ съ бенгалійцемъ,—раздраженно произнесъ Кимъ.

— Ну, еще бы. Завести себѣ любовницу гораздо легче, чѣмъ разрушить стѣну.

— Глядите, здѣсь находится „адъ“, предназначенный для скупыхъ и алчныхъ людей. Съ одной стороны, его осаждаетъ „желаніе“, съ другой—„скука“.

Лама увлекался своею рѣчью, и одинъ изъ иностранцевъ зачерчивалъ его фигуру при свѣтѣ быстро меркнувшаго дня.

— Ну, довольно,—произнесъ онъ неожиданно. — Я не понимаю, что̀ онъ тамъ говоритъ, но мнѣ хотѣлось бы имѣть рисунокъ. Онъ, какъ художникъ, выше меня. Спроси его, не продастъ ли онъ мнѣ рисунокъ.

— Онъ говоритъ „нѣтъ“, сэръ,—отвѣчалъ бабу.

Лама, конечно, такъ же мало былъ расположенъ уступить свою хартію случайному прохожему, какъ какой-нибудь епископъ —отдать въ закладъ святую утварь изъ своего собора. По всему Тибету попадаются дешевыя копіи съ рисунка „колеса жизни“, но лама былъ настоящимъ художникомъ настолько же, насколько богатымъ настоятелемъ у себя на родинѣ.

— Можетъ быть, черезъ три или четыре дня, если я замѣчу, что сагибъ—искатель и хорошо понимаетъ ученіе, я самъ сдѣлаю ему другой рисунокъ. Но этотъ уже былъ употребленъ для посвященія новообращеннаго. Передай ему это, хакимъ.

— Онъ хочетъ получить его сейчасъ за деньги.

Лама медленно покачалъ головой и началъ свертывать рисунокъ. Но французъ видѣлъ въ немъ только неопрятнаго старика, торгующагося изъ-за клочка грязной бумаги. Онъ вытащилъ пригоршню рупій и полушутя схватилъ бумагу, которая разорвалась, крѣпко придерживаемая рукою ламы. Крикъ ужаса вы-

рвался у кули, изъ которыхъ нѣкоторые были добрыми буддистами. Лама вскочилъ, глубоко оскорбленный. Рука его ухватилась за тяжелый желѣзный пеналъ, служащій оружіемъ для монаховъ, и бабу весь задергался отъ ужаса.

— Вотъ теперь вы видите... вы видите, зачѣмъ мнѣ нужны свидѣтели! Они въ высшей степени беззастѣнчивые люди. О, сэръ! сэръ! Вы не должны бить святого старца!

— Чела! Онъ осквернилъ написанное слово!

Но было уже поздно. Прежде чѣмъ Кимъ успѣлъ защитить ламу, французъ ударилъ старика прямо по лицу. Въ слѣдующее мгновеніе онъ уже летѣлъ кубаремъ по склону вмѣстѣ съ Кимомъ, уцѣпившимся ему за горло. Ударъ, нанесенный ламѣ, разбудилъ ирландскаго бѣса, дремавшаго въ крови мальчика, а внезапное паденіе врага докончило остальное. Лама, оглушенный, ударомъ, упалъ на колѣни: кули съ своей поклажей бѣжали внизъ по холму такъ же скоро, какъ жители равнинъ бѣгаютъ по ровному мѣсту. Они были свидѣтелями невыразимаго святотатства, и имъ слѣдовало скрыться, прежде чѣмъ горные боги и дьяволы не отомстили имъ. Другой французъ бросился къ ламѣ, выхвативъ револьверъ и собираясь оставить ему пулю въ залогъ отъ своего товарища, но цѣлый градъ острыхъ камней—горцы очень мѣткіе стрѣлки — отбросилъ его въ сторону. Въ ту же минуту кули изъ Ао-Чунга схватилъ въ охапку ламу, пораженнаго ужасомъ. Все это произошло съ тою же быстротой, съ какой сгустились внезапныя горныя сумерки.

— Они утащили багажъ и всѣ ружья! — вопилъ французъ, стрѣляя на удачу въ темнотѣ.

— Прекрасно, сэръ! Превосходно! Вы только не стрѣляйте. Я иду на выручку.

И Гурри, сбѣжавъ внизъ по откосу, нагнулся всѣмъ тѣломъ въ сторону восхищеннаго и изумленнаго его ловкостью Кима, усердно колотившаго въ это время свою задыхающуюся жертву головой о камень.

— Возвратись къ кули!—прошепталъ бабу на ухо Киму.— У нихъ багажъ. Бумаги находятся въ кильтѣ съ красной крышкой, но ты все пересмотри. Возьми ихъ бумаги, а главное муразлу (королевское письмо). Иди! Вотъ тотъ идетъ сюда!

Кимъ сталъ взбираться на холмъ. Пистолетная пуля прожужжала мимо него, ударившись о скалу, и онъ присѣлъ какъ куропатка.

— Если вы будете стрѣлять,—прогремѣлъ Гурри,—то они спустятся и перебьютъ насъ. Я освободилъ джентльмена, сэръ.

Все это въ высшей степени опасно! Спускайтесь, и помогите мнѣ привести его въ чувство! Мы здѣсь, возлѣ дерева. Вы слышите?

Выстрѣлы прекратились. Послышались чьи-то спотыкающіеся шаги, а Кимъ поспѣшилъ взобраться наверхъ, карабкаясь въ темнотѣ какъ кошка, или какъ истый туземецъ.

— Они не ранили тебя, чела? — раздался надъ нимъ голосъ ламы.

— Нѣтъ. А тебя?

Кимъ пробрался подъ группу малорослыхъ сосенъ.

— Я цѣлъ и невредимъ. Иди сюда! Мы отправимся съ этими людьми въ Шамле-подъ-Снѣгомъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, не раньше, чѣмъ учинимъ судъ и расправу,—крикнулъ чей-то голосъ.—Я забралъ ружья сагибовъ, всѣ четыре. Спустимся внизъ.

— Онъ ударилъ святого старца,—мы сами видѣли,—теперь наша скотина будетъ безплодна и жены перестанутъ рожать. Насъ засыплетъ снѣгомъ по дорогѣ домой... Вотъ что̀ они на насъ накликали въ довершеніе всѣхъ своихъ притѣсненій!

Небольшая площадка, окруженная группой малорослыхъ сосенъ, вся наполнилась криками перепуганныхъ кули, въ своемъ возбужденіи способныхъ на все. Человѣкъ изъ Ао-Чунга нетерпѣливо пощелкивалъ куркомъ своего ружья, приготовляясь спуститься внизъ съ холма.

— Подожди немного, святой отецъ! Они не могли далеко уйти. Подожди, пока я вернусь.

— Этотъ человѣкъ оскорбилъ меня,—произнесъ лама, держась рукою за лобъ.

— Вотъ за это-то мы и проучимъ его,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Но если я пренебрегу оскорбленіемъ, то ваши руки останутся чисты и, кромѣ того, вы заслужите передъ Богомъ своимъ послушаніемъ.

— Подожди здѣсь, и мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Шамле,— настаивалъ горецъ.

Съ минуту лама колебался. Его колебаніе продолжалось ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы зарядить ружье. Потомъ онъ всталъ на ноги и прикоснулся пальцемъ къ плечу горца.

— Ты слышалъ? *Я* говорю, что не должно быть убійства. Я, бывшій настоятель зухъ-зенскаго монастыря. Или, можетъ быть, тебѣ захотѣлось снова родиться въ образѣ крысы или змѣи, скрывающейся подъ кровлей, въ образѣ червя, живущаго

во чревѣ самаго презрѣннаго животнаго? Или, можетъ быть, ты хочешь...

Человѣкъ изъ Ао-Чунга упалъ на колѣни. Голосъ ламы гудѣлъ какъ тибетскій барабанъ, употребляемый для заклинанія дьяволовъ.

— Ай-ай!—закричалъ другой горецъ, родомъ изъ Спити.— Не проклинай насъ, не проклинай его! Вѣдь онъ это изъ усердія, святой отецъ!.. Опусти карабинъ, дуралей!

— Гнѣвъ за гнѣвъ! Зло за зло! Убійства не будетъ. Пусть люди, поднимающіе руку на священнослужителей, становятся рабами собственныхъ поступковъ. Справедливо и вѣрно колесо, не сгибающее ни единаго волоса на головѣ человѣка! Имъ предстоитъ еще много разъ рождаться въ мученіяхъ.—Голова его упала на грудь и онъ тяжело оперся на плечо Кима.

— Я былъ близокъ къ величайшему злу, чела,—прошепталъ онъ среди мертвой тишины, царившей подъ соснами.—У меня было искушеніе дать ему выстрѣлить; правда, въ Тибетѣ ихъ подвергли бы мучительной и медленной смерти... Онъ ударилъ меня въ лицо... прямо по щекѣ...

Онъ опустился на землю, тяжело дыша, и Кимъ различалъ, какъ его утомленное старое сердце то быстро стучало, то останавливалось.

— Они убили его до смерти?—спросилъ человѣкъ изъ Ао-Чунга, а всѣ другіе безмолвно стояли вокругъ.

Кимъ въ смертельномъ страхѣ опустился на колѣни надъ неподвижнымъ тѣломъ.

— Нѣтъ,—воскликнулъ онъ страстно,—это только слабость. Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ бѣлый человѣкъ и обладаетъ средствами бѣлыхъ людей для поданія помощи. — Откройте кильту! У сагибовъ должны быть лекарства.

— Ого! Теперь я знаю, о чемъ ты говоришь,—произнесъ, засмѣявшись, человѣкъ изъ Ао-чунга.—Не даромъ я пять лѣтъ былъ „шикарри" у Янклингъ-сагиба,—мнѣ ли не знать этого лекарства! Я вѣдь и самъ его пробовалъ. Посмотри!

Онъ вытащилъ изъ-за пояса бутылку дешеваго виски и ловко пропустилъ нѣсколько капель сквозь сжатые зубы ламы.

— Такъ я сдѣлалъ, когда Янклингъ-сагибъ вывихнулъ разъ себѣ ногу. Ага! Я уже заглянулъ въ ихъ корзины, но дѣлежъ по всей справедливости мы устроимъ въ Шамле. Дай ему еще. Это хорошее лекарство. Пощупай! Сердце его бьется лучше. Положи его голову на землю и потри ему немного грудь. Еслибы онъ спокойно подождалъ, пока бы я свелъ счеты съ сагибами,

то этого бы никогда не случилось. Но, можетъ быть, еще сагибы погонятся за нами. Тогда недурно будетъ перестрѣлять ихъ изъ ихъ же собственныхъ ружей,—а?

— Одному, я думаю, уже отплачено,—произнесъ сквозь зубы Кимъ.—Я его хватилъ въ ребро, когда мы скатывались съ холма. Жаль, что не убилъ его!

— Хорошо быть храбрымъ, когда не живешь въ Рампурѣ, —проговорилъ одинъ изъ горцевъ.—А про насъ если дурная слава пройдетъ между сагибами, то никто не будетъ насъ брать какъ „шикарри".

Въ это время лама кашлянулъ и сѣлъ, ощупывая свои четки.

— Не должно быть убійства,—прошепталъ онъ.—Справедливо „колесо"! Зло за зло...

— Успокойся, святой отецъ, мы всѣ здѣсь.

Человѣкъ изъ Ао-Чунга смущенно переступалъ съ ноги на ногу.

— Безъ твоего приказанія никто не будетъ убитъ. Отдохни немного. Мы пока побудемъ здѣсь, а позднѣе, когда взойдетъ луна, отправимся въ Шамле-подъ-Снѣгомъ.

— Получивши ударъ, — проговорилъ поучительно человѣкъ изъ Спити,—всего лучше выспаться.

— У меня такое чувство, какъ будто мнѣ дѣлается дурно, а въ затылкѣ—острая колющая боль. Дай, я положу къ тебѣ голову на колѣни, чела. Я старый человѣкъ, но еще не освободился отъ страстей... Мы должны думать о причинѣ вещей.

— Дайте ему покрывало. Намъ нельзя зажечь огня, а то сагибы увидятъ.

— Лучше было бы отправиться въ Шамле. Туда за нами никто не погонится, — произнесъ человѣкъ изъ Рампура, отличавшійся нервностью.—Я служилъ „шикарри" у Фостумъ-сагиба, а теперь „шикарри" Янклингъ-сагиба. Я и теперь былъ бы съ нимъ, еслибы не эта проклятая работа у этихъ новыхъ сагибовъ. Пусть двое людей идутъ сзади съ ружьями, чтобы не дать сагибамъ натворить еще какихъ-нибудь глупостей. Я ни за что не покину святого старца!

Они усѣлись неподалеку отъ ламы и стали прислушиваться, но все было спокойно, и они закурили кальянъ. Красный уголь, переходя изъ рукъ въ руки, бросалъ яркій отблескъ на узкіе, прищуренные глаза, на выдающіяся китайскія скулы, на толстыя и мускулистыя шеи, исчезавшія въ темныхъ складкахъ шерстяной одежды. Въ эту минуту они были похожи на злыхъ духовъ какого-то волшебнаго рудника, на горныхъ гномовъ, собравшихся

на совѣщаніе. И по мѣрѣ того, какъ они говорили, замолкали одинъ за другимъ голоса горныхъ, снѣгомъ рожденныхъ ручьевъ: ихъ стягивалъ и сковывалъ ночной морозъ.

— Какъ онъ поднялся и грозно всталъ передъ нами!—съ восхищеніемъ произнесъ человѣкъ изъ Спити.

— Да,—отвѣчалъ другой горецъ.—Вотъ взойдетъ луна и мы проводимъ его въ Шамле. Тамъ мы по справедливости раздѣлимъ между собою весь багажъ. Я очень доволенъ этимъ новымъ маленькимъ карабиномъ и патронами.

— Да развѣ медвѣди бываютъ злы только въ твоихъ владѣніяхъ?—отозвался одинъ изъ товарищей, потягивая изъ трубки.

— Но вѣдь тамъ и кромѣ карабина добра не мало. Хватитъ и на тебя, а твои жены могутъ взять парусину для палатокъ и кухонную посуду. Мы всѣмъ этимъ распорядимся въ Шамле еще до зари, а потомъ каждый пойдетъ своей дорогой, запомнивъ хорошенько, что мы никогда не видали этихъ сагибовъ и никогда имъ не служили, потому что они, конечно, скажутъ, что мы украли ихъ багажъ.

— Тебѣ хорошо, а вотъ что̀ скажетъ нашъ раджа?

— А ему кто передастъ? Сагибы эти, что-ли, не умѣющіе говорить по нашему, или бабу, давшій намъ денегъ для своей выгоды? Какія же будутъ доказательства?

— Тѣ вещи, которыя намъ не понадобятся, мы бросимъ въ шамлейскую бездну, гдѣ никогда не бывала человѣческая нога.

— А кто на это лѣто остался въ Шамле?

Это мѣстечко состояло изъ трехъ или четырехъ хижинъ среди пастбищъ.

— Женщина изъ Шамле,—она не любитъ сагибовъ, какъ вамъ извѣстно,—а другіе будутъ довольны, если мы имъ сдѣлаемъ маленькіе подарки. Здѣсь на всѣхъ хватитъ.

Онъ ощупалъ толстый, выдавшійся бокъ ближайшей къ нему корзины.

— Но... но...

— Я говорилъ, что они не настоящіе сагибы! Всѣ эти шкуры и головы они купилы на базарѣ въ Лэ. Я самъ видѣлъ клейма и вамъ ихъ показывалъ въ прошлый переходъ.

— Вѣрно! Это все купленныя шкуры и головы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ужъ завелась моль.

Это былъ очень ловкій и вѣрный аргументъ.

— Мы не дѣлаемъ ничего дурного сагибамъ, которыхъ знаемъ, а эти бьютъ святыхъ людей. Они пугали насъ, мы и убѣжали. Кто можетъ знать, гдѣ мы растеряли багажъ?

— Ну, хорошо, но я несу большую кильту. Это корзина съ красной крышкой, которую сагибы сами укладывали каждое утро.

— И этимъ доказали, — искусно вставилъ человѣкъ изъ Шамле,—что они ничего не стòящіе сагибы. Слыхано ли когда-нибудь, чтобы Фостумъ-сагибъ или Янклингъ-сагибъ явились въ горы, не взявъ съ собою повара изъ долины, носильщика и... вообще цѣлой свиты хорошо оплачиваемыхъ людей, умѣющихъ прижать и припугнуть кого слѣдуетъ. Такъ чтò же ты говоришь про кильту?

— Ничего, а только она вся наполнена написанными словами—книгами, бумагами, на которыхъ они что-то записывали, и странными инструментами, похожими на предметы, употребляемые при богослуженіи. Все это полетитъ въ шамлейскую бездну.

— Такъ-то оно такъ, ну а чтò, какъ мы этимъ оскорбимъ боговъ сагибовъ? Я не люблю такъ обращаться съ написаннымъ словомъ, а эти ихъ мѣдные идолы мнѣ совсѣмъ непонятны, и не подобаетъ простымъ горцамъ красть такія вещи.

— А старикъ все еще спитъ. Послушайте, спросимъ-ка его челу.

Человѣкъ изъ Ао-Чунга пріободрился и принялъ гордый видъ заправилы.

— У насъ тутъ есть кильта,—прошепталъ онъ,—но мы не знаемъ, чтò собственно въ ней такое?

— А я знаю,—осторожно произнесъ Кимъ.

Лама спалъ, ровно и спокойно дыша, и Кимъ невольно подумалъ о послѣднихъ словахъ Гурри. Въ качествѣ участника „большой игры", онъ именно теперь готовъ былъ съ уваженіемъ относиться къ бабу.—Ты говоришь про кильту съ красной крышкой, наполненную удивительными вещами, къ которымъ дураки не должны прикасаться?

— Я такъ и говорилъ, я такъ и говорилъ!—закричалъ человѣкъ, несшій въ пути кильту.—Ты думаешь, что это насъ выдастъ?

— Нѣтъ, если вы ее мнѣ отдадите. Я извлеку изъ нея всѣ скрытыя въ ней чары. Иначе она надѣлаетъ много зла.

— Монахъ всегда съумѣетъ получить свою долю.

Виски начинало дѣйствовать деморализирующимъ образомъ на человѣка изъ Ао-Чунга.

— Мнѣ-то какое же дѣло!—отвѣчалъ Кимъ.—Раздѣлите все это между собою и посмотрите, чтò изъ этого выйдетъ.

— Только не я! Я вѣдь пошутилъ. Распоряжайся! Съ насъ и остального за глаза довольно.

Они стали строить всевозможные незамысловатые планы относительно того, что̀ имъ предстояло дѣлать черезъ часъ, а Кимъ весь дрожалъ отъ холода, но также и отъ гордости. Оригинальность положенія льстила какъ ирландскимъ, такъ и восточнымъ особенностямъ его натуры. Двое соглядатаевъ одной изъ великихъ державъ, по всей вѣроятности занимавшіе у себя на родинѣ такое же значительное положеніе, какъ Магбубъ-Али или полковникъ Крейтонъ, были разбиты на голову. Одинъ изъ нихъ—онъ это зналъ лучше, чѣмъ кто-либо—былъ почти искалѣченъ. Еще недавно они пользовались почетомъ у королей, а теперь лежали тамъ, гдѣ-то внизу, лишенные всѣхъ особыхъ привилегій, безъ пищи, безъ палатокъ, безъ ружей и—если не считать Гурри-бабу—безъ проводниковъ. И это совпаденіе ихъ „большой игры", это паническое бѣгство среди ночи, произошло не отъ хитрости и ловкости Гурри или по предначертанію Кима, а само собой, просто, великолѣпно и неизбѣжно, какъ захватъ друзей Магбуба, факировъ, ревностнымъ юнымъ полицейскимъ въ Умбаллѣ.

— И остались они ни съ чѣмъ, – а вѣдь холодно, чортъ возьми! Я здѣсь сижу со всѣми ихъ вещами. Вотъ злиться-то будутъ! Жалко мнѣ Гурри-бабу.

Кимъ могъ приберечь свою жалость для другого раза, потому что бенгаліецъ, хотя и страдалъ въ эту минуту физически, но нравственно зато былъ преисполненъ торжествомъ и гордостью. Внизу холма, на опушкѣ сосноваго лѣса, двое полузамерзшихъ иностранцевъ—у одного изъ нихъ были сильно повреждены внутренности—обмѣнивались поочередно обвиненіями и упреками и осыпали самой колкой бранью и оскорбленіями бабу, повидимому совершенно подавленнаго ужасомъ. Они требовали, чтобы онъ имъ сказалъ, что̀ дѣлать. Онъ объяснилъ имъ, что они должны были считать за счастье, что остались въ живыхъ; что ихъ кули, если не погнались за ними въ погоню, то, значитъ, удрали безъ оглядки; что его властелинъ раджа находился въ девяноста миляхъ разстоянія, и не только не снабдилъ бы ихъ деньгами и свитой для путешествія въ Симлу, но навѣрное засадилъ бы ихъ въ тюрьму, услыхавши, что они побили монаха. Онъ распространялся объ ихъ преступленіи и его послѣдствіяхъ до тѣхъ поръ, пока они не попросили его перемѣнить разговоръ. Единственно, что̀ имъ оставалось, по его словамъ, это безславное бѣгство изъ селенія въ селеніе, пока они не достигнутъ цивилизованныхъ мѣстъ, и, въ сотый разъ

разразившись слезами, онъ обратился съ вопросомъ къ далекимъ звѣздамъ, „зачѣмъ сагибы побили святого старца“?

Гурри стоило сдѣлать десять шаговъ во мракѣ, чтобы очутиться внѣ ихъ власти и найти пріютъ и пропитаніе въ любой деревнѣ, гдѣ такіе ловкіе и говорливые лекаря, какъ онъ, были большой рѣдкостью. Но онъ предпочиталъ претерпѣть холодъ, боль въ желудкѣ, брань и, быть можетъ, даже побои, въ обществѣ своихъ почтенныхъ хозяевъ. Скорчившись возлѣ древеснаго пня, онъ уныло вздыхалъ.

— А подумалъ ли ты о томъ,—произнесъ товарищъ побитаго Кимомъ француза,—какой дикій видъ мы будемъ представлять для мѣстныхъ жителей, путешествуя по горамъ?

Гурри-бабу только объ этомъ и думалъ въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ часовъ, но это замѣчаніе относилось не къ нему.

— Намъ невозможно путешествовать! Я едва могу идти,—простонала жертва Кима.

— Можетъ быть, святой старецъ сжалится изъ состраданія, сэръ? Иначе...

— Я съ особымъ удовольствіемъ думаю о томъ, какъ всажу всѣ пули моего револьвера въ этого молодого бонзу при первой же встрѣчѣ,—послѣдовалъ не-христіанскій отвѣтъ.

— Револьверы! Месть! Бонзы!—Гурри еще больше присѣлъ къ землѣ.

— А о нашей потерѣ ты и не подумалъ! Багажъ! Багажъ!—Гурри услыхалъ, какъ говорившій буквально подпрыгивалъ отъ волненія на травѣ.—Все, что̀ мы настрѣляли, все, что̀ мы собрали, вся наша добыча! Восемь мѣсяцевъ труда! Понимаешь ли ты, что̀ это значитъ? Они заговорили по-французски, и Гурри улыбнулся.

Кильта была въ рукахъ Кима, а въ кильтѣ были собраны плоды восьмимѣсячной дипломатической работы. Снестись съ мальчикомъ не было никакой возможности, но онъ былъ совершенно спокоенъ на его счетъ. Что же касается остальнаго, онъ зналъ, что предстоявшее имъ путешествіе по горамъ всецѣло зависѣло отъ его произвола, и онъ могъ устроить такъ, что путешествующіе иностранцы могли сдѣлаться сказкой цѣлаго поколѣнія. Люди, не умѣющіе справиться съ собственными кули, не пользуются уваженіемъ въ горахъ, а кромѣ того у горцевъ очень сильно развито чувство юмора.

„Еслибы все это я самъ устроилъ,—подумалъ Гурри,—то, право, не вышло бы лучше. Да какъ подумаю я теперь, то

выходитъ, что и на самомъ-то дѣлѣ я все самъ и устроилъ. Вотъ посмѣемся-то мы съ полковникомъ! Конечно, было бы желательно уже имѣть при себѣ ихъ бумаги, но нельзя одновременно находиться въ двухъ мѣстахъ. Это аксіома"!

XIV.

На разсвѣтѣ кули осторожно пустились въ путь. Лама, подкрѣпленный сномъ и спиртомъ, не нуждался ни въ какой опорѣ, кромѣ плеча Кима, и молчаливо и быстро шагалъ впередъ. Въ теченіе часа шли они по влажной травѣ, обогнули утесъ и выбрались на открытое мѣсто. Передъ ними разстилалось огромное пастбище, расходившееся вѣерообразно по направленію вѣчныхъ снѣговъ. На краю его, на какой-нибудь полудесятинѣ ровной земли, стояло нѣсколько земляныхъ и деревянныхъ хижинъ. За ними,—такъ какъ по горному обычаю онѣ находились на самомъ краю обрыва,—почва опускалась отвѣсно на двѣ тысячи футовъ, образуя шамлейскую бездну, куда никогда не ступала человѣческая нога.

Пока лама не былъ устроенъ въ самомъ лучшемъ помѣщеніи селенія и Кимъ, по восточному обычаю, не принялся растирать ему ноги, кули и не подумали о дѣлежѣ добычи.

— Мы пришлемъ вамъ ѣды,—сказалъ человѣкъ изъ Ао-Чунга,—и кильту съ красной крышкой. Теперь такъ рано, что никакихъ уликъ не останется. Если въ кильтѣ будутъ вещи, которыя тебѣ не понадобятся, то... посмотри-ка сюда! — Онъ указалъ на окошко, выходившее на пространство, наполненное луннымъ свѣтомъ и блескомъ далекихъ снѣговъ, и бросилъ туда пустую бутылку изъ-подъ виски.

— Нечего и слушать, все равно не услышишь, какъ упадетъ! Тутъ конецъ свѣта,—сказалъ онъ и вышелъ.

Лама глядѣлъ впередъ, придерживаясь обѣими руками за притолоки двери, и глаза его сверкали какъ желтые опалы. Изъ бездонной пропасти передъ нимъ вздымались бѣлыя острыя вершины, какъ бы стремясь къ небу сквозь лунное сіянье. Все остальное было мракомъ, какъ беззвѣздное пространство въ безлунную ночь.

— Вотъ это,—произнесъ онъ медленно,—мои настоящія горы. Вотъ такъ высоко надъ міромъ долженъ пребывать человѣкъ, отрѣшаясь отъ наслажденія и размышляя о великихъ и важныхъ вещахъ.

— Да, особенно, если у него есть чела, чтобы приготовить ему чай, скатать ему подъ голову покрывало и выгнать изъ его помѣщенія коровъ съ телятами.

Въ нишѣ горѣла коптившая лампа, но полная луна боролась съ ея свѣтомъ, и при этомъ двойномъ освѣщеніи высокая фигура Кима, наклонявшаяся то надъ мѣшкомъ съ провизіей, то надъ чашками съ чаемъ, напоминала какого-то фантастическаго духа.

— Да! Но вотъ кровь моя успокоилась, а въ головѣ все еще шумитъ и стучитъ, и на затылкѣ какъ будто стягивается веревка.

— Ничего удивительнаго! Ударъ былъ здоровый. Пусть нанесшій его...

— Еслибы не мои собственныя страсти, то не было бы худа.

— Что̀ за худо? Ты спасъ сагибовъ отъ смерти, которую они заслужили сто разъ.

— Не хорошо ты воспользовался урокомъ, чела.—Лама улегся на сложенное покрывало въ то время, какъ Кимъ совершалъ свой обычный вечерній туалетъ.

— Ударъ былъ только тѣнью на тѣни. Зло само по себѣ— въ послѣдніе дни мои ноги такъ и несли меня впередъ—встрѣтилось со зломъ во мнѣ: съ гнѣвомъ, раздраженіемъ и страстнымъ желаніемъ отплатить обидчику. Все это взволновало мою кровь, вызвало тревогу въ моемъ желудкѣ и оглушило мои уши.

Онъ отпилъ, соблюдая извѣстныя церемоніи, кипящаго кирпичнаго чая, принявъ горячую чашку изъ рукъ Кима.

— Еслибы я сохранялъ безстрастіе, то ударъ причинилъ бы мнѣ только физическое зло: шрамъ или синякъ, т.-е. не болѣе какъ обманчивый призракъ. Но душа моя не находилась въ чистомъ отвлеченномъ созерцаніи, и поэтому тотчасъ же предалась желанію дозволить совершить убійство. Въ борьбѣ съ этимъ желаніемъ душа моя была избита и изранена болѣе чѣмъ тысячью ударами. Я вернулъ себѣ спокойствіе не раньше, какъ повторивъ благословенія (онъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ буддійскія „Блаженства“). Но даже въ этотъ краткій мигъ зло успѣло пустить во мнѣ корни. Справедливо „колесо“, не сгибающее ни единаго волоса на головѣ человѣка! Да послужитъ тебѣ это урокомъ, чела.

— Это слишкомъ высоко для меня,—произнесъ Кимъ.—Я до сихъ поръ еще весь потрясенъ случившимся, и очень доволенъ, что побилъ этого человѣка.

— Я это чувствовалъ, когда спалъ на твоихъ колѣняхъ, тамъ, внизу, подъ соснами. Это безпокоило меня въ сновидѣніяхъ— зло въ твоей душѣ дѣйствовало и на мою душу. Однако, съ другой стороны,—онъ распустилъ свои четки,—я угодилъ Богу, спасши двѣ жизни, жизни людей, причинившихъ мнѣ зло. Теперь я долженъ бросить взглядъ на „причину вещей". Челнокъ души моей колеблется.

— Усни и подкрѣпись. Это будетъ самое мудрое.

— Я размышляю. Есть потребности болѣе важныя, чѣмъ тѣ, которыя тебѣ знакомы.

До разсвѣта, часъ за часомъ, пока не померкъ лунный свѣтъ на снѣжныхъ вершинахъ, а то, что̀ казалось ночью темными пятнами на дальнихъ холмахъ, не превратилось въ нѣжно-зеленые лѣса, лама пристально смотрѣлъ на стѣну. Отъ времени до времени онъ тихо стоналъ. А тамъ, за запертою на засовъ дверью, гдѣ собрались выгнанныя коровы и недоумѣвали, требуя, чтобы ихъ водворили въ прежнее стойло, жители Шамле и кули предавались грабежу и шумному веселью. Предводительствовалъ ими человѣкъ изъ Ао-Чунга. Они открыли жестянки съ припасами сагибовъ, нашли, что все было очень вкусно, и уже не могли остановиться. Всѣ ненужные остатки летѣли въ бездну.

Когда Кимъ, послѣ довольно тревожно проведенной ночи, вышелъ изъ хижины на утренній холодокъ, чистить зубы, то къ нему подошла румяная женщина въ головномъ уборѣ, украшенномъ бирюзой.

— Всѣ остальные ушли. Они оставили тебѣ эту кильту, какъ было обѣщано. Я не люблю сагибовъ, но ты намъ за это дашь какое-нибудь заклинанье на случай опасности. Мы не хотимъ, чтобы о Шамле пошла дурная слава изъ-за этого случая. Я— женщина изъ Шамле.—Она оглядѣла его смѣлыми, блестящими глазами, совсѣмъ непохожими на обычные, украдкой взглядывающіе глаза горныхъ женщинъ.

— Конечно. Но все это должно быть сдѣлано тайно.

Она подняла тяжелую кильту какъ игрушку и бросила ее въ свою хижину.

— Выйди и запри дверь!—сказалъ Кимъ.—Не давай никому подходить близко, пока все не будетъ кончено.

— Но потомъ... мы еще поговоримъ?

Кимъ опрокинулъ кильту на полъ. Изъ нея посыпались инструменты, книги, дневники, письма, карты и странно пахнущія мѣстныя посланія. На самомъ днѣ находился вышитый мѣшокъ,

съ запечатаннымъ золоченымъ и раскрашеннымъ документомъ, какими обыкновенно обмѣниваются горные владѣльцы. Кимъ затаилъ дыханіе отъ восторга и мысленно оцѣнилъ все съ нимъ происшедшее съ точки зрѣнія сагибовъ.

— Книги мнѣ не нужны.—Онъ отложилъ ихъ въ сторону.— Писемъ я не понимаю, но полковникъ Крейтонъ пойметъ. Ихъ всѣ надо захватить. Карты—они ихъ лучше рисуютъ, чѣмъ я— также, конечно, захвачу, и всѣ мѣстныя письма, а особенно муразлу. — Онъ понюхалъ вышитый мѣшокъ.—Это, навѣрное, отъ Гиласа или Бунара. И Гурри-бабу правду говорилъ: недурная штучка, чортъ возьми! Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Гурри зналъ!.. Все остальное можно выбросить въ окошко.—Онъ нащупалъ великолѣпный призматическій компасъ и блестящую крышку многоугольника. Но въ концѣ концовъ сагибу не особенно-то прилично заниматься воровствомъ, и, кромѣ того, позднѣе эти вещи могли бы послужить слишкомъ явной уликой. Онъ отобралъ всѣ исписанныя бумаги до послѣдняго клочка, всѣ карты и мѣстныя письма. Все вмѣстѣ это составило довольно порядочный свертокъ. Три запертыя книги съ желѣзными корешками и пять истрепанныхъ записныхъ книжекъ онъ отложилъ въ сторону.

— Письма и муразлу я могу держать при себѣ въ поясѣ, а книги съ записями положу въ мѣшокъ съ провизіей. Довольнотаки тяжело это будетъ. Ну, больше, кажется, ничего нѣтъ.

Онъ уложилъ въ кильту всѣ ненужныя вещи и приподнялъ ее къ окну. На тысячу футовъ книзу лежалъ тяжелый округленный пластъ тумана, еще не тронутый утреннимъ солнцемъ, а на тысячу футовъ подъ нимъ находился столѣтній сосновый лѣсъ. Онъ могъ разглядѣть сосновыя вершины, похожія на грядки съ мохомъ, когда крутящійся порывъ вѣтра разрывалъ густой слой тумана.

— Ну, не думаю, чтобы кто-нибудь отправился вслѣдъ за вами.—При этомъ онъ опрокинулъ легкую корзинку и все содержимое въ ней полетѣло въ бездну. Угломѣръ ударился о выступъ скалы и разбился какъ скорлупа. Книги, чернильницы, ящики съ красками, компасы и линейки промелькнули на мгновеніе въ воздухѣ, какъ рой пчелъ. Потомъ все исчезло, и хотя Кимъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ окошка, старался изо всѣхъ силъ напрягать свой слухъ,—изъ бездны не донеслось ни единаго звука.

„За пятьсотъ, даже за тысячу рупій всего этого не купишь,— съ сожалѣніемъ подумалъ онъ.—Столько хорошихъ вещей пропало даромъ. Но зато самое важное осталось,—все, что̀ они

наработали. Надѣюсь, что я не ошибаюсь. Какимъ только способомъ я сообщу о всемъ этомъ Гурри-бабу и что̀ мнѣ теперь дѣлать? А старикъ мой боленъ. Нужно завязать письма въ клеенку. Это слѣдуетъ сдѣлать прежде всего,—иначе они размокнутъ... И мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться, совсѣмъ я одинъ".

Онъ сдѣлалъ аккуратный свертокъ, сгладилъ жесткіе и упругіе края клеенки по угламъ, такъ какъ бродячая жизнь сдѣлала его методичнымъ, какъ опытнаго, стараго охотника. Потомъ, съ большой осторожностью, онъ уложилъ книги на дно провизіоннаго мѣшка.

Женщина постучалась въ дверь быстрыми и короткими ударами.

— Но ты не сдѣлалъ никакого заклинанія,—произнесла она, заглянувъ въ хижину.

— Въ этомъ нѣтъ никакой нужды.

Кимъ совершенно забылъ о предстоявшемъ ему частномъ разговорѣ. Женщина вызывающе разсмѣялась надъ его смущеніемъ.

— Тебѣ-то не нужно, ты однимъ твоимъ взглядомъ можешь заколдовать. Но подумай о насъ, бѣдныхъ, когда ты уйдешь. Вчера они всѣ были слишкомъ пьяны, чтобы выслушать женщину. Я предостерегала ихъ, что сагибы разсердятся, произведутъ дознаніе и донесутъ раджѣ. А съ ними еще бабу! У писцовъ всегда длинные языки.

— А это все, чего ты боишься?—Уже готовый планъ дѣйствія сложился въ умѣ Кима, и онъ очаровательно улыбнулся.— Не можешь ли ты ему снести письмо отъ меня?

— Нѣтъ ничего такого, чего бы я не сдѣлала для тебя.

Онъ спокойно выслушалъ эту любезность, какъ и подобало жителю страны, гдѣ женщины расточительны на любовь,—потомъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки и написалъ неизгладимымъ карандашомъ и такимъ крупнымъ почеркомъ, какимъ уличные мальчишки пишутъ разныя глупости на стѣнахъ: „У меня все, что̀ ими написано, планы и рисунки мѣстностей и множество писемъ. Въ особенности же—муразла. Скажите, что̀ мнѣ дѣлать? Я нахожусь въ Шамле-подъ-Снѣгомъ. Старикъ боленъ".

— Вотъ отнеси ему. Это письмо заткнетъ ему ротъ. Онъ не могъ уйти очень далеко.

— Конечно, нѣтъ. Они все еще въ лѣсу за вершиной. Наши дѣти бѣгали смотрѣть на нихъ, когда разсвѣло, и пришли намъ

сказать, когда они двинулись дальше. Мои мужья тоже всѣ ушли за дровами.

Она вынула изъ-за пазухи пригоршню грецкихъ орѣховъ, ловко расколола одинъ изъ нихъ и стала ѣсть. Кимъ сдѣлалъ видъ, что ровно ничего не понимаетъ.

— Ты развѣ не знаешь значенія грецкихъ орѣховъ, монашекъ?—жеманно спросила она и протянула ему расколотыя половинки.

— Это отлично придумано.—Онъ быстро сунулъ сложенную бумагу въ скорлупу.—Не найдется ли у тебя немного сургуча, чтобы припечатать письмо?

Женщина громко вздохнула, и Кимъ смягчился.

— Награда слѣдуетъ за услугой. Отнеси это письмо бабу и скажи, что оно послано „сыномъ волшебныхъ чаръ".

— Ай! Вѣрно! вѣрно! Чародѣемъ, похожимъ на сагиба.

— Нѣтъ, „сыномъ волшебныхъ чаръ"; и спроси, будетъ ли отвѣтъ.

— Ну, а вдругъ онъ захочетъ обидѣть меня? Я... я боюсь.

Кимъ засмѣялся.

— Я увѣренъ, что онъ очень усталъ и очень голоденъ. Горы замораживаютъ злодѣевъ. Эхъ, ты...—на кончикѣ языка у него вертѣлось слово: „мать", но онъ замѣнилъ его „сестрицей",— ты разумная и ловкая женщина. Теперь по всѣмъ деревнямъ извѣстно, что̀ случилось съ сагибами,—а?

— Это вѣрно. Въ полночь уже вѣсть о случившемся достигла до Зиглора, а завтра дойдетъ до Котгара. Народъ въ деревняхъ и напуганъ, и разсерженъ.

— Ничего не значитъ. Скажи по деревнямъ, чтобы кормили сагибовъ и отпускали съ миромъ. Мы должны спокойно выпроводить ихъ изъ нашихъ долинъ. Красть—это одно, а убивать— другое. Бабу это пойметъ, и это прекратитъ всякія жалобы и недоразумѣнія. Иди скорѣе. Я еще долженъ позаботиться о моемъ учителѣ, когда онъ проснется.

— Пусть будетъ такъ. За услугой—ты самъ сказалъ—слѣдуетъ награда. Я женщина изъ Шамле и происхожу отъ раджи. Я не простая баба, годная только для того, чтобы носить дѣтей. Шамле—твой, и все, что̀ въ немъ, принадлежитъ тебѣ. Бери или бросай!

Она рѣшительно повернулась, и серебряныя ожерелья зазвенѣли на ея широкой груди на встрѣчу утреннему солнцу, встававшему внизу, на пятьсотъ футовъ подъ ними.

„Какъ можетъ человѣкъ быть послѣдователемъ „пути" или

предаваться „большой игрѣ“, если ему вѣчно надоѣдаютъ женщины?—думалъ на мѣстномъ нарѣчіи Кимъ, запечатывая сургучомъ края свертка изъ клеенки.—Когда я былъ ребенкомъ, все шло отлично, но теперь я мужчина, а онѣ не смотрятъ на меня какъ на мужчину. Грецкіе орѣхи... этого еще недоставало! Хо! хо! Вѣдь это все равно, что миндаль въ долинахъ“!

Онъ отправился за сборомъ подаянія по деревнѣ, но не съ чашкой для милостыни, употребляемой только въ долинахъ, а какъ настоящій принцъ. Лѣтнее населеніе Шамле состояло изъ трехъ семействъ—четырехъ женщинъ и восьми или девяти мужчинъ, и всѣ они еще не успѣли переварить ѣды и напитковъ, начиная отъ хинина и кончая бѣлой водкой, доставшихся имъ наканунѣ послѣ дѣлежа. Но они считали, что присутствіе ламы служило имъ надежной охраной отъ всѣхъ печальныхъ послѣдствій, и безъ принужденія дали Киму все, что было у нихъ лучшаго. Потомъ всѣ они отогрѣлись на солнышкѣ и усѣлись, свѣсивъ ноги въ пропасть, болтая, смѣясь и покуривая трубки. Они судили и рядили объ Индіи и ея правительствѣ исключительно на основаніи знакомства съ проѣзжавшими сагибами, нанимавшими ихъ или ихъ товарищей въ качествѣ шикарри. Кимъ выслушалъ разсказы о томъ, какъ неудачно стрѣляли горныхъ животныхъ сагибы, уже двадцать лѣтъ покоящіеся въ могилахъ. Они сообщили ему о своихъ болѣзняхъ и—что для нихъ было гораздо важнѣе—о болѣзняхъ своей быстроногой и поджарой скотины; о недалекихъ путешествіяхъ въ Котгаръ, гдѣ живутъ чужестранные миссіонеры, и о болѣе далекихъ—въ чудесную Симлу, гдѣ улицы вымощены серебромъ и гдѣ, какъ говорятъ, можно служить у сагибовъ, разъѣзжающихъ на двухколесныхъ повозкахъ и швыряющихъ деньги лопатами. Вдалекѣ, тяжело шагая и съ важнымъ видомъ, появился лама и присоединился къ разговаривавшимъ, которые почтительно очистили ему мѣсто. Прозрачный воздухъ освѣжилъ его. Онъ усѣлся на краю пропасти, и когда разговоръ замиралъ, онъ бросалъ камешки въ пустое пространство. Казалось, что они сидѣли въ ласточкиномъ гнѣздѣ, прилѣпленномъ подъ крышей, на самомъ краю міра. Отъ времени до времени лама простиралъ руку и тихимъ, вдохновеннымъ голосомъ говорилъ, указывая на дорогу къ Спити и на сѣверъ черезъ Парунглу:

— Тамъ, далеко, гдѣ скалы выступаютъ изъ чащи лѣса, находится большой монастырь. Отъ основателя его идетъ этотъ разсказъ.

И онъ передавалъ его: фантастическое повѣствованіе о вол-

шебствахъ, чарахъ и чудесахъ, поражавшихъ жителей Шамле. Потомъ, повернувшись немного къ западу, онъ произнесъ:

— Оттуда я пришелъ давно-давно.—Тамъ мои любимыя горы! Тѣни благословенныя среди другихъ тѣней! Тамъ мои глаза открылись на этотъ міръ; тамъ мои глаза открылись для этого міра; тамъ я нашелъ просвѣтленіе и тамъ я препоясалъ чресла мои для моего исканія. Съ горъ пришелъ я, съ высокихъ горъ и отъ могучихъ вѣтровъ.

И онъ сталъ благословлять всю природу, призывая по очереди благословеніе на огромные ледники, обнаженныя скалы, нагроможденныя гряды камней на ледникахъ, на обвалившіеся пласты сланцевой глины, на выжженное плоскогорье, на соленое озеро, на столѣтнія деревья, на плодоносныя, орошенныя водопадами долины. Онъ перечислялъ все это одно за другимъ, какъ умирающій человѣкъ благословляетъ близкихъ ему людей, и Кима поразила страстность его тона.

— Да, да! Нѣтъ мѣста, подобнаго нашимъ горамъ,—заговорили жители Шамле, и стали удивляться, какъ это люди могутъ жить въ ужасныхъ жаркихъ долинахъ, гдѣ скотъ величиною со слоновъ и неспособенъ пастись на горныхъ склонахъ; гдѣ деревни, примыкая одна къ другой, тянутся на сотни миль; гдѣ народъ отправляется воровать шайками, а что̀ остается отъ разбойниковъ, то забираетъ полиція.

Такъ прошло тихое утро, и къ концу его посланная вернулась съ крутого пастбища, дыша такъ же свободно и мѣрно, какъ и до ухода.

— Я посылалъ записку хакиму,—объяснилъ Кимъ въ то время, какъ женщина раскланивалась.

— Онъ присоединился къ идолопоклонникамъ? Нѣтъ, я вспомнилъ, — онъ вылечилъ одного изъ нихъ. Онъ сдѣлалъ этимъ доброе дѣло, хотя исцѣленный употребилъ свою силу во зло. Справедливо „колесо"! Ну, что же хакимъ?

— Я боялся за твое здоровье, а онъ... онъ, я знаю, такой мудрый.

Кимъ взялъ запечатанную скорлупу орѣха и прочелъ по-англійски на обратной сторонѣ своего письма: „Ваше письмо получилъ. Въ настоящее время не могу отлучиться отъ своихъ спутниковъ. Отведу ихъ въ Симлу, послѣ чего, надѣюсь къ вамъ присоединиться. Весьма неудобно сопутствовать раздраженнымъ джентльменамъ. Вернусь тѣмъ же путемъ, которымъ вы прошли, и догоню васъ".

— Онъ пишетъ, святой отецъ, что убѣжитъ отъ идоло-

поклонниковъ и вернется къ намъ. Въ такомъ случаѣ, не подождать ли намъ его въ Шамле?

Лама посмотрѣлъ на горы долгимъ любящимъ взглядомъ и покачалъ головой.

— Этого не должно быть, чела. Плотская половина моего существа жаждетъ остаться, но это воспрещено. Я увидалъ причину вещей.

— Какъ? Но вѣдь горы возвращали тебѣ съ каждымъ днемъ твои силы. Вспомни, какіе мы были слабые и какъ изнемогали тамъ, внизу!

— Я сдѣлался сильнымъ, чтобы творить зло и предаваться забвенію. Въ горахъ я сталъ крикуномъ и забіякой.

Кимъ съ трудомъ подавилъ улыбку.

— Справедливо и совершенно колесо! Когда я былъ молодымъ человѣкомъ—давнымъ давно—я ходилъ на богомолье въ Гуру-Хванъ—подъ тополями, гдѣ содержится священная лошадь.

— Тише, тише! — заговорили жители Шамле, перебивая другъ друга:—онъ говоритъ о Жамъ-Линъ-Нинъ-Корѣ, лошади, которая можетъ обскакать землю въ одинъ день.

— Я говорю только моему челѣ,—произнесъ лама тономъ кроткаго упрека, и горцы тотчасъ же разсыпались во всѣ стороны и исчезли, какъ утренній иней съ южной стороны кровли. —Въ тѣ дни я не искалъ правды, а только разговоровъ о догматѣ. Все это—одинъ обманъ! Я пилъ пиво и ѣлъ хлѣбъ Гуру-Хвана. На другой день одинъ сказалъ: „мы идемъ биться въ Сангоръ-Гутокъ внизу долины, чтобы рѣшить (замѣть, какъ и тутъ страстное желаніе было связано съ гнѣвомъ!), чей настоятель долженъ управлять въ долинѣ и получать выгоду отъ молитвъ, печатающихся въ Сангоръ-Гутокѣ“. Я пошелъ съ ними, и мы бились цѣлый день.

— Но какъ же вы бились, святой отецъ?

— Нашими длинными пеналами. Мы бились подъ тополями, оба настоятеля и всѣ монахи, и одинъ изъ нихъ раскроилъ мнѣ лобъ до кости. Посмотри!—Онъ сдвинулъ назадъ шапку и показалъ сморщенный и блестящій рубецъ.—Справедливо и совершенно колесо! Третьяго дня мой шрамъ зачесался, и черезъ сорокъ лѣтъ я припомнилъ, какъ его нанесли мнѣ, и лицо человѣка, который его нанесъ. Конечно, это было заблужденіе, и произошло то, чему ты былъ свидѣтелемъ: ссора, борьба и безуміе. Справедливо колесо! Ударъ идолопоклонника попалъ на мой шрамъ. Тогда вся душа моя возмутилась, омрачилась и челнъ моей души закачался на водахъ заблужденія. Только

придя въ Шамле, могъ я начать размышлять о причинѣ вещей и добираться до корня зла. Я боролся съ собою всю ночь.

— Но, святой отецъ, ты ни въ чемъ не виноватъ! О, еслибы я могъ пожертвовать собой за тебя!—Печаль старика искренно огорчала Кима.

— Съ зарею,—продолжалъ съ важностью старикъ, пощелкивая четками въ промежутки между медленно произносимыми фразами,—явилось просвѣтленіе. Оно здѣсь... Я старый человѣкъ... воспитанный и выросшій въ горахъ, и никогда больше не быть мнѣ среди моихъ горъ. Три года путешествовалъ я по Индіи,—но развѣ можетъ земной прахъ быть сильнѣе матери-земли? Мое глупое тѣло стремилось въ горы и жаждало вида горныхъ снѣговъ. Я говорилъ, и это правда, мое исканіе вѣрно. Такимъ образомъ отъ дома женщины изъ Кулу я повернулъ въ горы, уговоривъ самого себя, что такъ надо поступить. Я не осуждаю хакима. Онъ, подчиняясь желанію, предсказалъ, что горы сдѣлаютъ меня сильнымъ. Онѣ укрѣпили меня на дурной поступокъ и заставили забыть о моемъ исканіи. Я наслаждался жизнью и страстными желаніями жизни. Я отыскивалъ скаты покруче, чтобы взбираться на нихъ. Я оцѣнивалъ силы своего тѣла—а оно есть зло—по высотѣ горъ, на которыя взбирался. Я смѣялся надъ тобою, когда ты начиналъ прерывисто дышать, взбираясь на высоты, и издѣвался надъ тобою, когда ты не могъ взглянуть на снѣжное ущелье.

— Ну, что жъ такое? Я въ самомъ дѣлѣ боялся, и ты былъ совершенно правъ. Мнѣ нравилось, что ты сталъ такой сильный.

— Много разъ, я помню,—лама уныло подперъ рукою щеку, —я старался вызвать твою похвалу и похвалу хакима единственно силою моихъ ногъ. Такимъ образомъ одно зло слѣдовало за другимъ, пока чаша не переполнилась. Справедливо колесо! Цѣлыхъ три года вся Индія оказывала мнѣ почетъ. Начиная съ „источника мудрости“ въ „Домѣ Чудесъ“ и кончая,—онъ улыбнулся—маленькимъ ребенкомъ, игравшимъ возлѣ большой пушки, всѣ готовили мнѣ мой путь. А почему?

— Потому что мы любили тебя. Все это у тебя отъ лихорадки, вызванной ударомъ. Мнѣ и самому нездоровится, и я весь потрясенъ.

— Нѣтъ! Такъ было потому, что я находился на пути и былъ настроенъ какъ кимвалъ согласно цѣлямъ закона. Я уклонился отъ его предписаній. Напѣвъ оборвался—послѣдовало наказаніе. Въ моихъ любимыхъ горахъ, на границѣ моей родной страны, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло во мнѣ злое же-

ланіе, былъ мнѣ нанесенъ ударъ—сюда! (онъ коснулся своего лба).—Какъ бьютъ вновь поступившаго ученика, когда онъ ставитъ не на мѣсто утварь, такъ побили и меня, настоятеля Зухъ-Зена. Ни слова мнѣ не сказали,—понимаешь, чела,—а только ударили.

— Но вѣдь сагибы не знали тебя, святой отецъ?

— Мы очень подходили другъ къ другу. Невѣжество и грубое желаніе повстрѣчались на пути съ невѣжествомъ и грубымъ желаніемъ и породили гнѣвъ. Ударъ служилъ знакомъ мнѣ, заблудившемуся тибетскому быку, что не здѣсь мое мѣсто. Умѣющій отыскать причину какого-нибудь поступка уже находится на полпути къ блаженному успокоенію. „Назадъ къ прежнему пути!“—сказалъ мнѣ ударъ.—„Горы не для тебя. Нельзя желать успокоенія и идти въ рабство къ наслажденію жизни“.

— Если бы мы никогда не встрѣчали этого трижды проклятаго француза!

— Даже самъ Владыка не можетъ заставить колесо повернуться назадъ. А за то, что я угодилъ Богу, я получилъ еще другой знакъ.

Онъ сунулъ руку за поясъ и вытащилъ „колесо жизни“.

— Посмотри! Я это разглядѣлъ послѣ размышленія. Неразорваннымъ рукой идолопоклонника осталось мѣстечко не шире моего ногтя.

— Я вижу.

— Такъ же мало и время моей жизни въ этомъ тѣлѣ. Я во всѣ дни моего существованія служилъ колесу. Теперь колесо служитъ мнѣ. Но за то, что я сдѣлалъ доброе дѣло, ведя тебя по пути, мнѣ еще, быть можетъ, будетъ прибавлено жизни, пока я не найду моей рѣки. Вѣдь это ясно, чела?

Кимъ посмотрѣлъ на грубо разодранную хартію. Слѣва направо трещина шла по діагонали—отъ Одиннадцатаго Дома, гдѣ Желанія родятъ Ребенка, черезъ міры животныхъ и людей, къ Пятому Дому, суетному Дому Чувствъ. Логичность разсужденія была неоспорима.

— Прежде чѣмъ Владыка достигъ просвѣтленія,—при этомъ лама благоговѣйно свернулъ и убралъ рисунокъ, — онъ былъ искушаемъ. У меня тоже было искушеніе, но оно кончилось. Стрѣла упала въ долины, а не въ горы. Поэтому что̀ намъ здѣсь дѣлать?

— Не дождаться ли намъ по крайней мѣрѣ хакима?

— Я знаю, сколько мнѣ остается прожить въ этомъ тѣлѣ. Что̀ же можетъ сдѣлать хакимъ?

— Но ты совсѣмъ боленъ и разстроенъ. Ты не можешь идти.

— Какъ могу я быть боленъ, если вижу успокоеніе?

Онъ, шатаясь, поднялся на ноги.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ собрать ѣды по деревнѣ. Ахъ, эта мучительная, скучная дорога!

Кимъ чувствовалъ, что и ему слѣдовало бы отдохнуть.

— Это законно. Поѣдимъ и пойдемъ. Стрѣла упала въ долины. . но я позволилъ себѣ предаться желанію. Приготовь все, чела.

Кимъ повернулся къ женщинѣ въ бирюзовомъ головномъ уборѣ, отъ нечего дѣлать бросавшей въ пропасть камешки. Она ласково улыбнулась.

— Когда я къ нему пришла, къ бабу-то этому, онъ чихалъ отъ холода и сопѣлъ какъ буйволъ, затерявшійся въ полѣ.—Ему такъ хотѣлось ѣсть, что онъ забылъ свое достоинство и сталъ говорить мнѣ нѣжности. У сагибовъ ничего нѣтъ.—Она бросила въ бездну сразу цѣлую пригоршню камешковъ.—У одного очень животъ болитъ. Твое это дѣло?

Кимъ утвердительно кивнулъ головой и глаза его заблестѣли.

— Я сначала поговорила съ бенгалійцемъ, а потомъ съ жителями ближайшей деревни. Если сагибамъ понадобится ѣда, то имъ ее будутъ давать и денегъ не возьмутъ за нее. Ихъ пожитки уже раздѣлены. Этотъ бабу лжетъ сагибамъ. Отчего онъ не уходитъ отъ нихъ?

— Оттого что у него великодушное сердце.

— Ну, ни у одного бенгалійца сердце не бываетъ крупнѣе сухого грецкаго орѣха. Но не въ этомъ дѣло... Кстати, о грецкихъ орѣхахъ. За услугой слѣдуетъ награда. Я сказала, что деревня—твоя.

— Все это для меня потеряно, — началъ Кимъ. — Именно теперь, когда въ моемъ сердцѣ стали зарождаться мечты, которыя...—но не стоитъ передавать произнесенныя имъ и подходившія къ случаю любезности. Онъ глубоко вздохнулъ...—Но мой учитель, руководимый видѣніемъ...

— Эхъ! Какія тамъ видѣнія у старика, кромѣ хорошо наполненной чашки для подаяній!

— Мой учитель возвращается изъ деревни снова въ долины.

— Попроси его остаться.

Кимъ покачалъ головой.

— Я знаю моего святого старца и его гнѣвъ, когда ему

противорѣчать,—возразилъ онъ выразительно.—Отъ его проклятій горы дрожатъ.

— Жаль, что они не предохранили его отъ удара! Я слыхала, что у тебя сердце смѣлое, какъ у тигра, и что это ты побилъ сагиба. А онъ пусть еще поспитъ и помечтаетъ. Останься!

— Женщина горъ,—сказалъ Кимъ очень строго, что̀, однако, не сдѣлало болѣе жесткимъ юный овалъ его лица,—это все вещи слишкомъ высокія для тебя.

— Да помилуютъ насъ боги! Съ какихъ это поръ мужчины и женщины перестали быть мужчинами и женщинами?

— Монахъ и есть монахъ. Онъ говоритъ, что хочетъ идти немедленно. Я его чела, и пойду съ нимъ. Намъ нужна ѣда на дорогу. Онъ почетный гость въ каждой деревнѣ, но...—Кимъ улыбнулся совсѣмъ по-мальчишески,—здѣсь ѣда вкусная. Дай мнѣ запасъ на дорогу.

— А что̀, если я тебѣ не дамъ? Вѣдь я женщина этой деревни.

— Тогда я прокляну тебя... немножко... не очень, но все-таки такъ, чтобы ты помнила.

Онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ты ужъ проклялъ меня своими опущенными рѣсницами и приподнятымъ подбородкомъ. Проклянешь? А какое мнѣ дѣло до пустыхъ словъ?—Она сжала руки на груди.—Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты ушелъ разсердившись и сталъ дурно думать обо мнѣ. Я только и дѣлаю, что собираю коровій навозъ и траву въ Шамле, но я все-таки женщина со средствами.

— Я ничего не думаю,—возразилъ Кимъ,—кромѣ того, что мнѣ непріятно уходить, потому что я очень усталъ, и что намъ нужна ѣда. Вотъ мѣшокъ.

Женщина выхватила его съ раздраженіемъ.

— Я была глупа,—произнесла она.—Какую женщину ты любишь въ долинахъ? Черную или бѣлую? И я когда-то была бѣла. Ты смѣешься? Когда-то, давнымъ давно, повѣришь ли, одинъ сагибъ милостиво посмотрѣлъ на меня. Когда-то, давнымъ давно, я носила европейскія платья въ миссіонерскомъ домѣ, вонъ тамъ.—Она указала по направленію Котгара.—Когда-то, давнымъ давно, я говорила по-англійски, какъ сагибы говорятъ. Да. Мой сагибъ сказалъ, что вернется и женится на мнѣ... да, женится. Онъ уѣхалъ—я ухаживала за нимъ, когда онъ былъ боленъ—и не вернулся больше. Тогда я увидѣла, что боги *керлистіанъ* лгали, и я вернулась къ моему народу... Съ тѣхъ поръ я ни разу не смотрѣла ни на одного сагиба. Не смѣйся

надо мною. Мое безуміе прошло, монашекъ. Твое лицо, твоя походка и манера говорить напомнили мнѣ моего сагиба, хотя ты не болѣе какъ бродячій лекарь, которому я даю милостыню. Ты хочешь проклясть меня? Ты не можешь ни проклинать, ни благословлять!—Она подбоченилась и горько разсмѣялась.—Твои боги—ложь; твои дѣла—ложь; твои слова—ложь. Во всемъ мірѣ нѣтъ никакихъ боговъ. Я это знаю... Но мнѣ вдругъ показалось, что вернулся мой сагибъ, а онъ былъ моимъ богомъ. Да, разъ я даже играла на роялѣ въ миссіонерскомъ домѣ, въ Котгарѣ.

Она отвернулась и стала затягивать до краевъ наполненный мѣшокъ съ провизіей.

— Я жду тебя, чела,—произнесъ лама, опираясь на косякъ двери. Женщина окинула взглядомъ его высокую фигуру.

— Какъ же онъ пойдетъ! Ему не пройти и полумили. Куда онъ потащитъ свои старыя кости?

При этихъ словахъ Кимъ, и безъ того встревоженный упадкомъ силъ у старика и смущенный тяжестью мѣшка съ провизіей, совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Какое тебѣ дѣло, зловѣщая женщина, до того, куда онъ пойдетъ?

— Мнѣ—никакого, а вотъ тебѣ должно быть есть, монахъ съ лицомъ сагиба. Что же, ты его на плечахъ своихъ, что-ли, потащишь?

— Я иду въ долины,—произнесъ лама.—Никто не можетъ воспрепятствовать моему возвращенію. Я боролся съ своей душой, пока не окрѣпъ. Глупое тѣло изнурено, а мы еще далеко отъ долинъ.

— Ну, посмотри! — сказала женщина просто и отступила, чтобы Кимъ могъ видѣть фигуру старика и убѣдиться въ своей безпомощности.—Проклинай меня. Можетъ быть, это дастъ ему силы. Сдѣлай заклинаніе! Призови своихъ великихъ боговъ. Вѣдь ты священнослужитель!..—и она ушла.

Лама безсильно опустился на корточки, все еще держась за косякъ двери. Старикъ, получивъ сильный ударъ, не можетъ оправиться, какъ юноша, въ одну ночь. Слабость пригнула его къ землѣ, но онъ не спускалъ глазъ съ Кима, и въ этихъ глазахъ было оживленное и умоляющее выраженіе.

— Ничего, все обойдется,—сказалъ Кимъ.—Это разрѣженный воздухъ ослабилъ тебя. Мы скоро и пойдемъ. Это горная болѣзнь. У меня тоже немного болитъ желудокъ.

Онъ всталъ на колѣни возлѣ старика и сталъ утѣшать его первыми попадавшимися на языкъ словами. Скоро женщина возвратилась, болѣе возбужденная, чѣмъ когда-либо.

— Ну, что, не помогли твои боги, а? Испробуй моихъ. Я женщина изъ Шамле!—крикнула она рѣзко, и два ея мужа съ тремя другими носильщиками вышли изъ-за плетня, окружавшаго коровій загонъ, неся грубыя мѣстныя носилки. Онѣ употреблялись для переноски больныхъ и для торжественныхъ визитовъ.— Эти скоты,—она даже не соблаговолила взглянуть на нихъ,— въ твоемъ распоряженіи, пока ты будешь нуждаться въ нихъ.

— Но мы не хотимъ идти по дорогѣ въ Симлу. Мы не хотимъ близко подходить къ сагибамъ! — воскликнулъ одинъ изъ мужей.

— Они не убѣгутъ, какъ тѣ, — продолжала женщина, не обращая вниманія на эти слова,—и не украдутъ багажа. Становитесь сзади, Соно и Тари.—Оба быстро повиновались. — Теперь опустите носилки и поднимите святого старца. Я присмотрю за деревней и за вашими добродѣтельными женами, пока вы не вернетесь.

— А когда это будетъ?

— Спросите у монаховъ. Не надоѣдайте мнѣ. Положите въ ноги мѣшокъ съ провизіей, лучше будетъ сохраняться равновѣсіе.

— О, святой отецъ, въ твоихъ горахъ люди великодушнѣе, чѣмъ въ нашихъ долинахъ!—воскликнулъ Кимъ, испытывая сильное облегченіе при видѣ ламы, направляющагося, шатаясь, къ носилкамъ.—Это настоящее королевское ложе, почетное и удобное. И мы обязаны этимъ...

— Зловѣщей женщинѣ. Я такъ же мало нуждаюсь въ твоихъ благословеніяхъ, какъ и въ твоихъ проклятіяхъ. Это сдѣлано по *моему* приказу, а не по твоему. Ну, поднимайте и въ путь! Постой! Есть у тебя деньги на дорогу?

Она поманила Кима, повела его въ свою хижину и тамъ нагнулась надъ металлическимъ англійскимъ ящикомъ съ деньгами.

— Мнѣ ничего не нужно, — проговорилъ Кимъ, чувствуя раздраженіе вмѣсто благодарности. — Я и такъ ужъ осыпанъ твоими милостями.

Она взглянула на него съ странной улыбкой и положила ему на плечо руку.

— По крайней мѣрѣ, поблагодари меня. Я грубая и грязная горная женщина, но я, какъ это говорится по-твоему, сдѣлала доброе дѣло. Хочешь, я покажу тебѣ, какъ благодарятъ сагибы? —и ея рѣзкіе глаза смягчились.

— Я вѣдь простой странствующій монахъ,—отвѣчалъ Кимъ, и его глаза сверкнули на встрѣчу ея взгляду. — Ты не нуждаешься ни въ моихъ благословеніяхъ, ни въ моихъ проклятіяхъ.

— Да. Но подожди еще минутку—ты широко зашагаешь и успѣешь нагнать носильщиковъ... Еслибы ты былъ сагибомъ,— хочешь я покажу тебѣ, что̀ бы ты сдѣлалъ?

— Ну, а если я самъ угадаю?—произнесъ Кимъ и, обнявъ ее, поцѣловалъ въ щеку и прибавилъ по-англійски:—Очень тебѣ благодаренъ, моя милая.

Среди жителей Азіи обычай поцѣлуя на практикѣ неизвѣстенъ, и вѣроятно поэтому она отклонилась назадъ съ широко-раскрытыми глазами и испуганнымъ лицомъ.

— Въ другой разъ,—продолжалъ Кимъ,—ты не будешь такъ увѣрена, что имѣешь дѣло съ языческимъ священнослужителемъ. Ну, а теперь я прощаюсь съ тобою.—Онъ протянулъ ей руку по-англійски. Она машинально взяла ее.—Прощай, моя милая.

— Прощай и... и...—она старалась вспомнить одно за другимъ извѣстныя ей англійскія слова. — Ты вернешься опять? Прощай и... да благословитъ тебя Богъ!

Черезъ полчаса, когда скрипящія носилки покачивались, спускаясь по горной тропинкѣ, ведущей къ югу отъ Шамле, Кимъ увидалъ на горѣ маленькую фигуру, стоявшую въ дверяхъ хижины и махавшую бѣлымъ платкомъ.

— Она болѣе чѣмъ кто-либо угодила Богу, — произнесъ лама.—Ибо помочь человѣку вступить на путь успокоенія—наполовину такъ же важно, какъ самому вступить на него.

— Гм-м!—задумчиво протянулъ Кимъ, вспоминая обо всемъ случившемся. — Можетъ быть, и я также угодилъ Богу... Во всякомъ случаѣ, она отнеслась ко мнѣ не какъ къ ребенку.

Онъ подтянулъ складки своей одежды въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спрятанъ свертокъ съ документами и картами, поправилъ драгоцѣнный мѣшокъ съ провизіей въ ногахъ у ламы, положилъ руку на край носилокъ и приноровилъ свой шагъ къ медленнымъ шагамъ угрюмыхъ шамлейскихъ мужей.

— И эти также угождаютъ Богу,—сказалъ лама, когда они прошли три мили.

— Болѣе того, имъ будетъ заплачено чистымъ серебромъ,— замѣтилъ Кимъ. Женщина изъ Шамле дала ему эти деньги, и онъ находилъ вполнѣ справедливымъ, чтобы ея мужья получили ихъ обратно за свой трудъ.

XV.

Вдоль бушарскихъ долинъ, прогоняя дальнозоркихъ гималайскихъ орловъ видомъ своего новаго полосатаго зонтика, быстро подвигался бенгаліецъ, еще недавно толстый и здоровый на видъ, а теперь тощій и весьма пострадавшій отъ непогоды. Онъ получилъ большую благодарность отъ двухъ иностранцевъ, препроводивъ ихъ довольно ловко въ обширную и веселую столицу Индіи. Не его была вина въ томъ, что, благодаря густому влажному туману, онъ ошибся и провелъ ихъ мимо телеграфной станціи европейской колоніи въ Коттарѣ. Не по его винѣ, а по винѣ боговъ, онъ привелъ ихъ къ окраинамъ Ногана, гдѣ мѣстный раджа принялъ ихъ за британскихъ солдатъ-дезертировъ. Гурри-бабу до тѣхъ поръ толковалъ о величіи и славѣ своихъ спутниковъ у нихъ на родинѣ, пока тупоумный царекъ не улыбнулся наконецъ. Онъ толковалъ объ этомъ всѣмъ, кто только спрашивалъ, толковалъ много разъ, громкимъ голосомъ и съ разными прибавленіями. Онъ доставалъ пищу, устроивалъ разныя удобства, доказалъ свое умѣнье какъ лекарь, вылечивъ поврежденіе ребра—слѣдствіе удара, полученнаго при паденіи въ темнотѣ съ горнаго каменистаго ската. Онъ былъ сердечно радъ, что сдѣлалъ все возможное, чтобы привести ихъ странствіе—если не считать потерянный багажъ—къ благополучному концу. Онъ не требовалъ ни пенсіи, ни единовременной платы, но просилъ, если они считали его достойнымъ, написать ему аттестатъ. Ихъ рекомендація могла ему пригодиться въ случаѣ, еслибы другіе путешественники, ихъ друзья, пріѣхали въ ущелья. Онъ просилъ ихъ не забыть его среди будущаго величія, ибо онъ весьма тонко предполагалъ, что онъ, Могендро Лаль Дуттъ изъ Калькутты, „оказалъ нѣкоторую услугу государству“.

Они выдали ему аттестатъ, гдѣ восхваляли его любезность, сообразительность и необыкновенную ловкость въ качествѣ проводника. Онъ спряталъ его въ свой поясъ и заплакалъ отъ волненія; вѣдь они подвергались вмѣстѣ столькимъ опасностямъ! Онъ проводилъ ихъ въ самый полдень по многолюднымъ улицамъ Симлы, до самаго международнаго банка, гдѣ они хотѣли установить подлинность своей личности. Тамъ онъ вдругъ исчезъ, какъ утренній туманъ, и черезъ нѣсколько дней, согласно указанію женщины въ бирюзовомъ головномъ уборѣ, уже догонялъ въ долинѣ носилки, уносившія ламу.

На берегу Дуна, въ виду разстилающихся и подернутыхъ

золотою пылью долинъ, стоятъ ветхія носилки, и въ нихъ—всѣ горцы это знаютъ—лежитъ больной лама, ищущій рѣку для своего исцѣленія. Цѣлыя деревни оспаривали другъ у друга, чуть не до драки, честь нести носилки, потому что получали за это не только благословенія отъ ламы, но и деньги отъ его ученика. Въ день они проходили по двѣнадцати миль и по дорогамъ, доступнымъ только очень немногимъ. Горцы шли въ бурю, когда снѣжная пыль забивалась въ каждую складку неподвижно повисшей одежды ламы; шли по горнымъ отрогамъ, гдѣ слышали сквозь туманъ крики дикихъ козловъ; то спускались, то съ усиліемъ поднимались по глинистой почвѣ, стиснувъ челюсти и сжимая плечами носилки; переходили изъ деревни въ деревню по утреннему холодку, или при свѣтѣ факеловъ, и наконецъ совершили послѣдній переходъ. Горцы окружили ламу и его ученика, въ ожиданіи его благословеній и платы.

— Вы сдѣлали доброе дѣло и угодили Богу,—сказалъ старикъ. — Вашъ поступокъ выше вашего пониманія. Теперь возвращайтесь въ горы.—Онъ вздохнулъ.

— Да, ужъ, конечно, вернемся въ наши горы, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Носильщики расправили свои плечи, взяли воды въ ротъ и выплюнули ее. Кимъ, съ осунувшимся, усталымъ лицомъ, вытащилъ изъ пояса мелкую серебряную монету, расплатился съ ними, поднялъ мѣшокъ съ провизіей, засунулъ за пазуху клеенчатый свертокъ,—въ немъ находились священныя книги,—и помогъ ламѣ встать на ноги. Горцы подняли носилки и исчезли изъ глазъ за мелкорослыми кустарниками. Въ глазахъ ламы снова появилось прежнее спокойное выраженіе. Онъ поднялъ руку по направленію къ снѣжной цѣпи Гималайевъ.

— Не на васъ, благословенныя среди всѣхъ горъ, упала стрѣла нашего Владыки! И никогда больше я не буду дышать вашимъ воздухомъ.

— Но ты становишься въ десять разъ сильнѣе отъ здѣшняго воздуха,—сказалъ Кимъ. На его измученную, усталую душу успокоительно подѣйствовалъ видъ плодоносныхъ мирныхъ долинъ. — Да, стрѣла упала здѣсь или гдѣ-нибудь по близости. Теперь мы пойдемъ потихоньку, потому что наши исканія обезпечены. Вотъ только мѣшокъ очень тяжелъ.

— Да, исканіе вѣрно. Я избавился отъ большого искушенія.

Они дѣлали въ день не болѣе двухъ миль, и вся тяжесть пути приходилась на долю Кима. Онъ поддерживалъ старика, тащилъ тяжелый мѣшокъ для провизіи, наполненный книгами, а на груди у него еще лежала связка съ письмами. Кромѣ того, онъ же долженъ былъ заботиться о пропитаніи и ночлегѣ. На зарѣ онъ просилъ милостыню; разстилалъ покрывало для ламы, когда тотъ усаживался, чтобы предаваться созерцанію; поддерживалъ на колѣняхъ усталую голову старика во время полуденнаго зноя, отмахивая мухъ, пока у него не начинала болѣть рука; по вечерамъ опять собиралъ милостыню и растиралъ ноги ламы. Старикъ утѣшалъ его обѣщаніями, что они достигнутъ успокоенія, быть можетъ—сегодня, быть можетъ—завтра, или, самое дальнее, черезъ нѣсколько дней.

— Никогда не бывало такого челы. Иногда мнѣ кажется, что Ананда не могъ лучше ухаживать за нашимъ Владыкой. И ты—сагибъ? Странно!

— Ты же самъ говорилъ, что нѣтъ ни бѣлыхъ, ни черныхъ. Зачѣмъ мучить меня этимъ разговоромъ, святой отецъ? Дай, я разотру тебѣ другую ногу. Ты меня только волнуешь. Я не сагибъ... Я твой чела, и голова моя тяжела на плечахъ.

— Потерпи немного! Мы вмѣстѣ достигнемъ успокоенія, и тогда, на свѣтломъ берегу рѣки, мы вдвоемъ будемъ смотрѣть на нашу прошлую жизнь, какъ въ горахъ мы смотрѣли на пройденный за цѣлый день путь. Можетъ быть, и я когда-нибудь былъ сагибомъ?

— Никогда не бывало сагиба, подобнаго тебѣ. Клянусь въ этомъ!

— Я увѣренъ, что хранитель изображеній въ „Домѣ Чудесъ" былъ въ прежней жизни мудрымъ настоятелемъ монастыря. Но даже его очки не могутъ помочь моимъ глазамъ. Если я смотрю долго въ одну точку, то тѣни застилаютъ мое зрѣніе. Но это не важно,—намъ хорошо извѣстны всѣ уловки нашего бѣднаго глупаго тѣла—этой тѣни, переходящей въ другую тѣнь. Я связанъ обманомъ времени и пространства. Сколько мы прошли сегодня за день?

— Должно быть три четверти мили. Путь былъ очень тяжелый.

— Только-то! А мысленно я сдѣлалъ тысячи тысячъ миль! Какъ мы связаны и опутаны безсмысленными вещами! — Онъ взглянулъ на свою руку съ голубыми жилками, для которой ужъ и четки становились въ тягость.—Чела, тебѣ никогда не приходитъ желаніе покинуть меня?

Кимъ подумалъ о клеенчатомъ свертkѣ и о книгахъ въ провизіонномъ мѣшкѣ. Лишь бы только какой-нибудь вѣрный человѣкъ избавилъ его отъ нихъ, и тогда „большая игра“ могла идти сама собой и ему не было бы до нея никакого дѣла. Онъ чувствовалъ усталость, жаръ въ головѣ и мучительно кашлялъ.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ почти грубо,—я не собака и не змѣя, чтобы кусать тѣхъ, кого привыкъ любить.

— Ты слишкомъ добръ ко мнѣ.

— Не всегда. Въ одномъ случаѣ я поступилъ, не спросившись у тебя. Я послалъ къ женщинѣ изъ Кулу ту женщину, которая сегодня утромъ дала намъ козьяго молока, и просилъ передать ей, что ты немного ослабѣлъ и нуждаешься въ носилкахъ. Я готовъ себя побить, что не сдѣлалъ этого раньше. Мы здѣсь дождемся носилокъ.

— Я доволенъ. Она женщина съ золотымъ сердцемъ, какъ ты говоришь, но только говорлива,—такъ говорлива!

— Она не будетъ утомлять тебя. Я и объ этомъ позаботился. Святой отецъ, у меня такъ тяжело на сердцѣ, когда подумаю, какъ я мало заботился о тебѣ!—Нервная спазма сжала на минуту его горло.—Я заводилъ тебя слишкомъ далеко, не всегда доставалъ тебѣ хорошую пищу, не сообразовался съ жарой; я болталъ съ людьми, попадавшимися на дорогѣ, и оставлялъ тебя одного... Я... я... но я люблю тебя... и теперь ужъ слишкомъ поздно... я былъ ребенкомъ... О, зачѣмъ я не былъ взрослымъ человѣкомъ!

И окончательно разбитый усталостью, напряженіемъ и нравственной тяжестью, непосильной для его лѣтъ, Кимъ упалъ къ ногамъ ламы и разрыдался.

— Что ты? Что ты?—ласково произнесъ старикъ.—Ты ни на волосъ не отступилъ отъ пути повиновенія. Не заботился обо мнѣ!? Дитя, да я пользовался твоею силою, какъ старое дерево, опирающееся на новую стѣну. Изо дня въ день отъ самаго Шамле я отнималъ у тебя силы, и только благодаря этому ты такъ ослабѣлъ. Теперь въ тебѣ говоритъ тѣло, слабое, безумное тѣло, а не увѣренная душа. Утѣшься! Познай дьяволовъ, съ которыми борешься! Они—порожденіе земли и дѣти обмана. Мы отправимся къ женщинѣ изъ Кулу. Она сдѣлаетъ доброе дѣло, пріютивъ насъ и позаботившись обо мнѣ, а ты будешь свободенъ, пока къ тебѣ не вернутся силы. Я совсѣмъ забылъ о безумномъ тѣлѣ. Если кто-нибудь изъ насъ достоинъ порицанія, то это я. Но мы такъ близки къ „вратамъ освобожденія“, что порицаніе не можетъ угнетать насъ. Я бы могъ воздать тебѣ

хвалу, но зачѣмъ? Скоро, очень скоро мы съ тобою станемъ выше всѣхъ земныхъ потребностей.—Такъ онъ ласкалъ и утѣшалъ Кима, приводя мудрыя поговорки и изреченія, относящіяся къ нашей плотской природѣ, обманчивой и ложной по существу, но старающейся смутить душу, затемнить путь и умножить и безъ того безконечное количество ненужныхъ дьяволовъ.—Ну, а теперь напой-ка меня чаемъ!—заключилъ онъ.

Кимъ разсмѣялся сквозь слезы, поцѣловалъ ногу ламы и сталъ хлопотать, заваривая чай.

— Ты находишь во мнѣ физическую опору, святой отецъ, но я нахожу въ тебѣ опору другого рода.

— Догадываюсь, быть можетъ,—отвѣчалъ лама, и глаза его засверкали.—Только теперь тебѣ этого мало.

И когда, наконецъ, явился любимый паланкинъ сагибы въ сопровожденіи стараго слуги, и они добрались до длиннаго бѣлаго дома за Сагарунпоромъ, то лама принялъ надлежащія мѣры относительно своего ученика.

— Ну, какая польза старухѣ давать совѣты старику?—весело крикнула изъ верхняго окошка сагиба, обмѣнявшись привѣтствіями со своими гостями.—Я тебѣ говорила, я говорила тебѣ, святой отецъ, не спускать твоего челу съ глазъ, а ты развѣ послушался? Пожалуйста, не отвѣчай, я сама знаю. Онъ бѣгалъ за женщинами. Взгляни только на его глаза. Они совсѣмъ провалились. А эта предательская линія на щекахъ? Онъ совсѣмъ замотался. Фу-фу, а еще монахъ!

Кимъ взглянулъ наверхъ и отрицательно покачалъ головой, не находя силъ улыбнуться.

— Не шути,—произнесъ лама.—Время шутокъ прошло. Мы сюда пришли по важнымъ дѣламъ. Я заболѣлъ душою въ горахъ, а онъ тѣломъ, и съ той поры я жилъ его силами, и вотъ онѣ истощились.

— Дѣти вы оба, и молодой, и старый,—проговорила старуха, разсмѣявшись, но удержалась отъ другихъ шутокъ.—Надѣюсь, что у меня вы поправитесь. Подождите немного, я приду поговорить съ вами про высокія милыя горы.

Вечеромъ—ея зять былъ дома, и потому ей не нужно было присматривать за хозяйствомъ—послѣ ужина она разговорилась съ ламой, и тотъ что-то сталъ ей толковать тихимъ голосомъ. Двѣ старыя головы наклонились другъ къ другу и по временамъ кивали въ знакъ полнаго пониманія. Кимъ, пошатываясь, ушелъ въ свою комнату, гдѣ стояла койка, и заснулъ неожиданнымъ

глубокимъ сномъ. Лама запретилъ Киму разстилать для него покрывало и вообще заботиться о немъ.

— Я знаю, я знаю. Кому и знать, какъ не мнѣ?—тараторила хозяйка.—Мы, нисходящіе къ горящему костру, всячески стараемся зацѣпиться за руки тѣхъ, которые восходятъ отъ рѣки жизни съ кувшинами, полными воды, полными воды до самыхъ краевъ. Я была неправа къ мальчику. Это тебѣ, значитъ, онъ отдалъ свои силы? Ну, ничего, теперь мы его поправимъ.

— Ты уже много разъ дѣлала доброе дѣло и угождала Богу...

— Чѣмъ же это? Тѣмъ, что дѣлала, старый я мѣшокъ съ костями, кушанья изъ овощей для людей, которые даже не спрашивали: „кто ихъ варилъ“? Вотъ если бъ я знала, что моему внуку дадутъ...

— Это тому, который страдалъ желудкомъ?

— Подумать только, что святой отецъ это запомнилъ! Я должна сообщить объ этомъ его матери. Это особенная честь! Она будетъ такъ горда!

— Мой чела для меня то же, что̀ сынъ для непросвѣтленныхъ.

— Скажи лучше—внукъ. Матери не обладаютъ мудростью нашего возраста.

— Сестра, — произнесъ лама, употребляя обращеніе, допускаемое у буддійскихъ монаховъ, когда они говорятъ съ монахинями,—если заклинанія доставляютъ тебѣ удовольствіе...

— Они лучше тысячи докторовъ.

— Итакъ, если они доставляютъ тебѣ удовольствіе, то я, бывшій настоятель монастыря Зухъ-Зенъ, напишу ихъ тебѣ, сколько захочешь. Тотъ, кто спитъ здѣсь,—онъ указалъ на закрытую дверь комнаты для гостей,—говоритъ, что у тебя золотое сердце... А онъ—мой духовный внукъ.

— Хорошо! Когда-то я нравилась мужчинамъ, а теперь я умѣю ихъ лечить.—Лама, не глядѣвшій на нее и сидѣвшій съ опущенными глазами, услыхалъ, какъ зазвенѣли ея браслеты, точно она засучивала рукава, готовясь приняться за дѣло.—Я примусь за мальчика, буду пичкать его лекарствами, откормлю его, и онъ у меня растолстѣетъ. Хэ! хэ! Старые люди все-таки умѣютъ кое-что дѣлать.

Когда Кимъ, чувствуя боль во всѣхъ костяхъ, открылъ глаза, собираясь идти въ кухню за ѣдой своему учителю, то почувствовалъ, что его удерживаютъ, и увидалъ въ дверяхъ закутан-

ную въ покрывало фигуру, а рядомъ съ нею стараго слугу, подробно объяснившаго ему, чего онъ не долженъ былъ дѣлать.

— Что ты спрашиваешь? Запирающійся ящикъ, чтобы сложить въ него священныя книги? Ну, это другое дѣло. Не дай мнѣ Богъ помѣшать монаху молиться! Ящикъ тебѣ принесутъ, и ты получишь ключъ отъ него.

Ящикъ принесли и поставили подъ койку, и Кимъ со вздохомъ облегченія заперъ въ него пистолетъ Магбуба, письма, завернутыя въ клеенку, запирающіяся книги и дневники. По какой-то странной причинѣ ихъ тяжесть, оттягивавшая ему плечи, была ничто въ сравненіи съ той тяжестью, какой онѣ ложились ему на душу. Отъ этой тяжести голова его трещала цѣлыми ночами.

— Твоя болѣзнь рѣдко встрѣчается среди теперешней молодежи, съ тѣхъ поръ какъ она бросила ухаживать за старшими и отдавать имъ свои силы. Лекарствомъ для нея служатъ сонъ и еще нѣкоторыя средства,—сказала сагиба и стала варить въ какой-то таинственной комнатѣ, замѣнявшей собою химическую лабораторію, разные напитки и слабительныя, съ отвратительнымъ запахомъ и еще худшимъ вкусомъ. Она запретила прислугѣ ходить и шумѣть въ той части двора, которая примыкала къ комнатѣ больного, и поставила на стражѣ вооруженнаго человѣка. Потомъ выбрала изъ множества бѣдныхъ родственниковъ, населявшихъ заднія постройки, вдову одного двоюроднаго брата, искусную въ томъ, что европейцы, ничего въ этомъ не смыслящіе, называютъ массажемъ. Вдвоемъ съ нею, уложивъ больного сначала къ востоку, а потомъ къ западу, чтобы таинственные земные токи, проникающіе нашу земную оболочку, не мѣшали, а способствовали массажу, она стала пробирать его всего по суставамъ, косточка за косточкой, мускулъ за мускуломъ, связка за связкой и, наконецъ, нервъ за нервомъ. Послѣ этого Кимъ погрузился въ глубочайшій сонъ, продолжавшійся тридцать-шесть часовъ и освѣжившій его, какъ дождь освѣжаетъ землю послѣ засухи.

Потомъ старуха стала кормить его, и весь домъ пошелъ вверхъ дномъ отъ ея крика. Она велѣла рѣзать птицъ, посылала за овощами, доставала разныя специи, молоко, лукъ, маленькихъ рыбокъ изъ ручья, особаго сорта лимоны для шербета и перепеловъ изъ западни; жарила на вертелѣ цыплячьи печонки, пересыпанныя инбиремъ.

— Видала я виды на своемъ вѣку,—говорила она, наклонившись надъ кучей составленной посуды,—и знаю, что на свѣтѣ

есть только два сорта женщинъ: однѣ берутъ силу у мужчинъ, а другія возвращаютъ имъ ее. Прежде я принадлежала къ первымъ, а теперь принадлежу ко вторымъ.

Кимъ сѣлъ и улыбнулся. Ему казалось, что онъ стряхнулъ съ себя ужасную, угнетавшую его слабость, какъ старый башмакъ. У него чесался языкъ отъ потребности разговаривать. Боль въ затылкѣ, которая, по всей вѣроятности, перешла къ нему отъ ламы, исчезла вмѣстѣ съ дурнымъ вкусомъ во рту. Обѣ старухи какъ будто даже позабыли о своихъ покрывалахъ и весело кудахтали, какъ и куры, забравшіяся черезъ открытую дверь и что-то клевавшія на полу.

— Гдѣ мой святой старецъ?—спросилъ Кимъ.

— Вотъ еще забота! Твой святой старецъ здоровъ,—съ внезапнымъ раздраженіемъ отрѣзала она,—хотя въ этомъ не его заслуга. Еслибы я знала какое-нибудь заклинаніе, чтобы прибавить ему ума, то продала бы всѣ мои драгоцѣнности и купила его. Отказаться отъ вкусныхъ кушаній, которыя я сама готовила, цѣлыхъ двѣ ночи шататься по полямъ на голодный желудокъ и, въ довершеніе всего, свалиться въ ручей,—это у васъ называется святостью?! И, навааливъ на мое безпокойное сердце всю ту тяжесть, которую ты снялъ своимъ выздоровленіемъ, онъ вдругъ объявилъ, что угодилъ Богу. Нѣтъ, даже не то: онъ говоритъ, что освободился отъ всякаго грѣха. Я ему это могла сама объявить, прежде чѣмъ онъ вымокъ съ головы до ногъ! Теперь онъ здоровъ,—это случилось недѣлю тому назадъ,—но подите вы отъ меня съ такою святостью! Трехлѣтній ребенокъ этого бы не сдѣлалъ. Только ты не безпокойся о своемъ святомъ старцѣ. Онъ глазъ съ тебя не спускаетъ, за исключеніемъ того времени, когда купается въ нашихъ ручьяхъ.

— Мнѣ не помнится, чтобъ я его видѣлъ. Я помню, что дни и ночи проходили, какъ темныя и свѣтлыя полосы, то открываясь, то закрываясь. Я не чувствовалъ себя больнымъ, а только очень усталымъ.

— Да, такое состояніе случается иногда въ гораздо позднѣйшемъ возрастѣ. Но теперь все прошло.

— Магарани, — началъ-было Кимъ, но ея взглядъ остановилъ его, и онъ замѣнилъ это обращеніе гораздо болѣе любовнымъ,—мать моя, тебѣ я обязанъ жизнью. Какъ мнѣ благодарить тебя? Десять тысячъ благословеній на твой домъ и...

— Домъ все-таки останется неблагословеннымъ... (Невозможно съ точностью передать слова старой дамы)... Благодари Бога по-монашески, если тебѣ угодно, но меня благодари просто,

какъ сынъ. Сколько огорченій, небось, ты причиняешь своей матери!

— У меня нѣтъ матери, мать моя,—отвѣчалъ Кимъ.—Мнѣ сказали, что она умерла, когда я былъ маленькимъ.

— Въ такомъ случаѣ никто не можетъ сказать, что я тебя похитила и лишила твою мать ея правъ... когда ты опять пустишься въ путь и этотъ домъ станетъ для тебя однимъ изъ тысячи служившихъ тебѣ пріютомъ и забытыхъ, послѣ того, какъ ты произнесъ надъ нимъ ничего тебѣ не стòящее благословеніе. Но все равно. Я въ благословеніяхъ не нуждаюсь. Твой учитель даетъ мнѣ всѣ заклинанія, какихъ я только у него ни попрошу для старшаго сына моей дочери. Быть можетъ, онъ такъ легко на это соглашается, потому что вполнѣ свободенъ теперь отъ грѣховъ? Зато хакимъ эти дни что-то притихъ. Собирается отравлять моихъ слугъ, за неимѣніемъ лучшихъ паціентовъ.

— Какой хакимъ, мать моя?

— Да тотъ человѣкъ изъ Дакки, который далъ мнѣ пилюли, разорвавшія меня натрое. Онъ притащился, недѣлю тому назадъ, какъ заблудившійся верблюдъ, сталъ клясться, что вы съ нимъ кровные братья, и дѣлать видъ, что очень безпокоится о твоемъ здоровьѣ. Такой онъ былъ худой и голодный, что я велѣла начинить его пищей и заткнуть ротъ и ему, и его безпокойству.

— Я хотѣлъ бы его видѣть, если онъ здѣсь.

— Онъ ѣстъ пять разъ въ день, и мы, кажется, никогда отъ него не освободимся.

— Пришли его сюда, мать моя,—глаза Кима на мгновеніе сверкнули, какъ прежде,—и я попробую его выпроводить.

— Я пришлю его, но выгонять его было бы недоброе дѣло. У него вѣдь все-таки хватило догадки выудить твоего святого старца изъ ручья, и такимъ образомъ,—хотя святой старецъ этого не сказалъ,—угодить Богу.

— Онъ очень мудрый хакимъ,—пришли его сюда, мать моя!

— Врачъ хвалитъ врача? Вотъ такъ чудо! Если онъ тебѣ другъ,—въ послѣднюю встрѣчу вы все ссорились,—то я притащу его сюда на арканѣ, а потомъ накормлю его важнымъ обѣдомъ, сынъ мой... А ты вставай скорѣй, да взгляни на міръ Божій! Лежанье въ постели есть мать семи дьяволовъ... сынъ мой! сынъ мой!

Она вышла и направилась въ кухню, гдѣ подняла настоящій смерчъ, и почти тотчасъ же вслѣдъ за ея уходомъ, напоминая своей широкой одеждой и гладкими щеками римскаго императора,—въ комнату вкатился „бабу", съ обнаженной головой, въ новыхъ па-

тентованныхъ ботинкахъ, разжирѣвшій до крайности и захлебывающійся отъ радостныхъ привѣтствій.

— Ей-богу, м-ръ О'Гара, я очень радъ васъ видѣть! Вы позволите запереть дверь? Очень жаль, что вы больны. Вы очень больны?

— Бумаги, бумаги изъ кильты! Чертежи и „муразла"!

Кимъ нетерпѣливымъ движеніемъ протянулъ ключъ. Единственной потребностью его души было освободиться отъ награбленныхъ вещей.

— Вы совершенно правы. Прежде всего, надо покончить съ дѣлами. Достали вы что-нибудь?

— Я взялъ все, что̀ было написаннаго въ кильтѣ. Остальное бросилъ въ пропасть.

Онъ услышалъ звукъ ключа, повернутаго въ замочной скважинѣ, мягкое шуршанье туго сползающей клеенки и шелестъ бумаги. Его глубоко мучило сознаніе, что всѣ эти вещи лежали подъ его койкой во все продолженіе его болѣзни, и что онъ не могъ никому передать ихъ и свалить съ своей души эту тяжесть. Поэтому сердце ускоренно забилось у него въ груди, когда „бабу" запрыгалъ по комнатѣ съ легкостью слона, потирая отъ радости руки.

— Это очень хорошо! Это великолѣпно! М-ръ О'Гара! Вы стянули цѣлый мѣшокъ, и въ немъ всѣ ихъ плутни, продѣлки, обманы, вмѣстѣ съ пожитками. Они говорили мнѣ, что восьмимѣсячная работа ихъ полетѣла въ трубу! Посмотрите-ка,—вѣдь это письмо отъ Гиласа! Теперь британское правительство назначитъ двухъ правителей на мѣсто Гиласа и Бунара. Вотъ будетъ гордиться-то м-ръ Лурганъ! Оффиціально вы мой подчиненный, но я включу ваше имя въ мой устный докладъ. Очень жаль, что намъ не дозволяютъ дѣлать письменныхъ донесеній. Мы, бенгалійцы, очень способны къ точнымъ наукамъ.

Онъ отбросилъ въ сторону ключъ и показалъ Киму набитый и запертой ящикъ.

— Хорошо. Очень хорошо! Я чувствовалъ такую усталость, и къ тому же еще мой святой старецъ былъ боленъ. И если онъ упалъ...

— О, да. Я оказалъ ему дружескую услугу, могу сказать. Онъ велъ себя очень странно, когда я явился сюда за вами. Я думалъ, что бумаги находятся, быть можетъ, у него. Ей-богу, О'Гара, у него больныя ноги, а кромѣ того онъ каталептикъ, если не эпилептикъ. Я нашелъ его именно въ такомъ состояніи,

сидящимъ подъ деревомъ. Онъ вскочилъ, бросился въ ручей—и утонулъ бы, еслибы не я. Я его вытащилъ.

— Это все потому, что меня съ нимъ не было!—воскликнулъ Кимъ.—Вѣдь онъ могъ умереть.

— Да, онъ могъ умереть, но теперь онъ совершенно высохъ и увѣряетъ, что преобразился.

Бабу съ видомъ пониманія похлопалъ себя по лбу.

— Теперь вы должны поскорѣй выздоравливать и возвращаться въ Симлу, и тамъ у Лургана я вамъ разскажу о всѣхъ своихъ приключеніяхъ. Это было великолѣпно. Старый Ноганъ-раджа принялъ ихъ за европейскихъ солдатъ-дезертировъ.

— Ахъ, это вы про французовъ! Долго вы съ ними пробыли?

— О, безконечное количество дней! Теперь всѣ горцы думаютъ, что всѣ французы нищіе,—въ такомъ видѣ они путешествовали! А я разсказывалъ о нихъ такія сказки, такіе анекдоты! Все это я вамъ сообщу у старика Лургана, когда вы явитесь. Они выдали мнѣ аттестатъ. Это былъ ужъ верхъ комизма! Вы что-то мало смѣетесь; но вы будете смѣяться, когда выздоровѣете. Теперь я прямо отправляюсь на желѣзную дорогу. Вы будете пользоваться большимъ уваженіемъ среди вашихъ собратьевъ за вашу игру. Мы вами очень гордимся, хотя и боялись иногда за васъ, особенно Магбубъ.

— Магбубъ? А гдѣ онъ?

— Продаетъ лошадей въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

— Здѣсь? Зачѣмъ? Говорите медленнѣе. У меня еще до сихъ поръ болитъ голова.

Бабу смущенно опустилъ глаза.

— Вотъ видите ли, я человѣкъ боязливый и не люблю брать на себя отвѣтственности. Вы были больны, и я не зналъ, чортъ ихъ дери, гдѣ находятся эти бумаги. Поэтому я поговорилъ частнымъ образомъ съ Магбубомъ и сообщилъ ему, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Онъ явился сюда со своими людьми и постарался сблизиться съ ламой, послѣ чего обозвалъ меня дуракомъ и былъ со мною очень грубъ...

— Но почему же... почему же?

— И я то же самое спрашиваю. Я только намекнулъ, что если бумаги кѣмъ-нибудь украдены, то было бы недурно послать нѣсколько сильныхъ и бравыхъ людей—украсть ихъ снова. Вы сами понимаете, какъ это важно, а Магбубъ-Али не зналъ, гдѣ вы находитесь.

— Вы хотѣли, чтобы Магбубъ-Али ограбилъ домъ сагибы? Вы съ ума сошли, „бабу"!—съ негодованіемъ воскликнулъ Кимъ.

— Мнѣ нужны были бумаги. Если предположить, что она ихъ украла, то мой намекъ былъ очень практиченъ, я думаю. Вы недовольны? а?

Мѣстная поговорка, совершенно непереводимая, показала „бабу" всю глубину неодобренія Кима.

— Ну, хорошо,—„бабу" пожалъ плечами,—это не въ вашемъ вкусѣ. Магбубъ тоже сердился. Онъ говорилъ, что старая дама все-таки дама и не способна ухитриться до такого поступка. Мнѣ все равно. Я заботился только о томъ, чтобы достать бумаги, и былъ очень доволенъ найти нравственную поддержку въ Магбубѣ. Я говорю вамъ, что я человѣкъ боязливый, но чѣмъ больше я боюсь, тѣмъ въ болѣе опасное положеніе я попадаю. Поэтому я былъ очень радъ, что вы вмѣстѣ со мной ходили въ горы, и теперь радъ, что по близости находится Магбубъ. Старая дама обходится иногда очень грубо со мной и съ моими великолѣпными пилюлями. Однако, до свиданія, мистеръ О'Гара Хорошее будетъ времячко, когда мы всѣ соберемся у мистера Лургана и все ему разскажемъ.

Онъ дважды пожалъ Киму руку и отворилъ дверь. Но едва только лучъ солнца упалъ на его торжествующую физіономію, какъ онъ тотчасъ же превратился въ скромнаго шарлатана изъ Дакки.

Кимъ не думалъ больше о „бабу". Онъ увидалъ солнечный свѣтъ, и его потянуло на воздухъ. Сначала его ноги подгибались, а потокъ солнечнаго свѣта ослѣпилъ и ошеломилъ его. Онъ присѣлъ на корточки возлѣ бѣлой стѣны, припоминая всѣ подробности долгаго пути съ ламой и испытывая, какъ всѣ больные, глубокую жалость къ себѣ. Онъ былъ радъ, что исторія съ похищеніемъ кильты была окончена, что онъ сбылъ бумаги съ рукъ, что все это больше его не касалось. Онъ попробовалъ думать о ламѣ и о томъ, почему онъ упалъ въ ручей, но необъятность окружающей природы отвлекла его отъ этихъ мыслей, и онъ невольно заглядѣлся на деревья, огромныя поля и хижины съ тростниковыми крышами среди нивъ. Онъ смотрѣлъ на все это какими-то странными глазами въ теченіе получаса, и не былъ въ состояніи опредѣлить размѣры окружавшихъ его предметовъ и ихъ назначеніе. Надъ нимъ проносились порывы вѣтерка, въ вѣтвяхъ кричали попугаи, а издали долетали звуки жизни изъ селенія: споры, приказанія и возгласы,— —но все это какъ-будто не касалось его омертвѣвшаго слуха.

— Я—Кимъ, я—Кимъ. Но что такое Кимъ?

Эти слова повторялись безконечно въ его душѣ. Менѣе чѣмъ когда-либо онъ имѣлъ причины плакать, но неожиданныя глупыя слезы потекли у него по щекамъ, и къ нему вернулось на время утраченное сознательное отношеніе къ внѣшней жизни. Всѣ предметы, безцѣльно и безсмысленно мелькавшіе передъ его глазами, снова получили смыслъ и значеніе. Сагиба,—отъ внимательныхъ глазъ которой не ускользнула эта перемѣна,—проговорила, обращаясь къ окружающимъ:

— Ну, теперь оставьте его, пусть идетъ. Я свое дѣло сдѣлала; мать-земля должна сдѣлать остальное. Когда святой старецъ вернется,—скажите ему объ этомъ.

И мать-земля оказалась такъ же вѣрной своей задачѣ, какъ и сагиба. Она вернула Киму равновѣсіе, утраченное имъ во время болѣзни, когда онъ былъ лишенъ ея живительныхъ соковъ. Его голова безсильно покоилась на ея груди, и онъ, лежа съ раскинутыми руками, какъ будто весь отдавался ея власти. Деревья надъ его головой, вросшія въ землю множествомъ корней, и даже мертвый, срубленный людьми лѣсъ вокругъ, знали лучше, чѣмъ онъ самъ, что ему было нужно. Нѣсколько часовъ подрядъ лежалъ онъ такъ, погруженный въ дремоту, болѣе глубокую, чѣмъ сонъ. Къ вечеру, когда весь горизонтъ заволокло пылью, поднятою возвращавшимися коровами, къ лежавшему, осторожно ступая, подошли лама и Магбубъ-Али. Дома имъ сказали, по какому направленію пошелъ Кимъ.

— Аллахъ! Какое безуміе такъ уходить одному?—проговорилъ торговецъ лошадьми, а лама, по обыкновенію, принялся восхвалять своего челу.

— Онъ такой воздержный, добрый, мудрый, у него такой хорошій характеръ, такая неутомимость и такая неистощимая бодрость и веселость въ пути! Онъ ничего не забываетъ, онъ такъ вѣжливъ и у него такое вѣрное сердце. Велика его награда!

— Я вѣдь знаю мальчика, какъ и говорилъ тебѣ.

— И не правда ли,—все, что я говорилъ о немъ, вѣрно?

— Отчасти. За нимъ, конечно, очень хорошо ухаживали?

— У сагибы золотое сердце,—серьезно произнесъ лама.—Она заботится о немъ какъ о собственномъ сынѣ.

— Гм! Повидимому, чуть не полъ-Индіи слѣдуетъ въ этомъ отношеніи ея примѣру. Я только хотѣлъ узнать, не случилось ли чего съ мальчикомъ, и убѣдиться, что онъ вполнѣ свободенъ.

Какъ тебѣ извѣстно, мы были старыми друзьями въ то время, какъ ты съ нимъ встрѣтился.

— Да, и это именно сблизило насъ съ тобою.—Лама сѣлъ на землю.—Нашъ путь оконченъ. Сегодня же ночью,—слова звучали тихо и въ нихъ чувствовалось сдержанное торжество,—сегодня же ночью онъ, какъ и я, освободится отъ всякой тѣни грѣха. Онъ найдетъ успокоеніе и отрѣшится отъ „колеса" всего вещественнаго. Мнѣ былъ данъ знакъ,—онъ положилъ руку на разорванную хартію у себя за поясомъ,—что мои дни сочтены, но мнѣ такъ хотѣлось бы предохранить его отъ зла еще на долгіе годы. Вспомни, я достигъ познанія, какъ уже говорилъ тебѣ, всего три ночи назадъ.

— Значитъ, ты хочешь отправить его въ „райскіе сады"? Но какъ ты это сдѣлаешь? Убьешь его, что-ли, или потопишь въ удивительной рѣкѣ, изъ которой тебя вытащилъ „бабу"?

— Меня не вытаскивали ни изъ какой рѣки,—просто отвѣтилъ лама;—ты забылъ, что̀ случилось. Я нашелъ рѣку путемъ познанія.

— О, да, это вѣрно,—пробормоталъ Магбубъ, которому было и смѣшно, и досадно въ одно и то же время.—Я забылъ точный ходъ событій. Ты нашелъ ее путемъ познанія.

— А говорить, что я хочу отнять жизнь—это даже не грѣхъ, а просто безуміе. Мой чела помогъ мнѣ найти рѣку и имѣетъ полное право на очищеніе отъ грѣха вмѣстѣ со мною.

— Ну, а потомъ, старикъ,—что̀ же потомъ?

— Чего же еще? Онъ достигъ просвѣтленія, какъ и я, и отнынѣ его путь—это путь учителя.

— Ага! Теперь понимаю. Ну, что жъ, отлично, но въ настоящее время государство весьма нуждается въ немъ, какъ въ писцѣ.

— Онъ къ этому и готовился. Я дѣлалъ доброе дѣло, когда платилъ за его ученье, а доброе дѣло никогда не умираетъ. Онъ помогъ мнѣ въ моемъ исканіи, а я помогъ ему съ моей стороны. Справедливо „колесо", о, продавецъ лошадьми, житель сѣвера! Пусть онъ будетъ учителемъ, пусть онъ будетъ писцомъ—не все ли равно? Въ концѣ концовъ, онъ достигнетъ успокоенія; все остальное—заблужденіе и обманъ.

— Не все ли равно? Ну, нѣтъ, что меня касается, то я хотѣлъ бы, чтобы шесть мѣсяцевъ уже прошли и онъ былъ бы со мною въ Балкѣ. Явился я сюда съ бракованными лошадьми и тремя дюжими молодцами, благодаря этому трусу „бабу",—чтобы достать силой больного мальчика изъ дома

старой бабы, — а оказывается, что я помогаю старой красной шляпѣ, заботящейся о помѣщенiи молодого сагиба въ Аллахъ вѣдаетъ какой-то языческiй рай. А я еще считаюсь чѣмъ-то въ родѣ участника въ игрѣ! Но этотъ сумасшедшiй старикъ любитъ мальчика, да и я, при всемъ моемъ благоразумiи, тоже, кажется, немножко свихнулся.

— Что за молитву ты читаешь?—спросилъ лама, прислушиваясь къ бормотанью Магбуба.

— Никакой молитвы, но съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, что мальчикъ, заручившись раемъ, все-таки можетъ служить правительству,—я успокоился. Теперь я могу идти къ моимъ лошадямъ. Уже темнѣетъ. Не буди его. Я не хочу слышать, какъ онъ называетъ тебя учителемъ.

— Но вѣдь онъ мой ученикъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Да, онъ мнѣ это говорилъ.—Магбубъ стряхнулъ съ себя овладѣвшую имъ было грусть и всталъ, смѣясь.—Я вѣдь не твоей вѣры, красная шляпа, если только такое неважное обстоятельство можетъ интересовать тебя.

— Это ничего не значитъ,—произнесъ лама.

— Ну, не думаю. И поэтому тебя, конечно, не очень тронетъ, — тебя, безгрѣшнаго, вновь омытаго и при этомъ почти утопившагося,—если я назову тебя хорошимъ человѣкомъ, очень хорошимъ человѣкомъ. Мы съ тобой три или четыре вечера пробесѣдовали вмѣстѣ, и хотя я только лошадиный мѣняла, но я все-таки могу, по пословицѣ, разсмотрѣть святость и за лошадью. Да, и поэтому я очень хорошо понимаю, почему нашъ „всѣмъ на свѣтѣ другъ“ впервые сдружился съ тобою. Руководи имъ по хорошему и позволь ему вернуться въ свѣтъ въ качествѣ учителя.

— А почему бы тебѣ самому не сдѣлаться послѣдователемъ пути и не присоединиться такимъ образомъ къ мальчику?

Магбубъ вытаращилъ глаза, пораженный вопросомъ, показавшимся ему верхомъ нахальства. За предѣлами государства онъ отвѣтилъ бы на него даже не ударами, а чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ. Но тотчасъ же онъ съумѣлъ оцѣнить весь безсознательный юморъ словъ ламы.

— Понемногу, не все сразу,—возразилъ онъ.—И я достигну рая, но со временемъ. А скажи мнѣ, ты никогда не лгалъ?

— А зачѣмъ бы я сталъ это дѣлать?

— О, Аллахъ! Послушать его только! „Зачѣмъ бы я сталъ это дѣлать?“! Ну, и никогда ты не дѣлалъ никому зла?

— Нѣтъ, одинъ разъ я ударилъ человѣка... моимъ пеналомъ... Это было до достиженія мною мудрости.

— Вотъ какъ! Ну, я самаго лучшаго о тебѣ мнѣнія. Ты хорошо учишь. Ты отвратилъ одного извѣстнаго мнѣ человѣка отъ пути борьбы.—Онъ громко разсмѣялся.—Онъ явился сюда съ явнымъ намѣреніемъ разграбить домъ и учинить насиліе. Да, рѣзать, грабить, убивать и добыть то, что̀ ему было нужно.

— Великое безуміе!

— О! Да и величайшій стыдъ къ тому же. Такъ сталъ онъ думать, послѣ того какъ увидалъ тебя... и еще нѣкоторыхъ другихъ, мужчинъ и женщинъ. Такимъ образомъ онъ оставилъ свое намѣреніе и теперь собирается побить одного толстаго „бабу".

— Я не понимаю, что̀ ты говоришь.

— И да сохранитъ тебя Аллахъ отъ пониманія! Многіе люди сильны познаніемъ, красная шляпа, но твоя сила еще сильнѣе. Сохрани ее... Я думаю, ты такъ и сдѣлаешь. И если мальчикъ не будетъ тебя слушаться, то отдери его за уши.

Продавецъ лошадей поправилъ свой широкій поясъ и исчезъ въ сгущавшихся сумеркахъ, а лама настолько отрѣшился отъ своего заоблачнаго созерцанія, что даже внимательно посмотрѣлъ на его удалявшуюся широкую спину.

— Этому человѣку недостаетъ вѣжливости и его обманываетъ тѣнь внѣшности. Но онъ хорошо говорилъ о моемъ челѣ, достигшемъ теперь своей награды. Теперь я помолюсь... Проснись, о, счастливѣйшій изъ рожденныхъ женами! Проснись! Исканіе окончено!

Кимъ очнулся отъ глубокаго забытья и съ удовольствіемъ зѣвнулъ.

— Я спалъ цѣлыхъ сто лѣтъ. Гдѣ же?.. Святой отецъ, ты давно здѣсь? Я вышелъ изъ дому, чтобы поискать тебя, но,— онъ сонно разсмѣялся,—заснулъ дорогой. Теперь я совсѣмъ здоровъ. А ты ѣлъ? Пойдемъ домой. Ужъ давно я за тобой не ухаживалъ. А что̀, сагиба хорошо тебя кормила? Кто растиралъ тебѣ ноги? А что̀ твоя слабость, желудокъ, затылокъ и шумъ въ ушахъ?

— Прошло, все прошло. Развѣ ты не знаешь?

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что не видалъ тебя давнымъ-давно. А что̀ я долженъ знать?

— Странно, что познаніе не достигло тебя, когда всѣ мои мысли были направлены къ тебѣ.

— Я не могу разсмотрѣть твоего лица, но голосъ твой

звучитъ какъ гонгъ. Не превратила ли тебя сагиба въ молодого человѣка, при помощи своей стряпни?

Онъ внимательно присматривался, стараясь разглядѣть фигуру старика съ скрещенными ногами, вырисовывавшуюся чернымъ пятномъ на ярко-желтой полосѣ заката. Именно такъ сидѣлъ каменный Бодизатъ въ лагорскомъ музеѣ. Все было тихо, и туманная вечерняя тишина нарушалась только щелканьемъ четокъ и удалявшимся стукомъ копытъ лошади Магбуба.

— Выслушай меня! Я принесъ новости.

— Но давай сначала...

Старческая желтая рука протянулась впередъ, призывая къ молчанію. Кимъ покорно подобралъ свои ноги подъ подолъ одежды.

— Выслушай меня! Я принесъ новости. Исканіе окончено. Теперь является награда. Такъ. Когда мы были въ горахъ, я жилъ, опираясь на твою силу, пока молодая вѣтвь не погнулась и чуть не сломалась. Когда мы вернулись съ горъ, я былъ встревоженъ и за тебя, и еще за другое, что̀ было у меня на сердцѣ. Основаніе моей души утратило свое истинное направленіе,—я не могъ больше видѣть „причину вещей". Поэтому я вполнѣ поручилъ тебя попеченіямъ этой добродѣтельной женщины. Я ничего не ѣлъ. Я не пилъ воды. Но все еще не видѣлъ пути. Они мнѣ приносили пищу и кричали за моею запертой дверью, и тогда я перебрался въ яму подъ деревомъ. Я ничего не ѣлъ. Я не пилъ воды. Я сидѣлъ два дня и двѣ ночи, предаваясь созерцанію и стараясь отвлечь свой умъ отъ всего вещественнаго, вдыхая и выдыхая извѣстнымъ образомъ... На вторую ночь—такъ велика была моя награда—мудрая душа освободилась отъ безумнаго тѣла. До тѣхъ поръ я никогда не могъ этого достигнуть, хотя стоялъ у самаго порога. Обдумай это хорошенько, ибо это чудо!

— Настоящее чудо. Два дня и двѣ ночи безъ ѣды! А гдѣ же была сагиба?—произнесъ Кимъ, задыхаясь отъ волненія.

— Да, моя душа освободилась и, воспаривъ, какъ орелъ, увидала, что не было Тешу-ламы и никакой другой души. Какъ капля влечется къ водѣ, такъ моя душа приблизилась къ Великой Душѣ, находящейся надъ всѣмъ вещественнымъ. И въ это мгновеніе, въ восторгѣ созерцанія, я увидалъ всю Индію отъ Цейлона въ морѣ до горъ и мои скалы въ Зухъ-Зенъ. Я все это видѣлъ единовременно и сразу, потому что все это было заключено въ душѣ. И поэтому я узналъ, что душа преодолѣла обманчивость времени, пространства и всего веществен-

наго. И поэтому я узналъ, что я свободенъ. И я видѣлъ безумное тѣло Тешу-ламы, лежавшее на землѣ, и хакима изъ Дакки, ставшаго на колѣни рядомъ съ нимъ и кричавшаго ему что-то въ самыя уши. Потомъ моя душа осталась одна, и я ничего больше не видѣлъ, потому что я сталъ всѣмъ, достигнувъ Великой Души. Я предавался созерцанію тысячи и тысячи лѣтъ, безстрастно, съ полнымъ сознаніемъ „причины всѣхъ вещей". Потомъ чей-то голосъ воскликнулъ: „Чтò будетъ съ мальчикомъ, если ты умрешь?"—И это потрясло меня, и я вернулся къ жизни изъ жалости къ тебѣ. И я сказалъ: „Я вернусь къ моему челѣ, ибо иначе онъ утратитъ путь".—И тогда моя душа, т.-е. душа Тешу-ламы, отторглась отъ Великой Души, съ усиліемъ, скорбью, безпокойствомъ и мукой, которыя трудно передать словами. Какъ яйцо изъ рыбы, какъ рыба изъ воды, какъ вода изъ облака, какъ облако изъ сгущеннаго воздуха—такъ отдѣлялась, переносилась, отталкивалась и испарялась душа Тешу-ламы изъ Великой Души. Потомъ чей-то голосъ воскликнулъ: „Рѣка! Подумай о рѣкѣ!"—и я взглянулъ на весь міръ, представившійся мнѣ, какъ и прежде, единовременно и весь сразу, и ясно увидалъ рѣку, рожденную стрѣлою, у своихъ ногъ. Въ этотъ часъ душу мою сковало какое-то зло, или нѣчто другое, отъ чего я еще не очистился. Что-то тяжелое легло мнѣ на руки и обвило мнѣ грудь, но я отбросилъ это препятствіе и бросился внизъ, какъ орелъ, къ тому мѣсту, гдѣ была рѣка. Ради тебя я отстранилъ цѣлые міры. Подъ мною я видѣлъ рѣку, —рѣку, рожденную стрѣлою, и когда я спустился, то воды ея сомкнулись надъ моей головою. Снова я былъ въ тѣлѣ Тешу-ламы, но освобожденный отъ грѣха, и хакимъ изъ Дакки поддерживалъ мою голову въ водахъ рѣки. Она здѣсь! Она за верхушкой мангифера, совсѣмъ близко!

— Аллахъ Керимъ! Какъ хорошо, что „бабу" случился по близости! Ты очень вымокъ?

— Могъ ли я обращать на это вниманіе? Я помню, что хакимъ озабоченно хлопоталъ о тѣлѣ Тешу-ламы. Онъ собственно вытащилъ его изъ святой воды, а потомъ явился продавецъ лошадей съ койкой и людьми. Они положили тѣло на койку и отнесли его въ домъ сагибы.

— Чтò же сказала сагиба?

— Я, находясь въ этомъ тѣлѣ, предавался созерцанію и не слышалъ. И такъ исканіе окончено. Я угодилъ Богу, и рѣка, рожденная стрѣлою — здѣсь. Она брызнула изъ-подъ нашихъ ногъ, какъ я говорилъ. Я нашелъ ее. Сынъ моей души, я

снова отторгнулъ мою душу отъ порога успокоенія, чтобы освободить тебя отъ всякаго грѣха, такъ же, какъ я освободился самъ, и сталъ безгрѣшенъ. Справедливо „колесо“! Несомнѣнно наше освобожденіе. Приди же!

Онъ сложилъ руки на колѣняхъ и улыбнулся, какъ можетъ только улыбаться человѣкъ, долгими трудами снискавшій спасеніе себѣ и любимому существу.

Съ англ. П—на С—ва.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ВТОРОЙ ИМПЕРІИ

Histoire du Second Empire, par *Pierre de La Gorce*. Tomes IV et V. Paris, 1901.

I.

Первые томы сочиненія Пьера де-Ла-Горса, о которыхъ мы говорили въ свое время [1]), представляютъ картину блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ второй имперіи; эти успѣхи, съ точки зрѣнія автора, служили достаточнымъ оправданіемъ для внутреннихъ недостатковъ и слабостей правительственной системы Наполеона III. Достигнувъ первенствующаго положенія въ Европѣ, императоръ французовъ основывалъ славу и величіе своей имперіи исключительно на удачахъ и эффектахъ въ области иностранной политики;—и новѣйшій историкъ его царствованія сочувственно, а иногда благоговѣйно, слѣдуетъ за нимъ въ его основныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, не замѣчая какъ будто ихъ принципіальной несостоятельности. Съ начала шестидесятыхъ годовъ, послѣ кончины Кавура, наступаетъ періодъ колебаній и сомнѣній, предвѣщающихъ уже дальнѣйшіе удары судьбы: источникъ этого поворота заключается для Пьера де-Ла-Горса въ личномъ характерѣ Наполеона, въ упадкѣ его энергіи и дальновидности, въ его мечтательномъ благодушіи, выразившемся въ цѣломъ рядѣ крупныхъ политическихъ ошибокъ и заблужденій. Отмѣчая эти ошибки съ чувствомъ патріотической скорби, Пьеръ де-Ла-Горсъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1895, декабрь.

отводитъ лишь весьма незначительное мѣсто такъ-называемымъ внутреннимъ вопросамъ, которые естественно оживляются по мѣрѣ ослабленія внѣшняго престижа имперіи.

„Первая половина царствованія—говоритъ авторъ—протекла тихо, спокойно, съ тою наружною правильностью неограниченныхъ государствъ, гдѣ все исходитъ отъ властелина и гдѣ жизнь вносится только его голосомъ. Политика, тогда очень простая, выражалась лишь въ одномъ—въ сосредоточеніи власти въ рукахъ императора. Между тѣмъ монархъ утомился своимъ всемогуществомъ, прежде чѣмъ народъ усталъ подчиняться. Въ ноябрѣ 1860 года ему захотѣлось неожиданно возстановить нѣкоторыя формы, уничтоженныя имъ когда-то". Законодательному корпусу даровано было право обсуждать политику правительства и формулировать свои пожеланія въ видѣ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь; вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволено было печатать полные стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ палатъ. Назначены были особые „министры безъ портфеля" для защиты оффиціальныхъ взглядовъ и намѣреній въ законодательномъ корпусѣ, что указывало какъ будто на предстоявшее возрожденіе парламентской дѣятельности. „Починъ императора вызвалъ больше удивленія, чѣмъ признательности. Эпоха самовластной имперіи видимо приходила къ концу; но настало ли время привѣтствовать имперію либеральную? Никто не рѣшался еще провозглашать эту перемѣну, изъ боязни разочарованія и отпора. Въ обществѣ чувствовалось крайнее замѣшательство; настоящее оставалось темнымъ, и еще бо̀льшая темнота окружала будущее".

Само собою разумѣется, что тишина и спокойствіе перваго періода не были признаками дѣйствительнаго благополучія: принудительное молчаніе лучшихъ людей страны не могло считаться нормальнымъ. Льстивые царедворцы и карьеристы безконтрольно управляли Франціею, тогда какъ Тьеръ не имѣлъ возможности высказывать свое мнѣніе, а Викторъ Гюго пребывалъ въ изгнаніи. Суровые законы, изданные послѣ государственнаго переворота, сохраняли свою силу, но практическое примѣненіе ихъ по временамъ смягчалось; директоръ печати иногда приглашалъ отвѣтственныхъ редакторовъ газетъ и журналовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы увѣрить ихъ въ благосклонности и широкой терпимости правительства, а при малѣйшей попыткѣ прессы воспользоваться этою благосклонностью—повторялись опять угрозы административныхъ каръ. Журналистика того времени выработала особое искусство—говорить намеками и аллегоріями; публика пріучилась читать между строкъ, и наибольшая попу-

лярность выпадала на долю писателей, умѣвшихъ затрогивать щекотливыя темы безнаказанно, при помощи остроумныхъ ухищреній стиля. Выдвигались особые таланты, доводившіе это искусство до виртуозности; даровитые писатели, какъ Прево-Парадоль, до того привыкли не договаривать своей мысли, что нерѣдко сами теряли способность уловить ее. Прево-Парадоль кончилъ самоубійствомъ въ припадкѣ умственнаго разстройства, послѣ того какъ поступилъ въ ряды чиновниковъ имперіи, незадолго до ея паденія.

Что самовластный произволъ не могъ быть прочною основою государственнаго порядка, а служилъ только временнымъ обезпеченіемъ существованія новой династіи, пока послѣдняя не утвердилась въ странѣ окончательно, — это вполнѣ сознавали умнѣйшіе изъ приближенныхъ Наполеона III. Герцогъ де-Морни, побочный сынъ королевы Гортензіи и, слѣдовательно, единоутробный братъ императора, главный руководитель „coup d'état" 1851 года, изящный и безпринципный скептикъ, раньше другихъ возвѣщалъ наступленіе „либеральной эры" и, между прочимъ, успѣлъ привлечь на сторону имперіи одного изъ знаменитыхъ „пяти" ораторовъ республиканской оппозиціи, Эмиля Олливье. Въ качествѣ президента законодательнаго корпуса, онъ въ маѣ 1863 года, при закрытіи сессіи, произнесъ слѣдующія слова: „Правительство, свободное отъ контроля и критики, похоже на корабль, лишенный балласта. Отсутствіе возраженій и противорѣчій часто дѣлаетъ власть слѣпою, увлекаетъ ее на ложный путь и не доставляетъ странѣ спокойствія. Наши пренія болѣе упрочили безопасность, чѣмъ это сдѣлала бы обманчивая тишина. Несмотря на оживленныя пререканія, самые отдаленные между собою взгляды смягчились и отчасти сблизились; многія предубѣжденія первыхъ дней разсѣялись, и взаимное недовѣріе ослабѣло или исчезло".

Бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, Фіаленъ-Персиньи, вѣрный сподвижникъ Луи Бонапарта въ годы его изгнанія, организаторъ покушеній его въ Страсбургѣ и Булони при Луи-Филиппѣ, находилъ возможнымъ поворотъ къ либерализму лишь послѣ уничтоженія или исчезновенія старыхъ оппозиціонныхъ партій; онъ хотѣлъ, чтобы противники стали приверженцами раньше чѣмъ правительство откажется отъ крутыхъ насильственныхъ мѣръ, которыя именно и питали вражду и поддерживали раздраженіе въ обществѣ. Изъ своего долгаго пребыванія въ Англіи, сначала въ роли изгнанника-заговорщика, а потомъ въ должности французскаго посланника, Персиньи вы-

несъ смутные обрывки политическихъ идей, которыя проводилъ самоувѣренно и безцеремонно на практикѣ, какъ всесильный министръ и совѣтникъ Наполеона III. Онъ собралъ большую коллекцію англійскихъ биллей, изданныхъ въ первые годы владычества Ганноверскаго дома противъ сторонниковъ Стюартовъ и папистовъ, — для доказательства того, что и въ Англіи власть дѣйствовала круто до тѣхъ поръ, пока не покорились враги династіи; онъ только упустилъ изъ виду, что англійскіе министры и въ этомъ случаѣ опирались на парламентъ и дѣйствовали черезъ его посредство. Персиньи придавалъ большое значеніе аристократіи, но подъ однимъ условіемъ,—чтобы она не претендовала на независимое положеніе; онъ допускалъ либерализмъ, но только преданный правительству; онъ стоялъ за децентрализацію, но понималъ ее въ смыслѣ перенесенія нѣкоторыхъ категорій дѣлъ изъ центральныхъ учрежденій и министерствъ въ канцеляріи мѣстныхъ префектовъ. При господствѣ такихъ понятій въ правительственныхъ сферахъ, трудно было надѣяться на то примиреніе прогрессистовъ съ имперіею, о которомъ мечталъ Морни.

Въ 1863 году предстояло обновленіе законодательнаго корпуса. Выборы имѣли на этотъ разъ особенный характеръ: въ нихъ впервые приняли живое участіе авторитетные парламентскіе бойцы, устраненные отъ дѣлъ со времени государственнаго переворота; въ рядахъ оппозиціи чувствовался подъемъ духа и энергіи подъ вліяніемъ общаго недовольства, вызваннаго мексиканскою экспедиціею; многіе видные клерикалы, принадлежавшіе прежде къ правительственному большинству, отдѣлились отъ него и выступили противниками „революціонной“ политики, способствовавшей „ограбленію“ папскаго престола въ пользу новаго королевства Италіи. Возстановленіе нѣкоторыхъ существенныхъ правъ народнаго представительства обѣщало законодательному корпусу значеніе, котораго онъ раньше не имѣлъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи обратился къ префектамъ съ циркуляромъ, въ которомъ подробно изложилъ свои требованія и свою програму. „Имперія, по его словамъ, возвратила странѣ порядокъ нравственный, политическій и религіозный, удвоила цѣнность недвижимыхъ имуществъ, увеличила движимое достояніе на семь или восемь милліардовъ, возвысила государственные доходы на 300 милліоновъ, покрыла всю территорію сѣтью шоссейныхъ и рельсовыхъ дорогъ и, наконецъ, доставила нашей внѣшней политикѣ вліяніе, которое было ею утрачено“. Перечисливъ эти великія заслуги имперіи, къ которымъ онъ относитъ

и увеличеніе цѣнности частныхъ имуществъ и постепенный ростъ государственнаго бюджета, Персиньи развиваетъ затѣмъ свою излюбленную теорію внутренней политики. „Еслибы во Франціи существовали, какъ въ Англіи, только политическія партіи, несогласныя между собою относительно направленія дѣлъ, но одинаково преданныя нашимъ основнымъ учрежденіямъ, то правительство могло бы ограничиться во время выборовъ пассивною ролью наблюдателя при борьбѣ различныхъ мнѣній. Но въ такой странѣ, какъ наша, которая послѣ стольких потрясеній устроилась серьезно лишь десять лѣтъ тому назадъ, существуютъ еще партіи, враждебныя установленному государственному порядку. Образовавшись изъ обломковъ павшихъ правительствъ, онѣ стараются проникнуть въ ядро нашихъ учрежденій только для того, чтобы исказить ихъ основы, и требуютъ свободы только съ цѣлью обратить ее въ орудіе противъ государства“. Эта „коалиція непріязни и недовольства не поколеблетъ, однако, великодушныхъ намѣреній императора“. „Проникнутые либеральнымъ и демократическимъ духомъ нашихъ учрежденій“, префекты должны „предоставить свободно проявляться всѣмъ кандидатурамъ“. „Голосованіе свободно“, провозглашалъ министръ, но администрація обязана указывать населенію тѣхъ кандидатовъ, которые пользуются наибольшимъ довѣріемъ правительства. „Пусть населеніе знаетъ, кто друзья и кто болѣе или менѣе замаскированные враги имперіи, и пусть оно выскажется вполнѣ свободно, но и вполнѣ сознательно. Правительство можетъ поддерживать передъ избирателями только людей, преданныхъ династіи безъ всякихъ оговорокъ или заднихъ мыслей“.

Параллель съ Англіею представлялась, конечно, весьма рискованною со стороны министра, считавшаго главной своей задачей подавленіе оппозиціи. Допуская въ принципѣ законность разногласій по вопросамъ, касающимся общаго хода и направленія государственныхъ дѣлъ, правительство въ то же время заранѣе объявляло своихъ противниковъ врагами династіи и принимало всевозможныя мѣры къ тому, чтобы преградить имъ доступъ въ законодательный корпусъ. Оффиціально поощрялись только кандидаты, внушавшіе довѣріе правительству, т.-е. министрамъ и ихъ префектамъ, и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Персиньи, никакіе оппозиціонные и независимые элементы не должны были имѣть мѣста въ выборной палатѣ, призванной такъ или иначе контролировать правительственную политику. Отождествляя свой собственный авторитетъ съ авторитетомъ имперіи и династіи, администрація какъ бы умышленно загоняла всѣхъ несогласныхъ

съ ея взглядами или недовольныхъ ея дѣйствіями въ лагерь непримиримой антидинастической оппозиціи. Критиковать и осуждать министровъ Наполеона III, раскрывать ихъ злоупотребленія и ошибки,—значило высказываться противъ имперіи. Самый выдающійся изъ оппозиціонныхъ кандидатовъ, Тьеръ, котораго императоръ въ одной изъ своихъ рѣчей назвалъ „національнымъ историкомъ", тоже зачисленъ былъ въ разрядъ враговъ, которыхъ нельзя допустить въ законодательный корпусъ, по мнѣнію Персиньи. Какъ выразился тогда извѣстный писатель, фаворитъ тюльерійскаго двора, Проспeръ Меримè,—„Персиньи похожъ на кучера, который, затянувъ возжи, раздаетъ удары бичомъ направо и налѣво".

Результаты административнаго усердія не заставили себя ждать: въ Парижѣ были выбраны всѣ девять кандидатовъ оппозиціи, въ томъ числѣ Тьеръ, и общее количество ея представителей въ палатѣ увеличилось съ пяти до двадцати. Подавляющее большинство принадлежало по прежнему бонапартистамъ; но оно состояло преимущественно изъ безцвѣтныхъ, угодливыхъ личностей, представителей сельскихъ округовъ, тогда какъ малочисленная оппозиція сосредоточивала въ себѣ представительство крупнѣйшихъ городскихъ центровъ, богатое талантами, знаніями и краснорѣчіемъ. Тутъ были два ветерана парламентаризма—Тьеръ и знаменитый адвокатъ, легитимистъ Беррье,—республиканцы—Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Эрнестъ Пикаръ, Марѝ, Глэ-Бизуэнъ, Эмиль Олливье. Правительство чувствовало, что матеріальная побѣда, одержанная имъ на выборахъ 30 и 31 мая, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые симптомы нравственнаго пораженія. Персиньи оказался уже не совсѣмъ удобнымъ для Наполеона III; въ іюнѣ, награжденный титуломъ герцога, онъ былъ уволенъ въ отставку. Главнымъ оффиціальнымъ ораторомъ правительства передъ палатами, въ новомъ званіи государственнаго министра, назначенъ Билльо, а за его смертью—Руэръ, который съ тѣхъ поръ—съ октября 1863 года—все болѣе и сильнѣе воплощалъ собою самовластный режимъ имперіи.

Въ началѣ ноября, при открытіи законодательной сессіи, императоръ, обращаясь съ привѣтствіемъ къ новоизбраннымъ депутатамъ, намекнулъ на присягу, которую они всѣ принесли и которая служитъ ручательствомъ ихъ лойяльности. На слѣдующій день, президентъ палаты, де-Морни, старался истолковать слова Наполеона въ примирительномъ либеральномъ смыслѣ. „Послѣдніе выборы,—сказалъ онъ, между прочимъ,—пробудили

въ обществѣ затихшія стремленія; слово „свобода“ произносилось часто и будетъ еще произноситься; — правительство отнеслось къ этому спокойно. Свобода можетъ установиться мирно лишь путемъ соглашенія между либеральнымъ государемъ и умѣренною палатою. Народное голосованіе вернуло въ нашу среду знаменитыхъ старыхъ парламентскихъ дѣятелей; я лично былъ этимъ обрадованъ. Соединимъ наши идеи и нашу опытность, безъ предубѣжденій и безъ предвзятости. Будемъ просвѣщать себя добросовѣстными и вѣжливыми обсужденіями, отыскивая рѣшеніе вопросовъ съ единственною цѣлью—удовлетворить истинные интересы страны“.

Далеко не всѣ бонапартисты раздѣляли, однако, взглядъ де-Морни. Одинъ изъ представителей правительства, бывшій адвокатъ, Ше д'Эстъ-Анжъ, объяснилъ палатѣ, какъ смотрятъ министры на различные оттѣнки благонадежныхъ партій. „Мы всѣ имѣемъ друзей. Правительство имѣетъ ихъ много, и разныхъ степеней. Одни—преданны, искренни, не упрекаютъ насъ за наши ошибки и заблужденія, и не говорятъ о нихъ никогда. Это друзья первой степени. Есть другіе,—и они многочисленны,— которые тоже называютъ себя преданными, но умѣютъ открывать наши недостатки, разглашаютъ ихъ и даже отягчаютъ ихъ своею защитою. Это друзья второй степени. Господа, всѣ вы имѣете право выбирать своихъ друзей. Я увѣренъ, что всѣ вы предпочитаете первыхъ. Правительство также предпочитаетъ ихъ“. Противъ этой теоріи горячо возсталъ Эмиль Олливье, занимавшій тогда мѣсто еще на крайней лѣвой. Онъ напомнилъ изреченіе Тацита, что „худшій родъ враговъ—это хвалители“; наибольше вредятъ правителямъ тѣ, которые ихъ постоянно одобряютъ. Но въ словахъ Ше-д'Эстъ-Анжа, вызвавшихъ шумную овацію со стороны „преданнаго“ большинства, отразилось цѣлое міровоззрѣніе, которому не далъ надлежащей оцѣнки Олливье. Для отдѣльныхъ органовъ правительства были несомнѣнно пріятны и полезны только безусловныя похвалы, съ систематическимъ замалчиваніемъ ихъ недостатковъ и погрѣшностей; но для правительства въ его цѣломъ и для самого государства это отсутствіе критики было крайне вредно и опасно, лишая власть возможности своевременно замѣтить ошибочность избраннаго пути, избѣгнуть ложныхъ шаговъ и исправить сдѣланныя упущенія. Министры Наполеона III откровенно ставили интересы и удобства правительства въ данномъ его составѣ—впереди интересовъ государства, и эта основная черта второй имперіи была безспорно одною изъ главныхъ причинъ ея паденія.

Краснорѣчивое напоминаніе о забытыхъ потребностяхъ и стремленіяхъ французскаго общества сдѣлано было Тьеромъ при обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь, въ засѣданіи 11 января 1864 года. Для правильнаго хода государственныхъ дѣлъ,—говорилъ онъ,—необходима извѣстная степень свободы. Прежде всего должна быть уважаема свобода личная; затѣмъ нужно возстановить свободу печати. Избиратели должны пользоваться законною свободою выбора, безъ всякихъ стѣсненій, а избраннымъ надо предоставить свободу въ исполненіи ихъ депутатскихъ обязанностей. Наконецъ, за большинствомъ палаты, представляющимъ собою господствующее общественное мнѣніе страны, слѣдуетъ признать право контролировать и направлять политику правительства. Говоря о гарантіяхъ личной свободы, Тьеръ высказалъ убѣжденіе, что законъ объ общественной безопасности, изданный при исключительныхъ обстоятельствахъ, не долженъ сохранять свою силу въ нормальное время. По отношенію къ печати часто ссылаются на распущенность ея, какъ на неизбѣжное послѣдствіе свободы. „Но—спрашиваетъ Тьеръ,—уничтоживъ свободу печати, вы развѣ уничтожили ея распущенность? Не отдали ли вы ее скорѣе въ руки правительства, чтобы пользоваться ею какъ орудіемъ противъ неудобныхъ или непріятныхъ вамъ противниковъ“? Страна принимаетъ близко къ сердцу интересы государства, но не можетъ вліять на нихъ надлежащимъ образомъ; контроль законодательнаго корпуса является недостаточнымъ и запоздалымъ. „Именно благодаря тому, что извѣстныя дѣла не были оглашены раньше, они выражаются теперь въ цифрахъ 300 или 400 милліоновъ, въ чрезмѣрномъ увеличеніи текущаго долга, въ займахъ, и приходится каждый разъ только оплакивать сдѣланное зло, такъ какъ поправить его уже нельзя“. Перейдя къ щекотливому вопросу объ отвѣтственности министровъ и о парламентаризмѣ, Тьеръ доказывалъ несправедливость обвиненій, направленныхъ противъ старыхъ политическихъ партій. Говорятъ, что эти партіи домогаются возстановленія правительственной системы, связанной съ владычествомъ риторовъ и съ соперничествомъ изъ-за министерскихъ портфелей. Но безъ риторовъ не обходится и правительство, отъ имени котораго дѣйствуетъ Руэръ съ товарищами; а погоня за высшими должностями проявляется въ каждой странѣ и при всякомъ режимѣ, если не открыто, то за кулисами, при помощи интригъ. „Представители старыхъ партій—продолжалъ Тьеръ—получили отъ страны полномочіе обсуждать общественныя дѣла, безпристрастно слѣдить за ихъ ходомъ и направленіемъ, заботиться о публич-

номъ благосостояніи и о постепенномъ развитіи нашихъ учрежденій, ибо хорошее веденіе публичныхъ дѣлъ зависитъ всецѣло отъ хорошихъ учрежденій. Но еслибы, вмѣсто исполненія этой задачи, представители старыхъ партій обнаружили намѣреніе замѣнить одну форму правительства другою, или одну династію—другою, они тотчасъ почувствовали бы себя безсильными, потому что вышли бы изъ предѣловъ своихъ полномочій... Въ странѣ существуетъ такое желаніе свободы, истинной свободы, что правительство, которое дастъ намъ ее, будетъ искренно признано и привѣтствовано всѣми. Что касается меня, то я служилъ августѣйшей фамиліи, находящейся нынѣ въ изгнаніи, и отдаю ей дань уваженія и преданности; но она никогда не потребуетъ отъ меня, чтобы я пожертвовалъ ей интересами отечества. И я объявляю здѣсь, какъ честный человѣкъ, что если намъ дадутъ эту необходимую свободу—я приму ее, и меня можно будетъ причислить къ покорнымъ и признательнымъ гражданамъ имперіи. Но если наша обязанность—принять, то обязанность правительства—дать эту свободу. Мы ничего не требуемъ для себя, а только почтительно просимъ для пользы страны;—и пусть не забываютъ, что эта страна, едва пробуждающаяся, столь легко склонная къ преувеличенію своихъ желаній, можетъ когда-нибудь потребовать того, о чемъ она пока позволяетъ лишь скромно просить отъ ея имени".

Рѣчь Тьера, напечатанная на слѣдующій день въ оффиціальномъ „Moniteur", получила значеніе манифеста либеральной партіи. Это было первое публичное и легальное изложеніе тѣхъ условій, на которыхъ умѣренная оппозиція готова была помириться съ имперіею. Въ буржуазныхъ кружкахъ Парижа восхищались этою программою, столь ясною и положительною, „полною общихъ мѣстъ, слегка окрашенною революціонными формулами, но въ существѣ весьма консервативною и даже рутинною", по выраженію Пьера де-Ла-Горса. „Необходимыя вольности" (les libertés nécessaires) сдѣлались популярнымъ лозунгомъ конституціонныхъ прогрессистовъ. Но Тьеръ выставлялъ свои требованія, какъ представитель парламентскихъ традицій, которыя для значительной части французскаго общества были неразрывно связаны съ режимомъ Луи-Филиппа, и потому не пользовались особенными симпатіями населенія. Іюльская монархія признавала полноправными только богатые классы—капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, и свобода на языкѣ Тьера означала совсѣмъ не то, къ чему стремилась французская демократія. На этой почвѣ министрамъ Наполеона III легко было дать отпоръ

притязаніямъ старыхъ парламентаристовъ. „Хотите ли вы имѣть парламентское правительство?" — спрашивалъ палату Руэръ въ своей отвѣтной рѣчи, 12 января, и двѣсти голосовъ большинства единодушно отвѣчали: „нѣтъ". Другая сторона вопроса — о публичности и контролѣ, какъ гарантіяхъ хорошаго управленія, — оставлена была въ тѣни, тѣмъ болѣе, что и Тьеръ не считалъ долгомъ освѣтить ее надлежащимъ образомъ и выдвинуть ее на первый планъ. Вполнѣ естественно, что само правительство признавало свое управленіе хорошимъ — по крайней мѣрѣ для самихъ представителей власти и для всѣхъ ихъ приверженцевъ и союзниковъ; оно не чувствовало потребности въ самоограниченіи и не нуждалось ни въ какихъ гарантіяхъ для свободнаго проявленія своихъ достоинствъ и преимуществъ. Убѣждать министровъ, что свобода критики и контроля необходима для пользы государства, для огражденія власти отъ ошибокъ и одностороннихъ увлеченій, — было безполезно по многимъ причинамъ. Прежде всего, забота объ интересахъ государства лежитъ на правительствѣ, и послѣднее никогда не согласилось бы признать, что оно плохо исполняетъ свои обязанности въ этомъ отношеніи; оффиціально министры не могли ошибаться или допускать какія-нибудь злоупотребленія, потому что они дѣйствовали всегда съ вѣдома и согласія Наполеона III. Нельзя было говорить и о томъ, что высшіе сановники и царедворцы заботятся больше объ упроченіи своего собственнаго положенія, чѣмъ о пользѣ государства, и что они могутъ даже сознательно вводить въ заблужденіе верховную власть ради сохраненія своего вліянія и своихъ привилегій; это была тема слишкомъ скользкая и неудобная для обсужденія. Всякій намекъ на расширеніе общественной свободы казался обиднымъ вызовомъ по адресу власти. Друзьямъ правительства такая свобода не нужна; она желательна только людямъ, которые относятся критически къ существующимъ способамъ управленія и могутъ быть легко зачислены въ разрядъ неблагонамѣренныхъ лицъ. Отъ кого и отъ чего ищутъ освобожденія либералы, въ родѣ Тьера? Если отъ правительственной опеки и отъ правительственнаго всевластія, то, конечно, сами правители не откажутся добровольно отъ избытка своихъ полномочій, въ угоду немногимъ дѣятелямъ оппозиціи. Ближайшіе совѣтники Наполеона III, за исключеніемъ де-Морни, не расположены были дѣлать какія-либо уступки либерализму; но фактически допускались нѣкоторыя уступки, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и такъ называемаго „духа времени".

Въ 1864 году, по инціативѣ императора, внесенъ былъ въ

законодательный корпусъ законъ, отмѣнявшій запрещеніе стачекъ и предоставлявшій рабочимъ охранять свои интересы при помощи коалицій, наравнѣ съ хозяевами. Этотъ серьезный шагъ на встрѣчу трудящимся классамъ служилъ какъ бы отвѣтомъ на либеральныя требованія буржуазіи, предъявленныя отъ ея имени Тьеромъ. Президентъ законодательнаго корпуса, де-Морни, въ частныхъ бесѣдахъ съ Эмилемъ Олливье, давалъ понять, что за этимъ законопроектомъ послѣдуютъ другіе, въ томъ же родѣ, и что имперія вообще не остановится на пути къ удовлетворенію дѣйствительныхъ нуждъ демократіи. По настоянію Морни и вопреки протестамъ Руэра, Олливье былъ выбранъ докладчикомъ коммиссіи, разсматривавшей законопроектъ, и долженъ былъ защищать его передъ палатою, причемъ ему пришлось вступить въ горячія пререканія съ нѣкоторыми товарищами по оппозиціи. Жюль Фавръ и Жюль Симонъ упрекали его—хотя и не прямо—въ измѣнѣ республиканскимъ убѣжденіямъ; они возставали противъ законопроекта въ виду явной его недостаточности, такъ какъ право коалиціи неосуществимо безъ права сходокъ и права ассоціаціи. „Это неправильный способъ дѣйствія,—говорилъ Олливье,—отказываться отъ даннаго улучшенія подъ тѣмъ предлогомъ, что оно неполно. Это теорія пессимизма. По этой теоріи, если правительство не нравится намъ въ принципѣ или по общему своему направленію, мы должны, вмѣсто того, чтобы одобрять хорошее и порицать дурное,—хулить все, нападать на все, особенно на хорошее, потому что хорошее можетъ оказаться полезнымъ для тѣхъ, которыми оно совершается. Такъ дѣйствовали слишкомъ часто различныя смѣнявшіяся у насъ партіи. Чтò же остается вслѣдствіе этого въ нашей странѣ, послѣ столькихъ волненій? Много развалинъ, много красивыхъ рѣчей, и никакихъ либеральныхъ учрежденій; и всѣ мы, къ какому бы прошлому мы ни принадлежали, чувствуемъ себя вынужденными сожалѣть, что въ свое время не поддерживали людей доброй воли и не принимали предлагаемыхъ намъ частичныхъ реформъ, а всецѣло отдавались безплоднымъ спорамъ, жертвуя крупными интересами ради удовлетворенія личныхъ чувствъ. Что касается меня, то я не принадлежу къ этой школѣ. Я беру хорошее изъ всякихъ рукъ; я никогда не говорю: „все или ничего“, а держусь правила: „каждый день понемногу“. Сегодня законъ о коалиціи, завтра законъ объ ассоціаціи. Въ актѣ правительства я вижу не только то, чего въ немъ нѣтъ,—права собраній и союзовъ,—но и то, чтò въ немъ есть—свободу коалиціи“.

Въ этомъ случаѣ Эмиль Олливье впервые отдѣлился отъ

крайней лѣвой и подготовилъ себѣ дорогу къ дальнѣйшей „эволюціи“, которая сдѣлала его впослѣдствіи министромъ имперіи. Всѣ члены демократической группы, кромѣ двухъ—Олливье и Даримона, высказались противъ новаго закона; къ оппозиціи примкнули нѣкоторые изъ крупныхъ промышленныхъ дѣятелей, засѣдавшихъ въ палатѣ; Тьеръ и Беррье воздержались отъ участія въ голосованіи. Громадное большинство послѣдовало за правительствомъ, и законъ былъ принятъ. Но оптимизмъ Олливье не оправдался, и надежды на поворотъ въ общемъ ходѣ внутренней политики оказались преждевременными. Герцогъ Морни умеръ въ мартѣ 1865 года, и дѣло либеральнаго преобразованія и упроченія имперіи потеряло въ немъ свою главную опору.

Внѣшнія политическія событія вновь открыли передъ Наполеономъ III перспективу возможныхъ международныхъ успѣховъ и территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя должны были, будто бы, сдѣлать излишними всякія внутреннія реформы. Но неожиданная побѣда Пруссіи надъ Австріею положила конецъ этимъ иллюзіямъ и заставила императора французовъ опять обратиться къ попыткамъ либеральныхъ преобразованій, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе страны. Въ началѣ 1867 года появился рескриптъ на имя государственнаго министра, возвѣщавшій нѣсколько важныхъ перемѣнъ въ учрежденіяхъ и въ законодательствѣ. Во-первыхъ, законодательному корпусу и сенату давалось право дѣлать запросы правительству, взамѣнъ „безплоднаго“ права отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Во-вторыхъ, отдѣльные министры могли представлять свои объясненія палатамъ по дѣламъ своихъ вѣдомствъ, безъ посредства государственнаго министра и его товарищей. Въ-третьихъ, предполагалось освободить печать отъ дѣйствія административной системы, установленной въ 1852 году; наконецъ, въ-четвертыхъ, имѣлось въ виду регулировать право собраній и сходовъ.

Для Руэра, какъ государственнаго министра, этотъ рескриптъ 19-го января былъ тяжелымъ и непредвидѣннымъ ударомъ. Еще незадолго передъ тѣмъ Руэръ рѣшительно возражалъ въ палатѣ противъ конституціонныхъ пожеланій, формулированныхъ оппозиціею, а теперь долженъ былъ преклониться предъ тѣми же пожеланіями, превратившимися въ обязательныя для него повелѣнія. Наполеонъ III дѣйствовалъ помимо Руэра, не справляясь съ его мнѣніемъ; онъ призвалъ къ себѣ Эмиля Олливье, совѣщался съ нимъ, предложилъ назначить его министромъ народнаго просвѣщенія и делегатомъ правительства передъ палатами, но Олливье отклонилъ эти предложенія, довольствуясь

пока ролью парламентскаго союзника и друга либеральной имперіи. Руэръ тотчасъ же подготовилъ закулисную кампанію, съ цѣлью „охранить императора отъ его собственныхъ слабостей, отвлечь его отъ новыхъ друзей и спасти основы государственнаго порядка“, т.-е. спасти свое собственное положеніе и оградить интересы своей партіи; для этого онъ внушилъ единомышленникамъ—не спорить противъ нововведеній въ принципѣ, а напротивъ, превозносить великодушныя намѣренія императора, чтобы не лишиться его расположенія и довѣрія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо было указывать практическія затрудненія и неудобства при проведеніи реформъ и неустанно громить либераловъ, какъ опасныхъ честолюбцевъ, стремящихся погубить имперію коварными ухищреніями и интригами. Были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы дискредитировать Эмиля Олливье въ глазахъ Наполеона III и сдѣлать невозможнымъ сближеніе, угрожавшее великимъ бѣдствіемъ—перемѣною министровъ. Объ Эмилѣ Олливье говорили съ лицемѣрнымъ видомъ, что, при своемъ безспорномъ ораторскомъ талантѣ, онъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть полезенъ правительству, какъ перебѣжчикъ, лишенный популярности и не пользующійся ничьимъ довѣріемъ. Среди большинства обѣихъ палатъ и въ придворныхъ кругахъ образовалось, такимъ образомъ, подъ руководствомъ Руэра, общественное мнѣніе, на которое можно было ссылаться для соотвѣтственнаго воздѣйствія на умъ и волю императора. Въ то же время Руэръ публично выступалъ горячимъ поклонникомъ новыхъ либеральныхъ идей своего повелителя; въ этомъ смыслѣ онъ, въ концѣ февраля 1867 года, произнесъ въ палатѣ такую восторженную рѣчь по поводу недавняго рескрипта, что Эмилю Олливье оставалось или подтвердить его слова и очутиться какъ бы въ положеніи его послѣдователя, или же стушеваться на время.

Руэру удалось отстоять свое первенство. Наполеонъ III продолжалъ оказывать свое довѣріе дѣятелямъ прежняго типа. Олливье рѣшился открыто напасть на главнаго своего противника. Онъ потребовалъ упраздненія должности государственнаго министра, какъ излишней послѣ декретовъ 19 января. „Это учрежденіе,—говорилъ онъ,—потеряло смыслъ съ тѣхъ поръ какъ министры уполномочены лично защищать свои дѣйствія предъ палатами. Чѣмъ же является теперь носитель этого званія? Первымъ министромъ? Это опредѣленіе было бы несогласно съ конституціею. Великимъ визиремъ? Выраженіе было бы слишкомъ сильно. Палатскимъ мэромъ? Это было бы вдвойнѣ оскорбительно и для императора, и для его совѣтника“. Въ дѣйствительности,

по словамъ Олливье, Руэръ представляетъ собою „вице-императора безъ отвѣтственности". Это нападеніе принесло только пользу Руэру: на слѣдующій же день Наполеонъ III прислалъ ему дружеское письмо, въ которомъ выразилъ ему свое полное сочувствіе. Поддаваясь различнымъ и отчасти противоположнымъ вліяніямъ, императоръ сохранялъ своихъ старыхъ совѣтниковъ и не отказывался отъ исполненія отвергаемыхъ ими плановъ; при этомъ исполненіе неизбѣжно затягивалось и урѣзывалось среди постоянныхъ колебаній и противорѣчій, вызывавшихъ въ обществѣ чувство мучительной неопредѣленности и тревоги. Возбуждались широкія надежды, и опять заглушались; за каждымъ шагомъ впередъ слѣдовали продолжительныя усилія затормозить движеніе или сдѣлать шагъ назадъ. Злѣйшіе враги либеральныхъ предначертаній Наполеона III находились около него, среди его приближенныхъ.

Несмотря на опасенія и глухіе протесты правовѣрныхъ бонапартистовъ, обѣщанный проектъ новаго закона о печати былъ внесенъ въ палату. Сущность его заключалась въ устраненіи всѣхъ внѣшнихъ преградъ, сковывавшихъ свободу печатнаго слова: отмѣнялась система предварительныхъ разрѣшеній, предостереженій и оффиціальной опеки. Для основанія журнала или газеты достаточно простого заявленія; печать подчиняется только закону, и административный произволъ уступаетъ мѣсто судебной отвѣтственности. Большинство законодательнаго корпуса отнеслось къ этой смѣлой реформѣ крайне недовѣрчиво и враждебно, хотя и не высказывало своихъ чувствъ изъ уваженія къ императору. Олливье уже не былъ выбранъ въ коммиссію для разсмотрѣнія законопроекта. Въ сентябрѣ 1867 года, Руэръ представилъ Наполеону подробный секретный докладъ, въ которомъ ярко изобразилъ зловредное вліяніе печати и великія опасности ея свободы; по его мнѣнію, судебныя преслѣдованія и кары никогда не будутъ достаточны для обузданія журналистовъ. Встревоженные слуги имперіи стали опять надѣяться на благополучную перемѣну; многіе были увѣрены, что императоръ уступитъ доводамъ друзей и не рѣшится отнять у правительства оружіе, обезпечивающее администраціи неограниченную власть надъ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ законодательномъ корпусѣ, въ январѣ 1868 года, проектъ подвергся жестокой критикѣ съ разныхъ сторонъ. Ораторы лѣвой, Фавръ, Симонъ, Тьеръ, указывали на пробѣлы закона, на излишество и неопредѣленность постановленій о проступкахъ печати и на чрезмѣрную строгость наказаній. Представитель

крайней правой, Гранье де-Кассаньякъ, произнесъ громовую рѣчь въ защиту административнаго самовластія, которое въ свое время поддерживали и Тьеръ при Луи-Филиппѣ, и буржуазные республиканцы 1848 года послѣ іюньскихъ дней. „Не пройдетъ двухъ дней послѣ принятія закона, — сказалъ онъ, между прочимъ, — и почерпнутыя въ немъ новыя силы будутъ обращены печатью противъ правительства. И правительство не будетъ имѣть права жаловаться, потому что оно само снабдило противниковъ оружіемъ. Я предлагаю сохранить декреты 1852 года, и по прежнему примѣнять ихъ съ умѣренностью: этотъ испытанный режимъ охранялъ Францію въ теченіе шестнадцати лѣтъ, и онъ еще будетъ охранять ее". Шумныя рукоплесканія большинства превратились въ настоящую овацію; Гранье де-Кассаньякъ сдѣлался героемъ дня. Смѣлость его оживила энергію „патріотовъ"; депутаты правой обсуждали шансы побѣды; нѣкоторые обступили министровъ, умоляя ихъ отказаться отъ пагубнаго предпріятія. Явившійся въ палату герцогъ Персиньи переходилъ отъ одной группы къ другой и поощрялъ сопротивленіе. Къ вечеру распространился слухъ, что въ тюльерійскомъ дворцѣ происходитъ экстренное засѣданіе министровъ и что проектъ будетъ взятъ обратно или значительно передѣланъ.

Нѣсколько дней продолжалась агитація въ правительственныхъ сферахъ. Прибывшіе изъ провинціи редакторы оффиціозныхъ газетъ безпокоились за свою судьбу; они утверждали не безъ основанія, что имъ невозможно будетъ существовать, если тутъ же рядомъ начнутъ свободно появляться независимые и оппозиціонные органы. Гранье де-Кассаньякъ, редакторъ-издатель газеты „Pays", предвидѣвшій опасную конкурренцію и для себя, старался объединить недовольныхъ для совмѣстныхъ охранительныхъ усилій. „Лучшее средство для того, чтобы показать свою преданность правительству, — писалъ онъ въ „Pays",—это бороться противъ предложеннаго закона". Говорили, что императоръ самъ находится въ затрудненіи и былъ бы радъ избавиться отъ послѣдствій своей необдуманной иниціативы. Въ разговорѣ съ однимъ камергеромъ, который въ то же время состоялъ депутатомъ, онъ выразился, что „не будетъ ничего имѣть противъ тѣхъ, которые подадутъ голосъ противъ проекта". Эти слова передавались изъ устъ въ уста съ различными, болѣе или менѣе благопріятными для реакціи комментаріями. Между тѣмъ, совѣщанія Наполеона съ министрами не прекращались, но результаты были неизвѣстны публикѣ; на всѣ вопросы по этому поводу Руэръ отвѣчалъ въ уклончивомъ или шутливомъ тонѣ. Наконецъ,

императоръ высказалъ свою окончательную волю: вопреки противоположному мнѣнію императрицы, Персиньи, Тролонга и самого Руэра, онъ рѣшилъ не останавливать начатаго дѣла, въ виду обязательствъ, принятыхъ имъ на себя рескриптомъ 19 января. Въ первую минуту Руэръ заявилъ готовность выйти въ отставку, но вслѣдъ затѣмъ предпочелъ остаться на своемъ посту и выступить передъ палатою истолкователемъ намѣреній и взглядовъ своего повелителя.

Въ засѣданіи 4 февраля, Руэръ подробно объяснилъ мотивы, побудившіе правительство настаивать на принятіи закона, и обрисовалъ свою собственную роль въ новѣйшемъ направленіи внутренней политики. Не отрицая того, что „актъ 19 января былъ для него совершенною неожиданностью“, онъ, однако, рѣшительно оспаривалъ предположеніе, что вѣрные слуги государя стремились противодѣйствовать ему въ осуществленіи реформъ; задержка зависѣла, будто бы, только отъ случайныхъ причинъ, отъ внѣшнихъ осложненій и заботъ, отъ ожиданія войны и отъ продолжительныхъ преній о бюджетѣ. Чувства, волнующія депутатовъ правой, волновали и его, Руэра; и онъ задумывался надъ вопросомъ о своевременности закона и о послѣдствіяхъ его для благополучія страны; но изъ всѣхъ этихъ размышленій и обсужденій получилась „ясно выраженная воля императора—энергически защищать законопроектъ предъ палатою“. „Мы достаточно сильны, — продолжалъ министръ, — чтобы примирить потребности общественной безопасности съ успѣхами свободы, и если возникнетъ опасность, мы съумѣемъ ее предотвратить. Мы живемъ уже не въ то время, когда событія породили имперію. Съ 1852 году четыре милліона новыхъ гражданъ внесено въ наши избирательные списки: эти новые люди не имѣютъ ни нашихъ воспоминаній, ни нашего опыта; они являются съ новою жаждою дѣятельности и требуютъ болѣе широкой свободы. Не будемъ останавливать ихъ; постараемся не задерживать ихъ, а руководить ими. Примите поэтому законъ, который представляетъ собою прогрессъ, создаетъ гарантіи и предлагается властью сильною и преданною порядку“.

Послѣ этой рѣчи большинство съ обычною покорностью подавало свои голоса: первая статья закона, отмѣняющая предварительное разрѣшеніе для періодическихъ изданій, была принята, и только семь депутатовъ правой—„семь греческихъ мудрецовъ“, по выраженію Гранье де-Кассаньяка — имѣли мужество высказаться противъ. Весь законъ былъ одобренъ законодательнымъ корпусомъ 9 марта 1868 года — больше чѣмъ черезъ годъ по

обнародованіи императорскаго обѣщанія. Публика осталась подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что обѣщаніе исполнено крайне неохотно, какъ бы противъ воли, и что доброжелательныя заявленія правительства слишкомъ явно грѣшатъ недостаткомъ искренности. Новая политика проводилась людьми, реакціонныя идеи которыхъ были всѣмъ извѣстны. „Въ то время какъ измѣнялись учрежденія,—справедливо замѣчаетъ Пьеръ де-Ла-Горсъ — правительственный персоналъ былъ все тотъ же: министръ юстиціи Барошъ, государственный министръ Руэръ,—эти выразители прошлаго—сдѣлались вдругъ глашатаями будущаго. Такъ тянулся двусмысленный режимъ, который не былъ уже старой имперіей, но не былъ еще и новой имперіей, и подвергался постояннымъ колебаніямъ, въ связи съ настроеніями монарха и съ противорѣчивыми вліяніями его слугъ".

Около того же времени, въ концѣ марта 1868 года, принятъ былъ другой законъ, предположенный рескриптомъ 19 января,—законъ о сходкахъ. Право собраній, признанное въ принципѣ, обставлено было, впрочемъ, такими ограниченіями и условіями, которыя дѣлали его отчасти фиктивнымъ. Для устройства сходки требовалось, во-первыхъ, за три дня подать о томъ заявленіе, подписанное семью избирателями, имѣющими жительство въ предѣлахъ данной мѣстности, и затѣмъ, во-вторыхъ, организовать бюро, отвѣтственное за соблюденіе законности и порядка въ собраніи; сверхъ того, на сходкѣ долженъ присутствовать полицейскій чиновникъ, уполномоченный закрыть собраніе, когда оно становится шумнымъ или выходитъ изъ предѣловъ назначенной программы. Обсуждаться могутъ только вопросы сельско-хозяйственные, промышленные, научные и литературные. Всякое обсужденіе предметовъ политики и религіи было запрещено; только въ періодъ законодательныхъ выборовъ дозволялось касаться политическихъ вопросовъ, но за пять дней до начала голосованія это право теряло свою силу, и ничего уже нельзя было говорить о политикѣ. Заключительною статьею давалось администраціи безусловное право контроля по отношенію къ публичнымъ собраніямъ: всякая сходка, каковъ бы ни былъ ея предметъ, могла быть отложена префектомъ или запрещена министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ опасности для общественнаго порядка. Содержаніе закона плохо согласовалось съ первоначальною мыслью — даровать обывателямъ свободу собраній, какъ логическое слѣдствіе провозглашенной уже ранѣе свободы коалиціи. Консерваторы спрашивали въ недоумѣніи: зачѣмъ понадобилось создавать право сходокъ, если оно вызываетъ

столько мѣръ предосторожности? Не очевидно ли, что съ точки зрѣнія самого правительства это право является источникомъ опасностей, которыя не всегда возможно предупредить? Оппозиція съ своей стороны высмѣивала мнимое право, скорѣе уничтожаемое, чѣмъ регулируемое новымъ закономъ. Имѣть политическіе разговоры разъ въ шесть лѣтъ, при выборахъ,—это было слишкомъ мало для французовъ, а необходимость искать семь мѣстныхъ избирателей для подписанія заявленія о какой-нибудь невинной профессіональной или научно-литературной сходкѣ—представлялась излишествомъ и могла на практикѣ приводить къ забавнымъ инцидентамъ. Большинство депутатовъ правой было рѣшительно противъ какого бы то ни было права публичныхъ собраній; тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ оно послушно склонилось предъ волей императора и приняло законъ, который въ душѣ считало неразумнымъ или пагубнымъ.

Расширеніе свободы печати и сходокъ открыло значительный просторъ политическимъ партіямъ и дѣятелямъ незадолго до законодательныхъ выборовъ, предстоявшихъ въ маѣ 1869 года. Непривычный шумъ газетной и уличной агитаціи, послѣ долгихъ лѣтъ принудительнаго молчанія, оглушалъ боязливыхъ сановниковъ имперіи, побуждая ихъ дѣйствовать невпопадъ и создавать дѣйствительныя затрудненія на мѣсто кажущихся. Министры старой школы сочли нужнымъ принять мѣры противъ затѣянной нѣкоторыми газетами публичной подписки на памятникъ депутату Бодэну, убитому при декабрьскомъ государственномъ переворотѣ 1851 года; обвиненіе основывалось на законѣ 1858 года объ общественной безопасности, фактически почти отмѣненномъ, и возникшій судебный процессъ, вмѣсто защиты интересовъ имперіи, нанесъ ей сильнѣйшій ударъ, сплотивъ воедино ея враговъ и давъ имъ новаго популярнаго вождя въ лицѣ Гамбетты. Радикальное движеніе усилилось, но оно мало отразилось на составѣ и численности большинства въ новой палатѣ, такъ какъ консервативныя сельскія массы по прежнему давали тонъ народному представительству. Либеральныя вѣянія распространялись и между бонапартистами; въ заявленіяхъ депутатовъ все чаще повторялись возраженія противъ „личной власти“, которая номинально принадлежала Наполеону III, а на практикѣ уступалась имъ отдѣльнымъ министрамъ и даже императрицѣ. Самъ Наполеонъ готовился приблизить личную власть къ конституціонному режиму; въ іюлѣ 1869 года онъ въ посланіи къ законодательному корпусу возвѣстилъ рядъ нововведеній, расширявшихъ полномочія и функціи палаты, и чтеніе этой реформаторской программы было

послѣднимъ публичнымъ актомъ Руэра, какъ „государственнаго министра“. На слѣдующій день, 13 іюля, было объявлено объ отсрочкѣ законодательной сессіи и объ отставкѣ министровъ. Новое министерство, составленное изъ малоизвѣстныхъ лицъ, замѣчательно было только тѣмъ, что въ немъ отсутствовалъ Руэръ. Могущественный „вице-императоръ“ сошелъ наконецъ со сцены. Сенатъ, призванный выработать и обсудить новыя конституціонныя постановленія, формулировалъ ихъ въ „сенатусъ-консультѣ“ 6 сентября. Имперія сдѣлала новый рѣшительный шагъ къ преобразованію своего государственнаго строя, а общій характеръ правительства все еще не измѣнялся: министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ по прежнему ближайшій сотрудникъ Руэра, усердный сторонникъ оффиціальной кандидатуры, Форкадъ Ла-Роветтъ. Только въ концѣ декабря 1869 года императоръ рѣшился довѣрить власть независимымъ парламентскимъ дѣятелямъ, поручивъ образованіе кабинета Эмилю Олливье.

Министерство 2 января 1870 года было первымъ либеральнымъ правительствомъ имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было послѣднимъ. Имперія погибла вслѣдствіе ложной внѣшней политики, соблазнамъ которой не съумѣли противостоять основатели и участники новой либеральной эры. Источникъ зла заключался не въ ослабленіи власти и не въ упадкѣ ея авторитета, какъ думаетъ Пьеръ де-Ла-Горсъ, а въ той неискоренимой авантюристской, хищнической основѣ, которая съ наибольшею наглядностью проявлялась въ военно-дипломатическихъ комбинаціяхъ и иллюзіяхъ второй имперіи.

Л. Слонимскій.

УЧЕНЫЙ ПРОТИВНИКЪ
ОБЩИНЫ

— *П. Д.*—Русскій соціализмъ и общинное землевладѣніе. Москва. 1899 г.
— Наша деревня. Изслѣдованіе П. Д. Москва. 1900 г.
— *П. Д.*—Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ. Москва. 1901 г.

Авторъ трехъ указанныхъ выше сочиненій отмѣчаетъ очень интересный, хотя и общеизвѣстный фактъ скудости нашей анти-общинной литературы. Сказанное нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что въ печати, какъ утверждаетъ авторъ, нѣтъ, будто бы, статей противъ общины, кромѣ забытой имъ замѣтки Фета въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Скудость анти-общинной литературы выражается отсутствіемъ изслѣдованій,—книгъ и даже журнальныхъ статей,—которыя использовали бы огромный фактическій матеріалъ о пореформенной крестьянской общинѣ. Г. П. Д. указываетъ лишь одну враждебную общинѣ *книгу*: „Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности", г. Головина; но эта книга почти не касается несведеннаго матеріала земской статистики. Совершенно иное надлежитъ сказать о писателяхъ-общинникахъ. Всякому, даже поверхностно знакомому съ литературой предмета, не можетъ не броситься въ глаза фактъ совпаденія серьезнаго изученія общины путемъ мѣстныхъ изслѣдованій или обработки готовыхъ о ней данныхъ и болѣе или менѣе сочувственнаго къ ней отношенія. Писатели, работавшіе надъ огромнымъ сырымъ матеріаломъ, собраннымъ мѣстными изслѣдователями, и представившіе солидныя работы, безъ которыхъ не можетъ нынѣ обойтись ни одинъ авторъ, пишущій по этому предмету,—не исключая двухъ крайнихъ по времени изслѣдователей, издавшихъ свои труды на нѣмецкомъ языкѣ—Кейслера и Чупрова (сына),—признаютъ въ общинѣ многія положительныя черты. Было бы натяжкой объяснять это совпаденіе исклю-

чительно тѣмъ, что община, какъ предметъ изслѣдованія, привлекаетъ только лицъ, относящихся къ ней положительно, и не интересуетъ безстрастныхъ ученыхъ. Вѣрнѣе будетъ предположить, что, ознакомившись со всѣми модификаціями общинной жизни не бѣглымъ просмотромъ соотвѣтствующаго матеріала, а серьезной работой мысли, требуемой задачей классификаціи многообразныхъ ея проявленій,— изслѣдователь не можетъ не поразиться прочностью началъ и гибкостью формъ этого народнаго учрежденія и сохранить во всей силѣ предубѣжденія (если таковыя у него имѣлись), исходя изъ которыхъ такъ легко нападать на общину, зная ее по наслышкѣ или по случайнымъ наблюденіямъ въ ограниченномъ районѣ. Такъ или иначе, но никто не можетъ оспаривать факта, что защитники общины не жалѣютъ затраты труда на изученіе интересующаго ихъ предмета и не боятся указывать факты отрицательнаго порядка, служащіе потомъ матеріаломъ для анти-общинной агитаціи; противники же общины избѣгаютъ изученія того, что̀ собрано по данному вопросу, и врядъ ли даже знакомы со всѣми сводными работами.

Г. П. Д., повидимому, взялъ на себя задачу пополнить этотъ недочетъ въ лагерѣ анти-общинниковъ и въ теченіе трехъ лѣтъ выпустилъ въ свѣтъ три сочиненія по данному предмету. Въ количественномъ отношеніи, поэтому, г. П. Д. превзошелъ всѣхъ общинниковъ; но врядъ-ли можно то же самое сказать относительно качества его работъ. Плодовитость этого начинающаго писателя не можетъ быть объяснена ни богатствомъ мыслей автора, ни изобиліемъ фактическаго, владѣемаго имъ, матеріала. Во всѣхъ сочиненіяхъ съ утомительнымъ однообразіемъ повторяются излюбленныя идеи автора о крѣпостномъ характерѣ общины, о грабежѣ въ общинѣ богатыхъ крестьянъ бѣдными, объ обнищаніи крестьянъ, какъ результатѣ общиннаго землевладѣнія, о святости начала частной собственности и о соціалистическихъ тенденціяхъ защитниковъ общины; что же касается фактическихъ данныхъ, то г. П. Д. не ознакомился даже со всѣми важнѣйшими сторонами общинной жизни. Плодовитость этого писателя объясняется тѣмъ, что, приступивъ къ чтенію сводныхъ работъ о земельной общинѣ, г. П. Д., по мѣрѣ чтенія книгъ, дѣлился съ читателемъ своими познаніями. Первую книгу онъ написалъ, ознакомившись съ „Общиннымъ землевладѣніемъ" г. Посникова и „Итогами экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики", поразившись „совершенно яснымъ ученіемъ соціализма" въ названныхъ сочиненіяхъ, и тѣмъ, что „бѣдный русскій народъ предназначается служить объектомъ для громаднаго опыта примѣненія соціализма въ государствѣ, и бывшая крѣпостная община представляется наиболѣе удобнымъ

средствомъ для осуществленія этого дѣла"[1]). Проникнувъ такъ глубоко въ замыслы обличаемыхъ писателей, г. П. Д., однако, до того поверхностно ознакомился со второй изъ названныхъ книгъ, представляющей сводку земскихъ изслѣдованій, что не усвоилъ различія земской статистики и волостной. Знакомя читателей „Русскаго соціализма" съ изслѣдованіемъ бронницкаго экономическаго совѣта о положеніи крестьянскаго хозяйства, г. П. Д. рекомендуетъ эти изслѣдованія потому, что они производились путемъ личныхъ посѣщеній селеній членами совѣта. „Подобный способъ придаетъ изслѣдованію *особый* характеръ достовѣрности и точности,—поясняетъ г. П. Д.,—которыхъ лишены статистическіе труды нашихъ земствъ, *основанные на добытыхъ черезъ волостныя правленія свѣдѣніяхъ*" (стр. 89).

Второй трудъ г. П. Д., спеціально рекомендуемый имъ, какъ „изслѣдованіе" (и на который мы и обратимъ поэтому главное вниманіе), есть повтореніе перваго, съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что въ одномъ сочиненіи главное вниманіе обращено на русскій соціализмъ, а во второмъ—на общину. Въ промежутокъ времени между обѣими работами авторъ познакомился съ книгой г. Кочаровскаго и „Сводомъ заключеній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ", узналъ о существованіи работъ о сибирской общинѣ и земскихъ сборниковъ, основанныхъ не на донесеніяхъ волостныхъ правленій, и могъ нѣсколько разнообразить содержаніе своего труда.

Третью книгу г. П. Д. подарилъ публикѣ, прочтя сводныя работы о сибирской общинѣ. Теперь мы должны ожидать четвертаго труда г. П. Д., послѣ того, какъ онъ ознакомится съ разнообразными попытками улучшенія крестьянскаго хозяйства на общинныхъ земляхъ. Еслибы авторъ не торопился дѣлиться съ читателями пріобрѣтаемыми познаніями и отложилъ изданіе своего „изслѣдованія" до того момента, когда онъ хотя бы въ общихъ чертахъ познакомился со всѣми сторонами изслѣдуемаго предмета, то, вмѣсто трехъ-четырехъ однородныхъ книгъ, мы имѣли бы одну, къ выгодѣ и читателя, и писателя. Читатель могъ бы тогда съ затратой меньшаго труда познакомиться со всѣми произведеніями г. П. Д.; писатель не обнаружилъ бы сразу бѣдности содержанія своихъ воззрѣній и недостаточности свѣдѣній о предметѣ своего спеціальнаго изученія.

Уже изъ того, какъ складывались печатныя работы г. П. Д., читателю не трудно заключить, что онѣ не могутъ быть причислены къ категоріи изслѣдованій въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли примѣнять этотъ терминъ къ безспорно-научнымъ работамъ. Но есть об-

[1]) „Русскій соціализмъ и общинное землевладѣніе", стр. 34.

стоятельства, заставляющія усомниться даже въ возможности—для г. П. Д.—произвести изслѣдованіе вопроса объ общинѣ.

Г. П. Д. съ порицаніемъ относится къ автору „Крестьянской общины“ за то, что тотъ признаъ невозможнымъ обойтись въ своей работѣ безъ субъективнаго элемента, подъ которымъ онъ понимаетъ „выборъ точки зрѣнія“ для „освѣщенія частныхъ фактовъ общей идеей“. Г. П. Д. читаетъ ему наставленіе въ томъ родѣ, что „наука требуетъ объективнаго отношенія къ предмету, а потому изслѣдованія, основанныя на субъективномъ элементѣ, менѣе всего заслуживаютъ названія научныхъ“. Изъ этого поученія слѣдовало бы, повидимому, заключить, что самъ г. П. Д. приступилъ къ изслѣдованію общины безъ всякихъ предварительныхъ предположеній, не имѣя готовой „точки зрѣнія“ для освѣщенія проходящаго передъ нимъ матеріала. Собственное признаніе автора, однако, показываетъ, что это вовсе не такъ, что у него было не только готовое уже взозрѣніе на объектъ изслѣдованія, но и опредѣленное, и притомъ страстное къ нему чувство. „Какъ хозяинъ-землевладѣлецъ,—говоритъ онъ на стр. 282 „Нашей деревни“,—мы много лѣтъ работали на своей нивѣ и убѣдились, что крѣпостная (такъ называетъ авторъ современную общину) община,—не только зло, но прямо гибель для русскаго народа, а потому церемониться съ ней мы находимъ совершенно излишнимъ, хотя бы въ защиту ея говорило все общественное мнѣніе интеллигентной Россіи“. „Скрывать нашего глубокаго отвращенія къ тюрьмѣ, въ которой сидитъ русскій народъ, мы не считаемъ нужнымъ“. Такая откровенность очень похвальна; но если человѣкъ, питающій „отвращеніе“ къ предмету, возьмется за его изслѣдованіе, то можно ставить десять противъ одного, что это изслѣдованіе обратится въ бичеваніе: безпристрастія—при подобныхъ условіяхъ—трудно ожидать даже отъ сдержаннаго и осторожнаго человѣка, и его навѣрное не будетъ у лица съ темпераментомъ и привычками г. П. Д.

Дѣйствительно, хотя авторъ предупреждаетъ читателя, что его отвращеніе къ общинѣ „нисколько не освобождаетъ“ его „отъ обязанности отнестись къ вопросу безпристрастно, а къ мнѣніямъ защитниковъ общины—съ должнымъ вниманіемъ и полной добросовѣстностью“—что̀ какъ бы обязываетъ его къ спокойному и хотя бы только вѣжливому отношенію къ тѣмъ, кого онъ избираетъ въ качествѣ своихъ литературныхъ противниковъ,—но отвращеніе къ общинѣ настолько владѣетъ авторомъ, что недружелюбное чувство онъ переноситъ и на ея защитниковъ, и церемонится съ ними (особенно съ покойниками) такъ же мало, какъ считаетъ излишнимъ „церемониться“ съ общиной. Книга князя Васильчикова—„источникъ, весьма сомнительный“ („Наша деревня“, стр. 306). Кавелинъ можетъ иногда писать „такой вздоръ“

(стр. 290); онъ же „былъ всегда легковѣренъ относительно тѣхъ писателей, которые держались взглядовъ, почему-либо ему симпатичныхъ"; между тѣмъ какъ Якушкинъ, на котораго онъ ссылался въ своемъ „Обычномъ правѣ", „очень часто показывалъ полнѣйшее непониманіе того, чтò составляло предметъ его рѣчи" (стр. 293). „Г. Θ. Тернеръ повѣрилъ Трирогову и др.", но онъ не зналъ, что „всѣ эти увѣренія защитниковъ крѣпостной общины—грубыя искаженія дѣйствительныхъ фактовъ" („Уравнительное землевладѣніе", стр. 2). „Покойный Бѣляевъ отвѣтилъ Чичерину крайне горячо, но безтолково" („Русскій соціализмъ", стр. 70). Это—о мертвыхъ. А вотъ о живыхъ. „Книга г. Посникова „Общинное землевладѣніе" служитъ лишь яркимъ примѣромъ того, что тенденціозность, фраза и сáмая безцеремонная софистика сдѣлались обычными пріемами современной „новой науки" („Наша деревня", стр. 169). „Съ цѣлью затемнить вопросъ, г. Посниковъ постоянно прибѣгаетъ къ смѣшенію и подтасовкѣ понятій". „Съ фарисейскимъ негодованіемъ г. Посниковъ возмущается...", и т. д. (Русскій соціализмъ, стр. 30, 31). Статья проф. М. Ковалевскаго въ „Критическомъ Обозрѣніи", № 4, представляетъ „примѣръ недобросовѣстной и неприличной полемики" (стр. 83). Г. Кочаровскій „позволяетъ себѣ подтасовывать факты" („Наша деревня", стр. 343). И вообще, „всѣ возраженія защитниковъ общины основаны частью на тенденціозности, частью на недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и игрѣ словами" („Русскій соціализмъ", стр. 75). Не менѣе того достается отъ г. П. Д. земству. Вмѣсто того, чтобы „раскрыть передъ правительствомъ все зло общиннаго землевладѣнія", земства „старались, напротивъ того, мистифицировать въ этомъ отношеніи и правительство, и общество" („Наша деревня", стр. 199). „Затушевывать (!) грозный фактъ (голодовокъ) посредствомъ сообщеній о мнимыхъ культурныхъ продѣлкахъ земствъ, по нашему мнѣнію, недобросовѣстно" („Уравнительное землепользованіе", стр. 8).

Интересно, что, проявляя самъ подобное отношеніе къ иномыслящимъ, г. П. Е. читаетъ нотацію г. Посникову за его, будто бы, пренебрежительное отношеніе къ нѣкоторымъ общепринятымъ экономическимъ понятіямъ. „Едва ли такое пренебрежительное отношеніе къ прежнимъ труженикамъ науки (т.-е. къ покойникамъ?),—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—можетъ быть названо справедливымъ и научнымъ. Если подобные презрительные отзывы постоянно употребляетъ К. Марксъ въ своемъ „Капиталѣ", то это приличествуетъ сему знаменитому произведенію, какъ памфлету,—но едва ли умѣстно въ серьезномъ ученомъ трудѣ". Нѣкоторымъ извиненіемъ г-ну П. Д. за его непозволительное „отношеніе къ прежнимъ" и настоящимъ „труженикамъ науки" можетъ служить только предположеніе, что онъ не

считаетъ трехъ своихъ книгъ „серьезными учеными трудами“, а относитъ ихъ (и совершенно правильно) къ категоріи памфлетовъ.

Мы уже слышали признаніе г. П. Д. въ отвращеніи, питаемомъ имъ къ общинѣ. Чувство это можетъ питаться въ немъ многими источниками. Мы можемъ видѣть въ немъ естественную реакцію добраго гражданина на то, что община есть „ядъ и единственная причина бѣдности и нравственнаго развращенія“ крестьянъ („Наша деревня“, стр. 221); можемъ искать его корней въ опасеніяхъ охранителя въ духѣ „Гражданина“, что община „представляется наиболѣе удобнымъ средствомъ“ „для громаднаго опыта примѣненія соціализма въ государствѣ“, и въ негодованіи аграрія на то, что она есть „причина разоренія (помѣщиковъ), ибо лишила (?) ихъ батраковъ-работниковъ, безъ которыхъ никакого хозяйства вести нельзя“ („Наша деревня“, стр. 221). Классовой интересъ, вообще, очень силенъ въ г. П. Д. и нимало имъ не скрывается.

Когда одно уѣздное земство (московской губ.).—разсказываетъ г. П. Д.,—„состоявшее преимущественно изъ частныхъ землевладѣльцевъ, отказалось тратить деньги плательщиковъ на попытки ввести травосѣяніе у крестьянъ, такъ какъ видѣло въ этомъ конкурренцію клевернымъ посѣвамъ въ своихъ хозяйствахъ, у которыхъ мѣстные крестьяне покупали сѣно“, то „въ губернскомъ собраніи нашли это настолько неблаговиднымъ, что не рѣшились заявить объ этомъ громко. И совершенно напрасно! Уѣздное земство было въ полномъ правѣ, и скорѣе неблаговидность была на сторонѣ губернскаго земства. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву губернское земство тратитъ платежи частныхъ владѣльцевъ во вредъ имъ, хотя бы даже въ пользу крестьянъ? Это или соціалистическій принципъ, или фалантропическій; первый есть грабежъ, а второй—неумѣстенъ въ хозяйственной дѣятельности“ (стр. 198—199). Вопросъ этотъ такъ задѣлъ г. П. Д., что онъ возвращается къ нему неоднократно, и при одномъ изъ этихъ возвращеній говоритъ слѣдующее: „земскіе дѣятели заявляютъ, что филантропію и экономію необходимо смѣшивать, какъ скоро объектъ воздѣйствія—крестьяне“, „но это—точка зрѣнія коллективизма“ (стр. 222), которая, какъ видѣлъ читатель, есть „грабежъ“.

Заподозриваніе и прямое обвиненіе иномыслящихъ въ коллективизмѣ, соціализмѣ и даже анархизмѣ составляетъ вообще излюбленный пріемъ г. П. Д. въ борьбѣ съ невѣдающими его общинниками. Не довольствуясь посвященіемъ этому предмету цѣлой книги („Русскій соціализмъ и общинное землевладѣніе“ [1]), онъ и въ своемъ спеціаль-

---

[1]) „Г. Посниковъ — соціалистъ, - говоритъ, между прочимъ, г. П. Д. въ этой книгѣ.—*Поэтому*, прежде всего онъ ополчается противъ собственности и доказы-

номъ „изслѣдованіи“ нашей деревни постоянно разитъ кого-либо этимъ обвиненіемъ, не пропуская и такого ничтожнаго повода, какъ посвященіе г. Кочаровскимъ своего труда памяти Чернышевскаго, „извѣстнаго—поясняетъ г. П. Д.—соціалиста-*агитатора* 60-хъ гг.“ (стр. 327; повидимому, г. П. Д. о Чернышевскомъ знаетъ лишь, что онъ былъ сосланъ въ Сибирь по обвиненію въ политическомъ преступленіи). У насъ высказывается и поддерживается—„при помощи самыхъ беззастѣнчивыхъ соображеній“—мнѣніе объ обращеніи выкупныхъ платежей въ государственный налогъ; *для соціалистовъ и анархистовъ* все возможно, такъ какъ они отрицаютъ въ корнѣ начала гражданскаго права; но тѣмъ страннѣе слышать такія предложенія со стороны консервативной печати“ (стр. 327). Допустить такую реформу равносильно національзаціи земли, „а національзаціи земли требуетъ соціализмъ“ (стр. 98). Защита консервативными элементами общинныхъ порядковъ „играетъ прямо на руку самыхъ ярыхъ враговъ не только русскаго, но всякаго государственнаго порядка“. Въ соціализмѣ авторъ готовъ заподозрить не только земство, но даже правительство—разъ оно признаетъ общину: „неужели въ самомъ дѣлѣ правительство желаетъ насадить въ Россіи соціализмъ?“—спрашиваетъ онъ (стр. 26).

Особенно вреднымъ элементомъ въ нашей жизни, по мнѣнію г. П. Д., были первые русскіе общинники—славянофилы. Благодаря ихъ вліянію, въ университетахъ въ прежнее время „отъ студента магистранта требовали не таланта, не научныхъ знаній, а фарисейскаго поклоненія невѣдомой русской общинѣ. Понизился не только умственный, но и нравственный уровень нашихъ университетовъ“ („Русск. соціализмъ“ стр. 69). Мало того, „славянофилы преемственно произвели у насъ соціалистовъ на каѳедрѣ и создали въ нашихъ университетахъ тотъ порядокъ, благодаря которому много талантливыхъ силъ было устранено отъ каѳедры, а въ ученой корпораціи развились партійная нетерпимость и эгоизмъ“ (стр. 83). Остановимся на приведенныхъ цитатахъ, хотя—при желаніи—мы могли бы до безконечности продолжать выписки въ томъ же родѣ.

При описанныхъ чувствахъ, симпатіяхъ, тенденціяхъ и пріемахъ критики у г. П. Д., мы, конечно, напрасно будемъ ожидать отъ него чего-либо подобнаго изслѣдованію русской общины. И дѣйствительно, въ своихъ книгахъ онъ не разсматриваетъ или описываетъ это народ-

---

ваетъ, что собственникъ не только не нуженъ, но даже вреденъ для прогресса земледѣлія. Затѣмъ нашъ авторъ докажетъ то же самое для принципа долгосрочности арендъ и... тѣмъ самымъ приготовитъ почву для опроверженія вообще всякаго индивидуальнаго землепользованія и для установленія на его мѣсто общиннаго. Конечно, —деликатно, но немного поздно прибавляетъ г. П. Д.,—*намъ нѣтъ никакого дѣла* до симпатій и антипатій г. Посникова“ (стр. 8).

ное учрежденіе, а бичуетъ и поноситъ отвратительный для него предметъ.

Община, это—„крѣпостная тюрьма, притомъ безцѣльная и нелѣпая, а потому и жестокая („Наша деревня“, стр. 304). „Всегда у насъ бываетъ въ деревнѣ“, что „большинство (на сходахъ) подкуплено и опоено кулаками“ (стр. 347). Община—это оставленный по недоразумѣнію и традиціонной привычкѣ органъ рухнувшаго крѣпостного права —съ одной стороны, средство для грабежа бѣдняками богатыхъ—съ другой. „Пусть большинству крестьянъ обоянскаго уѣзда было выгодно отнять у широкодачниковъ четвертного владѣнія ихъ земли,— такъ *разъясняетъ* г. П. Д. процессъ введенія передѣловъ у четвертныхъ крестьянъ:—слѣдуетъ ли изъ этого, что подобный *грабежъ* допустимъ и желателенъ съ точки зрѣнія правильнаго государственнаго порядка? Весьма возможно, что большинство рабочаго населенія сочтетъ для себя выгоднымъ и полезнымъ *ограбить* своихъ фабрикантовъ и заводчиковъ-хозяевъ; но только соціализмъ признаетъ подобную мѣру возможной и справедливой“ (стр. 35). „Слѣдуетъ надѣяться, что правительство положитъ конецъ этому *денному грабежу*“. „Простая справедливость требуетъ, чтобы безспорныя права четвертныхъ владѣльцевъ были защищены *отъ наглыхъ посягательствъ*“—такъ ведетъ г. П. Д. „изслѣдованіе“ современныхъ теченій въ общинной жизни!

Обращеніе г. П. Д. съ источниками и его пріемы изслѣдованія вполнѣ гармонируютъ съ описанными выше тенденціями. Излагая какое-нибудь болѣе или менѣе сложное явленіе общинной жизни, г. П. Д. располагаетъ матеріалъ такимъ образомъ, что читатель не можетъ получить о немъ правильнаго понятія, а подчасъ и сообразить, въ чемъ заключается дѣло. Происходитъ это потому, что авторъ передаетъ не то, что̀ можетъ служить для объективной обрисовки явленія, а то, что̀ требуется для доказательства проводимой имъ идеи, причемъ не останавливается передъ голословными утвержденіями, преувеличеніями и извращеніями данныхъ. Для примѣра послѣдняго остановимся на его описаніи введенія уравненія четвертныхъ земель. Г-ну П. Д. нужно представить это уравненіе какъ навязанное крестьянамъ гр. Киселевымъ, и онъ достигаетъ этого двумя пріемами: 1) отнесеніемъ начала передѣловъ къ моменту образованія министерства госуд. имущ. („Наша деревня“, стр. 33), вопреки имѣющимся свѣдѣніямъ о существованіи такихъ передѣловъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка; 2) объясненіемъ совершившихся въ 40-хъ гг. передѣловъ насиліемъ администраціи, вопреки положительнымъ указаніямъ источниковъ, которыми онъ пользовался, причемъ почти всѣ отдѣльные факты, приводимые имъ въ доказательство этой мысли, изложены съ

нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ истины. Такъ, въ источникѣ говорится слѣдующее: „Крестьяне с. Черная Поляна подѣлили-было землю на души, *при поддержкѣ окружнаго начальства*, но когда узнали, что для перехода требуется согласіе $^2/_3$, *а большинство, желавшее уравненія*, не достигало этой цифры, то вернулись къ четвертному владѣнію". Описывая этотъ фактъ, г. П. Д. *поддержку* окружнаго начальства замѣняетъ *требованіемъ* его, а о послѣдующемъ говоритъ: „когда узнали, что для перехода требуется согласіе $^2/_3$, *чего не было*, то вернулись къ четвертному владѣнію" [1]). „И этотъ примѣръ—заключаетъ г. П. Д.—подтверждаетъ, что для начальства вовсе не требовалось *согласія большинства*". Непосредственно за этимъ г. П. Д. приводитъ другой случай, описанный въ источникѣ слѣдующимъ образомъ: относительно пяти общинъ курской губ. „въ сборникахъ сказано, что онѣ образовались изъ четвертного владѣнія *во время или подъ вліяніемъ* преобразованія быта госуд. крестьянъ при Киселевѣ; въ одномъ случаѣ указано опредѣленнѣе, что это совершилось *при перечисленіи крестьянъ въ окладъ* (въ 40-хъ годахъ)". Г. П. Д. излагаетъ это сообщеніе такъ: въ сборникахъ сказано, что данныя общины „образовались изъ четвертного владѣнія *вслѣдствіе* преобразованія быта госуд. крестьянъ при гр. Киселевѣ и что это совершилось *простымъ перечисленіемъ крестьянъ въ окладъ*. Слѣдовательно,—выводитъ отсюда авторъ,—въ данномъ случаѣ правительство поступило еще проще—однимъ взмахомъ канцелярскаго пера, а населенію оставалось только повиноваться" (стр. 37).

Утвержденіе г. П. Д., что уравнительное пользованіе землей было введено среди тысячи (если не болѣе) деревень четвертныхъ крестьянъ, вопреки желанію большинства, при помощи приказаній и поддѣлки надлежащаго состава сходовъ, каковая поддѣлка „подъ авторитетнымъ воздѣйствіемъ начальственной власти" ничего, будто бы, не стоила (стр. 36), представляется тѣмъ менѣе позволительнымъ, что въ цитируемыхъ имъ источникахъ (особенно въ обстоятельномъ изслѣдованіи г. Благовѣщенскаго: „Четвертное право"), имѣются указанія, какъ именно совершалось поравненіе четвертныхъ земель при начальствѣ, державшемъ сторону душевиковъ или ихъ противниковъ, и при начальникахъ, безпристрастно относящихся къ дѣлу, и какими пріемами начальство способствовало или задерживало уравненіе. Въ этихъ же источникахъ приводятся примѣры распаденія обществъ четвертныхъ крестьянъ на двѣ части—желавшихъ уравненія своихъ земель и производившихъ таковое, и нежелавшихъ его и остававшихся при ста-

[1]) Закавыченное у насъ мѣсто поставлено въ кавычки и г-омъ П. Д., изъ чего читатель можетъ усмотрѣть, какъ точно цитируетъ онъ источники.

рыхъ порядкахъ. Въ нихъ излагаются и современные отзывы крестьянъ —наполовину свидѣтелей преобразованія наслѣдственнаго пользованія въ уравнительное—о достоинствѣ новаго порядка сравнительно со старымъ. Словомъ, имѣется достаточный матеріалъ для общей, если не детальной, характеристики переворота, происшедшаго въ однодворческомъ владѣніи землей,—характеристики, въ которой находится мѣсто и для желательнаго г-ну П. Д. насилія администраціи; но г. П. Д. нужно только это послѣднее, и онъ легко достигаетъ желаемаго, распоряжаясь не только фактическимъ матеріаломъ, но и чужими рѣчами, какъ полной своей собственностью, которую онъ можетъ обрѣзать, передѣлать, уничтожить и т. п.

Дальнѣйшую характеристику пріемовъ „изслѣдованія" г. П. Д. мы получили, ознакомившись съ тѣмъ, какъ онъ отнесся къ даннымъ о возвышеніи культуры на общинныхъ земляхъ. По мнѣнію г. П. Д., община „уничтожаетъ всякую возможность прогресса крестьянскихъ хозяйствъ" (стр. 321). По несчастію, г. П. Д.—помѣщикъ московской губерніи, а потому, и не будучи особенно знакомъ съ литературой предмета, могъ узнать, что сотни общинъ этой губерніи при помощи земства перешли къ травосѣянію и—что̀ главное—разстались при этомъ съ традиціоннымъ трехпольемъ, которое считалось какъ бы неразрывно связаннымъ съ общиной, и усвоили различные многопольные сѣвообороты. Встрѣтившись съ такимъ фактомъ, г. П. Д. полагалъ, что примирилъ его съ ученіемъ о косности общины, произвольно заявивъ, что преобразованіе произведено было по приказанію земствъ, сославшись при этомъ на ироническое замѣчаніе покойнаго А. Н. Энгельгардта,—что, если начальство прикажетъ,—въ нашихъ деревняхъ откроются и гимназіи, и университеты. „Слѣдовательно,—замѣчаетъ авторъ,—отрицать возможность факта никому не приходило въ голову", а затѣмъ спѣшитъ перенести вопросъ на совершенно посторонній предметъ: „но въ *правомѣрности* земской агрономіи есть серьезныя основанія сомнѣваться" (стр. 222).

По поводу этого пріема г. П. Д. мы, прежде всего, замѣтимъ, что если никто не сомнѣвался въ возможности травосѣянія на общинной землѣ, какъ явленія исключительнаго, то антагонисты общины, до г. П. Д. включительно, положительно отрицаютъ способность общины даже къ менѣе радикальнымъ преобразованіямъ хозяйства. Если же нынѣ г. П. Д. признаетъ, что община допускаетъ такія реформы, хотя бы только какъ орудіе „воздѣйствія" (кавычки принадлежатъ г. П. Д.) земскихъ агрономовъ, и что подворное владѣніе менѣе къ этому способно (стр. 174), то онъ этимъ удостовѣряетъ, что общинное хозяйство легко можетъ перейти на высшую ступень, если таковая извѣстна и можетъ быть указана крестьянамъ. Этимъ утвер-

жденіемъ г. П. Д. примыкаетъ къ воззрѣніямъ своихъ противниковъ, заявляющихъ, что если община стѣснитъ производство индивидуальныхъ агрономическихъ опытовъ, зато она ускоряетъ всеобщее распространеніе улучшеній, польза которыхъ признана наукой и практикой. Чтобы отнять у общины и этотъ шансъ на возможность сельско-хозяйственнаго прогресса, г. П. Д.—наряду съ произвольнымъ утвержденіемъ о насиліи земской агрономіи надъ крестьяниномъ—выставляетъ другія три—не менѣе произвольныя положенія: 1) что земство не имѣетъ права употреблять своихъ средствъ на содержаніе крестьянскихъ агрономовъ; 2) что травосѣяніе въ настоящее время вовсе неумѣстно въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи, и 3) что опыты, хотя бы на крестьянской землѣ, но руководимые агрономами, „не только не полезны крестьянамъ, а прямо вредны", и ни эти опыты, ни наука не могутъ дать такихъ образцовъ преобразованій, которые были бы выгодны для всѣхъ членовъ общины; напротивъ того, усвоеніе даннаго образца всей общиной „непремѣнно окажется для многихъ и, можетъ быть, для большинства, крайне неблагопріятнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Только то нововведеніе принесетъ дѣйствительную пользу, которое примѣнитъ самъ хозяинъ на свой собственный страхъ и за свой собственный счетъ" (стр. 175, 267).

Читатель видитъ, что конкретный вопросъ о русскомъ земледѣліи и крестьянской общинѣ г. П. Д. замѣнилъ совсѣмъ другимъ, общимъ и абстрактнымъ вопросомъ о преимуществахъ полнаго распоряженія земельнымъ участкомъ въ смыслѣ возможности (абстрактной же) полной индивидуализаціи пріемовъ хозяйства. Возвратимся же къ настоящему предмету нашей рѣчи и поставимъ вопросъ о томъ, каково можетъ быть участіе агрономіи и агрономовъ, съ одной стороны, и крестьянъ при тѣхъ или другихъ существующихъ условіяхъ землевладѣнія въ Россіи—съ другой, въ настоятельно необходимомъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго земледѣльческаго производства? Г. П. Д. утверждаетъ, что правительству и даже земству ничего не стоитъ побудить общину къ очень рѣшительнымъ преобразованіямъ; а если такъ, и если земство, при помощи науки и опытовъ на частныхъ и общественныхъ земляхъ, можетъ выработать образцы болѣе или менѣе полнаго и широкаго преобразованія, примѣнительно къ различнымъ условіямъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе крупныхъ районовъ, то возвышеніе земледѣльческой культуры при общинномъ владѣніи обезпечено. Г. П. Д. старается подорвать силу послѣдняго заключенія утвержденіемъ, что никто, кромѣ самого хозяина, не можетъ знать, что̀ для него выгоднѣе, и что введеніе травосѣянія въ крестьянское хозяйство несвоевременно. Не наше дѣло полемизировать съ г. П. Д. по вопросамъ агрикультурнаго характера. Наша задача—констатиро-

вать методологическіе пріемы автора. Мы, поэтому, ограничимся замѣчаніемъ, что, оспаривая раціональность введенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ посѣва травъ и обращаясь для этого къ оцѣнкѣ урожаевъ клевера на общинныхъ земляхъ, авторъ, по своему обыкновенію, не разсматривалъ всего фактическаго матеріала по данному вопросу, а остановился на земскомъ отчетѣ о неурожайномъ 1898-мъ годѣ и, приведя случаи пропажи посѣвовъ травы, заявляетъ: „таковы факты, удостовѣренные самими земскими дѣятелями". Правда, вслѣдъ за этимъ онъ продолжаетъ, что факты эти „не являются исключительными въ земской агрономіи, вслѣдствіе особыхъ климатическихъ условій даннаго года. О пропажѣ клеверныхъ посѣвовъ земская управа заявляла постоянно и въ докладахъ за прежнее время" (стр. 232); но читатель понимаетъ, что дѣло—не въ единичныхъ случаяхъ неудачи, а въ общихъ итогахъ травосѣянія, и если г. П. Д. уклонился отъ прямой своей обязанности подведенія этихъ итоговъ за время дѣятельности земства, а избралъ для характеристики послѣдней одинъ неурожайный годъ, то намъ остается лишь констатировать этотъ пріемъ, какъ характеристичный для *ученаго*, выступившаго, наконецъ, противъ общины.

Г. П. Д. приписываетъ распространеніе травосѣянія на общинныхъ земляхъ московской губерніи приказанію земскихъ агрономовъ, почитаемыхъ крестьянами за начальство. Изъ этого мы не можемъ не вывести заключенія, что изслѣдователю-аграрію нашей деревни совершенно неизвѣстна литература о современныхъ теченіяхъ въ этой послѣдней; неизвѣстна даже текущая сельско-хозяйственная литература вообще. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы г. П. Д. читалъ, что̀ пишется въ книгахъ и журналахъ о нашей деревнѣ,— могъ ли бы онъ упустить фактъ перехода къ травосѣянію не сотенъ даже, а тысячъ общинъ въ тверской, смоленской и другихъ губерніяхъ не только безъ помощи какихъ-либо агрономовъ, но и безъ слуха объ этихъ послѣднихъ? Еслибы онъ внимательно прочелъ хотя бы только доклады московскаго земства по агрономической части, онъ и изъ нихъ узналъ бы о десяткахъ и сотняхъ общинъ московской губерніи, приступившихъ къ травосѣянію (такъ называемому угловому) самостоятельно и лишь послѣ удачнаго исхода этого опыта обращавшихся къ агрономамъ для заведенія правильнаго травопольнаго сѣвооборота. Еслибы онъ просматривалъ доклады новгородской губернской земской управы, онъ узналъ бы изъ нихъ, что послѣ объявленія о выдачѣ земствомъ безплатно клеверныхъ сѣмянъ десяти деревнямъ (въ каждомъ уѣздѣ), которыя первыя согласятся ввести правильные травопольные сѣвообороты,— управа была засыпана требованіями изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ. Ничего этого не знаетъ ученый противникъ общины, хотя выпустилъ уже

три сочиненія, громящихъ общину и косность крестьянина-общинника, и предлагаетъ не особенно „церемониться" съ этимъ—въ сущности ему вовсе неизвѣстнымъ учрежденіемъ.

Въ послѣднее время г. П. Д. выступилъ противъ общины въ газетахъ. Этотъ родъ литературы болѣе приличествуетъ ему и по его нетерпимости и темпераменту, и по малому знакомству съ предметомъ (отъ газетнаго писателя, къ сожалѣнію, у насъ вовсе не требуется основательныхъ знаній), и потому, что онъ не можетъ не вносить въ свое отношеніе къ вопросу классоваго интереса аграрія, и по тенденціи изобличать всѣхъ и все въ „соціал-" и другихъ „измахъ".

Но какъ быть съ роковой судьбой вопроса объ общинѣ, роковой въ томъ смыслѣ, что защита общины лицами, печатными трудами доказавшими серьезное отношеніе къ вопросу,—не пріемлется по предполагаемому пристрастію ихъ къ этому институту, и въ то же время энергичнѣе и энергичнѣе раздаются и пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе значенія въ вліятельныхъ сферахъ односторонніе, пристрастныя, а то и вовсе голословныя обвиненія общины со стороны лицъ, ученѣйшіе изъ которыхъ не усвоили различія между земской и волостной статистикой, а менѣе ученые—между сельскимъ обществомъ и поземельной общиной?

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1902.

Сельско-хозяйственный протекціонизмъ.

Европѣ въ концѣ XIX вѣка пришлось имѣть дѣло съ очень своеобразнымъ бѣдствіемъ, выразившимся въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ. Въ данномъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, что самые дальновидные экономисты не могли разсчитывать на возможность наступленія подобнаго рода бѣдствія, или, вѣрнѣе, на возможность признанія за пониженіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости значенія бѣдствія, съ которымъ придется энергично бороться государственными мѣрами. Всѣмъ извѣстно то тягостное впечатлѣніе, которое въ свое время произвело на Европу, обоснованное на разныхъ точныхъ исчисленіяхъ, предсказаніе Мальтуса о неизбѣжномъ постепенномъ повышеніи цѣнъ на главнѣйшіе жизненные продукты. Возможныя практическія послѣдствія закона Мальтуса привели Европу чуть ли не въ ужасъ. Чтобы предотвратить ихъ, почтенный экономистъ рекомендовалъ даже принять мѣры для борьбы съ черезчуръ быстрымъ размноженіемъ рода человѣческаго на европейскомъ континентѣ. Но, вотъ, прошло менѣе столѣтія, и цѣны на жизненные продукты обнаружили явное нежеланіе повиноваться закону Мальтуса. Вмѣсто ожидавшагося повышенія, онѣ начали быстро понижаться. Казалось бы, Европа должна была вздохнуть съ облегченіемъ и благословлять судьбу, предотвратившую неминуемое бѣдствіе. Вмѣсто этого, однако, Европа увидѣла бѣдствіе... въ удешевленіи жизненныхъ продуктовъ, и весьма энергично повела борьбу съ нимъ. Наиболѣе же пригоднымъ къ тому средствомъ явились таможенныя пошлины, при помощи которыхъ правительства большинства государствъ западной Европы поспѣшили оградить свое населеніе отъ вторженія дешевыхъ жизненныхъ продуктовъ. Когда въ Англіи, въ 1846 г., послѣ упорной борьбы, были отмѣнены таможенныя пошлины на привозный хлѣбъ, то врядъ ли

кто-либо изъ современниковъ допускалъ мысль, что къ концу вѣка эта крайне непопулярная мѣра, находящаяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами бѣднѣйшихъ классовъ населенія, найдетъ себѣ на континентѣ Европы почти общее примѣненіе. Между тѣмъ даже въ школьныхъ учебникахъ исторіи актъ 25 іюня 1845 г. разсматривается, для Англіи, въ качествѣ чего-то аналогичнаго съ нашимъ 19 февраля 1861 г. Дѣйствительно, и пошлины на привозный хлѣбъ въ Англіи, и крѣпостное право у насъ, одинаково представляли собою привилегіи поземельнаго дворянства, созданныя на счетъ другихъ группъ населенія. Въ настоящее время, однако, въ самой Англіи уже заходитъ рѣчь о необходимости возвратиться къ обложенію привознаго хлѣба таможенными пошлинами.

Съ другой стороны мы видимъ, что размѣры пользованія на континентѣ Европы такимъ средствомъ для борьбы съ удешевленіемъ жизненныхъ продуктовъ, какъ обложеніе пошлинами привозныхъ товаровъ этой категоріи, постоянно возростаютъ. Такъ, до 1879 г. хлѣбные продукты ввозились въ Германію безпошлинно. Въ этомъ же году на главнѣйшіе хлѣба была установлена пошлина въ одну марку со ста килограммовъ. Затѣмъ, въ настоящее время размѣръ пошлины составляетъ уже $3^1/_2$ марки. Наконецъ, почти нѣтъ сомнѣнія, что, съ истеченіемъ въ 1903 г. срока русско-германскаго торговаго договора, пошлины на хлѣба подвергнутся новому повышенію. Вопросъ заключается лишь въ размѣрахъ такого повышенія. Аналогичная картина наблюдается и во всѣхъ другихъ главнѣйшихъ государствахъ европейскаго континента. Только одна Великобританія остается до сихъ поръ вѣрной принципу свободной торговли и воздерживается отъ возвращенія къ обложенію пошлинами привознаго хлѣба, равно какъ и другихъ жизненныхъ продуктовъ.

Нужно сказать, что борьба съ удешевленіемъ хлѣба ведется отчасти и въ странахъ, для которыхъ этого рода продукты являются предметомъ экспорта, а не импорта. Въ нашемъ отечествѣ, напримѣръ, уже много лѣтъ тому назадъ сгруппировалась партія своего рода аграріевъ, усиленно доказывающихъ необходимость оградить центральныя губерніи отъ вторженія дешеваго хлѣба съ окраинъ. Въ этихъ цѣляхъ они пропагандируютъ нѣчто въ родѣ возстановленія блаженной памяти внутреннихъ таможенъ. Роль же пошлинъ должны выполнять въ данномъ случаѣ желѣзно-дорожные тарифы. По мнѣнію нашихъ аграріевъ, желѣзно-дорожные тарифы для окраиннаго хлѣба слѣдуетъ повысить до такого размѣра, при которомъ онъ не могъ бы появляться на внутреннихъ рынкахъ. Это требованіе отчасти нашло себѣ примѣненіе и на практикѣ. Наша тарифная система построена такъ, что она до нѣкоторой степени ограждаетъ сельскихъ хозяевъ

каждаго района отъ конкурренціи привознаго изъ другихъ районовъ хлѣба. Но въ особенно затруднительномъ положеніи съ данной точки зрѣнія мы оказались послѣ сооруженія сибирской дороги. Въ постройкѣ этой дороги наши аграріи увидѣли уже чуть ли не спеціально направленный противъ нихъ заговоръ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, подъ вліяніемъ ихъ жалобъ и требованій, началось изысканіе всевозможныхъ мѣръ, чтобы дешевый сибирскій хлѣбъ и другіе земледѣльческіе ея продукты не попадали на рынокъ европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли Челябинскъ объявленъ границей для хлѣбныхъ грузовъ, и въ этомъ пунктѣ установленъ такъ называемый „переломъ". Сущность подобнаго рода мѣры заключается въ томъ, что для грузовъ, слѣдующихъ изъ-за Челябинска въ Европейскую Россію не примѣняется общій принципъ, въ силу котораго пудо-верстная плата за провозъ понижается соотвѣтственно увеличенію разстоянія, проходимаго грузомъ. Но требованія нашихъ аграріевъ въ данномъ направленіи идутъ гораздо дальше. Они настаиваютъ на полной отмѣнѣ дифференціальныхъ хлѣбныхъ тарифовъ, дающихъ возможность производителямъ отдаленныхъ районовъ принять участіе въ снабженіи рынковъ хлѣбомъ. Точно также въ лицѣ ихъ мы видимъ энергичныхъ противниковъ самаго сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ рынки съ окраинами и облегчающихъ полученіе оттуда сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Очевидно, что отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія или повышеніе платы за пользованіе ими здѣсь должно выполнять задачу, однородную съ тою, которую въ странахъ, импортирующихъ хлѣбъ, выполняютъ таможенныя пошлины.

Какія же причины лежать въ основѣ столь враждебнаго отношенія къ дешевому хлѣбу и что̀ вызвало самое его удешевленіе? Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія очень распространенное мнѣніе, что обложеніе привознаго хлѣба таможенными пошлинами представляетъ собою лишь разновидность того протекціонизма, который находитъ себѣ у насъ столь широкое примѣненіе по отношенію къ фабрично-заводской промышленности. Съ данной точки зрѣнія, весьма поучительный интересъ представляетъ изслѣдованіе нѣмецкаго экономиста-оффиціоза, А. Бухенбергера („Основные вопросы сельско-хозяйственной экономіи и политики". Перев. съ нѣм. Гурьева. Спб. 1901 г.). По мнѣнію А. Бухенбергера, задача установленія таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты сводится къ тому, чтобы „укрѣпить внутреннее производство, подрываемое иностранной конкурренціей, и современемъ поднять его на уровень конкуррирующаго иностраннаго производства". Дѣйствительно, на этомъ именно принципѣ основано и наше таможенное покровительство фабрично-заводской промышленности. Не слѣдуетъ,

однако, забывать, что между положеніемъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи и положеніемъ земледѣльческой промышленности въ государствахъ западной Европы существуетъ весьма крупная разница. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ промышленностью только-что возникающею, насаждаемою. Уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства, техника ея ниже, а издержки производства выше, чѣмъ въ странахъ, гдѣ фабрично-заводская промышленность возникла ранѣе. Успѣвшая окрѣпнуть, пріобрѣвшая техническую и торговую опытность, промышленность государствъ западной Европы легко, конечно, справляется, при свободной конкурренціи, со своими юными соперниками. На помощь послѣднимъ и приходитъ протекціонная политика. Здѣсь можно говорить о протекціонизмѣ, какъ средствѣ поднять протежируемое производство „на уровень конкуррирующаго иностраннаго производства". Умѣренно-разумный протекціонизмъ, какъ одна изъ формъ содѣйствія возникновенію новыхъ отраслей промышленности и развитію ихъ, не отрицается и тѣми экономистами, которые въ принципѣ стоятъ за свободу международной торговли. Такъ, по мнѣнію Ад. Смита, при помощи покровительственныхъ пошлинъ „отдѣльныя мануфактуры могутъ развиваться быстрѣе, нежели это могло бы быть иначе; а черезъ нѣсколько времени ихъ издѣлія могутъ обходиться странѣ такъ же дешево или даже дешевле, чѣмъ заграничныя". Еще опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ высказывается Дж. Ст. Милль. „Причиною превосходства одной страны надъ другою въ какой-либо отрасли производства часто бываетъ,—говоритъ онъ,— только то обстоятельство, что въ ней она возникла раньше". „Но,—продолжаетъ Милль,—невозможно ожидать, чтобы отдѣльныя лица рѣшились на свой рискъ или, скорѣе, при увѣренности въ нѣкоторомъ убыткѣ, ввести новое мануфактурное производство и нести всю тяжесть убытковъ на себѣ... Покровительственныя пошлины, *на нѣкоторый соотвѣтствующій срокъ*, нерѣдко будутъ для страны наименѣе неудобнымъ способомъ обложенія населенія особымъ налогомъ въ видахъ оказанія поддержки подобнаго рода попыткамъ". (И. Янжулъ, „Англійская свободная торговля", Москва, 1882 г.). Само собою разумѣется, что, при пользованіи протекціонной политикой, слѣдуетъ твердо памятовать какъ латинское изреченіе—est modus in rebus, такъ и русскую поговорку о дуракахъ, которые, научившись молиться, готовы себѣ лобъ расшибить.

Очевидно, однако, что приведенное выше опредѣленіе протекціонизма и его задачъ въ народно-хозяйственной политикѣ совершенно непримѣнимо къ обложенію въ странахъ западной Европы пошлинами привознаго хлѣба. Неужели А. Бухенбергеръ серьезно желалъ бы поднять въ своемъ отечествѣ производство сельско-хозяйственныхъ про-

дуктовъ „на уровень" конкуррирующаго съ ними производства такихъ продуктовъ въ Россіи или даже въ Америкѣ? Неужели въ данномъ отношеніи Россія и Америка являются опасными соперниками Германіи вслѣдствіе того, что въ первыхъ двухъ странахъ земледѣльческая культура возникла ранѣе и находится на высшемъ уровнѣ? На самомъ дѣлѣ здѣсь наблюдается нѣчто какъ разъ обратное. Техника земледѣльческаго промысла въ странахъ западной Европы много выше, чѣмъ въ странахъ, отъ конкурренціи которыхъ имъ приходится защищаться. Для иллюстраціи этого достаточно сослаться на данныя объ урожайности въ отдѣльныхъ странахъ, въ періодъ признанія правительствами западной Европы необходимости оказать таможенное покровительство сельскому хозяйству. Такъ, для пшеницы средній урожай съ гектара земли, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, составлялъ: въ Великобританіи—28, въ Бельгіи—22, въ Швеціи и Франціи—18, въ Германіи—17, въ Австріи—14, въ Соединенныхъ Штатахъ—11 и въ Россіи—8 („Меліораціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ". Изслѣдованіе И. С. Бліоха, Спб. 1890 г.). Дѣйствительно, въ отношеніи земледѣльческой техники всѣ конкурренты западной Европы по снабженію населенія земледѣльческими продуктами являются ея учениками, продолжая оставаться въ роли таковыхъ и до сихъ поръ.

Очевидно такимъ образомъ, что задачи таможенной покровительственной политики, примѣняемой у насъ по отношенію къ заводско-фабричной промышленности, не могутъ быть тождественными съ задачами той же политики, когда она примѣняется къ земледѣльческой промышленности въ странахъ западной Европы. Одинаково различны и причины, вызвавшія самое ея примѣненіе.

Если попытка Бухенбергера отождествить пошлины на хлѣбъ, устанавливаемыя теперь въ западной Европѣ, съ таможеннымъ покровительствомъ, которое оказывается въ земледѣльческихъ странахъ обрабатывающей промышленности, должна быть признана явно несостоятельной, то съ указаніями его на причины, вызвавшія самое паденіе цѣнъ на нѣкоторые сельско-хозяйственные продукты, нельзя не согласиться. Изъ обозрѣнія же причинъ сдѣлаются понятными и задачи, преслѣдуемыя такъ называемымъ сельско-хозяйственнымъ протекціонизмомъ. Подобно большинству другихъ экономистовъ, главнымъ факторомъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ Бухенбергеръ справедливо считаетъ улучшеніе транспортнаго дѣла и обусловленное имъ пониженіе издержекъ провоза, въ особенности по воднымъ путямъ. Для иллюстраціи рѣшающаго значенія этого фактора приведемъ слѣдующій примѣръ. Доставка хлѣба водою изъ Чикаго въ Гамбургъ обходится теперь приблизительно въ 20 марокъ за тонну. Такая плата соотвѣт-

ствуетъ желѣзно-дорожному тарифу въ Германіи для разстоянія въ 400 километровъ, тогда какъ Чикаго отстоитъ отъ Гамбурга на разстояніи 10.000 километровъ. Въ результатѣ сельскіе хозяева обѣихъ этихъ группъ какъ бы оказались въ одинаковыхъ условіяхъ въ отношеніи снабженія европейскихъ рынковъ хлѣбомъ. Огромное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло прорытіе Суэзскаго канала, сократившаго разстояніе между Европой и заокеанскими странами. Затѣмъ, замѣна парусныхъ судовъ паровыми и деревянныхъ—желѣзными, съ чрезвычайнымъ увеличеніемъ ихъ вмѣстимости, способствовала крупному пониженію фрахтовъ. Такъ, въ 1874 г. отъ Нью-Іорка до Лондона за тонну зерна брали 10 шилл., въ 1884 г.—4 шилл. и въ 1894 г.—2 шилл. Изъ Одессы туда же фрахтъ въ 1874 г. составлялъ около 40 шилл., въ 1884—15 шилл. и въ 1894—6 шил. Такимъ образомъ провозъ пуда зерна изъ Одессы въ Лондонъ, вмѣсто прежнихъ 40 к. съ пуда, стоитъ теперь около 6 к. Возможность сбыта хлѣба на самые отдаленные рынки, въ свою очередь, способствовала быстрому увеличенію сѣти желѣзныхъ дорогъ въ такихъ странахъ, какъ Америка, Россія, Индія и Австралія, а вслѣдствіе этого и привлеченію въ нихъ къ культурѣ огромныхъ плодородныхъ пространствъ. Желѣзнодорожные же тарифы, въ свою очередь, значительно понизились въ виду пониженія издержекъ по сооруженію рельсовыхъ путей.

Между тѣмъ новые поставщики хлѣба въ Европу, вслѣдствіе разныхъ преимуществъ, могутъ продавать свой продуктъ гораздо дешевле, сравнительно съ мѣстными производителями. Эти преимущества,—говоритъ Бухенбергеръ,—заключаются „въ незначительности капиталовъ, вложенныхъ въ землю, и дешевизнѣ обработки. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, главной странѣ хлѣбной конкурренціи, еще не такъ давно поселенцы могли пріобрѣтать государственныя земли за цѣну, скорѣе напоминающую пошлину за вводъ во владѣніе. Бо̀льшая часть полей, на которыхъ воздѣлываются тамъ пшеница и маисъ, въ теченіе многихъ лѣтъ къ ряду приносятъ тамъ хорошіе урожаи безъ всякаго удобренія. Ровная, свободная отъ камней и корней, почва американскихъ прерій даетъ возможность примѣнять въ самыхъ широкихъ размѣрахъ машины, сберегающія рабочую силу. Поэтому издержки производства хлѣба здѣсь гораздо ниже, чѣмъ въ старыхъ культурныхъ государствахъ, гдѣ, *вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на землю*, необходимости регулярнаго удобренія почвы, дороговизны рабочихъ рукъ и т. п., издержки производства обнаруживаютъ явную тенденцію къ повышенію"...

Не трудно видѣть, что въ нарисованной Бухенбергеромъ картинѣ условій конкурренціи между отдѣльными поставщиками хлѣба на международные рынки далеко не все соотвѣтствуетъ дѣйствитель-

ному положенію дѣла. Такъ, въ отношеніи размѣра заработной платы сельскіе хозяева западной Европы несомнѣнно находятся въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, сравнительно съ ихъ заокеанскими соперниками. Что касается расхода на удобреніе, то онъ покрывается для западной Европы высшими урожаями. Затѣмъ, примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи получило довольно слабое распространеніе. Въ общемъ едва ли издержки производства въ странахъ, ввозящихъ хлѣбъ въ западную Европу, много ниже, чѣмъ въ самой западной Европѣ. Съ другой же стороны, преимущества, въ этомъ отношеніи, странъ, ввозящихъ хлѣбъ, съ избыткомъ покрываются отдаленностью ихъ отъ рынковъ и разницей въ издержкахъ провоза. Несмотря на значительное пониженіе издержекъ провоза, преимущество хозяйствъ, ближайшихъ къ рынкамъ, все еще очень велико. Изъ нашихъ, напримѣръ, центральныхъ черноземныхъ губерній только доставка хлѣба въ одинъ изъ балтійскихъ портовъ обходится приблизительно въ 20 коп. съ пуда. Сюда нужно присоединить еще подвозъ къ станціи желѣзной дороги, портовые расходы, фрахтъ и издержки по провозу изъ иностраннаго порта на мѣсто потребленія. Все это вмѣстѣ составитъ не менѣе 30 к. съ пуда. Для мѣстнаго же сельскаго хозяина доставка хлѣба на рынокъ, въ среднемъ, не превыситъ 10 к. съ пуда. Такимъ образомъ въ его пользу остается разница въ 20 к., болѣе чѣмъ достаточная для покрытія преимуществъ иностранныхъ конкуррентовъ, ввозящихъ хлѣбъ. Между тѣмъ нашъ центральный черноземный районъ по отношенію къ Германіи является ближайшимъ конкуррентомъ. Всѣ прочіе находятся въ еще худшихъ условіяхъ.

Но изъ перечисленныхъ Бухенбергеромъ условій конкурренціи мы не приняли во вниманіе пока одного, которое въ данномъ случаѣ и имѣетъ рѣшающее значеніе. Это—„высокія цѣны на земли" въ западной Европѣ, сравнительно съ цѣнами на нихъ въ странахъ конкуррирующихъ. Чтó же по своей сущности представляютъ собою „высокія цѣны на земли", и почему онѣ въ западной Европѣ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ?

Мы не будемъ здѣсь заниматься подробнымъ анализомъ такого фактора производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ цѣнность земли. Достаточно сказать, что относительная цѣнность ея въ разныхъ районахъ является результатомъ тѣхъ или другихъ преимуществъ отдѣльныхъ участковъ съ точки зрѣнія ихъ доходоспособности. Однимъ же изъ главнѣйшихъ такихъ преимуществъ слѣдуетъ признать близость участка къ рынку сбыта тѣхъ продуктовъ, для производства которыхъ онъ служитъ. Естественно также, что чѣмъ менѣе совершенны пути сообщенія, чѣмъ выше транспортные расходы, тѣмъ близость къ рынку имѣетъ болѣе важное значеніе и тѣмъ выше она

учитывается при расцѣнкѣ земли. Съ другой же стороны, по мѣрѣ пониженія транспортныхъ расходовъ понижается и значеніе такого преимущества, какъ близость земли къ рынку. Неудивительно, что отмѣченный нами выше переворотъ въ транспортномъ дѣлѣ долженъ былъ вызвать соотвѣтственный переворотъ и въ движеніи цѣнъ на земли. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны выводы, къ которымъ пришла учрежденная у насъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора фонъ-Плеве, для выясненія причинъ паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. „Постоянный ростъ населенія въ западной Европѣ,—говорится въ трудахъ этой коммиссіи,—увеличивалъ спросъ на хлѣбъ и, слѣдовательно, спросъ на землю. Гдѣ населеніе оказывалось гуще, тамъ выше были цѣны на хлѣбъ, тамъ и земля цѣнилась выше. По этой формулѣ сложились сельско-хозяйственныя отношенія въ западной Европѣ. Ею же объясняется первоначальное соотношеніе европейскихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Страны съ рѣдкимъ населеніемъ, какъ Россія, всегда находили въ большой дороговизнѣ западно-европейской земли источникъ не только для покрытія издержекъ доставки туда продуктовъ своей дешевой земли, но и для значительной прибыли. Въ то же время хлѣбъ этихъ странъ не приходилъ въ такомъ количествѣ и съ такою регулярностью, чтобы понижать мѣстныя цѣны, а потому соперничество проявлялось съ гораздо большей силой на сторонѣ покупателей хлѣба, чѣмъ продавцовъ, и *земля являлась монопольнымъ богатствомъ, значеніе котораго росло по мѣрѣ роста населенія и развитія обрабатывающей промышленности*". („Докладъ предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 г. коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія". Спб., 1892 г.).

Но улучшеніе транспортнаго дѣла ворвалось въ сельско-хозяйственную жизнь западной Европы совершенно непрошеннымъ и очень непріятнымъ для землевладѣльцевъ ея гостемъ. „Усовершенствованные пути сообщенія,—читаемъ мы далѣе въ отчетѣ той же коммиссіи,—приблизили къ европейскимъ потребительнымъ рынкамъ новую огромную площадь плодородной земли. На всемірномъ рынкѣ развилась конкурренція между продуктами старой европейской, дорого оцѣненной, земли и продуктами новыхъ земель, большею частью первобытныхъ, оцѣнивающихся при новыхъ экономическихъ условіяхъ". Въ результатѣ „быстрый ростъ предложенія хлѣба на всемірномъ рынкѣ былъ вызванъ увеличеніемъ предложенія земли", что̀, въ свою очередь, явилось результатомъ пониженія издержекъ транспорта. Въ соотвѣтствіи же съ такимъ пониженіемъ этихъ издержекъ должна была понизиться доходоспособность старыхъ европейскихъ земель, а слѣдовательно, и ихъ цѣнность.

Другими словами—весь вопросъ сводится къ тому, что земля въ западной Европѣ перестала давать, въ качествѣ извѣстнаго вида собственности, прежній высокій доходъ, обусловливавшійся ея преимуществами передъ болѣе отдаленными землями. Взамѣнъ этого наблюдается повышеніе цѣнъ на земли отдаленныя и усиливающееся привлеченіе ихъ къ эксплоатаціи. Уменьшеніе разницы въ издержкахъ по доставкѣ продуктовъ къ рынкамъ сбыта съ земель обѣихъ категорій соотвѣтственно уменьшило и разницу въ ихъ расцѣнкѣ.

Въ паденіи доходности земель, а отсюда и цѣнъ на нихъ, заключается и сущность сельско-хозяйственнаго кризиса, переживаемаго теперь западной Европой. „Именно такой глубокій характеръ,—говорится по этому поводу въ заключеніи коммиссіи фонъ-Плеве—имѣетъ кризисъ послѣдняго десятилѣтія въ Европѣ, гдѣ *монополія земли, подготовленная вѣками, расшатана соперничествомъ обильныхъ и дешевыхъ заокеанскихъ земель*"... Къ тому же пришли и западно-европейскіе экономисты. Такъ, по мнѣнію французскаго изслѣдователя Рислера, „настоящій кризисъ долженъ быть признанъ гораздо болѣе *кризисомъ собственности, кризисомъ земельной ренты*, нежели земледѣльческимъ кризисомъ". Поэтому „никакія реформы не могутъ устранить знаменательнаго явленія, что рента теряетъ часть избытка, пріобрѣтеннаго за послѣднія 50 лѣтъ". (Risler, „Le crise agricole en France et en Angleterre". 1887 г.).

Справедливость приведенной выше характеристики переживаемаго теперь въ западной Европѣ сельско-хозяйственнаго кризиса подтверждается и Бухенбергеромъ съ той весьма любопытной стороны, что мелкія крестьянскія хозяйства въ Германіи не ощущаютъ на себѣ губительнаго дѣйствія кризиса. Кризисъ, — замѣчаетъ онъ,—„*всего сильнѣе сказывается на крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ, и дѣйствіе его теряетъ свою интенсивность съ уменьшеніемъ размѣровъ хозяйства, совершенно стушевываясь на самыхъ низшихъ ступеняхъ*". Это станетъ и совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что главную часть дохода для крупныхъ сельскихъ хозяевъ составляетъ рента, а для мелкихъ—личный трудъ или доходъ отъ самаго предпріятія. Вмѣстѣ же съ ними, при паденіи цѣнъ на землю, положеніе мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже улучшается, такъ какъ и для найма, и для покупки ея требуются менѣе значительныя оборотныя средства. Для иллюстраціи Бухенбергеръ приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что „кризисъ" оставляетъ замѣтные слѣды только въ районахъ преобладающаго крупнаго землевладѣнія, тогда какъ въ районахъ съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ все обстоитъ благополучно. „Это положеніе, —говоритъ Бухенбергеръ,—о большей устойчивости крестьянскихъ хо-

зяйствъ и хозяйствъ средняго размѣра, сравнительно съ крупными, противорѣчитъ, конечно, ходячимъ взглядамъ, будто именно крестьянскому сословію грозитъ особенная опасность, если не гибель". Косвеннымъ же образомъ, наблюденія Бухенбергера, повторяемъ, подтверждаютъ, что западная Европа, дѣйствительно, имѣетъ дѣло съ *кризисомъ землевладѣльческимъ, а не земледѣльческимъ.*

Если мы остановимся на отдѣльныхъ результатахъ измѣнившихся условій снабженія хлѣбомъ западно-европейскихъ рынковъ, то увидимъ, что они также лишь подтверждаютъ справедливость сдѣланныхъ выше выводовъ о дѣйствительномъ характерѣ созданнаго этимъ факторомъ сельско-хозяйственнаго кризиса. Въ данномъ случаѣ прежде всего весьма поучительный интересъ представляетъ исторія движенія хлѣбныхъ цѣнъ на главнѣйшихъ рынкахъ западной Европы. Естественно, что въ общемъ такое движеніе должно представлять собою постепенное ихъ пониженіе. Такъ, по изслѣдованію Зауэрбека относительно лондонскаго рынка, замѣтное и почти безпрерывное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ наблюдается здѣсь съ половины семидесятыхъ годовъ; пріостановилось же оно только на половинѣ 90-хъ годовъ. Это движеніе цѣнъ для пшеницы Зауэрбекъ изображаетъ въ видѣ слѣдующей скалы:

1867—1877 г.	100 проц.	1886 г.	57 проц.
1878 „	84 „	1887 „	60 „
1879 „	80 „	1888 „	58 „
1880 „	81 „	1889 „	55 „
1881 „	83 „	1890 „	58 „
1882 „	83 „	1891 „	68 „
1883 „	76 „	1892 „	56 „
1884 „	65 „	1893 „	48 „
1885 „	60 „	1894 „	42 „

Такимъ образомъ, въ періодъ съ 1877 по 1894 г. пшеница на лондонскомъ рынкѣ потеряла болѣе половины своей цѣны. 1894 годъ въ этомъ отношеніи явился кульминаціоннымъ пунктомъ понижательнаго движенія цѣнъ, и къ 1895 г. онѣ составляли до 43 проц., а къ 1896 г. до 48 проц. средней цѣны, стоявшей въ періодъ 1867—1877 гг. Около же этого уровня онѣ колебались и въ послѣдніе годы. Приблизительно то же наблюдается и въ отношеніи цѣнъ на другіе виды зерновыхъ хлѣбовъ.

Само собою разумѣется, что понижательное движеніе цѣнъ на рынкахъ западной Европы имѣетъ далеко не одинаковое значеніе для хозяйствъ, находящихся въ различныхъ районахъ и въ различ-

ныхъ экономическихъ условіяхъ. Часто наблюдающееся признаніе однородности этого значенія для всѣхъ хозяйствъ является крупной ошибкой. Надо принять во вниманіе, что лондонскія цѣны должны возмѣщать не только издержки производства хлѣба, но и издержки по его провозу отъ мѣстъ производства. Поэтому, движеніе цѣнъ на мѣстахъ производства и на мѣстахъ сбыта далеко не представляется тождественнымъ. Извѣстно, что улучшеніе путей сообщенія одновременно усиливаетъ передвиженіе продуктовъ въ пунктахъ ихъ потребленія и усиливаетъ спросъ на тѣ же продукты въ пунктахъ ихъ производства. Такимъ образомъ и движеніе цѣнъ на товары въ этихъ пунктахъ можетъ, подъ вліяніемъ улучшенія путей сообщенія, принять какъ разъ противоположный характеръ, что̀ въ дѣйствительности очень часто бываетъ. Вотъ почему, повторяемъ, является крупной ошибкой, когда наши симбирскіе сельскіе хозяева ссылаются на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ Лондонѣ, какъ на свидѣтельство ухудшившагося ихъ положенія. Если хлѣбныя цѣны въ Лондонѣ упали на 50 проц., то изъ этого не слѣдуетъ, что въ такой же мѣрѣ понизилась выручка симбирскаго производителя отъ продажи имъ своего хлѣба. Пониженіе лондонскихъ цѣнъ въ извѣстной и очень значительной части несомнѣнно должно быть отнесено на счетъ пониженія издержекъ транспорта, а не выручки производителя.

Такъ, цѣны на пшеницу въ Лондонѣ съ 1877 по 1881 гг., какъ мы видѣли, упали на 17 проц., а въ Одессѣ за тотъ же періодъ онѣ повысились съ 7 руб. зол. за четверть до 12 руб. 47 коп. („Труды коммиссіи при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ“. Спб. 1886 г.). Если въ послѣдующее время и у насъ наблюдается паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, то, во-первыхъ, размѣръ такого паденія значительно ниже, чѣмъ въ западной Европѣ, а затѣмъ нѣкоторая часть его, въ свою очередь, должна быть отнесена на счетъ сокращенія издержекъ транспорта отъ мѣста производства къ главнѣйшимъ рынкамъ и къ экспортнымъ пунктамъ. Къ сожалѣнію, данныя о цѣнахъ на хлѣба̀, весьма неточныя, имѣются у насъ только для послѣднихъ; въ отношеніи же мѣста производства хлѣба они совершенно отсутствуютъ. Вслѣдствіе этого нѣтъ возможности составить себѣ и точнаго представленія объ относительномъ движеніи цѣнъ на хлѣбъ въ мѣстахъ его производства и въ мѣстахъ конечнаго сбыта.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ полной мѣрѣ отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ на западно-европейскихъ рынкахъ пострадали лишь производители, находящіеся въ непосредственной близости къ этимъ рынкамъ. Производители же болѣе отдаленныхъ районовъ либо выиграли, либо пострадали въ гораздо меньшей мѣрѣ. Наглядно

это выразилось въ движеніи цѣнъ на земельную собственность, которыя повысились въ районахъ, какъ бы приблизившихся къ рынкамъ сбыта, и упали въ районахъ, близость которыхъ къ нимъ утратила часть прежнихъ выгодъ. Такъ, въ Великобританіи, по даннымъ, собраннымъ коммиссіею фонъ-Плеве, земельная рента и цѣны на земли въ двадцатилѣтіе съ 1869 по 1888 гг. упали отъ 10 до 50 проц. На континентѣ эта тенденція не могла проявиться во всемъ объемѣ вслѣдствіе одновременнаго установленія таможенныхъ пошлинъ на привозный хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе, во Франціи, въ тотъ же періодъ, это пониженіе достигало 25 проц. То же самое наблюдается, по свидѣтельству Бухенбергера, и въ Германіи, причемъ въ районахъ крупнаго землевладѣнія паденіе цѣнъ на землю превысило даже 50 проц. Совершенно противоположная картина наблюдается у насъ въ Россіи, гдѣ съ шестидесятыхъ годовъ по конецъ восьмидесятыхъ наблюдалось чрезвычайно быстрое и рѣзкое повышеніе земельныхъ цѣнъ. При этомъ оно явилось тѣмъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ менѣе данный районъ, при своихъ высокихъ производительныхъ средствахъ, принималъ ранѣе участіе въ снабженіи рынковъ хлѣбомъ, благодаря отсутствію удобныхъ путей сообщенія. Такъ, для всей черноземной Россіи повышеніе земельныхъ цѣнъ составило съ 1862 по 1887 гг. 173 проц. Въ частности же, въ центральныхъ черноземныхъ районахъ оно нѣсколько ниже этого средняго—126 проц., а для южныхъ степныхъ—очень значительно выше—282 проц. („Цѣны на землю въ Европейской Россіи по продажамъ, состоявшимся въ 1882 и 1887 годахъ". Изд. м-ва госуд. им., Спб. 1891 г.). Однородное движеніе цѣнъ наблюдалось въ Америкѣ, Индіи и другихъ странахъ, для земледѣльческой промышленности которыхъ открылись новые рынки сбыта.

Точно также далеко не тождественные результаты получились и для хозяйствъ различныхъ категорій въ районахъ, непосредственно прилегающихъ къ западно-европейскимъ рынкамъ сбыта. Какъ мы уже видѣли, здѣсь преимущественно пострадали крупные землевладѣльцы, для которыхъ главнѣйшимъ источникомъ дохода служитъ земельная рента. Пониженіе ея имѣетъ тѣмъ болѣе неблагопріятное значеніе, что этотъ источникъ дохода оказался уже во многихъ случаяхъ капитализированнымъ и растраченнымъ, въ видѣ полученныхъ отъ банковъ подъ земли ссудъ. Вытекающія отсюда затрудненія явились главнымъ предметомъ обсужденія на бывшей въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ Берлинѣ, аграрной конференціи. Въ этой конференціи приняли участіе такіе выдающіеся экономисты-практики, какъ Микель, Шмоллеръ и Тиль. Всѣ они указывали на тотъ фактъ, что высокая задолженность, сопровождаемая паденіемъ ренты, ставитъ германское землевладѣніе въ почти безвыходное положеніе. Съ тридцатыхъ до по-

ловины семидесятыхъ годовъ,—замѣтилъ Шмоллеръ,—цѣны на землю въ Германіи возросли на 200, 300, мѣстами даже на 400 и 500 проц. Пока длилось это возростаніе земельныхъ цѣнъ, можно было надѣлять наслѣдниковъ путемъ залога имѣній и покупать новыя имѣнія, съ незначительной доплатой. Благодаря быстрому росту ренты, обремененное долгомъ имѣніе скоро становилось на ноги. Но времена измѣнились, рента начала понижаться, и теперь этотъ источникъ часто не покрываетъ даже взимаемыхъ по ипотечной ссудѣ ежегодныхъ платежей. „Несомнѣнно,—говоритъ съ своей стороны Микель,—мы переживаемъ положеніе, при которомъ большинство землевладѣльцевъ должно было бы быть объявленнымъ банкротами, и только случайныя обстоятельства отодвигаютъ крахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Микель, Шмоллеръ и Тиль указывали на опасность дальнѣйшаго широкаго пользованія услугами ипотечныхъ банковъ для временнаго выхода землевладѣльцевъ изъ затрудненій, созданныхъ паденіемъ ренты. Микель иронически называетъ собственность задолженныхъ землевладѣльцевъ „nuda proprietas" и требуетъ ограниченія допускаемой теперь свободы въ дѣлѣ пользованія кредитомъ подъ залогъ земель. За осуществленіе такой мѣры высказался и Тиль. „Я не могу согласиться,—замѣтилъ онъ,—что ограниченіе свободы въ правѣ обременять землю долгами обратитъ землевладѣніе въ монополію сыновей богатыхъ городскихъ банкировъ. Но еслибы даже богатые горожане покупали землю и сдавали ее въ аренду нынѣшнимъ номинальнымъ землевладѣльцамъ, то я предпочелъ бы такое положеніе нынѣшнему, при которомъ дѣйствительный владѣлецъ, живущій въ городѣ и числящійся только ипотечнымъ кредиторомъ, извлекаетъ изъ собственности всѣ выгоды и пользуется прочнымъ доходомъ, не подвергаясь никакому риску. Было бы гораздо лучше, еслибы городской банкиръ превратился въ дѣйствительнаго владѣльца, а нынѣшній номинальный собственникъ—въ арендатора. Онъ могъ бы тогда измѣнять арендную плату въ зависимости отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ шансовъ и конъюнктуръ, получая отъ земли больше, чѣмъ получаетъ теперь"... (Цитируемъ по отчету „Русскихъ Вѣдомостей").

Преимущества мелкихъ сельскихъ хозяевъ, даже ведущихъ хозяйство на собственной землѣ, заключаются въ томъ, что рента въ ихъ бюджетѣ не играетъ существенной роли и имъ не приходится расплачиваться за ссуды, взятыя раньше подъ этотъ понижающійся доходъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что мелкое хозяйство, вопреки распространенному у насъ мнѣнію, является болѣе интенсивнымъ, сравнительно съ крупнымъ. Мы имѣемъ въ виду здѣсь не сравнительное положеніе отдѣльныхъ его отраслей, а общую постановку. Въ мелкихъ хозяйствахъ, въ качествѣ источниковъ дохода, на первомъ

планѣ находятся высшія культуры — животноводство, огородничество, садоводство, птицеводство, молочное хозяйство. Зерна эти хозяйства не только не продаютъ, но даже покупаютъ для собственнаго продовольствія и на кормъ скоту. Между тѣмъ, паденіе цѣнъ коснулось преимущественно зерновыхъ продуктовъ, тогда какъ продукты высшихъ культуръ, не выдерживая или плохо выдерживая дальнюю перевозку, даже вздорожали. Въ данномъ случаѣ, крупныя хозяйства какъ бы подчиняются общей тенденціи крупныхъ предпріятій заниматься массовымъ производствомъ однороднаго продукта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крупное предпріятіе очень трудно приспособить къ выгодному въ сельскомъ хозяйствѣ соединенію производства разнородныхъ продуктовъ. Быстрый же ростъ въ Германіи промышленныхъ и городскихъ центровъ создалъ чрезвычайно благопріятную почву для перехода отъ полеводства къ спеціальнымъ отраслямъ хозяйства. „Большая устойчивость мелкихъ и среднихъ хозяйствъ въ борьбѣ съ кризисомъ,—говоритъ по этому поводу Бухенбергеръ, — объясняется одностороннею хлѣбною культурою, свойственною крупному хозяйству, въ отличіе отъ разнообразія культуры мелкихъ хозяйствъ, въ которыхъ, повидимому, успѣхъ всего дѣла не ставится на карту одного хлѣбнаго производства. Вотъ почему,—заключаетъ онъ,—новѣйшая эволюція въ земледѣльческой промышленности Германіи совершается такъ, что не мелкія и среднія хозяйства поглощаются крупными, а напротивъ, крупныя хозяйства и владѣнія дробятся, давая начала новымъ малой и средней величины“.

Къ аналогичнымъ выводамъ о большей жизнеспособности мелкихъ хозяйствъ, сравнительно съ крупными, приходитъ и другой извѣстный германскій спеціалистъ въ области сельско-хозяйственной экономіи, І. Конрадъ. „Общепризнано,—говоритъ онъ,—что угнетенное состояніе сельскаго хозяйства гораздо замѣтнѣе въ большихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ мелкихъ. Этимъ объясняется большой успѣхъ закона о рентныхъ имѣніяхъ (Rentengutsgesetz). Въ случаяхъ, когда не можетъ существовать одно крупное имѣніе, образовавшіяся изъ него три, пять, десять крестьянскихъ имѣній даютъ приличный чистый доходъ“. Причину такого преимущества мелкаго хозяйства І. Конрадъ, въ свою очередь, видитъ въ его большей интенсивности, причемъ зерновое хозяйство, въ качествѣ источника дохода, отступаетъ на второй планъ, а на первый—выдвигаются продукты разныхъ спеціальныхъ культуръ. Въ отношеніи скотоводства справедливость этого положенія наглядно подтверждается и точными статистическими данными. Такъ, изъ переписи 1895 г. видно, что на 1000 гектаровъ земли въ мелкихъ хозяйствахъ (отъ 2 до 100 гект.) приходится 598 головъ рогатаго скота и 402 штуки свиней, а въ крупныхъ хозяйствахъ первыхъ—250 и

вторыхъ — 113. (I. Конрадъ, „Положеніе сельско-хозяйственныхъ пошлинъ въ предстоящихъ торговыхъ договорахъ Германіи 1903 г.“. Переводъ А. Н. Ацыферова. Москва, 1901 г.).

Такимъ образомъ, наблюдающееся теперь почти во всѣхъ странахъ континентальной западной Европы обложеніе высокими пошлинами привознаго хлѣба не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемымъ протекціонизмомъ, цѣлью котораго является защита молодыхъ, неокрѣпшихъ отраслей промышленности въ ихъ борьбѣ на отечественномъ рынкѣ съ болѣе старыми и опытными иностранными соперниками. Въ данномъ случаѣ, задача пошлинъ заключается лишь въ томъ, чтобы парализировать вліяніе измѣнившихся условій снабженія хлѣбомъ западно-европейскихъ рынковъ. Это измѣненіе, какъ мы уже говорили, выразилось, главнымъ образомъ, въ весьма значительномъ пониженіи транспортныхъ расходовъ, соотвѣтственно чему уменьшились преимущества лежащихъ ближе къ рынкамъ земель. Дѣйствію этого фактора и противопоставлены таможенныя пошлины на хлѣбъ. При обсужденіи вопроса о значеніи сельско-хозяйственнаго протекціонизма, не слѣдуетъ забывать, что усиленію производства земледѣльческихъ продуктовъ въ каждомъ данномъ районѣ поставлены извѣстныя границы. Съ этой точки зрѣнія, прежде всего необходимо считаться съ ограниченностью самой площади земли, безъ участія которой производство ихъ пока невозможно. Въ результатѣ отъ таможенныхъ пошлинъ не столько выигрываетъ производство, сколько доходность земель, которая повышается или, по крайней мѣрѣ, не понижается. „Между вліяніемъ пошлины на сельское хозяйство и на индустрію, —замѣчаетъ по этому поводу I. Конрадъ,—оказывается весьма важное и коренное различіе. Если та или другая отрасль промышленности обезпечена высокими барышами, то это ведетъ къ расширенію производства старыми фабриками и устройству новыхъ. Иное дѣло въ сельскомъ хозяйствѣ. Достигнутое наложеніемъ пошлины повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ влечетъ за собою параллельное повышеніе цѣнности земли и арендной за нее платы. Вслѣдствіе этого новый покупщикъ или арендаторъ, уплатившіе за землю высшую сумму, уже не извлекаютъ изъ пошлинъ никакихъ выгодъ“.

Какое же вліяніе оказываютъ хлѣбныя пошлины на самый земледѣльческій промыселъ? Онѣ безусловно усиливаютъ интенсивность культуры. Такъ, урожайность пшеницы въ 1887—1891 гг. въ Германіи составляла 86 пуд. съ десятины, а въ 1895—1900 гг.— 115 пуд. Урожайность ячменя за тотъ же періодъ повысилась съ 87 пуд. до 113 пуд. и такъ далѣе. Но въ основѣ этого усиленія

интенсивности лежитъ не пониженіе издержекъ производства единицы продукта, а ихъ повышеніе. Интенсивная культура въ данномъ случаѣ вызывается лишь высокимъ вознагражденіемъ за пользованіе землей. Чѣмъ арендныя цѣны на земли выше, тѣмъ сильнѣе проявляется стремленіе выжать изъ единицы земельной площади возможно бóльшее количество продуктовъ, хотя бы и съ увеличеніемъ накладныхъ расходовъ, вызываемыхъ примѣненіемъ искусственнаго удобренія, и т. п. Но едва ли можно говорить о какихъ-либо заслугахъ сельско-хозяйственнаго протекціонизма, если подобная интенсивность ведетъ не къ удешевленію земледѣльческихъ продуктовъ, а къ ихъ вздорожанію. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ усиленіемъ производительности земли, но не труда. Вслѣдствіе этого производство хлѣба въ западной Европѣ съ ея интенсивной культурой обходится гораздо дороже, чѣмъ въ Россіи или Америкѣ при экстенсивной культурѣ. Вотъ почему въ обрабатывающей промышленности таможенныя пошлины защищаютъ менѣе совершенное производство отъ болѣе совершеннаго, въ земледѣльческой же промышленности наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Въ данномъ случаѣ высокая земледѣльческая культура служитъ не интересамъ населенія, а интересы эти приносятся въ жертву высокой культурѣ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ искусственное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ препятствуетъ переходу сельскихъ хозяевъ къ производству продуктовъ разныхъ спеціальныхъ культуръ. Несомнѣнно, что такія спеціальныя отрасли сельскаго хозяйства, какъ скотоводство, огородничество, садоводство, сдѣлали бы въ странахъ западной Европы гораздо бóльшіе успѣхи, еслибы при посредствѣ таможенныхъ пошлинъ не покровительствовалась зерновая культура. Съ этой точки зрѣнія протекціонизмъ нужно признать уже факторомъ сельско-хозяйственнаго застоя, а не прогресса.

Очевидно, что и отмѣна пошлинъ на хлѣбъ повела бы только къ паденію цѣнъ на земли и къ пониженію доходности отъ нея, а не къ упадку земледѣльческаго промысла. Объ этомъ наглядно можно судить по слѣдующему сопоставленію. Въ западной Германіи, по даннымъ I. Конрада, арендная цѣна за гектаръ пашни составляетъ 82 марки, или около 40 рублей за десятину. Если принять во вниманіе, что эта десятина даетъ до 100 пудовъ зерна, то окажется, что на пудъ зерна земельная рента ложится въ размѣрѣ 40 коп. Еслибы затѣмъ изъ цѣны хлѣба мы вычли пошлину въ 26 коп. на пудъ, то въ пользу собственника земли, все-таки, оставалось бы 14 коп. съ пуда, или до 14 руб. съ десятины. Германскій землевладѣлецъ не можетъ или не желаетъ ею довольствоваться. Хотя она выше, чѣмъ существующая у насъ даже въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, но, при необходимости внести въ банкъ съ каждой десятины

до 20 руб. ежегоднаго платежа по лежащему на имѣніи долгу, пониженіе дохода съ земли до 14 руб. съ десятины равносильно уже разоренію. Разорительное для землевладѣльца пониженіе ренты и земельныхъ цѣнъ является, конечно, факторомъ весьма благопріятнымъ для земледѣльца и земледѣлія. „Желательно,—замѣчаетъ I. Конрадъ,—чтобы средства производства были доступны сельскимъ хозяевамъ по возможно дешевой цѣнѣ, точно также какъ населеніе имѣетъ выгоду, если капиталъ доступенъ индустріи по низкому проценту, хотя собственники капитала находятъ вслѣдствіе этого убытки". Съ другой стороны, пошлины на хлѣбъ косвенно поддерживаютъ существованіе крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, которыя, какъ мы видѣли, являются преимущественно зерновыми. Такимъ образомъ задерживается замѣна ихъ мелкими хозяйствами, сопровождающаяся и дробленіемъ самой земельной собственности. Извѣстно же, что на одной и той же площади занято тѣмъ бòльшее число рукъ, чѣмъ мельче хозяйства, помѣщающіяся на ней. Слѣдовательно, при отсутствіи пошлинъ на хлѣбъ, земледѣльческій промыселъ давалъ бы заработокъ гораздо бòльшему числу лицъ, чѣмъ теперь.

„При паденіи цѣнности земли,—заключаетъ по этому поводу I. Конрадъ, сельско-хозяйственное населеніе не уменьшается, потому что паденіе цѣнности земли ведетъ за собою раздробленіе имѣній, слѣдовательно увеличеніе мелкихъ предпріятій, вслѣдствіе чего сельско-хозяйственное населеніе можетъ только возрости. Между тѣмъ повышеніе цѣнъ будетъ поддерживать большія имѣнія, опирающіяся на культуру зерноваго хлѣба, и не только не увеличитъ количества народа, живущаго сельскимъ хозяйствомъ, но, напротивъ, уменьшитъ его".

Одинаково мало убѣдительны и ссылки на необходимость искусственно поддерживать въ странѣ культуру зерна ради цѣлей политическихъ. На случай войны очень важно, говорятъ, чтобы страна была обезпечена собственнымъ хлѣбомъ. Но, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, усиленіе производства зерна въ Германіи, подъ вліяніемъ покровительственныхъ пошлинъ, отстаетъ даже отъ роста населенія. Вслѣдствіе этого ввозъ продолжаетъ увеличиваться. Такъ, за 20 лѣтъ (1880—1899 г.) ввозъ пшеницы увеличился на 840 тыс. тоннъ, ячменя—на 784 тыс. тоннъ, и только ввозъ ржи сократился на 170 тыс. тоннъ. Затѣмъ трудно представить себѣ, чтобы Германія могла сколько-нибудь продолжительное время вести войну со всѣми своими сосѣдями и оказаться совершенно отрѣзанною отъ своихъ поставщиковъ хлѣба.

Такимъ образомъ интересы государственной безопасности являются скорѣе предлогомъ, чѣмъ дѣйствительной причиной таможеннаго по-

кровительства сельскому хозяйству. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, оно нисколько не способствуетъ раціональному улучшенію сельскаго хозяйства, а лишь искусственно усиливаетъ производство зерновыхъ продуктовъ за счетъ расширенія спеціальныхъ отраслей хозяйства. Здѣсь, по выраженію I. Конрада, происходитъ „смѣшеніе интересовъ сельскаго хозяйства съ интересами поземельныхъ собственниковъ“. Еще въ бо̀льшемъ противорѣчіи находится сельско-хозяйственный протекціонизмъ съ интересами тѣхъ классовъ населенія, которые живутъ на счетъ другихъ промысловъ. Только въ видѣ пошлинъ на хлѣбъ въ пользу фиска населеніе Германіи уплачиваетъ ежегодно до 150 милл. марокъ. Затѣмъ сюда нужно присоединить переплаты за хлѣбъ внутренняго производства, цѣны на который, какъ показываетъ опытъ, повышаются почти на весь размѣръ пошлинъ. Этотъ, въ общемъ, весьма чувствительный налогъ уплачиваетъ населеніе въ 44 милл. человѣкъ въ пользу 6 милл. сельскихъ хозяевъ, имѣющихъ возможность продавать часть своего хлѣба. Съ другой стороны, сельско-хозяйственный протекціонизмъ, повышая стоимость содержанія рабочихъ и стоимость многихъ сырыхъ матеріаловъ, отзывается весьма невыгодно на условіяхъ конкурренціи на внѣшнихъ рынкахъ продуктовъ обрабатывающей промышленности съ продуктами другихъ странъ.

Но всѣ эти многочисленные интересы приносятся въ жертву домогательствамъ сравнительно небольшой, но политически вліятельной, группы крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Таможенныя пошлины на хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты смягчаютъ или вовсе устраняютъ неблагопріятныя для нихъ послѣдствія землевладѣльческаго кризиса, выражающагося въ паденіи доходности и цѣнности земли. Точно также, поддерживая доходность зерновой культуры, пошлины на хлѣбъ задерживаютъ дробленіе крупныхъ хозяйствъ на болѣе мелкія хозяйственныя единицы и связанное съ нимъ дробленіе поземельной собственности. Если Великобританія не послѣдовала примѣру другихъ странъ Европы, то это объясняется предусмотрительностью ея крупныхъ землевладѣльцевъ, своевременно перенесшихъ центръ тяжести своихъ матеріальныхъ интересовъ въ торгово-промышленныя предпріятія, во главѣ большинства которыхъ стоятъ самые родовитые лорды.

Сельско-хозяйственный протекціонизмъ, какъ мы видѣли, находитъ себѣ примѣненіе и по отношенію къ внутренней конкурренціи въ странахъ, экспортирующихъ хлѣбъ, причемъ сельскіе хозяева каждаго района стремятся затормозить подвозъ его изъ другихъ районовъ. Въ данномъ случаѣ также прежде всего выставляются на видъ якобы высшія издержки производства въ болѣе культурныхъ

районахъ. Но при этомъ оказывается, что такія высшія издержки обусловливаются главнымъ образомъ высшей арендной платой за землю. Землевладѣльцы же привыкли смотрѣть на нее какъ на естественное условіе производства, не подлежащее измѣненію. Появляется, напримѣръ, на внутреннихъ русскихъ рынкахъ сибирское масло. И вотъ нѣкій сельскій хозяинъ, г. Муромцевъ, уже требуетъ мѣръ, направленныхъ къ защитѣ русскихъ маслодѣловъ отъ ихъ сибирскихъ конкурентовъ „Насколько будетъ тяжела,—пишетъ онъ въ „Новое Время",—при настоящихъ условіяхъ, конкурренція на внутреннихъ рынкахъ сибирскаго масла съ мѣстнымъ,—будетъ ясно для всякаго, если онъ вспомнитъ, что цѣна масла опредѣляется, главнымъ образомъ, цѣною покосовъ и пастбищъ. Между тѣмъ у насъ во внутренней Россіи средняя годовая аренда хорошаго покоса—пять-семь рублей за десятину, а въ Акмолинской области, напримѣръ, эта аренда не превышаетъ двадцати-пяти копѣекъ за десятину". Поэтому г. Муромцевъ, въ простотѣ души, полагаетъ, что слѣдуетъ населеніе лишить возможности имѣть болѣе дешевое масло, чтобы не лишать землевладѣльца внутренней Россіи арендной платы въ пять-семь рублей за десятину покоса.

Въ послѣдніе годы у насъ создалось даже цѣлое, весьма вліятельное теченіе, направленное въ пользу необходимости предотвратить дальнѣйшее оскудѣніе центра, которое якобы явилось результатомъ непосильной конкурренціи его съ окраинами въ дѣлѣ снабженія рынковъ хлѣбомъ. Вслѣдствіе этого всякое улучшеніе условій эксплоатаціи находящихся на окраинахъ земель, въ родѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ или пониженія провозной по нимъ платы, признается чѣмъ-то чрезвычайно вреднымъ и нежелательнымъ. Для иллюстраціи обыкновенно ссылаются при этомъ на несомнѣнные признаки упадка благосостоянія населенія центральныхъ земледѣльческихъ губерній. На самомъ дѣлѣ, одною изъ главнѣйшихъ причинъ обѣднѣнія крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній является скученность его въ предѣлахъ даннаго района, созданная отчасти искусственно въ цѣляхъ повышенія доходности земли. Напомнимъ, что еще въ ближайшемъ прошломъ переселенія крестьянъ у насъ не только не поощрялись, но даже преслѣдовались. Отсюда искусственное же малоземелье и чрезмѣрно высокія арендныя цѣны, не отвѣчающія доходности земли. По даннымъ, собраннымъ канцеляріей комитета министровъ, избытокъ рабочихъ рукъ въ сѣверныхъ черноземныхъ губерніяхъ достигаетъ 550 тыс. человѣкъ, что̀ составляетъ почти 20 проц. всего взрослаго населенія. И вотъ, за отсутствіемъ другихъ заработковъ,—писалъ Н. Новосельскій еще двадцать лѣтъ тому назадъ,—„силою обстоятельствъ вынуждены были выйти на путь аренды. Но система

аренды вынужденной, когда арендаторъ не можетъ не взять земли, подъ опасеніемъ новаго разстройства своего маленькаго хозяйства,—эта система, какъ мы видимъ въ Италіи и Ирландіи, а нынѣ и въ Россіи, всегда ведетъ къ искусственному повышенію арендной платы, т.-е. арендаторъ начинаетъ платить болѣе, нежели ренту; онъ уступаетъ землевладѣльцу часть или даже всю прибыль на затраченный въ производство капиталъ (орудія, скотъ и т. д.), оставляя себѣ лишь заработную плату" (Н. Новосельскій, „Средства къ подъему производительныхъ силъ Россіи". Спб. 1883 г.). Позже къ однороднымъ выводамъ пришелъ и проф. Карышевъ въ своемъ изслѣдованіи о „крестьянскихъ внѣ-надѣльныхъ арендахъ".

Въ какомъ же отношеніи къ данному фактору обѣднѣнія крестьянскаго населенія центральныхъ губерній находятся мѣры, улучшающія условія эксплоатаціи земель на окраинахъ? Естественно, что въ виду этого новаго земельнаго фонда, по выраженію I. Конрада, „средства производства дѣлаются доступными сельскимъ хозяевамъ по болѣе дешевой цѣнѣ". Но само собою разумѣется, что расширеніе площади земель, доступныхъ для эксплоатаціи, выгодное для земледѣльца, очень невыгодно для владѣльцевъ старыхъ земель. Поэтому распространившійся у нихъ слухъ о предполагаемой постройкѣ цѣлой сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ по юго-восточнымъ степямъ, для развитія тамъ полевого хозяйства путемъ распашки цѣлинныхъ земель", приводитъ г. Головина, изображающаго собою нѣчто въ родѣ вождя нашихъ аграріевъ, въ ужасъ. „Мысль эта,—говоритъ г. Головинъ,—не новая, и намъ часто доводилось слышать, что побѣду въ хлѣбной конкурренціи непремѣнно одержитъ тотъ, кто зерно можетъ продавать дешевле, воздѣлывая хлѣбъ на *земляхъ, не приносящихъ никакой ренты*". Хотя такой путь и ведетъ къ побѣдѣ на рынкахъ, но „тѣмъ самымъ обезцѣниваютъ зерно тѣхъ русскихъ хозяйствъ, которыя работаютъ при условіяхъ высокой ренты и дорого стоющаго удобренія". Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Головина, нужно ограждать старыя дорогія и выпаханныя земли отъ конкурренціи земель новыхъ, дешевыхъ и болѣе плодородныхъ. Что̀ бы, однако, сказалъ тотъ же г. Головинъ, если бы мы отказывались отъ эксплоатаціи новыхъ богатыхъ мѣсторожденій каменнаго угля или желѣза только потому, что имѣются на лицо мѣсторожденія старыя, истощенныя, но владѣльцы которыхъ привыкли получать за нихъ высокую арендную плату, а предприниматели произвели извѣстныя затраты на ихъ оборудованіе? Между тѣмъ, съ точки зрѣнія интересовъ народно-хозяйственной жизни, привлеченіе къ эксплоатаціи новыхъ естественныхъ богатствъ—будь то земли, заключающія въ себѣ полезныя ископаемыя, или дающія высокій урожай хлѣба безъ удобренія, нужно признать огромнымъ благомъ, а не

бѣдствіемъ, какъ полагаетъ г. Головинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только привлеченіе къ эксплоатаціи новыхъ земель можетъ устранить или ослабить то искусственное малоземелье, которое наблюдается теперь въ нѣкоторыхъ районахъ нашего отечества и благодаря которому доходъ земледѣльца экспропріируется землевладѣльцемъ. Нагляднымъ свидѣтельствомъ такой экспропріаціи можетъ служить фактъ повышенія арендныхъ цѣнъ на земли въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, несмотря на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. При такихъ обстоятельствахъ крупные землевладѣльцы предпочитаютъ вовсе не вести собственнаго хозяйства, а сдавать землю въ аренду по искусственно созданнымъ высокимъ цѣнамъ. По свѣдѣніямъ дворянскаго банка, въ этомъ районѣ 45 проц. заложенныхъ имѣній совершенно отсутствуютъ владѣльческія запашки, въ остальныхъ же размѣръ ихъ ничтоженъ. Наиболѣе же дѣйствительнымъ средствомъ для увеличенія площади доступныхъ земледѣльческому населенію земель и для устраненія необходимости для него платить постоянно повышающуюся ренту въ пользу землевладѣльца при понижающихся цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты, является, конечно, соединеніе желѣзными дорогами центра съ окраинами и улучшеніе условій сбыта послѣдними продуктовъ земледѣльческаго промысла. Но землевладѣльцы центральныхъ губерній смотрятъ на этотъ вопросъ, конечно, совершенно иначе, являясь, подобно г. Головину, ярыми противниками сооруженія желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ окраины съ рынками.

Само собою разумѣется, что и установленіе пошлинъ на привозный хлѣбъ въ странахъ западной Европы, и наблюдающееся у насъ требованіе со стороны землевладѣльцевъ центральныхъ губерній сдѣлать внутренніе рынки недоступными для хлѣба, производящагося на окраинахъ,—явленія въ сущности совершенно однородныя. Въ обоихъ случаяхъ мы одинаково имѣемъ дѣло съ огражденіемъ интересовъ не земледѣльцевъ, а землевладѣльцевъ ближайшихъ къ рынкамъ районовъ, такъ какъ улучшеніе условій транспорта и пониженіе его издержекъ влекутъ за собою пониженіе цѣнности и доходности здѣсь земельной собственности. Напомнимъ, что и въ Германіи проектъ сооруженія сѣвернаго канала встрѣтилъ весьма энергическую оппозицію въ рейхстагѣ, причемъ германскіе аграріи руководствовались тѣми же соображеніями, какими руководствуются землевладѣльцы нашихъ центральныхъ губерній, возставая противъ улучшенія условій эксплоатаціи окраинныхъ земель.

Напрасно гг. аграріи увѣряютъ, что привлеченіе къ эксплоатаціи новыхъ земель вызываетъ перепроизводство хлѣба, чѣмъ обусловливается и паденіе цѣнъ на него. „Еслибы пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ происходило отъ перепроизводства хлѣба,—говорится по этому поводу

въ докладѣ коммиссіи фонъ-Плеве,—то такое явленіе могло бы быть признано временнымъ, скоропреходящимъ. Рано или поздно сельское хозяйство приноровило бы размѣръ производства хлѣба къ спросу на него. Но когда цѣны падаютъ вслѣдствіе привлеченія къ обороту болѣе дешевыхъ земель, когда ихъ низкій уровень сохраняется и при равновѣсіи спроса на хлѣбъ съ его предложеніемъ, тогда пониженіе цѣнъ должно быть признано постояннымъ, органическимъ, и тогда *коренныя условія распредѣленія сельско-хозяйственнаго дохода измѣняются, а уровень земельной цѣны въ старыхъ странахъ колеблется*". Естественно, что землевладѣльцы очень недовольны подобными результатами „привлеченія къ обороту" новыхъ земель, независимо отъ того же, находятся и лонѣ въ предѣлахъ отечества, или за его предѣлами. Отсюда и стремленіе парализовать эти результаты, облагая таможенными пошлинами продукты, добываемые съ новыхъ земель, либо затрудняя пользованіе такими землями. Разница лишь та, что въ первомъ случаѣ налогомъ въ пользу класса землевладѣльцевъ облагаются потребители, а во второмъ—производители сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Вл. Бирюковичъ.

ОДНА ИЗЪ ОКРАИНЪ РОССІИ.

— *Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ.* Этюды и изслѣдованія, подъ редакціею В. Спасовича и Э. Пильца. Т. I. Спб., 1902.

„Среднему русскому читателю"—читаемъ мы въ предисловіи къ книгѣ В. Д. Спасовича и Э. И. Пильца—„трудно составить себѣ о современномъ польскомъ обществѣ вѣрное представленіе, трудно узнать, какіе у этого общества взгляды и чувства, какія его потребности и ожиданія... Русская публика не слѣдитъ ни за польской научной литературой, ни за тою, въ которой отражается живая современная общественность. Немногочисленные варшавскіе корреспонденты петербургскихъ и московскихъ газетъ, по недостатку въ царствѣ польскомъ русскихъ представителей свободныхъ профессій, принадлежатъ преимущественно къ чиновничьему міру, что̀, конечно, не можетъ не повлечь за собой извѣстной односторонности въ ихъ сужденіяхъ и взглядахъ". Все это совершенно справедливо—и именно потому разбираемая нами книга должна быть признана цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы и русскаго общества. Положеніе окраинъ только повидимому не принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ современности. Недугъ, глубоко коренящійся въ организмѣ, заслуживаетъ вниманія не только въ моменты рѣзкаго обостренія, но и въ хронической формѣ, легче поддающейся изслѣдованію и леченію. Послѣднее неразрывно связано съ первымъ: чтобы помочь больному, необходимо изучить его болѣзнь. Попытка такого изученія сдѣлана В. Д. Спасовичемъ и Э. И. Пильцемъ, и въ этомъ, конечно, главное значеніе ихъ книги; но мы увидимъ, что нѣкоторый отраженный свѣтъ она бросаетъ и на общее положеніе вещей въ Россіи.

Въ царствѣ польскомъ существуетъ нѣкоторое подобіе всесословной волости—*гмина*, въ управленіи которою участвуютъ, какъ члены гминнаго схода, всѣ совершеннолѣтніе домохозяева мужескаго пола, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, обладающіе по меньшей мѣрѣ тремя моргами земли (около $1^1/_2$ десятины). Гминный сходъ выбираетъ, по закону: 1) гминнаго войта, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ исполнительную власть, 2) гминнаго писаря и 3) уполномоченныхъ, контролирующихъ расходы и дѣлопроизводство гмины. На самомъ дѣлѣ гминный сходъ и гминный войтъ оттѣснены на второй планъ; гминное управленіе фактически составляютъ уѣздный началь-

никъ, гминный писарь и земскіе стражники, т.-е. низшіе полицейскіе чины, подчиненные уѣздному начальнику. Значеніе схода парализуется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ собирается только четыре раза въ годъ, и все существенное (повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, установленіе бюджета на слѣдующій годъ) пріурочено къ декабрьскому сходу, когда нелегко пробыть нѣсколько часовъ сряду на морозѣ (гминные сходы, обыкновенно, такъ многолюдны, что не могутъ собираться въ закрытомъ помѣщеніи); во-вторыхъ, присутствіемъ уѣзднаго начальника или земскихъ стражниковъ, тѣмъ болѣе стѣснительнымъ для членовъ схода, что подача голосовъ бо̀льшею частью бываетъ открытая; въ-третьихъ, правомъ войта, при несогласіи схода на требуемые отъ него расходы, составить и ввести въ дѣйствіе раскладку по собственному усмотрѣнію, ограниченному только номинальнымъ участіемъ солтысовъ (сельскихъ старостъ, подчиненныхъ войту) и уполномоченныхъ; въ-четвертыхъ, преобладающимъ вліяніемъ гминныхъ писарей, которые, de facto, не выбираются гминнымъ сходомъ, а назначаются уѣзднымъ начальникомъ и, поэтому, только отъ него и зависятъ. Гминный войтъ, часто неграмотный или полуграмотный, сплошь и рядомъ обязанный своимъ избраніемъ уѣздному начальнику, подчиненный его дискреціонной власти (выражающейся въ правѣ налагать денежное взысканіе до 5 рублей или арестъ до 7 дней), не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Заниматься общественными дѣлами ему мѣшаетъ, притомъ, масса лежащихъ на немъ административныхъ и полицейскихъ обязанностей. Послѣдствіемъ такого порядка является, прежде всего, крайняя неравномѣрность гминныхъ расходовъ и малопроизводительное ихъ употребленіе. Въ одномъ и томъ же уѣздѣ одна гмина платитъ 1 руб. 34 коп. съ десятины, другая—40 коп.; въ одной гминѣ канцелярскіе расходы составляютъ 737, въ другой—45 рублей. Въ томашовскомъ уѣздѣ люблинской губерніи изъ общей суммы гминныхъ расходовъ (28.897 рублей) гминная администрація (жалованье должностныхъ лицъ, отопленіе и освѣщеніе помѣщеній, канцелярскіе расходы, разъѣздныя лошади) поглощаетъ 26.513 рублей, т.-е. около 92%. Въ цѣлой люблинской губерніи на медицинскую часть приходится 1,5%, на пожарную часть—0,2% общей суммы гминныхъ расходовъ. Растрата гминныхъ суммъ—явленіе довольно обыкновенное; въ бо̀льшей части случаевъ она остается безнаказанною, именно потому, что гминные войты и писаря—ставленики уѣзднаго начальника. Иногда гминному сходу прямо предлагается пополнить растрату, чтобы можно было не привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Контроль уполномоченныхъ, которыхъ можетъ, но не обязанъ выбирать сходъ, оказывается, бо̀льшею частью, фиктивнымъ, какъ потому, что гминная смѣта часто составляется пи-

саремъ за день или въ самый день схода, такъ и потому, что мѣстныя власти не всегда признаютъ за уполномоченными право свободной критики гминнаго счетоводства и дѣлопроизводства. Разговоры уполномоченныхъ съ жителями гмины о вопросахъ гминнаго управленія внѣ гминнаго схода могутъ быть, притомъ, разсматриваемы „какъ волнованіе народа". Противъ тѣхъ, кто мѣшаетъ злоупотребленіямъ гминныхъ властей, нерѣдко пускаются въ ходъ тайные доносы. Перемѣны къ лучшему, по мнѣнію гг. Спасовича и Пильца, можно было бы достигнуть возстановленіемъ выбора гминныхъ писарей, обязательнымъ избраніемъ уполномоченныхъ, установленіемъ срока, къ которому должны быть составлены отчетъ и смѣта, и ограниченіемъ вмѣшательства полиціи въ дѣла гминнаго управленія.

Съ положеніемъ городского хозяйства въ губерніяхъ царства польскаго читателей нашего журнала ознакомила недавно статья г. Сулиговскаго [1]; соотвѣтствующая глава въ книгѣ гг. Спасовича и Пильца излагаетъ тѣ же самые факты и приходитъ къ аналогичнымъ выводамъ. Большимъ шагомъ впередъ было бы даже введеніе въ царствѣ польскомъ городового положенія 1892-го года, со всѣми его недостатками и слабыми сторонами. Необходимо было бы только разрѣшить, при этомъ, представленіе объясненій въ городскихъ думахъ на польскомъ языкѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ участіе въ городскомъ управленіи оказалось бы для многихъ городскихъ обывателей фактически невозможнымъ. Въ городскихъ коммиссіяхъ, созываемыхъ иногда варшавскимъ магистратомъ для обсужденія важнѣйшихъ хозяйственныхъ вопросовъ, и теперь допускается употребленіе польскаго языка, потому что иначе осталась бы недостигнутою самая цѣль созыва—не могли бы быть выслушаны мнѣнія свѣдущихъ людей.

Удавшимся, изъ числа новыхъ учрежденій царства польскаго, можно считать гминный судъ; онъ „сразу привился и понравился всѣмъ классамъ населенія". Образованные люди, которыхъ теперь немало и между крестьянами, охотно идутъ на должности гминныхъ судей и лавниковъ. Безпристрастіе гминнаго суда служитъ доказательствомъ тому, что между помѣщиками и крестьянами нѣтъ болѣе прежней глубокой розни. Высшіе представители магистратуры, начиная съ перваго, по времени, старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, Н. Н. Герарда, и до недавно скончавшагося В. А. Аристова, были постоянно на сторонѣ гминныхъ судовъ. За сохраненіе ихъ высказалась и коммиссія, пересматривавшая судебные уставы. Ненормальнымъ представляется только ничѣмъ неограниченное право министра юстиціи не утверждать въ должности гминнаго судьи никого

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1902 г., № 6, стр. 675—697.

изъ избранныхъ кандидатовъ и затѣмъ замѣщать эту должность по своему усмотрѣнію (въ настоящее время избранныхъ гминныхъ судей, изъ 374, только 256, а остальные 118 назначены министромъ). Цѣлесообразнѣе было бы установить, что на утвержденіе министра представляются не лица, избранныя кандидатами въ гминные судьи, а списки кандидатовъ, до производства выборовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ повысить образовательный цензъ гминнаго судьи (теперь отъ него требуется только окончаніе курса въ начальномъ училищѣ). Если гминные суды, несмотря на только-что указанные недостатки ихъ организаціи, удовлетворяютъ своему призванію и пользуются довѣріемъ и расположеніемъ населенія, то это объясняется, въ значительной степени, допущеніемъ здѣсь польскаго языка, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія лица не знаютъ по-русски; на русскомъ языкѣ обязательно должны быть изложены только акты, исходящіе отъ самого суда (рѣшенія, приговоры и т. п.). Ничто не мѣшало бы распространенію этого порядка и на общіе суды, производство которыхъ до крайности затрудняется и замедляется участіемъ переводчиковъ; „даже и хорошіе переводчики не все передаютъ, что̀ говорится, и передаютъ не такъ, какъ говорится, а съ искаженіями или прибавками". Еще важнѣе то, что обязательное употребленіе чужого языка неизбѣжно уменьшаетъ популярность учрежденія, какъ бы полезно оно ни было. „Само учрежденіе привлекало бы, но этому противодѣйствуетъ языкъ; по существу дѣла наиболѣе требовалась ассимиляція юридическими учрежденіями, а примѣнялась искусственная филологическая ассимиляція языкомъ". Пока министрами юстиціи были гр. К. И. Паленъ и Д. Н. Набоковъ, половина судебныхъ должностей въ царствѣ предоставлялась, de facto, лицамъ польскаго происхожденія. Этотъ порядокъ, вполнѣ разумный, давно оставленъ; всѣ вакантныя должности замѣщаются лицами русской національности. Въ интересахъ дѣла надлежало бы, по меньшей мѣрѣ, требовать отъ всякаго, вновь назначаемаго въ царствѣ на судебную должность, знакомства съ польскимъ языкомъ [1]). По справедливому замѣчанію гг. Спасовича и Пильца, слѣдователь, не знающій мѣстнаго языка и дѣйствующій при помощи переводчика, похожъ на слѣпого, ищущаго ощупью то, что̀ зрячій человѣкъ отличитъ съ перваго взгляда. Съ такою же почти силой это сравненіе примѣнимо и къ прокурорамъ, и къ судьямъ. Еслибы они знали по-польски, ничто не мѣшало бы допустить употребленіе этого

[1]) Справедливость и цѣлесообразность подобной мѣры составители разбираемой нами книги подтверждаютъ ссылкою на слова К. П. Побѣдоносцева: „было бы весьма важно, чтобы русскіе, подготовляющіеся къ дѣятельности въ царствѣ польскомъ или на другихъ окраинахъ, были достаточно знакомы съ мѣстными нарѣчіями—что́, къ сожалѣнію, не соблюдается".

языка въ показаніяхъ и объясненіяхъ, представляемыхъ общимъ судамъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ судами гминными,—а это, въ свою очередь, устранило бы главное препятствіе къ введенію въ царствѣ польскомъ общаго суда присяжныхъ. Пока русскій языкъ остается единственнымъ языкомъ дѣлопроизводства въ общихъ судахъ царства польскаго, возможнымъ представляется здѣсь лишь судъ присяжныхъ *особаго состава*, проектируемый коммиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ; только присяжные этого состава, избираемые изъ числа лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе, могутъ слѣдить за судебнымъ слѣдствіемъ и преніями, происходящими на русскомъ языкѣ. Признавая, что даже судъ присяжныхъ особаго состава былъ бы шагомъ впередъ сравнительно съ нынѣшнимъ порядкомъ, въ силу котораго всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла разсматриваются въ царствѣ польскомъ судомъ коронныхъ, гг. Спасовичъ и Пильцъ высказываются принципіально противъ новой формы суда, напрасно увеличивающей пестроту и сложность судебнаго устройства; вмѣстѣ съ тѣмъ они находятъ страннымъ, что въ мѣстности, гдѣ точкой опоры власти служатъ, по общепринятому мнѣнію, низшіе классы, къ участію въ отправленіи правосудія предполагается призвать только „самый тонкій верхній пластъ населенія". Изъ числа другихъ нововведеній, намѣчаемыхъ коммиссіей, гг. Спасовичъ и Пильцъ привѣтствуютъ распространеніе на царство польское института почетныхъ судей (предложенное еще Н. Н. Герардомъ и поддержанное генералъ-губернаторами Коцебу и Альбединскимъ, но встрѣтившее отпоръ со стороны генерала Гурко); возражаютъ противъ оговорокъ, съ которыми коммиссія допускаетъ открытіе въ варшавскомъ судебномъ округѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ [1]); сожалѣютъ, наконецъ, о предстоящей передачѣ судебнымъ палатамъ кассаціонныхъ функцій по дѣламъ низшей юстиціи, справедливо усматривая въ этомъ увеличеніе розни между губерніями царства польскаго и имперіей.

Весьма печальное зрѣлище представляетъ организація врачебной помощи въ царствѣ польскомъ. Больницы существуютъ даже не во всѣхъ городахъ; на 10 тысячъ жителей приходится (не считая Варшавы) 2,6 больничныхъ кровати (въ земскихъ губерніяхъ—8,02); для сельскаго населенія врачебная помощь доступна только при близости городовъ, гдѣ живутъ врачи; дороговизна лечебныхъ средствъ дѣлаетъ ихъ совершенно недоступными для громаднаго большинства. Сравнительно лучше поставлено дѣло, съ 1899-го г., въ плоцкой губерніи,

---

[1]) По предположенію коммиссіи, члены совѣта въ варшавскомъ судебномъ округѣ должны быть назначаемы судебною палатой изъ двойного числа кандидатовъ, выбранныхъ присяжными повѣренными.

благодаря бывшему ея губернатору (г. Яновичу); и здѣсь, однако, весь расходъ на медицинскую часть былъ опредѣленъ первоначально въ 27 тысячъ рублей, что̀ составляло по 3,38 коп. на душу населенія (въ земскихъ губерніяхъ онъ составляетъ, въ среднемъ, 27 коп., т.-е. въ *восемь* разъ больше). Въ 1900 г. этотъ расходъ достигъ 37 тыс. руб. (около $4^1/_2$ коп. на душу)—и все-таки оставался несравненно ниже минимальной потребности. По разсчету гг. Спасовича и Пильца, такая постановка медицинскаго дѣла, какая признается нормальной въ земскихъ губерніяхъ, потребовала бы для плоцкой губерніи ежегоднаго расхода приблизительно въ 200 тыс. рублей (не считая издержекъ первоначальнаго обзаведенія). По справедливому замѣчанію авторовъ, организація врачебной помощи—„дѣло живое, требующее участія всѣхъ и долженствующее интересовать каждаго. Оставленіе его всецѣло въ рукахъ правительственныхъ учрежденій привело бы несомнѣнно къ его скорому омертвѣнію. Въ плоцкой губерніи устройство врачебной помощи оказалось жизнедѣятельнымъ лишь тамъ, гдѣ къ нему примкнула непредвидѣнная закономъ частная иниціатива. Если предоставленіе ей широкихъ рамокъ общественной дѣятельности признается нынѣ по политическимъ соображеніямъ невозможнымъ, то единственнымъ средствомъ испытанія ея благонадежности является привлеченіе ея къ активному содѣйствію государственной администраціи въ такомъ ничего общаго съ политикой не имѣющемъ дѣлѣ, какъ дѣло охраны народнаго здравія". Само собою разумѣется, что врачебный персоналъ долженъ принадлежать къ мѣстному населенію; иначе отъ него нельзя ожидать столь необходимаго для врачей знакомства съ мѣстнымъ языкомъ и условіями мѣстной жизни.

Въ статьѣ о переселенческомъ движеніи въ царствѣ польскомъ особое вниманіе обращаетъ на себя констатируемая авторами недостаточность и ненадежность статистическихъ данныхъ, безъ которыхъ невозможно правильное разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ. Статистики занятій въ царствѣ польскомъ не ведется вовсе; статистика сельскаго хозяйства „является плодомъ фантазіи и юмора гминныхъ писарей". Искусственное отдаленіе интеллигенціи отъ народа мѣшаетъ ей приступить къ систематическому изученію переселенческаго движенія, до сихъ поръ сохраняющаго, поэтому, „обликъ сфинкса". Одни, напримѣръ, опредѣляютъ число переселенцевъ въ Германію въ нѣсколько десятковъ тысячъ, другіе говорятъ о трехъ стахъ тысячахъ; одни видятъ въ переселеніи не только неизбѣжность, но и благодѣяніе—другіе считаютъ его зломъ и отрицаютъ его необходимость. Попытки дать переселенческому движенію искусственно опредѣленное

направленіе оказываются неудачными и вызываютъ въ средѣ крестьянъ нареканія и озлобленіе.

Наиболѣе интересный отдѣлъ книги—глава, посвященная постановкѣ учебнаго дѣла въ царствѣ польскомъ. По мысли Н. А. Милютина, языкомъ преподаванія въ начальной школѣ долженъ былъ служить языкъ большинства мѣстнаго населенія. „Тридцать лѣтъ",—писалъ Милютинъ въ 1864 г.,—„мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомя ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея историческое существованіе. Однако ученіе вовсе не передѣлало ни одного изъ поляковъ. И чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣрія, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы... Безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системою въ политическихъ интересахъ Россіи". Та же мысль была выражена императоромъ Александромъ II, требовавшимъ отъ учебныхъ начальствъ царства, чтобы они имѣли въ виду лишь „безкорыстное служеніе просвѣщенію" и „не дозволяли себѣ превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей". Дѣйствительность, однако, пошла другой дорогой: уже съ 1870-го года началось во всѣхъ училищахъ округа преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Отсюда, прежде всего, неудовлетворительное положеніе народнаго образованія. Съ 1860 по 1871 г. число учащихся въ начальныхъ школахъ увеличилось на 134%; затѣмъ оно растетъ крайне медленно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже уменьшаясь. Въ 1885 г. одинъ учащійся приходился на 35 жителей, въ 1893 г.—на 38. Оканчиваютъ курсъ въ начальной школѣ только 4,4% учащихся. На каждыхъ тринадцать вновь родившихся прибываетъ ежегодно только одинъ основательно научившійся грамотѣ. Неграмотныхъ между новобранцами въ имперіи оказывается, въ среднемъ, 69%, въ царствѣ польскомъ—80%. Въ періодъ времени съ 1874 по 1886 г. первое изъ этихъ отношеній понизилось съ 78 до 68%, второе—только съ 83 до 82%. Причины застоя, водворившагося въ области начальной школы, констатированы съ достаточною опредѣленностью двумя генералъ-губернаторами привислинскаго края. „Въ правительственной школѣ",—писалъ въ 1890 г. генералъ-адъютантъ Гурко,—„обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно. Возвращаясь домой, дитя передаетъ родителямъ, уже и безъ того не отличающимся любовью къ русскому народу, объ обидахъ, испытанныхъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней

русскія дѣти. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку приводитъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало отъ дѣятельности этихъ школъ правительство; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ". Семь лѣтъ спустя, генералъ-адъютантъ кн. Имеретинскій находилъ, что преподаваніе польскаго языка поставлено въ начальныхъ школахъ края еще хуже, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Воспитанники гимназій, благодаря сравнительно бо̀льшей состоятельности своихъ родителей, могутъ пополнить недостатокъ школьнаго преподаванія домашнимъ обученіемъ; дѣти крестьянъ и бѣдныхъ мѣщанъ лишены этой возможности". Выражая сомнѣніе въ справедливости такого порядка, кн. Имеретинскій приписывалъ ему нежеланіе населенія посылать своихъ дѣтей въ школу; „нельзя требовать,—говорилъ онъ,—чтобы простой человѣкъ понялъ все значеніе обученія государственному языку въ ущербъ отечественному. Пренебреженіе польскаго языка, какъ предмета обученія въ училищахъ, даетъ разнымъ агитаторамъ основаніе указывать на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство стремленій нашего правительства къ обрусенію края—стремленій въ дѣйствительности не существующихъ и даже невозможныхъ". Господство русскаго языка ставитъ польскихъ учениковъ начальной школы въ тѣмъ болѣе тяжелое положеніе, что учебный періодъ, въ виду продолжительности въ царствѣ польскомъ времени полевыхъ работъ, обнимаетъ собою только четыре мѣсяца (съ половины ноября до половины марта), и большинство учащихся посѣщаетъ школу не болѣе пятидесяти дней въ году. Далеко ли можно уйти въ такой срокъ, изучая всѣ предметы на чужомъ языкѣ?

Чрезвычайно серьезной помѣхой преуспѣянію начальной школы служитъ, далѣе, положеніе, отведенное въ ней преподаванію католическаго вѣроученія. Въ 1891 г. изъ 2.863 начальныхъ школъ царства польскаго законъ Божій преподавался ксендзами только въ *ста пятидесяти четырехъ* (менѣе 5½%). 16 марта 1892 г. сельскимъ обществамъ было Высочайше разрѣшено ходатайствовать о назначеніи ксендзовъ законоучителями въ содержимыхъ обществами или гминами начальныхъ школахъ. Такихъ ходатайствъ по 1896 г. поступило, однако, только 94. Объясняется это циркуляромъ 4 мая того же 1892-го года, которымъ губернскія административныя власти призываются къ непосредственному участію въ замѣщеніи законоучительскихъ должностей мѣстными приходскими священниками, а начальникамъ уѣздовъ и начальникамъ земской стражи вмѣняется въ обязанность наблюдать за направленіемъ и поведеніемъ ксендзовъ и на

основаніи личныхъ наблюденій и *свѣдѣній изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ* составлять заключеніе о каждомъ изъ нихъ. Тѣмъ же циркуляромъ было поручено начальникамъ уѣздовъ и начальникамъ земской стражи посѣщать народныя школы и *посредствомъ бесѣды съ учащимися* удостовѣряться въ благонамѣренности преподаванія. Понятно, что на преподаваніе при такихъ условіяхъ ксендзы могли соглашаться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вскорѣ перестали поступать и ходатайства сельскихъ обществъ о приглашеніи ксендзовъ въ законоучителя начальныхъ школъ. Выводъ отсюда ясенъ: необходимо отмѣнить циркуляръ 4 мая 1892-го года. „Приходскій священникъ долженъ быть законоучителемъ по праву; если онъ можетъ исповѣдывать и говорить проповѣди въ церкви, то тѣмъ болѣе можетъ преподавать катехизисъ въ школѣ, безъ особыхъ аттестацій и контроля со стороны полиціи". Чтобы измѣнить къ лучшему положеніе польской начальной школы, необходимо, далѣе, ввести изученіе польскаго языка, теоретическое и практическое, въ мѣстныя учительскія семинаріи, воспитанниками которыхъ замѣщаются постепенно учительскія должности въ начальныхъ школахъ. Затѣмъ, для привлеченія сочувствія къ начальной школѣ было бы полезно допустить обученіе по-польски началамъ ариѳметики: „вѣдь считать польскій крестьянинъ всегда будетъ все-таки по-польски; для чего же ему преподавать первыя четыре правила на другомъ языкѣ, затрудняя ихъ пониманіе и примѣненіе? Ариѳметика не имѣетъ, притомъ, никакого отношенія къ познанію значенія государственности или къ сближенію съ духомъ русскаго народа". Мало дающая польскимъ крестьянамъ, начальная школа стоитъ имъ, въ добавокъ, дороже, чѣмъ русскимъ; въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ расходы по начальному образованію ложатся, между прочимъ, на земство (и на вѣдомство православнаго исповѣданія), а въ царствѣ они падаютъ почти всей своей тяжестью (около 80%) на крестьянъ.

До крайности ненормально поставлено преподаваніе польскаго языка и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ царства. По уставу 1864-го года оно велось по-польски, располагая 24 еженедѣльными уроками въ гимназіи (семиклассной), пятнадцатью—въ прогимназіи. Уставомъ 1871-го года число уроковъ было понижено въ гимназіи до 12, въ прогимназіи—до 3, и изученіе польскаго языка сдѣлано необязательнымъ. Въ 1882 г. повелѣно было увеличить число уроковъ, сравнявъ польскій языкъ, въ этомъ отношеніи, съ новыми иностранными языками; но тогдашній попечитель варшавскаго учебнаго округа, А. А. Апухтинъ—какъ сказано въ брошюрѣ, составленной его почитателями по поводу его юбилея,—„рядомъ административныхъ мѣръ съумѣлъ парализовать вредъ, который могъ бы произойти отъ увеличенія числа

уроковъ" (въ гимназическіе уроки зачтены были уроки приготовительнаго класса; въ женскихъ гимназіяхъ число уроковъ было оставлено прежнее; въ частныхъ женскихъ пансіонахъ оно было даже уменьшено). Въ теченіе двадцати лѣтъ *преподаваніе польскаго языка велось по-русски*; только въ 1899 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, разрѣшившее преподавателямъ польскаго языка объясняться съ учениками на томъ же языкѣ. Практика и здѣсь, однако, ввела ограниченія, не установленныя законодателемъ: въ 1901-мъ году преподавателямъ польскаго языка вмѣнено въ обязанность давать одни и тѣ же объясненія—насколько это признаютъ нужнымъ педагогическій совѣтъ и начальникъ учебнаго заведенія—и по-польски, и по-русски, а обученіе польской грамматикѣ вести по-русски, употребляя тѣ же грамматическіе и риторическіе термины, какъ и при обученіи русскому языку и словесности. Въ 1897 году, по приглашенію попечителя варшавскаго учебнаго округа, были составлены какъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, такъ и особою коммиссіею, программы преподаванія польской словесности; но преподаваніе ведется не по этимъ программамъ, а по учебному плану, изготовленному въ канцеляріи округа. Историко-литературныя свѣдѣнія, въ силу этого плана, сообщаются въ самомъ ограниченномъ объемѣ и въ возможно краткой формѣ; отсутствуетъ характеристика эпохъ, направленій, дѣятельности отдѣльныхъ писателей, условій, способствовавшихъ процвѣтанію или упадку литературы: учащіеся знакомятся только съ разными способами писанія, со слогомъ разныхъ авторовъ. Не всѣ замѣчательные писатели упомянуты въ учебномъ планѣ; изъ другихъ приведены мало характерные, бóльшею частью, отрывки... Еще важнѣе, чѣмъ отдѣльные пробѣлы и недостатки преподаванія, общій духъ, господствовавшій еще недавно въ средней школѣ царства польскаго. По словамъ книги („Очерковъ Привислинья"), авторъ которой былъ очень близокъ къ генералъ-адъютанту Гурко, учебное начальство поставило себѣ задачей не только обрусить польскую молодежь, но и внушить ей ненависть ко всему польскому. „Все польское въ гимназіяхъ обречено усиленному гоненію и осмѣянію. Ученикамъ внушается, что полякъ—существо низшее, презрѣнное. Русскіе ученики пользуются явнымъ фаворомъ и, не взирая на степень нравственнаго и умственнаго развитія, неизмѣнно ставятся примѣромъ для всего класса. Несправедливость такого образа дѣйствій сознается не только угнетенными польскими учениками, но даже и покровительствуемыми русскими, изъ которыхъ наиболѣе порядочные кончаютъ тѣмъ, что сами проникаются убѣжденіемъ въ правильности нареканій на русское владычество". Пожеланія гг. Спасовича и Пильца въ области средняго образованія сводятся къ слѣдующему. Преподаваніе польскаго языка должно быть сдѣлано обязательнымъ, съ замѣною имъ одного изъ новыхъ ино-

странныхъ языковъ. „Въ мѣстномъ педагогическомъ персоналѣ еще живы традиціи того времени, когда за усердіе въ преподаваніи своего предмета иной учитель польскаго языка, вмѣсто одобренія, подвергался выговору или ограниченію. До тѣхъ поръ, пока успѣхи по польскому языку не принимаются въ соображеніе при заключеніи объ общемъ успѣхѣ ученика, едва ли возможно ожидать, чтобы педагогическій персоналъ относился серьезно къ преподаванію польскаго языка". Содержаніе преподавателей польскаго языка слѣдовало бы уравнять съ содержаніемъ учителей новыхъ языковъ. Разрѣшеніе объясняться по-польски при преподаваніи польскаго языка слѣдовало бы распространить на всѣ училища края, мужскія и женскія, казенныя и частныя, безъ оговорокъ, ограничивающихъ его дѣйствіе. Еще проще и правильнѣе было бы провозгласить принципъ, что польскія дѣти должны быть обучаемы польской грамматикѣ и словесности на польскомъ языкѣ.

Варшавскій университетъ страдаетъ, прежде всего, недостаткомъ духовной связи между профессорами и студентами-поляками. До сихъ поръ эту связь поддерживали профессора-поляки, но они сошли или сходятъ со сцены, и ихъ замѣняютъ только русскими. Если каѳедра такого рода, что ее трудно замѣстить русскимъ (напр. каѳедра польскаго гражданскаго права), то она по нѣскольку лѣтъ остается вакантной. На юридическомъ факультетѣ нѣтъ каѳедры исторіи польскаго законодательства, но есть каѳедра исторіи русскаго законодательства (съ двухлѣтнимъ курсомъ), хотя главные русскіе законы, дѣйствующіе въ краѣ (судебные уставы и уложеніе о наказаніяхъ), не имѣютъ корней въ прошедшемъ. Каѳедры польской исторіи въ университетѣ нѣтъ. Высочайшее повелѣніе отъ 8 іюня 1869-го года о назначеніи лектора польскаго языка и словесности, съ польскимъ языкомъ преподаванія, до сихъ поръ не исполнено. Вслѣдствіе новаго повелѣнія, состоявшагося въ 1882 г., профессоромъ польской литературы былъ избранъ Хмѣлевскій, утвержденный въ этомъ званіи, хотя онъ и не владѣлъ русскимъ языкомъ; но нѣсколько недѣль спустя попечитель учебнаго округа предложилъ ему читать по-русски. Онъ отказался и былъ замѣненъ другимъ лицомъ, обязавшимся подпиской читать по-русски. Между тѣмъ, университетъ имѣетъ двухъ профессоровъ римской литературы, двухъ—греческой, двухъ—русской, двухъ—по каѳедрѣ славянскихъ литературъ (кромѣ польской). „Возможно ли признать такое распредѣленіе научныхъ предметовъ и преподавательскихъ силъ вполнѣ соотвѣтственнымъ для варшавскаго университета, единственнаго въ царствѣ польскомъ?.. Преподаваніе въ варшавскомъ университетѣ польской словесности на польскомъ языкѣ не только позволило бы поручить каѳедру кому-либо изъ выдающихся польскихъ

ученыхъ, но и удовлетворило бы ту потребность, которая нынѣ побуждаетъ многихъ молодыхъ поляковъ слушать этотъ предметъ въ университетѣ краковскомъ или львовскомъ. Казалось бы, въ интересы русской политики входитъ содѣйствіе тому, чтобы центръ польской умственной жизни оставался въ Варшавѣ".

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе важнѣйшихъ отдѣловъ книги В. Д. Спасовича и Э. И. Пильца. Нельзя не отмѣтить, прежде всего, умѣренность предлагаемыхъ ею преобразованій. Взятыя вмѣстѣ, они осуществимы безъ крутого поворота въ системѣ управленія царствомъ. Самое важное изъ нихъ касается польскаго языка, права котораго составители сборника желали бы расширить въ школѣ, въ судѣ, въ городскомъ управленіи. Нигдѣ, однако, они не отводятъ ему господствующаго положенія, нигдѣ не домогаются для него преимуществъ, свойственныхъ государственному языку. Въ начальной школѣ они даютъ польскому языку такую роль, съ которою вполнѣ совмѣстимо изученіе русскаго языка; въ средней школѣ они стоятъ за преподаваніе по-польски только польскаго языка и польской словесности; въ университетѣ они желали бы видѣть ту долю вниманія къ польской литературѣ, польской исторіи, польскимъ законамъ, безъ которой немыслимо законченное высшее образованіе польской молодежи. Высказываясь за допущеніе польскаго языка въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, они идутъ не дальше того, что̀ существуетъ въ судахъ гминныхъ. Выставляя участіе населенія въ мѣстномъ хозяйствѣ неразрывно связаннымъ съ разрѣшеніемъ объясненій на польскомъ языкѣ, они имѣютъ въ виду порядокъ, уже принятый на практикѣ. Чтобы оцѣнить по достоинству эту скромную программу, необходимо, прежде всего, опредѣлить, какую конечную цѣль преслѣдуютъ мѣры, создающія и охраняющія привилегированное положеніе государственнаго языка. Направлены ли онѣ къ тому, чтобы подорвать въ самомъ корнѣ языкъ народный, съузить сферу его примѣненія и распространенія, подавить интересъ къ его литературѣ, заставить подростающія поколѣнія не только говорить, но и мыслить по-русски? Нѣтъ; припомнимъ слова князя Имеретинскаго, такъ категорически назвавшаго „обрусительныя" стремленія „въ дѣйствительности не существующими и даже невозможными". И въ самомъ дѣлѣ, языкъ, родной для нѣсколькихъ милліоновъ людей, языкъ, достигшій высокой степени развитія и обладающій богатою литературой, не можетъ быть вытѣсненъ или хотя бы оттѣсненъ никакимъ другимъ; преслѣдованія и ограниченія могутъ только сдѣлать его еще болѣе дорогимъ и близкимъ для говорящаго на немъ народа. Какъ бы ни было поставлено преподаваніе польскаго языка въ начальной и средней школѣ, на немъ, и только на немъ будутъ бесѣдовать между собою, внѣ школы, ея ученики, въ произве-

деніяхъ, на немъ написанныхъ, они будутъ искать и находить главную умственную пищу. Еще меньше, конечно, значеніе польскаго языка для поляковъ можетъ быть поколеблено или ослаблено безусловнымъ устраненіемъ его изъ области суда и управленія. Разсматриваемый не какъ орудіе обрусенія, русскій языкъ, на окраинахъ государства, служитъ, съ одной стороны, какъ бы символомъ власти, наиболѣе нагляднымъ и рельефнымъ ея выраженіемъ, съ другой—средствомъ ознакомленія съ господствующимъ племенемъ, а слѣдовательно и съ основными чертами государственной жизни, съ руководящими началами государственной политики. И то, и другое достижимо безъ слишкомъ большихъ стѣсненій для мѣстнаго языка. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ общихъ судахъ царства, какъ и въ гминныхъ, на русскомъ языкѣ составлялись бы всѣ акты, исходящіе отъ суда, но къ объясненіямъ на польскомъ языкѣ, безъ перевода, допускались бы свидѣтели, эксперты и участвующія въ дѣлѣ лица [1]); неужели при такомъ порядкѣ могло бы возникнуть какое-нибудь сомнѣніе въ господствующей роли русскаго языка? Неужели она не доказывалась бы съ достаточною ясностью произнесеніемъ властнаго судебнаго слова не иначе, какъ по-русски?.. Представимъ себѣ, далѣе, что въ собраніяхъ, призванныхъ къ участію въ мѣстномъ хозяйствѣ, рѣчи могли бы быть произносимы по-польски, но всѣ сношенія съ администраціей происходили бы на русскомъ языкѣ, по-русски излагались бы и окончательныя постановленія собраній; не очевидно ли, что и здѣсь взаимное отношеніе языковъ не оставляло бы мѣста для недоразумѣній? Неужели, наконецъ, отъ равноправности польскаго языка съ русскимъ въ курсѣ начальной школы, отъ преподаванія по-польски въ средней школѣ—польскаго языка и польской словесности, въ университетѣ—польской исторіи и литературы, можно было бы ожидать серьезнаго ущерба для авторитета государственнаго языка? Чѣмъ правильнѣе и лучше было бы поставлено изученіе предметовъ, наиболѣе родственныхъ польскому сердцу, тѣмъ охотнѣе воспринимались и усвоивались бы свѣдѣнія, относящіяся къ различнымъ сторонамъ русской жизни.

Еще болѣе безспорнымъ кажется намъ взглядъ гг. Спасовича и Пильца на преподаваніе закона Божія въ польской начальной школѣ. Совершенно понятно, что въ глазахъ населенія лучшій, нормальный законоучитель—священникъ той церкви, ученіе которой составляетъ предметъ преподаванія. Примирить съ отступленіемъ отъ этого пра-

[1]) Само собою разумѣется, что это предполагало бы знаніе польскаго языка со стороны всѣхъ занимающихъ судебныя должности въ царствѣ польскомъ—знаніе, въ высшей степени желательное и при нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ. Переводъ, даже вполнѣ удовлетворительный, никогда не можетъ передать всѣхъ оттѣнковъ подлинной рѣчи.

вила можетъ только необходимость. Если церковь очень далека отъ школы или школъ въ приходѣ такъ много, что преподаваніе въ нихъ не по силамъ одному лицу, замѣстительство является неизбѣжнымъ— но и въ такихъ случаяхъ за священникомъ остается обыкновенно право надзора. Совсѣмъ не то мы видимъ въ царствѣ польскомъ; католическихъ священниковъ отдаляютъ отъ начальной школы не мѣстныя условія, а административныя мѣры. Изъ всѣхъ формъ вліянія на прихожанъ преподаваніе въ начальной школѣ—наименѣе опасная, наименѣе поддающаяся злоупотребленію, потому что она имѣетъ дѣло съ малолѣтними. Ксендзу, располагающему, по отношенію къ взрослымъ членамъ паствы, такими могущественными орудіями, какъ проповѣдь, исповѣдь, допущеніе или недопущеніе къ причастію, домашняя, интимная бесѣда, нѣтъ надобности уклоняться, на урокахъ закона Божія, отъ прямой и непосредственной ихъ цѣли. Еслибы онъ пожелалъ произвести особенно сильное воздѣйствіе на дѣтскіе умы, то и этого онъ могъ бы достигнуть внѣ и помимо школы. Отстраненіе его отъ преподаванія остается, такимъ образомъ, безрезультатнымъ—а между тѣмъ для прихожанъ оно составляетъ тяжелое и оскорбительное лишеніе. Поворотъ къ лучшему въ этой области тѣмъ легче, что для него достаточно простой отмѣны административнаго распоряженія. Усиленный полицейскій надзоръ за школами, гдѣ законъ Божій преподается ксендзомъ, вовсе не установленъ закономъ, имѣвшимъ въ виду, наоборотъ, облегчить ксендзамъ доступъ къ законоучительству.

Не меньшей умѣренностью отличается и отношеніе гг. Спасовича и Пильца къ вопросамъ управленія. Они не предлагаютъ коренной реформы гминнаго устройства, осуществленнаго, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, совсѣмъ не такъ, какъ оно было задумано маркизомъ Вѣлепольскимъ. Не настаивая на включеніи въ составъ гминнаго схода другихъ мѣстныхъ элементовъ, кромѣ землевладѣльческаго, они ограничиваются указаніемъ на необходимость возстановить самостоятельность гмины, сведенную почти къ нулю давленіемъ полицейскихъ властей. Примѣненіе теперь же къ царству польскому положенія о земскихъ учрежденіяхъ составители сборника считаютъ, повидимому, мало вѣроятнымъ; прямо высказываемыя пожеланія ихъ не идутъ дальше призыва общественныхъ силъ къ нѣкоторому участію въ попеченіи о народномъ здоровьѣ и въ регистраціи важнѣйшихъ явленій экономической жизни [1]). Трудно представить себѣ, что можно

---

[1]) Спѣшимъ оговориться: настоящій сборникъ составляетъ только первую часть труда, предпринятаго гг. Спасовичемъ и Пильцемъ. Весьма возможно, что въ слѣдующихъ его частяхъ программа реформъ получитъ дальнѣйшее развитіе.

было бы возразить противъ столь скромныхъ пожеланій. Между мѣстными хозяйственными дѣлами и вопросами общей политики легко провести демаркаціонную черту; столь же легко предупредить ея нарушенія. Съ другой стороны, активная работа въ области практической жизни всегда и вездѣ признавалась лучшимъ отвлеченіемъ отъ „мечтаній". Въ пользу преобразованій, намѣчаемыхъ гг. Спасовичемъ и Пильцемъ, говоритъ, наконецъ, еще одно, существенно важное соображеніе. Послѣ подавленія послѣдняго польскаго возстанія прошло почти четыре десятилѣтія. Въ теченіе всего этого времени ничто не мѣшало администраціи царства польскаго сосредоточить все свое вниманіе на развитіи народнаго благосостоянія, на изученіи народныхъ нуждъ, на возможно лучшемъ устройствѣ всѣхъ отраслей управленія. Данныя, приведенныя въ книгѣ гг. Спасовича и Пильца, доказываютъ несомнѣнно, что эта задача исполнена далеко не вполнѣ. Гминное самоуправленіе обратилось въ формальность, обременительную для населенія; городское хозяйство стоитъ на крайне низкой степени развитія; для охраны народнаго здоровья не сдѣлано почти ничего; такія серьезныя явленія, какъ переселеніе, напрасно ожидаютъ систематическаго изслѣдованія; въ области народнаго образованія господствуетъ застой, иногда переходящій въ регрессъ; судебная реформа остается незаконченной и неоцѣненной по достоинству, въ виду перегородки, воздвигнутой между судомъ и населеніемъ. Выводъ изъ всего этого ясенъ: на помощь администраціи должно быть призвано общество; система недовѣрія, какъ не достигающая цѣли, должна уступить мѣсто другой, прямо противоположной.

Въ послѣднее время газетные противники общественной дѣятельности не разъ пытались подтвердить излюбленный свой тезисъ ссылкою на царство польское, преуспѣвающее, будто бы, несмотря на отсутствіе самоуправленія—или даже благодаря его отсутствію. Книга гг. Спасовича и Пильца, обнаруживая тщету такихъ попытокъ, оказываетъ тѣмъ самымъ существенную услугу не однимъ только жителямъ царства. Неизбѣжно наводя на сравненія, она заставляетъ живѣе чувствовать заслуги земства, положившаго прочное основаніе народной школѣ, организовавшаго народную медицину, создавшаго новый видъ статистическихъ изслѣдованій. Въ западныхъ губерніяхъ кое-что (напр. сельская медицина) заимствовано изъ земскихъ; разница между тѣми и другими меньше, поэтому, бросается въ глаза. Чтобы вполнѣ понять значеніе земства, нужно именно знакомство съ областью, гдѣ нѣтъ даже подобія земскихъ учрежденій, нѣтъ и зачатковъ городского самоуправленія. Такою областью является царство польское—и его примѣръ доказываетъ прямо обратное тому, что̀ ста-

ралась вывести изъ него реакціонная печать. Съ поразительною ясностью онъ намѣчаетъ границу, дальше которой не въ силахъ идти администрація, предоставленная сама себѣ, не имѣющая точекъ опоры въ населеніи.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1902.

Бурскіе вожди въ Капской колоніи и въ Англіи.—Политическое движеніе въ южной Африкѣ. — Капскій парламентъ и Чемберленъ. — Македонскій вопросъ.—Брюссельскій конгрессъ въ защиту армянъ.

Сколько ни нападаютъ на Англію за ея безцеремонный политическій эгоизмъ, за ея разсчетливость и алчность, но одного только никто отрицать не можетъ,—что англичане удивительно умно устраиваютъ свои дѣла и несравненно легче другихъ народовъ справляются съ самыми крупными затрудненіями внутренней и внѣшней политики. Континентальная европейская печать съ полнымъ недоумѣніемъ слѣдила за извѣстіями о пребываніи знаменитыхъ бурскихъ вождей въ Англіи, о встрѣченномъ ими тамъ необыкновенномъ оффиціальномъ почетѣ и о дѣлаемыхъ имъ восторженныхъ народныхъ оваціяхъ. Почему эти смѣлые герои, считавшіеся непримиримыми врагами британской имперіи, добровольно явились въ ненавистную имъ страну, въ качествѣ ея гостей? Что̀ побудило ихъ къ этой поѣздкѣ, которую нельзя понимать иначе, какъ въ смыслѣ торжественнаго подчиненія британскому владычеству? Странное на первый взглядъ поведеніе бурскихъ генераловъ становится, однако, понятнымъ и естественнымъ, если обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ имъ пришлось впервые почувствовать себя въ положеніи британскихъ подданныхъ.

Въ концѣ іюля (нов. ст.) Луи Бота, Деветъ и Деларей прибыли въ Капштадтъ, чтобы оттуда отправиться въ Европу, для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ войны буровъ, особенно женщинъ и дѣтей, согласно порученію собранія народныхъ представителей въ Ферenингинѣ, отъ 31 мая. Въ главномъ городѣ Капской колоніи, политическомъ центрѣ британской власти въ южной Африкѣ, они чрезвычайно сочувственно приняты были своими соплеменниками и сразу были поставлены въ необходимость произносить рѣчи на публичныхъ митингахъ и банкетахъ, гдѣ ихъ чествовали безъ всякихъ стѣсненій, какъ національныхъ героевъ. То, что̀ они говорили, не могло быть пріятно для англичанъ. Луи Бота заявлялъ, что буры не должны падать духомъ: „надежда и вѣра помогутъ имъ пробраться черезъ обступившую ихъ темную мглу“. Мѣстныя англійскія газеты давали подробные отчеты о дѣйствіяхъ и словахъ бурскихъ генера-

ловъ; тѣ же свѣдѣнія немедленно сообщались по телеграфу въ Лондонъ и дѣлались достояніемъ всей британской печати. „Сегодня,—телеграфируютъ, напримѣръ, въ „Times“ отъ 28 іюля,—генералы Бота и Деларей пріѣхали въ Штелленбошъ, гдѣ встрѣтили самый сердечный пріемъ. Они посѣтили всѣ учебныя заведенія и говорили въ каждомъ изъ нихъ. Воспитанники повезли ихъ коляски до училищнаго зданія и услуживали имъ за завтракомъ. Генералъ Бота сказалъ, что день подписанія мира былъ самымъ тяжелымъ днемъ его жизни; народъ потерялъ свою независимость, но продолжаетъ существовать какъ національность и остается важнымъ факторомъ въ общественной жизни южной Африки. Буры спустили свой флагъ, но пріобрѣли права въ этой странѣ. Будущее находится въ рукахъ учащихся, ибо все зависитъ отъ воспитанія молодыхъ поколѣній; когда африкандеры будутъ обладать образованіемъ, они никому не уступятъ своего мѣста въ мірѣ. Генералъ Деларей объявилъ, что хочетъ пожать руку близкимъ по крови людямъ; пришло время, когда всѣ должны подать другъ другу руки въ южной Африкѣ. Народъ можетъ точно такъ же процвѣтать подъ однимъ флагомъ, какъ и подъ двумя—республиканскимъ и колоніальнымъ. Будущность націи африкандеровъ обезпечена, если воспитатели юношества успѣшно исполнятъ свою задачу“. „Небывалое въ лѣтописяхъ Капштадта зрѣлище,—читаемъ мы въ другой телеграммѣ той же лондонской газеты, отъ 30 іюля,—представилось намъ вчера, когда большая толпа народа слушала рѣчи бурскихъ генераловъ. Въ толпѣ было не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ; тамъ были англичане, африкандеры и малайцы. Генераловъ громко привѣтствовали. Деветъ благодарилъ за сочувствіе. Генералъ Бенъ-Вильжоэнъ, только-что возвратившійся изъ плѣна съ острова св. Елены, описалъ тревожное состояніе плѣнныхъ буровъ при первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ; онъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды, что африкандеры соединятся и будутъ совмѣстно дѣйствовать конституціонными способами для поддержанія голландскаго элемента и для общей пользы страны. Затѣмъ генералъ Бота тоже призывалъ къ мирной совмѣстной работѣ. Сегодня генералы Бота, Деветъ и Деларей въ трехъ колясках были повезены учениками голландскихъ школъ до пристани, гдѣ ихъ ожидалъ пароходъ, на которомъ они должны были отправиться въ Европу. Составилась процессія, и на всемъ пути провожали генераловъ шумные возгласы. Передъ своимъ отъѣздомъ генералы сдѣлали оффиціальные визиты губернатору, сэру Гордону-Сприггу (первому министру Капской колоніи) и генеральному атторнею“.

Такимъ образомъ, о губернаторѣ и вообще о представителяхъ англійской власти упоминается здѣсь только потому, что бурскіе генералы удостоили ихъ своимъ посѣщеніемъ. Гдѣ же были эти англій-

скіе администраторы, когда въ Капштадтѣ и въ другихъ городахъ недавніе злѣйшіе враги Англіи собирали около себя толпы сочувствующихъ обывателей и говорили имъ политическія рѣчи? Вѣроятно, администраторы тоже смотрѣли и слушали; но объ этомъ ничего не сообщаютъ газеты. Никому изъ англійскихъ очевидцевъ и корреспондентовъ не приходило на мысль, что публичныя обращенія популярныхъ бурскихъ вождей къ родственнымъ имъ африкандерамъ могутъ быть опасны для общественной безопасности и для интересовъ британскаго владычества. Во время „небывалыхъ“ уличныхъ демонстрацій многочисленнаго голландскаго населенія въ Капштадтѣ полиція отсутствовала или бездѣйствовала, какъ будто это вовсе ея не касалось. И дѣйствительно, все это не касалось ни администраціи, ни полиціи, такъ какъ устройство политическихъ сборищъ и публичное произнесеніе рѣчей входятъ въ число обычныхъ законныхъ правъ британскихъ подданныхъ вообще и обывателей Капской колоніи въ частности; и тѣми же широкими правами могли свободно пользоваться бурскіе генералы, въ качествѣ вновь принятыхъ гражданъ. Полицейскіе агенты въ подобныхъ случаяхъ заботятся лишь о томъ, чтобы скопленіе народа не останавливало движенія на улицахъ и чтобы нигдѣ не совершалось прямыхъ насилій и преступленій; остальное для нихъ безразлично. Англійская власть не боится народа и народнаго мнѣнія, хотя бы и враждебнаго; напротивъ, она желаетъ знать это мнѣніе во всей его полнотѣ и не только не избѣгаетъ публичности, но сознательно ищетъ и поощряетъ ее. Публичность—это та атмосфера, среди которой привыкли жить англичане и ихъ правители. Бурскіе генералы, вступивъ въ предѣлы британской территоріи, сразу очутились въ обстановкѣ, обезпечивающей каждому неограниченную свободу дѣйствій; они ясно видѣли, что могутъ безпрепятственно стремиться къ тѣсному сплоченію съ капскими африкандерами для совмѣстной охраны правъ и интересовъ своей народности; они видѣли, что и воспитаніе лицъ голландскаго происхожденія находится въ рукахъ соплеменниковъ и что, слѣдовательно, нація еще имѣетъ предъ собою будущее. Если они на первыхъ порахъ были поглощены мыслью объ утратѣ независимости, то вскорѣ они пришли къ сознанію, что пріобрѣли также извѣстныя права, которыхъ никто у нихъ отнять не можетъ, благодаря особенностямъ британскаго режима.

Во время своего пребыванія въ Капской колоніи, бурскіе генералы были свидѣтелями политическаго движенія, направленнаго въ пользу Трансвааля и руководимаго главнымъ образомъ англичанами. Группа вліятельныхъ мѣстныхъ дѣятелей образовала комитетъ для выработки проекта организаціи, которая временно замѣняла бы правильное народное представительство въ Трансваалѣ. Въ манифестѣ комитета

сказано слѣдующее: „Несомнѣнно, что представительное управленіе въ обычномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть тотчасъ же введено въ этой странѣ. Несомнѣнно также, что активная интеллигентная масса подданныхъ короля въ этой колоніи, съ ихъ традиціями и политическими инстинктами, не можетъ быть разумно управляема иначе какъ съ ихъ собственнаго согласія и по ихъ собственнымъ желаніямъ. Во всякомъ случаѣ, они никогда не будутъ удовлетворены, пока не получатъ возможности законнымъ путемъ заявлять свои желанія и защищать свои интересы... Мы рѣшились поэтому подготовить образованіе такой организаціи, которая, за отсутствіемъ представительныхъ учрежденій, была бы способна говорить съ авторитетомъ отъ имени всего общества по вопросамъ публичнаго интереса, съ единственною цѣлью давать свѣдѣнія и оказывать содѣйствіе лицамъ, облеченнымъ нынѣ политическою властью, поддерживая съ ними гармонію для общаго блага. Всякія расовыя, классовыя и партійныя чувства безусловно чужды настоящему движенію. Мы искренно имѣемъ въ виду обезпечить участіе всѣхъ бѣлыхъ подданныхъ короля въ нашихъ стремленіяхъ, надѣясь, что они лойяльно соединятся въ совмѣстной работѣ для общественной пользы“. Другого рода политическій союзъ основанъ руководителями рабочихъ въ золотопромышленныхъ округахъ Трансвааля; этотъ союзъ также выработалъ обширную и обстоятельную программу, имѣющую уже отчасти соціалистическій оттѣнокъ. О томъ, чтобы ограничить или стѣснить буровъ въ пользованіи какими-либо правами, нѣтъ нигдѣ и рѣчи; полная равноправность новыхъ гражданъ съ общею массою британскихъ подданныхъ никѣмъ не подвергается сомнѣнію.

Однако, антагонизмъ между двумя главными племенами бѣлой расы въ южной Африкѣ безспорно существуетъ; онъ сильно обострился подъ вліяніемъ войны и выразился, между прочимъ, въ проектѣ временной отмѣны капской конституціи, для избѣжанія послѣдствій численнаго перевѣса голландскаго элемента надъ англійскимъ въ капскомъ парламентѣ. Партія англійскихъ „лойялистовъ“ настойчиво доказывала, что парламентское господство африкандеровъ не можетъ быть терпимо до тѣхъ поръ, пока не успокоятся умы; вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонники этой партіи не скрывали своей надежды на то, что непрерывный ростъ пришлаго англійскаго населенія долженъ въ близкомъ будущемъ доставить англичанамъ прочное преобладаніе въ народномъ представительствѣ. Высшій представитель британской власти въ южной Африкѣ, лордъ Мильнеръ, раздѣлялъ этотъ взглядъ и поощрялъ домогательства патріотовъ, основываясь на тревожномъ политическомъ положеніи страны. Нашлось около сорока тысячъ гражданъ, которые подписали петицію о пріостановкѣ дѣйствія капской консти-

туціи; петиція была послана въ Лондонъ министру колоній, и въ началѣ іюля отъ него полученъ отвѣтъ. Сверхъ ожиданія, Чемберленъ рѣшительно отвергъ предложенную мѣру, какъ незаконную и не оправдываемую обстоятельствами. „Прежде чѣмъ предлагать парламенту (британскому) совершеніе столь серьезнаго акта,—писалъ министръ лорду Мильнеру, — правительство должно было бы имѣть неопровержимое доказательство того, что сохраненіе конституціи представляетъ положительную опасность для спокойствія колоніи и для интересовъ имперіи, или что значительное большинство бѣлаго населенія желаетъ передачи всей власти въ руки имперскаго правительства. Это желаніе должно бы быть выражено въ конституціонной формѣ, постановленіемъ капскаго парламента. По мнѣнію правительства, лишить капскихъ поселенцевъ ихъ конституціонныхъ правъ, хотя бы на время, и навязать имъ систему управленія коронныхъ колоній, не давъ представителямъ народа возможности высказать свое мнѣніе о столь крупной перемѣнѣ, —значило бы вызывать неудовольствія и агитацію, вмѣсто того, чтобы способствовать смягченію племенной вражды". Чемберленъ согласился съ заключеніемъ министровъ Капской колоніи, что во всякомъ случаѣ нужно прежде созвать колоніальный парламентъ; „правительство тѣмъ охотнѣе присоединяется къ этому выводу, что усматриваетъ въ немъ искреннее желаніе избѣгнуть новыхъ пререканій и успокоить страсти, возбужденныя войною". Мѣстные „лойялисты" думали нанести ударъ африкандерамъ, оставивъ колонію безъ парламента; принципъ равноправности формально не былъ бы нарушенъ, такъ какъ всѣ граждане одинаково перестали бы пользоваться конституціонными гарантіями. Но въ дѣйствительности правительственная власть, находясь въ англійскихъ рукахъ, стояла бы на сторонѣ англичанъ, и голландскій элементъ чувствовалъ бы себя беззащитнымъ, еслибы не имѣлъ за собою представительства въ парламентѣ. Рѣшеніе Чемберлена положило конецъ лицемѣрнымъ усиліямъ охранителей въ Капской колоніи и разсѣяло опасенія африкандеровъ, вызванныя двусмысленнымъ образомъ дѣйствій лорда Мильнера. Обыватели голландскаго происхожденія имѣли поводъ торжествовать, когда объявлено было о скоромъ открытіи капскаго парламента.

Этотъ моментъ нравственнаго подъема и оживленія среди африкандеровъ совпалъ съ прибытіемъ бурскихъ генераловъ и не могъ не отразиться и на ихъ собственномъ настроеніи. Присмотрѣвшись къ дѣламъ Капской колоніи, вожди буровъ, быть можетъ, имѣли случай убѣдиться, что способы англійскаго управленія совершенно непохожи на пріемы внѣшней политики Англіи, и что съ британскимъ владычествомъ совмѣстимо свободное національное развитіе, открывающее просторъ для будущаго. Генералы Бота, Деветъ и Деларей считали

полезнымъ для своего народа поддержаніе хорошихъ оффиціальныхъ отношеній съ метрополіею, и свой задуманный объѣздъ различныхъ странъ они начали съ Англіи, согласно переданному имъ оффиціозному приглашенію министерства колоній. Почетъ, съ какимъ встрѣтила ихъ Англія, имѣлъ въ себѣ нѣчто подкупающее. Ихъ принимали не какъ побѣжденныхъ враговъ, а какъ славныхъ, великодушныхъ побѣдителей, заслужившихъ признательность націи. Оба британскіе главнокомандующіе, лорды Робертсъ и Китченеръ, и самъ Чемберленъ, ожидали ихъ на пароходѣ въ Соутгемптонѣ, при ихъ прибытіи 16 августа. Бурскихъ вождей пригласили присутствовать на предстоявшемъ морскомъ смотрѣ у Спитгеда, но они рѣшительно отклонили эту честь и проѣхали прямо въ Лондонъ. На слѣдующій день они, въ сопровожденіи лордовъ Робертса и Китченера, посѣтили короля Эдуарда на его яхтѣ, и на обратномъ пути къ Соутгемптону должны были объѣхать собранный на смотръ броненосный флотъ, по личному желанію короля. Они покинули Лондонъ 18 августа, чтобы вернуться впослѣдствіи для выполненія практической части своей миссіи. Это первое ознакомленіе съ Англіею было для нихъ какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ. Описанія малѣйшихъ подробностей ихъ встрѣчи и переѣздовъ занимали въ лондонскихъ газетахъ почти столько же мѣста, какъ отчеты о коронаціи 9 августа. Визитъ бурскихъ вождей, не дававшихъ покоя англичанамъ въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ и не разъ наносившихъ жестокіе удары британскому могуществу и авторитету, былъ нагляднымъ и краснорѣчивымъ выраженіемъ англійской побѣды; это былъ въ то же время успѣхъ британскаго политическаго искусства, не довольствующагося грубымъ торжествомъ силы, а создающаго основы для мирнаго дѣлового сближенія на началахъ равноправности и свободы. На такихъ началахъ можетъ прочно устроиться новый порядокъ вещей въ южной Африкѣ, безъ необходимости для Англіи держать тамъ значительныя войска и имѣть періодическія столкновенія съ туземными инородцами. Полноправность и автономія чужихъ культурныхъ племенъ—таково главное орудіе, которымъ скрѣпляются воедино разрозненныя части великой колоніальной имперіи англичанъ.

Въ послѣднее время постоянно сообщаются въ иностранныхъ газетахъ различныя свѣдѣнія о Македоніи, о происходящихъ тамъ кровавыхъ нападеніяхъ албанцевъ и турокъ на мирныхъ жителей, о попыткахъ какой-то революціонной пропаганды и о дѣятельности освободительныхъ болгарскихъ комитетовъ. Факты, касающіеся внутренней политики въ этой злополучной турецкой провинціи, довольно однообразны. „Въ апрѣлѣ, отрядъ турецкихъ жандармовъ, подъ началь-

ствомъ юзбаши Малика-эффенди, встрѣтилъ и арестовалъ нѣкоего Константина Сильянова, шедшаго въ Костинцы. Капитанъ (юзбаши) заподозрилъ въ немъ возможнаго революціонера и приказалъ для начала избить его палками; потомъ его подвергли пыткѣ, забивали ему гвозди подъ ногти, обожгли его тѣло раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы заставить его сказать что-нибудь о революціонномъ комитетѣ. Нѣсколько часовъ спустя, Сильяновъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ". „Въ мѣстечкѣ Мустафа-паша, въ адріанопольскомъ вилайетѣ, стоитъ турецкій гарнизонъ, который держитъ населеніе въ страхѣ и упражняется во всевозможныхъ преступныхъ дѣлахъ. Въ апрѣлѣ солдаты похитили дочерей поселянина Христаки и готовились совершить надъ ними позорное насиліе; на крики жертвъ сбѣжались сосѣди, которымъ, послѣ ожесточенной борьбы, удалось освободить несчастныхъ дѣвушекъ. Въ тотъ же день три болгарскія женщины, возвращавшіяся съ базара въ свою деревню, были захвачены и изнасилованы турецкими солдатами. Подобныя насилія совершаются ежедневно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ размѣщены отряды оттоманскихъ войскъ". Турецкія власти разыскиваютъ оружіе въ болгарскихъ селеніяхъ и подвергаютъ жестокимъ карамъ всякаго, у кого найдется въ избѣ старое ружье или заржавленный пистолетъ; между тѣмъ, тутъ же рядомъ турки и албанцы ходятъ вооруженными съ головы до ногъ. При обыскахъ турки забираютъ печатныя брошюры, газеты и письма, которыя затѣмъ служатъ матеріаломъ для обвиненія въ преступныхъ замыслахъ и заговорахъ. Чтобы избавиться отъ какихъ-нибудь зажиточныхъ и образованныхъ болгаръ, — учителей, священниковъ или купцовъ,—могущихъ быть участниками или предводителями народнаго движенія противъ турецкаго владычества, мѣстная администрація обыкновенно прибѣгаетъ къ крайне простымъ средствамъ: полицейскіе агенты подбрасываютъ въ дома намѣченныхъ лицъ запрещенныя изданія или посылаютъ имъ по почтѣ компрометтирующія письма, послѣ чего являются для обыска и уводятъ мнимыхъ заговорщиковъ въ тюрьму. На основаніи такого рода уликъ взятъ былъ учитель болгарской гимназіи въ Адріанополѣ, Вачеваровъ, и просидѣлъ три года въ темницѣ, послѣ чего переведенъ въ одну изъ малоазіатскихъ тюремъ; за него хлопоталъ мѣстный русскій консулъ, и, можетъ быть, благодаря этому заступничеству, Бачеваровъ остался живъ. Въ мартѣ схваченъ начальникъ болгарскихъ школъ въ Прилепѣ, Дмитрій Антовъ, по ложному доносу объ имѣющихся, будто бы, у него революціонныхъ книгахъ; при обыскѣ у него ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ сочиненій религіознаго содержанія; тѣмъ не менѣе, онъ съ тѣхъ поръ содержится въ тюрьмѣ и вѣроятно успѣлъ уже погибнуть. Въ апрѣлѣ начальникъ болгарскихъ школъ въ Велесѣ, Петръ Миховъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ

революціоннымъ комитетомъ, былъ арестованъ и уведенъ въ Ускюбъ, въ центральную тюрьму, гдѣ подвергся обычному турецкому допросу, соединенному съ истязаніями. Несмотря на мучительныя пытки, Миховъ ни въ чемъ не сознавался, потому что дѣйствительно не имѣлъ понятія о приписываемыхъ ему проступкахъ; но такъ какъ нельзя было выпустить его живымъ съ слишкомъ явными знаками пытокъ на тѣлѣ, то съ нимъ покончили выстрѣломъ изъ револьвера, и составленъ былъ полицейскій протоколъ о самоубійствѣ Михова. Однако это темное дѣло было раскрыто и обратило на себя нѣкоторое вниманіе, въ виду энергическаго вмѣшательства мѣстнаго французскаго консула; притомъ самъ Миховъ былъ довольно замѣтнымъ человѣкомъ въ своемъ округѣ и не могъ исчезнуть безслѣдно. Разумѣется, раскрытіе происшедшей „ошибки“ не повлекло за собою никакихъ серьезныхъ послѣдствій для виновныхъ; турецкая администрація всегда можетъ сослаться на секретныя свѣдѣнія и соображенія, выставляющія любого изъ обывателей-христіанъ опаснѣйшимъ преступникомъ.

Съ точки зрѣнія Порты, источникомъ всѣхъ бѣдствій въ Македоніи является революціонная пропаганда иноземныхъ комитетовъ, преимущественно болгарскихъ, поставившихъ себѣ цѣлью подготовить возстаніе противъ законной власти султана. Если албанцы и турки иногда обращаютъ оружіе противъ мѣстныхъ христіанъ, то только въ видахъ усмиренія непокорныхъ или для защиты государственной безопасности и спокойствія; ибо чѣмъ меньше будетъ иновѣрныхъ подданныхъ въ странѣ и чѣмъ сильнѣе страхъ, внушаемый имъ турецкими властями, тѣмъ вѣрнѣе обезпеченъ порядокъ въ султанскихъ владѣніяхъ. Правда, военно-патріотическіе подвиги албанцевъ и турокъ нерѣдко вызываютъ жалобы неблагонамѣренныхъ людей и встрѣчаютъ неправильную или одностороннюю оцѣнку за границей; но въ этомъ виноваты лишь революціонные комитеты, которые умышленно раздуваютъ мелкія пограничныя столкновенія и истолковываютъ ихъ превратно. Весною текущаго года албанскіе отряды напали на цѣлый рядъ селеній въ охридскомъ округѣ, ограбили дома и увели скотъ; въ одномъ мѣстѣ они убили мельника и завладѣли имуществомъ поселянъ. Послѣдніе обратились къ мѣстному „мудиру“ съ просьбою прислать часть квартировавшаго тамъ турецкаго батальона, для задержанія грабителей и отобранія у нихъ скота; мудиръ поручилъ офицеру направиться съ солдатами въ противоположную сторону; дойдя до какихъ-то мирныхъ селеній, офицеръ произвелъ въ нихъ тщательный обыскъ и отобралъ найденныя старыя ружья, а нѣсколько дней спустя эти же селенія подверглись нашествію албанцевъ, причемъ лишены были уже возможности защищаться. Мѣстечко Галичникъ, въ монастырскомъ вилайетѣ, было окружено нѣсколькими во-

оруженными отрядами албанцевъ, предводитель которыхъ въ своемъ ультиматумѣ требовалъ отъ жителей уплаты тысячи турецкихъ ливровъ; гарнизонъ этого мѣстечка, состоявшій изъ сотни солдатъ, держался въ сторонѣ и не вмѣшивался въ дѣло, какъ будто нападеніе совершилось съ вѣдома и согласія начальства.

Маленькая французская брошюра, изъ которой мы заимствуемъ эти факты, напечатана въ придворной типографіи въ Софіи, подъ заглавіемъ: „La question Macédonienne et le Haut Comité Macédo-Andrinopolitain", и имѣетъ очевидно оффиціальное болгарское происхожденіе. Составители брошюры надѣются, что европейская дипломатія снизойдетъ наконецъ къ несчастной судьбѣ Македоніи и потребуетъ отъ Турціи исполненія обязательствъ, возложенныхъ на нее 23-ею статьею берлинскаго трактата относительно необходимыхъ административныхъ реформъ въ турецко-христіанскихъ земляхъ. Къ сожалѣнію, дипломатія нѣсколько иначе смотритъ на балканскія дѣла въ настоящее время: она отчасти усвоила туркофильскіе взгляды, подъ вліяніемъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Голуховскаго, и дипломатическіе представители великихъ державъ на ближнемъ востокѣ, кажется, больше озабочены „революціонною" дѣятельностью македонскихъ комитетовъ, чѣмъ систематическими безчинствами турецкихъ и албанскихъ башибузуковъ въ Македоніи и Ѳракіи. Что же касается постановленій берлинскаго конгресса въ пользу безправныхъ христіанскихъ подданныхъ султана, то они давно и основательно забыты оффиціальною Европою.

Бѣдствія народностей, оставленныхъ подъ турецкимъ игомъ, занимаютъ послѣднее мѣсто въ заботахъ кабинетовъ, избравшихъ своимъ девизомъ сохраненіе status quo; дипломатія интересуется дѣлами Балканскаго полуострова только съ точки зрѣнія интересовъ той или другой великой державы, и въ этомъ смыслѣ существованіе освободительныхъ или филантропическихъ комитетовъ для оказанія помощи македонцамъ представляется болѣе важнымъ зломъ, чѣмъ хроническія страданія населенія отъ гнета турокъ и албанцевъ. Австро-Венгрія, которой почему-то предоставлена теперь руководящая роль въ балканскихъ дѣлахъ, стоитъ безусловно за поддержаніе турецкаго господства въ его нынѣшнихъ формахъ, чтобы имѣть возможность подготовить почву для своихъ собственныхъ будущихъ комбинацій и плановъ. Поощряемая благосклонными совѣтами своихъ покровителей, Турція уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ распредѣлила значительныя военныя силы въ главныхъ пунктахъ Македоніи, такъ что народное революціонное движеніе не имѣло бы въ ней теперь никакихъ шансовъ успѣха. Не трудно представить себѣ, что̀ значитъ на практикѣ эта турецкая военная оккупація. Не получая жалованья, голодная и разнузданная

армія смотритъ па селенія мѣстныхъ жителей какъ на свою законную добычу. „И этотъ чудесный край,—восклицаетъ анонимный авторъ названной выше брошюрки,—съ его плодородными полями и роскошными пастбищами, съ его обширными равнинами, доступными всякой земледѣльческой культурѣ, съ его величественными горами и дѣвственными лѣсами, эта прекрасная, столь богато одаренная природою страна, гдѣ жизнь должна бы была бить ключомъ, гдѣ должны были бы процвѣтать промышленность и торговля,—превращена въ настоящій адъ, гдѣ царствуютъ бѣдствія и срадація, гдѣ слышны только стоны".

Занятая турками и разоренная ими, Македонія служитъ еще вдобавокъ ареною честолюбивыхъ стремленій и неустаннаго соперничества болгаръ и сербовъ, о чемъ приводятся любопытныя свѣдѣнія въ помѣщаемомъ нами ниже письмѣ изъ Софіи; но пока эти маленькіе соперники спорятъ между собою изъ-за сосѣдней турецкой провинціи, ею собираются фактически завладѣть соперники болѣе крупные, дѣйствующіе подъ двойнымъ или даже тройнымъ прикрытіемъ—тройственнаго союза, дружбы съ Турціею и сохраненія общаго мира. А въ ожиданіи пришествія новыхъ культурныхъ завоевателей, населеніе Македоніи, какъ и другихъ турецкихъ земель, должно безнадежно страдать и терпѣть, подъ безучастнымъ надзоромъ могущественной европейской дипломатіи.

Македонскій вопросъ все-таки занимаетъ многихъ въ Европѣ; онъ волнуетъ умы въ Болгаріи и не сходитъ съ очереди въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, завѣдующихъ дѣлами Балканскаго полуострова. Въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ македонцы, находятся турецкіе армяне: ими никто не интересуется, о нихъ не спорятъ никакіе претенденты, ни малые, ни великіе, и судьба ихъ не входитъ въ соображенія высшей европейской политики. Нужны были колоссальныя избіенія 1893—96 годовъ, чтобы заставить державы вспомнить о 61-ой статьѣ берлинскаго трактата, обязывающей дипломатію заботиться объ огражденіи жителей отъ насилій и произвола въ армянскихъ областяхъ Турціи. Послы великихъ державъ въ Константинополѣ выработали въ 1895 году программу реформъ, способныхъ обезпечить безопасность турецкихъ армянъ; изъ шести вилайетовъ съ армянскимъ населеніемъ должна была образоваться одна провинція, управляемая христіанскимъ губернаторомъ по назначенію кабинетовъ и подъ дѣятельнымъ ихъ контролемъ. Но этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе возникшихъ разногласій относительно способовъ воздѣйствія на Порту, въ случаѣ отказа ея добровольно осуществить предложенную программу; сторонники status

quo возставали противъ всякихъ принудительныхъ мѣръ по отношенію къ султану, ссылаясь на неизбѣжную, будто бы, опасность европейской войны, и дипломатія отложила свое попеченіе объ армянахъ и о берлинскомъ трактатѣ, подъ предлогомъ заботы о сохраненіи общаго мира. Съ тѣхъ поръ армянскій вопросъ перестадъ существовать для Европы, такъ какъ и Турція перестала вырѣзывать армянъ en grand, и довольствовалась постепеннымъ подавленіемъ ихъ при помощи болѣе сложныхъ и разнообразныхъ средствъ.

Въ виду молчанія дипломатіи, рѣшились заговорить предпріимчивыя частныя лица, и по инициативѣ нѣкоторыхъ датскихъ дѣятелей, при энергическомъ участіи французскаго публициста Пьера Кильяра, устроенъ былъ въ Брюсселѣ съѣздъ делегатовъ различныхъ національностей для публичнаго обсужденія турецко-армянскаго вопроса. Мысль о конгрессѣ съ цѣлью возбудить интересъ европейскаго общественнаго мнѣнія къ судьбѣ турецкихъ армянъ встрѣтила сочувственный откликъ въ Германіи, Франціи, Бельгіи и, особенно, въ Даніи; около двухъ тысячъ человѣкъ, преимущественно писателей, ученыхъ и политическихъ дѣятелей, прислали съ разныхъ концовъ свѣта свои заявленія о солидарности съ принципами и требованіями устроителей конгресса. Изъ французскихъ депутатовъ примкнули къ задуманной организаціи Жорѐсъ, Прессансѐ, де-Мэнъ и Кошенъ. Клемансо не могъ явиться по болѣзни и письменно выразилъ свое мнѣніе о турецкой и туркофильской политикѣ; отсутствовалъ также извѣстный представитель нѣмецкой соціаль-демократіи, Эдуардъ Бернштейнъ, письмо котораго было прочитано Кильяромъ. Конгрессъ собрался 17 іюля и засѣдалъ всего два дня, подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго сенатора Гузо̀ де-Легэ. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ предсѣдателя, Пьеръ Кильяръ въ обстоятельной рѣчи изложилъ ходъ событій и дипломатическихъ мѣръ по армянскому вопросу, привелъ много новыхъ данныхъ для характеристики современнаго положенія и старался опровергнуть доводы лицъ, возражающихъ противъ настойчиваго принужденія султана къ уступкамъ. Затѣмъ выбрана была коммиссія, которой поручено установить практическіе способы къ достиженію постояннаго согласія между армянофилами различныхъ европейскихъ странъ и къ желательному цѣлесообразному воздѣйствію на общественное мнѣніе, парламенты и правительства Европы. Французская делегатка, г-жа Северинъ, обратила вниманіе этой коммиссіи на необходимость слѣдить за печатью и бороться противъ тенденцій и вліяній, мѣшавшихъ до сихъ поръ говорить въ защиту армянъ въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ. Собраніе постановило образовать временный международный комитетъ для объединенія усилій и попытокъ существующихъ армянофильскихъ организацій; въ составъ этого комитета намѣчены:

отъ Франціи—профессоръ Лависсъ, депутаты Дени Кошенъ, Самба̀, Прессансѐ, Вазейль, д'Этурнель де-Констанъ; отъ Германіи—проф. Людвигъ фонъ-Баръ, Форстеръ, Бебель, Бернштейнъ; отъ Италіи—Энрико Ферри и Монета; отъ Австріи—баронесса Сутнеръ и д-ръ Адлеръ; отъ Англіи—пасторы Скоттъ-Голландъ, Норманъ, члены парламента Джемсъ Брайсъ, Джонъ Бернсъ, Кейръ-Гарди, Редмондъ.

Большая рѣчь Жореса, сказанная съ присущимъ ему талантомъ, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей и вызвала единодушную овацію въ честь оратора. Упомянувъ объ упорномъ молчаніи значительной части французской журналистики о турецкихъ звѣрствахъ надъ армянами, Жоресъ выразилъ мнѣніе, что люди вообще очень туго поддаются внушеніямъ безкорыстнаго человѣколюбія, особенно когда жертвы находятся гдѣ-то далеко; поэтому слѣдуетъ нападать на черствое равнодушіе и бездѣйствіе не однихъ правительствъ, но и народовъ. По словамъ Жореса, заступничество за угнетенныхъ можетъ имѣть успѣхъ безъ всякихъ военныхъ насилій, если только достигнуто извѣстное настроеніе культурныхъ націй. Безъ войны, путемъ коллективнаго вліянія общественнаго мнѣнія въ Европѣ, будутъ возстановлены интересы народовъ въ такихъ вопросахъ, какъ шлезвигъ-голштинскій, польскій и эльзасъ-лотарингскій; но легче всего добиться результата въ вопросѣ армянскомъ. Нѣмецкіе передовые дѣятели долго относились уклончиво къ армянскому движенію, подозрѣвая въ немъ закулисное участіе Россіи; но легенды и предразсудки исчезаютъ, и теперь германская соціаль-демократія устами Бернштейна безусловно высказывается въ пользу армянъ. Жоресъ полагаетъ, что Франція должна взять на себя починъ въ энергическомъ рѣшеніи армянскаго дѣла и что за нею несомнѣнно пойдетъ и Россія, которой неудобно предпринимать первый шагъ въ этомъ направленіи.

Въ томъ же духѣ говорилъ де-Прессансé. Онъ сообщилъ, между прочимъ, что, по просьбѣ многихъ французскихъ депутатовъ, министръ Делькассѐ принялъ весьма важную мѣру—удвоилъ число консульскихъ агентовъ въ армянскихъ округахъ Турціи и назначилъ особые сторожевые посты въ извѣстныхъ районахъ, для того чтобы преступныя посягательства предупреждались присутствіемъ иностранныхъ свидѣтелей. Однородныя распоряженія сдѣланы были и Россіею. Прессансѐ рекомендуетъ всѣмъ державамъ послѣдовать этому примѣру. Ссылаясь на благополучное рѣшеніе критскаго вопроса по почину французскаго правительства, при содѣйствіи Россіи и Англіи, Прессансѐ съ увѣренностью утверждаетъ, что и въ настоящемъ случаѣ Франція можетъ обезпечить успѣшное осуществленіе дѣла своею энергіею и настойчивостью.

Въ заключеніе конгрессомъ была принята слѣдующая резолюція:

„Конгрессъ, убѣжденный, что реформы и гарантіи, требуемыя въ защиту армянъ, могутъ быть осуществлены безъ всякаго нарушенія территоріальной цѣлости Турціи, и что интересъ самого турецкаго населенія предписываетъ ему присоединиться къ этому дѣлу реформы,—напоминаетъ текстъ 61-ой статьи берлинскаго трактата, гласящей: „Блистательная Порта обязывается безотлагательно привести въ исполненіе реформы и улучшенія, вызываемыя мѣстными потребностями въ провинціяхъ, населенныхъ армянами, и гарантировать ихъ безопасность противъ черкесовъ и курдовъ. Она періодически будетъ сообщать о принятыхъ мѣрахъ державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ". Этою статьею Европа утвердила за собою право и приняла обязательство обезпечить армянскому населенію Турціи жизнь, безопасность, свободу передвиженія, спокойное обладаніе имуществомъ и свободу совѣсти. Для чести Европы и для блага человѣчества необходимо, чтобы эта статья получила наконецъ полное и добросовѣстное примѣненіе. Поэтому конгрессъ приглашаетъ правительства и народы дѣйствовать въ духѣ меморандума 1895 года путемъ совмѣстнаго вмѣшательства и поручаетъ своей постоянной международной коммиссіи организовать активную пропаганду въ парламентахъ, въ печати и общественномъ мнѣніи".

Въ числѣ участниковъ этого армянофильскаго движенія не встрѣчается ни одной армянской фамиліи,—что еще можно объяснить нежеланіемъ интеллигентныхъ армянъ выступать впередъ въ дѣлѣ, слишкомъ близко ихъ касающемся и поставленномъ на широкую общечеловѣческую почву; но нѣтъ также ни одного русскаго имени и ни одного голоса изъ Россіи въ тѣхъ указаніяхъ, которыя мы находимъ въ подробномъ отчетѣ, помѣщенномъ въ журналѣ „L'Européen" (отъ 26 іюля), откуда мы заимствовали приведенныя выше свѣдѣнія о конгрессѣ.

ПО ПОВОДУ МАКЕДОНСКАГО ВОПРОСА.

Письмо изъ Софіи.

Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ печатались въ высшей степени интересныя письма, носящія общее заглавіе „Въ Бѣлградѣ“ и подписанныя именемъ извѣстнаго македонскаго дѣятеля, редактора женевской газеты „l'Effort“, Симеона Радева. Эти письма посвящены впечатлѣніямъ, вынесеннымъ авторомъ изъ болѣе или менѣе интимныхъ бесѣдъ его о Македоніи и македонскомъ вопросѣ съ выдающимися сербскими общественными и политическими дѣятелями. Любопытныя сами по себѣ, они представляли особый интересъ, благодаря личности автора и той точкѣ зрѣнія, исходя изъ которой онъ „интервивировалъ“ своихъ сербскихъ собесѣдниковъ. Но прежде всего—нѣсколько словъ о самомъ Радевѣ и о его македонскихъ воззрѣніяхъ.

Симеонъ Радевъ—македонскій уроженецъ, по національности—болгаринъ. По своему общему міросозерцанію онъ соціалистъ, а по профессіи—писатель и македонскій агитаторъ, сохраняющій, однако, свою независимость по отношенію ко всѣмъ существующимъ организаціямъ. По своимъ личнымъ качествамъ, это человѣкъ талантливый, умный и европейски образованный. По своимъ взглядамъ въ области македонскаго вопроса онъ примыкаетъ къ тѣмъ молодымъ македонскимъ дѣятелямъ, которые все рѣшительнѣе эманципируются въ своихъ надеждахъ и концепціяхъ борьбы отъ національной точки зрѣнія, и девизъ которыхъ гласитъ: Македонія для македонцевъ, всѣхъ македонцевъ безъ различія расъ и религіи. Вотъ нѣкоторыя, болѣе важныя черты этой сравнительно новой, но уже вліятельной программы.

Прежде всего необходимо устраненіе какихъ бы то ни было qui pro quo въ взаимныхъ отношеніяхъ между македонскими революціонными организаціями и оффиціальными органами болгарскаго правительства,—разъясненіе вопроса объ этихъ отношеніяхъ въ смыслѣ полной независимости первыхъ отъ второго. Этого требуютъ и мораль, и обоюдная выгода. Для Болгаріи это необходимо, потому что только такимъ образомъ освободится она въ глазахъ сосѣдей и Европы вообще отъ компрометтирующихъ ее связей, стряхнетъ съ себя отвѣтственность за чужіе грѣхи, возстановитъ свое доброе международное имя и главное—вырветъ изъ рукъ своихъ политическихъ партій въ высшей степени опасное орудіе борьбы, которымъ онѣ такъ охотно пользуются для достиженія своихъ узко-партійныхъ, династическихъ и иныхъ цѣлей.

Для Македоніи это необходимо, потому что только освободившись отъ заинтересованнаго покровительства на сторонѣ—македонскія патріотическія организаціи съумѣютъ отдать на служеніе своему дѣлу всю мѣру своихъ силъ и своей энергіи; потому что только при условіи полной независимости—ихъ борьба пріобрѣтетъ характеръ истиннаго героизма, присутствіе котораго такъ важно во всякомъ народномъ освободительномъ движеніи.

Наконецъ, такая независимость обусловливается и самою цѣлью освободительной борьбы, которую ведутъ македонскіе революціонеры. Цѣль эта—*автономія*, завоеванная если не собственными силами самой Македоніи, то по ея иниціативѣ и при ея дѣятельномъ участіи,—автономія, которая была бы не переходною ступенью къ сліянію съ Болгаріею, какъ это было пятнадцать лѣтъ назадъ съ Восточною Румеліею, а постояннымъ режимомъ. Только при такой постановкѣ борьбы очищается она отъ усложняющихъ моментовъ расоваго и національнаго соперничества; только она способна разрѣшить удовлетворительно всѣ порождаемые имъ вопросы и недоразумѣнія; только при ней, наконецъ, въ отдаленной перспективѣ становится возможнымъ осуществленіе идеала, къ которому неудержимо приходятъ лучшіе умы нашего времени—общебалканской федераціи.

Такимъ пониманіемъ цѣли естественно опредѣляется и практическая форма борьбы, ея тактика. Разъ македонское движеніе не есть обширная политическая интрига, обусловливаемая завоевательными поползновеніями всевозможныхъ претендентовъ на наслѣдство „больного человѣка"; разъ это—глубокое стихійное теченіе, порождаемое естественнымъ процессомъ разложенія Турціи и питаемое нечеловѣческими страданіями пробуждающагося къ исторической жизни народа,—первою задачею его идеологовъ и сознательныхъ представителей является защита этой точки зрѣнія, освобожденіе ея отъ чуждыхъ наслоеній, популяризація ея, какъ руководящаго принципа практической дѣятельности, среди всѣхъ участниковъ борьбы, и конечно, прежде всего — среди болгаръ и сербовъ. До сихъ поръ эти два народа тратили массу драгоцѣнныхъ силъ на взаимное соперничество въ этой области, на доказательство и защиту своихъ историческихъ, этнографическихъ, филологическихъ и иныхъ правъ на ту или другую часть Македоніи. Это соперничество должно прекратиться. Они должны понять, что такая политика не только безумна, но и безплодна. Вопросы о языкѣ, о національности, объ этническихъ особенностяхъ македонскаго населенія могутъ представлять большой интересъ для науки, но для практической политики значенія они не имѣютъ и имѣть не могутъ. Всѣ они покрываются безконечно болѣе важнымъ вопросомъ объ автономіи, которая должна создать условія разумнаго

человѣческаго существованія для *всѣхъ* этническихъ группъ въ Македоніи, не исключая даже и турокъ. Эта точка зрѣнія—единственно правильная и законная. Она прочно утвердилась среди македонскихъ дѣятелей. Ее начинаютъ усвоивать въ Болгаріи. Ее необходимо привить и сербамъ, подозрительный шовинизмъ которыхъ является главнымъ препятствіемъ для введенія современнаго македонскаго движенія въ его настоящее русло, для дружной совмѣстной работы ради освобожденія Македоніи...

Такими идеями одушевленъ былъ С. Радевъ, когда онъ собирался къ своей агитаціонной поѣздкѣ въ Бѣлградъ и запасался для этого всякими рекомендаціями къ тамошнимъ дѣятелямъ. Мы скоро увидимъ, какія разочарованія готовила ему тамъ дѣйствительность.

Его первый визитъ былъ къ Свѣтославу Симичу, занимающему высокій постъ въ сербскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и считающемуся душою и фактическимъ вождемъ сербско-македонской пропаганды. Это—главный сербскій авторитетъ по македонскому вопросу. И по своему служебному положенію, и по патріотическому долгу, и по внутренней склонности онъ отдаетъ ему все свое время. Его пріемная всегда полна „крестьянами изъ старой Сербіи, учителями изъ Македоніи, стипендіатами, агентами таинственныхъ миссій и профессіональными агитаторами, монахами, попами, кавасами, корреспондентами, сходящимися сюда одни изъ любопытства, другіе — по службѣ, съ докладами и за инструкціями, третьи—изъ алчности, за подачками и пособіями, четвертые—изъ патріотизма“; и всѣ эти, съ болгарской точки зрѣнія, „подозрительные элементы“ находятъ въ немъ внимательнаго слушателя, авторитетнаго совѣтника и вождя. Онъ все помнитъ, все знаетъ, за всѣмъ слѣдитъ. Это, дѣйствительно, знатокъ македонскихъ дѣлъ, односторонній, пропитанный сербскимъ шовинизмомъ, но знатокъ несомнѣнный. Худощавый, съ испитымъ лицомъ, съ живыми, безпокойными, испытующими глазами, онъ произвелъ на Радева впечатлѣніе человѣка, болѣющаго худшимъ изъ всѣхъ видовъ фанатизма—холоднымъ бюрократическимъ фанатизмомъ. Онъ былъ предупрежденъ о приходѣ Радева и принялъ его очень любезно и даже, пожалуй, радушно. Но противъ его воли въ его движеніяхъ и словахъ сквозило застарѣлое, неискоренимое подозрѣніе къ врагу—болгарину.

Разговоръ началъ онъ самъ, и началъ его самымъ рѣшительнымъ протестомъ противъ какихъ бы то ни было соглашеній съ болгарами. Болгарское правительство не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Оно слишкомъ хорошо доказало всѣмъ прошлымъ поведеніемъ свой эгоизмъ и свое вѣроломство. Оно знаетъ только свои интересы въ Македоніи и ведетъ тамъ свою линію, совершенно не считаясь ни съ чужими правами, ни съ своими собственными обязательствами. О со-

глашеніи съ ними сербамъ нечего и думать. Это значило бы навѣрняка идти на новый обманъ. Еще менѣе можно думать о соглашеніи съ македонскимъ комитетомъ. Во-первыхъ, это—орудіе того же болгарскаго правительства; во-вторыхъ, это какая-то разбойничья организація, чуть ли не самымъ излюбленнымъ дѣломъ которой являются насилія и убійства, практикуемыя ею, или по ея подстрекательству, по отношенію къ сербамъ и сербскимъ пропагандистамъ въ Македоніи. Пусть эти пропагандисты не отличаются особенною нравственною чистотою; пусть между ними не мало „Пейчиновичей“ [1]), но они работаютъ въ пользу освобожденія Македоніи и потому для болгаръ должны бы быть неприкосновенными. Однако, македонскій комитетъ не дѣлаетъ различія между ними и турками!.. Комитетъ надо обуздать; входить съ нимъ въ договоры—невозможно, такъ какъ было бы наивно ожидать, что онъ сброситъ съ себя зависимость отъ болгарскаго правительства и измѣнитъ свою тактику. Поэтому же не имѣетъ смысла—создавать свой особый сербско-македонскій комитетъ, который вошелъ бы въ тѣсное общеніе съ обновленнымъ болгарскимъ комитетомъ и работалъ бы съ нимъ рука объ руку, отмежевавъ себѣ сербскія области въ Македоніи, Старую Сербію и т. п. Не говоря уже о томъ, что изъ этой затѣи ничего бы не вышло, кромѣ обостренія борьбы,—не комитеты являются рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ освобожденія Македоніи, а дипломатическое и политическое дѣйствіе заинтересованныхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи соглашеніе между Болгаріею и Сербіею было бы въ высшей степени желательно. Оно особенно необходимо въ виду Австріи. О, эта Австрія! Въ ней лежитъ главная опасность для славянъ Балканскаго полуострова. Пока эти послѣдніе ссорятся между собою, она дѣйствуетъ. Ея дѣйствіе незамѣтно, но безостановочно и систематично. Оно принимаетъ разныя формы, то политическія, то торговыя, то финансово-экономическія, но оно всегда ростетъ и крѣпнетъ. Еще разъ: болгаро-сербское соглашеніе настоятельно необходимо, это—внѣ спора. Но столь же несомнѣнно, что оно немыслимо въ той формѣ „раздѣленія сферъ вліянія“, въ какой оно представляется обыкновенно публикою. Такая дѣлежка, все равно, ни къ чему не приведетъ, такъ какъ болгары не откажутся отъ своей „мирной, культурной“ пропаганды и въ тѣхъ областяхъ, которыя отошли бы къ Сербіи. Весь востокъ отъ Вардара этнически и теперь уже принадлежитъ имъ. На западъ отъ него—населеніе представляетъ пока безформенную, въ національномъ смыслѣ, массу, о которой можно сказать только одно: она—славянская. Какая

[1]) Пейчиновичъ — бывшій шпіонъ, перешедшій на службу сербской пропаганды въ Македоніи и тамъ убитый.

именно, болгарская или сербская?—будетъ зависѣть отъ того, чья агитація будетъ успѣшнѣе и энергичнѣе. Болгары это знаютъ и никогда не откажутся отъ такой агитаціи, несмотря ни на какія дѣлежки. Но если раздѣленіе невозможно,—остается автономія. Автономія, какъ цѣль и верховный критерій освободительной борьбы, дѣйствительно, могла бы разрѣшить вопросъ, но для этого необходимо, чтобы она была не условною фикціею, а признанною и *неустранимою* истиною. Иными словами, необходимы *реальныя гарантіи*. Гдѣ онѣ? Здѣсь вся трудность, которую программа Радева, увы, ничуть не разрѣшаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ могли бы заключаться такія гарантіи? Въ торжественномъ международномъ договорѣ, подтвержденномъ великими державами? Но развѣ такой договоръ предупредилъ въ 1885 г. румелійскій переворотъ и присоединеніе къ Болгаріи Восточной Румеліи? Или въ единствѣ языка, культуры и національнаго самосознанія населенія освобожденной Македоніи? Но такое единство искусственно не создается, а для его естественнаго роста требуются, помимо благопріятныхъ условій, многіе и многіе годы. А съ другой стороны, безъ реальныхъ гарантій автономія окажется просто-на́-просто мостомъ, по которому пройдутъ въ одинъ прекрасный день болгарскія войска съ цѣлью присоединенія Македоніи,—она ничего не предупредитъ и никого ни къ чему не обяжетъ...

Въ такомъ безвыходномъ положеніи представлялось дѣло Симичу, котораго не могли убѣдить никакія увѣренія Радева насчетъ систематическаго ослабленія завоевательныхъ замысловъ у вожаковъ современнаго болгарско-македонскаго движенія. Онъ готовъ былъ повѣрить искренности самого Радева и его единомышленниковъ въ македонской революціонной средѣ, но повѣрить въ безкорыстіе софійскихъ политиковъ онъ не могъ никоимъ образомъ. Въ концѣ концовъ, собесѣдники не договорились ни до чего положительнаго и, расходясь, остались каждый при своихъ первоначальныхъ мнѣніяхъ. „Мнѣнія,—говоритъ по этому поводу Радевъ,—какъ гвозди: чѣмъ больше по нимъ ударяешь, тѣмъ глубже ихъ вбиваешь“. Тѣмъ не менѣе, и изъ этой бесѣды можно было видѣть, что даже въ подозрительномъ шовинизмѣ Симича уже не было настоящей былой цѣльности. Видно было, что сербы начинаютъ отдѣлываться отъ своего прежняго патріотическаго сентиментализма, вносятъ въ свои взгляды холодную оцѣнку реальныхъ интересовъ, указанія опыта и то „чувство возможнаго“, которое является необходимымъ элементомъ всякой положительной политики.

Такое впечатлѣніе вынесъ Радевъ изъ своей встрѣчи съ Симичемъ. Это впечатлѣніе еще болѣе окрѣпло послѣ его бесѣды съ Слободаномъ Іовановичемъ, къ которому направилъ его тотъ же Симичъ.

Слободанъ Йовановичъ—сынъ извѣстнаго сербскаго дѣятеля,—одно

время изгнанника,—принадлежавшаго къ тому неопредѣленному, но симпатичному типу гуманистовъ-революціонеровъ, который былъ такъ распространенъ среди сербскихъ радикаловъ семидесятыхъ годовъ. Онъ тоже учился въ Женевѣ, но въ политикѣ не пошелъ по стопамъ отца. По натурѣ—аристократъ, по убѣжденіямъ—консерваторъ, онъ защищаетъ теперь сенатъ и новую сербскую конституцію. Въ этомъ же духѣ читаетъ онъ въ бѣлградской „Великой школѣ" государственное право, что не мѣшаетъ ему, однако, пользоваться среди своихъ слушателей репутаціею прекраснаго лектора и выдающагося ученаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ чиновникомъ и стоялъ во главѣ сербской пропаганды въ Македоніи.

Аристократъ и консерваторъ въ области сербской внутренней политики, Йовановичъ оказался чуть ли не полнымъ единомышленникомъ Радева по всѣмъ существеннымъ пунктамъ македонскаго вопроса. Прежде всего онъ былъ совершенно чуждъ той банальной точки зрѣнія, согласно которой македонское движеніе есть искусственное созданіе болгарскихъ политикановъ. Онъ видѣлъ въ немъ естественный результатъ турецкаго режима, непомѣрно тяжелаго угнетенія и хроническаго экономическаго кризиса. Опасность тѣмъ болѣе велика, что цѣль турецкаго правительства въ Македоніи очевидна: оно стремится ослабить—если не совсѣмъ упразднить—въ ней христіанское населеніе, какъ это почти удалось уже ему въ Старой Сербіи, гдѣ арнауты составляютъ теперь большинство. Времени терять нельзя; необходимо бороться, такъ какъ на картѣ стоитъ самое существованіе славянскаго элемента въ Македоніи; необходимо тѣмъ болѣе, что опасность грозитъ не только со стороны грубой турецкой силы, но и отъ болѣе дѣйствительнаго культурно-экономическаго вліянія Австріи. Но это же обязываетъ борцовъ быть въ высшей степени осмотрительными, чтобы не дать Австріи повода къ политическому дѣйствію,—къ оккупаціи. Конечно, ни Сербія, ни Болгарія недостаточно сильны для того, чтобы претендовать на рѣшеніе македонскаго вопроса. Его разрѣшитъ дипломатія и великія державы. Но Сербія и Болгарія могутъ подготовить и ускорить это рѣшеніе. Въ этомъ смыслѣ ихъ совмѣстная дѣятельность въ Македоніи, легальная—при помощи ихъ оффиціальныхъ органовъ, и нелегальная—при помощи македонскихъ организацій, въ высшей степени важна и желательна. Но такая дѣятельность возможна только при условіи признанія автономной Македоніи. Автономія даже безъ „реальныхъ гарантій", на которыхъ такъ настаивалъ Симичъ, была бы, по мнѣнію Йовановича, единственно справедливымъ рѣшеніемъ македонскаго вопроса. Она была бы выгодна даже и для Сербіи, которая, все равно, не можетъ надѣяться на завладѣніе Салониками. Автономная Македонія могла бы заключить съ нею таможен-

ный союзъ и, открывъ ей салоникскій портъ, допустить ее къ морю. Къ сожалѣнію, немногіе сербы понимаютъ это. Но такое пониманіе придетъ,—пусть только уляжется теперешняя неурядица въ внутреннихъ дѣлахъ Сербіи. А когда общественное мнѣніе перестанетъ видѣть въ совмѣстной съ болгарами дѣятельности измѣну сербскимъ интересамъ,—станетъ возможнымъ и сербско-болгарскій договоръ, гарантомъ и охранителемъ котораго можетъ быть хотя бы, напримѣръ, Россія...

Свиданіе съ Йовановичемъ окрылило, но не надолго, надежды автора. Встрѣча съ Стояномъ Протичемъ оказалась для нихъ новымъ холоднымъ душемъ. С. Протичъ нѣкогда былъ ярымъ коммунистомъ, но теперь онъ редакторъ сербскаго оффиціоза „Дневникъ", директоръ управленія государственныхъ монополій и, въ качествѣ дворцоваго радикала, одинъ изъ главныхъ столповъ коалиціи, которая поддерживаетъ настоящій режимъ въ Сербіи. Оппортунистъ въ политикѣ и личномъ поведеніи, онъ, однако, остался „марксистомъ" въ своей философіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, рекомендовали его Радеву, который и поспѣшилъ навѣстить его. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, было послушать человѣка, который „на внутреннюю политику Сербіи смотрѣлъ съ точки зрѣнія короля Александра, а на общественное развитіе человѣчества—съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса".

Оказалось, однако, что его взгляды на македонскій вопросъ не имѣли ничего общаго съ „историческимъ матеріализмомъ". Они очень мало отличались отъ тѣхъ вульгарныхъ понятій, которыя были ходячими въ средѣ сербскихъ и болгарскихъ политикановъ нѣсколько времени тому назадъ, но которыя теперь кажутся окончательно опровергнутыми и теоріею, и жизнью. Протичъ разрѣшалъ македонскій вопросъ очень легко и просто. По его мнѣнію надо было просто раздѣлить Македонію между сербами и болгарами,—заключить дипломатическій договоръ, которымъ разъ навсегда были бы опредѣлены границы взаимныхъ „сферъ вліянія", и затѣмъ работать каждому въ своей сферѣ. Когда придетъ день паденія Турціи, договорившіяся стороны станутъ фактическими господами своихъ доль общаго наслѣдства. Что̀ можетъ быть проще и понятнѣе этой „ясной какъ день" концепціи? Бояться, что македонское населеніе не ратификуетъ этого договора — нечего. Само по себѣ, оно—нуль. Никакого политическаго и національнаго самосознанія въ немъ нѣтъ. То, въ чемъ наивные идеалисты видятъ его проявленія—поддержаніе училищъ и церквей, столкновенія между пропагандами и ихъ представителями и т. п.—есть не что̀ иное, какъ преходящіе плоды искусственной агитаціи заинтересованныхъ правительствъ болгарской экзархіи, безпокойныхъ умовъ отдѣльныхъ революціонеровъ и зловредной дѣятельности комитетскихъ организацій.

Устраните эти причины,—а устранить ихъ легко: было бы въ Софіи доброе желаніе, — и отъ всего этого якобы національнаго движенія не останется и слѣда. Договоръ, разъ только онъ заключенъ искренно и исполняется честно съ обѣихъ сторонъ, разрѣшаетъ всѣ трудности. Во всякомъ случаѣ, онъ разрѣшаетъ ихъ гораздо легче и полнѣе, чѣмъ планъ македонской автономіи, казавшійся Протичу и сентиментальнымъ, и непрактичнымъ, и не покрывающимъ собою всего содержанія сложнаго македонскаго вопроса. Что сталось бы при автономіи съ болгарскою экзархіею, которая, конечно, продолжала бы свою спеціально-болгарскую пропаганду? Каковъ былъ бы при ней оффиціальный языкъ? Каково было бы при ней положеніе грековъ, влаховъ, которымъ, въ сущности, не должно бы быть мѣста въ чужой для нихъ славянской странѣ? и т. д., и т. д. Способъ разрѣшенія этихъ трудностей, который предлагалъ Радевъ,—отдѣленіе церкви отъ государства; возстановленіе сербской Охридской или Ипекской патріархій; признаніе оффиціальнымъ языкомъ турецкаго, съ правомъ населенія пользоваться въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и всякимъ изъ существующихъ въ странѣ языковъ; признаніе равныхъ правъ за всѣми національностями, и т. п.,—казался Протичу фантастическимъ, непрактичнымъ и невозможнымъ. Въ качествѣ „марксиста", Протичъ не вѣритъ въ „абстрактную справедливость" и въ „безпочвенные проекты идеалистовъ". Въ качествѣ бюрократа и „дворцоваго радикала", онъ вѣритъ въ всемогущество договоровъ и планомѣрной государственной дѣятельности. И хуже всего было то, что Протичъ былъ не одинъ, что его взгляды на македонскій вопросъ раздѣляли, какъ онъ и заявилъ съ довольнымъ видомъ своему собесѣднику, „всѣ сербы".

Всѣ, не исключая даже и такихъ людей, какъ бывшій министръ и вождь одной изъ радикальныхъ фракцій, а впослѣдствіи узникъ, нынѣ впрочемъ амнистированный, извѣстный Коста Таушановичъ. Несмотря на громадное разстояніе, отдѣляющее этого популярнѣйшаго изъ сербскихъ политическихъ дѣятелей, любимца демократической молодежи и идола сельской массы, отъ карьеристовъ-бюрократовъ, въ родѣ Протича или Симича, взгляды Таушановича на македонскій вопросъ мало въ чемъ отличаются отъ только-что резюмированныхъ взглядовъ „марксистскаго" редактора оффиціознаго „Дневника". Иной тонъ, нѣсколько иная аргументація, но выводы во всѣхъ существенныхъ чертахъ одни и тѣ же. И это тѣмъ болѣе важно, что Таушановичъ—человѣкъ будущаго, что его политическая карьера еще не окончена, что ему еще придется, вѣроятно, фигурировать въ исторіи въ роли руководителя сербской политики.

По мнѣнію Таушановича, Сербія и Болгарія имѣютъ огромный и взаимный интересъ жить между собою въ согласіи и дружбѣ. Един-

ственное, что̀ ихъ дѣлитъ, это—македонскій вопросъ, и потому величайшею патріотическою заслугою было бы полюбовное разрѣшеніе этого вопроса къ обоюдной выгодѣ. Нѣтъ спора, разрѣшеніе его съ помощью „автономіи" было бы самымъ справедливымъ. Къ сожалѣнію, оно не возможно. Хорошо это или дурно, но ни сербы, ни греки никогда на автономію не согласятся, такъ какъ они болгарамъ не довѣряютъ и—принимая во вниманіе все прошлое—довѣрять не могутъ. Къ тому же и великія державы, преслѣдующія на востокѣ каждая свою систематическую традиціонную политику, никогда не станутъ искренно и серьезно поддерживать идею автономіи. Да, наконецъ, не хотятъ ея и въ оффиціальныхъ болгарскихъ сферахъ, и если тамъ иногда слышатся голоса въ ея пользу, то это—одна политика. Остается, значитъ, раздѣлъ, который нейтрализируетъ національную борьбу и локализируетъ культурно-національную дѣятельность въ опредѣленныхъ, такъ сказать, узаконенныхъ сферахъ, и—рядомъ съ раздѣломъ—систематическое солидарное давленіе на Турцію въ видахъ теперь же возможныхъ въ Македоніи реформъ и улучшеній. Конечно, и раздѣлъ—не легкая вещь. Но онъ необходимъ и, потому, долженъ быть достигнутъ, несмотря на болѣзненную подозрительность сербовъ и неуступчивость болгаръ. Послѣдніе должны понять, что Сербія имѣетъ свои національныя задачи, отъ которыхъ она *не можетъ* отказаться. Сербы не могутъ допустить, чтобы Македонія стала болгарскою провинціею, и не допустятъ, какихъ бы жертвъ это имъ ни стоило. Необходимы взаимныя уступки. Онѣ будутъ сдѣланы, и соглашеніе состоится... Что касается до дѣятельности комитета и революціонныхъ организацій, то Таушановичъ довѣряетъ ей такъ же мало, какъ и Симичъ. Всѣ подобныя организаціи органически страдаютъ отсутствіемъ такта и осмотрительности. Они всегда рискуютъ зарваться и вызвать какую-нибудь крайне нежелательную катастрофу. Македонскій вопросъ—вопросъ государственный. Только государство можетъ брать на себя отвѣтственность за его разрѣшеніе, такъ какъ только оно обладаетъ необходимыми для этого средствами и знаніями. Только оно, между прочимъ, можетъ вести систематическую и планомѣрную экономическую политику. А между тѣмъ именно такая политика должна бы сдѣлаться однимъ изъ главныхъ элементовъ борьбы за освобожденіе Македоніи. Училища, церкви—это, конечно, хорошо, но это далеко не все, что̀ нужно. Нужно поднять страну экономически, повысить производительность ея труда. Въ Австріи начинаютъ понимать это; австрійскіе капиталы начинаютъ появляться въ Скопіе, въ Салоникахъ, гдѣ они субсидируютъ мѣстныя кредитныя учрежденія, и т. п. Сербы и болгары должны съ своей стороны налечь на эту форму культурнаго воздѣйствія. Онѣ должны открыть новыя

области для приложенія труда мѣстнаго крестьянскаго населенія, создать доступный торговый кредитъ, положить начало мѣстной индустріи и т. д.

Но все это возможно лишь при условіи спокойной планомѣрной дѣятельности. А такая дѣятельность, въ свою очередь, возможна только при условіи сербско-болгарской дружбы, скрѣпленной соотвѣтствующимъ договоромъ о раздѣленіи сферъ вліянія въ Македоніи...

Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, нашему автору пришлось обмѣняться мнѣніями по македонскому вопросу со многими другими извѣстными и неизвѣстными представителями сербской націи. Но мы не будемъ передавать здѣсь содержаніе этихъ бесѣдъ, такъ какъ это значило бы только повторяться. При всемъ своемъ разнообразіи въ подробностяхъ, всѣ эти мнѣнія представляли въ сущности лишь варіанты двухъ, знакомыхъ уже читателю, точекъ зрѣнія и безъ большой ошибки могли быть отнесены къ двумъ категоріямъ. Къ первой принадлежали тѣ, которыя въ большей или меньшей степени совпадали съ взглядами самого автора, т.-е. которыя видѣли разрѣшеніе вопроса въ признаніи автономіи Македоніи и въ честномъ отказѣ, какъ заинтересованныхъ правительствъ, такъ и частныхъ революціонныхъ организацій, отъ примѣси національнаго элемента въ ихъ культурно-освободительной борьбѣ. Къ другой — относились тѣ, которыя признавали единственнымъ раціональнымъ исходомъ раздѣленіе сферъ вліянія, закрѣпленное соотвѣтствующимъ договоромъ, который былъ бы гарантированъ европейскими державами и, особенно, Россіею. Эта послѣдняя точка зрѣнія была, очевидно, преобладающею. Она отвѣчала національному чувству, удовлетворяла патріотическія стремленія, не противорѣчила привычнымъ традиціямъ и, потому, господствовала почти безраздѣльно, какъ въ сербскихъ правящихъ сферахъ, такъ и въ слѣпо идущей за ними сербской массѣ. Первую же точку зрѣнія раздѣляли лишь немногія отдѣльныя личности, да и тѣ, — какъ увѣрялъ Радева одинъ изъ вожаковъ сербской соціалистической партіи, — только на словахъ, до перваго испытанія. „Не вѣрьте этимъ господамъ,—говорилъ онъ нашему автору, — они злоупотребляютъ вашею довѣрчивостью. Что имъ стоило — наговорить вамъ кучу красивыхъ словъ? Ничего! Всѣ эти рѣчи о славянской взаимности, о будущности сербской расы, о братствѣ съ болгарами, все это — готовыя трафаретки, и только. Вѣрьте мнѣ: Сербія—противъ автономіи. Она хочетъ раздѣленія Македоніи, и для достиженія этой цѣли она пойдетъ на все, на всякія комбинаціи. Само собою разумѣется, что, говоря: „Сербія“, я не имѣю въ виду народной массы, которой—въ ея будничной борьбѣ за хлѣбъ—не до Македоніи и македонскаго вопроса. Не имѣю я, собственно, въ виду и нашей интеллигенціи, которая плохо освѣ-

домлена по вопросу, и въ своемъ отношеніи къ нему руководится не сознательною программою, а сентиментальнымъ патріотизмомъ, сотканнымъ изъ ходячихъ легендъ и популярныхъ именъ. Я говорю о политиканахъ, о такъ-называемыхъ „государственныхъ дѣятеляхъ", о правительствѣ, для котораго македонскій вопросъ важенъ не только самъ по себѣ, но и какъ могущественное, всегда находящееся подъ рукою орудіе внутренней политики"...

Оставляя въ сторонѣ специально-соціалистическое освѣщеніе, основную мысль этой тирады приходится признать вѣрною. Сербія, дѣйствительно, относится отрицательно къ автономіи Македоніи и стремится къ ея раздѣленію. Это открытіе смутило Радева и даже заставило его отказаться отъ своего плана прочесть въ Бѣлградѣ рядъ публичныхъ лекцій о „македонскомъ вопросѣ съ точки зрѣнія настоящей программы македонскаго комитета". Но насъ оно ничуть не удивляетъ. Намъ кажется, что иначе и быть не могло; что автономія—какъ бы она ни была справедлива теоретически—на практикѣ должна казаться неосуществимою, причемъ главною причиною этой неосуществимости является именно отсутствіе тѣхъ „реальныхъ гарантій", которыхъ такъ настойчиво требовалъ отъ своего собесѣдника сербскій практикъ-бюрократъ, Симичъ, и отъ которыхъ съ такимъ презрительнымъ нетерпѣніемъ отмахивался македонскій идеалистъ-революціонеръ, Радевъ. Ему, космополиту по своему общему міровоззрѣнію, революціонеру не столько по національному чувству, сколько по экзальтированному чувству гуманности, было вполнѣ естественно считать пустяками вопросы о господствующемъ языкѣ, объ экзархіи, о болгарской пропагандѣ, о возможности новаго „румелійскаго переворота" въ автономной Македоніи. Но для практическаго политика, исходящаго изъ оцѣнки дѣйствительныхъ отношеній, принимающаго въ разсчетъ наличныя традиціи и тенденціи, именно въ этихъ вопросахъ заключалась вся трудность, вся неразрѣшимость основной задачи...

И такъ смотрятъ на дѣло не одни сербы. Мы не боимся ошибиться, сказавъ, что таково же въ общихъ чертахъ отношеніе къ нему и со стороны болгаръ. Если же въ немъ и замѣчаются въ послѣднее время признаки нѣкоторой перемѣны въ направленіи, указываемомъ Радевымъ, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь преходящіе слѣды послѣдняго македонско-болгарскаго „imbroglio". Террористическіе подвиги македонскаго комитета, перенесенные имъ въ предѣлы княжества и даже сосѣднихъ государствъ; конфликтъ съ Румыніею и вызванный имъ призракъ разрыва и войны; вмѣшательство Европы и Россіи, повлекшее за собою недавнія преслѣдованія противъ македонской центральной организаціи; новое положеніе, которое начинаютъ

вслѣдствіе этого занимать многочисленные въ странѣ македонскіе элементы по отношенію къ чисто болгарской внутренней политической и партійной борьбѣ,—все это не прошло, конечно, совсѣмъ безслѣдно для болгарскаго „общественнаго мнѣнія". Среди болгарской интеллигенціи, дѣйствительно, появилось теченіе, въ которомъ начинаетъ чувствоваться критическое отношеніе къ македонскому дѣлу въ его традиціонно-національной оболочкѣ. Начинаютъ находить,—хотя вслухъ этого и не высказываютъ,—что, рядомъ съ его заманчивыми и положительными перспективами въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, у него есть свои отрицательныя стороны въ настоящемъ; что оно поглощаетъ массу драгоцѣнныхъ болгарскихъ силъ, которыя могли бы—и должны бы—найти себѣ приложеніе въ области культурной работы въ самой Болгаріи; что оно вноситъ путаницу, замѣшательство и лишніе поводы къ столкновеніямъ и борьбѣ въ области внутреннихъ политическихъ отношеній; что оно слишкомъ уже тяготѣетъ надъ болгарскою общественно-политическою жизнью, и что слѣдовало бы, наконецъ, его нѣсколько ограничить какъ въ мѣстѣ, которое оно въ ней занимаетъ, такъ и въ дѣйствіи, которое оно на нее оказываетъ. Планъ „автономіи" нѣкоторыми своими сторонами отвѣчаетъ этому настроенію и потому начинаетъ встрѣчать благосклонный пріемъ въ нѣкоторыхъ кругахъ. Но это настроеніе крайне ограниченно по своему распространенію. Масса населенія остается внѣ его. Македонія по прежнему занимаетъ центральное мѣсто въ ея національномъ самосознаніи и является альфою и омегою въ комплексѣ ея національныхъ идеаловъ. Въ результатѣ, она остается по прежнему однимъ изъ главныхъ козырей въ партійныхъ программахъ и—хочешь не хочешь—однимъ изъ основныхъ элементовъ въ области правительственной политики. Надѣяться при такихъ условіяхъ на возможность соглашенія съ Сербіею съ цѣлью національной нейтрализаціи Македоніи—кажется мнѣ слишкомъ труднымъ, почти невозможнымъ. Эта невозможность могла бы, конечно, исчезнуть, если бы за это дѣло взялась Россія. Но тогда все стало бы „другое дѣло". Такая гипотеза не играетъ еще роли въ практической политикѣ, и потому мы можемъ оставить ее пока безъ разсмотрѣнія...

И. К.

София.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1902.

— В. А. Францевъ. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.

Чешское возрожденіе новѣйшаго времени представляетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ ряду національныхъ „возрожденій" за послѣднія полтора столѣтія европейской исторіи. Народъ, показавшій чрезвычайную энергію въ религіозномъ движеніи XV вѣка, предварявшемъ реформацію, долго защищавшій свою церковную, частію и политическую самостоятельность, былъ наконецъ сломленъ въ началѣ XVII вѣка: наступившее католическое господство, поддержанное нѣмецкой политической силой, повидимому совершенно уничтожило всякую тѣнь прежней гражданской, религіозной и умственной дѣятельности племени, которое вошло въ рядъ мелкихъ пригнетенныхъ славянскихъ народностей подъ правленіемъ Габсбурговъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ не было слышно чешскаго имени; почти исчезли даже слѣды литературы, какъ исчезало національное преданіе; высшіе классы были сполна онѣмечены. Чешскому народу предстояла та судьба, какая постигла нѣкогда балтійскихъ славянъ,—исчезнуть съ лица земли, послуживъ матеріаломъ для увеличенія нѣмецкаго племени.

Такъ шло почти два вѣка. И несмотря на весь гнетъ, падавшій на чешскую народность, на полное истребленіе національнаго преданія, составлявшаго жизненную силу народа, преданія гуситскаго,—съ конца XVIII вѣка эта загнанная, почти совсѣмъ подавленная народность начинаетъ обнаруживать признаки жизни: является нѣсколько сочиненій (на первый разъ больше на нѣмецкомъ языкѣ), напоминающихъ старую исторію; появляются популярныя книжки на народномъ языкѣ, и затѣмъ изъ этого инстинктивнаго влеченія къ своему народному, пока не задававшаго себѣ никакихъ широкихъ

задачъ, мало-по-малу, въ сущности очень быстро, развивается сознательная любовь къ своей народности, желаніе поднять ее изъ пренебреженія и забвенія; наконецъ, когда это движеніе нашло сочувствіе, болѣе и болѣе горячее, въ массѣ общества,—началась научная работа, историческая реставрація чешской старины, затѣмъ мечта о возстановленіи національной жизни; наступило „возрожденіе". Въ послѣднемъ результатѣ, какъ онъ выражается въ настоящую минуту, мы дѣйствительно видимъ цѣлый народъ, возродившійся къ національной жизни. Правда, политическія условія,—хотя чрезвычайно измѣнившіяся къ лучшему въ общественныхъ дѣлахъ отъ первыхъ временъ „возрожденія",—остаются, въ разныхъ отношеніяхъ, весьма неблагопріятны, и является новая гроза со стороны „все-нѣмецкаго" движенія; но современное національное самосознаніе чешскаго народа достигнуто и сказывается усиленной работой въ области науки, литературы, искусства, промышленнаго труда и т. д.

Одну сторону исторіи чешскаго возрожденія предпринялъ выяснить г. Францевъ въ своихъ „Очеркахъ". Въ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ задачу своей книги:

„Въ чешскомъ возрожденіи въ ряду многихъ и разнородныхъ факторовъ этого движенія однимъ изъ выдающихся по значенію слѣдуетъ признать непосредственное сближеніе и затѣмъ продолжительныя тѣсныя связи главнѣйшихъ представителей этой великой въ жизни чешскаго народа эпохи съ русскимъ міромъ. Страннымъ образомъ, въ чешскихъ трудахъ по исторіи возрожденія мы встрѣчаемъ только робкіе и глухіе намеки или незначительныя замѣчанія о значеніи и роли этого фактора въ обновленной чешской жизни XIX ст.

„Начиная съ первыхъ посѣщеній Чехіи русскими войсками въ XVIII столѣтіи, мы имѣемъ возможность, такъ сказать, документально прослѣдить отдѣльные моменты этихъ связей и благодѣтельнаго взаимодѣйствія, достигшихъ въ области науки особенной широты и силы въ періодъ конца тридцатыхъ и половины сороковыхъ годовъ. Связанныя съ ростомъ политическаго могущества Россіи съ конца XVIII столѣтія, неясныя, но весьма популярныя мечтанія о великой роли славянскаго Востока въ обновленіи жизни крайняго славянскаго Запада, нашедшія достаточно полное выраженіе въ чешской поэтической литературѣ, съ теченіемъ времени смѣняются дѣятельнымъ изученіемъ этого міра. Первый камень полагаетъ Добровскій своимъ путешествіемъ въ Россію и затѣмъ замѣчательными критическими статьями, посвященными выдающимся явленіямъ русской исторической литературы. На Востокъ обращаетъ одновременно свои взоры и чешская изящная словесность: тамъ ищетъ она свѣжихъ, новыхъ началъ, обусловливающихъ жизнь ея и движеніе впередъ. Пухмайеръ

(1804 г.), въ предисловіи къ „Книдскому храму" Монтескьё, смѣло зоветъ ее на этотъ новый путь. И призывъ Пухмайера не остается безъ отклика,—онъ повторяется затѣмъ неоднократно. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія начинаются путешествія русскихъ ученыхъ на славянскій Западъ. Первый Кеппенъ отправляется въ путь съ ясно намѣченными задачами и программой. Славянскія изученія съ тѣхъ поръ пріобрѣтаютъ у насъ все болѣе и болѣе прочную почву, и сознаніе великаго значенія ихъ для русской науки выражается сильнѣе всего въ стремленіи нашемъ создать у насъ славянскія каѳедры. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпляетъ наши связи съ чешскими славяновѣдами и приводитъ, спустя немного лѣтъ, къ посылкѣ въ славянскія земли цѣлой плеяды молодыхъ людей, впослѣдствіи воодушевленныхъ работниковъ на новой нивѣ. Съ конца тридцатыхъ годовъ наши связи съ Прагой становятся особенно оживленными и богатыми плодами" (...фраза построена неловко). Взаимодѣйствіе науки чешской и русской въ этотъ періодъ сказывается особенно сильно—оно опредѣляетъ все дальнѣйшее развитіе той и другой.

„Очерки наши,—говоритъ г. Францевъ,—посвящены преимущественно, такъ сказать, внѣшней исторіи этого знаменательнѣйшаго въ жизни славянской культурнаго общенія. Факты, сгруппированные нами, смѣемъ думать, достаточно убѣдительно говорятъ о дѣйствительномъ значеніи этихъ взаимныхъ связей. Изложить нѣкоторые моменты ихъ съ желательной полнотой и представить цѣльную картину ихъ вмѣстѣ съ полной оцѣнкой всего этого движенія можно будетъ со временемъ, когда для этого накопится больше матеріала, нынѣ въ значительной части лежащаго подъ спудомъ".

Для этой исторіи уже теперь, впрочемъ, собралось довольно много матеріала, между прочимъ и въ нашей литературѣ. Отчасти, это—біографіи (напр. Шафарика, Коллара, Погодина и др.), но въ особенности собранія писемъ,—напр., обширная переписка Востокова, Добровскаго, Копитара, славянская переписка Погодина, Бодянскаго, обширное собраніе писемъ Срезневскаго; любопытное изслѣдованіе объ этой порѣ русско-славянскихъ отношеній г. Кочубинскаго и т. д. Кромѣ этого, авторъ воспользовался архивнымъ матеріаломъ бывшей Россійской Академіи, министерства просвѣщенія, частныхъ собраній, и наконецъ старался собрать все, что̀ могла доставить старая литература и новѣйшія изслѣдованія чешскія по этому предмету.

Книга заключаетъ слѣдующіе предметы (и главы): первые моменты русско-чешскихъ связей въ концѣ XVIII и начала XIX столѣтій;—В. В. (?) Ганка и Ф. Л. Челяковскій, начальные годы ихъ дѣятельности;—попытки призванія славянскихъ ученыхъ въ Россію;—русскіе путешественники славяновѣды въ Чехіи въ тридцатыхъ и со-

роковыхъ годахъ;—первые годы славянскихъ каѳедръ въ Россіи; связи съ Прагой.

Книга г. Францева, исполненная очень обстоятельно, представляетъ очень цѣнный вкладъ въ исторію чешскаго возрожденія, а также и въ исторію русскаго славяновѣдѣнія. Надо бы желать, чтобы г. Францевъ продолжилъ свою работу и—нѣсколько расширилъ точку зрѣнія. Дѣло въ томъ, что не только излагаемыя авторомъ русско-чешскія отношенія, но и все чешское возрожденіе составляютъ только часть одного широкаго историческаго явленія, именно цѣлаго славянскаго возрожденія. Какъ ни было замѣчательно собственно чешское возрожденіе само по себѣ,—и въ цѣломъ славянскомъ возрожденіи оно было, безъ сомнѣнія, явленіемъ самымъ важнымъ и наиболѣе оказавшимъ вліянія,—но все-таки его исторія не можетъ быть понята сполна безъ связи съ этимъ цѣлымъ; съ другой стороны, русско-чешскія отношенія развивались вовсе не на одной почвѣ собственно чешскаго возрожденія:—первыхъ русскихъ славистовъ и славянолюбцевъ возбуждали и увлекали не одни успѣхи новой чешской литературы, но и проблески возрожденія у другихъ славянскихъ народовъ,—напр., былъ особенно популяренъ Вукъ Караджичъ, и т. п. Такимъ образомъ, по существу дѣла, для эпизода, изложеннаго г. Францевымъ, требовалась бы общая рамка, гдѣ этотъ эпизодъ нашелъ бы свою историческую связь и основу. Такое общее введеніе необходимо было бы и въ интересахъ русскаго читателя. Для спеціалистовъ, конечно, будетъ совершенно понятно значеніе частностей, разсказанныхъ г. Францевымъ, но самъ авторъ, вѣроятно, предпочелъ бы, чтобы его книга имѣла не только гелертерскій интересъ, но могла бы быть доступна обыкновенному образованному читателю, а для этого читателя, мало или совсѣмъ незнакомаго съ исторіей славянскаго возрожденія, такое введеніе, о какомъ мы говоримъ, было бы весьма полезно и любопытно.—А. П.

— Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. М 1902.— 180 стр. in-4°.

Прекрасно изданная книга гр. Шереметева составилась, какъ говорится въ предисловіи, изъ дневника и путевыхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ имъ въ окрестностяхъ Бѣлаго Озера, преимущественно въ Кирилловскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Отправившись туда сначала съ цѣлью поохотиться, авторъ расширилъ затѣмъ кругъ своихъ интересовъ наблюденіями надъ характеромъ края, бытовыми особенностями населенія, его

языкомъ, творчествомъ, преданіями. Такимъ образомъ, читатель не долженъ предъявлять къ книгѣ требованій ученаго изслѣдованія; но тѣмъ не менѣе книга исполнена интереса и является очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу, далеко не богатую описаніями обширнаго и разнообразнаго сѣвера нашей родины. Значеніе труда гр. Шереметева опредѣляется еще и тѣмъ, что съ собираніемъ этнографическаго матеріала нужно спѣшить: старыя формы жизни быстро исчезаютъ, не оставляя слѣда въ памяти потомства. По совершенно вѣрному замѣчанію гр. В. А. Соллогуба, поставленному авторомъ въ эпиграфѣ книги,—„многое уже погибло невозвратно; многое пропадаетъ съ каждымъ днемъ; старина наша исчезаетъ и *уноситъ народность съ собой*". Съ этими словами согласится всякій нѣсколько внимательный путешественникъ, котораго судьба приведетъ побывать въ глухихъ уголкахъ Россіи.

Благодаря тому, что гр. Шереметевъ преднамѣренно сохранилъ характеръ дневника поѣздки, читателю приходится самому выдѣлить этнографическій матеріалъ отъ чисто личныхъ впечатлѣній автора, въ родѣ пережитыхъ имъ въ Вологдѣ, въ гостинницѣ „Золотого якоря", что̀, конечно, менѣе интересно. Но такихъ отступленій немного, и нѣкоторыя страницы въ дальнѣйшемъ изложеніи могутъ остановить на себѣ серьезное вниманіе читателя. Таково прежде всего обстоятельное описаніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, его церквей, богатой ризницы, — съ фотографическими снимками и историческими справками о погребенныхъ тамъ опальныхъ Шереметевыхъ. Исторія ихъ монастырской жизни и затѣмъ кончины приводитъ на память знаменитое посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и открываетъ жестокую картину его царствованія, невольно усиливающую впечатлѣніе описанія Кирилловой обители. Кромѣ нея, авторъ посѣтилъ Ѳерапонтовъ упраздненный монастырь, гдѣ жилъ нѣкоторое время осужденный патріархъ Никонъ, и нѣсколько другихъ, рѣдко посѣщаемыхъ пунктовъ. Прослушавъ мѣстныхъ сказителей и сказительницъ, авторъ записалъ нѣсколько десятковъ пѣсенъ, сказокъ и заговоровъ, и нужно отдать ему полную справедливость—тексты производятъ впечатлѣніе весьма удачныхъ записей; къ сожалѣнію, остались не отмѣченными параллели съ напечатанными ранѣе текстами.

Особенно характерны записи, сдѣланныя со словъ сказителя Арапова. Араповъ, по словамъ гр. Шереметева, большой знатокъ пѣсеннаго дѣла. Онъ знаетъ много пѣсенъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются историческія, но еще болѣе знаетъ сказокъ на былинные сюжеты. Араповъ разсказывалъ автору, что старинныхъ пѣсенъ теперь *не понимаютъ*, „теперь среди крестьянъ распространились *болтушки*". Араповъ ихъ не любитъ, говоритъ ихъ не станетъ и предложилъ дру-

гія, что̀ бы стоило писать. Есть еще у нихъ пѣсни *бѣсовскія*, но ихъ онъ не согласенъ разсказывать на старости лѣтъ. Онъ прежде зналъ больше пѣсенъ: „мы много знали, да грѣшныя стали изъ памяти выходить". Говорилъ онъ также, что ему тяжело много пѣть: *душа не можетъ тянуть*. Поэтому пришлось большинство пѣсенъ записать только со словъ. Это было жаль. Древніе напѣвы вызывали особенныя чувства: чудилась отшедшая жизнь и подъ звуки вставали иные образы. Иногда онъ останавливался и спрашивалъ: „не круто ли я говорю?" или пояснялъ своими словами не всегда понятныя выраженія. Его видимо занимало записываніе.

Наибольшее впечатлѣніе произвела *басня* о Тюхменѣ Адехментьевичѣ. Эта былина извѣстна подъ другимъ именемъ, какъ былина о богатырѣ Сухманѣ. Къ ней оказалась присоединена другая, о Василисѣ Никулишнѣ. Судя по приведеннымъ образцамъ, этотъ сказитель заслуживаетъ вниманія наряду съ другими, извѣстными въ этнографической литературѣ.

Къ книгѣ приложены таблицы мѣстныхъ узоровъ, списки съ грамотъ царя Алексѣя Михайловича, изъ собранія рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и необходимые указатели—рисунковъ, именной и предметный.

Широкому распространенію этой книги, вѣроятно, помѣшаетъ ея сравнительно высокая цѣна, любители же нашей старины и народности отнесутся къ ней съ полнымъ сочувствіемъ. Они, несомнѣнно, выразятъ вмѣстѣ съ нами пожеланіе, чтобы авторъ не остановился на этомъ первомъ опытѣ своихъ этнографическихъ наблюденій, но продолжалъ работать и дальше въ этомъ направленіи, считаясь при томъ не только съ личнымъ вкусомъ и природной любознательностью, но и съ существующей литературой предмета.—Е. Л.

— А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902.

Книга г. Зотова представляетъ изслѣдованіе по вопросу о способахъ мирнаго разрѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ Англіи. Матеріалами для него, кромѣ печатныхъ источниковъ, служили рукописные документы и устныя свѣдѣнія, полученныя авторомъ отъ выдающихся представителей фабрикантовъ и рабочихъ. Это придаетъ книгѣ отпечатокъ особенной жизненности, и, несмотря на нѣкоторую ея растянутость, она прочитывается отъ начала до конца съ неослабнымъ интересомъ. Растянутость изложенія объясняется тѣмъ, что книга со-

ставлена изъ статей, печатавшихся въ журналахъ, и представляетъ сборникъ монографій относительно нѣсколькихъ округовъ Англіи, а не цѣльное изслѣдованіе о способахъ мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими Соединеннаго Королевства. Къ книгѣ не приложено также введенія относительно распространенности описываемыхъ въ ней методовъ разрѣшенія недоразумѣній въ цѣломъ королевствѣ и только разсказывается исторія первыхъ камеръ соглашенія. Изслѣдованіе г. Зотова представляетъ поэтому интересъ лишь въ смыслѣ ознакомленія читателя съ организаціей, методами дѣйствія и возможными результатами учрежденій даннаго рода. Самъ авторъ является горячимъ приверженцемъ мирныхъ соглашеній между предпринимателями и рабочими; но приводимыхъ имъ фактовъ недостаточно для убѣжденія въ томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти соглашенія сдѣлаютъ излишнимъ обращеніе къ прямой экономической борьбѣ или къ правительственному вмѣшательству, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Такъ, первая (по времени) въ Англіи камера соглашенія,—въ чулочномъ производствѣ г. Ноттингэма,—основанная въ 1860 г. и прекратившая прежнія боевыя отношенія между фабрикантами и рабочими, перестала существовать во время промышленнаго кризиса восьмидесятыхъ годовъ, послѣ чего ноттингэмская чулочная промышленность вернулась къ „порядкамъ и отношеніямъ пятидесятыхъ годовъ: общая такса (заработной платы) болѣе не соблюдается, рабочіе союзы не признаются, и предприниматели имѣютъ дѣло только съ рабочими собственныхъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась и прежняя ожесточенная борьба“ (стр. 17). Способъ установленія заработной платы въ нортумберландской каменноугольной промышленности третейскимъ судомъ, избираемымъ предпринимателями и рабочими, просуществовалъ лишь два года, а затѣмъ хозяева отказались отъ него и дѣло закончилось крупной стачкой (стр. 314). Стачкой же прервано было существованіе и слѣдующей за системою третейскихъ судовъ системы регулированія заработной платы подвижными скàлами въ дургэмской каменноугольной промышленности (стр. 341); а когда скàлы были оставлены и измѣненія въ ту или другую сторону заработной платы, въ зависимости отъ общаго состоянія товарнаго рынка, стали производиться путемъ соглашенія между предпринимателями и рабочими—эта система была также нарушена крупной стачкою въ 1892 г.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей въ области установленія мирныхъ соглашеній между предпринимателями и рабочими, фабрикантъ Дэвидъ Дэль, обратилъ вниманіе на непрочность этихъ способовъ разрѣшенія споровъ, но объясняетъ данное явленіе тѣмъ, что

„новое поколѣніе рабочихъ не унаслѣдовало опыта своихъ отцовъ относительно того, насколько больше можно выиграть соглашеніемъ или третейскимъ судомъ, нежели ссорами и стачками". Это „можетъ раньше или позже привести къ періоду конфликта, который продолжится до тѣхъ поръ, пока снова не возобладаютъ болѣе мудрые взгляды и пока новое поколѣніе не накопитъ собственнаго опыта и не вернется къ положенію дисциплинированныхъ союзовъ и къ мирнымъ, хотя и энергичнымъ способамъ защиты своихъ интересовъ" (стр. 247). Мы не можемъ сказать, насколько справедливо это объясненіе (принимаемое и г. Зотовымъ), такъ какъ намъ неизвѣстно, наблюдается ли въ Англіи постепенное обновленіе рабочаго персонала фабрикъ и заводовъ, или здѣсь имѣетъ мѣсто (какъ это, повидимому, слѣдуетъ изъ объясненія Д. Дэля) быстрая замѣна одного поколѣнія другими.

Что упраздненія стачекъ,—какъ способа разрѣшенія столкновеній предпринимателей и рабочихъ на Западѣ—по крайней мѣрѣ по отношенію къ высотѣ заработной платы—придется еще долго ждать, видно, между прочимъ изъ того, что фабриканты и рабочіе не могутъ остановиться на какомъ-либо опредѣленномъ способѣ мирныхъ соглашеній, и переходятъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Такъ, въ каменноугольной промышленности Нортумберлэнда и Дургэма въ началѣ семидесятыхъ годовъ заработная плата устанавливалась путемъ переговоровъ между рабочими и предпринимателями, въ срединѣ семидесятыхъ годовъ—третейскими судами; въ концѣ этого десятилѣтія въ данныхъ районахъ входитъ въ употребленіе способъ измѣненія заработной платы путемъ подвижныхъ скалъ (по цѣнѣ продукта), а черезъ десять лѣтъ этотъ способъ былъ оставленъ, и заработная плата опять стала регулироваться путемъ неоформленныхъ переговоровъ между сторонами или посредствомъ организованныхъ камеръ соглашенія и третейскаго суда (стр. 276).

Недовольство рабочихъ заработной платой, назначенной третейскимъ судомъ или другимъ учрежденіемъ, основывается, конечно, на предположеніи, что, при данныхъ условіяхъ производства, предприниматели могли бы платить больше. Упроченію мирныхъ способовъ разрѣшенія вопроса о заработной платѣ много бы поэтому способствовало объявленіе предпринимателями всѣхъ данныхъ о стоимости производства, на чемъ и настаиваютъ рабочіе нѣкоторыхъ округовъ. „Нельзя не согласиться,—говоритъ по этому вопросу г. Зотовъ,—что только удовлетвореніе этого требованія рабочихъ поставило бы регулированіе заработной платы на вполнѣ твердую почву. Только тогда представителямъ рабочихъ и третейскому судьѣ было бы извѣстно дѣйствительное положеніе промышленности, о которомъ въ настоящее время приходится судить лишь на основаніи косвенныхъ признаковъ: цѣны

продукта, объема сбыта и т. п. Но именно въ этомъ важномъ вопросѣ владѣльцы (дургэмскихъ копей) и не шли ни на какіе компромиссы, категорически отказываясь сообщать такія данныя, по которымъ можно бы вычислить получаемую ими среднюю прибыль. Признавая право рабочихъ на извѣстную долю участія въ общихъ результатахъ производства, поскольку эти результаты зависятъ отъ внѣшней конъюнктуры, предприниматели въ то же время рѣшительно отрицали право рабочихъ на участіе въ прибыли, такъ какъ эта послѣдняя зависитъ не только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но и отъ организаціи и успѣшности управленія промышленными предпріятіями" (стр. 298). Нѣтъ, однако, ничего невозможнаго въ томъ, что, при лучшей корпоративной и политической организаціи рабочихъ, хозяева сочтутъ себя обязанными предъявлять соотвѣтственному учрежденію всѣ данныя для сужденія о состояніи въ данный моментъ промышленности, подобно тому какъ они обязаны къ этому въ Новой Зеландіи.

Но хотя мирные способы разрѣшенія споровъ предпринимателей и рабочихъ не получили желательной устойчивости,—нельзя, однако, не замѣтить, что со времени введенія въ Англіи организацій для мирныхъ соглашеній—отношенія между предпринимателями и рабочими замѣтно улучшились, и—что имѣетъ особенно важное значеніе—опытные руководители рабочихъ союзовъ горячо стоятъ за мирное соглашеніе и въ большинствѣ случаевъ не оправдываютъ стачекъ, къ которымъ прибѣгаютъ рабочіе, недовольные постановленіемъ соотвѣтствующаго учрежденія. Въ этомъ нельзя не видѣть залога того, что мирныя соглашенія предпринимателей и рабочихъ имѣютъ всѣ шансы на широкое распространеніе въ Англіи.

— Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ. Земскаго агронома А. А. Зубрилина. Москва. 1901.

Въ то время какъ газетные наши публицисты съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, громятъ крестьянскую общину за преграды, поставляемыя, будто бы, ею прогрессу сельскаго хозяйства—наши практическіе дѣятели пользуются общиной для того, чтобы проводить въ крестьянскую среду весьма существенныя агрикультурныя новшества. Такое противорѣчіе между практической общественной дѣятельностью и ея литературнымъ выраженіемъ (каковымъ въ идеѣ должна быть публицистика) находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что наша публицистика вообще недостаточно связана съ жизнью, а ея представители часто считаютъ излишнимъ провѣрять апріорныя свои заключенія справкою съ дѣйствительностью, не изучаютъ послѣднюю систематически, и не встрѣчаютъ поэтому никакихъ преградъ свободному полету фантазіи, опирающейся на отвлеченныя, подчасъ совершенно

произвольныя положенія. Если, въ силу указаннаго характера нашей публицистики, мы постоянно встрѣчаемся въ литературѣ съ переоцѣнкой или недооцѣнкой данныхъ учрежденій или явленій, то по отношенію къ общинѣ эти свойства публицистики проявляются сугубо. Это хозяйственное учрежденіе — помимо его реальнаго значенія при данныхъ условіяхъ мѣста и времени—однимъ особенно мило потому, что они думають видѣть въ немъ исходную точку для соціальнаго преобразованія; другіе, по тѣмъ же причинамъ, ненавидять это учрежденіе; третьи относятся къ нему отрицательно потому, что считають его препятствіемъ преобразованію въ духѣ коллективизма; четвертые питають къ нему подобныя же чувства за стѣсненія, полагаемыя имъ развитію индивидуализма, въ которомъ они видять альфу и омегу прогрессивнаго развитія общества. Если къ сказанному прибавить, что община не можеть быть безразлична для интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ (нѣкоторые литературные противники общины откровенно заявляють и о своей принадлежности къ аграріямъ, и о своей ненависти къ общинѣ, разоряющей, будто бы, землевладѣльцевъ), и что отрицательное отношеніе къ общинѣ прямо или косвенно было заявлено со стороны выдающихся руководителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ, (что̀ не могло не усилить отрицательнаго отношенія къ ней въ литературѣ), то мы легко можемъ себѣ представить, какъ безплодна окажется полемика по вопросу объ общинѣ, если главнымъ ея основаніемъ будуть служить отвлеченныя соображенія, а не систематическій учетъ фактическихъ данныхъ, и если только вообразить, что современное состояніе знаній допускаеть удовлетворительный отвѣтъ на всѣ вопросы, касающіеся этого учрежденія.

Въ виду такого положенія въ нашей публицистикѣ вопроса объ общинѣ, мы не можемъ не пожалѣть тѣхъ членовъ совѣщанія о нуждахъ русскаго сельскаго хозяйства, которымъ предстоить высказаться по данному предмету и которые не сочтуть себя въ правѣ рѣшать этотъ важный вопросъ по апріорнымъ соображеніямъ и случайнымъ фактамъ и наблюденіямъ. Впрочемъ, что касается вопроса о роли общины въ процессѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній, — положеніе членовъ совѣщанія еще не такъ безнадежно. Если затруднительно получить сколько-нибудь полныя свѣдѣнія о самостоятельномъ движеніи крестьянъ къ улучшенію ихъ хозяйства, не поддерживаемомъ извнѣ, то не представляется никакихъ трудностей свести воедино данныя о попыткахъ земствъ поднять хозяйство крестьянъ, причемъ въ значительной степени выяснится и та задерживающая или способствующая прогрессу—роль, какая въ этомъ дѣлѣ выпадаеть на долю общины. Нужно полагать, что такая сводка и производится въ соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ.

Названная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка г. Зубрилина со-

ставляетъ описаніе мѣропріятій (и ихъ результатовъ) волоколамскаго земства по улучшенію крестьянскаго хозяйства. Авторъ этого труда— агрономъ волоколамскаго земства, лично принимавшій участіе въ его мѣропріятіяхъ. Его описаніе поэтому заключаетъ не только объективныя данныя о ходѣ дѣла, но и личныя наблюденія и впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній съ крестьянами. Какъ извѣстно, московская губернія, вмѣстѣ съ херсонской и вятской, стоитъ впереди остальныхъ областей Россіи по систематической дѣятельности земства на пользу крестьянскаго хозяйства, а волоколамскій уѣздъ находится впереди прочихъ уѣздовъ московской губерніи. Хотя дѣятельность волоколамскаго земства вообще довольно успѣшна и въ теченіе съ небольшимъ десяти лѣтъ всѣ крестьяне этого уѣзда, напр., замѣнили соху плугомъ, но наибольшій интересъ имѣютъ мѣропріятія этого земства по введенію въ крестьянское хозяйство посѣва травъ, съ преобразованіемъ трехпольнаго сѣвооборота въ многопольное. Преобразованіе это совершается цѣлыми общинами и уже почти на половинѣ крестьянской земли уѣзда введена новая система хозяйства. Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ, однако, что травосѣяніе начало вводиться среди волоколамскихъ крестьянъ не по иниціативѣ земства, а самостоятельно, и нѣсколько сельскихъ обществъ въ 1892 г. обратилось въ земскую управу съ просьбой о ссудѣ сѣмянъ травъ для посѣва. Земство воспользовалось этимъ случаемъ для того, чтобы взять на себя руководительство возникшимъ движеніемъ, и стало отпускать сѣмена въ долгъ лишь тѣмъ обществамъ, которыя согласятся организовать травосѣяніе по указанію управы. Заслуга волоколамскаго земства заключается, слѣдовательно, въ томъ, что оно своевременно пришло на помощь крестьянамъ, поддерживало и направляло возникшее среди нихъ движеніе, благодаря чему послѣднее сразу стало на правильный путь, и крестьяне были избавлены отъ тягостнаго исканія надлежащей формы введенія травы въ полевой сѣвооборотъ, на что они обречены, напр., въ тверской и смоленской губерніяхъ, гдѣ ихъ стремленіе къ прогрессу также очень интенсивно, но гдѣ они не встрѣчаютъ достаточной поддержки со стороны.

Мы не имѣемъ полныхъ и точныхъ данныхъ для сужденія о томъ, какое вліяніе оказало развитіе травосѣянія на экономическое положеніе населенія. Правда, въ книжкѣ г. Зубрилина приводятся данныя подворной переписи въ нѣсколькихъ селеніяхъ съ травопольными сѣвооборотами въ 1893 и 1898 гг.; но послѣдній годъ принадлежитъ къ малоурожайнымъ, что̀ и затемнило вліяніе преобразованія хозяйства. Приблизительно вѣрное сужденіе по данному вопросу можно, впрочемъ, составить на основаніи свѣдѣній, относящихся ко всему волоколамскому уѣзду, за два момента: конецъ 70-хъ годовъ (первое земское изслѣдованіе) и конецъ 90-хъ гг. Въ промежутокъ времени,

раздѣляющій оба момента, всѣ крестьяне уѣзда стали обрабатывать землю плугами и боронами съ желѣзными зубьями; многіе изъ нихъ посѣвныя сѣмена тщательно сортируютъ; половина селеній перешла къ правильнымъ травопольнымъ сѣвооборотамъ, а въ бо̀льшей части остальныхъ—клеверъ сѣется на отдѣльныхъ участкахъ пашни. Вмѣстѣ съ этимъ наблюдаются и слѣдующія измѣненія въ хозяйствѣ.

Количество крупнаго скота у крестьянъ возросло на 26%, урожаи хлѣбовъ увеличились въ $2^1/_2$ раза, а сборъ ихъ—въ три раза. Населеніе поэтому прекратило покупку хлѣба на сторонѣ для продовольствія и имѣетъ его даже въ излишкѣ. Оно стало, вѣроятно, лучше питаться и не только хлѣбомъ, но и продуктами животноводства. „Бо̀льшая часть продуктовъ птицеводства и скотово̀дства потребляется теперь самими крестьянами; продаютъ только отчаянные бѣдняки или тѣ, у которыхъ черезчуръ много получается всякаго добра въ избыткѣ". Народъ сталъ лучше одѣваться, устраивать болѣе сносныя жилища, что̀, вмѣстѣ съ улучшеніемъ питанія, повело къ сокращенію эпидемическихъ болѣзней. Послѣднія заключенія, къ сожалѣнію, не подтверждены цифровыми данными; но что экономическое положеніе крестьянъ волоколамскаго уѣзда, сравнительно, удовлетворительно—можно судить по слѣдующимъ даннымъ относительно недоимокъ.

Въ 1898 г. при $3^1/_4$ милліонахъ рублей годового оклада платежей, на крестьянахъ московской губерніи состояло 5,5 милл. руб. недоимокъ; недоимка достигла, такимъ образомъ, 170% оклада. И тогда какъ ни въ одномъ уѣздѣ отношеніе недоимки къ окладу не опускается ниже 100%, въ волоколамскомъ уѣздѣ оно составляетъ всего 25%. Волоколамскій уѣздъ, правда, не отличался крупной недоимочностью и въ прежнее время: при 40%-отношеніи къ окладу для цѣлой губерніи, недоимка въ волоколамскомъ уѣздѣ составляла въ 1877 году 20% оклада. Но, во-первыхъ, нѣкоторые уѣзды запустили въ указанномъ году меньшую недоимку, нежели волоколамскій, между тѣмъ, какъ въ настоящее время наиболѣе исправные въ платежномъ отношеніи уѣзды московской губерніи обременены недоимкой въ 4—5 разъ болѣе крупной (относительно оклада), нежели недоимка волоколамскаго уѣзда. Во-вторыхъ, почти во всѣхъ уѣздахъ съ 1878 по 1898 г. недоимка возросла (относительно) въ нѣсколько разъ, въ волоколамскомъ же уѣздѣ она увеличилась всего на $^1/_4$ (а если исключить недоимку по хлѣбнымъ ссудамъ, выданнымъ до 1885 г., то окажется, что недоимка въ волоколамскомъ уѣздѣ *уменьшилась* вдвое). На десятину надѣла недоимка составляетъ въ волоколамскомъ уѣздѣ 48 коп., въ остальныхъ—3 руб. 80 коп., или въ восемь разъ болѣе.

Въ данномъ вопросѣ, впрочемъ, особенно важное значеніе имѣетъ не то—увеличилось или нѣтъ благосостояніе населенія, зависящее отъ очень многихъ факторовъ; мы ищемъ отвѣта на вопросъ—какую

роль играетъ община въ процессѣ преобразованія крестьянскаго хозяйства, тамъ, гдѣ стремленіе къ послѣднему обнаружилось съ достаточной ясностью. Матеріалъ же для сужденія объ этомъ предметѣ, повторяемъ, можетъ, между прочимъ, дать дѣятельность земскихъ агрономическихъ организацій.—В. В.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Агафоненко, А. Н., ученый секретарь Прилукскаго сельско-хозяйств. общества. Посѣвъ и уборка краснаго клевера. Пятая книжка. Прилуки, 1902. Стр. 26.

Безчинскій, А. Путеводитель по Крыму. Съ 84 рисунками, 8 портретами, 7 картами и 7 планами. Москва, 1902. Стр. 468. Ц. 1 р. 50 к.

Богоявленскій, Л. А.—Въ новомъ мірѣ. Романъ. Кіевъ, 1902. Изд. Г. Таценко. Стр. 207. Ц. 75 к.

Бокинъ, П. Н., руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича. Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Съ 81 рисунками. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1902. Стр. 346. Ц. 2 р.

Борецкій, А. С.—Милліонъ. Разсказъ. Изд. журнала „Образованіе". Спб., 1902. Стр. III + 52. Ц. 25 к.

Брандтъ, Б. Ф.—Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи. 1900—1901. Ч. I. Спб., 1902. Стр. IV + 244. Ц. 2 р.

Велчевъ, В. Т.—Нашитѣ задачи. Политически статии. 1899—1902. София, 1902. Стр. 134. Ц. 1 левъ.

Видеманъ, К. И.—Сельско-хозяйственная бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія сельскохозяйственнаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Спб. 1902. Стр. VIII + 267. Ц. 1 р. 50 к.

Вольтке, Григорій. Законы о пограничныхъ жителяхъ и пограничныхъ сношеніяхъ. Ихъ исторія, современное значеніе и желательныя измѣненія. Спб., 1903. Стр. 32. Ц. 25 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣм. С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. Изд. редакціи журнала „Образованіе". Спб., 1902. Стр. 308. Ц. 1 р. 25 к.

Гессенъ, I. В.—Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачныя дѣти. Спб., 1902. Стр. 105. Ц. 50 к.

Головачовъ, П. М.—Взаимное вліяніе русскаго и инородческаго населенія Сибири. (Изъ „Землевѣдѣнія" 1901, кн. II—III). Москва, 1902. Стр. 16.

Гречушкинъ, С. И.—Міръ Божій. Первая послѣ букваря книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Съ рисунками художниковъ Е. И. Полякова и А. И. Подтыканаго. Москва, 1902. Стр. 160. Ц. 30 к.

Дергинтъ, Ф.—Хронологическая карта культуры, выраженная въ лицахъ наиболѣе выдающихся ея творцовъ въ области наукъ и религій. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Зиминъ, Н. П., главн. инженеръ московск. водопроводовъ. Озонированіе воды, какъ средство для устраненія недостатковъ ея фильтрованія при городскихъ водопроводахъ. Москва, 1902. Стр. 68. (Докладъ водопроводному съѣзду 1901 г. въ Кіевѣ).

Лангманъ, Филиппъ. Вартель Туразеръ. Драма. Харьковъ, 1902. Изд. Э. Головкиной. Стр. 108. Ц. 30 к.

Маркевичъ, Арсеній. Крымъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. 2-ое дополн. изданіе. Симферополь, 1902. Стр. 271. Ц. 75 к.

Моргаузъ, Д.—Хаосъ міровъ. Кругооборотъ жизни звѣздъ. Съ рисунками въ текстѣ. Перев. съ англ. Спб., 1902. Стр. 258.

Новополинъ, Гр.—Въ сумеркахъ литературы и жизни. (Вопросы современности, вып. V). Харьковъ, 1902. Изд. Э. Головкиной. Ц. 1 р.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. VII (I. Комедія чувства. II. Болѣзнь вѣка). Кіевъ, 1902. Изд. Б. Фукса. Стр. 258. Ц. за 12 т. 6 р. съ пер.

Ожешко, Элиза. Собраніе сочиненій. Перев. съ польскаго поръ ред. С. С. Зелинскаго. Т. VII (I. Анастасія. II. Кустъ сирени). Изд. Б. Фукса. Кіевъ, 1902. Стр. 215. Ц. за 12 т. 5 р. съ пер.

Паульсенъ, Фридрихъ.—Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Перев. съ нѣм. С. Н. Зелинской. Кіевъ, 1902. Изд. Г. Ткаценко. Стр. 163. Ц. 1 р.

Пыпинъ, А. Н. Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб., 1902. Стр. 19.

——— А. Н.—Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность. Изд. 2-ое, пересмотрѣнное и дополненное. Спб., 1902. Стр. XI + 537. Ц. за 4 тома по подпискѣ 8 р.

Ренанъ, Эрнестъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. V. Рѣчи. Философскіе діалоги и отрывки. Изд. Б. Фукса (Библіотека избранныхъ философовъ). Кіевъ, 1902. Стр. 195. Ц. за 12 томовъ 6 р. съ перес.

Ризовъ, Д.—Каква трѣбва да буде нашата политика спрямо Македония? Рѣчь, произнес. 26 мая 1902 въ „Циркъ-театра България". София, 1902. Стр. 74. Ц. 20 стотинки.

Риманъ, Г.—Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, подъ редакціею Ю. Энгеля. Москва, 1902. Стр. 401—480. Цѣна по подпискѣ 6 р.

Смирновъ, Ѳ.—Передъ Некрасовскими днями. Ярославль, 1902. Ц. 25 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Стихотворенія. Москва, 1902. Изд. 4-ое. Изданіе М. С. Соловьева. Съ портретомъ и факсимиле. Стр. XVI + 187.

Стахевичъ, Н. П.—Повѣсти и разсказы. Спб., 1902. Изд. тов. „Книговѣдъ". Стр. 311. Ц. 1 р. 25 к.

Страховъ, Н. Н.—Критическія статьи (1861—94). Т. II. Изд. И. П. Матченко. Кіевъ, 1902. Стр. 434. Ц. 1 р. 50 к.

Чешихинъ, Всев.—Исторія русской оперы (1735—1900 г.). Спб., 1902. Стр. 271. Ц. 1 р.

Шапировъ, Борисъ, д-ръ. Пріемъ новобранцевъ. Спб., 1902. Стр. 22. (Отт. изъ „Развѣдчика").

Шницлеръ, А.—Поручикъ Густль. Перев. Э. А. Г—ой. Харьковъ, 1902. Стр. 56. Ц. 25 к.

Шницлеръ, Артуръ.—Жена мудреца. Маленькія новеллы. Перев. съ нѣм. О. Н. Поповой. Спб., 1902. Стр. 131. Ц. 80 к.

Beylié, General L., de. L'Habitation byzantine. Recherches sur l'Architecture civile des Byzantins et son influence en Europe. Grenoble et Paris. Falque & F. Perrin, Ernest Leroux, éditeurs. (Роскошное изданіе, in 4°, въ папкѣ, съ иллюстраціями). Стр. XV + 218.

Garbell, Adolph. Methode Toussaint-Langenscheidt. Brieflicher Sprach-und Sprech-Unterricht für das Selbststudium der russischen Sprache. 2-er Brief. Russisch. Спб., 1902. Стр. 49—64.

Pérot, Gaston. Eugène Oniéguine, Roman en vers, de Pouchkine. Traduit en vers français. Avec une préface de M. Emile Haumant, professeur de langue et de littérature russes à l'Université de Lille. Paris-Lille, 1902. Chez I. Tallandier, éditeur. Стр XX + 201. Ц. 3 фр. 50 сапт.

— La question Macédonienne et le Haut Comité Macédo-Andrinopolitain. Sophia, 1902. Стр. 24.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга десятая. Подъ редакціею Н. В. Смольянинова. Спб., 1902. Съ алфавитнымъ указателемъ и примѣчаніями, а также съ обзоромъ содержанія всѣхъ десяти томовъ. Стр. 478. Ц. 4 р.

— Данныя подворнаго обслѣдованія четырехъ волостей Дорогобужскаго уѣзда въ 1899 г. Изд. дорогобужскаго уѣзднаго земства. Смоленскъ, 1902. Стр. II + 35 + 135.

— Записки Приамурскаго отдѣла Имп. русскаго географическаго общества. Т. VI. Вып. I.—А. Сильницкій. Поѣздка въ сѣверные округи Приморской области. Хабаровскъ, 1902. Стр. 185.

— Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи. Подъ ред. П. Лесгафта. Т. VI. Вып. I. Спб., 1902. Стр. 52 + 32. Подписная цѣна 3 р.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за восьмой годъ его существованія (30 марта 1901—30 марта 1902 г.). Спб., 1902. Стр. XXI + 328.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи (по сообщеніямъ корреспондентовъ) за 1901 годъ. Съ 6 картограммами. Годъ XVI. Полтава, 1902. Стр. VIII + 206 + 50 + 90 + XX.

— Общій отчетъ Елисаветградской уѣздной земской управы за 1901 годъ. Елисаветградъ, 1902. Стр. XLII + 477.

— Организація публичныхъ лекцій при Николаевской обществ. библіотекѣ и отчетъ лекціонной коммиссіи за 1900—901 годъ. Николаевъ, 1902. Стр. 73.

— Отчетъ Кременчугскаго отдѣленія Полтавской коммиссіи народныхъ чтеній за 1901 годъ. Годъ пятый. Кременчугъ, 1902. Стр. 37.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи за 1900—901 учебный годъ. Вятка. 1901. Стр. 151.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ второй, 1902 г. Состояніе хлѣбовъ и травъ къ 1-му іюня 1902. Изд. статистическаго отдѣленія Пермской губернской земской управы. (Приложеніе къ „Сборнику Пермскаго земства"). Пермь, 1902. Съ двумя картограммами. Стр. 34.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1901 годъ. Съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы. (Матеріалы для торгово-промышленной статистики). Изд. министерства финансовъ. In. 4°. Стр. XIII + 105.

— Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи за 1901 годъ. Изданіе Тверского губернскаго земства. Тверь, 1902. Стр. X + 59 + 61 + 153 + 84.

— Учительскій календарь. 1902—1903 учебный годъ. 13-ый годъ изданія. Составилъ М. Герасимовъ. Ч. II. Спб., 1902. Стр. 252 + 80. Ц. 80 к. за обѣ части.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gustave Kahn. L'Adultère Sentimental. Roman. Стр. 420. Paris. 1902. (Edit. de la Revue Blanche).

Густавъ Канъ, одинъ изъ видныхъ французскихъ поэтовъ молодого поколѣнія (онъ ввелъ въ поэзію „свободный стихъ", vers libre), отошелъ въ послѣдніе годы отъ своей первоначальной туманной манеры и пишетъ романы чисто-реалистическаго содержанія; но къ воссоздаваемой имъ дѣйствительности онъ относится какъ поэтъ. Для него важны не факты, даже не психологія, т.-е. мотивировка событій и дѣйствій, а настроенія, порождаемыя фатальнымъ теченіемъ обстоятельствъ. По своему художественному темпераменту Густавъ Канъ—новаторъ, искатель самобытныхъ формъ для выраженія интимныхъ душевныхъ переживаній, не проявляющихся большею частью на поверхности жизни. Средствомъ для передачи въ поэзіи всей полноты ощущеній онъ считаетъ свободный отъ традиціонныхъ условностей стихъ, а въ прозѣ онъ создалъ тоже самобытную форму,—то, что̀ онъ самъ называетъ (въ книгѣ „Décadents et symbolistes") „лирическимъ романомъ", въ которомъ внѣшніе факты, вполнѣ реальные и точно мотивированные, составляютъ лишь фонъ повѣствованія, оттѣняющій лиризмъ чувствъ и настроеній. Въ этомъ духѣ написанъ интересный романъ Кана—„Le Cirque Solaire". Основная тема романа—чисто лирическая; это какъ бы гимнъ солнцу, свѣту и радости, т.-е. тому, что̀ разсѣиваетъ мракъ, побѣдно звучитъ въ душѣ и, согрѣвъ ее, исчезаетъ—не безслѣдно, потому что душа, исцѣленная радостью, не знаетъ мрака и въ наступившемъ одиночествѣ. Переливы радостныхъ ощущеній, порожденныхъ красотой и любовью, составляютъ въ романѣ Кана сказочное настроеніе, ворвавшееся въ жизнь. Событія несложны, вполнѣ правдоподобны, но превращены поэтомъ въ фантазію, въ воплощенную сказку, нѣжную и прекрасную. Фабула „Cirque Solaire" нѣсколько романтична, но рисуетъ при этомъ вполнѣ реальный уголокъ современной жизни. Графъ Францъ, собственникъ стариннаго за̀мка въ Богеміи (герой романа Рашильдъ, „Les Hors-Nature", — тоже причудливый богемскій баронъ; очевидно, эта страна кажется современнымъ французскимъ писателямъ особенно романтичною)—ипохон-

дрикъ; онъ замкнулся отъ свѣта, терпитъ около себя только двухъ старыхъ слугъ, пьетъ старое вино, возбуждающее его фантазію, создающее ему иллюзію красивой жизни, и слушаетъ сказки старой няни Доротеи. Особенно нравится ему сказка о златокудрой Лорелеѣ; ей надоѣло сидѣть на утесѣ и тѣшиться видомъ разбиваемыхъ волнами людей, которые вереницей тянутся къ утесу, привлеченные ея красой и пѣніемъ. Она идетъ бродить по землѣ, чтобы плѣнять людей своей красотой, радоваться ихъ мученіямъ и смерти изъ-за любви къ ней;—она коварна и безсердечна, такъ что красота ея создана только на гибель человѣчеству. Лерелея приходитъ на землю во всемъ блескѣ своей ослѣпительной красоты; встрѣтившаяся ей женщина совѣтуетъ ей покрыться сѣрымъ плащомъ, потому что иначе только знатные вельможи будутъ осмѣливаться приблизиться къ ней, простые же люди испугаются ея блеска. Коварная Лорелея слѣдуетъ совѣту—ей хочется соблазнять и губить какъ можно больше смертныхъ. Исходъ сказки въ передачѣ старухи Доротеи благополучный и добродѣтельный: Лорелея, прикрытая сѣрымъ плащомъ, встрѣчаетъ скромнаго юношу, отвѣчаетъ ему на его любовь—и перестаетъ быть коварной и бездушной соблазнительницей. Графъ Францъ любитъ эту сказку, но конецъ не удовлетворяетъ его—ему кажется, что исходъ можетъ быть и инымъ. Въ его жизни вскорѣ наступаетъ перемѣна, заставляющая его пережить наяву сказку о Лорелеѣ, но съ инымъ исходомъ. У Франца есть младшій братъ, Отто, живущій бурной жизнью; онъ считаетъ Франца безумцемъ. Надъ Францемъ назначена семейная опека, его лечатъ, оберегаютъ отъ волненій, лишаютъ его возможности пить вино и выполнять капризы своей фантазіи. Онъ удрученъ, печаленъ. Однажды изъ оконъ зàмка онъ видитъ странное шествіе—въ городъ входитъ, подъ звуки трубъ, большой циркъ: наѣздники, наѣздницы, клоуны и животныя. Въ центрѣ шествія—молодая красавица въ ослѣпительномъ одѣяніи; она кажется Францу воплощеніемъ солнца и радости—сказочной Лорелеей. Вся жизнь Франца мѣняется съ этой минуты; упрямый затворникъ неожиданно для всѣхъ отправляется на первое представленіе цирка, знакомится со своей Лорелеей и уговариваетъ ее, оставивъ циркъ, остаться у него въ зàмкѣ. Она же хочетъ исцѣлить его, внеся радость, свѣтъ и движеніе въ его жизнь. Она увлекаетъ его за собой; онъ ведетъ жизнь богемы, и существованіе его превращается въ „солнечный циркъ“ (cirque solaire), въ кругъ живыхъ чувствъ. Перемѣна мѣстъ, путешествія по странамъ, залитымъ солнцемъ, жизнь въ атмосферѣ любви, фантастическая красота Лорелеи, чарующей толпу блескомъ своей красоты и таланта, но вѣрной ему и его любви, перерождаютъ Франца. Лучшія страницы романа—лирическія описанія блужданій любящей четы по міру, то

наединѣ, во время перерывовъ въ представленіяхъ, то среди шума сезона, но всегда поглощенной своей радостью, солнечностью чувствъ. Потомъ вдругъ—конецъ. Францъ уѣзжаетъ на время въ свой замокъ, для устройства дѣлъ послѣ внезапной смерти брата, и получаетъ тамъ письмо отъ Лорелеи: она пишетъ, что покидаетъ его, возродивъ его душу. Она—та, которая всегда идетъ мимо, ни къ кому никогда не привязываясь, внося въ чужую жизнь то, что въ ея силахъ дать. Письмо Лорелеи Францъ принимаетъ безъ ропота: „солнечный кругъ" совершонъ, радость испытана до дна, онъ понимаетъ, что теперь Лорелея должна была исчезнуть. Этотъ конецъ сказки кажется Францу болѣе прекраснымъ, чѣмъ скучно-добродѣтельная мораль сказки, разсказанной старухой Доротеей. Францъ опять остается одинъ въ замкѣ, опять будетъ пить старое вино и слушать сказки старухи, но въ душѣ его не угасаетъ солнечный свѣтъ, зажженный солнечной Лорелеей.

Таковъ этотъ романъ, въ которомъ описанія цирковой жизни, спектаклей и семейной обстановки Франца вполнѣ реальны, психологическое же содержаніе сведено къ лирическому воспѣванію радости и конечнаго успокоенія. Это поэма безъ свойственной поэзіи отчужденности отъ жизненныхъ происшествій. Художественная заслуга Густава Кана состоитъ въ томъ, что онъ воспринимаетъ скрытый въ обыденномъ теченіи жизни лиризмъ и выдвигаетъ его съ большой нѣжностью и красотой. Любовь богатаго графа къ актрисѣ, выступающей на цирковой аренѣ—сюжетъ скорѣе банальный; но Густавъ Канъ вноситъ въ него такое богатство ощущеній, что романъ его становится трогательной, возвышенной сказкой животворящей любви.

„Лирическимъ романомъ" слѣдуетъ назвать и новѣйшее произведеніе Густава Кана, „L'Adultère Sentimental". Реалистическій талантъ автора проявляется здѣсь съ полной зрѣлостью. Въ фабулѣ нѣтъ ни малѣйшей примѣси романтизма. Вѣрное и внимательное наблюденіе дѣйствительности сказывается въ изобиліи точныхъ подробностей, въ живомъ изображеніи французской мелкой буржуазіи. Но преобладающее настроеніе въ романѣ—лирическое. Смѣна душевныхъ состояній, чередованіе отчаянія и подъема жизненныхъ силъ, внутренніе компромиссы и жажда самообмана въ порабощенныхъ жизнью слабыхъ натурахъ—таково поэтическое содержаніе бытописательнаго романа. Онъ какъ бы состоитъ изъ двухъ наслоеній. Сверху—мирное теченіе провинціальной жизни, обыденная судьба трехъ поколѣній женщинъ, бабушки, дочери и внучки, обреченныхъ на безъисходно мелочное, безрадостное существованіе, а на глубинѣ—глухой протестъ, смятенный духъ, ищущій исхода—большей частью на ложныхъ путяхъ. Жажда свободы и свѣта не сопровождается у этихъ подавленныхъ обстоятельствами существъ смѣлыми поступками,—въ разладѣ

влеченій и дѣйствительности заключается трагизмъ ихъ судьбы, но ихъ внутренняя жизнь полна лирическихъ ощущеній; передача послѣднихъ составляетъ главный интересъ романа.

„Adultère Sentimental“ напоминаетъ въ значительной степени „Мадамъ Бовари“, Флобера, и отчасти—повѣсти Анатоля Франса; вліяніе этихъ обоихъ писателей сильно сказывается въ романѣ Густава Кана, но послѣдній внесъ самобытную ноту въ свое произведеніе. „Мадамъ Бовари“—исторія исключительной женской натуры, которая не выдерживаетъ гнета буржуазно-сѣрой жизни, ищетъ исхода въ игрѣ страстей и погибаетъ, увидавъ, что эта свобода—еще большее рабство. Густавъ Канъ рисуетъ такихъ же „рабынь буржуазности“ и пессимизмъ его еще болѣе глубокій, потому что въ его романѣ выставлены три поколѣнія женщинъ въ одинаковомъ положеніи и судьба ихъ представлена роковой, предстоящей и ихъ дочерямъ, т.-е. общимъ удѣломъ французскихъ женщинъ въ теперешнемъ буржуазномъ строѣ. Каждая изъ трехъ женщинъ въ романѣ по иному справляется съ положеніемъ, въ которое ее ставитъ судьба,—т.-е. по иному несчастна и по иному неправа,—но ни одна не имѣетъ достаточно силы, чтобы стряхнуть давящее ее иго и жить достойною свободною жизнью. Во всѣхъ нихъ слишкомъ крѣпки устои буржуазности, и имъ даже не приходитъ въ голову мысль о возможности сломить ихъ. Рисуя ихъ грустную жизнь, авторъ возстаетъ противъ общественнаго строя, создающаго такіе типы; выводъ изъ его романа—вполнѣ ясный: пока не измѣнится самая основа французской жизни, пока въ средней французской женщинѣ не проснется сознаніе свободы личности, до тѣхъ поръ она будетъ игрушкой судьбы и семейная жизнь будетъ уродливымъ обманомъ или источникомъ безъисходной тоски и жалкаго томленія.

Героиня „Adultère Sentimental“, Клементина Добре́, любитъ своего мужа, нотаріуса въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, и ведетъ бездумную, но и безпечальную жизнь. Но однажды, въ жаркій лѣтній день, отдохнувъ послѣ плотнаго завтрака, она заходитъ въ комнату своего мужа—и застаетъ его въ обществѣ работающей у нея въ домѣ портнихи. Это происшествіе, съ котораго начинается романъ, напоминаетъ схожій эпизодъ въ романѣ А. Франса, „Mannequin d'Osier; объективность описанія выдвигаетъ не преступность измѣны мужа (у Франса мужъ открываетъ такимъ же образомъ измѣну жены), а уродство сцены, на которую наталкивается молодая женщина. Дальнѣйшія событія опредѣляются именно уродствомъ, поразившимъ Клементину. Если бы она узнала объ измѣнѣ мужа, она бы легче перенесла ее; но яркость и непосредственность оскорбленія производятъ на нее неизгладимое впечатлѣніе; она уѣзжаетъ къ матери, не думая

о послѣдствіяхъ своего шага, только изъ чувства гадливости. Въ романѣ съ большимъ психологическимъ чутьемъ представленъ окончательный разрывъ между супругами, совершающійся фатально, безъ громкихъ фразъ, даже безъ желанія порвать. Клементина ждетъ, что мужъ пріѣдетъ за ней, полный раскаянія—и ея сентиментальное воображеніе рисуетъ ей сцену великодушнаго прощенія съ ея стороны; она заранѣе вкушаетъ благородство своего поведенія. Мужъ, со своей стороны, ждетъ ея возврата, раздраженъ ея „капризами“ и—слишкомъ медлитъ пріѣхать. Она заболѣваетъ; мужъ пріѣзжаетъ, заводитъ съ тещей разговоръ о примиреніи, и въ то же время проситъ помочь ему въ денежныхъ затрудненіяхъ. Разсчетливая теща, наслышавшись сплетенъ о его неаккуратности въ дѣлахъ, отказываетъ ему; отношенія обостряются, каждое изъ заинтересованныхъ лицъ считаетъ себя обиженнымъ,—и накопленіе недоразумѣній приводитъ къ окончательному разрыву, котораго въ сущности никто не хотѣлъ. Добрé исчезаетъ изъ жизни своей жены, и она поселяется вмѣстѣ со своей маленькой дочерью Мартой у матери, въ маленькомъ городкѣ,—обреченная на еще болѣе тѣсную, чѣмъ прежде, жизнь „честной буржуазки“. Въ этомъ изображеніи судьбы, какъ сплетенія случайностей и вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то рокового, есть много жизненной правды, простоты и тонкаго психологическаго чутья. Вся дальнѣйшая жизнь Клементины проходитъ съ внѣшней стороны безъ всякихъ событій. Годы тянутся для Клементины однообразно въ тѣсномъ домашнемъ кругу, среди мелкихъ будничныхъ интересовъ—въ обществѣ старухи-матери, подростающей дочери и двухъ неизмѣнныхъ друзей, стараго доктора и аббата, приходящихъ каждый вечеръ въ опредѣленный часъ. Но Клементина страдаетъ среди этой обстановки, измѣнить которую она не въ силахъ, и ищетъ спасенія въ единственномъ наслажденіи праздныхъ, слабыхъ, но томящихся въ своемъ рабствѣ натуръ—въ работѣ воображенія. Она создаетъ себѣ особый внутренній міръ, о которомъ никто не подозрѣваетъ—и въ немъ она по-своему счастлива. Она воображаетъ себя жертвой судьбы и находитъ гордое утѣшеніе въ культѣ своей меланхоліи, въ созерцаніи своей недоступности соблазнамъ, своей увядающей прелести. Ея сентиментальность создаетъ ей источникъ безконечно разнообразныхъ ощущеній, и въ описаніи этого культа меланхоліи сказывается лирическій талантъ автора. Приводимъ для примѣра одно изъ многочисленныхъ психологическихъ описаній въ романѣ; изъ этого образчика видно, съ какой тонкостью Густавъ Канъ проникаетъ въ психологію праздной и сентиментальной натуры: „М—мъ Добрé давала своей дочери настоящіе уроки меланхоліи. Она довела до совершенства технику меланхоліи. Она прививала ей культъ воспоминаній, открывая передъ ней ящики съ суве-

нирами, разсказывая ей исторію засушенныхъ букетовъ. Она указывала ей на грустное очарованіе сумерекъ, на прелесть старинныхъ предметовъ домашняго обихода, старинной мебели, говорила о добровольномъ отреченіи отъ кипучей жизни, отъ веселья большихъ городовъ. Она питала воображеніе дѣвушки слащавыми романами и стихами, въ которыхъ какъ будто слышится воркованіе голубковъ. Она разсказывала ей назидательныя исторіи, пріучала ее держаться монахиней, говорить пониженнымъ голосомъ, и маленькая Марта, столь рѣзвая въ дѣтствѣ, пріучилась говорить тихо, какъ въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больной". Вся безнадежность внутренней пустоты, въ связи съ жаждой нѣжныхъ и возвышенныхъ настроеній, раскрыта въ этомъ описаніи душевнаго міра Клементины. Она переживаетъ романтическій эпизодъ прежде чѣмъ окончательно отказаться отъ своихъ сентиментальныхъ мечтаній: ей нравится молодой племянникъ доктора,—котораго его дядя втайнѣ прочитъ въ женихи дочери Клементины. Молодой человѣкъ тоже влюбляется въ грустную и еще красивую м-мъ Добре́, говоритъ ей о любви, обмѣнивается съ нею невинными поцѣлуями, клянется въ неизмѣнности своихъ чувствъ,—но очень скоро сдается на увѣщанія своего разумнаго, практичнаго дяди, и обрываетъ романъ, уѣзжая въ Парижъ. Наступаетъ война 1871-го года, Ренэ опять появляется на горизонтѣ Клементины, его нѣжность къ ней возрождается,—но и эта вспышка скоро угасаетъ. Вскорѣ послѣ войны Клементина получаетъ отъ Ренэ оффиціальное извѣщеніе о его женитьбѣ. Послѣдняя иллюзія исчезаетъ. Клементина опять замыкается въ своей гордой печали и, отказавшись отъ личныхъ притязаній на счастье, всецѣло отдается мыслямъ о судьбѣ дочери. Но жизнь Марты—повтореніе сѣраго существованія ея матери, только съ нѣсколькими другими варіаціями. Она по натурѣ не сентиментальна, несмотря на вліяніе матери. Обреченная роковымъ образомъ на замужество съ заурряднымъ, безнадежно плоскимъ и буржуазнымъ человѣкомъ (нравящійся ей молодой человѣкъ готовъ „играть съ ней въ любовь", но слишкомъ практиченъ, чтобы жениться на дѣвушкѣ съ очень скромнымъ приданымъ), она идетъ на компромиссы съ судьбой. Сначала ее занимаютъ выѣзды и наряды, потомъ рождается у нея ребенокъ, дочь,—и она, вмѣстѣ съ матерью и бабушкой, превращаетъ домъ въ женское царство. Мужъ чувствуетъ себя лишнимъ въ домѣ, ищетъ развлеченій внѣ дома, возобновляетъ холостыя привычки. Марта узнаетъ объ измѣнѣ мужа болѣе спокойно, чѣмъ ея мать, не думаетъ порвать съ нимъ и обречь себя на печально-сентиментальное существованіе своей матери. Напротивъ того, она „прощаетъ" мужу—и подражаетъ ему. Жизнь ея превращается въ сплошное уродство; ея бывшій поклонникъ становится ея первымъ возлюбленнымъ, затѣмъ

она принимаетъ ухаживанія молодящагося старика — изъ матеріальныхъ соображеній, и т. д. Сѣть житейской лжи ее опутываетъ, но Марта — въ этомъ ея отличіе отъ Флоберовской м-мъ Бовари—лучше приспособляется къ обстоятельствамъ, не приходитъ въ отчаяніе—и способна жить во лжи. Мать Марты сначала возмущается, уѣзжаетъ отъ дочери, потомъ примиряется. Клементина, послѣ смерти своей матери, входитъ въ роль бабушки, поглощена мелкими практическими соображеніями, и романъ заканчивается безнадежной картиной буржуазной пошлости: мать и дочь, сентиментальная до старости Клементина и обозленная, презирающая и весь свой кругъ, и себя Марта обсуждаютъ судьбу подростающей дочери Марты; ей тоже предстоитъ унизительный, безрадостный бракъ, какъ всѣмъ дѣвушкамъ безъ большого приданаго и безъ подготовки къ самостоятельной жизни. „Значитъ, ей остается выйти за эту жалкую канцелярскую крысу, за чиновника", говоритъ съ горечью Марта.—„Да, она поступитъ, какъ ты, выйдетъ замужъ за чиновника", отвѣчаетъ мать.—„Именно, ты правду говоришь, она поступитъ какъ я,—это и приводитъ меня въ отчаяніе".—„Посмотримъ, попытаемся найти кого-нибудь другого".—„Да вѣдь никого нѣтъ. Это безъисходно. Она, какъ я, сдѣлается погибшимъ созданіемъ".—„Марта, вѣдь ты не виновата..."—„Я знаю. Она тоже будетъ невиновата".—Обѣ женщины обняли другъ друга и поцѣловались". Такъ заканчивается исторія трехъ женщинъ, изъ которыхъ наименѣе несчастна самая старшая, мать Клементины, потому что она—цѣльная натура, не сомнѣвающаяся въ правотѣ буржуазныхъ устоевъ. Дочь же ея и, еще болѣе, внучка страдаютъ отъ разлада проснувшейся жажды свободы и радости съ безъисходной плоской дѣйствительностью. Обѣ онѣ—современныя м-мъ Бовари, съ тѣми видоизмѣненіями психологіи, которыя обусловлены измѣнившимися рамками жизни. Сходство съ безсмертнымъ романомъ Флобера нельзя считать результатомъ литературнаго подражанія со стороны Густава Кана. „Adultère Sentimental" скорѣе—продолженіе „М-мъ Бовари" и доказываетъ, что этотъ типъ еще далеко не исчезъ изъ французской жизни, и не исчезнетъ, пока будутъ длиться условія, создавшія его: дочери Марты, какъ видно изъ заключительныхъ страницъ романа, уготовлена такая же судьба, какъ ея матери и бабушкѣ.

II.

Robert de la Sizeranne. Le Miroir de la vie (Essais sur l'évolution esthétique). Стр. 280. Paris, 1902 (Hachette et C-ie).

Робертъ де-ла-Сизераннъ извѣстенъ своими очерками по исторіи англійской живописи („La peinture anglaise contemporaine") и книгой о Рёскинѣ („Ruskin et la Religion de la Beauté"). Онъ содѣйствовалъ во Франціи знакомству съ „прерафаэлитами" и ихъ эстетикой, тѣсно связанной съ высокими нравственными задачами. Новая его книга, „Le Miroir de la vie", имѣетъ болѣе общій характеръ и заключаетъ въ себѣ теоретическіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ при своемъ изученіи разныхъ областей искусства. Вліяніе англійскихъ эстетиковъ сильно чувствуется во взглядахъ Сизеранна: онъ видитъ въ художественномъ творчествѣ выраженіе всей идейной жизни данной эпохи, и эта связь съ духовнымъ развитіемъ человѣчества кажется ему важнѣйшей задачей искусства, превышающей чисто эстетическое значеніе художественныхъ произведеній. Въ „Miroir de la vie" Сизераннъ задается цѣлью прослѣдить эволюцію нѣкоторыхъ отраслей художественнаго творчества—не съ точки зрѣнія достигнутыхъ усовершенствованій, а съ тѣмъ, чтобы подмѣтить измѣняющіеся жизненные идеалы человѣчества. Такое отношеніе къ искусству какъ къ зеркалу жизни, т.-е. показателю духовныхъ интересовъ, конечно, не ново. Но оно становится исходной точкой интересныхъ обобщеній и наблюденій надъ весьма обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ книгѣ Сизеранна.

Въ предисловіи къ „Miroir de la vie" авторъ выясняетъ преимущественное значеніе искусства какъ показателя жизни. Исторія знакомитъ съ фактами національной жизни, литература—съ психологіей данной эпохи, искусство же болѣе обширно по своимъ задачамъ: оно передаетъ и внѣшнюю обстановку жизни, и идеалы, вдохновлявшіе людей. По „Благовѣщенію" Мемлинка можно составить себѣ представленіе и о внѣшнемъ устройствѣ фламандскаго дома въ XV вѣкѣ, и о томъ, какъ понималась святость въ то время: спокойствіе, умиленность, простота мадонны Мемлинка, крайняя аккуратность ея одежды и обстановки—отражаютъ идеалъ того времени. Исчезнувшія цивилизаціи вѣчно живутъ въ своемъ искусствѣ, потому что оно выражаетъ стороны жизни, ускользающія отъ историка, интимную обстановку жизни, бытовыя подробности,—все, что знакомитъ съ духомъ эпохи, и часто болѣе характерно, чѣмъ крупныя событія, войны и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ искусствѣ кристаллизируется идеальное содержа-

ніе каждой отдѣльной эпохи, ея мечты, ея представленіе о недосягаемомъ совершенствѣ. Изъ всѣхъ родовъ духовной дѣятельности, искусство наименѣе сообразуется съ пользой и поэтому наиболѣе выражаетъ внутренній міръ человѣка; въ томъ, что̀ дѣлается для пользы, въ работѣ, душа человѣка менѣе проявляется, чѣмъ въ непосредственномъ выраженіи удовольствія, очень разно сказывающемся въ различныхъ людяхъ. Сообразно съ этимъ предметы полезные болѣе одинаковы у различныхъ народностей, чѣмъ произведенія искусства, не служащія опредѣленной практической цѣли. Парижскіе и берлинскіе автомобили очень схожи,—французскія и нѣмецкія карикатуры очень различны. Предметы необходимости и пользы должны соотвѣтствовать опредѣленному, одинаковому для всѣхъ странъ назначенію; а художественныя произведенія—„безполезныя" въ практическомъ отношеніи—опредѣляются только вполнѣ индивидуальными особенностями вкуса, и въ нихъ поэтому больше разнообразія, большее богатство индивидуальныхъ чертъ. Значеніе искусства, какъ показателя жизни, обусловливается также синтезирующимъ его характеромъ. Искусство не создаетъ идеи,—какъ это дѣлаетъ философія и литература,—а отражаетъ уже то, что̀ укрѣпилось въ сознаніи, стало фактомъ интеллектуальнаго міра и ищетъ воплощенія—если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи; оно, другими словами, даетъ осязательную форму идеальнымъ желаніямъ и стремленіямъ человѣчества въ каждую данную эпоху, выражаетъ то, что̀ представляется желаннымъ и совершеннымъ. Эволюція искусства въ каждой отдѣльной области его связана съ эволюціей идеаловъ и представленій о нравственности и красотѣ,—и поэтому изученіе мѣняющихся формъ и пріемовъ въ разныхъ художественныхъ областяхъ ведетъ къ ознакомленію съ идейнымъ содержаніемъ мѣняющихся эпохъ, также какъ и съ мѣняющимися формами жизненнаго обихода, характернаго для всей атмосферы жизни.

Исходя изъ этого историко-культурнаго значенія искусства, Сизераннъ изучаетъ эволюцію въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ областяхъ художественнаго творчества. Книга его состоитъ изъ четырехъ этюдовъ: „Эстетика битвъ", „Карикатура", „Современность Евангелія", „Дѣтскіе портреты". Наиболѣе интересенъ изъ нихъ этюдъ о карикатурѣ; авторъ дѣлаетъ наблюденія надъ весьма обширнымъ матеріаломъ, съ тѣмъ чтобы изучить предметы, на которые обращена была человѣческая иронія въ разныя времена, и показать, какъ мѣнялись предметы насмѣшекъ. Древность карикатурныхъ изображеній въ искусствѣ доказываетъ, что человѣчеству свойственно издревле „свергать святыни" и вышучивать сегодня то, что̀ восхищало вчера. Уже на фрескахъ въ Геркуланѣ есть пародія на Иліаду,—и съ тѣхъ поръ

вплоть до нашихъ дней карикатура процвѣтаетъ всюду, отвѣчая основной потребности ума къ наглядному суду разума надъ открывшимися ему заблужденіями и нарушеніями законовъ правды—и иныхъ святынь. Мѣняется только предметъ ироніи—и еще болѣе мѣняются задачи и пріемы карикатуры. Вначалѣ карикатура была символической и относилась къ самымъ священнымъ понятіямъ: изображенія государствъ и властителей въ видѣ животныхъ или изображеніе праведника съ огромными ушами въ знакъ всеслышанія, съ фигурой льва на груди въ знакъ великодушнаго сердца, и т. д.,—представляетъ собой не что̀ иное какъ символическую карикатуру, связанную, однако, съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ своему объекту. Изъ символической карикатура становится уродующей, высмѣивающей то, что̀ наиболѣе ненавистно людямъ данной эпохи—это карикатура (grotesque) въ своемъ наиболѣе характерномъ проявленіи; по „гротескамъ" можно судить о томъ, что̀ внушало ужасъ и отвращеніе людямъ въ различные вѣка, и какъ мѣнялись нравственные идеалы и вкусы въ этомъ отношеніи. Древность высмѣивала болѣзнь и физическое уродство,—не внося никакого психологическаго содержанія въ карикатуры, создавая только внѣшнія черты, маску уродства; и чѣмъ болѣе въ пластическомъ искусствѣ превозносилась физическая красота, какъ выраженіе души, тѣмъ больше грубости и уродства замѣчалось въ карикатурахъ. Это вполнѣ логично. Если красоту боготворили, какъ символъ духовнаго совершенства, то противоположное ей должно было внушать отвращеніе. Высмѣиваніе уродства становилось поэтому тоже преклоненіемъ передъ красотой. Въ эпохи мистическія, въ средніе вѣка, предметомъ карикатуры служитъ не физическое, а нравственное уродство —въ связи съ переходомъ отъ культа физической къ культу духовной и нравственной красоты. Карикатура изображаетъ уродство грѣха, гримасы злобы и другихъ душевныхъ пороковъ—воплощенія злого духа въ человѣкѣ. Этого рода карикатуры представляютъ казнь за грѣхъ, и цѣль ихъ—возбуждать не смѣхъ, а ужасъ. Приближаясь къ современности, карикатура становится главнымъ образомъ средствомъ для характеристики при помощи преувеличенія существенныхъ чертъ. На этомъ основана вся современная французская карикатура—рисунки Гаварни и др., съ ихъ смѣлыми, быстрыми чертежами, схватывающими налету типичныя черты цѣлаго общественнаго класса или отдѣльныхъ личностей. Преувеличеніе чертъ не имѣетъ уже цѣлью представить въ уродливомъ видѣ то, что̀ предается осужденію, а служитъ для выясненія, для наглядной характеристики. Эта тенденція карикатуры стоитъ въ связи съ развитіемъ реализма въ искусствѣ. Но въ послѣднее время характеръ карикатуры снова измѣнился; она возвращается къ обобщенію, къ символизму въ античномъ духѣ, къ тому,

чтобы въ одной чертѣ, въ одной „pointe" выразить характеръ времени, интересовъ, волнующихъ общество, и т. д. Изучая эволюцію карикатуры, Сизеранъ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, опредѣляющимъ этотъ родъ искусства. Онъ опровергаетъ представленіе о карикатурѣ какъ средствѣ возбуждать смѣхъ, такъ какъ въ дѣйствительности карикатура, въ лучшихъ ея проявленіяхъ, выражаетъ жестокую, а не смѣшную истину. Такъ напр., когда—на рисункѣ Гаварни —старая куртизанка, благодаря прохожаго, давшаго ей милостыню, говоритъ ему: „да хранитъ Господь ва̀шихъ сыновей отъ моихъ дочерей", то эти слова менѣе всего возбуждаютъ смѣхъ. Карикатура не служитъ также распространенію новыхъ идей, какъ это иногда ложно думаютъ, а напротивъ того, вооружается противъ новшествъ—иначе сатира была бы непонятна. Смѣшное ясно только въ непривычномъ,—въ старомъ, установленномъ оно ускользаетъ отъ вниманія. Но, несмотря на консервативный характеръ карикатуры, она—очень дѣйствительное орудіе культурнаго прогресса; она выясняетъ сущность запутанныхъ общественныхъ событій, находитъ самое простое и тѣмъ самымъ мѣткое выраженіе для характеристики всякаго явленія. Это культурное значеніе карикатуры опредѣляетъ и ея содержаніе: предметомъ ея служитъ все, что̀ волнуетъ и интересуетъ общество въ каждый данный моментъ, и смѣна сюжетовъ въ исторіи карикатуры служитъ яркимъ показателемъ духовной жизни въ теченіе разныхъ историческихъ періодовъ.

Такое же отраженіе идейнаго прогресса Сизеранъ видитъ въ исторіи батальной живописи („Esthétiqne des Batailles"), показывающей, какъ мѣняются взгляды различныхъ эпохъ на войну, ея красоту и уродство. Въ очеркѣ „Modernité de l'Evangile" описывается склонность художниковъ изображать библейскіе и евангельскіе персонажи въ видѣ своихъ современниковъ и соплеменниковъ, вслѣдствіе чего въ религіозной живописи сказывается характеръ той націи и того времени, къ которому художественное произведеніе относится.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

А. А. фонъ-Рейнгольдтъ

† 8 іюня 1902.

8 іюня скончался въ С.-Петербургѣ послѣ полутарогодовой болѣзни (прогрессивный параличъ) Александръ Александровичъ фонъ-Рейнгольдтъ, историкъ русской литературы, критикъ и переводчикъ, извѣстный и русской, и нѣмецкой читающей публикѣ.

Нѣмцамъ онъ далъ первую на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію русской литературы" („Geschichte der Russischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit") и познакомилъ ихъ съ нашей литературой въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ періодической печати: о Достоевскомъ и Бѣлинскомъ (въ „Baltische Monatschrift"), о В. Гаршинѣ, о К. Аксаковѣ, о русской критикѣ (въ „Unsere Zeit"), о Пушкинѣ (въ „Türmer" и въ „Bühne und Welt"), о Л. Толстомъ („Gedanken über Tolstoi" въ „St.-Petersburger Zeitung") и пр. Онъ далъ также и переводы съ русскаго, но немного: два разсказа Достоевскаго, одинъ разсказъ Салтыкова, нѣкоторыя стихотворенія Тургенева.

Русскихъ онъ знакомилъ съ выдающимися явленіями современной нѣмецкой и скандинавской литературъ въ критическихъ статьяхъ, которыя стали появляться съ конца 80-хъ годовъ, и въ переводахъ. При выборѣ образцовъ онъ всегда руководствовался врожденнымъ ему тонкимъ художественнымъ чутьемъ и вкусомъ. Онъ первый заговорилъ у насъ о Гергардтѣ Гауптманѣ („Драматургъ-реформаторъ" въ „Книжкахъ Недѣли" 1893 г.), первый перевелъ афоризмы Ницше („Новости"), первый указалъ и переводилъ произведенія принца Эмиля фонъ-Шёнайхъ-Каролата („Сѣв. Вѣстн.", „Русск. Богат."), Теодора Фонтана (статья о немъ въ „Россіи", переводъ романа „Эффи Бристъ" въ „Вѣстн. Иностр. Лит."), Маріи Яничекъ („Сѣв. Вѣстн.", „Вѣстн. Иностр. Лит."). Переводъ романа г-жи Яничекъ, „Stückwerk", лѣтомъ прошлаго года былъ его послѣдней, неоконченной работой.

Онъ писалъ еще о Зудерманѣ („Сѣв. Вѣстн."), Ибсенѣ, Бьернсонѣ, Якобсенѣ, Стриндбергѣ, Гарборгѣ, о Золà („Fecondité"), о новомъ литературномъ движеніи въ Германіи, помѣщая статьи, кромѣ упомянутыхъ журналовъ, еще въ „Живоп. Обозр.", „Нови", „Сѣверѣ", „Космополисѣ", „Сѣв. Курьерѣ" и др.

Изъ переводовъ укажемъ еще на трагедію Ибсена „Призраки" („Вѣстн. Иностр. Лит.") и на „Исторію человѣческой культуры" Г. Ф. Кольба, вышедшую въ 1898 г. Переводъ ея, какъ и нѣкоторые другіе переводы, сдѣланъ въ сотрудничествѣ съ женой, Анастасіей Адамовной.

Изъ послѣднихъ работъ Рейнгольдта, назовемъ статью о Ницще: „Больной философъ" („Ежемѣс. Соч.", авг., 1900 г.), предисловіе къ драмѣ „Фіеско" (въ изданіи соч. Шиллера Брокгауза и Ефрона), рядъ фельетоновъ на современныя темы въ „Сынѣ Отечества" и статьи (въ „Bühne und Welt" о М. Г. Савиной, о Волковѣ (основателѣ русскаго театра), о Пушкинѣ (упомянутая выше статья) и о театрѣ въ С.-Петербургѣ, драматическомъ и оперномъ.

Рейнгольдтъ напечаталъ нѣсколько беллетристическихъ произведеній и стихотвореній (переводы изъ Бодлера). Одинъ его романъ остался въ рукописи.

Незадолго передъ смертью онъ сталъ приготовлять свои критическія статьи къ изданію отдѣльной книгой, въ переработанномъ видѣ; собирался издать на русскомъ языкѣ свою исторію русской литературы.

Главный его трудъ—„Исторія русской литературы" (большой томъ въ 51 листъ), доведенная до 1885 г.; эта работа, въ которой ходъ литературнаго развитія разсматривается въ связи съ общимъ движеніемъ культуры и общественной жизни, была въ свое время отмѣчена и оцѣнена по достоинству лучшими знатоками предмета, какъ иностранными (Евгеній Цабель, Вильгельмъ Генкель, Мельхіоръ де-Вогюэ и др.), такъ и русскими—А. Н. Пыпинымъ („Вѣстн. Европы"), проф. О. Ѳ. Миллеромъ и П. И. Вейнбергомъ („Новости").

Слѣдуетъ упомянуть еще о музыкальныхъ склонностяхъ Рейнгольдта. Не занимаясь спеціально и систематически музыкой, онъ, однако, интересно импровизировалъ на фортепіано и написалъ нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ и романсовъ, а въ 1889 г., по поводу исполненія въ Маріинскомъ театрѣ цикла Вагнеровскихъ оперъ, издалъ брошюру „Кольцо Нибелунга", въ которой изложилъ содержаніе этой знаменитой тетралогіи, съ присоединеніемъ своихъ объясненій и критическихъ замѣчаній.

Біографія А. А. фонъ-Рейнгольдта не богата внѣшними фактами. Онъ родился 2 іюля 1856 г. въ С.-Петербургѣ, въ нѣмецкой семьѣ, предки которой были выходцами изъ Англіи. Онъ рано потерялъ родителей и остался на попеченіи тетушекъ, очень заботившихся о слабомъ физически и горбатомъ мальчикѣ. По окончаніи нѣмецкаго училища св. Петра, онъ поступилъ въ петербургскій же университетъ, на историко-филологическій факультетъ, а черезъ годъ, желая начать

самостоятельную жизнь, перешелъ на тотъ же факультетъ въ дерптскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1880 г.

Первая напечатанная его статья—„Zur Gymnasialfrage“, по вопросу средняго образованія, была полемическаго характера. Упомянутыя выше статьи о Достоевскомъ и Бѣлинскомъ обратили на него вниманіе въ Германіи, и онъ получилъ приглашеніе сотрудничать въ лейпцигскомъ журналѣ „Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes“, издатель котораго, Фридрихъ, предложилъ ему написать исторію русской литературы для серіи сочиненій по исторіи всемірной литературы („Geschichte der Weltlitteratur in Einzeldarstellungen“).

Жилъ Рейнгольдтъ постоянно въ С.-Петербургѣ, состоя на службѣ въ министерствѣ финансовъ, и только изрѣдка предпринималъ поѣздки по Россіи и за границу, гдѣ завелъ личныя знакомства съ нѣкоторыми писателями, напр. Шпильгагеномъ и Маріей Яничекъ, свѣдѣніями о которыхъ онъ потомъ дѣлился съ русскими читателями.

Пишущій эти строки зналъ лично А. А. Это былъ человѣкъ широкихъ взглядовъ, гуманный, чрезвычайно общительный, идеалистъ, отзывчивый на все современное въ общественной жизни, литературѣ и искусствѣ, очень искренній, стойкій по убѣжденіямъ, глубоко честный и чрезвычайно скромный, человѣкъ духа, а не тѣла. Такіе люди попадаются теперь все рѣже и рѣже.

Григорій Тимофеевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1902.

Временныя росписанія уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ. — Циркуляръ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Пересмотръ Городового Положенія.—Букетъ изъ мнѣній „Гражданина" о земствѣ и крестьянахъ, о начальной школѣ и университетѣ, о кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и крестьянскомъ банкѣ.—Крестьянскій банкъ и „Московскія Вѣдомости".—Нѣсколько словъ по адресу „Русскаго Вѣстника".

Вопросъ о средней школѣ получилъ, мѣсяцъ тому назадъ, разрѣшеніе хотя и временное, но въ значительной степени предопредѣляющее окончательный исходъ дѣла. Высочайшее повелѣніе 22-го іюля различаетъ три категоріи гимназій. Къ первой категоріи отнесены: рижская городская гимназія, гимназіи при обоихъ историко-филологическихъ институтахъ, гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и лицея цесаревича Николая и гимназическія отдѣленія тѣхъ церковныхъ училищъ, програмы которыхъ не подверглись измѣненіямъ въ учебномъ 1901—1902 г. Ко второй категоріи принадлежатъ гимназіи 3-я петербургская, 5-ая московская, 4-ая варшавская, 2-ая кіевская и юрьевская, къ третьей—всѣ остальныя гимназіи (и всѣ прогимназіи). Въ гимназіяхъ первой категоріи остаются въ силѣ прежнія, до-реформенныя програмы. Въ гимназіяхъ двухъ послѣднихъ категорій програмы трехъ младшихъ классовъ одинаковы; различіе начинается только съ четвертаго класса и заключается въ томъ, что въ гимназіяхъ второй категоріи въ четвертомъ классѣ изучается греческій языкъ (четыре часа, отведенные на этотъ предметъ, получаются посредствомъ уменьшенія—сравнительно съ большинствомъ гимназій—на одинъ часъ уроковъ латинскаго языка и на три часа уроковъ по яз. французскому и нѣмецкому). Преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ обѣихъ послѣднихъ категорій начинается только съ третьяго класса (5 уроковъ). Остальные уроки въ первыхъ трехъ классахъ распредѣляются такъ: законъ Божій—6 часовъ, русскій языкъ—14, математика—12, исторія—6, географія—6, два новыхъ языка—20, природовѣдѣніе — 6, рисованіе — 5, чистописаніе — 2 [1]). Любопытно сравнить это росписаніе—съ одной стороны, съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, съ другой—съ вновь уста-

[1]) Эти цифры выражаютъ собою сумму уроковъ во всѣхъ трехъ младшихъ классахъ.

новленнымъ для трехъ младшихъ классовъ реальныхъ училищъ. По росписанію 1890-го г. въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи уроковъ закона Божія было 6, русскаго языка—13, математики—11, географіи—6, исторіи—2, новыхъ языковъ—11, латинскаго языка—17, греческаго языка—4. Итакъ, вслѣдствіе болѣе поздняго начала преподаванія латинскаго языка и исключенія изъ программы третьяго класса греческаго языка, явилась возможность прибавить по одному уроку на русскій языкъ и математику, 9 уроковъ по новымъ языкамъ, 4 урока исторіи (начавъ ея преподаваніе не съ третьяго, а съ перваго класса) и ввести отсутствовавшее до сихъ поръ природовѣдѣніе. Чтò болѣе соотвѣтствуетъ возрасту отъ 10 до 14 лѣтъ, чтò болѣе располагаетъ и пріохочиваетъ къ ученью—это для огромнаго большинства русскихъ родителей не подлежитъ никакому спору, и къ мнѣнію ихъ присоединились, наконецъ, и избранные представители педагогическаго міра. Другое серьезное преимущество новой гимназической программы —въ трехъ младшихъ классахъ, повторяемъ еще разъ, одинаковой для всѣхъ гимназій, кромѣ немногихъ, входящихъ въ составъ первой категоріи,—это близость ея къ новой программѣ реальныхъ училищъ [1]). Въ первыхъ трехъ классахъ этихъ училищъ число уроковъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ и рисованія (съ черченіемъ), одинаково съ числомъ уроковъ въ соотвѣтствующихъ классахъ гимназіи. Между первыми двумя классами гимназій и реальныхъ училищъ нѣтъ даже никакой разницы; программы обоихъ видовъ средней школы нѣсколько расходятся между собою только въ третьемъ классѣ (мѣсто пяти гимназическихъ уроковъ латинскаго языка заступаютъ въ реальныхъ училищахъ четыре добавочныхъ урока новыхъ языковъ и три добавочныхъ урока рисованія и черченія). Переходъ изъ гимназіи въ реальное училище или обратно является, такимъ образомъ, вполнѣ свободнымъ до третьяго класса, да и годъ спустя не представляетъ большихъ затрудненій. Отсюда сравнительно долго продолжающаяся возможность измѣнить направленіе, данное воспитанію ребенка—возможность чрезвычайно цѣнная, такъ какъ шансы ошибки въ выборѣ дороги тѣмъ болѣе велики, чѣмъ раньше выборъ становится окончательнымъ и безповоротнымъ. Гораздо легче, при новой системѣ, и переходъ въ гимназію изъ высшихъ классовъ городского или уѣзднаго училища. Чтобы поступить въ третій классъ гимназіи, ученику городского или уѣзднаго училища достаточно будетъ подготовиться по но-

[1]) Въ сравненіи съ прежнимъ, новое росписаніе уроковъ для реальныхъ училищъ представляетъ значительный шагъ впередъ: нѣсколько уменьшено число уроковъ по новымъ языкамъ, чистописанію и рисованію, но зато преподаваніе исторіи начинается не съ третьяго класса, а съ перваго, и введено въ младшихъ классахъ преподаваніе природовѣдѣнія.

вымъ языкамъ, тогда какъ до сихъ поръ онъ долженъ былъ изучить, кромѣ того, всю латинскую грамматику [1]).

Что изученіе латинскаго языка, начинаясь двумя годами позже, можетъ привести къ не менѣе удовлетворительнымъ результатамъ, чѣмъ въ настоящее время—въ этомъ едва ли есть основаніе сомнѣваться. Приведемъ только одно свидѣтельство, авторитетность котораго не станутъ отрицать даже защитники ультра-классицизма. Вотъ что̀ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ и мысляхъ" („Русскій Вѣстникъ", іюнь, стр. 527) К. П. Яновскій, недавно скончавшійся членъ Государственнаго Совѣта, прошедшій всѣ ступени педагогической службы, бывшій учителемъ, инспекторомъ, директоромъ гимназіи, помощникомъ попечителя и попечителемъ учебнаго округа: „еще находясь въ VI-мъ классѣ, мы выучили вторую пѣснь Энеиды наизусть, не говоря уже объ усвоеніи умѣнья переводить ее. Въ VII-мъ классѣ мы переводили рѣчи Цицерона и оды Горація, изъ которыхъ не менѣе десяти знали наизусть. Всего этого мы достигали при четырехъ урокахъ въ недѣлю, начиная съ IV-го и кончая VII-мъ классомъ. *Теперь назначено уроковъ въ три раза болѣе, но результатовъ такихъ, большею частью, гимназіи не достигаютъ*" (курсивъ автора). И дѣйствительно, ранній приступъ къ изученію латинскаго языка и огромное число уроковъ по этому предмету необходимы или тогда, когда результатомъ ученья должно быть (какъ, напр., въ Англіи) искусство писать по-латыни, сочинять латинскіе стихи, или, по меньшей мѣрѣ, свободно переводить съ родного языка на латинскій,—или тогда, когда на первый планъ выдвигается формальная дрессировка ума, искусственное изолированіе его отъ современныхъ интересовъ. Отъ первой цѣли, никогда у насъ не достигавшейся, наши гимназіи отказались еще въ 1890-мъ году; вторая, повидимому, также сходитъ со сцены, въ виду безплодности направленныхъ къ ней усилій. Чтобы понимать латинскихъ авторовъ, чтобы полюбить ихъ и овладѣть ихъ содержаніемъ, не нужно безконечнаго числа уроковъ, скорѣе отталкивающаго, чѣмъ привлекающаго учениковъ; нужно то, благодаря чему успѣвали К. П. Яновскій и его товарищи—нужны учителя, даровитые и преданные своему дѣлу... Гораздо лучшихъ результатовъ можно ожидать и отъ преподаванія греческаго языка, разъ что оно будетъ ограничено только нѣкоторыми гимназіями: легче будетъ найти преподавателей, стоящихъ на высотѣ своего призванія, меньше будетъ учениковъ, занимающихся предметомъ неохотно, по необходимости, и спѣшащихъ, по окончаніи курса, забыть кое-какъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія. Замѣтимъ только, что число

[1]) К. П. Яновскій, въ статьѣ, на которую мы ссылаемся ниже, высказывается весьма опредѣленно за связь между уѣздными (а слѣдовательно и городскими) училищами и средней школой.

гимназій съ греческимъ языкомъ намѣчено слишкомъ небольшое; въ семи учебныхъ округахъ (изъ двѣнадцати) ихъ нѣтъ вовсе. Восполнить пробѣлъ можно, отчасти, введеніемъ преподаванія греческаго языка для желающихъ—но это не болѣе, какъ палліативъ: учитель, у котораго могутъ быть, но могутъ и не быть ученики, едва ли въ состояніи достигнуть результатовъ, вполнѣ возможныхъ при нормальномъ преподаваніи. Число гимназій съ обоими древними языками слѣдовало бы довести до такой нормы, при которой родители, желающіе направить своего сына на этотъ путь, не встрѣчали бы къ тому серьезныхъ затрудненій.

Не ошибаемся ли мы, однако, предполагая, что временной порядокъ, установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 22-го іюля, указываетъ на вѣроятный исходъ преобразованія средней школы? Мы думаемъ, что нѣтъ. Еслибы рѣчь шла только о переходной эпохѣ, незачѣмъ было бы, очевидно, создавать нѣсколько категорій гимназій; достаточно было бы принять мѣры къ постепенному возстановленію порядка, отъ котораго отступило министерство П. С. Ванновскаго, и оставаться при этомъ порядкѣ впредь до утвержденія новаго устава. Такое крупное нововведеніе, какъ разобранное нами выше, не можетъ быть разсчитано на два или три года; оно несомнѣнно даетъ понятіе о содержаніи реформы, какою она намѣчается въ настоящее время. Есть, такимъ образомъ, полное основаніе надѣяться, что работа, совершенная при П. С. Ванновскомъ, пройдетъ не даромъ; наиболѣе плодотворныя ея мысли не трудно узнать въ программахъ, утвержденныхъ 22-го іюля.

Въ распубликованномъ недавно циркулярѣ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія на имя попечителей учебныхъ округовъ особенное вниманіе обращаетъ на себя пунктъ первый, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ: „доставлявшіяся донынѣ ректорамъ университетовъ и директорамъ высшихъ спеціальныхъ заведеній секретныя характеристики соотвѣтственныхъ абитуріентовъ средней школы отмѣняются на будущее время. Окончившимъ курсъ послѣдней воспитанникамъ, заявившимъ о желаніи поступить въ высшее учебное заведеніе министерства народнаго просвѣщенія, выдается впредь полная выписка изъ ихъ кондуита за послѣдніе три года пребыванія въ гимназіи или реальномъ училищѣ. Зачисляющее въ студенты начальство, не придавая рѣшающаго значенія сопоставленнымъ въ выпискѣ даннымъ, когда таковыя не повлекли за собой пониженія окончательной оцѣнки поведенія воспитанника, принимаетъ, однако, эти данныя въ соображеніе, какъ при выясненіи предпочтительныхъ правъ того или другого лица на предоставленіе ему налич-

ной студенческой вакансіи въ предѣлахъ положеннаго комплекта, такъ и, въ случаѣ состоявшагося пріема, при обсужденіи дисциплинарныхъ послѣдствій тѣхъ проступковъ, которые зачисленнымъ будутъ совершены въ бытность его студентомъ. Поступающій на 1-й курсъ долженъ быть предупрежденъ о томъ при его опредѣленіи въ высшее учебное заведеніе". Неудобства „секретныхъ характеристикъ" очевидны: какъ все, боящееся свѣта, онѣ слишкомъ легко могли расходиться съ истиной, устраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность защиты или оправданія. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать ихъ уничтоженіе. Весьма симпатично и то, что данныя кондуитнаго списка не будутъ имѣть, при пріемѣ въ высшее учебное заведеніе, рѣшающаго значенія. Дисциплинарныя требованія средней школы существенно отличны отъ дисциплинарныхъ требованій университета; нарушеніе первыхъ, само по себѣ взятое, вовсе не даетъ права ожидать нарушенія послѣднихъ. Проступки студента рѣдко бываютъ однородны съ проступками гимназиста; между тѣмъ, въ уголовномъ правѣ, общіе принципы котораго примѣнимы и къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ, повтореніемъ, увеличивающимъ наказуемость, признается обыкновенно (съ 1892 г.—и нашимъ законодательствомъ) совершеніе, въ теченіе извѣстнаго срока со времени отбытія наказанія, *того же или однороднаго* преступнаго дѣянія. Можно надѣяться, поэтому, что отступленія отъ гимназическихъ правилъ рѣдко будутъ имѣть послѣдствіемъ усиленную строгость къ отступленіямъ отъ правилъ университетскихъ.

Изъ остальныхъ пунктовъ циркуляра полнѣйшаго сочувствія заслуживаютъ всѣ тѣ, которые облегчаютъ доступъ въ высшія учебныя заведенія (3-й, дозволяющій принять на первый курсъ, по особо уважительнымъ обстоятельствамъ, до 10% сверхкомплектныхъ студентовъ; 4-ый, разрѣшающій ректору университета св. Владиміра, въ виду исключительныхъ условій, при которыхъ будетъ въ наступающемъ учебномъ году производиться пріемъ студентовъ въ этотъ университетъ—т.-е. въ виду удаленія оттуда въ прошломъ году всѣхъ студентовъ перваго курса,—зачислить въ студенты перваго курса сверхъ комплекта въ общемъ до 200 чел. на всѣхъ факультетахъ; 5-ый, разрѣшающій довести комплектъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ до 300 слушательницъ; 8-ой, предоставляющій нѣкоторыя льготы „иноокружнымъ" абитуріентамъ). Нѣсколько спорной кажется намъ цѣлесообразность правила, установленнаго 2-мъ пунктомъ циркуляра: „При замѣщеніи студенческихъ вакансій надлежитъ, въ случаѣ равенства прочихъ условій, отдавать предпочтеніе абитуріентамъ тѣхъ гимназій и реальныхъ училищъ, изъ которыхъ въ *послѣдніе годы* поступало въ *данное* высшее учебное заведеніе сравнительно меньшее число лицъ, участвовавшихъ затѣмъ, въ бытность студентами, въ без-

порядкахъ". Въ основаніи этого правила лежитъ, повидимому, предположеніе, что настроеніе, выражающееся въ прикосновенности къ безпорядкамъ, выносится студентами изъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они получили среднее образованіе. Едва ли, однако, мы ошибемся, если скажемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ это настроеніе создается уже въ университетскомъ городѣ, совершенно независимо отъ спеціальныхъ условій средней школы. Возможно, далѣе, что та или иная средняя школа дала много нарушителей порядка въ *данномъ* учебномъ заведеніи, между тѣмъ какъ *въ общемъ счетѣ* гораздо бо̀льшій контингентъ волновавшихся приходится на другія среднія школы. Недостаточно опредѣленно, наконецъ, выраженіе: *въ послѣдніе годы*; какъ далеко назадъ простирается его сила? Вѣдь если наклонность къ безпорядкамъ и была свойственна извѣстному выпуску гимназіи или реальнаго училища, то это еще не значитъ, что ее унаслѣдовали позднѣйшіе выпуски, отдѣленные отъ перваго нѣсколькими годами.

10-го августа начались занятія коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для пересмотра Городового Положенія примѣнительно къ С.-Петербургу. Въ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, принимаютъ участіе, кромѣ товарища министра Н. А. Зиновьева (производившаго ревизію с.-петербургскаго городского общественнаго управленія) и другихъ чиновъ министерства, бывшіе городскіе головы бар. П. Л. Корфъ, В. И. Лихачевъ и В. А. Ратьковъ-Рожновъ и нѣсколько бывшихъ и нынѣшнихъ гласныхъ городской думы. Открывая первое засѣданіе коммиссіи, В. К. фонъ-Плеве заявилъ, что составленная въ министерствѣ и разосланная членамъ коммиссіи записка о преобразованіи городского управленія ничего не предрѣшаетъ, а только намѣчаетъ вопросы, требующіе обсужденія. Всѣ присутствовавшіе представители города высказались не только за сохраненіе выборнаго начала, но и за увеличеніе числа избирателей, путемъ распространенія избирательнаго права на плательщиковъ квартирнаго налога. Другого отвѣта нельзя было и ожидать отъ лицъ, близко знакомыхъ съ практикой городского самоуправленія. Нужно надѣяться, что онъ будетъ принятъ во вниманіе и что реформа, расширяющая основы избирательной системы, коснется не одного только Петербурга.

Нападенія на городское общественное управленіе вообще и столичное въ особенности всегда страдаютъ если не тенденціозностью, то крайнею односторонностью. Изъ-за недостатковъ не видятъ или не хотятъ видѣть достоинства; останавливаясь на томъ, что̀ совершается открыто и подлежитъ самой широкой критикѣ — т.-е. на преніяхъ и постано-

вленіяхъ городскихъ думъ,—забываютъ о происходящемъ за кулисами и рѣдко оглашаемомъ, еще рѣже обсуждаемомъ въ печати—т.-е. объ отношеніи администраціи къ городскому самоуправленію. Край завѣсы приподнятъ, на дняхъ, въ интересной статьѣ г. Николина („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 221), основанной на объясненіи, представленномъ с.-петербургскою городскою управою по поводу оффиціальнаго обвиненія ея въ медленности. Оказывается, что изъ громаднаго числа входящихъ въ управу бумагъ (въ 1900 г.—153.442) болѣе четверти (42.330, т.-е. $27^{1}/_{2}\%$) приходится на долю градоначальства и полиціи. Многочисленными пререканіями, отчасти уже разрѣшенными сенатомъ въ пользу города, отчасти еще ожидающими разрѣшенія, а также многочисленными, бо́льшею частью лишенными основанія требованіями о возбужденіи отвѣтственности должностныхъ лицъ, городское общественное управленіе отвлекалось отъ другихъ дѣлъ и нерѣдко, кромѣ того, было вынуждаемо отстаивать свои права противъ повторительныхъ, послѣ указовъ сената, нарушеній (напр. случаи водворенія призрѣваемыхъ въ городскія богадѣльни). Законныя ходатайства и представленія городского общественнаго управленія оставлялись безъ послѣдствій (напр. по вопросу о непонужденіи домовладѣльцевъ къ разсадкѣ деревьевъ на городскихъ улицахъ), или разрѣшались настолько несвоевременно, что требовался пересмотръ дѣла въ думѣ, или отклонялись по заключеніямъ техническо-совѣщательнаго бюро, которыя впослѣдствіи оказывались неосновательными. Одно изъ обязательныхъ постановленій (объ условіяхъ содержанія лудильныхъ мастерскихъ) было распубликовано мѣсяцъ спустя по истеченіи срока, назначеннаго для введенія его въ дѣйствіе, вслѣдствіе чего пришлось отложить его исполненіе на цѣлый годъ. Много времени тратится на безплодную отписку по предложеніямъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопросовъ, находящихся въ разработкѣ или даже давно разрѣшенныхъ. Въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія не были утверждены администраціею четыре выбранныхъ думою лица (члены управы Бенуа, Дехтеревъ и Іорсъ и городской секретарь Соловьевъ), вслѣдствіе чего отвѣтственныя должности долго оставались незамѣщенными или исполнялись лицами, ожидавшими удаленія. Само собою разумѣется, что не въ этихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ искать единственную или хотя бы главную причину неурядицы въ петербургскомъ городскомъ управленіи—но столь же несомнѣнно и то, что они затрудняли и замедляли его дѣятельность. Совершенно понятно, поэтому, пожеланіе, выраженное однимъ изъ членовъ коммиссіи—пожеланіе, чтобы особое по столичнымъ дѣламъ присутствіе, въ которомъ теперь предсѣдательствуетъ градоначальникъ, было выдѣлено изъ вѣдѣнія мѣстной администраціи и поставлено подъ предсѣдательство то-

варища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ случаяхъ несогласія между администраціей и думой градоначальникъ играетъ роль стороны — а сторонѣ не слѣдовало бы занимать первое мѣсто въ административномъ судѣ, какимъ является, въ сущности, всякое присутствіе по земскимъ и городскимъ дѣламъ [1]). Весьма важно было бы также принять мѣры къ безотлагательному разрѣшенію сенатомъ всякой жалобы и всякаго протеста на постановленія присутствій. Теперь указы сената по спорнымъ вопросамъ часто заставляютъ себя ждать по нѣскольку лѣтъ и приходятъ, иной разъ, тогда, когда обстоятельства успѣли измѣниться и нѣтъ больше надобности въ вмѣшательствѣ высшей власти. Главнымъ источникомъ медленности по дѣламъ этого рода служитъ, повидимому, продолжительное ожиданіе министерскихъ заключеній, до полученія которыхъ сенатъ не можетъ приступить къ постановленію опредѣленія.

Когда странствующій продавецъ волшебно дѣйствующихъ эликсировъ, восхваляя свой товаръ, все больше и больше возвышаетъ голосъ и доходитъ, наконецъ, до пронзительнаго крика, на него можно не обращать вниманія, предполагая, что слушатели сами оцѣнятъ по достоинству его увѣренія и призывы. Другое дѣло, если обстоятельства почему-нибудь благопріятствуютъ крикуну — если, напримѣръ, свирѣпствуетъ эпидемія, заставляющая искать гдѣ попало охраны противъ грозящей бѣды. При такой обстановкѣ выкликанія, претендующія на авторитетность, не должны быть оставляемы безъ отвѣта. Выкликаніями этого рода полны, съ нѣкоторыхъ поръ, „дневники“ кн. Мещерскаго. Совершивъ короткую поѣздку по Россіи, успѣвъ побывать, въ теченіе четырехъ недѣль, въ смоленской губерніи и въ Кіевѣ, въ Саратовѣ и въ Полтавѣ, редакторъ „Гражданина“ больше чѣмъ когда-либо уподобляется самозванному цѣлителю, не изучавшему медицины, но смѣло предлагающему всѣмъ и каждому свое универсальное лекарство. Онъ все понялъ, порѣшилъ всѣ вопросы, нашелъ выходъ изъ всѣхъ затрудненій—не сдѣлавъ, въ сущности, ни одного шага изъ тѣхъ потемокъ, которыя его окружаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто, на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Волгой, могъ гово-

---

[1]) Предсѣдательство товарища министра возможно, конечно, только въ петербургскомъ присутствіи; въ другихъ городахъ во главѣ присутствія по земскимъ и городскимъ (или, однимъ городскимъ) дѣламъ могъ бы быть поставленъ предсѣдатель окружного суда (или, гдѣ есть судебная палата, старшій ея предсѣдатель). При нынѣшнемъ составѣ присутствій, какъ намъ приходилось замѣчать неоднократно, равновѣсіе между элементами административнымъ и общественнымъ представляется почти немыслимымъ, и присутствіе весьма мало, de facto, соотвѣтствуетъ типу административнаго суда.

рить откровенно и серьезно съ редакторомъ „Гражданина"? Кому неизвѣстна его прошлая дѣятельность, кому непонятна настоящая цѣнность его газеты? Не ясно ли, что его единственными собесѣдниками—за исключеніемъ случайныхъ, не знавшихъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло,—могли быть немногіе его единомышленники, въ которыхъ онъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ только самого себя? Что ему и не нужно было искренности—это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ говорилъ съ крестьянами (и притомъ съ волостными старшинами) *въ присутствіи ихъ начальства*, заранѣе предрѣшавшемъ содержаніе отвѣтовъ [1]). Чѣмъ другимъ, кромѣ пословицы: „на ловца и звѣрь бѣжитъ", можно объяснить единодушіе отзывовъ, выслушанныхъ кн. Мещерскимъ въ Кіевѣ—по вопросу о введеніи въ западномъ краѣ земскихъ учрежденій, въ разныхъ мѣстахъ—по вопросу объ упраздненіи губернскаго земства? Само собою разумѣется,—говорили ему въ Кіевѣ,—„мы не хотѣли бы имѣть копію вашихъ земскихъ учрежденій, потому что, за неимѣніемъ достаточнаго количества образованныхъ землевладѣльцевъ (! это въ западномъ-то краѣ?!), мы попадемъ подъ гнетъ оффиціально—крестьянскаго произвола, а неоффиціально—еврея; но мы не предвидимъ особыхъ благъ и отъ осуществленія проекта земства по назначенію. А мы желаемъ другого, нужнаго для нашего *быть или не быть*: хорошихъ, честныхъ, энергичныхъ русскихъ земскихъ начальниковъ, взамѣнъ нашихъ, ухъ, столь солоныхъ и тяжелыхъ мировыхъ судей и посредниковъ". Кто, кромѣ двойниковъ кн. Мещерскаго, способенъ видѣть въ земскихъ начальникахъ рѣшеніе вопроса: „быть или не быть"? Мыслимо ли, въ особенности, придавать имъ такую важность въ юго-западномъ краѣ, гдѣ они, по своему общественному положенію и по способу назначенія, ничѣмъ не будутъ отличаться отъ нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ и судей?.. Не менѣе характерны встрѣченные кн. Мещерскимъ „отзвуки сочувствія" упраздненію губернскаго земства, мотивированные доводами, невозможными въ устахъ настоящаго земца (освобожденіе уѣздныхъ земствъ отъ докучной опеки, сбереженіе суммъ, идущихъ на содержаніе губернскаго земства [2]). Отмѣтимъ еще попытку объяснить полтавскіе безпорядки съ одной стороны „чарующею нѣгою климата", съ другой—цѣлымъ рядомъ слишкомъ благодушныхъ и недостаточно энергичныхъ губернаторовъ (послѣднее фактически невѣрно: одинъ, по меньшей мѣрѣ, изъ недав-

---

[1]) Замѣтимъ, вдобавокъ, что представителемъ начальства въ данномъ случаѣ былъ не безъизвѣстный и нашимъ читателямъ чернскій уѣздный предводитель дворянства, г. Сухотинъ.

[2]) Слухъ объ упраздненіи губернскаго земства, возбудившій большую радость въ реакціонной печати (см. „Московскія Вѣдомости" № 195), оказался, къ счастью, ни на чемъ не основаннымъ.

нихъ полтавскихъ губернаторовъ не отступалъ передъ средствами усмиренія, особенно любезными „Гражданину").

Къ односторонности и тенденціозности наблюденій, произведенныхъ кн. Мещерскимъ съ высоты птичьяго полета, присоединяется обычная его свобода отъ требованій логики, обычное неумѣнье согласовать заключеніе съ посылками. Онъ признаетъ, напримѣръ, необходимость „гражданскаго воспитанія" крестьянъ, воспитанія, „разумѣется, не мѣрами насилія или полиціи",—но вслѣдъ затѣмъ намѣчаетъ для него слѣдующую программу: „надо, чтобы судъ былъ обязанъ всѣ иски противъ крестьянъ рѣшить справедливо; надо, чтобы власть имѣла возможность всякое нарушеніе крестьянами права собственности немедленно прекращать и всякое нарушенное право немедленно возстановлять". Такъ какъ обязанность постановлять справедливыя рѣшенія вытекаетъ изъ самаго понятія о судѣ, то составитель программы мечтаетъ, очевидно, о какой-то своеобразной справедливости, не имѣющей ничего общаго съ правосудіемъ; не даромъ же кн. Мещерскій говоритъ только объ искахъ *противъ* крестьянъ. Еще меньше воспитательный характеръ можетъ быть признанъ за дѣятельностью *власти*, *немедленно*—т.-е. безъ судебнаго разбирательства—прекращающей правонарушеніе, если оно допущено *крестьянами*. Такія дѣйствія очень похожи на „мѣры насилія или полиціи", отъ которыхъ, нѣсколькими строками выше, отрекается кн. Мещерскій. Противорѣчіе въ выводахъ объясняется, отчасти, несостоятельностью ихъ фактической основы. Эта основа—мнимое своеволіе крестьянъ, взлелѣянное многолѣтней привычкой къ безнаказанности правонарушеній. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было и нѣтъ. О легальной репрессіи крестьянскихъ проступковъ и правонарушеній съ достаточною энергіею заботились и заботятся земскіе начальники и руководимые ими волостные суды—и къ ней весьма легко присоединялась и присоединяется репрессія экстралегальная.

Указавъ путь къ водворенію „справедливости", кн. Мещерскій декретируетъ преобразованіе начальной школы. „Я полагаю"—восклицаетъ онъ,—„что еслибы кто вздумалъ доказывать необходимость сельскому духовенству завѣдывать дорогами, такую мысль всѣ назвали бы нелѣпою; совершенно такъ же нелѣпа мысль отдавать школу въ вѣдѣніе хозяйственнаго учрежденія, ничего въ школѣ не смыслящаго. Надо полагать, что сельская школа попала въ вѣдѣніе земства фуксомъ, не ради образованія народа, а какъ политическая игрушка, подаренная земству, чтобы оно могло на ней разыгрывать либеральные мотивы". Всѣ земскія школы слѣдуетъ, поэтому, „сдѣлать церковными и сельской школы безъ церкви не допускать". Съ смѣлостью этого предложенія можетъ сравниться только выразившееся въ немъ невѣжество.

Редактору „Гражданина“, очевидно, неизвѣстна исторія земской школы, въ созданіи которой случайность не играла никакой роли. Онъ не знаетъ, что земству, какъ хозяйственному учрежденію, поручена именно хозяйственная часть школы. Онъ не знаетъ, что во всемъ касающемся пунктовъ открытія начальныхъ школъ, ихъ внѣшняго устройства, привлеченія къ нимъ мѣстныхъ средствъ и силъ никто не можетъ быть болѣе компетентнымъ, чѣмъ представители мѣстнаго населенія. Онъ не знаетъ, что для сельскаго духовенства постоянное руководство школой сплошь и рядомъ является дѣломъ столь же непосильнымъ и чуждымъ, какимъ было бы для него завѣдываніе дорогами. Онъ не понимаетъ, что о „разыгрываніи либеральныхъ мотивовъ“ въ средѣ ребятишекъ, изъ которыхъ старшимъ не болѣе 12—13 лѣтъ, не можетъ быть и рѣчи. Онъ забываетъ, что если начальному обученію отводится, мало-по-малу, надлежащее мѣсто въ народной жизни, то всего больше этому способствовало земство, дѣятельность котораго послужила стимуломъ и образцомъ для организаціи церковно-приходской школы. Онъ не хочетъ видѣть, что самое разнообразіе школьныхъ типовъ противодѣйствуетъ застою и рутинѣ въ области народнаго образованія. Что̀ значитъ, наконецъ, требованіе „не допускать сельской школы безъ церкви“? Если оно не идетъ дальше обязательнаго участія священника, какъ законоучителя или наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія, то это условіе соблюдается и въ настоящее время. Если имѣется въ виду допущеніе школъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть церковь, то это равносильно крайнему ограниченію числа вновь открываемыхъ школъ и закрытію многихъ изъ числа существующихъ; вѣдь школъ и теперь уже гораздо больше, чѣмъ церквей, и только при нѣсколькихъ школахъ въ каждомъ приходѣ возможно всеобщее обученіе. Послѣднее, впрочемъ, не входитъ въ кругъ пожеланій „Гражданина“: образованіе вообще и народное образованіе въ частности не можетъ служить предметомъ сочувствія кн. Мещерскаго.

Еще болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ „Гражданинъ“, когда берется судить о высшемъ образованіи („Гражданинъ“ и высшее образованіе! Не бросается ли въ глаза, какъ явная несообразность, самое сопоставленіе этихъ двухъ понятій?!). Его удивляетъ высказанная въ печати—далеко не новая—мысль объ учрежденіи, въ замѣнъ восьмого класса гимназіи, вступительнаго или приготовительнаго, общаго для всѣхъ факультетовъ университетскаго курса. „Ей Богу“,—восклицаетъ редакторъ „Гражданина“,—„сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда у насъ были знаменитые профессора и въ университетѣ учились, не являлись такія дикія въ педагогическомъ мірѣ предложенія. Для чего же гимназія, готовящая въ университетъ, если нужна еще

спеціальная подготовка къ университету послѣ гимназіи"? Ставить такіе вопросы можетъ только тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о разницѣ между преподаваніемъ гимназическимъ и университетскимъ. Гимназія, какъ бы хорошо она ни была поставлена, сохраняетъ до конца характеръ средней школы; ея *уроки* настолько же отличаются отъ *курсовъ*, насколько ученики, идущіе по одинаковой для всѣхъ дорожкѣ—отъ студентовъ, пользующихся извѣстной свободой въ выборѣ и организаціи занятій. Вступительные курсы, намѣчаемые въ замѣнъ восьмого класса, должны давать не *спеціальную* подготовку, а наоборотъ, самую *общую*: они должны уравновѣсить собою ту неизбѣжную, но тѣмъ не менѣе прискорбную односторонность, которую влечетъ за собою раздѣленіе университета на факультеты. Къ этой именно цѣли клонился проектъ, составленный, почти двадцать лѣтъ тому назадъ, профессоромъ Н. П. Вагнеромъ [1]); такимъ же характеромъ отличаются и аналогичныя предложенія, дѣлаемыя въ послѣднее время. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, статья академика Н. Н. Бекетова, появившаяся въ № 191 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"; изъ нея кн. Мещерскій могъ бы узнать, между прочимъ, и о томъ, почему потребность въ вступительномъ курсѣ возникла сравнительно недавно. „Въ сороковыхъ годахъ", —пишетъ Н. Н. Бекетовъ,—„когда я самъ, въ качествѣ студента, проходилъ курсъ естественно-историческаго отдѣленія, объемъ преподаванія, сообразно объему самыхъ наукъ, былъ значительно меньше курсовъ настоящаго времени (особенно практическихъ занятій), а потому студенты могли тогда находить время не только для посѣщенія лекцій другихъ факультетовъ, но и для общаго самообразованія. Вслѣдствіе этого пребываніе студентовъ въ университетѣ не превращало ихъ въ узкихъ спеціалистовъ. Съ расширеніемъ научной дѣятельности университетовъ, сообразно съ ростомъ самыхъ наукъ, росли объемы курсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія отъ слушателей все бòльшаго и бòльшаго сосредоточенія на занятіяхъ своими факультетскими предметами и даже отдѣльными науками. Слушатели все болѣе и болѣе спеціализировались, но вмѣстѣ съ тѣмъ терялась изъ виду философская сторона научнаго образованія, долженствующая характеризовать университетское ученіе въ отличіе отъ другихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Между оканчивающими университетъ выходило немало хорошо подготовленныхъ спеціалистовъ по разнымъ наукамъ и даже отдѣламъ наукъ, но имъ чего-то недоставало, а именно—общей культуры ума, привычки обобщать и синтетизировать пріобрѣтенныя

[1]) См. Общественную хронику въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1883 г., № 10 за 1891 г. и № 7 за 1901 г.

ими знанія; терялось даже пониманіе взаимной связи отдѣльныхъ областей знанія. Выходили ученые, но не образованные люди... Въ Германіи, гдѣ также раздаются голоса о слишкомъ односторонней спеціализаціи въ ущербъ широкаго научнаго образованія, давно уже установился обычай у многихъ студентовъ слушать лекціи по разнымъ факультетамъ и странствовать даже изъ одного университета въ другой; но нравы и условія нашей университетской жизни—другія, не дающія возможности примѣнить этотъ германскій способъ научнаго образованія. Что касается до научной организаціи такого вступительнаго курса, который бы пополнялъ, синтетизировалъ курсъ общеобразовательной средней школы и давалъ бы въ то же время вступающимъ въ университетъ слушателямъ лучше оріентироваться въ морѣ человѣческихъ знаній, изъ которыхъ имъ приходится избирать себѣ отдѣлъ, т.-е. попросту подходящій факультетъ, то это—дѣло соединенныхъ университетскихъ факультетовъ. Фактическій матеріалъ, какъ основаніе для общаго образованія, должна, конечно, давать средняя школа—задача для нея достаточная; но врядъ ли подъ силу ей подвести общіе итоги знанія и критически разобрать научные методы; это—подъ силу только спеціально подготовленнымъ продолжительнымъ научнымъ трудомъ профессорамъ. Предполагаемые курсы могутъ быть организованы только при университетахъ, привлекающихъ въ составъ своихъ преподавателей большинство людей науки. На первый планъ должна быть поставлена исторія человѣческой мысли, иначе говоря, исторія философіи, и затѣмъ, какъ общій синтезъ развитія человѣчества, исторія культуры со всѣми ея отдѣлами, напр. исторія искусствъ. Наконецъ, гдѣ же, какъ не на этихъ вступительныхъ и дополнительныхъ для общаго образованія курсахъ должно быть преподано будущимъ студентамъ, а затѣмъ и гражданамъ, знакомство съ государственнымъ строемъ и съ основаніями законодательства"? Вотъ разсужденіе истиннаго ученаго, не менѣе замѣчательнаго, чѣмъ лучшіе профессора пятидесятыхъ или шестидесятыхъ годовъ [1]). Отрадно противопоставить его самоувѣренной и невѣжественной болтовнѣ „Гражданина".

Обоими только-что названными качествами отличается и то мѣсто „Дневника" кн. Мещерскаго, гдѣ идетъ рѣчь о реформированіи чиновничества. „Надо установить"—говоритъ кн. Мещерскій—„строгую отвѣтственность каждаго чиновника въ своей должности"—какъ будто бы такая отвѣтственность не установлена закономъ, рѣдкое примѣненіе котораго на практикѣ обусловливается множествомъ причинъ, сложныхъ и нелегко устранимыхъ. „Надо прекратить надолго законодательную ра-

---

[1]) Н. Н. Бекетовъ былъ тридцать два года профессоромъ университета.

боту разъясненій и дополненій"; но какъ прекратить или пріостановить теченіе жизни, вызывающей разъясненіе или дополненіе закона?.. Съ особенною ясностью ребяческій характеръ панацей, съ важнымъ видомъ предлагаемыхъ кн. Мещерскимъ, обнаруживается тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о кассаціонныхъ рѣшеніяхъ сената. „Нынѣ дѣйствующее старое уголовное уложеніе"—читаемъ мы въ № 59 „Гражданина"—„безспорно имѣетъ свои недостатки и пробѣлы, но ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что какъ во Франціи уголовное правосудіе исправно отправляется съ помощью одного Code Napoléon, такъ и у насъ уголовное правосудіе ни малѣйшимъ образомъ не страдало бы отъ руководства суда однимъ старымъ уголовнымъ уложеніемъ. Но нѣтъ, почему-то съ введеніемъ новыхъ судовъ явилось обязательное вѣдѣніе для судовъ кассаціонныхъ рѣшеній сената. Всю массу этихъ рѣшеній судъ обязанъ принимать къ руководству, какъ законъ". Еще бòльшее „Вавилонское смѣшеніе языковъ" произойдетъ тогда, когда сенатъ „начнетъ издавать разъяснительныя рѣшенія и по старому, и по новому уложенію, и всѣ суды въ имперіи станутъ въ тупикъ отъ непониманія, чтò станетъ съ томами рѣшеній сената по старымъ дѣламъ, рѣшеннымъ при старомъ уложеніи"? Заканчиваетъ „Гражданинъ" совѣтомъ отмѣнить обязательную силу кассаціонныхъ рѣшеній: пускай суды руководствуются однимъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, по совѣсти и по разумѣнію—„тогда судъ и Россія избавятся отъ настоящей египетской язвы". Помимо такихъ мелкихъ, сравнительно, ошибокъ, какъ присвоеніе французскому уголовному уложенію (code pénal) именованія (code Napoléon), принадлежащаго только гражданскому кодексу, или предположеніе, что во Франціи уголовное правосудіе отправляется „съ помощью" одного положительнаго закона,—вся аргументація кн. Мещерскаго свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ непониманіи того значенія, которое принадлежитъ *толкованію* законовъ. Онъ, очевидно, не знаетъ, что даже самый превосходный, въ техническомъ смыслѣ, кодексъ—а тѣмъ болѣе такой во всѣхъ отношеніяхъ несовершенный, какъ наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ,—можетъ быть понимаемъ и примѣняемъ различно и что единообразное, по возможности, его исполненіе, столь важное съ государственной и общественной точки зрѣнія, установляется медленно и постепенно, общей работой науки и практики. Въ этой работѣ выдающаяся роль принадлежитъ, естественно и по праву, высшему суду, къ рѣшеніямъ котораго не могутъ не прислушиваться всѣ остальные. Во Франціи законъ не приписываетъ рѣшеніямъ кассаціоннаго суда никакой особенной силы—и тѣмъ не менѣе авторитетъ ихъ очень великъ, можетъ быть даже слишкомъ великъ, заслоняя собою, для недостаточно образованныхъ юристовъ, авторитетъ науки. Если у насъ пре-

клоненіе передъ кассаціонными рѣшеніями идетъ иногда слишкомъ далеко, развивая своеобразное буквоѣдство, то это зависитъ отъ той же причины, въ Россіи дѣйствующей еще гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франціи—отъ слабаго интереса къ теоріи права. Наши судебные уставы, предписывая печатаніе кассаціонныхъ рѣшеній „для руководства къ единообразному исполненію и примѣненію закона", вовсе не ставятъ эти рѣшенія на одинъ уровень съ закономъ; они требуютъ подчиненія указаніямъ сената только по тому самому дѣлу, по которому рѣшеніе состоялось, отнюдь не признавая *безусловно обязательными* разъясненія, данныя по другимъ аналогичнымъ дѣламъ. Не будь въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ст. 933-ей, наши суды, особенно въ первое время послѣ судебной реформы, все-таки принимали бы въ соображеніе сенатскія рѣшенія, какъ главное и лучшее пособіе при толкованіи законовъ. Число кассаціонныхъ рѣшеній, печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе, теперь несравненно меньше, чѣмъ 25—30 лѣтъ тому назадъ, именно потому, что, благодаря продолжительной дѣятельности сената, многія сомнѣнія разъ навсегда устранены, многіе вопросы не возбуждаютъ больше разногласій. Ничего, кромѣ пользы, нельзя ожидать отъ кассаціонной практики и послѣ введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. „Въ тупикъ" станутъ, при этомъ, развѣ тѣ судьи (если таковые имѣются), юридическій кругозоръ которыхъ не шире обнаруживаемаго кн. Мещерскимъ; всѣ остальные поймутъ безъ всякаго труда, что изъ рѣшеній, состоявшихся при дѣйствіи стараго уголовнаго уложенія, значеніе, бóльшее или меньшее, сохранятъ только тѣ, которыми разъясняются нормы права, не чуждыя и новому кодексу... Опасность, угрожающая нашему правосудію, заключается не въ слишкомъ единообразномъ примѣненіи законовъ, а наоборотъ, въ недостаткѣ единообразія, обусловливаемомъ растущею раздробленностью кассаціонной власти.

Любопытно трогательное единодушіе, съ которымъ обѣ реакціонныя газеты, московская и петербургская, пользуются удобнымъ случаемъ, чтобы подкопаться подъ издавна ненавистное имъ учрежденіе. „Смѣшно было бы ожидать"—пишетъ кн. Мещерскій („Гражданинъ", № 58, отъ 1-го августа),—„чтобы щедрыя покупки крестьянскимъ банкомъ помѣщичьихъ земель, по обоюдному соглашенію, не привели крестьянъ къ мысли, что всякая помѣщичья земля можетъ быть крестьянскимъ банкомъ покупаема безъ согласія помѣщика, а отъ этой иллюзіи до мысли, что тамъ, гдѣ не продается помѣщичья земля, она можетъ быть отбираема крестьянами насильно—только одинъ шагъ". Ту же тему, точно сговорившись, развиваютъ и „Московскія Вѣдомо-

сти" (№ 211, отъ 3-го августа). Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го іюня констатированъ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне ходатайствовали „о надѣленіи ихъ землею путемъ покупки ея, при содѣйствіи крестьянскаго банка, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, независимо отъ согласія сихъ послѣднихъ, при чемъ высказывали убѣжденіе, что крестьяне имѣютъ преимущественное право покупки земель помѣщика и даже право требовать принудительной продажи имъ этихъ земель". Совершенно понятно, что правительствомъ приняты мѣры къ предупрежденію подобныхъ недоразумѣній—но столь же понятно и то, что они не могутъ и не должны служить аргументомъ противъ существованія и дѣятельности крестьянскаго банка. Между тѣмъ, „Московскія Вѣдомости" стараются эксплуатировать ихъ именно въ этомъ смыслѣ. Напоминая, что „мечты о возможности воспользоваться чужою землею въ худшей части населенія живутъ давно", съ самаго крѣпостного права и въ особенности со времени революціонно-соціалистической пропаганды семидесятыхъ годовъ, газета г. Грингмута обращаетъ вниманіе на то, что ни въ мировомъ съѣздѣ, ни въ крестьянскомъ присутствіи крестьяне о нарѣзкѣ имъ помѣщичьей земли не ходатайствовали; „изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій такія просьбы удостоился получить только одинъ крестьянскій банкъ. Простая ли это случайность, или причину этого недоразумѣнія слѣдуетъ искать въ самыхъ задачахъ этого учрежденія"? Такой вопросъ могъ бы показаться наивнымъ, если бы въ основаніи его не лежала вполнѣ опредѣленная и мало похвальная цѣль. Мировые съѣзды и крестьянскія присутствія не занимались ни покупкою земель, ни выдачею ссудъ на ихъ покупку; просить ихъ о томъ или о другомъ не могло придти въ голову даже самымъ непонятливымъ крестьянамъ. Совсѣмъ инымъ является назначеніе крестьянскаго банка, черезъ посредство котораго крестьяне пріобрѣтаютъ землю; отсюда возможность ошибки, обусловливаемой неразвитостью крестьянской массы и готовностью ея вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ. Но если призваніе учрежденія возбуждаетъ ложныя толкованія, то неужели это даетъ право считать опаснымъ самое учрежденіе? Народная перепись приводила въ смущеніе раскольниковъ и многихъ другихъ легковѣрныхъ или суевѣрныхъ людей; неужели изъ-за этого не слѣдовало приступать къ переписи? Съ мыслью о переселеніяхъ иногда связывалась мечта о чемъ-то въ родѣ молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами; неужели отсюда вытекала необходимость запретить переселенія? Холерные бараки разсматривались кое-гдѣ какъ мѣста, гдѣ морятъ простой народъ; неужели это должно было помѣшать изолированью холерныхъ больныхъ? Все это, безъ сомнѣнія, ясно и для „Московскихъ Вѣдомостей"—но имъ нужно доказать, во

что бы то ни стало, зловредность крестьянскаго банка. „Законодательство"—читаемъ мы дальше—„фактически создаетъ для крестьянина на государственный счетъ *исключительныя преимущества* (курсивъ въ подлинникѣ) при пріобрѣтеніи ими земель, главнымъ образомъ принадлежащихъ помѣщикамъ. Конечно, юридически это не одно и то же что право на преимущественную покупку земель. Но крестьянинъ—не юристъ. Онъ знаетъ только, что изъ всего населенія имперіи крестьянамъ волею начальства созданы особыя преимущества по пріобрѣтенію земель. Что же мудренаго, что, при своей темнотѣ, увлекаемый жадностью къ землѣ и подстрекаемый злоумышленниками, онъ значительно преувеличиваетъ свои преимущества, доводя ихъ до права на принудительное отчужденіе? Крестьянскій банкъ, съ его открытою цѣлью увеличенія крестьянскаго землевладѣнія на счетъ землевладѣнія другихъ сословій, съ его задачей помочь на счетъ государства каждому крестьянину пріобрѣсти то количество земли, *которое можетъ быть обработано силами покупщика и его семьи* [1]),—такой банкъ, съ его многочисленными отдѣленіями и агентами въ провинціи, легко можетъ подать поводъ ко всякаго рода совершенно превратнымъ толкованіямъ о какихъ-то преимущественныхъ правахъ крестьянъ на землю, *которыя въ послѣднее время такъ нерѣдко ведутъ ко всевозможнымъ недоразумѣніямъ въ нашей сельской жизни*". Въ заключительныхъ словахъ статьи лежитъ, очевидно, ключъ къ ея пониманію; разсчетъ газеты состоитъ въ томъ, чтобы связать дѣятельность крестьянскаго банка съ прискорбными событіями въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Слишкомъ грубъ, однако, этотъ пріемъ, чтобы имѣть шансы успѣха. Крестьяне, во-первыхъ, не задаются вопросомъ, одни ли они пользуются какими-либо преимуществами при покупкѣ земли: такія общія соображенія не входятъ въ обычную сферу крестьянской мысли. На самомъ дѣлѣ, во-вторыхъ, въ *преимуществахъ*, которыя предоставляетъ крестьянамъ крестьянскій банкъ, нѣтъ ничего *исключительнаго*: это одна изъ формъ государственнаго кредита, ничѣмъ, по существу—кромѣ нѣсколько меньшей льготности,—не отличающаяся отъ кредита, оказываемаго дворянскимъ банкомъ. Вездѣ, въ-третьихъ, гдѣ покупки съ помощью крестьянскаго банка получили сколько-нибудь широкое распространеніе, крестьяне не могутъ не знать, что для покупки необходимо согласіе землевладѣльца—не могутъ не знать уже потому, что покупка, за рѣдкими исключеніями, совершается съ доплатой, о размѣрѣ которой ве-

---

[1]) Подчеркнутыя нами слова заимствованы изъ устава крестьянскаго банка. Ихъ настоящій смыслъ—ограничительный: они установляютъ предѣлъ, дальше котораго не должно идти количество пріобрѣтаемой при помощи банка земли—а реакціонная газета ухищряется обратить ихъ въ источникъ преувеличенныхъ ожиданій!

дутся съ продавцомъ предварительные переговоры. Совершенно невѣрно, наконецъ, утвержденіе газеты, что задача крестьянскаго банка— помочь *каждому крестьянину* пріобрѣсти землю съ помощью государства: ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи, какъ въ виду ограниченности средствъ, которыми располагаетъ банкъ, такъ и потому, что отъ него не зависитъ ни количество земель, поступающихъ въ продажу, ни размѣръ дополнительныхъ затратъ, посильныхъ для покупателей-крестьянъ.

Ничтожныя сами по себѣ, измышленія „Гражданина" о земствѣ и крестьянахъ, о начальной школѣ и университетѣ, о сенатѣ и крестьянскомъ банкѣ, имѣютъ значеніе „признака времени"; только потому мы и остановились на нихъ такъ подробно. Приподнятый ихъ тонъ, все бо́льшая и бо́льшая несдержанность содержанія свидѣтельствуютъ о растущей увѣренности въ сочувствіи и вниманіи слушателей. Мы надѣемся, что эта увѣренность ошибочна; слишкомъ ужъ неумѣло сшиты бѣлыми нитками плохо подобранные аргументы, слишкомъ очевидна несостоятельность самыхъ тезисовъ. На тѣхъ, кому дороги стремленія другого рода, лежитъ, тѣмъ не менѣе, обязанность дать посильный отпоръ проповѣдникамъ застоя или регресса.

Аналогичнымъ соображеніемъ была внушена и наша замѣтка о преобразованномъ „Русскомъ Вѣстникѣ" [1]), вызвавшая со стороны послѣдняго два возраженія (въ іюльской и августовской книжкахъ). Продолжать споръ мы пока считаемъ излишнимъ; ограничимся только двумя небольшими выписками, дающими понятіе и о полемическихъ пріемахъ новой редакціи, и о содержаніи ея взглядовъ. „У г. хроникера *Вѣстника Европы*"—такъ заканчивается іюльская замѣтка—„чужое для Россіи міропониманіе, не то отвлеченно-формальное, *не то практически-еврейское (говорю это не въ осужденіе)*". Оцѣнить по достоинству эти слова читатели съумѣютъ и безъ нашихъ комментаріевъ... Характернымъ для „Русскаго Вѣстника" мы нашли, между прочимъ, его увѣреніе, что „крестьянинъ, кормилецъ земли русской, сталъ полноправнымъ гражданиномъ"; мы напомнили, что „въ Россіи полноправныхъ гражданъ нѣтъ вовсе и что меньше всего этимъ именемъ могутъ быть названы крестьяне, юридическое положеніе которыхъ, рѣзко отличаясь отъ положенія другихъ сословій, носитъ на себѣ всѣ признаки неполноправности". Не приводя нашихъ словъ о крестьянахъ и не возражая на доводы, которыми мы доказываемъ ихъ неполноправность, „Русскій Вѣстникъ" останавливается только на об-

---

[1]) См. Обществ. хронику въ № 6 „Вѣстн. Европы" за 1902 г.

щемъ вопросѣ о полноправности русскихъ гражданъ. „Въ чемъ заключаются"—спрашиваетъ онъ насъ—„признаки гражданскаго полноправія? Во всеобщемъ голосованіи? Но это форма, Россіи не свойственная, да и не обезпечивающая фактическаго полноправія. Что же тогда? Отсутствіе чисто-административныхъ мѣропріятій, т.-е. арестовъ и т. д. по политическимъ соображеніямъ? Но эти мѣры, въ случаѣ надобности, примѣняются рѣшительно вездѣ, при всякихъ режимахъ. Въ чемъ же тогда полноправность"? Не слишкомъ ли, однако, „Русскій Вѣстникъ" разсчитываетъ на наивность своихъ читателей—или на неудобства, съ которыми сопряжены у насъ разсужденія на тему о полноправности и неполноправности? Неужели ему самому неясно, что въ составъ понятія о полноправности входитъ, по меньшей мѣрѣ, свобода совѣсти и регулируемая только закономъ и судомъ свобода рѣчи и печати?..

Считая для себя безусловно обязательнымъ безпристрастное отношеніе къ противникамъ, мы сразу указали на тѣ оттѣнки, съ помощью которыхъ преобразованный „Русскій Вѣстникъ" отграничиваетъ себя отъ „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей". Во имя того же принципа мы заносимъ въ нашу хронику, что авторъ „Русскихъ Рѣчей", въ противоположность „Московскимъ Вѣдомостямъ", высказывается (въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника") противъ назначеннаго земства, за „здоровую общественную самодѣятельность, которой безъ выборнаго начала (съ оговорками, сообразно условіямъ времени и мѣста) обойтись мудрено". Насколько подобное заявленіе уменьшаетъ близость между журналомъ гг. Комарова и Величко и органами г. Грингмута и кн. Мещерскаго—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1893—1902). П. П. Мигулина, профессора харьковскаго университета. Харьковъ. 1902.

Какъ видно изъ предисловія, эта книга составляетъ лишь часть третьяго тома обширнаго изслѣдованія автора о русскомъ государственномъ кредитѣ со времени Екатерины II до нашихъ дней. Огромное количество матеріала, собраннаго и разработаннаго г. Мигулинымъ, придаетъ его труду особенную цѣнность, тѣмъ болѣе, что авторъ имѣлъ возможность широко и свободно пользоваться архивными и новѣйшими оффиціальными свѣдѣніями, еще нигдѣ не опубликованными. Богатство фактическихъ данныхъ характеризуетъ вообще всѣ работы г. Мигулина, но иногда изъ достоинства оно дѣлается недостаткомъ, отодвигая какъ будто на второй планъ теоретическую основу изслѣдуемыхъ вопросовъ. Въ нашей новѣйшей ученой литературѣ замѣчается часто слишкомъ одностороннее преобладаніе фактовъ надъ мыслью, спеціальныхъ подробностей—надъ идейнымъ анализомъ и освѣщеніемъ цѣлаго; нерѣдко вся задача научной работы сводится къ нагроможденію фактовъ и цифръ, къ точной провѣркѣ ихъ, безъ предварительнаго выясненія руководящей идеи автора и даже при полномъ отсутствіи какой-нибудь опредѣленной и научно мотивированной точки зрѣнія на предметъ. Г. Мигулинъ, конечно, не принадлежитъ къ такому роду изслѣдователей; но, будучи замѣчательно свѣдущимъ и трудолюбивымъ ученымъ работникомъ, онъ не свободенъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія деталями и удѣляетъ слишкомъ мало мѣста теоретической сторонѣ предмета и необходимой мотивировкѣ принятыхъ взглядовъ, что особенно бросается въ глаза въ его отношеніи къ вопросу о золотой валютѣ и о роли серебра въ народномъ денежномъ обращеніи. Что касается фактическаго содержанія книги г. Мигулина, то оно будетъ разсмотрѣно въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Женское движеніе въ Россіи и за границей. Спб. 1902.

Въ этой книгѣ собрано множество интересныхъ фактическихъ свѣдѣній, по иностраннымъ и русскимъ источникамъ, отчасти въ видѣ сырого матеріала, распредѣленнаго въ извѣстномъ порядкѣ, по государствамъ. Послѣ небольшого введенія и двухъ вступительныхъ главъ—о женщинѣ въ древнемъ мірѣ и объ историческомъ развитіи женскаго движенія, авторъ дѣлаетъ обзоръ и группировку фактовъ, касающихся Америки, затѣмъ переходитъ къ Англіи, Скандинавіи, Германіи, Франціи и т. д. вплоть до Новой Зеландіи и Южной Австраліи, гдѣ въ новыхъ государствахъ британскаго типа женщины пользуются не только гражданскими, но и политическими правами, и дѣятельно участвуютъ въ парламентскихъ выборахъ. Наиболѣе мѣста удѣлено въ книгѣ, какъ и слѣдовало ожидать, „женскому дѣлу въ Россіи“. Русскія женщины, особенно учащіяся и ученыя, играли—если не прямо, то косвенно—весьма замѣтную роль и въ западномъ женскомъ движеніи. Такъ, „первыми слушательницами, переступившими порогъ вѣнскаго университета, были русскія студентки. Если австрійскимъ женщинамъ открытъ нынѣ доступъ въ университетъ, то этимъ онѣ немало обязаны русской студенткѣ, доказавшей профессорамъ, что совмѣстныя научныя занятія студентокъ и студентовъ не только не мѣшаютъ ходу этихъ занятій, но еще вносятъ въ студенческую среду особый облагораживающій элементъ. Иниціаторъ допущенія женщинъ въ университетъ, извѣстный вѣнскій анатомъ, профессоръ Цуккеркандль, еще два года тому назадъ заявилъ, что возбуждаетъ свое ходатайство только потому, что русскія студентки, работавшія у него, дали ему достаточно доказательствъ въ пользу такого ходатайства“. Всѣмъ извѣстно также, что первой женщиной, занимавшею университетскую каѳедру въ Европѣ, была русская,—Софья Ковалевская. Въ книгѣ сообщаются и свѣдѣнія другого рода, гораздо менѣе лестныя для просвѣщенныхъ женщинъ, стремящихся къ равноправности: напр. многіе врачи убѣдительно доказываютъ, что „женскій полъ вырождался съ тѣхъ поръ, какъ ввели корсетъ“, и однако всѣ усилія искоренить эту вредную моду оказались понынѣ безплодными даже среди интеллигентныхъ представительницъ женской эмансипаціи.

В. Гурко. Устои народнаго хозяйства Россіи. Аграрно-экономическіе этюды. Спб. 1902.

Программы особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности значительно оживили у насъ обсужденіе вопросовъ, касающихся экономическаго быта и насущныхъ интересовъ нашей земледѣльческой народной массы, причемъ ясиѣе прежняго обнаружился антагонизмъ между требованіями отечественныхъ „аграріевъ“ и нуждами крестьянства. Трудъ г. Гурко вызванъ также желаніемъ посильно содѣйствовать выясненію задачъ, поставленныхъ на очередь особымъ совѣщаніемъ. Авторъ вообще исходитъ изъ хозяйственно-землевладѣльческой точки зрѣнія, но удѣляетъ нѣкоторое вниманіе и потребностямъ мелкаго народнаго земледѣлія; онъ надѣется, что поднятіе общаго уровня сельскаго хозяйства будетъ достигнуто рядомъ разумныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ, къ числу которыхъ относится, по его мнѣнію, привлеченіе части нашего образованнаго чиновничьяго класса къ земледѣлію и къ другимъ производительнымъ промышленнымъ занятіямъ. Направить въ эту сторону творческія силы, истрачиваемыя нынѣ въ канцелярской работѣ, и сократить такимъ образомъ избытокъ чрезмѣрно умножающагося персонала нашихъ учрежденій,—такова должна быть ближайшая цѣль всѣхъ серьезныхъ сторонниковъ экономическаго подъема страны, по мысли автора; но какъ привлечь людей къ полезной работѣ въ провинціальной глуши, прежде чѣмъ сдѣлана попытка оживить провинцію и сдѣлать пребываніе въ ней болѣе сноснымъ и менѣе стѣснительнымъ для образованнаго и предпріимчиваго человѣка,—объ этомъ ничего не говоритъ г. Гурко.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1902 г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на второе полугодіе и третью четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

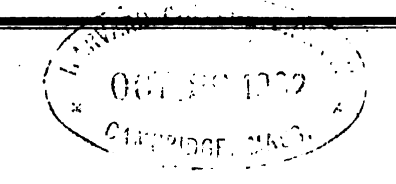

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1902.

Стр.

СОЦІОЛОГІЯ

и

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНІЕ

Лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ извѣстный русскій ученый высказалъ убѣжденіе, что къ наступленію новаго столѣтія обществовѣдѣніе, какъ наука, будетъ уже существовать. Ни для кого, конечно, не тайна, какая неудача постигла это предсказаніе и всѣ попытки его осуществить. Обыкновенно, критика, подвергая разбору то или иное соціологическое построеніе, указывала (и указываетъ) на его слабыя стороны, на логическія противорѣчія, на фактическіе промахи; признавая безспорную пользу такого рода критики, мы думаемъ, что она не всегда, по самому существу своему, можетъ останавливаться съ подобающей обстоятельностью на характеристикѣ тѣхъ трудностей, причины которыхъ коренятся не столько въ познающемъ умѣ, сколько въ познаваемомъ матеріалѣ, — трудностей, до сихъ поръ мѣшающихъ достигнуть цѣли: установить ясно и точно закономѣрность соціальныхъ явленій. Разумѣется, болѣе смѣло, нежели основательно было бы пытаться дать исчерпывающее и систематическое изложеніе и характеристику всѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли въ настоящее время многообразныя историко-общественныя дисциплины: подобная задача далеко превышаетъ единичныя силы. Но весьма небезполезно было бы, если бы давались систематическіе обзоры пустыхъ мѣстъ, незаполненныхъ пробѣловъ нынѣшняго историческаго знанія, пробѣловъ, къ которымъ настолько уже примелькался глазъ, что многіе склонны не замѣчать ихъ. Говорятъ, генералъ

Сентъ-Арно, пріѣзжая къ арміи, на мѣсто дѣйствій, прежде всего дѣлалъ подробную опись не того, что̀ есть въ обозѣ, а того, чего нѣтъ тамъ; онъ считалъ это полезнымъ, ибо тотчасъ же посылалъ во всѣ мѣста требованія о доставкѣ недостающаго. Къ сожалѣнію, эта параллель цѣликомъ непримѣнима къ скромной области научной работы: недостающее не у кого требовать, а нужно ждать, и ждать часто десятилѣтіями, пока оно будетъ выработано и явится къ услугамъ обобщающаго ума (хотя, впрочемъ, и обобщающій умъ можетъ, въ свою очередь, не поспѣшить явиться). Но болѣе легкая часть программы Сентъ-Арно вполнѣ исполнима; не мѣшаетъ почаще озираться на свою бѣдность, строго провѣрять всякія, нерѣдко слишкомъ оптимистическія мнѣнія о прогрессѣ науки, указывать на скудость свѣдѣній тамъ, гдѣ часто говорятъ объ ихъ обиліи,—на отсутствіе данныхъ тамъ, гдѣ эвфемистически упоминается объ ихъ ограниченности. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью лишь указать на нѣкоторыя общія трудности, съ которыми вынуждено бороться историческое познаніе; если этотъ очеркъ хоть немного будетъ способствовать разрушенію преувеличеннаго соціологическаго оптимизма, если онъ *хоть отчасти* напомнитъ, что легче изобразить на бумагѣ какую угодно теорію, нежели фактически обосновать ее,—цѣль автора будетъ вполнѣ достигнута.

Обществовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ общимъ анализомъ и синтезомъ всѣхъ проявленій соціальной жизни; исторія и общественныя науки заняты собираніемъ и систематизаціей свѣдѣній объ этихъ проявленіяхъ соціальной жизни въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Значитъ, совершенно немыслимо говорить о трудностяхъ обществовѣдѣнія и историческаго познанія, не попытавшись дать себѣ ясный отчетъ, на какія общія группы можно разбить всѣ проявленія соціальной жизни и какими качествами, съ методологической точки зрѣнія, обладаютъ эти группы соціальныхъ явленій.

I.

Всѣ проявленія соціальной жизни людей можно разбить на четыре главныя группы: a) первая группа можетъ быть обозначена терминомъ „хозяйственный строй общества"; b) вторая группа характеризуется терминомъ „политическія учрежденія"; c) третья группа заключаетъ въ себѣ всѣ—имѣющіе прямое или косвенное, важное или незначительное,—общественное значеніе—поступки членовъ данной соціальной единицы, всѣ имѣющія такое же значеніе собы-

тія, происшествія и отдѣльные факты, кто бы ни являлся непосредственнымъ, *видимымъ* авторомъ ихъ—люди или природа и люди [1]; d) въ четвертую группу войдутъ всѣ проявленія психической жизни людей, обнаруживающіяся въ устномъ и писанномъ словѣ, въ дѣятельности литературы, искусства, произведеніяхъ отвлеченной и конкретизирующей мысли, и пр., и пр., поскольку эти проявленія психической жизни индивидуума доступны другимъ людямъ и поскольку они имѣютъ прямое или косвенное, посредственное или непосредственное, важное или незначительное общественное значеніе.

Раньше чѣмъ приступить къ болѣе подробному разъясненію только-что сказаннаго, условимся относительно точнаго смысла словъ „общественное значеніе",—смысла, въ какомъ они уже употреблены нами и будутъ употребляться. Всякій общественный строй, всякая совокупность хозяйственныхъ и экономическихъ учрежденій—не есть нѣчто стаціонарное, но переживаетъ цѣлый рядъ непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ моментовъ, причемъ во все время исторической жизни въ этомъ строѣ проявляются, сталкиваются, расходятся, уменьшаются, увеличиваются — его жизнеспособность и его неустойчивость. Конечно, это не два „начала", „субстанціи", не фагоциты и бактеріи, борющіяся въ живомъ организмѣ на жизнь и смерть этого организма: всякія такія метафизическія и біологическія обозначенія и уподобленія будутъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Есть въ каждомъ строѣ элементы устойчивости и неустойчивости,—и, вотъ, имѣющимъ *общественное* значеніе мы называемъ всякое проявленіе жизни, такъ или иначе вліяющее (или вліявшее) на устойчивость или неустойчивость даннаго строя въ его цѣломъ— и въ его частяхъ,—какъ бы косвенно, незамѣтно и мало ни было это вліяніе. За этимъ опредѣленіемъ мы, конечно, не признаемъ желательной въ опредѣленіяхъ философской полноты; мы беремъ его для удобства, для точнѣйшаго выясненія послѣдующаго, беремъ въ намѣренно-ограниченномъ смыслѣ.

Обратимся теперь къ болѣе подробной характеристикѣ содержанія намѣченныхъ четырехъ группъ соціальныхъ явленій.

---

[1] Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, „черная смерть" (чума, свирѣпствовавшая въ Европѣ въ 1347—1352 гг.) и соціальные катаклизмы, вызванные ею,—сливаются въ одно общественное событіе огромной важности.

II.

Совокупность всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, существующихъ въ данномъ обществѣ, составляетъ его экономическій строй. Карлъ Бюхеръ и его послѣдователи различаютъ въ историческомъ развитіи человѣчества цѣлые періоды, отмѣченные господствомъ одного изъ трехъ главныхъ типовъ экономическаго строя: натуральнаго, домашняго хозяйства,—городского хозяйства,—и національнаго хозяйства. Объ этой теоріи и о томъ, насколько выдерживаетъ она критику, мы будемъ имѣть случай говорить въ иномъ мѣстѣ; здѣсь укажемъ лишь, что, дѣйствительно, въ каждый опредѣленный историческій моментъ (если только существуютъ относительно него данныя) можно уловить преимущественное значеніе въ томъ или иномъ обществѣ одного изъ указанныхъ трехъ типовъ хозяйства; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это преимущественное господство одного типа не мѣшаетъ одновременному существованію хозяйственныхъ явленій, относящихся къ другимъ типамъ. Если ужъ есть хоть одинъ вполнѣ опредѣленный и безспорный соціологическій законъ, то, конечно, это—законъ движенія, общій всей органической и неорганической жизни; въ вѣчно движущемся, колеблющемся, медленно и непрерывно измѣняющемъ свои формы историческомъ процессѣ никакихъ демаркаціонныхъ линій установить нельзя,— и демаркаціонныя линіи, къ сожалѣнію, пестрятъ не столько реальную исторію, сколько историческіе учебники и соціологическіе трактаты. Говоримъ: „къ сожалѣнію“,—ибо существуй на самомъ дѣлѣ возможность установить вполнѣ реально, научно, фактически эти демаркаціонныя линіи,—обществовѣдѣніе сразу почувствовало бы въ своей тяжелой работѣ проясненіе и облегченіе. Итакъ, если мы выдѣлимъ географически и хронологически какой-либо соціальный аггрегатъ, то найдемъ въ немъ явленія не одного, но двухъ, а иногда и трехъ указанныхъ хозяйственныхъ типовъ. Изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ вѣка въ вѣкъ тянущаяся хозяйственная рутина даннаго аггрегата медленно, нерѣдко до полной незамѣтности постепенно, мѣняетъ свой общій тонъ,—одинъ типъ хозяйства начинаетъ падать, другой преобладать, третій возникать и т. д. Сообразно съ этимъ измѣняются и соотношенія отдѣльныхъ группъ общества. Хозяйственныя проявленія соціальной жизни затрогиваютъ интересы всѣхъ членовъ общества; поэтому тотъ или иной экономическій строй опредѣляетъ въ наибольшей мѣрѣ

степень устойчивости всего уклада жизни. Устойчивость же самого экономическаго строя зависитъ: 1) отъ большей или меньшей способности его доставить пропитаніе данной соціальной группѣ въ ея цѣломъ. Когда пастушескій народъ не находитъ себѣ пищи въ скотоводствѣ, когда, вслѣдствіе возростанія народонаселенія или иныхъ причинъ онъ либо начинаетъ постепенно заниматься хлѣбопашествомъ (которымъ до тѣхъ поръ занималась лишь небольшая часть его), либо ищетъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія у сосѣдей,—тогда скотоводческій строй начинаетъ разрушаться и замѣняется инымъ. 2) Устойчивость экономическаго строя данной группы зависитъ еще и отъ степени удовлетворенности и неудовлетворенности имъ отдѣльныхъ классовъ, образующихъ эту группу, въ непремѣнной связи съ средствами обороны и нападенія, которыми располагаютъ защитники и враги хозяйственнаго уклада. Когда въ XVI вѣкѣ въ Англіи огораживанія общинныхъ земель и сносы крестьянскихъ дворовъ стали принимать грандіозные размѣры,—этотъ наступавшій экономическій порядокъ вещей не грозилъ гибелью всей странѣ, всей націи, но лишь части ея — крестьянству. Въ рукахъ защитниковъ наступавшаго строя находилось такое могущественное орудіе, какъ государственная власть со всѣми аттрибутами, сочувствіе сильной матеріально части населенія; на сторонѣ враговъ его — только ихъ численность, которою они не могли воспользоваться, за отсутствіемъ возможности сговориться. Стычки между двумя лагерями произошли,—но жизнеспособность новаго строя оказалась вполнѣ достаточною. Впрочемъ, въ исторіи довольно рѣдко подвергался колебанію весь экономическій строй общества; обыкновенно, борьба сосредоточивается около одной какой-либо части его. 3) Устойчивость экономическаго строя даннаго общества зависитъ также (вѣрнѣе,—зависѣла) нерѣдко отъ совершенно неожиданныхъ и непредвидимыхъ событій, авторомъ которыхъ является природа или совсѣмъ посторонняя соціальная группа. Въ концѣ сороковыхъ годовъ XIV вѣка надъ Европой пронеслась страшная чума, „черная смерть", унесшая въ могилу много милліоновъ людей въ Италіи, Франціи, Англіи, непомѣрно повысившая цѣну на трудъ, вызвавшая такія экономическія потрясенія, которыя окончились и въ Англіи, и во Франціи кровавыми бунтами—Уата Тэйлора и „Жака Бонома". Въ IV—VI вѣкахъ приходъ гунновъ и переселеніе народовъ рѣзко оборвали совершавшуюся въ предѣлахъ римской имперіи экономическую эволюцію, и хотя не прекратили ея,—не всюду измѣнили основной ея тонъ,—но сообщили ей совсѣмъ другой видъ

и характеръ, а въ иныхъ провинціяхъ на ея мѣстѣ началась совершенно новая экономическая жизнь.

Одно общее замѣчаніе сдѣлаемъ пока. Фактическая исторія показываетъ, что въ соціальной жизни данной группы оборона всегда оказывается сильнѣе нападенія, если физическая мощь ихъ вполнѣ одинакова или почти одинакова, и что нападеніе беретъ верхъ только при слишкомъ ужъ огромномъ перевѣсѣ физическихъ силъ. Здѣсь повторяется нѣчто похожее на извѣстное правило современной военной науки: если у осаждающихъ и осажденныхъ силы одинаковы, то осаждающіе побѣдить, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ. Въ исторической жизни группы (мы говоримъ о внутренней жизни, о соотношеніяхъ сословій и классовъ) господствующій строй и его защитники, за вычетомъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, оказывались сильнѣе противниковъ, когда дѣло доходило до открытыхъ столкновеній,—даже если, повидимому, на сторонѣ нападавшихъ былъ физическій и моральный перевѣсъ (не слишкомъ ужъ огромный). Въ исторической жизни „истцы" слишкомъ часто были слабѣе „отвѣтчиковъ". Кромѣ лучшаго, обыкновенно, въ смыслѣ организаціи силъ, положенія защитниковъ экономико-политическаго строя съ самаго начала борьбы, здѣсь, можетъ быть, дѣйствуетъ еще какая-нибудь скрытая психологическая причина, соотвѣтствующая царящему въ неорганической и органической природѣ закону инерціи.

Однимъ изъ могущественныхъ орудій въ рукахъ защитниковъ даннаго экономическаго строя во многихъ случаяхъ является вся масса политическихъ установленій, управляющихъ обществомъ. Но разсмотрѣніе этой стороны политическихъ установленій приводитъ насъ къ болѣе общему вопросу о второй группѣ проявленій соціальной жизни.

III.

Чтò такое учрежденіе вообще? Учрежденіе есть совокупность опредѣленныхъ условностей, возникшихъ въ данной соціальной средѣ для служенія извѣстнымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ членами этой среды (всѣми ли, или частью ихъ — все равно). Подъ это опредѣленіе подойдутъ и учрежденія семейственныя, — бракъ, семья, родъ,—и учрежденія политическія—государство со всѣми его развѣтвленіями, организованныя партіи, всякаго рода политическія общества,—и учрежденія соціально-экономическія, начиная съ рабства и кончая фабриками, начиная древней земле-

дѣльческой общиною и кончая потребительными и кооперативными товариществами. Одни учрежденія возникаютъ въ предѣлахъ широкой соціальной среды,—въ предѣлахъ націи, напримѣръ,—другія—въ предѣлахъ болѣе узкой соціальной среды (потребительныя общества часты среди лицъ одной спеціальности, партіи составляются между единомышленниками etc.),—но всѣ они подъ предложенное опредѣленіе подходятъ. Могутъ спросить: какая разница между учрежденіями и обычаями? Разница та, что обычай, представляя собою тоже условность или совокупность условностей, далеко не столь опредѣлителенъ по своимъ цѣлямъ, далеко не всегда выдаетъ мотивы, зародившіе его въ сѣдой древности, слишкомъ часто вполнѣ безцѣленъ въ настоящемъ и теменъ по своему значенію въ прошломъ. Теперь другой вопросъ. Каково въ точности происхожденіе учрежденій? Плодъ ли они сознательной коллективной или единичной мысли, или возникли подъ темнымъ, смутнымъ вліяніемъ инстинкта? Цѣлесообразность многихъ изъ нихъ дала поводъ соціологамъ отвѣтить положительно на первую часть этого вопроса; общераспространенность этихъ же и другихъ учрежденій, присутствіе ихъ среди самыхъ животноподобныхъ дикарей, заставили другихъ соціологовъ приписать происхожденіе установленій инстинкту. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, есть ли хоть тѣнь возможности на основаніи твердыхъ фактовъ опредѣленно рѣшить эту проблему, не прибѣгая къ выкладкамъ логики и построеніямъ фантазіи.

Каково бы ни было происхожденіе учрежденій, одно коренное свойство ихъ должно быть прежде всего отмѣчено: они самымъ фактомъ своего существованія дѣлаютъ овладѣвшую ими волю гораздо сильнѣе, нежели она была бы безъ ихъ существованія. Тріумвиратъ Октавія, Антонія и Лепида, несомнѣнно, былъ сильнѣе простой суммы политическихъ силъ этихъ трехъ лицъ; Филиппъ Красивый, одобряемый генеральными штатами, былъ тверже въ борьбѣ съ Бонифаціемъ, нежели одобряемый хотя бы всѣми дворянами, всѣми синдиками и мэрами, составлявшими генеральные штаты, — и онъ зналъ, что̀ дѣлалъ, когда созывалъ эти штаты, а не довольствовался только отдѣльными вѣрноподданническими изъявленіями. Въ частности, политическія учрежденія можно раздѣлить (мы говоримъ, придерживаясь исключительно фактической почвы) на двѣ далеко не равносильныя и не равнозначащія категоріи: 1) на политическія учрежденія, имѣющія цѣлью поддерживать жизнеспособность даннаго строя опредѣленной соціальной группы, и 2) на учрежденія, имѣющія цѣлью его уничтожить. Устанавливая такое дѣленіе, мы первые

признаемъ его чрезмѣрную общность и грубость; но съ методологической точки зрѣнія мы надѣемся привести кое-что въ его оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, задавшись цѣлью выяснить главныя трудности обществовѣдѣнія, необходимо сначала выяснить кардинальные вопросы, съ которыми обществовѣдѣніе подходитъ ко всей громадѣ историческаго, этнографическаго и всякаго иного матеріала, а затѣмъ уже указать, какими недостатками грѣшитъ этотъ матеріалъ и отчего не даетъ онъ отвѣта на соціологическіе вопросы. Изъ вопросовъ же этихъ труднѣйшимъ (хотя и чрезвычайно легко на бумагѣ разрѣшимымъ въ томъ или иномъ духѣ) слѣдуетъ признать проблему о сущности историческаго процесса, о движущихъ его силахъ, вѣрнѣе,—о самой природѣ его движенія. Но къ этой проблемѣ возможно даже *приступить* только не иначе, какъ давши себѣ отчетъ въ томъ, какъ съ внѣшней, наиболѣе уловимой стороны происходитъ историческое движеніе, смѣна одного строя другимъ, одного историческаго момента—послѣдующимъ. И такъ какъ внутреннія, скрытыя силы, производящія это движеніе, въ подавляюще-громадномъ большинствѣ историческихъ случаевъ, не совершали никакихъ внезапныхъ катаклизмовъ, не вызывали никакихъ мгновенныхъ смертей одного строя и мгновенныхъ нарожденій другого,—такъ какъ эти скрытыя силы производили всегда медленную и непрерывную переработку и перегонку стараго въ новое, то, именно въ виду незамѣтности и трудной уловимости исторической эволюціи, съ методологической точки зрѣнія важно установить изъ всѣхъ внѣшнихъ обнаруженій этихъ скрытыхъ силъ лишь самыя рѣзкія, крайнія, полярныя. А въ чемъ же и выражаются наиболѣе внѣшне и, быть можетъ, по тому самому, наиболѣе рельефно эти скрытыя силы, какъ не въ тѣхъ или иныхъ политическихъ учрежденіяхъ? Напомнимъ, что подъ политическимъ учрежденіемъ тутъ понимаются правительства, политическія партіи, политическія общества, словомъ,—всѣ формы, въ которыя отливались въ исторіи всѣ многообразныя политическія стремленія. Полярными и, съ методологической точки зрѣнія, наиболѣе любопытными окажутся лишь двѣ группы политическихъ учрежденій: всецѣло поддерживавшія данный строй и всецѣло его отвергавшія. Только анализъ такихъ враждебныхъ программъ и ихъ измѣненій раскроетъ предъ историкомъ и обществовѣдомъ сущность даннаго строя; только положеніе обѣихъ группъ, исторія ихъ столкновеній, и пр., объяснятъ истинные размѣры жизнеспособности даннаго порядка вещей. Борьба германскаго господствующаго строя въ первой трети XVI вѣка съ начисто отвергавшею его общиною анабап-

тистовъ, торжество строя и гибель анабаптистовъ освѣтятъ предъ нами устойчивость германскаго порядка вещей гораздо ярче, нежели борьба его съ рыцарями, выставлявшими сравнительно умѣренныя требованія. Борьба директоріи съ коммунизмомъ Бабефа (вѣрнѣе, побѣда ея безъ борьбы) ярко подчеркнетъ предъ историкомъ, въ чемъ была сила господствовавшаго тогда строя Франціи: въ глубокомъ и повсемѣстномъ хозяйственномъ индивидуализмѣ, сдѣлавшемъ заговоръ Бабефа ничтожной матеріально и морально, фантастическою попыткою. А борьба той же директоріи, напримѣръ, хотя бы съ роялистами и побѣда ея надъ ними ничего въ теоретическомъ отношеніи цѣннаго не даетъ: роялисты затрогивали не весь строй, а лишь частицу его, болѣе случайную, соціологически не столь важную. Ихъ-то директорія побѣдила, а черезъ три года ее Наполеонъ побѣдилъ, а черезъ семнадцать лѣтъ послѣ своего пораженія — роялисты побѣдили, но все это время и дальше—общій характеръ, глубина и основа общественнаго строя, соціально-экономическая его сторона — оставались тѣ же. Среднія, промежуточныя политическія учрежденія (директорія, бонапартизмъ, роялизмъ, республика etc.) спорили между собою и смѣняли другъ друга въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, но хозяйственный индивидуализмъ, доказавшій свою жизнеспособность именно слишкомъ ужъ легкою побѣдою надъ Бабефомъ, оставался несокрушимымъ. Всесторонній анализъ исторіи бабувистскаго заговора и выяснилъ бы такое полное, глубочайшее отсутствіе во Франціи тѣни коммунистскихъ чувствъ и симпатій, что, не видя слишкомъ радикальныхъ измѣненій въ хозяйственномъ строѣ націи за сорокъ—пятьдесятъ лѣтъ, историкъ могъ бы въ сороковыхъ годахъ предсказать неудачу какихъ бы то ни было коммунистскихъ чаяній во Франціи въ ближайшее время.

Итакъ, для методологическихъ цѣлей, политическія *учрежденія* данной соціальной группы въ опредѣленный моментъ ея исторіи можно дѣлить на двѣ категоріи: 1) имѣющія цѣлью поддерживать общественный строй, и 2) имѣющія цѣлью его уничтожить. Къ первой категоріи относятся правительства, правительственныя партіи, арміи и всѣ аттрибуты правительственной власти; партіи реформъ, имѣвшія цѣлью измѣнить лишь часть существующаго строя, но не посягавшія на него въ его цѣломъ; такого же характера политическія общества и проч. Эта категорія учрежденій, въ подавляющемъ большинствѣ историческихъ случаевъ, самая сильная. Нѣкоторыя учрежденія этой категоріи, обыкновенно, съ самаго возникновенія своего охраняютъ не только вы-

дѣлившій ихъ общественный строй, но и вообще существованіе всей соціальной группы, всей націи. Неизмѣримо громадно, напримѣръ, въ исторіи значеніе правительственной власти и всѣхъ перипетій, которыя она пережила за свое долгое существованіе. Если всякое учрежденіе, какъ уже сказано, усиливаетъ средства составляющихъ его лицъ, то такое учрежденіе, какъ правительство, конденсировавшее, собственно, чрезвычайно большую долю національныхъ силъ, конечно, является на всемъ протяженіи исторіи наиболѣе могущественнымъ матеріальнымъ орудіемъ, какое только можетъ быть создано для служенія извѣстной цѣли. Какова же цѣль правительственной организаціи? Главныхъ мотивовъ этой цѣли два: 1) правительство стремится къ поддержанію и усиленію жизнеспособности націи, т.-е. данной соціальной группы, какъ самодовлѣющаго цѣлаго. Мы говоримъ, не принимая во вниманіе рѣдкихъ исключеній: уступки своей земли другому, измѣны и проч., что̀ знаетъ исторія. 2) Правительственная власть стремится къ охранѣ коренныхъ основъ экономическаго строя соціальной группы. Мы не сказали: „политико-экономическаго", потому что это не было бы вполнѣ и безусловно вѣрно. Правительство Полиньяка въ 1830 году стремилось къ насильственному измѣненію политическаго строя; то же сдѣлалъ „долгій парламентъ" въ Англіи при Карлѣ I, когда, вопреки конституціи, онъ объявилъ себя нераспускаемымъ; то же много разъ, отъ XIV до XVII вв., дѣлалъ венеціанскій совѣтъ десяти, насильно навязывая свою волю „большому совѣту" и т. д. Конечно, въ большинствѣ случаевъ правительственная власть охраняла не только экономическій, но и политическій строй подчиненнаго ей общества, и все-таки кое-какія, если и нечастыя, то многозначительныя исключенія заставляютъ выразиться точнѣе и сказать, что второю функціей правительственной власти было сохранить господствующія *экономическія* основы общества.

Къ этимъ же двумъ цѣлямъ направлены также усилія всѣхъ правительственныхъ партій (тамъ и съ того времени, гдѣ таковыя возникаютъ), подобныхъ имъ обществъ и т. д.

Вторая категорія политическихъ учрежденій обнимаетъ всѣ партіи, общества и проч., стремившіяся къ уничтоженію даннаго экономическаго строя. Такова въ Англіи XIV-го вѣка партія лоллардовъ, въ Германіи XVI-го—секта анабаптистовъ, во Франціи 1796 г.—„тайная директорія" Бабефа, и т. п. Учрежденія этой категоріи отличаются полнѣйшей теоретическою непримиримостью съ основами господствующаго строя. Они крайне рѣдко бываютъ сильны въ дѣйствительности и никогда нигдѣ не достигаютъ вполнѣ

своихъ цѣлей, но всегда почти успѣваютъ развить до самыхъ крайнихъ предѣловъ тѣ небольшія силы, которыя, вообще, находятся въ ихъ употребленіи. Правда, не во всѣ моменты своей исторической жизни они это дѣлаютъ, да и тогда ничего положительнаго (въ смыслѣ полнаго осуществленія своей цѣли) они не достигали ни разу. Мы назвали эти политическія учрежденія рѣшительными врагами только экономическаго, но никакъ не политическаго строя, опять-таки желая сохранить возможно бо̀льшее соотвѣтствіе между словами и реальностями: на самомъ дѣлѣ, партіи, желавшія рѣшительнаго уничтоженія политическаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы столь типичными, какъ тѣ, которыя стремились къ уничтоженію экономическаго. Напримѣръ, Фурье былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ и политическому строю, а фіаско фурьеризма, съ точки зрѣнія обществовѣдѣнія, много поучительнѣе, нежели судьбы приверженцевъ Ледрю-Роллена, который яростно возставалъ противъ королевскаго сана и ничего не имѣлъ противъ существовавшаго экономическаго строя. Исторія нападеній на *экономическій* строй въ связи съ исторіей правительственной и иной охраны его, характеризуетъ нѣчто гораздо болѣе постоянное, медленнѣе измѣняющееся, нѣчто въ гораздо большей мѣрѣ поддающееся наблюденію и анализу, нежели исторія нападеній и охраны, борющихся съ перемѣннымъ успѣхомъ на поверхности исторической жизни, вокругъ тѣхъ или иныхъ *политическихъ* деталей строя. Въ XVII-мъ вѣкѣ, въ Англіи, партія левеллеровъ была ничтожна по силамъ своимъ, состояла изъ людей весьма сомнительныхъ умственныхъ качествъ и образованія той же пробы,—и тѣмъ не менѣе ихъ исторія болѣе характерна въ глазахъ обществовѣда, нежели, напримѣръ, такъ художественно описанное Маколеемъ оправданіе семи епископовъ судомъ присяжныхъ въ пику Іакову II, который ихъ ненавидѣлъ за оппозиціонное поведеніе. Любопытная черта: въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти крайнія партіи, отвергающія экономическій строй, не только терпятъ неудачу, но иногда прямо до курьёза бываютъ непопулярны и безсильны (ессеи послѣ Іоанна Крестителя, гностики-карпократіанцы въ Александріи II—III вв., коммунистскія развѣтвленія мормоновъ въ Сѣверной Америкѣ, тѣ же левеллеры въ Англіи XVII-го вѣка и т. п.), и тѣмъ не менѣе, именно этою яркою чертою своего безсилія весьма часто судьба такихъ крайнихъ группъ освѣщаетъ своеобразно и многозначительно наиболѣе важныя и долговѣчныя стороны общественнаго строя. Если географы отмѣчаютъ и даже возводятъ иногда въ принципъ класси-

фикаціи климатическихъ поясовъ не только фактъ *жизни* извѣстныхъ растеній въ данномъ климатѣ, но и фактъ *смерти* въ томъ же климатѣ другихъ растеній, то соціологу, при его убогихъ матеріалахъ, при массѣ пустыхъ и вырванныхъ страницъ въ той великой книгѣ, откуда онъ долженъ черпать почти всѣ важнѣйшія свои знанія, соціологу, вѣчно призванному рѣшать одно уравненіе съ массою неизвѣстныхъ, отнюдь не надлежитъ брезгать не только положительными, но и отрицательными данными: онъ смѣло можетъ заинтересоваться не только тѣмъ, что *утверждаетъ* жизнь свою, но и тѣмъ, что чахнетъ и гибнетъ. Неудача и безсиліе ессеевъ бросаютъ свѣтъ на то, какія стороны христіанства должны будутъ въ III, IV, V вѣкахъ отойти на задній планъ, а какія стороны его укрѣпятся; фіаско лоллардовъ объяснитъ лучше всего, какія общественныя группы были сильны, и жизнеспособенъ, или нѣтъ, былъ англійскій строй XIV-го вѣка; непопулярность коммунистическихъ теорій хиліастовъ, при весьма большомъ успѣхѣ ихъ же мистическихъ построеній и при громадной извѣстности ихъ ученій—дастъ понять, силенъ или нѣтъ былъ феодализмъ въ XII—XIII вѣкахъ. Изученіе этой второй категоріи (разрушительныхъ учрежденій) почти такъ же полезно для обществовѣдѣнія, какъ изученіе первой категоріи—правительственныхъ установленій,—и при общей скудости матеріаловъ пренебрегать изученіемъ этой второй категоріи было бы слишкомъ ненаучно.

Итакъ, анализъ многообразныхъ политическихъ учрежденій данной соціальной группы, ихъ соотношеній и пр. можетъ дать обществовѣду понятіе объ устойчивости или неустойчивости экономическаго строя въ данный моментъ, а также о направленіи, въ какомъ должна совершаться его дальнѣйшая эволюція (если дѣло идетъ о современности), или же можетъ объяснить, почему эволюція пошла дальше такъ, а не иначе (если дѣло идетъ о прошломъ). Оговариваемся разъ навсегда: мы только указываемъ, что̀ могъ бы сдѣлать соціологъ, еслибы... не существовало тѣхъ „еслибы", о которыхъ пойдетъ рѣчь въ концѣ настоящей работы. Политическія учрежденія, сами по себѣ столь измѣнчивыя, случайныя, не могутъ быть главнымъ, непосредственнымъ объектомъ обществовѣдѣнія: тутъ при всѣхъ натяжкахъ, при всей фантазіи, никакихъ законовъ (даже частичныхъ) не выведешь. Можно сказать одно: политическія учрежденія въ своемъ цѣломъ зависятъ отъ характера хозяйственнаго строя,—но именно въ самомъ общемъ, основномъ своемъ смыслѣ,—т.-е. они должны быть удовлетворительною защитою и охраною интересовъ эко-

номически главенствующихъ слоевъ населенія. Но такъ какъ по причинамъ психологическаго свойства, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, чисто политическими подробностями формы правленія почти никто въ народныхъ массахъ заинтересованъ никогда не бывалъ, то сплошь и рядомъ историческій процессъ показываетъ, что „подробностями" съ точки зрѣнія обществовѣдѣнія нужно считать чуть ли не всѣ записанныя въ учебникахъ государственнаго права формы правленія. На бумагѣ, конечно, весьма легко изобразить, напр., что исключительному господству земледѣльческаго труда соотвѣтствуетъ абсолютизмъ. „Напримѣръ,—Ассирія и Вавилонія". Но, „напримѣръ", прежде широко конституціонная, теперь республиканская Бразилія? Республиканскій Римъ IV—III вѣковъ до Р. Х.? Аристократическая Рѣчь-Посполитая XVI—XVIII вѣковъ? Германцы временъ переселенія народовъ съ широко демократическимъ вѣчемъ и избраніемъ герцога и короля? Столь же легко утверждать, что сильно и преимущественно развитой промышленности соотвѣтствуютъ представительныя учрежденія. Въ Индіи съ году на годъ увеличивается число фабрикъ съ индусами-хозяевами и индусами-рабочими; въ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій, съ которымъ норманскіе герцоги и Гогенштауфены обращались какъ помѣщики со своею вотчиною, индустрія процвѣтала [1]) въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ теперь, когда тамъ царитъ обще-итальянская либеральнѣйшая конституція. Самодержавная Англія Ричарда Львиное-Сердце была такою же земледѣльческой страной, какъ конституціонная Англія Генриха III, царствовавшаго семьдесятъ лѣтъ спустя... Все, чего требуетъ хозяйственный строй отъ политическихъ, точнѣе—правительственныхъ учрежденій, это—чтобы они охраняли его существованіе и не мѣшали ему доставлять количество цѣнностей, потребное для самосохраненія данной соціальной группы; остальное—для обществовѣдѣнія—„подробности", мало поддающіяся учету. Намъ тотчасъ же нужно разъяснить, въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь выраженіе: „требуетъ". Когда существующія нормы государственнаго и гражданскаго права либо перестаютъ въ должной степени служить охраною кореннымъ основамъ хозяйственнаго строя, либо затрудняютъ его функціи настолько, что всей соціальной группѣ (націи) и, въ частности, экономически сильнымъ ея элементамъ грозитъ ослабленіе или гибель,—тогда на сцену является цѣлый рядъ воле-

---

[1]) Принимая во вниманіе разницу въ остальныхъ условіяхъ жизни тогда и теперь и въ количествѣ населенія.

выхъ актовъ, которые стремятся внести въ политическій и гражданскій строй измѣненія, кажущіяся цѣлесообразными. Если, дѣйствительно, чувство самосохраненія затронуто серьезно у экономически вліятельныхъ слоевъ населенія этимъ несоотвѣтствіемъ государственно-гражданскаго порядка съ экономическою дѣйствительностью, тогда упомянутый рядъ волевыхъ актовъ настойчиво направляется къ своей цѣли—и превозмогаетъ обыкновенно мѣшающія ему препятствія. Тогда происходитъ то, что̀,—смотря по частностямъ событія,—носитъ названіе революціи или реформъ. Хозяйственный строй, вызвавшій ихъ, продолжаетъ свою безпрерывную эволюцію,—а сверху трещатъ и ломаются балки, рушатся внѣшніе павильоны соціальнаго зданія, возводятся новые,—наступаютъ такъ называемыя историческія великія событія, обладающія, между прочимъ, чрезвычайно сильною, повидимому, способностью мѣшать всѣмъ выкладкамъ адептовъ молодой соціологической науки. Мы подошли къ третьей группѣ проявленій соціальной жизни,—къ отдѣльнымъ, такъ называемымъ великимъ историческимъ событіямъ.

IV.

Трудность въ изученіи исторіи большихъ политическихъ переворотовъ (мы говоримъ о единственно полезномъ для обществовѣдѣнія сравнительно-историческомъ изученіи) заключается прежде всего въ почти полномъ отсутствіи надлежащихъ данныхъ о причинахъ многихъ такихъ переворотовъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, спросимъ, какими общими причинами (а непремѣнною частью этихъ причинъ должны быть затрогивающія интересы всей націи экономическія осложненія и обстоятельства),—какими общими причинами историкъ можетъ объяснить хотя бы переходъ Рима отъ республики къ имперіи, распаденіе имперіи Александра Македонскаго (весьма легкое и изумительно безболѣзненное), паденіе конституціонныхъ началъ въ запиренейскихъ земляхъ при Фердинандѣ и Изабеллѣ, распаденіе кольмарской уніи скандинавскихъ государствъ, походы гунновъ, Чингизъ-хана, Тимуръ-Ленга, со всѣми ихъ неисчислимыми послѣдствіями, реформу Петра Великаго *въ ея цѣломъ*? Въ этихъ и весьма многихъ другихъ случаяхъ, просто, нужно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, сложить оружіе (на время, по крайней мѣрѣ), или же обходиться при помощи словесныхъ элукубрацій: мощный умъ понялъ то-то и то-то, республика пала за отсутствіемъ доблестей, имперія

Александра Македонскаго распалась, ибо была неспаяна и т. д. Все это лишь словесныя переложенія вопросовъ, но не отвѣты на нихъ. Гдѣ данныя, которыя позволили бы опредѣлить, какъ обстояло дѣло съ удовлетвореніемъ насущныхъ, ежедневныхъ потребностей у подданныхъ Рима въ эпоху Цезаря, у монголовъ временъ Чингизъ-хана, у кастильцевъ временъ Изабеллы? Мы видимъ въ цѣлой массѣ историческихъ событій лишь волевые акты, въ лучшемъ случаѣ—психическое состояніе народовъ или ихъ отдѣльныхъ элементовъ, или замѣчательныхъ историческихъ личностей въ моментъ, когда они дѣлаютъ усиліе измѣнить политическія и гражданскія формы своей жизни. Но мы не видимъ—опять-таки, въ цѣлой массѣ событій—не видимъ, за отсутствіемъ нужныхъ источниковъ,—какъ зародилось и наросло то или иное психическое состояніе, какъ, путемъ давленія какихъ внѣшнихъ причинъ, отдѣльный человѣкъ на тронѣ, или толпа на улицѣ, или рядъ толпъ въ ряду селеній, т.-е. народъ—могли превозмочь собственное, почти всегда угрожаемое въ такихъ случаяхъ самосохраненіе, и сдѣлать свое дѣло,—да еще дѣло, которое уже надолго останется? Единственные интересы (единственные не по силѣ, но по всеобщности), которые являются чрезвычайно существенными, опредѣляющими моментами въ жизни любой соціальной группы, суть интересы экономическіе,—и вотъ они-то и покрыты весьма часто полнымъ мракомъ. Можно, усвоивши стройную теорію, приняться за систематическую поддѣлку историческихъ фактовъ, выдумывать и фантазировать по поводу всякаго громкаго событія исторіи на историко-экономическія темы,—но это также будутъ всего лишь словесныя элукубраціи. Можно написать на бумагѣ: Октавій потому побѣдилъ Антонія и установилъ имперію, что Антоній слишкомъ увлекся Клеопатрой, которая была, въ свою очередь, слишкомъ красива; можно написать: Октавій побѣдилъ Антонія потому, что римская буржуазія была сильнѣе египетскаго пролетаріата, и установилъ имперію потому, что провинціальные капиталисты этого требовали. Бумага все стерпитъ,—но ложь и поддѣлка въ обоихъ разъясненіяхъ будутъ вполнѣ одинаковы, и даже первое будетъ имѣть преимущество наивности и непосредственности. Но оставимъ эту самую роковую трудность, ожидающую обществовѣда на тернистомъ пути изслѣдованія великихъ историческихъ событій, когда онъ, за отсутствіемъ данныхъ, долженъ довольствоваться лишь апріорными соображеніями о скрытыхъ за кулисами всеобщихъ и, стало быть, экономическихъ причинахъ. Перейдемъ къ другой трудности. Чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ

источники дѣлаются обширнѣе и разнообразнѣе, тѣмъ яснѣе, повидимому, устанавливается важная связь между болѣе постояннымъ, т.-е. медленнѣе движущимся хозяйственнымъ процессомъ,— и болѣе быстрымъ темпомъ политической эволюціи. И вотъ тутъ-то, когда источники и факты на лицо (хотя все-таки не въ такомъ ужъ идеальномъ изобиліи), выступаетъ на сцену—не то что сложность, а некоординованность, несоотвѣтствіе между главной причиной и ея послѣдствіями. Другими словами,—часто историкъ можетъ: 1) установить правдиво и точно природу эволюціи хозяйственнаго строя, потребовавшаго въ данный моментъ перемѣны политическаго или гражданскаго порядка вещей; 2) онъ можетъ опредѣлить и описать (и это самая легкая часть работы), въ чемъ заключались дѣйствія, продукты волевыхъ актовъ отдѣльныхъ лицъ, элементовъ націи или всего народа, желавшихъ нововведеній и противившихся имъ, а также въ чемъ состояли измѣненія правового строя; 3) но чрезвычайно трудно ему будетъ исполнить третью задачу: привести въ причинную связь эволюцію экономическаго строя *со всею суммою* возникшихъ изъ-за нея событій и политическихъ перемѣнъ. Иллюстрируемъ сначала конкретными примѣрами эту мысль, а затѣмъ ужъ предложимъ догадку, могущую отчасти объяснить ея содержаніе.

Въ началѣ XVII вѣка въ Россіи произошелъ цѣлый рядъ колоссальнѣйшихъ событій: разразился рядъ народныхъ броженій, появился загадочный человѣкъ, успѣвшій занять престолъ, совершились одинъ за другимъ два дворцовые, вѣрнѣе, столичные перевороты; эти внутреннія смуты повлекли два непріятельскихъ вторженія (хотя одно, шведское, было замаскировано), за вторженіями произошло анти-польское движеніе,—и послѣ восьми лѣтъ судорожной, конвульсивной жизни, послѣ восьмилѣтняго почти сплошного пожара, кровопролитія и разоренія—политическія формы страны остались точь-въ-точь такими, какими были до смуты. Въ чемъ же было дѣло? Ясно, что не въ формахъ правленія. Источники, все-таки, позволяютъ изслѣдователямъ допускать рядъ догадокъ, гипотезъ, имѣющихъ за собою всю силу полнаго правдоподобія о неудовлетворенныхъ классовыхъ интересахъ московскаго государства, о мѣстныхъ тенденціяхъ и пр. Они устанавливаютъ логическую и фактическую связь между опредѣленными классовыми тенденціями и опредѣленными волнами этого взбаламученнаго моря, гулявшаго на русской равнинѣ между царствованіемъ Годунова и воцареніемъ Романовыхъ. И извѣстную безрезультатность движенія они также могутъ отчасти объяснить и мотивировать. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда

на лицо есть и опредѣленныя экономическія причины, и движеніе, и многообразный сложный политическій *результатъ*, котораго многія черты ни при какихъ натяжкахъ не могутъ быть выведены изъ экономическихъ причинъ.

Въ концѣ XVIII вѣка во Франціи разразилась революція. Ея плодами было слѣдующее: 1) полное крушеніе всякихъ остатковъ феодально-хозяйственныхъ отношеній; 2) уравненіе всѣхъ предъ закономъ; 3) предоставленіе всѣмъ французамъ широкаго поля свободной промышленной конкурренціи; 4) установленіе сначала конституціонной монархіи, потомъ республики; 5) установленіе на широкихъ началахъ принципа свободы слова, печати и т. д. Это не всѣ результаты: были и чисто экономическіе—распродажа крестьянамъ и нѣкоторымъ членамъ другихъ сословій земель, конфискованныхъ у дворянства и духовенства; были и результаты идейные, культурные. Но о тѣхъ и другихъ пока говорить не будемъ, чтобы не прерывать нити изложенія. Обратимся къ перечисленнымъ пяти результатамъ политическаго и граждански-правового характера. Какъ опредѣлить, какіе изъ нихъ прямо вытекли изъ общихъ причинъ, а какіе случайны? Единственный методъ здѣсь —хотя не вполнѣ и надежный—констатированіе долговѣчности. Чтò пережило, а чтò погибло изъ этихъ пяти результатовъ въ ближайшую къ революціи эпоху? Окажется, что первые три результата—одинъ отрицательный и два положительныхъ—существуютъ до настоящаго времени, а послѣдніе два (конституція, формы политической свободы) уже черезъ нѣсколько лѣтъ исчезли, потомъ отчасти воскресали, снова исчезали и снова воскресали въ самомъ разнообразномъ видѣ. Принимая во вниманіе эволюцію хозяйственнаго процесса, до настоящаго времени еще вовсе не закончившаго свой кругъ, который онъ сталъ описывать до революціи,—мы можемъ привести въ причинную связь сущность этихъ трехъ долговѣчныхъ правовыхъ результатовъ съ сущностью совершавшагося и совершающагося хозяйственнаго процесса. Но откуда же взялись два остальные, хрупкіе, недолговѣчные результата? Вѣдь и изъ-за нихъ лилась кровь, совершался рядъ волевыхъ актовъ; чѣмъ же ихъ объяснить? Оставляя пока этотъ вопросъ открытымъ, обратимся къ другому примѣру.

Въ Россіи отъ 1861 до 1874 года совершился рядъ реформъ, совершенно измѣнившихъ гражданскую жизнь общества. Эти чрезвычайно важныя нововведенія, подобно результатамъ французской революціи, также отчасти обнаружатъ свою природу, если ихъ подвергнуть методу констатированія долговѣчности. Крестьянская реформа въ главныхъ своихъ частяхъ (свободный

трудъ) осталась безъ измѣненій; въ другихъ частяхъ подверглась измѣненіямъ. Земская реформа подверглась кореннымъ измѣненіямъ; судебная—также; реформа печати—также; реформа воинской повинности подверглась, сравнительно, весьма небольшимъ, несущественнымъ измѣненіямъ. Потребность въ свободномъ трудѣ была у двадцати-двухъ милліоновъ крестьянъ и у государства (въ лицѣ правительства), воочію видѣвшаго невозможность дальнѣйшаго успѣшнаго веденія постоянной дипломатико-военной борьбы за существованіе Россіи, если крѣпостное право будетъ продолжать „стоять какъ скала". Но правительство не только дѣйствовало въ интересахъ самосохраненія всей націи, какъ цѣлаго, какъ государства, оно не только видѣло зло и рѣшилось искоренить его, рѣшилось совершить переворотъ въ гражданскомъ правѣ,—оно имѣло *возможность* это сдѣлать. Правительство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ громадный административный механизмъ, будучи крупнѣйшимъ земельнымъ собственникомъ, дѣйствуя въ прямыхъ интересахъ большинства населенія, разумѣется, смѣло могло не бояться оппозиціи крѣпостниковъ и дворянской партіи, могло презирать желанія хотя бы всѣхъ недовольныхъ помѣщиковъ. Девятнадцатое февраля освободило народный трудъ, поставило и развитіе всѣхъ національныхъ силъ на новую дорогу, т.-е., вѣрнѣе, удалило съ этой новой дороги лежавшее поперекъ нея препятствіе, — старый гражданскій строй съ его основою—крѣпостнымъ правомъ. Крестьянская реформа и осталась столь же несокрушимою, какъ и хозяйственный процессъ, переживавшійся и переживаемый Россіею: при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ онъ требовалъ и обусловливалъ полную свободу труда. Что касается до военной реформы, то отъ нея отказаться немыслимо было въ виду, прежде всего, наибольшей пригодности установленнаго ею порядка для успѣшности военной охраны, охраны всей соціальной группы, всей русской земли, съ ея самостоятельнымъ національнымъ развитіемъ. (О связи національнаго развитія съ экономическою самостоятельностью распространяться пока нѣтъ нужды). Остальныя же реформы не были связаны съ прочнымъ фундаментомъ всякихъ политическихъ учрежденій, съ реальными экономическими потребностями націи, какъ цѣлаго, и большихъ группъ населенія, такъ прочно, такъ неразрывно чтобы выиграть отъ этого въ долговѣчности [1]). Онѣ не исчезли такъ быстро, не

---

[1]) Это не значитъ, конечно, чтобы названныя реформы не были глубоко полезны и нужны съ точки зрѣнія насущныхъ интересовъ государства.

воскресли такъ внезапно, не измѣнялись такъ разнообразно, какъ 4-ый и 5-ый (изъ выше перечисленныхъ) результаты французской революціи, но измѣненія ихъ были также весьма существенны, хотя и шли все въ одномъ направленіи. Всѣ эти промежуточныя реформы—между крестьянской 1861-го и военной 1874-го гг.—правительство только измѣняло, но оно могло бы ихъ и вовсе отмѣнить, и нѣтъ логическихъ основаній утверждать, что—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія—отъ этого тотчасъ же измѣнилась бы хозяйственная жизнь или международное положеніе Россіи настолько, чтобы обусловить немедленную реставрацію отмѣненнаго. И мы сталкиваемся съ вопросомъ, совершенно аналогичнымъ тому, который былъ нами поставленъ по поводу недолговѣчныхъ результатовъ французской революціи: если эти хрупкія реформы и нововведенія именно своею хрупкостью доказываютъ совсѣмъ слабую связь съ хозяйственнымъ строемъ или даже отсутствіе прямой и сознанной связи, если рядомъ съ прочными политико-гражданскими новыми учрежденіями эпоха революціи или эпоха реформъ приноситъ странѣ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, рядъ тоже, повидимому, весьма важныхъ для общежитія, но часто непрочныхъ установленій, то откуда же эти „непрочныя" установленія берутся? Каково ихъ значеніе для обществовѣдѣнія? Будемъ дѣйствовать путемъ „исключенія извѣстныхъ". Прямой, непосредственной связи съ хозяйственнымъ строемъ недолговѣчныя учрежденія не имѣютъ, ибо иначе онъ поддерживалъ бы ихъ, какъ фундаментъ поддерживаетъ домъ, и они измѣнялись бы столь же медленно или приблизительно столь же медленно, какъ и онъ самъ. Значитъ, не непосредственныя, живучія, гнетущія экономическія тенденціи вызываютъ ихъ къ жизни. И однако, изъ-за нихъ, этихъ недолговѣчныхъ учрежденій, льется гдѣ кровь, гдѣ чернила, но то и другое въ изобиліи,—они вызываются къ жизни рядомъ дѣйствій упорныхъ волевыхъ актовъ—гдѣ многихъ людей, гдѣ единицъ.

Кромѣ потребностей тѣла, у человѣка есть только *одна* категорія потребностей, — кромѣ физической жизни — еще *одна* жизнь—духовная,—конечно, вовсе не такая ужъ независимая отъ „тѣлесной", какъ многіе горделиво полагаютъ, но, тѣмъ не менѣе, развивающаяся по своеобразнѣйшимъ законамъ. Не найдя объясненія для политическихъ эфемеридъ въ области живучихъ экономическихъ требованій, будемъ искать его въ гораздо болѣе сложной, мѣстами еле мерцающей области требованій духа. Поиски еще усложняются тѣмъ, что умственныя движенія со-

ціальнаго характера суть движенія производныя и многообразныя по своему существу и совсѣмъ почти не разработаны спеціалистами-психологами. Соціологи,—вѣроятно, желая отдохнуть отъ болѣе тяжелой собственной работы,—не разъ брались за психологическія проблемы, которыя и рѣшались ими почти мгновенно и именно такъ, какъ требовала стройность ихъ теорій. Остается только пожелать, чтобы психологія показалась Вундту и Селли столь же легкой и простой наукою, какою она является въ писаніяхъ гг. Ренэ Вормса, Лакомба и т. д. Итакъ, ища объясненій тѣхъ частей политическаго строя, которыя либо мало, либо совсѣмъ необъяснимы точными и ясными экономическими требованіями, мы входимъ въ царство четвертой, отмѣченной нами въ началѣ, группы соціальныхъ проявленій,—въ область явленій психическихъ. Если труденъ по отсутствію источниковъ, но хоть сравнительно болѣе простъ по существу для изученія обществовѣда экономическій процессъ въ исторіи, если тоже нелегко по тѣмъ же причинамъ изученіе политическихъ учрежденій, то все-же и экономическій строй, и учрежденія представляютъ нѣчто длящееся и болѣе поддающееся разсмотрѣнію; если, наконецъ, такъ называемыя „великія событія“ при всѣхъ трудностяхъ все-таки отчасти, не всегда въ дѣйствіяхъ, но иногда въ нѣкоторыхъ результатахъ, поддаются анализу и установленію причинной связи, то теперь, убѣдившись, что даже въ свои „grands jours“ исторія не особенно свѣтла и ясна, мы вступаемъ въ самую трудную и смутную область матеріаловъ обществовѣдѣнія.

V.

Какъ извѣстно, психическая жизнь человѣка весьма тѣсно связана съ физическою въ томъ отношеніи, что психическія состоянія отражаются на физическихъ—и обратно. Иннерваціею называется способность человѣка отражать въ своихъ психическихъ состояніяхъ либо состоянія физическія, либо, вообще, внѣшнія впечатлѣнія. Иннервація, какъ тоже слишкомъ хорошо извѣстно, далеко не у всѣхъ людей одинаково глубока и, главное, быстра. Люди съ быстрой и глубокой иннерваціею отличаются отъ другихъ тѣмъ, что психическая жизнь у нихъ начинаетъ преобладать надъ физическою, т.-е. больше начинаетъ вліять на нее, чѣмъ физическая жизнь на душевную, психическую. Мало того: психическая жизнь становится столь непомѣрно богатою непрерывно смѣняющимися идеями (а у иныхъ

и образами), что начинаетъ идти уже по гораздо болѣе самостоятельной дорогѣ и уже не подчиняется новымъ внѣшнимъ воспріятіямъ и воздѣйствіямъ физической природы тѣла, или подчиняется имъ въ весьма слабой степени. Эмпирическій опытъ и психологическія наблюденія учатъ, что людей быстрой и глубокой иннерваціи весьма немного, сравнительно съ людьми иннерваціи обыкновенной, т.-е. поддерживающей приблизительное равновѣсіе между взаимодѣйствіями психической и физической природы человѣка. Беранже характеризовалъ этихъ немногихъ людей словами: „son coeur est un luth suspendu,—sitôt qu'on le touche, il résonne". Эта характеристика вѣрна лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что лица, характеризованныя Беранже, при быстрой и легкой возбуждаемости нерѣдко столь же быстро и легко отдѣлываются отъ этого возбужденія и переходятъ во власть другого возбужденія; но, кромѣ нихъ, есть еще разрядъ лицъ, у которыхъ иннервація не только легка и быстра, но и глубока, т.-е. способна породить рядъ психическихъ настроеній и мыслей, чреватыхъ уже новыми, производными психическими настроеніями и мыслями,—другими словами, способна такъ углубить, расширить, изощрить психическую жизнь, что эта послѣдняя на извѣстное время, а иногда навсегда, до самой смерти субъекта, оказывается совершенно нечувствительною для новыхъ иннервативныхъ импульсовъ со стороны внѣшняго міра. Въ исторіи люди, дѣйствія которыхъ выдаютъ быструю иннервацію, или быструю и глубокую иннервацію, или медленную, но глубокую иннервацію, получили разнообразнѣйшія названія—воспріимчивыхъ натуръ, избранныхъ натуръ, фанатиковъ, пророковъ, героевъ и т. д. Приглядимся къ мѣсту, которое занимаютъ они и ихъ дѣйствія между матеріалами, подлежащими анализу обществовѣдѣнія.

Прежде всего, для удобства, раздѣлимъ маленькую кучку лицъ, стоящихъ *во главѣ* этой—вообще маленькой—группы людей повышенной иннерваціи, на два разряда. Къ первому отойдутъ всѣ тѣ изъ этихъ героевъ (воспользуемся для краткости этимъ словцомъ Карлейля), всѣ тѣ изъ нихъ, которые принимали *непосредственное* участіе въ политическихъ событіяхъ всемірной исторіи. Ко второму пусть будутъ отнесены тѣ изъ нихъ, которыхъ вліяніе на соціальную жизнь *не* было столь непосредственно, однако все-же поддается хоть какому-нибудь реальному учету. Оба эти разряда, конечно, не охватятъ *всѣхъ* выдающихся лицъ повышенной иннерваціи, оставившихъ слѣдъ въ памяти человѣчества, но въ эти разряды войдутъ всѣ

тѣ изъ нихъ, которые имѣли общественное, наиболѣе важное для соціолога значеніе. Не потому наиболѣе важное, что, будто бы, совсѣмъ ужъ неважно объяснить появленіе и дѣйствія *всѣхъ* выдающихся людей, но потому, что выдающихся людей только указанныхъ двухъ разрядовъ можно, при современныхъ средствахъ и методахъ обществовѣдѣнія, привести хоть въ какую-нибудь связь съ болѣе доступными для изученія соціологическими матеріалами.

Обратимся къ первому разряду,—къ *героямъ*-политикамъ. Здѣсь сразу же необходимо ввести еще одинъ принципъ классификаціи. Всѣ герои-политики суть люди повышенной иннерваціи, но у однихъ она соединяется съ совершенно особенною дѣятельностью мозга, у другихъ—нѣтъ. Со временъ Биша̀, т.-е., съ конца XVIII столѣтія, физіологіи извѣстно, что возбудимость и дѣятельность мозга зависитъ въ весьма значительной степени отъ свойствъ кровеобращенія; отъ этой ли, отъ массы ли иныхъ, не разработанныхъ наукою причинъ, у нѣкоторыхъ людей повышенной иннерваціи проявляется дѣятельность мозга съ такою яркою силою, въ такихъ неожиданныхъ результатахъ, что современники даютъ имъ особыя обозначенія (талантовъ, геніевъ и т. п.). Умѣнье глубже и шире обыкновенныхъ людей понять и обобщить феномены и воспріятія жизни, способность произвольно-продолжительнаго сосредоточенія всего вниманія на опредѣленной суммѣ явленій, умѣнье распознать среди миріады путей единственно-цѣлесообразную (съ своей точки зрѣнія) ligne de conduite,—таковы специфическія черты, въ большей или меньшей степени, вмѣстѣ или отдѣльно, присутствующія въ психикѣ этого перваго подраздѣленія группы героевъ, занятыхъ непосредственной политической дѣятельностью. Политическіе герои второго подраздѣленія—умственными талантами не характеризуются, для нихъ характерны одни только чисто-моральныя качества (неустрашимость, стойкость, проникновеніе религіознымъ или инымъ чувствомъ, умѣнье увлекать за собою порывами чувства и пр.). Къ первому подраздѣленію политическихъ героевъ относится, напримѣръ, Петръ I; ко второму—Савонарола, Бернардъ Клервоскій.

Герои перваго подраздѣленія живутъ въ опредѣленной соціальной средѣ и воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія этой среды, которыя иннервируются ими быстрѣе и глубже (или иногда только быстрѣе, или только глубже), нежели большинствомъ окружающихъ. Умственные таланты, которые у нихъ соединяются съ иннерваціей, позволяютъ имъ внести въ соціальную жизнь не только возбужденную дѣятельность, но и такъ называемыя новыя

идеи, т.-е. указанія особыхъ путей, особыхъ подробностей, своеобразныхъ способовъ, при помощи которыхъ облегчается и ускоряется достиженіе тѣхъ или иныхъ общественныхъ идеаловъ. *Содержаніе* идеаловъ дается имъ уже изъ внѣшняго міра, изъ соціальной группы, гдѣ они живутъ. Если же они выдумываютъ это содержаніе изъ головы, то они уже вовсе не суть „герои" въ обозначенномъ нами смыслѣ,—они представляютъ тогда собою главарей эксцентрическихъ сектъ,—ересіарховъ, нерѣдко любопытныхъ, но почти всегда *общественно*-несчастныхъ въ своихъ начинаніяхъ [1]). Люди же, относящіеся къ этому подраздѣленію перваго разряда политическихъ героевъ, получая содержаніе идеала нерѣдко въ смутномъ, хаотическомъ видѣ, въ образѣ неясныхъ, почти инстинктивныхъ стремленій,—придаютъ этому содержанію болѣе точныя формы, прокладываютъ пути къ осуществленію его—и приближаютъ иногда самый часъ осуществленія.

Двадцатипятилѣтній Петръ Алексѣевичъ не самъ выдумалъ, что нужно море, что нужно войско, что нужны деньги, нуженъ торговый обмѣнъ, и что нужно правительству организоваться. Какъ было сказано, весьма темны внутреннія отношенія тогдашней Россіи, но ужъ это-то мы знаемъ, что и до Петра всѣ перечисленныя стремленія существовали въ средѣ, въ которой Петръ росъ, т.-е. при дворѣ и на верхахъ служилаго сословія. Иннервація Петра (судя даже по прямымъ, мемуарнымъ указаніямъ) была колоссальна по глубинѣ и силѣ,—и названныя тенденціи онъ воспринялъ совсѣмъ особенно; умъ Петра былъ также колоссаленъ,—всѣ свойства умственнаго таланта были ему отпущены природою въ такомъ изобиліи, что ихъ, вѣроятно, съ избыткомъ хватило бы на всѣхъ послѣдующихъ государей на протяженіи, по крайней мѣрѣ, XVIII-го столѣтія; и Петръ не только былъ особенно возбужденъ тенденціями среды, но и сразу ухватился за тотъ прямой методъ, который непосредственно могъ привести къ цѣли. Петръ былъ воплощеннымъ ураганомъ, почти стихійной революціей; онъ разрушалъ и созидалъ безъ системы, торопясь изо всѣхъ силъ,—и разрушилъ и создалъ много. Разсмотримъ же результаты его дѣятельности, ибо на нихъ отчасти выяснится путающая выкладки исторической философіи и соціологіи роль психическаго фактора. Изъ массы Петровскихъ политическихъ созданій и результатовъ удержалось слѣдующее (мы

---

[1]) Личное несчастье, иногда кончающее ихъ жизнь, съ исторической точки зрѣнія, не такъ важно, какъ ихъ общественная, хотя бы и кратковременная удача (примѣръ—Савонарола).

говоримъ о такомъ исторически-маломъ срокѣ, какъ тридцать лѣтъ): 1) всѣ учрежденія, усилившія правительственную власть —синодъ, армія, болѣе точная и строгая (сравнительно съ XVII вѣкомъ) податная, фискальная организація, государственная охрана (установленія, связанныя съ „словомъ и дѣломъ“), болѣе оживленныя (опять-таки сравнительно съ XVII вѣкомъ) сношенія съ европейской дипломатіей; 2) разработка правительствомъ и отдѣльными лицами нѣкоторой части естественныхъ богатствъ Россіи; 3) сближеніе высшаго класса съ европейской культурою (не только внѣшнею, какъ иногда скромно говорятъ наши историки, но и внутреннею—культурою „нравовъ“, ибо она и въ Европѣ была тогда не весьма высока). Погибло же за эти тридцать лѣтъ (1725—1755 гг.) слѣдующее: 1) сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ задуманъ былъ Петромъ и какъ онъ могъ отчасти служить пугаломъ для беззаконія; 2) всѣ коллегіальныя учрежденія, которыя при Петрѣ должны были состоять при намѣстникахъ провинцій и другихъ начальствующихъ лицахъ; 3) военный флотъ, при помощи котораго къ началу царствованія Екатерины II, по словамъ самой императрицы, даже селедокъ ловить нельзя было; 4) майоратъ, съ ограниченіемъ права помѣщиковъ безконтрольно распоряжаться въ завѣщаніяхъ своими имѣніями.

Мы, разумѣется, не все привели, что̀ погибло; но и этого достаточно. Разъ нѣкоторыя Петровскія учрежденія погибли такъ быстро,—а между ними любимыя дѣтища Петра (сенатъ, флотъ),—то должна же быть тому причина; причина эта сложна для фактическаго обоснованія, но проста, если ее высказать апріорно: значитъ, не было ни у правительства, ни у вліятельныхъ круговъ—словомъ, въ той средѣ, гдѣ находилось кормило правленія, ни малѣйшей потребности въ этихъ учрежденіяхъ. А такъ какъ не было никогда и тѣни народнаго недовольства (за эти тридцать лѣтъ) по поводу отсутствія флота, сената, майората, коллегіальныхъ учрежденій и проч.,—то, значитъ, и не ощущалось въ нихъ потребности. Если такъ, то откуда же они взялись въ головѣ Петра? Не противорѣчитъ ли это нашему тезису, что содержаніе идеаловъ уже дается герою средой? Нѣтъ, не противорѣчитъ. Еслибы человѣческая голова была подобна тому лотерейному ванькѣ-встанькѣ, въ котораго сначала бросаютъ рядъ вещей, а потомъ, дергая за веревочку, получаютъ изъ его рта одну за другой эти вещи и ничего болѣе,—тогда, конечно, слѣдовало бы изумляться тому, что Петръ далъ міру не то и не такъ, что̀ и какъ онъ взялъ у него. Но такъ какъ—опять скажемъ,—къ ве-

ликому затрудненію обществовѣдѣнія,—человѣческая психика есть аппаратъ чудовищно сложный, и такъ какъ мы *никакихъ* его деталей не знаемъ, несмотря на всю жаркую полемику нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ о мѣстонахожденіи души и иныхъ сюжетахъ,—то остается лишь констатировать слѣдующее. Человѣкъ воспринимаетъ впечатлѣніе внѣшняго міра, или рядъ впечатлѣній; они входятъ въ его психическую жизнь и уже тутъ перерабатываются по-своему и такъ, что первоначальное ядро не всегда и узнаешь. Этого мало: человѣкъ сильной иннерваціи затопляетъ однимъ впечатлѣніемъ или суммою однородныхъ впечатлѣній *всю* свою психику,—и именно въ виду единства психической жизни чѣмъ сильнѣе иннервація, тѣмъ скорѣе психика всецѣло поглотится одною мыслью. Но теперь вдумаемся,—какая же это именно будетъ мысль? Та ли простая, отдѣльная, единичная, которая *повидимому* должна выработаться изъ простого, единичнаго, отдѣльнаго впечатлѣнія? Нѣтъ, тутъ ужъ *громадность и быстрота работы всей психики* не позволитъ этой первоначальной мысли остаться столь простою. Петръ увидѣлъ ботикъ Бранта,—свойства его иннерваціи затопили его мыслью о ботикѣ Бранта; что же, такъ эта мысль и останется у него? Петръ знаетъ, что правительству нужно быть сильнѣе, что нужны деньги, нужно море и проч.

Всѣ эти отдѣльныя мысли не остаются отдѣльными мыслями, но каждая изъ нихъ, въ послѣдовательные хронологическіе моменты заполняя его психику, становится громадной, всеобъемлющею. Есть восточныя ткани, которыя можно положить и на край стола, и растянуть на средину стола, и растянуть на весь столъ. Растягивая ткань на весь столъ,—мы ее дѣлаемъ громадной, сравнительно съ ея первоначальными размѣрами; яснѣе выступаютъ ея нити, узоры, она мѣняетъ отчасти свой цвѣтъ; она, словомъ, раздвинулась, расширилась и измѣнилась,—но значитъ ли это, что она не та самая первоначальная, сравнительно маленькая ткань? Мысль отличается свойствами такой ткани; она тоже маленькой, одиновой попадаетъ въ психику,—только разница та, что ткань по столу растягиваютъ постороннія силы,—а мысль растягивается во всю ширь психической жизни самою же психикою и, заполнивши психическую жизнь, мѣняетъ и размѣры—становится громадной, мѣняетъ и цвѣтъ, и характеръ. И чѣмъ могущественнѣе психическая возбудимость, иннервація, тѣмъ скорѣе и глубже выйдетъ этотъ процессъ количественнаго возростанія и качественнаго измѣненія мысли. Не только мысль ростетъ и ширится,—она и наружу, къ исполненію просится у

указаннаго разряда иначе, чѣмъ у остальныхъ, проникнутыхъ ею же,—можетъ быть, отчасти, именно потому, что представляется ихъ сознанію въ яркомъ свѣтѣ, со всѣми развѣтвленіями, со всѣми другими невидными способами и путями къ осуществленію. Герой (особенно если онъ имѣетъ физическую непосредственную къ тому возможность) и начинаетъ осуществлять,—но что?—не общераспространенныя и въ него попавшія тенденціи, а мысли, уже переработанныя его психикою часто въ неожиданныхъ для современниковъ размѣрахъ. Но чуть погасла эта случайная соціальная сила, умеръ реформаторъ, сошло со сцены революціонное поколѣніе—и то, что было осуществленіемъ узоровъ, вытканныхъ собственною ихъ психикою,—угасаетъ или почти угасаетъ съ ними,—а то, что они осуществили согласнаго съ потребностями, живучими и гнетуще-нужными для соціальной группы или хоть вліятельной, сильной части ея, то переживаетъ и остается. Полное преобразованіе гражданскаго строя Франціи, стараго режима—было насущною потребностью многихъ милліоновъ изъ тѣхъ двадцати-пяти, которые жили въ этой странѣ: эту тенденцію въ яркихъ образахъ и запечатлѣвающихся краскахъ передали и выразили революціонные дѣятели, и осуществили ее,—она и осталась уже послѣ того, какъ о дѣятеляхъ и слухъ замеръ. Но эти же дѣятели въ такихъ же образахъ и краскахъ выражали тенденцію о личной свободѣ, конституціи, республикѣ и проч., и тоже осуществили ее. Однако тенденція эта поддерживалась лишь частью народа и маленькою частью, и то не всею, —поэтому она быстро погибала вмѣстѣ съ своими носителями, и потомъ воскресала, и погибала, и опять воскресала по мѣрѣ того, какъ ширилось количество ея сторонниковъ—вплоть до конца XIX вѣка. Наконецъ, революціонные дѣятели выставили и еще тенденцію: замѣнить католичество „богинею разума“ и проч.—и ужъ эта тенденція провалилась совсѣмъ быстро, и даже память о ней осталась лишь въ видѣ нѣсколькихъ курьезныхъ маскарадовъ,—а вѣдь и „религія разума“ была учрежденіемъ, и за насмѣшки надъ нимъ людей казнили. Люди сильной иннерваціи и инициативы, революціонеры, восприняли вмѣстѣ съ гнетущими тенденціями массъ зародышъ цѣлой бездны новыхъ, несвойственныхъ массамъ мыслей, которыя выработались процессомъ ихъ личнаго неустаннаго психическаго труда изъ тѣхъ же общераспространенныхъ тенденцій. Имъ удалось, вмѣстѣ съ гнетущими всѣхъ (или большія массы) тенденціями, осуществить и эти новыя, гнетущія только ихъ однихъ мысли, а ближайшее исто-

рическое будущее отмело одни плоды ихъ дѣятельности отъ другихъ; первые остались, вторые погибли навсегда или на время.

Это было съ французскими революціонерами, съ Петромъ Великимъ, съ русскими дѣятелями эпохи реформъ. Впрочемъ, послѣдній примѣръ мы должны будемъ привести дальше, когда будемъ говорить о герояхъ, не вліявшихъ непосредственно на ходъ политическихъ событій. Теперь перейдемъ ко второму подраздѣленію перваго разряда дѣятелей, т.-е. лицъ, одаренныхъ сильнѣйшей иннерваціей, вліяющихъ непосредственно на ходъ политическихъ событій, но почти исключительно гипнотизирующей силой своей страстности, или отсутствіемъ колебаній, твердостью и другими *моральными* свойствами натуры, а не интеллектуальными открытіями и новыми по широтѣ идеями. Къ этому подраздѣленію относятся Джонъ Гэмпденъ, Кавуръ, повидимому Октавіанъ-Августъ и т. д. Иногда эти лица обладаютъ еще какими-нибудь техническими способностями, что̀, конечно, помогаетъ ихъ дѣлу (тактикъ Гарибальди, дипломатъ Бисмаркъ, ораторъ и организаторъ Парнель и др.). Лица этой категоріи весьма часто достигаютъ своей цѣли полностью; иногда же, не достигая ея, все-таки видятъ идущими за собою большіе слои народа или цѣлыя націи. Одинокими они никогда не бываютъ именно потому, что являются лишь болѣе громкимъ и пригоднымъ рупоромъ для словъ, рвущихся изъ груди у многихъ ихъ соотечественниковъ. Они, обыкновенно, побѣждаютъ, если только они дѣйствительно выразители желаній сильныхъ слоевъ населенія и если въ жизнь ихъ соціальной группы не вторгнется посторонняя сила (вмѣшательство болѣе сильной націи и т. п.): Парнель въ Ирландіи былъ не менѣе популяренъ, нежели Бисмаркъ въ Пруссіи,—а можетъ быть, и популярнѣе, но Бисмаркъ остался побѣдителемъ, Парнель же не достигъ почти ничего. Окружающія, постороннія Пруссіи и Ирландіи, силы обусловили судьбу того и другого, но въ предѣлахъ своей соціальной группы, въ данномъ случаѣ—своей націи, ни тотъ, ни другой одинокими не были.

Дѣлая общую характеристику обѣихъ категорій этого разряда политическихъ дѣятелей, *непосредственно* вліявшихъ на событія, скажемъ: значеніе первой категоріи (людей сильной иннерваціи и одаренныхъ умственными талантами) заключается въ томъ, что они, во-первыхъ, повидимому хронологически ускоряютъ наступленіе событій, влекущихъ за собою нужныя перемѣны; во-вторыхъ, что они осуществляютъ эти нужныя сильной части народа установленія (слово „сильный“ употреблено здѣсь въ самомъ узкомъ значеніи; правящіе круги и правительственный

аппаратъ поддержали Петра Великаго, бо̀льшая часть крестьянства и буржуазіи—поддержала французскихъ революціонеровъ). Рядомъ съ этимъ, они часто осуществляютъ и личныя свои затѣи, почти всегда являющіяся эфемеридами.

Значеніе второй категоріи (этого же разряда непосредственно вліяющихъ на событія героевъ) заключается въ томъ, что они также способствуютъ ускоренію событій, нужныхъ сильной части населенія, причемъ стоятъ въ смыслѣ развитія общихъ политическихъ идей на уровнѣ выдвинувшей ихъ массы, но своими особыми моральными свойствами преимущественно предъ обыкновенными людьми способствуютъ осуществленію общераспространенныхъ тенденцій; если они обладаютъ и техническими способностями, то ихъ значеніе еще больше (хотя чаще техническія способности соединяются съ общими умственными дарами природы и встрѣчаются у дѣятелей первой категоріи).

VI.

Таково значеніе этого перваго разряда психическихъ единичныхъ силъ, которыя вліяютъ на политическія событія и способствуютъ выработкѣ политическихъ учрежденій; таково значеніе ихъ для реальной исторіи. Но каково значеніе ихъ для обществовѣдѣнія, *какъ науки*? Увы, самое прискорбное! Разсказывается гдѣ-то, какъ одинъ натуралистъ растопталъ ногами жука, найденнаго имъ, только потому, что жукъ своими особенностями мѣшалъ стройности его классификаціи. Историческіе герои уже перваго описаннаго нами разряда могли бы возбудить свирѣпость этого натуралиста, начни онъ заниматься обществовѣдѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ-то, эти психическія силы, до чрезвычайности усложняютъ дѣло. Что̀ мы вывели относительно ихъ? Что онѣ способствуютъ ускоренію процесса политической эволюціи. Выведено это—апріорно, ибо существо дѣла исключаетъ иной путь... Что̀ обусловливаетъ ихъ появленіе? Рядъ причинъ, которыхъ никто не знаетъ и которыя называются физіологическими и иными случаями. Что̀ ихъ поддерживаетъ? Вся соціальная группа (нація) или сильная часть ея, т.-е. могущая доставить имъ возможность физической борьбы съ препятствіями. Но *какая* часть группы въ опредѣленный моментъ сильна въ этомъ смыслѣ? Отвѣтъ относительно прошлаго можетъ быть только апостеріорнымъ, относительно будущаго—только гадательнымъ...

Одно лишь остается несокрушимымъ: долго живутъ учреж-

денія, не препятствующія удовлетворенію экономическихъ нуждъ сильнѣйшей части соціальной группы и охраняющія нужный ей экономическій строй; гибнутъ,—учрежденія, въ этомъ смыслѣ сильнѣйшей части населенія ненужныя. Массы всегда этимъ и только этимъ гнетущимъ интересомъ заняты,—онѣ своимъ героямъ даютъ эти тенденціи (когда сами подъ вліяніемъ ростущей интенсивности своихъ потребностей, широко такими тенденціями проникнутся); герои осуществляютъ ихъ,—и это остается,—остальное отметается. Вотъ почему чисто-гражданскія установленія и правовые кодексы больше всего выживаютъ послѣ создавшихъ ихъ революцій и реформъ, а чисто-политическіе институты и конституціи чаще всего подвергаются измѣненіямъ. *Сильною* часть населенія можетъ быть тогда, когда она все-таки довольно велика количественно (это—conditio sine qua non); а большое количество людей никогда, даже теперь, даже въ Америкѣ, Англіи и Франціи *не можетъ*—психологически—интересоваться кодификаціонными подробностями; въ прежнія же времена, въ исторіи, и главные принципы чистой политики никого, кромѣ горсточки, не интересовали. Но чтобы ужъ кончить съ героями, воспользуемся тѣмъ, что рѣчь зашла объ этой „горсточкѣ". Эту горсточку и прежде, и теперь именовали различнѣйшими эпитетами,—интеллигенція, intellectuels, Schwärmer, Träumer и т. д. Судьба этой горсточки тѣсно связана въ историческихъ матеріалахъ—и фактически, и логически—съ судьбами второго отмѣченнаго нами разряда героевъ (т.-е. героевъ, вліяніе которыхъ на политическія событія не непосредственно, а косвенно).

Этотъ второй разрядъ включаетъ философовъ, публицистовъ, художниковъ слова, кисти, рѣзца, создателей теологическихъ и теолого-этическихъ системъ,—словомъ, тѣхъ людей, у которыхъ повышенная иннервація соединялась съ такого рода умственнымъ талантомъ или геніемъ, что, высказывая свои мысли и чувства, они оказывали вліяніе на другихъ людей,—и вліяніе общественное. Аристофанъ, Тацитъ, Мильтонъ, Вольтеръ, Руссо, Дидро, Лютеръ, Бичеръ-Стоу и т. д., и т. д.,—вотъ люди этого разряда; мы привели первыя пришедшія на память имена. Можно даже сказать, что *всякій* дѣйствительно большой художественный талантъ имѣетъ общественное значеніе, даже если совсѣмъ объ этомъ не заботится, ибо объединяетъ общностью переживаемыхъ художественныхъ эмоцій всѣхъ, наслаждающихся его созданіями; въ еще большей мѣрѣ это можно сказать о талантахъ публицистическихъ

---

[1]) О значеніи этого слова см. раньше.

и философскихъ, вліяющихъ на меньшее число умовъ, но зато уже болѣе прямо, болѣе непосредственно. Разумѣется, тутъ важно насколько внѣшнія обстоятельства располагаютъ общество къ воспріятію идей и образовъ, выражаемыхъ и создаваемыхъ писателями и художниками. Но такъ какъ это слишкомъ понятно и извѣстно,—перейдемъ къ другому вопросу: на *кого* вліяютъ они? Обратимся къ ретроспективному историческому обзору предмета. Въ 1880 году, по увѣренію такого безпристрастнаго во всѣхъ отношеніяхъ свидѣтеля, какъ Гл. Ив. Успенскій, представители московскаго простого народа ничего не понимали и недоумѣвали, видя сооруженіе памятника Пушкину („статуй"... „идолъ" etc.); а о знаніи народными массами Россіи другихъ писателей и говорить уже не приходится. Пишущій эти строки читалъ въ „Frankfurter Zeitung" негодующее заявленіе, что нѣмецкой деревнѣ неизвѣстны иногда даже имена Шиллера и Гёте, не взирая на школу. Порывшись въ памяти, многіе вспомнятъ аналогичныя констатированія факта полнаго или почти полнаго невѣдѣнія массами европейскаго населенія даже именъ величайшихъ своихъ писателей—художниковъ слова. О философахъ, публицистахъ, живописцахъ, скульпторахъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Такъ или почти такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время; и это мы говоримъ даже *объ именахъ*, а нужно ли доказывать, что ужъ вліянія-то на народныя массы—и въ Европѣ, и у насъ—герои мысли и искусства не имѣли никакого въ истекшемъ XIX вѣкѣ. Если относительно XIX вѣка это можно констатировать не только логически, но отчасти фактически, то что сказать о вѣкахъ минувшихъ? Тогда не было Успенскихъ, не было газетъ, интересующихся распространеніемъ культуры,—не было, словомъ, любопытства относительно вопроса: читаютъ что-нибудь сѣрыя массы или нѣтъ? Ибо и вопросъ былъ праздный: всюду сѣрыя массы читать не умѣли почти совершенно. Теперь еще продолжимъ этотъ обзоръ: а въ средніе вѣка, въ классическую эпоху Греціи и Рима, умѣло читать народное большинство? Тутъ фактическихъ указаній нѣтъ или почти нѣтъ, но, памятуя о положеніи дѣла въ XIX столѣтіи, мы не затруднимся дать себѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. И все-таки эти люди (герои мысли) выражаютъ свои идеи, рисуютъ образы и вліяютъ на историческія событія,—конечно, не на сущность ихъ, но *отчасти* на ихъ хронологію и внѣшнюю обстановку. Происходитъ это въ общемъ такъ. Психическія вліянія, исходящія отъ людей сильной иннерваціи и сильныхъ литературныхъ и иныхъ талантовъ,—эти вліянія, зарождаемыя у *необыкновенныхъ* людей внѣшними вѣяніями

и перерабатываемыя ихъ душевною жизнью, дѣйствуютъ на *обыкновенныхъ* людей, которыхъ иннервація *также* повышена, которые также живутъ подъ аналогичными впечатлѣніями окружающей среды и которые слышатъ изъ талантливыхъ устъ либо яркое изображеніе общераспространенныхъ впечатлѣній, либо оригинальныя *новыя* идеи относительно тѣхъ или иныхъ общественныхъ вопросовъ. Такіе люди, обыкновенные по умственнымъ способностямъ, но не совсѣмъ обыденные по свойствамъ иннерваціи, подъ вліяніемъ описываемаго разряда „героевъ" мысли и искусства,—быстрѣе доходятъ до тѣхъ или иныхъ выводовъ, глубже проникаются тѣми или иными чувствами, и хотя ихъ все-таки, сравнительно съ сѣрой, темной массой, была всегда и всюду горсточка, но они принимали весьма часто дѣятельное участіе въ совершавшихся событіяхъ,—и они-то составляли всегда необходимую свиту, необходимое орудіе политическихъ „героевъ"; они-то, эта интеллигенція, intellectuels, Schwärmer и т. п., и привносили (вмѣстѣ съ политическими „героями") въ историческія событія то самочинное строительство, которое потомъ часто оказывалось столь шаткимъ и недолговѣчнымъ. Въ высокой мѣрѣ нелѣпо было бы говорить о „ничтожности" ихъ роли и т. п. вещахъ; для науки ничто не ничтожно, а дѣятельность этой маленькой горсточки на протяженіи всей исторіи такъ ярка, такъ широка по своимъ основнымъ идеямъ, такъ глубоко драматична по своимъ деталямъ, что только лишь вслѣдствіе недостатка нужныхъ матеріаловъ, да отсутствія интереса у историковъ, до сихъ поръ не описаны *систематически* судьбы этой маленькой, но достопримѣчательной соціально-психологической категоріи людей во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи. Но матеріаловъ нѣтъ, судьбы не описаны—и обществовѣду остается трудная работа—еще и этотъ интересный сюжетъ не разработывать, а „выводить за скобки" исторіи,—что, конечно, труднѣе дѣлать, нежели въ алгебрѣ съ анонимными величинами. Выводить же „за скобки" вліяніе психическихъ силъ на историческія событія, дѣйствительно, не легкая задача. Обратимся къ конкретному примѣру.

Въ 1861 году императоръ Александръ II освободилъ крестьянъ. Онъ удовлетворилъ этимъ, какъ уже было упомянуто, насущной потребности и государства, и большинства населенія. Но можно ли сказать, что онъ *долженъ* былъ именно въ 1861 году, а никакъ не позже, освободить крестьянъ, что каково бы ни было рѣшеніе верховной власти—освобожденіе тогда же состоялось бы? Ни въ какомъ случаѣ. „И кто знаетъ,—если бы не Царь-Освободитель, не лизалъ ли бы до сихъ поръ Филька рас-

валенную печку языкомъ и не ходила ли бы Машка остриженной по приказанію барыни"?

Припоминаемъ эти слова, сказанныя человѣкомъ, котораго въ сервилизмѣ упрекать никто не отважится,—Салтыковымъ. Дѣйствительно, гдѣ логическія доказательства, что крѣпостное право не могло бы просуществовать еще десять—двадцать, тридцать лѣтъ? Были бы маленькія крестьянскія возстаньица, которыя ничего не было бы легче какъ подавить военной силой; чистая крестьянская пугачевщина въ XIX вѣкѣ, при средствахъ государственной власти, не могла бы удаться (да и въ XVIII она ничего не достигла). Въ концѣ концовъ, необходимость прокормиться, для большинства населенія, необходимость сохранить отъ паденія весь государственный механизмъ (хотя бы изъ чисто-личныхъ интересовъ)—для меньшинства, явились бы достаточными стимулами, чтобы вычеркнуть мирнымъ или немирнымъ путемъ крѣпостное право изъ гражданскаго кодекса. Но когда насталъ бы этотъ, такъ называемый, гипотетическій „концъ концовъ"? *Вѣроятно*, черезъ 10, 20, 30 лѣтъ... Тутъ ужъ гаданіямъ предоставляется весьма широкій просторъ. И вотъ, въ сферѣ этого важнаго, съ точки зрѣнія отдѣльной человѣческой жизни, и незамѣтнаго со всемірно-исторической точки зрѣнія періода въ нѣсколько десятилѣтій,—психическія силы, двинувшія въ дѣло освобожденія весь громоздкій и сильный правительственный аппаратъ, и сыграли свою роль: они *хронологически приблизили неизбѣжное* такъ же, какъ могли бы хронологически отдалить его до извѣстнаго (и научно неопредѣлимаго) предѣла. Дѣятельнѣйшую роль при освобожденіи сыграла часть общества, такъ называемая *интеллигенція*, которая всѣми мѣрами помогала правительству въ его задачѣ и побуждала его къ болѣе широкой постановкѣ дѣла. Эта ничтожная численно (какъ всегда и вездѣ) группа народа, обладавшая свойствомъ бо̀льшей иннерваціи и, въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ своихъ, выдающимися качествами ума и умственныхъ талантовъ, и создавала то, что̀ носитъ названіе общественнаго мнѣнія, т.-е., другими словами: маленькій кружокъ людей, хоть въ сто—двѣсти тысячъ человѣкъ (беремъ нарочно довольно неосновательный максимумъ), среди семидесятимилліоннаго народа писалъ, говорилъ, спорилъ, шумѣлъ,—а семьдесятъ милліоновъ молчали. Много ли было такихъ мнѣній кружка, которыя совпадали бы съ мнѣніями отдѣльныхъ классовъ всего народа? Нѣтъ, немного, насколько можно судить: мнѣнія крѣпостниковъ и мнѣнія, выражавшіяся въ желаніи освобожденія съ землею, и, наконецъ, (хотя въ очень малой степени), мнѣнія о необходимости освобо-

дить крестьянъ безъ земли. А были въ этомъ кружкѣ (до извѣстной степени захватывавшемъ и правительственныхъ лицъ) мнѣнія еще и другія, самыя разнообразныя: о selfgovernment, о жюри (тогда, до осуществленія, часто употреблялись иностранныя названія), о свободѣ прессы, о необходимости споспѣшествовать земскимъ началамъ, о необходимости противиться введенію земскихъ началъ, объ эмансипаціи женщинъ, и т. д., и т. д. Кружокъ весьма этимъ занимался, ожесточенно спорилъ, преслѣдовалъ однихъ своихъ членовъ руками другихъ своихъ членовъ, разрушалъ, создавалъ,—и какъ уже сказано, изъ его созданій только два (крестьянское освобожденіе и военная реформа) остались цѣлы. Но такъ какъ эта сотня тысячъ и ея потомки видны и слышны, то возникаетъ до невѣроятія путающая и безъ того хаотическіе матеріалы такъ называемая „умственная исторія" (какъ она пишется), т.-е. исторія споровъ, разочарованій и новыхъ очарованій горсточки лицъ, имѣвшихъ случай родиться или воспитаться съ болѣе повышенной иннервацiей, нежели 99 и три-четверти процента ихъ соотечественниковъ.

Представимъ себѣ, что какой-нибудь Джонъ Муррэй, изслѣдователь морской флоры и фауны, найдетъ группу полиповъ и увидитъ, что на каждый милліонъ этихъ существъ приходится тысячи полторы особей, болѣе быстро двигающихся, быстро окаменѣвающихъ, оставляющихъ по себѣ еле-замѣтный слѣдъ въ видѣ маленькой полоски и выдѣляющихъ послѣ себя новую, столь же ничтожную, исключительную категорію. Вѣроятно, онъ внесъ бы замѣтку о нихъ въ свой путевой журналъ, изслѣдовалъ бы нѣсколько экземпляровъ и, убѣдившись въ тождественности физическаго строенія, оставилъ бы дѣло; также оставилъ бы дѣло Брэмъ, Леббокъ или Эспинасъ, убѣдившись въ преимущественной подвижности, дѣятельности, работоспособности одного муравья, или даже десятка—въ муравейникѣ. Но ни историкъ, ни обществовѣдъ *не могутъ* такъ легко оставить безъ вниманія даже и одну сотню тысячъ между ста милліонами, если именно эта сотня тысячъ вліяетъ, и вліяетъ иногда очень сильно, на жизнь массы (хотя бы способствуя хронологическому приближенію и отдаленію событій и политическихъ перемѣнъ); она вліяетъ на массу еще и какъ *создательница фактовъ*. Напримѣръ, въ Россіи новый судъ оказался соціологически-хрупкимъ явленіемъ; и однако, фактъ его существованія, равенство предъ уголовнымъ закономъ, „ныньче бить не приказано" и т. д.,—все это внесено въ народную жизнь,—и развѣ можно вычислить всѣ новыя идеи, новыя знанія и понятія, порожденныя фактами подобнаго рода,

т.-е. самою дѣйствительною пропагандою? И это измѣненіе психическаго уклада массъ начинаетъ также иногда отчасти вліять на судьбу учрежденій, не имѣющихъ сами по себѣ особенно прочныхъ корней, реальной силы сопротивленія, активной защиты,—хотя, впрочемъ, сравнительно рѣдко, такое вліяніе можно констатировать.

Но еще и по другимъ основаніямъ исторія умственной жизни этой маленькой горсточки не поддается „выведенію за скобки". Эта воспріимчивая, впечатлительная горсточка составляетъ и составляла въ исторіи разныхъ странъ и эпохъ какъ бы главный штабъ, свиту помощниковъ и исполнителей вокругъ „героевъ" обоихъ названныхъ разрядовъ, т.-е. и прямо, и косвенно вліявшихъ на политическія событія. Для точнаго анализа этой роли ихъ обратимся къ разсмотрѣнію соціологическаго значенія слова „событіе".

VII.

Оговоримся прежде всего: мы умышленно съузимъ и весьма сильно съузимъ объемъ слова „событіе", именно потому, что при современномъ состояніи обществовѣдѣнія нѣтъ никакой возможности оперировать надъ слишкомъ общими понятіями. Астрономія подъ *планетою* обыкновенно понимаетъ небесное тѣло *солнечной* системы; быть можетъ, при дальнѣйшемъ прогрессѣ этой науки и ея вспомогательныхъ средствъ понятіе планеты расширится въ объемѣ и будетъ охватывать соотвѣтствующія небесныя тѣла иныхъ, пока неизвѣстныхъ системъ; но пока астрономическое просторѣчіе допускаетъ эту терминологію и не всегда добавляетъ къ слову „планета" опредѣленіе: „солнечной системы". Можетъ быть, когда-нибудь и осуществится то, на чтò совершенно не надѣется пишущій эти строки,—и безъ исключенія *всѣ* событія соціальной жизни въ прошломъ и настоящемъ смогутъ войти въ ясную и точную цѣпь закономѣрности, — но въ ожиданіи будущихъ успѣховъ обществовѣдѣнія достаточно будетъ, если мы ограничимъ объемъ понятія „событіе" болѣе доступною для изученія сферою. Будемъ понимать подъ словомъ *событіе* только такой историческій фактъ, который возможно привести въ прямую связь съ стремленіями членовъ данной соціальной группы сохранить или измѣнить ея внутренній строй. Соціологическому учету поддаются гораздо болѣе, нежели всѣ другіе матеріалы обществовѣдѣнія,—измѣненія хозяйственнаго строя данной соціальной группы; *слѣдовательно*, въ бòльшей

степени закономѣрно объяснимы только тѣ событія, которыя стоять въ прямой связи съ измѣненіями хозяйственнаго строя; *слѣдовательно*, точно также легче объяснимы и больше поддаются учету только тѣ психическія силы, которыя служатъ видимымъ факторомъ *подобныхъ* событій, а не другихъ; *слѣдовательно*, и вліяніе политическихъ дѣятелей и ихъ главнаго штаба, —особенно воспріимчивой горсточки,—соціологически опредѣлимо только тогда, когда оно (это вліяніе) прямо сказывается въ подготовкѣ и совершеніи подобныхъ же событій, а не какихъ бы то ни было иныхъ.

Остановимся на конкретномъ примѣрѣ цѣлаго ряда историческихъ происшествій, которыя, несмотря на свою видимую грандіозность, не поддаются никакому введенію въ причинную связь, насколько, вообще, таковую можно установить между соціальными явленіями. Этотъ рядъ историческихъ происшествій называется крестовыми походами, охватываетъ въ общемъ періодъ въ двѣсти лѣтъ, описывался и описывается многочисленными историками,—и воспѣвался многими поэтами (впрочемъ, воспѣваться началъ только лѣтъ черезъ пятьсотъ). Но *почему* крестовые походы зародились и стали возможны? Прежде на это отвѣчали: потому, что европейское человѣчество XI—XIII вв. было необыкновенно религіозно, склонно къ энтузіазму и проч., а тутъ, какъ разъ, сельджуки и сарацины стали преслѣдовать паломниковъ. На это можно отвѣтить, что 1) ничѣмъ не доказана преимущественная склонность къ религіозному энтузіазму у европейскаго человѣчества тѣхъ временъ; 2) что если эта склонность и была, то почему же походы не прекратились хотя бы черезъ сто лѣтъ послѣ своего начала, ибо послѣ Саладина никакой особенной религіозной нетерпимости магометане не обнаруживали? 3) Если скажутъ, что ужъ тогда дѣло шло не только о безопасности, но объ обладаніи святынею, то почему же въ 1291 году походы безвозвратно окончились, когда святыня осталась все-таки въ рукахъ невѣрныхъ? 4) Если будетъ замѣчено, что энтузіазмъ въ европейскомъ человѣчествѣ охладѣлъ, то можно повторить требованіе доказательствъ присутствія этого энтузіазма раньше и присоединить требованіе доказательствъ измѣненія настроенія въ Европѣ послѣ 1291 года, когда ничего достопримѣчательнаго не произошло въ дѣлѣ вѣры и религіи за эти двѣсти лѣтъ, т.-е. ничего такого, что могло бы замѣтно измѣнить религіозное настроеніе массъ (вспомнимъ, хотя бы, пышный расцвѣтъ нищенствующихъ орденовъ и фана-

тической преданности имъ населенія Италіи, Франціи, Германіи въ XIV вѣкѣ).

Впрочемъ, теперь къ указаннымъ „причинамъ“ прибавляютъ и другія: недостатокъ питанія, феодальныя тяготы заставляли идти, куда глаза глядятъ. Но позволительно потребовать фактическихъ доказательствъ, что отъ XI до XIII вв. у „европейскаго человѣчества“ питаніе было плохо,—а раньше XI и позже XIII лучше,—и что феодальная тягота была до 1095 и послѣ 1291 года сноснѣе, нежели въ этотъ злополучный періодъ. Нечего и говорить, что такихъ доказательствъ представить нельзя, а высказываются эти соображенія гипотетически... Но если ужъ прибѣгать къ гипотезамъ, то нужно же дѣлать ихъ осторожнѣе; не употреблять всуе такихъ „объемистыхъ“ понятій и пышныхъ словъ, какъ „европейское человѣчество“,—и тогда многое станетъ яснѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, на войну съ невѣрными, за двѣсти лѣтъ, Петръ Пустынникъ, Готфридъ Бульонскій, Конрадъ III, Фридрихъ Барбаросса, Ричардъ Львиное Сердце, Фридрихъ II, Филиппъ Августъ и Людовикъ Святой повели, въ общей сложности, не больше одного съ небольшимъ милліона людей, если брать максимумы сообщаемыхъ лѣтописями цифръ и даже принять на вѣру неправдоподобную цифру войскъ Петра Пустынника (600 тысячъ чел.). Итакъ, даже при самыхъ невѣроятныхъ максимумахъ, на каждое изъ семи поколѣній, переживших походы, приходилось около 140.000 крестоносцевъ; другими словами: *вся* Европа выставляла на это дѣло каждый разъ, вѣроятно, лишь дробный процентъ своего народонаселенія. Теперь, запомнивши это, обсудимъ слѣдующее. Отъ 1723 до 1885 года Россія истратила на войны и походы въ Среднюю Азію нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ; были и лихіе волонтерскіе набѣги, и блестящія побѣды, и кровавыя отступленія съ гибелью русскаго войска, въ родѣ похода Перовскаго, и кровавые успѣхи съ гибелью азіатовъ, въ родѣ нашествія Скобелева. Но что̀ бы мы сказали объ историкѣ, который сталъ бы описывать походы въ Среднюю Азію какъ коренное событіе русской исторіи 1723—1885 гг.? Что онъ близорукъ, что онъ проглядѣлъ за этими походами множество болѣе важныхъ событій русской исторіи. А что̀ сказали бы мы о соціологѣ, который, основываясь на словахъ подобнаго историка, сталъ бы пріискивать объясненія этому „коренному“ событію и находить ихъ въ энтузіазмѣ русскаго народа къ Средней Азіи, или въ томъ, что отъ персидскаго похода Петра I (1723 г.) и до побѣды генерала Комарова при

Кушкѣ (1885 г.) русскій народъ искалъ себѣ въ Средней Азіи пропитанія,—или что какъ разъ въ этотъ періодъ его давила крѣпостная тягота? Мы сказали бы, что соціологъ невѣжественъ, что онъ тщится объяснить дѣло такъ, какъ объяснить его нельзя. И вѣдь этотъ періодъ длился всего 162 года, а не двѣсти лѣтъ,—и Россія выслала хотя и дробный, но все-же врядъ ли менѣе значительный *процентъ* своего населенія въ Азію, нежели *вся* средневѣковая Европа въ Палестину. Почему же намъ казались бы курьезными попытки объяснить среднеазіатскіе походы всѣмъ нравственнымъ и матеріальнымъ состояніемъ русскаго общества за 162 года, а не кажутся столь же курьезными объясненія шести сваловъ [1]) нѣсколькихъ сотенъ тысячъ европейцевъ съ мусульманами,—объясненія ихъ всѣмъ культурнымъ и экономическимъ состояніемъ „европейскаго человѣчества" за двѣсти лѣтъ его исторіи? Очень просто: потому, что о 162 годахъ русской исторіи мы знаемъ сравнительно весьма много, а о 200 годахъ крестоноснаго періода знаемъ чрезвычайно мало. Не знай мы кромѣ средне-азіатскихъ походовъ *ничего* ни о Петрѣ Великомъ, ни о Екатеринѣ II, ни о царствованіи Александра I и II, ни о всѣхъ событіяхъ внутренней жизни Россіи и значительнѣйшихъ ея войнахъ, весьма можетъ быть, что средне-азіатскіе походы возбудили бы въ насъ исключительный интересъ, и *на фонѣ нашего незнанія остальныхъ событій* они показались бы намъ самыми многозначительными фактами русской исторіи; тогда, быть можетъ, и соціологи, съ жадностью хватаясь за всякія скудныя свѣдѣнія, уцѣпились бы за какую-нибудь случайно дошедшую до нихъ солдатскую пѣсенку о покореніи Ахалъ-Теке,—и объяснили бы эти походы энтузіазмомъ націи въ Средней Азіи; а другіе, кое-что смутное узнавши о крѣпостномъ правѣ, заявили бы, что крѣпостной гнетъ отъ 1723 до 1885 гг. гналъ русскихъ куда глаза глядятъ; а отрывочное извѣстіе о какой-нибудь голодовкѣ, происшедшей въ Самарѣ за эти 162 года, окончательно „открыло бы глаза" на экономическій фундаментъ среднеазіатскихъ походовъ. Все это было бы сказано, написано и, можетъ быть, принято вслѣдствіе того простого психологическаго закона, что чѣмъ скуднѣе наши впечатлѣнія и познанія, тѣмъ въ большей степени *вся полнота вниманія* на нихъ сосредоточивается,—и что человѣку свойственно подыскивать объясненія фактовъ, занявшихъ вниманіе *во всей полнотѣ*,—все равно,

---

[1]) Четвертаго похода мы тутъ, конечно, считать не можемъ: крестоносцы остались въ Византіи.

обладай онъ дисциплинированной или недисциплинированной мыслью, будь онъ раціоналистомъ, супранатуралистомъ, матеріалистомъ или метафизикомъ.

И если бы знали мы что-нибудь положительное объ экономическомъ, хозяйственномъ, повседневномъ бытѣ десятковъ милліоновъ людей отъ Атлантическаго океана до Дуная, отъ Скандинавіи до Апуліи за двѣсти лѣтъ, если бы источники позволили намъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ прослѣдить, какъ жили, чѣмъ питались, въ какія отношенія между собою вступали эти десятки милліоновъ людей въ 50—60-ти тогдашнихъ мелкихъ и крупныхъ государственныхъ союзахъ, если бы знали мы, дѣйствительно, чѣмъ они интересовались,—то развѣ пришло бы намъ въ голову забыть о нихъ и помнить о ничтожномъ дробномъ процентѣ, который выдѣлился изъ ихъ массы за 200 лѣтъ,—развѣ пришло бы намъ въ голову изъ этого дробнаго процента дѣлать представителя и настроенія, и экономическаго быта, и соціальнаго положенія „европейскаго человѣчества"? Нельзя даже привести въ видѣ возраженія и то обстоятельство, что не даромъ же источники о крестовыхъ походахъ говорятъ много, о другомъ умалчиваютъ, а объ иномъ говорятъ отрывочныя фразы. Не останавливаясь уже на томъ, что знаемъ мы всю средневѣковую исторію почти исключительно отъ духовныхъ лицъ, которымъ естественно было больше интересоваться крестовыми походами,—любопытнѣе всего, что до начала XIX вѣка крестовыми походами никто особенно и не интересовался, что даже лѣтописцы XI—XIII вв. вовсе не исключительно о крестовыхъ походахъ говорятъ, что, однимъ словомъ, даже современникамъ эти походы не казались такимъ выдающимся событіемъ, какъ ихъ романтическимъ потомкамъ! Знаменитый французскій слѣдователь Масэ говаривалъ, что инымъ уголовнымъ дѣламъ „везетъ", а другимъ „не везетъ", что объ однихъ Парижъ кричитъ мѣсяцами, а о другихъ молчитъ совершенно. Къ сожалѣнію, нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и въ исторіографіи,—теперь, впрочемъ, рѣже, нежели прежде. Своею внѣшнею эффектностью, поэтическимъ колоритомъ, который набросили на нихъ романтики, кажущимся единствомъ цѣли, крестовые походы заняли и въ исторіографіи, и въ сознаніи образованныхъ людей мѣсто, которое слишкомъ ужъ не подходитъ къ ихъ сравнительно скромному значенію,—и обществовѣдъ, который полагаетъ, что его наука призвана объяснить и ввести въ цѣпь закономѣрности *всѣ* выдающіяся историческія событія, всегда будетъ сбитъ съ толку подобными фактами и... можетъ вступить на тернистый путь вы-

думыванія культурныхъ, экономическихъ и всякихъ иныхъ причинъ.

Конечно, крестовые походы имѣли свои причины; можетъ быть, и изъ гипотезы объ энтузіазмѣ, и изъ гипотезы объ экономическомъ состояніи Европы и пр. можно кое-что извлечь для пониманія ихъ,—но соціологически они необъяснимы. Неизбѣжность, детерминизмъ, исчерпывающая и доказуемая зависимость послѣдующаго отъ предъидущаго,—вотъ что̀ характеризуетъ матеріалъ, нужный и годный обществовѣдѣнію при его современномъ состояніи. Остальное обществовѣдъ принужденъ, скрѣпя сердце, отбросить, пока свѣдѣнія науки не возростутъ настолько, чтобы и это отбрасываемое оказалось возможнымъ включить въ причинную цѣпь. Крестовые походы, дѣло ничтожнаго, дробнаго процента народонаселенія, могли быть и могли не быть (какъ, въ дѣйствительности, „былъ и не былъ“ четвертый походъ, когда крестоносцы собрались въ Іерусалимъ, а пріѣхали въ Константинополь, гдѣ и пробыли шестьдесятъ лѣтъ, неустанно грабя византійскую имперію);—и если бы даже удалось (что̀, за отсутствіемъ источниковъ, немыслимо) найти не фиктивныя, а дѣйствительныя причины крестоноснаго движенія,—все равно, ничего или почти ничего этимъ не было бы сдѣлано для уразумѣнія экономическаго и моральнаго состоянія тогдашней Европы, и, главное, никакъ не удалось бы доказать *неизбѣжности* крестовыхъ походовъ и всеобъемлемости ихъ значенія, ибо такого значенія они и не имѣли. Но, оставивши всякія попытки подобнаго рода,—историкъ разсматриваетъ этотъ частичный фактъ an und für sich; что̀ же онъ можетъ вывести? Что Петру Пустыннику, Бернарду Клервоскому, Иннокентію III и еще нѣсколькимъ сотнямъ лицъ такого же религіознаго чувства и столь же сильнаго религіознаго увлеченія или честолюбія удалось изъ многихъ милліоновъ европейцевъ, за двѣсти лѣтъ, расшевелить семь разъ [1]) нѣсколько сотенъ тысячъ людей настолько, что они, подталкиваемые еще и всевозможными другими мотивами, пошли въ Палестину. У однихъ, повидимому, были мотивы такой же сильной религіозной возбудимости, мотивы покаянія и пр.; у другихъ—мотивы надежды на попутный грабежъ Европы и конечный грабежъ Палестины; у третьихъ—потребность показать свою удаль; у четвертыхъ—избавиться отъ долговыхъ и иныхъ обязательствъ, и т. д., и т. д. Горсточка людей сильной и сильно выраженной иннерваціи проникнута и возбуждена религіознымъ

---

[1]) Считаемъ самые большіе походы.

чувствомъ, религіозными мечтаніями, личнымъ честолюбіемъ и честолюбіемъ за обожаемую религію,—собралась и составила главный штабъ помощниковъ около своихъ *героевъ*, Петра, Бернарда, Иннокентія,—и въ свою очередь стала основою, вокругъ которой семь разъ за сто лѣтъ собирались изъ всей Европы сравнительно весьма небольшія толпы всевозможнаго люда, по разнообразнѣйшимъ мотивамъ пожелавшаго отправиться въ Палестину. Но такъ какъ и *герои*, и горсточка, и толпы дѣйствовали по мотивамъ и соображеніямъ, не вытекавшимъ изъ насущныхъ потребностей какой бы то ни было націи или какого бы то ни было соціально-сильнаго слоя хоть одной европейской націи, то ихъ дѣло (и само по себѣ неудавшееся) не можетъ ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ своихъ войти въ закономѣрную связь историческихъ явленій.

Отъ этого примѣра совершенно самодовлѣющихъ и, поэтому, совершенно неприступныхъ для обществовѣдѣнія дѣйствій политическихъ дѣятелей и горсточки ихъ помощниковъ,—примѣра, показывающаго, какъ нелегко „выводить за скобки" психическія силы героевъ и „интеллигенцію" (ибо съ ними приходится иногда „выводить за скобки" и самыя яркія и бросающіяся въ глаза событія),—обратимся снова къ оставленному на время примѣру такихъ дѣйствій героевъ и горсточки, которыя отчасти вытекаютъ изъ насущныхъ потребностей соціальной группы или соціологически-сильной ея категоріи. Анализируя эпоху реформъ въ Россіи и ближайшій слѣдующій за нею періодъ, мы уже видѣли, что всего двѣ реформы выдержали такой снисходительный искусъ долговѣчности, какъ 25—30—40 лѣтъ, а остальныя не выдержали; мы уже замѣтили, что именно эти двѣ реформы—крестьянская и военная, и логически, и фактически вытекали изъ насущныхъ и поэтому наиболѣе требовательныхъ нуждъ страны,—и роль политическихъ героевъ и горсточки ихъ помощниковъ (т.-е. роль правительства, литературы, интеллигенціи)—довольно явственно заключается въ хронологическомъ приближеніи этихъ двухъ насущныхъ реформъ—крестьянской и военной. Остальныя реформы были тоже дѣломъ рукъ „героевъ" и горсточки, но не вытекавшимъ изъ такихъ же гнетуще-насущныхъ нуждъ народа и государства, вѣрнѣе, не такъ еще сознанныхъ народомъ и не такъ,—т.-е. не въ размѣрахъ вопроса о жизни или смерти,—необходимыхъ государству. Такой юридическій „верхъ совершенства", какъ судебные уставы 1864 года, такое самоуправленіе, какъ земское, даже такая степень облегченія участи печати, какъ правила 1865 года,—все это было исключительно дѣломъ рукъ

уже упомянутаго круга лицъ, въ который входили и правительственные сановники, и интеллигенція, и литература и т. п. Но потомъ, когда одной частичкѣ этого численно-маленькаго круга показалось нужнымъ измѣнить эти учрежденія въ иномъ смыслѣ, несмотря на нежеланіе другой частички, измѣненіе совершилось такъ, какъ желала первая, обладавшая возможностью исполнить желаніе; и возникали, и измѣнялись эти учрежденія при полномъ спокойствіи и равнодушіи огромныхъ массъ, даже не подозрѣвавшихъ о дебатахъ, спорахъ или борьбѣ, происходившей внутри упомянутаго маленькаго круга. А такъ какъ этотъ маленькій кругъ жилъ и живетъ обыкновенно (въ виду большой своей иннерваціи), преимущественно, сложнѣйшею психическою жизнью, —и жизнью, лишь одною стороною прикасающеюся къ почвѣ насущныхъ, требовательныхъ нуждъ націи или соціологически-сильной ея группы, то въ результатѣ и окажется, что только тѣ дѣйствія названнаго круга подлежатъ соціологическому анализу, связь которыхъ съ легче всего уcлѣдимыми наукою измѣненіями хозяйственныхъ потребностей можетъ быть констатирована. Остальныя же проявленія жизни этого круга, при всей ихъ яркости, импозантности, внутренней широтѣ и силѣ, при всемъ глубокомъ психологическомъ интересѣ ихъ, должны быть оставлены въ сторонѣ, какъ еще недоступныя грубымъ орудіямъ, которыми закладывается пока фундаментъ реальнаго обществовѣдѣнія, и закладывается съ такимъ сомнительнымъ успѣхомъ.

И еще хорошо было бы, еслибы всегда историкъ или обществовѣдъ могъ отдѣлить самодовлѣющія дѣйствія героевъ и горсточки ихъ помощниковъ отъ дѣйствій, обусловленныхъ хозяйственнымъ процессомъ, еслибы, словомъ, всегда искусъ долговѣчности политическихъ учрежденій могъ явиться надежнымъ критеріемъ. Въ томъ-то и бѣда, что только о событіяхъ, хорошо намъ извѣстныхъ, мы можемъ говорить увѣренно, а объ остальномъ—только гипотетически. Вотъ, мы знаемъ, что судебная и земская реформы были измѣнены принципіально, — и для насъ это твердый фактъ, подлежащій соціологическому разсмотрѣнію; мы знаемъ, что реформа гражданскаго права послѣ революціи во Франціи осталась, а политическія реформы претерпѣвали разнообразную судьбу. Мы знаемъ это, потому что источниковъ много. А представимъ себѣ, что источниковъ у насъ было бы мало: но такъ какъ *названія* учрежденій остались тѣ же, такъ какъ наряду съ измѣненными пунктами остались и неизмѣненные, и все это мы знали бы смутно, — то мы и не считались бы совершенно съ фактомъ перемѣнъ и даже не ставили бы вопроса

объ отсутствіи подъ этими учрежденіями почвы, а, видя, что учрежденія выдержали и выдерживаютъ искусъ долговѣчности, и рѣшили бы, напримѣръ, что, дѣйствительно, русскому народу и государству насущно нужны были названныя учрежденія, именно, въ первоначальной, а не иной формѣ [1]). Не знай мы ничего, или почти ничего о французской исторіи послѣ восемнадцатаго брюмэра, хватайся мы за каждый отрывочный фактъ и случайное извѣстіе,—и найди мы какой-нибудь кладъ французскихъ монетъ 1806 или 1807 годовъ,—конечно, мы обратили бы самое полное вниманіе на слова „république française", на революціонное лѣтосчисленіе (продолжавшееся при Наполеонѣ по своеобразному его капризу), и мы рѣшили бы, что Наполеоновское владычество было лишь продолженіемъ республики. Значитъ, только тогда можно говорить о долговѣчности и недолговѣчности учрежденій, когда мы *хорошо* знаемъ ихъ исторію, а это далеко не всегда на лицо. Но есть и другого рода затрудненія въ этомъ вопросѣ. Возьмемъ, напримѣръ, учрежденіе, которое существовало тысячу лѣтъ, срокъ — со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, кромѣ геологической и космической — весьма долгій. Мы говоримъ о священной римской имперіи, возникшей при Карлѣ Великомъ и павшей при Наполеонѣ I (800—1806 гг.). Это учрежденіе было, въ сущности, въ значительной мѣрѣ номинальнымъ, никакъ не связывалось съ хозяйственнымъ строемъ и общимъ культурнымъ состояніемъ Европы и какой бы то ни было европейской страны; возникло оно подъ вліяніемъ классическихъ традицій древняго всемірнаго римскаго государства, подъ давленіемъ идей блаженнаго Августина о царствѣ Божіемъ, т.-е., значитъ, было произведеніемъ самостоятельной работы горсточки людей, умѣвшихъ читать и писать и знавшихъ кое-какіе отрывки изъ исторіи и богословской литературы. И, все-таки, оно держалось тысячу лѣтъ. Къ счастію, мы можемъ констатировать почти полную номинальность этого учрежденія на всемъ протяженіи его исторіи, за вычетомъ краткихъ моментовъ; но не будь здѣсь источниковъ въ надлежащей полнотѣ,—какъ распорядились бы мы, къ какому разряду отнесли бы священную имперію, по критерію долговѣчности? Вѣроятно,—къ наиболѣе связаннымъ съ экономическими нуждами всей Европы,—и только недоумѣвали бы, какія именно,

---

[1]) Слово „нужны" мы понимаемъ здѣсь такъ, что безъ этихъ учрежденій самостоятельному существованію націи грозила бы скорая гибель. Во *всѣхъ* остальныхъ смыслахъ, конечно, всѣ реформы были гнетуще необходимы и Франціи послѣ революціи, и Россіи въ пореформенное время.

въ точности, экономическія нужды Европы утолялись этимъ учрежденіемъ.

Впрочемъ, зачѣмъ предполагать затрудненія для обществовѣдѣнія, когда ихъ на самомъ дѣлѣ болѣе, нежели желательно! Вотъ, напримѣръ, вопросъ объ аріанахъ. Александрійскій священникъ Арій въ 318 году высказалъ свое убѣжденіе, что Сынъ Божій не рожденъ, но сотворенъ Богомъ-Отцомъ. Это мнѣніе онъ обставилъ глубокомысленными и хитросплетенными богословскими тонкостями. Съ самаго начала мнѣніе это встрѣтило разъяренныхъ враговъ, и споры длились и въ іерархіи, и между наиболѣе начитанными мірянами около пятидесяти лѣтъ. До средины IV-го вѣка, аріанство было отвлеченностью, порожденіемъ умствованій маленькой группы богослововъ среди вовсе еще не столь большого христіанскаго міра. Но, вотъ, начинается движеніе гунновъ, влекущее за собою германскія нашествія на имперію. Вестготы, остготы, бургунды, лонгобарды, вандалы—принимаютъ аріанство, и послѣдствія этого факта, до несоразмѣрности, до уродливости громадны, сравнительно съ его начальною причиною: аріанство положило почти непроходимую грань между варварами и романцами, и, конечно, было одною изъ главныхъ причинъ, почему варвары съ романцами не слились въ одинъ государственный, мирно развивающійся союзъ,—ни въ Италіи, ни въ Африкѣ,—словомъ, нигдѣ тамъ, гдѣ побѣдители-аріане стали лицомъ къ лицу съ побѣжденными-католиками. Ни браковъ, ни сближеній между ними не было, несмотря на всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, даже могущественныхъ (напр., Теодориха). Такіе же точно германскіе варвары — франки, нагрянувшіе на Галлію, приняли католичество и образовали сильный и, дѣйствительно, слитый въ одно цѣлое государственный союзъ. Почему одни варвары приняли аріанство, а другіе—католичество? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: по слѣпой игрѣ случая. Ни въ той, ни въ другой религіи они, въ подавляющемъ большинствѣ, ничего, разумѣется, не понимали и не могли понимать даже въ существѣ дѣла, не говоря уже о богословскихъ тонкостяхъ, и однако, изъ-за этого случая, повидимому, политическая карта Европы приняла не тотъ, а иной видъ. Ужъ конечно, Теодорихъ остготскій былъ культурнѣе и образованнѣе совершеннаго дикаря Хлодвига; конечно, его государственныя идеи были шире, правилъ онъ гуманнѣе, національному чувству римскаго населенія льстилъ, и все-таки остался для большей половины своихъ подданныхъ главаремъ „проклятой аріанской орды“, а Хлодвигъ сталъ законною и всѣми признанною властью, родоначальникомъ

„христіаннѣйшихъ“ королей,—и государство Теодориха пало, а государство Хлодвига удержалось. Тутъ можно наговорить весьма много фразъ о томъ, что это не случай, что такіе громадные факты случаемъ объяснить нельзя и т. д. Но... пока фактъ стоитъ какъ гранитная скала, его общими фразами не разобьешь. Можетъ быть, и не случай, и мы напередъ привѣтствуемъ обществовѣда, который фактическими аргументами изгонитъ случай изъ всей обширной области своей науки!

Подводя итоги сказанному, замѣтимъ слѣдующее: 1) Психическія силы героевъ и окружающей ихъ горсточки дѣятелей могутъ создавать самодовлѣющія событія, не имѣющія видимой связи съ насущными, требовательными, императивными нуждами соціальной группы и не имѣющія непосредственнаго реальнаго значенія для жизни ея (примѣръ—крестовые походы) [1]). При современномъ состояніи психологіи и обществовѣдѣнія, такія событія и создавшія ихъ психическія силы приходится оставить внѣ цѣпи исторической закономѣрности.

2) Психическія силы героевъ и окружающей ихъ иннервативной горсточки могутъ активно вмѣшаться въ процессъ нарожденія новыхъ политическихъ установленій. Тѣ изъ создаваемыхъ ими учрежденій, которыя связаны причинною связью съ насущными нуждами соціальной группы,—выдерживаютъ искусъ времени и остаются на долгій, съ индивидуальной точки зрѣнія, срокъ, пока хозяйственныя, насущныя нужды, медленно и непрерывно совершающія свою эволюцію, не потребуютъ новыхъ перемѣнъ. Остальныя учрежденія видоизмѣняются или погибаютъ; только первыя можно ввести въ цѣпь закономѣрности.

3) Психическія силы героевъ и ихъ помощниковъ могутъ, хотя и исключительно рѣдко, создать такія событія, которыя только отъ нихъ зависятъ и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока совсѣмъ не поддаются введенію въ цѣпь закономѣрности, не взирая на огромную и дѣйствительную важность ихъ. Примѣръ—Арій и аріанскіе вѣроучители, успѣхъ аріанства среди варваровъ и, какъ послѣдствіе, неудача варваровъ-аріанъ во всѣхъ попыткахъ создать долговѣчныя государства, неудача, оттѣняемая полною удачею такихъ же точно варваровъ-католиковъ, находившихся въ совершенно тождественныхъ условіяхъ, если не въ худшихъ. Реальную и огромную важность для жизни цѣлаго ряда соціальныхъ группъ аріанство имѣло, и однако его при-

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь о крестовыхъ походахъ исключительно съ точки зрѣнія причинъ, породившихъ эти событія.

ходится точно также устранить изъ общей массы доступныхъ соціологическихъ матеріаловъ, какъ и совершенно не имѣвшіе подобной важности крестовые походы. Закрыть же глаза на аріанство и его послѣдствія, признать его „случаемъ", равносильно можетъ быть и необходимому, тѣмъ не менѣе прискорбному признанію невозможности что-либо сдѣлать съ нѣкоторыми дѣйствительно сложными и важными проблемами обществовѣдѣнія и историческаго познанія.

4) Одной долговѣчности и видимой важности политическаго учрежденія достаточно въ смыслѣ серьезнаго признака, но недостаточно въ смыслѣ полнаго основанія, чтобы начать попытки связыванія этого учрежденія съ экономическими, требовательными нуждами націи или отдѣльной соціологически сильной части ея. Необходимо всестороннее изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ учрежденіе возникло, и его функцій за время существованія; иначе всѣ такія попытки будутъ мало обоснованы и фантастичны (примѣръ—священная римская имперія).

VIII.

Подчеркнемъ теперь основныя мысли, намѣченныя въ этомъ очеркѣ: 1) изъ всѣхъ четырехъ группъ соціальныхъ явленій—эволюція хозяйственнаго строя наиболѣе проста для изученія съ методологической точки зрѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока довольно затруднительна по неразработанности источниковъ; 2) политическія учрежденія труднѣе поддаются анализу, ибо не всѣ и не во всѣхъ частяхъ связаны причинною связью съ насущными, требовательными нуждами соціальной группы (познаваемыми изъ изученія хозяйственнаго быта ея); 3) политическіе катаклизмы, революціи и реформы, „grands jours" исторіи—еще труднѣе для изученія, ибо происходятъ при непремѣнномъ и дѣятельномъ участіи психическихъ силъ исключительнаго порядка (героевъ и ихъ помощниковъ), дѣйствія которыхъ, конечно, еще труднѣе изучать, нежели послѣдствія этихъ дѣйствій; 4) наконецъ, изъ всей пестрой громады соціальныхъ фактовъ вопросъ о сохраненіи и разрушеніи общественнаго строя отдѣльной соціальной группы больше всего поддается строгой и опредѣленной постановкѣ, всегда облегчающей попытки разрѣшенія.

Итакъ, пока, при современномъ состояніи науки психологіи, —коллективной и индивидуальной,—приходится отказаться отъ соціологическаго разсмотрѣнія всѣхъ проявленій соціальной жизни

въ ихъ полнотѣ, и обратиться къ болѣе доступнымъ категоріямъ матеріаловъ обществовѣдѣнія. Только методическое разсмотрѣніе результатовъ, къ которымъ пришли изслѣдователи исторіи хозяйственнаго строя и политическихъ учрежденій, можетъ дать обществовѣду надежду на обоснованіе хоть какихъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ, хотя бы даже эмпирическихъ; потому что несравненно легче презрительно относиться къ эмпирическимъ законамъ, нежели выводить ихъ, и гораздо проще изобрѣтать абстрактныя фантасмагоріи, нежели въ самомъ дѣлѣ подарить наукѣ твердый и непреложный абстрактный законъ. Что̀ дѣлаютъ теоретики въ родѣ хотя бы Ренэ Вормса? Возьмутъ нѣсколько свѣдѣній о нѣсколькихъ дикаряхъ, вырвутъ нѣсколько тезисовъ изъ популярной психологической книжки, перемѣшаютъ добытое и выпускаютъ въ свѣтъ въ качествѣ соціологическаго откровенія. Что̀ дѣлаютъ другіе обществовѣды? Возьмутъ любой фактъ исторіи (попадется Густавъ-Адольфъ—берутъ Густава-Адольфа, попадется Данте—берутъ Данте) и „подводятъ" подъ него экономическій фундаментъ, не утруждая себя даже перемѣною привычной терминологіи. У ацтековъ можетъ оказаться на лицо буржуазія, въ Швеціи XVII вѣка—чуть не капиталистическая погоня за рынками, и все устроивается благообразно. Что̀, наконецъ, дѣлаютъ, быть можетъ, и добросовѣстные изслѣдователи, но одержимые желаніемъ, не имѣя фактовъ, постичь историческія тайны „культурнымъ" методомъ? Берутъ христіанство и объясняютъ его тѣмъ, что случился „переломъ"; было язычество, случился „переломъ",—и явилось христіанство... „Слова, слова, слова"... Это старое восклицаніе слишкомъ часто приходится цитировать при чтеніи многихъ и многихъ новинокъ соціологической и исторической литературы...

Евг. Тарле.

НА ПОЛПУТИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Ѳедоръ Николаевичъ Муромскій шелъ по одной изъ отдаленныхъ улицъ города, понуря голову; былъ вечерній часъ тоскливаго сѣвернаго дня; уныло шли по тротуарамъ рѣдкіе прохожіе; еще унылѣе плелись по грязному мокрому снѣгу извозчичьи санки и печально-тускло мигали желтымъ пламенемъ фонари, какъ будто и они были больны лихорадкой этой скверной, гнилой зимы.

Муромскій былъ въ такомъ настроеніи, когда человѣку начинаетъ казаться, что все прошлое было яркимъ, красивымъ сномъ, хотя бы въ этомъ прошломъ было больше горестей и печалей, чѣмъ радостей, а будущее представляется темнымъ и мрачнымъ, таинственнымъ и страшнымъ.

И ему вспомнились слова „Откровенія“: „они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю... и имѣютъ власть надъ водами, превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотятъ“...

Эта мысль, мелькнувшая вдругъ, оставила странный слѣдъ въ душѣ Муромскаго: ему показалось, что дѣйствительно кто-то затворилъ надъ этимъ городомъ сѣрое небо и навсегда скрылъ отъ людей солнце; ему показалось, что люди, которыхъ онъ встрѣчалъ, были дѣйствительно поражены язвою, страшною язвою душевнаго недуга, который темнитъ ихъ разсудокъ, холодитъ ихъ сердце; вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ вернулся „къ себѣ“, „на родину“, туда, гдѣ у него не осталось ни единой близкой

души, ни единаго друга; и нѣсколько разъ въ теченіе этихъ дней ему вспоминались слова изъ того же „Откровенія“: „и увидѣлъ я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нѣтъ“.

И это новое небо, и эта новая земля, и эти новые люди были ему противны; онъ рѣшительно разучился понимать ихъ; онъ видѣлъ, что они „ходятъ во тьмѣ“, разучились отличать истину отъ лжи; что они говорятъ какими-то символами; что слова ихъ не выражаютъ ихъ мыслей и понятны имъ однимъ, какъ нѣчто условное, по взаимному соглашенію установленное; что жизнь ихъ низменна, потому что они думаютъ о жизни, и никто изъ нихъ не хочетъ думать о смерти, которой они боятся больше жизни, и которая есть избавленіе и единственное реальное счастье. И дѣлà ихъ ему показались ничтожными и жалкими, и смѣшными по той серьезности, съ которою они дѣлались, и по тому значенію, которое имъ придавалось.

А моря, того голубого таинственнаго моря, столько лѣтъ ласкавшаго его взоръ, дѣйствительно нѣтъ: оно осталось далеко позади и превратилось въ одинъ изъ элементовъ красиваго сна прошлаго. Вмѣсто лазурной стихіи — сѣрая „твердь“; вмѣсто ласковаго звука прибоя — скрипъ полозьевъ о булыжную мостовую, и вмѣсто изумрудной зелени благодатнаго юга—осклизлыя, обнаженныя деревья одного изъ городскихъ скверовъ.

И въ сотый разъ за эти нѣсколько дней онъ спросилъ себя: зачѣмъ онъ пріѣхалъ?

Но отвѣтить на этотъ простой и естественный вопросъ ему такъ до сихъ поръ и не удалось. Въ душѣ шевелились разныя мысли—отрывки „Откровенія“, которое онъ въ молодости тщательно изучалъ, догматы, которые онъ создавалъ и считалъ крупинками, атомами одной великой, еще не познанной Истины, за чтò онъ пострадалъ, и затѣмъ вся эта долгая, долгая жизнь изгнанія среди чужихъ людей иного склада мыслей, въ чужой странѣ, гдѣ его взоръ ласкали „иные берега, иныя волны“.

И вотъ онъ опять тамъ, гдѣ родился, гдѣ провелъ свою молодость, гдѣ мысль его получила первый толчокъ, заведшій его такъ далеко... Онъ вернулся самъ, добровольно. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Но все было кругомъ „печально и уныло, какъ будто наступалъ день страшнаго суда“. И ни въ себѣ самомъ, ни внѣ себя онъ не находилъ отвѣта на этотъ мучившій его вопросъ.

II.

Дома было неуютно; когда Муромскій вошелъ въ свой маленькій кабинетикъ, выходившій окнами во дворъ,—высокой желтой стѣны, высившейся передъ правымъ окномъ, не было видно; казалось, что за нимъ бездна — сѣрая мгла скрывала звѣзды, обыкновенно виднѣвшіяся на клочкѣ неба, покрывавшаго дворъ.

Въ комнатѣ было холодно; Муромскій, привыкшій къ теплому климату, былъ очень чувствителенъ къ холоду; но печей онъ не любилъ топить, отвыкнувъ отъ нихъ, и поэтому онъ очень радъ былъ, когда нашелъ квартирку съ каминомъ въ кабинетѣ; онъ любилъ веселый огонь камина, который придавалъ столько уюта его мрачной, тѣсноватой комнаткѣ: ему вспоминалась его жизнь на чужбинѣ, короткія теплыя зимы, когда вполнѣ достаточно затопить каминъ, чтобы согрѣться и вмѣстѣ съ тѣмъ не дышать душнымъ воздухомъ натопленной комнаты.

Дрова затрещали; огненные языки лизали березовыя полѣнья; ихъ бѣлая кора корчилась будто отъ боли...

Муромскій усѣлся передъ огнемъ, въ высокомъ кожаномъ креслѣ. И немедленно тотъ же назойливый вопросъ всталъ передъ нимъ: зачѣмъ онъ вернулся?

Нѐхотя поднялся онъ съ кресла, подошелъ къ столу, пошарилъ спички, зажегъ высокую лампу подъ широкимъ зеленымъ колпакомъ и выдвинулъ ящикъ. Онъ досталъ листокъ почтовой бумаги, мелко исписанный неровнымъ женскимъ почеркомъ. Сердце его тревожно забилось; смутное, странное чувство овладѣло имъ; чувство, которое онъ никакъ не могъ проанализировать,—онъ, привыкшій къ анализу. И каждый разъ, когда его рука касалась этого листка, онъ ощущалъ то же самое,—а вѣдь письмо это онъ читалъ десятки разъ со времени своего возвращенія.

Онъ придвинулъ кресло къ столу такъ, чтобы свѣтъ лампы падалъ на письмо, и принялся вновь перечитывать его; онъ зналъ это письмо почти наизусть; но каждый разъ онъ открывалъ въ немъ что-нибудь новое; по этимъ простымъ и наивнымъ словамъ онъ старался разгадать душу писавшаго это письмо человѣка, а по почерку — его характеръ. И каждый разъ онъ опускалъ руки въ полномъ безсиліи произнести какой-нибудь праговоръ.

„Дорогой папа,—читалъ онъ,—вы удивитесь, конечно, когда будете читать это письмо: пишетъ дочь, которой вы не знаете, къ отцу, котораго она не знаетъ. Можетъ быть, вы и не хотите

знать меня. Я не хочу вамъ навязываться; если я рѣшилась написать вамъ, то только потому, что жизнь для меня стала невыносима. Но это васъ ни къ чему не обязываетъ: вы можете мнѣ не отвѣтить. Въ домѣ моей тетки, которая меня воспитала и выростила, я привыкла слышать, что мой отецъ—великій нераскаянный грѣшникъ; что я должна навсегда забыть, что у меня есть отецъ; что этотъ отецъ измѣнилъ своей вѣрѣ и посѣялъ смуту въ сердцахъ людей. Я сжилась съ этой мыслью, но я все-таки не знаю, въ чемъ заключается ваше преступленіе? И несмотря ни на что, какое-то доброе чувство, внушенное мнѣ Господомъ, говоритъ мнѣ, что люди могутъ ошибаться, что дѣти должны почитать своихъ родителей и не могутъ быть судьями ихъ. Я чувствую еще, что люблю васъ, не зная васъ; я чувствую, что вы мнѣ дороги, несмотря ни на что. Я живу въ душной темницѣ и что-то, чего я не знаю, но что̀ вселилось въ меня съ недавняго времени, толкаетъ меня на волю, въ міръ, въ тотъ міръ, который, по словамъ тети, полонъ соблазновъ, лжи и грѣха. Правда ли это? У меня есть подруга, которая говоритъ, что это—неправда. Тетя очень любитъ Бога и много молится ему; она и меня научила любить его и молиться ему; но какъ же она запрещаетъ мнѣ говорить о васъ и упоминать имя моей матери? Она говоритъ, что и мать моя (царство ей небесное!)—тоже великая грѣшница. Я не знаю, что̀ она сдѣлала, но знаю, что нѣтъ бо̀льшаго грѣха, какъ презирать своихъ родителей. Вѣдь сказано—прощать врагамъ своимъ и любить ненавидящихъ насъ; такъ ка̀къ же мнѣ не любить своихъ родителей, хотя бы я ихъ и не знала? Вотъ камень на моей душѣ. Отвѣтьте мнѣ, чтобы я знала, въ чемъ вашъ грѣхъ, и могла вымолить у Бога прощенье его; до сихъ поръ я молчала, но больше такъ жить не могу. Простите, если обезпокою васъ этимъ письмомъ, и не сердитесь на любящую васъ дочь—Марію.

III.

Окончивъ чтеніе письма, Муромскій задумался.

Вотъ, казалось бы, отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что не это письмо побудило его вернуться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ совершенно не зналъ своей дочери; послѣ ея рожденія не прошло и полугода, какъ жена оставила его и ребенка, а онъ долженъ былъ бросить службу и уѣхать. И вотъ, прошло двадцать лѣтъ, дочь его сдѣ-

лалась взрослой дѣвушкой и теперь пишетъ ему. Письмо ея наивно; тронуться имъ онъ не могъ. Любить ее, какъ своего ребенка, тѣмъ инстинктивнымъ, „самочнымъ“ родительскимъ чувствомъ, которымъ такъ бываютъ богаты многія женщины, онъ тоже не могъ. Чувства долга по отношенію къ „своему ребенку“ онъ не признавалъ, какъ вообще не признавалъ чувства какого-то спеціальнаго долга къ семьѣ, къ обществу, къ родинѣ. Онъ признавалъ всѣ такія чувства ложными, натянутыми, выработанными традиціями, закоренѣлыми предразсудками и извѣстнаго рода гнетомъ, основаннымъ на существующихъ въ обществѣ и государствѣ законахъ.

И тѣмъ не менѣе, когда онъ получилъ это письмо, что-то двинулось въ его душѣ, и черезъ недѣлю послѣ этого онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ собрался и тронулся въ путь.

Состояніе, въ которомъ онъ находился, было совершенно для него новымъ. До сихъ поръ, около двадцати лѣтъ, онъ жилъ исключительно жизнью разсудка. Съ тѣхъ поръ какъ его единственная молодая привязанность потерпѣла обидную неудачу, онъ не любилъ никого. И даже это печальное обстоятельство сослужило ему нѣкоторую службу: оно дало первый серьезный толчокъ его мысли: не слѣдуетъ любить опредѣленнаго человѣка, какъ индивидуума, а нужно любить человѣчество какъ идею, абстракцію. *Должно* любить человѣчество и *можно* ненавидѣть человѣка. Потомъ онъ видоизмѣнилъ эту теорію, внесъ въ нее нѣсколько оттѣнковъ, но въ общемъ идея осталась та же.

И все-таки онъ откликнулся на зовъ своей невѣдомой дочери и вмѣсто письменнаго отвѣта явился самъ.

Но онъ все еще не имѣетъ рѣшимости познакомиться съ дочерью. Его занимаетъ это неопредѣленное положеніе. Часто по ночамъ онъ представляетъ ее себѣ въ томъ или иномъ видѣ: то она кажется ему похожей на мать, и его одолѣваетъ любопытство взглянуть на нее и вновь припомнить тѣ молодыя чувства, которыя его когда-то волновали; то она ему кажется ничтожной, глупенькой дѣвочкой, зараженной религіозными предразсудками, которые ему такъ не по душѣ; то ему кажется, что она представляетъ изъ себя tabula rasa, на которой можно будетъ начертать что̀ угодно. Послѣдняя мысль наиболѣе улыбается ему; онъ всегда любилъ отыскивать молодыя души, неиспорченныя окончательно „ложными“ ученіями свѣта, и дѣлать изъ нихъ адептовъ своихъ философскихъ теорій. Но это были лишь разсудочныя размышленія, и никогда сердце не говорило въ немъ;

теперь же онъ чувствовалъ странное ощущеніе чего-то давно неизвѣданнаго, новаго, въ высшей степени пріятнаго.

Кто-то позвонилъ. Онъ пошелъ отворять и въ полутемной комнатѣ не могъ разсмотрѣть вошедшаго. Только когда гость переступилъ порогъ кабинета, Муромскій разглядѣлъ его. Это былъ худенькій человѣчекъ, достаточно уже пожилой, ежеминутно вздрагивавшій, какъ бы отъ холода, и ёжившійся отъ внутренней дрожи. Онъ молча вошелъ, молча усѣлся въ кресло у камина и проницательно посмотрѣлъ на хозяина. Съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ, онъ еще не сказалъ ни слова. И теперь, сосредоточенно и внимательно глядя на огонь, онъ молчалъ.

Муромскій тоже ничего не говорилъ, разглядывая своего страннаго гостя.

— Курить можно?—тихимъ, сдержаннымъ голосомъ спросилъ вошедшій.

— Курите.

Гость досталъ папиросу и закурилъ.

— Я—Ситниковъ, Алексѣй Львовичъ, — тѣмъ же голосомъ произнесъ онъ.

— А-а!..—неопредѣленно отозвался Муромскій.

— Я—братъ вашей покойной жены; дядя вашей дочери Маруси. Въ молодости мы встрѣчались; но я сильно постарѣлъ,— вотъ почему вы меня не узнали.

— А вы хорошо знаете мою дочь? — спросилъ Муромскій,

— Хорошо. Свѣтлая душа,—раздумчиво отвѣтилъ Ситниковъ, продолжая глядѣть въ огонь.

Онъ замолчалъ. Молчалъ и Муромскій, задавая себѣ вопросъ, зачѣмъ собственно явился къ нему братъ его покойной жены. Онъ придумывалъ, съ чего бы начать невязавшійся разговоръ, какъ вдругъ гость, какъ бы съ усиліемъ оторвавшись отъ созерцанія каминнаго пламени, взглянулъ на него въ упоръ прежнимъ проницательнымъ взглядомъ и значительнымъ, вдохновеннымъ тономъ проговорилъ:

— Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ!..

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но, очевидно, не могъ припомнить и потеръ лобъ рукою.

Муромскій поспѣшилъ помочь ему:

— Тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновъ мельничный на шею и потопили его во глубинѣ морской,—договорилъ онъ и усмѣхнулся.

— Такъ!—заключилъ Ситниковъ и снова замолкъ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Ситниковъ поднялъ голову и сказалъ:

— „Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа святого, не простится ему“.

— „Ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“,—докончилъ Муромскій.

— Такъ!—одобрительно кивнулъ головой гость.

— Вы что же это все изъ священнаго писанія?—не удержался Муромскій, но отвѣта не получилъ.

Ситниковъ какъ будто не слыхалъ его и снова разглядывалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ огненные языки, лизавшіе дрова.

„Странный гость!“—разсуждалъ про себя Муромскій, принявшись ходить по кабинету и разсматривая маленькаго, сухого человѣчка, не перестававшаго вздрагивать.

— Васъ прислала Евлампія Львовна?—опять спросилъ Муромскій, котораго начинало тяготить это молчаніе.

Но Ситниковъ и на это ничего не отвѣтилъ.

„Ну что-жъ, будемъ молчать“,—подумалъ Муромскій, продолжая свою прогулку по тѣсной комнаткѣ.

— Читалъ вашу книгу: „Истинная религія“,—вдругъ заявилъ гость:—содержаніе ея вредоносно и пагубно.

— Она запрещена,—пожавъ плечами, сказалъ Муромскій.

— Знаю. И все-таки соблазнился. Съ великимъ трудомъ досталъ ее. Взялъ грѣхъ на душу. А по прочтеніи, съ отмѣтками на поляхъ, спряталъ на самое дно сундука.

— Лучше было бы сжечь,—пошутилъ Муромскій.

Опять водворилось молчаніе.

— А любопытно было бы видѣть эти отмѣтки,—проговорилъ Муромскій, громко высказывая свою мысль.

Ситниковъ вдругъ отодвинулъ кресло отъ камина, бросилъ въ него папиросу и заговорилъ, къ удивленію Муромскаго, плавно и отчетливо.

— Надо вѣрить такъ, какъ учитъ религія. Двѣ тысячи лѣтъ почти прошло со дня Рождества Христова. И никто еще не сказалъ слова истиннѣе того, что̀ сказалъ Спаситель. Много писали и суесловили, но никакой истины не провозгласили. По грѣшному любопытству своему ознакомлялся и я съ этими лжеученіями. Но духъ сомнѣнія не коснулся меня. Надо вѣрить и надо молиться, чтобы Богъ далъ вѣру. Нельзя отрицать того, во что двѣ тысячи лѣтъ вѣритъ человѣчество. А вы пишете: „нужно,

чтобы наука опиралась на религію, а религія опиралась на науку; эта двойная эволюція привела бы къ примиренію между обѣими—и тогда возсіяла бы Истина". Съ первымъ согласенъ, второе отрицаю. Религія не можетъ опираться на науку, которая по своей близорукости и несовершенству не признаетъ ни чудесъ, ни всего такъ называемаго „сверхъестественнаго". Но тамъ, гдѣ кончается постигаемое, начинается именно непостигаемое, сверхъестественное... Гдѣ разумъ безсиленъ, тамъ вѣра всесильна. Это вода и огонь—двѣ враждебныя стихіи, а вы хотите ихъ примирить. И многое другое, столь же, ежели еще не больше неосновательное...

— Вы, видимо, хорошо проштудировали мою книгу,—замѣтилъ Муромскій, но и на эти слова гость не обратилъ никакого вниманія.

— Я не знаю, въ чемъ вы меня собственно упрекаете?—началъ Муромскій, котораго собесѣдникъ очень заинтересовалъ и который давно уже не велъ такихъ споровъ.—Я ничего не проповѣдовалъ предосудительнаго въ моей книгѣ, напротивъ,—то, чтò я написалъ, нисколько не противорѣчитъ существующему ученію. Вотъ, чтобы вамъ напомнить, мое основное положеніе: міръ дѣлится на познаваемое, или вселенную, и на непознаваемое, или первоисточникъ силы, управляющей вселенною. Эта сила—Божество. Познаваемое, или созданное, заключаетъ въ себѣ три элемента: вещество, разумъ и духъ; такъ какъ познаваемое есть результатъ творческой работы Божества, то логически слѣдуетъ заключить, что и Божество заключаетъ въ себѣ эти три элемента въ высшей комбинаціи, въ совершеннѣйшемъ единеніи...

Такъ какъ онъ опять ничего не услышалъ въ отвѣтъ, то продолжалъ:

— Я читалъ лекціи въ духовной академіи и готовился къ духовному сану. Приготовляясь къ лекціямъ, я добросовѣстно изучалъ все, чтò къ нимъ относилось, и мало-по-малу увлекся догматическимъ богословіемъ и исторіей церкви. Я былъ страстнымъ, убѣжденнымъ христіаниномъ. Я имъ и остался. Только измѣнился уголъ зрѣнія и перемѣнилось освѣщеніе. Я взглянулъ на ученіе Христа какъ на проповѣдь новаго, высшаго жизнепониманія, и отвергъ все мистическое, все навязанное, все ложно истолкованное. Свободное отношеніе къ толкованію словъ писанія у насъ называется ересью, и вотъ мало-по-малу, почти незамѣтно для себя, я сдѣлался еретикомъ. Начальство сначала не понимало моихъ лекцій, на которыхъ я въ очень скромныхъ размѣрахъ позволялъ себѣ такое отношеніе къ предмету преподаванія, и хотя смутно тре-

вожилось, но терпѣло; когда же я представилъ въ духовную цензуру свое сочиненіе для полученія разрѣшенія напечатать его,—цензоръ-архимандритъ пришелъ въ ужасъ; онъ призвалъ меня, убѣждалъ, просилъ, усовѣщивалъ. Я стоялъ на своемъ. Книгу мою запретили; преподаваніе отняли; о духовномъ санѣ нечего было и думать. Тутъ случилось и другое несчастье... Евгенія Львовна ушла отъ меня, покинувъ на моихъ рукахъ дочь... Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать, потому что ничто ни привязывало меня къ родинѣ; всѣ связи были порваны; та среда, въ которой я жилъ, отвергла меня, и мнѣ стали невыносимы эти вѣчные споры при каждой встрѣчѣ о моихъ „заблужденіяхъ“ и эти вѣчные призывы къ покаянію со стороны людей, которыхъ я искренно и горячо считалъ заблудшимися, какъ въ свою очередь и они меня. Къ тому же, я былъ страстно увлеченъ своей идеей, и мнѣ необходимо было высказаться публично, а это можно было сдѣлать лишь напечатавъ книгу за границей. И вотъ я сталъ „изгоемъ“, „ренегатомъ“, „измѣнникомъ“, „еретикомъ“. Перемѣна убѣжденій, Алексѣй Львовичъ, тяжелая вещь, увѣряю васъ. Это какъ бы переѣздъ на новую квартиру—многое изъ той мебели, къ которой привыкъ, съ которою сжился, оказывается поломаннымъ, никуда негоднымъ; чинить не стоитъ,—все равно никуда не годится; новой мебелью еще не обзавелся, чувствуешь себя неудобно, многаго не хватаетъ... эхъ, однимъ словомъ, тяжелое было время. Нужно было создать себѣ новое жизнепониманіе и провести его во всѣ мелочи жизни. Это—огромная, страшная работа, и она надорвала мнѣ душу.

— Уріель Акоста,—вдругъ проговорилъ Ситниковъ и замолчалъ.

Муромскій укоризненно взглянулъ на него.

— Ну да,—серьезно взволнованнымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Это—зло сказано, но, если хотите, это недалеко отъ истины, и обиднаго, право, тутъ нѣтъ ничего. Да, Акоста, современный Уріель. Грустно, что въ „нашъ просвѣщенный вѣкъ“ могутъ происходить еще такія гоненія и неурядицы изъ-за свободнаго мнѣнія о томъ или другомъ ученіи... Но оставимъ это. Я остался за границей долѣе пяти лѣтъ и потерялъ право вернуться; книгу свою напечаталъ, ее перевели на многіе языки; меня вызывали въ Россію немногочисленные друзья—я не поѣхалъ, и такъ прожилъ двадцать лѣтъ въ чужихъ краяхъ, питаясь „акридами и дикимъ медомъ“, перебиваясь съ хлѣба на квасъ, страшно нуж-

даясь... И вотъ только глубокая вѣра въ истину, озарившую меня, дала мнѣ силу жить, силу работать.

— Еслибы раскаялись да больше молились — не было бы вамъ такъ тяжко,—мрачно сказалъ гость.

— Мнѣ не въ чемъ было каяться. Раскаяніе—это сознаніе въ ложности своихъ убѣжденій или поступковъ. Раскаяться—значитъ признать свою несостоятельность. Я не могъ этого сдѣлать. Молиться—по моему еретическому убѣжденію—грѣхъ.

— Грѣхъ?!—воскликнулъ гость, въ первый разъ приходя въ возбужденіе.

— Не возмущайтесь,—успокоилъ его Муромскій. — Я смотрю на молитву какъ на символъ недовѣрія къ Божеству. Молиться значитъ просить. Просить можно человѣка, который не можетъ знать вашихъ нуждъ. Молитвы или просьбы человѣка о томъ или другомъ не нужны Божеству — разъ вы признаете его всевѣдущимъ. Нельзя вѣдь представить себѣ это Божество въ видѣ какого-нибудь начальника департамента, принимающаго просьбы отъ подчиненныхъ и пишущаго на нихъ резолюцію: „исполнить“, „отказать“. Высшая сила, управляющая вселенной, лучше человѣка знаетъ, что̀ ему нужно, и быть можетъ то, о чемъ мы просимъ, не только не полезно, а вредно. Молитва, пожалуй, необходима для души молодой, неопытной, неукрѣпившейся, необходима какъ гаммы и экзерсисы для упражненія въ музыкѣ. Но когда въ душѣ опытнаго музыканта живетъ уже идея сложной и величественной симфоніи,—до гаммъ ли ему и до упражненій?

— Но для прославленія Бога?—нѐхотя замѣтилъ Ситниковъ.

— Для прославленія Божества? Къ чему же? Хвала имѣетъ смыслъ поощренія, одобренія. Нужно ли это Божеству? Мнѣ кажется, оно не нуждается въ этомъ. И все это произошло отъ низменнаго представленія, которое человѣкъ выработалъ себѣ о Божествѣ. Въ лести и славословіяхъ не нуждается Высшее Существо, и богохульства не могутъ его оскорбить.

Водворилось продолжительное молчаніе, котораго ни одинъ изъ собесѣдниковъ не хотѣлъ прерывать.

— Какъ вы нашли меня? — вдругъ спросилъ Муромскій.

Ситниковъ взглянулъ на него, какъ бы оторвавшись отъ своихъ думъ.

— Какъ нашелъ? Очень просто. Евлампія Львовна узнала, что Маруся писала вамъ. Она встревожилась; отвѣта отъ васъ долго не было—за письмами въ домѣ зорко слѣдили, и она успокоилась, рѣшивъ, что вы не пріѣдете. А на дняхъ я прочелъ

въ газетной хроникѣ о вашемъ возвращеніи, и сообщилъ ей. Въ адресномъ столѣ узналъ вашъ адресъ. Вотъ сестра и послала меня къ вамъ.

— Для чего?—спросилъ Муромскій.

— Для того, чтобы вамъ торжественно объявить: чтобы вы уѣзжали.

— Вотъ какъ!

— Да.

— На какомъ же основаніи Евлампія Львовна беретъ на себя такія торжественныя распоряженія, позвольте васъ спросить?

— На какомъ? Очень просто. Конечно, она не можетъ вамъ запретить жить гдѣ бы то ни было, разъ это разрѣшено вамъ высшими властями. Но она имѣетъ основаніе полагать, что вы пріѣхали для свиданія съ дочерью. Такъ вѣдь это?

— Такъ.

— Ну, такъ вотъ. Она поручила мнѣ объявить вамъ, что свиданія этого она не допуститъ. Въ домъ къ себѣ она васъ не пуститъ. Слѣдовательно, разъ цѣль вашего пріѣзда не будетъ достигнута, вамъ остается только уѣхать.

— Ясно. Но кто же можетъ отцу помѣшать свиданію съ дочерью?

— Конечно, Маруся не рабыня ея. Только сестра предполагаетъ, что разъ она воспитала ее, а вы покинули ребенка въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, то этимъ самымъ вы отказались отъ правъ на нее, которыя перешли къ ней. Я думаю, вы не будете оспаривать ея правъ.

— Ни у одного человѣка не можетъ быть правъ на другого взрослаго человѣка. Я не отрицаю, я поступилъ—по общепринятой морали—неблаговидно; но... во-первыхъ, я былъ тогда молодъ и опрометчивъ; во-вторыхъ, обрушившіяся на меня невзгоды не дали мнѣ времени подумать серьезно о дочери; въ-третьихъ, мое положеніе было такъ неопредѣленно, что я не могъ взять на себя заботу о Марусѣ и счелъ, въ то время, что ей будетъ лучше жить въ домѣ тетки, которой я почти не зналъ, но о которой говорили какъ о „райской душѣ“. Конечно, Маруся должна быть ей благодарна за ея любовь и попеченіе; но, мнѣ кажется, теперь, когда моей дочери двадцать или около того лѣтъ, слѣдуетъ ей самой предоставить свободу выбора. Ей необходимо со мной видѣться, и я съ нею увижусь. Если она отвергнетъ меня—я уѣду, и она останется съ теткой; если она полюбитъ меня, она будетъ жить со мной.

— Это ваше послѣднее слово?

— Да.

— Хорошо, я такъ и передамъ сестрѣ.

— И сообщите мнѣ ея рѣшеніе?

— И сообщу.

— А Марусю поцѣлуйте. Скажите ей, что письмо ея я получилъ и долго думалъ о немъ. Кстати, вы знаете, о чемъ она мнѣ писала?

— Не знаю. Дѣвочка никому объ этомъ не говорила.

— И я не скажу вамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — проговорилъ Ситниковъ, и, подумавъ, прибавилъ:—Эхъ, Ѳедоръ Николаевичъ, напрасно!

— Что̀ это?

— Напрасно вы затѣваете борьбу съ Евлампіей. Она—женщина старинныхъ взглядовъ, властная, сильная...

— Ну, что-жъ! И поборемся,—усмѣхнулся Муромскій.

IV.

Старинной архитектуры каменный домикъ-особнякъ стоялъ на окраинѣ города; улицы, пролегавшія около него, были грязныя, плохо мощеныя, а по нѣкоторымъ изъ нихъ, наиболѣе отдаленнымъ, пролегали мостки, замѣнявшіе тротуары благоустроенной части города, и фонари, освѣщавшіе эту часть города, были керосиновые.

Самый домикъ, въ два невысокихъ этажа, съ обширнымъ дворомъ и службами, имѣлъ запущенный и печальный видъ; штукатурка на его стѣнахъ облупилась; краска, когда-то блѣдно-розоваго цвѣта, облѣзла, и кое-гдѣ по стѣнамъ дома полѣзла плесень.

Внутри было еще мрачнѣе; комнаты были расположены неуютно, по сторонамъ мрачнаго коридора, въ которомъ вѣчно коптѣла тусклая жестяная лампочка, прибитая чуть не подъ самымъ потолкомъ; почти всѣ комнаты были проходныя; мебель, украшавшая ихъ, была стариннаго фасона, полированнаго краснаго дерева, обитая краснымъ трипомъ, вылинявшимъ и потертымъ; диваны казались какими-то ковчегами по своей необъятности, кресла—тронами, но ни на тѣхъ, ни на другихъ сидѣть было почти невозможно—до того они были жестки и покаты. Обои были темные, кое-гдѣ измызганные спинками мебели, кое-гдѣ оборванные, а гдѣ и тронутые темными пятнами сырости.

Всѣ комнаты были похожи одна на другую, съ тою разни-

цею, что въ нѣкоторыхъ стояла мебель, обитая зеленой клеенкой, еще болѣе неудобная по своей скользкости, чѣмъ красная триповая.

Ничего лишняго въ этихъ комнатахъ, не было; каждая изъ нихъ походила на пріемную въ какой-нибудь захолустной духовной консисторіи, такъ какъ извѣстно, что нѣтъ болѣе унылыхъ и неуютныхъ пріемныхъ, какъ въ консисторіяхъ.

По всему дому пахло лампаднымъ масломъ и постной пищей.

Угловая комната, служившая любимымъ мѣстопребываніемъ хозяйки дома, была обставлена нѣсколько уютнѣе. По крайней мѣрѣ, у одного изъ оконъ стояло широкое и глубокое, удобное кресло, вышитое гарусомъ; въ углу высился огромный кіотъ краснаго дерева, весь наполненный образами въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ,—искусственными бумажными цвѣтами, повидимому снятыми съ священныхъ куличей, восковыми тоненькими свѣчами, донесенными по возвращеніи съ заутрени и съ чтенія двѣнадцати евангелій непогашенными,—сухими просфорами, кусочками артоса и засохшими вѣтвями вербы. Передъ кіотомъ теплилась лампадка краснаго стекла съ синими и бѣлыми разводами; по стѣнамъ висѣли потемнѣвшія отъ времени картины, въ старинныхъ лѣпныхъ рамахъ, облупившихся и сильно загрязнившихся. На одной изъ нихъ съ трудомъ можно было разобрать пергаментно-желтый ликъ Христа, стоявшаго передъ Ѳомой и показывавшаго ему раны на рукахъ своихъ. На другой только по догадкамъ можно было различить синюю одежду Маріи-Магдалины, которая въ пещерѣ, лежа на камняхъ, читала священную книгу. Наконецъ, третья наиболѣе сохраненная, только съ потрескавшимся лакомъ, изображала моленіе о чашѣ. И по этой картинѣ можно было судить, что живописецъ, писавшій ее, былъ какой-нибудь самоучка-богомазъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія ни о сюжетахъ, которые онъ взялся трактовать, ни о самой элементарной техникѣ живописи.

Еще въ комнатѣ стояло два—три круглыхъ столика, накрытыхъ вязаными скатертями; а на большомъ предиванномъ овальномъ столѣ красовалась на платò съ цвѣтами, выдѣланными изъ кожи, старинная, высокая, масляная лампа, зажигавшаяся изрѣдка, по особо торжественнымъ днямъ, потому что, вообще, хозяйка дома вполнѣ довольствовалась таинственнымъ мерцаніемъ лампадки, освѣщавшей одинъ лишь уголъ комнаты, тогда какъ другіе углы и середина были погружены въ глубокій мракъ.

V.

Домъ этотъ походилъ на монастырь. Сама хозяйка—Евлампія Львовна Ситникова—одѣвалась въ какую-то особую одежду чернаго цвѣта изъ дешеваго люстрина, полу-монашескаго покроя. Это была старая дѣва, лѣтъ шестидесяти, высокая, худая, какъ будто высохшая. Лицо у нея было строгое, почти суровое; сросшіяся черныя брови и острый, проницательный взглядъ, блиставшій изъ-подъ нихъ, производилъ крайне непріятное впечатлѣніе на ея рѣдкихъ гостей и собесѣдниковъ. Она говорила мало; о житейскихъ дѣлахъ совершенно избѣгала всякихъ разговоровъ, а о духовныхъ любила потолковать съ людьми знающими и, главное, „благочестивой жизни". Но даже и тогда, когда она говорила о божественныхъ предметахъ, голосъ ея звучалъ рѣзко и властно и рѣчь ея была отрывиста.

Она вѣчно говорила о смиреніи, о покорности и объ уничиженіи, и какъ будто всей своей фигурой хотѣла показать, какимъ не долженъ быть человѣкъ истинно благочестивый.

Порядки въ ея домѣ были установлены разъ навсегда; это былъ особый режимъ—смѣсь монастырскихъ строгостей съ тайной разнузданностью и фарисейскимъ лицемѣріемъ. При старухѣ-хозяйкѣ вѣчно „приживали" старыя вдовы и дѣвы, столь же съ виду суровыя и еще болѣе благочестивыя. Одѣвались онѣ также въ вѣчный трауръ, цѣлый день ходили съ постными физіономіями, неизвѣстно отчего тяжко и глубоко вздыхали, извергали потоки сумбурныхъ фразъ, почерпнутыхъ яко-бы изъ писанія, и очень заботились о чужихъ грѣхахъ. О своихъ онѣ тоже вздыхали и сокрушались, но довольно рѣдко, и то болѣе въ угоду благодѣтельницѣ.

Благодѣтельница же совсѣмъ отшатнулась отъ міра, который она презирала за грѣхи, съ суровостью настоящей фанатички, добровольной подвижницы. Даже своихъ приживалокъ и угодницъ она, въ душѣ, презирала, потому что держала ихъ на почтительномъ разстояніи и рѣдко, рѣдко когда снисходила къ которой-нибудь изъ нихъ; кажется, что, несмотря на все свое „смиреніе", ей доставляло немалое удовольствіе то обстоятельство, что приживалки трепетали при ней и не могли выносить ея суроваго взгляда.

Въ этой печальной обстановкѣ, среди стѣнъ этого угрюмаго дома-монастыря выросла и воспиталась дочь Муромскаго. Это

было единственное молодое существо въ этомъ царствѣ старости и разрушенія.

Фанатичка-тетка воспитывала племянницу сама. Съ первыхъ годовъ разумной жизни дѣвочки, Евлампія Львовна стала внушать ей „истинно-христіанскія“ мысли, что человѣкъ рожденъ грѣховнымъ; что грѣшникамъ уготованъ адскій огонь и геенна огненная; что спастись почти невозможно, и что Богъ сурово караетъ не только за грѣхи дѣйствительные, но и за грѣшныя мысли, и даже за сны, если сны эти грѣховны.

Воспитывала она племянницу сурово: слѣдила за тѣмъ, чтобы та вставала въ семь часовъ утра—зимою и въ пять съ половиною—лѣтомъ; заставляла ее стоять часъ на молитвѣ, причемъ дѣвочка должна была класть земные поклоны и читать подърядъ: „Отъ сна возставъ“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво радуйся“, „Молитву ангелу-хранителю“, „Молитву за родителей и близкихъ“, причемъ поминалась тетка и всѣ православные христіане; потомъ еще нѣсколько молитвъ по пространному молитвослову. Послѣ этого дѣвочка сходила внизъ и пила жидкій чай съ черствой булкой и постнымъ сахаромъ; булки нарочно выдерживались два—три дня, чтобы не ѣсть ихъ свѣжими, потому что ѣсть что-нибудь свѣжее значило услаждать свою плоть, а чревоугодіе—смертный грѣхъ. До обѣда, который подавался въ два часа дня и состоялъ изъ постныхъ щей и каши, да изъ клюквеннаго киселя безъ сахара и молока, шло ученіе: приходилъ причетникъ изъ приходской церкви и преподавалъ Марусѣ „начатки православнаго катехизиса“ и священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, по учебнику Рудакова. Послѣ обѣда и до вечерняго чая и ужина разрѣшалось дѣвочкѣ читать Четьи-Минеи на двѣнадцать мѣсяцевъ въ году или какую-нибудь духовную книгу.

Вечеромъ полагалось опять молитвенное стояніе, съ той разницей, что вмѣсто „Отъ сна возставъ“ читалось: „Господи нашъ, Боже, еже согрѣшихъ во дни семъ“. Среди же дня читались еще молитвы передъ и по окончаніи ученія и принятія пищи, передъ и по окончаніи каждаго дѣла. Передъ ужиномъ дѣвушка призывалась въ угловую комнату и должна была громко читать теткѣ то, что̀ будетъ указано. Сама тетка была малограмотна и предпочитала слушать, чѣмъ самой трудиться надъ разборомъ старопечатныхъ книгъ.

VI.

Евлампія Львовна сидѣла на своемъ излюбленномъ креслѣ и, сурово сдвинувъ брови, о чемъ-то сосредоточенно думала. Невдалекѣ отъ нея, на простомъ бѣломъ табуретѣ сидѣла „главная" приживалка, носившая у другихъ приживалокъ почетное прозвище „наушницы". Она была главной, потому что съумѣла подладиться подъ тяжелый нравъ хозяйки; съумѣла подмѣтить ея слабости и угодить имъ; кромѣ того, въ минуты „расположенія" Евлампіи Львовны, она умѣла хорошо поговорить о божественномъ и даже разсказать сказку на нелѣпо-мистической подкладкѣ и тѣмъ напугать передъ сномъ „благодѣтельницу", что̀ та очень любила.

Но сегодня благодѣтельница была особенно не въ духѣ и упорно молчала, бросала косые и суровые взгляды на приживалку, и время отъ времени тяжело вздыхала.

— Что̀ молчишь, какъ сычъ? — наконецъ проговорила она, не глядя на свою гостью.

— Говорить не о чемъ, оттого и молчу, — безъ особенной почтительности въ голосѣ отвѣтила та.

— Не о чемъ?.. При мнѣ не о чемъ, а по коридорамъ днями шепчетесь...

— Кто шепчется, а кто и нѣтъ.

— Толкомъ говори: *кто* шепчется. Не люблю загадокъ.

— Никакой и нѣтъ загадки. Извѣстно кто. Сами знаете: Мароушка.

— Съ кѣмъ?—продолжала допросъ Евлампія Львовна.

— Извѣстно, не со мною.

— Съ кѣмъ же?

— Съ кѣмъ да съ кѣмъ! Съ Марьей, вотъ съ кѣмъ.

— Съ Марусей?

— Съ ней.

— О чемъ?

— А я знаю? У самой спросите. Должно быть о хорошемъ, коли та плачетъ, да нравная стала. Дерзитъ мнѣ. Изъ послушанія вышла.

— Всѣ вы хороши! — заключила Евлампія Львовна.—Ужо̀ разберу.

Водворилось молчаніе, прерывавшееся изрѣдка вздохами старухъ.

Первая заговорила хозяйка.

— Говорила съ племянницей?—спросила она.

— Говорила.

— И что̀ же?

— Ничего.

Евлампія Львовна вдругъ освирѣпѣла: застучала своей костлявой рукой по ручкѣ кресла и грознымъ голосомъ окрикнула:

— Говори, толкомъ говори, коли приказываю! Куска хлѣба рѣшу! Ой, Александра, будетъ тебѣ надо мной куражиться! Наградилъ меня Господь по истинѣ ангельскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, однако и ему есть мѣра. Не испытывай меня, злая душа!

Злая душа зорко покосилась на благодѣтельницу, и дѣйствительно злая, еле уловимая усмѣшка покосила ея губы. Въ глазахъ ея сѣрыхъ и потухшихъ пробѣгалъ огонекъ. Съ свойственной ей инстинктивной сообразительностью она поняла, что „мѣра" наступила, и что дальше вести въ подобномъ тонѣ разговоръ не безопасно. Нужно было уступить, и она уступила.

Однако она любила почетныя отступленія, а потому, хотя и значительно умягченнымъ голосомъ, но все-таки нравоучительно сказала:

— Хлѣба рѣшите? Что жъ, на то вся ваша воля. Однако учили и меня: не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ; найдутся добрые люди, которые дадутъ мнѣ, немощной, пищу насущную... А испытывать человѣка—великій грѣхъ, и никогда на свою душу грѣха этого не возьму.

— Не скули. Говори дѣло! — значительно мягче сказала Евлампія Львовна.

— Да что̀ говорить-то? Какъ есть—нечего. Не поддается—и все тутъ. Ужъ я и съ одного боку, и съ другого. А все—Мареушка настраиваетъ.

— Стала тебѣ эта Мареушка поперекъ горла, — замѣтила Евлампія Львовна и чуть насмѣшливо взглянула на собесѣдницу.

— А мнѣ что̀? Хоть цѣлуйтесь съ ней!—опять не сдержалась и вскипѣла приживалка.—У добраго хозяина всякому псу кость найдется. А только по прямотѣ души своей всегда скажу: фальшивый она песъ, эта ваша Мареушка, вотъ что̀!

— Да я тебя не о ней спрашиваю, а о Марусѣ.

— А я про то и говорю: смущаетъ она Марью, и больше ничего. Сама слышала, какъ та ее наущала: стой, дескать, на своемъ! Ничего она тебѣ сдѣлать не можетъ...

— Ну, это ты врешь!—вспыхнувъ, замѣтила Евлампія Львовна.

— А коли вру, зачѣмъ лгуна и спрашивать. Прощайте,

благодѣтельница! А я ужъ лучше уйду...—нерѣшительно вставая съ табурета, проговорила приживалка, нѐхотя направляясь къ двери. — Пойду, поищу себѣ пристанища у другихъ добрыхъ людей. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Найдется уголъ для безпріютной моей головы. Господь, въ великой милости своей, не покинетъ сиротскую мою вдовью голову. А скажетъ онъ ко взывающимъ къ нему: „накормили ли вы, который алкалъ? напоили ли вы, который жаждалъ? пріютили ли вы, который есть бездомный?“ И отвѣтятъ ему: „нѣтъ, Господи“. И скажетъ онъ: „идите отъ меня во тьму кромѣшную, въ геенну огненную, я не знаю вы“.

— Стой, стой, куда ты, дурья голова?! Не хнычь. Кто тебя гонитъ, Александра?

Приживалка остановилась, вынула засморканный платокъ изъ кармана и сдѣлала видъ, что утерла слезы и даже всхлипнула; но она сочла долгомъ еще поломаться.

— Нѣтъ ужъ, прощайте!—проговорила она уставшимъ голосомъ.—Ухожу. Вовсе ухожу. Натерпѣлась, настрадалась. Буде. Кабы покрѣпче, да помоложе была... а то гдѣ мнѣ, слабой, такія звѣрства выносить?..

Она такъ „уходила“ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и, не смотря на уходы эти, жила уже третій годъ въ домѣ благодѣтельницы.

— Какія же звѣрства?—протестовала благодѣтельница, на которую такія сцены дѣйствовали всегда удручающимъ образомъ.

— Всякой безпутной дѣвкѣ верхъ надо мной даете,—чувствуя, что та уступаетъ, уже тверже заговорила приживалка.

— Это ты про Марѳу?

— Про нее; а то про кого же?

— Сказала: разберу. И успокойся.

— Лгуньей меня величаете.

— Ну, ладно ужъ! Мало ли что̀!—неопредѣленно проговорила обвиняемая.

Но приживалка добивалась своего.

— Не „мало ли что̀“,—наставительно проговорила она.— Грѣхъ это, великій. Отецъ-то лжи кто? Сатана. И ложь сатанѣ свойственна. За что же божью старушку къ сатанѣ равнять?

— Ну... прости, что-ли!—съ трудомъ проговорила Евлампія Львовна, которой, несмотря на долголѣтнее культивированіе смиренія, оно упорно не давалось. И сказавъ это, она тотчасъ же въ душѣ дала себѣ слово наверстать эту уступку.

— То-то „прости“! Я-то прощу, а Господь-то проститъ ли?

И она медленно вернулась къ табурету, торжествуя побѣду.

— Ну ужъ и вывезешь ты! Коли ты простишь, такъ неужто Господь не проститъ?

Приживалка оставила этотъ вопросъ безъ отвѣта.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ она, забывъ всѣ свои обиды, конфиденціальнымъ тономъ наушницы сообщала своей благодѣтельницѣ:

— Тетушка, говорю, гнѣвается: онѣ желаютъ знать, что̀ вы писали батюшкѣ.

— Ну и что̀ же?

— Молчитъ. Только и всего. Подумайте, говорю, непослушаніе-то смертный грѣхъ, а неблагодарность—ужъ это такой грѣхъ, такой грѣхъ, что и названія ему нѣту.

— Что̀ же она?

— Тетушкѣ, говоритъ, по гробъ жизни буду благодарна и послушна я ей во всемъ, окромѣ, говоритъ, этого. Нѣту, говоритъ, такого закону, чтобы могъ кто промежду родителемъ и дитёй становиться.

— Вотъ какъ! И кто ей такія мысли внушаетъ?

— Кто?—взвизгнула приживалка.—Мароа, вотъ кто!

— Поди ты! У тебя Мароа, что̀ у курицы просо—во снѣ снится.

— Истинно говорю, а впрочемъ, ваше это дѣло.

— Сказала бы ей: да коли родитель грѣшенъ.

— Неужто же не сказала? Грѣшникъ, говорю, великій родитель твой передъ Господомъ.

— И что̀ же?

— А коли, говоритъ, грѣшенъ—Господь его и суди. А мнѣ, говоритъ, его судить не приходится, да и никому другому изъ людей, потому сказано: не судите, да не судимы будете.

— А ты бы ей о страданіяхъ адовыхъ...

— И-и! Что̀ я вамъ скажу-то!—зашептала вдругъ приживалка.—Ужъ не знаю, какъ и повторить-то—грѣхъ великій.

— Ничего, говори.

— Какъ я, стало быть, сказала ей, что за ослушаніе воли ея благодѣтельницы предстоятъ ей терзанія адовы, да какъ устрашила ее геенной огненной...

— Ну?

— Ухмыльнулась она этакъ скрозь себя будто, да и говоритъ: и никакой такой геенны нѣту, напрасно людей сомущаете...

— Ахъ, Господи!—вскрикнула пораженная Евлампія Львовна. —Да неужто такъ и сказала?

— А то нѣтъ? И еще прибавила: Христосъ, дескать, искупилъ грѣхи людскіе и освободилъ человѣка на вѣки отъ ада. На то, молъ, онъ и милосердный Господь, чтобы не терзать людей грѣшныхъ, а прощать имъ.

— О, Господи! — вздохнула Евлампія Львовна и закатила глаза къ потолку, а ея собесѣдница покосилась на красный пламень лампадки и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

— Грѣшная кровь ея безпутныхъ родителей заговорила въ ней! — прошептала Евлампія Львовна. — Родителей наказуетъ Господь въ дѣтяхъ ихъ. Въ крови это у ней, въ крови... Я ли ее не оберегала, я ли не хотѣла спасти ея душу? Анъ, нѣтъ, язва-то закралась въ нее со дня рожденія. Во грѣхѣ родилась, во грѣхѣ помретъ...

— Ничего не въ крови,—вступилась приживалка:—откуда въ крови, коли она родителевъ своихъ не знала? Съ вѣтру это, наносное, вотъ что̀... Нашептали ей это злые люди. Отогрѣли вы змѣю на груди своей, вотъ что̀...

— Это ты опять про Мареу?

— Опять же про нее.

— Ну, подумай сама: откуда Мареѣ такіе помыслы таить въ душѣ своей? Не еретичка она, а благочестивая женщина.

— Благочестивая? — нараспѣвъ проговорила та.—Это она-то благочестивая?—Ехидна она, вотъ что̀. Паскуда. Въ домѣ-то что̀ заводитъ?

— Ну, еще что̀?

— Извѣстно что̀! Языкъ-то вянетъ и говорить-то. Алексѣя Львовича-то,—честной жизни человѣка,—а и того въ покоѣ не оставляетъ.

— Алексѣя Львовича?!—вскрикнула старуха, широко раскрывъ глаза.—Еще кого приплетешь?

— Приплетать мнѣ некого. А только зачѣмъ же она говоритъ ему такія слова?

— Какія?

— О любви. Всякая тварь, говоритъ, любитъ. И Господь, говоритъ, сказалъ: плодитесь и размножайтесь и населяйте землю, а потому нѣту, говоритъ, грѣха, въ любви человѣческой, а какъ разъ наоборотъ.

— А онъ что̀?

— А онъ, натурально, усъ свой закрутилъ и козыремъ такимъ и говоритъ ей: вы дѣвица, и несовмѣстимо, говоритъ, мнѣ, холостому человѣку, въ такія пренія съ вами вступать.

— Ой, да ты, вправду, не врешь ли?

На этотъ разъ приживалка ничуть не обидѣлась. Она только самымъ равнодушнымъ голосомъ сказала:

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, коли вру, благодѣтельница.

— Хорошо... Ступай теперь. Да пришли мнѣ Марусю, коли не поздно.

— Чего поздно-то? Навѣрно съ Маѳушкой по угламъ лясы точитъ...

— А что̀ сказала про Маѳу—разберу.

— Истинно разбери, благодѣтельница; разобрать слѣдуетъ.

Приживалка вышла, а старуха осталась одна. Въ головѣ ея закопошились мысли. Александру Стулову, только-что вышедшую отъ нея, слѣдуетъ наказать: больно непочтительна стала и даже дерзка. Маѳу слѣдуетъ допросить, можетъ и есть доля правды въ навѣтахъ Стуловой. Это все пустое. Обѣихъ приживалокъ она съумѣетъ подтянуть, а нѣтъ, такъ которую-нибудь и „выставитъ“ изъ дому: пущай снискиваютъ себѣ пропитаніе, гдѣ хотятъ. Обѣихъ разомъ она не „выставитъ“—больно ужъ привыкла къ ихъ обществу, хотя онѣ и живутъ какъ кошка съ собакой... Но вотъ что̀ дѣлать съ Марьей? Она и безъ навѣтовъ видитъ, что въ душѣ дѣвчонки начинается что-то неподобное. И откуда это взялось? Ходитъ она печальная, да угрюмая и будто мысль какую таитъ. Положимъ, веселой да радостной она ее никогда и не видала. Но прежде на лицѣ ея она читала какое-то тупое равнодушіе и еще болѣе тупую покорность судьбѣ. А теперь не то, далеко не то... И чувствуетъ она, какъ жертва ея воспитанія ускользаетъ изъ ея рукъ, и какъ царству ея приходитъ конецъ.

А тутъ еще извѣстіе о пріѣздѣ Муромскаго. Боится она его пуще всего. Такъ, вотъ, возьметъ еретикъ чистую душу ея племянницы и низринетъ ее во адъ. Съ него хватитъ. А ей что̀? Что̀ ей далась Маруся? И она сама не знаетъ, что̀ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но чувствуетъ, какъ у нея вся душа переворачивается при мысли, что Маруся можетъ „совратиться“, а совратившись—уйдетъ изъ-подъ ея власти, а можетъ и изъ-подъ ея крова. Этого она допустить не можетъ. Она привыкла къ ней за двадцать лѣтъ. Двадцать лѣтъ—много времени! И ей вспоминается бѣдная, покинутая дѣвочка, которую она приняла въ свой домъ и въ теченіе долгихъ лѣтъ воспитывала ее, какъ умѣла. Она привыкла къ ней, привязалась, сначала какъ къ необходимому для нея предмету. Потомъ что-то постороннее, болѣе властное, болѣе сильное, вошло въ ея душу, не знавшую никакихъ сердечныхъ привязанностей. И вотъ теперь, къ концу двадцатаго года, она полюбила эту тихую, задумчивую дѣвушку

со всей страстью—суровою и холодною,—на которую была способна. Сердце старой дѣвы заговорило, какъ могло и умѣло, хотя она считала за грѣхъ сознаться себѣ въ этомъ. И теперь лишиться Маруси? Теперь отдать ее старому грѣшнику, безбожнику, „развратнику"? Никогда! Она будетъ бороться и посмотритъ, чья сторона возьметъ верхъ. Но и когда ей представлялось, какъ Маруся уйдетъ отъ нея, и тогда она вся холодѣла и говорила себѣ: „ну что жъ? прокляну ихъ обоихъ!"—и подыскивала наиболѣе устрашающую формулу этого проклятія, отъ котораго сама содрогалась, когда наступали сумерки.

VII.

Въ комнатѣ раздались тихіе, мягкіе шаги. Старуха вздрогнула и очнулась отъ своихъ мечтаній.

Передъ ней стояла Маруся.

Это была нѣжная, хрупкая дѣвушка, которой никакъ нельзя было дать двадцати лѣтъ; она казалась гораздо моложе; на лицѣ ея, замѣчательной красоты, лежалъ отпечатокъ какого-то тяжелаго душевнаго гнета. Во всей ея фигуркѣ было что-то нервное, тревожное, взволнованное. Она часто вздрагивала, какъ будто прислушиваясь къ чему-то, ей одной видимому и слышимому. Задумчивые и грустные глаза ея всегда будто всматривались въ даль, дальше того, что̀ она видѣла передъ собою, и, казалось, въ этой неясной, туманной дали она угадывала тотъ свѣтъ, котораго искала душа ея, бродившая въ окружавшихъ ее потемкахъ, полныхъ устрашающихъ о̀бразовъ, тяжелыхъ угрозъ и нелѣпыхъ кошмаровъ.

Она подошла къ теткѣ и поцѣловала ей руку.

— Вы меня звали, тетя?—тихо спросила она, и въ ея голосѣ зазвучали нервныя нотки.

Тетка немедленно приняла суровый видъ.

— Звала,—коротко и сухо отвѣтила она и замолчала.

Маруся потупила глаза, какъ это дѣлала всегда въ присутствіи тетки, суроваго взгляда которой она боялась съ дѣтства и до сихъ поръ не могла переносить.

— Садись,—сказала наконецъ Евлампія Львовна.—Еще не слишкомъ поздно, и мы можемъ побесѣдовать. Давно ужъ мы не говорили съ тобой,—упирая на послѣднія слова, досказала она.—Марья!—вдругъ вскрикнула она, внезапно освирѣпѣвъ:—кому я говорю?! Ты меня не слушаешь. О чемъ ты думаешь?

Дѣвушка, дѣйствительно, занявъ указанное ей мѣсто на табуретѣ, немедленно задумалась и такъ глубоко, что не слыхала словъ старухи. Но когда та ее окрикнула, она вздрогнула отъ неожиданности и слабо вскрикнула.

— Я тебѣ говорю, что мы давно не бесѣдовали. Ты укрываешься отъ меня.

Маруся молчала.

— Укрываешься ты отъ меня или нѣтъ?—строго спросила тетка.

— Укрываюсь, — тихо отвѣтила Маруся и опустила глаза. Никому и никогда она не лгала, и теперь не могла бы солгать, въ особенности чувствуя на себѣ допрашивающій и строгій взглядъ тетки.

— Почему?—спросила та, безпокойно двинувшись въ креслѣ.

— Я васъ боюсь...—робко произнесла Маруся и взглянула на тетку.

— Боишься?.. Меня? — удивилась та.—Грѣхъ это, грѣхъ большой, Маруся. Бояться можно только Бога.

По лицу Маруси скользнуло какое-то неопредѣленное выраженіе, но она ничего не отвѣтила; однако тетка инстинктивно догадалась, что дѣвушка хотѣла ей возразить что-то.

— Говори, говори,—заволновалась Евлампія Львовна,—говори что̀ хотѣла сказать.

— Бога бояться грѣхъ,—начала Маруся своимъ нервнымъ голосомъ.—Бояться можно только врага. Бога нужно любить, а не бояться.

Евлампія Львовна не могла придти въ себя отъ изумленія. До сихъ поръ никогда еще она не слыхала ни одного звука возраженія отъ Маруси, и то, что̀ она теперь услыхала, было для нея такъ неожиданно и, главное, ново, что она сразу не нашлась, что̀ отвѣтить, и невольно пожалѣла объ отсутствіи своей главной приживалки. „Уходитъ отъ меня Маруся, вовсе уходитъ“, промелькнуло въ ея головѣ.

— Марья! — наконецъ, проговорила она, чувствуя въ первый разъ въ жизни какую-то странную неувѣренность въ голосѣ:—кто тебѣ внушилъ эти мысли?

— Никто.

— Сама, значитъ, додумалась?

— Сама.

— Дьяволъ это тебя смущаетъ. Молиться надо. Нынче же вечеромъ стань на молитву. Душою больна ты, вотъ что̀. Силенъ

врагъ человѣческій, охъ, какъ силенъ, однако Господь-то сильнѣе его и одолѣетъ его.

— Тетя!—вскрикнула дѣвушка.—Никто меня не смущаетъ. А въ томъ, что Бога надо любить, я не вижу грѣха.

— Ахъ ты Господи!—вздохнула старуха.—Да Богъ-то кто?—спросила она, и сама продолжала:—Богъ есть судья, а всякаго судью слѣдствуетъ бояться и его трепетать. Такъ ли? Такъ какъ же ты говоришь, что его не надо бояться?

— Судья судитъ преступниковъ,—отвѣтила Маруся, не обращаясь прямо къ теткѣ, а какъ бы разсуждая сама съ собою и отвѣчая на свою мысль.

— А почемъ ты знаешь, что ты не преступна? Кто можетъ сказать передъ Господомъ, что правъ передъ лицомъ его? Всякъ человѣкъ, въ мірѣ живущъ, преступникъ передъ Господомъ. Охъ, Марья, много, много въ міру соблазновъ и лукавой прелести. Во грѣхѣ родились, во грѣхѣ помремъ.

— Богъ милосердъ и послалъ на землю единороднаго Сына своего, чтобъ искупить грѣхи міра.

— Такъ неужто жъ всѣ святые?

— Нѣтъ, есть и грѣшники, только грѣхи ихъ искуплены крестной смертью Спасителя.

Это было опять до такой степени ново для благочестиваго уха старухи, что она задрожала и онѣмѣла въ полномъ изумленіи. Какъ она ни перебирала въ умѣ, ничего не могла найти, чтобы возразить племянницѣ на эти слова.

— Кровь, кровь отца твоего нечестиваго говоритъ въ тебѣ это!—наконецъ нашла она выходъ.—И отца, и грѣшной матери...

Маруся вдругъ заплакала.

— Тетя!—съ мольбой въ голосѣ, удерживая слезы, проговорила она:—съ дѣтскихъ лѣтъ вы мнѣ говорите о моихъ родителяхъ, что они великіе грѣшники. Я здѣсь живу какъ въ монастырѣ, и не знаю, какіе грѣхи бываютъ въ мірѣ. Можетъ, и есть такіе грѣхи, что и милосердіе Божіе не можетъ простить ихъ... Тетя!—страстно вскрикнула она:—скажите мнѣ, кто мои родители, въ чемъ ихъ грѣхъ? Днями и ночами думаю я о нихъ, и эта дума терзаетъ мнѣ душу, не даетъ мнѣ покоя. Сначала я видѣла ихъ во снѣ, какъ они страдаютъ въ аду, и молилась я о нихъ безумно. И вотъ когда сомнѣніе одолѣло меня, когда Спаситель мнѣ явился однажды ночью, со всей своей кротостью во взорѣ, не могу себѣ больше представить адскаго пекла и страшныхъ мученій и не могу себѣ представить, чтобы кротость Спасителя могла допустить мученія адовы. Вотъ, съ тѣхъ самыхъ

поръ я и думаю о родителяхъ своихъ... И думается мнѣ, что каковы бы грѣхи ихъ ни были, Спаситель давно уже простилъ ихъ. Ахъ, тетя, тетя, и вы бы простили ихъ! И неужто міръ, котораго я не знаю, страшная пропасть, полная чудовищъ и лукавой прелести? И неужто мои родители грѣшнѣе всѣхъ прочихъ людей на свѣтѣ? Скажите мнѣ о нихъ, Христомъ Богомъ прошу васъ...

Она не могла кончить отъ душившихъ ее слезъ. Эти слова давно накопились въ ней. Она чувствовала, что рано или поздно скажетъ ихъ, только не знала—когда. И вотъ теперь они какъ-то сами собой вырвались у нея, вырвались крикомъ наболѣвшей души, измученной, почти истерзанной сомнѣніями.

Но тетка опять оказалась совершенно неподготовленной къ этому вопросу.

И опять она молчала, собираясь съ мыслями, чтò отвѣтить племянницѣ на все это.

— Родители твои, — внушительно и раздѣльно заговорила Евлампія Львовна, собравшись съ духомъ, — грѣшные люди. Отецъ—еретикъ и бѣса тѣшитъ своимъ нечестіемъ. Мать—царство ей небесное, сестра мнѣ родная, однако хорошаго не скажу про нее. Душу свою загубила и имя доброе свое опозорила. Однако, вотъ и все, чтò я могу сказать тебѣ. Больше у меня ничего не спрашивай, все равно ничего не добьешься. Есть вещи, которыя тебѣ знать рано...

— Я уже не дѣвочка, тетя, мнѣ двадцать-первый годъ. И я не понимаю, все-таки, чтò значитъ „бѣса тѣшитъ“ и „душу свою загубила“:

Тетка на этотъ разъ ничего не отвѣтила Марусѣ.

— А чтò значитъ,—продолжала та, чисто по-дѣтски:—„лукавая прелесть“? Какіе въ мірѣ соблазны, влекущіе людей на погибель?

— Охъ, Маруся, много ты знать хочешь и рано одолѣло тебя любопытство... Вотъ, вмѣсто того, чтобы съ Мареушей по угламъ шептаться, поговорила бы со Стуловой когда,—она тебѣ все это и изложила бы.

— Не люблю я Александры Васильевны,—просто отвѣтила Маруся.—Не лежитъ къ ней мое сердце, тетя.

— А вотъ ужъ это и нехорошо. Александра—другъ нашего дома и женщина почтительная. А ты мнѣ такъ и не сказала, чтò ты родителю своему писала? — вдругъ задала она вопросъ Марусѣ, въ упоръ глядя на нее.

Дѣвушка сконфузилась и опустила глаза.

— Тетя, не спрашивайте. Ничего дурного я ему не писала. Я хотѣла ему напомнить, что у него есть дочь...

При этихъ словахъ глаза ея странно заблестѣли и голосъ дрогнулъ.

— Къ чему? Въ домъ я его, все равно, не пущу. Ты вѣдь, небось, просила его пріѣхать?

Маруся молчала.

Тетка, собравшись съ духомъ и не спуская съ племянницы глазъ, внушительно и отчетливо стала говорить ей:

— Слушай, Марья. Отъ юности твоея я воспитала тебя... Всю жизнь прожила одинокой, всю душу положила въ тебя. Думала, ты выростешь, будешь мнѣ любимой и покорной дочерью. Все, чтò у меня есть, думала, тебѣ оставлю. Никогда о родителяхъ тебѣ не говорила, потому что мать твоя умерла, а отца у тебя нѣтъ. Запомни это. Отецъ твой—врагъ Христовъ, врагъ людской. Вотъ ты теперь—Богъ тебя знаетъ откуда—понабралась тлетворнаго разсудку и хочешь свою старую тетку промѣнять на отца. Охъ, чуетъ мое сердце, соблазнитъ онъ тебя, погубитъ. И чуетъ еще мое сердце, что не охранить мнѣ тебя отъ врага лютаго. Вотъ тебѣ мой совѣтъ: ступай въ монастырь—тамъ онъ тебя не достанетъ. Ворвется онъ сюда, замутитъ твою душу—поздно будетъ. А уйдешь ты отъ меня съ нимъ—прокляну васъ страшнымъ проклятіемъ.

— Тетушка!—вскрикнула Маруся, вздрогнувъ.

— И не будетъ тебѣ сердечнаго покою ни въ сей жизни, ни въ будущей, и не будетъ тебѣ удачи въ твоихъ земныхъ странствіяхъ.

— Тетенька!..

— Ну, не буду, не буду... Не пугайся. Видъ у меня суровый, а сердце доброе, отходчивое. Ласковыхъ словъ говорить не умѣю,—и мнѣ-то ихъ никто не говорилъ,—а чувствовать даже очень могу. А ты—боишься. Обидно мнѣ это, очень обидно. Ну, да Богъ съ тобой. Послѣднее мое слово сказала тебѣ, а тамъ—сама разсуждай.

— Тетенька, я вамъ очень благодарна за всю вашу ласку, и за любовь, и за попеченіе... Ничего противъ васъ у меня нѣтъ на душѣ и ничего такого я не мыслю. Мнѣ бы только родителя увидать... Вы думаете, для чего? Если онъ вправду грѣшникъ, я постараюсь его обратить. За маму я еженощно молюсь, потому что ея душа отозвана Богомъ, а можетъ, отца мнѣ Богъ поможетъ обратить на истинный путь. А вѣдь Господь болѣе радуется одному раскаявшемуся грѣшнику, чѣмъ десяти праведникамъ...

— Ну, дѣлай, что знаешь, я свое все сказала.

Поцѣловавъ сухую руку тетки, Маруся тихой поступью, которую она пріобрѣла въ этомъ полу-монашескомъ домѣ, вышла изъ комнаты.

Слишкомъ близко отъ дверей встрѣтила она Стулову, чтобы не сомнѣваться, что та подслушивала.

Приживалка наклонилась къ ней такъ близко, что дыханіе ея касалось щекъ дѣвушки. Марусѣ показалось, что отъ Стуловой пахло водкой, и она невольно отшатнулась.

— Все ли благополучно?—вкрадчивымъ шопотомъ спросила Марусю приживалка.—Не разстроилась ли тетушка?

— Оставьте меня, — мягко отвѣтила ей дѣвушка, несмотря на все отвращеніе, которое она чувствовала къ Стуловой.

Маруся шла, поникнувъ головою.

Ее всегда пугала своеобразная любовь тетки, любовь, которая никогда не находила для нея ласковыхъ словъ, а только одни нравоученія и наставленія. Но сегодня, когда въ заключительныхъ словахъ Евлампіи Львовны она почувствовала сердечные отзвуки ея странной любви, ей вдругъ сдѣлалось еще страшнѣе. Почему? Она думала теперь объ этомъ, но не съумѣла себѣ отвѣтить. Въ голосѣ тетки она почувствовала столько невысказанной любви, а между тѣмъ ея сердце молчало и она смутно сознавала, что душевныхъ связей между ею и той, которая замѣнила ей мать—не существуетъ. Она всегда сознавала—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала разсуждать—свои обязанности по отношенію къ теткѣ, свой долгъ передъ нею, всегда чувствовала къ ней благодарность. Но это было сознаніе долга, сознаніе разсудочное, теоретическое. Теперь являлся какой-то новый сердечный долгъ, уплата любовью за любовь, а платить-то ей было нечѣмъ, потому что сердце ея упорно молчало. Она не умѣла разобраться во всемъ этомъ и только чувствовала какую-то тяжесть въ головѣ и камень на душѣ.

Въ ея комнатѣ сидѣла Марѳуша.

Маруся ей очень обрадовалась, такъ какъ только съ ней и могла мѣняться мыслями, не опасаясь быть преданной.

Марѳуша была такой же приживалкой, какъ и Стулова, но считалась легкомысленной. Марѳуша была „благородная“ дѣвица; это дворянское происхожденіе, которымъ она очень гордилась, было причиной антагонизма, жившаго между нею и Стуловой. „Я слишкомъ благородна, чтобы подчиняться хамкѣ“,—говорила она Марусѣ. А Стулова, зная ея слабость, нерѣдко издѣвалась надъ нею: „что за честь, коль нечего ѣсть“.

Мареуша была восторженная мечтательница и въ разговорахъ съ Марусей любила съ увлеченіемъ разсказывать ей о тѣхъ лукавыхъ прелестяхъ міра, которыя она, Мареуша, отнюдь не находила лукавыми и которыя она извѣдала, „когда папаша живъ былъ и служилъ на хорошемъ мѣстѣ“.

Въ эмансипаціи Маруси ея разсказы дѣйствительно играли немалую роль, и главнымъ образомъ ту, что пріучили ее слушать грѣховныя вещи, о которыхъ прежде запуганная дѣвушка не только отказывалась говорить, но даже боялась подумать.

Когда Маруся вошла въ комнату, Мареуша сорвалась съ мѣста, быстро подбѣжала къ двери, выглянула въ коридоръ и, убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ, притворила дверь.

VIII.

— Ругались?—шопотомъ спросила Мареуша.

Маруся удивилась.

— Какъ ругались, кто ругались?—спросила она.

— Тетушка ваша ругались,—спрашиваю.

— Нѣтъ; совсѣмъ напротивъ. Ахъ, Мареуша, тетушка меня очень любитъ... только я боюсь ея этой любви, и она говоритъ, что бояться ее грѣхъ, что нужно бояться только Бога.

— Чтò его бояться-то? Онъ—милосердый.

— Вотъ и я ей тоже говорю. Съ этого и пошло.

— Про папеньку спрашивали?

— Спрашивала. Только я ей ничего не сказала. Да чтó и говорить-то? О чемъ, говоритъ, писала? А я и сама не знаю, о чемъ. Тогда душа наболѣла, сердце замучилось, я и написала. И не помню ужъ чтò... просила пріѣхать. Зачѣмъ? Сама не знаю. Да и не пріѣдетъ онъ...

— Какъ это не пріѣдетъ? Къ родной дочкѣ-то, да чтобы не пріѣхалъ! Чай, и у нихъ сердце-то человѣчье. Звѣрь, и тотъ свое дитя любитъ.

— Я-то его люблю; вотъ, тоскуетъ по немъ сердце, во снѣ его вижу, хотя въявь никогда и не видала. А вотъ онъ-то меня? За двадцать-то лѣтъ ни разу не вспомнилъ...

— А можетъ и вспоминалъ, да обстоятельства были неподходящія. Вотъ и теперь, коли скажете тетушкѣ, что приглашали, онѣ передъ его носомъ двери прихлопнутъ.

— И то, говоритъ, не допущу. А коли, говоритъ, чтò, то и прокляну. И его, значитъ, и меня.

— Ай, страсти какія! Такъ неужто сказали имъ, что приглашали?

— Ничего, Мареуша, не сказала; сама, видно, догадалась.

— Ахти, бѣда какая!

— Ужъ ты намъ устрой, Мареуша, чтобы видѣться, въ случаѣ чего...

— Какъ не устроить, барышня. Я вѣдь люблю васъ. Я добрая. Не Стулова вѣдь я. Риску-то много, а только ничего не подѣлаешь! Не все о своей шкурѣ думать.

— Добрая ты, Мареуша...—съ грустью въ голосѣ сказала Маруся,—а вотъ не хочешь сказать мнѣ, что̀ я тебя прошу.

— Это о родителяхъ-то? Да вѣдь какъ сказать-то, голубушка моя горькая? Слыхала я, точно, ихъ исторію. А вѣдь кто знаетъ,—можетъ, люди и лгутъ. А окромя того и тетенька ваша Евлампія Львовна. Когда я поступала сюда, было намъ объявлено: кто, дескать, да барышнѣ разные слухи и розсказни о ея родителяхъ переносить будетъ, тому не житье въ домѣ... въ одинъ моментъ и поворотъ отъ воротъ. Вы тетеньку знаете: по вѣтру слова пущать не любитъ; у ней что̀ на умѣ, то и на дѣлѣ. А я вѣдь, барышня, титулярнаго совѣтника дочь, въ прислуги мнѣ поступить невозможно, работать ничего не могу, потому что благороднаго происхожденія и папаша на хорошемъ мѣстѣ служилъ. И потому могу съ голоду помереть, коли ежели тетенька прогонятъ. И безъ того Стулова подкапывается подъ меня изъ-за васъ все, что дружбой меня дарите. Злющая вѣдь она баба, ревнивая, и сердце-то у ней сварливое. И чувствую, что не сдобровать мнѣ,—какъ пить дать, прогонятъ, а все не такъ еще скоро. Многаго лишена я по своей бѣдности. Вотъ, ангелъ мой, живя теперь въ тетушкиномъ строгомъ домѣ, не могу носить голубыхъ платьевъ. А въ міру-то я ихъ носила, и ужъ очень мнѣ голубой цвѣтъ-то къ лицу. Опять же и въ театрахъ бывала. Какъ хорошо-то! Чудеса. А теперь вотъ тетенька говоритъ: „лукавая прелесть“. И никакой лукавой прелести нѣту. Опять же „бѣсовское навожденіе“. А какое же бѣсовское навожденіе? Одно благородное искусство. Танцы, пѣніе, пріятные разговоры о чувствахъ—и больше ничего. И все такъ возвышенно, чувствительности разныя, ажъ слеза прошибаетъ и въ душѣ этакія хорошія чувства... Только, ради Бога, ангелъ мой, вы тетенькѣ этого моего мнѣнія не передавайте... И про голубой цвѣтъ не говорите. А что̀ дурного въ голубомъ цвѣтѣ-то? Бывало, при папашѣ всѣ кавалеры говорятъ: „обворожительны вы въ голубомъ, какъ есть мечта“.

Не разъ слышала Маруся эти наивные разсказы Мароуши, и они смущали ея душу. Міръ представлялся ей въ свѣтломъ, привлекательномъ видѣ. Ужъ одинъ голубой цвѣтъ какъ-то странно ее волновалъ. Вокругъ себя она видѣла только печальные сѣрые и черные цвѣтà. Голубой цвѣтъ былъ цвѣтомъ неба, того далекаго неба, на которомъ жилъ Богъ, и, слѣдовательно, чтò же было въ этомъ цвѣтѣ грѣшнаго и соблазнительнаго? Между тѣмъ она знала, что Мароушу, на первыхъ же порахъ ея вступленія въ домъ, поставили „на поклоны“ за то, что она осмѣлилась вплести въ волоса голубую ленточку. Вотъ въ театрахъ должно быть точно грѣха много, ибо тамъ говорятъ о людскихъ чувствахъ. И опять же музыка свѣтская и танцы. Музыки она никогда не слыхала, кромѣ церковнаго пѣнія, а танцевъ никогда не видала. Но еслибы она не боялась тетки, то непремѣнно пошла бы въ театръ, до того ее разжигали Мароушины разсказы. Но теперь ее интересовало только одно: въ чемъ грѣхъ ея родителей, и сегодня она дала себѣ слово—во чтò бы то ни стало добиться отъ Мароуши разрѣшенія этой измучившей ее тайны. Мароуша знаетъ эту тайну, и надо ее вывѣдать отъ нея.

— Мароуша,—взявъ ее за руку, сказала Маруся просительнымъ голосомъ.

— Чтò, ангелъ мой?

— Ты вѣдь много мнѣ разсказывала о свѣтской жизни, да?

— Много, барышня.

— Хоть разъ, хоть одинъ только разикъ предала я тебя тетенькѣ или нѣтъ?

— Грѣшно сказать,—ни разу.

— Ну, вотъ видишь. Съ чего же ты взяла мнѣ не вѣрить?

— Да я вамъ вѣрю, Марья Оедоровна.

— А коли вѣришь, такъ скажи про родителей!

— Страшно, Марья Оедоровна,—вотъ страшно, да и все тутъ. Раскрою ротъ, а къ сердцу-то такъ и подкатываетъ, такъ и подкатываетъ, и душа трепещетъ какъ овечій хвостъ.

— Полно тебѣ. Ну, возьми съ меня клятву. Хоть и великій это грѣхъ, а чтò жъ дѣлать, коли иначе нельзя.

— Развѣ что клятву...—раздумчиво произнесла Мароуша.

— Ой, нѣтъ, не надо, не надо!—вдругъ спохватилась она. —Грѣхъ вѣдь это. И такъ скажу!—рѣшилась она.—Чтò два грѣха на душу-то брать, да и другого, безвиннаго человѣка въ грѣхъ вводить. А только я многаго-то и не знаю,—просто прибавила она.—А и то, чтò знаю, можетъ, враки. Мало ли чтò люди другъ про друга плетутъ!

— Да говори чтò знаешь.

— Вотъ!—собравшись съ духомъ, наконецъ произнесла Мареуша.—Папенька вашъ женились на маменькѣ. А маменька ваша приходилась сестрой тетенькѣ.

— Это я знаю; дальше чтò?

— Не мѣшайте, я отъ начала. Женившись на маменькѣ, родились вы. Недолго пожили они вмѣстѣ. Маменька—царство ей небесное и да проститъ ее Господь, всемогущій Богъ—покинули васъ и папеньку.

— Зачѣмъ же она насъ покинула?

— Влюбившись. Влюбилась, значитъ, безъ памяти, безъ удéржу, въ офицера. Это бываетъ; и на театрахъ даже это представляютъ. И думается мнѣ, по моему разсужденію, что и грѣха тутъ никакого особеннаго нѣту,—развѣ только самый маленькій... потому еслибы грѣхъ былъ особенный, или большой, то полиція не дозволила бы это публично на сценѣ представлять и передъ публикой свои чувства доказывать...

— Говори, Мареуша, говори, чтò было дальше?—съ страстнымъ любопытствомъ зашептала Маруся.

— А дальше чтò же? Офицеръ не то разлюбилъ ее, не то она его; доподлинно это неизвѣстно, а только убѣжала она съ актеромъ. Сказывали еще, что сама на сцену поступила, актрисой сдѣлалась, да не какой-нибудь, а самой чтò ни на есть первой да хорошей.

— Грѣхъ-то какой!—опять прошептала Маруся.

— И опять же никакого грѣха нѣту, — горячо возразила Мареуша.—Это все въ нашемъ строгомъ домѣ „грѣхъ да грѣхъ“! А въ свѣтѣ это совсѣмъ даже не грѣшно; есть, сказывали, даже княгини, которыя въ актрисы пошли, а князьевъ и очень даже много.

— Что же, Мареуша, всякій себя потерять можетъ!

— Ну, ужъ князь-то не потеряетъ себя... а ежели идетъ на сцену—значитъ, такъ слѣдуетъ по его внутреннимъ чувствамъ, а ежели отъ его чувствительныхъ словъ публика плачетъ, а съ дамами обмороки—значитъ, онъ душу трогаетъ, а нéшто это грѣхъ?..

— Ужъ и не знаю, чтò сказать тебѣ на это... Но чтò же потомъ было съ... мамой?

— А вотъ ужъ потомъ, нечего сказать, вышелъ грѣхъ. Кончила-то она скверно...

— Какъ же, какъ же?

— Да, говорятъ, отравилась.

Маруся слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Отравилась?—проговорила она перекрестившись. — Господи, прости ей этотъ тяжкій грѣхъ!..

Онѣ замолчали. Маруся долго не могла оправиться отъ испытаннаго впечатлѣнія. Придя въ себя, она спросила Марѳушу:

— Но какъ это произошло? Отчего она отравилась?

— Вотъ ужъ этого, ангелъ мой, не знаю. Правда, не знаю. Не то актеръ ее разлюбилъ, не то жить стало нечѣмъ—не знаю...

— А отецъ? — совсѣмъ тихо спросила дѣвушка, какъ бы боясь услыхать еще что-нибудь болѣе ужасное.

— Вотъ ужъ что касается родителя вашего,—тутъ долго надо разсказывать. Онъ студентскій учитель былъ въ духовной академіи или семинаріи, не знаю. Ну и училъ онъ ихъ фальшиво, противъ вѣры, значитъ. Сначала-то былъ онъ благочестенъ и богомолецъ, а потомъ неизвѣстно, что̀ съ нимъ сдѣлалось,—сталъ онъ ихъ учить невѣрію и богопротивнымъ вещамъ.

— Какимъ?

— Да ужъ, право, не упомню... А только когда маменька ваша его покинули, онъ въ ожесточеніи чувствъ, надо полагать, вовсе измѣнилъ Господу Богу и написалъ книгу въ восхваленіе діавола и аггеловъ его.

— Ой, Господи!—содрогнулась Маруся.

— Ну, и вотъ его изгнали изъ Россіи, а книгу его черезъ палача сожгли публично на площади.

Этотъ разсказъ произвелъ, къ удивленію самой Маруси, меньшее на нее впечатлѣніе, чѣмъ разсказъ о матери.

— Такъ какъ же онъ вернется теперь?—начала Маруся.

— А ему, слышно, простили, и онъ покаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Жилъ онъ долго въ чужихъ краяхъ, ну и стало ему тяжело, и захотѣлось родную землю увидѣть. Ему и сказали: покайся. Онъ и покаялся: проклинаю, говоритъ, все прошлое и отрицаюся діавола и всѣхъ дѣлъ его. Вотъ это-то я и прочла въ газетахъ, что извѣстному ученому Муромскому разрѣшено жить въ Россіи... Тамъ и названіе города стояло, въ которомъ онъ проживалъ въ басурманской-то землѣ... Только вотъ теперь и забыла прозваніе, а тогда, чтобы не забыть его адресъ вамъ сказать, я на бумажку его записала. Только вы, ангелъ мой, не говорите тетенькѣ-то, что я тайкомъ газеты читаю. Въ газетѣ и названіе его сожженной книги стояло. И слышала я еще, что будто онъ уже пріѣхалъ, а только скрывается отъ властей.

— Скрывается? Зачѣмъ же ему скрываться, ежели, ты говоришь, ему разрѣшили вернуться?

— А ужъ этого я не знаю. Можетъ, совѣсть заговорила, и стыдно людямъ въ глаза глядѣть. Слышала я мелькомъ, будто Алексѣй Львовичъ были у него самолично, и что нашли его въ прежнемъ состояніи заблужденія, и что у него на лицѣ есть нѣкая печать сатанинской гордости.

— Какія страсти ты разсказываешь, Маруша!—вздрогнувъ, прошептала Маруся.

— И самой страшно, на ночь-то глядя. А только, можетъ, все это глупости, и ничего этого нѣту,—вдругъ неожиданно и просто прибавила она.

Дѣвушки вздрогнули: на порогѣ, съ тарелкой моченыхъ яблоковъ въ рукахъ, стояла Стулова; лицо ея было красно, и маленькіе, ехидные сѣрые глазки ея быстро „шпіонили“ говорившихъ.

— Ишь, испужались!—смѣясь, проговорила она.

Голосъ ея срывался, языкъ путался и она слегка покачивалась. Очевидно, она была пьяна, чтò на этотъ разъ замѣтила оправившаяся уже Маруся, которая раньше всегда защищала ее передъ Маруешей отъ ея нападеній.

— Коли бы добрыя дѣла промежду васъ были, не содрогнулись бы сердца ваши...—сказала Стулова.—Предстань, Марѳа, передъ благодѣтельницей, передъ ея очи, и держи отвѣтъ праведный. Иди въ геенну огненную, гдѣ тебѣ уготованъ огонь вѣчный...

— Говори толкомъ, чтò тебѣ надо?—пробормотала поблѣднѣвшая Маруша.

— Толкомъ и говорю: ступай къ благодѣтельницѣ,—требуетъ.

IX.

Еслибы грянулъ громъ въ этой маленькой комнаткѣ, Маруша бы менѣе испугалась, чѣмъ при извѣстіи, принесенномъ ей старшей приживалкой.

„Вотъ оно!—мелькало въ ея головѣ:—начинается! Добилась-таки своего, поганка... Куда я теперь дѣнусь, гдѣ приклоню свою голову“?.. И слезы заблестѣли на ея глазахъ. Но надо было идти. Она давно знала по опыту, что медлить при исполненіи приказаній тетеньки было невозможно. Она встала, поцѣловала Марусю и, какъ бы предчувствуя большое несчастье, проговорила:

— Прощайте, ангелъ мой! Не поминайте лихомъ, коли чтò...

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—прошипѣла ей вслѣдъ Стулова, но отвѣта отъ перепуганной Мареуши не получила.

Маруся, сдвинувъ брови, глядѣла въ упоръ на приживалку, все еще стоявшую у дверей. Стулова, какъ баба себѣ на умѣ, несмотря на всю свою ограниченность, отлично понимала взаимныя отношенія обитателей „строгаго дома". Лучше чѣмъ кто-либо она знала, что суровая Евлампія Львовна любитъ тихую Марусю, и что если когда-нибудь будетъ поставлена въ необходимость выбирать между племянницей и окружающими ее приживалками, то онѣ, приживалки, „полетятъ", а Маруся останется. Вотъ почему Стулова рабски-почтительно относилась къ дѣвушкѣ, и если, по своей злой природѣ, и дѣлала ей „пакости", то всегда впослѣдствіи удвоенной лестью и приниженностью старалась загладить дурное впечатлѣніе. Правда, она не очень и церемонилась съ Марусей, и хотя называла ее „тихій ангелъ" и „кроткая овечка", но въ душѣ считала ее „полудурьей".

Теперь невѣрными шагами подошла она къ все еще глядѣвшей на нее Марусѣ и приложилась къ ея плечику.

— Что̀ глядишь на меня, красавица? Злая, думаешь, Александра. Анъ Александра не злая... А коли ежели что̀, такъ для тебя же дѣлаю, моя кроткая овечка. Аки песъ вѣрный, дворовый, стерегу. Съѣстъ вѣдь тебя поганая дѣвка Мареушка. Пропадешь ты съ нею, прямо въ челюсть дьяволу угодишь. И счавкаетъ тебя смрадный, а намъ-то съ тетенькой ничего не останется. Гдѣ, молъ, Маруся, нашъ тихій ангелъ? Анъ Маруси-то ужъ и нѣту. Тю-тю Маруся! Въ горнемъ адовомъ на сковородкѣ жарится. Тьфу, тьфу, съ нами крестная сила!

И всегда при этихъ іудиныхъ лобзаніяхъ Маруся брезгливо вздрагивала, какъ отъ прикосновенія жабы; и всегда при ея шутовскихъ словоизліяніяхъ, представлявшихъ смѣсь лицемѣрія, невѣжества и издѣвки, ее коробило и передергивало. Но сегодня случилось нѣчто особенное. „Тихій ангелъ" просто разсвирѣпѣлъ. Въ первый разъ въ жизни Маруся почувствовала въ груди кипучую злобу и въ первый разъ въ жизни она поняла, что̀ значитъ ненависть и презрѣніе къ человѣку.

Она задрожала съ ногъ до головы. Впившись глазами въ ненавистную ей женщину, прерывающимся отъ волненія, хриплымъ голосомъ она выкрикнула ей:

— Прочь! Не смѣйте меня трогать! Подлая, подлая женщина!..

Она залилась слезами. Это было такъ неожиданно, что Стулова растерялась. Дѣйствительно, переходъ отъ кротости къ

злобѣ былъ такъ великъ въ Марусѣ и обыкновенно добрые глаза ея сверкали такими огоньками ненависти, что трусливой приживалкѣ было чего испугаться.

— Ишь ты, ишь ты!—бормотала она нетрезвымъ голосомъ, выходя изъ дверей.

Но жгучее чувство любопытства одолѣвало ее. Она знала, что въ нетрезвомъ видѣ опасно показываться передъ грозныя очи „правительницы“, и всегда тщательно избѣгала этого. Но сегодня она не могла совладать съ собой. Какъ! Судятъ ея супротивницу, ея соперницу, ея ненавистницу—и она не будетъ присутствовать при этомъ? Это было выше ея силъ. Поэтому она пошла въ свою комнату, поставила на комодъ тарелку, налила въ стаканъ воды, накапала туда нѣсколько капель нашатырнаго спирту, который, съ разрѣшенія Евлампіи Львовны, покупала „для зубной боли“, выпила воду и пожевала нѣсколько зернышекъ жаренаго кофе. Оправившись и отрезвѣвъ, она отправилась въ комнату благодѣтельницы.

Тамъ шелъ допросъ.

Хотя Евлампія Львовна и обѣщала произвести слѣдствіе о поступкахъ Маѳуши „ужо̀“, что означало въ ея устахъ „когда-нибудь“ или „какъ-нибудь“, но сегодня она разстроилась, и ее не клонило ко сну. Инсинуаціи Стуловой, потомъ разговоръ съ Марусей разогнали обычную дремоту, которая ее всегда одолѣвала въ это время. Она и вообще никогда не могла заснуть безъ того, чтобы Стулова не почитала ей на ночь чего-нибудь божественнаго. Она читала такимъ глухимъ и монотоннымъ голосомъ и такъ непонятно, что старуха немедленно засыпала. Чуть ли не этотъ счастливый талантъ чтицы и былъ причиной того, что приживалка взяла такую силу въ домѣ и собственно держала Евлампію Львовну въ подчиненіи. Безъ нея старуха никакъ не могла обойтись, хотя дѣлались попытки, въ дни опалы на Стулову, когда она не допускалась передъ очи благодѣтельницы, замѣнить ее Маѳушей и даже Марусей. Но когда онѣ читали, старуху обязательно мучила безсонница. Маѳуша читала бойко и звонко, и божественное чтеніе походило у нея на газетное. Старуха злилась, раздражалась, останавливала ее и поправляла. Конечно, это развлекало ее и разгоняло и безъ того непрочную дремоту. „Помилуй, мать, — ворчала она,—ты такъ орешь, что мертваго разбудишь! Гдѣ ужъ тутъ заснуть! Словно іерихонская труба трубишь. Ступай ужъ. Сама попробую заснуть... а то пришли ко мнѣ Марусю“.

Но и Маруся не могла угодить ей. Голосъ Маруси дро-

жалъ, въ трогательныхъ мѣстахъ она всхлипывала, и вообще ея нервное чтеніе только разстраивало Евлампію Львовну и нагоняло на нее какой-то страхъ. „Точно по покойнику читаешь, —говорила она,—рыданіе у тебя въ голосѣ... Ступай, отдохни, да позови ко мнѣ ту“...

Евлампія Львовна никогда не называла по фамиліи или по имени тѣхъ лицъ, на которыхъ опалялась. Приходила торжествующая Стулова, садилась въ ногахъ кровати на низенькой скамеечкѣ и начинала своимъ загробнымъ голосомъ чтеніе. Старуха черезъ три-четыре минуты впадала въ забытье и мирно засыпала до утра. Когда же наступали уже положительно безсонныя ночи,—а онѣ наступали въ послѣднее время все чаще и чаще и преимущественно тогда, когда въ теченіе дня много было треволненій и разстройствъ,—то и унылое чтеніе Стуловой не могло помочь Евлампіи Львовнѣ. Старуха всегда знала и предчувствовала наступленіе такихъ ночей и съ трепетомъ ихъ ожидала. Въ такихъ случаяхъ Стулова обязана была просиживать ночи у кровати благодѣтельницы. Ночь тянулась длинная, тоскливая, безконечная. Говорить обѣимъ старухамъ было нечего, и онѣ только слегка и съ большими промежутками перегуливались.

„Безсонная ночь сегодня будетъ“,—входя въ комнату, подумала Стулова и остановилась на порогѣ, сладострастно смакуя картину допроса съ пристрастіемъ, который Евлампія Львовна чинила надъ провинившейся Маѳушей.

X.

Маѳуша всегда теряла самообладаніе въ присутствіи Евлампіи Львовны, и часто до такой степени, что способна была наговаривать на себя то, чего и не было.

Она стояла теперь передъ „грознымъ судьей“, опустивъ глаза и руки и отвѣчая заплетающимся языкомъ на вопросы.

— Говори, неблагодарная душа,—спрашивала ее Евлампія Львовна:—почто ты племянницу мою смущаешь? Зачѣмъ супротивъ меня настраиваешь? Дошло до меня, что шибко ты осмѣлилась и языкъ свой поганый распустила.

— Облыжно это, благодѣтельница, видитъ Богъ, облыжно,— залепетала преступница.

— Молчи!—сурово оборвала ее Евлампія Львовна.—Говори по порядку: учила ты ее меня не слушаться?

— Видитъ Богъ, не учила, вотъ чтобъ мнѣ...

— Какъ же не учила,—прервала ее Стулова,—коли ежели я сама слышала: „стой, дескать, на своемъ, ничего она тебѣ сдѣлать не сможетъ“, благодѣтельница, то-есть...

— Грѣшно вамъ право, Александра Васильевна, правда грѣшно!—суетливо заговорила Мареуша:—клеплете вы на меня не вѣсть чтò.

— А ты не суйся, коли не спрашиваютъ!—срѣзала Стулову Евлампія Львовна;—чай, не хуже тебя спросить умѣю. Говорила ты эти слова, али нѣтъ?—обратилась она къ Мареушѣ.

— Говорила, это точно, только въ другомъ смыслѣ вовсе... —заторопилась Мареуша, рѣшительно не помня, говорила ли она когда эти слова, или нѣтъ.—Евлампія Львовна! дозвольте объяснить: Марья Θедоровна дѣйствительно говорили, что боятся васъ, а я имъ доказывала, что добраго человѣка, а наипаче своего благодѣтеля, имъ бояться не слѣдуетъ... Вотъ чтò я говорила, это дѣйствительно, а болѣе я ничего не говорила...

— Болѣе ничего не говорила!—передразнила ее Стулова.— А нынче о ея родителяхъ не говорила? А о театрахъ не говорила, да о всякихъ позорищахъ?

Мареуша убѣдилась, что ее подслушали. Сердце ея мучительно забилось, и она почуяла, что на этотъ разъ ей не спастись. Даже Евлампія Львовна не оборвала на этотъ разъ доносчицу и молча, поджавъ губы и сдвинувъ брòви, ожидала отвѣта. Тогда Мареуша почувствовала, какъ что-то закипаетъ въ ея груди, какъ гнѣвъ овладѣваетъ ею и уничтожаетъ всю ея робость. Все равно, ей терять теперь нечего, ибо все потеряно, и она безсознательно рѣшила защищаться до послѣдней капли крови. Ее стараются погубить,—хорошо же, она тоже броситъ въ лицо своей обвинительницѣ такую „штуку“, отъ которой той не поздоровится.

— А что графини актерками дѣлаются—не говорила?—продолжала Стулова „уничтожать“ Мареушу.—А что въ этомъ даже и грѣха никакого нѣту—не говорила?

Евлампія Львовна сурово молчала и ждала признанія. Но такъ какъ Мареуша отъ волненія не могла заговорить сразу, то она приказала ей кратко:

— Отвѣчай!

— Это все вамъ съ пьяну показалось,—вдругъ, засверкавъ глазами, обращаясь къ Стуловой, отчетливо проговорила Мареуша. —Меньше бы водки жрали,—дрожа теперь отъ душившаго ее гнѣва, продолжала она,—меньше бы и мерещилось...

Лицо Стуловой при этомъ неожиданномъ нападеніи переко-

силось и позеленѣло. Она истерично взвизгнула и сдѣлала два шага къ Мареушѣ.

— Ахъ ты!..—завопила она, не помня себя и потерявъ всякое представленіе о мѣстѣ, гдѣ находилась.—Ахъ ты... ахъ ты!..

— Да вы, чай, и теперь пьяны...—съ холодной злобой проговорила Мареуша.

Евлампія Львовна вышла изъ пассивнаго состоянія.

— Александра!—сказала она такъ вѣско, что Стулова сразу опамятовалась. — Еще слово, и я васъ сегодня же ночью, сію минуту выгоню изъ дому...

Два врага стояли другъ противъ друга въ нерѣшительныхъ позахъ, застигнутые рѣшеніемъ Евлампіи Львовны.

— Такъ ты вотъ какъ!—заговорила наконецъ благодѣтельница, обращаясь къ Мареѣ.—Вотъ ты какія вещи въ домѣ разсказываешь! Развратъ вносишь! Тетку съ племянницей ссоришь! Старшимъ дерзишь! Ну, вотъ тебѣ мое слово. Пріютила я тебя и обогрѣла; крышу тебѣ, бездомной, дала, кусокъ тебѣ предоставила. Отъѣлась ты и обогрѣлась въ моемъ домѣ да на моихъ хлѣбахъ, такъ теперь меня отблагодарить достойно вздумала! Змѣй ты, а не дѣвка!

— Благодѣтельница!..

— Молчи! А еще благородной дѣвицей считаешься! Изъ-за благородства твоего я и сжалилась надъ тобой...

— Евлампія Львовна!..

— Молчи! А въ своемъ строгомъ домѣ я не потерплю этого. Дѣлай что̀ хочешь, а въ моемъ домѣ нѣту тебѣ воли безобразничать и другихъ, неповинныхъ людей въ свой развратъ совращать...

— Евлампія Льв...

— Молчи! И вотъ тебѣ три дня: первый на сборы, второй на пріисканіе пристанища и третій на уходъ...

— Да куда же я дѣнусь, Евлампія Львовна!—вдругъ зарыдала Мареуша.

— Молчи! Куда дѣнешься—не знаю. Да и не мое это дѣло. Въ актерки ступай, бѣса тѣшить...

— Никого у меня на всемъ свѣтѣ нѣту, одинокая я и сирая...—плакала та.

— И на выходъ тебѣ, на первое время, значить, пятнадцать рублей. А опосля этого, чтобы я имени твоего не слышала и духу твоего не почуяла! — съ олимпійскимъ спокойствіемъ продолжала Евлампія Львовна.—А тайкомъ въ домъ придешь,—въ полицію препровожу. Ступай!

— Евлампія Львовна!.. Дозвольте доложить! — начала-было Мареуша.

— Ступай! Съ Богомъ.

Мароуша повернулась и, шатаясь, двинулась къ двери. Проходя мимо Стуловой, она остановилась, засверкала на нее глазами и плюнула ей въ лицо, отчетливо выговоривъ одно слово:

— Подлая!

— Отъ подлой слышу,—отвѣтила Стулова.

Мароуша, не прибавивъ больше ни слова, вышла изъ комнаты. Евлампія Львовна окончательно разстроилась. Грозная, безсонная ночь пугала ее. За одно уже она хотѣла приструнить и Стулову, противъ которой у нея всегда оставался горькій осадокъ послѣ всѣхъ этихъ сценъ, которыя, какъ она отлично сознавала, порождались всегда злобной приживалкой и были въ ея рукахъ извѣстными козырями для игры на настроеніи благодѣтельницы. Но Евлампія Львовна во-время удержалась — безсонная ночь пугала ее теперь больше чѣмъ обыкновенно своею томительной безконечностью, своей мучительной пустотой. Стулову опасно было трогать въ такія минуты; она опять затѣетъ „уходъ", а если и не уйдетъ, то начнетъ доказывать, что огорченія отбили у нея память и она перезабыла всѣ сказки. И тогда съ упрямой женщиной ничего не подѣлаешь.

— Лягу,—усталымъ голосомъ проговорила Евлампія Львовна, — замучили... И знаю, спать вѣдь не буду. Экая напасть-то! Небось, довольна? — спросила она приживалку, укладываясь спать и кряхтя.

— Чѣмъ это, благодѣтельница?

— Какъ же,—праздникъ вѣдь для тебя.

— Какой такой праздникъ?

— Мароутку-то прогнала. Поперекъ горла она у тебя стояла.

— Ничего не поперекъ горла. Мнѣ нѣшто не все равно?

— Ну, будетъ, будетъ, Александра! — примирительнымъ тономъ сказала старуха. — Лучше садись-ко да разскажи что-нибудь позанимательнѣе. Все равно, до утра не заснуть. Разстроили меня за день.

Стулова хотѣла-было поломаться, заговорить о слабой памяти и о своихъ немощахъ, но во-время вспомнила, что доводить до крайностей старуху опасно, да и на сегодняшній день достаточно.

Поэтому она покорно усѣлась, похрустѣла пальцами, потерла лобъ, наморщилась и загробнымъ голосомъ начала какую-то длинную сказку.

Валер. Свѣтловъ.

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ

въ

ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ *).

IV.

Яркіе, жгучіе лучи солнца, пронизывая своды вѣчно зеленаго лѣса, проникали въ сумракъ тѣни и пятнами золотого свѣта ложились на землю. Лѣсъ поднимался зеленѣющими стѣнами по уступамъ протянувшихся горъ, занимая группами деревьевъ и веселыми рощами покатыя плоскости, между которыми свѣтлѣли зеленыя лужайки, въ блескѣ солнца и нарядѣ цвѣтовъ. Но чѣмъ выше, тѣмъ эти лужайки дѣлались рѣже; часто ростущія деревья представляли непроходимую чащу, и потомъ, всходя все выше и выше по высотамъ, черной, ломанной линіей рисовались вершины горъ на голубомъ фонѣ неба.

У подножія горъ, по песчаной лощинѣ, бѣжалъ ручей, извиваясь между глыбами камней и кустами олеандровъ, которые склонялись надъ нимъ своими цвѣтущими красно-розовыми вершинами, точно охраняя его отъ знойнаго свѣта. За ручьемъ песчаная лощина рѣзко кончалась: зеленыя равнины, опять возвышаясь, переходили въ холмы. Мягкими, плавными линіями шли ихъ отлогіе скаты, и далеко на блѣдно-голубомъ фонѣ горизонта

*) См. выше: сент., стр. 181.

рисовались ихъ вершины. Аллеи пальмъ то всходили на холмы, то спускались въ долины, и нескончаемая полоса ихъ стволовъ, выдѣлявшихся черточками подъ навѣсомъ сѣро-зеленаго покрова слившихся вершинъ, терялась въ тѣни ущелій.

Тишиной вѣяло отъ этой безлюдной пустыни съ ея заманчивой далью долинъ и холмовъ у подножія этихъ горъ. Сонный и знойный воздухъ, безъ малѣйшаго вѣтерка или звука, охватывалъ душу мирнымъ и яснымъ настроеніемъ.

На одномъ изъ откосовъ горы, плавно спускавшемся въ лощину, деревья образовали полукругъ большого, открытаго пространства. Надъ нимъ, точно амфитеатромъ, окружая эту природную, идущую внизъ арену, поднимался къ горамъ густой лѣсъ, едва позволяя различить деревья на высотахъ. На этомъ открытомъ пространствѣ, противъ панорамы холмовъ за ручьемъ и помѣстился станъ новыхъ поселенцевъ Бахчаръ-Итэ.

Выше всѣхъ и ближе къ лѣсу стояла большая, высокая палатка изъ двойныхъ крѣпкихъ полотнищъ, хорошо укрѣпленная на вбитыхъ кольяхъ. Въ ней помѣщался начальникъ этого „campamento“ и уже владѣлецъ Бахчаръ-Итэ, баронъ фонъ-Ванденъ съ землемѣромъ Риверо, съ уже знакомымъ намъ Перкинсомъ и слугой Гансомъ. Ниже, почти спускаясь къ ручью, расположились грязноватыя на видъ и болѣе низкія палатки рабочихъ и солдатъ; баронъ поэтому имѣлъ поселеніе у своихъ ногъ и черезъ верхи его жилищъ могъ любоваться видомъ своихъ владѣній, предаваясь мечтаніямъ о великомъ будущемъ.

Но эти мечтанія зачастую прерывались невеселыми думами о настоящемъ. Уже шелъ второй мѣсяцъ, какъ онъ перевелъ нѣсколько артелей изъ Айкъ-Итэ, парализовавъ тамъ работы, а слѣдовательно и доходъ съ нихъ. Не мало стоило ему и содержаніе лагеря, тяготила его и необходимость отчета господамъ Бромлей. Баронъ вѣрилъ въ свою звѣзду, въ возможность потомъ устроить „комбинаціи“, но видѣлъ, что на пути къ славѣ не мало терній.

Первымъ разочарованіемъ явилось устройство австралійскихъ „сэтъ-хаузовъ“, проектированныхъ Перкинсомъ. Въ его кабинетѣ въ Санъ-Педро, въ бесѣдѣ за бутылкой, построеніе ихъ, въ видѣ прочныхъ жилищъ, казалось легкимъ дѣломъ. Но не то было въ Бахчаръ-Итэ. Постановка ихъ вкопанныхъ въ землю стѣнъ была немыслима на возвышенностяхъ, по твердости горнаго грунта, а въ долинѣ, за ручьемъ, постройкамъ угрожали наводненія. Потомъ, первое время, съ непривычки къ водѣ ручья, появились

больные. Но въ общемъ покореніе Бахчаръ-Итэ совершилось почти легко.

Лагерь раскинули по усмотрѣнію барона, въ описанной нами мѣстности, не столько по эстетическимъ, сколько по военнымъ соображеніямъ: открытая со стороны долины съ верховьевъ и низовьевъ ручья, она защищалась сзади горами, которыя поднимались амфитеатромъ, образуя террасы лѣсныхъ пространствъ. Отвѣсные бока этихъ террасъ представляли почти ровныя стѣны въ пять, шесть и восемь саженъ вышины; такъ что не было возможности подкрасться къ лагерю незамѣченнымъ или спуститься съ горъ безъ помощи каната или лѣстницы. И только вверхъ по ручью эти стѣны переходили мало-по-малу въ болѣе отлогіе скаты, позволявшіе рубить лѣсъ для построекъ и спускать его неразбитымъ.

Порубка лѣса подъ командой Перкинса была первой работой въ Бахчаръ-Итэ. Баронъ съ Риверо и десятью солдатами сначала, а потомъ только съ двумя, снимали планы съ владѣній барона, первые дни вдвоемъ, а потомъ только одинъ Риверо. Планы эти затѣмъ баронъ рѣшилъ расписать и раскрасить по всѣмъ правиламъ инженерной науки.

Устроивъ лагерь, баронъ остался доволенъ выборомъ мѣстности. Въ мечтаньяхъ первыхъ дней онъ рѣшилъ—на мѣстѣ своего настоящаго холщеваго жилища построить домъ, съ балконовъ котораго откроется видъ на долины и холмы за ручьемъ. Спускающіяся аллеи, со статуями между деревьевъ, поведутъ къ ручью, черезъ который перекинется китайскій мостикъ, пестро-раскрашенной аркой, съ драконами на столбикахъ. Это будетъ мѣсто его vie intime въ Бахчаръ-Итэ, и онъ по плану уже назвалъ его „Вилла Ванденъ“. Онъ потомъ сниметъ фотографіи и съ виллы, и съ общаго пейзажа мѣстности, и, конечно, со временемъ,—можетъ быть и скоро,—онѣ будутъ воспроизведены на страницахъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Мѣсто рабочаго поселенія было отдалено отъ будущей виллы на сто саженъ вверхъ по ручью и было именно мѣстомъ индѣйскаго поселенія, отъ котораго остались только обгорѣлыя бревна.

Этотъ выборъ барона былъ тоже не менѣе удаченъ. Мѣстность представляла собой довольно возвышенное большое плато, почти ровное, которое огибалъ ручей, а лѣсъ спускался съ горъ отлогими уступами. По общему соглашенію съ Перкинсомъ и Риверо, рѣшили, что рабочіе будутъ жить въ палаткахъ „виллы“, пока на мѣстѣ пожарища не выстроятъ бревен-

чатые дома-бараки, примѣняя „австралійскую" систему тамъ, гдѣ это позволитъ грунтъ земли.

И сразу же, съ американскою прямолинейностью, начались работы и установился порядокъ лагерной жизни въ лѣсахъ. Съ утра у палатокъ дымились костры для завтрака пробудившагося люда; слышался шумный говоръ рабочей толпы, которая шла потомъ, съ Перкинсомъ во главѣ, на построеніе будущей Калифорніи. Въ „Виллѣ Ванденъ" оставался баронъ съ Риверо, и оба работали перомъ и кистью, пока Гансъ, послѣ того какъ подавалъ имъ кофе, принимался за приготовленіе имъ обѣда, въ устроенной въ нишѣ горы печкѣ, позади палатки. Солдаты-негры внизу у палатокъ чинили сѣдла, стерегли лошадей или играли въ засаленныя карты. На обязанности одного изъ нихъ лежало приготовленіе пищи для нихъ самихъ и для рабочихъ. Въ полдень возвращались рабочіе. Баронъ, Перкинсъ и Риверо обѣдали на открытомъ воздухѣ, у палатки, сидя на складныхъ стульяхъ, въ тѣни горы. Гансъ служилъ имъ какъ могъ, съ почтительной озабоченностью нѣмецкаго добраго слуги. Послѣ обѣда неизбѣжная siesta,—лагерь засыпалъ до двухъ часовъ дня, и потомъ опять работа до сумерекъ. Солнце склонялось за холмы, прямо противъ лагеря, окрашивая розовымъ свѣтомъ его палатки. Баронъ съ Риверо оставляли черченіе плановъ и спускались къ ручью, въ туфляхъ, по домашнему, купаться какъ добрые дачники. Ужинали при свѣтѣ луны и долго сидѣли въ складныхъ креслахъ, наслаждаясь тихими порывами пробѣгавшаго ночного вѣтерка. Внизу у палатокъ опять пылали костры и подъ аккорды гитары доносилась монотонная „милонга" креоловъ. Ночью, по приказанію барона, у его палатки стоялъ часовой съ ружьемъ, а внизу двое другихъ поочередно ходили между палатками, поддерживая свѣтъ костра во всю ночь.

Эти предосторожности казались совершенно излишними. Шумъ голосовъ, огни и дымъ костровъ издалека чуялись звѣрями. Что же касается до индѣйцевъ, то за все это время ни одинъ изъ поселенцевъ не встрѣтилъ ни одного изъ нихъ, не нашелъ ни малѣйшаго ихъ слѣда. Бахчаръ-Итэ казался необитаемымъ—изгнанные обитатели его исчезли безслѣдно. Это успокоило барона, и ему казалось теперь, что въ насиліи надъ индѣйцами не было ничего дурного: оно было необходимо для покоренія пустыни... Но предосторожности все-таки соблюдались, и за этимъ смотрѣлъ и баронъ, и его товарищи по палаткѣ. Вверхъ по ручью, въ лощинѣ, было огороженное пространство для му-

ловъ и быковъ. Тамъ же была и бойня для продовольствія лагеря. Всякій разъ послѣ убоя быка, ночью оттуда неслись грозныя рыканья, мычанье быковъ и топотъ бившихся муловъ и лошадей. Собаки лагеря заливались злобнымъ лаемъ, чуя враговъ, но враги эти—вѣроятно, по скученности скота,—ограничивались только захватомъ свѣже-снятой окровавленной шкуры животнаго,—какъ бы высоко ее ни повѣсили,—но не трогали скота.

Такъ прошло полтора мѣсяца. За все это время чудная погода, безоблачное небо, жаркіе дни и тихій, точно ласкающій своими порывами, нагоняя дрему, вѣтерокъ ночи.

Въ одну изъ такихъ ночей, уже близко передъ разсвѣтомъ, у палатки барона, точно съ трескомъ раздирая воздухъ, грянулъ выстрѣлъ, и эхо повесло его повтореніе по горамъ и спящимъ лѣсамъ, будя птицъ. Покорители выскочили изъ палатки съ револьверами въ рукахъ; снизу бѣжали другіе солдаты, и черезъ минуту пробудился весь лагерь, готовый отражать враговъ. Но враговъ не было. За палаткой на землѣ, у печки Ганса, копошилась какая-то черная масса, съ страннымъ хрипѣньемъ подергивая черными руками или ногами. Въ полумракѣ нельзя было разобрать, что̀ это было за существо, и одинъ изъ солдатъ сталъ бить его прикладомъ ружья. *Оно* передернулось и перестало биться. Вытащивъ его къ свѣту, передъ палаткой, увидѣли небольшого и безобиднаго въ сущности, чернаго медвѣдя. Блестяще-черная короткая шерсть его была жестка, а самъ онъ былъ вдвое меньше сѣверо-азіатскаго или европейскаго медвѣдя. Часовой замѣтилъ его на террасѣ горы, надъ палаткой. Медвѣдь смотрѣлъ на спящій внизу лагерь, и блестяще-зеленые въ темнотѣ глаза бѣдняги послужили мишенью. Солдатъ послалъ ему снизу пулю подъ лопатку, скорѣе случайно, чѣмъ собственно по прицѣлу. Товарищи, смѣясь, упрекали его въ переполохѣ изъ-за такого пустяка, но баронъ былъ доволенъ, хвалилъ мѣткость выстрѣла и бдительность часового.

— Бдительность, ребята, вотъ чего я требую отъ васъ прежде всего. Ружья даны вамъ, чтобы стрѣлять. Вы должны стрѣлять ночью *во все*, что̀ приближается къ лагерю, не разбирая! Здѣсь враги, здѣсь пустыня, и мы должны покорять ее.

Потомъ на утро онъ наградилъ солдата, купивъ шкуру его жертвы за три пэзо. Лапы медвѣдя спекли въ горячей золѣ. По вкусу онѣ были похожи на свинину.

Солдаты были довольны. Эта преторіанская черная стража барона, подъ командой чернаго же унтеръ-офицера (sargento)

Пенàчо, не особенно, однакоже, нравилась барону и производила впечатлѣніе гурьбы лѣнивыхъ негровъ-дикарей. Баронъ третировалъ ихъ по военному режиму, требуя отданія чести, „подъ козырекъ", „руки по швамъ" и т. п. Довольный ходомъ построекъ, онъ рѣшилъ заставить работать и солдатъ надъ проложеніемъ дороги въ Санъ-Педро.

Это скоро сдѣлалось его главной заботой цивилизатора, въ виду важности устройства правильнаго сообщенія съ городомъ. Его сообщенія съ Люси и маіоромъ требовали отъ трехъ до четырехъ дней верховаго пути. Лѣсныя дороги представляли собою зигзаги тропинокъ, и, при проѣздѣ его по лѣсамъ, баронъ понялъ, что онѣ должны вдвое увеличивать разстояніе. Соображеніе это подтвердилось изслѣдованіемъ плана округа. По прямому пути разстояніе отъ Бахчаръ-Итэ до города не превышало двадцати миль, т.-е. одного дня пути муламъ и отъ десяти до двѣнадцати часовъ конямъ, съ отдыхомъ на полпути для него. Взвѣсивъ все это, баронъ, окончивъ работу надъ планами, далъ начальство надъ лагеремъ Перкинсу, а самъ съ пятью солдатами, Риверо и неизбѣжнымъ Гансомъ, цѣлую недѣлю ѣздилъ по лѣсамъ, изслѣдуя мѣстность.

Въ этихъ экскурсіяхъ онъ руководился компасомъ и нашелъ прямую линію до Санъ-Педро, т.-е. самую близкую дорогу, которой не было, потому что болото заграждало путь. Оно было собственно узкое, но тянулось на цѣлыя мили длинной полосой лѣсной впадины, обѣ стороны которой при этомъ представляли непроходимую чащу. Изслѣдовавъ все это, баронъ рѣшилъ проложить дорогу черезъ чащу и *по болоту*. Дѣловой инженеръ, онъ понялъ, что о дренажѣ тутъ и думать нечего, и рѣшилъ проложить дорогу путемъ понтоновъ и свай. Приходилось рубить деревья среди топи—работа тяжелая и не безопасная: проникая въ эти чащи, онъ видѣлъ тамъ злобно рычавшихъ тапировъ, притоны ягуара, громадныхъ сукарри [1]) и не мало ядовитыхъ змѣй. Вдыханіе болотныхъ міазмовъ при работѣ для европейца было бы смертельно. А негры должны устоять...

Но у барона, какъ у человѣка, начавшаго работать среди трудностей, прежнее самомнѣніе значительно уменьшилось, и теперь онъ совѣщался съ Перкинсомъ по поводу негровъ, которыхъ онъ, Перкинсъ, не считалъ полезнымъ рабочимъ элементомъ: „казарма и готовые хлѣба деморализовали ихъ, и они лѣнивы, безобразно лѣнивы"! Баронъ допускалъ строгія мѣры.

---

[1]) Sucurry—родъ боа, живущаго по болотамъ, не меньше боа-constrictor'а.

Дорога необходима, чтобы обезпечить постоянное и возможно скорое сообщеніе основывающагося поселенія съ городомъ; она является и административной, и жизненной потребностью—это ясно! И ее надо проводить, не теряя ни дня больше, имѣя въ виду близость дождей. Какъ инженеръ, онъ увѣренъ, что съ десяткомъ солдатъ понтоны будутъ наведены въ нѣсколько дней, а остальная часть работы состоитъ только въ просѣкѣ. Самое трудное и опасное уже сдѣлано,—останавливаться и колебаться нечего. Докончивъ постройки и основавъ артели, надо заняться анализомъ мѣстныхъ горныхъ породъ и проекціей „разрѣзовъ".

Отъ негровъ баронъ, неожиданно для Перкинса, перешелъ къ разговору о сеньорѣ Риверо. Разговоръ происходилъ тотчасъ же по пріѣздѣ барона изъ его лѣсныхъ экскурсій на мѣсто построекъ и въ отсутствіе остававшагося въ лагерѣ Риверо. Баронъ сообщилъ, что, по пріѣздѣ ихъ въ Санъ-Педро, Риверо оставляетъ государственную службу и опредѣляется директоромъ работъ въ „Виллѣ Ванденъ". Человѣкъ онъ трудящійся, съ семьей на шеѣ. Баронъ даетъ ему хорошее содержаніе, и, конечно, въ будущемъ онъ болѣе обезпеченъ, завися отъ барона, а не отъ измѣнчиваго республиканскаго правительства. Проектъ этотъ Перкинсъ одобрилъ, и повидимому искренно, хотя въ то же время сеньоръ Самуэль Риверо едва ли былъ ему симпатиченъ. Португалецъ по происхожденію, Риверо долго жилъ въ Бразиліи и управлялъ тамъ плантаціями,—такъ что съумѣетъ поставить себя хорошо съ рабочими,—это главное.

Выборъ былъ дѣйствительно удаченъ. Синьоръ Риверо бился съ жизнью за существованіе свое и семьи. Какъ землемѣръ, онъ получалъ отъ правительства ничтожное содержаніе, ибо имѣлись въ виду проценты при его работахъ по межеванію; но этихъ работъ почти не было, и бѣднякъ, ожидая ихъ, жилъ впроголодь съ женой-креолкой и тремя дѣтьми. По наружности это былъ типъ неудачника, лѣтъ тридцати, тщедушный и невзрачный на видъ, сумрачный, мало говорившій, съ черной эспаньолкой и почти такими же „треугольными" бровями, черноглазый и смуглый. При сдержанности манеръ и разговора, въ немъ чувствовалось, однакоже, затаенная энергія бывалаго человѣка. Въ то же время онъ хорошо зналъ страну, а на лѣсныхъ бивуакахъ былъ какъ дома. Нравственная физіономія его не вполнѣ поддавалась обрисовкѣ, и на первое время онъ казался безъ убѣжденій и безъ склада. Поэзія, искусство, политика, философія... все это хорошо, конечно, но надо прежде всего добыть деньги, сдѣлать себѣ положеніе, отстранять затруд-

ненія... Онъ соглашался, напримѣръ, что Аполлонъ Бельведерскій будетъ дороже печной посудины для проваичной похлёбки, не спорилъ,—но въ этой уступкѣ сквозила затаенная мысль найти глупца-покупателя для этого мраморнаго бога, и тогда съ деньгами въ печи появится и что-нибудь получше простой похлёбки. Но, конечно, спорить объ этомъ не стоитъ. Да и вообще не стоитъ спорить: люди вѣрятъ обыкновенно тому, во что имъ *хочется* вѣрить... А это „*хочется*" зависитъ отъ наклонностей, характера и самой жизни, такъ что истина тутъ ни при чемъ. Въ Бразиліи онъ слышалъ и слушалъ пасторовъ-методистовъ. Они изъ кожи лѣзли вонъ, доказывая свою „истину". Говорили хорошо, но и сбирали тоже не дурно... И нельзя осуждать ихъ за это: это было ихъ ремесло, они этимъ жили. Но потомъ нѣкоторые изъ нихъ, собравъ деньги (проповѣдями наизусть), оставили „истину" и принялись за скупку кофе и хлопка. И забыли „истину"!

Разсуждая о Риверо, баронъ и Перкинсъ прибыли въ лагерь, гдѣ застали его пришивающимъ пуговицы къ своему длинному парусинному пальто, сидя на складной кровати въ палаткѣ.

Ужинали въ палаткѣ. Столъ чертежниковъ, т.-е. просто доски на деревянныхъ козлахъ, былъ недурно сервированъ, и красный свѣтъ лампы изъ-подъ большого абажура освѣщалъ серебро, безукоризненно чистые тарелки и стаканы. Салфетки и скатерть были сомнительной чистоты, а самое „menu" ужина было бѣдновато и состояло изъ жаренаго на вертелѣ мяса и почекъ быка, изъ вареного картофеля и жареной же какой-то длинноногой птицы съ страннымъ запахомъ не то смолы, не то мускуса. По словамъ барона, убившаго ее, она была гораздо красивѣе въ лѣсу на деревѣ, а на блюдѣ имѣла весьма непривлекательный видъ. Пирожное замѣняли плоды „черемойя" (cheremoya) и небольшіе лѣсные ананасы. „Черемойя"—роскошный по вкусу и запаху плодъ—напоминаетъ наше яблоко, но темно-фіолетоваго, почти чернаго цвѣта. Бѣлая сочная мякоть, съ твердыми косточками, сладкая, напоминающая кремъ, пахнетъ ванилью. Такіе плоды не только не утоляютъ жажды, но скорѣе возбуждаютъ ее. Отъ избытка сахаристыхъ началъ, по скорости броженія, они не поддаются сохраненію и не достигаютъ Европы. Ананасы были роскошными и по аромату, и по вкусу. Въ винѣ не было недостатка, хотя оно было и теплымъ, и кислымъ уже.

Но цивилизаторы, точно по взаимному соглашенію, старались поддерживать хорошее расположеніе духа и ѣли, и пили отлично. Лучше всѣхъ чувствовалъ себя баронъ, понимая, что еще не-

много — и онъ уже безъ малѣйшаго для себя риска и неудобства, будетъ управлять созданнымъ имъ поселеніемъ, привлекая къ нему новыя силы, организуя факторію и развивая ея дѣятельность. Заговорили о колонизаціи этихъ пустынь, о будущемъ „Виллы Ванденъ", пока только означенной на планѣ. Баронъ подливалъ вина собесѣдникамъ. Риверо, обыкновенно молчаливый, вдругъ заговорилъ о дорогѣ черезъ болото, и баронъ отвѣчалъ ему въ совершенно дружескомъ тонѣ. Дорога будетъ проложена во что̀ бы то ни стало и скоро. Онъ понимаетъ семейное положеніе своего будущаго управителя, и, конечно, не оставитъ его съ семьей отрѣзаннымъ отъ міра въ этихъ лѣсахъ. Кончили ужинъ, рѣшивъ ускорить работы, чтобы успѣть убраться до дождей.

Въ палаткѣ было душно, и собесѣдники не безъ удовольствія оставили ее и расположились на открытомъ воздухѣ, въ складныхъ креслахъ, съ сигарами въ зубахъ. Ночь была темная, безлунная, съ миріадами звѣздъ и свѣтившимися полосами „млечнаго пути" на темномъ, почти черномъ небѣ. Несмотря на возвышенное положеніе, въ воздухѣ чувствовался удушливый зной, не прекратившійся съ закатомъ солнца. Риверо объяснялъ это близостью дождей и началомъ бурь передъ ними. Это опять навело разговоръ о дорогѣ. Риверо сказалъ, что надо ждать воды съ новолуніемъ. Перкинсъ ручался закончить постройки въ семь или восемь дней, и тогда можно будетъ, не разъединяя силъ ихъ лагеря, всѣмъ имъ приняться за дорогу. Но это не понравилось ни Риверо, ни барону. Дожди близки и могутъ остановить работы въ низкихъ мѣстностяхъ, неудобныхъ даже и теперь.

И точно желая удовлетворить Риверо и кончить разсужденія о дорогѣ, баронъ вынулъ изъ кармана свистокъ и рѣзко свистнулъ два раза. Снизу, изъ лагеря, изъ освѣщеннаго пространства костровъ, поднялась и пошла къ палаткѣ большая черная фигура. Въ двухъ шагахъ отъ сидѣвшихъ она остановилась, вытянувшись по-солдатски. Это былъ сержантъ Пена̀чо, высокій, сильно сложенный негръ, безбородый и съ довольно звѣрскимъ лицомъ. Баронъ, смотря куда-то въ сторону, медленно-важно спросилъ его, всѣ ли здоровы въ его отрядѣ.

— Всѣ, сеньоръ лейтенантъ! — хриплымъ басомъ отрапортовалъ Пена́чо, съ рукой у кепи.

— Хорошо. Опусти руку. Завтра съ утра ты отдѣлишь по своему усмотрѣнію десять человѣкъ, — наиболѣе понятливыхъ... Мнѣ и сеньору Риверо лошадей. Ты останешься, а они поѣдутъ съ нами, конечно вооруженными. Пусть возьмутъ восемь топо-

ровъ и четыре лопаты. Понялъ? Топоровъ восемь, а лопатъ четыре. Понялъ?

— Понялъ, сеньоръ. А насчетъ продовольствія?

— А-а... Да... Ты правъ. Котловъ не надо. Но мяса пусть возьмутъ на день. Понимаешь?

— Понимаю, мой лейтенантъ (mi teniente). Часового еще не прикажете поставить?

— Нѣтъ еще. Пусть подождетъ. Я дамъ сигналъ. Ступай.

Пожелавъ своимъ начальникамъ доброй ночи, Пенáчо отправился къ кострамъ, а баронъ приказалъ Гансу подать лимонаду. Оказалось, что благодѣтельнаго напитка осталось не болѣе пяти бутылокъ. Керосинъ, спички, сахаръ, мыло и т. п., все это было на исходѣ. Смѣясь надъ страхами Ганса остаться на индѣйскомъ положеніи, собесѣдники пили лимонадъ, находя его превосходнымъ отъ одной мысли, что его осталось уже мало. Вслѣдъ затѣмъ Риверо и Перкинсъ отправились спать, а баронъ остался въ креслѣ со своими думами. Желая лучше предаться этимъ думамъ, баронъ сѣлъ спиной къ лагерю, повернувъ кресло.

На завтра онъ ждалъ возвращенія „нарочнаго“ съ бумагами отъ маіора и письмомъ отъ Люси... Ихъ разлукѣ приходитъ конецъ. Баронъ думалъ объ этомъ не безъ наслажденія, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что съ представленіемъ о Люси у него являлось представленіе о лучшей жизни, среди комфорта и удобствъ, которые онъ такъ цѣнилъ. А она являлась какъ что-то пріятно дополняющее эту жизнь. Въ письмахъ къ ней онъ всегда что-нибудь совѣтовалъ о домѣ, о садѣ, о ея здоровьѣ. Его предположеніе о томъ, что они *могутъ быть трое*,—къ его досадѣ, такъ и осталось предположеніемъ: на вопросъ объ этомъ, при всей деликатности его формы, Люси разсердилась и не хотѣла отвѣтить. Въ то же время, мысль о сынѣ давала ему пріятныя ощущенія. Но и въ своихъ письмахъ на этотъ счетъ Люси была нѣма, и ея манеру писать теперь вспомнилъ все только практически понимавшій баронъ. Писала она точно только отвѣчая, принужденно-холодно; въ ея письмахъ чувствовалась неуклюжесть слога не знающаго что̀ сказать человѣка. При этомъ ни разу не спросила она о его возвращеніи, не просила ускорить его. Баронъ объяснялъ это ея раздраженіемъ. Передъ отъѣздомъ онъ выпивалъ, несмотря на ея неудовольствіе. Въ его сборахъ и въ самой опасности предпріятія онъ забывалъ о ней, о ея любви женщины. „Вотъ что̀ оскорбило ее, и она пожалуй права, какъ женщина“.

Но все это, конечно, благодаря этому проходимцу, этому Нисахъ-Керру́.

Мысль барона со злобой остановилась на индѣйцѣ, но теперь къ этой злобѣ примѣшалось и гордое пренебреженіе цивилизатора, сознающаго свою силу. Индѣецъ оказался совсѣмъ не такимъ опаснымъ, и разъ увидѣвъ, что его не боятся, онъ исчезъ со своими „керру́“. Теперь это уже ясно. Онъ давно могъ напасть, устроить побоище, отрѣзать имъ дорогу для провіанта, мѣшать строить. Но какъ и всѣ колдуны, этотъ индѣйскій принцъ просто обманываетъ и лжетъ. Бахчаръ-Итэ оказалось не въ Бразиліи и гораздо ближе. Теперь бояться уже нечего. Бараки хорошо устроены, и Риверо, изъ собственныхъ видовъ и выгодъ, съумѣетъ охранить поселеніе. Побѣда надъ пустыней совершена и надо идти впередъ. Впередъ!..

„А сколько было пережито тревогъ и страха!“—сознался онъ передъ самимъ собою, и ему припомнился призракъ индѣйца въ павильонѣ. Хорошо, что никто не знаетъ объ этой глупости... Конечно, призракъ существовалъ только въ его воображеніи: онъ порядочно выпилъ и призракъ былъ дѣломъ его настроенія.

Но тутъ же припомнилось ему, что призракъ *говорилъ*, угрожалъ... Конечно, это тоже была иллюзія... акустическая. И доказательствомъ *нереальности* явленія служитъ то, что, понимая и помня слова угрозы, ихъ значеніе, ихъ смыслъ, онъ не знаетъ, на какомъ языкѣ эти слова были сказаны. По-нѣмецки? По-испански? Рѣшительно не знаетъ! И, конечно, потому, что призраки, къ счастью, говорить не могутъ, когда ими не занимаются гг. спириты и тому подобный праздный людъ.

И, безсознательно для себя, баронъ старался сохранить въ себѣ это настроеніе отрицанія. Но это настроеніе слабѣло, и скоро призракъ началъ казаться ему чѣмъ-то *обособленнымъ* отъ него самого... И онъ останавливался на этой мысли съ досадой и тревогой, которую *хотѣлъ не сознавать*. Новая фаза мышленія явилась у него, частью изъ желанія обвинить ненавистнаго ему индѣйца, и частью отъ проскользнувшаго въ журналы случая какой-то *телепатіи*, или чего-то въ родѣ этого. Случай былъ помѣщенъ какъ „курьёзъ“ подъ заглавіемъ: „Дѣло гг. спиритовъ“, и сообщалъ о нѣкоемъ офицерѣ, появившемся съ угрозой застрѣлиться своему строгому командиру, державшему его подъ арестомъ. Баронъ рѣшилъ теперь внимательно прочесть этотъ „курьёзъ“, понимая, что для карьеры, для дѣла, нельзя совершенно игнорировать здѣсь эти вещи. Ему припоминалось

теперь, что въ одинъ изъ воскресныхъ дней, онъ засталъ свободнаго отъ работъ Перкинса за чтеніемъ „The book of the Master“ и какого-то журнала, подъ названіемъ „Light“ (свѣтъ), трактовавшаго о душахъ и т. п. Странно тутъ не то, что такія вещи печатаются, а то, что ихъ читаетъ такая умная, дѣловая крыса, какъ этотъ Перкинсъ! Да и вообще въ Америкѣ, въ обществѣ и въ прессѣ, онъ неясно, но какъ-то постоянно-навойливо слышитъ о спиритахъ, ихъ конференціяхъ, обществахъ и т. п. И въ ихъ кудахтаньяхъ слышно торжество успѣха!

Все это, конечно, только новая манера „de gagner le pain sans trop de peine“ (зарабатывать хлѣбъ безъ большого труда), не больше. Потому что всѣ эти спириты, при всемъ своемъ общеніи съ дýхами, заставляютъ не духовъ, а простыхъ смертныхъ платить за ихъ публикаціи и изданіе. Въ этомъ отношеніи они далеки отъ неба, но вѣдь *здѣсь* это понимаютъ не всѣ. Оттого ихъ здѣсь и больше. И съ запрокинутой назадъ головой онъ смотрѣлъ на поднимавшіяся передъ нимъ громады горъ, съ ихъ безмолвными, спавшими во тьмѣ, лѣсами. Черная ломанная линія вершинъ неясно различалась на фонѣ ночного неба. Глухіе, печальные крики совъ проносились надъ лѣсами, точно перекликаясь между собою. Большія летучія мыши безшумно летали надъ палаткой, ловя свѣтящихся въ воздухѣ насѣкомыхъ. Сзади него стихалъ говоръ лагеря, а изъ палатки доносился храпъ спящаго Перкинса. Отъ настоящаго его мысли перенеслись на будущее, въ воображеніи возставала природа Германіи, и ему припомнилось Гётевское:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной.
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.

„Нѣтъ, здѣсь не то! — пронеслось у него въ умѣ. — *Тамъ* эта „тьма ночная“ полна грёзъ... мира... А здѣсь въ ней чувствуется опасность, борьба. Какой-нибудь шалопай найдетъ поэзію и здѣсь, но... увѣрившись прежде всего въ цѣлости своей шкуры и въ спокойствіи насчетъ желудка“...

Онъ вдругъ выпрямился, продолжая сидѣть, и затѣмъ всталъ съ кресла, вглядываясь. Прямо передъ нимъ и почти подъ черной линіей горныхъ вершинъ, т.-е. далеко на высотахъ, онъ увидѣлъ свѣтлое оранжевое пятно. Пятно свѣта, видное въ темнотѣ. Оно казалось неподвижнымъ и то меркло, почти исчезало, то свѣтилось опять. Баронъ не зналъ, чему приписать это явле-

ніе, и сперва объяснилъ его атмосферическими вліяніями. Но оно было неподвижно. Принеся изъ палатки бинокль, онъ долго наблюдалъ его, и, наконецъ, увидѣлъ, что по этому оранжевому пятну свѣта проходили, заслоняя его, темныя, тянувшіяся полосы. Онѣ-то и уменьшали его свѣтъ.

„Дымъ!—подумалъ баронъ.—Значитъ, тамъ, на этихъ высотахъ, есть огонь? Можетъ быть, это открывающійся вулканъ?! Отраженіе жерла?! Но этому предшествовалъ бы подземный гулъ, землетрясеніе. Ничего этого не было. Не можетъ, однако, быть, чтобы это были *они*, эти „керру́“. Огонь костра былъ бы другимъ; съ такого разстоянія, черезъ слой воздуха онъ казался бы красной огненной точкой, въ родѣ конца зажженной папиросы, что-ли. Онъ припомнилъ огни на военныхъ бивуакахъ и маневрахъ въ Германіи, и это свѣтящееся пятно казалось ему необъяснимымъ. Наблюдая его опять въ бинокль, онъ ясно видѣлъ тянувшійся дымъ. Значитъ, былъ огонь. Но огонь непонятно-странный! И послѣ небольшого раздумья, онъ тихо свистнулъ два раза. Появившійся Пена́чо, уже заспанный и босикомъ, объяснилъ, что свѣтъ этотъ происходилъ отъ костра индѣйцевъ, но что это костеръ тайный, или „fuego de guardia“.

— Что же это за тайный костеръ? — недоумѣвалъ баронъ.

Полудикій Пенàчо объяснилъ европейцу-цивилизатору пріемъ скрытія огня. Для этого надо развести его въ ямѣ съ болѣе низкой, подвѣтренной стороны, и чѣмъ она глубже, тѣмъ это лучше. Отраженіе идетъ кверху, но оно почти незамѣтно и въ десяти шагахъ, тогда какъ пламя видно очень далеко. По словамъ Пенàчо, индѣйцы въ войнахъ между собою и съ бѣлыми отлично умѣютъ скрывать свой лагерь, но теперь отраженіе ихъ костра видно по безвѣтренности и еще потому, что углубленіе неглубоко, по твердости грунта. Но *они* должны хорошо видѣть лагерь барона.

— А какъ далеко они будутъ отъ насъ? — спросилъ баронъ.

Пена́чо не умѣлъ объяснить этого по разстоянію, но по времени онъ думалъ, что индѣйцы могутъ спуститься къ нимъ въ полчаса. Но, конечно, они не спустятся: погромъ слишкомъ напугалъ ихъ. Ни баронъ, ни маіоръ не знаютъ его подробностей. На вопросы барона по этому поводу и на его обѣщанія „не разсердиться“, Пена́чо сообщилъ, что санъ-педровскій отрядъ, подъ командой нѣкоего мулата Сильвіо да-Барво, выселяя индѣйцевъ огнемъ и мечемъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіяхъ побѣдителей: женщинъ *потомъ* вернули индѣйцамъ, но двухъ дѣ-

вушекъ такъ и оставили въ городѣ, потому что онѣ были совсѣмъ еще молоденькія и красивыя.

Разсказъ этотъ возмутилъ и практическаго барона. „Скоты, звѣри!“—думалъ онъ, но молчалъ; показать свое отвращеніе къ этому скотскому насилію, заронить въ душу негра искру божію, цивилизаторъ не подумалъ. Для этого онъ былъ слишкомъ великимъ человѣкомъ, да и это „выселеніе“ затѣялъ онъ же самъ.

— И что̀ же эти дѣвушки... Онѣ сопротивлялись?—спросилъ, однакоже, баронъ.

Пенàчо выпучилъ глаза, не сразу понявъ вопросъ. Потомъ его ротъ растянулся улыбкой пасти.

— Разумѣется, онѣ сопротивлялись. Вырывались, пищали, прятались за деревья. Обѣ были молоденькія и обнаженныя. Но ихъ поймали. *Потомъ* ихъ связали руками, т.-е. руки одной съ руками другой, чтобы не убѣжали. Это было необходимо. Но бить ихъ—не били. Это правда.

— Понимаю. Скоты вы дикіе... Ну, а раненые были?

Оказалось, что были, хотя индѣйцы почти не сопротивлялись. Съ ними не было ихъ колдуна, Нисахъ-Керрý. А то они бились бы до смерти; потому что они очень уважаютъ его и вѣрятъ.

— Они? Гм... Ну, а ты, что̀ о немъ думаешь?

— Я... я... ничего. Я съ нимъ дѣла не имѣю.

— Конечно. Но я спрашиваю, вѣришь ли и ты въ его колдовство?

Этотъ вопросъ Пенáчо понялъ тоже не сразу. Безсиліе мысли и суевѣрное почтеніе къ колдуну мѣшали ему остановиться надъ изслѣдованіемъ его колдовства; но оно было для него несомнѣнно, потому что очевидно; такъ что негру казалось невѣроятнымъ не колдовство индѣйца, а непризнаніе барономъ этого колдовства удивляло его.

Баронъ это понялъ изъ своего діалога съ Пенàчо, и такая убѣжденность озлобила его потому именно, что въ Пенàчо онъ видѣлъ не единицу, а типъ среды, въ которой Нисахъ-Керрý являлся силой. Пенàчо на этотъ счетъ сказалъ больше, чѣмъ въ сущности хотѣлъ, какъ разболтавшійся дикарь, и резюмé его болтовни было то, что Нисахъ-Керрý хотя и колдунъ, но при этомъ полезный для бѣдноты, любимый ею и популярный. Еще немного, и онъ бы сказалъ, что и онъ любитъ его!

Баронъ рѣшилъ изслѣдовать... На разспросы его о *фактахъ* колдовства, Пенàчо, конечно, могъ бы говорить до самаго разсвѣта. Но баронъ требовалъ фактовъ, видѣнныхъ имъ самимъ, и

Пенàчо сообщилъ слѣдующее. Нисахъ-Керрý хотѣлъ пройти къ больнымъ арестантамъ, не слушая запрещенія солдатъ. Часовой ударилъ его прикладомъ въ грудь. Индѣецъ протянулъ передъ нимъ руку, и солдатъ упалъ плашмя съ ружьемъ на землю, лицомъ внизъ. Видя это, другой солдатъ, по приказанію Пенàчо, бросился на индѣйца съ ружьемъ „на перевѣсъ" и всякаго другого прокололъ бы штыкомъ насквозь, но тутъ и ему не удалось: вмѣстѣ съ ружьемъ онъ ткнулся въ стѣну и, упавъ, разбилъ себѣ носъ до крови. А индѣецъ прошелъ. Послѣ этого его уже не трогали, и онъ не слушался никого, даже и маіора. Другой случай. Индѣйцамъ запрещается оружіе. Караульный офицеръ казармы остановилъ по поводу этого Нисахъ-Керрý и, разсердясь, сбилъ съ него шляпу. Индѣецъ на это сбилъ его кепи. Тогда офицеръ вынулъ револьверъ и сталъ въ него стрѣлять, выстрѣлъ за выстрѣломъ, всѣ шесть зарядовъ,—и не только его не убилъ, но и раны не нанесъ, потому что всѣ шесть пуль оказались на землѣ, а индѣецъ ушелъ, смѣясь.

Баронъ слушалъ все это, блѣднѣя, не садясь, съ биноклемъ въ рукѣ, смотря вверхъ, думая, что тамъ, на этихъ высотахъ, враги, наблюдая за нимъ, можетъ быть, готовятъ нападеніе. Холодная злоба и тревога давили ему душу, но гордость цивилизатора заставила его скрывать свои ощущенія. Повернувъ опять кресло къ лагерю, онъ сѣлъ, повидимому спокойный, передъ стоявшимъ Пенàчо.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что сообщилъ это мнѣ, твоему начальнику. Начальникъ все долженъ знать. Потомъ, можетъ быть, узнаешь и наше колдовство... Ты телефонъ знаешь?

— Знаю, сеньоръ.

— Знаешь? Гдѣ же ты его видѣлъ?

— Въ Курумбѣ, въ прошломъ году. Но только онъ потомъ скоро умеръ.

— Телефонъ-то умеръ? Да чтò же это по твоему?

— А онъ былъ бразильскій генералъ при обмѣнѣ рекрутовъ на границѣ, сеньоръ.

— Гм... вотъ чтò!.. Ну, видишь ли, въ телефонѣ нѣтъ ничего ни генеральскаго, ни бразильскаго. Я хотѣлъ тебѣ этимъ сказать, что у бѣлыхъ есть тоже колдовство... И пожалуй страшнѣе. Но это потомъ, а теперь ты долженъ знать, что твой Нисахъ-Керрý просто плутъ. Ты его можешь бояться, но ты всетаки и меня долженъ бояться, потому что съ колдовствомъ или безъ колдовства, а я тебя дугой согну одной моей строкой на бумагѣ. Понялъ? И я тебѣ приказываю, строго,—и тебѣ, и всей

твоей черной сволочи (canalla negra)—при первомъ его приближеніи посылать ему пулю. И цѣлиться хорошо. И увидишь, что онъ свалится. Понялъ?

Пенàчо угрюмо молчалъ.

— Понялъ ли ты, чтò я тебѣ приказываю?—сдерживая раздраженіе, спросилъ баронъ.

— Понялъ, сеньоръ, но только онъ не будетъ...

И не докончивъ, онъ точно присѣлъ на растопыренныхъ ногахъ и разставивъ руки...

Внизу у костровъ вдругъ грянулъ выстрѣлъ, потомъ раздались голоса переполоха. Слышно было, какъ стая собакъ съ бѣшенымъ лаемъ неслась по лощинѣ внизъ по ручью. Потомъ эта гамма ихъ лая сразу пресѣклась, точно оборвалась... У костровъ раздались голоса ругавшихся людей и смѣхъ. Баронъ, по первому побужденію, схватился за револьверъ у пояса и остановился въ этомъ движеніи, слушая басъ ругавшагося Пенáчо, быстро сбѣжавшаго къ кострамъ.

— Вѣроятно опять какого-нибудь медвѣженка застрѣлили?—раздался изъ палатки недовольный голосъ разбуженнаго Перкинса.—Негры какъ дѣти—великіе охотники до стрѣльбы и шума.

— Да, это вѣрно. Но странно, какъ вдругъ замолчали собаки!—сказалъ и Риверо.

— Мы это сейчасъ узнаемъ,—сказалъ баронъ и, сѣвъ въ кресло, далъ два сигнальныхъ свистка.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Пенàчо, къ сидѣвшему барону подошелъ и почтительно остановился, снявъ шляпу, „нарочный“ изъ рабочихъ, котораго онъ ждалъ только на слѣдующій день съ письмами и грузомъ изъ Санъ-Педро. Пожелавъ барону доброй ночи, онъ объяснилъ,—подавая барону запечатанный пакетъ,—что и синьора Люсія торопила его ѣхать по совѣту святыхъ отцовъ (santos padres).

— Чтò ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ озадаченный баронъ.

— Ваша супруга приказала мнѣ торопиться, потому что они такъ ей сказали, сеньоръ.

— То-есть, кто же это „они“?—не отставалъ, не понимая, баронъ, съ пакетомъ въ рукахъ.

— Святые отцы, сеньоръ.

— Да ты пьянъ, что-ли? Чтò значитъ: „святые отцы совѣтовали“ моей сеньорѣ?..

Въ палаткѣ раздавался смѣхъ. „Нарочный“—креолъ—злобно смотрѣлъ на барона.

— Ихъ было двое, сеньоръ. Я вчера ихъ самъ видѣлъ,— отвѣчалъ малый.

— Zum Teufel... Wildes Land!—выругался баронъ и обернулся къ палаткѣ: Господà, что̀ это значитъ: „святые отцы“?

— Это вѣроятно францисканцы-миссіонеры; другихъ здѣсь нѣтъ,— смѣясь, отвѣчалъ Риверо.

— А... а, да... Вотъ что̀!.. Мы это сейчасъ узнаемъ.—Ну, а грузъ привезъ?

Груза не оказалось. Сеньора торопила ѣхать, прося для груза, на завтра, другого „если ужъ нельзя обойтись“. Значитъ, было что-то серьезное! Баронъ отпустилъ малаго, приказавъ Пена̀чо на завтра отправить другого „нарочнаго“, а главное—не забыть его приказанія.

Смутно предчувствуя что-то непріятное, можетъ быть опасное, въ этой торопливости Люси, баронъ не вошелъ въ палатку, точно избѣгая товарищей. Приказавъ Гансу прибавить огня въ лампѣ и подвинувъ кресло къ открытому полотнищу палатки, онъ разорвалъ пакетъ и нашелъ въ немъ письма отъ Бромлеевъ, маіора и Люси. Начавъ читать это послѣднее, онъ чувствовалъ, что отъ волненія по бумагѣ проносятся пятна. Къ ея письму было приложено письмо настоятеля францисканской миссіи, отца Патриціо, и первое время возбужденное состояніе барона мѣшало ему читать сознательно.

Люси писала ему, что къ нимъ въ домъ пришелъ Нисахъ-Керру̀, и она должна была принять его. Онъ говорилъ страшныя вещи о разрушеніи индѣйскаго поселенія и звѣрствѣ негровъ, въ чемъ и винилъ маіора и его, барона. Онъ пришелъ предупредить, что оба они погибнутъ, если не оставятъ Бахчаръ-Итэ, что баронъ не создастъ ничего тамъ, гдѣ жили его жертвы. Онъ, Нисахъ-Керру̀, клянется именемъ Великаго Духа въ томъ, что не дастъ торжествовать бѣлымъ, что Бахчаръ-Итэ будетъ ихъ могилой, если они не оставятъ его. Она торопится сообщить это барону, умоляя его вернуться въ Санъ-Педро, а дѣло устроить потомъ по соглашенію съ индѣйцами. Она увѣрена, что они подготовляютъ страшное дѣло, потому что такъ же думаетъ и отецъ Патриціо, пріѣхавшій предупредить ее, и по ея просьбамъ онъ согласился написать барону, взявъ съ нея обѣщаніе, что письмо его баронъ не передастъ начальству, для большаго давленія на индѣйцевъ. Она увѣрена въ несчастіи. Помимо клятвъ Нисахъ-Керру̀ и предупрежденія отца Патриціо, она видѣла ужасный сонъ, или, лучше сказать, „видѣніе“ смерти всѣхъ ихъ. Сперва она видѣла всѣхъ ихъ и ихъ палатки лагеря,

какъ будто днемъ... (При этомъ описала мѣстность). А потомъ свѣтъ потухъ и черная темнота какъ будто все окутала... Пріучивъ къ ней мало-по-малу свое зрѣніе, она видѣла, „какъ бились, поднимаясь кверху за твоей палаткой, люди, и страшный шумъ заглушалъ все"... Послѣ этого видѣнія, которое она имѣла днемъ, задремавъ въ павильонѣ, она и рѣшила—не посылая провизіи, послать „нарочнаго" немедленно же. Кончала она письмо опять мольбами о возвращеніи.

Письмо отца Патриціо по стилю было совсѣмъ другимъ. Показывая обдуманность выраженій, оно было скупо на сообщенія чего-либо, точно отецъ Патриціо говорилъ не все или гораздо меньше того, что̀ зналъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ сообщалъ онъ о поступкахъ негровъ,—„поступкахъ, конечно, совершенно неизвѣстныхъ ни вамъ, ни достойному маіору Кортэсу и просвѣщенному (ilustrado) правительству Боливіи". Онъ считалъ необходимымъ успокоить возбужденіе индѣйцевъ, возвратить отнятыхъ индіанокъ, возстановить право семьи, удовлетворить и успокоить обиженныхъ.

И ни слова—объ опасностяхъ или угрозахъ... Конечно, потому что онѣ уже безсмысленны. Погубить всѣхъ ихъ, сдѣлать Бахчаръ-Итэ ихъ могилой... Но что̀ онъ собственно можетъ сдѣлать для этого, не рѣшаясь напасть?—Динамитомъ обрушить на нихъ горы? Но для этого надо и громадныя деньги, и знаніе. Очевидно, безсильный для борьбы, онъ ставитъ преграды путемъ интригъ съ монахами и пугая Люси. Но онъ успѣлъ только въ послѣднемъ, т.-е. онъ напугалъ Люси, и до того, что она видѣла несуществовавшее видѣніе темноты и какихъ-то *поднимавшихся* кверху людей. Но это поднятіе именно за его палаткой—*по почти прямой стѣнѣ* горной террасы—невозможно и показываетъ, что она не видѣла мѣстности, а знала ее смутно изъ разсказовъ „нарочныхъ", не больше!

Этотъ новый пріемъ индѣйца въ сущности не новъ: онъ не идетъ дальше угрозъ! Но оба эти письма до того овладѣли барономъ, что онъ не хотѣлъ читать другія, чувствуя потребность „разобраться" и обсудить важность ихъ, ихъ серьезность по участію въ дѣлѣ отца Патриціо. Надо запретить Люси принимать индѣйца и слушать его угрозы. И, конечно, скрыть ихъ отъ товарищей, не смутить ихъ и Риверо. Не вставая съ кресла, онъ спросилъ ихъ объ отцѣ Патриціо. Риверо, оказалось, зналъ его уже давно.

— Это очень образованный человѣкъ. Кажется, онъ русскій.

Онъ устроилъ здѣсь миссію и очень популяренъ между индѣйцами.—А позвольте узнать, что̀ онъ отъ насъ желаетъ?

— А онъ, видите ли, жалуется на выселеніе индѣйцевъ. Но ничего особеннаго не проситъ,—замялся баронъ, не ожидавшій этого вопроса.—Пишетъ хорошо, но не хороши его пріемы.

— Что̀ же это за пріемы?—сухимъ тономъ спросилъ, вмѣшавшись, Перкинсъ.

— Безтактные... Жалуясь на эту „Трою", въ которой тоже не обошлось безъ Елены, онъ могъ бы, какъ образованный человѣкъ, не мѣшать въ эти гадости мою интимную жизнь,—согласитесь! Могъ бы пріѣхать сюда, объясниться лично... А вмѣсто этого онъ напугалъ Люси, которая, благодаря ему, воображаетъ, что мы тутъ живемъ среди битвъ и сраженій! Вотъ что̀ мнѣ досадно.

— Гм... Знаете, баронъ, я думаю, что напугалъ онъ вашу супругу вопреки своему желанію. Я въ этомъ увѣренъ. Въ сношеніяхъ же его съ вами черезъ нее, я вижу, напротивъ, глубокій тактъ... разсчетъ.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?—ледянымъ тономъ спросилъ баронъ.

— Вы это поймете, глядя шире... обнимая большіе интересы личностей. Надо знать условія его жизни и дѣятельности. Онъ не имѣетъ опоры здѣшняго либеральнаго—на словахъ!—правительственнаго міра, и ораторы Чукизаки ему скорѣе враждебны. Здѣсь имѣютъ въ виду не цивилизовать индѣйцевъ, а добиваются эмиграціонныхъ европейскихъ силъ и капиталовъ. Бразилія гонитъ своихъ индѣйцевъ въ Боливію, а отсюда ихъ гонятъ въ Парагвай или въ Бразилію же. Индѣйцы это и знаютъ, и чувствуютъ, и сноситься съ вами лично для отца Патриціо было неудобно... Т.-е., по крайней мѣрѣ, теперь, пока...

— Хорошо; онъ, значитъ, не чуждъ дипломатическихъ пріемовъ. А что̀ это за личность? Знаете?

— Я знаю его по его пріѣздамъ, или, лучше сказать, проѣздамъ черезъ Айкъ-Итэ. Онъ—русскій. Фамиліи его не знаю, да, кажется, и никто его здѣсь не знаетъ. Всѣ зовутъ его отцомъ Патриціо, или, по-испански, „бѣлокурымъ отцомъ"—„padre rubio". Онъ медикъ и, кажется, хорошій медикъ. Занимается ботаникой, химіей и, насколько его узналъ, живетъ аскетомъ. Человѣкъ идеи. Ему теперь около шестидесяти лѣтъ, но онъ еще очень крѣпокъ. При этомъ организаторъ, пропагандистъ и имѣетъ большое вліяніе на своихъ *обращенныхъ*, которые служатъ ему звеномъ и оплотомъ отъ дикихъ. Такъ что, управляя всѣми ими, онъ долженъ быть „простъ какъ голубь и мудръ какъ змѣя".

— Вы, кажется, его хорошо узнали... Но извините за вопросъ: не онъ ли далъ вамъ „Light“?

— Вы угадали—онъ. А почему это васъ интересуетъ?

— По... несовмѣстимости понятій: вы и этотъ русскій оба развитые люди труда и... иниціативы, а читаете и интересуетесь духами и т. п. Интересно это, а не „Light“ конечно.

— И однакоже онъ стбитъ вниманія, хотя бы потому, что производитъ „несовмѣстимость понятій“!..

— Но я не думаю, чтобы спиритизмъ могъ имѣть серьезное значеніе,—медленно сказалъ Риверо.

— Не думаете... потому что вообще о немъ не думали еще! —сказалъ Перкинсъ, не безъ ироніи.

— Нѣтъ, не потому. А по самому его происхожденію,—съ прежней флегмой говорилъ Риверо.—Начался онъ съ того, что въ С.-Америкѣ какія-то „миссъ“ Фуксъ и Куксъ услышали стуки духовъ. Такимъ образомъ появилась эта новость въ нашемъ совсѣмъ уже не новомъ мірѣ—и это, согласитесь, не рекомендуетъ спиритизма. Возьмемъ химію, астрономію, медицину. Эти знанія дополняются или, допустимъ, измѣняются, но они пережили вѣка, и не барышни ихъ затѣяли. Вотъ что не серьезно въ вашемъ спиритизмѣ,—согласитесь!

Баронъ разсмѣялся. Турниръ занималъ его не по самому вопросу, а по силѣ борющихся.

— Эта „не-серьезность“ есть результатъ ненаблюдательности, —отвѣчалъ спокойно Перкинсъ.—Мы знаемъ изъ той же Библіи, что спиритизмъ старъ какъ міръ. Проявленія его были во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, т.-е. вездѣ и всегда. Но изолированныя, непонятыя или дурно понятыя, они не были собраны, оформлены и освѣщены наукой. Они кажутся новыми потому, что прежде, несмотря на цивилизованность—спорную или доказанную, это все равно,—человѣческихъ общинъ, между ними не было настоящаго единенія, или, проще сказазъ, быстроты и легкости сообщеній. Паръ и электричество, облетѣвъ землю, соединили—больше пока только мыслящее—человѣчество, а отсюда появилась и сплоченность прежде разрозненныхъ, неизвѣстныхъ и потому какъ бы не существовавшихъ прежде проявленій... Такимъ образомъ, они, эти проявленія, а не барышни составили спиритизмъ, сеньоръ!

Риверо не отвѣчалъ. Баронъ тоже молчалъ, но съ загадочной улыбкой на губахъ.

— Хорошо, Перкинсъ,—сказалъ онъ.—Все это очень убѣ-

дительно... Но скажите: этотъ русскій, отецъ Патриціо, хорошо знаетъ страну?

— То-есть, эту часть? Боливію онъ знаетъ меньше Бразиліи, думаю. Но все-таки здѣсь онъ уже около двѣнадцати лѣтъ, кажется; такъ что эту часть Боливіи онъ знаетъ хорошо.

— Вѣроятно. И далеко отсюда эта... его миссія?—спрашивалъ баронъ.

Свѣдѣнія объ этомъ далъ Риверо. Францисканская миссія была на противоположной сторонѣ горъ, у подножья которыхъ расположенъ лагерь барона, но въ пяти или шести миляхъ внизъ по ручью. Горы вверхъ по ручью идутъ на очень далекое разстояніе и кончаются, такъ сказать, упираясь или точно входя въ большое озеро, созданное горными потоками. Изъ этого озера и берутъ начало ручьи—какъ Бахчаръ-Итэ, такъ и ручей, текущій по сторонѣ францисканцевъ, превращающійся у ихъ миссіи уже въ рѣку и довольно быструю по наклонности ея русла, отъ сравнительной высоты озера. Отсюда и названіе Бахчаръ-Итэ, т.-е., „Высокая Вода". Что же до ихъ ручья, текущаго по лощинѣ, то прежде вмѣсто него была рѣка. Миссіонеры-іезуиты воспользовались ею, устроивъ плотину для орошенія рисовыхъ полей, и жили богато. По мнѣнію Риверо, не дурно было бы завязать сношенія съ францисканцами, проложивъ дорогу черезъ гору.

Перкинсъ молчалъ, но баронъ одобрилъ этотъ проектъ. Францисканцы могутъ быть полезны... Обращенные индѣйцы придутъ искать работы, могутъ оказать услуги при изученіи мѣстности... И конечно, чѣмъ они будутъ набожнѣе, тѣмъ это лучше. Разговоръ принялъ тонъ и направленіе, хорошо подѣйствовавшее на обоихъ прожектеровъ, но честный Перкинсъ, хмурясь, предложилъ спать, напомнивъ имъ предстоящіе труды и разъѣзды завтрашняго дня.

Это, однакоже, не удалось имъ. Несмотря на усталость, зной прогонялъ сонъ. По совѣту Риверо, рѣшили освѣжить температуру путемъ влажности. Опять на два свистка появился Пенàчо и затѣмъ, подъ его надзоромъ, солдаты-негры принялись таскать ведрами воду изъ ручья, поливая и землю, и полотнища палатки. Дѣйствовали они такъ усердно, что Риверо съ барономъ едва успѣли спасти отъ воды свои чертежи. Произведенная влажность, дѣйствительно, понизила температуру, и точно холодкомъ повѣяло отъ земли, подъ поднятыми краями палатки.

Дыша свободнѣе и обрадованные этимъ, цивилизаторы заснули; но это былъ непріятно прерывающійся сонъ, и они часто про-

сыпались, обливаясь пòтомъ, заснувъ спокойно только передъ разсвѣтомъ.

Утро было не изъ пріятныхъ и зной не уменьшался. Риверо, однакоже, переносилъ его почти не замѣчая и ободрялъ обоихъ товарищей. Зной тяжело чувствуется первые три-четыре дня, и лучшей защитой отъ него является діэта или просто голодъ. По его наблюденіямъ надъ собой и надъ другими, сильно голодный человѣкъ почти не страдаетъ отъ зноя и, во всякомъ случаѣ, не страдаетъ головными болями; но воздержаніе необходимо, и воздержаніе отъ питья—самое лучшее дѣло: страдая отъ зноя, можно пить воду ведрами, до рвоты, но не погасивъ жажды, а усиливъ только выдѣленіе пота, почти до обливанія имъ. Утолить жажду можно только нагрѣтой или почти горячей водой.

Кофе пили безъ сахару, стóя и готовые къ отъѣзду. Внизу у палатокъ стояли уже осѣдланные мулы, отбиваясь отъ слѣпней и оводовъ. Появившійся „нарочный" напомнилъ барону о Люси, и онъ быстро набросалъ ей письмо по-нѣмецки, на этотъ разъ даже сантиментальное.

„Meine immer liebe Lussi,—писалъ онъ ей,—еще нѣсколько дней, можетъ быть недѣля, и я обниму тебя. Опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ; оставь свои страхи, и тогда не будешь больше имѣть страшныхъ сновъ. Если не хочешь огорчить твоего Риччи, то гони, просто-таки гони этого индѣйскаго принца-авантюриста, ибо я положительно запрещаю тебѣ принимать этого негодяя и слушать его вздоръ". При этомъ, кланяясь отцу Патриціо, онъ не благодарилъ за его предупрежденія и, главное, просилъ немедленно же выслать грузъ провизіи на недѣлю.

Передъ отъѣздомъ посмотрѣли на термометръ, и, несмотря на ранній часъ утра, было 42° въ тѣни. Барометръ предсказывалъ „сухую погоду".

Баронъ и Риверо поѣхали во главѣ отряда, внизъ по ручью. При ѣздѣ разсѣкаемый воздухъ, казалось, уменьшалъ зной, и разговоръ давалъ хорошее настроеніе. Ѣхали, стараясь держаться тѣни горъ, но поднимавшееся солнце скоро стало просто жечь спины всадниковъ, и они рѣшили пустить въ галопъ, надѣясь на выносливость креольской лошади и муловъ. Къ одиннадцати часамъ, въ разгаръ палящаго зноя, въѣхали въ густую чащу лѣса уже у впадины болота.

И животныя, и всадники обливались пòтомъ; полумракъ чащи казался имъ самымъ отраднымъ мѣстомъ. Не теряя времени, баронъ приказалъ строить бивуакъ изъ жердей, для завтрака, и разсѣдлать животныхъ, привязавъ ихъ въ чащѣ.

Синіе клочья дыма потянулись кверху между деревьями; запахло жаренымъ на вертелѣ мясомъ. Баронъ и Риверо лежали на землѣ, опираясь локтемъ на сѣдло. Ѣсть имъ не хотѣлось, но они не отказались отъ стакана воды съ коньякомъ и съ наслажденіемъ курили.

Послѣ отдыха и завтрака немедленно принялись за работу. Чаща, спускавшаяся къ болоту, не имѣла, повидимому, протяженія болѣе двадцати-пяти саженъ, но наклонность почвы скрадывала разстояніе. Риверо съ тремя солдатами пошелъ внизъ, рубя ліаны, и, разставляя эшелоны, втыкалъ ихъ въ землю на размѣренныхъ разстояніяхъ. Впереди нихъ поставили значокъ съ бѣлымъ коленкоровымъ флагомъ, опредѣляя имъ направленіе.

— Въ топоры, ребята! Чередоваться, и безъ лѣни! Скорѣе кончимъ,—скорѣе на бокъ повалимся,—скомандовалъ баронъ.

Солдаты принялись за рубку. Сперва рубили всѣ десять негровъ, потомъ раздѣлились, не дожидаясь указаній барона: пятеро продолжали рубить, а другіе пять оттаскивали деревья и, обчищая сучья, приготовляли бревна. Баронъ видѣлъ, что работаютъ, понимая цѣль, и, переставъ наблюдать за ними, пошелъ съ Риверо на край болота.

По совѣщанію между ними, оказалась безполезность понтона. По изрытымъ краямъ оврага Риверо доказалъ барону, что въ дождливое время несомнѣнно наполняется водой вся впадина, и что понтонъ не устоитъ противъ напора теченія. Необходимъ мостъ, и при этомъ не менѣе двухъ метровъ вышины, чтобы противная сила воды не снесла помоста, разъ сваи и быки будутъ вкопаны достаточно глубоко. Построеніе его займетъ столько же времени, но оно совершенно и надолго обезпечитъ сообщеніе. При этомъ Риверо бралъ на себя и постройку моста.

Баронъ видѣлъ и правоту Риверо, и его знаніе страны. Туча заботы опять омрачила его: онъ понималъ, что сооруженіе не обойдется безъ скрѣпленія его желѣзными частями, приготовленіе которыхъ опять затянетъ ихъ лагерную жизнь.

Его сѣтованія на этотъ счетъ были вполнѣ разсѣяны дѣловымъ Риверо. Они смѣрятъ теперь же діаметръ самаго толстаго дерева, какъ образецъ бревенъ, которыя пойдутъ на вертикально вкопанные *быки*, соображая съ ними длину желѣзныхъ болтовъ и полукруглыхъ желѣзныхъ же скрѣпъ, съ винтами на оконечностяхъ. Приготовленіе ихъ изъ полосового желѣза займетъ не больше дня, но по спѣшности работы кузнецу пошлется одинъ изъ рабочихъ, и тогда въ день все будетъ готово. Но вмѣстѣ съ рабочимъ надо ѣхать кому-нибудь изъ нихъ, начальниковъ, какъ

для наблюденія за выковкой, такъ и „для авторитета“: съ рабочимъ кузнецъ будетъ медленнѣе.

Все это было просто, но продуманно. Баронъ просіялъ и, благодарно хлопнувъ по плечу Риверо, сказалъ, что съ мѣркой болтовъ и скрѣпъ онъ завтра же пошлетъ Перкинса въ Санъ-Педро. Что же до него, Риверо, то онъ назначаетъ его строителемъ моста, прося, главное, окончить его быстро. И они направились по лѣсу на стукъ топоровъ; достали ремень у негровъ и смѣрили толщину ствола.

Воздухъ въ чащѣ покато-росшаго лѣса былъ полонъ міазмами гніющихъ испаряющихся водъ болота, а временами чувствовался запахъ падали. Между стволами деревьевъ и изъ кустарниковъ, тамъ и сямъ, бѣлѣли обглоданные остовы животныхъ. Привычный глазъ Риверо различалъ на землѣ слѣды ягуаровъ, тапировъ и ланей, которыхъ выгналъ изъ чащи шумъ прибывшаго отряда. Змѣи и игуаны попадались почти на каждомъ шагу, и барона поражало это обиліе пресмыкающихся. Но голова его работала въ чисто практическомъ направленіи, и мысль объ огнѣ на высотахъ опять пришла на умъ, когда онъ замѣтилъ, что солнце, склоняясь на западъ, сквозитъ между деревьями.

Идя рядомъ съ Риверо, онъ рѣшилъ умолчать объ этомъ огнѣ. Риверо не знаетъ о немъ потому, что проснулся, какъ и Перкинсъ, разбуженный выстрѣломъ, т.-е. уже послѣ разговора объ этомъ съ Пеначо... Теперь, пріѣхавъ, надо стараться скрыть отъ Риверо этотъ свѣтъ, если онъ опять появится, а на завтра устроить здѣсь бивуакъ до окончанія моста... Потомъ, съ дождями, если и будетъ этотъ огонь, Риверо, устроившись съ семьей въ баракахъ, войдетъ въ колею новой жизни и... останется. А теперь можетъ раздумать... пойти назадъ... а человѣкъ онъ нужный.

Работой негровъ оба они остались довольны. Просѣка была доведена почти до болота и срублены самыя толстыя деревья. Негры обливались пòтомъ, но рубили и таскали бревна усердно.

— Хорошо, ребята!—крикнулъ имъ баронъ.—Слушайте теперь, чтò скажу. Теперь работа будетъ уже легче, но чтобы переѣздами не терять времени, съ завтрашняго дня вы будете здѣсь лагеремъ (campamento), подъ начальствомъ сеньора Риверо. Каждый изъ васъ будетъ внесенъ въ списокъ, и каждому я заплачу, и хорошо заплачу. Довольны?

— Довольны, сеньоръ лейтенантъ! Будемъ работать хорошо и *отблагодаримъ ваше сердце!*—заговорили негры, снимая свои кепи, съ жестами почтенія и благодарности.—Только отъ му-

ловъ просимъ освободить, сеньоръ, - чтобы не отвѣчать за нихъ! — раздавались голоса.

Баронъ вопросительно посмотрѣлъ на Риверо, и тотъ объяснилъ просьбы негровъ. Мулы будутъ тутъ и ненужны, и неудобны. Нельзя держать ихъ на привязи — они спадутъ съ тѣла. Не стоитъ и задаваться мыслью о загороди на время построенія моста. Къ тому же здѣсь, въ сырой чащѣ, не мало ядовитыхъ насѣкомыхъ и змѣй. Надо отправить муловъ въ „Виллу Ванденъ", оставивъ здѣсь для посылокъ за провизіей одного мула. Палатку надо одну, но большую. Риверо помѣстится вмѣстѣ съ ними, — „но отъ этого дисциплина не пострадаетъ".

— Хорошо, хорошо, — говорилъ баронъ. — Вы, дѣйствительно, умѣете себя держать съ этими черными воинами. И я думаю, ваша дѣятельность оставитъ историческій слѣдъ въ „Виллѣ Ванденъ". Этотъ вашъ мостъ мы занесемъ на планъ, конечно, и мѣстность получитъ ваше имя... Въ Венеціи есть „Мостъ Вздоховъ", въ Парижѣ „Мостъ Александра Третьяго", а въ „Виллѣ Ванденъ" будетъ „Мостъ дель Риверо" (Puente del Rivero).

Риверо оставался серьезнымъ, и „историческій слѣдъ" едва ли занималъ его умъ. Онъ предложилъ, чтобы не терять времени, теперь же взять съ собою всѣхъ муловъ, которыхъ и погонятъ передъ собой, связавъ ихъ поводами, двое солдатъ. Остальные останутся въ просѣкѣ, разведя огонь, т.-е. будутъ ночевать. Завтра на двухъ или, самое бо̀льшее, на трехъ мулахъ перевезутся палатка съ ея частями, постель Риверо, пожитки солдатъ и котлы. Оставшіеся отдохнутъ въ волю и, во всякомъ случаѣ, не должны будутъ завтра идти сюда пѣшкомъ, т.-е. терять время и силы. Мяса у нихъ еще осталось на ужинъ. Но и безъ него они обойдутся: отсюда недалеко должна быть вода, и скоро къ ней на водопой пойдутъ и лани, и пекарѝ, и многія изъ нихъ оставятъ свои остовы въ чащѣ, какъ жертвы лѣсныхъ разбойниковъ; такъ что дичи много, и охота будетъ успѣшна. Но даже при неуспѣхѣ онъ, Риверо, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что каждый изъ этихъ солдатъ охотно откажется отъ своей порціи мяса въ лагерѣ, если для этого надо будетъ на слѣдующій день идти сюда пѣшкомъ и, придя, приниматься за топоръ. Одинъ изъ близко стоявшихъ солдатъ вполнѣ согласился съ Риверо.

Баронъ не могъ не согласиться съ этими доводами, и, отдавъ приказанія двумъ солдатамъ гнать за ними муловъ, онъ и Риверо пустили въ галопъ лошадей по направленію къ лагерю.

Несмотря на зной, голодъ давалъ имъ себя чувствовать, и они торопились.

Лѣса оживлялись, какъ обыкновенно передъ захожденіемъ солнца, полетомъ птицъ. По бокамъ дороги, между стволами, пробѣгали граціозныя лани; по равнинѣ, распустивъ крылья, бѣжало стадо страусовъ. Солнце уже было низко надъ холмами, опускаясь въ багрово-фіолетовый туманъ, полосой тянувшійся у горизонта, когда они увидѣли дымъ изъ своего лагеря, уловивъ потомъ и смутный говоръ, и лай бѣжавшихъ къ нимъ чуткихъ собакъ.

Во время галопа дышалось легче, и разсѣкаемый воздухъ освѣжалъ лицо; но когда они сошли съ лошадей, зной опять охватилъ ихъ. Въ палаткѣ не было возможности дышать. Отъ стѣны террасы, еще недавно дававшей прохладу своей тѣнью, теперь несло жаромъ—такъ сильно накалилась она отъ заходившаго солнца. Баронъ немедленно же приказалъ смочить и палатку, и землю вокругъ нея.

Ужинали, однако, съ аппетитомъ, и на этотъ разъ отъ души хваля Ганса. Онъ приготовилъ только одно блюдо—холодное, съ уксусомъ и листьями лавра, ростущаго вдоль ручья, состоявшее изъ двухъ рыбъ. Это были mandobe—совершенно схожія съ нашими налимами, но желтыя, съ черными пятнами. Солдаты поймали ихъ въ ручьѣ обезсиленными и точно одурѣвшими отъ его воды—чуть-чуть не горячей.

Вслѣдъ за ужиномъ, по совѣту Риверо, поддержаннаго Перкинсомъ, рѣшили пить матэ (maté) [1]), парагвайскій чай распространенный во всей Южной Америкѣ, до Техаса включительно, и въ Сѣверной Америкѣ. Напитокъ чисто креольскій, упраздняющій чашки, ложечки, салфетки, щипчики для сахара и т. п. Одна и та же трубочка служитъ всѣмъ „пьющимъ“ по очереди: пососетъ, напр., донъ Педро и отдастъ служанкѣ; та положитъ въ тыковку сахару, нальетъ горячей водой и дастъ доньѣ Изабеллѣ, послѣ которой тянетъ изъ тыковки граціозная сеньорита Марта и другія лица. Потомъ опять очередь дона Педро и такъ далѣе, пока не скажутъ служащей: „doy gracias“, т.-е. благодареніе и отказъ. И это среди праздной дружеской болтовни креоловъ, въ тѣни сада или на верандѣ.

---

[1]) Употребленіе maté своеобразно: чай этотъ не пьется, а *тянется* маленькими глотками черезъ металлическую трубочку (bombilla), вставленную въ пустую тыковку, въ которой этотъ чай заваривается горячей водой. Сахаръ сыплется или кладется кусочками въ тыковку же; она, разъ наполненная, можетъ быть выпиваема много разъ, стòитъ только подбавлять горячую воду и сахаръ.

Барону не нравилась maté по своему „креолизму“: одна и та же трубочка для многихъ ртовъ—это неприлично! Согласившись теперь съ товарищами тянуть maté, онъ сказалъ, что „по принципу“ maté все-таки—проявленіе дикости и свинства.

Риверо загадочно разсмѣялся, потомъ заговорилъ по своей манерѣ флегматично, но не безъ ѣдкости. У европейцевъ не мало „свинства“, и самаго разнообразнаго. Пить шампанское изъ башмачка красавицы—унизительно, и онъ, Риверо, не сдѣлалъ бы этого и для самой Венеры. Фракъ неприличенъ и, конечно, менѣе красивъ, чѣмъ, напр., плащъ креола, т.-е. его poncho. Монокль — шутовство, паясничество. Разные „petits-crevés“ — съ извращенностью ихъ вкусовъ — жалки и вредны по создаваемой ими атмосферѣ. Такихъ типовъ нѣтъ у креоловъ. Цилиндръ дэнди нелѣпъ и, конечно, въ эстетичности уступаетъ широкополой sombrero креола. Что же касается до декольтэ дамъ европейскаго beau-monde'а, то мода эта,—не говоря уже о безнравственности ея,—грубо эгоистична: допустите, что, благодаря ей, должна „полуоткрыться“ сухощавая и дурно сложенная особа. Но мода эта, пожалуй, еще вреднѣе и хорошо сложеннымъ, и мужчинамъ, чего, однако, европейцы, кажется, не берутъ въ разсчетъ.

— Въ чемъ же вредъ?—спросилъ баронъ, интересуясь этой защитой креолизма.

— А это, видите ли, довольно серьезно въ сущности,—отвѣчалъ Риверо.—Дѣло въ томъ, что безъ этой моды хорошосложенная особа—въ понятномъ и, конечно, совсѣмъ не безнравственномъ, потому что естественномъ—стремленіи найти мужа, старалась бы быть умнѣе, симпатичнѣе, наконецъ, оригинальнѣе, напр., и т. п. Для этого стала бы читать больше, вдумываться въ типы и явленія жизни, и эти ея усилія были бы ей полезны,—до извѣстной степени и *ему*. А вѣдь стараясь произвесть впечатлѣніе своими выпуклостями, она отъ этого умнѣе не дѣлается,—ну, а человѣка одурить можетъ... И до брака даже,—допускаю!.. Но только благодаря этому и случается, что едва прошелъ медовый мѣсяцъ, какъ наступаютъ мѣсяцы и годы желчи. Креолы, и молодежь, и старики, въ дѣлѣ любви и нравственнѣе, и умнѣе, пожалуй.

— Умнѣе кого? европейцевъ?—спросилъ баронъ, сдерживая высокомѣрную улыбку и прищуриваясь.

— Да.

— Почему же это, позвольте узнать?

— А потому, что креолы менѣе искусственны. Здѣшніе

балконы и рѣшетки [1]) съ ихъ серенадами созданы самой жизнью и испанскими нравами, и старики умно дѣлаютъ, не борясь съ ними, допуская, благодаря имъ, молодые порывы съ ихъ надеждами и стремленіями. Сватовства здѣсь нѣтъ, а „по газетамъ“ здѣсь не женятся. Молодые люди отлично узнаютъ другъ друга, проводя у рѣшетки, ихъ надежно раздѣляющей, ночи до разсвѣта, но не предлагаются, какъ въ Парижѣ, по газетнымъ объявленіямъ или брачнымъ агентствамъ.

Баронъ возражалъ не безъ задней мысли лучше узнать своего будущаго соучастника, но въ душѣ—мнѣніе Риверо, да и вообще „мнѣнія“ не интересовали его своей метафизикой. Потягивая maté, заговорили о цивилизаціи, о расахъ, и Риверо опять удивилъ барона, заявивъ ему неожиданно о своемъ желаніи черезъ часъ ѣхать на болото.

— Теперь-то? И въ такую темную ночь? Да и почему не утромъ?—удивлялся баронъ.

— А потому, что если я выѣду утромъ, солнце застанетъ меня въ дорогѣ, и мулы, пожалуй, не дотащатъ палатки, т.-е. придется дѣлать привалъ, терять день и половину другого дня на возвращеніе муловъ. А теперь доѣдемъ свободно. Задамъ работу неграмъ и высплюсь днемъ въ жару.

— Хорошо, я вижу, что вы правы. Но въ такой темнотѣ не случилось бы чего.

— Мулы отлично видятъ въ темнотѣ. Да и темнота въ дорогѣ меньше.

— Почему же это?

— Отъ равномѣрнаго напряженія глазъ. Здѣсь мы поминутно смотримъ на огонь костровъ.

---

[1]) Рѣшетка (reja—рэха), т.-е. желѣзная рѣшетка въ амбразурѣ окна нижняго этажа, обыкновенно отворенная и рѣдко занавѣшенная. Въ Южной Америкѣ, за исключеніемъ Буэносъ-Айреса и другихъ немногихъ европейски-шумныхъ городовъ, дома большей частью одноэтажные, и „reja“ является лучшимъ и удобнымъ мѣстомъ rendez-vous, въ большинствѣ случаевъ съ согласія родителей, или, по крайней мѣрѣ, съ согласія матери дѣвушки. Положенный въ „reja“ какой-нибудь цвѣтокъ, платокъ, ленточка и т. п. увѣдомляютъ счастливца, что дѣвушка ждетъ его съ гитарой или безъ гитары въ такой-то часъ ночи. Въ провинціальныхъ городахъ зачастую до разсвѣта видны ночью прислоненныя къ рѣшеткамъ фигуры запоздалыхъ Ромео, и старикъ ночной сторожъ (sereno—сэрéно), проходя, „не замѣчаетъ“ счастливцевъ, крадущихъ у жизни ея лучшія минуты, не слышитъ и *ея* голосъ: „Погоди, останься... Нѣтъ, это еще не день, это еще не жаворонокъ!“.. *Серенады* даются уже *невѣстѣ* (novia), т.-е. поются, подъ аккорды гитары, дуэты или тріо. Поютъ стройно, переходя отъ одушевленія страсти къ ласкѣ и грусти, и этотъ оттѣнокъ дѣлаетъ ихъ невольно симпатичными.

— Это, пожалуй, вѣрно. Ну, а звѣрей вы не будете бояться?

— Нѣтъ, потому что *они насъ* будутъ бояться. И нашего шума больше, чѣмъ насъ.

— Хорошо. Дѣйствуйте какъ хотите. Но какъ мы сдѣлаемъ съ заказомъ болтовъ?

— Рѣшимъ о нихъ во время сборовъ... А теперь попрошу позвать Пеначо.

На сигнальные свистки барона явился Пеначо, и баронъ отдалъ его въ распоряженіе Риверо. Португалецъ передалъ ему приказанія дѣловымъ, лаконическимъ языкомъ. Четыре мула. Котелъ одинъ, но большой. Палатку на десять человѣкъ разобрать по частямъ. Веревки выбрать крѣпкія. Грузить между кострами, чтобы въ темнотѣ не нагрузить плохо и не возиться въ дорогѣ съ развязавшимся грузомъ. Отрядить четырехъ солдатъ. Потомъ спросилъ Пеначо, на чемъ онъ спитъ. Пеначо отвѣчалъ, что онъ спитъ въ холщевомъ гамакѣ.

— Ты мнѣ этотъ гамакъ одолжишь на нѣсколько дней, т.-е., пока строится мостъ. Я тебѣ за это заплачу *пэзо*. А теперь вы тянете „maté“, значитъ—горячая вода есть? Отпарь хорошенько гамакъ по швамъ... Съ обѣихъ сторонъ... И прикажи увязать... Понялъ?

— Понялъ, сеньоръ. А лошадь вашу теперь тоже сѣдлать?

— Теперь мнѣ осѣдлаешь тоже и мула. Когда все будетъ готово, приходи сказать. Ступай!

Риверо, закуривъ сигару, оперся руками въ колѣни и, щуря глазъ отъ струйки дыма, казалось, что-то соображалъ.

— Послушайте,—обратился къ нему недоумѣвающій баронъ:—я, конечно, благодарю васъ за дѣятельность и... и... компетентность, но не понимаю этого вашего приказанія о гамакѣ... Надо не мало мужества, чтобы лечь въ гамакъ этого чернаго скота, признаюсь!

— Вопросъ темперамента. Но дѣло тутъ не въ мужествѣ, а въ надобности, т.-е. въ разсчетѣ.

— Какая же надобность? Помилуйте! Вѣдь у васъ есть складная кровать съ постелью?

— Да, и я именно хочу уберечь ее отъ негровъ. Тюфякъ купилъ по настоянію жены, передъ отъѣздомъ. Стоитъ двадцать-два пэзо. Отпаривать его потомъ—значитъ портить. Вы видите—разсчетъ. А спать на землѣ неудобно по мѣстности: тамъ должно быть кромѣ змѣй не мало *нигуа* [1]).

[1]) *Nigua*—почти незамѣтное насѣкомое, забирающееся подъ ногти рукъ и, преимущественно, ногъ и кладущее тамъ яички. Не вынутыя во-время, они производятъ

— Дѣйствительно, вы... пожалуй правы!.. Ну, а змѣй вы не боитесь?

— Не особенно. Все дѣло тутъ вѣдь въ знаніи.

— При чемъ же тутъ, собственно, знаніе?

— Какъ и вообще знанія опасности или зла, что-ли... Боятся, обыкновенно, больше *невѣдомаго* или—что хуже—полусознаваемаго зла, потому что тогда оно кажется бо̀льшимъ.

— Полусознаваемаго—допускаю. Но какъ можно бояться невѣдомаго, т.-е. въ представленіи несуществующаго?

— Я подразумѣваю *явленіе*. Всякое невѣдомое явленіе для большинства людей есть и пугающее, т.-е. обыкновенно отъ него скорѣе ждутъ зла, чѣмъ добра. Что же до полусознаваемаго зла,— оно гораздо хуже сознаннаго. И примѣръ вамъ—змѣи. Ужасъ европейцевъ,—онѣ почти не страшны здѣшнему человѣку, потому что природа дала ему лекарство въ ней же самой, даже не заставляя прибѣгать къ противоядіямъ. Для этого надо, прежде всего, убить змѣю—и на этотъ разъ бояться ея уже нечего: она неядовита *послѣ* укушенія, спустивъ ядъ,—потомъ высосать ртомъ ранку, вытянуть изъ нея кровь, выплевывая. Потомъ мочиться на ранку: щелочи или соли мочѝ,—лучшее лекарство. Бываетъ, конечно, что губы или десна ранены; тогда это опасно, и высосать ранку долженъ другой. И тогда человѣкъ уцѣлѣетъ!

— А съ убитой змѣей что̀ дѣлаютъ?

— Ничего. Даже и не трогаютъ ее, но однакоже убить ее надо. Тутъ, кажется, тоже есть немного спиритизма... индѣйскаго. Индѣйцы полагаютъ, что оставленная змѣей жизненная сила сообщается человѣку и помогаетъ выздоровленію. Лично я этого не провѣрялъ, но знаю, что при жизни *спасшейся* змѣи человѣкъ страдаетъ больше, если не умираетъ.

— Но это, вѣроятно, отъ самовнушенія опасности или просто отъ опасеній.

— Можетъ быть. Но эта... жизненная сила, по моему, не вздоръ. Я наблюдалъ ее и у животныхъ, и у людей, т.-е. что убивающіе болѣе живучи. Возьмите травоядное, напр. лань. Она умираетъ даже отъ легкой раны. Тапиръ—сильный, а тоже умираетъ быстро. Ягуаръ—да и вообще кошки—страшно живучи, какъ и вообще плотоядныя.

— Это интересно... Ну, а люди?—заинтересовался баронъ.

тамъ цѣлую колонію насѣкомыхъ, вызывающихъ воспаленіе и гангрену пальца. Туземцы, однакоже, мало смущаются опасностью этого, и обыкновенно острой иглой кактуса, стоически выдерживая боль, вычищаютъ *pigua* изъ-подъ ногтя, не безъ насмѣшки надъ страхами европейца-новичка.

— Люди? Люди подтверждаютъ эту теорію. Возьмемъ медиковъ. Съ ихъ знаніемъ человѣческой машины и гигіены, по статистикѣ, они, однакоже, самый недолговѣчный людъ. Кажется, что при леченіи они мало-по-малу отдаютъ что-то отъ себя больнымъ, т.-е. въ ущербъ себѣ.

— Хорошо, но развѣ мало убиваютъ и они?

— Конечно, но это не намѣренно, не желая, такъ какъ это невыгодно. Да и притомъ все-таки убиваютъ немного, стараясь отойти вò-время отъ неизлечимаго больного.

— Это вѣрно. Какіе же другіе убивающіе живутъ на счетъ силъ ихъ жертвъ?

— Напримѣръ, охотники. Большинство изъ нихъ, несмотря на опасности и на частое отступленіе отъ гигіены питанія и отдыха,—живучій народъ. Потомъ мясники. Я не видѣлъ между ними слабыхъ или больныхъ, а все это—народъ цвѣтущій здоровьемъ. Потомъ палачи... Съ этими дѣятелями цивилизаціи я лично не знакомъ, но по литературѣ у меня о нихъ представленіе какъ о силачахъ и здоровыхъ. Возьмите, напр., парижскаго Дейблера. Уже будучи дѣдушкой, совсѣмъ бѣлымъ отъ сѣдины, онъ еще... работалъ! О другомъ палачѣ—кажется, лондонскаго Ньюгета—я читалъ, что онъ за своей внучкой далъ богатое приданое, т.-е., значитъ, подходилъ уже къ правнукамъ.

— Однако вы... совсѣмъ энциклопедистъ! И столько у васъ обобщеній... Ну, а какъ узнали вы о гамакѣ?

— Я видѣлъ его, когда у негровъ открыты палатки.— Однако, рѣшимъ о болтахъ.

— Да, да, и по возможности скорѣе. Надо на этотъ счетъ рѣшить съ Перкинсомъ.

Перкинсъ, оставившій ихъ послѣ нѣсколькихъ очередныхъ „maté", занимался въ палаткѣ починкой своей рабочей блузы. Съ очками на носу и съ блестѣвшей отъ лампы лысиной, онъ казался совсѣмъ старикомъ. Несмотря на духоту палатки, баронъ и Риверо принялись за чертежи скрѣпъ и болтовъ съ гайками; а когда явившійся Пенàчо объявилъ, что мулы готовы,—по общему соглашенію рѣшили, что Перкинсъ ѣдетъ тоже, съ однимъ изъ рабочихъ; часть ночи проведетъ у бивуака, съ разсвѣтомъ ѣдетъ дальше. Все-таки сэкономизируетъ не-солнечное время, это главное, а черезъ два-три дня можетъ вернуться обратно. И мостъ будетъ законченъ.

Поддавшись настроенію товарищей въ ихъ торопливости, Перкинсъ не забылъ своего дѣла и назначилъ надсмотрщикомъ за себя креола Кàскара продолжать крытье бараковъ. Кàскара

обѣщалъ, и неожиданно для своихъ начальниковъ сказалъ, что есть другое дѣло, не менѣе спѣшное: запасъ сухихъ дровъ. Дожди близки и первое время могутъ идти безостановочно. Тогда не легко поддерживать костры или огонь, даже въ баракахъ или въ палаткахъ. Очевидно, онъ былъ правъ, но барону не понравилось это вмѣшательство „дикаря", и онъ сухо отослалъ совѣтчика. Риверо и Перкинсъ, однакоже, находили въ совѣтѣ Каскара много дѣльнаго. Рѣшили, что назначатъ двухъ дровосѣковъ, и сухія дрова сложатся въ одномъ изъ бараковъ.

На прощанье докончили послѣднія бутылки лимонада, и Риверо посовѣтовалъ барону употребленіе „maté". Оно утоляетъ жажду, парализуетъ голодъ и сохраняетъ силы. Неужели этого мало?—Конечно, въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго,—говорилъ онъ.—Европейцы не умѣютъ считать—это ясно.

Баронъ смѣялся, какъ бы не желая возражать, и слегка жмурясь. И не безъ тревоги, провожая отъѣзжавшихъ товарищей, смотрѣлъ онъ на высоты горъ...

Но на этотъ разъ тамъ не было видно ни малѣйшаго отраженія свѣта.

Н. Кларкъ.

„ВЗЫСКУЮЩІЙ ГРАДА“

ОЧЕРКЪ.

Лошади были уже поданы, и бубенчики позванивали за воротами, я была совсѣмъ готова къ отъѣзду и собиралась выходить, какъ вдругъ вошелъ ямщикъ, и по лицу его я сейчасъ же догадалась, что онъ хочетъ сообщить мнѣ что-то важное.

— Вещей выносить не надо?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Нѣтъ, вещей не будетъ.

— Да то-то... я вотъ насчетъ вещей и пришелъ,—не будетъ ли, молъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не будетъ! Ты иди себѣ, я сейчасъ.

Но такъ какъ онъ пришелъ вовсе не „насчетъ вещей“, то и продолжалъ топтаться на одномъ мѣстѣ, перекладывая свою шапку изъ одной руки въ другую и видимо не рѣшаясь приступить къ настоящему дѣлу.

— Тамъ вамъ попутчикъ будетъ, — сказалъ онъ наконецъ.

— Какой-такой попутчикъ?

— Да кто его знаетъ. Видать, баринъ.

— Здѣшній?

— Да нѣтъ, то-то что не здѣшній! Изъ уѣзда, должно. Пришелъ давеча, проситъ до станціи его довезть. А у насъ всѣ лошади въ разгонѣ,—вотъ вамъ послѣднюю парочку подали. Ну, мы подумали-подумали... и того... отчего, молъ, не подвезть? И вамъ оно дешевле будетъ!..

Я поморщилась,—мнѣ было непріятно ѣхать двадцать верстъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ, да еще ночью. Ямщикъ замѣтилъ мое неудовольствіе и состроилъ самую умильную физіономію.

— Да вы не извольте безпокоиться, барышня!—продолжалъ онъ.—Все въ акуратѣ будетъ: телѣжечка у насъ просторненькая, соломки я вамъ подостлалъ мяконькой, доѣдете любёхонько. Главная вещь—лошади-то въ разгонѣ!..

Дѣлать было нечего,—пришлось согласиться, и мы вышли на крыльцо. Попутчикъ мой уже сидѣлъ въ телѣжкѣ и терпѣливо ждалъ, покуривая папиросу. Сидѣлъ онъ какъ-то неловко, бокомъ, точно мѣшокъ, и я видѣла только его широкую, сутуловатую спину, да донышко бѣлой фуражки, которая была надѣта у него на затылокъ и свѣтлымъ пятномъ вырѣзывалась въ голубоватомъ сумракѣ прозрачнаго майскаго вечера. Мое появленіе нисколько его не заинтересовало: онъ даже не перемѣнилъ позы и ни разу не обернулся въ мою сторону, когда я усаживалась, точно все происходившее вокругъ него ничуть его не касалось. Багажа у него, также какъ и у меня, не было.

Я расположилась поудобнѣе на шуршащей соломѣ, покрытой рядномъ, еще разъ обмѣнялась привѣтствіями съ провожавшими меня, и пара почтовыхъ дружно взяла экипажъ. Промелькнули мимо насъ сумрачныя кущи ветелъ на плотинѣ, пробѣжали ряды огоньковъ на пустынной площади, и городъ остался позади. Мы погрузились въ сумракъ и тишину; даже колокольчики наши стали звонить какъ-то глуше и робче, точно присмирѣли они, подавленные этой жуткой тишиною. Только копыта лошадей бодро и твердо отбивали по накатанному шоссе: „тра-тамъ, тра-тамъ, тра-тамъ"...

А ночь наступала, чудная, полная тайны и очарованія. Передъ закатомъ пронеслась гроза, и по небу еще скользили разорванные шлейфы уходящихъ тучъ, но позади насъ уже вставала луна, и ея блѣдное сіяніе несмѣло разливалось надъ полями. Небо, давеча грозное, мрачное, ревущее, теперь молчало и какъ будто задумалось, прислушиваясь къ голосамъ земли. Но и на землѣ все было тихо и задумчиво. Какія-то прозрачныя тѣни водили таинственный хороводъ въ серебристой дали; безшумно развертывались листья на мокрыхъ деревьяхъ, и теплый паръ, пропитанный бальзамическимъ запахомъ тополя, медленно поднимался надъ мокрою землей.

Спутникъ мой молчалъ, попрежнему сидя ко мнѣ спиной, и курилъ папиросу за папиросой. Я была очень рада, что онъ молчитъ: мнѣ не хотѣлось говорить; хотѣлось быть наединѣ съ этой ночью, съ этимъ небомъ и тишиной; хотѣлось слиться съ ними душой и понять тайну ихъ вѣчной красоты и очарованія. Чувствовалась какая-то странная отрѣшенность отъ собственнаго

„я“: казалось, что прошлаго никогда не было, настоящаго нѣтъ и будущаго не будетъ. Такъ бы вотъ ѣхать, ѣхать безъ конца и никогда никуда не пріѣзжать, и чтобы всегда была эта ночь и эта божественная тишина.

Вдругъ сосѣдъ безпокойно завозился, нѣсколько разъ оглянулся назадъ и сказалъ:

— Скажите... вамъ не кажется, что за нами кто-то гонится?

Я даже вздрогнула отъ неожиданности. Поразилъ меня не вопросъ его, нѣтъ; меня поразилъ звукъ его голоса: этотъ голосъ, мягкій, немного глуховатый, съ какой-то особою вибраціей, похожей на дрожаніе струнъ арфы, напомнилъ мнѣ одного молодого, трагически погибшаго писателя, который когда-то былъ кумиромъ молодежи и своими удивительными разсказами волновалъ юныя сердца. Я во всѣ глаза посмотрѣла на своего попутчика, но онъ уже отвернулся и закуривалъ новую папиросу.

— Гонится? — переспросила я съ недоумѣніемъ. — Кто гонится?

— А такъ... идетъ или ѣдетъ, не знаю. Впрочемъ, кажется, дѣйствительно никого нѣтъ. Вѣдь вы ничего не слышали?

— Рѣшительно ничего!

Мы замолчали, и нѣсколько мгновеній въ безконечномъ пространствѣ, полномъ таинственнаго молчанія, ничего не слышно было, кромѣ испуганныхъ вздрагиваній нашихъ колокольчиковъ и мѣрнаго топота копытъ. Но вотъ впереди что-то зачернѣло; сильнѣе запахло тополемъ и березовыми почками, и новые звуки, такіе же чарующіе, какъ эта чарующая ночь, заглушили безпокойное трепканье бубенцовъ и колокольчиковъ. Мы проѣзжали чрезъ небольшой лѣсокъ, раскинувшійся по оврагу, и изъ душистой глубины его неслось ликующее весеннее пѣніе соловьевъ. Сосѣдъ снова встревожился и началъ озираться по сторонамъ.

— А что̀...—началъ онъ, медленно выговаривая слова, какъ будто ему было очень трудно говорить;—что̀, васъ... не раздражаетъ... эта ночь?

— Какъ раздражаетъ?—спросила я, не понявъ вопроса.

— Ну... какъ... Волнуетъ, тревожитъ... ну, просто-на̀-просто злитъ... Да. Меня, по крайней мѣрѣ, страшно бѣситъ эта ночь... и все... луна, соловьи, и эта безстыжая весенняя радость, разлитая въ природѣ...

— Право, не понимаю... Почему же?

— Ахъ, почему?.. Почему?... — повторилъ онъ съ усиліемъ, видимо стараясь собрать всѣ свои мысли и связать ихъ вмѣстѣ. —Постойте... я вамъ сейчасъ скажу... Читали ли вы когда-

нибудь одинъ маленькій отрывочекъ... не помню, чей... ну, стихотвореніе въ прозѣ что-ли, или какъ онъ тамъ называется... это, впрочемъ, все равно. А суть тамъ вотъ въ чемъ: одного муллу... или дервиша, не помню... его спрашиваютъ, что̀ такое жизнь? И въ отвѣтъ онъ разстегнулъ свою одежду и показалъ грудь, на которой зіяла отвратительная смрадная язва. А въ это же самое время въ Севильѣ благоухали розы и пѣли соловьи... Ну вотъ. Именно, это самое. Когда я въ первый разъ прочелъ эту штуку, я ничего не понялъ,—чортъ знаетъ, что̀ за ерунда, думаю! Причемъ тутъ розы... соловьи—и язва. Понялъ потомъ... послѣ. Вы помните это?

— Помню. Это Гаршина.

— Гаршина? Ну вотъ... Удивительно! Глубина-то какая... заглянуть страшно. Въ Севильѣ соловьи и розы... а человѣка разъѣдаетъ вонючая, гнойная язва... Зачѣмъ, почему, на кой чортъ? Розы отрицаютъ язву, а язва отрицаетъ розы... И существуютъ рядомъ... И это жизнь... Все само по себѣ, само для себя, и никому нѣтъ дѣла другъ до друга. Вотъ эта ночь... она хороша сама для себя, и ничего ей отъ меня не нужно, и я не нуженъ ей. Можетъ быть, вся душа моя на клочки разорвана, а луна кротко сіяетъ и соловьи поютъ свой гимнъ торжествующей любви. Кричи, плачь, зови, — никто тебѣ не откликнется, никто не придетъ на твой зовъ, и „равнодушная природа“ будетъ продолжать свою созидательную работу, съ одинаковой заботливостью творя и благоуханный розовый бутонъ, и отвратительнаго могильнаго червяка. Ей все нужно и никто не нуженъ. Все какъ будто связано и въ то же время страшно разъединено... И вотъ мы ѣдемъ вмѣстѣ съ вами, сидимъ рядомъ, и вамъ нѣтъ никакого дѣла до меня, а мнѣ—до васъ. Кто мы такіе, зачѣмъ ѣдемъ, куда ѣдемъ,—чортъ знаетъ что̀!..

Онъ разошелся и теперь говорилъ быстро, отрывисто, какъ бы спѣша поскорѣе выбросить волнующія его мысли. Я слушала его съ возростающимъ изумленіемъ, и жуткая мысль пришла мнѣ въ голову: „ужъ не сумасшедшій ли это, бѣжавшій изъ-подъ надзора?“... А онъ, точно угадавъ, что̀ я думала, вдругъ рѣзко оборвалъ свою безпорядочную рѣчь и засмѣялся тихимъ, больнымъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ снова напомнилъ мнѣ покойнаго писателя и больно ударилъ меня по сердцу.

— А признайтесь, — понизивъ голосъ, сказалъ мой спутникъ, — вы навѣрное думаете, что я немножко того... не въ своемъ умѣ? Вѣдь правда,—похожъ?

— Что̀ вы... я вовсе не думала!..—возразила я въ смущеніи.

— О, ничего, мнѣ совершенно все равно!—перебилъ онъ рѣзко.—Что-жъ... можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ съумасшедшій,—я самъ объ этомъ иногда думаю. Но не правда ли, на границѣ между безуміемъ и такъ называемымъ „здравымъ разсудкомъ" человѣкъ иногда встрѣчается съ истиной, которую онъ прежде искалъ вездѣ и не находилъ? Помните, какъ Достоевскій описывалъ то состояніе, которое испытываютъ эпилептики передъ наступленіемъ припадка? Передъ ними открывается небо... и, можетъ быть, въ эту минуту они страшно близки къ познанію „тайны бытія", которую напрасно стараются разгадать геніи и мудрецы. И устами безумцевъ иногда говоритъ истина... Но, постойте, что̀ такое я говорилъ? Да... жизнь — жестокая штука. Жизнь—мертвая пустыня, и люди—заблудившіеся въ ней странники. Они блуждаютъ по ней, испуганные ея грозной и непонятной красотой, и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, въ ужасѣ отворачиваются, потому что не знаютъ другъ друга и не вѣрятъ одинъ другому. Иногда они бредутъ вмѣстѣ, но страхъ и недовѣріе не покидаютъ ихъ, и если одинъ споткнется, другой спѣшитъ уйти. „Жестоки никогда не падавшіе", сказалъ Герценъ... А сколько упавшихъ, сколько боли и страданій затеряно въ этой пустынѣ,— и все-таки мы живемъ и идемъ. Послушайте,—вѣдь каждая минута вашей жизни оплачена чьими-нибудь страданіями—думали ли вы объ этомъ? Каждый вашъ вздохъ, каждое движеніе, каждая капля вашей крови стоитъ кому-нибудь жизни. Вы гуляете,— кто-нибудь растоптанъ. Вы питаетесь—кто-нибудь зарѣзанъ. Вы наслаждаетесь музыкой, — кто-нибудь умеръ съ голоду, потому что вамъ нужно было слушать эту музыку. А розы благоухаютъ и соловьи поютъ... Отвратительно!

— Но что̀ же дѣлать?—нерѣшительно замѣтила я.

— Ага, что̀ дѣлать?—съ злорадствомъ воскликнулъ онъ.— Вы не знаете, что̀ дѣлать, и я тоже не знаю, и никто не знаетъ. А между тѣмъ вотъ это нисколько не мѣшаетъ намъ куда-то ѣхать, мы спѣшимъ, ямщикъ нашъ покрикиваетъ на лошадей, лошади бѣгутъ, торопятся—зачѣмъ, для чего? Потомъ пріѣдемъ на станцію,—тамъ тоже суматоха: бѣгутъ, кричатъ, зажигаютъ огни; поѣзда мчатся туда и сюда, люди тоже спѣшатъ и куда-то ѣдутъ, и никто не знаетъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и дѣлаетъ только потому, что не знаетъ и никогда не думалъ, зачѣмъ все это ему нужно. И это жизнь...

— Ну, а еслибы думалъ?—спросила я.

— Еслибы думалъ... да, вѣроятно, дѣлалъ бы то же самое.

Чтò же еще? Вотъ я думаю... а ѣду все-таки. Я ѣду, а за мною кто-то гонится...

Съ этими словами онъ оглянулся, — оглянулась невольно и я. Но позади, въ огромномъ пространствѣ, наполненномъ холоднымъ луннымъ свѣтомъ, не было ни одной души, и только длинныя, уродливыя тѣни нашихъ лошадей, кривляясь, бѣжали рядомъ съ нами по дорогѣ. И наша телѣжка, и мы сами,—весь этотъ маленькій мірокъ, затерянный среди пустыни, показался мнѣ въ эту минуту такимъ жалкимъ, такимъ ничтожнымъ, что я почувствовала ужасъ, и мнѣ даже захотѣлось, чтобы за нами дѣйствительно кто-нибудь бѣжалъ или шелъ. Но никого не было.

Попутчикъ замѣтилъ мое движеніе и засмѣялся, въ первый разъ повернувшись ко мнѣ лицомъ. Луна теперь свѣтила прямо на него, и я могла хорошо разсмотрѣть его. Повидимому, ему было лѣтъ около сорока,—можетъ быть, больше, можетъ быть, меньше. Глубокія морщины прошли отъ краевъ носа къ угламъ губъ и рѣзко чернѣли на щекахъ, казавшихся мертвенно-блѣдными. Въ небольшой бородѣ, должно быть, бѣловурой, какъ мнѣ показалось, было много сѣдины, и еслибы не темныя брови, сросшіяся надъ переносицей, и не глаза, въ которыхъ горѣлъ лихорадочный огонь, лицо было бы самое обыкновенное и простое. Но эти брови и эти глаза производили странное впечатлѣніе, и мнѣ невольно пришло на память, что людей съ сросшимися бровями въ народѣ считаютъ „несчастными".

— А чтò?—сказалъ мой спутникъ, не переставая смѣяться. —Я и васъ, кажется, заразилъ своимъ бредомъ?

— Да, немножко,—созналась я.

— Ага... Но вѣдь никого нѣтъ, не правда ли?

— Вы же сами видѣли,—ни души.

— Ни души... И все-таки я слышу, чувствую, что кто-то или что-то есть. А знаете, кто это?

— Кто?—спросила я, начиная серьезно безпокоиться подъ его пристальнымъ, сверкающимъ взглядомъ.

— А это, видите ли, собственное „я"... Отъ него уже никуда не убѣжишь, сколько ни бѣгай. За тридевять земель ступайте, и оно побѣжитъ за вами. А случалось вамъ переживать такія минуты въ своей жизни, когда вы сами себѣ становитесь противны?

— Случалось.

— Ага, стало быть, вы меня поймете! Именно, именно собственное „я" становится до противности противно! Всѣ ошибки, всѣ гадости, которыя когда-то дѣлалъ, всѣ скверныя мысли,

скверныя чувства,—вся это подлая мразь стоитъ передъ тобою, глядитъ на тебя безстыдными глазами и говоритъ: „смотри, вѣдь это *ты*, *ты самъ*,—полюбуйся, хорошъ"?.. И стоишь, и смотришь... Отъ всего можно уйти: отъ друга, отъ врага, отъ любимой женщины, а отъ своего „я"—никогда... Развѣ умереть... Но и то, кто знаетъ?—уйдешь ли. „А если сонъ видѣнья посѣтятъ"... А какъ бы хотѣлось уйти!— съ тоской воскликнулъ онъ и оглянулся.

Никто не отозвался на его вопль. Молчала сверкающая весенняя ночь, въ таинственной тишинѣ которой зарождались тысячи тысячъ новыхъ жизней, сегодня еще никому невѣдомыхъ, но уже готовыхъ завтра выйти съ ликованіемъ на встрѣчу солнцу; молчала земля, погруженная въ творческую работу, совершавшуюся въ ея нѣдрахъ; молчали небеса и звѣзды, далекія, холодныя и страшныя въ своей загадочной красотѣ. Мы были одни, одни въ пустынѣ міра, чужіе для всѣхъ и другъ для друга... Я начинала понимать моего страннаго спутника, и уже не безотчетный страхъ, а болѣзненная жалость къ нему, къ себѣ, ко всѣмъ одинокимъ скитальцамъ, блуждающимъ по темнымъ дорогамъ жизни, наполнила мою душу.

Онъ между тѣмъ умолкъ, тяжело вздохнулъ и, снявъ фуражку, провелъ рукою по густымъ, но, кажется, совершенно сѣдымъ волосамъ. Повидимому это его освѣжило, и онъ заговорилъ спокойнѣе:

— А знаете, гдѣ я чувствовалъ себя хорошо? Въ тюрьмѣ и ссылкѣ... Можетъ быть, это покажется вамъ нелѣпостью, но никогда я не былъ такъ свободенъ, какъ въ то время, когда былъ лишенъ свободы. Странно, не правда ли? А между тѣмъ это такъ... Совершенно особенное состояніе! Сидишь и чувствуешь, что ты ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ не виноватъ, потому что отдалъ все, что̀ имѣлъ. Самъ страдаешь—и потому меньше страдаешь за другихъ. Даже твое подлое и грязное „я" въ это время куда-то прячется, забивается въ самый отдаленный уголокъ души и не смѣетъ глядѣть на тебя своими наглыми глазами. Однимъ словомъ... хорошо! Какъ будто бы какой-то огромный долгъ заплатилъ или, лучше, получилъ индульгенцію на всѣ свои грѣхи.

— Да, это странно...—въ раздумьи проговорила я.— Мнѣ кажется, счастье заключается въ свободѣ... и въ борьбѣ, и я не могу понять, какъ можно чувствовать себя счастливымъ, сидя на цѣпи.

— Ага, мы это слыхали!—насмѣшливо вымолвилъ мой спут-

никъ.—Представьте, я и самъ такъ думалъ прежде. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ былъ лишенъ свободы, и вотъ, когда меня везли по Литейному проспекту въ каретѣ со спущенными занавѣсками, и я не видѣлъ, но чувствовалъ за этими занавѣсками широкое теченіе жизни,—въ эту минуту страшное бѣшенство клокотало въ моей груди. Я представлялъ себѣ всѣ эти роскошные магазины и рестораны, эти яркіе вечерніе огни, несущіеся мимо экипажи съ веселыми, разодѣтыми людьми, и мнѣ казалось неестественнымъ, прямо невѣроятнымъ, что въ то время, какъ меня везутъ, точно звѣря въ клѣткѣ, неизвѣстно зачѣмъ и неизвѣстно куда,—жизнь идетъ своимъ чередомъ, и люди смѣютъ веселиться, пить, ѣсть, заниматься своими дѣлами, и никто не кричитъ, никто не возмущается, не заступается, и никому нѣтъ никакого дѣла до меня... Это было до такой степени нестерпимо, что я ринулся-было къ дверцѣ, чтобы отворить ее и закричать на весь Петербургъ... но чужая рука тихонько легла на мою руку, и я застылъ на своемъ мѣстѣ... Тутъ только я понялъ, что уже не принадлежу больше себѣ, что я теперь могу дѣлать не то, чего хочу, а то, чего хотятъ другіе, и что у меня во всемъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что̀ я могъ бы назвать своимъ...

— Ну, и что же, развѣ это не ужасно?—воскликнула я.

— О, да, это было ужасно... *тогда*,—прибавилъ онъ многозначительно. — Помню, когда меня привезли и оставили одного въ узенькой камерѣ съ холоднымъ, асфальтовымъ поломъ, — я что-то такое кричалъ тогда, ругался, стучалъ кулаками въ тяжелую дверь... даже плакалъ. Я казался самому себѣ такимъ маленькимъ, несчастнымъ, обиженнымъ человѣчкомъ... и мнѣ страстно хотѣлось, чтобы кто-нибудь услышалъ мои крики, пришелъ ко мнѣ, пожалѣлъ меня. Но никто не услышалъ, никто не пришелъ и не пожалѣлъ. Я былъ одинъ, и вокругъ меня была холодная, каменная громада, страшная въ своемъ гробовомъ молчаніи...

Онъ на минуту замолчалъ, взволнованный своими воспоминаніями.

— Ну... а потомъ?—спросила я съ нетерпѣніемъ.

Онъ обратилъ ко мнѣ свое просвѣтлѣвшее лицо, которое вдругъ показалась мнѣ совсѣмъ молодымъ.

— О, потомъ было совсѣмъ другое!—сказалъ онъ съ тихою усмѣшкой.—Не прошло и сутокъ, какъ я изъ маленькаго, жалкаго, плачущаго человѣчка превратился въ большого, сильнаго и гордаго человѣка, самому мнѣ до сихъ поръ совершенно не-

знакомаго. Началось съ того, что я, осматривая свою камеру, нашелъ въ углу на стѣнѣ полуистертую надпись, выцарапанную, должно быть, иголкой: „Здравствуй, товарищъ"!.. О, что̀ со мною было, когда я увидѣлъ эти крошечныя буквы, написанныя невѣдомо чьей рукою, но несомнѣнно рукою друга, такъ же, какъ и я, запертаго когда-то въ этой холодной, каменной клѣткѣ... Я не могу вамъ этого передать. Я упалъ на колѣни передъ стѣною, я цѣловалъ ее, я молился на нее... „Здравствуй, здравствуй, товарищъ"!.. Я былъ уже не одинъ, и я былъ гордъ, я былъ счастливъ, я ничего не боялся и ни о чемъ не жалѣлъ. Мнѣ казалось, что я страшно выросъ и стою на какой-то головокружительной высотѣ, откуда весь міръ представлялся мнѣ въ видѣ ничтожной песчинки. „А, думалъ я, меня заперли,—значитъ, меня боятся"... И эта гордая мысль наполняла меня сознаніемъ необыкновенной мощи и собственнаго величія. Я понялъ, что въ эту каменную могилу заключена только одна жалкая оболочка моего „я", мое тѣло, а самъ „я", т.-е. моя мысль, моя воля,—онѣ свободны и властвуютъ надъ міромъ, сливаясь со множествомъ другихъ такихъ же „я", одушевленныхъ тою же свободною мыслью, тою же волей.—И я снова припадалъ къ холодной стѣнѣ и кричалъ въ восторгѣ: „Здравствуй, здравствуй, товарищъ"!..

Онъ такъ громко выкрикнулъ эти слова, что ямщикъ испуганно оглянулся и пріостановилъ лошадей.

— Вы чего это? Мнѣ что-ль?—спросилъ онъ, недовѣрчиво косясь на моего спутника.

— Ничего, ничего... поѣзжай!—сказала я и обратилась къ сосѣду: – Продолжайте...

— Ну... съ этого дня для меня началась какая-то двойная жизнь. Одно мое „я", т.-е. мое тѣло, ходило изъ угла въ уголъ по тюремной камерѣ, принимало тюремную пищу, однимъ словомъ, выполняло обычный арестантскій режимъ; но зато другое „я", свободное, сильное, смѣлое, оно жило жизнью всего̀ міра, внѣ всякихъ законовъ и порядковъ, никому не подчиненное, ни отъ кого независящее. Этихъ четырехъ стѣнъ, которыя отдѣляли меня отъ всего живущаго, для меня не существовало: я ихъ не видѣлъ, совсѣмъ не замѣчалъ. Мысль моя работала страшно, и я никогда не думалъ и не чувствовалъ такъ сильно, бурно и ярко. Какіе грандіозные проекты созидались въ моей головѣ! Какіе диспуты я велъ съ воображаемыми оппонентами! Какія рѣчи произносилъ передъ всѣмъ человѣчествомъ!.. И мои тюремщики ничего объ этомъ не знали и не могли мнѣ помѣшать,—въ этомъ была моя гордость и мое торжество. Когда меня вы-

звали на допросъ, я не вымолвилъ ни одного слова; хотя мнѣ, въ сущности, и нечего было имъ сказать, но сознаніе, что никто и ничѣмъ не можетъ заставить меня говорить, никакая сила и власть никогда не проникнетъ въ мои помыслы, въ мое „святая святыхъ“ безъ моего вѣдома и желанія,—это сознаніе дѣлало меня безмѣрно счастливымъ, какъ бываютъ счастливы лишь „боги въ небесахъ“. Вернувшись къ себѣ домой, т.-е. въ камеру, я подошелъ къ стѣнѣ и сказалъ: „Здравствуй, товарищъ“! Стѣна молчала... но... я зналъ, я чувствовалъ, я вѣрилъ—вѣрю и теперь,—что въ ту минуту мой невѣдомый товарищъ, гдѣ бы онъ ни былъ, на какой бы точкѣ земного шара ни находился,—онъ услышалъ мое привѣтствіе и откликнулся на него. Я не знаю, какъ... можетъ быть, онъ изнемогъ въ жизненной борьбѣ, готовъ былъ упасть—и мой далекій призывъ ободрилъ его, и онъ всталъ, и снова пошелъ впередъ... Можетъ быть, онъ сомнѣвался, терялъ вѣру въ самого себя и въ людей,—и вдругъ какой-то невѣдомый свѣтъ озарилъ его сознаніе, разсѣялъ его сомнѣнія, и онъ, заблудившійся въ потемкахъ жизни, опять вышелъ на дорогу къ вѣчной правдѣ... Почемъ я знаю? Развѣ вы не переживали въ своей жизни такихъ странныхъ моментовъ, когда въ обычный порядокъ вашего существованія вдругъ вторгалось что-то вамъ невѣдомое, пришедшее неизвѣстно откуда, и или останавливало васъ, или толкало впередъ? Вы не знаете, что это такое было, но *это* было, и иногда одного такого момента достаточно для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всю вашу жизнь. Однажды былъ со мною въ Сибири такой случай... Мы бѣжали съ однимъ поселенцемъ, черкесомъ, и плыли по Ангарѣ. Вдругъ разразилась буря,—весла у насъ сломались, лодку закрутило и потащило прямо на камни. Гибель была неизбѣжна, и мы ждали смерти. И вдругъ произошло чудо... Лодка наша запуталась въ корняхъ сломаннаго дерева, и мы, вмѣсто того, чтобы разбиться въ дребезги о камни, благополучно выбрались на берегъ. Мой черкесъ ликовалъ, плакалъ, какъ дитя, взывалъ къ Аллаху, и потомъ сказалъ: „А знаешь, добрый кунакъ у насъ былъ,—онъ за насъ молился въ тотъ часъ, когда смерть пришла за нами“... А кто знаетъ, можетъ быть, онъ былъ правъ... Человѣкъ одинъ, но не одинокъ, и жизнь его такъ тѣсно связана съ жизнью всего міра, что ни одна мысль его, ни одно дѣйствіе не проходятъ безъ того, чтобы не отразиться на судьбѣ другого, можетъ быть, совершенно неизвѣстнаго ему человѣка, кто бы онъ ни былъ,—другъ или врагъ...

— Да... жизнь сложна, но къ ней надо относиться просто, — замѣтила я.

— Т.-е., какъ это?—встрепенулся мой спутникъ.

— Брать все, что̀ она даетъ, не задумываясь надъ тѣмъ,— нужно это или не нужно. Иначе вы рискуете всю жизнь свою провести надъ рѣшеніемъ этого вопроса, а когда рѣшите наконецъ и захотите жить—жизнь уже прошла...

— О, это уже черезчуръ просто!—съ ироническимъ смѣхомъ воскликнулъ онъ.—Брать то, что̀ она даетъ... А если не даетъ?

— Ну... тогда добиваться.

— Чего?.. А если того, чего мнѣ надо, нѣтъ во всемъ мірѣ,—тогда какъ? Нѣтъ, все это не то... Жизнь дѣйствительно сложна и похожа на музыкальный инструментъ, въ которомъ, однако, больше диссонансовъ, чѣмъ консонансовъ. И вотъ одни принимаютъ эти диссонансы за божественную музыку, — такіе счастливы и довольны; другіе слышатъ каждый фальшивый звукъ— и страдаютъ. Я изъ такихъ... Ахъ, вездѣ, вездѣ я слышу только одни диссонансы, и они раздираютъ мою душу!—добавилъ онъ съ отчаяніемъ и схватился за голову.

— А помните... въ тюрьмѣ? Вы сейчасъ разсказывали...— осторожно напомнила я, желая вернуть его къ прерванному разсказу.

Онъ снова просвѣтлѣлъ.

— Ахъ, да... дѣйствительно... тамъ было что-то похожее на симфонію, или какъ она тамъ называется, не знаю. Но вѣдь это только тамъ и было, а потомъ опять пошла такая ужасная какофонія... Да вотъ я вамъ разскажу, если хотите. Вы еще не устали слушать?

— О, нѣтъ!.. пожалуйста говорите!—поспѣшно отвѣчала я.

— Ну, хорошо.—Черезъ шесть мѣсяцевъ я былъ выпущенъ на свободу,—это было раннею весной, кажется, въ началѣ мая, хорошенько не помню. Когда, послѣ всѣхъ формальностей, меня „при пакетѣ" препроводили въ участокъ, а оттуда на всѣ четыре стороны,—я совершенно одурѣлъ. Вечеръ былъ какой-то необыкновенный... или онъ показался мнѣ такимъ... Но помню, что меня особенно поразило тогда небо,—такое свѣтлое, огромное и... зеленое,—знаете, какое оно бываетъ только въ Петербургѣ весной, послѣ заката солнца? Я остановился посреди улицы и сталъ на него смотрѣть... Какъ будто раньше я никогда его не видѣлъ. И оно было такъ прекрасно, такъ чисто, такъ безмятежно, что я не могъ на него наглядѣться... и думалъ: „Вотъ въ чемъ счастье,—чтобы всегда, всю жизнь смотрѣть на это небо,

и вотъ въ чемъ ужасъ тюрьмы,—что тамъ его почти никогда не видишь“... Впрочемъ, не знаю, не помню, такъ ли я именно думалъ, но приблизительно, кажется, такъ. И вдругъ меня кто-то больно толкнулъ,—я кому-то помѣшалъ; меня выругали „разиней“ или что-то въ этомъ родѣ, и я опомнился, я почувствовалъ, что я на свободѣ и могу идти, куда хочу. Но куда? Я свернулъ съ Малой Итальянской на Литейный и пошелъ къ одному своему земляку и товарищу, съ которымъ мы были очень дружны и жили раньше вмѣстѣ. Я шелъ страшно быстро, почти бѣгомъ, съ какимъ-то особенно радостнымъ чувствомъ въ душѣ. Радостно мнѣ было не столько потому, что я былъ свободенъ и могъ дѣлать все, чтò хотѣлъ, — нѣтъ, я радовался тому, что вотъ я теперь возвращаюсь къ своимъ друзьямъ не тѣмъ, чѣмъ я былъ прежде, что я пережилъ и знаю то, чего не знаютъ другіе; и вотъ я приду и разскажу то новое и важное, чтò несу въ своей душѣ, и меня выслушаютъ съ восторгомъ, и начнется новая жизнь... Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на каждаго прохожаго; я любилъ всѣхъ, несмотря на то, что меня толкали и ругали, когда я попадался кому-нибудь на дорогѣ, но особенно я любилъ все-таки небо, зеленое и тихое небо, которое всегда и вездѣ одно для всѣхъ и во всѣ времена принадлежало всѣмъ и каждому безраздѣльно... Но постойте,—я, кажется, опять отвлекся. Проклятая привычка — говорить вслухъ о томъ, о чемъ нужно думать про себя! Это—тюремная привычка...

На Литейномъ мосту я еще разъ остановился, чтобы посмотрѣть на небо, и потомъ помчался дальше. И вотъ, съ небесами въ душѣ, звоню, врываюсь, какъ буря, въ квартиру и спрашиваю охрипшимъ отъ долгаго молчанія голосомъ: „дома“? —„Дома“. Вхожу. Товарищъ былъ не одинъ, у него сидѣлъ другой нашъ землякъ, и оба они съ увлеченіемъ играли въ шахматы. Должно быть, я засталъ ихъ въ самомъ интересномъ моментѣ игры, потому что оба посмотрѣли на меня мутными глазами, и только черезъ минуту товарищъ узналъ меня и воскликнулъ съ удивленіемъ, но безъ особенной радости: „А, это ты“!.. Шахматы осторожно, чтобы не спутать ходовъ, были отставлены въ сторону, и начались обычные разспросы: „какъ, почему, гдѣ“ и т. д. Я что-то отвѣчалъ,—должно быть, не впопадъ, потому что они, разспрашивая, въ то же время смотрѣли на шахматы и, повидимому, горѣли желаніемъ снова начать прерванную игру. И я вдругъ понялъ, что они страшно далеки отъ того, чтò я принесъ съ собою оттуда, и горячій свѣтъ, наполнявшій мою душу, тихо-тихо угасалъ... Потомъ появился само-

варъ и булки; мы пили чай и говорили объ экзаменахъ, а товарищъ разсказалъ смѣшной случай съ профессоромъ анатоміи, который срѣзалъ одного студента за то, что онъ искалъ какую-то glandula Pineales въ пяткѣ, между тѣмъ какъ она находится въ мозгу... И я слушалъ, я хохоталъ вмѣстѣ съ ними, я дѣлалъ видъ, что меня тоже очень интересуетъ glandula Pineales, а самъ думалъ: „а гдѣ же *то*... что̀ было"?.. И вдругъ я поднялся и пошелъ къ дверямъ. „Постой, куда же ты?"—сказалъ товарищъ съ удивленіемъ. „Вѣдь у тебя нѣтъ квартиры... гдѣ же ты ночуешь?"—Я пробормоталъ что-то неопредѣленное и, оглянувшись у порога, увидѣлъ, что они снова пододвинули шахматы, и товарищъ озабоченно спрашивалъ своего партнера: „Чей ходъ? Кажется, мой"?...

Выйдя на улицу, я долго не могъ сообразить, что̀ такое было со мною. Тюрьма, участокъ, зеленое небо, шахматы, glandula Pineales,—все перепуталось въ моей головѣ... Только на мосту я снова нашелъ самого себя, потому что увидѣлъ небо. Оно было еще зеленѣе, еще глубже, и сіяло какимъ-то загадочнымъ, страшнымъ сіяніемъ. Страшнымъ потому, что оно шло невѣдомо откуда и въ то же время было вездѣ. Въ немъ было что-то библейское, напоминавшее первые дни творенія. Солнца еще не было, не было земли, была только вѣчность... и „бысть свѣтъ" ...Впрочемъ, это все не то... А „то" было вотъ что̀: я стоялъ на мосту, и „бысть свѣтъ", и въ этомъ свѣтѣ, не озаренная имъ, а какъ будто слившаяся съ нимъ, тихо мерцала Нева, и надъ нею смутно темнѣли безмолвныя громады домовъ. И тамъ, въ этихъ громадныхъ ящикахъ, копошились тысячи людей, этихъ маленькихъ, жалкихъ существъ, о которыхъ я такъ тосковалъ въ моемъ одиночествѣ и которыхъ такъ любилъ именно за то, что они такъ малы и жалки. И вотъ я пришелъ къ нимъ, и они меня не знаютъ, и я не знаю ихъ. И весь ихъ міръ былъ мнѣ чуждъ и страненъ, и въ громадномъ потокѣ жизни, который шумно мчался мимо меня, я былъ опять одинъ и никому не нуженъ. Зачѣмъ же было все то, что̀ было? И зачѣмъ я пришелъ?—Я снова вспомнилъ равнодушныя лица моихъ товарищей, шахматы, которыя интересовали ихъ больше, чѣмъ я, разговоры объ экзаменахъ,—и мнѣ захотѣлось уйти совсѣмъ и навсегда въ этотъ холодный, тихій, зеленый свѣтъ.—Развѣ жизнь не шла такъ, какъ она идетъ всегда, хотя въ ней меня и не было? И развѣ она не пойдетъ такъ же, когда меня не будетъ?

Вдругъ кто-то сзади тронулъ меня за плечо,—я оглянулся.

Передо мной стоялъ городовой и смотрѣлъ на меня сурово и недовѣрчиво.

— Вы тутъ чего это, господинъ?—спросилъ онъ подозрительно.

— Я ничего.

— А ничего, такъ и ступайте себѣ. Тутъ стоять вамъ нечего.

Я пошелъ. Мнѣ было все равно, куда ни идти, и я шелъ все прямо, куда несли меня ноги. Помню, какъ мимо меня промелькнулъ Невскій, весь въ огняхъ, веселый, смѣющійся, безстыдный. Помню шарканье ногъ, чьи-то наглыя лица, чей-то наглый хохотъ и обрывки пустыхъ и безстыдныхъ рѣчей. Все шло какъ всегда: одни покупали, другіе продавали; одни были сыты, и потому веселы; другіе хотѣли ѣсть и жадными глазами искали въ толпѣ того, кто могъ ихъ накормить, предлагая за это все, что̀ у нихъ было,—душу и тѣло. У каждаго была своя шахматная партія, и каждый желалъ сдѣлать ближнему своему шахъ и матъ. А я шелъ и думалъ, что навѣрное въ эту зеленую весеннюю ночь, въ этой многолюдной, пестрой толпѣ не было никого, кто бы вспомнилъ хоть на мгновеніе о тѣхъ одинокихъ и забытыхъ, которые среди своихъ четырехъ стѣнъ страдаютъ за всѣхъ и за вся и силятся поднять на свои слабыя плечи всю тягу земную. И я тогда же рѣшилъ, что если уже человѣчество обречено всю жизнь свою гоняться за обманчивыми призраками, то самый красивый изъ нихъ, — призракъ всеобщаго счастья и свободы, и за него сто̀итъ отдать свое личное счастье и свою свободу... Впрочемъ, всего этого не передашь, — все выходитъ на словахъ такъ скучно и такъ длинно. Какъ жаль, что люди не могутъ понимать другъ друга безъ словъ! Ну, развѣ вы поняли меня теперь? Развѣ перечувствовали со мною все то, что̀ чувствовалъ я тогда, блуждая по петербургскимъ улицамъ въ ту зеленую, фантастическую ночь?

— Мнѣ кажется, я васъ понимаю. Разсказывайте дальше.

— Что̀ было дальше, хотите вы знать? Да ничего особеннаго... Вѣдь суть-то не во внѣшнихъ событіяхъ моей жизни, а во мнѣ самомъ, и я хотѣлъ только разсказать вамъ, какъ въ тюрьмѣ я нашелъ самого себя, а на свободѣ—снова потерялъ. Тамъ было все такъ просто и ясно, а здѣсь—такъ темно и запутанно. Тамъ я чувствовалъ, что живу со всѣмъ міромъ, и міръ живетъ во мнѣ, а здѣсь я былъ одинокъ и никому не нуженъ. Потерянный, заблудившійся въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ, я шелъ, самъ не зная куда, и снова очутился на на-

бережной Невы, гдѣ-то около Дворцоваго моста. Ноги у меня нестерпимо ныли отъ ходьбы, и я присѣлъ на гранитную скамью у парапета. Вокругъ не было никого, и ночь была такъ же безмятежно свѣтла. Я засунулъ руки въ рукава своего тощаго пальтеца, пригрѣлся и задремалъ. И вотъ, среди сладкаго забытья, въ которое я уже началъ погружаться, я вдругъ почувствовалъ, что я не одинъ... что кто-то стоитъ надо мною и смотритъ на меня. Я вздрогнулъ и съ трудомъ открылъ отяжелѣвшія вѣки... Дѣйствительно, передъ мною стоялъ человѣкъ и пристально смотрѣлъ на меня. Нѣсколько минутъ мы молча разсматривали другъ друга безъ всякаго изумленія и испуга, вѣроятно потому, что намъ обоимъ нечего было бояться. Онъ былъ одѣтъ такъ же, какъ и я, въ рваное лѣтнее пальто, перепоясанное чѣмъ-то въ родѣ веревки, и также засунулъ руки въ рукава, чтобы согрѣться. На головѣ у него торчала сплюснутая фуражка, и изъ-подъ козырька выглядывало блѣдное, худое лицо,—такое худое, что на немъ можно было пересчитать всѣ кости. Щеки казались двумя черными ямами и на заостренномъ подбородкѣ росли рѣдкіе клочья волосъ. Но глаза на этомъ полумертвомъ лицѣ были живые, яркіе, острые и внимательные, какъ у дикаго звѣрка, изъ-за угла высматривающаго добычу. Онъ заговорилъ первый!

— Папиросочки нѣту, моншеръ?

Я сказалъ, что нѣтъ. Онъ присвиснулъ, разсмѣялся и съ какой-то особенной граціей почесалъ одну ногу о другую, обнаруживъ при этомъ совершенно протертыя подошвы своихъ сапогъ.

— Ну, и денегъ тоже, безъ всякаго сомнѣнія,—ни шиша?

— Нѣтъ, денегъ немного есть.

Глаза его сверкнули еще ярче, и онъ съ видимымъ интересомъ подсѣлъ ко мнѣ на скамью.

— Какъ же это вы такъ... Не опасаетесь?—спросилъ онъ, игриво подталкивая меня плечомъ въ плечо.

— Чего же опасаться?

— Ну, какъ чего? Темной ночи, злого дѣла... Оно, положимъ, ночь теперь не темная, но... злыя дѣла и свѣта не боятся. Да вы кто такой? Не изъ студентовъ?

— Былъ студентъ.

— Это похоже. Нашъ братъ, имѣя въ карманѣ парочку свѣтлячковъ, всегда найдетъ мѣстечко потеплѣе. А я, было, подумалъ сначала, что вы тоже изъ „стрѣлковъ“. Потому, во-первыхъ (онъ критически оглядѣлъ меня съ ногъ до головы)... одѣты вы „въ родѣ Володи“... А во-вторыхъ,—смотрю, сидитъ себѣ человѣкъ ночью на улицѣ—и не стѣсняется. Стало быть,

ничего при немъ нѣтъ этакого, чтобы, знаете, можно было, такъ сказать, „ампошè" (онъ сдѣлалъ соотвѣтственный жестъ рукой)... А много у васъ денегъ, извините за нескромный вопросъ?

Я досталъ кошелекъ, пересчиталъ деньги,—было что-то около рубля,—и подалъ ему. Онъ тоже пересчиталъ и опять присвиснулъ.

— Немного! Но немного—это все-таки не то, что совсѣмъ ничего. Пойдемте, моншеръ!

— Куда?

— А тутъ недалеко, на Фонтанку. Къ моей сестрѣ. То-есть, она не то чтобы мнѣ была родная сестра, но это все равно. Проведемъ пріятно время.

Мы встали и пошли, и шаги наши гулко отдавались на пустынной набережной, отражаемые высокими стѣнами наглухо запертыхъ домовъ.

— А знаете что̀,—сказалъ мнѣ мой новый знакомый.—Все-таки это очень благопріятное „истеченіе" обстоятельствъ, что вы проснулись. Не проснись вы, я бы, пожалуй, дерзнулъ...

— На что̀ дерзнули?

— Ну, какъ сказать... немножко бы поизслѣдовалъ... т.-е., одной рукой за горлышко, а другой—за донышко. И это было бы очень глупо. Во-первыхъ, нашелъ бы всего восемь гривенъ съ трюшникомъ, а во-вторыхъ,—лишился бы пріятнаго знакомства. Но что̀ дѣлать, моншеръ, бываютъ такія странныя комбинаціи! Въ человѣкѣ много свинства, особенно когда онъ хочетъ жрать,—понимаете?—Не кушать и даже не ѣсть, а именно—*жрать*!..

И для наглядности онъ даже зубами пощелкалъ и близко заглянулъ мнѣ въ лицо своими неестественно яркими, смѣющимися глазами.

— Но послушайте,—сказалъ я,—неужели вы мо́гли бы меня даже... придушить?

Онъ какъ-то комично передернулъ своими костлявыми плечами.

— А что̀ же дѣлать, моншеръ!—безпечно воскликнулъ онъ.—Я человѣкъ не злой, но вѣдь все-таки... я человѣкъ! Ангелы не родятся въ грязной лужѣ,—не такъ ли?

Онъ что-то долго еще говорилъ въ этомъ родѣ, но я уже плохо его слушалъ, раздумывая о томъ, какой странный скачокъ сдѣлалъ я, попавъ прямо изъ крошечнаго четырехугольничка одиночной камеры на широкія улицы громаднаго города и изъ прекрасной области возвышенныхъ мечтаній шлепнувшись на самое дно „моря житейскаго". Еще сегодня утромъ я, въ самоотверженномъ порывѣ, жаждалъ какъ можно скорѣе отдать свою

жизнь за человѣчество, а вотъ теперь иду неизвѣстно куда съ человѣкомъ, который самъ хотѣлъ лишить меня жизни... изъ-за чего? Изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, на которыя только и можно выпить да закусить. Не чудовищно ли было это?.. и въ то же время не смѣшно ли до того, что весь міръ могъ треснуть по швамъ отъ хохота?

И вотъ мы шли одни по безмолвнымъ и пустымъ улицамъ,— такіе далекіе и въ то же время такъ страшно близкіе... Онъ— голодный, иззябшій въ своихъ лохмотьяхъ, весь дергающійся отъ злого смѣха и судорогъ въ желудкѣ; я—потерявшійся, съ опустѣвшею душой, съ больнымъ сердцемъ, которое не зналъ, кому отдать... Онъ пришелъ изъ самыхъ подонковъ жизни, гдѣ не ѣдятъ, а „жрутъ", гдѣ перегрызаютъ другъ другу горло изъ-за куска хлѣба; я спустился съ высочайшихъ вершинъ человѣческой мысли, гдѣ грезятъ о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ. И все-таки между нами была странная связь: мы оба были „отверженцы"; у обоихъ не было ничего, и оба мы были готовы на все, потому что намъ нечего было терять. А міръ, отвергнувшій насъ, враждебно и чутко спалъ, отгородившись отъ насъ каменною скорлупою домовъ, и сонъ его ревниво охранялся бдительною стражей общественнаго порядка и спокойствія. Снилось ли ему, какая великая ненависть и какая великая любовь къ нему бродятъ рядомъ въ этотъ глухой часъ за предѣлами его каменныхъ твердынь? И оба мы—мечтатель и босякъ,—были одинаково для него опасны...

Всѣ эти странныя мысли и странныя чувства свои въ то время я еще хотя и смутно, но припоминаю: зато все послѣдующее осталось въ моей памяти какъ нелѣпый сонъ. Помню, что мы пришли въ какой-то переулокъ на Фонтанкѣ и спустились въ подвалъ, гдѣ было очень сыро, очень душно и очень скверно пахло. Помню, что мы пили водку и ѣли какую-то „собачью радость", поджаренную на сковородѣ и распространявшую зловоніе мертвечины. И изъ-за этой мертвечины люди ссорились, дрались и вырывали другъ у друга куски изъ рукъ. Потомъ опять пили пиво, и сестра моего знакомца, молодая женщина съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ, плясала дикій танецъ, а затѣмъ сидѣла у меня на колѣняхъ и плакала, надрываясь отъ кашля, и колотила себя въ грудь и кричала: „убейте меня, а то я сама себя убью"... Наконецъ, появились еще какія-то удивительныя личности, изъ которыхъ особенно хорошо запомнился мнѣ огромный, лысый старикъ съ перебитымъ носомъ. Онъ принесъ узелъ съ разнымъ тряпьемъ, должно быть,

краденымъ, и вся публика толпилась около этого узла, ссорилась, кричала и съ жаромъ обсуждала, сколько „подыметъ" пиджакъ, сколько дадутъ за юбку и по скольку „на рыло" придется вырученныхъ денегъ. И представьте себѣ, меня это тогда нисколько не коробило; напротивъ, все это мнѣ очень нравилось; я чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ у товарища на Выборгской; все для меня было здѣсь просто и понятно, и я самъ даже принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса о томъ, „сколько подыметъ пиджакъ". Въ заключеніе я отдалъ въ общее пользованіе свою жилетку, и очень радовался, когда лысый старикъ съ видомъ знатока объявилъ, что она „подыметъ двугривенный"... Такъ провелъ я первый день моей свободы... а ровно черезъ годъ я уже снова сидѣлъ въ пересыльной московской тюрьмѣ и ждалъ, когда меня „погонятъ" въ Сибирь...

— И долго вы прожили въ Сибири?—спросила я.

— Въ первый разъ недолго... года полтора... Я бѣжалъ.

— Разскажите пожалуйста... это, должно быть, очень интересно.

— Рѣшительно, ничего интереснаго... — пробормоталъ онъ отрывисто и оглянулся назадъ.—Если хотите, уже гораздо интереснѣе, какъ я снова вернулся.

— Вы сами вернулись или...

— Самъ... я былъ за границей... ну, и оказалось, что я не гожусь для Европы, а Европа не годится для меня. Т.-е., лучше сказать, я нашелъ, что вездѣ одинаково скверно и что отъ себя никуда не уйдешь.

Онъ началъ говорить неохотно, сквозь зубы, и все оглядывался. Мѣсяцъ поднялся еще выше и степь казалась еще глубже и пустыннѣе. Мы были точно заключены въ какомъ-то заколдованномъ кругу между небомъ и землею, гдѣ не было ни входа, ни выхода, и наше одиночество среди этой свѣтлой пустыни чувствовалось болѣзненнѣе и острѣе. Мой странный спутникъ видимо переживалъ какія-то жуткія ощущенія, и я рѣшила снова вовлечь его въ разговоръ.

— Все-таки, интересно, почему вамъ было плохо въ Европѣ, —начала я.—Тамъ личность свободнѣе, и потому, мнѣ думается, людямъ живется легче...

— Личность? — перебилъ меня онъ и рѣзко разсмѣялся.— Да какая же я, къ чорту, „личность", помилуйте?! Личность живетъ сама собою и для себя, а я всю свою жизнь только и старался отдѣлиться отъ самого себя и „раствориться въ человѣчествѣ". Ха, слышите, словцо-то какое? Но вышло недоразумѣ-

ніе: самъ себѣ я былъ ненуженъ, а человѣчеству ни на что не понадобился,—оно отлично существуетъ и безъ меня... вотъ я и витаю въ пространствѣ, „взыскуя града невѣдомаго"... Личность, какъ вы называете, она вездѣ найдется, вездѣ съумѣетъ себя устроить,—даже на Чукотскомъ-Носу. Сейчасъ отгородитъ себѣ кусочекъ земли въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, продѣлаетъ въ стѣнкахъ окошечки для „свѣту Божьяго", не забудетъ, конечно, и ставни придѣлать на всякій случай, чтобы „свѣтъ-то Божій" уже не очень безпокоилъ,—ну, занавѣсочки тамъ повѣситъ, цвѣточки на подоконникъ поставитъ,—и пошла жизнь какъ по маслу! Ну, а я такъ не могу... мнѣ подавай или весь шаръ земной, или... ничего не надо...

— Да, если такъ, то мнѣ понятно, почему въ Европѣ вамъ показалось тѣсно,—замѣтила я.

Онъ взглянулъ на меня блестящими глазами и опять оживился.

— Тѣсно? Да, пожалуй... именно тѣсно! Тѣ же каменные дома, тѣ же ставни на окнахъ, тѣ же перегородочки, — здѣсь мое, тамъ твое, я къ тебѣ не лѣзу, и ты ко мнѣ не суйся... И тамъ это даже еще опредѣленнѣе, еще свирѣпѣе, чѣмъ у насъ или на Чукотскомъ-Носу. А когда я въ первый разъ очутился на парижскихъ мостовыхъ, — Боже ты мой, что̀ я переживалъ, что̀ я перечувствовалъ! Я готовъ былъ упасть на колѣни и цѣловать каждый камень, можетъ быть, нѣкогда обрызганный кровью героевъ, отдавшихъ жизнь свою „за други"... Я съ умиленіемъ останавливался передъ каждымъ домомъ, на стѣнахъ котораго громадными буквами были написаны слова: „liberté, égalité, fraternité",—я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, отъ восторга, глядя на парижскихъ гаменовъ въ полосатыхъ штанишкахъ, черныхъ фартучкахъ и шерстяныхъ беретахъ. Ахъ, эти гамены, —визгливые, юркіе, пускающіе вамъ прямо подъ ноги свои волчки и обручи, — они были вездѣ и всюду, они кишѣли на улицахъ, въ садахъ, на рѣкѣ, они заглушали своими криками уличный шумъ, и въ ихъ задорныхъ крикахъ мнѣ чудились побѣдные голоса великаго будущаго, когда всѣ народы сольются въ общемъ чувствѣ братской любви... Помню, одинъ изъ нихъ, пораженный, должно быть, моей странной, не-„европейской" фигурой, захохоталъ мнѣ въ лицо и пронзительно крикнулъ вслѣдъ какое-то словцо, — можетъ быть, бранное... Но я не обидѣлся; я самъ засмѣялся радостнымъ, счастливымъ смѣхомъ и готовъ былъ расцѣловать маленькаго сорванца въ беретикѣ,—вѣдь онъ былъ сынъ этого великаго народа, родной братъ Гавроша, и самъ,

можетъ быть, завтра же отдастъ свою жизнь и свою кровь за свободу, равенство и братство... А черезъ нѣсколько времени послѣ того я шелъ вечеромъ по Place de la République и чуть не въ сотый разъ остановился передъ величественной статуей женщины въ фригійской шапкѣ, возносящей надъ Парижемъ оливковую вѣтвь мира. Она была такъ прекрасна, и вся ея фигура была проникнута такой мощью, такимъ благодушнымъ величіемъ, что я никогда не могъ равнодушно пройти мимо нея, не полюбовавшись на нее и не перечитавъ великихъ словъ, начертанныхъ на пьедесталѣ. Остановился и тогда... Сентябрьскій вечеръ давно угасъ; наступала холодная, сырая ночь. По небу ползли черныя тучи, готовыя разразиться дождемъ, и парижане, которые не любятъ и боятся дождя, спѣшили укрыться подъ кровлю. Торопливо мчались фіакры и омнибусы, всюду мелькали бѣгущіе огоньки, щелкали бичи, отрывисто звучали рожки кондукторовъ, и этотъ непрерывный шумъ и грохотъ, это испуганное мельканіе огней еще болѣе увеличивали холодъ и темноту приближающейся дождливой ночи. Прохожихъ на площади было мало, да и тѣ торопились скорѣе уйти туда, гдѣ было свѣтло и тепло. Но на каменныхъ ступеняхъ у подножія статуи республики сидѣло нѣсколько человѣкъ, которые никуда не торопились и которымъ, должно быть, некуда было идти. Нѣкоторые изъ нихъ, скорчившись и засунувъ руки въ рукава, дремали; другіе покуривали дешевый „капораль" и перекидывались между собою короткими фразами; одинъ пріютился поближе къ фонарю и при свѣтѣ его читалъ обрывокъ какой-то газеты. Я обошелъ статую кругомъ нѣсколько разъ,—люди все сидѣли, а между тѣмъ уже началъ накрапывать дождь. Я подошелъ къ нимъ поближе,—одинъ изъ нихъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня. Это былъ старикъ, страшно худой, съ землистымъ лицомъ и большими, сверкающими глазами. И я узналъ этотъ сухой, горячій блескъ... я видѣлъ его не разъ въ Сибири у русскихъ переселенцевъ; я видѣлъ его у того „моншера", съ которымъ мы когда-то блуждали ночью по улицамъ Петербурга... это былъ блескъ голода и отчаянія, которому нѣтъ предѣловъ. Сердце мое больно сжалось... я присѣлъ рядомъ съ старикомъ,—онъ даже не пошевелился и продолжалъ сидѣть въ той же покорной и безучастной позѣ терпѣливой нищеты. „Monsieur,— сказалъ я тихо,—можетъ быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ? Я могу съ вами подѣлиться".

Онъ устремилъ на меня свои сверкающіе, неподвижные глаза и, ни слова не говоря, протянулъ руку. Я торопливо досталъ кошелекъ и сталъ отсчитывать деньги; руки у меня, самъ не знаю

отчего, страшно дрожали, и нѣсколько монетъ со звономъ упали на мостовую. Этотъ звонъ привлекъ вниманіе другихъ; они поднялись съ своихъ мѣстъ и стали помогать собирать разсыпанныя деньги. „Давно мы не слыхали, какъ звенитъ серебро!“ — проворчалъ одинъ изъ нихъ съ угрюмымъ смѣхомъ. А старикъ все сидѣлъ съ протянутой рукой и ждалъ. Наконецъ, монеты были собраны, и я положилъ ихъ въ холодную, какъ ледъ, костлявую руку съ толстыми, узловатыми пальцами, —должно быть, много поработавшую на своемъ вѣку руку! Всѣ со вниманіемъ слѣдили за этой операціей, и у всѣхъ глаза свѣтились жаднымъ, голоднымъ блескомъ. „Плохія времена, monsieur! — сказалъ одинъ хриплымъ голосомъ.—Работы совсѣмъ нѣтъ, и наши акціи стоятъ очень низко на биржѣ труда. Каждый день на мостовую выбрасываются сотни здоровыхъ рукъ, которыя хотятъ работать, и сотни здоровыхъ желудковъ, которые хотятъ ѣсть, но имъ не даютъ ни того, ни другого. Чѣмъ же это кончится, monsieur“? Тогда другой, похожій на гнома, въ касеткѣ велосипедиста на огромной, уродливой головѣ, громко захохоталъ, и отъ этого смѣха въ груди у него что-то заскрипѣло и заскрежетало, точно разсохшееся колесо въ испорченной машинѣ. „О!—воскликнулъ онъ, растягивая свой огромный ротъ въ ужасную улыбку и обнаруживъ множество острыхъ и крупныхъ зубовъ.—О, гражданинъ, это всегда одинаково кончается; когда въ Парижѣ много свободныхъ рукъ, на улицахъ строятся баррикады“... „C'est ça, c'est ça!“—одобрительно закричали всѣ эти мокрые, голодные люди, корчась отъ холода въ своихъ дырявыхъ блузахъ. Даже мой старичокъ вдругъ судорожно заёрзалъ на мѣстѣ, потеръ колѣнки обѣими ладонями и какимъ-то жалкимъ, точно застывшимъ голосомъ пролепеталъ: „О, да... это правда... когда люди черезчуръ жирѣютъ, имъ необходимо немножко пустить кровь“... Мнѣ стало холодно отъ этихъ словъ; я поднялся, чтобы уйти, и, по привычкѣ, еще разъ взглянулъ на прекрасную бронзовую женщину, все такъ же величаво вздымавшую надъ мокрымъ Парижемъ свою оливковую вѣтвь. Оборванцы переглянулись и засмѣялись, а гномъ въ касеткѣ, точно угадывая мою мысль, сказалъ съ своей дьявольской улыбкой: „О, да, monsieur, она очень красива... но это нисколько не улучшаетъ нашего положенія, — у насъ всетаки нѣтъ хлѣба“... Я поспѣшилъ съ ними проститься и пошелъ впередъ; скоро колоссальная статуя „Республики“ и жалкая кучка маленькихъ людей, пресмыкавшихся у ея ногъ, исчезли въ мокромъ туманѣ. Дождь разошелся и назойливо шлепалъ по асфальтовымъ тротуарамъ, гудѣлъ на аспидныхъ крышахъ домовъ, жа-

лобно всхлипывалъ и что-то лепеталъ въ изсохшихъ листьяхъ каштановъ. Казалось, небо плакало надъ Парижемъ, и всѣ звуки жизни слились съ этими безнадежными рыданіями въ одинъ тягучій и тоскливый стонъ. Парижъ задыхался въ объятіяхъ угрюмой, осенней ночи, а я шелъ, и мнѣ вспоминалась та свѣтлая и холодная ночь, когда я восторженнымъ мальчикомъ вышелъ въ міръ, неся ему всю свою душу, и встрѣтилъ на первыхъ шагахъ съ одной стороны—сытое равнодушіе, съ другой—голодную злобу. Но тогда надо мною сіяла зеленая, весенняя заря, въ которой было что-то зовущее, ободряющее, а теперь я брелъ въ потьмахъ, и небо плакало, обливая холодными, злыми слезами огромную, бездушную статую, — символъ мира и свободы. И я думалъ: сколько крови должны еще пролить маленькіе и большіе Гавроши для того, чтобы три великія слова, начертанныя на пьедесталѣ этой статуи, засіяли въ сердцахъ всѣхъ людей!..

Это было мое первое знакомство съ изнанкой Парижа, и потомъ я уже самъ съ болѣзненнымъ любопытствомъ искалъ въ немъ того, что обыкновенно тщательно скрываютъ отъ посторонних глазъ. Я по цѣлымъ днямъ бродилъ по парижскимъ улицамъ, заглядывалъ въ рабочіе фобурги, въ дешевыя charcuteries и cabarets, заводилъ случайныя знакомства съ разными людьми, съ которыми потомъ не встрѣчался никогда. Я любилъ переходить отъ роскошныхъ бульваровъ, съ ихъ феерическими огнями, сверкающими эталажами, шумными ресторанами и веселою толпой, въ узкіе, кривые переулки, какъ бы нарочно созданные для баррикадъ, гдѣ за высокими каменными стѣнами, похожими на стѣны тюрьмы, угрюмо ворчатъ и пыхтятъ машины, гдѣ высокія трубы плюютъ въ лицо небу огнемъ и дымомъ, гдѣ воняетъ прокислыми кожами и курнымъ углемъ, гдѣ работаетъ, задыхается и отравляетъ себя абсентомъ свободный французскій народъ. Я любилъ слѣдить, какъ постепенно замираетъ яркая, показная жизнь буржуазнаго, веселаго и богатаго Парижа, и какъ начинается другая, темная, когда на мостовыя выползаетъ изъ своихъ гнойныхъ логовищъ все грязное, вонючее, больное и, дрожа отъ холода, изрыгая проклятія всему міру и матери, которая ихъ родила, толпится около отвратительныхъ кабаковъ, чтобы выпить свой „бокъ“. Я много могъ бы вамъ разсказать интереснаго изъ своихъ встрѣчъ, но это будетъ черезчуръ длинно... да, пожалуй, и не ново. Помню, разъ въ одномъ ресторанѣ на бульварѣ Монмартръ, куда я зашелъ поѣсть, меня приняли за анархиста, и испуганный гарсонъ съ помертвѣвшимъ лицомъ и съ вызывающей вѣжливостью попросилъ меня

„положить шляпу въ другомъ мѣстѣ“, т.-е., по просту говоря, выйти вонъ. А когда я шелъ къ выходу, передо мною почтительно разступались господа въ блестящихъ цилиндрахъ, точно я былъ коронованное лицо, и въ ихъ взглядахъ, которыми они меня провожали, свѣтился ужасъ смерти... Видали ли вы что-нибудь болѣе отвратительное, когда человѣкъ боится человѣка?.. Помню еще, когда однажды при мнѣ одна старуха-тряпичница изъ-за пустой сардиночной коробки, найденной въ кучѣ мусора, проломила крюкомъ голову другой старухѣ, своей товаркѣ, и какъ та, умирая, прижимала къ груди эту коробку и костенѣющимъ языкомъ твердила: „это мое“!.. Ахъ, много я тамъ видѣлъ такого, чего не видятъ тѣ, которые пріѣзжаютъ въ Парижъ любоваться на Венеру Милосскую и благоговѣйно падать ницъ передъ каменной поэмой Notre-Dame!.. А кстати: Венеру Милосскую я такъ и не видѣлъ, хотя и читалъ, какъ она „выпрямила“ у Глѣба Успенскаго изломанную душу какого-то россійскаго интеллигента. Да и выпрямила ли, полно? Помните, у Сюлли-Прюдома есть стихотвореніе: „Les Vénus“:

Les femmes de pierre ont des Louvres,
Les vivantes meurent de faim...

Ужъ если французскій жизнерадостный интеллигентъ завопилъ отъ отчаянія, выходя изъ очарованнаго дворца Венеры на улицу, гдѣ каждый день умираютъ съ голоду живые люди, то нашему русскому только и оставалось разбить себѣ голову у ногъ мраморной богини...

— Но почему же такъ?—спросила я.

— Да потому, что эта красота только подчеркиваетъ безобразіе жизни... Говорятъ, что она возвышаетъ душу, возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ идеалу... Не понимаю этого! Скажите, какое мнѣ дѣло до этой отвлеченной красоты, созданной воображеніемъ какого-нибудь геніальнаго мечтателя, если я не вижу воплощенія ея въ жизни и на каждомъ шагу натыкаюсь только на уродство? И будетъ ли кто-нибудь счастливѣе оттого, что тамъ, гдѣ-то наверху, сіяетъ нетлѣнной красотой лучезарный призракъ? Вѣдь внизу такъ темно и печально... и, кажется, еще темнѣе оттого, что передъ вами на минуту блеснулъ яркій свѣтъ. Отчего же свѣтло не вездѣ? Отчего нѣтъ красоты во всемъ, что̀ создано руками Божьими? Горько это... и обидно до злости, до страданія. Вы, можетъ быть, думаете, что я изувѣръ и ненавистникъ всего прекраснаго?... О, еслибы вы знали, какъ я люблю красоту и преклоняюсь передъ ней!.. Я всю жизнь свою

искалъ красоты... и нигдѣ ея не нашелъ. Вотъ отчего я такъ несчастенъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и глубоко задумался, совершенно забывъ обо мнѣ.

— Послушайте,—напомнила я ему.—Вы хотѣли разсказать о своемъ возвращеніи въ Россію.

— Что̀? Ахъ, да... Какъ я вернулся... Это было очень просто. Я затосковалъ. Это было не то что тоска по родинѣ,—нѣтъ: мнѣ захотѣлось опять четырехъ стѣнъ, тишины, безмолвія,—и чтобы я былъ совсѣмъ одинъ... Я почти возненавидѣлъ Парижъ, который постоянно тащилъ меня на улицу, въ толпу, ревѣлъ у меня подъ окнами, будилъ по ночамъ и каждый день съ Мефистофелевскимъ хохотомъ бросалъ мнѣ въ лицо тысячу неразрѣшимыхъ загадокъ. Я былъ оглушенъ, разбитъ, измученъ этимъ проклятымъ городомъ—такимъ прекраснымъ и въ то же время такимъ отвратительнымъ,—какъ апокалипсическая блудница. Я чувствовалъ себя въ немъ ужасно маленькимъ, ничтожнымъ, гадкимъ червемъ и болѣзненно-страстно мечталъ—знаете, о чемъ? О русской степи... спокойной, молчаливой степи, которая не мучитъ, а ласкаетъ, и гдѣ чувствуешь себя не отверженнымъ пасынкомъ человѣчества, а любимымъ сыномъ земли. Впрочемъ, можетъ быть, это и называется „тоской по родинѣ“... Но мысль о степи не давала мнѣ покоя. Возвращаясь по Гласьеркѣ въ свою вонючую дыру на Boulevard d'Italie, я думалъ о ней; стоя на Аустерлицкомъ мосту и глядя на мутно-красное зарево заката, среди котораго, точно два грозные перста, вздымались къ небу готическія стрѣлы Notre-Dame,—я опять думалъ о ней, и мнѣ чудились шорохи травъ, могучіе вздохи вѣтра и запахъ земли,—горячей и нѣжной, какъ грудь матери. По ночамъ мнѣ снились странные сны... я видѣлъ громадныя поля, покрытыя высокой рожью, но въ ней не васильки цвѣли, а бѣлѣли ребячьи головы... тысячи, тысячи маленькихъ бѣлыхъ головокъ, и всѣ онѣ кивали мнѣ, смѣялись и звали меня къ себѣ. Я просыпался... и въ ушахъ моихъ еще звенѣли эти наивные, дѣтскіе голоса, но за окномъ уже рѣвелъ Парижъ, оглушительно грохотали фургоны, запряженные огромными першеронами, слышалась сухая дробь барабановъ и отрывистый топотъ марширующихъ солдатъ, уныло завывали торговцы и торговки: „des haricots, des haricots... cinq sous kilo“!.. и въ этихъ чуждыхъ звукахъ чужого города безслѣдно терялись призывы далекой родины.

Изрѣдка я заходилъ къ товарищамъ и разсказывалъ свои сны,—они смѣялись надо мною и называли меня сумасшедшимъ. Но я

видѣлъ, какъ разгорались ихъ глаза, когда я говорилъ о степи и о маленькихъ бѣлыхъ головкахъ во ржи; я подслушивалъ ихъ подавленные вздохи и думалъ: „Нѣтъ, братцы, я не сумасшедшій, а я говорю только вслухъ о томъ, что̀ вы тщательно прячете отъ самихъ себя. Не снятся ли и вамъ также бѣлыя головки"?.. Былъ между ними одинъ молодой человѣкъ,—еврей, южанинъ; онъ всегда жадно слушалъ мои разсказы, и вотъ однажды, когда я особенно разошелся,—онъ вдругъ какъ вскрикнетъ: „а тучки?.. а ковыль? а курганы"?.. и съ рыданіями выбѣжалъ изъ комнаты. Послѣ, я слышалъ, онъ тоже вернулся въ Россію и умеръ отъ чахотки въ какой-то провинціальной тюрьмѣ. „Любовь сильнѣе смерти"... Помните, у Тургенева?

Одинъ случай совсѣмъ меня доканалъ. Это произошло въ томъ отельчикѣ, гдѣ я жилъ. Отель былъ очень грязный, очень скверный, биткомъ набитъ разнымъ рабочимъ людомъ и сверху до низу пропитанъ особымъ запахомъ, о которомъ одинъ мой пріятель вульгарно выражался: „человѣчиной пахнетъ". Я жилъ въ самомъ темномъ закоулкѣ узенькаго коридорчика, между двумя номерами. Въ одномъ изъ нихъ ютился молодой рабочій, Марсель, съ своей сожительницей Терезой, и сквозь тоненькую стѣну, отдѣлявшую меня отъ нихъ, я слышалъ, какъ они то цѣловались, то дрались. Ссоры бывали очень бурны и часто кончались тѣмъ, что Тереза выбрасывала въ коридоръ все имущество своего друга. Пройдти въ это время по коридору было небезопасно, потому что вамъ въ лицо летѣли туфли Марселя, жилетки Марселя, праздничный цилиндръ Марселя и даже фиксатуаръ для усовъ,—прекрасныхъ черныхъ усовъ Марселя. Самъ Марсель относился къ своему изгнанію стоически и, располагаясь на ночлегъ въ коридорѣ, съ добродушнымъ юморомъ говорилъ проходящимъ: „Мы подождемъ,—вѣдь послѣ грозы всегда бываетъ прекрасная погода"!.. И дѣйствительно, его барометръ указывалъ вѣрно: на другой же день онъ снова водворялся со всѣми своими жилетками и подтяжками у Терезы, и снова начинались пламенные поцѣлуи.—Съ другой стороны у меня жила молоденькая дѣвушка, съ блѣднымъ лицомъ и большими дѣтскими глазами. Я изрѣдка встрѣчался съ ней на лѣстницѣ, и она всегда при этомъ пугливо жалась къ стѣнѣ, давая мнѣ дорогу. Ее почти совсѣмъ не было слышно, и только иногда по утрамъ изъ ея комнаты до меня доносился легкій шорохъ, точно тамъ возилась мышка. Ее такъ и называли въ коридорѣ: „la souriceau"... И вотъ однажды, подходя къ отелю, я увидѣлъ у входа громадную толпу народа, запрудившую весь тротуаръ. Тутъ

были рабочіе и работницы со всего квартала въ своихъ синихъ блузахъ и черныхъ затрапезныхъ платьяхъ; прачки въ полосатыхъ фартукахъ и чепцахъ à la Шарлотта Кордэ; лавочницы, торговки, гамены, случайные прохожіе и полицейскій сержантъ, немножко смущенный, но не утратившій чувства собственнаго достоинства. И всѣ эти люди кричали, жестикулировали, какъ это могутъ дѣлать только настоящіе парижане, и, поднявъ головы вверхъ, смотрѣли на окна нашего отеля. Хозяйка, вся въ слезахъ, стояла на порогѣ, и по тому, что она забыла даже вынуть папильотки изъ волосъ, видно было, что она сильно разстроена. „Что̀ случилось?“ — спросилъ я, но мнѣ никто не отвѣтилъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ Марселя, который сломя голову летѣлъ внизъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и прекрасные усы его торчали во всѣ стороны, какъ у перепуганнаго кота. Я его остановилъ. „Скажите, что̀ здѣсь такое?“ — „О! — воскликнулъ онъ, задыхаясь: — La souriceau... этотъ бѣдный ребенокъ, который никому не сдѣлалъ зла... Эта маленькая дѣвушка... она повѣсилась сегодня утромъ“... — „Моя сосѣдка?“ — спросилъ я. — „Да, да... и никто не знаетъ, почему!.. Она все молчала—pauvre petite souriceau... и сегодня весь день не выходила изъ своей комнаты. А вотъ нѣсколько минутъ тому назадъ моей Терезѣ понадобились нитки,—она пошла къ ней, но дверь не отворяется. Тереза позвала хозяйку; онѣ сломали замокъ, и представьте себѣ, — дѣвочка виситъ на дверномъ крюкѣ, и уже давно-давно похолодѣла... Съ Терезой сдѣлалось дурно... я бѣгу въ аптеку“... Онъ помчался внизъ, а я пришелъ къ себѣ и, не зажигая огня, легъ на кровать лицомъ къ стѣнѣ,— къ той самой стѣнѣ, за которою одиноко тосковала бѣдная souriceau и такъ же одиноко покончила свою жизнь. „И никто не знаетъ, почему“... сказалъ Марсель. Никто во всемъ домѣ и во всемъ этомъ огромномъ Парижѣ, который на каждомъ шагу кричитъ вамъ въ лицо: „братство, равенство, свобода“... А на улицѣ глухо гудѣла толпа, и мнѣ хотѣлось встать, подойти къ окну и крикнуть на весь Парижъ: „Каинъ, а гдѣ же братъ твой Авель“?.. Черезъ нѣсколько дней souriceau хоронили. Тереза стащила въ Mont de Piéte всѣ свои убогія драгоцѣнности и устроила похороны „comme tout le monde“. Погребальныя дроги были украшены грязными страусовыми перьями, и двѣ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ кисейныхъ покрывалахъ, держа въ рукахъ длинныя бѣлыя ленты, привязанныя къ дрогамъ, шли за гробомъ, на которомъ лежалъ дешевенькій бисерный вѣнокъ. Опять всю улицу загромождала громадная толпа народа и молча раз-

ступалась передъ дѣвушками въ бѣлыхъ покрывалахъ, свѣженькими и хорошенькими, какъ и та, которая лежала теперь въ гробу.—Все это было, пожалуй, красиво и трогательно,—прибавилъ мой спутникъ съ злымъ смѣхомъ,—но какое до этого дѣло было маленькой souriceau? И за одну ея улыбку не стоило ли отдать всю эту красивую ложь, которою люди прикрываютъ свое бездушіе и эгоизмъ? Бѣдная дѣвочка... она никогда не улыбалась, и „никто не знаетъ, почему"... Да и не узнаетъ никогда. Ее увезли на кладбище; толпа мало-по-малу разошлась. Только два полицейскихъ сержанта долго еще разгуливали по тротуару, угощая другъ друга сигаретами, да торговцы надорванными голосами выкрикивали свое: „Des haricots, des haricots, cinq sous kilo"!.. А черезъ недѣлю я былъ уже далеко отъ Парижа, и поѣздъ мчалъ меня по грустнымъ сѣрымъ равнинамъ, надъ которыми грустно улыбалось блѣдное солнце. И въ эту минуту я былъ почти счастливъ... потому что здѣсь не было нарядной лжи, разубранной въ яркія лохмотья, здѣсь прямо мнѣ въ глаза смотрѣла жестокая, безобразная правда и говорила мнѣ: „иди"!..

— И вы пошли?

— Да... Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, и я снова успѣлъ побывать тамъ, гдѣ поетъ свою мрачную пѣсню вѣтеръ Ледовитаго океана. Теперь я вполнѣ легализированъ и въ качествѣ мирнаго гражданина посѣщаю могилы своихъ отцовъ и друзей. Кромѣ могилъ, у меня здѣсь почти ничего не осталось... потому что, пока я мыкался по свѣту въ поискахъ красоты, многіе уже умерли, и я теперь... совсѣмъ одинъ!

— Но... куда же вы ѣдете теперь?—спросила я.

— Куда?—сказалъ онъ съ загадочной усмѣшкой.—Не знаю... Вѣроятно, опять пойду искать...

Онъ замолчалъ. Впереди замелькали зеленые и красные огоньки желѣзной дороги; они выпрыгивали одинъ за другимъ изъ сверкающей глубины ночи, и холодное лунное сіяніе не могло побѣдить этихъ живыхъ огней земли. Безмолвная степь вдругъ ожила и повеселѣла; повеселѣли усталыя лошади и прибавили рыси. Кончилось жуткое одиночество пустыни: тамъ впереди ждала жизнь,—можетъ быть, мелкая, суетная, несовершенная, но все-таки жизнь. „А жить такъ хочется"!..

Когда мы подъѣхали къ станціи, поѣздъ уже пришелъ, и въ звучной тишинѣ ночи слышалось тяжелое пыхтѣнье паровоза. Я заторопилась, боясь опоздать, и въ хлопотахъ совершенно забыла о своемъ спутникѣ. Пока я брала билетъ и разыскивала

мѣсто въ вагонѣ, онъ затерялся въ толпѣ, и тогда только я вспомнила, что даже не успѣла съ нимъ проститься. Я побѣжала на станцію, прошла по платформѣ, заглядывая въ окна вагоновъ,—его уже не было нигдѣ. Куда онъ исчезъ?.. И, сидя въ вагонѣ среди богомолокъ и шибаевъ, толковавшихъ о цѣнахъ на гусиный пухъ и свиную щетину, я думала: „да не сонъ ли все это было—и эта прозрачная, голубая ночь, и мой странный спутникъ съ своими странными разсказами"? Но нѣтъ... Несомнѣнно, это былъ не сонъ: въ моей памяти еще сохранились звуки этого глухого, вздрагивающаго голоса и эта загадочная усмѣшка на блѣдномъ, измученномъ лицѣ. Онъ былъ... можетъ быть, есть и теперь, и все еще бродитъ по свѣту въ неустанныхъ поискахъ „града невѣдомаго". Найдетъ ли онъ его?...

В. I. Дмитрiева.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

и

СПЕКУЛЯЦІЯ

I.

Рядъ тяжелыхъ и поучительныхъ впечатлѣній пришлось пережить намъ въ послѣдніе три года отъ такъ называемаго промышленнаго кризиса, выразившагося въ крушеніяхъ и разстройствѣ дѣлъ разныхъ промышленныхъ предпріятій. Многое изъ того, что̀ еще недавно было предметомъ похвальбы и выставлялось знаменіемъ нашего быстраго экономическаго прогресса, оказалось построеннымъ на пескѣ, и процессъ подобныхъ разоблаченій повидимому еще не завершился. Но пока наше вниманіе сосредоточивается на этой сторонѣ экономической жизни, выступаютъ признаки подготовки другого, тоже серьезнаго кризиса — земельнаго.

Предъ нами проходитъ непомѣрный ростъ земельныхъ цѣнъ, идущій не только быстро, но и рѣзкими скачка̀ми, притомъ какъ разъ въ то время, когда отовсюду слышатся общія жалобы на упадокъ земельной же доходности, причемъ иные увѣряютъ даже, будто выручка отъ помѣщичьяго хозяйства не окупаетъ его расходовъ. Казалось бы, паденіе доходности и возвышеніе цѣны ея источника — явленія настолько взаимно-противоположныя, что сочетаніе ихъ совсѣмъ неестественно; но наша жизнь, особенно въ послѣдніе годы, представляетъ такъ много страннаго и даже поразительнаго, что означенное явленіе, теряясь въ ряду про-

чихъ подобныхъ, не останавливаетъ на себѣ даже соотвѣтствующаго его серьезности вниманія. Между тѣмъ, необходимо заботливо разбираться въ подобныхъ загадкахъ не только въ интересахъ правильной оцѣнки современныхъ экономическихъ фактовъ, но и съ чисто практическими цѣлями. Надо во-время отличать естественныя явленія отъ искусственныхъ, не смѣшивая дѣлъ основательнаго разсчета съ увлеченіями и фокусами спекуляціи. Конечно, иныя явленія могутъ быть съ виду загадочными, но имѣть достаточное внутреннее основаніе, и въ такомъ случаѣ они нуждаются въ тщательномъ изслѣдованіи для выясненія ихъ незамѣчаемыхъ причинъ. Но они также могутъ быть плодомъ безразсчетнаго увлеченія или вредной спекуляціи—и тогда нужно выставлять ихъ дѣйствительную сущность какъ можно своевременнѣе, чтобы вызвать въ отношеніи къ нимъ всю возможную осторожность дѣйствій и сократить ихъ развитіе для предупрежденія новыхъ запоздалыхъ и дорогихъ расплатъ. Къ какому же именно разряду принадлежитъ быстрый подъемъ земельныхъ цѣнъ при паденіи доходности? Основателенъ ли онъ, искусственъ ли, или имѣетъ смѣшанный характеръ? Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься.

Самый фактъ рѣзкаго и прогрессивнаго дорожанія земель не подлежитъ сомнѣнію. О примѣрахъ болѣе и болѣе дорогой продажи ихъ приходится теперь слышать почти ежедневно. Кромѣ словесныхъ сообщеній провинціальныхъ наблюдателей, о нихъ появляется много извѣстій въ печати. То же говорятъ и отчеты банковъ, особенно крестьянскаго и дворянскаго. Нѣтъ еще, конечно, полнаго и точнаго цифрового матеріала, показывающаго размѣры и формы того, что совершалось и совершается въ ближайшее къ намъ время и что составляетъ удѣлъ будущей статистики; но и безъ громоздкой и точной разработки данный предметъ достаточно освѣщается хотя бы группировкою сообщеній, появлявшихся въ печати. Приведемъ нѣсколько характерныхъ образцовъ.

Изъ херсонской и таврической губерній сообщали о случаяхъ, какъ одна и та же земля (не въ рудномъ районѣ) въ теченіе одного года перепродавалась по два и по три раза, всякій разъ съ крупными надбавками въ цѣнѣ, и въ концѣ концовъ за наивысшую цѣну сбывалась крестьянамъ. По одному изъ газетныхъ извѣстій оттуда же, на торговлю землею обратились нѣкоторые капиталы, бывшіе помѣщенными въ питейномъ дѣлѣ и освободившіеся со введеніемъ винной монополіи, причемъ промышленники нашли себѣ въ земельной торговлѣ новый источникъ

барыша; но встрѣчаются также и прежніе землевладѣльцы, которые признали болѣе выгоднымъ, вмѣсто веденія хозяйства въ собственныхъ имѣніяхъ, сбывать послѣднія и на вырученныя суммы покупать чужія земли для перепродажи ихъ, причемъ конечный исходъ подобной операціи—передача земли въ крестьянскія же руки. Въ земской „Сельско-хозяйственной хроникѣ херсонской губерніи“ приводился рядъ примѣровъ покупки земли, показывавшихъ, что цѣна десятины въ александрійскомъ уѣздѣ не только по мелкимъ, но и по крупнымъ сдѣлкамъ, доходила до 150 и 180 рублей, т.-е. до небывалой въ восьмидесятыхъ годахъ высоты.—Въ степной части таврической губерніи, наиболѣе подверженной вліянію засухъ, продажныя подесятинныя цѣны превышали цѣны густо-населенной, плодородной и промышленной кіевской, а въ Бессарабіи—земли продавались дороже, чѣмъ въ подольской.—Изъ черниговской и полтавской губерній сообщали въ газеты, какъ имѣнія, купленныя всего годъ назадъ, перепродавались съ надбавкою къ прежней цѣнѣ 15 и 20 процентовъ. Въ переяславскомъ уѣздѣ (полт. губ.) одинъ земельный скупщикъ, купивъ два года назадъ имѣніе за 87 тысячъ рублей, недавно перепродалъ его крестьянамъ слишкомъ за 100 тысячъ.—Въ с. Панфилахъ, три года назадъ, одна часть имѣнія продана была по 140 рублей за десятину, а теперь другая—уже по 300 рублей. Въ прошломъ году изъ тѣхъ же мѣстностей приходили вѣсти о продажахъ по 400 и по 500 рублей за десятину. Промышленники, по словамъ корреспондентовъ, скупивъ имѣнія, оголяютъ ихъ и затѣмъ сбываютъ оголенную землю съ барышомъ, причемъ набавки продолжаются до продажи крестьянамъ, которые такимъ образомъ оплачиваютъ иногда наживу нѣсколькихъ промежуточныхъ спекулянтовъ.—Въ воронежской губерніи компанія спекулянтовъ оперируетъ надъ пришлыми крестьянами. Въ острогожскомъ уѣздѣ скуплено ею 17 тысячъ десятинъ, не дороже 60—75 руб. за десятину, и перепродано съ помощью крестьянскаго банка по цѣнѣ отъ 105 до 125 рублей; въ богучарскомъ куплено около 30 тысячъ десятинъ по 50—80 руб. и перепродано по цѣнѣ отъ 100 до 120 руб. за десятину. Одно имѣніе путемъ перепродажи принесло временному владѣльцу чистаго барыша 400 тысячъ.

Таковы сообщенія изъ южной полосы и изъ мѣстностей стараго густонаселеннаго среднерусскаго чернозема. Но не менѣе эффектны и приходящія съ востока. Въ самарскую и уфимскую губерніи идетъ колонизаціонное крестьянское движеніе изъ разныхъ мѣстностей, но спекулянты заранѣе скупаютъ мѣстныя

земли и перепродаютъ ихъ этимъ искателямъ насущнаго хлѣба съ колоссальнымъ барышомъ, отчего въ самое короткое время земельныя цѣны тамъ поднялись вдвое и выше. О подобнаго рода купеческихъ спекуляціяхъ заявлено было и въ самарскомъ земскомъ собраніи. Но особенною рельефностью отличается появившееся недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" сообщеніе г. Пругавина, изображающее и подвиги скупщиковъ, и производимыя ими послѣдствія. Нѣкій З. охватилъ систематическою скупкою часть саратовской и южные уѣзды самарской губерній. Купивъ имѣніе по 25 рублей за десятину, онъ, черезъ двѣ-три недѣли, сбываетъ по 50 рублей, а одно имѣніе, пріобрѣтя по 16, сбылъ даже по 40 рублей, т.-е. получилъ 150 процентовъ барыша. Въ 1900 году имѣніе г. Веретенникова въ 2.200 десятинъ, купленное по 29 руб. десятина, черезъ двѣ недѣли перепродано по 43 рубля, т.-е. тутъ земля какъ будто разомъ вздорожала въ полтора раза. Въ бузулукскомъ уѣздѣ нѣкій Р. пріобрѣлъ, восемь лѣтъ назадъ, 7.500 десятинъ по 25 рублей, а теперь запродалъ крестьянамъ по 100 рублей. Имѣніе одного изъ самарскихъ нотаріусовъ (4.000 десятинъ), пріобрѣтенное одесскимъ скупщикомъ М. по 22 рубля, всего черезъ шесть мѣсяцевъ продано переселенцамъ по 47 рублей, т.-е. полугодовой барышъ спекулянта составилъ сто тысячъ рублей.

Можно бы, конечно, выписать изъ газетъ гораздо больше единичныхъ примѣровъ, но въ этомъ не представляется надобности, потому что, при всей разбросанности своей, подобныя вѣсти отличаются полною однородностью, совпадая съ тѣмъ, что часто передается устно. Добавки фактовъ дадутъ нѣсколько новыхъ цифръ, но не увеличатъ эффекта приведенныхъ выше примѣровъ. Можетъ быть, иные примѣры допускаютъ какія-либо оговорки, особенныя поясненія, даже фактическія поправки, но все это потонетъ въ общей внушительной массѣ, говорящей одно и то же, и частныя поправки теряютъ интересъ еще потому, что никто не отрицаетъ сильнаго дорожанія земель. Напротивъ, объ этомъ вездѣ говорятъ, да и отчеты крестьянскаго банка прямо утверждаютъ, что „возростаніе покупныхъ цѣнъ на землю за послѣдніе *четыре* года замѣчается почти повсемѣстно въ Россіи". Замѣтно только, что въ однихъ случаяхъ вліяніе спекуляціи выступаетъ слишкомъ грубо,—когда, напримѣръ, крупные куши срываются въ черезчуръ короткое время,—а въ другихъ подъемъ цѣнъ сказывается ровнѣе, въ рядѣ годовъ, хотя съ поражающею же прогрессивностью, давая просторъ болѣе сложнымъ объясненіямъ. Обратимся, однако, еще къ матеріалу, даваемому

банковыми отчетами, и извлечемъ нѣсколько новыхъ сопоставленій.

По отчету крестьянскаго банка за 1897 годъ, средняя покупная цѣна десятины была 71 рубль, тогда какъ ни въ одномъ изъ предыдущихъ годовъ она не поднималась выше 52 рублей. Въ 1899 году она поднялась еще на рубль, а въ 1900 году дошла до 76 рублей. Впрочемъ, такое общее сравненіе можетъ еще вызывать замѣчанія въ томъ смыслѣ, что въ одномъ году бо́льшій процентъ земель могъ быть покупаемъ въ лучшихъ, а въ другомъ—въ худшихъ мѣстностяхъ. Поэтому, не ограничиваясь валовыми выводами, сдѣлаемъ еще нѣсколько сравненій по отдѣльнымъ губерніямъ, отличающимся меньшимъ внутреннимъ разнообразіемъ достоинства земли, и притомъ за болѣе продолжительное время. Именно, сравнимъ подесятинныя продажныя цѣны по сдѣлкамъ, совершеннымъ въ началѣ дѣятельности крестьянскаго банка и—въ началѣ и концѣ послѣдняго его отчетнаго семилѣтія, присовокупивъ къ нимъ еще подесятинныя цѣны, по какимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній купилъ имѣнія самъ банкъ.

Губерніи.	Среднія покупныя цѣны на десятину.				
	А. По сдѣлкамъ крестьянъ съ продавцами.				Б. По покупкамъ самого банка.
	1884 г.	1894 г.	1899 г.	1900 г.	1899 г. [1].
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
Курская.	106	119	123	135	—
Полтавская	91	86	135	159	141
Саратовская	33 (отъ 25 до 60 р.)	65	78	81	86
Смоленская	28	34	65	68	—
Могилевская	17	34	51	63	54
Подольская	95	127	131	158	113
Херсонская	65	98	126	134	—
Таврическая	49	—	136	123	—

Отсюда видно, какъ быстро и сильно повышались продажныя цѣны. Только по курской губерніи подъемъ этотъ былъ не болѣе 25% за шестнадцать лѣтъ, хотя губернія эта—одна изъ лучшихъ, а по остальнымъ онъ вездѣ больше, чѣмъ въ полтора раза. Особенное же вниманіе обращаютъ на себя болѣе ровныя по качеству земли губерніи: смоленская, могилевская и херсонская, гдѣ различіе этого качества меньше другихъ могло отра-

[1]) Полнаго отчета за 1900 годъ у насъ еще нѣтъ, и относительно этого года мы довольствуемся извлеченіемъ, приведеннымъ въ „Вѣстн. Финансовъ“.

зиться на цѣнахъ и, слѣдовательно, явственнѣе выразилось само вздорожаніе. Тутъ цѣны выросли вдвое, въ $2^1/_2$ и $3^2/_3$ раза. Собственныя же покупки банка, за исключеніемъ подольской губерніи, оказались еще дороже современныхъ покупокъ по сдѣлкамъ крестьянъ съ продавцами.

Въ отчетахъ дворянскаго банка всего краснорѣчивѣе по данному вопросу свѣдѣнія о перезалогахъ имѣній, бывшихъ уже заложенными прежде, съ выдачею добавочныхъ ссудъ. Эти перезалоги и выдачи практикуются очень широко изъ года въ годъ. Такъ, въ 1898 году подъ вновь принятыя въ залогъ имѣнія было выдано $67^1/_2$ милліоновъ и добавочныхъ по перезалогамъ 53 милліона, въ 1899 г.—подъ новые залоги 37 милліоновъ и добавочныхъ $34^1/_2$ милліона, а въ 1900 г.—подъ новые залоги $35^1/_2$ милліоновъ и добавочныхъ по перезалогамъ $40^1/_2$ милліоновъ. Въ предшествовавшіе же четыре года, добавочныя ссуды даже постоянно превышали своимъ размѣромъ первоначальныя, такъ что вообще въ послѣдніе годы дѣятельность дворянскаго банка столько же выражалась въ пріемѣ новыхъ залоговъ, сколько въ увеличеніи долга прежнихъ заемщиковъ, путемъ возвышенія оцѣнки ихъ имѣній. Въ какой мѣрѣ чувствительны эти возвышенія—показываетъ то, что въ 1899 году 503 имѣнія, первоначально оцѣненныя въ 33.381.000 рублей, переоцѣнены были въ 49.816.000 р., а въ 1900 году 605 имѣній, оцѣненныхъ при выдачѣ первыхъ ссудъ въ 39.917.000 руб., переоцѣнены въ 59.463.000 р. Т.-е., въ оба года имѣнія признавались вздорожавшими въ полтора раза. Правда, причинъ такого возвышенія въ отчетахъ названо нѣсколько: увеличеніе состава заложенныхъ имѣній, включеніе въ оцѣнку лѣса и построекъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе доходности имѣній и улучшеніе ихъ. Но такъ какъ первая причина (увеличеніе состава) оказывается совершенно ничтожною (въ 1899 году на 718.403 десятины въ заложенныхъ имѣніяхъ прибавилось только 13.479, или менѣе 2%, а въ 1900 г. на 729.168 десятинъ—18.669, или $2^1/_2$%), то, очевидно, главнѣйшую причину добавочныхъ ссудъ составляетъ признаніе земель сильно вздорожавшими.

Приведеннаго сырого матеріала для нашей цѣли достаточно, такъ какъ задачу нашу составляетъ не подробная разработка большой цифровой массы, а обозначеніе общаго явленія, достигаемое при помощи группировки болѣе характерныхъ образцовъ. Послѣдніе ясно показываютъ и фактъ дорожанія земель, и крупные размѣры его, и формы. Ростъ цѣнъ очевидно теперь въ самомъ разгарѣ, и пертурбаціи, испытываемыя подесятинною цѣ-

ною, много напоминаютъ скачки, недавно совершавшіеся биржевыми цѣнами акцій тѣхъ промышленныхъ предпріятій, для которыхъ, послѣ широкой масляницы, вдругъ наступилъ великій постъ, т.-е. время сухояденія и исповѣданія грѣховъ.

II.

Въ чемъ же причина такой горячей скачки земельныхъ цѣнъ? Въ отношеніи къ подобному вопросу нельзя отдѣлываться общими фразами, поверхностными сужденіями, тенденціозными или уклончивыми толкованіями, а нуженъ отвѣтъ серьезный, обоснованный, аналитическій.

Подъемъ цѣнъ былъ бы вполнѣ естественъ, еслибы являлся прямымъ слѣдствіемъ постояннаго подъема земельной доходности. Сильно росли цѣны—хотя равномѣрнѣе—въ семидесятыхъ годахъ, особенно въ концѣ ихъ, но этому нечего было удивляться, потому что въ то время чувствительно поднимались хлѣбныя цѣны, при которыхъ и прежняя земельная производительность приносила прибавку денежнаго дохода, такъ какъ прежнее количество земельныхъ продуктовъ помножалось на возвысившуюся величину цѣны пуда или четверти. Ростъ доходности продолжался приблизительно до 1881 года, представлявшагося кульминаціоннымъ его моментомъ, а съ 1882 года стало чувствоваться уже обратное теченіе, и около времени рожденія дворянскаго банка слышались уже громкія жалобы на трудность положенія частнаго землевладѣнія. Около 1887 года послѣдовалъ новый скачокъ пониженія цѣнъ, уже затяжнóго, а потомъ появлялись дальнѣйшія повторенія того же явленія. Восьмидесятые годы, такимъ образомъ, были періодомъ регресса хлѣбныхъ цѣнъ, причемъ стали даже выступать эффектныя жалобы на трудность сбыта по какимъ бы то ни было цѣнамъ. Такія условія не имѣли уже ничего общаго съ бывшими въ концѣ семидесятыхъ годовъ; слѣдовательно, годившіяся для этихъ послѣднихъ годовъ объясненія потеряли свое значеніе. Между тѣмъ, чтò ни говорить, нормальная земельная цѣна, по самой сущности своей, представляетъ капитализацію земельнаго дохода, такъ какъ покупающій имѣніе—покупаетъ доходъ отъ него. Доходъ же способенъ рости или отъ увеличенія урожайности, или отъ сокращенія хозяйственныхъ издержекъ, или отъ дорожанія произведеній земли. Когда повысился чистый доходъ—дороже становится и его источникъ;

а если понизился онъ—не видно резона дорожанію земли, или явился противоположный резонъ.

Не увеличилась ли у насъ въ девяностыхъ годахъ урожайность? На это нѣтъ утвердительныхъ указаній, кромѣ развѣ какихъ-либо отдѣльныхъ исключительныхъ примѣровъ, являющихся результатомъ усилій ограниченнаго числа лицъ, причемъ избытокъ урожая вознаграждаетъ собственно личный трудъ и умѣлость хозяевъ, а не отражается на цѣнѣ самой земли, которая въ другихъ рукахъ принесетъ совсѣмъ не то. Подобные примѣры продолжаютъ быть рѣдкими, не имѣя общаго значенія. Въ общемъ же, напротивъ, чаще стали неурожаи, а недостатокъ агрономическаго прогресса и истощеніе природныхъ силъ земли продолжаетъ служить предметомъ большихъ жалобъ.

Не уменьшились ли, въ качествѣ общаго явленія, хозяйственные расходы? И на это не слышится утвердительныхъ отвѣтовъ. Землевладѣльцы больше жалуются на обремененіе ихъ хозяйствъ, чѣмъ говорятъ о какихъ-либо облегчительныхъ условіяхъ.

Поправились ли послѣ восьмидесятыхъ годовъ цѣны произведеній земли? Тутъ отвѣтъ получается уже прямо отрицательный. Слишкомъ еще въ свѣжей памяти у насъ тѣ вопли о непомѣрной дешевизнѣ хлѣба, которые нѣсколько лѣтъ назадъ слышались отъ массы сельскихъ хозяевъ, наводняли печать, вызывали различныя хозяйскія ходатайства, волновали и дѣлили на партіи нашихъ экономистовъ, породили особую литературу, оффиціальную и неоффиціальную, были поводомъ къ учрежденію высшихъ коммиссій, издававшихъ свои труды, подвергались сенсаціоннымъ дебатамъ въ ученыхъ обществахъ, словомъ—занимали собою правительственное и общественное вниманіе, какъ дѣло первостепеннаго экономическаго значенія для страны. Если мнѣнія въ ту пору дѣлились, то лишь въ отношеніи къ вопросу—выгодно или невыгодно паденіе хлѣбныхъ цѣнъ для благосостоянія большинства населенія, или для кого именно выгодно и невыгодно, но никакъ не въ отношеніи къ самому факту этого паденія. Что цѣны всколебали положеніе хозяевъ—въ этомъ всѣ были согласны, и вотъ тогда-то пошли въ ходъ натянутыя утвержденія, будто дѣло дошло до того, что во множествѣ случаевъ упавшій валовой доходъ отъ земельнаго хозяйства пересталъ покрывать расходы, отчего хозяйство сдѣлалось чисто убыточнымъ и поддерживается лишь по традиціи. Словомъ, при всей очисткѣ хозяйскихъ показаній отъ преувеличеній и произвольныхъ примѣсей, можно было спорить только о томъ или другомъ размѣрѣ упадка доходности, но во всякомъ случаѣ—упадка, а не подъема. Споры

подобнаго рода потомъ затихли, но—отъ видимаго утомленія повтореніями одного и того же и отъ безрезультатности, а не отъ рѣшительной перемѣны положенія. Возможно, что теперь цѣны даже нѣсколько поправились противъ 1896 и 1897 годовъ, но далеко не такъ значительно, чтобы это напоминало какой-нибудь переломъ. Если же сравнить ихъ съ бывшими, напримѣръ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, то онѣ, конечно, окажутся не вернувшимися къ уровню послѣднихъ, а значительно низшими. Стало быть, тогда для оцѣнки земли надо было капитализировать бóльшую, а теперь—мѐньшую величину доходности.

Итакъ, говоря вообще,—нѣтъ основаній къ заключенію, чтобы совершающійся ростъ земельныхъ цѣнъ былъ слѣдствіемъ подъема доходности. Масса случаевъ, напротивъ, безусловно устраняетъ съ самаго начала возможность такого объясненія. Чтò сказать, напримѣръ, о тѣхъ фактахъ, когда продажная цѣна одной и той же земли измѣняется при сдѣлкахъ въ самое короткое время, даже два-три раза въ годъ? Могла ли въ подобный періодъ такъ рѣзко перемѣниться доходность? Доходъ отъ земли опредѣляется одинъ разъ въ годъ, а не нѣсколько разъ,—слѣдовательно, при подобныхъ перепродажахъ не могли измѣниться даже основныя данныя для оцѣнки,—значитъ, вся совокупность нѣсколькихъ смѣнявшихся продавцовъ и покупщиковъ была въ состояніи учитывать одни и тѣ же урожаи и цѣны или, можетъ быть, даже одинъ послѣдній хозяйственный годъ. Рѣзкія перемѣны земельной цѣны могли бы находить объясненіе развѣ въ случайныхъ находкахъ, въ родѣ, напримѣръ, отысканія рудъ, но рудныя земли не переходятъ къ крестьянамъ, а между тѣмъ послѣ крупныхъ надбавокъ земли продавались именно этимъ послѣднимъ. Мудрено объяснять такіе факты и случайными недоглядками, и ошибками участниковъ сдѣлокъ, потому что предъ нами слишкомъ большая масса однородныхъ фактовъ. Если же означенные участники цѣнили одну и ту же землю такъ различно, то, конечно, имѣя въ виду не доходность, а нѣчто другое.

Если мѐньшій доходъ оцѣнивается дороже прежняго высшаго, то какъ будто выходитъ, что покупщики стремятся платить за уменьшеніе своей прибыли. Если же стать на точку зрѣнія утверждающихъ, будто земельное хозяйство сводится къ чистому убытку, то выводъ будетъ еще несообразнѣе: минусъ сталъ дороже плюса, и люди, не щадя средствъ, гонятся за правомъ на полученіе убытка.

Какія же объясненія приводятся для столь странныхъ, загадочныхъ положеній о томъ, чтò можетъ поднимать цѣны помимо доход-

ности? Такихъ объясненій циркулируетъ въ публикѣ довольно, и есть не малая группа людей, силящихся оправдывать непомѣрное дорожаніе земель; но сколько ни прислушиваться къ подобнымъ толкамъ — большинство ихъ оказываются или пустыми фразами, или такими натянутыми соображеніями, которыя нисколько не удовлетворяютъ серьезной пытливости. Указываютъ, между прочимъ, что покупщикъ, пріобрѣтая землю, цѣнитъ не одну только ея доходность, но и возможность получить для себя пріютъ, а также соединенныя съ земельнымъ владѣніемъ политическія правà, напримѣръ — право участія въ земскомъ представительствѣ. Пусть, однако, эти предметы дѣйствительно важны, — хотя мудрено приравнивать ихъ къ опредѣленному количеству рублей или допустить, чтобы рядовой покупщикъ жертвовалъ на нихъ бòльшую часть своего дохода, — но вѣдь обстоятельство это нисколько не ново. Объясненіе годилось бы, еслибы означенные пріютъ и правà не пріобрѣтались вмѣстѣ съ землею прежде, а стали пріобрѣтаться только въ послѣднее время, — однако ничего подобнаго нѣтъ. Все это соединялось съ землевладѣніемъ и въ былую пору болѣе дешевыхъ покупокъ и высшей прибыли, слѣдовательно вполнѣ учитывалось въ старыхъ, мѐньшихъ цѣнахъ. Говорятъ еще, что пріобрѣтатель имѣнія принимаетъ въ разсчетъ не только настоящую доходность, но и шансы будущаго ея прироста; однако и это обстоятельство бывало на лицо при всѣхъ прежнихъ покупкахъ. Значеніе его нисколько не увеличилось, а скорѣе даже поколебалось, потому что въ прежнее время ростъ доходовъ и хлѣбныхъ цѣнъ шелъ хотя равномѣрнѣе, но все въ одну сторону, къ подъему, сбиваясь съ этого пути лишь на короткое время, подъ вліяніемъ видимыхъ случайностей урожая, а съ восьмидесятыхъ годовъ и особенно въ девяностыхъ онъ сталъ давать внушительные примѣры затяжнòго регресса помимо зависимости отъ урожаевъ, — стало быть, если его прежній покупщикъ разсчитывалъ на подъемъ той или другой медленности, то нынѣшній долженъ принимать во вниманіе бòльшую вѣроятность невыгодныхъ сюрпризовъ, даже неяснаго для него происхожденія.

Въ качествѣ болѣе серьезнаго объясненія не разъ приводилось совершившееся пониженіе доходности процентныхъ бумагъ и вообще уменьшеніе процента въ области коммерческаго кредита. Конверсіи, — говорили, — уменьшили привлекательность помѣщенія капиталовъ въ процентныя бумаги. Когда послѣднія приносили 5 процентовъ, владѣлецъ капитала могъ довольствоваться своимъ положеніемъ; но когда этотъ процентъ упалъ до 4%, то многіе находятъ подобное условіе для себя невыгод-

нымъ, и естественно стали искать другихъ способовъ помѣщенія, обѣщающихъ сравнительно бо̀льшую прибыль. При появившемся обиліи денегъ процентъ сталъ тоже понижаться и въ частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ, такъ что пониженіе доходности денежныхъ капиталовъ сдѣлалось общимъ явленіемъ. Съ такою крупною перемѣною,—говорили,—нельзя не считаться; масса капиталовъ должна была измѣнить свое прежнее назначеніе и отъ покупки бумагъ и частнаго кредита обратилась къ землѣ, усиливъ спросъ на нее и поднявъ ея цѣну. Полученіе прежнихъ пяти процентовъ могло быть выгоднѣе помѣщенія въ землю, но когда пришлось выбирать между этимъ послѣднимъ и четырьмя процентами, то земля стала интереснѣе. Понятно,—говорятъ,—что если цѣна земли представляетъ капитализацію ея доходности, то съ установившимся въ экономической жизни измѣненіемъ процента неминуемо долженъ былъ измѣниться и способъ капитализаціи,—т.-е., если прежде капитализировали доходность изъ процента близкаго къ пяти, то послѣ пониженія надо уже капитализировать изъ болѣе низкаго, напримѣръ—близкаго къ 4%. Результатъ—возвышеніе капитальной земельной цѣны, сглаживающее вліяніе уменьшенной доходности. Когда процентъ по бумагамъ и сдѣлкамъ понизится еще больше—слѣдуетъ ожидать и дальнѣйшаго роста земельныхъ цѣнъ.

Такое толкованіе, конечно, представляетъ больше благовидности, чѣмъ упомянутыя выше, такъ какъ оно полагаетъ въ основаніе дѣловой разсчетъ, и притомъ отрицать значенія держащагося на практикѣ процента во всякомъ случаѣ невозможно. Тѣмъ не менѣе, анализъ фактовъ показываетъ, что какъ бы ни вліяли конверсіи и колебанія коммерческаго процента, они способны имѣть болѣе ограниченное, чѣмъ полагаютъ, практическое значеніе и, во всякомъ случаѣ, не въ состояніи объяснить того, что̀ происходило и теперь происходитъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если существуетъ зависимость земельной цѣны отъ пониженія процента, то между ними—если дѣло стоитъ на почвѣ разсчета—должна быть и извѣстная соразмѣрность. Объясненное выше измѣненіе способа капитализаціи, само по себѣ, способно было бы поднять цѣну не болѣе, какъ на пятую или четвертую часть, послѣ чего эта цѣна должна бы пріостановиться на достигнутомъ уровнѣ, а между тѣмъ земля дорожала—какъ показали примѣры—гораздо сильнѣе, быстрѣе и безъ всякой остановки. Покупщики, избѣгавшіе сбавки своего дохода до 4%, искали бы доходности во всякомъ случаѣ не ниже этого послѣдняго процента, однако на дѣлѣ земельная доходность даетъ зна-

чительно меньше на уплачиваемыя за нее увеличенныя суммы, а перекупщики не затрудняются идти еще на дальнѣйшее уменьшеніе дохода съ затрачиваемаго капитала, такъ что получается новая загадка: какимъ образомъ разсчетливые люди, тяготясь недостаточностью вполнѣ обезпеченнаго 4-хъ-процентнаго дохода, охотно предпочитаютъ ему земельный 3-хъ-процентный или даже меньшій, да еще не вѣрный, а соединенный съ рискомъ разнообразныхъ хозяйственныхъ случайностей? Откуда возникаетъ такая мудреная математическая комбинація: $4 < 3$ или 2?

Но еще сильнѣйшее возраженіе встрѣчается въ томъ, что и пониженіе процента, и обиліе денегъ, отошли уже въ область прошлаго. Четырехпроцентныхъ займовъ уже нѣтъ, а четыхпроцентныя бумаги упали ниже pari настолько, что, покупая ихъ, можно помѣщать капиталъ значительио выгоднѣе, чѣмъ прежде. Обратное теченіе еще чувствительнѣе сказывается въ промышленной и коммерческой жизни. Давно уже слышатся жалобы на недостатокъ денегъ для серьезныхъ нуждъ, на трудность добыванія ихъ, на сильное повышеніе заемнаго процента и на то, что иногда нельзя достать денегъ, даже за высокій процентъ. Словомъ, въ экономической жизни явилось и продолжаетъ развиваться нѣчто совершенно противоположное тому, что̀ было еще недавно. Слѣдовательно, стоя на почвѣ разбираемаго толкованія, надо бы заключить о наличности дѣятельныхъ причинъ, не повышающихъ, а понижающихъ земельныя цѣны. Однако, ничего этого нѣтъ: дорожаніе земель идетъ по прежнему, не подчиняясь новымъ условіямъ, но совершая чуть ли не еще болѣе рѣзкіе скачки впередъ. Спрашивается послѣ этого—можно ли считать конверсіи и пониженіе коммерческаго процента причиною того, что̀ идетъ въ одномъ и томъ же направленіи какъ при упадкѣ процента, такъ и при повышеніи его,—какъ при обиліи денегъ, такъ и при недостаткѣ ихъ? Не правильнѣе ли сказать, что если колебанія этого процента и сказывались въ земельныхъ цѣнахъ, то настолько ограниченно, что вліяніе ихъ тонуло въ массѣ дѣйствія болѣе сильныхъ причинъ?

Также нисколько не удовлетворяютъ соображенія объ обращеніи на земельныя покупки капиталовъ, освободившихся изъ питейнаго дѣла, вслѣдствіе введенія винной монополіи. Вѣдь и освобожденные капиталы не бросаются зря, а помѣщаются съ разсчетомъ,—слѣдовательно, одно освобожденіе не въ состояніи объяснить, отчего предпочтеніе отдается полученію отъ земли меньшаго дохода, чѣмъ какой можно получать при самомъ надежномъ помѣщеніи капитала, безъ риска и хлопотъ.

Говорятъ еще, что земля вообще должна дорожать съ теченіемъ времени отъ прироста населенія и увеличивающейся тѣсноты. Да, это совершенно вѣрно, такъ какъ при подобныхъ условіяхъ въ общей массѣ земельнаго продукта возростаетъ доля „ренты“ за счетъ прочихъ элементовъ. Только нельзя упускать изъ вида, что приростъ населенія совершается медленно, постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, тогда какъ нынѣшній ходъ земельныхъ цѣнъ представляетъ совсѣмъ противное и объясненія требуетъ именно *быстрота дорожанія*, т.-е. слѣдующіе одинъ за другимъ крупные скачки̂. Значитъ, и обычная тенденція цѣнъ къ подъему очень недостаточна для объясненій.

Итакъ, разсмотрѣніе всѣхъ приведенныхъ предположеній оставляетъ дѣло неяснымъ. Противъ каждой указываемой причины возникаютъ очень вѣскія возраженія. Что̀ же допустить еще? Изъ того, что̀ слышится отъ мѣстныхъ наблюдателей и вообще людей, сколько-нибудь задумывающихся надъ даннымъ вопросомъ, остается немногое, именно — вліяніе банковъ и крестьянскія покупки.

Какъ землѣ не дорожать,—говорятъ,— когда сами банки цѣнятъ ее все выше и выше? Развѣ могутъ оставаться безъ вліянія тѣ цѣны, какія даютъ за нее крестьяне? Пусть доходность земли и плоха, но какъ только существуетъ масса готовыхъ платить за нее отъ ча̀су дороже — общій подъемъ цѣнъ неизбѣженъ, особенно когда покупна̀я операція при помощи крестьянскаго банка расширяется быстро и банкъ прогрессивно увеличиваетъ свои подесятинныя ссуды. Наличность на земельномъ рынкѣ такого тароватаго, щедраго покупщика и кредитора не можетъ не имѣть рѣшающаго вліянія на дѣло. Въ виду его, каждый продавецъ запрашиваетъ больше и больше, будучи въ своемъ разсчетѣ правъ: если другіе не дадутъ требуемой цѣны, то крестьяне дадутъ.—При каждомъ серьезномъ разговорѣ о данномъ предметѣ, ссылка на крестьянъ и банки является одною изъ первыхъ.

Вотъ тутъ мы точно подходимъ къ дѣйствительной причинѣ. Широкія операціи дворянскаго и крестьянскаго банковъ, распространяясь на огромную массу земель различныхъ мѣстностей и руководясь возвышенными оцѣнками, вполнѣ способны поднимать общій уровень цѣнъ, и такою причиною уже безъ труда объясняются явленія, кажущіяся съ перваго взгляда загадочными. Если дворянскій банкъ, выдавъ болѣе полумилліарда рублей и

крайне снисходительно относясь къ невзносу заемщиками текущихъ платежей, даетъ еще, путемъ переоцѣнокъ, крупныя дополнительныя ссуды, то онъ фактически открываетъ возможность, не платя, разсчитывать на новыя полученія, и подобное положеніе, конечно, придаетъ имѣніямъ добавочную цѣнность, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Но еще болѣе вліятеленъ въ этомъ отношеніи банкъ крестьянскій, такъ какъ онъ прямо устроиваетъ „покупки“ и, изъ году въ годъ расширяя ссудныя операціи при такомъ же возвышеніи оцѣнокъ, еще самъ дорого покупаетъ имѣнія за собственный капиталъ.

За первыя пятнадцать лѣтъ своего существованія, крестьянскій банкъ выдалъ въ ссуды на покупку земель 110 милліоновъ рублей, что въ среднемъ выводѣ составляетъ немного болѣе 7 милліоновъ на годъ. Но съ 1897 года широта этой операціи вдругъ пошла такимъ усиленнымъ ходомъ, какого прежде не бывало и какой еще ускоряется прогрессивно. Въ одномъ этомъ году ссудъ выдано было на 20.895.000 рублей, въ слѣдующемъ —на 36.473.000 руб., въ 1899 г.—уже 44.569.000 руб. и въ 1900 г.—53.515.000 руб. Такимъ образомъ, въ три только послѣдніе года выдано больше, чѣмъ въ предшествующіе пятнадцать, и размахъ еще усиливается. При помощи банка, земля вдругъ обратилась въ такой ходкій товаръ, за который въ пору торговой горячки платятъ безъ оглядки, вѣруя въ дальнѣйшее дорожаніе.

За свой собственный капиталъ крестьянскій банкъ накупилъ земель въ 1896 году на 4 милліона, въ 1897 г.—на 5 1/2 милл., въ 1898 г.—слишкомъ на 6 милл., въ 1899 г.—болѣе чѣмъ на 4 милл. и въ 1900 г.—на 6 милл. рублей; да еще раньше имъ было, въ видѣ изъятія, куплено на 1 1/2 милліона. Но гораздо неуспѣшнѣе идетъ сбытъ этихъ земель крестьянамъ. Такъ, въ 1898 году, когда у банка уже накоплено было земли на 10 милліоновъ, онъ при новой 6-милліонной покупкѣ успѣлъ продать только на 4 милліона (и притомъ не однимъ крестьянамъ, но и постороннимъ людямъ). Лишь въ 1899 году продажа превысила покупки на милліонъ, но къ концу этого года изъ общей массы сдѣланныхъ прежде пріобрѣтеній на 21.312.000 рублей оставалось несбытыхъ на 9.913.000 рублей. А въ 1900 году продано было на 5 1/3 милліоновъ, т.-е. опять меньше, чѣмъ куплено, и въ общемъ результатѣ вышло, что, за все время покупной операціи банка, куплено на 27 1/2 милліоновъ, а продано на 16 милліоновъ, т.-е. осталось несбытой земли слишкомъ на 11 милліоновъ. Такимъ образомъ, банкъ постоянно по-

купаетъ больше, чѣмъ въ состояніи сбыть, идя къ накопленію остающихся за нимъ земель. Принимая же во вниманіе, что значительная часть пріобрѣтаемой на крестьянскій капиталъ земли еще достается не крестьянамъ, приходится заключить, что около половины всѣхъ пріобрѣтеній не идетъ съ рукъ по назначенію, служа для опытовъ банковаго хозяйства и, частью, для устройства чужихъ интересовъ.

Размѣръ подесятинныхъ ссудъ слѣдовалъ за тѣмъ ростомъ продажныхъ цѣнъ, о которомъ объяснялось выше, какъ это показываютъ процентныя отношенія ссудъ къ продажнымъ суммамъ. Въ 1897—1900 годахъ ссуды, въ среднемъ выводѣ, составляли отъ 79 до 82 процентовъ цѣны, т.-е. почти то же, что и въ первые годы дѣятельности банка. Значитъ, подесятинныя ссуды увеличивались не отъ бо̀льшаго облегченія покупщиковъ въ уплатахъ, а отъ усиленія терпимости къ продажнымъ цѣнамъ.

Не мудрено, что когда на земельный рынокъ выходитъ тароватый и съ большими средствами покупщикъ, готовый покупать на 60 милліоновъ въ годъ, легко уступающій натиску запросовъ въ цѣнѣ и въ своихъ предложеніяхъ не смущающійся быстротою повышенія такихъ запросовъ, то его вліяніе на цѣны всего могущественнѣе и служитъ наиболѣе основательнымъ объясненіемъ наблюдаемаго дорожанія. Если одному продавцу удалось взять за землю преувеличенную цѣну, то другой, видя это, естественно пытается запросить еще бо̀льшую, а когда тароватость дастъ и эту послѣднюю, то мотивы запроса идутъ дальше и дальше. Коль скоро простое усиленіе запросовъ принимаютъ за доказательство естественнаго дорожанія земли и считаются съ нимъ въ видѣ уступокъ—земельная торговля можетъ доходить до своего рода горячки и стать поприщемъ широкой спекуляціи. Замѣчательно, что рѣзкое расширеніе банковыхъ операцій совершалось въ тѣ самые четыре года, относительно которыхъ отчетъ банка свидѣтельствуетъ о возростаніи цѣнъ. Тутъ вполнѣ становится объяснимымъ и такое явленіе, какъ перепродажи одной и той же земли нѣсколько разъ въ теченіе года по возвышающимся цѣнамъ. Первый продавецъ находитъ достаточно выгоднымъ отдать свою землю за такую-то цѣну; покупщикъ разсчитываетъ перепродать ее сейчасъ же еще дороже; а слѣдующій за нимъ покупщикъ надѣется, что крестьяне дадутъ ему еще больше. Никому тутъ нѣтъ дѣла до доходности, каждый норовитъ схватить перепродажную разницу, — словомъ, происходитъ то же, что̀ недавно дѣлалось на биржѣ съ бумажными цѣнностями, временные владѣльцы которыхъ, не задаваясь вопросами о судьбѣ

представляемыхъ ими предпріятій, имѣли въ виду одинъ выгодный сбытъ. Если и частные земельные банки основываются на такихъ искусственныхъ цѣнахъ, то они, подчиняясь вздутію послѣднихъ, содѣйствуютъ ему въ свою очередь. Словомъ, одни оглядываются на другихъ, ссылаются другъ на друга, а всѣ вмѣстѣ считаются съ собственнымъ созданіемъ.

III.

Стало быть, предъ нами несомнѣнный разрывъ связи между доходностью земли и ея цѣною. Вмѣсто дохода, цѣна регулируется надеждами и мечтами спекуляціи. Но разрывъ этотъ является настолько противнымъ природѣ вещей, что при видѣ его неизбѣжно возникаютъ вопросы: можетъ ли онъ поддерживаться безъ риска дорогой расплаты, и какими цѣлями способна руководиться его поддержка? Конечно, благопріятствованіе непомѣрному дорожанію земли можетъ быть слѣдствіемъ простой близорукости, мѣшающей видѣть глубже поверхности явленій, доискиваться ихъ коренныхъ причинъ и заглядывать въ будущее дальше завтрашняго дня; но оно можетъ быть руководимо также болѣе сознательными соображеніями, съ точки зрѣнія которыхъ допущеніе крупной ненормальности окупается пріобрѣтеніемъ болѣе важныхъ выгодъ. Разумѣется, главный интересъ могутъ представлять эти послѣднія соображенія, и потому надо поискать, въ фактическомъ матеріалѣ, разъясненій—приноситъ ли содѣйствіе повышенію цѣнъ подобныя выгоды?

Крупность банковыхъ земельныхъ операцій даетъ имъ, — какъ было уже раньше сказано, — могущественное вліяніе на цѣны, но пользованіе этимъ вліяніемъ можетъ быть различно. Можно сдерживать цѣны въ предѣлахъ необходимой осторожности и можно распускать ихъ безъ оглядки, напоминая тѣмъ распущеніе парусовъ во время бури. Какъ ни серьезно значеніе вспомоществуемаго банкомъ крестьянскаго спроса на землю, но если банкъ строго придерживается содѣйствія только выгоднымъ для покупщиковъ сдѣлкамъ, не допуская рѣзкаго преувеличенія цѣнъ, то онъ неминуемо ограничиваетъ силу запросовъ. Сами крестьяне не только не въ состояніи на собственныя средства совершать массу дорогихъ пріобрѣтеній, но едва ли и пошли бы на слишкомъ дорогія сдѣлки, разсчитываясь своими деньгами, а при банковой расплатѣ, послѣдствія которой для нихъ часто даже неясны, дѣла подобнаго рода устроиваются гораздо легче.

Слѣдовательно регулированіе цѣнъ зависитъ почти исключительно отъ банка. При осторожности послѣдняго, конечно, часть сдѣлокъ могла бы не состояться, но это въ массѣ случаевъ едва ли и было бы настоящею потерею, потому что каждая обременительная сдѣлка заключаетъ въ себѣ опасный зародышъ несостоятельности: покупщики лишаются всей выгодности покупки и подвергаются большому риску принудительной продажи земли за недоимки, теряя въ послѣднемъ случаѣ и понесенныя на покупку затраты. Разстройство такихъ сдѣлокъ чаще всего было бы только фиктивною потерею, но сдерживающее руководство банка положило бы цѣнамъ близкій къ естественному предѣлъ, охранивъ дѣйствительныя пользы тѣхъ покупщиковъ, которымъ банкъ выдаетъ ссуды, и оградивъ будущихъ покупщиковъ отъ непомѣрной требовательности обладающихъ сильными аппетитами продавцовъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ упала бы увѣренность въ будущемъ преувеличеніи цѣнъ. Если бы число покупокъ вышло и меньшее, то онѣ были бы нормальнѣе, выгоднѣе и прочнѣе,— отпали бы только убыточныя. Кромѣ того, есть еще основаніе полагать, что даже уменьшеніе численности сдѣлокъ не оказалось бы слишкомъ значительнымъ, такъ какъ очень многіе изъ сбывшихъ теперь землю дòрого, при серьезной банковой критикѣ цѣнъ, только подержались бы нѣкоторое время и затѣмъ продали бы за болѣе нормальную цѣну, не соблазняя и сосѣдей успѣхомъ своихъ запросовъ. Вѣдь другихъ покупщиковъ, разсчитывающихъ не на крестьянъ, а на собственное хозяйство, не ахти-какъ много, а тароватыхъ еще меньше. Таковы свойства сдержанности. Послѣдствія же распущенности цѣнъ приходится наблюдать теперь на практикѣ. Чтò именно полезнаго приносятъ они?

Самымъ выдающимся преимуществомъ банковыхъ операцій послѣдняго времени является увеличеніе количества земли, переходящей въ крестьянскія руки. Такихъ размѣровъ перехода дѣйствительно прежде не бывало, и онъ всецѣло можетъ быть поставленъ на счетъ снисходительности къ цѣнамъ. Не зачѣмъ искать для него мудреныхъ объясненій, въ родѣ перемѣны банковаго устава, улучшенія внутренней организаціи, ускоренія дѣлопроизводства и т. п., когда все гораздо проще и естественнѣе объясняется однимъ повышеніемъ оцѣнокъ. Предложите землевладѣльцу самую настоящую, даже нѣсколько увеличенную стоимость его имѣнія—онъ, если почему-либо дорожитъ своимъ владѣніемъ, откажется отъ продажи, но предложите двойную цѣну —онъ большею частью соблазнится и продастъ. Повысьте цѣну

еще—и найдутся новые продавцы. Прислушайтесь къ голосамъ изъ провинціи, и вы услышите, какъ многіе помѣщики мечтаютъ о продажѣ своихъ имѣній банку, находя, что никто иной не даетъ такихъ „хорошихъ" цѣнъ, и сколько ихъ жалуется на неудачи въ этомъ отношеніи, толкуя по обычаю, будто и для продажи нужна особая протекція. Великъ соблазнъ цѣнъ, а усовершенствуй банкъ свою организацію до самой высокой степени, но будь сдержанъ въ цѣнахъ—такого развитія операцій не будетъ. Служитъ ли, однако, ростъ этихъ операцій достаточнымъ оправданіемъ излишней тароватости?

Нѣтъ, онъ далеко не убѣждаетъ, что можно повышать цѣны безъ оглядки, что въ этомъ найденъ секретъ дѣйствительно плодотворнаго увеличенія крестьянскаго землевладѣнія и предѣлъ безопасныхъ покупокъ не переходится при достиженіи разрыва между доходомъ и цѣною. Росту крестьянскихъ покупокъ можно бы отъ всей души порадоваться, еслибы онъ совершался по дѣйствительно нормальнымъ цѣнамъ (конечно, при подходящемъ составѣ покупщиковъ), но онъ получаетъ далеко не то значеніе, когда пріобрѣтается средствомъ, парализующимъ самую выгодность покупокъ. Что сдѣлокъ совершается „числомъ поболѣе"—вознаграждается тѣмъ, что онѣ качествомъ похуже. Вѣдь весь интересъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, чтобы крестьяне, обработывая большее количество не обремененной непосильно платежами собственной земли, получали оттого въ качествѣ хозяевъ бòльшія выгоды, находясь въ меньшей зависимости отъ случайностей сторонняго заработка. Но крупное возвышеніе цѣнъ, требуя отъ покупщиковъ излишнихъ жертвъ, исчерпываетъ именно всю выгодность пріобрѣтенія и способно приносить имъ добавочныя потери, такъ что иныя покупки получаютъ характеръ данайскихъ даровъ. Нужна большая недоглядка для упущенія изъ виду столь коренного обстоятельства, и надо проникать очень недалеко въ будущее, чтобы видѣть успѣхъ дѣла только въ скорѣйшей скупкѣ возможно бòльшей массы земель, не задумываясь надъ тѣмъ, что̀ именно выйдетъ на дѣлѣ изъ этихъ покупокъ, уцѣлѣютъ ли онѣ и принесутъ ли какую-нибудь пользу покупщикамъ. Важно вѣдь не число *какихъ бы то ни было* пріобрѣтеній,—какія, можетъ быть, еще пойдутъ на аукціонъ,—а число фактически *удержанныхъ*, выгодныхъ покупокъ; но при слишкомъ дорогихъ и непрочныхъ—подрубается корень всей цѣнности оказываемой крестьянамъ помощи. Что̀ лучше—устроить меньше покупокъ, но выгодныхъ, полезныхъ и прочныхъ, или торопливо совершить ихъ большую

массу, но убыточныхъ, значительная часть которыхъ обѣщаетъ скоро развалиться? Отвѣтомъ тутъ можетъ служить поговорка: лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой таракань. Между тѣмъ, легкость допущенія высокихъ цѣнъ, поднимая общій уровень ихъ, портитъ качество не только достигаемаго избытка сдѣлокъ, но и того меньшинства ихъ, которое при сдержанности могло бы состояться на гораздо лучшихъ условіяхъ.

Стремленіе доставить крестьянамъ какъ можно бо̀льшую площадь владѣнія, безъ заботы о цѣнѣ, дѣлаетъ средство дороже цѣли и этимъ отчасти напоминаетъ тѣ благія намѣренія, какими вымащивается адъ. Желая не отстать отъ роста цѣнъ, банкъ,— коль скоро этотъ ростъ его же созданіе,—цѣли не достигнетъ, потому что его уступчивость порождаетъ дальнѣйшіе запросы. Иначе сказать, онъ гонится за собственною тѣнью, успѣха въ чемъ никто не достигалъ. Тѣнь не поймается, а зайти при этомъ можно далеко. Обременительная покупка—то же, что̀ выжатый лимонъ или орѣхъ безъ зерна. Сокъ и зерно достались продавцу, но груда выжатыхъ лимоновъ не сто̀итъ нѣсколькихъ полныхъ, и мѣшокъ пустыхъ орѣховъ не сто̀итъ горсти здоровыхъ.

Перейдемъ къ другимъ сторонамъ дѣла. Законодательствомъ сдѣлано было нѣсколько шаговъ, чтобы увеличить выгодность покупокъ для крестьянъ. Уменьшался платимый послѣдними процентъ по ссудамъ и, кромѣ того, для бо̀льшей помощи, назначено въ пользу банка ежегодное отчисленіе по нѣскольку милліоновъ рублей изъ поступающихъ отъ всей крестьянской массы выкупныхъ платежей. Послѣдняя мѣра, выражая прямую жертву казны для облегченія вспомоществуемаго земледѣльческаго сословія, заслуживаетъ по принципу полной симпатіи. Но во что̀ обращается ея примѣненіе? Такъ какъ съ уменьшеніемъ платежнаго процента возвышались покупныя цѣны и ссуды, то вышло, что крестьяне-покупщики должны вносить хотя и *ме́ньшій* процентъ, но съ *бо̀льшихъ* суммъ, т.-е. въ результатѣ—платить не меньше или даже больше, чѣмъ платили за такую же землю прежніе покупщики. Выиграть могли только старые покупщики, напр. восьмидесятыхъ годовъ, у которыхъ всѣ разсчеты по сдѣлкамъ были уже кончены, а масса новыхъ пріобрѣтателей никакого облегченія не получаетъ и для нея попечительная мѣра не отражается на дѣлѣ ничѣмъ. Пониженіе платежнаго процента становилось даже самостоятельнымъ толчкомъ къ возвышенію цѣнъ, такъ какъ при разрѣшеніи ссудъ и оцѣнкѣ условій земельныхъ покупокъ выступилъ мотивъ капитализировать предполагаемыя выгоды владѣнія изъ вновь пониженнаго процента,

т.-е. увеличивать капитальную сумму. Одинъ изъ предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго банка, полемизируя съ непріязненными банку частными землевладѣльцами, даже прямо высказывалъ въ печати, что эти землевладѣльцы плохо понимаютъ свои собственныя выгоды, не видя, что уменьшеніе крестьянскаго платежнаго процента увеличиваетъ оцѣнку *ихъ* земли, открывая имъ возможность *продавать* ее дороже прежняго. Вотъ какіе взгляды на способы утилизированія облегчительныхъ мѣръ выступаютъ въ банковой практикѣ. Такимъ образомъ, въ общемъ результатѣ „облегченія" получается слѣдующее: крестьяне платятъ то же, что̀ и прежде, или больше; банкъ, выдавая бо̀льшія ссуды, принимаетъ на себя большій рискъ; а фактическая выгода достается продавцамъ, въ видѣ прибавки къ цѣнамъ сбываемой ими земли. Пособіе назначалось крестьянамъ, но у нихъ бо̀льшая часть его только „по усамъ пробѣжала", обратившись въ пособіе продавцамъ. Интересная метаморфоза.

Сходное явленіе представляетъ и судьба производимыхъ въ пользу банка отчисленій изъ выкупныхъ платежей, вносимыхъ всѣми разрядами крестьянъ: бывшими крѣпостными, государственными и т. д. Отчисляемыя суммы назначены на покупку земель самимъ банкомъ у частныхъ владѣльцевъ для переуступки крестьянамъ, и польза отъ такой операціи можетъ быть двоякая: во-первыхъ, крестьяне, имѣя дѣло непосредственно съ банкомъ, могли бы избавляться отъ явныхъ и тайныхъ прижимокъ со стороны продавцовъ, которые, независимо отъ видимыхъ тяжелыхъ условій сдѣлокъ, нерѣдко еще маскируютъ дѣйствительныя условія предъ банкомъ, выторговывая отъ покупщиковъ разныя скрытыя обязательства; а во-вторыхъ, банкъ пріобрѣтаетъ новый крупный денежный источникъ, за счетъ котораго можно дѣлать крестьянамъ разныя необходимыя облегченія. Когда банкъ только содѣйствуетъ своими ссудами сдѣлкамъ крестьянъ съ частными лицами, то онъ долженъ для пріобрѣтенія ссудныхъ денегъ, выпускать бумаги, на оплату процентовъ по которымъ беретъ съ крестьянъ срочные платежи, слѣдовательно вынужденъ заботиться, чтобы платежей этихъ хватало на упомянутую оплату. Напротивъ, отчисленія изъ выкупныхъ платежей достаются банку даромъ, и, покупая на нихъ землю, онъ не нуждается въ выпускѣ бумагъ, а слѣдовательно и въ оплатѣ получаемыхъ суммъ процентами; значитъ, уступая эту землю крестьянамъ какъ угодно дешево и взимая съ послѣднихъ какіе бы то ни было платежи, банкъ получаетъ ихъ какъ чистую, даровую прибыль, которую можно, въ случаѣ надобности, обращать на облегченіе всякихъ

его кліентовъ. Казенная жертва въ пользу банка, поэтому, способна помогать не одному расширенію крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, но и льготности условій пріобрѣтенія и владѣнія. Что же выходитъ изъ этого на дѣлѣ при тенденціи возвышенія цѣнъ? Дорогая покупка на отчисляемыя суммы прежде всего даетъ продавцамъ увеличеніе получаемыхъ ими цѣнъ, крестьяне пріобрѣтаютъ землю подъ условіемъ взноса высшихъ платежей и даже зе́мли пріобрѣтаются банкомъ, въ большей части случаевъ, не тѣ, какія крестьянамъ нужны. Если банкъ накупилъ земель на 27 милліоновъ, а продалъ ихъ только на 16 (каждый годъ покупая больше, чѣмъ продаетъ), причемъ и часть проданной земли досталась не крестьянамъ, то не выходитъ ли, что почти половина затратъ изъ крестьянскаго капитала устроила интересы продавцовъ, а не крестьянъ, другая же половина возвысила послѣднимъ платежи? У банка масса земель остается безъ сбыта, потому что крестьяне ее не спрашиваютъ, но въ то же время его покупки нисколько не стѣсняютъ широкихъ операцій спекулянтовъ, продолжающихъ срывать крупные куши на перепродажѣ тѣхъ земель, какія дѣйствительно ищутся крестьянами. Словомъ, дѣло принимаетъ видъ такого распредѣленія: крестьянскій капиталъ обращается на зе́мли, которыя хотятъ сбыть продавцы, а для крестьянъ землю доставляютъ спекулянты, стоящіе по прежнему въ отношеніи къ нимъ лицомъ къ лицу, и въ эту область банкъ съ своимъ посредническимъ участіемъ не поспѣваетъ. Конечно, неуспѣшный сбытъ купленныхъ банкомъ имѣній отчасти зависитъ отъ недостатковъ самой организаціи, такъ какъ созданный близорукою экономіею слабый составъ мѣстныхъ отдѣленій имѣетъ слишкомъ крупные районы, при которыхъ не обладаетъ достаточными силами ни для розыска покупщиковъ, ни даже для внимательнаго осмотра земель,—отчего на многое долженъ глядѣть только сквозь бумагу; но это—вопросъ особый, не входящій въ рамку настоящей статьи, главный же интересъ представляетъ фактъ, каковъ онъ есть и отчего бы ни происходилъ. Во всякомъ случаѣ, оказывается въ итогѣ, что бо́льшая часть казенной жертвы снова попадаетъ не по адресу: выигрываютъ избранные продавцы, а у массы крестьянъ-покупщиковъ, для которыхъ эта жертва назначалась, она по усамъ бѣжала, да въ ротъ не попала.

Наконецъ, одною изъ самыхъ важныхъ сторонъ разсматриваемаго вопроса представляется то, что какъ бы ни силились оправдать возвышеніе цѣнъ примѣрами изъ области спекулятивнаго земельнаго рынка, сколько бы ни пренебрегали разрывомъ

между доходностью и капитальною цѣною земли—слишкомъ существенна разница между положеніями спекулянта или сходнаго съ нимъ и—мужика. Первый можетъ не смущаться упомянутымъ разрывомъ, соображая, что если доходность и мала, то все-же землю можно перепродать, по бывшимъ примѣрамъ, съ барышомъ или безъ убытка, а мужикъ покупаетъ не для перепродажъ, а для собственнаго пользованія, значитъ, для него вся суть —въ производительности, въ доходности. *Съ нею*-то ему придется считаться на практикѣ, *она*-то составляетъ самый источникъ его платежей; слѣдовательно, если покупную цѣну опредѣлять по спекулятивнымъ сдѣлкамъ, то на платежи не хватитъ источника, и тогда что̀ выйдетъ?... Постоянная убыточность? Несостоятельность владѣнія?... Вотъ тутъ-то и дастъ себя почувствовать противоестественность разрыва между доходностью и цѣною. Скажутъ, пожалуй, что нельзя примѣнять цѣны только къ крестьянскому положенію, но вѣдь изъ-за крестьянъ-то и идетъ раздуваніе цѣнъ взапуски! Устраните разсчеты на крестьянъ—отъ непомѣрнаго роста цѣнъ останется не больно много.

Въ сказанномъ выше—бо̀льшая часть отвѣта на поставленный вопросъ: окупается ли дорожаніе земли достиженіемъ какихъ-либо болѣе важныхъ цѣлей? Видно, что̀ достигается на самомъ дѣлѣ.

IV.

Теперь спрашивается—можно ли безопасно и безпрепятственно продолжать идти въ поддержкѣ высокихъ цѣнъ нынѣшнимъ усиленнымъ маршемъ?

Мудрено дать на это утвердительный отвѣтъ. Помимо общихъ соображеній о невозможности обращенія увлеченій въ постоянное жизненное условіе, т.-е. о невозможности безпрерывнаго подавленія природы вещей искусственностью, трудно думать, чтобы остановка прежняго хода или замѣна его обратнымъ теченіемъ не были вызваны самою силою вещей. Постоянная покупка предметовъ дороже ихъ стоимости приноситъ тѣмъ или другимъ большія потери, а средства на покрытіе подобныхъ потерь ни у кого не могутъ быть безграничны. Мы находимся теперь въ періодѣ своего рода горячки, мѣшающей оглядываться на основательность и будущность дорогихъ покупокъ, но промышленныя горячки имѣютъ свойство проходить, смѣняясь охлажденіемъ и разочарованіемъ. Дороговизну поддерживаетъ, главнымъ образомъ, спекуляція земельныхъ барышниковъ. Содѣйствуютъ ей и по-

купки людей не спекулирующихъ, но рѣшающихся помѣщать свои средства въ землю безъ достаточной обдуманности и опытности, при излишнемъ довѣріи къ основательности поднятыхъ цѣнъ,—только роль этого рода покупщиковъ больше пассивная, зависимая, такъ какъ они подчиняются условіямъ, созданнымъ другими. Подобными покупщиками нерѣдко бываютъ чиновники, иногда торговцы и др. лица,—вообще, люди, заходящіе въ міръ сельско-хозяйственныхъ интересовъ извнѣ, послѣ чего имъ предоставляется провѣрить свои надежды участью собственныхъ интересовъ. Но спекуляціи барышниковъ развиваются до тѣхъ поръ, пока имъ благопріятствуетъ поддержка черезчуръ выгодныхъ перепродажъ. Стòитъ пріостановиться этому благопріятствованію—и устранится главный мотивъ барышничества съ его послѣдствіями, а тогда снова усилится значеніе регулировки цѣнъ доходностью, какъ естественнымъ мѣриломъ. Какъ только возвратится преобладаніе покупокъ, разсчитанныхъ на дѣйствительную выгодность хозяйства—выростутъ большіе шансы приведенія земельныхъ цѣнъ къ болѣе натуральному уровню. Если обжегшійся на дорогой покупкѣ частный владѣлецъ самъ не вывернется изъ убытка, то примѣръ его способенъ сдѣлаться предостереженіемъ для другихъ, отразившись уменьшеніемъ спроса и цѣнъ. Да и разсчетъ на крестьянъ не можетъ быть безпредѣльнымъ, коль скоро покупныя жертвы не оплачиваются выгодностью владѣнія. Теперь покупочная горячка у крестьянъ поддерживается ихъ малоземельностью и вообще такими видами безвыходности положенія, которые, по жуткости своей, толкаютъ ихъ идти на дорогія покупки очертя голову, не давая имъ возможности внимательно взвѣшивать шансы будущаго и возбуждая представленіе, что искомый выходъ—предъ ними. Но отрезвленіе вѣроятно принесетъ самый опытъ пользованія покупками. Какъ ни заманчивы въ началѣ земельныя пріобрѣтенія, но когда покупщики почувствуютъ, что въ условіяхъ покупки они нашли не настоящій выходъ, а лишь замѣну одного труднаго положенія другимъ, не менѣе труднымъ, когда способы удержанія пріобрѣтенной земли потребуютъ непосильныхъ жертвъ, которыхъ почерпнуть не откуда—пріобрѣтенія могутъ утратить всю привлекательность, сокращаться и разрушаться. Возникаетъ опасность недоимокъ, отказовъ отъ купленной земли, массового выпуска земель на аукціонъ, а кое-гдѣ тяжелый опытъ пожалуй и крестьянъ научитъ сдержанности въ предложеніи цѣнъ. Трудно думать, чтобы массовыя покупочныя неудачи обошлись безъ широкаго разочарова-

нія и не вызывали замѣны покупочной горячки исканіемъ какихъ-нибудь иныхъ исходовъ.

Наконецъ, объясненныя трудности способны вызвать къ себѣ и усиленное вниманіе самого крестьянскаго банка, на который такъ надѣются дѣятели земельной торговли. Если опасность ихъ теперь мало замѣчается и перспектива возможно бо̀льшаго расширенія покупокъ продолжаетъ заслонять перспективу того, что̀ изъ нихъ выходитъ, то умноженіе неблагопріятныхъ послѣдствій, ведущихъ къ чувствительнымъ расплатамъ, такъ или иначе, внушительно напомнитъ объ опасности игры въ цѣны, и понадобится разобраться въ значеніи послѣднихъ. Положимъ, острые моменты можно отдалять переоцѣнками, перезалогами, отсрочками и т. под. пріемами, для чего у банка есть средства въ видѣ капиталовъ и даже казеннаго ручательства по его обязательствамъ, но всѣ эти средства примѣнимы до извѣстнаго времени, а не безгранично.

Воздерживаясь отъ подробныхъ гаданій, какимъ именно процессомъ сократится земельно-торговая горячка, какія формы расплаты станутъ отражаться на цѣнахъ раньше и какія позже,— мудрено, во всякомъ случаѣ, вѣрить, чтобы дѣло могло обойтись безъ подобнаго кризиса, такъ какъ въ наличномъ положеніи имѣется крупный зародышъ его. Конечно, кризисъ этотъ можетъ выступить не такъ внезапно, какъ потрясенія бумажныхъ цѣнностей, сосредоточенныхъ на нѣсколькихъ биржахъ, гдѣ рѣзкая ломка ихъ совершается иногда въ одинъ-два дня. Акты земельной торговли распредѣляются на огромномъ пространствѣ; отдѣльные примѣры ихъ не получаютъ такой быстрой огласки, какъ биржевыя сдѣлки; покупщики дѣйствуютъ раздѣльно, по угламъ, да еслибы и крестьянскій банкъ, спохватясь, что цѣны заведены слишкомъ далеко, рѣшился прекратить благопріятствованіе ихъ возвышенію, то ему трудно было бы подтянуть ихъ сразу, рѣзко останавливая массу поощренныхъ прежнею практикою сдѣлокъ. Все это увеличиваетъ шансы растяжки кризиса на болѣе продолжительный періодъ, однако—касается лишь времени и формы его, а не конечныхъ послѣдствій. Остается вопросъ—какъ распредѣлятся эти послѣдствія?

Частныя лица, купившія землю для собственнаго хозяйства, могутъ поплатиться тѣмъ, что пріобрѣтенный ими доходъ не будетъ соотвѣтствовать затраченному на пріобрѣтеніе капиталу. Напр., имѣніе, купленное за 80 тысячъ, дастъ такой доходъ, какой приноситъ капиталъ въ 50 тысячъ. Для такихъ пріобрѣтеній подобное положеніе фактически будетъ равняться потерѣ

части состоянія. Если же покупка совершена съ капитальнымъ долгомъ, принятымъ или сдѣланнымъ въ разсчетѣ на преувеличенную цѣну, то стоимость ихъ владѣнія способна даже приближаться къ нулю, такъ какъ проценты по долгу унесутъ почти весь не оправдавшій надеждъ доходъ. А кредиторы землевладѣльцевъ понесутъ ущербъ на обезпеченіи своихъ долговыхъ суммъ.

Покупавшіе для выгодной перепродажи, съ исчезновеніемъ или сокращеніемъ готовыхъ къ крупнымъ набавкамъ перекупщиковъ, ошибутся въ основномъ разсчетѣ. Если первые покупщики-спекулянты успѣютъ сбыть пріобрѣтенную землю, то это будетъ лишь переложеніемъ расплаты съ одного лица на другое, а отсутствіе дальнѣйшихъ выгодныхъ покупателей оборвется на комъ-нибудь изъ промежуточныхъ барышниковъ, которому придется или довольствоваться очень умѣреннымъ доходомъ, или продать дешевле, чѣмъ купилъ. Конечно, барышниковъ не жаль, но ликвидированіе ихъ аферъ способно колебать и нормальный уровень цѣнъ, вредя тѣмъ, кому нужно продать по основательной необходимости.

Объ интересахъ дворянскаго банка распространяться нечего, такъ какъ льготы и индульгенціи—основная черта его политики, онъ уже пользуется казенною субсидіею и будущее его не представляетъ особенной загадочности. Крестьянскому банку, кромѣ уклоненія отъ прямого его назначенія — оказыванія крестьянству дѣйствительной помощи—грозятъ усиленіе недоимокъ по выданнымъ высокимъ ссудамъ и увеличеніе недовыручекъ при продажѣ земель съ торговъ. Изъ частныхъ же банковъ могутъ потерпѣть тѣ, которые излишне считались съ цѣнами спекулятивнаго рынка, не входя въ солидную ихъ критику.

Но наиболѣе чувствительныя потери могутъ понести купившіе черезчуръ дорого землю крестьяне. И приплачивать къ земельному доходу въ теченіе десятилѣтій, и лишаться земли съ потерею всего затраченнаго на доплаты изъ собственныхъ средствъ, на покупочные расходы, постройки, поднятіе залежей и т. под., при необходимости исканія новыхъ способовъ своего устройства—для нихъ одинаково разорительно.

Совокупность такихъ затрудненій, конечно, можетъ имѣть большое вліяніе. Не вдаваясь здѣсь въ соображенія ни о будущемъ ихъ размѣрѣ, ни о моментѣ ихъ наступленія, ни о шансахъ своевременнаго ихъ предупрежденія, надо во всякомъ случаѣ прибавить, что чѣмъ дольше затянется искусственное преувеличеніе цѣнъ, тѣмъ дороже можетъ обойтись расплата.

Высказавъ изложенное, нисколько не думаемъ, чтобы имъ исчерпывалось все, что можетъ быть сказано по поводу искусственности земельной дороговизны, и, вѣроятно, иныя стороны этого вопроса остались незатронутыми. Но пользоваться намъ можно было тѣмъ матеріаломъ, какой уже выступилъ наружу, сильно напоминая о серьезности положенія. Въ жизненной практикѣ могутъ найтись еще мало замѣчаемые факторы, вѣсти о которыхъ не проникали въ печать и не вошли въ обращеніе. Въ такомъ случаѣ необходимо вызвать на свѣтъ и этотъ добавочный матеріалъ, усиливъ для того мѣстную наблюдательность. Возможно также, что нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ явленій допускаютъ еще иныя точки зрѣнія, иныя объясненія, разсмотрѣніе которыхъ приведетъ къ болѣе полнымъ и твердымъ заключеніямъ, но—появится ли что-нибудь новое, или только подтвердится старое—необходимо во всякомъ случаѣ подвинуть изслѣдованіе даннаго вопроса. Такое крупное экономическое явленіе, какъ широкая торговля землею, сопровождаемая выдающимися взаимными противорѣчіями фактовъ, представляетъ большой научный и практическій интересъ, къ которому нельзя относиться безучастно. Выясненіе его нужно всестороннее, внимательное и, главное, безпристрастное, почему нельзя не желать, чтобы ему пособили серьезные люди, видящіе дѣло на мѣстѣ со всею его обстановкою и способные оцѣнивать факты по существу, не поддаваясь предвзятымъ или скороспѣлымъ мнѣніямъ. Есть не мало очень заинтересованныхъ въ поддержкѣ земельной дороговизны, силящихся настаивать на ея законности и даже негодующихъ на самыя сомнѣнія въ ней; есть относящіеся къ данному предмету слишкомъ легко и шаблонно; но не ихъ отзывы тутъ цѣнны, и существованіе подобныхъ тенденцій только возвышаетъ требованія на безпристрастіе и солидность. Серьезно помочь дѣлу способенъ только спокойный и внимательный анализъ возможно полнаго фактическаго матеріала. Пусть же мѣстные наблюдатели займутся тѣми данными, какія у нихъ подъ рукою въ большомъ обиліи. Между прочимъ, особенно любопытны практическіе примѣры, показывающіе послѣдствія дорогихъ покупокъ,—т.-е., къ чему пришли совершавшіе эти покупки для собственнаго хозяйства, въ какой мѣрѣ они встрѣчали оправданіе своихъ разсчетовъ и въ какой—разочарованія и потери. При такомъ анализѣ легче будетъ разобраться, гдѣ граница между законнымъ и незаконнымъ ростомъ земельныхъ цѣнъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

ЭСКИЗЪ

— Wilhelm v. Polenz. „Wurzellocker“, Roman in zwei Bänden.

I.

Лѣто приходило къ концу. Погода стояла жаркая и душная. Ни малѣйшій вѣтерокъ не разгонялъ дыма, выходившаго изъ безчисленныхъ трубъ и застилавшаго весь городъ блѣдно-сѣрой пеленой. Солнце припекало безпощадно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Оно быстро выпивало небольшую долю прохлады, приносимую оскудѣвшими желтоватыми волнами рѣки, придавая листьямъ деревьевъ на аллеяхъ табачный оттѣнокъ и превращая почву въ сухую массу, похожую на прогнившій трутъ. На улицахъ дышалось съ трудомъ, воздухъ былъ пропитанъ пылью и дымомъ. Люди толпами стремились за городъ. Всѣхъ объединяло одно желаніе: хоть немного подышать свѣжимъ воздухомъ.

Отъ общей толпы отдѣлились трое людей, двое мужчинъ и дѣвушка. Они не послѣдовали за остальными, направившимися по указанію путеводнаго столба съ протянутой рукой, отыскивать красивый видъ, кегель-банъ, пиво, кофе и прочія великолѣпія, а пошли по песчаной тропинкѣ въ лѣсъ. Дѣвушка была очень хороша собой. Въ ея ясной красотѣ не было ничего загадочнаго, демоническаго или мистическаго, но чувствовалась молодая, здоровая чувственность. Видно было, что ея полосатое лѣтнее платье сшито ея собственными руками, а шляпа съ слишкомъ большимъ количествомъ искусственныхъ цвѣтовъ и яркій зонтикъ, съ которымъ она не умѣла свободно справляться,

обнаруживали въ ней дѣвушку простого происхожденія, желавшую быть принятой за даму.

Звали ее Альма Луксъ.

Старшій изъ ея спутниковъ былъ очень скромно одѣтъ, какъ бы не желая подчеркивать красивымъ костюмомъ своего безобразія. Кудрявые волосы и борода, носъ съ большими подвижными ноздрями и добрые, выразительные глаза дѣлали его похожимъ на умнаго пуделя.

Товарищъ его былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. На всемъ его существѣ, начиная съ прекраснаго, тонкаго лица и стройной фигуры и кончая хорошо сшитымъ, хотя и поношеннымъ костюмомъ, лежалъ отпечатокъ благороднаго происхожденія. Старшаго звали докторъ Лемфинкъ, младшаго—Фрицъ Бертингъ. Они познакомились нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ, гдѣ имъ приходилось встрѣчаться въ литературныхъ кружкахъ. Съ тѣхъ поръ Лемфинкъ старался не терять изъ виду своего юнаго друга и былъ очень радъ, что снова встрѣтилъ его въ большомъ городѣ, куда обоихъ занесла судьба.

У Лемфинка былъ очень широкій взглядъ на любовь, и поэтому онъ отнесся къ присутствію Альмы какъ къ чему-то вполнѣ понятному, не задавалъ никакихъ вопросовъ и не старался узнать, какъ молодые люди встрѣтились и какіе планы у нихъ были на будущее. Онъ подыскалъ имъ меблированную квартиру и такъ заинтересовалъ одного крупнаго издателя разсказами о литературномъ талантѣ Бертинга, что тотъ выдалъ молодому человѣку за еще неначатый романъ сто марокъ впередъ.

Нѣсколько первыхъ недѣль Фрицъ Бертингъ посвятилъ осмотру города. Надо было придти въ извѣстнаго рода настроеніе, прежде чѣмъ взяться за перо. Издателю онъ больше не показывался на глаза, а передъ другомъ оправдывался тѣмъ, что въ такую жару невозможно было серьезно заниматься. Лемфинкъ могъ бы возразить ему, что при той же самой температурѣ исполнялъ изо дня въ день обязательную работу, но онъ не сдѣлалъ этого возраженія, такъ какъ ему и въ голову не приходило сравнивать свою дѣятельность съ дѣятельностью Бертинга. А послѣдній бродилъ по городу, разсматривалъ магазинныя выставки, изучалъ физіономіи и манеры обывателей, забавлялся ихъ говоромъ, карикатурой верхне-германскаго нарѣчія, заходилъ въ рестораны и кофейныя, читалъ газеты, прихлебывая замороженный кофе, а вечеромъ отправлялся въ увеселительные сады.

Альма между тѣмъ сидѣла одна въ пустой квартирѣ. Сначала она занялась тѣмъ, что привела въ порядокъ гардеробъ

свой и Бертинга, а когда это было окончено, то стала искать себѣ работы. Всего проще ей было бы поступить въ какой-нибудь модный магазинъ, въ качествѣ „пробирфрейлейнъ“, какъ она и служила прежде, но Бертингъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Тогда Альма вспомнила, что когда то, еще до поступленія въ модный магазинъ, она занималась шитьемъ галстуховъ. Она принялась искать работы въ разныхъ заведеніяхъ этого рода, и ей стали давать заказы на домъ. Ей очень хотѣлось имѣть швейную машину, но Бертингъ отказалъ ей наотрѣзъ. Непрерывный стукъ машины въ ихъ маленькой квартирѣ страшно мѣшалъ бы ему. Альма, привыкшая во всемъ согласоваться съ его желаніями, безропотно покорилась и стала шить свои галстухи руками.

Въ этотъ вечеръ Лемфинкъ пригласилъ обоихъ на прогулку, чтобы показать имъ красивыя окрестности города. Бесѣду ихъ нельзя было назвать особенно оживленною. Говорилъ главнымъ образомъ Лемфинкъ.

Бертингъ уже нѣсколько дней былъ въ дурномъ настроеніи духа. Было ли это вызвано невыносимой жарой, неблагопріятнымъ отзывомъ о его стихахъ, попавшимся ему въ газетахъ, или же наконецъ открытіемъ, что деньги, данныя издателемъ, таяли съ каждымъ днемъ, какъ убывающая луна,—неизвѣстно. Какая бы ни была причина, только Фрицъ видѣлъ все въ мрачномъ свѣтѣ и не старался скрывать своего настроенія отъ окружающихъ.

Лемфинкъ говорилъ по обыкновенію о литературѣ. Въ юности онъ самъ мечталъ о писательскихъ лаврахъ, но позднѣе нужда заставила его сдѣлаться журналистомъ и писать фельетоны въ одной политической газетѣ. Ему приходилось трактовать обо всемъ: и о театрѣ, и о новыхъ книгахъ, и о научныхъ вопросахъ. Основательное образованіе пришлось ему очень кстати, но художественный вкусъ часто ставилъ его въ затруднительное положеніе, не позволяя удовлетворять банальнымъ требованіямъ публики.

Фрицъ Бертингъ слушалъ своего друга разсѣянно. Гораздо больше заинтересованной казалась Альма. Образованіе свое она получила въ городской школѣ, писала съ ошибками, и литературныя ея познанія ограничивались романами, продаваемыми разносчиками, но на нее, какъ на большинство женщинъ, дѣйствовало не столько содержаніе разговора, сколько личность говорившаго. Докторъ Лемфинкъ очень интересовалъ ее. Еще никогда въ жизни она не видывала такого человѣка, и хотя мно-

гое изъ того, что онъ говорилъ, было ей непонятно, тѣмъ не менѣе она съ удовольствіемъ слѣдила за его рѣчью, думая о томъ, какъ было мило со стороны такого ученаго господина разговаривать съ нею. Къ этому чувству благодарности присоединялось еще безсознательное чувство увѣренности въ его порядочности. Въ свои девятнадцать лѣтъ она уже знала по опыту, что это—очень рѣдкое качество у мужчинъ.

Они пересѣкли долину, поросшую рѣдкимъ лѣсомъ, и поднялись, шагая по глубокому песку, на небольшую обнаженную возвышенность, откуда открывался широкій видъ. За лѣсомъ виденъ былъ городъ. Онъ заполнялъ своими домами всю долину рѣки и тянулся до противоположныхъ холмовъ. Сквозь дымку пыли все-таки можно было разглядѣть безчисленныя крыши, трубы, башенки, купола, стеклянную крышу вокзала и квадратное зданіе казармъ. Лемфинкъ сталъ объяснять, гдѣ что находилось, называя главныя зданія и улицы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Глядя на эту пеструю, разнообразную картину, Бертингъ невольно оживился. Онъ былъ пораженъ: столько времени сидѣлъ онъ въ тѣсной, неопрятной квартирѣ и, задыхаясь отъ пыли и дыма, проклиналъ столько разъ этотъ городъ, и вдругъ теперь увидалъ его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ городъ очень красивъ!—воскликнулъ онъ.

— Да, Бертингъ, сидя въ городѣ, замѣчаешь слишкомъ много подробностей и не схватываешь общей физіономіи,—отвѣчалъ Лемфинкъ.—Только отсюда, съ птичьяго полета, видно и начало, и конецъ, и окружающее; только здѣсь начинаешь понимать смыслъ и значеніе всего.

— Ну да, и такъ какъ истый нѣмецъ успокоивается не иначе какъ найдя причину и цѣль всякой вещи, то и я только здѣсь нахожу оправданіе существованія этого города, примиряюсь съ нимъ и понимаю его.

Фрицъ усмѣхнулся немного насмѣшливо и снова погрузился въ свои думы.

Лемфинкъ хотѣлъ продолжать свои объясненія, но Фрицъ перебилъ его:

— Пощади, ради Бога, Лемфинкъ!—довольно всякихъ именъ и вообще исторіи. Когда мнѣ подробно начинаютъ объяснять какую-нибудь картину, она теряетъ для меня всякую прелесть. Я думаю о томъ, какъ хорошо было бы взглянуть такъ же съ высоты на нашу жалкую землю. Можетъ быть, тогда стало бы понятно настоящее значеніе и цѣна жизни. Все дѣло—въ раз-

стояніи. Это моя мечта: найти такой высокій пунктъ, съ котораго можно было бы создать картину жизни, захватывающую своей правдивостью и поразительную по своей естественности. Какое удивительное произведеніе искусства можно было бы создать, еслибы найти такую сторожевую башню и съ нея взглянуть на весь безконечный міръ!

— Такъ создай же это произведеніе!—съ живостью воскликнулъ Лемфинкъ.—Напиши намъ такую книгу!

— Надо изобразить городъ, какъ символъ совмѣстной жизни людей, всего человѣчества. Ахъ, еслибъ можно было открывать крыши и разсматривать людей въ ихъ комнатахъ и помѣщеніяхъ, видѣть, какъ они спятъ, ѣдятъ и что̀ дѣлаютъ, когда думаютъ, что за ними никто не наблюдаетъ; еслибы можно было проникнуть взоромъ сквозь всю ложную шелуху, которой люди прикрываютъ свою настоящую натуру, называя эту шелуху общественностью, семьей, закономъ и нравами! Но собрать человѣческіе документы, настоящіе, подлинные—очень трудно. Легче подсмотрѣть и подслушать звѣря, чѣмъ вѣчнаго актера, человѣка.

Фрицъ вздохнулъ.

— А въ сущности зачѣмъ тебѣ эти документы, еслибъ тебѣ и удалось ихъ собрать?—возразилъ Лемфинкъ.—Ты не обогатилъ бы ими сокровищницу вѣчной истины. Предоставь собираніе такихъ маленькихъ мгновенныхъ истинъ наукѣ. Зачѣмъ тебѣ копаться въ кучѣ сора, когда ареной для твоей дѣятельности служитъ весь міръ?

— Да, но вѣдь душа находится въ тѣлѣ, и то, какъ люди думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ, зависитъ отъ того, какъ они ѣдятъ, пьютъ и спятъ. У насъ есть воспріимчивость, настроеніе, фантазія, но этого далеко не достаточно для того, чтобы написать большой экспериментальный романъ, уже существующій за границей, но о которомъ мы еще не имѣемъ понятія. Современная жизнь велика и могуча, но ея впечатлѣнія остаются у насъ только на сѣтчатой оболочкѣ глаза. Мы до такой степени смущены и оглушены всѣмъ, что̀ въ ней есть новаго, что никому еще ни разу не удалось переработать ее въ художественный образъ, да едва ли и удастся.

— Я не понимаю твоей безнадежности,—произнесъ, подумавъ, Лемфинкъ.—Развѣ это несчастье для художника, если матеріалъ огроменъ и требуетъ переработки? Ученаго такая работа можетъ испугать, потому что онъ долженъ входить во всѣ мельчайшія подробности безконечно разнообразныхъ явленій, но свободный художникъ, одаренный способностью созерцанія, дол-

женъ дать намъ услышать ему одному доступную гармонію, примиряющую и разрѣшающую всѣ жизненные диссонансы. Мнѣ ли говорить это тебѣ, Бертингъ!

— Хорошо ты говоришь, но забываешь одно: мы, современные писатели, прикованы къ дѣйствительности желѣзными скрѣпами. Нашимъ предшественникамъ легко было улетать на крыльяхъ фантазіи: чѣмъ дальше они залетали, тѣмъ большій вызывали восторгъ. Но наука пробудила ихъ отъ заоблачныхъ сновъ къ ясному сознанію дѣйствительности. Теперь все съ крикомъ требуетъ фактовъ. Во всемъ мы ушли впередъ, одерживая безчисленныя побѣды,—только въ литературѣ остались позади всѣхъ. Ты отлично знаешь, Лемфинкъ, за что боремся мы, молодые писатели. Съ насъ довольно сладкихъ любовныхъ стиховъ, выточенныхъ профессорскихъ романовъ и драмъ, представляющихъ собою неудачное подражаніе Шиллеру. Долой все это! Если возможна справедливая, необходимая и даже святая революція, то именно та, къ которой мы стремимся.

Фрицъ замолчалъ и сталъ задумчиво смотрѣть на городъ, на всю долину, полную жизни, движенія и труда. Докторъ Лемфинкъ могъ бы многое возразить ему, но не захотѣлъ отвлекать его отъ его тайныхъ мыслей. Онъ видѣлъ, что въ душѣ Бертинга созрѣвало какое-то рѣшеніе, и это очень радовало его. Альма робко поглядывала сбоку на Фрица. Когда онъ такъ глубоко задумывался и такъ серьезно смотрѣлъ, она особенно ясно начинала чувствовать существовавшую между ними разницу и раздѣлявшее ихъ разстояніе. Въ такія минуты ей бывало очень грустно. Бертингъ бросилъ послѣдній взглядъ на городъ и съ чувствомъ удовлетворенія кивнулъ головой.

II.

Дойдя до города, докторъ Лемфинкъ разстался съ своими друзьями. Ему надо было по дѣлу въ редакцію. Альма повисла на рукѣ Фрица. Она немного устала отъ непривычной прогулки. Медленно шли они по улицамъ,—торопиться было некуда. Ихъ ждала душная комната, скудный ужинъ и жесткая постель, на которой только къ разсвѣту удавалось забыться тяжелымъ сномъ.

Фрицъ не всегда позволялъ Альмѣ такъ виснуть на его рукѣ. Онъ вообще не любилъ „фамиліарностей на улицѣ“, какъ онъ называлъ обыкновенно проявленіе нѣжности при постороннихъ. Альма же, напротивъ, какъ большинство дѣвушекъ въ ея поло-

женіи, хотѣла бы, чтобы весь свѣтъ зналъ, что они принадлежатъ другъ другу. Она очень гордилась имъ и съ уваженіемъ относилась къ его молчанію, довольствуясь возможностью пожимать ему отъ времени до времени руку.

На стѣнѣ, мимо которой они шли, была приклеена огромная розовая афиша, гласившая, что въ одномъ изъ увеселительныхъ садовъ будетъ данъ сегодня вечеромъ концертъ-монстръ двухъ оркестровъ военной музыки при „волшебномъ освѣщеніи".

Альма остановилась и стала читать афишу отъ начала до конца, но Фрицъ оттащилъ ее за руку, проговоривъ: — Вотъ ужасъ-то!

Альма съ сожалѣніемъ отошла отъ афиши, произведшей на нее глубокое впечатлѣніе. „Волшебное освѣщеніе" и „концертъ-монстръ" казались ей верхомъ великолѣпія и изящества, и ей такъ хотѣлось повеселиться именно сегодня, послѣ долгихъ скучныхъ недѣль.

Она ничего ни сказала, но Фрицу самому вдругъ пришло въ голову провести вечеръ въ этомъ саду.

— Хоть музыка будетъ и мучительная, — сказалъ онъ, — Вагнеръ въ безобразномъ исполненіи и „Венгерская рапсодія", исполненная въ видѣ военнаго марша, но все-таки мы хоть подышемъ свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того, мнѣ страшно надоѣла любская колбаса, которой насъ каждый вечеръ кормитъ фрау Клиппель, и мы можемъ кутнуть разочекъ.

Альма была въ восторгѣ.

Они рѣшили все-таки пойти сначала домой, такъ какъ еще не было семи часовъ, а концертъ былъ назначенъ въ девятомъ. Дорога ихъ шла улицами, выходившими въ открытое поле, потомъ они вышли на площадь, въ глубинѣ которой вытянулось фабричное зданіе, и затѣмъ опять пошли по улицамъ съ безобразными сѣро-желтыми домами и высокими голыми стѣнами. Обитатели этого квартала вели жизнь свободную и непринужденную. Мужчины въ однѣхъ жилеткахъ, съ сигарой въ зубахъ, и женщины въ блузахъ довольно легкомысленнаго фасона выглядывали изъ оконъ, облокотившись на подоконники. Цѣлыя семьи преспокойно ужинали, удобно размѣстившись на улицѣ. Дѣти устроивали шумныя игры и бѣгали съ визгомъ и крикомъ. Дѣвушки, одѣтыя по модѣ, съ неряшливой прической и грязными руками, перешептывались, хихикая, прогуливались по улицѣ и поглядывали, какъ будто случайно, на группу молодыхъ людей, стоявшихъ на углу, засунувъ руки въ карманы и сдвинувъ шапки на затылокъ. Всевозможные специфическіе запахи струились изъ

дверей домовъ и погребныхъ оконъ. Витрины магазиновъ были, казалось, спеціально созданы для мухъ. Онѣ облѣпили стекла и рамы, какъ черныя изюмины, не давая возможности разсмотрѣть выставленный товаръ, что, впрочемъ, было и къ лучшему, потому что едва ли бы онъ могъ привлечь покупателей.

Въ другое время Фрицъ Бертингъ поспѣшилъ бы какъ можно скорѣе избавиться отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, но сегодня онъ замедлилъ шаги, присматриваясь ко всему окружающему съ любовнымъ интересомъ. Казалось, и люди, и дома, и вся улица сообщали ему какія-то важныя тайны. Альма не могла понять, почему онъ вдругъ останавливался и внимательно разглядывалъ самые незначительные предметы, но не задавала ему никакихъ вопросовъ, зная, что иногда неосторожное слово съ ея стороны, усмѣшка или замѣчаніе могли вывести его изъ себя.

Альма боялась всякихъ сценъ, не изъ трусости, а потому что догадывалась смутно, что каждая лишняя размолвка уменьшала запасъ любви и нѣжности, этотъ общій капиталъ, увеличивать который была способна она одна.

Когда они пришли домой, то фрау Клиппель, ихъ квартирная хозяйка, сообщила Фрицу, что у него былъ какой-то господинъ и оставилъ записку, и кромѣ того ему принесли письмо съ почты. Письмо это оказалось отъ сестры Фрица, сообщавшей, что мужъ ея получилъ повышеніе и переведенъ въ Берлинъ, куда они и переѣхали. Съ перемѣной мѣста г-нъ Веднеръ получилъ также бо̀льшій окладъ, что̀ очень радовало его жену, и единственнымъ темнымъ пятномъ въ ея жизни была размолвка, вышедшая у брата съ ея мужемъ. Однако это не могло влiять на ея отношеніе къ брату. При этомъ, какъ бы мимоходомъ, сестра сообщала ему, что фрейлейнъ Марихенъ Паули все еще не вышла замужъ.

Фрицъ усмѣхнулся, читая эти строки. Констанція была неизмѣнна и все еще не теряла надежды сдѣлать изъ него, съ помощью брака, солиднаго бюргера.

Для полной типичности письма недоставало только увѣщаній, но и они оказались подъ конецъ. Веднеръ прочелъ въ какой-то газетѣ разсказъ Фрица и нашелъ, что это—„издѣвательство надъ всѣмъ, что̀ есть святого". Женѣ онъ газеты и въ руки не далъ, но тѣмъ не менѣе она спрашивала Фрица, зачѣмъ онъ писалъ подобныя вещи? Или онъ совсѣмъ забылъ, что происходитъ изъ хорошей семьи? Что̀ было бы съ отцомъ, такъ дорожившимъ своимъ добрымъ именемъ!

Письмо кончалось вопросомъ, состоитъ ли все еще Фрицъ въ

близкихъ отношеніяхъ съ „той особой“, съ которой они его встрѣчали въ Берлинѣ. Подобный образъ жизни долженъ былъ ему обходиться очень дорого, а на родныхъ онъ не долженъ былъ разсчитывать.

Фрицъ сложилъ письмо и спряталъ его въ ящикъ стола, чтобы оно не попалось Альмѣ, потомъ взялъ записку неизвѣстнаго господина и подошелъ съ нею къ окну.

Нѣкій Кароль приглашалъ его придти сегодня вечеромъ въ одну пивную, съ обозначеніемъ стола, за которымъ онъ будетъ его ждать. Кароль зналъ Бертинга по его сочиненіямъ и горѣлъ желаніемъ познакомиться съ собратомъ по перу. Онъ былъ увѣренъ, что они преслѣдовали одну и ту же цѣль, и было бы поэтому интересно поговорить съ глазу на глазъ. Тонъ письма не понравился Бертингу,—слишкомъ въ немъ чувствовалось большое самомнѣніе,—но все-таки этотъ Кароль могъ имѣть вліяніе въ литературныхъ сферахъ, и было бы неблагоразумно отказаться отъ свиданія.

Въ эту минуту изъ спальной вышла Альма въ своемъ самомъ нарядномъ платьѣ.

— Надѣть мнѣ бархатную шляпу?—спросила она:—или съ маками?

— Извини, дорогая,—отвѣчалъ Фрицъ, — мы не можемъ идти въ концертъ: я долженъ отправиться къ одному господину, который мнѣ оставилъ записку.

Сіяющее лицо Альмы сразу омрачилось. Слезы выступили у нея на глазахъ, она хотѣла что-то сказать, но удержалась и отвернулась къ окну.

Фрицъ сталъ ей объяснять, какъ важно было для него знакомство съ Каролемъ, но она не вѣрила и чувствовала себя глубоко оскорбленной. Стоило какому-то неизвѣстному господину написать ему, и вотъ ужъ онъ забылъ данное ей обѣщаніе. Она собиралась очень веселиться на концертѣ, но еслибы онъ сказалъ ей: „я напишу отказъ этому человѣку, а ты откажись отъ своего концерта, и проведемъ вечеръ дома вдвоемъ“, то она съ восторгомъ согласилась бы на это предложеніе. Ей не такъ важенъ былъ концертъ, какъ время, проведенное съ нимъ, и безумно было жаль потерянныхъ счастливыхъ часовъ.

Бертингъ подошелъ къ ней, потрепалъ ее по щекѣ и обѣщалъ послѣ-завтра пригласить Лемфинка и пообѣдать втроемъ за городомъ, но это обѣщаніе нисколько не утѣшило Альму.

III.

Фрицъ Бертингъ и Альма Луксъ встрѣтились первый разъ въ Берлинѣ слишкомъ годъ тому назадъ. Семья Альмы была очень велика, отецъ рано умеръ, и мать вышла замужъ за молодого человѣка, жившаго у нихъ въ домѣ, въ качествѣ нахлѣбника. Поступокъ матери возмутилъ Альму, и она рѣшила уйти отъ нея, чтобы искать самостоятельной работы. Ей посовѣтовали поѣхать въ Берлинъ, и она дѣйствительно очень скоро нашла себѣ хорошее мѣсто въ большомъ модномъ магазинѣ. Но жить ей было нелегко: одинъ приказчикъ сталъ преслѣдовать ее своими ухаживаніями, а товарки смѣялись надъ ея недоступностью. Встрѣтившись съ Фрицемъ, Альма отлично поняла, что онъ не собирался на ней жениться, но зато его и нельзя было сравнить со всѣми ея прежними ухаживателями. Онъ былъ настоящій, и она полюбила его первой, настоящей любовью.

Фрицъ потребовалъ, чтобы она отказалась отъ своего мѣста въ магазинѣ. Тогда у него еще были деньги, и онъ имѣлъ возможность наряжать ее, какъ настоящую даму. Она не знала, чѣмъ собственно занимался Бертингъ, и когда онъ объявилъ ей, что онъ—поэтъ, то она приняла это за шутку и повѣрила только тогда, когда ей въ руки попался сборникъ его стиховъ, съ именемъ автора на обложкѣ. Съ любопытствомъ принялась она перелистывать книгу, но Фрицъ отнялъ у нея сборникъ, сказавъ, что она, все равно, ничего не пойметъ. Тогда она съ гордостью заявила, что еще въ школѣ учила стихи наизусть, и начала-была декламировать, но Фрицъ зажалъ уши и закричалъ, что она его уморитъ своимъ Уландомъ.

Альма познакомилась съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ вращался Бертингъ, и совершенно не знала, какъ себя держать съ этими удивительными людьми. Особенно поражали ее дамы: какъ онѣ одѣвались и о чемъ говорили! Она пробовала поддерживать съ ними разговоръ, но на нее смотрѣли какъ на существо изъ другого міра, или же начинали смѣяться надъ ея выговоромъ, и она видѣла, какъ непріятно это было Фрицу. Она пробовала оправдываться передъ нимъ наединѣ, ссылаясь на свою необразованность, но Бертингъ возражалъ, что дѣло тутъ не въ отсутствіи образованія, а въ отсутствіи вкуса. Образованіе можно пріобрѣсти, но вкусъ и тактъ должны быть прирожденные. Ей было такъ невыносимо сознаніе, что Фрицъ стыдится ея передъ своими друзьями, что она стала совсѣмъ удаляться отъ ихъ обще-

ства и жила въ полномъ одиночествѣ. Для нея существовалъ только одинъ Фрицъ. Иногда онъ бывалъ очень милъ и добръ къ ней, особенно въ счастливыя минуты ихъ совмѣстной жизни, но иногда становился рѣзокъ, холоденъ и въ его отношеніи къ ней появлялось даже что-то враждебное. Она знала, что иногда онъ бывалъ озабоченъ своими денежными дѣлами, и приписывала этой заботѣ перемѣну въ его настроеніи. Онъ самъ никогда не говорилъ ей о своихъ дѣлахъ, и когда она разъ рѣшилась спросить его, то онъ отвѣчалъ, что въ Германіи на все есть спросъ и все оплачивается, кромѣ стиховъ. Тогда она посовѣтовала ему писать что-нибудь другое, что̀ приносило бы доходъ. Онъ горько разсмѣялся и назвалъ ее „Евой“. Какъ разъ въ это время Бертингъ былъ увлеченъ поисками новаго искусства и рѣшилъ на собственный счетъ поставить на сцену свою драму „Тихій сонъ“, такъ какъ всѣ театры отказались принять эту пьесу. Онъ употребилъ на постановку свои послѣднія деньги. Съ семьей онъ разошелся. Отецъ не могъ простить ему, что онъ бросилъ юридическую карьеру и сталъ писать стихи и пьесы, которыхъ нигдѣ не хотѣли ставить. Сборникъ его стиховъ не остался незамѣченнымъ среди знатоковъ, но не приносилъ ему никакого дохода.

Драмы онъ началъ писать еще въ ранней юности, увлекаясь сначала Лессингомъ, Шиллеромъ, Кернеромъ и Лаубе, но всѣ эти авторитеты померкли передъ новымъ свѣтиломъ, проникшимъ и въ нѣмецкую литературу,—передъ Ибсеномъ. Подъ вліяніемъ его удивительныхъ драмъ, Бертингъ и написалъ свой „Тихій сонъ“. Въ немъ онъ хотѣлъ показать, что для тонкаго сознанія современныхъ людей человѣкъ становится негодяемъ не тогда, когда нарушаетъ законы дешевой ходячей морали, но когда совершаетъ гораздо болѣе тонкія погрѣшности, не преслѣдуемыя государствомъ: становится нравственнымъ трусомъ и отказывается отъ смѣлыхъ поступковъ.

Въ драмѣ было мало внѣшняго движенія, но, какъ казалось автору, ему удалось обнажить въ ней нѣкоторыя скрытыя стороны духовной жизни человѣка.

Представленіе не имѣло успѣха. Публики собралось мало. Актеръ, предназначавшійся для главной роли, внезапно уѣхалъ, и его замѣнилъ второстепенный трагикъ, причемъ игравшая съ нимъ актриса была вдвое выше его ростомъ. Это обстоятельство вызывало среди скучающей публики не подходящее для драмы веселое настроеніе. Когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, то друзья автора начали усиленно апплодировать, но остальная публика заставила ихъ замолчать энергическимъ шиканьемъ. На-

канунѣ Бертингъ, еще увѣренный въ успѣхѣ, пригласилъ своихъ друзей отъужинать съ нимъ послѣ спектакля. Ужинъ состоялся; несмотря на провалъ пьесы, всѣ старались казаться веселыми, и Максимиліанъ Накеде, товарищъ Фрица по университету и по перу, произнесъ утѣшительную рѣчь. Но бѣдный авторъ чувствовалъ себя отвратительно. Подъ утро трое пошатывающихся друзей доставили Фрица на его квартиру. Проснувшись къ полудню, онъ увидалъ возлѣ себя Альму, не присутствовавшую на представленіи. Безъ его приглашенія, она перебралась къ нему на квартиру и съ тѣхъ поръ не разставалась съ нимъ.

Фрицъ не возражалъ ей. Послѣ сильнаго возбужденія послѣднихъ недѣль, на него напало глубокое равнодушіе ко всему окружающему. Къ этому тяжелому состоянію присоединился еще недостатокъ въ деньгахъ. Со всѣхъ сторонъ ему предъявлялись счеты, а платить было нечѣмъ. Выйти изъ этого положенія ему помогла неожиданная анонимная присылка нѣсколькихъ сотъ марокъ. Онъ догадался, что это былъ подарокъ его друга Накеде, и хотя тяжело было принимать его, но эти деньги спасли его отъ полной нищеты.

Въ это же время Фрицъ послалъ письмо другому своему товарищу, барону Михаилу Шубскому, писавшему ему изъ Парижа, что это—единственный городъ, въ которомъ человѣкъ съ умомъ и вкусомъ можетъ чего-нибудь добиться. Бертингъ сообщилъ товарищу о своей неудачѣ и о намѣреніи переѣхать въ Парижъ, но въ необыкновенно быстро полученномъ отвѣтѣ Шубскій усиленно ему это отсовѣтовалъ. Нѣмецкому населенію, по его словамъ, въ Парижѣ дѣлать было нечего, и самъ онъ собирался ѣхать въ Англію. Во всемъ письмѣ чувствовался страхъ, что ему придется устроивать товарища и возиться съ нимъ.

Въ этотъ печальный періодъ жизни Бертинга понялъ онъ впервые, какимъ сокровищемъ обладалъ въ лицѣ Альмы. Ея милая болтовня отвлекала его отъ мрачныхъ мыслей, и онъ даже сталъ находить, что ея замѣчанія не лишены наблюдательности и остроумія. Преслѣдовавшія его неудачи дали ей возможность доказать ему свою любовь. Ей хотѣлось безраздѣльно завладѣть его душой и заставить его полюбить такъ же сильно, какъ любила она сама.

Въ одинъ прекрасный день, его посѣтилъ его зять Ведперъ, съ предложеніемъ денежной помощи. При этомъ онъ ставилъ три условія: Бертингъ долженъ былъ бросить занятіе литературой, разойтись съ Альмой и вернуться къ юридической карьерѣ.

Это предложеніе родственника подѣйствовало на Фрица какъ

ударъ хлыста. Онъ излилъ все свое негодованіе въ цѣломъ рядѣ эскизовъ, бичевавшихъ современную семью, ея ложь и ея гнилую нравственность. Эскизы эти были напечатаны въ нѣсколькихъ газетахъ, и онъ пріобрѣлъ ими бо̀льшую популярность въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, чѣмъ всѣми своими прежними произведеніями, вмѣстѣ взятыми. Вмѣшательство родственника въ его личную жизнь имѣло и еще другое послѣдствіе: Фрицъ еще больше оцѣнилъ Альму и привязался къ ней еще сильнѣе.

IV.

Налѣво, у второго столика отъ входа въ пивную, сидѣлъ писатель Кароль и обдумывалъ тѣ пріятныя для авторскаго самолюбія слова, которыя готовился сказать Фрицу Бертингу.

Отецъ Кароля (настоящее имя его было Зильберъ) былъ изъ польскихъ евреевъ и переселился изъ Польши въ Германію. Старшій сынъ, Зигфридъ, посѣщалъ реальную школу и отецъ готовилъ его въ купцы, но мальчикъ рано сталъ увлекаться литературой. Въ школѣ онъ узналъ о Клопштокѣ, Лессингѣ, Виландѣ, Гердерѣ, Шиллерѣ и Гёте, какъ о великихъ представителяхъ нѣмецкой литературы, но самъ онъ думалъ совсѣмъ иначе. Для него существовалъ только одинъ писатель—Генрихъ Гейне. Остальныхъ онъ признавалъ въ качествѣ звѣздъ второй величины.

Случайно ему попала въ руки брошюра Лассаля и произвела на него глубокое впечатлѣніе, а отъ Лассаля онъ перешелъ къ болѣе благоразумному и менѣе геніальному Карлу Марксу и сдѣлался краснымъ интернаціоналистомъ.

Политическія и литературныя стремленія сына были совершенно чужды старику Зильберу. Единственной его политикой было желаніе жить со всѣми въ ладу, а литературу считалъ онъ занятіемъ, не приносящимъ денегъ, а слѣдовательно безполезнымъ. Зигфридъ, окончивъ школу, разстался съ отцомъ и отправился искать по свѣту счастья. Жизнь его была не изъ легкихъ; литературные и политическіе кружки охотно принимали его къ себѣ въ члены и съ удовольствіемъ слушали его зажигательныя рѣчи, но денегъ ему это не давало, и онъ зачастую голодалъ. Отъ отчаянія его спасалъ только свойственный его расѣ оптимизмъ и способность чувствовать себя вездѣ какъ на родинѣ. На человѣчество онъ смотрѣлъ какъ на матеріалъ для своихъ плановъ, и чутьемъ понялъ, что именно въ этомъ большомъ городѣ ему удастся привести эти планы въ исполненіе. Прежде

всего ему нужно было обзавестись литературными знакомствами, и уже многіе писатели получали отъ него такое приглашеніе, какое онъ оставилъ Бертингу. Однако далеко не всѣ являлись на свиданіе, и поэтому Кароль былъ въ восторгѣ, увидавъ у входа въ пивную стройную фигуру бѣлокураго молодого человѣка, нерѣшительно оглядывавшагося кругомъ. Онъ быстро всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Вы господинъ Бертингъ? Я—Кароль.

Фрицъ оглядѣлъ его съ удивленіемъ. Ему и въ голову не приходило, что Кароль былъ еврей.

Кароль былъ некрасивъ, но у него, какъ у всякаго типичнаго представителя своей расы, было очень интересное и не лишенное привлекательности лицо.

— Я уже давно хотѣлъ познакомиться съ авторомъ „Тихаго сна",—началъ Зигфридъ Зильберъ, когда они усѣлись за столикомъ.—И вотъ случай... или нѣтъ, не случай! Въ духовномъ родствѣ случаевъ не бываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли это? Я стремлюсь съ вами познакомиться, но не хочу дѣлать этого письменно, потому что письмо такъ безсильно и такъ мало передаетъ,—и вдругъ узнаю, что вы живете въ одномъ городѣ со мною, что вы, какъ и я, бѣжали сюда, спасаясь отъ людского непониманія. Не сочтите это за нескромность, господинъ Бертингъ, но я увѣренъ, что не только въ нашихъ произведеніяхъ, но и въ нашей судьбѣ есть что-то общее, родственное.

Въ такомъ родѣ продолжалъ онъ и дальше, разсказалъ Фрицу всю свою біографію и, къ удивленію Бертинга, при первомъ же знакомствѣ открылъ ему всѣ „раны своего сердца" и ввелъ его въ свою „святую святыхъ".

Чтобы прекратить этотъ неизсякаемый потокъ краснорѣчія, Фрицъ принужденъ былъ взглянуть на часы и заявить, что у него есть еще дѣло на сегодняшній вечеръ.

Тогда въ Каролѣ произошла неожиданная перемѣна. Онъ пододвинулся поближе къ Бертингу и заговорилъ дѣловымъ тономъ, точно сталъ другимъ человѣкомъ.

Бертингъ, насколько было извѣстно Каролю, недавно только пріѣхалъ въ городъ и, конечно, нуждался въ работѣ. Единственнымъ средствомъ для литератора стать извѣстнымъ и заработывать деньги было сотрудничество въ газетахъ, и Кароль предлагалъ ему помочь найти работу.

Фрицъ возразилъ, что въ этомъ случаѣ ему всего скорѣе могъ помочь его другъ, докторъ Лемфинкъ. При этомъ имени

въ лицѣ Зильбера появилось удивленное и далеко не обрадованное выраженіе.

— Достойнѣйшій человѣкъ г-нъ Лемфинкъ, — произнесъ онъ,—но не находите ли вы, что въ немъ есть что-то старомодное, и его взгляды, какъ политическіе, такъ и литературные, —немного отсталые. Такой тонкій наблюдатель, какъ вы, не можетъ этого отрицать.

Бертингъ отвѣчалъ уклончиво и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Зильберъ осмотрѣлся кругомъ, какъ бы боясь, что его подслушаютъ, и сталъ усиленно уговаривать Бертинга принять работу въ извѣстной политической газетѣ, нуждавшейся въ это время въ талантливомъ сотрудникѣ.

Фрицъ, уже понявшій, къ какой партіи принадлежалъ Зильберъ, возразилъ, что не чувствуетъ себя способнымъ работать въ политическихъ органахъ и зависѣть отъ главнаго редактора и преобладающей партіи. Вообще, политика казалась ему всегда очень скучной, и онъ не понималъ, какъ люди съ тонко развитымъ вкусомъ могли увлекаться ею. Что же касается художественнаго творчества, то онъ думалъ, что политическія тенденціи убиваютъ всякое художественное произведеніе въ самомъ зародышѣ, ибо основаніе всякаго искусства прежде всего—свобода.

— Свобода!—воскликнулъ Зильберъ и театрально поднялъ руки.—Въ современной Германіи свободы не существуетъ!

И опять онъ заговорилъ очень пространно о печальномъ положеніи интеллигента въ современномъ обществѣ. Повидимому, это было его больное мѣсто,—онъ увлекался все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ говорилъ; глаза его сверкали страстной ненавистью и все худое тѣло дрожало отъ волненія. Теперь онъ гораздо больше сталъ нравиться Фрицу, чѣмъ вначалѣ. Въ немъ говорило возмущеніе человѣка, желающаго пробиться сквозь толпу и возвыситься надъ нею, и котораго эта толпа удерживаетъ и не пускаетъ. Сколько долженъ былъ переиспытать человѣкъ, чтобы дойти до такой ненависти къ людямъ!

Въ эту минуту изъ внутренняго помѣщенія ресторана вышелъ толстый господинъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ и подошелъ къ столу, за которымъ они сидѣли. Это былъ издатель, Вейсблейхеръ.

Онъ попросилъ позволенія сѣсть за ихъ столъ и, не дожидаясь отвѣта, грузно опустился на стулъ и бросилъ на середину стола свою шляпу. Эта встрѣча была непріятна Фрицу; онъ уже давно обѣщалъ издателю тотчасъ же приступить къ роману, и до сихъ поръ не начиналъ писать его.

Вейсблейхеръ, какъ и слѣдовало ожидать, освѣдомился о томъ, „что подѣлываетъ нашъ романъ", и узнавъ, что онъ еще очень мало подвинулся впередъ, поглядѣлъ сбоку на Фрица и замѣтилъ:

— Докторъ Лемфинкъ сказалъ мнѣ, что вы легко и много пишете.

Бертингъ хотѣлъ возразить, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, но вспомнилъ про свой долгъ и скромно обѣщалъ поторопиться съ работой.

— Да, ужъ вы поторопитесь, — сказалъ Вейсблейхеръ, — чтобы можно было книжку выпустить къ Рождеству. Я попробую пустить васъ въ ходъ. Посмотримъ, не съумѣемъ ли мы проложить дорогу и для васъ, молодыхъ. Я вѣдь это дѣлаю изъ интереса къ новому движенію. Доходовъ это мнѣ не принесетъ.

Фрицъ уже зналъ, насколько можно было довѣрять словамъ этого господина. Лемфинкъ называлъ его не иначе, какъ „необходимымъ зломъ".

Благосклонно кивнувъ Бертингу, Вейсблейхеръ всталъ и, уже уходя, повернулся и произнесъ.

— А propos, г-нъ Кароль! Такъ, кажется, васъ зовутъ, молодой человѣкъ?

Зигфридъ Зильберъ поспѣшно отвѣтилъ, что это—его псевдонимъ.

— Я сейчасъ только вспомнилъ, что у насъ находится ваша рукопись. Я заглянулъ въ нее недавно, но она не подходитъ къ нашему издательству. У васъ нѣтъ недостатка въ наблюдательности, но содержаніе романа слишкомъ печально, слишкомъ тяжело дѣйствуетъ. Публика такихъ сюжетовъ не любитъ. Вы можете получить рукопись обратно, г-нъ Кароль.

Фрицъ замѣтилъ, какъ блѣдное лицо Зильбера стало еще блѣднѣе и онъ проводилъ взглядомъ, полнымъ ненависти, уходившаго издателя, не соблаговолившаго даже попрощаться съ нимъ. Но онъ быстро овладѣлъ собою и проговорилъ съ нервной усмѣшкой:

— Вамъ повезло съ Вейсблейхеромъ. У него и деньги есть, и извѣстность, и онъ—очень ловкій дѣлецъ.

V.

Фрицъ Бертингъ чувствовалъ, что ему не заснуть въ эту ночь. Подъ предлогомъ усталости, онъ разстался съ Зигфридомъ

Зильберомъ и пошелъ бродить по улицамъ. Въ эту душную лѣтнюю ночь городъ казался даже болѣе оживленнымъ, чѣмъ днемъ.

Ярко освѣщенные увеселительные сады были биткомъ набиты посѣтителями; по широкимъ, обсаженнымъ большими деревьями, аллеямъ прогуливались рабочіе, прислуга и всѣ тѣ, кто днемъ не имѣетъ времени показаться на улицу. Здѣсь, среди медленно прогуливавшейся молодежи, попадалось особенно много приказчиковъ и учениковъ, съ сигарой въ зубахъ и съ тросточкой въ рукахъ. Юноши старались изо всѣхъ силъ казаться настоящими мужчинами, и это имъ удавалось главнымъ образомъ при помощи благодѣтельныхъ сумерекъ. На всѣхъ скамейкахъ, а въ особенности на тѣхъ, которыя были подальше отъ фонарей, сидѣли влюбленныя парочки, и нѣжность ихъ проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе было освѣщеніе. Изъ увеселительнаго заведенія, помѣщавшагося на другомъ берегу рѣки, доносились по временамъ звуки вальса, и эта музыка, усиливая нѣжность влюбленныхъ сердецъ, возбуждала въ молодежи непреодолимую охоту потанцовать.

Фрицъ Бертингъ отдавался теченію толпы безъ всякаго опредѣленнаго плана. Его не тянуло домой, хотя онъ и зналъ, что Альма его ждетъ. Въ томъ настроеніи, которое вдругъ захватило его, онъ больше всего нуждался въ полномъ одиночествѣ, и Альма въ такія минуты теряла для него всякое значеніе. Онъ самъ еще неясно понималъ то новое, чтò сначала смутно и неясно закопошилось въ его душѣ, а теперь уже настойчиво и упорно требовало для себя жизни и òбразовъ. Ему хотѣлось остаться одному, совсѣмъ одному съ этими все еще пока туманными, зарождавшимися мыслями. Онъ волновался и трепеталъ, какъ трепещетъ женщина, чувствуя приближеніе своего возлюбленнаго, и въ этомъ трепетѣ была стыдливость, страхъ и восторгъ ожиданія.

Ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ широкихъ и людныхъ аллей, и онъ поторопился выйти на длинную и довольно пустынную улицу. Въ тишинѣ его шаги зазвучали по тротуару особенно громко. Уличные фонари вытянулись передъ нимъ длинной блестящей линіей, уходя вдаль и превращаясь въ крошечныя блестящія точки. Онъ вышелъ на площадь какъ разъ въ ту минуту, когда часы на колокольнѣ старой церкви пробили полночь. Затѣмъ, онъ углубился въ лабиринтъ маленькихъ темныхъ улицъ и переулковъ. Полицейскій, стоявшій здѣсь на своемъ посту, подозрительно покосился, замѣтивъ хорошо одѣтаго господина—явленіе довольно непривычное для этихъ мѣстъ. Какая-то женщина, которой Фрицъ не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ,

поспѣшно прошептала ему слова, въ смыслѣ которыхъ нельзя было ошибиться. Но вотъ, наконецъ, кончилась узкая, пропитанная удушливыми запахами улица, и Фрицъ почувствовалъ свѣжее дуновеніе. Рѣка была близко; она несла свои воды съ горъ, изъ луговъ и лѣсовъ, и въ душномъ городѣ уже ясно чувствовалось ея свѣжее дыханіе.

Для Фрица стала сразу ясна цѣль его странствованій. Ему захотѣлось какъ можно скорѣе выбраться изъ тѣсноты и пойти куда-то далеко вдоль по рѣкѣ; въ эту минуту она представлялась ему самымъ близкимъ существомъ; ему казалось, что она, подобно ему, жаждетъ одиночества. За городомъ, гдѣ рѣка катилась между плоскихъ береговъ, было любимое мѣсто Фрица. Онъ набрелъ на него случайно, во время одной вечерней прогулки съ Альмой.

Онъ направился туда. Темнота скрадывала безобразіе сараевъ, огромныхъ кучъ наваленнаго угля, фабрикъ и копоти. Наконецъ онъ выбрался на незастроенное мѣсто и пошелъ вдоль длинной каменной набережной.

Ночь была лунная. Противоположный берегъ вырисовывался неясными очертаніями, точно въ туманѣ. Все кругомъ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалась какая-то таинственная, полная движенія жизнь. Природа не засыпаетъ въ лѣтнюю ночь. Изъ ивовыхъ кустовъ вдоль набережной слышался сонный крикъ какой-то водяной птицы; въ травѣ трещали кузнечики, а вокругъ него носились ночныя бабочки. Фрицъ быстро подвигался впередъ. Городъ уже далеко остался позади, и передъ нимъ по обѣ стороны рѣки потянулись поля. Онъ вздохнулъ полной грудью. Наконецъ-то онъ одинъ! Въ послѣднее время онъ полюбилъ одиночество больше всего на свѣтѣ.

Фрицъ Бертингъ принадлежалъ къ числу художниковъ, не умѣющихъ творить, когда они окружены людьми. Его творческая сила точно слабѣла подъ взглядомъ чужихъ глазъ, а беззастѣнчивое присутствіе въ комнатѣ какого-нибудь посторонняго лица невыносимо тяготило его, убивая въ зародышѣ всякую мысль. Альма раздражала его въ такія минуты даже тогда, когда не произносила ни слова. Его смущала ея близость, смущало одно сознаніе, что она здѣсь, подлѣ него. Дѣвушка знала эту его особенность, и старалась быть насколько возможно тихой и незамѣтной. Но и это не помогало. Онъ раздражался ея молчаніемъ, и всѣми нервами ждалъ той минуты, когда она опять помѣшаетъ ему. Когда же эта минута наступала, онъ осыпалъ ее упреками, говорилъ, что, благодаря ей, теряетъ нить мыслей.

Въ такіе дни обыкновенно онъ бросалъ работу и больше не принимался за нее.

Сегодня ночью онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ состоянія бездѣйствія, тяготившаго его уже въ продолженіе многихъ недѣль. Уже днемъ, когда Лемфинкъ обратилъ его вниманіе на великолѣпный городъ, онъ почувствовалъ, какъ что-то пробуждается и оживаетъ въ его душѣ. Безпокойное, жуткое и въ то же время радостное чувство завладѣло имъ. Въ продолженіе цѣлаго дня онъ думалъ о постороннихъ вещахъ, встрѣчался и разговаривалъ съ людьми, получалъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, но не забывалъ ни на минуту, что все это не есть главное. Важнѣе всего было то, что̀ происходило внутри него и чего онъ еще былъ не въ силахъ выразить словами, но что̀ росло и крѣпло почти помимо него въ тайникахъ его души. Онъ все шелъ впередъ, думая подъ немолчный шумъ волнъ, и въ этомъ шумѣ было что-то возбуждающее и ободряющее. Онъ думалъ о своей жизни, о своемъ прошломъ...

Какъ только Фрицъ Бертингъ выработалъ въ себѣ сознательное отношеніе къ самому себѣ и къ жизни,—а это случилось съ нимъ на двадцать-шестомъ году,—самымъ дорогимъ и радостнымъ для него стало сознавать себя поэтомъ. Но раньше чѣмъ отдаться этому любимому дѣлу, Фрицу пришлось пройти довольно тяжелый путь и порвать со всѣмъ его окружавшимъ и близкимъ.

Отъ дѣтства у него сохранились неясныя и довольно сбивчивыя воспоминанія, не связанныя ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, такъ какъ отецъ его былъ чиновникомъ, и, по волѣ начальства, его часто переводили изъ одного города въ другой. Но, несмотря на эти частыя перемѣны мѣстъ, все въ домѣ совѣтника, начиная съ неуклюжей и неудобной мебели, которую перевозили за собой съ одного конца Германіи на другой, кончая самой ничтожной привычкой разъ заведеннаго хозяйственнаго строя, все оставалось неизмѣннымъ, какимъ-то тусклымъ, безжизненнымъ, лишеннымъ красокъ и освѣщенія. Въ ихъ домѣ всегда и повсюду было что-то напоминавшее канцелярію, что-то сухое, деревянное, размѣренное и необыкновенно скучное.

Часто впослѣдствіи Фрицъ думалъ о томъ, какъ могло зародиться въ немъ стремленіе къ поэзіи. Конечно, онъ унаслѣдовалъ это не отъ отца. Мать свою онъ помнилъ очень мало; она умерла, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ, и онъ не могъ представить себѣ ни ея лица, ни фигуры, хотя хорошо помнилъ, что она пѣла ему дѣтскія пѣсенки и разсказывала

чудесныя сказки. Были у Фрица двѣ сестры гораздо старше его, но отношенія между ними сложились болѣе чѣмъ равнодушныя. Сестры тяготились мальчикомъ и считали его помѣхой для ихъ замужества. Онѣ даже не старались скрыть своего отношенія къ брату и воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ выйти замужъ и оставить родительскій домъ. Старый совѣтникъ и маленькій Фрицъ остались вдвоемъ.

Фрицъ, переѣзжая съ отцомъ изъ города въ городъ, постоянно мѣнялъ школы, учителей и товарищей; неизмѣннымъ оставалось только одно, что̀ объединяло всѣ эти учебныя заведенія и учебный персоналъ: заколачиваніе учениковъ древними языками и, какъ противовѣсъ этому, полное пренебреженіе къ родному языку.

Наконецъ, старый Бертингъ получилъ спокойное и почетное назначеніе въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ. Тамъ былъ хорошій театръ, и Фрицъ сдѣлался ярымъ театраломъ. Новый, неожиданный міръ вдругъ открылся передъ нимъ, и онъ съ жадностью, безъ всякой критики, упивался его впечатлѣніями. Къ этому времени относится и его первая любовь. Онъ полюбилъ театральную героиню, женщину съ пышно развитыми формами и выразительнымъ лицомъ, типичную представительницу подмостковъ. Она была вдвое старше Фрица, была замужемъ, имѣла дѣтей. Но развѣ это могло имѣть какое-нибудь значеніе для влюбленнаго юноши! Г-жа Корсевская была для него не земнымъ созданіемъ, а существомъ изъ какого-то другого, заоблачнаго міра. Онъ поклонялся и благоговѣлъ передъ нею.

Онъ писалъ ей письма и не получалъ отвѣтовъ, но вдругъ въ одинъ прекрасный день къ старику Бертингу явился мужъ актрисы, отставной офицеръ, и попросилъ его посовѣтовать сыну не тратиться на марки, въ виду того, что первыя письма еще смѣшили адресатку, а теперь просто надоѣли ей.

Нѣжное, стыдливое чувство было безжалостно смято грубыми руками. Въ этотъ критическій моментъ, Фрицъ нашелъ въ своемъ отцѣ, вмѣсто друга, скучнаго и довольно безжалостнаго наставника. Совѣтникъ надоѣдалъ сыну своими родительскими высоконравственными проповѣдями, и мысль о томъ, что Фрицъ болѣе нуждается въ утѣшеніи, чѣмъ въ наставленіи, ни разу не пришла въ его старую голову. Въ это время отецъ лишился навсегда возможности пріобрѣсти довѣріе сына.

Это происшествіе довольно скоро было забыто, но у Фрица, несмотря на весь запась еще нетронутыхъ молодыхъ силъ, все-

таки осталась въ душѣ какая-то болѣзненная ссадина, недовѣріе къ отцу и несвойственное въ его годы отчужденіе отъ людей.

Посѣщеніе театра было ему строго запрещено, но онъ довольно скоро примирился съ этимъ лишеніемъ, найдя утѣшеніе у толстой, веселой кёльнерши. Первая идеальная любовь умерла, и на мѣстѣ ея выросла совершенно реальная, грубая любовная связь. Долги, ссора съ соперникомъ и, наконецъ, негодованіе отца, которому поспѣшили донести о поведеніи сына, были послѣдствіями этой черезчуръ ранней любовной интриги.

Совѣтникъ Бертингъ скорбѣлъ о безнравственномъ поведеніи своего единственнаго сына, но ему и въ голову не приходило, что онъ самъ хоть сколько-нибудь способствовалъ дурной славѣ юноши.

Между тѣмъ, подошло время выпускного экзамена. Фрицъ выдержалъ испытаніе и, заручившись дипломомъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія къ юридическимъ наукамъ, но отецъ его выразилъ желаніе, чтобы онъ избралъ именно эту карьеру. Разсуждать же о какомъ бы то ни было призваніи съ несовершеннолѣтнимъ юношей тайный совѣтникъ находилъ, по меньшей мѣрѣ, глупымъ и несвоевременнымъ.

Въ это время, занятое изученіемъ наукъ и довольно необузданными развлеченіями, Фрицъ, благодаря одному изъ своихъ товарищей, познакомился съ музыкой, узналъ Рихарда Вагнера, и мощный голосъ творца „Тристана“ заглушилъ въ его душѣ всѣ остальные звуки. Почти одновременно съ увлеченіемъ Вагнеромъ, Фрицъ подпалъ подъ вліяніе Шопенгауера, такъ много говорившаго его уже зараженной пессимизмомъ душѣ. Въ то время какъ Вагнеръ пробуждалъ въ немъ стремленіе къ мощной, необузданной стихійности и мистицизму, Шопенгауеръ училъ его презирать свѣтъ и стремиться къ нирванѣ. Отъ Шопенгауера Фрицъ перешелъ къ Гартману, Фогту, Молешотту и Бюхнеру. Проникнувъ, такимъ образомъ, въ самыя нѣдра философскаго матеріализма, онъ сталъ искать въ естественныхъ наукахъ дополненія къ выработавшемуся въ немъ міросозерцанію. И вотъ Дарвинъ, съ его научной системой, явился для Фрица новымъ источникомъ свѣта.

Весьма понятно, что человѣкъ, дававшій столько пищи своему уму, не находилъ достаточно времени, чтобы подготовиться къ государственному экзамену, особенно принимая во вниманіе, что ни гражданское право, ни всевозможные уголовные процессы

никогда не внушали ему ни малѣйшаго интереса. Между тѣмъ отецъ упорно настаивалъ на экзаменѣ. Онъ, по своему обыкновенію, старался быть болѣе строгимъ къ своему сыну, чѣмъ былъ когда бы то ни было къ самому себѣ. Для Фрица все яснѣе и яснѣе становилось, что между ними образовалась непреодолимая преграда. Семидесятилѣтній старикъ уже кончилъ свой путь, а юноша пускался въ дорогу, конца которой еще никто не могъ предвидѣть.

Фрицъ не имѣлъ ничего общаго со студенческими ферейнами и корпораціями. Его тяготили всякія обязательныя отношенія, и онъ сдѣлался членомъ клуба, образовавшагося изъ лицъ всевозможныхъ классовъ общества и всякихъ профессій. Въ этомъ клубѣ засѣданія бывали два раза въ недѣлю. Два раза въ недѣлю, по вечерамъ, тамъ собирались члены, обсуждали различныя явленія общественной жизни, говорили о новыхъ произведеніяхъ въ области литературы и науки, спорили и горячились за кружкой пива, съ сигарой въ зубахъ. Здѣсь встрѣчались художники всевозможныхъ направленій, люди различныхъ религіозныхъ убѣжденій и люди, не имѣвшіе ровно никакой религіи. Въ политикѣ здѣсь брали перевѣсъ радикалы, но это нисколько не стѣсняло соціаль-демократовъ, евреевъ и даже анархистовъ. Были здѣсь и вѣчные студенты и журналисты. Всѣхъ этихъ разнообразныхъ людей сближала между собой вѣра въ идеалъ и въ будущее. Они мечтали о грандіозныхъ преобразованіяхъ въ различныхъ областяхъ, старались разрушить настоящее и возлагали большія надежды на будущее. Противъ существующаго порядка вещей они боролись исключительно словомъ. Въ одинъ вечеръ они низводили въ прахъ заслуженныхъ гражданъ, ихъ критика сокрушала самые прочные устои, разбивала теоріи и системы, державшіяся цѣлыми вѣками. Они составляли проекты для изданія газетъ, которымъ никогда не было суждено увидѣть свѣтъ, мечтали о коренномъ преобразованіи театра для постановки пьесъ еще несуществующихъ драматическихъ писателей. И во всемъ, что они говорили, чувствовался могучій протестъ юности противъ старыхъ, установившихся, но уже обветшалыхъ формъ. Единственнымъ средствомъ для борьбы они считали слово и широко пользовались имъ для проведенія своихъ взглядовъ. Нѣкоторые изъ членовъ клуба выражали въ стихахъ свое настроеніе, другіе писали романы, повѣсти и разсказы; были и такіе, которые выражали свой протестъ въ драматической формѣ.

Фрицъ Бертингъ выдѣлялся довольно рѣзко среди членовъ этого клуба. Ни наружность его, ни манеры, ни разговоръ, не

подходили къ окружавшей его богемѣ, но любовь къ свободѣ, къ самостоятельности и стремленіе найти надлежащее примѣненіе своимъ силамъ притягивали его къ этой пестрой толпѣ и роднили съ нею.

Между тѣмъ, отношенія между отцомъ и сыномъ становились все хуже и хуже. Отецъ настаивалъ, чтобы Фрицъ не оставлялъ намѣченной ему карьеры, а сынъ чувствовалъ, что, повинуясь отцу, совершаетъ нравственное самоубійство.

Фрицъ окончательно разошелся и съ отцомъ, и съ товарищами, послѣ появленія перваго же сборника своихъ стихотвореній. Всѣ его бывшіе товарищи по школѣ, сдѣлавшіеся за это время офицерами или чиновниками, стали чуждаться его и относиться къ нему съ какой-то подозрительностью. Они не могли простить ему измѣны традиціямъ извѣстнаго общественнаго положенія и его причастности къ литературѣ. Отецъ же написалъ сыну письмо, съ угрозой лишить его наслѣдства, если только онъ не перестанетъ бывать въ подозрительномъ обществѣ и будетъ писать неприличныя книги. На эту отцовскую угрозу Фрицъ отвѣтилъ тѣмъ, что, спустя немного времени, выпустилъ второй сборникъ стихотвореній, подчеркнувъ и еще усиливъ то, что̀ было въ первомъ.

Такимъ образомъ порвалась его послѣдняя связь съ семьей. Годъ спустя, тайный совѣтникъ умеръ, оставивъ сыну только законную часть наслѣдства. Затѣмъ потянулись годы безплодныхъ странствованій по всевозможнымъ книжнымъ издателямъ, драматургамъ и театральнымъ агентамъ, которымъ Фрицъ Бертингъ тщетно предлагалъ свои драмы. Ихъ клубъ окончательно распался. Нѣкоторые изъ его членовъ взяли мѣста въ редакціяхъ; другіе, измученные нуждой, ухватились за первое сносное предложеніе какой бы то ни было работы, а очень многіе исчезли безъ слѣда въ бурныхъ волнахъ жизни большого города. У Фрица появились новыя знакомства. Благодаря деньгамъ, онъ не имѣлъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ подругахъ.

Иногда, обдумывая свое положеніе и соображая, что средства его постепенно истощаются, а стихотворенія имѣютъ весьма посредственный успѣхъ, онъ задавалъ себѣ вопросъ, не было ли бы съ его стороны болѣе благоразумнымъ слѣдовать совѣтамъ покойнаго отца. Онъ не могъ не признавать, что въ такомъ случаѣ ему жилось бы и легче, и удобнѣе, и онъ давно уже считался бы полезнымъ членомъ общества. Но, несмотря на все это, онъ никогда не могъ серьезно рѣшиться измѣнить свое положеніе. Онъ былъ увѣренъ, что только на избранномъ имъ пути

ему удастся создать что-нибудь настоящее и что нѣтъ на землѣ болѣе высокаго и благороднаго призванія, какъ быть писателемъ.

Луна уже давно зашла, бѣлый туманъ поднялся надъ рѣкой, а на восточной сторонѣ неба показалась розовая полоса. Воздухъ замѣтно посвѣжѣлъ и трава стала мокрой отъ росы. Короткая лѣтняя ночь кончилась.

Фрицъ повернулъ назадъ къ городу. Его пробирала дрожь отъ безсонной ночи и свѣжаго утренняго воздуха, но онъ все-таки чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.

Эта ночь такъ много дала ему! То, что̀ онъ чувствовалъ въ эту минуту, было уже не преходящее настроеніе. Нѣтъ, теперь онъ больше не сомнѣвался, что нашелъ самое главное; это главное стояло у него передъ глазами, и ему стоило только протянуть руку, чтобы взять его!

Теперь онъ навѣрное зналъ, что̀ именно должно было быть основной мыслью его романа. Еслибы онъ захотѣлъ выразить эту мысль словами, то не могъ бы ей подыскать иного названія, какъ значеніе пола и рода въ жизни людей.

Его смущали предстоявшія ему трудности. Не легко было написать произведеніе на такую исключительную тему, зато онъ надѣялся, что въ этомъ случаѣ сама природа придетъ ему на помощь.

Но въ эту минуту Фрицъ старался не останавливаться мыслями на предстоящихъ ему затрудненіяхъ; ему хотѣлось только наслаждаться, какъ наслаждается путникъ, измученный странствованіемъ по ущельямъ и вдругъ завидѣвшій безконечную даль. Тема, выбранная имъ для романа, казалась ему неисчерпаемой. Соединяя духовное съ физическимъ, она приближала человѣка къ животному и въ то же время роднила его съ Божествомъ. Ею одной исчерпывались вся сила и слабость, все горе и счастье, вся любовь и ненависть, смерть, паденіе, наивысшее проявленіе геройства, самая низкая степень разврата, расцвѣтъ и увяданіе не только отдѣльной личности, но и цѣлой семьи, цѣлаго общества, цѣлаго народа. При подобномъ освѣщеніи становились ясными и понятными не только поступки, но и скрытыя побужденія, ими управлявшія.

Раздумывая надъ поразительными открытіями, сдѣланными за послѣднее столѣтіе въ сферѣ естественныхъ наукъ, Фрицъ Бертингъ ясно видѣлъ, что весь прогрессъ въ этой области достигнутъ исключительно благодаря примѣненію эмпирическаго метода, и онъ остановился на мысли примѣнить этотъ же самый методъ въ области литературы. Онъ надѣялся, что фантазія и

созерцаніе, соединенныя съ точнымъ наблюденіемъ и анализомъ, откроютъ совершенно новые горизонты, создадутъ небывалую картину и поведутъ искусство по новому пути къ еще невѣдомымъ вершинамъ.

Но раньше всего и прежде всего онъ считалъ необходимымъ освободиться отъ всего, что̀ принято называть нравственностью, уродствомъ и противоестественностью. Натуралисты и философы уже давнымъ-давно покончили съ этимъ ненужнымъ хламомъ, а литература все еще гибла отъ этого мусора. Необходимо было найти въ себѣ мужество сбросить старую, обветшалую одежду и во имя правды и надежды на лучшее будущее—показать человѣка въ его неприкрашенномъ, естественномъ видѣ.

Фрицъ Бертингъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Шопенгауера на половое влеченіе, какъ на самый могучій, жизненный рычагъ. Этотъ рычагъ приводилъ въ движеніе все физическое и духовное и въ то же время дѣйствовалъ какъ самый искусный художникъ, подъ невидимыми пальцами котораго все пріобрѣтало окраску и формы. Только подъ властью полового влеченія люди сбрасывали съ себя непроницаемый панцырь, сотканный изъ всевозможныхъ условностей, и становились сами собою.

Фрицъ Бертингъ поставилъ себѣ задачей разработать этотъ естественный законъ и облечь его въ плоть и кровь въ художественномъ произведеніи. Въ эту минуту онъ почти не сомнѣвался, что это ему удастся. Онъ добрался до своей квартиры только къ десяти часамъ утра, и ему удалось, не разбудивъ Альмы, улечься въ постель. Онъ заснулъ какъ убитый и проснулся послѣ полудня, чувствуя себя сильнымъ, бодрымъ и способнымъ работать.

VI.

Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, Фрицу Бертингу было необходимо сдѣлать кое-какія измѣненія въ своей квартирѣ. Они занимали съ Альмой всего двѣ комнаты. Обыкновенно Альма сидѣла съ своимъ шитьемъ въ чистой комнатѣ, гдѣ стоялъ письменный столъ Фрица. Фрицъ имѣлъ обыкновеніе во время работы вскакивать изъ-за своего письменнаго стола и бѣгать по комнатѣ, а потому онъ вошелъ въ соглашеніе съ квартирной хозяйкой, и та позволила Альмѣ сидѣть съ работой въ ея собственной комнатѣ, на другомъ концѣ квартиры. Альма давно мечтала о швейной машинѣ, и Фрицъ поторопился теперь исполнить ея желаніе, потому что стукъ машины изъ хозяйской ком-

наты не былъ ему слышенъ. Дѣвушка радовалась машинѣ, но еще больше радовалась она хорошему настроенію своего Фрица, хотя и не понимала его причины.

Фрицъ Бертингъ цѣлыми днями сидѣлъ за своимъ маленькимъ шаткимъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ такъ поглощенъ работой, что Альма даже стѣснялась звать его къ столу.

Онъ работалъ съ лихорадочной поспѣшностью, едва успѣвая набрасывать на бумагу то, что создавала его, казалось, неистощимая творческая сила. До сихъ поръ онъ писалъ почти исключительно лирическія произведенія и былъ новичкомъ въ романѣ. Его новая работа была несравненно сложнѣе и труднѣе всѣхъ прежнихъ. Здѣсь было уже недостаточно прислушиваться къ собственнымъ ощущеніямъ, подстерегать мимолетныя настроенія или ловить неясную мечту. Нѣтъ, ему теперь предстояла гораздо болѣе серьезная задача. Онъ долженъ былъ разобраться въ матеріалѣ, почерпнутомъ изъ воспоминаній и собственнаго опыта, и положить въ основаніе всего фундаментъ, заложенный на строгихъ научныхъ данныхъ. Одна изъ самыхъ главныхъ трудностей состояла въ томъ, чтобы матеріалъ не только не затемнилъ основной мысли, но подчеркнулъ бы и усилилъ ее.

Мѣстомъ дѣйствія для своего романа онъ выбралъ отдаленный отъ центра кварталъ большого города, очень похожій на ту мѣстность, въ которой онъ жилъ.

Здѣсь участки земли были дешевы, и на нихъ, какъ грибы, повсюду выскакивали фабрики, чередуясь съ унылыми сѣрыми постройками, гдѣ помѣщался рабочій людъ. По вечерамъ сюда являлись солдаты изъ сосѣднихъ казармъ, ихъ встрѣчали какъ желанныхъ гостей, и мѣстные кабачки часто не закрывались цѣлую ночь.

Необходимая ему обстановка была у него подъ рукой. Ему стоило распахнуть окно, и онъ слышалъ протяжный фабричный гудокъ, лепетъ невидимыхъ дѣтей, напоминавшій птичье чириканье, женскій говоръ и шарманку съ аккомпаниментомъ собачьяго воя. Всѣ эти звуки уже вызывали въ немъ извѣстное настроеніе. Кромѣ того, его кварталъ былъ очень удобенъ для наблюденій. Многое такое, что принято скрывать, происходило здѣсь на глазахъ у всѣхъ, при раскрытыхъ дверяхъ и распахнутыхъ окнахъ. Онъ долженъ былъ только имѣть глаза и уши—и рѣшительно все было къ его услугамъ. Даже запахи, и притомъ далеко не всегда пріятные, выдавали ему тайны домовъ и привычки ихъ обитателей.

Квартира его тоже представляла хорошій матеріалъ, начиная

съ хозяйки, г-жи Клиппель. Ея мужъ служилъ на желѣзной дорогѣ, и почти цѣлыми днями его не было дома.

Г-жа Клиппель съ утра до ночи бѣгала по дому въ распашной блузѣ, съ непричесанной головой и въ войлочныхъ туфляхъ. О настоящемъ обѣдѣ она никогда не думала, и семья, благодаря ея лѣни, питалась хлѣбомъ съ масломъ, пирожками и кофе. Въ квартирѣ повсюду была грязь, несмотря на то, что хозяйка по нѣскольку разъ въ день влетала въ комнату своихъ жильцовъ съ пыльной тряпкой въ рукахъ.

Фрицъ вначалѣ предостерегалъ Альму отъ сближенія съ хозяйкой, но когда швейная машина была поставлена у нея въ комнатѣ, то Альмѣ волей-неволей пришлось проводить много времени въ обществѣ г-жи Клиппель.

Обыкновенно, восхищаясь работой и прилежаніемъ Альмы, хозяйка надолго задерживалась у швейнаго столика, по своему обыкновенію не выпуская изъ рукъ пыльной тряпки. Она любила посплетничать, и никто лучше ея не зналъ всѣхъ новостей квартала. Она разсказывала самыя невозможныя исторіи о сосѣдяхъ. Ея фантазія въ этомъ направленіи была неистощима, и все, что̀ она говорила, имѣло такъ или иначе прямое отношеніе къ темѣ, избранной Фрицемъ Бертингомъ. Во всѣхъ повѣствованіяхъ г-жи Клиппель главную роль играли взаимныя отношенія половъ; они варьировались ею до безконечности, на нихъ зиждились всѣ ея разсказы. Конечно, Фрицъ Бертингъ не могъ пользоваться въ сыромъ видѣ разсказами своей квартирной хозяйки, но все-таки и она способствовала его работѣ. Нѣсколько разъ онъ пытался заговаривать съ Альмой о своей книгѣ, разсказывалъ ей планъ романа, читалъ отдѣльныя сцены и интересовался узнать ея мнѣніе. Онъ зналъ, что Альма очень мало свѣдуща въ подобныхъ вещахъ, но его интересовала не критика, а нѣчто совсѣмъ другое, чего онъ хотѣлъ отъ нея добиться.

Многіе физіологи, съ ученіемъ которыхъ Фрицъ познакомился, разсматривали женщину какъ наиболѣе типичную представительницу пола, и видѣли въ этомъ главный источникъ ея огромнаго физическаго и мистическаго вліянія. Фрицъ находилъ, что эта теорія имѣетъ свое основаніе, но ему хотѣлось дополнить ее свѣдѣніями, добытыми отъ самой женщины.

Но Альма упорно уклонялась отъ какихъ бы то ни было разговоровъ на эту тему; на всѣ его разспросы она молчала и только краснѣла, смущалась и старалась перевести разговоръ на что-нибудь другое. Когда же онъ настаивалъ, чтобы получить отвѣтъ, она принималась плакать.

Фрицъ понялъ, что въ ней говоритъ непобѣдимое чувство женской стыдливости. Она боялась словами говорить о томъ, что̀ было насущнымъ хлѣбомъ ихъ отношеній. Онъ оставилъ ее въ покоѣ, но своимъ молчаніемъ она дала ему больше, чѣмъ могла бы дать словами. Она приподняла ему завѣсу, скрывавшую тайники женской души, и освѣтила ему многое.

VII.

Единственнымъ развлеченіемъ для Фрица Бертинга во время этой усиленной работы были свиданія съ Лемфинкомъ. Они встрѣчались днемъ въ кофейной, а по вечерамъ въ пивной, куда Бертингъ приводилъ съ собою и Альму.

Молодая дѣвушка часами должна была слушать споры двухъ друзей, всячески подавляя зѣвоту, которой Фрицъ не выносилъ. Лемфинкъ, едва замѣчалъ по глазамъ Альмы, что она устала, тотчасъ же начиналъ собираться уходить подъ предлогомъ собственной усталости.

Фрицъ зналъ, что его другъ былъ воплощенной честностью. Сто̀ило ему немножко поступиться своими убѣжденіями, и онъ занялъ бы, благодаря всесторонней образованности, начитанности и прилежанію, совсѣмъ другое мѣсто и въ журналистикѣ, и въ литературѣ, а между тѣмъ онъ бралъ самую разнообразную работу, чтобы имѣть чѣмъ жить, и результаты этой работы далеко не соотвѣтствовали количеству потраченныхъ силъ.

Фрицъ зналъ, что Лемфинкъ отсылалъ часть своего гонорара матери и сестрѣ, существовавшимъ скудной пенсіей, оставшейся послѣ отца, и кромѣ того началъ еще выплачивать Бертингу долгъ, сдѣланный еще въ Берлинѣ. Фрицъ охотно бы отказался отъ этихъ денегъ, зная, какъ трудно они доставались его другу, но Лемфинкъ былъ очень щепетиленъ, и его легко было обидѣть отказомъ.

Докторъ Лемфинкъ родился въ небольшомъ городѣ въ Швабіи. Отецъ его былъ титулярный совѣтникъ и велъ жизнь необыкновенно скромную, но хотѣлъ во что бы то ни стало дать образованіе своему сыну. Старанія отца увѣнчались успѣхомъ: маленькій Генрихъ обнаружилъ большія способности къ ученью и въ классѣ былъ первымъ. Кромѣ того, онъ увлекался литературой и очень много читалъ. Окончивъ университетъ и основательно изучивъ древніе и новые языки, онъ рѣшилъ сдѣлать путешествіе и побывать въ Берлинѣ. Этотъ городъ сначала

произвелъ на молодого человѣка отталкивающее впечатлѣніе, но когда онъ осмотрѣлъ зданія, учрежденія и памятники, то совершенно перемѣнилъ мнѣніе. Ему уже не захотѣлось вернуться на родину. Чтобы угодить отцу, онъ сдалъ экзаменъ на доктора, но въ то же время лелѣялъ въ душѣ очень смѣлую мечту: ему хотѣлось написать эпическую поэму. Героемъ ея долженъ былъ явиться Бисмаркъ, которымъ онъ очень увлекался. Понадобился цѣлый годъ самаго усиленнаго и отчаяннаго труда, прежде чѣмъ Лемфинкъ убѣдился, что, при самомъ горячемъ увлеченіи и самомъ богатомъ матеріалѣ, никогда не создать поэтическаго произведенія, если не обладаешь качествами, необходимыми для поэта. Онъ признался себѣ въ этомъ съ полной откровенностью, хотя ему ужасно было жаль потеряннаго труда и несбывшейся мечты. Къ этому времени какъ разъ небольшой капиталъ, назначенный его отцомъ для образованія сына, совершенно истощился, и онъ долженъ былъ самъ добывать средства къ существованію. Скоро отецъ его умеръ, и Лемфинкъ уѣхалъ на родину, къ матери и сестрѣ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ Берлинъ и взялъ мѣсто младшаго учителя въ родномъ городѣ, но не выдержалъ долго подобнаго существованія. Слишкомъ много онъ видѣлъ и узналъ,— его тянуло въ большой городъ, гдѣ жизнь кипѣла и шумѣла вокругъ, гдѣ было такъ много новаго и живого.

Вернувшись послѣ годового отсутствія въ Берлинъ, онъ сдѣлался журналистомъ. Работа эта, особенно вначалѣ, давалась ему не легко. Приходилось путешествовать изъ редакціи въ редакцію въ поискахъ работы и подчиняться требованіямъ и взглядамъ, совершенно не совпадавшимъ съ его собственными убѣжденіями. Берлинъ, при всемъ культурномъ богатствѣ и процвѣтаніи, былъ очень бѣденъ въ смыслѣ искусствъ и литературы. Все, что появлялось въ печати или на сценѣ, было или подражаніемъ французамъ, или же составлялось по разъ признанному шаблонному рецепту. А пресса хвалила и восхищалась господствующимъ искусствомъ. Однако оппозиція уже готовилась. Молодые люди, принадлежавшіе къ самымъ разнообразнымъ партіямъ, сходились только въ одномъ: необходимо было замѣнить старое новымъ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ и состоялось знакомство Лемфинка съ Фрицемъ Бертингомъ. Члены общества предполагали начать издавать газету на новыхъ началахъ и искали себѣ сильныхъ сотрудниковъ. Эти сотрудники нашлись въ лицѣ Лемфинка и Бертинга, и только благодаря имъ было выпущено около десяти нумеровъ газеты. Затѣмъ изданіе прекратилось, такъ какъ большая публика не заинтересовалась новой газетой,

какъ не интересуется никакимъ серьезнымъ предпріятіемъ, а юные издатели относились къ своей газетѣ въ высшей степени серьезно, и для Лемфинка закрытіе ея было настоящимъ горемъ. Онъ освободился отъ разныхъ обязательствъ, занявъ небольшую сумму денегъ у Бертинга, и покинулъ такъ обманувшій всѣ его надежды Берлинъ. На родину возвращаться ему все-таки не хотѣлось, и онъ уѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени, къ его большой радости, снова встрѣтился съ своимъ товарищемъ Бертингомъ. Къ тому чувству дружбы, которое Лемфинкъ испытывалъ къ Фрицу, присоединялось иногда невольное чувство безобидной и грустной зависти: у Бертинга было все, что̀ представлялось Лемфинку необходимымъ для счастья. Онъ былъ поэтъ, т.-е. обладалъ даромъ, о которомъ Лемфинкъ такъ горячо мечталъ и отъ котораго навсегда отказался. Кромѣ того, Фрицъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Не безъ горечи задавалъ себѣ иногда Лемфинкъ вопросъ, находясь въ обществѣ Бертинга и Альмы: чѣмъ собственно этотъ человѣкъ заслужилъ, чтобы его такъ любили?

Лемфинкъ поклонялся женщинамъ. Ему удалось сохранить цѣломудренную душу и совершенно чистый взглядъ на женщинъ. Про него можно было сказать, что онъ зналъ и понималъ женщину, именно потому, что не зналъ женщинъ.

По мнѣнію Лемфинка, Альма была настоящая женщина, способная составить счастье мужчины, и поэтому самое совершеннѣйшее существо въ мірѣ. Съ тайнымъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ, что Бертингъ недостаточно цѣнилъ это сокровище. Для Лемфинка не играло никакой роли то обстоятельство, что Альма была простого происхожденія; это не мѣшало ей имѣть любящее сердце и материнскую доброту, составляющую отличительное качество всякой истинной женщины. То, что Фрицъ жилъ съ дѣвушкой внѣ брака, не возмущало Лемфинка, но онъ не могъ понять той легкости, съ какой молодой человѣкъ относился къ взятой на себя отвѣтственности. Иногда ему становилось страшно, когда онъ думалъ о Фрицѣ и Альмѣ. Въ жизни каждаго художника любовь играетъ очень важную роль, потому что вліяетъ на его творчество. Если любовь основана главнымъ образомъ на чувственности и художникъ слишкомъ предается ей, то это, конечно, пагубно повліяетъ на его произведенія. Но безъ любви творчество почти невозможно, потому что оно есть еще глубже прочувствованное и еще ярче выраженное проявленіе той же любви.

VIII.

Романъ Фрица Бертинга быстро подвигался впередъ и принималъ размѣры, неожиданные для самого автора. Днемъ и ночью, за ѣдой или за прогулкой, онъ всегда и повсюду работалъ надъ своимъ произведеніемъ. Иногда онъ вскакивалъ ночью, весь потрясенный какой-нибудь новой мыслью, явившейся ему во снѣ изъ таинственной области безсознательнаго, и долго раздумывалъ, радуясь своему открытію и въ то же время терзаясь соображеніями, какимъ путемъ ввести это неожиданное пріобрѣтеніе въ уже готовый и сложившійся матеріалъ.

Иногда случайная встрѣча съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, чье-нибудь подслушанное слово, или долетѣвшій обрывокъ фразы, открывали передъ нимъ цѣлую сокровищницу новыхъ образовъ и представленій, и ему приходилось уже бороться противъ наплыва этихъ новыхъ впечатлѣній, такъ какъ всякое произведеніе искусства должно умѣщаться въ извѣстныхъ рамкахъ. Онъ много разъ возвращался къ уже написанному, внимательно просматривалъ его, кое-что вычеркивалъ, сокращалъ, измѣнялъ, кое-что добавлялъ, переносилъ въ другое мѣсто цѣлыя сцены, разрабатывая ихъ еще тщательнѣе и подробнѣе.

Издатель Вейсблейхеръ усиленно торопилъ Фрица. Ему хотѣлось получить рукопись какъ можно скорѣе. Срокъ, къ которому Бертингъ обѣщалъ представить романъ, уже давно прошелъ, и теперь не оставалось никакой надежды, что книга выйдетъ къ Рождеству. Вейсблейхеръ былъ раздраженъ и укорялъ Бертинга за то, что тотъ безконечно копается надъ своимъ романомъ. По его мнѣнію, публика совсѣмъ не нуждается въ чемъ-нибудь художественно-законченномъ, она только требуетъ новаго, блестящаго и неожиданнаго.—Ни на что другое читатели не имѣютъ терпѣнія. Онъ находилъ, что долгая и внимательная работа надъ произведеніемъ—это только потеря времени и силъ. Обращаться съ матеріаломъ слѣдовало необыкновенно бережно, и для построенія романа вполнѣ достаточно было какой-нибудь одной, сравнительно новой мысли,—другія же надо было беречь для слѣдующей работы. Вотъ въ чемъ, по его мнѣнію, состоялъ весь секретъ большей или меньшей производительности автора. Только путемъ разумной экономіи своихъ силъ писатель могъ пріобрѣсти имя и дѣлался популярнымъ. Роль издателя сводилась къ рекламѣ. Умѣлая реклама обезпечивала успѣхъ, и писатель, шутя, пріобрѣталъ цѣлую кучу денегъ.

Вопросъ о деньгахъ не былъ безразличенъ для Фрица Бертинга. Именно теперь онъ находился въ очень стѣсненномъ положеніи. Онъ задолжалъ кругомъ, а впереди еще предстояли новые платежи, нужно было вносить деньги за квартиру. Но, несмотря на это, одна мысль писать изъ-за денегъ казалась ему ужасной, убивала его творчество и свободу. Но гораздо болѣе вопроса о деньгахъ мучила Бертинга жажда литературной славы. Это чувство съ нѣкоторыхъ поръ постоянно сверлило и глодало его душу. Мысленно пробѣгая уже пройденный имъ путь, онъ не могъ не сознавать, что успѣхъ его весьма сомнителенъ и очень мало кто знаетъ о существованіи поэта Фрица Бертинга. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его стихотвореній, кое-кто одобрительно отозвался о нихъ въ печати и призналъ у автора небольшой лирическій талантъ. Но этимъ его успѣхи и ограничились. О своей злополучной драмѣ онъ старался даже и не вспоминать.

А между тѣмъ ему приходилось не разъ читать объ успѣхахъ другихъ. Сколько поэтовъ было прославлено за это время, сколько произведеній признано за выдающіяся! Почти каждую недѣлю въ Берлинѣ открывали какого-нибудь новаго генія.

Бертингъ хорошо зналъ, какимъ путемъ создавалась эта литературная слава; онъ прекрасно понималъ, почему однихъ хвалили, а другихъ смѣшивали съ грязью,—но минутами ему все-таки бывало горько на душѣ, и онъ утѣшался мыслью, что судьба была къ нему милостивѣе, чѣмъ къ другимъ несчастливцамъ. Она слегка помяла его,—а сколько людей были окончательно ею раздавлены!

Наступили холода, и жизнь Фрица и Альмы стала еще болѣе однообразной, безъ привычныхъ долгихъ прогулокъ и рѣдкихъ поѣздокъ куда-нибудь за городъ. Они вставали рано и послѣ чашки жидкаго кофе принимались каждый за свою работу: онъ садился за письменный столъ, она—за швейную машину. Такъ работали они безъ перерыва до самаго обѣда. Кушанье они получали изъ ближайшаго ресторана и ѣли его почти простывшимъ. Потомъ Фрицъ отправлялся въ кофейную, чтобы встрѣтиться съ Лемфинкомъ. По возвращеніи, онъ опять на нѣсколько часовъ усаживался за работу, а когда она ему не удавалась, то бросался съ сигарой на диванъ и лежалъ, обдумывая свой романъ или впадая въ немилосердную хандру.

По вечерамъ они уже не могли отправляться въ какой-нибудь перворазрядный ресторанъ, какъ дѣлали это раньше, по-

тому что касса ихъ была въ очень жалкомъ положеніи. Приходилось выбирать одну изъ ближайшихъ пивныхъ, гдѣ ихъ знали и могли въ крайнемъ случаѣ оказать кредитъ.

Вначалѣ Фрица Бертинга коробило отъ непривычной обстановки, его тошнило отъ смѣшаннаго запаха пива, кушаній и дешевыхъ сигаръ, его смущалъ черезчуръ непринужденный тонъ посѣтителей и ему рѣзала глазъ грязь всего окружающаго. Но постепенно онъ привыкъ ко всему этому и даже находилъ, что именно здѣсь онъ можетъ получить подходящій матеріалъ для своихъ наблюденій.

Цѣлыми вечерами въ этомъ ресторанчикѣ, носившемъ громкое названіе „Городъ Парижъ", раздавались фальшивые звуки жалкаго оркестріона. Обычные посѣтители не слышали въ нихъ ничего каррикатурнаго, а Фрицъ, отличавшійся музыкальностью, до такой степени привыкъ къ этой музыкѣ, что скучалъ, когда ея почему-нибудь не было.

У Фрица и Альмы было свое опредѣленное мѣсто. Они никогда ни съ кѣмъ не разговаривали, но знали въ лицо всѣхъ привычныхъ посѣтителей ресторана и развлекались, наблюдая за ними. Здѣсь они постоянно встрѣчали влюбленную парочку, всегда молча, но съ блаженной улыбкой удовлетворявшую свой молодой аппетитъ. Ихъ смѣшилъ юный приказчикъ, съ прилизанными и напомаженными волосами, въ неизмѣнномъ пестромъ галстухѣ, съ громадной булавкой изъ чистѣйшаго стекла. Онъ постоянно прихорашивался и вытягивалъ свои манжеты каждый разъ, какъ мимо него проходила кёльнерша. Былъ здѣсь и старикъ, съ виду походившій на рабочаго, источникъ постояннаго раздраженія для хозяина заведенія и всей прислуги. Онъ сидѣлъ цѣлыми вечерами надъ единственной кружкой пива, читалъ газеты и никогда больше ничего не требовалъ.

Альма умѣла схватывать все интересное въ окружающей ее обстановкѣ, и Фрицъ часто удивлялся ея способности наблюдать. Дѣвушка вела довольно скучную жизнь. Цѣлый день у нея проходилъ за работой и въ хозяйственныхъ хлопотахъ, а вечерами ея единственнымъ развлеченіемъ было часами сидѣть за столикомъ въ накуренной комнатѣ. Но, къ счастью, она имѣла способность во всемъ находить свою хорошую сторону. Трудно было удержаться отъ улыбки, когда она смѣялась, показывая свои великолѣпные зубы. Она не была требовательна къ жизни, и ея бодрое настроеніе невольно передавалось Фрицу. Онъ говорилъ, что она „умѣетъ жить", т.-е. умѣетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ и наслаждаться каждой хорошей минутой.

Всѣ посѣтители ресторана знали хорошо Альму и Фрица. Фрицъ привыкъ видѣть, что на его подругу очень многіе посматривали съ удовольствіемъ и съ завистью, и это не только не вызывало въ немъ раздраженія, а было ему даже лестно. Но одинъ разъ онъ вдругъ возмутился поведеніемъ одного изъ гостей. За однимъ изъ дальнихъ столиковъ сидѣлъ впервые появившійся въ этой пивной молодой человѣкъ и не спускалъ глазъ съ Альмы. Когда же освободился столикъ по близости, то онъ поспѣшилъ пересѣсть къ нему.

По своему внѣшнему виду человѣкъ этотъ походилъ на рабочаго. Онъ былъ очень высокаго роста, съ узкой, впалой грудью, и во всѣхъ его движеніяхъ была какая-то нервная торопливость, раздражавшая Фрица. Незнакомецъ видимо чувствовалъ себя неуютно на новомъ мѣстѣ. Онъ опускалъ темные, глубоко посаженные глаза, каждый разъ, какъ на него смотрѣли, но потомъ снова поднималъ ихъ и устремлялъ горящій взглядъ на Альму. Фрицу пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ больнымъ. Лицо у незнакомца было истощенное, съ синеватой блѣдностью, и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, недавно выпущеннаго изъ больницы.

Поведеніе юноши, наконецъ, начало привлекать всеобщее вниманіе. Альма, обыкновенно довольно равнодушная къ подобнымъ приключеніямъ, на этотъ разъ видимо взволновалась и сидѣла вся красная.

Фрицъ уже собирался обратиться къ хозяину, чтобы тотъ удалилъ назойливаго посѣтителя, но Альма стала его умолять ничего не предпринимать, и они поспѣшили уйти изъ пивной.

Съ той поры имъ не пришлось больше ни разу встрѣчаться съ страннымъ незнакомцемъ, и Фрицъ скоро совсѣмъ забылъ объ этомъ маленькомъ приключеніи.

IX.

Въ одинъ прекрасный день къ Фрицу Бертингу явился писатель Кароль и принесъ огромный пакетъ. Онъ былъ видимо взволнованъ, но изъ всѣхъ силъ старался казаться спокойнымъ и ничѣмъ не обнаруживать свойственнаго ему любопытства.

Фрицъ былъ очень радъ, что Альма съ своей машиной была въ это время въ хозяйской комнатѣ. Ему очень не хотѣлось посвящать этого случайнаго гостя въ подробности своей интимной жизни.

Онъ предложилъ Зильберу сѣсть. Тотъ сталъ усиленно извиняться за свой визитъ, говорилъ, что будетъ въ совершенномъ отчаяніи, если помѣшаетъ Фрицу. Онъ, по собственному опыту, хорошо зналъ, какъ это бываетъ тяжко, когда что-нибудь вдругъ прерветъ творческую фантазію... Но все, что онъ проговорилъ, нисколько не помѣшало ему занять предложенное мѣсто и не оставлять его довольно продолжительное время. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ, что наконецъ-то можетъ поговорить наединѣ съ г-мъ Бертингомъ!..

Фрицъ сразу понялъ, почему именно Зильберъ такъ подчеркивалъ эту возможность поговорить съ нимъ наединѣ. Ему часто приходилось встрѣчать Кароля въ той самой кофейной, гдѣ онъ обыкновенно видѣлся съ докторомъ Лемфинкомъ. Какъ-то разъ Зильберъ безъ всякаго приглашенія присѣлъ къ ихъ столу, но ему дали понять, что онъ—совершенно лишній.

Фрицъ Бертингъ находилъ, что тогда они поступили съ Зильберомъ уже черезчуръ грубо, но Лемфинкъ бралъ всю вину на себя и на всѣ возраженія Фрица повторялъ, что этотъ господинъ ему въ высшей степени непріятенъ.

— У этого Зигфрида Зильбера и душа-то репортерская,— говорилъ Генрихъ Лемфинкъ. — Ты только взгляни хорошенько на его глаза, Бертингъ! Вотъ человѣкъ, который и безъ записной книжки съумѣетъ прекрасно записать все, что ему потребуется.

И когда Фрицъ пытался что-то возражать, онъ перебилъ его словами:

— Ахъ, пустяки! Этого Зильбера я отлично знаю. Теперь онъ драпируется въ красную мантію и лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобы заполучить мученическій вѣнецъ, но это нисколько не помѣшаетъ ему впослѣдствіи купаться въ золотѣ.

И вотъ теперь, когда Зигфридъ Зильберъ сидѣлъ передъ Фрицемъ въ благоговѣйномъ восхищеніи, Фрицу совершенно невольно вспомнились слова Лемфинка, и онъ почти соглашался съ своимъ другомъ. Зигфридъ Зильберъ и на него производилъ довольно странное и подозрительное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, Зигфридъ Зильберъ не умолкалъ ни на минуту. Онъ разсказывалъ о своихъ литературныхъ взглядахъ, о планахъ насчетъ просвѣщенія народа, упоминалъ о какомъ-то союзѣ рабочихъ, въ которомъ онъ игралъ роль духовнаго центра. И все это въ перемежку съ вопросами относительно взглядовъ своего собесѣдника, отвѣты котораго онъ ловилъ съ какой-то жадностью.

Наконецъ Зильберъ спохватился, что онъ засидѣлся. Онъ быстро вскочилъ и снова сталъ извиняться. Онъ подчеркнулъ еще разъ, до какой степени ему было пріятно поговорить съ близкимъ по духу человѣкомъ. Это счастье такъ рѣдко выпадало ему на долю. Затѣмъ онъ развязалъ пакетъ, котораго онъ такъ и не выпускалъ изъ своихъ тонкихъ, безпокойныхъ рукъ, и положилъ на столъ рукопись. Это былъ его романъ: „Въ Гетто“. Ему хотѣлось знать мнѣніе г-на Бертинга. Онъ оставилъ Фрицу рукопись, сказавъ, что съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать его приговора.

У Фрица Бертинга не было свободнаго времени, чтобы заниматься изученіемъ чужихъ рукописей. Цѣлую недѣлю романъ пролежалъ у него на столѣ, раньше чѣмъ онъ случайно не подвернулся ему подъ руку въ минуту, когда собственная работа у него почему-то не клеилась. Онъ разсѣянно сталъ перелистывать „Гетто“, выхватывая мѣстами по нѣскольку строкъ, и вдругъ, совершенно неожиданно для себя, сильно заинтересовался имъ. Онъ сталъ читать со вниманіемъ и покончилъ съ романомъ къ ночи, когда наконецъ дочиталъ послѣднюю строчку.

Въ романѣ описывалась судьба современнаго еврея. Это былъ бѣднякъ, собственными силами пробившій себѣ дорогу и ставшій богачомъ, но богатство не принесло ему ничего кромѣ горя. Люди преклонялись передъ его деньгами, боялись его, но никто его не любилъ, а между тѣмъ онъ жаждалъ любви. Онъ пошелъ въ среду народа и тамъ старался добиться стать близкимъ, своимъ человѣкомъ, но и здѣсь, какъ вездѣ, онъ встрѣтилъ одно недоброжелательство, ненависть и презрѣніе. Христіанская дѣвушка, на которой онъ хотѣлъ жениться, отвергла его любовь. Его лучшій другъ, аристократъ по рожденію, спасенный имъ отъ банкротства, обманулъ его самымъ низкимъ образомъ. Онъ дѣлалъ добро для страны, замѣнившей ему родину, но и тамъ оставался чуждымъ. У него брали деньги и отказывали ему въ какомъ бы то ни было общественномъ положеніи.

Романъ заканчивался тѣмъ, что герой становился наконецъ тѣмъ, чѣмъ его сдѣлало христіанское общество. Изъ него выработался самый безжалостный гонитель, вампиръ, сосущій чужую кровь, или, короче говоря, современный еврей.

Чувствовалось, что въ этомъ романѣ было много личнаго, много такого, что̀ авторъ самъ пережилъ и перечувствовалъ. Въ „Гетто“ попадались слабыя и даже комичныя мѣста. Напримѣръ, описаніе такъ называемаго „высшаго общества“, съ которымъ авторъ былъ знакомъ только по наслышкѣ, не только не выдер-

живало критики, но вызывало неудержимый смѣхъ. Самымъ удачнымъ въ романѣ было изображеніе настроенія героя, раздвоенности его души, борьбы между ненавистью и тяготѣніемъ ко всему нѣмецкому, его любви къ собственному народу въ цѣломъ и инстинктивное отвращеніе отъ отдѣльныхъ личностей, жалкихъ порожденій рабства и угнетенія. Въ общемъ, такая правдивая и яркая характеристика современнаго еврейства могла удаться только писателю, вышедшему изъ его среды и близкому ей по духу.

Бертингъ не ожидалъ ничего подобнаго отъ Зильбера. Лемфинкъ могъ, сколько ему было угодно, нападать на Зильбера, называть его плагіаторомъ и жалкимъ репортеромъ, но въ этомъ романѣ много страницъ были написаны кровью сердца и дышали настоящей, жизненной правдой.

Фрицъ Бертингъ самъ пошелъ отнести рукопись. Зигфридъ Зильберъ занималъ довольно жалкую комнату въ четвертомъ этажѣ. Воздухъ въ ней былъ отвратительный, и вся обстановка такая неприглядная, что, по сравненію, собственное помѣщеніе показалось Фрицу и элегантнымъ, и комфортабельнымъ. Въ комнатѣ было холодно, и Зильберъ объяснилъ, что желѣзная печь такъ дымитъ, что онъ избѣгаетъ ее топить. Самъ онъ былъ въ зимнемъ пальто, изъ-подъ котораго выглядывала рубашка довольно сомнительной свѣжести. Фрицъ засталъ его за работой. На шаткомъ столикѣ лежала рукопись; рядомъ съ нею стоялъ самоваръ и чернильница; здѣсь же лежала щетка для волосъ, нѣсколько галстуховъ, масленка и кусокъ хлѣба. Единственной роскошью въ этой убогой комнатѣ была полка, на которой помѣщалось новое изданіе энциклопедическаго словаря, и одинъ томъ его лежалъ раскрытымъ, рядомъ съ рукописью.

Фрицъ положилъ рукопись на постель, а самъ сѣлъ на единственный въ комнатѣ стулъ. Авторъ „Гетто“ пришелъ въ такой восторгъ отъ посѣщенія Бертинга, что принялся бѣгать по тѣсной комнатѣ, между тѣмъ какъ Фрицъ подробно разбиралъ его романъ.

Когда онъ кончилъ, Зигфридъ театральнымъ жестомъ протянулъ ему руку и принялся разсыпаться въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ своей благодарности. Онъ увѣрялъ, что теперь ему безразлично, будетъ ли напечатанъ его романъ, или нѣтъ, такъ какъ ничто не можетъ сравниться съ удовлетвореніемъ, полученнымъ имъ отъ одобренія одного изъ близкихъ ему по духу. Теперь его цѣль была достигнута, и болѣе чѣмъ когда-либо его пугала мысль выступить съ романомъ передъ профанами.

Фрицъ старался всѣми силами направить разговоръ на другую тему и уклониться отъ слишкомъ пылкихъ проявленій симпатіи своего новаго знакомаго. Но это было не такъ-то легко. Зигфридъ забросалъ своего гостя вопросами относительно отдѣльныхъ частей романа, хотѣлъ точно знать, что именно произвело на него наибольшее впечатлѣніе и что думаетъ онъ о томъ или другомъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Всякое, самое ничтожное, замѣчаніе Фрица онъ подхватывалъ налету, съ свойственной ему комичной стремительностью.

Фрицъ Бертингъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда наконецъ очутился на улицѣ.

Дня два спустя, Фрицъ получилъ отъ Зигфрида Зильбера письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ его на свой рефератъ о Генрихѣ Гейне. Рефератъ предназначался для одного изъ рабочихъ союзовъ. Фрицъ не имѣлъ никакого желанія воспользоваться полученнымъ приглашеніемъ. Онъ старался избѣжать сближенія съ Зильберомъ и его нисколько не интересовалъ тотъ классъ людей, для которыхъ предназначался рефератъ. Кромѣ всего этого, онъ чувствовалъ слишкомъ много любви и благодарности къ творцу „Книги пѣсенъ“, чтобы относиться равнодушно къ весьма возможной профанаціи его памяти. Онъ написалъ Зильберу благодарственное письмо и сообщилъ, что не можетъ воспользоваться приглашеніемъ.

Во время этого обмѣна писемъ они встрѣчались почти ежедневно въ кофейной и издали раскланивались другъ съ другомъ. Зильберъ больше не отваживался подходить къ столу, за которымъ сидѣлъ Лемфинкъ, но его острые глаза очень часто съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за Фрицемъ и его другомъ.

Однажды, когда Лемфинкъ почему-то раньше ушелъ изъ кофейной, Зильберъ подошелъ къ Фрицу и попросилъ позволенія присѣсть къ его столу. Это былъ какъ разъ день, назначенный для реферата, и Зильберъ сталъ убѣждать Фрица придти его послушать. Онъ принялся съ жаромъ доказывать, почему именно необходимо знакомить народъ съ литературой и искусствомъ. Вѣдь въ концѣ концовъ соціальный вопросъ не есть только вопросъ хлѣба, и неудержимое стремленіе къ свѣту низшихъ слоевъ общества составляетъ его существеннѣйшую часть. Долгъ интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы сдѣлать доступной для всѣхъ желающихъ область искусства. Необходимо внушить народу, что кромѣ борьбы за существованіе есть еще цѣлый міръ высокихъ духовныхъ интересовъ.

Юркій, маленькій человѣчекъ былъ, положительно, неистощимъ въ своемъ краснорѣчіи. Фрицъ Бертингъ подсмѣивался въ душѣ надъ его ловкостью и своей уступчивостью. Кончилось тѣмъ, что онъ обѣщалъ быть на рефератѣ.

Въ девятомъ часу онъ отправился въ ресторанъ, гдѣ назначено было собраніе рабочихъ, не ожидая особеннаго удовольствія отъ этого вечера.

По срединѣ небольшой комнаты стоялъ длинный столъ, за которымъ и помѣстилось около тридцати человѣкъ. По первому поверхностному взгляду ихъ было трудно принять за рабочихъ. Не было ничего рѣзкаго въ ихъ манерахъ, никакой грубости въ голосахъ, ничего пыльнаго и грязнаго, ничего такого, что̀ составляетъ отличительную черту пролетаріевъ. Всѣ они старались выражаться необыкновенно правильно, и въ каждомъ ихъ словѣ сказывалось усиленное стараніе избѣжать ошибокъ, чтобы не прослыть за людей необразованныхъ.

Зигфридъ Зильберъ занялъ мѣсто на верхнемъ концѣ стола. Предсѣдатель собранія произнесъ нѣсколько вступительныхъ словъ и засѣданіе было открыто. Началось чтеніе реферата.

Зильберъ говорилъ очень гладко и ловко. Рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ и производила пріятное впечатлѣніе на слушателей, внушая имъ увѣренность, что ораторъ—знатокъ своего дѣла. Въ видѣ вступленія онъ сказалъ нѣсколько словъ о теченіи литературы за послѣднія два столѣтія, упомянулъ нѣсколько громкихъ именъ, въ родѣ Лессинга, Гёте, Гердера, за тѣмъ коснулся слегка исторіи, а также и философіи. Слушатели были поражены. Съ необычайной быстротой, точно картины волшебнаго фонаря, мелькали и исчезали передъ ними самыя разнообразныя представленія. Слушатели съ возростающимъ интересомъ слѣдили за этимъ блестящимъ фейерверкомъ, выражая по временамъ свое одобреніе невольными апплодисментами и подчеркивая значительными улыбками свое полное пониманіе.

Фрицъ Бертингъ, для котораго рефератъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особенно интереснаго, разсматривалъ слушателей. Онъ видѣлъ вокругъ себя вполнѣ интеллигентныя лица, съ выраженіемъ усиленнаго вниманія, съ отпечаткомъ твердой воли. Ни на одномъ изъ этихъ лицъ онъ не видѣлъ скуки или переутомленія. Это не были равнодушные отъ пресыщенія люди,— нѣтъ, всѣ до одного они испытывали здоровый голодъ,—ихъ томило любопытство, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Зигфридъ Зильберъ былъ созданъ для нихъ. Онъ пересыпалъ свой рефератъ всевозможными сравненіями, подчеркиваніями и

анекдотами, и съумѣлъ сдѣлать чисто-литературную тему доступною даже для непосвященныхъ. Цитаты, стихи, отрывки прозы, все это поддерживало интересъ слушателей и мѣшало имъ утомляться.

Фрицъ не могъ удержаться отъ улыбки, видя, съ какой смѣлостью Зильберъ обращался съ матеріаломъ, чтобы какъ можно болѣе захватить слушателей своимъ докладомъ. Онъ разсматривалъ Генриха Гейне главнымъ образомъ какъ автора „Зимней сказки" и „Атта Тролль", и почти не упоминалъ объ его „Книгѣ пѣсенъ" и „Новыхъ пѣсняхъ". Онъ выставилъ Гейне мученикомъ идеи, терпѣвшимъ гоненія за свои убѣжденія отъ нѣмецкихъ государей, духовенства и буржуазіи и кончившимъ жизнь въ изгнаніи. Онъ изобразилъ Гейне народнымъ вождемъ, выдающимся политическимъ дѣятелемъ и страстнымъ борцомъ за свободу мысли. Рефератъ не производилъ фальшиваго впечатлѣнія, потому что самъ Зигфридъ Зильберъ слѣпо вѣрилъ въ величіе Гейне. Для него онъ былъ прежде всего несравненнымъ выразителемъ его собственныхъ чувствъ и страданій.

Никогда еще Зильберъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на Фрица, какъ въ этотъ вечеръ, когда онъ говорилъ передъ собраніемъ нѣмецкихъ рабочихъ.

X.

Фрицъ Бертингъ все еще работалъ надъ своимъ романомъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Все, что не имѣло отношенія къ его книгѣ, потеряло для него интересъ, и его болѣзненно раздражало всякое ненужное вторженіе внѣшняго міра. Малѣйшій шумъ, какое-нибудь громкое слово, непріятный запахъ въ квартирѣ или звукъ, долетѣвшій съ улицы, всего этого было совершенно достаточно, чтобы вывести его изъ душевнаго равновѣсія. Случалось, что какой-нибудь незначительный вопросъ прерывалъ теченіе его мыслей и лишалъ его надолго способности продолжать работу.

Альмѣ приходилось переживать тяжелое время. Она не совсѣмъ ясно понимала душевное настроеніе Фрица, но видѣла ежедневно и ежечасно его ненормальное состояніе. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы она не заливалась слезами отъ какой-нибудь его рѣзкой и несправедливой выходки.

Она рѣшила, что онъ боленъ, и старалась помочь ему, какъ когда-то помогла ему въ Берлинѣ перенести тяжелый жизнен-

ный ударъ. Ей захотѣлось окружить его своей любовью, заставить позабыть все мучительное и тяжелое. Она стала къ нему еще болѣе внимательной и нѣжной, но въ Фрицѣ, въ его настроеніи, ея поведеніе вызывало какое-то брезгливое чувство и производило впечатлѣніе беззастѣнчивой навязчивости.

Ему казалось, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, сойдясь съ Альмой. Онъ считалъ себя лишеннымъ свободы и связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Онъ не былъ женатымъ человѣкомъ, но ему приходилось нести на себѣ всю тяжесть, всѣ неудобства семейной жизни. Вѣдь каждый, хотя бы даже и незаконный союзъ налагаетъ тяжелыя цѣпи, каждая самая мимолетная связь оставляетъ слѣдъ въ душѣ и въ воспоминаніяхъ, а близость такой женщины, какъ Альма Луксъ, несомнѣнно могла повліять на цѣлую жизнь.

И даже если то, что̀ въ данную минуту привязывало его къ Альмѣ, было больше всего привычкой, то и она уже лишала его свободы. Слишкомъ много знали они другъ о другѣ, чтобы сознавать себя свободными. Ея признанія, ея показная любовь, ея снисходительность—все это были только цѣпи. Альма не была продажной дѣвушкой, и онъ не могъ деньгами расплатиться съ нею. Отказать ей, какъ уже ненужной прислугѣ, онъ тоже не могъ.

Онъ сознавалъ, что съ каждымъ днемъ она занимаетъ все больше и больше мѣста въ его жизни. Это его тревожило; его пугала возможность жениться на Альмѣ. И безъ женитьбы онъ уже достаточно тяготился взятыми на себя обязательствами. Онъ прекрасно зналъ, что Альма никогда не требовала и никогда не потребуетъ, чтобы онъ женился на ней. Раздумывая надъ своимъ положеніемъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, что для него, въ сущности говоря, и не имѣло смысла—жениться. Такая женщина, какъ Альма, не нуждалась въ стѣснительныхъ узахъ брака. Онъ вѣрилъ въ ея честность и чистоту, и не боялся измѣны съ ея стороны.

Въ ихъ положеніи, отличавшемся отъ брака только тѣмъ, что оно не было оформлено, были свои темныя стороны. Фрицъ часто замѣчалъ, что окружающіе относятся съ недостаточнымъ уваженіемъ къ нему и къ Альмѣ. Когда онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, явился со своими бумагами въ полицію, чиновникъ спросилъ его о паспортѣ „горничной“ и пробормоталъ что-то неясное по поводу „незаконнаго сожительства“. Чиновникъ податныхъ сборовъ, недѣлю спустя посѣтившій Фрица, чтобы освѣдомиться насчетъ его средствъ къ существованію, оказался болѣе учтивымъ,

но все-таки не могъ удержаться, чтобы не нахмуриться и не покачать довольно значительно головою. Писатель, не имѣющій опредѣленнаго заработка, и магазинная барышня безъ мѣста показались ему въ высшей степени подозрительными. Онъ былъ того мнѣнія, что эта сомнительная парочка нуждается въ полицейскомъ надзорѣ. По своему рожденію и по образованію Фрицъ привыкъ къ свободѣ и независимости, и подобное непривычное отношеніе произвело на него подавляющее впечатлѣніе.

Но еще непріятнѣе было выносить постоянное любопытство со стороны окружающихъ, лавочниковъ, прислуги, рабочихъ — однимъ словомъ, со стороны тѣхъ, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться ежедневно. Гдѣ бы ни появлялись Фрицъ съ Альмой, ихъ повсюду встрѣчали улыбками, на нихъ постоянно оборачивались. Это даже была не грубость, а просто какое-то полное отсутствіе всякой деликатности и уваженія. Фрицъ какъ-то получилъ анонимное письмо неприличнаго содержанія съ каррикатурами на него и на Альму. Отъ всего этого Фрицъ страдалъ гораздо болѣе Альмы. Минутами онъ чувствовалъ себя совсѣмъ раздавленнымъ и униженнымъ.

Дружба съ хозяйкой стала принимать тоже довольно непріятный оттѣнокъ. Г-жа Клиппель принадлежала къ тѣмъ людямъ, которымъ если протянуть палецъ, то они захватятъ и цѣлую руку. Фрицъ старался держаться отъ нея какъ можно дальше, но безуспѣшно. Изученіе нравовъ при помощи г-жи Клиппель обходилось ему не дешево.

Онъ нисколько не сомнѣвался, что г-жа Клиппель, перемывавшая передъ нимъ грязное бѣлье цѣлаго квартала, не особенно стѣсняется относительно его и Альмы. Весьма возможно, что насмѣшливое любопытство и презрительное отношеніе окружающихъ было вызвано именно ея невѣроятными сплетнями. Большого труда стоило Фрицу удержаться, чтобы не схватить за горло эту особу, когда она врывалась къ нему съ цѣлымъ залпомъ всевозможныхъ новостей. Даже крючокъ на дверяхъ не всегда останавливалъ г-жу Клиппель. Фрица безпокоило и то обстоятельство, что за послѣднее время Альма какъ будто еще больше сошлась съ хозяйкой. Фрицъ часто не обѣдалъ дома, и она въ эти дни обыкновенно обѣдала у хозяевъ. Ей казалось это удобнымъ, потому что отнимало меньше времени и ей не нужно было одѣваться, чтобы идти за обѣдомъ.

Однако эта незначительная услуга обошлась, въ концѣ концовъ, довольно дорого. Г-жа Клиппель представила Фрицу невозможный счетъ за содержаніе Альмы.

Фрицъ уплатилъ по счету, но не удержался, чтобы не выразить своего удивленія относительно поставленныхъ цѣнъ. Г-жа Клиппель возразила ему, что она беретъ еще очень дешево, если принять во вниманіе всѣ неудобства и непріятности отъ жильцовъ, про которыхъ болтаютъ слишкомъ много лишняго. Фрицъ просилъ ее замолчать, но она не унималась. Г-жѣ Клиппель было достаточно открыть клапанъ, чтобы обдать всѣхъ потоками грязной воды.

Г-жа Клиппель принялась усиленно увѣрять Фрица, что она вполнѣ порядочная женщина и считаетъ въ высшей степени неприличнымъ водить за носъ сразу двухъ мужчинъ. О, этого съ ней никогда не случалось! Но вотъ если г-нъ Бертингъ вѣритъ, что барышня Луксъ водитъ знакомство только съ нимъ однимъ, то онъ жестоко ошибается.

Альма сидѣла въ это время въ сосѣдней комнатѣ и слышала весь разговоръ. Она вбѣжала вся блѣдная отъ негодованія и съ совершенно несвойственнымъ ей неистовствомъ налетѣла на сплетницу. Та не уступала, и обѣ женщины чуть не вцѣпились другъ въ друга. Фрицу пришлось ихъ почти разнимать.

Онъ увелъ Альму въ свой кабинетъ, заперъ дверь и всячески старался ее успокоить. Наконецъ ея волненіе разразилось цѣлымъ потокомъ слезъ. Фрицъ утѣшалъ ее, увѣряя, что не вѣритъ ни единому слову г-жи Клиппель.

Она бросилась ему на шею и шепнула ему на ухо, что должна ему кое-что сказать.

Фрицъ вздрогнулъ. Онъ подумалъ, что она собирается ему сказать, что будетъ матерью. Одна мысль о томъ, что ихъ связь можетъ имѣть такія послѣдствія, приводила его въ ужасъ. Онъ почувствовалъ большое облегченіе, когда оказалось, что онъ ошибся.

Альма призналась ему, что за послѣднее время ей случилось раза два поговорить съ однимъ изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который такъ пристально разсматривалъ ее въ „Городѣ Парижѣ“. Черезъ день она встрѣтилась съ нимъ на улицѣ, и какъ-то, когда Фрица не было дома, онъ зашелъ къ ней на квартиру. Онъ оставался очень недолго и она могла поклясться всѣмъ на свѣтѣ, что между нимъ и ею не было ровно ничего дурного. Она кончила и, не отрываясь, глазами, полными страха, смотрѣла на своего возлюбленнаго. Она боялась его гнѣва, но Фрицъ не казался даже особенно взволнованнымъ и довольно спокойно спросилъ ее, какъ давно знаетъ она этого человѣка.

Она отвѣтила, что знала Людвига Глюка еще тогда, когда дѣвочкой ходила въ школу. Ихъ родители жили въ одномъ домѣ. Людвигъ былъ штукатуромъ. Ихъ дружба началась съ того, что онъ ей мастерилъ что-нибудь изъ дерева, глины или картона. Онъ это дѣлалъ очень искусно, такъ какъ былъ въ своемъ родѣ настоящимъ художникомъ. Позднѣе, когда она уже кончила ученье, онъ много разъ намекалъ, что любитъ ее, просилъ выйти за него замужъ, но она никакъ не могла согласиться принять его предложеніе, несмотря на то, что всѣ ея близкіе очень желали этого. Людвигъ очень страдалъ отъ ея отказа и ушелъ изъ дому. Потомъ обстоятельства сложились такъ, что ей и самой пришлось уйти изъ семьи. Она уѣхала въ Берлинъ.

Въ этомъ году она въ первый разъ послѣ разлуки встрѣтилась съ Людвигомъ. Онъ разсказалъ ей, что ему жилось не особенно хорошо. Болѣзнь совсѣмъ извела его. Нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось пролежать въ больницѣ, и теперь онъ искалъ работы.

Фрицъ спросилъ, не писалъ ли ей Людвигъ Глюкъ какихъ-нибудь писемъ. Альма отвѣтила не сразу. Послѣ нѣкотораго молчанія она сказала, что одно время онъ довольно часто писалъ ей. Читая его письма, она часто смѣялась надъ глупыми мужчинами. Стоило терять время, приставая къ дѣвушкѣ, которая его знать не хочетъ! Она и отвѣтила ему только для того, чтобы посовѣтовать выбросить изъ головы всю эту дурь.

Фрицъ спросилъ, сохранила ли она письма. Она опять замялась и проговорила, что гдѣ-то у нея валяются какія-то два письма. Она умоляла Фрица не читать ихъ. Они были такія же смѣшныя, какъ и самъ Людвигъ Глюкъ.

Фрицъ подумалъ, что письма могутъ оказаться очень интересными, и онъ настаивалъ на томъ, чтобы прочесть ихъ. Альма наконецъ рѣшилась и пошла ихъ отыскивать. Этихъ писемъ набралась цѣлая, довольно объемистая пачка.

Фрицъ нашелъ въ нихъ много такого, чего не нашла или, вѣрнѣе, въ чемъ не хотѣла признаться Альма. Прежде всего ему бросилось въ глаза настоящее и глубокое страданіе. То, что̀ Альма называла „смѣшнымъ", было не что̀ иное, какъ мученія и тоска нераздѣленной любви. Во всѣхъ письмахъ не было ни одной фальшивой строчки, ни одного придуманнаго слова. Все въ нихъ до послѣдней буквы было настоящей правдой. Нѣкоторыя страницы дышали поэзіей. Любовь вызывала все великое и сильное изъ нѣдръ души человѣка, и все это онъ сложилъ къ ногамъ любимой женщины.

Альма съ безпокойствомъ слѣдила за выраженіемъ лица Фрица. Онъ читалъ, и по мѣрѣ того, какъ читалъ, заинтересовывался все больше и больше. Для него эти письма были прекрасными выразителями сильнаго чувства. Нѣкоторыми выраженіями онъ наслаждался какъ художникъ. Благодаря этимъ документамъ, отношенія двухъ людей представлялись ему необычайно ясно. Онъ только несовсѣмъ понималъ, почему именно Альма отвергла человѣка, любившаго ее такъ горячо и преданно.

Онъ собралъ письма и, крѣпко прижавъ къ себѣ дѣвушку, спросилъ самымъ ласковымъ голосомъ, желая отогнать отъ нея всякую тѣнь боязни:

— Этотъ Глюкъ представляется мнѣ очень хорошимъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось бы знать, почему ты не хотѣла выйти за него замужъ?

Но вмѣсто всякаго отвѣта Альма принялась плакать. Она не понимала, какъ это Фрицу могла придти въ голову мысль, что у нея могъ быть какой-то другой мужъ. Ея слова прерывались всхлипываніями, но она все-таки продолжала говорить. Она увѣряла, что, кромѣ жалости, Людвигъ Глюкъ никогда не вызывалъ въ ней ровно ничего.

— Этотъ человѣкъ, просто, мое несчастье! — вскричала она внѣ себя. — Я такъ хотѣла, чтобы все было покончено наконецъ между мною и имъ. Я писала ему изъ Берлина, что люблю другого, что ему не на что больше надѣяться, что онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ оставить меня въ покоѣ. Я думала, что онъ наконецъ успокоится. Но, вотъ, онъ опять здѣсь! Не понимаю, чтò ему отъ меня нужно. Никогда я не подавала ему никакой надежды. Еще недавно я прямо ему въ лицо сказала, что онъ мнѣ противенъ. О, хоть бы куда-нибудь сгинулъ этотъ ужасный человѣкъ! Ужъ я бы его не пожалѣла! Я просто испугалась, когда онъ уставился на меня тогда въ „Городѣ Парижѣ“. Я не могла глазъ сомкнуть цѣлую ночь. Я все думала, Фрицъ, что ты что-нибудь подозрѣваешь. А когда онъ явился сюда ко мнѣ, весь ободранный и еще болѣе похудѣвшій, я подумала, что это выходецъ съ того свѣта. Онъ всегда страшно пугалъ меня. И только подумать, что я могла съ такимъ... и въ особенности послѣ того, какъ я узнала тебя! Вѣдь онъ совсѣмъ другой, чѣмъ ты, совсѣмъ даже и не похожъ на тебя. Такого другого, какъ ты, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

Она крѣпко обняла Фрица и чуть не задушила его своими страстными поцѣлуями.

XI.

Всю зиму Фрицъ Бертингъ такъ усердно работалъ надъ своимъ романомъ, что къ Пасхѣ у него образовалась довольно объемистая рукопись. Написавъ послѣднюю фразу послѣдней главы, онъ отложилъ въ сторону перо и вздохнулъ съ облегченіемъ; но онъ отлично зналъ, что его работа еще далеко не окончена. Онъ медленно перечелъ все съ начала, стараясь относиться къ своему роману критически, какъ къ произведенію другого. Его ожидали неожиданности и разочарованія. Сцены, отъ которыхъ онъ ждалъ многаго и которыя писалъ съ большимъ воодушевленіемъ, оказались слабыми, а другія, почти забытыя имъ, поразили его своею силой. Многое надо было перемѣнить, сгладить, усилить, сократить. Онъ передѣлывалъ и переписывалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что больше ничего сдѣлать не можетъ. Остались только слишкомъ свойственные ему недостатки и ошибки; отъ нихъ избавиться онъ не былъ въ состояніи, и безъ нихъ произведеніе пожалуй утратило бы своеобразный характеръ. Онъ завязалъ рукопись и отнесъ ее къ издателю. Вейсблейхеръ, давно ея дожидавшійся, объявилъ, что тотчасъ же приступитъ къ печатанію. Слѣдовало торопиться, чтобы книга была готова, по крайней мѣрѣ, къ лѣтнему сезону купаній и путешествій.

Отдавъ свое произведеніе, Фрицъ испыталъ такое чувство, какъ будто разстался съ возлюбленной. Жизнь вдругъ показалась безцѣльной и пустой. О новомъ произведеніи нечего было и думать. Надо было отдохнуть, и онъ рѣшилъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ничего не дѣлать и только наблюдать окружающую жизнь. Онъ сталъ ходить въ театръ, съ удовольствіемъ изучая публику, состоявшую главнымъ образомъ изъ дамъ. Каждая изъ нихъ увлекалась какимъ-нибудь актеромъ, причемъ искусство далеко не всегда играло главную роль въ этомъ увлеченіи.

Во всѣ эти тайны посвятилъ Фрица Зигфридъ Зильберъ. Отъ него же Бертингъ узналъ, что, по окончаніи спектакля, ежедневно у театральнаго подъѣзда, предназначеннаго для актеровъ, происходила ещё дополнительная юмористическая сцена. Влюбленныя дамы окружали своихъ кумировъ, осыпая ихъ цвѣтами, подарками, пожимая имъ руки и даже цѣлуя ихъ.

Самымъ красивымъ изъ актеровъ, исполнявшимъ обыкновенно героическія роли, былъ Вальдемаръ Гесловъ. Онъ обладалъ прекрасной внѣшностью, стройной, мускулистой фигурой и очень

пріятнымъ голосомъ, но всегда очень плохо училъ свои роли и еще хуже передавалъ ихъ. Да ему этого было и не нужно. Стоило ему только надѣть трико и красивый плащъ, заговорить своимъ обаятельнымъ голосомъ, бросить на публику томный взглядъ и сдѣлать патетическій жестъ,—и его успѣхъ былъ обезпеченъ. Если имя Вальдемара Геслова стояло на афишѣ, то кассиръ зналъ, что всѣ билеты будутъ разобраны.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ представленія, Фрицъ Бертингъ пошелъ къ актерскому подъѣзду, чтобы посмотрѣть на оваціи. Публика стояла въ два ряда, оставивъ по серединѣ свободный проходъ. Всѣ взоры были устремлены на маленькую запертую дверь. Сначала изъ нея появилось нѣсколько женскихъ фигуръ; онѣ исчезли незамѣченными. Потомъ появился старый толстый комикъ и вѣжливо раскланялся, но никто не протянулъ ему руки. Наконецъ, вышелъ и герой дня. Дамы тотчасъ же окружили его, стараясь подойти какъ можно ближе къ своему кумиру. Вальдемаръ съ снисходительной улыбкой выслушивалъ и принималъ всѣ выраженія восторга. Сдвинувъ немного на бокъ мягкую фетровую шляпу и придерживая рукою накинутый на плечи плащъ, онъ поворачивался то къ одной, то къ другой дамѣ, но вдругъ остановился и проговорилъ:

— Позвольте, mesdames, пропустите!

Такъ какъ эти слова не произвели желаемаго дѣйствія, то онъ довольно энергично отстранилъ своихъ поклонницъ и, выйдя изъ толпы, остановился передъ молодой дѣвушкой въ подбитой мѣхомъ накидкѣ, съ блестящимъ шолковымъ шарфомъ на шеѣ. Она стояла въ сторонѣ отъ другихъ и на нее падалъ яркій свѣтъ лампы. Гесловъ снялъ передъ нею шляпу, подалъ ей руку и у нихъ начался оживленный разговоръ. Глаза всѣхъ дамъ ревниво и съ завистью устремились на счастливую избранницу, предпочтенную имъ всѣмъ. Еще разъ, уже на прощанье, снялъ Вальдемаръ передъ дѣвушкой шляпу, нагнулся и поцѣловалъ ей руку, а она довольно небрежно кивнула ему головой. Фрицъ пристально посмотрѣлъ на незнакомку въ ту минуту, какъ она подняла голову, разговаривая съ актеромъ, который былъ выше ея ростомъ, и ея лицо произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Въ этомъ лицѣ не было яркой красоты, но оно было удивительно интересно. На видъ дѣвушкѣ было не болѣе семнадцати лѣтъ. Какимъ образомъ она могла попасть сюда? Что общаго могло у нея быть съ Вальдемаромъ Гесловымъ? У нея былъ слишкомъ изящный и интеллигентный видъ для поклонницы актера.

Дѣвушка отвернулась отъ него, и онъ потерялъ ее въ толпѣ. Сидя въ общественной каретѣ, увозившей театральную публику, онъ перебиралъ въ памяти все только-что видѣнное, и не могъ освободиться отъ чувства глупой ревности при воспоминаніи объ актерѣ и молодой дѣвушкѣ. Чѣмъ заслужилъ этотъ пошлый Вальдемаръ такое счастье? Вдругъ онъ поднялъ голову, и его взглядъ упалъ на блестящій индійскій шарфъ, изъ-подъ котораго выглядывалъ тоненькій носъ оригинальной поклонницы Геслова. Рядомъ съ нею, въ углу кареты, сидѣла просто одѣтая особа, очевидно горничная, провожавшая ее изъ театра. Фрицъ могъ теперь на свободѣ разглядѣть молодую дѣвушку и понялъ, что̀ въ ней такъ поразило и понравилось ему: во всемъ ея существѣ чувствовалась породистость. Дѣвушка взглянула въ сторону Фрица. Онъ увидалъ небольшіе глаза съ тяжелыми вѣками, принявшіе при встрѣчѣ съ его взглядомъ острое, пронизывающее выраженіе, такъ что ему показалось, что онъ почувствовалъ прикосновеніе стали. Тонкія крылья ея носа дрогнули, а возлѣ узкихъ губъ легла насмѣшливая складка. Она спокойно вынесла его пристальный взглядъ, только насмѣшливая мина сдѣлалась еще рѣзче. Во время слѣдующей остановки она встала и вышла изъ кареты вмѣстѣ съ своею горничной.

Фрицъ Бертингъ также всталъ, еще не отдавая себѣ отчета, для чего это дѣлаетъ. Равнодушіе, съ какимъ молодая дѣвушка выдержала его взглядъ, возбудило въ немъ желаніе узнать, что̀ именно скрывалось за такимъ увѣреннымъ видомъ.

Пройдя немного, она остановилась передъ домомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ садомъ. Въ то время какъ горничная возилась, отпирая калитку, Фрицъ прошелъ совсѣмъ близко мимо молодой дѣвушки и посмотрѣлъ ей въ лицо. Что-то звало и удерживало его въ ея взглядѣ, но тотчасъ же появилось прежнее насмѣшливое выраженіе въ ея лицѣ, какъ будто говорившее: „А заговорить со мной ты все-таки не посмѣешь“!

Пройдя нѣсколько времени по улицѣ, онъ повернулъ назадъ и, проходя мимо дома въ саду, увидалъ, какъ въ нижнемъ этажѣ освѣтились два окна.

Фрицъ былъ недоволенъ собой, хотя не могъ найти настоящей причины своего неудовольствія. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ встрѣчать оригинальную молодую дѣвушку въ театрѣ. Она всегда сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ глубинѣ ложи бенуара. Фрицу хотѣлось знать, не привлекалъ ли ее въ театръ исключительно Вальдемаръ Гесловъ, но не могъ этого рѣшить, потому

что она бывала и на тѣхъ представленіяхъ, въ которыхъ красивый трагикъ не участвовалъ.

Она никогда не апплодировала и вообще ничѣмъ не выражала своего восторга. Быть можетъ, это была просто театральная ученица.

XII.

Вейсблейхеръ раздѣлялъ всѣ издаваемые имъ романы на три сорта. Къ первому сорту принадлежали романы, покупаемые родителями для своихъ подростающихъ дѣтей, ко второму—романы, раскупаемые на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, и, наконецъ, къ третьему—самыя интересныя произведенія, литературные лакомые кусочки, представляющіе собою запретный плодъ для молодыхъ дѣвицъ и не разрѣшаемые цензурой къ продажѣ на станціяхъ.

Опытный издатель, съ довольной улыбкой на обрюзгшемъ лицѣ, отложилъ въ сторону, по прочтеніи, рукопись Бертинга. Надо было подыскать подходящее имя для новаго дѣтища. Названіе, поставленное Фрицемъ, Вейсблейхеръ находилъ совершенно неподходящимъ и не вызывающимъ интереса. Заглавіе книги должно было бросаться въ глаза.

— Много обѣщающее заглавіе есть уже треть успѣха,— замѣтилъ издатель, и назвалъ новый романъ „Жизнь рода“.

Заботясь объ успѣхѣ новаго романа, Вейсблейхеръ рѣшилъ, что молодой авторъ долженъ былъ завести свѣтскія знакомства, что̀ особенно было удобно для Фрица: онъ происходилъ изъ хорошей семьи и обладалъ привлекательной внѣшностью,—этимъ надо было воспользоваться, — съ отеческой заботливостью объявилъ Вейсблейхеръ и повезъ Фрица въ домъ нѣкой г-жи Гильшіусъ. У нея былъ открытый салонъ, единственное мѣсто, по словамъ издателя, гдѣ можно было услышать серьезные разговоры о литературѣ. Г-жа Гильшіусъ имѣла дочь отъ перваго брака и сына—отъ второго. Всѣ думали, что она выйдетъ и въ третій разъ за господина, дравшагося на дуэли съ ея вторымъ мужемъ, но этотъ бракъ не состоялся. Огорченная вдова утѣшилась тѣмъ, что написала романъ подъ псевдонимомъ. Вейсблейхеръ подъ секретомъ далъ его прочесть Бертингу, сказавъ, что это произведеніе „написано кровью сердца“ и представляетъ собою интереснѣйшій „человѣческій документъ“. Фрицъ прочелъ и былъ пораженъ бездарностью, нескромностью и претенціозностью романа. Онъ составилъ себѣ извѣстное представленіе объ авторѣ

и былъ очень удивленъ, когда Вейсблейхеръ представилъ его старой, толстой дамѣ, наружность которой не допускала и мысли о любовныхъ приключеніяхъ. Въ салонѣ г-жи Гильшіусъ было человѣкъ двадцать гостей. Хозяйка представила его всѣмъ, повторивъ нѣсколько разъ:

— Фрицъ Бертингъ, извѣстный писатель, авторъ „Тихаго сна". Большой его романъ „Жизнь рода" скоро будетъ изданъ нашимъ милѣйшимъ Вейсблейхеромъ.

Фрицъ смутился-было отъ всѣхъ этихъ эпитетовъ, но скоро успокоился, услыхавъ, какія прилагательныя расточала г-жа Гильшіусъ и по адресу всѣхъ другихъ своихъ гостей.

Всѣ были или „геніальны", или „выдающіеся", или, по меньшей мѣрѣ, „извѣстные". И всѣ принимали эти слова какъ нѣчто должное. Двое молодыхъ людей, съ длинными, небрежно причесанными волосами, критически приподнявъ брови, осмотрѣли Фрица, и онъ тотчасъ же догадался, что это были „собратья по перу". Среди гостей было нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвицъ, производившихъ впечатлѣніе довольно глупенькихъ. По увѣренію хозяйки дома, одна изъ нихъ была геніальной художницей, другая—талантливой піанисткой, а третья—поэтессой, подающей самыя блестящія надежды.

Послѣдняя, довольно миловидная молодая особа, съ лицомъ фарфоровой куколки, заговорила съ Фрицемъ. Она сообщила ему, что „сочиняетъ" стихи и уже издала сборникъ подъ названіемъ „Плющъ". Узнавъ, что и у Фрица былъ сборникъ стиховъ, она предложила ему обмѣняться книжками.

— Ахъ, какъ чудесно писать стихи,—воскликнула она со вздохомъ,—но только это такъ дорого стоитъ!—На удивленный вопросъ Фрица, почему же ей дорого стоили ея стихи, она объяснила, что сборникъ не только не давалъ ей никакого дохода, но что она еще должна была выплатить Вейсблейхеру за его изданіе значительную сумму денегъ.—Г-нъ Вейсблейхеръ сказалъ мнѣ, что всѣ поэты такъ дѣлаютъ,—заключила она.

Фрицъ познакомился съ дочерью хозяйки, молодой, кокетливой женщиной, съ темными глазами и вызывающей улыбкой, и сталъ разспрашивать ее о всѣхъ присутствовавшихъ.

— Моя мать добрѣйшее существо,—болтала Анни Эшауеръ.— Вѣдь изъ всѣхъ ея гостей одна половина является къ ней ради ужина, а другая—изъ любопытства и для сплетенъ, но моя добрѣйшая мать увѣрена, что сколько носовъ въ ея салонѣ, столько и геніевъ.

— Ну, а меня къ какой же категоріи вы причисляете?— съ улыбкой спросилъ Фрицъ.

— Ахъ, вы—совсѣмъ другое дѣло,—поспѣшно отвѣчала она:—иначе вѣдь я не стала бы такъ съ вами разговаривать.

Въ эту минуту ее позвала мать, и обѣ скрылись въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился буфетъ. Объ этомъ можно было безошибочно заключить по страстнымъ взглядамъ длинноволосыхъ поэтовъ, направленнымъ въ ту сторону.

Къ Бертингу подошелъ юноша съ безбородымъ лицомъ и представился, какъ сынъ хозяйки дома, Теофиль-Алоизъ Гильшіусъ. Непосредственно за этимъ онъ сообщилъ Фрицу, что написалъ драму „Сулла", но ни одинъ антрепренеръ не рѣшается ее поставить.

— Отчего же?—спросилъ Фрицъ:—вѣроятно очень трудная постановка?

— Нѣтъ, слишкомъ сложная психологія,—съ важностью отвѣчалъ восемнадцатилѣтній юноша.—Впрочемъ, я не буду вамъ заранѣе разсказывать содержаніе. Вы сами услышите сегодня мою драму,—ее будутъ читать.

Въ это время къ нимъ подошла Анни Эшауеръ съ тарелочкой сластей въ одной рукѣ и стаканомъ пунша въ другой. Она протянула стаканъ и тарелочку Фрицу и пригласила его съ собою въ маленькій будуаръ возлѣ гостиной, гдѣ можно было удобно усѣсться и поболтать. Брата она попросила принести ей конфектъ и потомъ услала его къ юной поэтессѣ, автору „Плюща", искавшей, по ея словамъ, „родственную душу".

Фрицъ спросилъ Анни Эшауеръ, гдѣ учился ея братъ, и узналъ, что онъ готовился сдавать экзаменъ зрѣлости, по окончаніи котораго мать разрѣшила ему „сдѣлаться поэтомъ".

— Ахъ, несчастный!—невольно воскликнулъ Фрицъ.

— Значитъ, и вы поэтъ?

— Именно потому я и жалѣю вашего брата,—нелегко все это дается.

Анни Эшауеръ посмотрѣла на него серьезно и пристально.

— Знаете, г-нъ Бертингъ,—проговорила она, понизивъ голосъ:—вы совсѣмъ не похожи на тѣхъ поэтовъ, которые въ эту минуту наслаждаются въ буфетѣ. Я терпѣть не могу этого отвратительнаго Вейсблейхера, но за то, что онъ васъ привелъ сюда—я ему очень благодарна.

Фрицъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

„Что̀ значили эти слова?"—Онъ не успѣлъ хорошенько задуматься надъ этимъ вопросомъ, такъ какъ въ комнату вошли

три дамы, двѣ пожилыя и одна молодая. Взглянувъ на послѣднюю, Фрицъ почувствовалъ, какъ сердце его ускоренно забилось.

— Кто эта барышня?—быстро спросилъ онъ и прибавилъ, боясь, что Анни Эшауеръ замѣтитъ его волненіе:—она такъ похожа на одну мою знакомую.

— Это Гедвига фонъ-Лаванъ. Теофиль безумствуетъ по ней,—отвѣчала фрау Эшауфъ.—У моего братца недурной вкусъ, не правда ли?

— А кто эти старыя дамы съ нею?

— Гедвига круглая сирота, и эти старушки ее воспитывали. Онѣ сестры, зовутъ ихъ Ида и Аманда Китшхенъ. Одна изъ нихъ была невѣстой отца Гедвиги, но онъ умеръ, не успѣвъ извѣдать съ нею счастья. Пойдемте, я васъ представлю имъ.

Фрицъ почувствовалъ смущеніе. Узнàетъ ли его фрейлейнъ фонъ-Лаванъ?

Но молодая дѣвушка посмотрѣла на него очень спокойно и произнесла:

— Мы, кажется, съ вами встрѣчались въ театрѣ,—и при этихъ словахъ на лицѣ ея появилась свойственная ей насмѣшливая улыбка.

Они заговорили о театрѣ, и Фрицъ невольно обдумывалъ каждое слово, чего совсѣмъ не дѣлалъ, разговаривая передъ этимъ съ Анни Эшауеръ. Какъ эти двѣ женщины были мало похожи другъ на друга! Въ сравненіи съ роскошно развитой фигурой фрау Эшауеръ, Гедвига, съ своей плоской грудью и худой фигурой, напоминавшей мальчика, казалась какимъ-то безполымъ существомъ.

Они стали говорить о французскихъ романахъ, и оказалось, что оба одинаково увлекались Гюи де-Мопассаномъ. Золà она ставила гораздо выше Додè, находя послѣдняго скучнымъ, слащавымъ и неправдивымъ.

Оказалось, что Гедвига совсѣмъ не читала Бальзака. Фрицъ предложилъ ей принести нѣсколько томовъ, такъ какъ у него было полное собраніе сочиненій этого автора, и спросилъ ея адресъ.

— Я живу въ первомъ этажѣ, г-нъ Бертингъ; домъ, если не ошибаюсь, вамъ извѣстенъ.

Фрицъ покраснѣлъ, смѣшался и, чтобы скрыть свое смущеніе, заговорилъ снова о сходствѣ съ его знакомой, такъ поразившемъ его, будто бы, въ лицѣ Гедвиги; но она смотрѣла на него съ улыбкой, ясно говорившей, что она не вѣритъ ни единому его слову.

Это стало раздражать его, и ему даже захотѣлось сказать ей какую-нибудь колкость.

Въ это время въ гостиной всѣ задвигались, дамы вытянули шеи по одному направленію, кто-то крикнулъ:—„это онъ!"— и въ дверяхъ показалась внушительная фигура красавца Вальдемара Гeслова.

— Вы знаете, кто это, фрейлейнъ фонъ-Лаванъ?—спросилъ Бертингъ, пристально глядя ей въ лицо и стараясь уловить перемѣну выраженія въ немъ.

— Да, это г-нъ Вальдемаръ Гесловъ,—отвѣчала она совершенно спокойно.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Конечно; онъ бываетъ у моихъ тетушекъ.

— Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ актеровъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, нисколько, г-нъ Бертингъ! Я, откровенно, нахожу его очень слабымъ, какъ актера. Онъ мнѣ столько ролей испортилъ!

Вальдемаръ Гесловъ прежде всего направился въ столовую, такъ какъ послѣ спектакля всегда бывалъ страшно голоденъ. Его окружили дамы и стали ему прислуживать съ счастливыми улыбками, а онъ пилъ и ѣлъ за обѣ щеки.

Подкрѣпивъ себя, онъ объявилъ, что теперь можетъ приступить къ чтенію „Суллы". Мать автора обошла всѣхъ гостей, объявляя имъ о предстоявшемъ счастливомъ событіи, и всѣ направились въ гостиную, гдѣ за столикомъ уже возсѣдалъ Вальдемаръ Гесловъ, освѣщенный двумя серебряными канделябрами. Рукопись, лежавшая передъ нимъ, напугала Бертинга своею толщиною. Прослушавъ болѣе часа совершенно неискусное чтеніе Геслова, онъ не выдержалъ и ушелъ въ курильную комнату. Тамъ онъ нашелъ двухъ длинноволосыхъ поэтовъ, сидѣвшихъ, положивъ ноги на сосѣдніе стулья, и съ наслажденіемъ куривщихъ дорогія хозяйскія сигары.

— Умеръ, что-ли, Сулла?—освѣдомился одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Фрицъ:—ему осталось жить два акта съ половиной.

— Жаль, больше пунша нѣтъ,—замѣтилъ другой поэтъ.— Нечего дѣлать, пойдемте въ пивную. Не хотите ли и вы съ нами?

И всѣ трое тайкомъ обратились въ бѣгство.

П—на С—ва.

РУССКІЙ КИТАЙ

Наша первая колонія на Дальнемъ Востокѣ.

Болѣе трехъ лѣтъ мы владѣемъ Квантуномъ; много нашихъ милліоновъ затрачено уже на эту отдаленную область имперіи; много милліоновъ потребуетъ она въ будущемъ; много нашихъ отбыло изъ центра Россіи на эту далекую азіатскую окраину для водворенія нашей власти и насажденія русской культуры на этомъ малонаселенномъ, непривѣтливомъ, мало плодородномъ и вовсе не благопріятномъ въ климатическомъ отношеніи полуостровѣ азіатскаго материка. Несмотря на этотъ достаточно уже продолжительный срокъ обладанія нами новой Квантунской областью, до сихъ поръ у насъ не появлялось обстоятельнаго труда по исторіи и этнографіи этой первой русской колоніи на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ этотъ русскій Китай по своему нынѣшнему значенію представляетъ большой интересъ не только для однихъ синологовъ и спеціалистовъ, но вообще для всѣхъ образованныхъ людей, для всей соціальной и промышленной Россіи. Насъ, русскихъ, соединяютъ съ китайцами историческія и этнографическія узы, русская государственная граница соприкасается съ границею Срединной имперіи на протяженіи болѣе восьми тысячъ верстъ; наконецъ, наши политическіе и торговые интересы тѣсно связаны съ интересами китайскими, а между тѣмъ очень мало мы, русскіе образованные люди, знаемъ нашего великаго сосѣда и вновь пріобрѣтенную нами область—Квантунъ.

Подъ руководствомъ перваго русскаго начальника Квантунскаго полуострова, генерала Д. И. Суботича, за первые три года русскаго управленія на Квантунѣ, собрано генераломъ и

его помощниками, офицерами генеральнаго штаба, драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этомъ новомъ для насъ краѣ. На основаніи этихъ оффиціальныхъ данныхъ въ настоящемъ очеркѣ мы и постараемся познакомить нашихъ читателей, конечно вкратцѣ, съ нашей первой колоніей на Дальнемъ Востокѣ,—говоримъ—„колоніей", ибо занятая нами территорія, хотя и представляетъ собой важное въ политическомъ, военномъ, торговомъ и экономическомъ отношеніяхъ пріобрѣтеніе, собственно въ смыслѣ экономическомъ долго еще, а вѣрнѣе—всегда будетъ только колоніей. Задача наша—поднять ея благосостояніе и разумно эксплоатировать ее. Будущее покажетъ, съумѣемъ ли мы справиться со взятой на себя задачей.

Теперь, конечно, трудно предвидѣть, что̀ будетъ дальше; одно только неоспоримо, что это будетъ зависѣть отъ насъ самихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Если мы съумѣемъ справиться съ нашей задачей, то намъ не будетъ страшна конкурренція ни Англіи, ни Германіи, ни Америки, ни Японіи. Собственно же какъ страна, новая территорія не представляетъ большой цѣнности, развѣ что золото подниметъ ее,—но это еще гадательно. Пока это есть только голова, или „тэтъде-понъ", прикрывающій великій рельсовый путь.

I.

Географическое положеніе.—Пространство.—Рельефъ. —Воды.—Климатъ.—Населеніе: численность, племенной составъ, сословія, бытъ.—Хунгузы.

Наши владѣнія на Квантунскомъ полуостровѣ раздѣляются узкимъ Цзиньчжоускимъ перешейкомъ на двѣ части: сѣверную—Ляодунъ и южную—собственно Квантунъ. Занятая нами, по конвенціи съ Китаемъ 15 марта 1898 года, территорія расположена между 38°20 и 39°25 сѣверной широты (т.-е. на одной параллели за Зарявшанскою долиною и съ Ленкоранскимъ краемъ) и 138°28 и 140°53 восточной долготы. Она занимаетъ площадь около 2.885 квадратныхъ верстъ, включая въ то число 28 населенныхъ островов, составляющихъ до 146 квадратныхъ верстъ.

Поверхность русскаго Квантуна имѣетъ характеръ гористый. Равнины тамъ рѣдки и размѣры ихъ незначительны. Онѣ расположены, главнымъ образомъ, по долинамъ рѣкъ. Наибольшія изъ нихъ: долина рѣчки Тученцы и довольно обширная

низменность у селенія Инченцы. Омывающіе нашу территорію съ востока, юга и запада, Корейскій и Ляодунскій заливы образовали чрезвычайно извилистую береговую линію (на подобіе финляндскихъ шхеръ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ) протяженіемъ въ 503 версты, со многими бухтами, но неудобными для якорныхъ стоянокъ; исключеніе составляютъ два залива, Таліенванскій и Портъ-Артурскій, первый—какъ будущій портъ у города Дальняго, а второй—какъ стоянка нашего военнаго флота.

Особенностью занятой территоріи въ гидрографическомъ отношеніи является скудость текучихъ водъ, что зависитъ отъ продолжительнаго, почти девяти-мѣсячнаго, періода сухого времени года, отсутствія лѣсовъ и высокихъ горъ, малой длины и значительнаго паденія руселъ рѣчекъ. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ обильные дожди переполняютъ русла водой, лишь частью впитывающейся въ почву; главная же масса уносится въ море. Отъ ливня на низменныхъ мѣстахъ страдаютъ хлѣба и деревья и портятся дороги.

Несмотря на незначительное количество текучихъ водъ, нельзя сказать, чтобы территорія была вовсе бѣдна водою; насыщенная водою почва питаетъ во всѣ девять мѣсяцевъ колодцы, устраиваемые въ руслахъ рѣчекъ и вблизи нихъ. Этого колодезнаго запаса воды не хватаетъ, если весенніе дожди запаздываютъ, а для населенныхъ мѣстностей запасъ воды колодезной совершенно недостаточенъ. Въ Портъ-Артурѣ мы пользуемся устроеннымъ еще китайцами водопроводомъ, проведеннымъ изъ рѣчки Лунхэ, вода которой не высокаго качества, и притомъ ея мало для разростающагося города.

Изысканія подземныхъ водоносныхъ, глубоко лежащихъ слоевъ для добычи артезіанской воды, не привели къ благопріятнымъ результатамъ. Вторая мѣра по обезпеченію Портъ-Артура водой состоитъ въ устройствѣ опрѣснителей, изъ которыхъ одинъ на 1.200 ведеръ въ сутки, а другой на 20.000 ведеръ, и оба они уже дѣйствуютъ. Озеръ на Квантунѣ почти нѣтъ. Единственное, болѣе значительное озеро Далаоцзы находится къ сѣверу отъ Викторіа-бей, но къ концу періода засухи оно пересыхаетъ, и жители пользуются водой изъ колодца, вырытаго на серединѣ озера. Благодаря запрудѣ, близъ Портъ-Артура также образовалось небольшое прѣсноводное озеро. Климатъ нашихъ владѣній всецѣло зависитъ отъ направленія дующихъ вѣтровъ и имѣетъ много общаго съ климатомъ южно-уссурійскаго края. Зимой господствуютъ сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, иногда

42*

сопровождаемые снѣжной пургой, продолжающейся около трехъ сутокъ; затѣмъ, на нѣкоторое время устанавливается ясная, сухая погода, по ночамъ всегда холодная, днемъ же, при отсутствіи вѣтра, теплая, такъ какъ солнце сильно грѣетъ. Во время вѣтра температура сильно понижается и морозы доходятъ до десяти градусовъ. Стоячія воды покрываются слоемъ льда, выносящимъ тяжесть человѣка, но море не замерзаетъ. По разсказамъ китайцевъ, внутренній бассейнъ портартурской бухты въ суровыя зимы покрывается тонкимъ слоемъ льда. Въ общемъ, зима мягкая, съ небольшими морозами съ середины декабря до конца марта. Снѣжная пурга наблюдается пять, шесть разъ въ зиму.

Лѣтомъ дуютъ влажные южные и юго-западные вѣтры; также часты туманы и дожди. Воздухъ настолько насыщается водяными парами, что многіе предметы въ жилыхъ помѣщеніяхъ покрываются плесенью. Во время засухъ бываетъ плохой урожай хлѣбовъ и сѣна; появляется червякъ, съѣдающій всю чумизную и отчасти кукурузную и гаоляниую солому. Лѣтняя температура очень высока, но въ 1899—1900 гг. не было сильныхъ жаровъ. Военная портартурская метеорологическая станція и наблюденія въ городѣ Дальнемъ показали наивысшую температуру въ тѣни 25°,2. Съ середины августа жара понемногу ослабѣваетъ и наступаетъ лучшее время года—осень, съ ясной тихой погодой и изрѣдка перепадающими дождями. Весенніе мѣсяцы, мартъ и начало апрѣля, по своему характеру приближаются къ зимнимъ, а конецъ апрѣля и май—къ лѣтнимъ мѣсяцамъ. Въ Портъ-Артурѣ учреждены двѣ метеорологическія станціи, изъ которыхъ одну на берегу бухты устроило морское вѣдомство, и снабдило инструментами главной физической обсерваторіи; вторая же устроена военнымъ вѣдомствомъ въ полуверстѣ отъ моря, на высотѣ 70 ф. отъ уровня моря, и снабжена инструментами изъ топографическаго отдѣла штаба приамурскаго военнаго округа. Этой станціей завѣдуетъ врачъ, г. Тищенко. Въ Дальнемъ съ марта 1899 г. тоже производятся метеорологическія наблюденія врачомъ гарнизона, г. Крюковымъ.

Точныхъ свѣдѣній о численности туземнаго населенія на Квантунѣ и на относящихся къ нему островахъ въ настоящее время не имѣется и не можетъ быть дано безъ производства переписи. Для выясненія съ приблизительной точностью дѣйствительной цифры населенія Квантуна были сдѣланы рекогносцировки генеральнаго штаба подполковниками Ильинскимъ и Самойловымъ и данными имъ въ помощь строевыми офицерами: штабсъ-капитаномъ Горскимъ 2-мъ, поручикомъ Калантаевскимъ,

сотникомъ Семеновымъ и корпуса топографовъ штабсъ-капитаномъ Гавриловымъ, безъ переводчиковъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи большую услугу оказалъ поручикъ Россовъ, основательно изучившій китайскій языкъ. Опредѣлены были всѣ населенные пункты, число дворовъ въ нихъ, и семействъ въ каждомъ изъ послѣднихъ,—такъ какъ часто подъ одной кровлей проживаетъ нѣсколько семействъ,—и, наконецъ, выведено среднее число душъ въ каждой семьѣ. Записаны точно китайскія названія пунктовъ—деревень, селъ, рѣкъ, горъ, долинъ и проч. При этомъ выяснилось, что число душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ колеблется между 7 и 10 человѣками въ семьѣ. По такому исчисленію туземное населеніе занятой нами части Квантуна, вмѣстѣ съ островами, достигаетъ 274.945 душъ обоего пола. Изъ нихъ 247.272 человѣка проживаютъ на материкѣ въ 1.908 населенныхъ пунктахъ, а остальные 27.673 человѣка—на островахъ. Средняя густота населенія нашей территоріи на материкѣ, составляющей 2.739 кв. верстъ,—90 человѣкъ, и на островахъ, занимающихъ 146 кв. верстъ,—189 человѣкъ на одну квадратную версту. По плотности населеніе Квантуна превышаетъ Кѣлецкую губернію (86 человѣкъ).

На материкѣ проживаетъ пришлыхъ китайскихъ рабочихъ, преимущественно въ Портъ-Артурѣ, Дальнемъ и на линіи строящейся китайской восточной желѣзной дороги (собственно на Квантунѣ), до 10.000 душъ. Русское населеніе Квантуна, безъ войскъ, доходитъ до 1.500 человѣкъ, иностранцевъ—европейцевъ до 400 человѣкъ и японцевъ около 200 человѣкъ. Несмотря на войну, цифры эти почти не измѣнились, а въ послѣднее время, напротивъ, даже увеличились относительно китайцевъ, что̀ доказываетъ разумное отношеніе русской администраціи къ китайскому населенію.

Въ городѣ Цзиньчжоу числится до 15.000 жителей. Города̀ Портъ-Артуръ (5.000 человѣкъ), Дальній, Цзиньчжоу, а также Бицзиво, относятся къ наиболѣе населеннѣйшимъ пунктамъ на Квантунѣ. Затѣмъ идутъ селенія, имѣющія нѣкоторое торговое значеніе на восточномъ побережьи: Лунвантанъ, Сяопиндо, Лаохутань, Дагушань, Шицао, Цзыньчанъ, Ляогуаньцзуй, Хунтуяй, Туаньшаньцзы, Ляншуйхэцзы и Шахэкау, и на западномъ побережьи: Шуандао, Янтоува, Мэйяо, Сангуанмяо, Сяомцзы и Яхуцзуй.

Южная часть поселенія населена гуще—105 человѣкъ на квадратную версту. Затѣмъ слѣдуетъ сѣверная часть—82 человѣка на квадратную версту. Менѣе же населены юго-восточный

и сѣверо-западный участки Квантуна, что зависѣло отъ болѣе скудной почвы и отдаленности этихъ мѣстностей отъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ Цзиньчжоу и Бицзыво. Но въ настоящее время уже замѣчается измѣненіе густоты населенія, увеличивающееся къ Портъ-Артуру и Дальнему, которые все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ туземное и пришлое рабочее и торговое населеніе.

По Іакинфу Бичурину и „Трудамъ пекинской духовной миссіи", населеніе Квантуна образовалось изъ выходцевъ сосѣднихъ провинцій Китая—Шаньдуна, Шаньси (провинція, въ которой прежде находился китайскій императоръ), Чжилійской—и изъ аборигеновъ страны манчжурскаго племени. Въ настоящее время различныя племена полуострова настолько смѣшались, что населеніе представляетъ, безъ всякихъ оригинальныхъ расовыхъ чертъ, одинъ общій китайскій типъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сказалась въ полной мѣрѣ поразительная ассимилирующая способность китайскаго племени. Единственный языкъ на Квантунѣ—китайскій, съ незначительными уклоненіями отъ Чжилійской равнины, которыя внесены въ него шаньдунскимъ говоромъ.

На Квантунѣ проживаютъ двѣ группы населенія, отличающіяся по отношенію другъ въ другу соціальнымъ положеніемъ, административнымъ устройствомъ и нѣкоторыми подробностями семейнаго и общественнаго быта. Одна изъ нихъ носитъ названіе: „минъ". Она образовалась изъ китайскихъ выходцевъ, спасавшихся отъ политическихъ неурядицъ на родинѣ, бѣжавшихъ преступниковъ, добровольныхъ колонистовъ и туземныхъ манчжурскихъ пастушескихъ племенъ. Связующимъ цементомъ для этихъ разнородныхъ элементовъ была общность цивилизація. Мины—простолюдины Квантуна. Другая группа—„ци"—составляетъ знаменное населеніе, которое образовалось изъ войскового сословія, учрежденнаго императорами Минской династіи (въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка), и получившаго законную организацію при родоначальникахъ овладѣвшей сѣверо-восточною частью Китая Дайцинской династіи. Знаменные при своей первоначальной организаціи, оставшейся безъ измѣненія по настоящее время, были раздѣлены на восемь знаменъ, каждое изъ трехъ отрядовъ, образованныхъ изъ людей одинаковыхъ народностей: манчжуръ, монголовъ и китайцевъ. Знаменные соотвѣтствуютъ нашему казачьему сословію, съ тѣмъ различіемъ, что не имѣютъ опредѣленной въ странѣ территоріи, а живутъ смѣшанно съ простолюдинами. Въ предѣлахъ Квантуна знаменное населеніе сгруппировалось около

города Цзиньчжоу, образовавъ съ прилегающими фучжоускимъ и сюяненкимъ округами фудутунство, и около селенія Шуйшиинъ, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура, гдѣ находилось управленіе селина, т.-е. начальника крыла, помощника фудутуна. Кромѣ того, поселенія знаменныхъ тянутся полосой вдоль почтовой дороги Гуандао изъ Портъ-Артура черезъ Цзиньчжоу и Фучжоу на Инькау. Дорога эта у русскихъ носитъ названіе „мандаринской“. Знаменнымъ были даны обширныя конскія пастбища, нынѣ распаханныя на нивы и частью занятыя минами. Привилегіи знаменныхъ, по сравненію съ простолюдинами, заключаются въ значительно большемъ земельномъ надѣлѣ, меньшемъ окладѣ податей, льготахъ при конкурсныхъ экзаменахъ на ученую степень и преимуществахъ въ служебныхъ кандидатурахъ. Ци обязаны военной службой, но во время службы получаютъ содержаніе серебромъ и зерномъ. Сословіе ци наслѣдственно, но это званіе могутъ получить и простолюдины путемъ усыновленія или за особыя заслуги. Несмотря на различный племенной составъ лицъ, образовавшихъ знаменное населеніе, въ настоящее время въ бытовомъ отношеніи оно ничѣмъ не отличается отъ простолюдиновъ. Только у женщинъ замѣчаются нѣкоторыя отличія въ одеждѣ, а также отсутствуетъ обычай уродованія ногъ, распространенный между всѣми женщинами сословія минъ. Лицъ, принадлежащихъ къ другимъ привилегированнымъ сословіямъ Китая — императорскому дому и весьма многолюдному дворянству, — на Квантунѣ не имѣется, а ученые и купцы особыхъ сословій въ Китаѣ не составляютъ.

Бытъ китайцевъ выработался въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій обособленной жизни. Съ незапамятныхъ временъ семейное начало было положено у китайцевъ въ основаніе всѣхъ житейскихъ отношеній и, покровительствуемое религіей, закономъ и традиціей, нисколько не утратило своего значенія по сію пору. Съ первыхъ проблесковъ своего сознанія китаецъ чувствуетъ тѣснѣйшую связь между собою, окружающими его лицами и длиннымъ рядомъ своихъ предковъ. Занявши, такимъ образомъ, уготованное ему судьбой мѣсто, китаецъ большею частью проводитъ свою жизнь на этомъ мѣстѣ, выходя лишь въ исключительныхъ случаяхъ изъ опредѣленныхъ рамокъ міросозерцанія своихъ близкихъ, точно опредѣляющаго его общественныя и семейныя отношенія. Каждый китаецъ, членъ семьи и зачастую многочисленной, состоитъ въ полномъ подчиненіи главы и старшихъ членовъ ея. Нерѣдки семьи въ 30—40 человѣкъ, но встрѣчаются семьи и болѣе многочисленныя. Съ ростомъ семьи уве-

личивается число работниковъ, и благосостоянiе ея возростаетъ; поэтому, каждое приращенiе семейства встрѣчается съ радостью. Старшiй членъ семьи, если только болѣзнь или дряхлость не лишаетъ его бодрости, руководитъ всѣми дѣлами и является въ семейныхъ ссорахъ и неурядицахъ судьей и примирителемъ. Обращенiе къ властямъ съ жалобой на домашнихъ было бы позоромъ для семьи и самого жалобщика. Примѣры непочтительнаго отношенiя къ родителямъ и старшимъ крайне рѣдки и навлекаютъ на себя осужденiе общества и преслѣдованiе по закону.

Китайская женщина лишена всякой самостоятельности и всегда находится подъ опекой мужчины: отца, мужа, брата, сына и проч.; замужнiя сестры считаются исключенными изъ семьи. Такъ какъ семьи живутъ большею частью нераздѣльно, или дѣлятся еще при жизни отца, то судьба вдовы и ея дочерей послѣ смерти главы нисколько не мѣняется. Главой семьи становится старшiй сынъ. Китайская женщина проводитъ почти все свое время дома; кромѣ работъ по хозяйству, она исполняетъ менѣе трудныя полевыя работы, собираетъ топливо и проч. Въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ всѣ труднѣйшiя домашнiя работы исполняются слугами, преимущественно мужчинами, а на долю женщинъ остается надзоръ, шитье, вышиванiе и уходъ за дѣтьми. Въ бѣдныхъ же семьяхъ женщины трудятся въ полѣ наравнѣ съ мужчинами, причемъ изуродованныя ноги имъ менѣе мѣшаютъ, чѣмъ это можетъ казаться. Не имѣя, наконецъ, дѣлъ внѣ семьи и домашняго хозяйства, китайскимъ женщинамъ нѣтъ никакой надобности входить въ сношенiе съ посторонними людьми; поэтому, разговоръ съ мужчиной, не-родственникомъ, а тѣмъ болѣе его посѣщенiе, какъ ничѣмъ не оправдываемое, считается очень неприличнымъ поступкомъ. Хотя женщина безправна въ семьѣ и обществѣ, но судьба ея вовсе не горестна. Обыкновенно китайская семья живетъ дружно, и если женщина сама не вооружаетъ домашнихъ противъ себя капризами и строптивостью, то ее никто не обижаетъ, а мужъ почти всегда относится къ ней съ участiемъ и заботливостью.

Частое хожденiе въ гости обычаемъ не одобряется. Этикетъ требуетъ, чтобы китаянка, выходя изъ дому, бѣлилась, румянилась и подкрашивала себѣ губы и брови. Кромѣ почтенiя къ старшимъ, главнѣйшiя женскiя добродѣтели составляютъ—супружеская вѣрность и цѣломудрiе до замужества. Нарушительницы подвергаются строжайшимъ наказанiямъ; напротивъ, женщины безупречныя окружаются почетомъ, а въ особыхъ случаяхъ, когда ихъ добродѣтели высказались ярко, имена ихъ въ назиданiе по-

томству, вывѣшиваются въ храмахъ. Сами китаянки участью своей не тяготятся; несмотря на сидячій образъ жизни, онѣ пользуются бо́льшей частью хорошимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости.

Обычай уродованія ногъ у китайскихъ женщинъ—весьма давняго происхожденія и имѣетъ, несмотря на неодобрительное отношеніе манчжурской династіи, большое распространеніе. Какъ уже упоминалось, онъ не встрѣчается среди женщинъ сословія ци.

Сговоръ молодыхъ людей производится въ очень раннемъ возрастѣ, но свадьба совершается въ періодъ возмужалости брачущихся, чаще всего между 18 и 24 годами; но иногда случается, что возрастъ жениха и невѣсты не превышаетъ 13 лѣтъ. При бракѣ взаимная склонность въ разсчетъ не принимается, и часто молодые люди, до брака, другъ друга не видятъ. Приданаго мужу новобрачная не приноситъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ семья невѣсты принимаетъ на себя свадебные расходы. Свадьба—самое большое торжество въ жизни китайца; поэтому онъ старается отпраздновать ее возможно шумнѣе и веселѣе.

Многоженство не запрещается ни религіей, ни закономъ, но мало распространено по чисто-практическимъ соображеніямъ. На Квантунѣ оно встрѣчается какъ исключительное явленіе. Въ большихъ, нераздѣльно живущихъ семьяхъ многоженство одного лица нарушаетъ интересы другихъ членовъ, почему встрѣчаетъ съ ихъ стороны противодѣйствіе. Въ виду имущественныхъ неудобствъ, связанныхъ со вторичнымъ и прочими браками, законныя жены охотнѣе даютъ свое согласіе на открытое сожительство ихъ мужей съ наложницами, потомство которыхъ никакихъ правъ на имущество отца не имѣетъ. Дѣти отъ второго брака пользуются ме́ньшей долей при наслѣдованіи имущества, чѣмъ дѣти отъ третьяго брака.

Рожденіе перваго ребенка, особливо сына, встрѣчается съ большой радостью и сопровождается пиршествомъ. Стать дѣдомъ, дядей и вообще старшимъ родственникомъ—считается китайцами очень почетнымъ. Благодаря раннимъ бракамъ, можно встрѣтить семьи въ четыре, пять и даже шесть поколѣній. Имя, данное ребенку при рожденіи, не остается неизмѣннымъ во всю жизнь. Дѣвушекъ при замужествѣ называютъ другимъ именемъ мужья или ихъ родственники. Собственныя имена въ оффиціальныхъ случаяхъ не употребляются, а замѣняются соотвѣтственными названіями по отношенію къ отцу, мужу, брату и проч.; дочь такого-то, сестра такого-то. У мальчиковъ дѣтское

имя остается до вступленія въ школу, гдѣ дается новое имя, затѣмъ вновь мѣняется при женитьбѣ, поступленіи на государственную службу и полученія ученой степени. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ имена указываютъ на служебныя и ученыя достоинства вновь наименованнаго лица.

Кромѣ именъ, большинство китайцевъ имѣютъ прозвища („хао"), которыя употребляются въ дружескихъ бесѣдахъ и неоффиціальныхъ сношеніяхъ. Прославившіяся на какомъ-нибудь поприщѣ—ученомъ, служебномъ, или какъ художники и поэты, получаютъ еще особыя наименованія („цзыръ"), ихъ характеризующія,—напримѣръ, Конфуцій имѣетъ наименованіе „Нике", т.-е. пекущійся объ исполненіи долга.

Какъ ни важна для китайца брачная церемонія, обрядъ погребенія имѣетъ для него еще бо̀льшее значеніе. Многіе приготовляютъ гробъ заранѣе и откладываютъ деньги на свои похороны. Всегда бережливый китаецъ не считаетъ мотовствомъ затратить большія деньги на гробъ. По отношенію къ умершему всѣ родственники заботятся, чтобы съ полной корректностью выполнить свой долгъ. Покойника послѣ смерти одѣваютъ въ лучшія одежды, сами облекаются въ траурныя платья (бѣлаго цвѣта) и громко проявляютъ свою печаль. Иногда для этой цѣли нанимаются плакальщицы. Затѣмъ идутъ возжигать куренія въ кумирню, молясь богамъ о покровительствѣ душѣ покойнаго. На третій или четвертый день кладутъ его въ гробъ, надъ которымъ читаетъ молитвы монахъ, при ударахъ гонга; у богатыхъ чтеніе молитвъ сопровождается заунывной музыкой. Бо̀льшая или мѐньшая пышность похоронъ зависитъ отъ достатка умершаго. Послѣ пяти—семи дней гробъ несутъ на носилкахъ подъ балдахиномъ на кладбище, при оглушительныхъ завываніяхъ, плачѣ, громѣ ракетъ и хлопушекъ, музыкѣ и ударахъ въ гонгъ.

Для души, считающей своимъ долгомъ проводить до могилы тѣло, въ которомъ она жила, несутъ особый паланкинъ. При опусканіи гроба въ могилу, шумъ усиливается до крайнихъ предѣловъ. Послѣ этого всѣ возвращаются для трапезы въ домъ покойнаго. Въ богатыхъ семьяхъ гробъ до погребенія оставляютъ на время около года въ самомъ домѣ, на дворѣ или улицѣ.

Сынъ и ближайшіе родственники покойнаго носятъ трауръ; время и порядокъ его ношенія опредѣляются особыми положеніями, несоблюденіе которыхъ не только порицается обществомъ, но и вызываетъ оффиціальное преслѣдованіе. Трауръ налагаетъ извѣстныя обязательства на лицо, его носящее: ученый не можетъ экзаменоваться на ученую степень, чиновникъ—

исполнять свои обязанности; неприлично также участіе въ празднествахъ.

У европейцевъ, судящихъ по извѣстной имъ жизни въ большихъ портовыхъ городахъ, составилось мнѣніе о крайней развращенности китайской женщины. При болѣе основательномъ знакомствѣ съ Китаемъ—приходятъ къ совершенно обратному заключенію. Дома терпимости встрѣчаются только въ посѣщаемыхъ европейцами портовыхъ городахъ, въ которыхъ скучено также много пришлаго рабочаго туземнаго населенія, перебивающагося изо дня въ день и не имѣющаго возможности думать о семейной жизни. Проститутки вербуются среди бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія, гдѣ гнѣздится страшная нужда, и гдѣ для многихъ женщинъ развратъ есть единственный исходъ, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Европейцы часто возмущаются тѣмъ, что нѣкоторыя изъ проститутокъ имѣютъ мужа и дѣтей, и это обстоятельство принимается за развратъ, господствующій въ семейной жизни китайца. Въ большинствѣ случаевъ такая женщина оказывается вдовой, живущей съ сожителемъ, который въ то же время—ея слуга и приказчикъ. Кромѣ того, часть проститутокъ поставляется покупщиками дѣтей. Такая позорная продажа воспрещается закономъ, но обычай относится къ ней снисходительно. При продажѣ родители обыкновенно желаютъ избавить своихъ дѣтей отъ бѣдности и обольщаются покупщикомъ, увѣряющимъ, что онъ пристроитъ ихъ ребенка прислугой, а можетъ быть, и отдастъ замужъ.

Изъ глубоко проникнувшаго въ жизнь китайца семейнаго начала вытекаютъ многія его достоинства и недостатки. Неустанно онъ трудится на своемъ клочкѣ земли, чтобы добыть пропитаніе семьѣ, и достигаетъ своимъ трудомъ замѣчательныхъ результатовъ. Отказывая себѣ во всемъ, что̀ не составляетъ удовлетворенія его первѣйшихъ потребностей, китаецъ копитъ деньги, которыя употребляетъ на постройку дома для молодыхъ, на покупку рабочаго скота, и если денегъ скопилось достаточно, то онъ прикупитъ участокъ земли. Живущая нераздѣльно, большая китайская семья имѣетъ общую кассу, куда поступаютъ всѣ заработанныя членами семьи деньги. При такихъ качествахъ характера китайца и при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, китайскія семьи нерѣдко достигаютъ зажиточности. Китаецъ въ работѣ крайне медлителенъ, но акуратенъ. Малая производительность труда китайца, по сравненію съ европейцемъ, неоспорима и зависитъ отчасти отъ ме́ньшей мускульной силы и энергіи, что̀, въ свою очередь, объясняется плохимъ питаніемъ. Въ

работѣ проявляется характерная особенность китайцевъ, стремящихся замѣнить соображеніе сноровкой. Семейная жизнь дѣлаетъ китайца эгоистомъ и скопидомомъ; поэтому соблазнъ получить лишнюю копѣйку часто побуждаетъ его къ обману.

Культъ предковъ, относя идеалы китайца къ прошлому, является причиной крайняго консерватизма, побуждающаго его относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ новшествамъ и высокомѣрно ко всему иноземному. Крайнее невѣжество, господствующее въ массѣ населенія, способствуетъ легковѣрію, съ какимъ принимаются толпою всякіе нелѣпые разсказы, особенно если они касаются иностранцевъ, и недовѣрчивому отношенію къ незнакомымъ, а тѣмъ болѣе иностранцамъ. Ко всѣмъ, кто кажется китайцу опаснымъ и имѣетъ къ нему какое-нибудь дѣло, онъ относится съ лукавствомъ и недовѣріемъ; подозрѣвая опасность для себя или своихъ близкихъ, онъ увѣряетъ, что ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Только мѣры строгости дѣлаютъ его болѣе правдивымъ и откровеннымъ. Убѣдившись, что опасности для него не существуетъ, китаецъ дѣлается услужливымъ, и, если его не остановить, переходитъ въ фамильярность, а иногда и въ наглость. Въ общемъ, китаецъ представляетъ собою смѣсь добродушія съ нахальствомъ и задорностью. Если онъ получаетъ увѣренность, что ему не намѣрены дѣлать непріятностей, нарушать обычаевъ и посягать на его достояніе, и если онъ видитъ, что надъ нимъ стоитъ крѣпкая власть, то съ нимъ легко установить самыя дружелюбныя и мирныя отношенія, каковыя и установились теперь у насъ на Квантунѣ.

Китаецъ—большой лакомка на вкусную пищу, но далекъ отъ мотовства, въ виду сильно развитого чувства бережливости; китаецъ не обнаруживаетъ склонности къ вину, особенно въ молодые годы, а запой для него совершенно непонятное явленіе. Зато у многихъ китайцевъ развита привычка къ куренію опіума. Только богатые люди, курящіе высшіе его сортà, не такъ вредно дѣйствующіе на организмъ, относятся къ куренію опіума съ хладнокровіемъ любителей дорогихъ сигаръ. У большинства же курильщиковъ, втянувшихся въ эту привычку, куреніе опіума дѣлается постепенно непреоборимой страстью, ради удовлетворенія которой курильщикъ ни предъ чѣмъ не остановится. Злоупотребленіе опіумомъ доводитъ часто до полнаго умственнаго и физическаго разслабленія. Общественное мнѣніе относится къ этой привычкѣ съ неодобреніемъ, и курильщики не любятъ сознаваться въ своей слабости. Куренію опіума предаются въ осо-

быхъ заведеніяхъ, число которыхъ въ разныхъ притонахъ портовыхъ и вообще большихъ городовъ—значительно. Европейскіе наблюдатели въ Китаѣ, видя многихъ курильщиковъ въ заведеніяхъ, приходятъ къ ложному заключенію о чрезвычайномъ распространеніи этой страсти среди китайцевъ вообще. На самомъ же дѣлѣ, среди сельскаго населенія куреніе опіума мало распространено. Съ прибытіемъ въ Квантунъ ген.-маіора Д. И. Суботича, перваго начальника Квантунскаго полуострова, имъ было сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи привоза опіума въ предѣлы занятой нами территоріи, причемъ были уничтожены большія партіи опіума, которыя пытались ввести контрабандою, и были закрыты всѣ заведенія для куренія. Можно предположить, что, при недостаточности чиновъ полицейскаго надзора, куреніе опіума все-таки производится въ тайныхъ притонахъ, временно ускользающихъ отъ надзора мѣстнаго начальства.

Несмотря на отрицательное отношеніе закона и общественнаго мнѣнія къ азартнымъ играмъ, онѣ очень распространены даже среди бѣднѣйшей части населенія, такъ какъ китаецъ—игрокъ отъ природы. Особенно губительной по своимъ результатамъ представляется для населенія игра въ банкъ, такъ называемая „банковка", которая ютится въ тайныхъ игорныхъ домахъ. Жертвами игры являются бѣдные классы и рабочіе, нерѣдко оставляющіе въ рукахъ банкометовъ весь свой заработокъ. Въ игорныхъ домахъ встрѣчаются самые худшіе элементы общества, хотя иногда оказываются увлеченными игрой и представители состоятельныхъ классовъ. Игорные дома на территоріи Квантуна преслѣдуются наравнѣ съ заведеніями для куренія опіума.

Театръ считается развлеченіемъ очень полезнымъ и достойнымъ уваженія. Драматурги и композиторы прославляются наравнѣ съ учеными, но на актеровъ смотрятъ съ пренебреженіемъ. Обыкновенно ихъ обучаютъ съ малолѣтства. Содержатели труппъ пріобрѣтаютъ ребенка покупкой или похищаютъ. Особенно предосудительнымъ кажется китайцамъ исполненіе женскихъ ролей мужчинами, что̀, однако, практикуется всюду въ сѣверномъ Китаѣ. Постоянный театръ на Квантунѣ существовалъ только въ Портъ-Артурѣ. Въ настоящее время въ немъ помѣщается матросская чайная, а взамѣнъ его выстроенъ мѣстнымъ предпринимателемъ новый театръ. Обыкновенно представленія даются въ населенныхъ мѣстахъ во временныхъ театрахъ, причемъ на̀скоро устроивается изъ циновокъ (рогожъ) открытая сцена. Для сцены часто пользуются портиками кумиренъ. Теа-

тральныя декораціи примитивны, а сценическіе пріемы отличаются такой условностью, что непривычный зритель не понимаетъ происходящаго на сценѣ. Представленія идутъ безостановочно, днемъ и ночью; они должны быть непремѣнно оперныя, подъ аккомпаниментъ оркестра; разговоры допускаются только въ комическихъ мѣстахъ. Главную роль въ оркестрѣ играютъ: гонгъ, тарелка, котлообразный барабанъ и инструменты въ родѣ скрипокъ, флейты и большія дудѣлки. Въ патетическихъ мѣстахъ оркестръ ускоряетъ темпъ и дѣлается оглушительнымъ, причемъ какофонія становится невыносимой. Театръ въ Китаѣ въ полномъ смыслѣ слова общедоступенъ. Весьма часто богатые китайцы, желая сдѣлать пріятное своимъ согражданамъ, выписываютъ за свой счетъ труппу, которая даетъ безплатныя представленія; и каждый, улучивъ свободное время, идетъ посмотрѣть представленіе.

Игра въ шахматы пользуется большимъ уваженіемъ и имѣетъ распространеніе даже среди простолюдиновъ. Китайцы говорятъ, что боги постоянно развлекаются этой игрой и научили ей государей глубокой древности, къ которымъ относились очень дружелюбно.

Несмотря на большое разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ, музыка у китайцевъ не получила развитія и не пользуется особымъ уваженіемъ. Только одинъ инструментъ „цинъ", родъ лютни, пользуется почетомъ; виртуозы встрѣчаются только на этомъ инструментѣ. Распѣвать стихи подъ аккомпаниментъ цина для ученаго считается большимъ достоинствомъ. Изъ другихъ инструментовъ болѣе распространены: флейта, „пиба" (родъ цитры) и „хуцинъ" (родъ скрипки, употребляемой для аккомпанимента при пѣніи); но главное мѣсто въ оркестрѣ занимаютъ гонгъ, волынка и барабанъ. Пѣніе, кромѣ театральнаго речитатива, мало распространено среди населенія. Мужчины рѣдко поютъ; если поютъ нѣсколько человѣкъ, то непремѣнно въ унисонъ. Умѣніе пѣть фальцетомъ признается большимъ достоинствомъ. Встрѣчаются довольно разнообразныя мелодіи, но большинство ихъ непонятны и не особенно пріятны для европейскаго слуха. На торжественные обѣды считается очень соотвѣтственнымъ приглашать профессіональныхъ пѣвицъ, развлекающихъ своимъ пѣніемъ почетныхъ гостей.

Поэзія въ Китаѣ особенно уважается. Поэты считаются избранниками небесъ. Въ китайскихъ поэтическихъ произведеніяхъ отсутствуетъ риѳма; стихосложеніе основывается на періодическомъ чередованіи звуковъ и тоновъ, замѣняющихъ удареніе въ сло-

вахъ, большею частью односложныхъ или составныхъ. Считается также большимъ искусствомъ такое чередованіе словъ, чтобы въ соотвѣтственныхъ стихѣ и мѣстѣ они согласовались между собой по внутреннему смыслу. Напр., если китайскій іероглифъ означаетъ „небо", то ему могутъ соотвѣтствовать іероглифы „земля", „адъ" и т. д. Въ виду такихъ требованій теоріи поэзіи, искусство стихосложенія доступно лишь лицамъ, основательно знакомымъ съ іероглифической письменностью, изящной словесностью, а потому знакомство со стихами считается признакомъ образованности. Въ знатныхъ семействахъ даже дѣвушки заучиваютъ стихи наизусть. Стихи читаются нараспѣвъ съ условной дикціей и тонированіемъ, производящимъ на слушателя, въ особенности если чтеніе сопровождается игрой на цитрѣ, своеобразное, не лишенное пріятности впечатлѣніе.

Китайская живопись отличается своею условностью и преимущественно черпаетъ свое содержаніе изъ исторіи или изображаетъ пейзажи, цвѣты, растенія и животныхъ. Жанровой живописи совсѣмъ нѣтъ. Лубочныя картины въ большомъ распространеніи, такъ какъ китайцы любятъ украшать ими свои дома. Картины рисуются сепіей или акварелью; масляныя краски и пастель извѣстны китайскимъ художникамъ.

Скульптура существуетъ въ формѣ кумировъ, орнаментальныхъ украшеній для зданій и маленькихъ статуэтокъ. Этого искусства, какъ художественнаго выраженія мысли, не существуетъ.

Зодчество въ настоящее время находится у китайцевъ на низкой степени развитія. Въ предѣлахъ Квантуна, кромѣ нѣсколькихъ кумиренъ, никакихъ достойныхъ вниманія образцовъ не существуетъ. Дома строятся по шаблону. Двери и бумажныя окна обыкновенно обращены на югъ; стѣны—глухія. Половину каждой комнаты занимаетъ „канъ"—теплая лежанка, на которой въ зимнее время спятъ. Часто впереди входныхъ дверей стоятъ (особливо у знатныхъ) стѣнки съ украшеніями или іероглифами „фу"—счастье. Эти стѣнки препятствуютъ злымъ духамъ проникнуть въ домъ. Строятъ китайцы чрезвычайно непрочно.

По понятіямъ китайцевъ, девять знаній имѣютъ божественное происхожденіе и дарованы людямъ съ небесъ: конфуціанская доктрина, медицина, искусство опредѣлять „фыншуй" (условія, благопріятствующія человѣку), даръ отгадывать судьбу человѣка, умѣнье рисовать сепіей, умѣнье рисовать красками, буддійское ученіе, даосизмъ, игра на цинѣ и въ шахматы.

Любовь къ родному очагу заглушаетъ въ китайцѣ чувство патріотизма, которое народной массой понимается весьма смутно. Напротивъ того, въ странѣ очень жива идея національности, что̀ зависитъ отъ сознанія родственныхъ связей семействъ между собою. Китай, какъ государство, не имѣетъ постояннаго названія, а именуется родовой фамиліей царствующей династіи. Популярно названіе „Чжунго"—срединное государство; литературное его названіе „Хуаго"—цвѣтущее государство, а въ высокомъ слогѣ „Тьенся"—поднебесное. Отечество отождествляется въ сознаніи китайцевъ не съ представленіемъ о государствѣ и его верховной власти, а какъ о родинѣ, мѣстопребываніи семьи и могилъ предковъ. Отношенія китайца къ императору не выходятъ за предѣлы повиновенія по долгу вѣрноподданности и оффиціальнаго чувства уваженія, какъ главѣ старшей изъ семей, составляющихъ націю. По своимъ понятіямъ китаецъ прежде всего долженъ быть почтительнымъ сыномъ и хорошимъ отцомъ, а затѣмъ уже вѣрноподданнымъ. Такое мнѣніе онъ основываетъ также и на отечественной исторіи, которая показываетъ, что государства, престолы и династіи рушатся, а семья стоитъ незыблемо.

Такое равнодушное отношеніе китайцевъ къ своимъ государству и престолу, конечно, не могли выработать у нихъ воинственныхъ наклонностей. Китаецъ не смотритъ на войну какъ на національное дѣло, а какъ на вражду своего правительства съ правительствомъ другого государства, причины которой ему неизвѣстны, а результаты безразличны. Если же тѣ, которыхъ называютъ врагами, не обижаютъ семей, не нарушаютъ обычаевъ страны и расплачиваются за услуги, то китайцы безъ колебанія предпочтутъ ихъ своимъ всячески притѣсняющимъ солдатамъ. Но трусами китайцевъ считать нельзя. Они, напримѣръ, отважные моряки; хорошо руководимые, они не отстаютъ отъ своего начальника. Въ мѣстечкѣ Бицзиво, увлеченные примѣромъ полицейскаго пристава, китайцы бросились преслѣдовать вооруженнаго разбойника, который нанесъ имъ довольно тяжелыя раны. За этотъ подвигъ бывшій начальникъ Квантунскаго полуострова, ген.-лейт. Д. И. Суботичъ, наградилъ ихъ серебряными медалями и часами; своими наградами они чрезвычайно гордятся и вызываютъ чувство зависти въ товарищахъ.

Китайское населеніе, кромѣ жителей крупныхъ административныхъ центровъ, не имѣло увѣренности въ полной безопасности своего существованія. Власти часто были не въ силахъ справиться съ бродячими, безпокойными элементами, промышляю-

щими грабежемъ и разбоемъ. Обстановка въ этомъ отношеніи очень неблагопріятствовала Квантунскому полуострову со времени японско-китайской войны, до занятія его русскими. Цѣлыя шайки изъ бѣглыхъ или отпущенныхъ китайскихъ солдатъ бродили по странѣ и наводили такой страхъ на жителей, что прошло не мало времени, пока они увѣрились въ безсиліи хунгузовъ передъ русскою властью, перестали скрывать ихъ отъ преслѣдованія и своими указаніями способствовали ихъ уничтоженію и водворенію безопасности въ странѣ. Появляющіяся отъ времени до времени шайки формируются въ нейтральной полосѣ, куда и скрываются послѣ набѣга.

II.

Религія.—Женскіе монастыри.—Празднованіе новаго года.—Почитаніе предковъ.—Магометанство, католичество, протестантство и православіе на Квантунѣ.—Высшая власть на Квантунѣ.—Волостное и сельское управленіе.—Учрежденіе гражданскаго управленія.—Тормазы для всякой нашей дѣятельности; переводчики.—Китайское образованіе.—Учрежденіе Пушкинскихъ школъ.

Религія китайскаго народа образовалась изъ смѣси трехъ признанныхъ въ Китаѣ вѣроученій: конфуціанизма, буддизма и даосизма. Почитаніе ихъ въ чистомъ видѣ сохраняется въ Китаѣ среди особыхъ общинъ, но поклоненіе памяти Конфуція считается оффиціальною обязанностью. Въ каждомъ крупномъ административномъ центрѣ — въ занятой нами части Квантуна, въ городѣ Цзиньчжоу — построенъ въ честь его храмъ, гдѣ старшій изъ гражданскихъ чиновниковъ совершаетъ служеніе I-го и II-го числа каждаго мѣсяца и въ началѣ 2-ой и 8-ой луны, въ „счастливые дни“, опредѣляемые астрологическимъ приказомъ. Культъ Конфуція во всей его полнотѣ составляетъ достояніе только однихъ ученыхъ. Послѣдователи ученія Лаоцзы (даосы) и буддисты группируются въ немногочисленныхъ монастыряхъ. Даосы имѣютъ родъ бѣлаго духовенства („даоши“), живущаго въ бракѣ. Въ Китаѣ существуютъ также женскіе монастыри, но въ предѣлахъ занятой нами территоріи ихъ нѣтъ. Большая часть кумиренъ на Квантунѣ, въ особенности въ сѣверной части, принадлежитъ къ буддійскому вѣроученію, остальныя—къ даоскому. Большія кумирни въ Портъ-Артурѣ и Таліенванѣ, занятыя нами по найму, были даосскими и пользовались большой извѣстностью. Празднованіе новаго года должно продолжаться весь первый мѣсяцъ. Съ особеннымъ оживленіемъ празднуется 18-е число въ

честь богини Шэнмуняннянъ, подательницы благосостоянія и покровительницы дѣторожденія. Въ этотъ день къ празднованію допускаются и женщины. Почитаніе предковъ у китайцевъ находится въ тѣсной связи съ вѣрованіемъ въ загробную жизнь и переселеніе душъ. Для исполненія священнаго долга моленій потомства о судьбѣ предковъ въ каждомъ домѣ имѣется алтарь. Культъ предковъ требуетъ совершенія поминальныхъ праздниковъ, устроиваемыхъ ежегодно одинъ или два раза въ каждой изъ кумиренъ. Среднее мѣсто между праздниками и буднями занимаютъ дни поминовенія усопшихъ. Неприсутственныхъ дней въ Китаѣ немного. Кромѣ дней, посвященныхъ памяти Конфуція, неприсутственными днями признаются „дни многолѣтія особъ царствующаго дома". Вступленіе на престолъ, дни рожденій императрицъ, супруги и матери, празднуются не населеніемъ, а чиновниками, учеными, вообще всѣми состоящими при правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ эти дни въ особыхъ помѣщеніяхъ совершаются чиновниками моленія предъ таблицами съ именами царствующихъ лицъ. Магометанъ на Квантунѣ очень мало. Въ предѣлахъ русской части Квантуна имѣется небольшое число католиковъ, обращенныхъ дѣятельностью мукденской французской миссіи, которая разсматриваетъ всю южную и среднюю Манчжурію какъ епископство, а занимаемую нами территорію причисляетъ къ Сюянскому приходу. Кромѣ того, въ Портъ-Артурѣ со времени японско-китайской войны проживаетъ датская протестантская миссія, насчитывающая нѣсколько десятковъ обращенныхъ туземцевъ. Въ настоящее время долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о позволеніи католическимъ и протестантскимъ миссіямъ въ предѣлахъ Квантуна пріобрѣтать земельную собственность и т. д. Существующая неопредѣленность въ отношеніяхъ русской власти къ иновѣрческимъ религіознымъ миссіямъ можетъ клониться лишь ко вреду нашихъ интересовъ. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей православнаго населенія первоначально былъ приспособленъ для церкви одинъ изъ портовыхъ сараевъ. Позже генералъ Суботичъ распорядился постройкою церкви во имя св. Николая, которая и была освящена 9-го мая 1899 года.

До прихода русскихъ, высшая власть надъ Ляодунскимъ полуостровомъ и Квантуномъ принадлежала проживающему въ городѣ Мукденѣ цзянь-цзюню и его ямыню, мѣстное же управленіе нынѣшней русской части Квантуна находилось въ городѣ Цзиньчжоу. Оно раздѣлялось, въ зависимости отъ принадлежности населенія къ двумъ сословіямъ, на двѣ части: на управленіе „знаменнымъ" населеніемъ, или войсковое (ци), и на управленіе

гражданское, вѣдавшее простолюдинами (минами). Военная власть и управленіе знаменными сосредоточивались въ рукахъ фудутуна, въ чинѣ генерала, и его ямыня, находившихся въ городѣ Цзиньчжоу. Главное управленіе страной со времени поднятія русскаго флага въ Портъ-Артурѣ принадлежало бывшему командующему тихо-океанской эскадрой контръ-адмиралу Дубасову, которому подчинялся временно-командующій войсками Квантунскаго полуострова генералъ-маіоръ Волковъ, завѣдывавшій также гражданскими дѣлами страны. Для непосредственнаго управленія гражданскими дѣлами назначенъ былъ драгоманъ пекинской дипломатической миссіи, г. Колесовъ, который занимался, кромѣ того, исполненіемъ дипломатическихъ порученій, и при такомъ положеніи дѣла въ наше управленіе поступили фактически лишь города Портъ-Артуръ и Таліенванъ, гдѣ были учреждены полицейскія управленія. Вся же остальная страна находилась въ полномъ вѣдѣніи прежнихъ китайскихъ властей, продолжавшихъ свое дѣло, какъ будто не было никакой перемѣны управленія. Въ концѣ 1898 г. состоялось учрежденіе по временному штату окружного гражданскаго управленія въ составѣ начальника округа, его помощника, дѣлопроизводителя и двухъ приставовъ. Округъ былъ раздѣленъ на два приставства, сѣверное и южное, раздѣленныя границею по Цзиньчжоускому перешейку. Мѣстами пребыванія приставовъ были избраны: сѣвернаго—г. Бицзиво, южнаго—подъ стѣнами Цзиньчжоу. Волостное и сельское управленія оставлены были нетронутыми; для руководства волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ изданы были на китайскомъ языкѣ инструкціи, составленныя кратко, примѣняясь къ русскимъ законоположеніямъ, а самимъ начальствующимъ лицамъ были выданы наружные знаки ихъ званія, въ видѣ бляхъ съ надписями по-русски и по-китайски. Окружной начальникъ и пристава начали постепенно забирать въ свои руки управленіе населеніемъ, оттѣсняя шагъ за шагомъ цзиньчжоускаго фудутуна и пристава, которые напрягали всѣ силы къ сохраненію своей власти. Борьба эта была очень трудная. Съ одной стороны стояли коренные, національные правители, весьма многочисленные, которые держали въ своихъ рукахъ жизнь и смерть, и которымъ населеніе вѣками привыкло повиноваться безпрекословно. Съ другой стороны были нѣсколько заморскихъ пришельцевъ, не знающихъ даже языка и, очевидно для всѣхъ, съ малой властью, такъ какъ не могли казнить. Высшую степень напряженія глухая борьба эта достигла 23-го и 24-го января 1899 г., когда, подъ вліяніемъ цзиньчжоускихъ властей, произошло вооруженное столкно-

веніе населенія съ войсками у селенія Ліуцзяцзянь. Послѣ этого дѣло цзиньчжоусцевъ было проиграно: они „потеряли лицо“ передъ населеніемъ. Въ февралѣ того же года учреждено было по временному же штату гражданское отдѣленіе штаба въ составѣ начальника отдѣленія, его помощника и дѣлопроизводителя, на которое, съ прибытіемъ въ апрѣлѣ чиновъ его, и были возложены дѣла гражданской канцеляріи. Крупнымъ тормазомъ всякой дѣятельности на Квантунѣ было и остается незнаніе нами китайскаго языка и вытекающая изъ того необходимость обращаться къ переводчикамъ. Дабы подготовить контингентъ лицъ, знающихъ китайскій языкъ, генералъ Суботичъ вошелъ съ ходатайствомъ о періодическомъ командированіи въ Пекинъ нѣсколькихъ офицеровъ на срокъ, достаточный для усвоенія разговорнаго, а отчасти и письменнаго языка, съ тѣмъ, чтобы лица эти впослѣдствіи могли занять штатныя мѣста не только переводчиковъ, но главнымъ образомъ по администраціи исполнительной. Чаще же приходилось довольствоваться переводчиками-китайцами, на которыхъ нельзя было вполнѣ полагаться. Войска являлись долгое время единственными представителями русской гражданственности и интеллигенціи на Квантунѣ.

И теперь многіе военные чины несутъ самыя разнообразныя гражданскія обязанности, часто не оставляя при этомъ и своихъ прямыхъ. Такое положеніе не можетъ, конечно, считаться нормальнымъ, но, вѣроятно, еще пройдетъ не мало времени, пока гражданское управленіе, какъ правительственное, такъ и общественное, получитъ окончательную организацію. Китайское образованіе заключается, какъ извѣстно, въ изученіи іероглифической письменности и образцовъ словесности. Оно составляетъ почти исключительно удѣлъ мужчинъ,—на всемъ пространствѣ русской части Квантуна не найдется двухъ-трехъ десятковъ полуграмотныхъ женщинъ. Первоначальное обученіе китайскихъ учениковъ производится въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ школахъ. Жалованье учителя получаютъ, въ зависимости отъ своей учености, отъ 150 руб. и болѣе въ годъ. Школьный возрастъ учениковъ—между 7-ю и 15-ю годами. Плата за ученіе производится сообразно средствамъ родителей: богатые платятъ 10 руб. въ годъ, бѣдные—2 руб. въ годъ. Въ предѣлахъ русскаго Квантуна имѣются во многихъ мѣстахъ частныя школы, дающія элементарное образованіе. Число всѣхъ школъ на Квантунѣ опредѣляется приблизительной цифрой 50, а число учениковъ—800. Черезъ каждые три года въ г. Мукденѣ производятся публичныя испытанія учениковъ, желающихъ получить по конкурсному экза-

мену первую ученую степень „сіуцая“ („расцвѣтающаго таланта“); сверхъ того, нѣкоторая часть изъ лучшихъ конкуррентовъ получаетъ званіе „ишэнъ“ („отличнаго студента“). Имѣющихъ степень „сіуцай“ въ русской части Квантуна не болѣе сотни. Слѣдующая ученая степень достигается по экзамену въ Пекинѣ; она называется „цзюйжень“, что̀ означаетъ человѣка поднявшагося (къ достиженію истины). Число лицъ этого званія на Квантунѣ не превышаетъ десяти. Затѣмъ слѣдуютъ степени „цзинша“, т.-е. вошедшій въ I-й классъ ученыхъ, и, наконецъ, „ханьлинь“—академикъ,—которыя достигаются съ большимъ трудомъ.

Первая русская школа была открыта 27-го іюня 1899 года въ Бицзиво на городскія средства. Курсъ ея двухлѣтній, обученіе безплатное, съ выдачею безплатно же всѣхъ учебниковъ. Открытіе ея произошло при торжественной обстановкѣ. Мѣстнымъ населеніемъ учрежденіе этой школы было встрѣчено весьма сочувственно, и число учениковъ нынѣ болѣе 60-ти; новымъ желающимъ приходится отказывать, за недостаткомъ мѣста и средствъ. Кромѣ русскаго языка, ученики обучаются китайской письменности, безъ знанія которой переводчикъ не могъ бы исполнять своей обязанности. Учительскій составъ состоялъ изъ исправляющаго должность мѣстнаго пристава поручика Рависъ-Пиглевскаго, одного нижняго чина, окончившаго двухъ-классное училище, а также преподавателя-китайца. На городскія средства, а также на деньги, вырученныя при празднованіи памяти А. С. Пушкина, построена въ Портъ-Артурѣ безплатная школа имени поэта для малолѣтнихъ дѣтей всѣхъ сословій на 40 учениковъ и ученицъ, и при ней отдѣленіе для китайскихъ дѣтей на 30 человѣкъ. Кромѣ того, при китайскомъ отдѣленіи школы открыты вечерніе курсы для взрослыхъ китайцевъ. Нужда въ школѣ для русскаго населенія была удовлетворена въ Портъ-Артурѣ учрежденіемъ по частной инииціативѣ Пушкинской начальной школы. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе высшаго военнаго начальства открыть въ Портъ-Артурѣ подготовительную школу вѣдомства военнаго министерства. Общее число русскихъ дѣтей школьнаго возраста было въ 1900 году 86 человѣкъ обоего пола.

III.

Климатическія условія.—Врачебная помощь, болѣзни, нечистоплотность китайцевъ.—Первыя русскія больницы, амбулаторія и военные госпитали.—Почва и удобреніе.—Заселеніе и земельные надѣлы.—Двѣ жатвы въ годъ, обработка земли, посѣвъ, уборка и молотьба хлѣбовъ.—Народное продовольствіе.—Огородничество.—Садоводство.—

Климатическія условія на Квантунѣ не могутъ быть названы благопріятными для здоровья. Высокая лѣтняя температура вызываетъ случаи солнечныхъ ударовъ, а въ связи съ обильными осадками способствуетъ разложенію органическихъ веществъ и служитъ причиной разнаго рода желудочныхъ, эпидемическаго характера, заболѣваній. Рѣзкія смѣны температуры днемъ и ночью въ осеннее время года, неожиданно налетающія снѣжныя бури и сѣверо-восточные вѣтры, поднимающіе обильную пыль, зимою развиваютъ горловыя и грудныя болѣзни. Врачебная помощь у китайцевъ до занятія Квантуна русскими, въ видѣ какого-либо правительственнаго или общественнаго учрежденія, не существовала вовсе. При заболѣваніяхъ туземцы обращались къ знахарямъ, лечившимъ народными средствами; лекарства продавались въ довольно многочисленныхъ аптечныхъ лавочкахъ. Тамъ же часто и давались совѣты. За время занятія нами Квантуна среди мѣстнаго населенія не замѣчалось заболѣваній, носящихъ характеръ эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, смертность отъ тифа и дезинтеріи была довольно велика. Нерѣдки были также заболѣванія натуральной оспой, не имѣющей, впрочемъ, злокачественныхъ формъ.

Крайняя нечистоплотность китайцевъ служитъ значительной причиной распространенія глазныхъ и накожныхъ болѣзней. Въ настоящее время для медицинскихъ нуждъ мѣстнаго населенія имѣется нѣсколько небольшихъ больницъ и амбулаторій въ Портъ-Артурѣ, Таліенванѣ и Бицзиво. Сверхъ того, производится пріемъ частныхъ лицъ на излеченіе въ портъ-артурскій и таліенванскій полевые военные госпитали. Первоначально китайское населеніе съ большою недовѣрчивостью относилось къ нашему амбулаторному и особливо больничному леченію, но отношеніе это измѣнилось впослѣдствіи, благодаря китайцамъ, лечившимся въ больницахъ: сдержанность, подозрительность и недовѣріе уступили мѣсто привѣтливости и чувству признательности. Особенно это было замѣтно въ больницѣ въ Бицзиво, устроенной спеціально для китайцевъ. Часты случаи заявленій выздоровѣвшихъ китайцевъ о желаніи посвятить себя уходу за больными. Русскимъ

управленіемъ приняты были также мѣры къ санитарному надзору въ городахъ, упорядоченію проституціи, къ надзору за убоемъ скота, къ устройству новыхъ и имѣвшихся сточныхъ городскихъ канавъ, къ перенесенію китайскихъ кладбищъ на болѣе отдаленныя отъ города мѣста и къ обязательству китайцевъ зарывать трупы глубже въ землю. Вліяніе климата и обстановки Квантуна на русское населеніе еще менѣе благопріятно, чѣмъ на китайское. Въ 1898 году войска перенесли эпидеміи тифа и дезинтеріи, причемъ первый господствовалъ въ Таліенванѣ, а вторая — въ Портъ-Артурѣ. Эти эпидеміи возобновились и въ слѣдующихъ годахъ. По словамъ нашего бывшаго агента въ Китаѣ, полковника Вогака, воспріимчивость иностранцевъ и вообще пришельцевъ къ мѣстнымъ эпидеміямъ тифа и дезинтеріи увеличивается въ послѣдующіе годы ихъ пребыванія, пока они не акклиматизируются.

Скудная почва Квантуна, истощаемая ежегодными посѣвами, не могла бы давать удобренія безъ урожаевъ. На удобреніе земли китайцами употребляются всевозможные отбросы. Величина земельныхъ участковъ въ настоящее время у жителей Квантуна весьма разнообразна. Въ прежнее время, когда полуостровъ заселялся добровольнымъ переселеніемъ или путемъ принудительной ссылки, каждый переселенецъ получалъ отъ казны надѣлъ земли величиною приблизительно около шести съ половиною десятинъ, каковая составляла собственность переселенца и носила названіе „хунцеди". Впослѣдствіи приливъ переселенцевъ увеличился, запасъ свободной пахатной земли истощился, и казна не могла уже каждому давать надѣлъ хорошей земли, а затѣмъ и совсѣмъ перестала отводить участки, почему многіе изъ вновь прибывшихъ стали арендовать землю у прежнихъ владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени земля стала переходить въ собственность лицамъ болѣе богатымъ, такъ что нынѣ существующіе земельные участки по своей величинѣ вовсе не соотвѣтствуютъ размѣрамъ надѣла, даннаго казною первоначальнымъ переселенцамъ Квантуна. Земля измѣряется на Квантунѣ: у китайцевъ на „му"—мѣру, равную приблизительно $1/17$ русской десятины, а у манчжуръ—на „жи", равную шести „му". Му въ свою очередь дѣлится на десять „фынь", фынь—на десять „ли", а ли—на десять „хао" (нѣсколько больше квадратнаго аршина). Дробность дѣленія показываетъ, насколько цѣнится земля у туземцевъ. Въ податныхъ спискахъ часто можно видѣть, что у мелкаго землевладѣльца числится лишь столько-то „хао". Благодаря климатическимъ условіямъ, землевладѣльцы снимаютъ на Квантунѣ двѣ

жатвы въ годъ; для этого весною сѣется кукуруза, мицза или гуцза (родъ проса), послѣ жатвы которыхъ осенью, въ концѣ сентября, засѣвается озимая пшеница, поспѣвающая лѣтомъ будущаго года, а затѣмъ снова идетъ посѣвъ бобовъ, мицзы и другихъ злаковъ, сборъ которыхъ бываетъ тою же осенью. Для обработки земли и уборки полей у китайцевъ существуетъ много изготовляемыхъ на мѣстѣ орудій самаго примитивнаго устройства.

Полевыя работы на Квантунѣ начинаются въ концѣ марта или началѣ апрѣля мѣсяца. Первоначально землю два раза перепахиваютъ сохой, затѣмъ, убравъ лишніе камни, начинаютъ боронить обыкновенной бороной съ желѣзными зубьями. Остающіеся послѣ боронованія комки земли и неровности выравниваются орудіемъ, сходнымъ съ бороною и сдѣланнымъ изъ прутьевъ. Послѣ этого начинается посѣвъ. Ручной небольшой сохой прокладывается рядъ параллельныхъ бороздъ, глубиною до четырехъ вершковъ, каковыя и засѣваются при помощи пустой тыквы, наполненной зерномъ, которое по желобку изъ камыша, равномѣрно высыпаясь, ложится въ борозды. Вслѣдъ за сѣятелемъ идетъ другой рабочій съ корзиной удобренія, и ровнымъ слоемъ засыпаетъ зерно, а для того, чтобы вѣтромъ не разнесло удобренія и зерна, засѣянныя канавки идущимъ вслѣдъ третьимъ рабочимъ прокатываются каменнымъ валькомъ, отчего образуется плотный слой, подъ которымъ земля дольше сохраняетъ влагу. По достиженіи всходами извѣстной величины, начинаютъ полку и осыпаніе. Осыпаніе дѣлаютъ два-три раза въ лѣто при помощи особой сапки, или же обыкновенной сохой, запряженной парой животныхъ, идущихъ между полосами всходовъ. Большинство весеннихъ посѣвовъ созрѣваетъ въ концѣ іюля мѣсяца, а въ августѣ начинается жатва; при этомъ употребляется небольшой прямой серпъ безъ зубьевъ, которымъ и срѣзываютъ стебли колосьевъ. Затѣмъ весь сжатый хлѣбъ связываютъ въ снопы и увозятъ къ особо приготовленнымъ токамъ, гдѣ складываютъ въ скирды. Уборка полей совершается очень тщательно; на эту работу выходитъ буквально вся семья, начиная съ трехлѣтнихъ нагихъ ребятишекъ до сѣдыхъ стариковъ. Обыкновенно, мужчины жнутъ, женщины и старики вяжутъ въ снопы, а маленькія дѣти заняты собираніемъ отдѣльныхъ колосьевъ и стеблей соломы. По снятіи всего, что̀ было на поверхности земли, начинается очистка полей отъ корней, которые идутъ на топливо. Послѣ уборки нива запахивается для озимаго посѣва пшеницы или огородныхъ овощей, могущихъ созрѣть до зимы, какъ-то: лука, рѣдьки или особаго рода салада, замѣняющаго собою нашу капусту. Дальнѣйшая обработка

собранной жатвы производится уже вблизи фанзы. Для этого устраивается токъ, укатанный каменнымъ валькомъ, затѣмъ отдѣляютъ колосъ отъ стеблей соломы, и начинается молотьба при помощи каменныхъ вальковъ съ острыми гранями, которые приводятся въ движеніе животными или людьми, бѣгающими по току. Вымолоченное зерно провѣиваютъ, и оно поступаетъ на мельницы или крупорушки. Смотря по сорту хлѣба, обдираютъ на крупу или же мелютъ муку посредствомъ небольшихъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе ослами. Каждая такая мельница можетъ смолоть въ день около пяти-шести пудовъ зерна и имѣется почти въ каждомъ хозяйствѣ.

Главнѣйшіе виды воздѣлываемыхъ хлѣбовъ слѣдующіе: 1) такъ называемая въ Уссурійскомъ краѣ чумиза, которая, собственно, имѣетъ два особыя названія: „мицза", обыкновенное просо, и „гуцзо", родъ проса. Мицза употребляется какъ въ пищу, такъ и для приготовленія пива. Солома названныхъ злаковъ идетъ въ кормъ для скота, который охотно ее ѣстъ въ видѣ сѣчки. Какъ мицза, такъ и гуцза обыкновенно сѣются весной и составляютъ первую жатву. 2) Пшеница, называемая по-китайски „майцза", сѣется преимущественно озимая и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ яровая. 3) Кукуруза, по-китайски „боами", идетъ въ пищу людямъ, а также на кормъ для скота. 4) „Гаолянъ",—что̀ значитъ въ переводѣ „высокій стебель"—въ Южно-Уссурійскомъ краѣ извѣстенъ подъ названіемъ индѣйскаго проса, сѣется въ большомъ количествѣ. Зерно гаоляна идетъ на пищу людямъ, а также на кормъ для скота, а высокій—до 4 1/2—5 аршинъ—и толстый стебель служитъ топливомъ, а также употребляется на крыши и заборы. Кромѣ того, зерно идетъ на приготовленіе китайской водки, называемой „шаопзю". 5) Бобы „доуцза" бываютъ до двадцати сортовъ, изъ коихъ одни идутъ въ пищу людямъ, а другіе на кормъ скоту или же для выжимки масла, которое во всеобщемъ употребленіи у китайцевъ; изъ нѣкоторыхъ сортовъ выдѣлываютъ родъ вермишели, называемой „финь тяопза" и составляющей немаловажный предметъ торговли. 6) Ячмень, „дамайцза", сѣется въ небольшомъ количествѣ и даетъ плохіе урожаи, употребляется въ пищу людямъ и для корма скота, а солома идетъ на топливо. 7) Рисъ „даоми" на Квантунѣ встрѣчается весьма рѣдко и сѣется въ очень незначительномъ количествѣ на моважинахъ или же на искусственныхъ болотахъ. Кромѣ того, разводится еще конопля, называемая „ма", изрѣдка овесъ, гречиха, кунжутъ и „чжима", изъ котораго выдѣлываютъ масло.

Урожай зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества своевре-

менно выпадающихъ дождей. Въ сухіе годы весь громадный, затраченный земледѣльцемъ, трудъ пропадаетъ безусловно. На каждаго человѣка въ годъ для пропитанія,—принимая во вниманіе, что мясная пища весьма рѣдко употребляется,—требуется около 23 пудовъ всякаго зерна, и такимъ образомъ на семью въ 7—8 человѣкъ потребуется около 110—120 пудовъ; если же къ этому количеству, которое лишь съѣдается, прибавить еще столько же на другія необходимыя потребности, какъ-то: одежду, взносъ налоговъ и другіе расходы, то количество зерна потребуется около 220—240 пудовъ на каждую семью. Кромѣ того, на прокормленіе необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ, употребляемыхъ для обработки земли, принявъ въ среднемъ для семьи три головы (оселъ, два быка), нужно еще прибавить около 120—130 пудовъ, что̀ составитъ всего около 360 пудовъ. Цифра сравнительно небольшая, но если принять во вниманіе, что средняя урожайность вообще всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ будетъ 60 пудовъ на десятину, то на каждую семью потребуется около 6-ти десятинъ пахатной земли, т.-е. 100 му. Между тѣмъ величина земельныхъ участковъ на Квантунѣ весьма разнообразна: хотя встрѣчаются участки въ 9, 12 и болѣе десятинъ, но преобладаютъ участки въ 2—2½ десятины; нерѣдки и такіе владѣльцы, которые имѣютъ только ½ десятины земли. При такихъ условіяхъ земля не обезпечиваетъ существованія земледѣльца; поэтому бѣднѣйшая часть населенія вынуждена обращаться къ заработкамъ на сторонѣ. Ежегодно поздней осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, многіе нанимаются къ болѣе богатымъ землевладѣльцамъ или же поступаютъ въ артели рабочихъ въ населенныхъ центрахъ: Бицзиво, Таліенванѣ и Портъ-Артурѣ. Своего хлѣба на Квантунѣ не хватаетъ даже для мѣстныхъ жителей. Этотъ недостатокъ въ хлѣбѣ пополняется ввозомъ пшеницы изъ Инькоу, Фучжоу, Сахэкоу (устье рѣки Ялу) и отчасти изъ Шандуна. Кромѣ того, привозится довольно много американской. Весь пришлый элементъ, въ томъ числѣ и войска, должны питаться привознымъ хлѣбомъ. Огородничество на Квантунѣ служитъ большимъ подспорьемъ для населенія. Огороды содержатся образцово и всѣ посадки дѣлаются въ замѣчательномъ порядкѣ. Каждый клочокъ земли воздѣланъ: вдоль каменныхъ заборовъ посажена фасоль, идутъ рядами подсолнечники, а кругомъ фанзъ, на узкой полосѣ свободной земли, посажены тыквы „юйгуа", вьющійся стебель которыхъ высоко всползаетъ на крышу, гдѣ созрѣваетъ и самый плодъ. На грядахъ между овощами посажены цвѣты и макъ. Все это очень красиво и

чисто, и во всемъ видны забота и трудъ. Разводятся огурцы, редиска, лукъ, чеснокъ, морковь, свекла, рѣпа, брюква, баклажаны, помидоры, тыквы, арбузы, дыни, укропъ, саладъ, перецъ стручковый, перецъ красный, сельдерей, петрушка и фасоль. Сверхъ того, на Квантунѣ разводятся еще девять сортовъ съѣдобныхъ травъ, неизвѣстныхъ въ Европейской Россіи. Второй сортъ овощей, сажаемыхъ на поляхъ послѣ жатвы и сохраняемыхъ на зиму въ квашенномъ или соленомъ видѣ, состоитъ изъ бѣлой рѣдьки, крупнаго салада и сладкаго картофеля. Обыкновенный же картофель, называемый по-китайски „дидань", разводится въ весьма небольшомъ количествѣ, и то только со времени нашего водворенія на Квантунѣ. Вся собранная рѣдька засаливается въ глиняныхъ чанахъ, и въ такомъ видѣ сохраняется до будущаго года. Саладъ „дабэйцай" ростетъ большими пучками, на подобіе кочней нашей капусты. Квашенный саладъ во всеобщемъ употребленіи у китайцевъ и отчасти замѣняетъ нашу квашенную капусту. Къ числу огородныхъ растеній можно отнести и табакъ, называемый по-китайски „янь", но его разводится мало, такъ какъ его много идетъ изъ Ньючуана, который славится своимъ табакомъ по всему сѣверному Китаю. Затѣмъ разводятъ немного маку, для добыванія опіума, а также растеніе „бима", изъ бобовъ котораго выжимаютъ масло, употребляемое на лекарство.

Садоводство на Квантунѣ почти не существуетъ. Въ этомъ отношеніи Квантунъ много отсталъ отъ Шандуна. На Шандунѣ, въ городѣ Фушань, встрѣчаются прекрасные фруктовые сады. Шандунскій виноградъ извѣстенъ и на всемъ Дальнемъ Востокѣ. На Квантунѣ у большинства жителей имѣются небольшіе садики или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, но правильнаго ухода за ними нѣтъ, и получаемые плоды деревянисты и грубы на вкусъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ болѣе распространены: груша, абрикосъ, персикъ, вишня и нѣкоторые ягодные кусты. Изъ мѣстныхъ фруктовъ замѣчателенъ родъ финика, называемаго по-китайски „цзяцзяо"; плоды этого дерева—продолговатой формы, съ твердой косточкой внутри,—мучнисты на вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается виноградъ, но онъ плохого качества и служитъ больше для украшенія дворовъ.

Квантунскій полуостровъ очень бѣденъ древесною растительностью. Мѣстные жители пользуются всѣми болѣе удобными мѣстами, негодными для хлѣбопашества, для посадки деревьевъ. Такимъ образомъ, всѣ песчаные берега рѣчекъ, заливаемые водой, засажены тополемъ и ивой, крутые скаты горъ—сосной, дубнякомъ. Распредѣленіе лѣсной растительности на полуостровѣ неодинаково.

Въ южной части сплошныя заросли попадаются лишь въ горныхъ долинахъ и ущельяхъ, покрывая крутые, негодные для хлѣбопашества скаты горъ; въ низинахъ же, гдѣ вся поверхность занята полями, только селенія окружены болѣе или менѣе значительными насажденіями, а русла рѣкъ окаймлены иногда посадками тополей. На сѣверѣ растительность богаче. Тамъ на скатахъ горъ появляются сосновыя посадки, принявшія уже видъ довольно значительныхъ рощъ, и поросли дубняка; въ долинахъ же, гдѣ рѣки своими разливами образовали песчаные участки, попадаются значительныя, по величинѣ, заросли ивы и тополя. Лѣсныя площади на Квантунѣ принадлежатъ большею частью частнымъ собственникамъ, хотя имѣются и казенныя. Весь лѣсъ, необходимый для городскихъ построекъ, укрѣпленій и сооруженій желѣзной дороги, доставляется изъ порта Дадунгоу, лежащаго у устья рѣки Ялу, пограничной между Кореей и Манчжуріей, изъ Владивостока и даже Америки. Пользованіе мѣстнымъ лѣсомъ весьма значительно, такъ какъ мѣстное населеніе на топливо употребляетъ солому гаоляна и кукурузы, въ городахъ же большею частью жгутъ каменный уголь. Вѣтки, сучья и уголь продаютъ на фунты.

IV.

Морскіе промыслы.—Скотоводство.—Ископаемыя богатства: золото, каменный уголь, соль.

По всему побережью Квантуна и на островахъ встрѣчаются по бухтамъ отдѣльныя фанзы, поселки и довольно большія селенія, жители которыхъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, невыгодныхъ для обработки земли, занимаются морскими промыслами. Рыба ловится какъ сѣтями, такъ и на крючокъ. Вся добываемая рыба по способу ея изготовки и употребленія можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи: къ первой относятся тѣ породы рыбъ, которыя добываются въ большомъ количествѣ и солятся, и въ такомъ видѣ вывозятся въ порты Китая; ко второй категоріи— тѣ породы, уловъ которыхъ незначителенъ, и которыя употребляются въ свѣжемъ видѣ и составляютъ предметъ мѣстной торговли. Главнѣйшими видами рыбы, которая ловится въ большомъ количествѣ и служитъ предметомъ вывоза, являются: 1) Ножъ-рыба, длинная, тонкая рыба (около 1 аршина), съ очень мелкой чешуей совершенно серебристаго цвѣта, отчего вся рыба кажется точно вылитою изъ металла. Стоимость ея на мѣстѣ въ

соленомъ видѣ около 1 рубля за пудъ. По количеству вывоза ей принадлежитъ первое мѣсто. 2) Родъ корюшки: рыбу эту не солятъ, а сушатъ на пескѣ въ теченіе 5—6 дней, послѣ чего собираютъ въ мѣшки или соломенные кули и въ такомъ видѣ вывозятъ бо̀льшею частью въ Чифу: противъ первой цѣнится вдвое дороже. 3) Треска,—ловятъ ее крючками (переметами). Рыба эта приходитъ и отходитъ отъ береговъ вмѣстѣ съ морскимъ приливомъ и отливомъ, чѣмъ и пользуются мѣстные рыбаки, отправляясь въ море съ отливомъ и возвращаясь съ приливомъ. 4) Родъ сельди. По словамъ рыбаковъ, рыба эта большими стадами идетъ изъ Восточно-Китайскаго моря. Стоимость ея на мѣстѣ около 35 коп. за пудъ. Ею питается мѣстное населеніе и отчасти вывозятъ ее въ Шанхай. 5) Доска-рыба—солится, сушится и въ такомъ видѣ вывозится въ Шанхай. На мѣстѣ сто̀итъ около 1 р. 50 коп. за пудъ. 6) Родъ угря,—встрѣчается въ небольшомъ количествѣ и въ соленомъ видѣ вывозится за предѣлы полуострова.

Кромѣ перечисленныхъ, возлѣ Квантуна ловится много другихъ породъ рыбъ, которыя появляются въ продажѣ въ незначительномъ количествѣ и лишь на мѣстныхъ рынкахъ. Жители прибрежныхъ селеній, кромѣ рыболовства, занимаются добычей всевозможныхъ раковинъ, морскихъ животныхъ, водорослей и морскихъ съѣдобныхъ травъ, составляющихъ лакомыя блюда китайцевъ; при этомъ китайцы собираютъ рѣшительно все, что̀ только можно взять отъ моря; малѣйшая раковина, слизнякъ или водоросль,—все идетъ въ дѣло. Изъ добываемыхъ животныхъ первое мѣсто занимаетъ трепангъ. Устрицы по своимъ качествамъ считаются лучшими на Дальнемъ Востокѣ; добывается ихъ много, но вывоза почти не существуетъ, не считая небольшого количества, высылаемаго въ Чифу и Шанхай въ свѣжемъ видѣ, по особымъ заказамъ. Медузы употребляются въ пищу мѣстными китайцами, для вывоза же ихъ сушатъ, для чего ихъ разрѣзываютъ на полосы и раскладываютъ на солнцѣ. Обыкновенно въ дѣло идутъ бѣлые и голубые виды медузъ, достигающіе до аршина въ діаметрѣ. Морскія блохи представляютъ пріятную закуску для китайцевъ и въ сушеномъ видѣ часто встрѣчаются въ мѣстной продажѣ. Осьминоги добываются въ небольшомъ количествѣ и въ сушеномъ видѣ идутъ на мѣстную продажу и вывозятся въ Чифу. Въ зимнее время въ воды Квантуна заходятъ стадами нерпы, которыми промышляютъ ради жира и кожъ. Затѣмъ собирается довольно много разныхъ водорослей и травъ, въ томъ числѣ немного и морской капусты „хайцай“, которая на Квантунѣ весьма плохого качества.

Въ виду отсутствія на Квантунѣ выгонныхъ земель и луговъ, скотоводства, какъ промысла, не существуетъ. Въ отдѣльныхъ зажиточныхъ хозяйствахъ скотъ разводятъ, какъ необходимую при разработкѣ полей рабочую силу и какъ средство получить хорошее удобреніе. При обработкѣ полей нерѣдко можно видѣть различныхъ животныхъ и даже человѣка, запряженныхъ вмѣстѣ. Мѣстная порода рогатаго скота представляетъ выродившуюся породу сѣвернаго Ляодуна, или, вѣрнѣе, Монголіи. Молочность его очень слабая. Туземное населеніе не употребляетъ молока и его продуктовъ въ пищу. Въ продажу на убой скота поступаетъ мало. Только крайняя нужда заставляетъ поселянина продавать скотъ мясоторговцамъ. Лошадей на Квантунѣ почти не разводятъ: большая ихъ часть приведена изъ Манчжуріи и имѣетъ хорошія природныя качества, но изнурительныя работы значительно ихъ понижаютъ. Лошадей въ краѣ около 1.400 штукъ; тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ для края довольно велико, какъ производителей муловъ. Туземное китайское населеніе по этой части достигло прекрасныхъ результатовъ, выработавъ типъ рабочаго животнаго, очень выносливаго и вполнѣ соотвѣтствующаго мѣстнымъ условіямъ. Ростъ мула, выведеннаго на Квантунѣ, колеблется отъ 1 аршина 12 вершк. до 2 арш. 2 вершк.; тѣло его крѣпкое, мускулистое, ноги тонкія, съ крѣпкими сухожиліями и небольшими копытами. Выносливость муловъ замѣчательна, несмотря на скудость корма. Вслѣдствіе прекрасныхъ качествъ муловъ и ихъ стойкости по отношенію къ эпизоотіямъ, войска въ большомъ количествѣ замѣнили обозныхъ лошадей мулами, и въ будущемъ предположено произвести замѣну въ обозѣ всѣхъ лошадей мулами. Оселъ—самое распространенное рабочее животное въ краѣ. Онъ является незамѣнимымъ особенно въ горныхъ участкахъ, гдѣ единственными путями сообщенія служатъ узкія тропы, съ крутыми подъемами и спусками. Ослами пользуются преимущественно подъ вьюкъ. Всѣ сельскіе продукты, дрова, сѣно доставляются въ населенные пункты вьюкомъ на ослахъ. Овцы разводятся преимущественно въ зажиточныхъ семьяхъ стадами въ 30—40 штукъ въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются хоть небольшія пастбища; онѣ принадлежатъ къ курдючной породѣ, по размѣрамъ же значительно уступаютъ забайкальскимъ и сибирскимъ. Мясо ихъ довольно хорошаго качества и употребляется въ пищу какъ европейскимъ, такъ и туземнымъ населеніемъ. Козы ничѣмъ не отличаются отъ породы, встрѣчаемой въ Европейской Россіи. Свиньи разводятся тоже въ довольно значительномъ количествѣ. Мясо ихъ счи-

тается у китайцевъ лакомымъ блюдомъ; по внѣшнему виду оно хорошаго качества, но часто бываетъ заражено финами и трихинами и для употребленія требуетъ тщательнаго микроскопическаго изслѣдованія. Мѣстныя свиньи принадлежатъ къ особой породѣ: длинное туловище посажено на короткихъ ногахъ, морда длинная, уши большія, шерсть черная. Изъ щетины выдѣлываютъ на мѣстѣ щетки и сита. Изъ другихъ домашнихъ животныхъ туземные жители употребляютъ въ пищу въ незначительномъ количествѣ собакъ и кроликовъ, разводятъ большое количество куръ и немного утокъ и гусей.

Ископаемыя богатства Квантуна до настоящаго времени еще очень мало изслѣдованы. Прежде всего, вскорѣ послѣ занятія полуострова, обратили на себя наше вниманіе мѣсторожденія золота, встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстахъ. Разработка ихъ была вообще запрещена китайскимъ правительствомъ. Ранѣе разработывалась прежнимъ начальникомъ Портъ-Артура, китайскимъ генераломъ Гу, розсыпь у деревни Полянцза, но была брошена, какъ дававшая убытокъ. Слѣды же работъ хищниковъ видны были во многихъ мѣстахъ. Эти обстоятельства обратили на себя вниманіе бывшаго начальника края, контръ-адмирала Дубасова, запретившаго добычу золота на Квантунѣ. Для выясненія промышленнаго значенія квантунскихъ мѣсторожденій золота, по соглашенію министровъ морского и земледѣлія былъ командированъ горный инженеръ Богдановичъ, произведшій предварительныя развѣдки золота. По разсмотрѣніи результатовъ въ связи съ заключеніями другихъ инженеровъ, опытныхъ въ золотопромышленномъ дѣлѣ, министерство земледѣлія пришло къ убѣжденію о невозможности немедленной разработки золота на Квантунскомъ полуостровѣ. Свѣдѣнія о залежахъ каменнаго угля въ предѣлахъ занятой нами территоріи получались администраціей неоднократно, но почти всегда они оказывались невѣрными. За каменный уголь принимались смолистые, чернаго цвѣта сланцы. Только вблизи желѣзнодорожной станціи Вафаньянъ имѣются угольныя копи, которыя пріобрѣтены и уже разработываются китайской желѣзной дорогой. Въ настоящее время на Квантунѣ эксплуатируются изъ ископаемыхъ богатствъ лишь строительные матеріалы: камень, известь, глина и песокъ. Одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ на Квантунѣ составляетъ добываніе соли. Всѣ соленыя варницы расположены въ мелководныхъ морскихъ бухтахъ. По размѣрамъ добычи на первомъ мѣстѣ стоитъ Бицзиво, на варницахъ котораго, тянущихся на протяженіи почти десяти верстъ по берегу бухты, добыча соли можетъ быть до-

ведена до 1.460.000 пудовъ. Добываніе производится весьма примитивнымъ способомъ: оно заключается въ выпариваніи, при посредствѣ солнечныхъ лучей, морской воды, проведенной въ неглубокіе квадратные водоемы. Въ настоящее время цѣны на соль стоятъ слѣдующія, а именно: первый сортъ 3 коп. за пудъ, второй и третій сорта—по $1^1/_2$ коп. за пудъ. Главнѣйшими мѣстами вывоза соли служатъ китайскіе порта Шахэ-цзы, Хаушуганъ, Лунванмяо, Дадунгоу, Тагусанъ, Шанхай, Чифу и др., занятая нами территорія Квантуна и Корея. Перевозка соли производится на парусныхъ китайскихъ джонкахъ разныхъ размѣровъ въ насыпную. Цѣны на соль во Владивостокѣ—60—80 к.; въ Хабаровскѣ—1 р. 10 к.—1 р. 60 коп.; въ Благовѣщенскѣ —1 р. 60 к.—2 р. за пудъ.

V.

Фабрично-заводская промышленность.—Сухопутное сообщеніе.—Водные пути.—Телеграфы.—Китайская восточная дорога.—Пароходное сообщеніе Портъ-Артура съ Таліенваномъ.

Фабрично-заводская промышленность на Квантунѣ почти вовсе отсутствуетъ. Только одно маслобойное производство, въ видѣ добыванія бобоваго масла и полученія жмыховъ, какъ побочнаго при этомъ продукта, приняло значительные размѣры. Оно сосредоточилось въ городѣ Бицзиво, куда на имѣющіеся тамъ двѣнадцать заводовъ свозятся бобы изъ ближайшихъ мѣстностей русской части Квантуна и нейтральной зоны. Техническое состояніе заводовъ находится на весьма низкой степени. Бобовое масло употребляется въ пищу китайцами и вывозится въ значительномъ количествѣ сухимъ путемъ въ Манчжурію и моремъ въ города Портъ-Артуръ, Чифу, Шанхай, Тянь-цзинь и пр.

Мукомольное производство ограничивается въ настоящее время одной, недавно построенной, паровой мельницей, въ Портъ-Артурѣ, принадлежащей русско-подданному китайцу Тифонтаю. Работаетъ она исключительно для интендантскихъ надобностей. Годовая выработка ея составляетъ до 300.000 пудовъ. Вся потребность въ хорошаго качествѣ русской мукѣ удовлетворяется привозомъ ея изъ Одессы и Владивостока. Американская мука привозится изъ Чифу и Шанхая. Туземные жители размалываютъ зерно на маленькихъ мельницахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе животными. Мука при этомъ получается, конечно, низкаго достоин-

ства, но производство вполнѣ удовлетворяетъ неприхотливые вкусы туземцевъ. Изъ другихъ производствъ, о которыхъ не говорилось ранѣе, заслуживаетъ упоминанія лишь кожевенное. На кожевенныхъ заводахъ въ г. Бицзиво выдѣлывается кожа для домашняго обихода туземцевъ — сѣделъ, сбруи и пр., но въ случаѣ поступившихъ требованій, по спеціальнымъ заказамъ, изготовляются кожи болѣе высокихъ сортовъ.

Въ г. Бицзиво имѣется небольшой чугуно-литейный заводъ, на которомъ изготовляются земледѣльческія орудія туземныхъ типовъ и принадлежности для заводовъ, добывающихъ бобовое масло. Въ Портъ-Артурѣ также возникаютъ подобныя техническія учрежденія, находящіяся пока въ подготовительномъ періодѣ.

Въ 1899 г. открыта первая табачная фабрика. Другихъ заведеній, имѣющихъ характеръ фабрично-заводской промышленности, на Квантунѣ нѣтъ, и въ настоящее время не существуетъ условій для ихъ возникновенія. Трудно предвидѣть, чтобы въ этомъ отношеніи могли измѣниться обстоятельства въ ближайшемъ будущемъ, хотя урегулированіе условій по пріобрѣтенію земельныхъ участковъ въ собственность можетъ дать толчокъ и этому дѣлу.

Сухопутныя сообщенія производятся въ настоящее время по грунтовымъ дорогамъ, проложеннымъ для телѣгъ, и многимъ тропинкамъ, годнымъ для вьючныхъ животныхъ и пѣшеходовъ. Единственной болѣе удобной колесной дорогой представляется такъ называемая „мандаринская“ дорога, соединяющая Портъ-Артуръ съ Цзиньчжоу, отъ которой близъ послѣдняго пункта отходитъ вѣтка на Таліенванъ. Отъ Таліенвана дальше идутъ двѣ колесныя дороги: на портъ Адамсъ и Бицзиво. Кромѣ этихъ главныхъ дорогъ, пересѣкающихъ полуостровъ въ продольномъ направленіи, есть нѣсколько боковыхъ поперечныхъ, соединяющихъ болѣе важные пункты. Большинство этихъ путей настолько худо, что по нимъ почти невозможно движеніе даже двуколокъ. Въ гористыхъ участкахъ полуострова единственными путями сообщенія являются узкія тропинки. Масса пыли въ сухое время года, невылазная грязь въ періодъ дождей и обиліе камней по дорогамъ весьма затрудняютъ проѣздъ, приводятъ экипажи въ полную негодность и портятъ ноги упряжнымъ животнымъ. Всѣ вообще дороги прокладывались безъ всякаго плана, имѣя первоначально цѣлью соединить близлежащія селенія; — по этой причинѣ большія дороги извилисты, дѣлаютъ много ненужныхъ своротовъ и отклоняются отъ прямого направленія,

проходя черезъ встрѣчныя деревни. Состояніе дороги зависитъ отъ свойства почвы, по которой она пролегаетъ. Дорога, проходящая по мягкой глинѣ, постепенно приняла углубленную профиль, колеи глубоко врѣзались, и во время дождей она представляетъ собою корыто, наполненное жидкой грязью. На скатахъ горъ встрѣчаются каменистыя мѣста съ массою торчащихъ камней, а въ низинахъ попадаются участки—версты 2—3—рыхлаго песку. Но все-же самыми худшими участками дороги являются тѣ, гдѣ грунтъ состоитъ изъ камня и глины, размываемой во время дождей водой, на дорогѣ образуется рядъ выбоинъ и рытвинъ, а оголенные камни высоко торчатъ надъ полотномъ дороги, представляя серьезное препятствіе для экипажа и лошадей. Ширина дорогъ весьма неравномѣрна, отъ трехъ саженей до узкой канавы, по которой съ трудомъ можетъ проѣхать одна телѣга. Вообще всѣ дороги возлѣ селеній и у устья долинъ довольно широки, но чѣмъ дальше втягиваются въ горы, тѣмъ становятся ўже и къ перевалу, обыкновенно, переходятъ въ узкія тропы. Горныя тропинки также очень затруднительны для движенія, будучи усѣяны камнями и имѣя массу крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Ремонтъ здѣшнихъ дорогъ никогда не производился и никто не заботился объ ихъ улучшеніи. Въ особенности большія неудобства для движенія являются во время дождей, длящихся съ конца іюня до сентября мѣсяца. Въ такое время глубокая, липкая грязь толстымъ слоемъ покрываетъ дорогу, колеи превращаются въ цѣлые каналы жидкой грязи, на каждомъ шагу попадаются выбоины и острые камни, колеса то-и-дѣло уходятъ въ грунтъ, а передняя ось зачастую волокомъ идетъ по грязи, наталкиваясь на камни; лошади скользятъ, спотыкаются и часто падаютъ, не будучи въ состояніи вытащить засѣвшій въ грязь экипажъ. Крайне неудовлетворительное состояніе дорогъ на полуостровѣ объясняется сравнительно небольшой поверхностью его, обладаніемъ длинной береговой линіи, которая, хотя и не всюду удободоступна, но, тѣмъ не менѣе, допускаетъ возможность постояннаго сообщенія между прибрежными пунктами при помощи судовъ мѣстнаго типа. Вслѣдствіе этого не было большой необходимости въ проведеніи по полуострову хорошихъ дорогъ для движенія торговыхъ обозовъ, которые и въ настоящее время совсѣмъ не встрѣчаются. Устройство предполагаемой новой военной дороги изъ Портъ-Артура въ Портъ-Адамсъ, а тѣмъ болѣе строящаяся желѣзная дорога, значительно улучшатъ средства сообщенія. Проведеніе поперечныхъ колесныхъ путей въ

краѣ является желательнымъ, какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Средствами передвиженія грузовъ и людей на Квантунѣ являются особаго рода мѣстныя телѣги и вьюки. Телѣги раздѣляются по числу упряжныхъ животныхъ и количеству поднимаемаго груза на три рода: въ телѣги перваго рода запрягаютъ отъ 7 до 9 животныхъ, т.-е. муловъ, лошадей и ословъ, избѣгая быковъ; эти телѣги поднимаютъ отъ 90 до 120 пудовъ груза, но въ сухое время года, во время дождей или распутицы грузъ значительно убавляется; онѣ служатъ спеціально для перевозки кладей на болѣе дальнія разстоянія и даже за предѣлы полуострова до Чиньчжоу, Фучжоу, Иньꙗоу и даже Мукдена. Второго рода телѣги запрягаются 4—5 животными, служатъ большею частью для перевозки грузовъ между мѣстными торговыми пунктами, а также нанимаются въ работу въ городахъ, для подвоза строительныхъ матеріаловъ. Запряжка ихъ не такъ аккуратна, какъ первыхъ; въ эти телѣги часто впрягаютъ быковъ; подъемная ихъ сила отъ 40 до 70 пудовъ. Наконецъ, третій родъ телѣгъ—мѣстныя сельскія, запряжка которыхъ состоитъ изъ 3—4 животныхъ, имѣющихся въ хозяйствѣ, отчего нерѣдко можно видѣть въ одной упряжкѣ мула, корову, лошадь и осла. Служатъ эти телѣги для сельскихъ работъ и подвоза въ городъ разныхъ предметовъ хозяйства; поднимаютъ онѣ 30—40 пудовъ. Всѣ телѣги принадлежатъ къ одному типу и совершенно сходны по устройству, разница лишь въ размѣрахъ. Телѣга мѣстнаго производства двухколесная, весьма тяжела и неповоротлива. Основаніемъ ея служитъ деревянная рама, къ которой наглухо прикрѣплены двое короткихъ оглобель и тяжелый дощатый кузовъ. Два низшихъ колеса тоже соединены толстой деревянной осью, вращающейся вмѣстѣ съ ними. Самыя колеса устроены изъ дощатыхъ полукруговъ, которые вмѣсто спицъ соединяются двумя толстыми перекладинами. Ободъ обтянутъ составной желѣзной шиной, въ которую заколочено много гвоздей, скрѣпляющихъ шину съ колесомъ. Сбоку обода тоже посаженъ цѣлый рядъ гвоздей съ толстыми шляпками и заклепками, образующими какъ бы сплошную оковку. Рама съ кузовомъ кладется поверхъ оси и удерживается особыми полумуфтами, сдѣланными въ толстой деревянной накладкѣ, прикрѣпленной къ рамѣ. Запряжка обыкновенно состоитъ изъ коренника въ короткихъ оглобляхъ и пристяжекъ на уносахъ. Въ общемъ, все это неповоротливо, грубо и массивно. Благодаря громадной тяжести и узкимъ острымъ колесамъ, китайская телѣга страшно портитъ дороги,

глубоко врѣзываясь въ землю; колеса образуютъ колеи, изъ которыхъ трудно выбраться. Наша форменная двуколка, по сравненію съ китайской, легка на ходу, поворотлива и прочна, хотя имѣетъ и свои слабыя стороны. Главное неудобство ея при движеніи по здѣшнимъ испорченнымъ дорогамъ—это сравнительно широкій ея ходъ, отчего одно колесо идетъ по колеѣ, а другое все время катится по верху, наклоняя повозку на бокъ; другимъ неудобствомъ являются непомѣрно длинныя оглобли, повидимому разсчитанныя на большую, рослую лошадь, а не на мелкихъ, короткихъ забайкальскихъ и уссурійскихъ лошадокъ, отчего во время спуска съ горъ концы оглобель бьютъ лошадей по головѣ и мѣшаютъ имъ при поворотахъ. Во всякомъ случаѣ, наша двуколка, со всѣми ея недостатками, болѣе пригодна, нежели неуклюжая китайская телѣга, нашедшая себѣ многихъ сторонниковъ, благодаря своей прочности и на основаніи мнѣнія, что всякая телѣга туземнаго типа, выработаннаго долголѣтнимъ опытомъ, должна быть болѣе приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ. Но въ Китаѣ на каждомъ шагу встрѣчается масса такихъ несообразностей, которыя объясняются лишь рутиной и косностью китайца.

Кромѣ телѣгъ, для перевозки грузовъ встрѣчаются небольшія телѣжки съ крытымъ кузовомъ; спеціально для пассажировъ онѣ также на двухъ колесахъ, но значительно легче, и колеса не прикрѣплены къ осямъ. Запряжка такихъ телѣжекъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ муловъ: одного коренника и пристяжки на уносѣ впереди его. Въ городахъ для перевозки тяжестей употребляются тачки на одномъ колесѣ, возимыя людьми; такихъ тачекъ сравнительно мало, онѣ перешли къ намъ съ Шандуна. Тачка поднимаетъ около 15—17 пудовъ и довольно легка на ходу. Горные участки полуострова, гдѣ не можетъ пройти телѣга, пользуются исключительно вьюкомъ. Сѣдло и вьючныя приспособленія очень просты и легки. Сѣдло состоитъ изъ деревяннаго ленчика, на который кладется грузъ въ корзинахъ или же въ мѣшкахъ; мягкій грузъ, какъ-то мука и зерно, возится зачастую прямо безъ сѣдла, на спинѣ животнаго, хотя такой способъ нельзя признать удобнымъ при дальнихъ переходахъ. Животныя, употребляемыя для перевозки,—исключительно мѣстной породы мулы, лошади, ослы и быки; первые три идутъ какъ въ запряжкѣ, такъ и подъ вьюкъ, и подъ верхъ; быки же (а также и коровы)—исключительно лишь въ упряжи. Всѣ перечисленныя животныя, кромѣ быковъ, куются. Для этого употребляются гладкія, тонкія подковы безъ шиповъ; послѣдніе замѣняются большими

острыми шляпками подковочныхъ гвоздей. Способъ ковки довольно своеобразенъ: животное спутываютъ и устанавливаютъ между двумя столбами, соединенными перекладиной, на которой приподнимаютъ его слегка, а затѣмъ уже приступаютъ къ ковкѣ, употребляя для этого большею частью холодныя подковы. Мелкихъ животныхъ, какъ-тоословъ, путаютъ и куютъ, сваливши на землю. Подъ вьюкъ употребляются обыкновенно мулы и ослы, причемъ мулъ можетъ поднять на себя отъ 6 до 7 пудовъ, а оселъ—около 4 до 5 пудовъ. При своей подвижности, выносливости и неприхотливости въ пищѣ, ослы являются незамѣнимыми животными на Квантунѣ, и они могутъ быть съ пользой употребляемы при движеніи отрядовъ по горной мѣстности, гдѣ они съ успѣхомъ могутъ слѣдовать всюду, гдѣ прошелъ человѣкъ.

Количество перевозочныхъ средствъ, т.-е. число телѣгъ и животныхъ, годныхъ для упряжки и подъ вьюкъ, по отношенію численности населенія, незначительно. Распредѣленіе перевозочныхъ средствъ неравномѣрное: въ гористыхъ участкахъ телѣгъ нѣтъ совсѣмъ; онѣ сгруппированы у большихъ дорогъ и въ мѣстности, допускающей колесное движеніе. Вслѣдствіе рѣдкаго населенія въ горахъ, рабочаго скота тамъ очень мало. Приблизительно на 100 дворовъ приходится около 25—30 телѣгъ, что̀ составитъ всего около 7.000 телѣгъ на Квантунскій полуостровъ, причемъ большинство изъ нихъ приходится на сѣверную часть полуострова. Упряжныхъ и вьючныхъ животныхъ, въ случаѣ необходимости, можно собрать значительное количество, но это тяжело отозвалось бы на населеніи и его хозяйствѣ, такъ какъ излишка скота на Квантунѣ безусловно нѣтъ, и его хватаетъ лишь на мѣстныя надобности.

Нѣсколько горныхъ кряжей, со своими многочисленными отрогами, дробятъ Квантунскій полуостровъ на множество мелкихъ долинъ и ущелій, не давая возможности образоваться большимъ судоходнымъ или даже сплавнымъ рѣкамъ; существующія рѣчки, имѣющія большею частью видъ горныхъ потоковъ, даже въ своихъ низовьяхъ не пригодны для плаванія мелкосидящихъ лодокъ.

Въ Портъ-Артуръ и Таліенванъ приходитъ довольно значительное количество китайскихъ парусныхъ джонокъ, которыя доставляютъ грузы изъ китайскихъ портовъ: Шанхая, Чифу, Ньючжуана и Дадунгоу, причемъ изъ послѣдняго вывозится главнымъ образомъ лѣсъ, идущій на инженерныя и желѣзно-дорожныя постройки. При взглядѣ на карту Квантунскаго полуострова казалось бы, что по очертанію береговъ и, сравнительно съ его поверхностью, громадной береговой линіи, онъ долженъ бы

обладать хорошими морскими сообщеніями; но вслѣдствіе мелководья большинства бухтъ, а главнымъ образомъ за отсутствіемъ надобности, пароходное сообщеніе, въ настоящее время, существуетъ лишь между портами Артуромъ и Таліенваномъ. Остальные портà, за исключеніемъ Бицзиво, имѣютъ лишь мѣстное значеніе и служатъ для стоянки джонокъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ и каботажемъ.

Китайскія парусныя суда по величинѣ и устройству бываютъ двухъ родовъ: такъ называемыя джонки „минъ-чуанъ“ и „сампань“. Джонки поднимаютъ отъ 30 до 35 тысячъ пудовъ груза, и сообразно этому бываютъ одно-, двухъ- и трехъ-мачтовыя. Конструкція ихъ совершенно одинакова, за малыми видоизмѣненіями. Весь остовъ—изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, а обшивка—изъ плахъ, скрѣпленныхъ между собою желѣзными скобами и болтами. Дно совершенно плоское, съ приподнятой кормой и носомъ; палуба закрытая, съ нѣсколькими люками, запирающимися нàглухо во время волненія. Нѣкоторыя изъ джонокъ бываютъ раздѣлены непроницаемыми переборками на нѣсколько отдѣленій. Грузъ помѣщается въ трюмахъ, а также и на палубѣ, а перевозимыя бревна или брусья привязываются по обоимъ бортамъ джонки, чѣмъ выигрывается помѣстительность судна, но зато весьма замедляется его ходъ. По виду джонки неуклюжи, но въ дѣйствительности обладаютъ хорошими морскими качествами. Китайскіе моряки, хорошо ознакомленные съ качествами своихъ судовъ и существующими въ этихъ широтахъ вѣтрами, не задумываясь, пускаются за нѣсколько сотъ миль въ море, гдѣ оріентируются по звѣздамъ и компасу, съ которымъ вполнѣ ознакомлены. Благодаря плоскому дну, джонки имѣютъ доступъ почти во всѣ бухты, гдѣ онѣ остаются въ ожиданіи прилива, съ которымъ и уходятъ обратно. На случай штиля, а также для выхода изъ узкой гавани, заполненной судами, на каждой джонкѣ имѣется нѣсколько длинныхъ веселъ, выдвигаемыхъ съ бортовъ и съ кормы. Этими веслами не гребутъ, какъ обыкновенными, а вращаютъ изъ стороны въ сторону на прочномъ шпенькѣ, укрѣпленномъ въ борту, вслѣдствіе чего ихъ кривыя лопасти дѣйствуютъ на подобіе винта; къ весламъ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ дѣйствовать ими весьма тяжело. При большихъ джонкахъ имѣются небольшія плоскодонныя лодки для съѣзда на берегъ; во время хода онѣ обыкновенно подтягиваются на блокахъ и укрѣпляются на кормѣ. Экипажъ джонокъ состоитъ изъ 9—18 человѣкъ и помѣщается въ особыхъ, небольшихъ каютахъ, устроенныхъ въ трюмѣ; здѣсь же

имѣется очагъ для приготовленія пищи; на палубѣ укрѣплена большая бочка съ запасомъ воды. Снаряженіе джонокъ состоитъ изъ 2 или 3 четырехугольныхъ парусовъ, сдѣланныхъ изъ грубой ткани, а иногда изъ циновокъ. Второй видъ китайскихъ судовъ носитъ мѣстное названіе „сампань“: это—плоскодонныя лодки, поднимающія отъ 90 до 100 пудовъ груза, и бываютъ двухъ сортовъ: однѣ представляютъ собой небольшія лодки, служащія обыкновенно для перевозки пассажировъ съ берега на суда, а также для ловли устрицъ и рыбы вблизи береговъ; подъемная ихъ сила не болѣе 40—45 пудовъ. Ко второй категоріи относятся довольно большія лодки, на которыхъ производится рыбный промыселъ, для чего приходится иногда выѣзжать верстъ до 15—20 въ море; при каждой такой лодкѣ имѣется мачта и парусъ, а также два весла на случай штиля. Устройство лодокъ обоихъ родовъ почти одинаковое: дно плоское, носъ слегка приподнятъ, имѣется палуба съ прорубленнымъ люкомъ, который у лодокъ перваго типа довольно большой, съ устроенными сидѣніями, а у вторыхъ—гораздо меньше и, въ случаѣ непогоды, можетъ закрываться наглухо, чтобы его не заливало водой. Сидятъ онѣ въ водѣ, благодаря плоскому дну, лишь нѣсколько вершковъ, отчего могутъ всюду приставать.

Единственнымъ національнымъ средствомъ сообщенія Квантуна съ Европейскою Россіей служатъ пароходы „Общества добровольнаго флота“. Хотя многіе, въ особенности болѣе состоятельные люди предпочитаютъ пользоваться пароходами иностраныхъ линій, но главная масса русскихъ людей, ѣдущихъ моремъ, слѣдуетъ на судахъ „добровольнаго флота“, на которыхъ доставляются и всѣ россійскіе грузы. Портъ-артурское торговое сословіе, собиравшееся на сходы въ городской коммиссіи, неоднократно подавало заявленія и просьбы объ улучшеніи постановки дѣла „добровольнымъ флотомъ“ на мѣстѣ. Жалуются на чрезмѣрную продолжительность слѣдованія грузовъ изъ Одессы, вслѣдствіе невыгоднаго росписанія, по которому многіе пароходы минуютъ Портъ-Артуръ и завозятъ грузы во Владивостокъ, — на частыя неправильности въ сортировкѣ грузовъ, вслѣдствіе чего они завозятся въ чужіе портà,—на отсутствіе въ Портъ-Артурѣ спеціальной агентуры общества, завѣдываніе которой мѣстнымъ отдѣленіемъ русско-китайскаго банка не достигаетъ удовлетворительныхъ результатовъ; на высокую плату за выгрузку товаровъ, при дешевизнѣ чернорабочаго труда въ Портъ-Артурѣ; на неправильное взиманіе дополнительнаго сбора за

храненіе и за взысканіе полежалаго за грузы, не взятые своевременно получателемъ по винѣ самого агентства, и проч.

Мѣстное сообщеніе Квантуна съ портами Дальняго Востока поддерживается, болѣе или менѣе правильно, морскимъ пароходствомъ „Общества китайско-желѣзной дороги", обществомъ пароходства „Шевелевъ и К°" и нѣсколькими иностранными пароходами подъ германскимъ и норвежскимъ флагомъ, фрахтуемыми владивостокскою фирмою Кунстъ и Альберсъ. Сверхъ того, содержалъ правильные рейсы зафрахтованный военнымъ вѣдомствомъ пароходъ „Русскаго общества пароходства и торговли"— „Корниловъ". Кромѣ этихъ срочныхъ пароходовъ, Портъ-Артуръ посѣщаютъ время отъ времени грузовые пароходы разныхъ флаговъ и китайскіе военные транспорты, занимающіеся коммерческими перевозками.

Пароходство китайской желѣзной восточной дороги начало свои операціи въ сентябрѣ 1898 года, работая исключительно для нуждъ желѣзной дороги. Въ мартѣ 1899 года учреждено было отдѣльное отъ администраціи дороги управленіе этимъ пароходнымъ предпріятіемъ, и общество стало содержать шанхайскую и владивостокскую срочныя линіи, съ заходомъ въ Чифу, Тцинтай (Кіаочао) и Нагасаки, и, кромѣ того, мѣстные рейсы, довольно частые, между Артуромъ и Чифу, между Артуромъ и Таліенваномъ, а также несрочные рейсы въ Инькоу. Вначалѣ пароходы ходили подъ китайскимъ флагомъ, но впослѣдствіи, съ 18 марта 1899 года, подняли какъ подобаетъ, русскій флагъ. Пароходовъ имѣется восемь. Пароходное предпріятіе китайской восточной желѣзной дороги—дѣло новое и не могло еще стать въ надлежащее, крѣпкое положеніе въ смыслѣ организація срочнаго, вполнѣ правильнаго сообщенія, а потому не избѣжало нареканій на нерегулярность движенія, неустроенность, высоту фрахтовъ (напр. за тонну изъ Шанхая въ Портъ-Артуръ восемь долларовъ) и пр., но во всякомъ случаѣ, появленіе пароходовъ общества весною 1899 года значительно оживило морскія сообщенія, въ особенности съ ближайшимъ портомъ Чифу и съ Таліенваномъ. Общество пароходства китайской восточной желѣзной дороги оказало большую помощь въ трудную минуту экстреннаго передвиженія 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка изъ Таліенвана въ Портъ-Артуръ, и притомъ безплатно.

Сообщеніе Портъ-Артура съ Таліенваномъ морскимъ путемъ весьма удобно, но долгое время невозможно было установить правильные рейсы. Весь 1898 годъ сообщеніе это поддерживалось военнымъ портовымъ судномъ „Силачъ", возившимъ почту

пассажировъ безплатно. Затѣмъ старались установить срочное коммерческое пароходство, и дѣйствительно удалось поставить на эту линію небольшой пароходъ гонконгской фирмы „Бисмаркъ и К°", подъ китайскимъ флагомъ. Но предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ и вскорѣ прекратилось. Тутъ-то и явилось пароходство китайской восточной желѣзной дороги, небольшіе пароходы котораго стали держать довольно частые и правильные рейсы между Портъ-Артуромъ и Таліенваномъ и случайные между Портъ-Артуромъ и Дальнимъ, Таліенваномъ и Дальнимъ. Тогда же „Силачъ" прекратилъ свои рейсы.

Пароходы общества „Шевелевъ и К°" содержатъ довольно рѣдкіе рейсы между Владивостокомъ и Шанхаемъ, съ заходомъ въ Портъ-Артуръ и попутные японскіе и корейскіе портà.

Въ свяви съ пароходствомъ находится вопросъ о пользованіи портомъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. о мѣстахъ для причала пароходовъ и судовъ вообще. Въ Портъ-Артурѣ, единственномъ портѣ Квантуна, въ которомъ сосредоточена вся торговля и всѣ сообщенія морскимъ путемъ, береговая полоса со всѣми сооруженіями состоитъ въ вѣдѣніи морского вѣдомства, которое и смотритъ на портъ какъ на учрежденіе военно-морское, гдѣ коммерческое пароходство лишь терпимо. На этомъ основаніи впускъ срочныхъ и несрочныхъ коммерческихъ пароходовъ въ восточный бассейнъ обусловленъ разрѣшеніемъ, каждый разъ, портоваго начальства, причемъ, на основаніи опубликованныхъ правилъ, самый входъ въ портъ, къ пристани, постороннимъ лицамъ воспрещенъ безъ особаго каждый разъ разрѣшенія. Такой порядокъ несомнѣнно отражается вредно на торговыхъ дѣлахъ Портъ-Артура, и мѣстное купечество, на сходѣ 12 іюня прошлаго года, заявило претензію, что только пароходы „Добровольнаго флота" и „Компаніи Шевелева" имѣютъ преимущество пользованія пристанью въ восточномъ бассейнѣ; другіе же пароходы, на которыхъ желательно полученіе грузовъ, не допускаются къ ошвартовыванію, въ виду чего купечество ходатайствовало объ отводѣ городу пристаней, каковое ходатайство поддержано было городской коммиссіей. Пароходство китайской восточной желѣзной дороги пользуется небольшою пристанью внѣ бассейна, почему и находится, сравнительно, въ лучшихъ условіяхъ, хотя пристань эта слишкомъ мала для потребностей общества, и управленіе неоднократно заявляло о неудобствахъ, сопряженныхъ съ запрещеніемъ хотя бы временной выгрузки и временнаго склада желѣзно-дорожнаго груза на портовой территоріи, чѣмъ создано крупное затрудненіе для дѣла постройки желѣзной дороги. Хотя Портъ-Артуръ есть

и будетъ портъ по преимуществу военный, но жизнь требуетъ своихъ правъ, и казалось бы настоятельно необходимымъ придти на помощь мѣстнымъ потребностямъ единственнаго пока—и на продолжительное еще время—коммерческаго порта Квантуна и дать ему нормальную коммерческую организацію, урегулировавъ отношенія къ военному порту.

Длина линіи китайской восточной желѣзной дороги на территоріи русскаго Квантуна составляетъ 106 верстъ, не считая портовой вѣтви въ Артурѣ, протяженіемъ въ $2^{1}/_{2}$ версты, строящейся вѣтви къ порту Дальнему, протяженіемъ въ 17 верстъ, и вѣтви къ старому Таліенвану, въ $5^{1}/_{2}$ верстъ. 11-го октября былъ сомкнутъ путь между Таліенваномъ и Инькоу-Ляояномъ, а 13-го ноября—путь между Таліенваномъ и Портъ-Артуромъ; 14-го ноября вышелъ изъ Портъ-Артура первый сквозной поѣздъ. Путь еще не балластированъ и мѣстами линія проложена временно. Для поддержанія порядка между рабочими по линіи строящейся дороги, въ предѣлахъ Квантуна, была учреждена, по просьбѣ начальника южнаго отдѣленія, особая полицейская стража изъ китайцевъ, которая, подчиняясь общему вѣдѣнію гражданской администраціи полуострова, находится въ непосредственномъ распоряженіи начальства постройки и содержится на счетъ дороги.

Почтовая контора открыта въ Портъ-Артурѣ въ апрѣлѣ 1898 года, причемъ первые дни пріемъ производился во дворикѣ фанзы, подъ открытымъ небомъ; затѣмъ для конторы было отведено военнымъ вѣдомствомъ временное помѣщеніе, приспособленное для означенной цѣли. До конца февраля прошлаго года вся почтовая операція на всемъ Квантунскомъ полуостровѣ производилась однимъ начальникомъ портъ-артурской конторы, при помощи двухъ почтальоновъ и командированныхъ двухъ писарей. Для разноски корреспонденціи назначаются и понынѣ посыльные отъ гарнизона. Не дожидаясь разрѣшенія возбужденнаго вопроса объ изысканіи болѣе скорыхъ направленій для отправки и полученія въ Портъ-Артурѣ корреспонденціи отъ почтоваго начальства, а основываясь на обмѣнѣ соображеній начальника конторы съ начальниками русскихъ почтовыхъ конторъ въ Чифу и Шанхаѣ о возможности отправлять корреспонденцію на иностранныхъ судахъ въ Европейскую Россію, таковая направлялась изъ Портъ-Артура чрезъ Чифу и Шанхай на Одессу. Корреспонденція изъ Европейской Россіи получается въ Портъ-Артурѣ въ 35—42 дня, между тѣмъ какъ чрезъ Владивостокъ корреспонденція получается черезъ 62—80 дней, а денежная—и до 97 дней. Дѣятельность почтовой конторы по отправкѣ и полученію коррес-

понденціи, за время съ 16-го апрѣля 1898 года по сентябрь мѣсяцъ прошлаго года, выразилась слѣдующими цифровыми данными: отправлено корреспонденцій 172.797, на сумму 2.289.257 руб. Въ виду постоянныхъ заявленій жителей о необходимости денежныхъ переводовъ по почтѣ и о принятіи денегъ на храненіе, таковыя операціи и были открыты въ Портъ-Артурѣ. Развитію сберегательной кассы сильно препятствуетъ невозможность получать вклады тотчасъ же по заявленію, и необходимость ожиданія высылки денегъ изъ Владивостока. Относительно телеграфнаго сообщенія дѣятельность почтовой конторы выразилась въ пріемѣ телеграммъ и отправленіи ихъ почтой во Владивостокъ, со всякимъ отходящимъ туда пароходомъ, для дальнѣйшаго отправленія по телеграфу, что очень удешевило жителямъ Квантуна телеграфное сообщеніе, которое, при пользованіи китайскимъ телеграфомъ, было сильно затруднено крайне высокой платой—по 1 руб. 20 коп. за слово. За время съ марта по сентябрь мѣсяцъ отправлено 1.015 телеграммъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ штатъ почтовой конторы въ Портъ-Артурѣ прибыли три чиновника и два почтальона, но все-таки пришлось оставить прикомандированныхъ нижнихъ чиновъ, ибо штата этого далеко не достаточно. Дѣятельность начальника конторы Поспѣлова выше всякой похвалы. Въ Таліенванѣ открыта почтовая контора 1-го мая прошлаго года, причемъ туда были назначены два чиновника, три почтальона и даны въ помощь военнымъ вѣдомствомъ одинъ писарь и одинъ посыльный. Вскорѣ послѣ открытія этой конторы было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи пріема телеграммъ, съ пересылкою ихъ почтою во Владивостокъ, и введенія ссудо-сберегательной операціи. Главную работу таліенванской почтовой конторы доставлялъ возникающій городъ Дальній, и въ меньшей степени Таліенванъ. Въ виду предстоящаго вывода изъ Таліенвана большей части войскъ при перенесеніи кордонной линіи къ югу, оставленіе въ немъ почтовой конторы теряло значеніе, а потому она была переведена по другую сторону бухты, въ г. Дальній, гдѣ и окажется внутри кордонной линіи.

Больнымъ мѣстомъ для Квантуна является крайняя дороговизна телеграфнаго сообщенія по проводамъ иностранныхъ компаній, которыми, по необходимости, приходится пользоваться, если нежелательно избѣжать значительной проволочки во времени при передачѣ депешъ почтой во Владивостокъ. Легко себѣ представить тяжелое нравственное положеніе людей, имѣющихъ дорогихъ и близкихъ лицъ или серьезные интересы въ Россіи, при условіи, что ничтожная, въ нѣсколько словъ, телеграмма

стоитъ десятки рублей, а пересылка дешевыхъ телеграммъ черезъ Владивостокъ требуетъ цѣлыхъ недѣль, а иногда мѣсяца и болѣе. Надежда на улучшеніе этихъ условій, при посредствѣ телеграфа китайской восточной дороги, можетъ осуществиться еще не такъ скоро, хотя работа въ этомъ направленіи, попутно съ другими желѣзно-дорожными работами, ведется весьма энергично.

Къ сооруженію телеграфа китайской восточной желѣзной дороги приступлено въ концѣ сентября 1898 года, въ предѣлахъ Квантуна. Работы начались отъ бухты Викторія-бей и поведены одновременно въ двухъ направленіяхъ: на югъ—къ Портъ-Артуру и на сѣверъ—на Инькоу. Нѣсколько позже, а именно въ концѣ октября, начата постройка телеграфа отъ порта Инькоу на сѣверъ, по направленію къ Харбину. 16-го апрѣля 1899 года, около города Чантафу, произошла смычка иньkoусской и харбинской партій построекъ, а черезъ нѣсколько дней открылось дѣйствіе телеграфа. Въ предѣлахъ Квантуна телеграфъ восточной желѣзной дороги проходитъ на протяженіи 106 верстъ, не считая боковыхъ вѣтокъ на Викторія-бей, протяженіемъ 17 верстъ, и на Таліенванъ, протяженіемъ всей телеграфной линіи съ воздушнымъ переходомъ чрезъ рѣку Сунгари — около 900 верстъ, безъ вѣтокъ. При большомъ, затрудняющемъ надзоръ протяженіи линіи и не всегда благожелательномъ настроеніи туземныхъ жителей,—въ особенности въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Хайчена, за предѣлами русскаго Квантуна,—процентъ поврежденій, происходящихъ отъ умышленной порчи, довольно высокъ. Пріемъ частной корреспонденціи допускается за плату, временно, только отъ лицъ, служащихъ въ обществѣ китайской восточной желѣзной дороги. Первое время по открытіи дѣйствій телеграфа, ощущался недостатокъ въ телеграфистахъ, и генералъ Суботичъ командировалъ девять телеграфистовъ изъ состава саперной роты, находящихся и нынѣ на желѣзно-дорожной службѣ; этимъ дѣлу была оказана важная помощь. Для работъ переноса, ремонта и оборудованія линіи въ предѣлахъ Квантуна было командировано двадцать стрѣлковъ, изъ которыхъ нынѣ, по заявленію телеграфнаго начальства, выработались десятники, весьма полезные для надзора за китайскими рабочими, способные вполнѣ основательно показать и объяснить неопытному рабочему, что̀ отъ него требуется.

А. Хвостовъ.

ТРИЛОГІЯ гр. А. К. ТОЛСТОГО

какъ

НАЦІОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДІЯ

Прошло то время, когда мы, засматриваясь на литературныя богатства нашихъ сосѣдей, испытывали оскорбительное для нашего самолюбія, острое чувство зависти. Конечно, и въ наше время мы все еще перелистываемъ Шекспира, Гёте, Байрона, Шиллера, съ сердцемъ не совсѣмъ отъ этого чувства свободнымъ; но стòитъ намъ только вспомнить, съ какимъ уваженіемъ у насъ произносятся теперь имена Тургенева, Толстого, Достоевскаго,—и сознаніе одержанной нами культурной побѣды должно смягчить то ощущеніе зависимости, которое почти всегда сопровождаетъ нашу мысль о Западѣ.

Надо помнить, однако, что несмотря на всѣ комплименты, какіе намъ расточаютъ подчасъ наши сосѣди, они въ душѣ считаютъ насъ все ещe варварами,—правда, даровитыми варварами, которымъ иногда снятся удивительно поэтичные сны, и которымъ случается иной разъ высказать очень глубокія мысли. И дѣйствительно, поэтическое чувство и порой глубокая мысль—единственное оружіе, которымъ наша русская культура прокладываетъ себѣ дорогу на Западъ,—оружіе, не подверженное случайной порчѣ и оружіе мирное. Мы начали этотъ мирный захватъ Европы, той самой Европы, которая всегда такъ опасалась нашихъ военныхъ захватовъ.

Между нами и сосѣдями начинаетъ теперь устанавливаться все бòльшая и бòльшая нравственная и умственная солидарность, и наши писатели, отражая въ своихъ произведеніяхъ рус-

скую жизнь, въ то же время становятся истолкователями общемірового смысла жизни. Романъ изъ русской жизни сталъ теперь важной страницей всеобщей исторіи, тогда какъ еще недавно онъ былъ лишь разсказомъ о томъ, что̀ творилось въ одномъ малозамѣтномъ и малокультурномъ уголкѣ человѣческой жизни.

Но если нашъ романъ за послѣднее полстолѣтіе поднялся на такую высоту, при которой отраженная имъ жизнь пріобрѣтаетъ общемировое значеніе, то объ иныхъ формахъ нашего художественнаго творчества нельзя сказать того же. Въ особенности бросается въ глаза то второстепенное значеніе, какое въ развитіи міровой литературы имѣетъ наша драма и, главнымъ образомъ, наша трагедія.

Наша драма отстала значительно отъ романа; въ ней нѣтъ того глубокаго философскаго, психологическаго и общественнаго смысла, которымъ такъ силенъ нашъ романъ, и театральные подмостки на серьезныя волненія нашего ума и сердца отзываются очень глухо. Быть можетъ, въ этомъ виновата случайность, т.-е. отсутствіе сильнаго таланта; быть можетъ, виноваты внѣшнія стѣсненія, для театра гораздо болѣе чувствительныя, чѣмъ для печатной книги; быть можетъ, театръ самъ по себѣ не допускаетъ такой полноты отраженія жизни и такого проникновенія въ ея глубь, какъ повѣсть, въ которой писатель и описываетъ, и изображаетъ, и разсуждаетъ—но фактъ несомнѣненъ: наша драма, для Запада не существующая, представляетъ и въ нашей жизни культурную и соціальную силу наименьшаго значенія и размаха.

Еще болѣе знаменателенъ тотъ фактъ, что наша русская жизнь не произвела ни одной истинно великой трагедіи—трагедіи съ общечеловѣческимъ смысломъ. Объяснять отсутствіе такой трагедіи причинами случайными едва ли возможно; есть нѣчто въ общемъ ходѣ нашей жизни, что̀ не́ позволило нашимъ талантамъ стать на ту высоту трагическаго міропониманія, которой достигали подчасъ избранные умы и геніи, вышедшіе изъ иной среды, чѣмъ наша. Такимъ именамъ, какъ Эсхилъ, Софоклъ, Данте, Кальдеронъ, Шекспиръ, Гёте, намъ противопоставить некого. У насъ, правда, есть художники, которые, какъ таковые, могутъ претендовать на духовное родство съ этими міровыми геніями, и Пушкинъ по силѣ объективнаго возсозданія жизни тотъ же Шекспиръ, т.-е. всѣ его типы столь же жизненны, какъ и типы Шекспира, и столь же общечеловѣчны; не отнимемъ мы такого художественнаго общемірового значенія и

смысла и у тѣхъ историческихъ и современныхъ образовъ, съ которыми мы такъ сжились въ эпопеяхъ Л. Толстого, и, наконецъ, мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что религіозно-мистическое міровоззрѣніе Достоевскаго по своей глубинѣ и своему художественному воплощенію роднитъ нашего писателя, какъ мыслителя и поэта, и съ Данте, и съ Кальдерономъ. Во всякомъ случаѣ, мы ясно показали, какую глубь и широту поэтическаго міросозерцанія способенъ иной разъ обнаружить нашъ геній, и если мы видимъ, что въ этомъ міросозерцаніи нѣкоторыя стороны жизни неполно поняты или слабо выражены, то причина этого кроется не въ слабости духовныхъ силъ народа.

Къ числу тѣхъ сторонъ человѣческой жизни, которыя очень слабо оттѣнены и обобщены въ нашемъ поэтическомъ міросозерцаніи, относится и трагическій смыслъ бытія вообще—тотъ самый смыслъ, который издавна тревожилъ человѣческій умъ и фантазію и который находилъ себѣ художественное выраженіе въ истинной „высокой" трагедіи—философской, религіозной и символической. Трагическое пониманіе міропорядка, которое раскрывается передъ нами въ „Прометеѣ", въ „Орестейѣ", въ „Божественной Комедіи", въ драмѣ „Жизнь есть сонъ", въ „Гамлетѣ", въ „Фаустѣ", нами, конечно, такъ же усвоено, какъ усвоено многое, чему мы у сосѣдей учились. Но этотъ скорбный итогъ мірового процесса, итогъ не безнадежный, а только лишь трагичный, для насъ пока—предметъ изученія и удивленія; въ немъ нѣтъ ничего нашего, ничего такого, что̀ вытекло бы изъ историческаго нашего опыта, было бы нами продумано, прочувствовано и, главное, выстрадано. Поэтому до созданія истинной трагедіи нашъ поэтическій геній и не возвысился, хотя трудно найти національный характеръ и народный образъ мыслей, болѣе склонный оттѣнять въ жизни именно ея печальную сторону, чѣмъ умъ и темпераментъ русскій. Сто̀итъ бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на исторію нашего самосознанія, какъ оно отразилось въ нашей словесности, чтобы увидать, насколько въ общемъ сознаніе зла, страхъ передъ нимъ и скорбь о немъ перевѣшиваютъ въ насъ довольство той наличной суммой добра, которую мы вокругъ себя находимъ. Тоска по лучшему, разочарованіе въ настоящемъ, безпощадный самоанализъ и самоосужденіе, разныя формы скептицизма—все это нами извѣдано и испытано не хуже другихъ, и если, въ силу нѣкоторыхъ особенностей нашей гражданской жизни, мы во внѣшнемъ выраженіи этихъ печальныхъ, а частью гнѣвныхъ чувствъ, обязаны

соблюдать извѣстную мѣру, то такое воздержаніе въ словахъ не наноситъ ущерба глубинѣ самаго чувства и мысли.

Какъ бы то ни было, но въ нашемъ характерѣ и умѣ достаточно печали и грусти: на нихъ можно было бы построить цѣлое философское міросозерцаніе и народный геній могъ бы найти въ себѣ силу втѣснить это міросозерцаніе въ рамки художественной символической трагедіи.

Но такой трагедіи наша фантазія не создала, хотя мы къ этого рода творчеству не оставались равнодушны. Мы ревностно переводили греческую трагедію и передѣлывали ее; мы заимствовали у Франціи ея классическую трагедію и рядили ее также въ русскіе костюмы. Переводили мы прилежно и драмы Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона; не жалѣли труда и на переводы произведеній второстепенныхъ драматурговъ,—однимъ словомъ, мы обнаружили большую любовь къ драматическому и трагическому въ искусствѣ, въ особенности во времена пылкаго романтизма. Но самимъ намъ не удалось создать истинной трагедіи высокаго стиля. Этотъ пробѣлъ не заполненъ и понынѣ.

Надо думать, что время для такой философской трагедіи русской еще не наступило, и не наступило потому, что мы пока еще не обогатили исторію ни одной истинно трагической страницей, которая освѣтила бы съ новой стороны драму міровой жизни. Слишкомъ много у насъ еще впереди, чтобы останавливаться въ раздумьи передъ общимъ смысломъ того, что̀ есть жизнь въ ея конечномъ цѣломъ, и какой цѣной она покупается.

Во всей печали и грусти, которой бываетъ иногда такъ переполнено наше сердце, гораздо больше негодованія, чѣмъ смиренія передъ зломъ, гораздо больше затаенной надежды, чѣмъ отказа отъ нея, и гораздо больше вѣры въ себя, чѣмъ покорности передъ неизбѣжностью. Все это вполнѣ понятно въ народѣ, который цѣлые вѣка только готовился къ сознательной жизни и потомъ съ необычайной быстротой сталъ усвоивать то, надъ чѣмъ другіе народы цѣлые вѣка думали. Очень многое—въ формѣ ли умозрительной истины, или въ формѣ облеченнаго въ образъ чувства, далось намъ безъ труда, почти что даромъ. Цѣна, которой такія мысли и чувства оплачиваются, осталась намъ неизвѣстна, и намъ самимъ еще не пришлось быть свидѣтелями или участниками событій, которыя своимъ трагизмомъ навели бы насъ на эти мысли и пробудили бы въ насъ эти чувства. Дѣйствительно, нужно было изжить цѣлую блестящую цивилизацію, вѣками слагавшуюся, сочетавшую необычайно тонко развитое эстетическое чувство съ глубокой философской мыслью

и съ эстетической религіей, цивилизацію, богатую самыми разнообразными формами гражданскаго и политическаго порядка,—надо было изжить такую цивилизацію, чтобы создать „Прометея" или „Эдипа царя", и въ этихъ трагедіяхъ показать, какими страданіями искупается каждый шагъ прогресса и какъ ничтоженъ человѣкъ даже въ тѣ минуты, когда мнитъ себя всемогущимъ. Надо было выстрадать всю трагедію христіанства, присутствовать при крушеніи античнаго міра, преклониться передъ подвигами и самоистязаніемъ новой вѣры и, наконецъ, увидать все то же всемогущее зло, какъ оно въѣлось въ міровой порядокъ,—надо было все это испытать, чтобы въ „Божественной Комедіи" Данте или въ драмахъ Кальдерона символизировать единоборство добра и зла и утѣшать людей—какъ утѣшалъ ихъ и авторъ „Прометея"—картиной конечнаго торжества того, что̀ они считаютъ и добрымъ, и святымъ, и справедливымъ. Такъ же точно нужно было быть свидѣтелемъ торжества критической свободной мысли, подо все подкапывающейся, не останавливающейся передъ традиціями религіозными, нравственными и философскими; нужно было испытать на себѣ власть свободнаго чувства, чтобы создать „Гамлета" и въ этой интимной исповѣди признаться, какъ все-таки скованы и чувство, и умъ, и воля человѣка. Чтобы сдѣлать то же признаніе въ „Фаустѣ", съ безпощаднымъ разоблаченіемъ вѣчной неудовлетворенности человѣческаго ума и сердца, чтобы изобразить эти истинно Танталовы муки человѣческаго духа и въ концѣ концовъ опять сказать ободряющее слово—для этого нужно было прожить XVIII-ый вѣкъ, содрогнуться передъ самохвальствомъ человѣческаго ума, понять всю тщету минутнаго удовлетворенія и сгорѣть отъ любви къ человѣку—слабому и ограниченному въ средствахъ, но неудержимо стремящемуся къ высшей цѣли. Наконецъ, чтобы имѣть и право, и силу, сказать людямъ, насколько они далеки отъ того идеала, ради котораго они готовы всѣмъ пожертвовать, насколько опрометчива ихъ вѣра въ свой умъ и свое доброе сердце, какъ легко для нихъ паденіе съ высоты въ грязь, какъ они слабы, жалки, ничтожны и презрѣнны,—чтобы сказать все это не голословно, а рѣчью карающаго и плачущаго пророка,—для этого нужно было выстрадать всю великую трагедію конца XVIII вѣка и видѣть воочію, какъ временно погасъ ореолъ, окружающій святое имя человѣка.

Мы, русскіе, ничего подобнаго не видали, не испытали, не передумали и не выстрадали. Все это великое и трагическое въ жизни человѣчества было намъ пересказано и истолковано,

какъ быль изъ жизни иныхъ временъ и иныхъ народовъ, для насъ чуждыхъ. Когда эти народы проходили черезъ самые критическіе моменты своего развитія и когда на ихъ исторіи можно было учиться трагизму жизни, мы были еще варвары или полуцивилизованные люди: жить одной жизнью съ Европой мы начали лишь сравнительно очень недавно.

Мы были, такимъ образомъ, лишь отдаленными зрителями великой міровой драмы. Что же касается нашего собственнаго историческаго опыта за всю нашу жизнь, то особенно выдающихся моментовъ, оттѣняющихъ идейный трагическій смыслъ бытія, въ немъ почти что не было. Правда, мы пережили долгіе годы борьбы, труда и лишеній; но все это были годы такой напряженной и несложной будничной работы надъ самими собой и для себя самихъ, которая оставляла мало времени для раздумья надъ вопросомъ, каковъ конечный философскій смыслъ совершающагося историческаго процесса.

Но если эта повседневная малоидейная работа помѣшала намъ обнаружить скорбную, но примиряющую мудрость, какой проникнута философская трагедія античная, средневѣковая и новая, то все-же и въ нашей жизни могли найтись минуты грозныя и возвышенныя, и онѣ могли послужить художнику матеріаломъ если не для общеміровой трагедіи, то по крайней мѣрѣ для трагедіи національной.

На Западѣ мы имѣемъ очень много примѣровъ такихъ трагедій съ чисто національнымъ содержаніемъ. Къ ихъ числу надо, напримѣръ, отнести почти весь репертуаръ античнаго театра, всѣ эти драматизированныя эпопеи, миѳы, легенды и страницы исторіи; всѣ историческія хроники Шекспира относятся къ этому роду творчества; сюда же можно зачислить и французскій классическій театръ, поскольку онъ является не простымъ подражаніемъ, а отраженіемъ современной французской жизни; драмы Гёте „Гецъ“ и „Эгмонтъ“, „Разбойники“, „Телль“ и „Валленштейнъ“ Шиллера, драмы Альфьери, Сильвіо Пеллико, Казиміра Делавиня, романтическій театръ Гюго и Дюма-отца могутъ быть также отнесены къ числу этихъ трагедій, въ которыхъ зритель сталкивался со своими предками и современниками въ самыя трагическія минуты ихъ личной и преимущественно національной жизни.

Наши русскіе писатели дѣлали также неоднократныя попытки создать такую національную трагедію. Сюжеты для нея поставляла наша древняя исторія, нерѣдко народныя преданія или историческія легенды. Но въ этой старинѣ, какъ мы знаемъ,

истиннаго трагизма было не много, и потому приходилось его выдумывать. Вотъ почему въ нашей національной трагедіи придуманное и присочиненное всегда преобладало надъ истинно-народнымъ, вычитаннымъ художниками изъ самой жизни. Начиная съ трагедій Сумарокова, этихъ первыхъ попытокъ найти трагическое въ русской жизни, кончая въ наше время сочиненными историческими драмами, условность и подражаніе—отличительныя черты такихъ произведеній. Ни глубокой самобытной русской идеи, ни вѣрныхъ типовъ, ни народныхъ чувствъ съ ихъ національными особенностями не встрѣтимъ мы въ этихъ трагедіяхъ, изъ которыхъ немногія имѣютъ, впрочемъ, извѣстныя, но чисто внѣшнія достоинства.

Историкъ русскаго театра долженъ, однако, остановиться на двухъ попыткахъ, сдѣланныхъ въ этотъ родѣ, и, пожалуй, единственныхъ, въ которыхъ трагическое въ нашей національной жизни уловлено болѣе или менѣе вѣрно.

Первая изъ нихъ при своемъ появленіи возбудила большой восторгъ—то былъ „Борисъ Годуновъ" Пушкина, увидѣвшій свѣтъ въ самые романтическіе годы нашей словесности, когда мы такъ желали имѣть самобытную трагедію съ яркой печатью истинной народности. Этимъ требованіямъ „Борисъ Годуновъ" удовлетворялъ лишь отчасти. Что изъ всѣхъ нашихъ трагедій эта была самая художественно законченная—объ этомъ не можетъ быть спора. Она выдѣлялась своими литературными достоинствами, и планировкой сценъ, и живостью діалога, и языкомъ, въ которомъ такъ удачно новое слито съ архаическимъ. „Борисъ Годуновъ" можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ драматизированной эпопеей старины. Но эта драма все-таки трагедія изъ жизни единичнаго лица, а не трагедія жизни народной. Художникъ стремился не столько выразить трагическую идею нашей жизни въ эпоху царствованія Бориса, сколько занятъ былъ душой преступника, для котораго наступалъ день возмездія. Такая постановка драматическаго дѣйствія можетъ быть очень трагична, и въ „Борисѣ" трагизма много, но личность преступника какъ-то совсѣмъ заслоняетъ собой личность царя и ту идею власти, которую онъ воплощаетъ.

Итакъ, драму Пушкина едва ли можно признать за вполнѣ удавшійся опытъ русской національной трагедіи, т.-е. такой, въ которой національныя черты характера и народное міросозерцаніе давали бы себя чувствовать. Если предъявлять національной трагедіи именно эти требованія, то во всей нашей драма-

тической литературѣ только одна „Трилогія" А. К. Толстого можетъ—до извѣстной степени—имъ отвѣтить.

„Трилогія", какъ вообще многое, что писано А. Толстымъ, совсѣмъ не оцѣнена по достоинству. Критика неохотно бралась за ея оцѣнку, и когда на это рѣшалась, то въ большинствѣ случаевъ выносила приговоръ очень строгій.

Отыскать слабыя стороны въ драмахъ А. Толстого—не трудно. Но если на эти же драмы посмотрѣть, какъ на первый опытъ и притомъ рѣшительный и смѣлый опытъ художника, не имѣвшаго ни предшественниковъ, ни сотрудниковъ въ своей работѣ, то „Трилогію" А. Толстого придется признать однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нашей словесности, несмотря на многое неоригинальное въ драматическихъ положеніяхъ ея дѣйствующихъ лицъ. Но при оцѣнкѣ историческаго значенія „Трилогіи", и при опредѣленіи того единственнаго въ своемъ родѣ мѣста, которое она занимаетъ въ нашемъ драматическомъ репертуарѣ,—нѣтъ необходимости особенно подробно вникать въ ея техническія несовершенства и ошибки, неизбѣжныя при всякомъ трудѣ надъ новымъ матеріаломъ или надъ новымъ способомъ его обработки.

Авторъ не пріискивалъ, впрочемъ, новаго матеріала. Онъ взялъ старый, достаточно уже разработанный,—взялъ не затѣмъ, чтобы облегчить себѣ работу, а потому, что во всей нашей исторіи, древней и новой, этотъ историческій матеріалъ представлялся наиболѣе интереснымъ и удобнымъ для обработки въ формѣ трагедіи. На эпоху царя Ивана Васильевича Грознаго, на царствованіе Годунова и на Смутное время было издавна обращено вниманіе нашихъ писателей. Еще задолго до А. Толстого вся фактическая сторона этихъ тревожныхъ лѣтъ нашей исторіи была использована въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ, написанныхъ и въ классическомъ, и въ сентиментальномъ, и въ романтическомъ стилѣ. Но никто до А. Толстого не давалъ этому матеріалу такого идейнаго освѣщенія, и никто, обработывая его, не съумѣлъ такъ выдвинуть на первый планъ одну изъ самыхъ трагическихъ идей нашей русской жизни.

Дѣйствительно, эпоха царствованія Іоанна Грознаго и послѣдующіе за ней смутные годы—самая драматичная эпоха нашей исторической жизни. Трудно найти другую, въ которой было бы столько движенія и, главное, разнообразія въ движеніи, и которая была бы такъ богата типами со столь рѣзкой инди-

видуальностью, какъ почти всѣ дѣятели этой эпохи. Это—періодъ очень сильнаго соціальнаго броженія въ нашемъ обществѣ и потому эпоха довольно откровеннаго обнаруженія національныхъ самобытныхъ чувствъ и понятій.

Въ богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ, который давали эти годы драматургу, А. Толстой остановилъ свое вниманіе на одной, едва ли не на самой трагической идеѣ нашей жизни, именно на идеѣ царской власти, проявляющейся въ единой внѣшней формѣ, при всемъ разнообразіи внутреннихъ формъ, какія ей придаетъ индивидуальность властителя. „Трилогія" можетъ назваться настоящей національной трагедіей именно потому, что ея „паѳосъ", если такъ можно выразиться, заключенъ въ изображеніи трагической судьбы одной идеи, выразившейся у насъ въ наиболѣе характерной и полной формѣ и, кромѣ того, проникавшей собою русскую жизнь, какъ никакая другая идея. Если „Трилогію" А. Толстого понять именно какъ трагедію царской власти, какъ драму, въ которой главное дѣйствующее лицо не человѣкъ, а идея, которую онъ собой выражаетъ, или которую онъ долженъ выражать,—то тогда можно смотрѣть сквозь пальцы на многіе недочеты трагедіи, недочеты, быть можетъ, даже невольные и неизбѣжные.

Въ своей „Трилогіи" А. Толстой остался вѣренъ общимъ романтическимъ пріемамъ своего творчества: для него не столько была важна реальная правда внѣшняя, сколько общая мысль его поэтическаго замысла. При такомъ пріемѣ творчества, удаленіе отъ житейской правды въ область символическаго обобщенія было неизбѣжно. Съ другой стороны, желаніе создать трагедію непремѣнно національную обязывало поэта позаботиться о „мѣстномъ колоритѣ". Удержать этотъ мѣстный колоритъ въ основныхъ фигурахъ, въ которыхъ символизировалась сама идея трагедіи, было крайне трудно, и за исключеніемъ царя Ѳедора Ивановича, въ которомъ автору удалось сочетать идейный символъ съ живой плотью, и который поэтому отлился въ истинно художественный типъ, остальныя главныя дѣйствующія лица, царь Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ—наполовину отвлеченные образы, а не люди. Густыми мѣстными, иногда груборեальными красками пришлось вырисовывать поэтому характеры второстепенныхъ лицъ, а также сцены изъ народной жизни, почему въ „Трилогіи" и получилось негармоничное смѣшеніе подчеркнутаго реализма въ деталяхъ съ символизмомъ главныхъ фигуръ. Царь Иванъ и царь Борисъ разсуждаютъ и говорятъ совсѣмъ не въ духѣ своего времени и рѣчью самого А. Толстого,

тогда какъ всѣ окружающія лица силятся во что бы то ни стало подогнать свой образъ рѣчи и мысли подъ міросозерцаніе и языкъ XVI—XVII вѣка.

Помимо такого смѣшенія реальныхъ (или подъ археологическій реализмъ подогнанныхъ) деталей съ символическими образами главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ „Трилогіи" попадается не мало чисто романтическихъ условностей и эффектовъ, которые на новизну претендовать не могутъ. Въ драматической литературѣ Запада эти эффекты встрѣчаются въ изобиліи. Когда мы присутствуемъ при бесѣдѣ Іоанна съ волхвами, при таинственномъ разговорѣ этихъ волхвовъ съ Годуновымъ, съ которымъ они говорятъ той же загадочной рѣчью, какой нѣкогда говорили вѣдьмы съ Макбетомъ; когда мы слушаемъ ядовитыя издѣвательства шута надъ Грознымъ и на мгновеніе забываемъ, кто передъ нами— король Лиръ или царь Иванъ; когда затѣмъ ночью мы видимъ царя Бориса передъ пустымъ престоломъ, на которомъ ему чудится призракъ Дмитрія, и онъ, какъ лэди Макбетъ, блуждаетъ по палатамъ въ полусомнамбулическомъ состояніи; когда затѣмъ мы присутствуемъ при словесномъ турнирѣ герцога Христіана Датскаго и царевича Θедора, на глазахъ неземной, нѣжной, сентиментальной Ксеніи; когда, наконецъ, мы слышимъ разговоръ царя Бориса съ царевичемъ Θедоромъ, который, подозрѣвая отца въ убійствѣ, какъ трагическій герой Шиллера или Виктора Гюго, щеголяетъ своимъ благородствомъ и отказывается припять державу, —то всѣ эти положенія, діалоги и монологи кажутся намъ чѣмъ-то очень знакомымъ и заимствованнымъ изъ стараго романтическаго репертуара. Но строго осуждать эти невольныя или вольныя заимствованія было бы несправедливо. Не въ нихъ — суть „Трилогіи"; она—въ основной трагической идеѣ, для бóльшаго выясненія которой они придуманы; и если эти эффекты стары, они свое назначеніе все-таки выполняютъ; они держатъ зрителя въ повышенномъ, патетическомъ настроеніи.

Трагическая идея царской власти представлена А. Толстымъ въ трехъ ея разновидныхъ проявленіяхъ, и во всѣхъ этихъ трехъ видахъ она умираетъ смертью высоко-трагичной. Она носитъ сама въ себѣ свое осужденіе, и авторъ, развертывая передъ нами картину ея агоніи, даетъ намъ ясно понять, что не въ этихъ формахъ,—въ которыхъ она дѣйствительно проявлялась въ нашемъ національномъ прошломъ — должна она выражаться, если желаетъ избѣгнуть катастрофы. Въ „Трилогіи" передъ нами самъ авторъ—убѣжденный рыцарь монархической идеи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, такъ много думавшій о

возможности соглашенія принципа единой власти съ потребностями все болѣе и болѣе подроставшаго тогда общества.

Современная поэту общественная мысль могла продиктовать ему основную идею его „Трилогіи“. А такъ какъ эта идея была одною изъ руководящихъ идей нашей національной жизни, то и „Трилогія“ А. Толстого является трагедіей національной, пока единственной, въ которой освѣщена не какая-нибудь случайность нашей исторической жизни, а показанъ въ дѣйствіи одинъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ, приводившихъ эту жизнь въ движеніе.

Идея власти является въ „Трилогіи“ въ слѣдующихъ своихъ видахъ: въ „Смерти Іоанна Грознаго“—какъ жестокій и темный деспотизмъ при религіозной санкціи; въ „Царѣ Ѳеодорѣ“—какъ власть, опирающаяся на одно лишь религіозное и нравственное чувство, безъ поддержки воли и ума,—и, наконецъ, въ „Царѣ Борисѣ“—какъ просвѣщенный деспотизмъ ума, безъ санкціи моральной. Во всѣхъ этихъ трехъ видахъ идея власти приводитъ своихъ носителей или къ гибели, или къ сознанію неисполненной задачи.

Въ драмѣ „Смерть Іоанна Грознаго“ грозный царь—откровенный апологетъ единой власти. Царь Іоаннъ—фанатикъ ея; она вполнѣ отождествляется въ немъ съ его личностью: онъ можетъ сдѣлать со своимъ правомъ что̀ хочетъ, и даже отдать его кому хочетъ,—какъ, напр., въ минуту каприза онъ отдалъ его боярской думѣ. Онъ, правда, готовъ каяться передъ своими холопами, — но не потому, что онъ въ этомъ покаяніи именно передъ ними нуждался. Для всѣхъ людей у него есть только одно чувство — презрѣніе, презрѣніе даже къ тѣмъ, которыхъ онъ, повидимому, даритъ своей дружбой и довѣріемъ, а также и своей любовью, какъ, напр., женщинъ. Судьи его дѣламъ нѣтъ, потому что нѣтъ судьи Богу, въ которомъ источникъ всякой власти. Нѣтъ для него и совѣтчика. Онъ одинъ одаренъ орлинымъ взглядомъ; у другихъ—куриное око; онъ одинъ провидитъ, что̀ вдали, и вся заслуга его помощниковъ лишь въ томъ, что они исправно вершатъ его волю. Интересъ и выгода родины—и тѣ совпадаютъ въ его представленіи съ его собственной личностью: когда комета возвѣстила ему смерть, и когда онъ передъ кончиной спѣшитъ заключить невыгодный миръ съ внѣшними врагами, и ему напоминаютъ объ униженіи русской чести, онъ не признаетъ права на это чувство ни за кѣмъ, когда онъ—владыко—самъ добровольно унижается. А между тѣмъ не онъ ли въ наставленіи сыну даетъ самые гуманные совѣты? „Цари съ любовью, и съ благочестіемъ, и съ кротостью; не клади

напрасно ни на кого ни казни, ни опалы; не мсти по мнѣ моимъ врагамъ; блюди и милуй мачиху и будь за одинъ съ братомъ"... Такое наставленіе въ устахъ Іоанна очень характерно: оно показываетъ, что онъ признаетъ возможность совсѣмъ иной личной и государственной морали, и что если онъ придерживается своей, то не потому, что это единственная ему доступная и понятная мораль, а потому, что такова въ данномъ случаѣ его личная воля. Личная воля, личный произволъ—вотъ вся несложная государственная мудрость, которой придерживается этотъ властитель.

Психическій міръ настоящаго историческаго Іоанна былъ, конечно, болѣе сложенъ, чѣмъ тотъ тайный міръ души истиннаго деспота, образъ котораго нарисовалъ нашъ художникъ; но трагическая идея самовластья, идея деспотизма, при религіозной санкціи, безъ санкціи моральной,—часто проявлявшаяся въ нашей жизни,—схвачена поэтомъ вѣрно въ ея сущности, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно воплощена именно въ данномъ историческомъ лицѣ. Но драма А. Толстого была не столько трагедіей лица, сколько трагедіей именно идеи—исторической и національной, и въ этомъ смыслѣ заключительныя слова боярина Захарьина, съ которыми онъ обращается къ мертвому Іоанну и къ Борису, забравшему власть въ свои руки: „вотъ самовластья кара"—эти слова выражаютъ весь тайный смыслъ нашей символической драмы. Сила въ такомъ ея обнаруженіи,—хотѣлъ сказать авторъ,—своего назначенія не исполнила; она, несмотря на свой гигантскій размахъ, не внесла никакого порядка въ жизнь, и въ минуту своего крушенія предоставила государство во власть новымъ случайностямъ.

Та же идея власти, но только совсѣмъ въ иномъ проявленіи, обрисована въ драмѣ „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ". Носитель этой идеи въ данномъ случаѣ — прямая противоположность деспота-владыки. Источникъ его власти—та же религіозная санкція, и кромѣ того санкція моральная, но безъ поддержки ума и воли, которые были такъ сильны въ Іоаннѣ. У Ѳеодора пониманіе своего назначенія построено исключительно на томъ, что̀ ему подскажетъ его христіанское сердце. Онъ самъ признается въ этомъ очень откровенно. Своему первому совѣтнику онъ говоритъ: „вѣдай ты, какъ знаешь, государство—но когда надо вѣдать сердце человѣка, то здѣсь я больше смыслю. Меня во всѣхъ дѣлахъ сбить съ толку и обмануть не трудно; но когда нужно избрать межъ тѣмъ, что̀ бѣло и что̀ черно, то въ этомъ я не обманусь, и мудрости не нужно тамъ, гдѣ приходится дѣлать по

совѣсти". Вся государственная программа Ѳеодора сведена къ одному—къ мягкости и прощенію. Враговъ внутреннихъ для него нѣтъ, такъ какъ онъ не желаетъ ихъ видѣть; онъ самъ готовъ взять на себя даже государственное преступленіе Шуйскаго, лишь бы не быть обязаннымъ налагать за это преступленіе кару. Для него не существуетъ ни хитрости, ни дипломатіи. Въ его душѣ,—говоритъ Годуновъ,—открытой недругу и другу, живетъ любовь, и благость, и молитва,—но для чего вся эта благость и вся святость, когда у нихъ нѣтъ никакой иной опоры? И хитрый дипломатъ правъ, какъ государственный человѣкъ, для котораго благополучіе государства—первая задача всякой власти.

И Ѳеодора тяготитъ эта власть, когда она требуетъ отъ него хотя малѣйшаго напряженія воли. А между тѣмъ онъ отнюдь не индифферентно относится къ своей задачѣ: онъ страдалецъ, минутами пессимистъ-мыслитель въ родѣ Гамлета, у котораго онъ заимствуетъ даже одну фразу. Княжнѣ Мстиславской,—потерявшей жениха, онъ говоритъ: „Да, княжна, да, постригись! уйди, уйди отъ міра! Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ бы хотѣлъ уйти—мнѣ страшно въ немъ"!

Быть можетъ, и этотъ образъ не соотвѣтствуетъ историческому лицу, — но зато основная трагическая идея получаетъ въ немъ новое освѣщеніе. Самъ авторъ, говоря о трагической винѣ Ѳеодора, думаетъ, что она заключалась въ исполненіи власти при совершенномъ нравственномъ безсиліи. Вѣрнѣе было бы сказать: при безсиліи воли,—такъ какъ Ѳеодоръ силенъ все-таки сознаніемъ своей нравственной правоты, а это въ его глазахъ—вмѣстѣ съ религіей—было единственной санкціей его власти. Онъ готовъ отречься отъ своей власти, и если держится за нее, то въ силу сознанія своей обязанности стоять на указанномъ ему Богомъ мѣстѣ. Онъ, какъ и его отецъ, своего рода рыцарь идеи самовластія, но только не воинствующій фанатикъ, а рыцарь кающійся и молящійся. И что же? Вся эта нравственная чистота,—что дала она для тѣхъ людей, надъ которыми, облеченная властью, поставлена? Какъ при царѣ Грозномъ благо государства отступало на задній планъ передъ личностью самого властителя, такъ и при Ѳеодорѣ, ангельски чистомъ и невинномъ, это благо—главная забота и оправданіе власти—не нашло себѣ осуществленія. Власть печалилась о неустройствѣ государства, но была безсильна сдѣлать что-нибудь для его оздоровленія.

Нужна была другая власть, сильная, энергичная и прогрессивная власть, которая отождествляла бы свою силу съ силой государства, шла бы на встрѣчу назрѣвшимъ требованіямъ минуты,

власть сильная умомъ и волей. А. Толстой изобразилъ намъ носителя такой власти въ царѣ Борисѣ. Ему придалъ онъ всѣ качества, отсутствіе которыхъ привело къ гибели его предшественниковъ, но зато онъ лишилъ эту власть одной изъ главныхъ опоръ—опоры нравственной санкціи. Погрѣшилъ ли А. Толстой противъ исторіи, признавъ въ Борисѣ убійцу и похитителя престола въ прямомъ смыслѣ, это—вопросъ спорный и къ развитію основной трагической идеи не относящійся. Сама идея могла имѣть такое обнаруженіе, и драматургъ былъ правъ.

Уже въ драмѣ „Царь Ѳедоръ“ личность Бориса обрисована вполнѣ ясно. Она — самая величественная фигура всей драмы, но пока еще не трагическая. Борисъ — единственный прогрессивный человѣкъ среди стараго московскаго режима. Онъ—врагъ всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ „жизни новой свѣтлое теченіе отвлечь въ старое русло“. Онъ готовъ чтить въ своихъ врагахъ гражданскую доблесть, но не прощаетъ имъ того, что они идутъ избитою тропой, и того, что они—рабы преданія. Онъ понимаетъ, что при Ѳедорѣ, подъ сѣнью его пассивной и косной власти, такая традиція старины равносильна общественному застою. И Борисъ жестокъ въ своей борьбѣ съ врагами. Для него нѣтъ недозволенныхъ средствъ при той цѣли, которую онъ себѣ ставитъ. Эта цѣль двоякая: и личная, и государственная. Въ драмѣ „Царь Ѳедоръ“ личный интересъ Бориса тѣсно слитъ съ его общественными планами, но затѣмъ, когда Борисъ сталъ царемъ, этотъ личный интересъ просвѣщеннаго властителя отступаетъ совсѣмъ на второй планъ. И тѣмъ не менѣе, эта разумная и сильная власть обречена на гибель. И гибель эта высоко трагична потому, что жертвой ея становится человѣкъ, который во всѣхъ иныхъ смыслахъ, кромѣ нравственнаго, могъ бы по праву быть торжествующимъ героемъ. Властитель рѣдкаго политическаго ума и такта, какимъ онъ является въ знаменитой сценѣ пріема пословъ, царь Борисъ—просвѣщенный и либеральный слуга государства. Онъ побѣдилъ. Никто — думаетъ онъ — не можетъ осудить его теперь за то, что онъ шелъ къ цѣли не прямой дорогой; никто не упрекнетъ его за то, что онъ заплатилъ за величіе Россіи чистотой своей души. Онъ совершилъ грѣхъ не даромъ и можетъ теперь идти стезею чистой; для правды и добра держитъ онъ теперь свой скипетръ — такъ разсуждаетъ онъ, не видя того врага, который долженъ разрушить всѣ его великіе замыслы. А замыслы эти, дѣйствительно, велики, судя по тому реформаторскому духу, какимъ они оживлены. Порядокъ

внутри, порядокъ справедливый, направленный на выгоду всей земли, а не одного какого-нибудь сословія, порядокъ по тѣмъ временамъ даже гуманный, щадящій раба, насколько возможно,— вотъ что̀ желалъ осуществить этотъ узурпаторъ престола. Второй его заботой было связать съ Западомъ молодую Россію, которая должна стать рядомъ со своими сосѣдями, а въ будущемъ опередить ихъ. Онъ самъ подаетъ примѣръ такого единенія съ культурнымъ міромъ, онъ, который настолько либераленъ, что отказывается преслѣдовать людей за помыслы, уважаетъ чужую вѣру и въ свою собственную семью готовъ принять иностранца на правахъ сына.

И всѣ эти помыслы и начинанія не приносятъ никакого плода, и государство вновь гибнетъ, отданное во власть смутѣ и случайностямъ, и гибнетъ потому, что во всемъ этомъ величіи власти есть внутренняя ложь—нравственный грѣхъ, лежащій на душѣ властителя. Преступникомъ въ глазахъ народа царь не можетъ быть,—говоритъ Борисъ, начиная сознавать силу врага, который его одолѣваетъ; чистъ и безгрѣшенъ долженъ явиться царь, чтобы не только воля его вершилась безъ препинанія, но чтобы она жила въ послушныхъ сердцахъ, какъ святыня. „Господь караетъ ложь: отъ зла лишь зло родится — все едино: себѣ ли мы служить хотимъ, иль царству“,— говоритъ затравленный и умирающій царь, вступившій подъ конецъ жизни, изъ личныхъ и государственныхъ цѣлей, вновь на дорогу пытокъ и казней.

Въ такихъ послѣдовательныхъ обнаруженіяхъ представилъ А. Толстой въ своей „Трилогіи“ трагическую идею власти. Сама идея этими тремя формами, конечно, не исчерпана; но тотъ, кто знакомъ съ нашей исторіей, согласится, что изъ всѣхъ идей, управлявшихъ нашей жизнью, эта идея вмѣстѣ съ религіозной, тѣсно съ ней связанной, была до сихъ поръ идеей доминирующей, и, дѣйствительно, воплощалась нерѣдко въ тѣхъ формахъ, какія А. Толстой придалъ ей въ своей исторической хроникѣ. Поэтому-то „Трилогія“ А. Толстого и можетъ быть названа нашей первой національной трагедіей, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является наша самобытная жизнь, представленная въ формѣ развитія одной изъ главнѣйшихъ идей, руководившихъ этой жизнью. Новый, дальнѣйшій шагъ національной трагедіи уже сдѣланъ во „Власти тьмы“ гр. Л. Н. Толстого, и нашъ простой народъ показанъ намъ въ минуту его трагической борьбы съ религіозно-нравственной задачей жизни.

Но пока „Трилогія“ А. Толстого остается, какъ національная

трагедія, явленіемъ единичнымъ въ исторіи нашего театра, памятникомъ творческой силы автора, и вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ его общественной мысли: дѣйствительно, кто же, читая эту трагедію и слѣдя за развитіемъ ея основной идеи, не вспомнитъ о тѣхъ годахъ, когда „Трилогія“ была написана (1865—1870), о годахъ, когда власть вовсе не была деспотична, обладала твердою волей и стремилась направить жизнь въ новое русло, искупая этимъ вовсе не свои личные грѣхи, а грѣхи исторіи...

Н. Котляревскій.

У МОРЯ

МАЯКЪ.

Давно ль морская даль, а съ нею небеса,
Сливаясь, таяли въ лазоревомъ и аломъ?
Но вотъ уже они подернулись опаломъ
И блѣднымъ золотомъ. Заката полоса
Блѣднѣетъ, въ сумракѣ вечернемъ догорая.
Еще мгновеніе—сойдетъ на землю мракъ,
И слабой искрою затеплится маякъ.

Не такъ же ль, медленно и скорбно замирая,
Надежды, мужество—порою гаснутъ въ насъ,
И страшнымъ кажется грядущій темный часъ,
Какъ это темное невѣдомое море,
Гдѣ волны пѣнятся и плещутъ на просторѣ?
Но пусть тяжелый мракъ ползетъ со всѣхъ концовъ—
Свѣтящійся маякъ—отрада для пловцовъ.
Какъ ни грозили бъ имъ, какъ волны бъ ни шумѣли—
Плывя на свѣтъ его, пловцы избѣгнутъ мели,
Презрѣвъ опасности, сомнѣнья разгоня,
И встрѣтятъ пѣснею зарю иного дня.

СТАРОЕ ДЕРЕВО.

Узловатый, искривленный стволъ!
Онъ стоитъ—оголившійся остовъ.
Сколько пятенъ и темныхъ наростовъ!
Исполинъ въ разрушенье пришелъ.

Одряхлѣла краса вѣковая,
Но, печальныя раны скрывая,
Старый стволъ, на подобье плаща,
Обвиваютъ гирлянды плюща.
Гдѣ повѣяло смертью суровой,
Безнадежностью мертвой тоски—
Жизни лучшей, могучей и новой,
Пробиваются смѣло ростки.

НА БЕРЕГУ.

Съ зарей волна казалась изумрудной,
Прибой валовъ гремѣлъ, какъ дальній громъ,
И пѣна бѣлая на пра̀зелени чудной
Живымъ сверкала серебромъ.

Съ полудня даль спокойно-лучезарна,
Но эта тишь—надолго ли она?
Волна ли, какъ любовь, коварна,
А можетъ быть, любовь коварна, какъ волна?

У ПУШКИНСКАГО ДОМИКА.

Онъ умеръ, говорятъ. Для чуждыхъ, малодушныхъ,
Лишь голосу молвы подвластныхъ и послушныхъ,
Чье имя—легіонъ, онъ нé жилъ никогда,
И ихъ толпа была ему чужда.

И здѣсь, близъ домика великаго поэта,
Гдѣ вѣетъ памятью священною для всѣхъ—
Звучатъ ихъ голоса, ихъ неумѣстный смѣхъ,
На то, что̀ здѣсь живетъ—въ ихъ сердцѣ нѣтъ отвѣта:
Что̀ арфа чудная бездушнымъ и глухимъ?
И дѣти бѣгаютъ въ тѣни его платана,
Но изъ гуляющихъ никто не скажетъ имъ,
Чѣмъ былъ онъ, и чего народъ лишился съ нимъ,—
Никто не назоветъ поэзіи титана.
И тутъ на деревѣ мы видѣли съ тоской
Слова—начертаны кощунственной рукой,
Безстыдныя слова... И сердце сжалось болью.

А море, какъ въ быломъ, шумѣло здѣсь внизу
И радовалось все весеннему приволью.
И плющъ вокругъ окна обвилъ свою лозу,
И море искрилось отъ края и до края,
На солнцѣ пѣною серебряной играя.
Казалось, что во всемъ поэта духъ разлитъ,
Что онъ у берега въ волнѣ шумящей плещетъ,
Въ полуденныхъ лучахъ сверкаетъ и трепещетъ
И что-то свѣтлое, могучее сулитъ.

ФОНТАНЪ „ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ".

Жеманный вѣкъ веселья и затѣй,
Вѣкъ пудры, фижмъ и шитаго кафтана—
Какъ живо ты, въ лицѣ двоихъ дѣтей,
Представленъ группой бронзовой фонтана!
Дождь начался, и юный кавалеръ,
Домашнюю предупреждая драму,
Подъ зонтикомъ ведетъ малютку-даму,
Беря съ другихъ вздыхателей примѣръ.
А дѣвочка, надувъ серьезно губки
И подобравъ края́ короткой юбки,
Касается слегка его плеча
Головкою. Съ ихъ зонтика, журча,
Бѣжитъ вода, какъ струйки дождевыя,
Черты дѣтей сіяютъ, какъ живыя,
И кажется: въ лицѣ играетъ кровь,
Блестятъ глаза... О, первая любовь!

А на скамьѣ, отъ группы недалеко,
Два зрителя сидѣли одиноко.
Надъ дамою сѣдою антука
Раскрылъ старикъ, сіянье дня желая
Смягчить для глазъ. И дама пожилая,
Съ улыбкою взглянувъ на старика,
Державшаго надъ нею зонтикъ въ клѣткахъ,
На усъ его, сѣдѣющую бровь,
Со вздохомъ взоръ остановивъ на дѣткахъ,
Задумалась... Послѣдняя любовь!

О. Михайлова.

Гурзуфъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ВТОРОЙ ИМПЕРІИ

Histoire du Second Empire, par Pierre de La Gorce. Tomes IV et V. Paris, 1899—1901.

II *).

Окончаніе.

Внѣшняя политика Наполеона III существенно отличалась отъ внутренней, хотя имѣла съ нею общіе источники и мотивы. Какъ во внутреннихъ дѣлахъ интересы народа и государства подчинялись заботамъ о могуществѣ и авторитетѣ носителей правительственной власти, такъ и въ международной дипломатіи соображенія о популярности и престижѣ имперіи стояли впереди національныхъ выгодъ и потребностей Франціи. Политическая жизнь страны была какъ бы парализована; внутренніе вопросы сводились къ слухамъ и сплетнямъ относительно высшихъ сановниковъ и министровъ, соперничавшихъ между собою при дворѣ при помощи закулисныхъ интригъ.

„Персиньи, раздраженный своей отставкой,—говоритъ Пьеръ де-Ла-Горсъ, — видѣлъ кругомъ только мелкихъ честолюбцевъ и взяточниковъ, почти измѣнниковъ, и рѣзко нападалъ на чрезмѣрную довѣрчивость императора, который, по его словамъ, слишкомъ легко поддается разнымъ случайнымъ вліяніямъ; съ осо-

*) См. выше: сентябрь, стр. 286.

беннымъ усердіемъ Персиньи преслѣдовалъ министра финансовъ Фульда, а потомъ Руэра. Такая же вражда существовала между Руэромъ и графомъ Валевскимъ. Генералъ Флери, стремившійся къ роли фаворита, подкапывался подъ Руэра, который въ свою очередь стремился къ роли перваго министра. Друэнъ де-Люисъ и де-Ла-Валеттъ относились непріязненно другъ къ другу, хотя большею частью сдерживали свои взаимныя чувства. Простой префектъ по своему званію, но пользовавшійся особымъ положеніемъ и не выносившій надъ собою контроля, устроитель и начальникъ Парижа, Оссманъ ссорился поочередно со всѣми министрами внутреннихъ дѣлъ; онъ также открыто осуждалъ государственнаго министра за недостаточно рѣшительную защиту его распоряженій въ законодательномъ корпусѣ. Путаница увеличивалась неудовольствіемъ тѣхъ, которые, достигнувъ виднаго мѣста, оттѣснялись потомъ на задній планъ. Наиболѣе обиженнымъ считалъ себя бывшій полицейскій префектъ де-Мопà: какъ участникъ государственнаго переворота, онъ не сомнѣвался въ томъ, что былъ однимъ изъ основателей императорскаго режима. Удаленный въ сенатъ, онъ пускался въ разсужденія о конституціонномъ правѣ и отыскивалъ въ немъ мотивы для борьбы противъ лицъ, успѣвшихъ добраться до высшихъ ступеней государственнаго управленія. Это безпощадное соперничество проявлялось въ разнообразныхъ закулисныхъ формахъ въ тюльерійскомъ дворцѣ, въ сенатѣ, въ законодательномъ корпусѣ и въ министерствахъ. Слабый, жаждавшій спокойствія, часто больной, монархъ всего менѣе способенъ былъ справиться съ взаимными счетами и интригами окружающихъ. Онъ, впрочемъ, охотно выслушивалъ наговоры и нападки однихъ противъ другихъ, чтобы имѣть возможность поддерживать равновѣсіе въ этой борьбѣ самолюбій".

Отголоски этой непрерывной конкурренціи изъ-за вліянія и почета доходили до публики въ видѣ неясныхъ извѣстій о томъ, что такой-то министръ лишился довѣрія и долженъ будетъ вѣроятно выйти въ отставку, что другому удалось утвердиться, или что появился новый совѣтникъ, съумѣвшій открыть себѣ доступъ къ уму и сердцу повелителя въ ущербъ прежнимъ приближеннымъ. Обыкновенно, всѣ сановники, устраняемые отъ активной служебной дѣятельности, находили убѣжище въ сенатѣ; только въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ Пинаръ, при своемъ увольненіи, отказался отъ предложеннаго ему щедро оплачиваемаго званія сенатора и предпочелъ скромно записаться въ адвокаты въ Парижѣ, и этотъ фактъ, по мнѣнію де-Ла-Горса, свидѣтельствовалъ уже объ упадкѣ вѣры въ будущность имперіи

даже среди ея преданныхъ слугъ. При такихъ условіяхъ внутренняя политика представляла очень мало заманчиваго для Наполеона, и скудость ея содержанія онъ думалъ возмѣстить широкими международными предпріятіями, которыя не только давали больше простора его фантазіи, но и удовлетворяли наклонность французовъ къ чисто-внѣшнимъ успѣхамъ и эффектамъ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, предъ лицомъ Европы, онъ могъ свободно слѣдовать внушеніямъ своей мечтательной натуры и выступать защитникомъ высшихъ началъ справедливости и гуманности, которыя заглушались или забывались имъ по отношенію къ собственному народу; въ то же время онъ всегда разсчитывалъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, укрѣпить и возвысить династію новыми военными лаврами, завоеваніями и пріобрѣтеніями.

Самымъ фантастическимъ предпріятіемъ Наполеона III была, безъ сомнѣнія, мексиканская экспедиція. Еще въ 1846 году, находясь въ заключеніи въ крѣпости Гамъ, онъ придумалъ проектъ созданія новаго культурнаго государства въ Центральной Америкѣ, въ связи съ сооруженіемъ соединительнаго канала между Великимъ и Атлантическимъ океанами; въ изданной по этому предмету брошюрѣ онъ указывалъ даже мѣсто для прорытія перешейка—въ республикѣ Никарагуа, и подробно изображалъ будущее процвѣтаніе пустынныхъ нынѣ областей, которымъ предстоитъ „провиденціальная роль“—служить однимъ изъ главныхъ путей всемірной торговли, на границѣ между Сѣверною Америкою, принадлежащею англо-саксонской или германской расѣ, и Южною Америкою, населенною народами латинской расы; тамъ возникнетъ „новый Константинополь“, подобно древней Византіи, выросшей на границѣ между Европою и Азіею. „Тѣ, которые водворятся въ этомъ пунктѣ земного шара, могутъ положить основаніе американскому равновѣсію, оживляя съ одной стороны ослабѣвшую латинскую расу и сдерживая, съ другой стороны, напоръ англо-саксонской расы“. Эта оригинальная идея, явившаяся у Наполеона вѣроятно во время его пребыванія въ Америкѣ въ тридцатыхъ годахъ, возродилась въ новой формѣ, когда правительство второй имперіи впервые встрѣтилось съ вопросомъ о вмѣшательствѣ въ мексиканскія дѣла, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Въ Мексикѣ происходили жестокія междоусобія, отъ которыхъ сильно страдали торговые интересы иностранныхъ и въ томъ числѣ французскихъ подданныхъ; мѣстныя власти часто позволяли себѣ разныя насилія надъ европейцами, и заступничество дипломатовъ не приводило въ этихъ случаяхъ ни къ ка-

кому результату. Многіе выдающіеся дѣятели и богатые туземные коммерсанты должны были бѣжать за границу; нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Парижѣ, гдѣ нашли сочувственный пріемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ тюльерійскомъ дворцѣ. Въ концѣ 1860 года Бенито Хуарецъ, одержавъ окончательную побѣду надъ своимъ соперникомъ, генераломъ Мирамономъ, сдѣлался единственнымъ законнымъ правителемъ мексиканской республики и своими первыми распоряженіями возбудилъ крайнее неудовольствіе иностранной дипломатіи; между прочимъ, для поправленія государственныхъ финансовъ, онъ наложилъ арестъ на суммы, подлежавшія выдачѣ европейскимъ кредиторамъ. Въ октябрѣ 1861 года подписана была въ Лондонѣ конвенція, заключенная между кабинетами Англіи, Франціи и Испаніи, съ цѣлью охраны ихъ интересовъ въ Мексикѣ при помощи военной экспедиціи; но видимое согласіе державъ нарушалось уже въ первоначальныхъ инструкціяхъ, данныхъ начальникамъ ихъ вооруженныхъ силъ: тогда какъ англичане имѣли въ виду ограничиться занятіемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ портовъ, въ смыслѣ воздѣйствія на мексиканское правительство, французы собирались идти внутрь страны, чтобы въ случаѣ надобности завладѣть столицей и способствовать „перемѣнѣ политическихъ учрежденій". Мѣстный представитель Франціи, Дюбуа де-Салиньи, усердно подготовлялъ почву для осуществленія плановъ, которые пока еще не выражались вполнѣ опредѣленно. Мексиканскіе эмигранты утверждали, что въ странѣ существуетъ вліятельная консервативная партія, которая поднимется въ пользу монархіи при первомъ появленіи европейскихъ войскъ; французское правительство приняло эти увѣренія за безспорные факты и строило на нихъ всѣ свои дальнѣйшіе разсчеты. Въ надеждѣ на общее революціонное движеніе туземныхъ монархистовъ Франція послала въ Мексику лишь незначительный военный отрядъ, который потомъ приходилось постепенно увеличивать присылкою подкрѣпленій; а по мѣрѣ того какъ выяснялись французскія намѣренія, становился все болѣе замѣтнымъ разладъ между союзными державами. Въ апрѣлѣ 1862 года союзъ былъ фактически расторгнутъ, и французы самостоятельно приступили къ военнымъ дѣйствіямъ для низверженія президента Хуареца, при предполагаемомъ участіи могущественной монархической партіи. Но отыскать эту партію не удалось, и до конца она оставалась какимъ-то миѳомъ, отъ котораго упорно не хотѣли отказаться французы.

Послѣ крупныхъ неудачъ и пораженій, экспедиціонный отрядъ былъ доведенъ до состава цѣлаго корпуса и въ іюнѣ 1863 года

вступилъ, наконецъ, въ Мексику; вслѣдъ затѣмъ объявлено было отъ имени мѣстныхъ нотаблей о возстановленіи монархіи и о предложеніи короны брату австрійскаго императора, эрцгерцогу Максимиліану, съ которымъ раньше уже велись переговоры при посредствѣ французской дипломатіи. Главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Базэнъ, и мысль объ основаніи новой имперіи подъ французскимъ протекторатомъ перешла въ сферу практической политики. Въ октябрѣ 1863 года эрцгерцогъ Максимиліанъ въ своемъ замкѣ Мирамаръ принялъ мексиканскихъ делегатовъ и обѣщалъ имъ „направлять Мексику по пути порядка, свободы и прогресса"; онъ не усомнился въ томъ, что мексиканскій народъ, въ лицѣ самозванныхъ нотаблей, дѣйствительно ввѣрилъ ему свою судьбу, и вполнѣ серьезно взялъ на себя роль императора, полагаясь на поддержку и покровительство Наполеона III. Немногіе представители оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ тщетно указывали на опасности предпринятаго дѣла: французскіе министры были непоколебимы въ своемъ оптимизмѣ, и покорное имъ большинство съ нетерпѣніемъ выслушивало пророческія увѣщанія Тьера. Франція обязывалась держать въ Мексикѣ не менѣе двадцати тысячъ войска до 1867 года, чтобы дать Макимиліану время для организаціи собственной національной арміи; взамѣнъ налагался на новую имперію колоссальный долгъ для покрытія французскихъ расходовъ и убытковъ. Въ маѣ 1864 года злополучный эрцгерцогъ прибылъ къ берегамъ Мексики, и началось трагическое недоразумѣніе, которое при упорствѣ молодого принца должно было неизбѣжно привести къ катастрофѣ. Максимиліанъ твердо держался своего фиктивнаго трона, среди немногихъ приближенныхъ, не смущаясь ни явною враждою своихъ „подданныхъ", ни двусмысленнымъ поведеніемъ своего оффиціальнаго защитника, маршала Базэна. Иллюзія имперіи сохранялась только тамъ, гдѣ стояли французскія войска и небольшіе мѣстные отряды „императора"; значительнѣйшая часть страны признавала по прежнему власть президента Хуареца. Междоусобная война получила весьма щекотливый характеръ, когда Соединенные Штаты, избавившись отъ тяжелаго внутренняго кризиса, высказались рѣшительно противъ Максимиліана и поддерживавшей его Франціи.

Пьеръ де-Ла-Горсъ обстоятельно излагаетъ всѣ подробности печальныхъ мексиканскихъ событій, но не находитъ ошибки въ самомъ проектѣ Наполеона III. „Недовольный, разстроенный неудачами,—говоритъ онъ,—императоръ обвинялъ иногда маршала Базэна и большею частью осуждалъ Максимиліана, объ умѣ и энергіи котораго составилъ себѣ преувеличенное мнѣніе. Оба

императора считали себя взаимно великими людьми; ошибка была двойная, и оба признавали ее одновременно. Послѣдствіемъ этихъ разочарованій было странное чувство утомленія, крайнее нежеланіе говорить о чемъ бы то ни было, относящемся къ Мексикѣ. Великая идея царствованія, какъ выражались прежде, превратилась въ тягостное неудобство. Въ этомъ Наполеонъ былъ несправедливъ къ своимъ собственнымъ планамъ: мысль ничего не потеряла въ своемъ величіи; только для удачнаго выполненія ея требовались другія обстоятельства, другія средства, другого рода выдержка и постоянство, и особенно другія орудія, начиная съ самого императора французовъ". Въ обществѣ усиливались нареканія на правительство по поводу безплодно принесенныхъ жертвъ и затраченныхъ милліоновъ. Въ январѣ 1866 года, при открытіи палатъ, Наполеонъ возвѣстилъ свое рѣшеніе очистить Мексику къ назначенному сроку. Максимиліану предоставлялось на волю—или оставаться въ странѣ, или удалиться подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ, послѣ того какъ организовано будетъ новое правительство, съ избраніемъ президента республики. Максимиліанъ предпочелъ остаться, не теряя надежды удержать за собою свой эфемерный тронъ; его супруга, императрица Шарлотта, уѣхала въ Европу, чтобы лично добиться согласія Наполеона на дальнѣйшую военную помощь. Эта послѣдняя попытка совпала съ событіями, вынуждавшими Францію бросить всякую заботу о Мексикѣ: Австрія была побѣждена Пруссіею, и французское правительство должно было сосредоточивать свои силы для предстоявшей борьбы за гегемонію въ Европѣ. Въ августѣ 1866 года императрица Шарлотта имѣла аудіенцію у Наполеона, хлопотала передъ министрами, но напрасно,—дѣло было безвозвратно проиграно. Въ сентябрѣ, находясь въ Римѣ для переговоровъ съ папою, несчастная императрица въ самомъ зданіи Ватикана подверглась припадку умственнаго разстройства, которое вскорѣ сдѣлалось хроническимъ. Максимиліанъ не поколебался, однако, въ своей idée fixe: онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что долгъ чести не позволяетъ ему отречься отъ мнимой власти надъ страною, которая не желала имѣть его своимъ повелителемъ. Съ непонятнымъ ослѣпленіемъ онъ разошелся съ Базэномъ и ждалъ удаленія французскихъ войскъ, чтобы на собственный страхъ продолжать военныя дѣйствія противъ возроставшей народной арміи, предводимой президентомъ Хуарецомъ. Въ маѣ 1867 года, осажденный съ небольшимъ отрядомъ въ Керетаро, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми приближенными. Назначенъ былъ военный судъ надъ „Фердинан-

домъ-Максимиліаномъ Габсбургскимъ, именующимъ себя императоромъ Мексики". Законы, на основаніи которыхъ онъ былъ преданъ суду, предвѣщали смертную казнь. Представители великихъ державъ, и во главѣ ихъ прусскій посланникъ, баронъ Магнусъ, обратились къ Хуарецу съ настойчивою просьбою отпустить эрцгерцога или по крайней мѣрѣ подвергнуть его другому суду, не военному; президентъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, ссылаясь на интересы правосудія и государственной безопасности. „Справедливо ли будетъ,—говорили дипломатамъ министры Хуареца,—преслѣдовать возставшихъ мексиканцевъ и оставить безнаказаннымъ главнаго виновника, бывшаго вождемъ возстанія"? Максимиліанъ и его сообщники, генералы Мирамонъ и Мехія, были единогласно приговорены судомъ къ смерти. Дипломаты умоляли президента о помилованіи, но получили тотъ же отрицательный отвѣтъ; защитники осужденныхъ лично отправились въ резиденцію Хуареца и ночью добились у него аудіенціи;—Хуарецъ спокойно объяснилъ имъ, что мѣры строгости необходимы для спасенія республики и для устрашенія ея враговъ, и что послѣ наказанія главныхъ виновныхъ легче будетъ проявлять милосердіе по отношенію къ остальнымъ. Казнь состоялась 19 іюня 1867 года; тѣло Максимиліана было выдано австрійскимъ делегатамъ только въ концѣ того же года, послѣ формальнаго о томъ ходатайства вѣнскаго кабинета.

Извѣстіе о кровавомъ концѣ мексиканской имперіи пришло въ Парижъ во время увеселеній и празднествъ всемірной выставки. Въ законодательномъ корпусѣ, 9 іюля, Тьеръ напомнилъ, что въ Мексикѣ погибло болѣе шести тысячъ французскихъ солдатъ и потеряно до шестисотъ милліоновъ франковъ: „сдѣланный опытъ приводитъ только къ одному заключенію,—что долженъ быть установленъ болѣе дѣятельный контроль, при которомъ немыслимо было бы повтореніе подобныхъ произвольныхъ и разорительныхъ предпріятій". Въ сущности мексиканская экспедиція была типическимъ образцомъ внѣшней политики бонапартовской Франціи: безотчетное стремленіе къ грандіознымъ замысламъ, систематическое невѣжество относительно чужихъ странъ и народовъ, къ которымъ эти замыслы относятся, и легкомысленная увѣренность въ неотразимомъ превосходствѣ французскихъ военныхъ силъ и способовъ дѣйствія—соединяются здѣсь съ темными финансовыми разсчетами и съ полною беззаботностью насчетъ реальныхъ политическихъ интересовъ собственной націи. Основаніе новой имперіи въ Центральной Америкѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Соединенными Шта-

тами, было чистѣйшею фантазіею; но фантазіею было и многое изъ того, что удавалось Наполеону III и что до сихъ поръ превозносится его историками. Крымская война была столь же мало нужна Франціи, какъ и завоеваніе Мексики. Смѣсь мечтательности съ жаждою первенства характеризуетъ вообще дипломатію второй имперіи; у нея не было ни точно опредѣленныхъ, сознательныхъ цѣлей, ни трезваго пониманія общаго международнаго положенія. Въ 1863 году, при самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ европейской политики, Наполеонъ выступилъ съ проектомъ созыва международнаго конгресса для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, какъ бы упуская изъ виду, что въ основѣ каждаго изъ нихъ лежитъ непримиримый антагонизмъ интересовъ,—и онъ долженъ былъ по этому предмету выслушать отъ Англіи цѣлую дипломатическую лекцію, противъ которой ничего нельзя было возразить. Безпочвенныя бонапартовскія мечтанія легко вырождались въ порывы мелочного династическаго своекорыстія, и эта послѣдняя черта доходила до какой-то болѣзненности въ періодъ неожиданнаго возвышенія Пруссіи. Бисмаркъ первый разгадалъ Наполеона III и смѣло воспользовался своимъ открытіемъ для прусско-германскихъ политическихъ цѣлей; онъ убѣдился, что императоръ французовъ не уменъ, или что „умъ у него слабѣе сердца", по мягкому выраженію германскаго канцлера въ его воспоминаніяхъ. Недостатокъ ясного ума, замѣченный когда-то Тьеромъ, не помѣшалъ—и быть можетъ, напротивъ, помогъ Луи-Наполеону достигнуть власти во Франціи, а сдѣлавшись императоромъ, ему не трудно было уже пріобрѣсть въ Европѣ репутацію политическаго мудреца и оракула. Каждое слово его или даже молчаніе могло имѣть важныя практическія послѣдствія, и потому принимало видъ необыкновеннаго глубокомыслія. Иллюзія продолжалась до тѣхъ поръ, пока различныя неудачи не разоблачили дѣйствительной скудости идей и стремленій французскаго повелителя, и никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ этому разоблаченію, какъ Бисмаркъ.

Въ изложеніи Пьера де-Ла-Горса Бисмаркъ является лукавымъ искусителемъ Наполеона III, сознательно направлявшимъ его мысли въ сторону рискованныхъ территоріальныхъ проектовъ, чтобы сначала усыпить его соперничество, а потомъ нанести ему заранѣе задуманный ударъ. Въ концѣ 1863 года, послѣ конференцій въ Копенгагенѣ, прусскій министръ-президентъ велъ секретныя бесѣды съ прибывшимъ въ Берлинъ довѣреннымъ лицомъ французскаго императора, генераломъ Флери. Бисмаркъ говорилъ о конгрессѣ, о польскомъ возстаніи, о не-

возможности для Пруссіи допускать обсужденіе вопроса о Познани, и затѣмъ прибавилъ: „я скорѣе уступилъ бы наши рейнскія провинціи, чѣмъ Познань". Флери тотчасъ же телеграфировалъ въ Парижъ: „слово о рейнскихъ провинціяхъ было сказано,—надо ли настаивать"? Наполеонъ отвѣчалъ: „не говорите о Рейнѣ и успокойте насчетъ Познани",—и въ той же депешѣ высказался отчасти въ пользу Пруссіи въ ея конфликтѣ съ Даніею. Намекъ на рейнскія провинціи побудилъ его коснуться и вопроса о прусской гегемоніи въ Германіи; онъ ничего не имѣлъ противъ преобразованія германскаго союза въ этомъ смыслѣ, если Пруссія будетъ дѣйствовать по соглашенію съ Франціею. Недовольный лондонскимъ кабинетомъ, отклонившимъ его планъ конгресса и заступавшимся энергически за Данію, онъ далъ себя увлечь перспективою будущаго выгоднаго союза съ Берлиномъ. Бисмаркъ поддерживалъ его въ этихъ предположеніяхъ и надеждахъ, въ то время какъ прусскія и австрійскія войска распоряжались въ Шлезвигъ-Голштиніи и переходили въ предѣлы датской территоріи. Пьеръ де-Ла-Горсъ предполагаетъ, что Франція обязана была тогда поднять свой голосъ противъ вопіющаго насилія по отношенію къ маленькой Даніи и могла бы своевременнымъ протестомъ измѣнить ходъ событій, оградивъ господство права въ будущемъ. Французскіе патріоты вообще увѣрены, что право войны незаконно, когда оно примѣняется другими державами, кромѣ Франціи, и что употребленіе грубой силы въ международныхъ спорахъ впервые введено въ практику Пруссіею и ея жестокимъ канцлеромъ. И тотъ же авторъ, которому кажется вполнѣ естественнымъ французское нападеніе на Мексику, возмущается военными дѣйствіями пруссаковъ и навязываетъ Наполеону III роль какого-то охранителя права и справедливости въ Европѣ,—Наполеону III, завоевавшему свое положеніе насильственнымъ переворотомъ и считавшему себя наслѣдникомъ величайшаго военнаго дѣятеля новыхъ временъ! Авторъ наивно сожалѣетъ о томъ, что императоръ французовъ не взялъ на себя этой благодѣтельной роли въ нужный моментъ и позволилъ Пруссіи возвѣстить новый, будто бы, принципъ первенства силы передъ правомъ. „Богъ не далъ этой предусмотрительности нашему монарху,—говоритъ онъ,—и напротивъ, затемнилъ его взоръ неясными образами, порожденными воображеніемъ. Фатальная идея соблазняла его—идея о союзѣ съ тѣми, которыхъ слѣдовало обуздать. Прусскіе правители осыпали французскихъ дипломатовъ комплиментами, и эти любезности имѣютъ въ себѣ нѣчто ужасное. Европа была наружно спокойна, миръ

еще сохранялся, но это былъ миръ непрочный, не имѣвшій ничего общаго съ порядкомъ. Одинъ только торжествуетъ—Бисмаркъ. Онъ положилъ руку на сердце Франціи и считалъ его замедленныя біенія. Онъ взвѣсилъ бездѣйствіе Англіи, держитъ Россію воспоминаніями о Польшѣ и влечетъ за собою бѣдную Австрію"...

Очевидно, предусмотрительность Наполеона заключалась бы не въ защитѣ права и справедливости,—что было ему совсѣмъ не къ лицу,—а въ болѣе достойномъ, независимомъ отношеніи къ тѣмъ обманчивымъ обѣщаніямъ, которыми постоянно подкупалъ его Бисмаркъ. Эти косвенныя обѣщанія вырывались какъ бы нечаянно, въ пылу откровенности, и были спеціально разсчитаны на слабость противника къ незаконнымъ пріобрѣтеніямъ. Въ августѣ 1864 года, прусскій министръ-президентъ, въ разговорѣ съ герцогомъ Грамономъ, передалъ ему содержаніе своей бесѣды съ британскимъ посланникомъ, разсуждавшимъ о вѣроятномъ сближеніи съ Франціею для совмѣстныхъ дипломатическихъ дѣйствій противъ Пруссіи. „Что можете вы предложить Наполеону?—говорилъ онъ представителю Англіи:—Развѣ только позволеніе вести разорительную и ожесточенную войну, чтобы отнять у насъ рейнскія провинціи. Но тотъ, кто владѣетъ рейнскими провинціями, можетъ отдать ихъ Франціи. Когда настанетъ время, мы можемъ вѣрнѣе кого бы то ни было сойтись съ французами, давъ имъ не обѣщаніе, но залогъ вознагражденія за содѣйствіе". И опять французскій дипломатъ телеграфируетъ въ Парижъ о необычайно важномъ намекѣ, и это сообщеніе доставляетъ обычное удовольствіе императору. Въ октябрѣ 1865 года Бисмаркъ провелъ нѣсколько дней въ Біаррицѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе и Наполеонъ; тамъ прусскій министръ [1]) раскрывалъ свои смѣлые планы и доказывалъ пользу обоюдной дружбы, при которой увеличенное могущество Пруссіи было бы выгодно и для Франціи. Императоръ благосклонно внималъ разнообразнымъ доводамъ Бисмарка и высказывалъ ему свое сочувствіе и одобреніе. Позднѣе онъ способствовалъ заключенію союза между Италіею и Пруссіею противъ Австріи, и такимъ образомъ ускорилъ начало войны, которая, по его предположенію, должна была дать ему случай вмѣшаться и получить извѣстную долю добычи. Въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ, фонъ-Гольцемъ, онъ не разъ возвращался къ во-

---

[1]) Бисмаркъ тогда не былъ еще канцлеромъ, какъ ошибочно называетъ его Пьеръ де-Ла-Горсъ въ разсказѣ о переговорахъ въ Біаррицѣ (т. IV, стр. 561).

просу о вознагражденіи за сочувственный нейтралитетъ, обсуждалъ различныя возможныя комбинаціи, но не рѣшался точно опредѣлить предметъ желательной уступки въ пользу Франціи. Только однажды, въ маѣ 1866 года, Наполеонъ, сообщивъ Гольцу о сдѣланныхъ Австріею предложеніяхъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія: „взоры моей страны обращены къ берегамъ Рейна“. Онъ не спѣшилъ заручиться какимъ-нибудь положительнымъ обязательствомъ, желая сохранить свободу дѣйствій на случай, если австро-прусская борьба затянется и не приведетъ къ рѣшенію спора; въ то же время онъ склонялся къ попыткамъ предупрежденія грознаго взрыва, и съ этою цѣлью вновь обратился къ державамъ съ своимъ любимымъ проектомъ европейскаго конгресса,—но опять безъ успѣха, такъ какъ ограничительныя условія, поставленныя Австріею, не могли быть приняты другими кабинетами. Передъ выступленіемъ въ походъ, Бисмаркъ, обезпокоенный насчетъ намѣреній Наполеона, въ послѣдній разъ допытывался у его посланника Бенедетти, какая „компенсація“ потребуется для Франціи, и съ своей стороны выразилъ готовность уговорить короля отдать область верхняго Мозеля вмѣстѣ съ Люксенбургомъ. Въ этотъ моментъ Франція еще могла обезпечить себѣ территоріальное расширеніе; но моментъ былъ пропущенъ въ надеждѣ на то, что ходъ войны позволитъ Наполеону сдѣлать болѣе значительный захватъ, въ качествѣ вершителя судебъ или примирителя обѣихъ германскихъ державъ.

Между тѣмъ военный разгромъ Австріи совершился съ небывалой быстротою: черезъ десять дней послѣ перехода австрійской границы, 3-го іюля, пруссаки одержали рѣшительную побѣду при Садовой. Французскія услуги были уже ненужны, и требовать за нихъ платы отъ побѣдителей было бы слишкомъ наивно; однако эту наивность обнаружилъ Наполеонъ. Предварительныя условія мира не были еще подписаны въ Никольсбургѣ, когда тамъ получена была депеша, напоминавшая объ „умѣстности и справедливости компенсація“ путемъ соотвѣтственнаго увеличенія французской территоріи. Нѣкоторое время спустя, присланъ былъ въ Берлинъ проектъ секретнаго договора, въ которомъ впервые точно изложены оффиціальныя требованія Франціи. Дѣло шло объ уступкѣ лѣваго берега Рейна, со включеніемъ Майнца. Французскій посланникъ Бенедетти сообщилъ копію проекта Бисмарку вмѣстѣ съ своимъ письмомъ и на слѣдующій день явился для переговоровъ. Прусскій отвѣтъ можно было предвидѣть заранѣе. Берлинъ готовился тогда къ торже-

ственной встрѣчѣ своего побѣдоноснаго короля; радостное національное возбужденіе охватило Пруссію и Германію, и въ такую минуту было совершенно нелѣпо думать о добровольной отдачѣ части прусскихъ земель Наполеону III. „Не дѣлайте себѣ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій,—сказалъ Бисмаркъ французскому дипломату:—если вы будете настаивать на своихъ требованіяхъ, мы тотчасъ же и во что бы то ни стало устроимъ окончательный миръ съ Австріею и направимъ всѣ свои силы къ Рейну. Не сомнѣвайтесь въ этомъ и поторопитесь объяснить всю правду императору". Бенедетти заговорилъ о необходимости сохранить престижъ династіи,—какъ будто династическіе интересы Бонапартовъ должны были озабочивать прусскаго министра; Бисмаркъ отвѣчалъ, что династія гораздо больше рискуетъ въ случаѣ войны, чѣмъ при сохраненіи мира. Копія секретнаго проекта, легкомысленно оставленная въ рукахъ Бисмарка, послужила для него важнымъ документомъ, который помогъ ему добиться скорѣйшаго заключенія военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами и возбудить недовѣріе къ Франціи въ Петербургѣ.

Наполеонъ III не понялъ урока, даннаго ему въ Берлинѣ, и возобновилъ свою попытку въ другой, еще худшей формѣ. Онъ поручилъ своему представителю потребовать прирѣзки пограничной полосы, съ городами Саарбрюкеномъ, Саарлуи и Ландау, и, въ случаѣ отказа, представить проектъ союзнаго соглашенія, которое уполномочивало бы Францію присоединить Люксенбургъ и завоевать Бельгію при содѣйствіи Пруссіи. Король прусскій долженъ былъ „оказать Франціи поддержку всѣми своими сухопутными и морскими силами противъ всякой державы, которая объявила бы ей войну по поводу занятія Бельгіи". Предлагая Пруссіи заключить такое обязательство, Франція взамѣнъ обязывалась признать всѣ новѣйшія прусскія завоеванія и допустить присоединеніе южно-нѣмецкихъ государствъ къ сѣверогерманскому союзу, т.-е. признать и допустить то, что̀ уже въ сущности не нуждалось въ дозволеніи Франціи. Бисмаркъ вторично отвергъ всякую мысль объ уступкѣ нѣмецкихъ земель, но не возражалъ прямо противъ французскихъ мечтаній относительно чужихъ территорій; онъ пустился даже въ обсужденіе отдѣльныхъ статей проекта, и по его указаніямъ посланникъ Бенедетти дѣлалъ въ нихъ редакціонныя поправки, послѣ чего переписалъ весь текстъ собственноручно и передалъ его прусскому министру-президенту, для представленія королю. Это было въ августѣ 1866 года, когда дѣло германскаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи находилось еще въ періодѣ созиданія.

Представитель Франціи на этотъ разъ снабдилъ противника документомъ, оглашеніе котораго возмутило бы противъ нея общественное мнѣніе всей Европы, и Бисмаркъ опять имѣлъ въ рукахъ весьма цѣнное оружіе, которымъ могъ воспользоваться въ случаѣ надобности. По объясненію Пьера де-Ла-Горса, французская дипломатія поступала столь довѣрчиво лишь въ силу присущей ей необыкновенной предупредительности и любезности въ сношеніяхъ съ дружескими кабинетами; но, кромѣ любезности, здѣсь было и нѣчто другое, близкое къ глупости и къ беззастѣнчивому цинизму. Бисмаркъ дѣйствовалъ, будто бы, на основаніи того правила Фридриха Великаго, что всегда полезно „заручиться чѣмъ-нибудь написаннымъ"; но для этого нужно было, чтобы ему добровольно давали что-нибудь написанное и, притомъ, чтобы это написанное было постыдно или неудобно для написавшихъ.

Планъ хищническаго насильственнаго захвата мирной нейтральной страны, въ центрѣ западной Европы, выработался и созрѣлъ въ умѣ Наполеона III—какъ увѣряетъ авторъ—исключительно подъ вліяніемъ внушеній Бисмарка. „Извиненіемъ, единственнымъ извиненіемъ для императора французовъ было это воздѣйствіе прусскаго министра. Комбинація была въ концѣ концовъ предложена Франціею, но послѣ столь многочисленныхъ и настойчивыхъ внушеній Пруссіи, что на нее же падаетъ главная отвѣтственность". Во всемъ виноватъ коварный Бисмаркъ; онъ отклонилъ стараго повелителя Франціи отъ пути добродѣтели и заставилъ его выступать съ проектами откровеннаго международнаго грабительства, которые самъ же затѣмъ категорически отвергалъ. Стараясь оправдать Наполеона, Пьеръ де-Ла-Горсъ невольно доходитъ до предположенія, что французскій монархъ неспособенъ былъ самостоятельно обдумывать свои дѣйствія, взвѣшивать ихъ возможные результаты и отвѣчать вообще за свои намѣренія и проекты; но и тогда остается непонятнымъ, почему за него долженъ считаться отвѣтственнымъ иностранный министръ, не состоявшій вовсе въ числѣ его совѣтниковъ и фаворитовъ. Условія франко-прусскаго союза, предложенныя Франціею, были сами по себѣ таковы, что ихъ могъ сочинить только человѣкъ, ни предъ кѣмъ не отвѣтственный, привыкшій руководствоваться лишь внушеніями своей фантазіи и ставить себя внѣ и выше не только предписаній общественной совѣсти, но и соображеній простого здраваго смысла. Такъ какъ Пруссія не имѣла ни малѣйшаго повода отдавать Франціи свои военныя силы для обезпеченія ея будущаго владычества надъ Бельгіею,

то проектъ секретнаго договора не удостоился даже серьезнаго обсужденія въ Берлинѣ, и разговоры Бисмарка съ французскимъ посланникомъ все болѣе принимали оттѣнокъ скрытой ироніи.

Разочарованный въ своихъ надеждахъ, Наполеонъ III на время примирился съ „совершившимися фактами" и пытался въ особомъ дипломатическомъ циркулярѣ объяснить тѣ возвышенные принципы, которымъ онъ, будто бы, слѣдовалъ по отношенію къ національнымъ движеніямъ Италіи и Германіи; но онъ чувствовалъ упадокъ своего личнаго авторитета, въ виду испытанныхъ неудачъ, и не относился уже съ прежнимъ спокойствіемъ къ молчаливому общественному мнѣнію страны. Принудительное молчаніе печати казалось ему враждебнымъ или угрожающимъ; повсюду ему слышалось недовольство, ожидавшее только случая, чтобы прорваться наружу. Онъ все еще вѣрилъ, что можетъ поправить свое положеніе при помощи какой-нибудь искусственной политической комбинаціи, способной удовлетворить національное самолюбіе французовъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Франціею нашлась небольшая область, не имѣющая могущественныхъ покровителей, какъ Бельгія, и представляющая не менѣе интересную добычу, чѣмъ Савойя,—великое герцогство Люксенбургское. Будучи номинально отдѣльнымъ независимымъ государствомъ, Люксенбургъ связанъ былъ личной уніею съ Нидерландами и входилъ въ составъ стараго германскаго союза; главный городъ того же имени имѣлъ значеніе союзной германской крѣпости и въ этомъ качествѣ занятъ былъ прусскимъ гарнизономъ. События 1866 года, уничтоживъ прежнюю германскую федерацію, оставили Люксенбургъ внѣ новаго устройства Германіи, и судьба великаго герцогства зависѣла уже только отъ короля нидерландскаго. Голландское правительство, встревоженное военными успѣхами Пруссіи, вздумало искать защиты и поддержки у Наполеона III, на случай какихъ-нибудь прусско-германскихъ посягательствъ; въ февралѣ 1867 года оно обратилось къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу де-Мутье, съ конфиденціальнымъ запросомъ о томъ, какъ поступитъ Франція, если Нидерланды подвергнутся нападенію Германіи. Голландскіе дипломаты, очевидно, принимали за чистую монету громкія слова французскихъ государственныхъ дѣятелей о свободѣ и правахъ чужихъ національностей; поэтому они были крайне озадачены и испуганы, когда получили замысловатый дипломатическій отвѣтъ Франціи. Въ депешѣ къ французскому представителю въ Гаагѣ, маркизъ де-Мутье объяснилъ, что главная опасность для Голландіи заключается въ великомъ герцог-

ствѣ Люксенбургскомъ, включенномъ актами вѣнскаго конгресса въ германскій союзъ; присутствіе прусскаго гарнизона въ люксенбургской крѣпости создаетъ извѣстныя точки соприкосновенія съ честолюбивымъ сосѣднимъ государствомъ и ставитъ великаго герцога, короля нидерландскаго, въ щекотливое положеніе; отсюда возможенъ одинъ только благопріятный выходъ—присоединеніе великаго герцогства къ французской имперіи. Голландія боялась будущихъ завоевательныхъ намѣреній Пруссіи и неожиданно наткнулась на весьма реальные хищные замыслы Франціи. Французскій министръ предлагалъ вступить въ непосредственные переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ по вопросу объ очищеніи люксенбургской крѣпости отъ прусскихъ войскъ. „Прусское правительство, стремящееся поддерживать болѣе тѣсныя отношенія съ Франціею,—писалъ де-Мутье,—не станетъ, вопреки всякому праву, сохранять внѣ своихъ границъ и такъ близко отъ насъ гарнизонъ, безполезный въ смыслѣ естественной защиты Пруссіи и въ то же время имѣющій характеръ наступательный преимущественно по отношенію къ намъ. Можно даже допустить, что, принимая безъ протеста фактъ присоединенія великаго герцогства къ Франціи, берлинскій кабинетъ считалъ бы свою благосклонность дѣломъ искусной политики и охотно предоставилъ бы намъ воспользоваться нравственнымъ и матеріальнымъ удовлетвореніемъ, которое, тѣснѣе сблизивъ обѣ націи, упрочило бы миръ въ Европѣ“. Нѣтъ недостатка въ хорошихъ фразахъ для прикрытія жалкой основной мысли; не только Пруссія должна быть довольна присоединеніемъ Люксенбурга къ Франціи, но и Европа выиграетъ отъ этого, и всеобщій миръ утвердится, и самъ великій герцогъ избавится отъ лишней обузы. Этимъ актомъ, т.-е. отдачей Люксенбурга подъ власть французовъ, король-великій герцогъ, какъ увѣрялъ де-Мутье, доставитъ удовольствіе своимъ голландскимъ подданнымъ, вполнѣ сознающимъ опасность дуализма, и сдѣлаетъ пріятное люксенбургцамъ, вовсе не желающимъ быть поглощенными Германіею. Назначенъ будетъ плебисцитъ, для того, чтобы вопросъ разрѣшился согласно волѣ населенія. Франція брала на себя устраненіе всѣхъ препятствій, какія могли возникнуть въ Берлинѣ.

Дѣло сразу начато было съ тѣмъ же легкомысленнымъ апломбомъ, съ какимъ предпринимались прежнія попытки этого рода. Въ Люксенбургъ посланъ былъ французскій чиновникъ съ цѣлью узнать настроеніе жителей и оживить ихъ симпатіи къ Франціи. Нидерландское правительство протестовало противъ подобнаго

вмѣшательства въ свои дѣла; въ Парижѣ поспѣшили отречься отъ посланнаго чиновника: онъ поѣхалъ въ Люксенбургъ по своимъ семейнымъ дѣламъ, и, быть можетъ, въ дорогѣ собиралъ разныя свѣдѣнія, но политическихъ полномочій не имѣлъ. „Естественно,—говорилъ французскій министръ,—что люксенбургцы хотятъ сохранить свою автономію подъ властью Оранскаго дома; но, при неизбѣжности перемѣны, народное предпочтеніе будетъ всецѣло отдано Франціи. Императоръ сильно желаетъ присоединенія, которое сдѣлалось для него необходимымъ послѣ недавнихъ событій; въ вознагражденіе за уступку, онъ обезпечитъ Голландію отъ всякаго посягательства со стороны Пруссіи. Если же Франціи будетъ отказано въ этомъ удовлетвореніи, то возбужденіе народа дойдетъ до войны, а война по всѣмъ признакамъ окончится на счетъ малыхъ государствъ, такъ что король-великій герцогъ можетъ потерять при этомъ одновременно и Лимбургъ, и Люксенбургъ“. Нидерландскій король на первыхъ порахъ отклонилъ всякіе секретные переговоры, безъ участія Пруссіи, но поддался соблазну денежныхъ обѣщаній, въ виду разстройства своихъ финансовъ, и согласился продать великое герцогство Наполеону; обѣ стороны обмѣнялись заявленіями въ этомъ смыслѣ, и предстояло только подписать актъ уступки. Прежде чѣмъ выразить свое формальное согласіе, король счелъ долгомъ заручиться одобреніемъ Берлина и сообщилъ всѣ подробности дѣла представителю Пруссіи; секретное предпріятіе Наполеона перешло тогда на почву оффиціальной политики и подняло цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ совершенно забыла французская дипломатія. Положеніе Люксенбурга опредѣлялось международною конвенціею 1839 года, и оно могло быть измѣнено только при участіи державъ, подписавшихъ эту конвенцію; достигнуть же общаго соглашенія было далеко не такъ легко, какъ представлялось это тюльерійскому двору. Сдѣлка съ Нидерландами предполагала удаленіе прусскаго гарнизона изъ люксенбургской крѣпости; но условливаться объ этомъ помимо Пруссіи, полагаясь лишь на вѣроятное согласіе Бисмарка, было болѣе чѣмъ странно. Въ прусскихъ военныхъ кругахъ были крайне раздражены безцеремонностью, съ какою Наполеонъ III рѣшалъ судьбу прусскаго гарнизона въ Люксенбургѣ безъ предварительнаго формальнаго соглашенія съ прусскимъ правительствомъ; кромѣ дипломатіи, здѣсь имѣла голосъ и военная власть, которая могла и разойтись во взглядахъ съ канцлеромъ. Самый способъ уступки Люксенбурга за деньги, предназначенныя въ личную пользу великаго герцога, противорѣчилъ современнымъ условіямъ междуна-

роднаго права, и предположенное народное голосованіе заранѣе превращалось въ пустой и лживый обрядъ. Сдѣлка принадлежала вообще къ числу тѣхъ, которыя не выносятъ свѣта и уничтожаются сами собою при гласномъ обсужденіи; и въ то же время она требовала непремѣннаго участія постороннихъ державъ и, слѣдовательно, не могла избѣгнуть ни огласки, ни критики. Сдѣлать пріобрѣтеніе Люксенбурга „совершившимся фактомъ", путемъ секретнаго договора съ Нидерландами, немыслимо было уже потому, что это пріобрѣтеніе могло осуществиться только съ уходомъ прусскихъ войскъ, надъ которыми нидерландское правительство не имѣло никакой власти. Люксенбургскій вопросъ горячо обсуждался въ нѣмецкой печати, вызвалъ патріотическія рѣчи въ сѣверо-германскомъ сеймѣ и настолько возстановилъ противъ Франціи общественное мнѣніе Германіи, что объ уступкѣ нельзя было и думать; съ своей стороны, нидерландское правительство, убѣдившись, что французскій проектъ не одобряется другими державами, взяло назадъ свое согласіе и оффиціально мотивировало свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что Франція не исполнила своего обязательства подготовить соглашеніе съ Берлиномъ.

Добыча ускользнула изъ рукъ Наполеона III;—„даже эта скудная добыча,—какъ выражается Пьеръ де-Ла Горсъ,—показалась слишкомъ крупною для Франціи", что ясно свидѣтельствовало объ ея постепенномъ униженіи. Французскій авторъ видитъ прискорбное, несправедливое униженіе въ невозможности для Франціи пріобрѣсть въ мирное время какую-то ничтожную чужую область, съ населеніемъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ; и этотъ же авторъ находитъ, что Франція призвана охранять идеи права въ Европѣ и заступаться за слабыхъ противъ сильныхъ, и что во имя этой высокой миссіи она обязана была остановить первыя насилія Пруссіи по отношенію къ маленькой Даніи. Не получивъ Люксенбурга, вопреки намекамъ и косвеннымъ обѣщаніямъ Бисмарка, Наполеонъ III, по мнѣнію Пьера де-Ла-Горса, имѣлъ право считать себя жертвою мистификаціи или ловушки,—хотя никакой Бисмаркъ не въ силахъ былъ бы исполнить то, что не допускалось единодушнымъ голосомъ германской націи и ея сознательными интересами, нравственными и политическими. Наполеонъ III былъ органически неспособенъ понимать мотивы и интересы нравственнаго порядка, и оттого онъ такъ часто обманывался въ своихъ чисто-внѣшнихъ комбинаціяхъ и разсчетахъ. Если же современные французскіе патріоты, въ родѣ Пьера де-Ла-Горса, не могутъ отрѣшиться отъ международныхъ взгля-

довъ и мечтаній второй имперіи, то это явленіе представляетъ мало утѣшительнаго для Франціи.

Пьеръ де-Ла-Горсъ восхваляетъ французскую дипломатію за ея искусное отступленіе въ люксенбургскомъ вопросѣ. Несмотря на шумъ, поднятый въ Германіи, „парижскій кабинетъ съумѣлъ до конца сохранить самообладаніе, сдерживая свои самыя законныя требованія и соблюдая всѣ правила благоразумія". Министръ иностранныхъ дѣлъ заявлялъ, что Франція не стремится къ завоеваніямъ и не нуждается въ нихъ; „если великое герцогство отдалось бы намъ,—говорилъ онъ далѣе,—мы охотно приняли бы народное желаніе; но пріобрѣтеніе не состоялось, и этотъ фактъ настолько незначителенъ, что изъ-за него не стòитъ ссориться державамъ. Франція можетъ отказаться отъ сдѣлки, безъ особеннаго для себя ущерба; однако, не заботясь о расширеніи своей территоріи, она по крайней мѣрѣ считаетъ себя обязанною обезпечить ея безопасность". Поэтому французское правительство, отрекаясь отъ Люксенбурга, потребовало, чтобы и Пруссія съ своей стороны удалила оттуда свой гарнизонъ. Какъ ни обидно было для пруссаковъ выводить свои войска изъ крѣпости, которую они занимали пятьдесятъ лѣтъ, но эта уступка была необходима для избѣжанія войны, и благодаря посредническимъ усиліямъ вѣнскаго кабинета удалось достигнуть мирнаго соглашенія. По предложенію Россіи созвана была международная конференція, для урегулированія спорнаго вопроса, и послѣ четырехдневныхъ совѣщаній, происходившихъ въ Лондонѣ, въ маѣ 1867 года, обѣ стороны вышли изъ критическаго положенія съ одинаковымъ чувствомъ взаимной вражды.

Съ тѣхъ поръ Франція и Пруссія стали молча готовиться къ роковой борьбѣ, чисто-династической для Наполеона III и вполнѣ національной для Бисмарка. Безпристрастная исторія этой борьбы еще не написана, и всего менѣе она можетъ быть написана французомъ, для котораго разгромъ второй имперіи есть въ то же время великое пораженіе Франціи. Въ трудѣ Пьера де-Ла-Горса изложеніе событій доведено пока до того періода, когда французское правительство колебалось между двумя противоположными направленіями и, вступивъ на путь широкихъ внутреннихъ реформъ, не покидало и стараго пути съ его пагубными традиціями и иллюзіями..

Л. Слонимскій.

ПЕРВЫЙ БАНКЪ

для

КУСТАРЕЙ

Кустарная выставка и съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности въ Петербургѣ вызвали нѣсколько изданій, посвященныхъ нашей кустарной промышленности и связаннымъ съ ней учрежденіямъ, въ томъ числѣ „Очеркъ дѣятельности пермскаго кустарно-промышленнаго банка за время его существованія“ (1894—1901 гг.) [1]. Банкъ этотъ есть единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ Россіи и уже по этому одному заслуживаетъ, чтобы на него было обращено вниманіе. Изданный же банкомъ очеркъ его дѣятельности содержитъ, кромѣ того, нѣкоторые факты, характерные въ соціально-бытовомъ, такъ сказать, отношеніи. Мы намѣреваемся, поэтому, остановиться на этомъ изданіи и познакомить читателя съ характеромъ дѣятельности банка и нѣкоторыми обстоятельствами его учрежденій и послѣдующаго развитія.

Читатель не забылъ, быть можетъ, рѣчи одного губернатора при открытіи земскаго собранія, рѣчи, въ которой онъ предостерегалъ земцевъ противъ чрезмѣрнаго подчиненія земскихъ дѣлъ вліянію служащихъ въ земствѣ по найму, сильныхъ своей интеллигентностью и идейностью и способныхъ, будто бы, благодаря этому, увлечь земство на путь рискованныхъ и непрактическихъ мѣропріятій.

Рѣчь эта была интересна въ томъ отношеніи, что ею оффиціально констатируется наличность факта замѣтнаго идейнаго вліянія на земскія дѣла со стороны посторонняго элемента, призваннаго, повидимому, лишь

---

[1]) Пермскій кустарно-промышленный банкъ губернскаго земства. Пермь. 1902.

къ простому выполненію извѣстныхъ службъ въ рамкахъ, опредѣляемыхъ земскими собраніями и управами, а въ дѣйствительности являющагося иниціаторомъ нововведенія, вдохновителемъ земскихъ дѣятелей къ борьбѣ за лучшую постановку земскаго дѣла. Всего яснѣе проявляется вліяніе этого элемента, кажется, въ земской медицинѣ и земской статистикѣ. Въ большинствѣ случаевъ именно земскіе врачи являются иниціаторами преобразованія дѣйствующей организаціи медицинской части; имъ приходится подчасъ очень долго и упорно бороться съ земцами за лучшую постановку земскаго же дѣла, вступать въ конфликты съ земскими собраніями и управами, лишаться иногда мѣста, но въ концѣ концовъ все-таки побѣждать, потому что въ данномъ случаѣ они являются представителями идеи гуманности и общественнаго интереса. Еще съ бо̀льшимъ приближеніемъ къ истинѣ можно сказать, что образцовыя изслѣдованія земской статистики явились у насъ благодаря тому, что земство допустило въ среду своихъ дѣятелей многихъ интеллигентныхъ лицъ и не воспрепятствовало имъ повести соотвѣтствующія изслѣдованія на пути, указываемомъ широкимъ научно-общественнымъ интересомъ. Что отношенія между земствомъ и его служащими не были отношеніемъ только нанимателей къ наемникамъ, что это были сплошь и рядомъ отношенія характера принципіальнаго и общественнаго, отношенія двухъ силъ, часто солидарныхъ, по временамъ враждебныхъ—косвенно доказывается столкновеніями земскихъ собраній и управъ съ земскими врачами, или статистиками, столкновеній, разыгрывавшихся на почвѣ принципіальной и имѣвшихъ иногда слѣдствіемъ поголовное оставленіе служащими своихъ мѣстъ, сожженіе трудовъ земскихъ статистиковъ и другія проявленія настоящей партійной борьбы.

Было бы очень интересно разъяснить, почему именно въ земствѣ (провинціальномъ), а не въ городскомъ управленіи, обнаруживается замѣтное прогрессивное вліяніе посторонняго служебнаго элемента. Не останавливаясь, однако, на этомъ вопросѣ въ настоящій моментъ, мы замѣтимъ, что не обошлось безъ такого вліянія и дѣло организаціи кредита для кустарей въ пермской губерніи.

Въ 1876 г., на должность статистика пермскаго губернскаго земства былъ приглашенъ Е. И. Красноперовъ, и это приглашеніе—по словамъ правленія пермскаго кустарно-промышленнаго банка—„въ исторіи развитія пермскаго кустарничества составило эпоху. Неутомимый труженикъ, Е. И. Красноперовъ (умеръ въ 1897 г.) шагъ за шагомъ въ продолженіе двадцати лѣтъ развертывалъ картину экономическаго положенія кустарей; шагъ за шагомъ выяснялась вся ихъ

безпомощность въ борьбѣ съ капиталомъ. Чутко прислушиваясь къ нуждамъ кустарей, приглядываясь къ тѣмъ формамъ, въ какія они организовались въ борьбѣ съ капиталомъ, этотъ передозой знатокъ кустарничества пришелъ къ мысли, что единственнымъ modus vivendi кустаря является кооперативная форма производства и сбыта, создать которую путемъ учрежденія дешеваго кредита, артелей и кустарныхъ складовъ призвано земство" („Пермскій кустарно-промышл. банкъ губ. земства", стр. 4)... Пермское земство первоначально учредило уѣздные и губернскіе „комитеты для содѣйствія сельскому хозяйству, кустарной и другимъ отраслямъ промышленности", главной цѣлью которыхъ было содѣйствіе именно кустарному производству. Но такъ какъ безъ кредита эти учрежденія не могли оказать кустарямъ существенной помощи, то Красноперовъ поставилъ себѣ задачей добиться организаціи мелкаго кредита кустарямъ.

Фактомъ, приблизившимъ осуществленіе его идеи, была сибирско-уральская научная выставка въ Екатеринбургѣ въ 1887 году. „Ея кустарный отдѣлъ во-очію показалъ, какое важное значеніе имѣетъ кустарная промышленность въ краѣ... Наглядно постигая эту важность, всѣ знали, что кустари работаютъ въ тяжелыхъ условіяхъ бѣдности, изъ-за куска хлѣба, безъ всякой помощи со стороны научной техники и капитала. Всѣ сходились въ мысли—чѣмъ-нибудь помочь кустарямъ, но чѣмъ именно—это было вопросомъ, требовавшимъ рѣшенія. Создавалось, такимъ образомъ, въ интеллигентной средѣ извѣстное настроеніе, горячо поддерживаемое мѣстной прессой, напряженность котораго обезпечивала отзывчивость общественнаго мнѣнія на всякій проектъ искомой помощи, лишь бы онъ заключалъ въ себѣ нѣчто реальное, а не обычныя благожелательныя фразы. Чувствовалась потребность не въ книгѣ, испещренной цифрами, а въ живомъ словѣ, убѣжденной, компетентной рѣчи, которая освѣтила бы вопіющія нужды кустарей и указала бы на возможныя средства къ посильному ихъ удовлетворенію. Отвѣтомъ на эту потребность послужили публичныя лекціи прибывшихъ на выставку съ разныхъ концовъ лицъ"... Гг. Тарасовъ, Китаевъ и Арсеньевъ выяснили широкое распространеніе кустарной промышленности въ Россіи и указали на мѣры воспособленія, принимавшіяся нѣкоторыми дѣятелями. Послѣдняя же лекція—Красноперова—„явилась синтезомъ предъидущихъ. Всѣ средства воспособленія кустарной промышленности вошли въ эту лекцію, какъ части въ цѣлое". Спеціальнымъ же ея предметомъ былъ вопросъ объ учрежденіи для кустарей земскаго банка.

Красноперовъ не ограничился однимъ развитіемъ идеи земскаго кредитнаго учрежденія. Онъ указалъ и на средства для осуществле-

нія этого предпріятія, предложивъ обратить на него капиталъ, образованный пермскимъ губ. земствомъ въ 1881 г., въ память почившаго императора Александра II, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на какое-либо полезное для населенія учрежденіе. Въ виду ограниченныхъ размѣровъ капитала (60.000 руб.), земское собраніе положило дать ему какое-либо назначеніе, послѣ того какъ онъ наростетъ до 300.000 руб. Это постановленіе служило, казалось, непреодолимымъ препятствіемъ осуществленію проекта Красноперова, но благодаря тому, что его идея вызвала горячее сочувствіе предсѣдателя губернской земской управы, К. Я. Пермякова, упомянутое формальное препятствіе было устранено, составленный Красноперовымъ проектъ устава банка внесенъ въ губернское земское собраніе и послѣ нѣкоторыхъ его измѣненій, осенью 1888 г., представленъ на утвержденіе правительства. Утвержденіе это послѣдовало только черезъ пять лѣтъ, да и этотъ сравнительно благопріятный исходъ правленіе пермскаго банка приписываетъ содѣйствію петербургскаго общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности и его предсѣдателя А. А. Исаева, а также члена совѣта министра государственныхъ имуществъ Ф. Н. Королева.

Не особенно участливо отнеслись къ банку оффиціальныя петербургскія сферы и въ томъ случаѣ, когда, предвидя быстрое истощеніе собственнаго капитала (114.000 руб.), кустарно-промышленный банкъ, поддержанный земскимъ собраніемъ, возбудилъ въ 1894 г. ходатайство о разрѣшеніи ему кредитоваться въ государственномъ банкѣ на условіяхъ спеціальнаго текущаго счета въ суммѣ 172.000 руб. по пониженному проценту (3%). Государственный банкъ, какъ то случается въ отношеніяхъ съ мелкими клiентами, тянулъ дѣло цѣлыхъ два года и въ концѣ-концовъ отвѣтилъ на ходатайство отказомъ. Только благодаря протекціи предсѣдателя кустарнаго комитета министерства земледѣлія, графа А. А. Бобринскаго, пермскому банку открытъ былъ небольшой кредитъ на посредническихъ основаніяхъ изъ 5%.

Но если оффиціальныя сферы по отношенію къ кустарно-промышленному банку играли по преимуществу ограничительную роль, то такъ-называемый посторонній элементъ въ земствѣ, классъ земскихъ служащихъ, формально никакого отношенія къ банку не имѣющихъ, проявилъ горячее участіе къ его судьбѣ и играетъ немаловажную роль въ правильномъ ходѣ его дѣлъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя цѣлью оказывать кредитъ именно кустарямъ и исключительно на оборотныя средства, ставя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ задачей поддерживать самостоятельныхъ производителей, а не эксплоататоровъ чужого труда, и стремясь къ тому, чтобы ссуда попала въ руки лицъ кредитоспособныхъ, земскій банкъ можетъ удовлетворить требованіе ссудъ не иначе, какъ

по тщательномъ изслѣдованіи хозяйственнаго состоянія просителей и подъ условіемъ наблюденія за правильностью расходованія полученныхъ кустаремъ средствъ. „Еслибы производство мѣстныхъ изслѣдованій лежало на обязанности правленія банка, какъ то первоначально предполагалось, то даже при самомъ дѣятельномъ участіи земскихъ управъ и служащихъ земства, развитіе операцій банка было бы невозможно, такъ какъ расходы на поѣздки не окупались бы процентами, взимаемыми по ссудамъ". Дѣйствительно, при среднемъ размѣрѣ ссуды изъ пермскаго банка въ 83 руб., проценты составляютъ 6 руб. 64 коп. въ годъ; поѣздка же на мѣсто даже только за 60—70 верстъ стóитъ 7—8 руб. Земскій банкъ избѣжалъ этого расхода тѣмъ, что обратился къ мѣстнымъ жителямъ съ предложеніемъ сдѣлаться безвозмездно агентами банка и исполнять за него необходимыя функціи на мѣстахъ. Въ первый же годъ на призывъ банка откликнулось 208 лицъ, а въ настоящее время банкъ имѣетъ на мѣстахъ 230 агентовъ, бóльшая половина которыхъ состоитъ изъ учителей, врачей, агрономическихъ смотрителей и другихъ лицъ, состоящихъ на службѣ земства. Эти агенты „популяризировали среди населенія задачи банка, привлекали заемщиковъ, доставляли свѣдѣнія о рабочей организаціи промысловъ и имущественномъ положеніи просителей, наблюдали за правильнымъ употребленіемъ полученныхъ ссудъ и, главное, являлись постоянными посредниками между банкомъ и тѣмъ населеніемъ, ради благосостоянія котораго учрежденъ былъ и самый банкъ. А потому, безъ преувеличенія можно сказать, что если кустарному банку удалось развить свои операціи и сдѣлать кредитъ доступнымъ для кустарей и недорогимъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего дѣятельности агентовъ и тому сердечному отношенію къ дѣлу,—въ сущности весьма сложному и кропотливому,—какое они проявляютъ" (стр. 35—36)...

Объ успѣхѣ же дѣятельности банка можно судить потому, что уже на второй годъ его существованія спросъ на ссуды превысилъ вдвое его капиталъ; что съ 1898 г. онъ развилъ свои операціи до максимальнаго предѣла, допускаемаго уставомъ; что онъ не несетъ почти потерь отъ неисправности заемщиковъ и въ теченіе семи лѣтъ увеличилъ свой капиталъ съ 114.000 руб. до 128.000 руб., т.-е. почти на 12%.

Важнымъ препятствіемъ на пути дальнѣйшаго расширенія операцій банка служитъ § 6 его устава, согласно которому „общій итогъ обязательствъ банка (вкладовъ и займовъ) не долженъ превышать основной и запасной капиталы банка болѣе, чѣмъ въ полтора раза". Ограниченіе это введено въ уставъ, повидимому, вопреки предположеніямъ земства, въ проектѣ котораго, представленномъ на утвер-

жденіе подлежащихъ сферъ, отношеніе вкладочнаго и заемнаго капиталовъ къ капиталамъ банка опредѣлялось какъ 5 : 1. Быстрое истощеніе средствъ банка, обусловленное этимъ параграфомъ, и было причиной возбужденія въ 1894 г. ходатайства о разрѣшеніи пермскому банку кредитоваться въ банкѣ государственномъ на условіяхъ спеціальнаго текущаго счета въ суммѣ до 172.000 руб. Ходатайство это, какъ сказано выше, получило отказъ, и земскому банку былъ открытъ только посредническій кредитъ въ суммѣ 10.000 руб., затѣмъ 15.000 руб. и, наконецъ, въ 1901 г.—въ суммѣ 25.000 руб. Что касается операцій за счетъ собственнаго капитала банка, то уже въ 1898 г. онѣ достигли предѣла, допускаемаго уставомъ. Собственный капиталъ банка равнялся въ это время 122.000 руб.; вклады и займы, по уставу, не могли превосходить 183.000 руб.; всѣ оборотныя средства банка составляли поэтому около 300.000 руб., а спросъ новый на ссуды въ этомъ году достигъ 338.000 руб. Дальнѣйшее расширеніе дѣятельности банка могло происходить лишь за счетъ естественнаго роста его собственныхъ капиталовъ и соотвѣтствующаго увеличенія капиталовъ заемныхъ, что составляетъ по приблизительному разсчету возростаніе оборотныхъ средствъ на 5.625 руб. въ годъ. Требованіе же ссудъ ростетъ гораздо быстрѣе. Составляя въ 1895 г. 230.000 руб., оно поднялось въ 1896 г. до 247.000 руб., равнялось въ 1897 г.—281.000 руб., въ 1898 г.—338.000 руб., въ 1899 г. (недородъ)—427.000 руб. и въ 1900 г.—345.000 руб. Удовлетвореніе получало нѣсколько болѣе половины этихъ требованій, а за семь лѣтъ дѣятельности банка 8.736-ти кустарямъ выдано было въ займы 1.092.000 руб. Въ 1900 г. оборотъ по выдачѣ ссудъ превышалъ 500.000 руб.: за заемщиками состояло 274.000 руб., а уплачено и отсрочено было 247.000 руб.

Указанное напряженіе оборотныхъ средствъ банка неизбѣжно выдвигало на очередь вопросъ о томъ, какой политики держаться банку въ теченіе его послѣдующей дѣятельности: „дать ли возможность, путемъ выдачъ повторныхъ ссудъ, твердо стоять на ногахъ, тѣмъ кустарямъ, которымъ первая ссуда помогла подняться, или же оказывать помощь новымъ просителямъ, безъ твердой увѣренности, что кредитъ банка окажетъ существенную пользу“. Банкъ рѣшился на послѣднее и принялъ вообще мѣры къ тому, чтобы ссуда выдавалась возможно бо̀льшему числу просителей. Въ этихъ видахъ ему пришлось сократить сроки ссудъ и раздроблять по возможности самыя ссуды, т.-е. удовлетворять преимущественно наиболѣе мелкихъ производителей. И дѣйствительно, средній размѣръ ссуды изъ года въ годъ уменьшается и составлялъ 122.000 руб.; въ 1894 г. онъ опустился до 75.000 руб., или до 58% первоначальной суммы въ 1900 г. Испрашиваемая ссуда превышаетъ выданную, въ среднемъ, почти въ $1^1/_2$ раза.

Соотвѣтственно сокращенію средняго размѣра ссуды, увеличивалось число мелкихъ и уменьшалось число крупныхъ выдачъ. Число ссудъ не выше 50 руб. съ 18% общаго количества ссудъ въ 1895 г. возросло до 48%, въ 1900 г. увеличилось (съ 33 до 40%) и число ссудъ отъ 50 до 100 руб.; болѣе же крупныя ссуды значительно сократились, въ томъ числѣ ссуды выше 200 руб. съ 15% общаго числа выдачъ уменьшились до 0,7%; а выдача въ однѣ руки болѣе 400 руб. съ 1897 г. вовсе прекратилась. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы около половины выдаваемыхъ кустарнымъ банкомъ ссудъ не превышаютъ 50 руб.; 2/5 ссудъ колеблются между 50 и 100 руб.; 1/9 не превосходитъ 200 руб., и 0,7% имѣютъ размѣры отъ 200 до 400 руб.

Этой классификаціей по размѣру выдаваемыхъ банкомъ ссудъ мы подходимъ къ вопросу о томъ, какіе типы кустарей—по признаку трудовой ихъ организаціи и по хозяйственной состоятельности—поддерживаетъ, преимущественно, кустарный банкъ. Вопросъ этотъ представляетъ тѣмъ бо̀льшій интересъ, что въ литературѣ циркулируетъ уже мнѣніе о томъ, что пермскій кустарный банкъ способствуетъ, будто бы, капиталистической метаморфозѣ мелкихъ промысловъ—и выводится изъ этого заключеніе о тщетномъ усиліи поддержать кредитомъ типическихъ мелкихъ производителей.

По уставу пермскаго кустарнаго банка ссуда выдается артелямъ и отдѣльнымъ кустарямъ, ведущимъ производство силами своихъ семей или обращающимся къ наемному труду лишь въ случаяхъ, гдѣ это представляется необходимымъ по роду промысла (напр., наемный дувальщикъ у кузнеца, погонщикъ лошадей у маслобоя и т. п.). Такъ какъ въ пермской губерніи значительное распространеніе имѣютъ промыслы послѣдняго рода, то въ числѣ кліентовъ банка состоитъ довольно значительное число кустарей, работающихъ при помощи наемнаго труда. 10.431 кустарей (не считая артелей), воспользовавшихся ссудою изъ банка въ теченіе семи отчетныхъ лѣтъ, по трудовой организаціи предпріятія, распадаются на слѣдующія группы: 67% заемщиковъ не примѣняютъ вовсе наемнаго труда; 5% имѣютъ учениковъ; 21% прибѣгаютъ временно къ найму рабочихъ, и 6,6% пользуются наемнымъ трудомъ постоянно. Въ суммѣ, наемный элементъ составляетъ 1/4 часть общаго числа участниковъ въ производствѣ, а 3/4 послѣднихъ принадлежатъ членамъ семей кустарей. Въ послѣдніе годы число заемщиковъ, примѣняющихъ въ производствѣ наемный трудъ, сокращается, и въ 1897—1899 гг. участвующіе въ производствѣ только рабочими силами своихъ семей составляли 73 1/4%. Такой же почти процентъ кустарей (73%), обходящихся безъ наемнаго труда,

перепись 1894—1895 гг. обнаружила въ средѣ мелкихъ производителей пермской губерніи вообще.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно кустарныхъ единицъ съ однимъ, двумя, тремя и четырьмя наемными рабочими: въ числѣ кліентовъ банка такихъ кустарей въ суммѣ на $^1/_2$% (общаго числа кустарей) меньше, нежели среди пермскихъ кустарей вообще, а предпріятій съ 5—10 рабочими и болѣе—на $^1/_2$% больше. Принимая, однако, во вниманіе, что заемщики послѣдней категоріи составляютъ всего 1,84% общаго числа кредитующихся въ банкѣ лицъ, мы можемъ безъ колебаній заключить, что, по трудовой организаціи промысла, кліенты банка не отличаются существенно отъ остальныхъ кустарей пермской губерніи; что, смотря на вопросъ съ практической точки зрѣнія, слѣдуетъ считать, что земскій кустарный банкъ въ послѣдніе годы приходилъ на помощь типическому (по экономической организаціи) кустарю пермской губерніи.

Если же отнестись къ вопросу не практически, а совершенно абстрактно, то, основываясь на фактѣ, что наиболѣе крупныхъ производителей (имѣющихъ 5 рабочихъ и болѣе) среди кліентовъ банка относительно на $^1/_3$ больше, нежели среди всѣхъ кустарей пермской губерніи (1,84% противъ 1,40%), можно—при желаніи—придти къ заключенію, что пермскій банкъ поощряетъ преимущественно полукапиталистическія кустарныя предпріятія. Съ той же абстрактной, а не практической точки зрѣнія, мыслимо привести и прямыя доказательства того, что пермскій кустарный банкъ содѣйствуетъ капиталистической метаморфозѣ промысла. Доказательство этого можно усмотрѣть въ трудовомъ составѣ предпріятій кустарей, прибѣгающихъ къ повторнымъ займамъ. Тогда какъ лица, пользующіяся (въ 1898 г.) банковой ссудой въ первый разъ—при среднемъ составѣ своихъ предпріятій въ 2,72 трудящихся—нанимали, въ среднемъ, по 0,52 рабочихъ, — кустари, занимающіе второй, третій и т. д. разъ, имѣли больше и больше наемныхъ рабочихъ, а тѣ изъ нихъ, которые воспользовались ссудой въ пятый разъ—при среднемъ составѣ мастерской въ четыре человѣка—содержали 2,14 наемныхъ рабочихъ. Выходитъ, такимъ образомъ, какъ будто бы каждая слѣдующая банковая ссуда даетъ кустарю возможность увеличить наемный персоналъ своего предпріятія и при пятой ссудѣ довести его до размѣровъ, превышающихъ въ четыре раза участіе въ производствѣ наемнаго элемента въ моментъ первой ссуды. Основываясь на этихъ данныхъ, одинъ изъ докладчиковъ съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности въ г. Полтавѣ (лѣтомъ прошлаго года) объявилъ, что самымъ виднымъ результатомъ дѣятельности пермскаго кустарнаго банка является воспособленіе капиталистической эволюціи мелкой промышленности.

Заключеніе это, къ которому по первому впечатлѣнію присоединится, быть можетъ, и читатель, грѣшитъ, однако, въ двоякомъ отношеніи. Оно принимаетъ за доказанное, что къ повторнымъ ссудамъ безразлично прибѣгаютъ представители всѣхъ промысловъ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности весьма можетъ быть, что за повторными ссудами обращаются, преимущественно, кустари болѣе сложныхъ промысловъ, гдѣ, по техническимъ условіямъ работы, требуется участіе бòльшаго числа трудящихся. Если вѣрно это послѣднее соображеніе, то возростаніе наемнаго элемента, при повтореніи займовъ, могло бы въ среднихъ выводахъ получаться въ томъ случаѣ, когда въ дѣйствительности элементъ этотъ сокращается.

Но еслибы даже повтореніе займовъ способствовало дѣйствительно возростанію участія наемнаго труда въ соотвѣтствующихъ предпріятіяхъ, то все-таки нельзя было бы сказать, что самымъ виднымъ результатомъ дѣятельности пермскаго банка является капиталистическая метаморфоза кустарныхъ промысловъ.

Для такого заключенія слѣдовало бы еще показать, что оборотныя средства банка обращаются преимущественно на повторныя ссуды. Въ трудѣ, которымъ мы пользуемся, нѣтъ свѣдѣній о томъ, какая часть этихъ средствъ идетъ на первичныя и какая—на повторныя ссуды. Но мы узнаемъ изъ него, что за все время дѣятельности банка на 8.736 кустарей, воспользовавшихся его услугами, приходится 13.027 ссудъ, что дастъ, въ среднемъ, 1½ ссуды на одного заемщика. Это значитъ, что всѣ повторныя ссуды въ совокупности составляютъ ⅓ часть общаго числа ссудъ. Повторныя ссуды чаще выдавались въ первые годы дѣятельности банка, и выдача ихъ сократилась въ послѣднее время, когда банкъ сталъ испытывать недостатокъ оборотныхъ средствъ.

Никто не станетъ, конечно, сомнѣваться въ томъ, что при помощи льготнаго кредита можно содѣйствовать превращенію мелкихъ индивидуальныхъ кустарныхъ предпріятій въ болѣе крупныя. Пермскій кустарный банкъ преслѣдуетъ, однако, цѣль поощренія по возможности чистыхъ трудовыхъ организацій. Кажется поэтому нѣсколько непонятнымъ—почему онъ выдаетъ ссуды предпріятіямъ съ 4—10 и болѣе наемными рабочими, и почему число такихъ кліентовъ банка съ 2,10% въ 1895 г. возросло до 2,94% въ 1899 г. Явленіе это представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что оборотныя средства банка не соотвѣтствуютъ спросу на ссуды, и что банкъ стремится удовлетворить по возможности требованія лицъ менѣе состоятельныхъ.

Выводить, однако, изъ этого факта заключеніе о томъ, что кредитъ не въ состояніи поддержать мелкаго самостоятельнаго производителя и что организація льготнаго кредита для кустарей только

ускоряетъ процессъ капиталистической его метаморфозы, было бы правильно въ томъ случаѣ, еслибы мелкіе промышленники оказались, вообще говоря, некредитоспособными, и банку оставалось бы выбирать между прекращеніемъ дѣятельности и поощреніемъ предпріятій, эксплоатирующихъ наемный трудъ. Обстоятельства даннаго случая, однако, не таковы. Кліенты пермскаго банка очень исправны въ выполненіи своихъ обязательствъ; принудительно взыскиваются съ нихъ какіе-нибудь 200—300 руб. въ годъ, безнадежные долги банку выражаются сотыми долями процента, а число заемщиковъ, ведущихъ производство исключительно силами своихъ семей, не только не уменьшается, а даже увеличивается и съ 70% въ 1895 г. возросло до 73½% въ 1899 г. Банковыя средства, поэтому, идутъ, главнымъ образомъ, на поддержаніе чисто трудовыхъ предпріятій, а если вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается поощреніе и полукапиталистическихъ мастерскихъ, то это будетъ уже побочнымъ результатомъ дѣятельности банка, которому можно дать бо́льшее или ме́ньшее развитіе.

Выше приведены были данныя, свидѣтельствующія о томъ, что, по трудовой организаціи предпріятій, кліенты банка не отличаются существенно отъ прочихъ кустарей пермской губерніи. Иное слѣдуетъ сказать относительно хозяйственной состоятельности производителей; по количеству скота и по размѣрамъ посѣва кліенты банка оказываются стоящими значительно выше средняго кустаря пермской губерніи. Безлошадныхъ домохозяевъ среди кустарей вообще 29%, а среди заемщиковъ—около 12%; безкоровныхъ въ первомъ случаѣ—17%, во второмъ—3,5%; площадь посѣва у средняго пермскаго кустаря 6,3 десятины, а у банковаго кліента—8,8 десятины и такъ далѣе. Эти сопоставленія не даютъ, однако, полнаго понятія о сравнительной состоятельности тѣхъ и другихъ кустарей, во-первыхъ, потому, что свѣдѣнія о заемщикахъ банка гораздо болѣе точны, а неточныя данныя о чьей-либо состоятельности, какъ извѣстно, грѣшатъ, вообще, въ сторону ея преуменьшенія; во-вторыхъ, что распредѣленіе заемщиковъ банка по территоріи губерніи, опредѣляясь преимущественно разстояніемъ даннаго района отъ мѣстопребыванія кредитнаго учрежденія, не соотвѣтствуетъ распредѣленію кустарей; и потому различія между тѣми и другими въ отношеніи ихъ сельскаго хозяйства, до извѣстной степени могутъ опредѣляться хозяйственными условіями районовъ, а не состоятельностью производителей.

Какъ бы, однако, ни было, можно во всякомъ случаѣ утверждать, что главною причиной отказа кустарямъ въ ссудѣ были не обстоятельства ихъ хозяйственнаго положенія, потому что по отношенію къ

этому признаку получившіе ссуду и встрѣтившіе отказъ не представляютъ рѣзкихъ между собою различій. Такъ, процентъ домохозяевъ, не имѣющихъ пахатной земли, лошадей и коровъ среди кустарей, не получившихъ ссуды, превышаетъ соотвѣтствующій процентъ среди кліентовъ банка. Но, во-первыхъ, число такихъ домохозяевъ даже въ первой группѣ вообще незначительно (безкоровныхъ—7,4%, безлошадныхъ—14%, безъ пахатной земли—14,8%); во-вторыхъ, по другимъ признакамъ хозяйственной состоятельности, получившіе ссуду почти вовсе не отличаются отъ не получившихъ ея. Такъ, пахатной земли въ первой группѣ кустарей оказывается 8,83 десятины на дворъ, во второй—9,45 десятины, лошадей — 1,95 и 1,87, коровъ—2,75 и 2,62. Даже кустари, которымъ было отказано въ ссудѣ по причинѣ ихъ некредитоспособности, получили такую репутацію въ глазахъ банка, главнымъ образомъ, за свои личныя качества, а не за капитальныя, такъ сказать, условія хозяйства, по отношенію къ которымъ они не отличаются существенно отъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Такъ, приходится:

	На одного домохозяина: заемщика:	получившаго отказъ:
земли	12,8 десят.	15,4 десят.
лошадей.	1,95 „	1,68 „
коровъ	2,75 „	2,37 „
страховая оцѣнка построекъ	238 руб.	303 руб. [1].

Кромѣ единичныхъ кустарей, пермскій банкъ выдаетъ ссуды артелямъ и кустарно-торговымъ складамъ. Соотвѣтственныя операціи банка развиты, однако, довольно слабо. За семь лѣтъ въ банкѣ кредитовались, на сумму 51.630 рублей, 221 артель въ составѣ 1.060 участниковъ, съ общимъ числомъ рабочихъ 2.400, въ числѣ коихъ 21% приходятся на долю наемныхъ. Артельный кредитъ развивается медленно, и что̀ главное—прогрессируютъ только кредитныя артели, производительныя же сокращаются (9 получившихъ ссуду въ 1896 г. и 2—въ 1900 г.), а сырьевыя рѣзко колеблются въ количествѣ (въ 1898 г. получили ссуду 9 артелей, въ 1899 г.—1, въ 1900 г.—10). Въ 1900 г. получили ссуду въ 16.870 рублей 61 артель: 2—производительныхъ (6 членовъ), 10—сырьевыхъ (71 членъ) и 49—кредитныхъ (183 члена). „Такимъ образомъ, наиболѣе жизненною формою артели является ссудное товарищество; члены его, нуждающіеся въ кредитѣ, сговариваются взять ссуду за круговой порукой и, получивши ее, дѣлятъ между собою. Эта форма кредита является средствомъ для наиболѣе

[1]) Пермскій кустарно-промышленный банкъ (стр. 107, 108, 127, 128, 130).

бѣдныхъ кустарей получить ссуду, не представляя стороннихъ поручителей". Что же касается остальныхъ артелей, то если къ сказанному выше о рѣдкихъ случаяхъ кредита „добавить, что ни одна изъ артелей не просуществовала болѣе четырехъ лѣтъ, то станетъ очевиднымъ, что для существованія производительныхъ и сырьевыхъ артелей имѣются какія-то препятствія".

Еще менѣе удачна была дѣятельность банка по развитію операціи кустарныхъ складовъ. Первоначально предполагалось, что уѣздные кустарно-торговые склады будутъ играть роль филіальныхъ отдѣленій банка; но предположенія эти не оправдались, и открытые при нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ склады скоро прекратили требованія кредита. Обстоятельно выяснены причины неудачи одного кунгурскаго склада, созданнаго исключительно на средства банка. Причины эти—неопытность завѣдующихъ и отсутствіе ассигновокъ на складъ со стороны открывшаго его уѣзднаго земства, вслѣдствіе чего ему пришлось дѣлать безвозвратные расходы изъ капитала, за который онъ уплачивалъ банку 6%.

По даннымъ неполной, впрочемъ, переписи кустарей, въ срединѣ истекшаго десятилѣтія въ пермской губерніи насчитывалось 12.500 семей кустарей; ссуды же въ послѣдніе годы получали, въ среднемъ, 2.700 человѣкъ, или 1/5 часть кустарей. Считая, что на повторныя ссуды падаетъ 1/4—1/3 часть этого числа—получимъ, что первичными ссудами ежегодно пользуются около 1.800 — 2.000 кустарей, или 1/6—1/7 часть общаго числа послѣднихъ. Это значитъ, что, при настоящемъ развитіи дѣятельности банка, каждый кустарь можетъ воспользоваться ссудою изъ него одинъ разъ въ 5—6 лѣтъ. Этого, очевидно, недостаточно, и потому закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы пермскій кустарный банкъ поскорѣе избавился отъ § 6 своего устава, ограничивающаго его рессурсы полуторной нормой займовъ и вкладовъ противъ собственныхъ капиталовъ банка.—В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

Слова, произнесенныя въ Курскѣ Государемъ Императоромъ.—Труды уѣздныхъ комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Новые законы: объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій, о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи, о церковныхъ школахъ, объ артеляхъ, о водопроводныхъ сооруженіяхъ на чужихъ земляхъ, о распубликованіи сенатскихъ рѣшеній, о созывѣ чрезвычайныхъ земскихъ собраній.—Post-scriptum. Бесѣда г. министра внутреннихъ дѣлъ съ представителями курскаго земства.

Государь Императоръ, при проѣздѣ черезъ Курскъ, 29-го августа, на большіе маневры, изволилъ обратиться къ собравшимся въ залѣ вокзала дворянамъ со слѣдующими словами:

„Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ Монарховъ за вѣрную и самоотверженную службу Престолу. Незабвенный Отецъ Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ; на этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за эту службу“.

Громкое, единодушное „рады стараться“ было отвѣтомъ дворянъ на милостивыя слова Государя. Его Величество продолжалъ:

„Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія. Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время; есть неустройства и въ крестьянскомъ; для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны въ свое время губернскіе комитеты, съ участіемъ дворянства и земства. Что же касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою“.

Восторженные клики покрыли заключительныя слова Монарха. Обращаясь къ представителямъ земства курской губерніи, Государь сказалъ:

„Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей важ-

ности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи".

Эти милостивыя слова Монарха были покрыты восторженнымъ, долго несмолкавшимъ „ура".

По повелѣнію Его Императорскаго Величества, 1 сентября, въ день посѣщенія Государемъ Императоромъ города Курска, въ губернаторскомъ домѣ были собраны нѣкоторые волостные старшины и сельскіе старосты губерній: курской, полтавской, харьковской, черниговской, орловской и воронежской. Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ нимъ со слѣдующими словами:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полтавской и харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя Имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: „Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ". Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Передайте въ точности все, что Я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю Своимъ попеченіемъ".

Въ печати появилось, за послѣднее время, довольно много извѣстій о работахъ уѣздныхъ комитетовъ, учрежденныхъ по иниціативѣ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Общее впечатлѣніе, производимое этими извѣстіями, весьма благопріятно: оно подтверждаетъ надежду, выраженную нами, два мѣсяца тому назадъ, по поводу перваго засѣданія суджанскаго уѣзднаго комитета. Замѣчателенъ, прежде всего, составъ многихъ комитетовъ. Въ Торжкѣ, въ Темниковѣ, въ Рузѣ, въ Грязовцѣ, въ Лохвицѣ, къ участію въ занятіяхъ комитета приглашены всѣ уѣздные гласные. Темниковскій уѣздный предводитель дворянства, мотивируя эту мѣру, выразилъ убѣжденіе, что „единственнымъ компетентнымъ органомъ для разработки вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе комитета, является въ уѣздѣ уѣздное земское собраніе"; не имѣя возможности обратиться къ нему, онъ хотѣлъ, „чтобы по крайней мѣрѣ составъ комитета совпалъ съ составомъ земскаго собранія". Число приглашен-

ныхъ въ нѣкоторыхъ комитетахъ весьма велико; въ Лохвицѣ, напримѣръ, ихъ болѣе шестидесяти—въ томъ числѣ агрономы, представители судебнаго вѣдомства, чиновники, профессора, народные учителя, крестьяне. Предсѣдатель арзамасскаго комитета, при самомъ его открытіи, выразилъ намѣреніе пригласить къ участію въ слѣдующихъ засѣданіяхъ двадцать-пять крестьянъ. Дѣятельное участіе крестьяне принимаютъ въ комитетахъ хвалынскомъ, вольскомъ и многихъ другихъ. На разсмотрѣніе комитетовъ (напр. смоленскаго, рузскаго, темниковскаго, лохвицкаго, грязовецкаго) часто вносятся обширныя записки. Надъ разработкой отдѣльныхъ вопросовъ трудятся особыя коммиссіи и земскія управы. О равнодушномъ отношеніи къ дѣлу мы встрѣтили до сихъ поръ только три сообщенія, касающіяся уѣздовъ дмитріевскаго (курской губерніи), уфимскаго и балахнинскаго. Весьма рѣдко проявлялось стремленіе предсѣдателя ограничить кругъ занятій комитета. Не часто, повидимому, встрѣчаются и случаи узкаго пониманія самими комитетами предстоящей имъ задачи (въ чернскомъ комитетѣ работа приняла то направленіе, какого слѣдовало ожидать отъ его предсѣдателя, г. Сухотина; въ староконстантиновскомъ комитетѣ на первый планъ выдвинулась жалоба одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ на порубки и потравы, совершаемыя крестьянами). Одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе народной массы, большинство комитетовъ, о дѣятельности которыхъ появлялись свѣдѣнія въ печати, считаютъ юридическую неполноправность крестьянъ. „Прежде всего"—читаемъ мы въ докладѣ предсѣдателя темниковскаго комитета,—„слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого нужно уравнять его съ лицами другихъ сословій въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, подчинить общей администраціи и общимъ судебнымъ установленіямъ". „Вмѣстѣ съ ростомъ всей нашей общественности и распространеніемъ образованія въ народной средѣ"—говоритъ предсѣдатель смоленскаго уѣзднаго комитета,—„растетъ и личность крестьянина,—развивается его общественное сознаніе и потребность въ самоопредѣленіи. Но всѣ стремленія этого рода встрѣчаютъ на своемъ пути многочисленныя и тяжелыя препятствія. Самодѣятельности и почину крестьянина негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что и такія явленія, какъ семейные раздѣлы и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина. Самодѣятельность,

починъ, широкій кругозоръ, смѣлая инициатива и увѣренность въ своихъ силахъ,—всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности, могутъ ли они имѣть мѣсто при современномъ положеніи вещей? Немалыя препятствія встрѣчаютъ и стремленія населенія къ разнаго рода кооперациямъ. Для полученія разрѣшенія на открытіе какого-нибудь общества, товарищества, библіотеки и т. п. приходится производить массу совершенно излишнихъ хлопотъ, притомъ очень часто оказывающихся безрезультатными. Да и въ случаѣ полученія разрѣшенія дѣятельность обществъ ставится зачастую въ такія рамки, которыя лишаютъ ее серьезнаго значенія"....
Аналогичныя мысли высказаны въ комитетахъ казанскомъ, грязовецкомъ, новоторскомъ, рузскомъ, хвалынскомъ, духовщинскомъ, нижегородскомъ, арзамасскомъ, александровскомъ (екатериносл. губ.), новомосковскомъ, ветлужскомъ, епифанскомъ, козловскомъ, рязанскомъ и др.

Другое обстоятельство, на которомъ часто останавливаются комитеты—недостаточное распространеніе народнаго образованія. Типичными, въ этомъ отношеніи, можно признать слѣдующія слова предсѣдателя темниковскаго комитета: „такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности (въ томъ числѣ и сельско-хозяйственной) зависитъ отъ степени просвѣщенія народа, то необходимо предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія общедоступности народнаго образованія и облегчить распространеніе внѣ-школьнаго просвѣщенія". Предсѣдатель смоленскаго комитета подтверждаетъ ту же мысль фактической справкой: переписью 1897-го года въ смоленскомъ уѣздѣ обнаружено *сто девять* селеній, въ которыхъ совершенно не было грамотныхъ дѣтей...

Въ комитетахъ лохвицкомъ, духовщинскомъ, грязовецкомъ, нижегородскомъ шла рѣчь о перемѣнахъ къ лучшему въ положеніи земства. „Воспособленіе сельской промышленности на мѣстахъ" —говоритъ въ своемъ докладѣ предсѣдатель темниковскаго комитета, „возложено на обязанность земскихъ учрежденій. Для того, чтобы они могли успѣшно ее исполнить, необходимо, чтобы земское представительство населенія было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; чтобы земскія учрежденія были приближены къ сельскому хозяйству и населенію; чтобы земскимъ учрежденіямъ были обезпечены необходимыя имъ устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ быть удовлетворительными органами государственнаго управленія". Лохвицкій комитетъ высказался за привлеченіе къ земскому обложенію промышленныхъ предпріятій сообразно съ ихъ чистой доходностью; за обращеніе въ пользу земства гербоваго сбора съ арендныхъ контрактовъ и съ договоровъ о продажѣ

сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а также нѣкоторой доли крѣпостныхъ пошлинъ; за освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ; за отмѣну фиксаціи земскаго обложенія, застигшей лохвицкое земство какъ разъ въ то время, когда его бюджетъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, былъ развитъ весьма слабо. Вопросъ о созданіи мелкой земской единицы поднятъ въ комитетахъ козловскомъ, арзамасскомъ, лохвицкомъ, грязовецкомъ [1]).

Большое вниманіе обращаютъ комитеты и на матеріальное положеніе крестьянъ. Лохвицкій комитетъ, выслушавъ, между прочимъ, заявленіе крестьянъ объ отяготительности для нихъ выкупныхъ платежей, высказался за значительное пониженіе этихъ платежей (большинствомъ 23 голосовъ противъ 19, стоявшихъ за полную ихъ отмѣну), а также за отмѣну нефтяного акциза и за установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога. Въ пользу этого налога раздались голоса и въ смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ. Въ арзамасскомъ комитетѣ участвующіе въ немъ крестьяне указали на непосильное податное обложеніе и на малоземелье, какъ на главныя причины, задерживающія развитіе крестьянскаго хозяйства. Весьма характерна бесѣда крестьянъ съ предводителемъ дворянства и земскимъ начальникомъ [2]) въ вольскомъ уѣздномъ комитетѣ („Новое Время“, № 9495). Предводитель, указывая на то, что въ помѣщичьихъ экономіяхъ лучше ведется хозяйство и хлѣбъ родится лучше, спрашиваетъ, не мѣшаетъ ли община усовершенствованію крестьянскаго хозяйства? Ему отвѣчаютъ:—„Въ экономіяхъ остались лучшія земли. А у насъ какая земля-то? Нѣтъ ея хуже. — *Предводитель*. Ну, это не потому; вы пашете вашъ паръ къ Петрову дню, а въ экономіяхъ пашутъ въ маѣ.—*Зыковъ* (крестьянинъ). У насъ къ маю-то не успѣетъ скотина поправиться: она послѣ весенняго сѣва да послѣ зимы чуть ноги передвигаетъ.—*Предводитель*. Кормите.—*Зыковъ*. Нечѣмъ кормить: за зиму и такъ всю солому съѣдятъ. Развѣ легко и зиму, и лѣто въ конюшнѣ держать? Сѣнокосовъ у насъ нѣтъ.—*Земскій начальникъ*. Отчего плохо улучшается крестьянскій скотъ?—*Зыковъ*, Земли мало.—*Зеленовъ* (также крестьянинъ). Негдѣ пасти и этотъ скотъ (тотъ же Зеленовъ высказывается противъ двѣнадцатилѣтняго срока передѣловъ и за передѣлъ черезъ два года въ третій).—*Предводитель*. Не лучше ли было бы плохому крестьянину, еслибы онъ въ городъ ушелъ и тамъ чѣмъ другимъ занялся?—*Зеленовъ*. Мы всѣ привыкли сидѣть на землѣ; на сторону не привыкли ходить“... Одинаково характеристичны здѣсь и вопросы, и отвѣты. Во-

---

[1]) За утвердительное разрѣшеніе этого вопроса высказался недавно ярославскій губернскій земскій экономическій совѣтъ.

[2]) Въ рузскій комитетъ не явился никто изъ земскихъ начальниковъ, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ свободу рѣчи крестьянъ.

просы предводителя были, повидимому, направлены отчасти противъ общиннаго владѣнія; отвѣты крестьянъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они не считаютъ его для себя вреднымъ. За сохраненіе общиннаго владѣнія высказался единогласно грязовецкій комитетъ.

Чрезвычайно интересна записка о необходимости преобразованія крестьянскаго суда, внесенная однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ въ суджанскій уѣздный комитетъ („Спб. Вѣдомости", № 207). По словамъ автора записки, должность волостныхъ судей изъ числа избранныхъ сельскимъ населеніемъ кандидатовъ всегда занимаютъ тѣ именно лица, которыя на руку старшинѣ и писарю и будутъ слѣдовать по ихъ направленію. Происходитъ это отъ того, что при утвержденіи кандидатовъ судьями земскіе начальники руководствуются указаніемъ волостныхъ старшинъ и писарей, и утверждаютъ тѣхъ изъ нихъ, кого укажутъ послѣдніе. Вслѣдствіе такого положенія, въ волостной судъ входятъ лица, въ большинствѣ случаевъ, рѣшительно не отвѣчающія своему назначенію. Личный составъ волостныхъ судовъ лишенъ всякой самостоятельности, вслѣдствіе непреоборимаго сторонняго вліянія и вслѣдствіе слишкомъ широкой компетенціи волостныхъ судовъ. Старшина, писарь, дѣлопроизводитель и волостные судьи, въ большинствѣ случаевъ, при разрѣшеніи дѣлъ, разсѣкаютъ судебный гордіевъ узелъ такъ: чья изъ двухъ, просителя и отвѣтчика, чаша съ деньгами, продуктами и водкой тяжелѣе потянетъ, тотъ и выиграетъ дѣло. Подсудность волостного суда, если принять во вниманіе общую бѣдность крестьянства, по истинѣ громадна. Неправильность рѣшенія волостного суда не всегда удается апелляціонной инстанціи выяснить, а кассаціонному суду это совершенно невозможно, особенно при полномъ отсутствіи у народа самыхъ элементарныхъ познаній о своихъ юридическихъ правахъ и обязанностяхъ. Земскіе начальники вліянія на упорядоченіе веденія дѣлъ въ волостныхъ судахъ не оказали: ревизіи и указанія ихъ оставались на бумагѣ, безъ всякаго фактическаго примѣненія къ дѣлу. Уѣздные съѣзды при разсмотрѣніи дѣлъ волостныхъ судовъ совершенно игнорируютъ то, что крестьянскій судъ построенъ на неписанномъ правѣ, обычаѣ, особенномъ укладѣ крестьянской жизни и внутреннемъ убѣжденіи судей. Навязывая крестьянамъ общегражданскіе законы, разбиваютъ весь строй и укладъ крестьянской жизни, нанося тѣмъ страшный вредъ крестьянамъ. Губернскія присутствія разсматриваютъ лишь кассаціонные поводы, не вникая въ сущность дѣла, но, такъ же какъ и съѣзды, стоятъ не за укладъ крестьянской жизни, а за примѣненіе къ ней противныхъ духу ея общегражданскихъ и общеуголовныхъ законовъ. Въ составъ губернскаго присутствія входятъ только два лица съ юридическимъ образованіемъ, которое для остальныхъ членовъ не обязательно; между тѣмъ, оно

является кассаціонной инстанціей для громаднаго количества дѣлъ. Рѣшенія губернскихъ присутствій, въ большинствѣ случаевъ, противорѣчатъ другъ другу и, вслѣдствіе этого, вносятъ вредную путаницу въ толкованіе законовъ. Уѣздные съѣзды для разбора дѣлъ въ мѣсяцъ назначаютъ два дня, а на самое слушаніе дѣлъ, въ дѣйствительности, употребляютъ за два дня отъ 6 до 8 часовъ и за это время разрѣшаютъ отъ 100 до 200 дѣлъ судебныхъ, да отъ 20 до 40 административныхъ. Возможно ли въ какихъ-нибудь 6—8 часовъ разобрать 200 дѣлъ? Конечно, нѣтъ: въ тѣ 1½ минуты, которыя имѣются у съѣзда на каждое дѣло, возможно развѣ только вызвать къ судейскому столу сторонъ и свидѣтелей. Бо́льшая часть этихъ дѣлъ — важная, такъ какъ заключаетъ въ себѣ споры по поземельному устройству, уголовныя—о кражахъ, мошенничествѣ и т. п. Всѣ эти дѣла—болѣе или менѣе сложныя и требуютъ для своего разрѣшенія не полутораминутнаго разсмотрѣнія, а менѣе спѣшнаго и болѣе толковаго. Спѣшное и невнимательное разсмотрѣніе дѣлъ членами уѣздныхъ съѣздовъ объясняется тѣмъ, что они отправляютъ обязанности правосудія не по призванію, а какъ бы повинность какую, и повинность тяжелую, нежелательную для нихъ. Имъ все равно, въ какую бы сторону ни рѣшить дѣло, лишь бы рѣшить, такъ какъ необходимо дѣло сдать съ рукъ. А право ли оно рѣшено, или нѣтъ—имъ дѣла нѣтъ, и на свою совѣсть они этого не принимаютъ. Губернскія присутствія приблизительно за такое же, если не меньшее время, разсматриваютъ дѣла въ еще бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ уѣздные съѣзды... Общій выводъ автора записки заключается въ томъ, что крестьянское судопроизводство поставлено въ условія, имѣющія мало общаго съ правосудіемъ. Новаго въ запискѣ сказано немного—но важно то, что она идетъ изъ крестьянской среды, и притомъ въ такое время, когда поставленъ на очередь вопросъ объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Трудно сомнѣваться въ томъ, что однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли является измѣненіе судебныхъ порядковъ, такъ рельефно и правдиво изображенныхъ суджанскимъ крестьяниномъ—и свойственныхъ, конечно, не одному суджанскому уѣзду. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ по этому поводу предсѣдатель смоленскаго уѣзднаго комитета: „функціонирующій у насъ волостной судъ, съ волостнымъ писаремъ во главѣ, не имѣетъ ничего общаго съ юриспруденціей. Взяточничество въ волостныхъ судахъ и усмотрѣніе должностныхъ лицъ въ камерахъ земскихъ начальниковъ стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, съ одной стороны, въ томъ, что можно добиться всего за взятку, а съ другой—что должностныя лица пользуются полнѣйшей безнаказанностью и всемогуществомъ“.

Чѣмъ шире комитеты понимаютъ свою задачу, тѣмъ менѣе благо-

склонно относятся къ нимъ нѣкоторые органы печати. „Гражданинъ" (№ 65) подходитъ къ вопросу не прямо: онъ старается возбудить сомнѣніе въ достижимости цѣли, которую поставило себѣ совѣщаніе, и этимъ путемъ съузить и обезцвѣтить дѣятельность комитетовъ. „Отчего,—спрашиваетъ онъ, — всѣ попытки, не разъ уже сдѣланныя со временъ покойнаго Валуева, концентрировать реформаторскую работу по сельскому хозяйству въ Петербургѣ, оказывались непроизводительными и ни къ чему не приводили, какъ только къ обостренію аппетитовъ къ политической болтовнѣ? Оттого, что такая задача безусловно невыполнима, вслѣдствіе слишкомъ большого разнообразія мѣстныхъ условій нашей сельской жизни, при которыхъ не только каждый уѣздъ, но разныя мѣстности каждаго уѣзда требуютъ особыхъ мѣръ удовлетворенія той или другой жизненной нужды. Физически невозможно, чтобы совѣщаніе, желая быть добросовѣстнымъ, концентрировало нѣсколько тысячъ мѣстныхъ способовъ разрѣшить извѣстную задачу. Чтобы совѣщаніе могло послужить къ дѣйствительному улучшенію нашего сельскаго хозяйства, оно должно заняться вопросомъ, какъ сдѣлать, чтобы всю работу изысканія мѣръ къ улучшенію сельскаго хозяйства передать въ вѣдѣніе каждой губерніи и каждаго уѣзда, совсѣмъ ее децентрализируя и оставляя за министерствомъ земледѣлія главный руководительный надзоръ за мѣстною работою". Но развѣ самый вопросъ о децентрализаціи, о ея желательности, о ея предѣлахъ, не требуетъ предварительнаго обсужденія на мѣстахъ? Развѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы установить, общимъ для всей Россіи актомъ, всѣ многоразличные способы и формы содѣйствія сельскому хозяйству? Настоящій умыселъ газеты ясенъ: она видитъ, что съ учрежденіемъ комитетовъ неизбѣжно выдвигаются на первый планъ нѣкоторые общіе вопросы, самой постановки которыхъ боятся наши газетные реакціонеры—и старается заглушить ихъ въ зародышѣ, оспаривая правильность пути, избраннаго совѣщаніемъ. Откровеннѣе поступаетъ авторъ письма въ редакцію, напечатаннаго въ № 9519 „Новаго Времени". Смѣло утверждая, что „*большинство* комитетовъ совѣтуетъ вылечить всѣ бѣды однимъ ударомъ — уравненіемъ правъ крестьянина съ правами другихъ сословій", онъ обвиняетъ ихъ въ нежеланіи работать, въ стремленіи отдѣлаться отъ трудной задачи одной трескучей фразой. „Развѣ равноправность крестьянъ"—восклицаетъ онъ, обращаясь къ комитетамъ,—„рѣшаетъ общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности? Развѣ это отвѣтъ на то, о чемъ васъ спрашиваютъ"? Проповѣдуя „логическую постепенность" и „умѣнье считать на счетахъ", онъ рекомендуетъ „уравненіе густоты населенія", путемъ переселенія туляковъ и орловцевъ въ губерніи новгородскую, псковскую, тверскую, съ введеніемъ въ нихъ „лѣсоистребительнаго,

а не лѣсоохранительнаго закона", и оплакиваетъ избытокъ табельныхъ дней, поощряющій лѣнь чиновничества и крестьянства. Одинаково слабы обѣ части этой аргументаціи: положительная—потому что количество праздниковъ, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, не можетъ быть ограничено однимъ почеркомъ пера [1]), а массовое переселеніе требуетъ громаднѣйшихъ расходовъ; отрицательная—потому что ни одинъ комитетъ не сводитъ рѣшеніе сельско-хозяйственнаго вопроса исключительно къ равноправности крестьянъ съ остальными сословіями. Рядомъ съ нею предлагается многое другое, отчасти общее, отчасти частное. Предложенія общаго характера вытекаютъ изъ той простой мысли, что въ народной жизни первостепенную роль играетъ умственный и нравственный уровень населенія: умственный — достигаемый образованіемъ, школьнымъ и внѣшкольнымъ, и нравственный—обусловливаемый, между прочимъ, привычкой къ самостоятельности, сознаніемъ своего достоинства и своихъ правъ, увѣренностью въ томъ, что законная дѣятельность не можетъ встрѣтить внѣ-законныхъ препятствій или стѣсненій. Указывая на необходимыя предпосылки всякой частной реформы, комитеты исполняютъ, такимъ образомъ, свою прямую обязанность. Не гоняясь за „трескучими фразами", они подчеркиваютъ то, что̀ чувствуется всѣми безпристрастными наблюдателями современной дѣйствительности. Далеко не лишено значенія то обстоятельство, что во многихъ комитетахъ (Суджа, Смоленскъ, Арзамасъ, Темниковъ) постановка „общихъ вопросовъ" исходитъ отъ предсѣдателя, т.-е. отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

О дѣятельности губернскихъ комитетовъ мы имѣемъ пока очень мало свѣдѣній; нужно предположить, что они, послѣ первыхъ распорядительныхъ засѣданій, отложили продолженіе своихъ занятій до окончанія работъ уѣздныхъ комитетовъ. Кіевскій губернскій комитетъ прямо постановилъ поставить на первую очередь ознакомленіе съ трудами уѣздныхъ комитетовъ. Изъ числа этихъ комитетовъ четыре—каневскій, липовецкій, звенигородскій и таращанскій—признаютъ необходимымъ введеніе земства, съ выборными управами, для проведенія въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію сельско-хозяйственнаго промысла. Тѣ же комитеты высказались за широкое развитіе народнаго образованія, общаго и спеціальнаго; за измѣненіе правовыхъ условій, въ смыслѣ уравненія сельскаго населенія съ остальными сословіями; за уменьшеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, падающихъ на сельское населеніе. Въ не-земскихъ губерніяхъ выражаются, такимъ образомъ, тѣ же пожеланія, что и въ земскихъ—и въ этомъ

[1]) Припомнимъ, что̀ говорилъ А. Н. Энгельгардтъ, въ своихъ извѣстныхъ „Письмахъ изъ деревни", о причинахъ возникновенія многихъ деревенскихъ праздниковъ.

нельзя не видѣть новаго доказательства тому, что они не навѣяны извнѣ, а вытекаютъ изъ требованій жизни.

Кромѣ закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, разсмотрѣннаго нами въ августовскомъ внутреннемъ обозрѣніи, въ теченіе минувшаго лѣта обнародовано еще нѣсколько новыхъ узаконеній, болѣе или менѣе важныхъ. Два изъ нихъ касаются дворянства: одно имѣетъ цѣлью усовершенствованіе дворянскихъ учрежденій, другимъ организуются губернскія дворянскія кассы взаимопомощи. Главныя нововведенія, внесенныя въ устройство и функціи дворянскихъ учрежденій, заключаются въ томъ, что дворянству разрѣшается избирать, въ случаѣ надобности, помощника уѣзднаго предводителя дворянства, которому послѣдній можетъ поручать исполненіе тѣхъ или другихъ изъ числа своихъ обязанностей, а на мѣсто дворянскаго депутатскаго собранія ставится собраніе предводителей и депутатовъ, съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствій. Учрежденіе должности помощника уѣзднаго предводителя совершенно понятно: пока предводитель сохраняетъ ту роль, которая создана для него цѣлымъ рядомъ постановленій, обязанности его такъ многочисленны и разнообразны, что одному лицу справиться съ ними нелегко, и раздѣленіе труда несомнѣнно можетъ сдѣлать его болѣе серьезнымъ и производительнымъ. Ничего нельзя сказать и противъ возложенія на собраніе предводителей и депутатовъ приготовительныхъ работъ по дворянскому собранію, т.-е. предварительнаго обсужденія дѣлъ и вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію собранія, а также всѣхъ приносимыхъ дворянствомъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ и адресовъ. Въ послѣднемъ случаѣ новый законъ (ст. 18 пун. 3) требуетъ участія въ собраніи всѣхъ предводителей губерніи или лицъ ихъ замѣняющихъ и считаетъ постановленіе состоявшимся лишь при принятіи его большинствомъ не менѣе двухъ третей наличнаго состава собранія. Для насъ не совсѣмъ ясно значеніе этого правила. Можетъ случиться, что въ засѣданіе, непосредственно предшествующее открытію дворянскаго собранія, не явятся ни предводитель какого-либо уѣзда, ни его замѣститель—не явятся вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ причинъ, безусловно неустранимыхъ; неужели это должно служить препятствіемъ къ внесенію въ собраніе ходатайства, возбуждающаго, быть можетъ, вопросъ первостепенной и неотложной важности? Необходимо ли, чтобы по каждому ходатайству высказались непремѣнно предводители *всѣхъ* уѣздовъ, и высказались, притомъ, именно въ собраніи предводителей и депутатовъ, а не въ дворянскомъ собраніи? Нѣтъ основанія предполагать, что мнѣніе предводителя по данному предмету совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства

дворянъ его уѣзда; нѣтъ, слѣдовательно, повода придавать особенное значеніе участію предводителя въ предварительномъ обсужденіи вопроса, о которомъ будутъ происходить пренія въ дворянскомъ собраніи—пренія, въ которыхъ со всею полнотою можетъ выясниться настроеніе каждаго уѣзда. Какъ понимать, далѣе, правило, обусловливающее дѣйствительность постановленія большинствомъ двухъ третей голосовъ? Слѣдуетъ ли отсюда, что проектъ ходатайства, не получившій такого большинства, вовсе не вносится въ дворянское собраніе? Едва ли. Собраніе предводителей и депутатовъ не замѣняетъ собою дворянскаго собранія: оно не рѣшаетъ, а только подготовляетъ дѣла, подлежащія вѣдѣнію послѣдняго. Проектъ ходатайства, за который въ собраніи предводителей и депутатовъ выскажется простое большинство—или хотя бы меньшинство, хотя бы даже одинъ голосъ,—всетаки долженъ быть разсмотрѣнъ дворянскимъ собраніемъ, только безъ той презумпціи въ его пользу, которую создало бы принятіе его значительнымъ большинствомъ предводителей и депутатовъ. Въ настоящее время иниціативу ходатайства можетъ взять на себя любой членъ дворянскаго собранія; одобренное простымъ большинствомъ собранія, оно получаетъ дальнѣйшее движеніе. Можно ли допустить, что въ будущемъ оно должно считаться какъ бы отклоненнымъ, если за него не окажется двухъ третей голосовъ въ собраніи предводителей и депутатовъ? Толковать законъ такимъ образомъ, значило бы видѣть въ немъ умаленіе правъ дворянства—а онъ направленъ къ ихъ расширенію. Болѣе чѣмъ достаточной гарантіей противъ ходатайствъ, выходящихъ за предѣлы вѣдомства дворянскихъ собраній, служитъ дискреціонная власть его предсѣдателя—губернскаго предводителя дворянства.

Дворянскому собранію издавна принадлежитъ право исключить изъ своей среды дворянина, опороченнаго судомъ, или такого, „котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ судимъ не былъ“. Оставляя въ силѣ это право, новый законъ возлагаетъ предварительное разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ на собраніе предводителей и депутатовъ, требуя, притомъ, такого же состава собранія и такого же большинства голосовъ, какъ и для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собранію предводителей и депутатовъ предоставляется такая дисциплинарная власть, какой не имѣло до сихъ поръ ни депутатское, ни дворянское собраніе. Губернскій предводитель дворянства, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о несовмѣстномъ съ достоинствомъ дворянскаго званія поступкѣ входящаго въ составъ мѣстнаго дворянскаго общества дворянина, предлагаетъ эти свѣдѣнія собранію предводителей и депутатовъ дворянства. Собраніе предводителей и депутатовъ назначаетъ

дворянину, о коемъ производство возбуждено, срокъ для представленія объясненій по дѣлу и приглашаетъ его въ засѣданіе, въ коемъ дѣло назначено къ слушанію. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, переданнаго на его обсужденіе, собраніе имѣетъ право разъяснить дворянину неправильность совершеннаго имъ поступка или сдѣлать ему предостереженіе. Постановленное рѣшеніе немедленно приводится въ исполненіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Дворянинъ, подвергшійся взысканію, можетъ, въ случаѣ нарушенія установленнаго для производства сихъ дѣлъ порядка, обжаловать рѣшеніе, въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія, Правительствующему Сенату (по первому департаменту). При разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ требуется (какъ и въ случаяхъ, упомянутыхъ нами выше) непремѣнное участіе всѣхъ предводителей губерніи или лицъ, ихъ замѣняющихъ, и постановленія почитаются состоявшимися въ случаѣ принятія ихъ большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ наличнаго состава собранія.

Въ какой степени и какъ собранія предводителей и депутатовъ будутъ пользоваться своимъ новымъ правомъ—покажетъ время; теперь можно только отмѣтить несомнѣнно опасныя его стороны. Корпоративный судъ чести понятенъ и полезенъ тогда, когда у членовъ корпораціи есть общая дѣятельность, допускающая установленіе общихъ правилъ, развитіе общеобязательныхъ обычаевъ. Такова, напримѣръ, корпорація присяжныхъ повѣренныхъ, органы которой—совѣты—вырабатываютъ адвокатскую этику и преслѣдуютъ отступленія отъ нея; таково общество офицеровъ даннаго полка или другой войсковой части; таково, до извѣстной степени, врачебное сословіе или совокупность лицъ, профессіонально занимающихся литературнымъ трудомъ. Совершенно инымъ является положеніе дворянскаго общества; лица, входящія въ его составъ, не объединены ни однородностью занятій, ни одинаковостью призванія, ни сходствомъ взглядовъ. Понятіе о томъ, что̀ совмѣстно или несовмѣстно съ достоинствомъ дворянскаго званія, отличается, поэтому, крайнею неопредѣленностью; трудно или, лучше сказать, невозможно вывести изъ него демаркаціонную черту, нарушеніемъ которой оправдывалось бы возбужденіе дисциплинарнаго производства. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняется законъ, въ силу котораго поводомъ къ *исключенію* дворянина изъ дворянскаго собранія могъ—и можетъ—служить только поступокъ *явно безчестный*. Честь—одна и та же для всѣхъ; что̀ противно ея требованіямъ—это опредѣлить сравнительно нетрудно. Изъ того, что честный образъ дѣйствій признается *особенно обязательнымъ для дворянина*, еще не вытекаетъ существованіе особой *дворянской чести*. Исключается дворянинъ не за то, что онъ уклонился

отъ предписаній этой особой чести, а за то, что онъ не остался вѣренъ *общимъ правиламъ чести*, обязывавшимъ его—если руководствоваться девизомъ: noblesse oblige,—и какъ человѣка, и какъ дворянина. Новый законъ идетъ гораздо дальше: говоря о поступкахъ, несовмѣстныхъ съ *достоинствомъ дворянскаго званія*, онъ какъ бы создаетъ представленіе объ особой дворянской чести, безгранично эластичное и допускающее безконечное разнообразіе толкованій. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что рѣчь идетъ только о *поступкахъ*, а не о мнѣніяхъ, не о настроеніяхъ. Усерднымъ не по разуму сторонникамъ „дворянскаго принципа" хотѣлось бы вооружить дворянство дисциплинарною властью надъ „несогласно мыслящими" дворянами. Съ особенною ясностью это желаніе выразилось въ статьѣ: „Мысли дворянина", напечатанной въ №№ 50—52 „Гражданина": она рекомендуетъ „сортировку дворянъ по убѣжденіямъ", путемъ исключенія изъ дворянскаго общества какъ дворянъ, не являющихся въ дворянскія собранія, такъ и дворянъ „либеральныхъ". Дворянинъ,—восклицаетъ проповѣдникъ единомыслія,—„дворянинъ не смѣетъ быть либераленъ; позволять себѣ малѣйшую критику существующаго порядка дворянину не приличествуетъ... Критика и протестъ противъ правительства со стороны дворянъ, не служилыхъ и служилыхъ, преступна; это измѣна присягѣ, мундиру, завѣщаніямъ предковъ и всему государству. Критика безсмысленна, такъ какъ правительство есть то же дворянство, и всякій протестъ есть самоосужденіе" (!). Нужно надѣяться, что такіе взгляды не найдутъ отголоска въ собраніяхъ предводителей и депутатовъ; иначе редакція новаго закона оказалась бы недостаточной гарантіей для дворянъ, заподозрѣнныхъ въ „либерализмѣ". Сказанныя или напечатанныя ими *слова* нетрудно было бы возвести на степень *поступковъ*, несовмѣстныхъ съ „достоинствомъ дворянскаго званія".

Возвращаемся къ правиламъ, регулирующимъ возбужденіе дисциплинарнаго производства. Обязательно ли оно каждый разъ, когда губернскій предводитель сообщитъ собранію предводителей и депутатовъ „дошедшія до него свѣдѣнія о поступкѣ, несовмѣстномъ съ достоинствомъ дворянскаго званія"? Буква закона говоритъ скорѣе въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ; но едва ли онъ былъ бы согласенъ съ смысломъ закона. Представимъ себѣ, что свѣдѣнія, сообщенныя губернскимъ предводителемъ, будутъ найдены собраніемъ не заслуживающими, по самому своему источнику, никакого довѣрія, или самый поступокъ, котораго они касаются—не заключающимъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ достоинствомъ дворянскаго званія; неужели производство, всегда крайне тяжелое и непріятное для обвиняемаго, все-таки должно быть начато, неужели собраніе не въ правѣ

прямо отклонить явно неосновательное обвиненіе? Сословное учрежденіе, облеченное дисциплинарною властью, соединяетъ въ себѣ, въ силу своего назначенія, функціи обвинительной камеры и функціи суда; прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ, оно должно исчерпать первыя, т.-е. должно признать, что есть достаточный поводъ къ возбужденію преслѣдованія. Другой вопросъ, не разрѣшаемый закономъ, заключается въ томъ, въ правѣ ли лицо, осужденное собраніемъ предводителей и депутатовъ, просить дворянское собраніе о пересмотрѣ рѣшенія? Жалоба сенату можетъ касаться только нарушенія формъ производства—и это совершенно понятно, потому что призваніе сената не имѣетъ ничего общаго съ призваніемъ сословнаго дисциплинарнаго суда; но дворянскому собранію, какъ инстанціи высшей по отношенію къ собранію предводителей и депутатовъ и въ то же время съ нимъ однородной, слѣдовало бы предоставить повѣрку рѣшенія по существу, во избѣжаніе пристрастія, всегда возможнаго со стороны небольшой коллегіи. Нѣкоторой гарантіей служитъ требованіе присутствія въ засѣданіи всѣхъ предводителей (или лицъ ихъ замѣняющихъ) и большинства двухъ третей голосовъ—но оно недостаточно обезпечиваетъ обвиняемыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ возникаетъ вопросъ принципіальнаго значенія. Только дворянское собраніе, притомъ, можетъ считаться авторитетнымъ выразителемъ взглядовъ, господствующихъ въ мѣстномъ дворянскомъ обществѣ; не даромъ же право исключенія дворянъ остается за дворянскимъ собраніемъ, а не передается собранію предводителей и депутатовъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что къ дѣламъ дисциплинарнымъ едва ли примѣнимо то правило новаго закона, которымъ губернскому предводителю дворянства предоставлено приглашать въ засѣданія собранія предводителей и депутатовъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, старѣйшихъ и почетнѣйшихъ дворянъ губерніи. Участіе такихъ лицъ можетъ быть полезно при обсужденіи общихъ вопросовъ, но оно было бы совершенно неумѣстно въ дѣлахъ личныхъ, рѣшеніе которыхъ должно зависѣть исключительно отъ полноправныхъ и вслѣдствіе того отвѣтственныхъ членовъ коллегіи.

Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи, устройство которыхъ предоставлено усмотрѣнію дворянскихъ собраній, имѣютъ цѣлью оказывать мѣстнымъ потомственнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ содѣйствіе въ платежахъ по долгамъ, обезпеченнымъ залогомъ ихъ имѣній, а также по случаю разныхъ бѣдственныхъ событій. Основной капиталъ кассы образуется, между прочимъ: 1) изъ единовременнаго, при открытіи кассы, ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначей-

ства, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества; 2) изъ дворянской складки, установляемой въ обыкновенномъ или именно для того созываемомъ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи, по постановленію не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи дворянъ, и 3) изъ ежегоднаго, въ теченіе десяти лѣтъ, пособія отъ казны въ размѣрѣ дѣйствительнаго поступленія въ кассу за предшествовавшій годъ вышеуказанной дворянской складки. Запасной капиталъ кассы составляется изъ чистыхъ прибылей ея. Ссуды на покрытіе платежей могутъ быть выдаваемы какъ подъ залогъ имѣнія, такъ и за поручительствомъ двухъ благонадежныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ (не состоящихъ заемщиками кассы); въ первомъ случаѣ ссуда можетъ быть выдана лишь тогда, если вмѣстѣ съ нею задолженность имѣнія не превыситъ 90% его оцѣнки. Размѣръ ссуды не долженъ превышать 20% общей суммы всѣхъ обезпеченныхъ залогомъ имѣнія долговъ. Наибольшій срокъ возврата ссуды, выданной на покрытіе платежей—пятилѣтній, ссуды по случаю бѣдственнаго событія—двухгодовой. Ссуды послѣдняго рода выдаются изъ средствъ запасного капитала кассы. При выдачѣ ссуды подъ залогъ имѣнія касса или установляетъ надзоръ за его управленіемъ, или же принимаетъ его въ свое управленіе впредь до погашенія долга кассѣ. По ходатайству кассы, въ управленіе ея могутъ также быть передаваемы имѣнія, заложенныя въ государственномъ дворянскомъ банкѣ и назначенныя имъ въ продажу съ публичнаго торга; для этого требуется постановленіе совѣта дворянскаго банка, состоявшееся по большинству двухъ третей головъ, и согласіе управляющаго банкомъ. Недоимки, лежащія на имѣніи, должны быть, въ этомъ случаѣ, пополнены кассой въ теченіе шести лѣтъ; иначе, а также при невзносѣ текущаго полугодового платежа, имѣніе назначается въ продажу съ публичнаго торга. При недостаточности доходовъ съ принятаго въ управленіе имѣнія касса можетъ отсрочить взысканіе двухъ слѣдующихъ въ ея пользу взносовъ. На расходы по управленію имѣніемъ могутъ быть обращаемы, кромѣ доходовъ съ имѣнія, средства запасного капитала кассы. Касса можетъ пріобрѣтать, по ходатайству заемщиковъ, заложенныя въ дворянскомъ банкѣ имѣнія, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими кредиторами, претензіи которыхъ обезпечены залогомъ имѣнія или лежащимъ на немъ запрещеніемъ. Кассѣ предоставлено также оставлять за собою заложенныя въ ней имѣнія, если не состоятся торги или высшей предложенной на нихъ цѣною не покрывается долгъ кассѣ. Въ обоихъ случаяхъ пріобрѣтенное кассой имѣніе должно быть продано ею въ теченіе пяти лѣтъ, въ полномъ составѣ или по частямъ, по вольной цѣнѣ или съ торговъ. Дѣлами кассы завѣдуетъ—подъ наблюденіемъ и при извѣстномъ уча-

стіи дворянскаго собранія, собранія предводителей и депутатовъ и губернскаго предводителя дворянства—правленіе кассы, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ дворянскимъ собраніемъ на три года, утверждаемыхъ губернаторомъ и пользующихся всѣми преимуществами службы по выборамъ дворянства.

По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", вновь организуемыя дворянскія кассы лишь по имени приближаются къ существующимъ учрежденіямъ взаимопомощи; онѣ имѣютъ не профессіональный, а исключительно сословный характеръ, пользуются щедрыми субсидіями со стороны государственнаго казначейства и оказываютъ помощь не только въ случаѣ смерти или болѣзни, не только при хозяйственныхъ бѣдствіяхъ, но и при затрудненіяхъ въ уплатѣ процентовъ по займамъ, обременяющимъ имѣніе. Главная функція кассъ—это, если можно такъ выразиться, кредитъ для поддержанія кредита, дополнительный кредитъ, привитый къ первоначальному, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опека надъ неумѣлыми хозяевами изъ среды дворянъ-землевладѣльцевъ. Трудно предположить, чтобы исполненіе этой функціи привело къ желанной цѣли. Если льготный кредитъ, созданный для дворянъ учрежденіемъ дворянскаго земельнаго банка, принесъ помѣстному дворянству, по общему признанію, больше вреда, тѣмъ пользы, увеличивъ задолженность дворянскихъ имѣній безъ соотвѣтствующаго улучшенія ихъ хозяйства, то къ аналогичнымъ результатамъ можетъ привести и новый видъ кредита, поощряющій неисправность заемщиковъ и тѣмъ самымъ увеличивающій шансы конечной, безнадежной ихъ несостоятельности. Разсчетъ на помощь кассы слишкомъ легко можетъ уменьшить заботливость о срочныхъ уплатахъ дворянскому и другимъ земельнымъ банкамъ; стимулы къ осторожности и аккуратности, и теперь не особенно сильные, могутъ ослабѣть еще больше. А между тѣмъ, должна же наступить, рано или поздно, минута расплаты; отсрочкамъ есть предѣлъ, постоянное отодвиганіе котораго далеко не выгодно для заемщика. Предполагать, что правленіе кассы, принявъ имѣніе въ свое завѣдываніе, поправитъ дѣла владѣльца, было бы крайне рискованно. Не такъ блистательна дѣятельность дворянскихъ опекъ и назначаемыхъ ими опекуновъ, чтобы можно было возлагать большія надежды на аналогичное учрежденіе, призванное опекать взрослыхъ владѣльцевъ и, притомъ, опекать ихъ при обстоятельствахъ мало благопріятныхъ, среди затрудненій всякаго рода. Допустимъ, что дворянскому собранію удастся найти трехъ лицъ, готовыхъ и способныхъ взять на себя исполненіе тяжелой задачи; но вѣдь имъ нельзя же будетъ лично завѣдывать всѣми имѣніями, взятыми въ управленіе кассы. Придется искать честныхъ и умѣлыхъ управляющихъ, найти которыхъ не легко даже землевладѣльцамъ, лично ведущимъ свое хо-

зяйство. Контроль правленія будетъ далекъ и мало дѣйствителенъ; контроль владѣльца, если онъ останется въ имѣніи, легко можетъ повлечь за собою рядъ конфликтовъ, еще болѣе усложняющихъ положеніе управляющаго. Чего не достигъ самъ владѣлецъ, прямо заинтересованный въ увеличеніи доходовъ и уменьшеніи расходовъ, того едва ли достигнутъ посторонніе лица, временные и неполноправные хозяева имѣнія. Неизбѣжно будетъ увеличиваться число имѣній, остающихся за кассой—и ихъ обязательная продажа сдѣлается источникомъ убытковъ, трудно вознаградимыхъ. Правда, правленію кассы предоставляется покрывать недочетъ въ доходахъ изъ средствъ запасного капитала кассы—но вѣдь всѣ подобныя затраты будутъ производиться за счетъ владѣльца, увеличивая его долгъ кассѣ и уменьшая вѣроятность уплаты долга. Подобныя позаимствованія изъ запасного капитала тѣмъ менѣе желательны, что только изъ него могутъ быть выдаваемы ссуды по поводу бѣдственныхъ событій. Чѣмъ бо̀льшая часть запасного капитала будетъ обращена на покрытіе расходовъ по управленію имѣніями, тѣмъ меньше останется суммъ для того вида помощи, который составляетъ наиболѣе симпатичную функцію кассы. Запасные капиталы кассъ едва ли, притомъ, достигнутъ значительныхъ размѣровъ; они будутъ составляться исключительно изъ чистыхъ прибылей, которыя, какъ видно изъ всего сказаннаго нами выше, едва ли будутъ велики.

Къ какимъ бы фактическимъ результатамъ ни привела дѣятельность дворянскихъ кассъ взаимопомощи, несомнѣнно одно: помѣстному дворянству, какъ общественному классу, и дворянамъ, какъ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ, онѣ даютъ возможность сохранить и упрочить свое положеніе. Государственная власть, такъ много сдѣлавшая для дворянъ и раньше, предоставила имъ еще одно громадное преимущество; нѣтъ такого затруднительнаго положенія, изъ котораго они не могли бы выйти съ помощью ссудъ, больше чѣмъ на половину имѣющихъ характеръ правительственнаго пособія. Если сотрудникъ „Гражданина“, въ статьѣ: („Мысли дворянина“), цитированной нами выше, могъ воскликнуть, три мѣсяца тому назадъ: „просить (дворянству) больше не о чемъ—дано все“, если, по его словамъ, „въ новыхъ серіяхъ (дворянскихъ) собраній не будутъ и не должны болѣе обсуждаться принципіальные вопросы бытія, нуждъ и общихъ желаній дворянства“—не должны обсуждаться потому, что они всѣ уже разрѣшены,—то что̀ же сказать теперь, послѣ обнародованія закона о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи? Не ясно ли, что если распродажа дворянскихъ имѣній будетъ продолжаться въ большихъ размѣрахъ, несмотря на всѣ льготы, прежнія и новыя, то это нужно будетъ приписать неумѣнью или нежеланію владѣльцевъ удержать за собою свои помѣстья? Неужели не прекра-

тится, наконецъ, походъ реакціонной печати противъ крестьянскаго банка, виновнаго только въ томъ, что онъ покупаетъ или помогаетъ покупать имѣнія, которыхъ не хотятъ или не могутъ удержать за собою ихъ владѣльцы? Неужели тою же печатью по прежнему будетъ проводиться мысль о необходимости искусственнаго закрѣпленія дворянскихъ имѣній за владѣльцами и ихъ потомствомъ? Кто, встрѣчая со всѣхъ сторонъ могущественную поддержку, все-таки тяготится имѣніемъ и ищетъ только выгоднаго покупателя, тому незачѣмъ закрывать выходъ изъ обстановки, въ которой онъ не можетъ быть полезенъ ни государству, ни сословію, ни собственной семьѣ.

Значительно понизились, въ послѣднее время, тѣ надежды, которыя не столько сами дворяне, сколько ихъ газетные адвокаты возлагали на законъ 8-го іюня 1901 года, направленный къ насажденію частнаго (преимущественно дворянскаго) землевладѣнія въ Сибири. Въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ (тобольской, томской, енисейской и иркутской) найдено возможнымъ отвести подъ частныя владѣнія всего 118 тысячъ десятинъ, что̀ достаточно для удовлетворенія требованій *сорока* только лицъ. До крайности оскудѣлъ запасъ земли, предназначаемой для крестьянъ-переселенцевъ—и это уже само по себѣ полагаетъ предѣлъ искусственному распространенію въ Сибири крупнаго землевладѣнія. Другое препятствіе, указываемое знатоками мѣстныхъ условій [1]), заключается въ томъ, что въ Сибири, съ проведеніемъ желѣзной дороги и развитіемъ промышленности, все труднѣе и труднѣе становится пріисканіе сельскихъ рабочихъ, даже крестьянскими хозяйствами, нуждающимися въ наемномъ трудѣ.

Когда, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, вниманіе высшей власти было обращено въ первый разъ на роль духовенства въ распространеніи начальнаго образованія, поставленный на очередь вопросъ былъ разрѣшенъ внѣ общеустановленнаго законодательнаго порядка: правила о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты были утверждены (13-го іюня 1884-го года) помимо государственнаго совѣта, по докладу оберъ-прокурора св. синода. Такимъ же путемъ были изданы и правила 4-го мая 1891-го года о школахъ грамоты. Эта аномалія устранена „Положеніемъ о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія“, прошедшимъ черезъ государственный совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го апрѣля и распубликованнымъ въ іюлѣ текущаго года. Оффиціально признано существованіе, рядомъ съ начальными церковно-приходскими школами и школами

[1]) См. статью г. В—ва въ № 135 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

грамоты, школъ учительскихъ—второклассныхъ, имѣющихъ задачей подготовлять учителей и учительницъ для школъ грамоты, и церковно-учительскихъ, исполняющихъ ту же функцію по отношенію къ церковно-приходскимъ школамъ. Довершается, такимъ образомъ, сближеніе—съ точки зрѣнія системы и строя—школъ духовнаго вѣдомства съ школами свѣтскими. Первоначально предполагалось, что первыя будутъ дѣйствовать при условіяхъ сравнительно простыхъ, при требованіяхъ менѣе строгихъ. Курсъ ученья въ церковно-приходскихъ школахъ проектировался двухлѣтній (въ двухклассныхъ—четырехлѣтній), т.-е. значительно сокращенный; преподаваніемъ въ нихъ должны были заниматься преимущественно члены клира; для преподавателей въ школахъ грамоты признавалась излишней педагогическая подготовка. Практика скоро доказала невозможность оставаться при такомъ порядкѣ—и законъ 1-го апрѣля только санкціонируетъ перемѣны, произведенныя силою вещей. Курсъ ученья въ церковно-приходскихъ школахъ установляется такой же какъ и въ школахъ свѣтскихъ—трехлѣтній для школъ одноклассныхъ, пятилѣтній для школъ двухклассныхъ. Учащіе въ церковно-приходскихъ школахъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя или окончившихъ курсъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній; отступленія отъ этого правила допускаются лишь при недостаткѣ подходящихъ кандидатовъ. Церковно-учительскія школы соотвѣтствуютъ правительственнымъ учительскимъ семинаріямъ и земскимъ учительскимъ школамъ; съ послѣдними онѣ имѣютъ и ту общую черту, что учреждаются какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Особенностью организаціи церковныхъ школъ являются только второклассныя школы, предназначенныя для подготовки учащихъ въ школахъ грамоты—и это вполнѣ понятно, такъ какъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія нѣтъ ничего аналогичнаго школамъ грамоты. Сосредоточеніе этихъ школъ исключительно въ духовномъ вѣдомствѣ, не отмѣняемое и новымъ закономъ, мы продолжаемъ считать серьезной преградой на пути широкаго развитія начальнаго образованія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что школъ грамоты было бы больше и преподаваніе въ нихъ было бы поставлено лучше, еслибы право открытія ихъ принадлежало и земствамъ, и городамъ, и другимъ учрежденіямъ, и частнымъ лицамъ, подъ контролемъ свѣтскаго учебнаго начальства. Не пріостановилось бы тогда начинавшееся въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ сближеніе между школами грамоты и правильно организованной начальной школой [1]); меньше было бы

---

[1]) См. Внутреннія Обозрѣнія въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1884-ый и № 3 за 1886-ой годъ.

школъ грамоты, числящихся только на бумагѣ или влачащихъ жалкое существованіе, безъ всякой поддержки и внѣ реальнаго надзора; раньше начался бы постепенный подъемъ уровня школъ грамоты, сглаживающій различіе между ними и школами высшаго типа. Конкурренція привела бы и здѣсь къ такимъ же полезнымъ результатамъ, какъ и въ области школъ церковно-приходскихъ и земскихъ; не будь послѣднихъ, не такъ быстро обнаружилась бы, напримѣръ, недостаточность двухлѣтняго курса, установленнаго сначала для одноклассной церковно-приходской школы.

Церковныя школы—читаемъ мы въ новомъ законѣ—предназначаются для лицъ православнаго исповѣданія, безъ различія состояній. Въ школы грамоты и церковно-приходскія, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, могутъ быть принимаемы и дѣти лицъ инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія, а также раскольниковъ и сектантовъ. Не исповѣдующія православной вѣры дѣти принимаются въ школы не иначе, какъ по изъявленіи на то согласія ихъ родителей или лицъ, на попеченіи которыхъ они находятся. Эта послѣдняя оговорка заставляетъ предполагать, что дѣти не-православныхъ родителей, вступивъ въ школу грамоты или церковно-приходскую школу, не освобождаются отъ обученія закону Божію по правиламъ православнаго исповѣданія. Понятно, что это можетъ удержать многихъ родителей отъ отдачи своихъ дѣтей въ школу духовнаго вѣдомства; возможно также, что пріемъ ихъ въ такую школу встрѣтитъ препятствія со стороны начальства. Мы видимъ въ этомъ самый сильный аргументъ въ пользу допущенія школъ грамоты, не подчиненныхъ духовному вѣдомству. Нельзя лишать раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ возможности заботиться о начальномъ обученіи своихъ дѣтей, дешевомъ и для всѣхъ доступномъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ немыслимо ставить школы, учреждаемыя раскольниками для раскольниковъ, иновѣрцами для иновѣрцевъ, подъ начальство православнаго духовенства. Не разрѣшенъ закономъ 1-го апрѣля и другой вопросъ, важный не только для иновѣрцевъ, но и для многихъ православныхъ (финновъ, эстовъ, латышей, грековъ, молдаванъ, болгаръ, грузинъ, татаръ и т. п.)—вопросъ о преподаваніи въ церковныхъ школахъ ихъ природнаго языка, на которомъ для нихъ совершается богослуженіе. Оно могло бы быть введено для ихъ дѣтей въ замѣнъ ненужнаго имъ церковно-славянскаго языка.

Ничего не измѣняетъ новый законъ и въ положеніи, принадлежащемъ священнику въ церковно-приходской школѣ. Каждая такая школа находится въ завѣдываніи приходскаго священника; другими словами, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ состоитъ учительница или учитель (преподаваніе закона Божія, за рѣдкими исключеніями, лежитъ на самомъ завѣдующемъ школою). Не-

удобства этого порядка были указаны нами еще при разборѣ правилъ 13-го іюня 1884-го года [1]). „Особенно самостоятельнымъ"—говорили мы тогда—„положеніе учащаго не можетъ быть названо и въ свѣтской начальной школѣ—но все-таки онъ имѣетъ извѣстную свободу дѣйствій, уже потому, что многочисленные его начальники и наблюдатели стоятъ поодаль отъ школы и не вмѣшиваются, ежедневно и ежечасно, въ подробности преподаванія. Отвѣтственнымъ и непосредственнымъ распорядителемъ свѣтской начальной школы является самъ преподаватель; законоучитель стоитъ рядомъ съ нимъ и отвѣчаетъ только за свой предметъ; попечитель школы не имѣетъ начальническихъ правъ; инспекторъ народныхъ училищъ и члены училищнаго совѣта соединяютъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе многими школами, не управляя прямо ни одною изъ нихъ. Совершенно иною представляется роль учителя въ церковно-приходской школѣ: онъ дѣйствуетъ постоянно на глазахъ своего начальника (священника), нисходя на степень простого исполнителя его приказаній. Съ сознаніемъ отвѣтственности часто исчезаетъ одно изъ главныхъ побужденій къ усиленной работѣ надъ самимъ собою и надъ своей задачей. Одно изъ двухъ: или священникъ можетъ посвятить значительную часть своего времени и своихъ силъ занятіямъ въ церковно-приходской школѣ—въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ взять на себя преподаваніе въ ней; или онъ слишкомъ поглощенъ другими приходскими дѣлами—въ такомъ случаѣ распорядителемъ церковно-приходской школы слѣдовало бы признать преподавателя. Оставаясь законоучителемъ, священникъ имѣлъ бы полную возможность слѣдить за ходомъ дѣла въ церковно-приходской школѣ и сохранилъ бы, по отношенію къ ней, ту степень вліянія, которая принадлежитъ ему въ свѣтской начальной школѣ". Въ настоящее время, какъ намъ кажется, эти соображенія имѣютъ еще бо̀льшую силу, такъ какъ образовательный цензъ большинства учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ значительно выше, чѣмъ прежде. Замѣтимъ еще, что въ новомъ законѣ ничего не сказано о порядкѣ назначенія и увольненія учащихъ въ начальныхъ церковно-приходскихъ школахъ [2]). Чѣмъ важнѣе роль, которую, de facto, играетъ при этомъ завѣдующій школою, тѣмъ больше, конечно, зависимость учащихъ. Напомнимъ, по этому поводу, что въ земскихъ и городскихъ начальныхъ школахъ *выборъ* учащаго предоставленъ учрежденію, содержащему школу; инспектору при-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1884 г.

[2]) Этотъ пробѣлъ тѣмъ больше бросается въ глаза, что порядокъ назначенія учащихъ въ второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ точно опредѣленъ закономъ.

надлежитъ *допущеніе* его къ преподаванію, училищному совѣту—*утвержденіе* его въ учительскомъ званіи.

При самомъ изданіи правилъ 13-го іюня 1884-го года было разъяснено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ уже есть школы одного вѣдомства, школы другого вѣдомства не должны быть открываемы безъ предварительныхъ взаимныхъ сношеній, „такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію этому дѣлу". Это не помѣшало, однако, множеству столкновеній и недоразумѣній, приведшихъ къ тому, что въ однихъ селеніяхъ существуютъ рядомъ, безъ дѣйствительной въ томъ надобности, школы обоихъ вѣдомствъ, а въ другихъ школы нѣтъ вовсе. Откуда исходили, бо̀льшею частью, отступленія отъ установленнаго начала—это извѣстно читателямъ нашего журнала; перевѣсъ, во всякомъ случаѣ, оставался обыкновенно не за земствомъ, а за другою стороною, болѣе вліятельною и властною. Новымъ закономъ опредѣленіе порядка и условій открытія начальныхъ школъ одного вѣдомства въ мѣстностяхъ, гдѣ уже имѣетъ свои школы другое, предоставлено соглашенію оберъ-прокурора св. синода и министра народнаго просвѣщенія. Имъ же, совмѣстно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, поручено сообразить вопросъ объ объединеніи дѣятельности вѣдомствъ въ области народнаго обученія и предположенія свои по этому предмету внести въ государственный совѣтъ. Объединительныя мѣры намѣчаются двоякія: однѣ—могущія послѣдовать по соглашенію вѣдомствъ, другія—требующія разрѣшенія законодательной власти. Къ числу первыхъ принадлежитъ предоставленіе должностнымъ лицамъ одного вѣдомства права посѣщать школы другого, съ цѣлью пріобрѣтенія, путемъ сравненія, полезныхъ свѣдѣній,—а также устройство періодическихъ совѣщаній, въ которыхъ участвовали бы члены учительскаго персонала обоихъ вѣдомствъ. Не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, могли бы быть учреждены общіе мѣстные совѣщательные о̀рганы для всѣхъ народныхъ школъ, къ какому бы вѣдомству онѣ ни принадлежали. Мы слышали, что въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія собираются мнѣнія по этому предмету губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. Привѣтствовать, какъ намъ кажется, можно было бы все то, что̀, сохраняя самостоятельность и самодѣятельность каждой категоріи начальныхъ школъ, полагало бы конецъ попыткамъ вмѣшательства въ чужую область и благопріятствовало бы дружному стремленію къ одной общей цѣли. Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, устройство общихъ мѣстныхъ совѣщательныхъ о̀рганов, мы не видимъ въ немъ ничего противорѣчащаго интересамъ начальной школы, лишь бы только проектируемое учрежденіе на самомъ дѣлѣ ограни-

чивалось исключительно *совѣщательными* функціями, а рѣшающая власть оставалась въ рукахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. На основаніи ст. 10-ой закона 1-го апрѣля преподаваніе въ церковныхъ школахъ производится по учебникамъ и руководствамъ, одобреннымъ по предмету Закона Божія—св. синодомъ, а по прочимъ предметамъ—училищнымъ при св. синодѣ совѣтомъ; въ воскресныхъ школахъ преподаваніе можетъ происходить также и по учебникамъ и руководствамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Для всѣхъ церковныхъ школъ, кромѣ воскресныхъ, одобреніе министерства народнаго просвѣщенія признается, такимъ образомъ, недостаточнымъ. Нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторую аномалію, устранить или уменьшить которую могло бы совмѣстное обсужденіе учебниковъ уполномоченными обоихъ вѣдомствъ, соединенными въ одномъ совѣщательномъ органѣ. Постановленія его не имѣли бы обязательной силы, но способствовали бы, безъ сомнѣнія, сближенію взглядовъ и объединенію методовъ и пріемовъ преподаванія. Въ составъ мѣстныхъ совѣщательныхъ органовъ—именно потому, что они только совѣщательные,—могли бы быть безпрепятственно и съ большою пользою для дѣла введены представители обоихъ учительскихъ персоналовъ.

Разбросанныя, устарѣлыя и крайне недостаточныя правила о трудовыхъ артеляхъ уступили, наконецъ, мѣсто общему закону, устанавляющему главныя начала устройства и дѣятельности этихъ товарищескихъ союзовъ. Подробное ихъ развитіе предоставляется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, уставу артели (если она дѣйствуетъ не на основаніи договора между ея членами). Уставы артелей утверждаются губернаторомъ; если онъ встрѣтитъ при этомъ какое-либо сомнѣніе, то представляетъ его, въ теченіе одного мѣсяца, министру финансовъ, разрѣшающему его по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Такой порядокъ значительно облегчаетъ и ускоряетъ устройство артелей, до сихъ поръ, за немногими исключеніями, зависѣвшее отъ центральной власти. Еще меньше затрудненій оно будетъ встрѣчать тогда, когда министромъ финансовъ, по предоставленному ему закономъ праву, будутъ изданы образцовые уставы для отдѣльныхъ видовъ трудовыхъ артелей. Невелико, далѣе, и минимальное число лицъ (пять), требуемое для учрежденія артели. Артелямъ предоставляются права юридическаго лица. Артель управляется общимъ собраніемъ ея членовъ, избирающимъ изъ своей среды непосредственныхъ распорядителей дѣлами артели. Членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ участниковъ артели. Если артельное имущество окажется недостаточнымъ для покрытія причитающихся съ артели

суммъ, ея члены отвѣтствуютъ, за круговою порукою, всѣмъ личнымъ ихъ имуществомъ, неограниченно или въ предѣлахъ, указанныхъ уставомъ артели. Всѣ эти постановленія вполнѣ практичны и цѣлесообразны; пожалѣть можно только о томъ, что къ числу способовъ прекращенія существованія артели отнесено требованіе губернатора, мотивированное несогласіемъ ея дѣйствій съ ея уставомъ или съ общими законами. Иначе этотъ вопросъ разрѣшался коммиссіею, составляющею гражданское уложеніе [1]). „Можно усомниться“—сказано въ объяснительной ея запискѣ, — „въ достаточной ли мѣрѣ осторожно предоставлять закрытіе товариществъ административной власти. Мѣстная губернская власть въ большинствѣ случаевъ должна считаться вполнѣ компетентной для рѣшенія вопроса, противорѣчитъ ли дѣятельность товарищества общественной безопасности или нравственности; напротивъ, для правильнаго заключенія о томъ, представляются ли извѣстныя дѣйствія товарищества выходящими изъ предѣловъ предоставленныхъ ему по уставу полномочій, во многихъ случаяхъ требуются обстоятельныя юридическія познанія, которыми губернаторъ, по свойству возложенныхъ на него общихъ обязанностей, можетъ и не обладать... Закрытіе товарищества не только причиняетъ значительные убытки всѣмъ товарищамъ, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе невиновны въ неправильныхъ дѣйствіяхъ руководителей товарищества, но и въ значительной степени отражается на интересахъ третьихъ лицъ, съ которыми товарищество находится въ дѣловыхъ отношеніяхъ“. Поэтому составители проекта пришли къ убѣжденію, что всѣ затрогиваемые прекращеніемъ товарищества интересы будутъ въ достаточной степени ограждены лишь въ томъ случаѣ, если прекращеніе товарищества будетъ послѣдствіемъ не распоряженія администраціи, а постановленія суда... По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, пробѣломъ закона является отсутствіе постановленій о порядкѣ разрѣшенія союзовъ артелей, составляющихъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ укрѣпленія и развитія дѣятельности трудовыхъ товариществъ [2]).

Весьма важное экономическое значеніе имѣютъ Высочайше утвержденныя 20-го мая правила объ устройствѣ канавъ и другихъ водопроводныхъ сооруженій на чужихъ земляхъ для осушительныхъ, оро-

[1]) Въ основаніе закона о трудовыхъ артеляхъ положенъ не трудъ коммиссіи, а проектъ, составленный министерствомъ финансовъ.

[2]) Обстоятельный разборъ закона о трудовыхъ артеляхъ можно найти въ №№ 30 и 31 „Права“ (статья І. В. Гессена) и въ №№ 204, 205 и 215 „Русскихъ Вѣдомостей“.

сительныхъ и обводнительныхъ цѣлей. Они значительно двигаютъ впередъ водное право, развитое въ Россіи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинъ) чрезвычайно слабо. Соглашеніе между сосѣдями относительно пользованія водою можетъ быть достигнуто далеко не всегда; необходимо установить порядокъ, который позволялъ бы, въ случаѣ надобности, регулировать отношенія владѣльцевъ вмѣшательствомъ правительственной власти. Къ созданію такого порядка и направлены правила 20-го мая. Они опредѣляютъ, прежде всего, чего именно, въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ можетъ домогаться владѣлецъ, нуждающійся въ водѣ или, наоборотъ, страдающій отъ ея избытка; затѣмъ идетъ перечень правъ и обязанностей обоихъ владѣльцевъ—того, въ чью пользу устраиваются сооруженія, и того, на чьей землѣ они устраиваются; остальная часть правилъ посвящена организаціи и дѣятельности учрежденій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Эти учрежденія—уѣздныя и губернскія коммиссіи, аналогичныя, по своему смѣшанному составу, другимъ присутствіямъ и комитетамъ, вѣдающимъ разныя стороны уѣзднаго и губернскаго управленія: во главѣ уѣздныхъ и губернскихъ коммиссій стоятъ предводители дворянства, членами ихъ являются представители администраціи и земства. Жалобы на уѣздныя коммиссіи разрѣшаются окончательно губернскими коммиссіями, постановленія которыхъ подлежатъ обжалованію сенату только въ случаѣ нарушенія закона; но споры о размѣрахъ и условіяхъ вознагражденія могутъ быть предметомъ судебнаго разбирательства. Юридическій интересъ правилъ 20-го мая заключается въ томъ, что они еще разъ обнаруживаютъ неосновательность доктрины, признающей за частной собственностью абсолютный характеръ, отрицающей закономѣрность ограниченія ея предписаніями положительнаго закона. Давно поколебленная наукой, эта доктрина все еще имѣетъ немало сторонниковъ въ практической жизни; мы помнимъ, напримѣръ, какъ въ одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предложенію ходатайствовать о расширеніи сосѣдскихъ правъ на пользованіе водою противопоставлялась именно ссылка на безусловность правъ собственника, на принадлежащее ему jus utendi et abutendi. Вмѣстѣ съ лѣсоохранительнымъ закономъ, правила 20 мая являются наиболѣе краснорѣчивымъ опроверженіемъ подобныхъ взглядовъ.

12-го іюня 1902-го года Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ оглашеніи опредѣленій перваго и второго департаментовъ, департамента герольдіи и перваго общаго собранія сената содержащихъ въ себѣ разъясненіе точнаго смысла дѣйствующихъ за-

коновъ. Сборникъ такихъ опредѣленій будетъ выходить періодически; сверхъ того изданъ будетъ сборникъ ихъ за прежнее время. Относительно печатанія опредѣленій, состоявшихся по дѣламъ министерствъ и главныхъ управленій, министръ юстиціи входитъ въ сношеніе съ подлежащими министрами и главноуправляющими. Непредъявленіе вѣдомствами, въ теченіе мѣсяца со времени послѣдовавшаго сношенія, возраженій противъ напечатанія опредѣленія не останавливаетъ распоряженія министра юстиціи по этому предмету. Важность введенія гласности въ такую сферу, куда она до сихъ поръ проникала только случайно, очень хорошо выставлена на видъ въ „Правѣ" (№ 33, статья г. Н. И. Л.). „При разрозненности и несогласованности нашихъ административныхъ законовъ" — говоритъ юридическая газета, — „при обиліи въ нихъ пробѣловъ по самымъ существеннымъ вопросамъ, толкованія сената получаютъ такое значеніе, что безъ знакомства съ ними пониманіе многихъ законовъ становится совершенно невозможнымъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, что самое установленіе дѣйствующаго административнаго права, не говоря уже о научной его разработкѣ, дѣлается возможнымъ лишь послѣ того, какъ по данному вопросу станетъ извѣстною практика сената". Не совсѣмъ точная редакція новаго закона можетъ, къ сожалѣнію, подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ статьи „Права" думаетъ, что министру юстиціи предоставлено опредѣлять, какія изъ числа рѣшеній, разъясняющихъ точный смыслъ законовъ, подлежатъ включенію въ сборникъ. Намъ кажется, наоборотъ, что печатанію подлежатъ всѣ рѣшенія, содержащія въ себѣ разъясненіе закона; слова: „по распоряженію министра юстиціи" едва ли уполномочиваютъ министра оставлять въ безгласности, по его усмотрѣнію, тѣ или другія опредѣленія, подходящія подъ дѣйствіе закона. Всего лучше было бы принять за правило, что вопросъ о томъ, имѣется ли въ данномъ опредѣленіи разъясненіе закона, разрѣшается самимъ сенатомъ, при постановленіи опредѣленія; но изъ того, что рѣшеніе этого вопроса предоставлено министру юстиціи, еще не слѣдуетъ, что отъ него зависитъ недопущеніе къ печатанію опредѣленія, несомнѣнно разъясняющаго законъ. Возможенъ, далѣе, споръ о послѣдствіяхъ возраженій, заявленныхъ министерствами или главными управленіями. За отсутствіемъ въ законѣ точныхъ на этотъ счетъ указаній, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, признать, что возраженія вѣдомствъ необязательны для министра юстиціи и что они могутъ касаться только вопроса о томъ, заключается ли въ данномъ опредѣленіи разъясненіе закона. Трудно допустить, чтобы оглашеніе или неоглашеніе разъясненій, исходящихъ отъ высшаго административнаго суда, могло зависѣть отъ чьей бы то ни было дискреціонной власти.

До сихъ поръ чрезвычайныя земскія собранія разрѣшались министромъ внутреннихъ дѣлъ; теперь, въ силу Высочайше утвержденнаго 10-го іюня мнѣнія государственнаго совѣта, они будутъ разрѣшаться губернаторомъ. Отказать, собственною властью, въ созывѣ чрезвычайнаго земскаго собранія губернаторъ не въ правѣ; если онъ встрѣтитъ затрудненія въ разрѣшеніи созыва, то представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Большого значенія это нововведеніе не имѣетъ: при существованіи телеграфа, необходимость испросить разрѣшеніе министра особенной медленности за собой повлечь не могла. Выигрываетъ отъ новаго порядка не столько земство, сколько администрація, освобождаемая отъ излишней переписки.

Post-scriptum.—Наше обозрѣніе было уже закончено, когда мы узнали изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 243, корреспонденція изъ Курска), что министръ внутреннихъ дѣлъ, въ бесѣдѣ съ представителями курскаго земства, коснулся вопроса о мелкой земской единицѣ. В. К. фонъ-Плеве замѣтилъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ вѣроятно устранило бы затрудненія для земскихъ управъ въ дѣлѣ подъисканія благонадежныхъ служащихъ, такъ какъ со введеніемъ мелкой земской единицы работы въ губернской и уѣздныхъ управахъ упростились бы и сократилось бы число служащихъ. Министръ просилъ прислать ему докладъ щигровской уѣздной земской управы, гдѣ всесторонне обсуждается мысль о необходимости введенія мелкой земской единицы и доказывается необходимость осуществленія ея, а также докладъ по этому вопросу курской уѣздной земской управы, высказавшейся противъ введенія мелкой земской единицы. Слѣдуетъ надѣяться, что это сниметъ запретъ, наложенный въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ земскими собраніями и ихъ коммиссіями.

УЧИТЕЛЬСКІЕ КУРСЫ И ПРАВИЛА О КУРСАХЪ.

Письмо въ Редакцію.

Въ прошломъ году въ нѣсколькихъ журналахъ появились сообщенія объ общеобразовательныхъ лекціяхъ въ Тамбовѣ [1]). Курсы, въ составъ которыхъ входили эти лекціи, слагались изъ двухъ частей—педагогической и общеобразовательной; программа общеобразовательной части была раздѣлена на два года, такъ что курсы 1901 г. давали лишь половину болѣе или менѣе законченнаго круга знаній. Предполагалось, что тѣ же самые слушатели въ нынѣшнемъ году снова явятся на курсы, чтобы закончить работу, начатую на первыхъ курсахъ, и затѣмъ уступятъ мѣсто новому контингенту учителей и учительницъ для новаго двухгодичнаго цикла лекцій и занятій. Опытъ прежнихъ лѣтъ познакомилъ устроителей курсовъ со многими мелями и подводными камнями, среди которыхъ приходится лавировать при согласованіи требованій жизни съ правилами 1875 года и съ практикою органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Казалось, что эта недешево пріобрѣтенная опытность можетъ служить гарантіей успѣха. Были предусмотрѣны, повидимому, всевозможныя препятствія. Такъ какъ раньше чаще всего приходилось сталкиваться съ неутвержденіемъ лекторовъ и руководителей, то на эту сторону было обращено особенное вниманіе: были приглашены исключительно лица, состоящія на педагогической службѣ. Ходатайство о курсахъ было направлено не за три мѣсяца до начала курсовъ, какъ того требуютъ правила 1875 года, а за четыре. Чтобы движеніе „дѣла“ гдѣ-нибудь не остановилось, наводились возможно частыя справки и посылались напоминанія. И несмотря на все это, чрезъ девять дней послѣ предположеннаго начала курсовъ губернской управѣ пришлось извѣщать телеграммами учителей и уѣздныя управы о томъ, что курсы „по независящимъ обстоятельствамъ“ не состоятся.

Исторія тамбовскихъ курсовъ такъ характерна для тѣхъ условій, при которыхъ совершается въ настоящее время работа по народному образованію, что на ней, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ остановиться

---

[1]) См., напр., „Вѣстникъ Воспитанія“ 1901 г., II, стр. 60—70; „Сарат. Земск. Недѣля“, 1901 г., № 30—33, стр. 102 - 117.

подробно и начать при этомъ съ перваго звена длинной цѣпи экспериментовъ, чрезъ которые пришлось пройти вольно или невольно тамбовскому земству.

Извѣстно, что начало семидесятыхъ годовъ было временемъ весьма частаго устройства курсовъ почти во всей земской Россіи. Устроивало курсы, или, какъ тогда ихъ называли, съѣзды, и тамбовское губернское земство. Курсы происходили одновременно въ нѣсколькихъ городахъ—для сѣверныхъ, центральныхъ и южныхъ уѣздовъ отдѣльно; въ качествѣ руководителей приглашались извѣстные педагоги того времени; на курсахъ въ Липецкѣ кромѣ педагогическихъ предметовъ читалась гигіена: „для ознакомленія учителей съ народною гигіеною",—говорится въ отчетѣ,—„былъ приглашенъ докторъ медицины Горелейченко". На курсахъ 1873 г. въ Тамбовѣ было 118 человѣкъ учителей и „нерѣдко находились и постороннія лица". Въ Моршанскѣ было 50 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 вольнослушателей. По тогдашнимъ временамъ и тогдашнему числу школъ эти цифры несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ курсовъ. И губернская земская управа, и коммиссія собранія, признавали учрежденіе курсовъ „чуть ли не полезнѣйшимъ дѣломъ къ улучшенію народныхъ училищъ", и съ 1870 г. по 1878 г. включительно мы встрѣчаемъ ежегодно ассигнованіе на курсы въ губернской земской смѣтѣ. Однако, уже тогда путь къ открытію курсовъ былъ далеко не гладкимъ. Въ 1871 году предполагалось устроить курсы при помощи преподавательскаго персонала мѣстнаго учительскаго института, но совѣтъ института не нашелъ удобнымъ командировать своихъ преподавателей въ уѣзды, а вознагражденіе руководителей, „проектированное губернской управой совмѣстно съ директоромъ института, призналъ недостаточнымъ". Дѣло разстроилось, но въ слѣдующемъ году губернская управа постаралась „изыскать другихъ педагоговъ помимо учительскаго института"; курсы состоялись въ Тамбовѣ и Шацкѣ, но не состоялись въ Липецкѣ, какъ говорится въ докладѣ, „по независящимъ отъ губернской управы обстоятельствамъ и по воздвигнутымъ въ началѣ дѣла со стороны инспектора народныхъ училищъ препятствіямъ по исполненію нѣкоторыхъ формальностей". Въ 1874 г., состоялось распоряженіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого, съ пожеланіемъ, чтобы „учительскіе съѣзды или, что̀ то же, краткосрочные педагогическіе курсы устроивались, по мѣрѣ возможности, при мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ; чтобы руководителями или преподавателями были наставники семинарій и учителя начальныхъ при нихъ училищъ, при участіи директоровъ оныхъ; чтобы программы и распредѣленіе занятій на съѣздахъ были составляемы педагогическими совѣтами семинарій, и чтобы деньги, назначаемыя обыкновенно учредителями

съѣздовъ на вознагражденіе руководителей оныхъ, по соглашенію съ учредителями, распредѣлялись между должностными лицами семинаріи". Мы уже говорили выше о неудачной попыткѣ тамбовской губернской земской управы воспользоваться для курсовъ силами мѣстнаго учительскаго института и о рѣшеніи приглашать „другихъ" педагоговъ; губернское собраніе, несмотря на пожеланіе министра, нашло болѣе удобнымъ держаться прежняго порядка и устроивать курсы независимо отъ института. Какъ мы уже упоминали, средства на курсы ассигновались вплоть до 1878 года, но ни въ 1874-мъ, ни въ ближайшіе слѣдующіе годы курсы не состоялись, несмотря на старанія земства. Въ 1878 году губернская управа докладывала собранію, что „въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ курсы не могли состояться, по независящимъ отъ губернскаго земства причинамъ, и назначаемая по смѣтамъ губернскихъ повинностей сумма въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на расходы по учительскимъ съѣздамъ оставалась за все время безъ всякаго употребленія, увеличивая только собою опредѣляемые по смѣтамъ расходы". Собраніе постановило „пособіе на съѣзды болѣе въ смѣту не вносить". Такимъ образомъ, какъ разъ тогда, когда составлялись подробныя правила о курсахъ и послѣ того, какъ они были изданы, устройство курсовъ фактически оказалось невозможнымъ, несмотря на наличность добраго желанія у „учредителей".

Прошло двадцать-три года прежде, чѣмъ педагогическіе курсы возобновились въ тамбовской губерніи. Ихъ устроило на этотъ разъ на свои средства тамбовское уѣздное земство. Руководителемъ былъ приглашенъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ педагоговъ—Н. Ф. Бунаковъ; на курсы было командировано земствомъ 80 учителей, но въ дѣйствительности собралось по оффиціальному отчету 168; были пріѣзжіе не только изъ другихъ уѣздовъ, но и изъ другихъ, иногда очень далекихъ губерній, однако огромное большинство составляли пріѣхавшіе на земскій или на свой счетъ учителя тамбовскаго уѣзда: очевидно, потребность въ курсахъ была велика. Между тѣмъ, незадолго до курсовъ разработывались матеріалы школьной статистики по тамбовскому уѣзду, и при этомъ выяснилось, что во всемъ уѣздѣ есть только одинъ учитель, бывавшій на педагогическихъ курсахъ: это было шестидесятилѣтній старикъ, служившій въ той же самой школѣ еще съ начала семидесятыхъ годовъ. Если въ нѣкоторыхъ другихъ учительскихъ отвѣтахъ встрѣчались указанія: „былъ на курсахъ", то изъ дальнѣйшихъ разъясненій обнаруживалось, что рѣчь идетъ о курсахъ гимнастики, пѣнія и огородничества, пользовавшихся въ тѣ времена поощреніемъ и одобреніемъ педагогическаго начальства. Въ одномъ отвѣтѣ упоминалось даже о командировкѣ учителя для изученія огнестойкихъ построекъ; учитель, помѣстившій этотъ отвѣтъ подъ рубрикою: „былъ ли кто-либо

изъ учащихъ на учительскихъ курсахъ", не задумался, перечисляя наглядныя пособія, поставить, рядомъ съ глобусами и картинами по русской и священной исторіи, барабанъ и барабанныя палки для преподаванія военной гимнастики—обстоятельство, свидѣтельствующее но меньшей мѣрѣ о нѣсколько странномъ направленіи педагогическихъ взглядовъ учителей тамбовскаго уѣзда, слушавшихъ курсы по многимъ спеціальностямъ, кромѣ педагогической.

Итакъ, потребность въ курсахъ была велика и они были устроены. Но сколькихъ усилій это стоило! Отвѣтъ о разрѣшеніи курсовъ пришелъ въ тотъ самый день, на который было назначено ихъ открытіе, послѣ трехмѣсячнаго ожиданія. До разрѣшенія инспекція воспротивилась разсылкѣ учителямъ программы курсовъ и приложеннаго къ ней списка вопросовъ и темъ для письменныхъ сообщеній, которыя должны были дать матеріалъ бесѣдъ на курсахъ. Учителя явились неподготовленными, и весь планъ работъ руководителя былъ нарушенъ. Стремленіе охранить курсы отъ кого-то и отъ чего-то было такъ велико, что во входномъ билетѣ было отказано бывшему городскому головѣ, вотировавшему въ земскомъ собраніи кредитъ на курсы, на томъ основаніи, что онъ болѣе не городской голова и не членъ земскаго собранія, а слѣдовательно и не состоитъ въ числѣ „учредителей" [1]). Послѣднее обстоятельство—мелочь, но мелочь характерная для той обстановки, въ которой приходится дѣйствовать „учредителямъ" курсовъ.

На курсахъ 1897 года учителя просили, чтобы „тамбовское земство устроивало почаще педагогическіе курсы и чтобы въ составъ ихъ входило общеобразовательное чтеніе по предметамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу". На встрѣчу этому желанію пошло губернское земство. Въ 1899 году состоялось постановленіе устроить курсы лѣтомъ 1900 г., и было ассигновано для этой цѣли 5.000 руб. Какъ только постановленіе собранія было утверждено, управа вступила въ переговоры съ руководителями; нѣсколько лицъ были уже заняты; наконецъ, 3-го марта 1900 г. руководитель, выразившій свое согласіе, былъ представленъ на утвержденіе. Это былъ одинъ изъ служащихъ земства, занимавшій видную педагогическую должность; ранѣе онъ руководилъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ курсами въ новгородской, черниговской и костромской губерніяхъ и только-что получилъ оффиціальную благодарность попечителя учебнаго

---

[1]) Надо замѣтить, что за годъ до курсовъ, по иниціативѣ этого общественнаго дѣятеля, земское собраніе обратило вниманіе на частое перемѣщеніе инспекціей учителей, производившее впечатлѣніе игры въ свои сосѣди, и потребовало точнаго исполненія закона, въ силу котораго такія перемѣщенія должны происходить съ вѣдома и согласія земской управы.

округа за послѣдніе курсы, на которыхъ выступалъ руководителемъ. Казалось, не было мѣста сомнѣніямъ. Однако, прошло два съ половиной мѣсяца и незадолго до предположеннаго начала курсовъ выяснилось, что приглашенный руководитель не будетъ утвержденъ. Надо было отыскивать другого, и на этотъ разъ управѣ посчастливилось заручиться согласіемъ одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ специалистовъ по вопросамъ начальнаго обученія. Гарантіей успѣха, повидимому несомнѣнной, было то обстоятельство, что это лицо уже было утверждено въ то же самое лѣто въ другомъ городѣ того же самаго учебнаго округа. Курсы были отложены на осень, бумага съ представленіемъ пошла по инстанціямъ, учителя и представители земства ждали, радуясь заранѣе, что увидятъ на курсахъ столь извѣстнаго педагога. Однако, прошло достаточно времени, чтобы сдѣлать новые поиски руководителя, а слѣдовательно и самые курсы—невозможными, и снова получился отвѣтъ, изъ котораго явствовало, что возможное въ одномъ городѣ невозможно въ другомъ, хотя отвѣтъ долженъ былъ бы исходить въ конечномъ счетѣ, повидимому, отъ одного и того же органа власти, какъ для Тамбова, такъ и для Курска. Земство не теряло энергіи: было рѣшено добиваться курсовъ снова въ 1901 году; губернское собраніе ассигновало на этотъ разъ 6.000 руб., одно изъ уѣздныхъ—1.455 руб. Общеобразовательные курсы 1901 года были подробно описаны, и потому мы не будемъ останавливаться на ихъ исторіи, а коснемся лишь одной стороны, которая въ прошломъ году была сравнительно мало затронута. Предполагалось, что курсы будутъ не только общеобразовательными, но и педагогическими, и на педагогическую сторону было обращено не меньше вниманія, чѣмъ на общеобразовательную. Исходя изъ опыта предъидущихъ неудачъ, рѣшили выбрать такое лицо, которое имѣло бы за собою примѣръ утвержденія не только въ другихъ городахъ, хотя бы того же харьковскаго учебнаго округа, но и въ самомъ Тамбовѣ, и которое, слѣдовательно, удовлетворяло бы не только болѣе или менѣе извѣстнымъ общимъ, но и предполагаемымъ спеціальнымъ мѣстнымъ требованіямъ. Такимъ лицомъ былъ Н. Ф. Бунаковъ, руководившій курсами въ Тамбовѣ въ 1897 г., десятки лѣтъ извѣстный всѣмъ, выступавшій ежегодно на курсахъ вплоть до 1900 г., авторъ одобренныхъ министерствомъ учебниковъ. Самый возрастъ почтеннаго педагога, повидимому, исключалъ всякую возможность перемѣны въ немъ, а слѣдовательно и въ отношеніяхъ къ нему со стороны администраціи за короткій срокъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступалъ въ послѣдній разъ на курсахъ въ Тамбовѣ, Павловскѣ, Ярославлѣ и Одессѣ. Опять пошло по инстанціямъ „представленіе" и опять черезъ три мѣсяца выяснилось существованіе непреодолимыхъ препятствій, для которыхъ въ русскомъ языкѣ изобрѣтенъ особый

эвфемистическій терминъ: „независящія обстоятельства". Чтобы спасти курсы (приглашеніе руководителя по русскому языку явилось непремѣннымъ условіемъ ихъ разрѣшенія), управа пригласила рекомендованнаго ей преподавателя одной изъ мѣстныхъ гимназій, бывшаго преподавателя учительской семинаріи. Онъ былъ очень быстро утвержденъ, но, какъ сообщалось еще въ прошломъ году, еще скорѣе прекратилъ начатыя занятія, а послѣ курсовъ въ отчетѣ, представленномъ въ моршанскую уѣздную управу, учителя-курсисты писали: „спеціально дидактическая часть была весьма неудовлетворительна... образцовые уроки наглядно показали, какъ не слѣдуетъ вести занятія въ школѣ"...

Общеобразовательная часть курсовъ и организованныя въ связи съ курсами бесѣды имѣли огромный успѣхъ, засвидѣтельствованный въ весьма горячихъ выраженіяхъ тѣмъ же самымъ отчетомъ моршанскихъ учителей, который такъ печально отзывается о дѣятельности руководителя по русскому языку. О томъ же свидѣтельствуютъ отзывы учителей изъ другихъ уѣздовъ, отзывы нѣкоторыхъ чиновъ инспекціи и предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которымъ пришлось наблюдать работу тѣхъ же самыхъ учителей до и послѣ курсовъ. Этотъ успѣхъ позволялъ забыть невозможныя трудности и неудачи; онъ вознаграждалъ за мучительно тяжелую работу въ условіяхъ полной неопредѣленности и неизвѣстности и заставлялъ сосредоточивать всѣ мысли и все вниманіе на будущемъ, на продолженіи и дальнѣйшемъ развитіи того, что̀ оказалось удачнымъ, на новомъ выполненіи того, что̀ было невыполнено или выполнено неудачно. Настойчивыя пожеланія самихъ учителей, ихъ надежды явиться въ будущемъ году съ сознательными и ясно формулированными запросами, съ подготовленнымъ матеріаломъ и планомъ работъ—все это побуждало дорожить моментомъ и стараться использовать приподнятое настроеніе. Зимою 1902 года опять началась обычная работа. На этотъ разъ были приглашены руководителями и лекторами исключительно лица, состоящія на педагогической службѣ, были получены благопріятные отзывы ихъ начальства, и, слѣдовательно, препятствій не могло быть съ этой обыкновенно самой опасной стороны. Программа лектора по русской литературѣ, г. Сакулина, и программа руководителя по методикѣ русскаго языка, Н. И. Ахутина, разосланныя учителямъ, возбудили огромный интересъ и вызвали множество запросовъ. Между тѣмъ время шло, отвѣта не получалось, начались запросы о судьбѣ курсовъ, и въ концѣ концовъ дѣло свелось къ перепискѣ, которая могла бы дать поводъ для извѣстнаго разсказа Чехова „Много бумаги". Впрочемъ, тамбовскій варіантъ разсказа слѣдовало бы озаглавить: „Много телеграммъ".

Ходатайство о курсахъ было послано 10 марта. 30 апрѣля управа просила попечителя округа телеграммою о его судьбѣ. Отвѣтъ гла-

силъ: ходатайство отослано въ министерство 3 апрѣля. Какъ извѣстно, правила о курсахъ предоставляютъ окончательное рѣшеніе вопроса самому попечителю. Слѣдующій телеграфный запросъ былъ направленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Отвѣтная телеграмма сообщала: „Ожидается отзывъ ученаго комитета". Несмотря на успокоительныя статьи г. Георгіевскаго въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", репутація комитета въ смыслѣ быстроты его дѣятельности не стоитъ особенно высоко въ глазахъ провинціальныхъ дѣятелей и учрежденій, не имѣющихъ возможности наблюдать работу комитета вблизи, но судящихъ о ней лишь по ея результатамъ. Кромѣ того приближалось время курсовъ, надо было начинать подготовительныя работы, и 16 мая въ комитетъ была также послана телеграмма, а 18 мая получена телеграмма изъ Петербурга безъ подписи, но носящая несомнѣнный характеръ отвѣта на запросъ, обращенный въ комитетъ: „Курсы разрѣшены, кромѣ исторіи литературы и исторіи земли". Оставалось воспользоваться тою частью, которая очевидно была разрѣшена, т.-е. методикою русскаго языка и школьною гигіеной, но для этого требовалось получить отвѣтъ отъ начальства, указаннаго въ правилахъ 1875 г., т.-е. отъ попечителя учебнаго округа. На новую телеграмму попечитель отвѣчалъ: „До полученія округомъ отвѣта министерства вопросъ о курсахъ не можетъ считаться рѣшеннымъ". Затѣмъ была еще одна телеграмма попечителю отъ 4 іюня и новый отвѣтъ: „Сегодня снова сдѣлалъ запросъ департаменту"; новая телеграмма управы 10 іюня, и наконецъ 18 іюня, черезъ восемь дней послѣ предположеннаго начала курсовъ и четыре слишкомъ мѣсяца послѣ начала переписки, былъ полученъ заключительный, устранявшій всякія сомнѣнія отвѣтъ—тоже по телеграфу: „Ходатайство о курсахъ отклонено".

Въ настоящее время въ литературѣ [1]) и въ докладахъ земскихъ управъ накопилось много указаній на необходимыя измѣненія въ дѣйствующихъ правилахъ о курсахъ. Резюмируя ихъ, можно установить слѣдующія главнѣйшія требованія:

1) Необходимо, чтобы учредителямъ курсовъ, каковыми въ настоящее время являются губернскія и уѣздныя земства, было предоставлено право самимъ приглашать лекторовъ и руководителей, намѣчать программы курсовъ и отдѣльныхъ предметовъ, количество слушателей, ихъ составъ и продолжительность. На практикѣ въ большинствѣ случаевъ все это и дѣлается самими земствами, потому что

---

[1]) Укажемъ здѣсь только двѣ недавнія статьи: въ „Вѣстникѣ Воспитанія", № 4, 1902 г., статью Е. Звягинцева: „Учительскіе курсы" и въ „Саратовской Земской Недѣлѣ" 1901 г., № 42—45; статью В. П. Вахтерова: „Курсы для учителей и учительницъ".

вполнѣ естественно, что лица и учрежденія, дающія деньги, желаютъ быть увѣренными, что деньги пойдутъ именно для той цѣли, которую они имѣли въ виду. Дѣйствующія правила, подтвержденныя недавнимъ циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія объ обязанности дирекціи приглашать руководителей, какъ извѣстно, гласятъ иное, но не трудно было бы рядомъ примѣровъ доказать, къ какимъ послѣдствіямъ должно повести строгое исполненіе правилъ и циркуляра, передающихъ самую важную часть въ организаціи курсовъ въ исключительное вѣдѣніе лицъ, озабоченныхъ главнымъ образомъ, чтобы все обстояло благополучно въ глазахъ начальства, и очень мало заинтересованныхъ въ томъ, какъ будутъ израсходованы земскія средства. Мы упоминали выше о плачевной неудачѣ педагогической части на тамбовскихъ курсахъ, вслѣдствіе замѣны неутвержденнаго Бунакова весьма быстро и охотно утвержденнымъ лицомъ, образцовые уроки котораго, по отзыву учителей, могли служить примѣромъ, какъ не слѣдуетъ давать уроковъ. Въ газетахъ сообщалось о неутвержденіи въ Тулѣ Тихомирова и Бунакова и о томъ, что взамѣнъ послѣдняго дирекція, согласно циркуляру, рекомендовала мѣстнаго инспектора, о которомъ имѣется совершенно тождественный съ предъидущимъ отзывъ оффиціальнаго лица, наблюдателя за болховскими курсами орловской губерніи [1]).

2) Правила о курсахъ должны быть формулированы такъ, чтобы въ ихъ рамки укладывалось все разнообразіе выдвинутыхъ жизнью просвѣтительныхъ средствъ, организуемыхъ въ связи съ курсами: занятія по методикѣ первоначальнаго обученія; обсужденіе новыхъ теченій въ области педагогики, новыхъ пріемовъ обученія, новыхъ пособій, учебниковъ, руководствъ и книгъ для внѣкласснаго чтенія; бесѣды объ организаціи внѣ-школьнаго образованія, систематическое ознакомленіе съ существующей дѣтской и народной литературой, совмѣстное съ земскими дѣятелями обсужденіе хозяйственныхъ нуждъ школы и хозяйственной организаціи школьнаго дѣла; общеобразовательныя лекціи; устройство выставокъ педагогическихъ книгъ, учебниковъ, наглядныхъ пособій и т. д. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна допускаться любая, соотвѣтствующая даннымъ условіямъ и даннымъ потребностямъ, комбинація отдѣльныхъ элементовъ. Было бы неудобно, еслибы, напр., были разрѣшены общеобразовательные курсы, но не иначе, какъ отдѣльно отъ педагогическихъ или не иначе, какъ въ связи съ ними.

3) Необходимо упростить процедуру разрѣшенія курсовъ. Въ настоящее время земскія управы обращаются въ уѣздный училищный

---

[1]) См. „Саратовскій Дневникъ“, 1902 г., № 98, корреспонденція изъ Тулы.

совѣтъ, этотъ послѣдній сносится съ директоромъ народныхъ училищъ, директоръ—съ попечителемъ. Дальнѣйшія „сношенія" правилами не предусмотрѣны, но, какъ мы только-что говорили, практика иногда идетъ дальше правилъ, и попечитель въ свою очередь сносится съ министерствомъ. Самымъ естественнымъ рѣшеніемъ этого вопроса была бы передача права разрѣшать курсы уѣздному училищному совѣту, если курсы уѣздные, и губернскому, если курсы губернскіе или нѣсколькихъ уѣздныхъ земствъ. Если же это окажется невозможнымъ, то необходимо точное установленіе сроковъ, въ теченіе которыхъ административныя учрежденія и лица, разрѣшающія курсы, обязаны дать положительный или отрицательный отвѣтъ.

4) Необходимо совершенно устранить изъ правилъ всѣ тѣ положенія, которыя основаны на томъ, что слушатели курсовъ разсматриваются какъ ученики, если не низшаго, то средняго учебнаго заведенія архаическаго типа. Никакими софизмами нельзя измѣнить тотъ фактъ, что слушатели—люди взрослые, сами учителя, и что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ за собой многолѣтній опытъ въ томъ дѣлѣ, ради котораго они явились на курсы. Отсюда слѣдуетъ уничтоженіе обязательности прибытія на курсы, обязательности уроковъ въ образцовой школѣ,—правила, ограничивающаго число слушателей сообразно числу руководителей. Это послѣднее правило въ настоящее время особенно часто ведетъ къ недоразумѣніямъ—прежде всего своею неопредѣленностью. Число руководителей должно быть ни въ какомъ случаѣ не менѣе двухъ, если количество слушателей будетъ простираться до 40 лицъ, гласитъ п. 12 правилъ. Что̀ это значитъ? Надо ли понимать это такъ, что если руководителей болѣе двухъ, то число слушателей можетъ возростать неопредѣленно, или же наоборотъ—отсюда слѣдуетъ выводъ, что на каждые сорокъ слушателей должно быть два руководителя, а на каждаго руководителя должно быть не болѣе двадцати слушателей? Этотъ послѣдній выводъ настолько противорѣчитъ практикѣ, что его не рѣшаются дѣлать даже самые ревностные наблюдатели. Единственное заключеніе, которое они дѣлаютъ изъ этого параграфа правилъ и подтверждающаго его циркуляра, состоитъ въ томъ, что начальство не одобряетъ многолюдныхъ курсовъ и что они должны по мѣрѣ силъ стараться о сокращеніи.

5) Совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности и должно быть устранено правило, которое ставитъ наблюдателя въ положеніе начальника курсовъ. Онъ можетъ и долженъ быть не болѣе какъ блюстителемъ законности.

Правила о курсахъ, какъ слышно, пересматриваютъ. Весьма вѣроятно, что новыя правила будутъ ближе къ дѣйствительности. Можетъ быть, они осуществятъ часть указанныхъ здѣсь пожеланій, и

безъ сомнѣнія желательно, чтобы испытывающія наибольшія неудобства земства выступили съ ходатайствами по этому поводу. Но не слѣдуетъ забывать также, что не въ однихъ правилахъ дѣло; что не менѣе важно, какъ будутъ примѣняться правила: въ цѣляхъ ли развитія курсовъ, или наоборотъ; что, наконецъ, въ высшей степени важна увѣренность въ томъ, что организація курсовъ будетъ дѣйствительно зависѣть отъ тѣхъ или другихъ общеизвѣстныхъ правилъ и взглядовъ, а не отъ случайныхъ и мало понятныхъ причинъ. Въ настоящее время мы видимъ, что одно и то же лицо утверждается руководителемъ въ одномъ и не утверждается въ другомъ городѣ того же учебнаго округа, не говоря уже о разныхъ округахъ. Въ одномъ году разрѣшаются общеобразовательные курсы, а на слѣдующій годъ въ томъ же городѣ не разрѣшаются. Псковскому губернскому земству не разрѣшаютъ педагогическихъ курсовъ, а рекомендуютъ общеобразовательные, другимъ—наоборотъ. Ученый комитетъ министерства признаетъ курсы въ Павловскѣ съ лекціями по исторіи литературы и геологіи „достигающими намѣченныхъ цѣлей, отчасти въ смыслѣ пополненія знаній учащихся, отчасти и главнымъ образомъ въ смыслѣ возбужденія въ нихъ умственныхъ интересовъ“ („Русск. Нач. Учит.“, 1901 г., № 8—9, стр. 8), и тотъ же комитетъ вычеркиваетъ исторію русской литературы и геологію изъ программы тамбовскихъ курсовъ.

Нѣмцы говорятъ, будто страшный конецъ лучше безконечнаго страха. Русскимъ людямъ, такъ или иначе соприкасающимся съ областью народнаго образованія, вѣроятно часто приходитъ въ голову вопросъ: что̀ лучше—суровая ли опредѣленность, или устраняющая всякую возможность предвидѣнія и предварительнаго разсчета неопредѣленность?

Вл. Щерба.

г. Тамбовъ, 1902 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

Внутреннія дѣла во Франціи. — Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми.— Война съ клерикалами и рѣчи министровъ.—Примѣры славянскаго единенія: событія въ Хорватіи.—Попытки американскаго вмѣшательства въ европейскую политику.— Международный судъ въ Гаагѣ. — Берлинскій трактатъ и Румынія.

Воинственная политика по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ во Франціи не доставила славы министерству Комба и только внесла новый раздражающій элементъ въ обычную внутреннюю борьбу между различными элементами французскаго общества. Клерикальный духъ, господствовавшій до сихъ поръ среди аристократіи и въ высшихъ слояхъ буржуазіи, возродился съ новой силою и пріобрѣлъ могущественную поддержку въ умѣренной либеральной партіи; дѣятели монашескихъ орденовъ и особенно монахини возбудили къ себѣ неожиданное сочувствіе даже въ низшихъ классахъ населенія, въ качествѣ жертвъ несправедливаго гоненія. Во многихъ мѣстахъ крестьяне энергически заступались за монахинь и оказывали упорное сопротивленіе властямъ при закрытіи недозволенныхъ школъ. Были также случаи неповиновенія въ арміи, когда военные отряды привлекались къ участію въ насильственномъ исполненіи правительственныхъ декретовъ.

Въ Нантѣ, въ началѣ сентября, разбиралось въ военномъ судѣ интересное дѣло, раскрывающее всю глубину антагонизма между нынѣшними правителями республики и большинствомъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи. Префектъ Морбиганскаго департамента получилъ извѣстіе, что жители одного мѣстечка готовятся къ вооруженной защитѣ монахинь, подлежавшихъ удаленію изъ школьнаго зданія; онъ потребовалъ поэтому отъ мѣстнаго военнаго начальника, генерала Фратѐ, чтобы тотъ распорядился прислать эскадронъ стрѣлковъ изъ ближайшаго города Понтиви. Отрядъ долженъ былъ прибыть къ мѣсту назначенія на слѣдующее утро, чтобы предупредить безпорядки и дать возможность агентамъ администраціи исполнить возложенное на нихъ порученіе. Генералъ Фратѐ передалъ это требованіе по телеграфу полковому командиру, Годену де-Сенъ-Реми, съ просьбою извѣстить о послѣдующемъ; но полковникъ оставилъ депешу безъ отвѣта. Нѣсколько часовъ спустя, генералъ вторично телеграфировалъ пол-

ковнику, съ требованіемъ немедленнаго отвѣта, но тотъ по прежнему хранилъ молчаніе. На разсвѣтѣ генералъ опять послалъ депешу съ запросомъ, полученъ ли приказъ и приводится ли онъ въ исполненіе; утромъ полковникъ рѣшился наконецъ отвѣчать своему начальнику, что эскадронъ остался на мѣстѣ. Сообщивъ объ этомъ префекту и узнавъ отъ него, что присылка войскъ необходима, генералъ Фратѐ вновь обратился къ полковнику де-Сенъ-Реми съ категорическимъ приказаніемъ тотчасъ же отправить эскадронъ и дать знать объ этомъ телеграммой; тогда полковникъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „Не могу исполнить приказъ, оскорбляющій мои чувства и мою вѣру“. Генералу пришлось предложить полковнику передать полкъ старшему изъ эскадронныхъ командировъ, что̀ и было исполнено; затѣмъ онъ отправился въ Понтиви, вызвалъ къ себѣ Годена де-Сенъ-Реми и просилъ его объяснить свое поведеніе. Полковникъ заявилъ, что былъ страшно взволнованъ полученнымъ приказомъ, что, какъ военный, онъ никогда не занимался политикой и не могъ предвидѣть, что будетъ привлеченъ къ участію въ мѣрахъ противъ католической церкви; онъ размышлялъ цѣлую ночь, и никакъ не былъ въ состояніи примирить свой долгъ солдата съ внушеніями своей совѣсти; только послѣ тяжелой внутренней борьбы онъ пришелъ къ заключенію, что не можетъ способствовать исполненію даннаго ему приказа. Полковникъ Годенъ де-Сенъ-Реми— человѣкъ уже немолодой; онъ поступилъ на службу въ 1870 году, прошелъ курсъ въ сенъ-сирской военной школѣ и пользовался очень хорошей репутаціей, какъ усердный и исполнительный офицеръ. Преданный суду за неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ начальства, онъ держалъ себя съ достоинствомъ и нисколько не старался смягчить свою вину. „Я зналъ, что подвергнусь вашему суду, — сказалъ онъ,—но я зналъ также, что придется предстать еще предъ другимъ судомъ, болѣе важнымъ,—предъ судомъ Всевышняго“. Генералъ Фратѐ объяснилъ на судѣ, что, по его мнѣнію, полковникъ де-Сенъ-Реми не имѣлъ намѣренія дѣлать политическую манифестацію; его личныя религіозныя чувства были жестоко задѣты полученнымъ приказомъ, и онъ предпочелъ повиноваться своему долгу христіанина, вмѣсто того, чтобы исполнить обязанность солдата. Майоръ, принявшій отъ него командованіе полкомъ, весьма трогательно разсказалъ, какъ онъ съ ужасомъ въ душѣ рѣшился исполнить приказъ, убѣдившись въ его законности и въ его подтвержденіи высшею военною властью. Полковникъ де-Сенъ-Реми говорилъ ему, что онъ съ разбитымъ сердцемъ ломаетъ свою шпагу; прежде чѣмъ передать ему полковое знамя, онъ долго съ волненіемъ прижималъ его къ груди. Послѣ этихъ свидѣтельскихъ показаній защитникъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой выставилъ благородныя побужденія обвиняемаго и просилъ о полномъ

его оправданіи. Полковникъ де Сенъ-Реми, по словамъ защитника, не хотѣлъ опозорить себя участіемъ въ постыдномъ дѣлѣ изгнанія святыхъ, беззащитныхъ женщинъ, и онъ заслуживаетъ за это не осужденія, а похвалы; ему слѣдуетъ возвратить полкъ, который „онъ, быть можетъ, поведетъ на войну возмездія". Обвинитель поддерживалъ формальные доводы, касающіеся военной дисциплины, и доказывалъ, что подчиненіе законнымъ требованіямъ гражданской власти не можетъ заключать въ себѣ ничего позорнаго. Защитникъ съ своей стороны настаивалъ на томъ, что „брать штурмомъ жилища монахинь—дѣло постыдное для арміи, и, занимая ее такимъ дѣломъ, правительство подрываетъ дисциплину и извращаетъ великое назначеніе военной силы". Слова защитника были покрыты рукоплесканіями, которыя едва удалось остановить предсѣдателю. Военный судъ единогласно призналъ полковника Годена де-Сенъ-Реми невиновнымъ въ нарушеніи дисциплины относительно генерала Фратѐ и виновнымъ только въ неисполненіи требованія префекта Морбиганскаго департамента, за что приговорилъ обвиняемаго къ аресту на одинъ день. Чтеніе приговора встрѣчено было единодушными рукоплесканіями всѣхъ присутствовавшихъ.

Съ формальной стороны приговоръ военнаго суда въ Нантѣ представляется совершенно непонятнымъ. Полковникъ де-Сенъ-Реми не только не подчинился распоряженію гражданской власти, переданному ему генераломъ Фратé, но оставилъ безъ отвѣта двѣ телеграммы его и отвѣтилъ отказомъ на третью депешу, заключавшую уже прямое приказаніе генерала. Послѣдній самъ подтвердилъ на судѣ, что въ этой телеграммѣ онъ далъ полковнику формальный приказъ, которому тотъ, однако, не повиновался. Отвергнувъ безспорный фактъ неповиновенія военному начальству и присудивъ обвиняемаго къ такому ничтожному наказанію, какъ арестъ на одинъ день, за неисполненіе требованія гражданской власти, военный судъ, въ сущности, принялъ сторону полковника де-Сенъ-Реми и косвенно осудилъ дѣйствія правительства. Изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла было ясно, что поступокъ Сенъ-Реми не имѣлъ никакой политической подкладки и вытекалъ исключительно изъ побужденій личной религіозной совѣсти. Этотъ характеръ поступка отчасти объясняетъ точку зрѣнія суда и придаетъ его приговору особенное значеніе. Полковникъ де-Сенъ-Реми ничѣмъ не проявилъ своей солидарности съ какими-либо партіями, враждебными республикѣ; онъ дѣйствовалъ просто, какъ вѣрующій католикъ, поставленный въ необходимость выбора между военнымъ долгомъ и предписаніями религіи. Военные судьи, разбиравшіе его дѣло,—вѣроятно также не думали о политикѣ, какъ и Сенъ-Реми; но они тоже католики и въ этомъ качествѣ, очевидно, раздѣляли его чувства и

сомнѣнія, или признавали ихъ вполнѣ естественными. Формальныя и фактическія основанія, по которымъ требовался безусловно обвинительный приговоръ, были на этотъ разъ умышленно оставлены въ сторонѣ, уступивъ мѣсто оправдательнымъ соображеніямъ, рѣдко примѣняемымъ въ практикѣ военныхъ судовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что военный судъ въ Нантѣ явился лишь выразителемъ настроенія, господствующаго въ рядахъ французскаго офицерства, преимущественно высшаго. Въ приговорѣ по дѣлу Сенъ-Реми можно видѣть ясное доказательство того, что представители арміи относятся непріязненно къ политикѣ, прибѣгающей къ военно-полицейскимъ насиліямъ противъ учрежденій и органовъ католической церкви. Если законные охранители военной дисциплины оффиціально оправдываютъ ея нарушителей, виновныхъ главнымъ образомъ передъ гражданскою властью, то это само по себѣ служитъ весьма серьезнымъ симптомомъ разлада между правительствомъ и вліятельною частью общественнаго мнѣнія. Министерство не имѣло, конечно, никакой надобности ставить хорошихъ и честныхъ офицеровъ въ положеніе, при которомъ даже пассивные исполнители повинуются „съ ужасомъ въ душѣ“; не было вообще основанія превращать законъ о конгрегаціяхъ въ орудіе нападенія и дѣйствовать наступательно съ такою поспѣшностью, какъ будто требовалось во что бы то ни стало вызвать подобіе борьбы и побѣды. Жители сельскихъ общинъ въ Бретани давно извѣстны своею набожностью, и можно было заранѣе предвидѣть, что крутыя мѣры противъ монашества не обойдутся тамъ безъ кровавыхъ столкновеній. Духовныя школы, признаваемыя недозволенными, существовали много десятилѣтій, и никакіе интересы не требовали ихъ немедленнаго насильственнаго закрытія; отъ правительства зависѣло назначить льготные сроки и облегчить ликвидацію закрываемыхъ заведеній, или дать имъ возможность примѣниться къ новымъ правиламъ, — вмѣсто того, чтобы предпринимать экспедиціи, направленныя какъ будто противъ религіозныхъ чувствъ и привычекъ населенія. Не только въ арміи, но и среди чиновничества замѣчалось раздраженіе, доходившее до непріятныхъ конфликтовъ; правительство вынуждено было смѣщать недовольныхъ, и въ клерикальный лагерь попали многіе изъ тѣхъ, которые никогда не считали себя клерикалами. По этому поводу долженъ былъ, по слухамъ, выйти въ отставку французскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, де-Монтебелло, такъ какъ онъ, будто бы, протестовалъ противъ изгнанія монахинь изъ школы, находящейся въ его имѣніи. Въ печати продолжается страстная полемика между радикальными обличителями клерикализма и защитниками неограниченной свободы преподаванія; извѣстный редакторъ „Revue des deux Mondes“, профессоръ Фердинандъ Брюнетьеръ,

горячо отстаиваетъ либеральные принципы въ газетныхъ статьяхъ, хотя значительно ослабляетъ свою аргументацію оправданіемъ учебно-воспитательной дѣятельности іезуитовъ. Противъ Брюнетьера ополчились передовые прогрессисты; полемика, по обыкновенію, вертится около вопросовъ, не имѣющихъ прямой связи съ предметомъ спора. Сторонники министерства Комба неустанно проводятъ ту простую и безспорную мысль, что законъ о конгрегаціяхъ, надлежащимъ образомъ обнародованный, получилъ обязательную силу и долженъ быть приведенъ въ исполненіе, и что никто не имѣетъ права противиться этому закону; но дѣло именно въ томъ, что противодѣйствіе вызывается не текстомъ закона, а способами его толкованія и примѣненія. Католики возмущаются и протестуютъ не противъ законодательныхъ постановленій, а противъ суровыхъ министерскихъ декретовъ, нарушающихъ законныя права обывателей безъ достаточныхъ къ тому основаній. Разумѣется само собою, что въ концѣ концовъ побѣда осталась за правительствомъ; но нужно ли было затѣвать войну противъ конгрегацій въ такой формѣ и возвысился ли авторитетъ республики послѣ фактическаго торжества надъ мнимыми ея врагами,—надъ этимъ не задумываются публицисты, восхваляющіе непреклонную твердость министерства Комба.

Нельзя отрицать, что странная внутренняя политика нынѣшняго французскаго правительства вызываетъ недоумѣніе въ Европѣ и не можетъ способствовать упроченію политическихъ симпатій къ Франціи въ тѣхъ консервативныхъ сферахъ, которыми опредѣляется направленіе международной дипломатіи. Французы вообще беззаботны насчетъ того, какое впечатлѣніе производятъ ихъ дѣйствія и рѣчи за границей; это вновь показали нѣкоторые изъ министровъ, заговорившіе почему-то воинственнымъ тономъ о внѣшнихъ дѣлахъ. Генералъ Андрè, при открытіи памятника въ честь павшихъ воиновъ 1870 года въ Вильфраншѣ, сказалъ, что „солдаты будущаго явятся мстителями за пораженіе отечества и возвратятъ странѣ ея матеріальное могущество; они должны все принести въ жертву родинѣ, даже свои личныя убѣжденія". Морской министръ, Камилль Пельтанъ, на банкетѣ 12 сентября въ Аяччіо, произнесъ спичъ, въ которомъ объяснилъ важное стратегическое значеніе Корсики, обращенной своимъ восточнымъ побережьемъ „къ самому сердцу Италіи". „Можно замѣтить,—говорилъ онъ далѣе,—возрожденіе воинственности у народовъ, поклоняющихся грубой силѣ. Средиземное море—не французское озеро, но оно представляетъ для Франціи слишкомъ большой интересъ, чтобы можно было пренебрегать имъ, и Корсика служитъ гарантіею нашей безопасности. Необходимо поэтому вооружить этотъ островъ; но финансовый кризисъ не позволяетъ сразу исполнить программу предположенныхъ

военныхъ мѣръ. Мы сдѣлаемъ все, что̀ возможно, для обезпеченія настоящаго и будущаго". Нѣсколько дней спустя, въ Бизертѣ, Пельтанъ уже отрекся отъ приписанныхъ ему словъ относительно Италіи, сославшись на свои всегдашнія симпатіи къ итальянскому народу, но зато упомянулъ о пораженіи Франціи „германскими варварами" и о презрѣніи къ праву со стороны Англіи; въ то же время онъ назвалъ Бизерту „новымъ Кареагеномъ" и намекнулъ на великую роль французскаго Туниса въ борьбѣ за преобладаніе въ Средиземномъ морѣ, чѣмъ опять задѣлъ Италію. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ оправданія своихъ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ первой рѣчи, Пельтанъ вторично затронулъ иностранныя державы и отозвался весьма рѣзко о Германіи и Англіи. Слова его о германскомъ варварствѣ не могли серьезно оскорбить національное чувство нѣмцевъ, но подали поводъ къ оживленнымъ толкамъ нѣмецкихъ газетъ на тему о неисправимомъ ослѣпленіи и шовинизмѣ французовъ. Замѣчаніе о британскомъ неуваженіи къ праву нашло соотвѣтственный отголосокъ въ англійской печати, которая воспользовалась случаемъ для ядовитой характеристики французскихъ дѣлъ и французскихъ министровъ. Фразы о Средиземномъ морѣ напоминали итальянцамъ старыя французскія притязанія, несовмѣстимыя съ современнымъ международнымъ положеніемъ Италіи и съ новѣйшими проявленіями франко-итальянской дружбы. Съ какою цѣлью наговорилъ все это Пельтанъ—непонятно; вѣрнѣе всего, что онъ просто увлекся своимъ краснорѣчіемъ и забылъ о своемъ званіи министра, когда произносилъ эти удивительныя рѣчи. Президентъ совѣта министровъ долженъ былъ вмѣшаться въ дѣло для прекращенія непріятной полемики, вызванной рѣчами Пельтана; на банкетѣ въ Мата́, 20 сентября, онъ заявилъ безъ всякихъ стѣсненій, что не слѣдуетъ обращать вниманія на слова, сказанныя кѣмъ-либо изъ министровъ по вопросамъ общей политики, такъ какъ по этимъ вопросамъ никто не уполномоченъ высказываться публично, кромѣ главы кабинета.

Откровенное заявленіе Комба вполнѣ удовлетворило иностранную печать, но поставило въ смѣшное положеніе Пельтана и разоблачило внутреннюю шаткость всего министерства. Если одинъ изъ министровъ публично высказываетъ взгляды, отъ которыхъ приходится открещиваться его коллегамъ, то это свидѣтельствуетъ прежде всего объ отсутствіи единства въ составѣ правительства; самые взгляды теряютъ значеніе оффиціальныхъ, правительственныхъ, но остаются въ высшей степени характерными образчиками идей и понятій, господствующихъ еще въ образованномъ французскомъ обществѣ. Пельтанъ—старый и опытный парламентскій дѣятель, выдающійся ораторъ и журналистъ; онъ попалъ въ министры не случайно, а въ силу своего вліянія и

положенія въ ряду передовыхъ республиканцевъ; — тѣмъ не менѣе онъ обнаруживаетъ поразительное легкомысліе и совершенное незнаніе политическихъ условій современной Европы. Что̀ сказать о взглядѣ на нѣмцевъ какъ на варваровъ? Въ былое время, когда нѣмцы еще во многомъ отставали отъ французовъ и старались подражать имъ, можно было считать общепринятымъ во Франціи высокомѣрное отношеніе къ германской націи; но въ настоящее время пренебрежительный отзывъ о нѣмцахъ, въ устахъ француза, и притомъ министра, производитъ впечатлѣніе чего-то невѣроятнаго, тѣмъ болѣе когда этотъ отзывъ дѣлается въ политической рѣчи, предназначенной для широкаго распространенія. Пельтанъ признаетъ себя принципіальнымъ противникомъ войны, и не разъ онъ развивалъ идею всеобщаго мира; но эта идея уживается у него съ мыслью о неминуемомъ военномъ торжествѣ Франціи надъ Германіею. Онъ предлагаетъ вооружаться противъ Италіи, хотя по здравому смыслу долженъ былъ бы стоять за тѣсное сближеніе съ нею въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ нѣмецкими варварами; онъ отрицательно относится къ Англіи, хотя опять-таки всякій сторонникъ „реванша" долженъ былъ бы стремиться къ поддержкѣ англійской дружбы. Пельтанъ находитъ какъ будто возможнымъ воевать одновременно съ тремя великими державами,—чего не думаетъ, вѣроятно, и Деруледъ. И подобныя сбивчивыя патріотическія фантазіи излагаются республиканцемъ-радикаломъ, занимающимъ постъ министра! Комбъ объясняетъ содержаніе этихъ рѣчей тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ произносятся „въ особой атмосферѣ банкетовъ"; но такая атмосфера располагаетъ къ откровенности, и въ этомъ смыслѣ можно быть увѣреннымъ, что Пельтанъ выразилъ свои искреннія политическія мнѣнія. Ихъ, разумѣется, не раздѣляетъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ, обязанный быть благоразумнымъ и сдержаннымъ; однако большинство французовъ разсуждаетъ о внѣшней политикѣ въ духѣ Пельтана.

Мечты о будущихъ военныхъ побѣдахъ настолько переплетаются съ идеями миролюбія во Франціи, что никто уже не придаетъ серьезнаго вѣса воинственнымъ возгласамъ, вырывающимся иногда у французскихъ ораторовъ и публицистовъ. Фактически французы гораздо больше озабочены сохраненіемъ внѣшняго мира, чѣмъ другіе народы, а свою потребность въ воинственныхъ предпріятіяхъ они удовлетворяютъ внутренними столкновеніями и кризисами, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Начатый походъ противъ клерикаловъ окончится не скоро, и нельзя не сказать, что онъ задуманъ былъ при министерствѣ несравненно болѣе авторитетномъ, чѣмъ нынѣшнее. Вальдекъ-Руссо̀ едва ли предвидѣлъ, къ какимъ послѣдствіямъ приве-

деть односторонняя антиклерикальная политика въ рукахъ его преемниковъ.

Славянское единеніе давно уже перешло у насъ въ область утраченныхъ иллюзій, и о немъ едва вспомнили по поводу истекшаго двадцатипятилѣтія со времени русско-турецкой войны. Четверть вѣка тому назадъ наша печать вѣрила еще въ это единеніе и увлекалась имъ; теперь о братствѣ славянъ трудно говорить иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ. Наши отношенія съ Болгаріею стали вполнѣ дружественными только въ послѣдніе годы, когда правители княжества окончательно, повидимому, убѣдились въ преимуществѣ русской дружбы передъ австрійскою. Политическій разсчетъ заставляетъ болгаръ и сербовъ поддерживать близкія связи съ Россіею, помимо всякихъ теорій славянскаго единенія. Взаимная рознь между отдѣльными славянскими народностями даетъ себя чувствовать повсюду на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Венгріи. Сербы враждуютъ съ болгарами, и соперничество ихъ выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; всякій успѣхъ болгаръ разсматривается какъ неудача для сербовъ, и наоборотъ. Обѣ народности ведутъ между собою глухую борьбу въ Македоніи, причемъ перевѣсъ остается обыкновенно на сторонѣ болѣе энергическихъ и настойчивыхъ болгаръ. То же самое мы видимъ и въ Австро-Венгріи, гдѣ чехи не довѣряютъ полякамъ, а хорваты воюютъ съ сербами.

Новый и притомъ крайне грустный примѣръ славянской розни представляютъ недавнія событія въ Хорватіи. Хорваты и сербы принадлежатъ въ сущности къ одному и тому же сербскому племени; ихъ раздѣляетъ только религія. Между хорватами-католиками и православными сербами существуетъ непримиримая ненависть, причины которой не поддаются точному опредѣленію. Хорваты выдѣляютъ себя въ особый народъ и мечтаютъ о своемъ хорватскомъ королевствѣ, подъ главенствомъ Габсбурговъ; австрійскіе сербы надѣются на возрожденіе великаго сербскаго царства, съ центромъ въ Бѣлградѣ.

Въ половинѣ августа органъ сербской національной партіи въ Загребѣ, „Србобранъ“, напечаталъ статью, въ которой высказано мнѣніе, что хорваты не составляютъ отдѣльной народности и принадлежатъ въ дѣйствительности къ сербской націи, у которой заимствовали и языкъ. Статья возбудила сильнѣйшее негодованіе среди хорватскихъ патріотовъ; накопившаяся злоба противъ сербовъ вырвалась наружу, и на улицахъ Загреба разыгрались жестокія сцены; толпа бросилась разбивать сербскіе магазины и кофейныя, уничтожала имущество сербовъ, нападала на ихъ дома и жилища, срывала сербскія вывѣски и совершала различныя безчинства и насилія въ теченіе трехъ дней; воен-

ные и полицейскіе отряды оказались безсильными и въ нѣкоторыхъ пунктахъ должны были сами спасаться бѣгствомъ; воздвигались даже баррикады противъ полиціи, и только на четвертый день прибывшимъ войскамъ удалось прекратить безпорядки. Этотъ безпощадный разгромъ не имѣлъ грабительскаго характера и направленъ былъ противъ всѣхъ вообще мѣстныхъ сербовъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ; ожесточеніе не имѣло другихъ мотивовъ, кромѣ національно-политическихъ. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ утверждаютъ, что хорваты дѣйствовали также подъ вліяніемъ зависти и конкурренціи; сербы, какъ люди болѣе предпріимчивые и энергическіе, успѣшно вытѣсняли хорватовъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности и торговли, и отличались сравнительною зажиточностью, тогда какъ между хорватами преобладаютъ бѣдняки. Какъ бы то ни было, стремленія и порывы къ грабежу не играли тутъ замѣтной роли; имущество уничтожалось или выбрасывалось, а не расхищалось,—если не считать отдѣльныхъ случаевъ, ускользнувшихъ отъ вниманія корреспондентовъ. Движеніемъ руководили большею частью интеллигентные люди, убѣжденные хорватскіе патріоты, и въ этомъ заключается самая печальная сторона загребскихъ событій. Естественное національное чувство, вырождаясь въ узкій національнизмъ, пріобрѣтаетъ черты, не имѣющія ничего общаго съ любовью къ родному племени; любовь къ своему переходитъ въ злобную ненависть къ чужому, и то, что̀ должно было служить къ возвышенію и усовершенствованію національной жизни, становится источникомъ нравственной порчи, сознательнаго безсердечія и хищничества. Чѣмъ меньше народность и чѣмъ сомнительнѣе ея право на самостоятельное обособленное существованіе, тѣмъ легче овладѣваютъ ею инстинкты національной нетерпимости и патріотической злобы. Хорваты находятся еще подъ властью мадьяръ и ограничиваются пока мечтаніями о хорватскомъ королевствѣ, а между тѣмъ уже воюютъ съ родственными сербами, съ которыми призваны жить въ близкомъ сосѣдствѣ, если не въ общеніи. Это одна изъ многихъ иллюстрацій пресловутаго славянскаго единенія, о которомъ когда-то такъ много и усердно разсуждали славянофилы.

Правительство сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ начинаетъ все чаще принимать руководящее участіе въ международныхъ дѣлахъ и вопросахъ, касающихся не одной Америки или вовсе не имѣющихъ къ ней прямого отношенія. Президентъ Рузевельтъ далъ первый толчокъ къ практическому примѣненію великаго принципа, освященнаго державами на гаагской конференціи: онъ доставилъ первый процессъ новому международному судилищу, организо-

ванному въ Гаагѣ въ силу конвенціи 29-го іюля 1899 года и тщетно ожидавшему до сихъ поръ практическаго дѣла.

Европейскіе дипломаты не скрывали своего недовѣрія и недоброжелательства къ новому учрежденію, самое существованіе котораго слишкомъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ международной политики; они не возражали противъ судебно-третейской организаціи въ принципѣ, но смотрѣли на нее какъ на мертворожденный продуктъ возвышенной филантропіи. Въ дипломатическихъ канцеляріяхъ повидимому установился взглядъ, что международный трибуналъ въ Гаагѣ не получитъ практическаго значенія и умретъ естественною смертью, за отсутствіемъ такихъ спорныхъ дѣлъ, которыя были бы переданы ему заинтересованными державами. Нѣтъ недостатка въ старыхъ, неразрѣшенныхъ еще международныхъ спорахъ, вполнѣ подходящихъ къ компетенціи гаагскаго трибунала; но дипломатія не давала ему работы подъ вліяніемъ рутины. Правда, этотъ трибуналъ исполнялъ уже разъ функціи третейскаго суда, но только по личному почину судьи, выбраннаго сторонами еще въ 1898 году и имѣющаго постоянное пребываніе въ Гаагѣ.

Чтобы поддержать симпатичное учрежденіе, обреченное дипломатами на безплодіе, президентъ Рузевельтъ поручилъ своему статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ, Гею, пріискать какой-нибудь спорный вопросъ и устроить передачу его на разрѣшеніе гаагскаго трибунала. Дѣло вскорѣ нашлось: это—споръ между Соединенными Штатами и Мексикою по поводу совершеннаго нѣкогда мексиканскимъ правительствомъ захвата духовныхъ имуществъ въ Калифорніи, которая въ то время была еще подвластна Мексикѣ. Мексиканское правительство обязалось уплачивать духовенству опредѣленную ежегодную ренту взамѣнъ отобранныхъ имѣній, но перестало платить эти деньги послѣ присоединенія Калифорніи къ Соединеннымъ Штатамъ. Духовенство обращалось съ своими требованіями къ обѣимъ сторонамъ, но не могло получить удовлетворенія ни въ Мексикѣ, ни въ Вашингтонѣ, въ виду возникшаго спора о томъ, къ которой изъ двухъ державъ перешло упомянутое денежное обязательство. По предложенію вашингтонскаго кабинета, въ маѣ текущаго года Мексика согласилась передать дѣло международному суду въ Гаагѣ. Каждая изъ сторонъ выбрала судьями двухъ изъ числа постоянныхъ членовъ трибунала, и эти четверо должны были собраться въ Гаагѣ 1-го сентября (нов. ст.) для избранія суперъ-арбитра, которому принадлежитъ роль предсѣдателя. Однимъ изъ судей со стороны Соединенныхъ штатовъ состоитъ профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ. Нѣтъ сомнѣнія, что починъ президента Рузевельта найдетъ подражателей и что евро-

пейскія дипломатическія канцеляріи перестанутъ игнорировать такое полезное учрежденіе, какъ постоянный международный судъ въ Гаагѣ.

Сѣверо-американское правительство обнаруживаетъ готовность вмѣшиваться и въ такія дѣла, которыя относятся къ области всецѣло европейской политики. Въ началѣ сентября оно подняло вопросъ о положеніи евреевъ въ Румыніи, вынуждающемъ многихъ ихъ нихъ выселяться въ Америку. Въ циркулярной дипломатической нотѣ къ представителямъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ 1878 года, статсъ-секретарь Гей напоминаетъ, что одновременно съ признаніемъ независимости Румыніи возложена на нее обязанность соблюдать принципъ равноправности жителей безъ различія вѣроисповѣданія; но Румынія нарушила этотъ принципъ по отношенію къ евреямъ, чѣмъ причиняетъ ущербъ другимъ странамъ и прежде всего Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ румынскіе евреи ищутъ себѣ пріюта. Хотя Соединенные Штаты не участвовали въ подписаніи берлинскаго трактата, однако вашингтонскій кабинетъ заинтересованъ въ его исполненіи относительно румынскихъ евреевъ, и потому обращается къ державамъ съ просьбою обратить вниманіе на этотъ вопросъ и принять мѣры къ надлежащему его урегулированію, чтобы положить предѣлъ искусственно вызываемой эмиграціи евреевъ изъ Румыніи. Соединенные Штаты охотно принимаютъ добровольныхъ иностранныхъ поселенцевъ, но не желаютъ давать у себя убѣжище такимъ, которыхъ намѣренно заставляютъ покидать отечество при помощи законодательныхъ стѣсненій и преслѣдованій. Туземные евреи въ Румыніи произвольно отнесены къ категоріи иностранцевъ, хотя они несомнѣнно принадлежатъ къ числу исконныхъ мѣстныхъ жителей; несправедливые законы лишаютъ ихъ доступа ко многимъ отраслямъ полезнаго труда, въ томъ числѣ и ремесленнаго и фабричнаго, вслѣдствіе чего эмиграція въ Америку является результатомъ принужденія, а не доброй воли. Вашингтонскій кабинетъ ссылается и на мотивы человѣколюбія и политической морали, не позволяющіе относиться равнодушно къ положенію евреевъ въ Румыніи.

Такъ какъ единственнымъ формальнымъ доводомъ въ пользу вмѣшательства во внутреннія дѣла Румыніи можетъ служить берлинскій трактатъ, не подписанный Соединенными Штатами, то дипломатическій шагъ сѣверо-американскаго правительства не имѣлъ бы серьезнаго значенія, еслибы за нимъ не послѣдовало однородное обращеніе Англіи къ державамъ, съ прямою ссылкою на американскую ноту. Очевидно, Соединенные Штаты заранѣе заручились въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ лондонскаго кабинета, что̀ придаетъ дѣлу совсѣмъ другой характеръ. Судьба румынскихъ евреевъ, конечно, не измѣнится подъ вліяніемъ новѣйшей переписки между дипломатами, тѣмъ болѣе

что самый вопросъ едва ли зависитъ только отъ правительственныхъ дѣятелей Румыніи; попытка президента Рузевельта имѣла пока лишь тотъ результатъ, что румынское правительство прекратило выдачу эмигрантскихъ паспортовъ евреямъ.

Быть можетъ, болѣе благопріятные шансы успѣха имѣло бы вмѣшательство сѣверо-американской республики въ защиту турецкихъ христіанъ и особенно армянъ, забытыхъ европейскою дипломатіею;—такое вмѣшательство было бы вполнѣ возможно, еслибы оно основывалось на предварительномъ соглашеніи съ Англіею. Заступничество американцевъ за безправныхъ подданныхъ турецкаго султана было бы дѣйствительно новымъ фактомъ международной политики и могло бы имѣть въ высшей степени благотворныя послѣдствія, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

— П. Головачевъ, Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. Изд. Ю. И. Базановой. Москва. 1902.

Замѣтно усилившееся въ послѣднее время стремленіе къ изученію нашего обширнаго отечества вышло за предѣлы сравнительно небольшого круга научно-образованныхъ людей и стало развиваться въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ русскаго общества. Издавна русское общество упрекали въ томъ, что оно слишкомъ мало знаетъ свою родину, изъ чего заключили и о недостаткѣ здраваго патріотизма; но если вдуматься въ основаніе того, что̀ постороннему глазу могло показаться такимъ недостаткомъ, то нельзя не признать, что въ словахъ „любовь къ родинѣ“ кроется особенно по отношенію къ намъ, русскимъ, большая неопредѣленность, не разъ дававшая поводъ къ самымъ разнообразнымъ недоразумѣніямъ. Съ легкой руки Карамзина, любовь къ родинѣ нерѣдко отождествлялась съ чувствомъ политической самонадѣянности, и извѣстно, къ какимъ горькимъ разочарованіямъ и заблужденіямъ приводило подобное узкое пониманіе, когда оно переносилось въ сферу общественныхъ, политическихъ и даже научно-теоретическихъ построеній.

Любовь къ родинѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое чувство не можетъ держаться только на отвлеченномъ представленіи, но должна опираться на прочное, въ извѣстномъ смыслѣ фактическое основаніе. Главный принципъ ея становится ясенъ, если для примѣра взять одинъ изъ небольшихъ народовъ, гдѣ эта любовь служитъ нагляднымъ двигателемъ національнаго развитія, сказываясь одинаково въ рыцарской отвагѣ и народной героической пѣснѣ. Такова прославленная черногорская доблесть, съ давнихъ поръ дававшая содержаніе національнымъ пѣснямъ и возбуждавшая справедливое удивленіе. Для черногорца знать свое отечество, до малѣйшихъ подробностей, со всѣмъ кругомъ историческихъ фактовъ и преданій, связанныхъ съ судьбами

Черногоріи въ ея цѣломъ и каждаго уголка въ отдѣльности, очень нетрудно: черногорецъ можетъ легко обойти пѣшкомъ свою „родину“, которая есть и его „отечество“; его исторія немногосложна; населеніе однородно по языку, вѣрѣ, обычаю и т. д.; его любовь къ „родинѣ“, инстинктивная и несложная, естественно соединяется съ политическимъ патріотизмомъ. Но для сужденія о Россіи требуются иные масштабы въ отношеніи и географическаго протяженія, и племенного состава, и историческаго развитія, но и она не представляетъ исключенія изъ общаго правила: въ ней осмысленное чувство любви къ родинѣ требуетъ лишь неизмѣримо бо̀льшаго и всесторонняго изученія. Эта мысль, давно указанная въ литературѣ, достаточно сознана въ настоящее время, и отечествовѣдѣніе готовится занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ кругѣ необходимыхъ предметовъ нашего средняго и высшаго образованія.

Огромное распространеніе нашего отечества рѣдко кому даетъ возможность даже поверхностно ознакомиться съ разнообразной природой страны и формами быта, не говоря уже о ея сложныхъ внутреннихъ условіяхъ, изъ которыхъ складывается соціально-экономическій строй и духовное содержаніе жизни.

Литература, съ своей стороны, приходитъ на помощь, и ея труды, посвящаемые общимъ вопросамъ изученія Россіи, гдѣ подводятся итоги отдѣльнымъ монографіямъ и спеціальнымъ изысканіямъ, въ настоящее время имѣютъ существенное значеніе. Къ такимъ трудамъ, соединяющимъ научность пріемовъ съ доступностью изложенія, и потому предназначеннымъ къ широкому распространенію, относится книга г. Головачева.

„При составленіи этой книги, — говоритъ авторъ, — мы имѣли въ виду дать общую картину природы и жизни Сибири на основаніи достовѣрныхъ и свѣжихъ данныхъ. Для этого мы пользовались соотвѣтствующими книгами и брошюрами, вышедшими въ свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе, статьями въ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ, какія могли достать, подходящими статьями и замѣтками въ сибирскихъ газетахъ за послѣдніе три года, указаніями спеціалистовъ,... лицъ, занимавшихся на мѣстахъ изученіемъ различныхъ сторонъ природы и жизни Сибири, и, наконецъ, собственными наблюденіями и впечатлѣніями. При описаніи природы, а также и быта инородцевъ, мы обыкновенно приводимъ подлинныя слова того или другого путешественника, который, какъ очевидецъ, даетъ правдивую и яркую картину изображаемой мѣстности или жизни населенія“...

Приведенныя слова опредѣляютъ составъ и характеръ книги, распадающейся по своему содержанію на три части: первая посвящена описанію сибирской природы, флоры и фауны; вторая заключаетъ въ

себѣ свѣдѣнія о разнообразныхъ племенахъ и народахъ, населяющихъ Сибирь, и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; третья посвящена исторіи заселенія Сибири, формамъ быта и экономическимъ условіямъ населенія. Авторъ вездѣ обращаетъ вниманіе на взаимныя отношенія русскаго и инородческаго населенія, причемъ отмѣчаетъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны культурнаго воздѣйствія русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ автору приходится отмѣчать весьма грустныя явленія. У якутовъ, напримѣръ, подъ русскимъ вліяніемъ, распространились воровство и обманъ, явилась надобность въ роспискахъ и векселяхъ, развилось сутяжничество, стала ослабѣвать взаимная помощь и гостепріимство. Не измѣняется къ лучшему, если вѣрить автору, и духовная, нравственная сторона киргизъ; ихъ русскіе сосѣди—казаки, лѣнивые, невѣжественные и жадные, и переселенцы изъ Россіи, на которыхъ киргизъ смотритъ какъ на враговъ, лишающихъ его лучшихъ угодій; вообще, вліяніе русскихъ на духовное просвѣщеніе инородцевъ авторъ не считаетъ значительнымъ и прочнымъ. Жизнь въ Сибири, замѣчательно осложнившаяся за послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ такихъ могучихъ факторовъ, какъ переселенческое движеніе и желѣзная дорога, сказалась на хозяйственномъ благосостояніи бродячаго и земледѣльческаго населенія уже замѣтнымъ упадкомъ. Переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное, усиленное и неразсчетливое добываніе сырья растительнаго и животнаго происхожденія при постоянно возростающемъ населеніи—все это создаетъ такія условія, которыя могутъ крайне тягостно отразиться на творческой производительности сибирскаго населенія. Единственнымъ средствомъ, при помощи котораго авторъ считаетъ возможнымъ достичь повышенія благосостоянія и сознательности въ отношеніи эксплуатаціи силъ природы, является поднятіе уровня образованія въ странѣ и упорядоченіе общественной жизни путемъ отмѣны ссылки, улучшенія судебной и медицинской частей серьезными мѣрами для охраны сѣверныхъ инородцевъ и широкимъ развитіемъ школьнаго дѣла. „Только подъемъ и улучшеніе жизни Сибири во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, а не одностороннее добываніе и вывозъ на отдаленные рынки ея животныхъ и растительныхъ богатствъ, — такъ заканчиваетъ свою книгу г. Головачевъ—могутъ упрочить благосостояніе этой страны и сдѣлать ее драгоцѣнной составной частью Россіи“.

Къ книгѣ приложены двѣ карты и много фототипическихъ иллюстрацій.—Е. Л.

— Умеръ талантъ!.. Повѣсть А. А. Луговаго. (Спб. 1902).

Это произведеніе г. Луговаго, на нашъ взглядъ довольно странное, названо повѣстью, но едва ли правильно: повѣсти, т.-е. разсказа біографическихъ событій извѣстнаго типическаго характера, здѣсь нѣтъ, или очень мало. Это скорѣе можно было бы назвать обвинительнымъ актомъ, исходящимъ отъ „умершаго таланта“ (въ послѣдніе дни его жизни) и записаннымъ съ его словъ трудами г. Луговаго.

Противъ кого направленъ обвинительный актъ?

Надо бы обратиться къ фактамъ, которые объяснили бы намъ личность „таланта“ и источникъ его обвиненій. Но никакихъ ясныхъ фактовъ мы не находимъ въ разсказѣ г. Луговаго. Авторъ сообщаетъ только, въ первыхъ строкахъ:

„Сегодня мы похоронили его, а еще въ прошлую субботу я слышалъ вотъ здѣсь его голосъ,—слабый, надтреснутый, но живой и все еще по прежнему увлекательный и страстный; я видѣлъ передъ собой его лихорадочно горящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ печальные глаза; я думалъ о разрушавшей его организмъ болѣзни, но мнѣ не хотѣлось вѣрить,—нѣтъ, я просто отгонялъ самую мысль и возможность скорой смерти его.

„А онъ приходилъ проститься!“...

Когда авторъ вернулся съ похоронъ, у него неотступно звучали въ ушахъ кѣмъ-то сказанныя утромъ слова: „умеръ талантъ!“

„Умеръ талантъ! Какая тяжелая отвѣтственность въ сущности должна бы падать на тѣхъ, кто ничего не сдѣлалъ, чтобы предохранить это народное достояніе отъ преждевременной гибели“.

Авторъ продолжаетъ:

„И я спросилъ прежде всего самого себя, — что̀ сдѣлалъ для этого я?

„Ничего.

„А онъ еще называлъ меня самымъ близкимъ ему человѣкомъ! Онъ съ этого началъ, когда въ этотъ свой послѣдній приходъ ко мнѣ заговорилъ о своемъ одиночествѣ“...

Но авторъ сдѣлалъ другое. Онъ записалъ послѣднюю бесѣду съ „талантомъ“, которая, впрочемъ, была только монологомъ; авторъ лишь изрѣдка вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе; и этотъ монологъ былъ именно обвинительнымъ актомъ; онъ почти цѣликомъ заполняетъ всю книжку г. Луговаго. Обвиненіе направлено противъ цѣлой современной литературы, а особливо противъ ея практическихъ дѣятелей, издателей и журналистовъ. По мнѣнію „таланта“, они именно обязаны были поддержать его, и они не поддержали. Обвиненія — категори-

ческія и огульныя; — самъ разсказчикъ иногда какъ будто это чувствовалъ, и если иногда дѣлалъ возраженія, то очень нерѣшительныя.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Въ самомъ началѣ своей филиппики, „талантъ“ замѣчаетъ о своемъ „одиночествѣ“: „у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я былъ особенно друженъ... а это такъ скверно... такъ тяжело быть замкнутымъ“, и когда вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ: „я знаю болѣе или менѣе *весь* нашъ *литературный міръ*“ (въ которомъ онъ не нашелъ ни одного человѣка, котораго удостоилъ бы своимъ довѣріемъ), невольно является мысль о болѣзненной желчности или же о болѣзненномъ самомнѣніи „таланта“.

„Я знаю болѣе или менѣе весь нашъ литературный міръ... и всегда съ грустью замѣчалъ, какъ мало въ немъ искренности. Какой-нибудь —хотя бы грубой, циничной, хотя бы пошлой, но только полной, смѣлой искренности! Все разсчитано, размѣрено. Всѣ, даже наши циники, ходятъ гуськомъ дружка за дружкой, по протоптаннымъ дорожкамъ... воздухъ что ли ужъ такой подавляющій, которымъ мы дышимъ“...

Какой „искренности“ желалъ „талантъ“, остается неясно и послѣ дальнѣйшихъ его обвиненій:

„Гдѣ тутъ быть искреннимъ, когда надо приспособляться къ средѣ, въ которой живешь! Искренность!... Какой вздоръ!... Сколько бы ни говорили о свободѣ творчества, мы—рабы самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ... Я говорю не о цензурѣ. Что цензура! Маленькое звено въ общей цѣпи сковывающихъ насъ тяжелыхъ условій писательскаго существованія. Каждый изъ насъ живетъ въ надеждѣ, что эти условія измѣнятся не сегодня—завтра, но даже самые удачливые изъ насъ никогда не вылѣзаютъ изъ болота компромиссовъ, а въ сущности...

„Онъ не договорилъ“...

Затѣмъ, вспомнивъ „Пророка“, который изъ городовъ бѣжалъ нищій и жилъ въ пустынѣ, „талантъ“ вознегодовалъ:

„Не могу убѣжать я въ пустыню! Зачѣмъ, передъ кѣмъ я буду вопіять тамъ? Быть пророкомъ я могу только между людьми, между тѣми именно людьми, къ которымъ принадлежу я самъ по своему положенію, по своему складу ума, по своему темпераменту. Безъ редакцій, безъ журналовъ, газетъ, безъ издателей, книгопродавцевъ—я не могу существовать, точно такъ же, какъ не могу существовать безъ книгопечатныхъ станковъ. А вы сами знаете, можно ли быть искреннимъ въ этой средѣ?“

Авторъ, г. Луговой, подтвердилъ:

„— Да, это по меньшей мѣрѣ рискованно“.

Жалобы „таланта“ становятся забавными: онъ ищетъ „искрен-

ности“ съ редакторами, книгопродавцами, съ представителями „книгопечатныхъ станковъ“, т.-е. типографскими факторами, наборщиками, накладчиками, корректорами... Требованія идутъ слишкомъ далеко,— но оказывается, что „талантъ“ впередъ уже видитъ совершенную невозможность „искренности“, напримѣръ, съ редакторами.

„Какъ могу я быть искреннимъ, когда я знаю (?), что въ каждый день каждаго мѣсяца, на каждой улицѣ, гдѣ помѣщается какая-нибудь редакція, бѣгаютъ извѣстные и неизвѣстные мнѣ братья-писатели и вынюхиваютъ верхнимъ и нижнимъ чутьемъ (!), не даютъ ли гдѣ-нибудь тридцать сребренниковъ за то, чтобы кого-нибудь предать, и не слыхать ли, кого надо предать и кому именно и въ какой формѣ“...

Самъ г. Луговой, кажется, увидѣлъ, что его другъ хватилъ черезъ край, и возразилъ: „вы уже слишкомъ безотрадно смотрите (!) на положеніе вещей“ (собственно говоря, г. Луговой могъ бы сказать: „вы говорите вздоръ“),—и затѣмъ приводитъ объясненіе своего друга:

„— Простите, — прервалъ онъ меня: — быть можетъ, въ другое время, я самъ бы возражалъ на то, что̀ у меня теперь срывается съ языка... но я вѣдь больной, умирающій... Я, можетъ быть, ошибаюсь. Я вѣдь только передаю вамъ мои впечатлѣнія... безсвязныя, отрывочныя... но это все то, что̀ годами накипѣло въ душѣ, и именно вамъ это должно быть понятно. Мнѣ кажется, что мы всѣ чувствуемъ духоту атмосферы, которая окружаетъ насъ, но мы свыклись съ ней, мы даже боимся выглянуть на вольный свѣтъ изъ-подъ нашего воздушнаго колокола“...

Затѣмъ другъ г. Лугового обратилъ разговоръ на другую тему:

„— Согласитесь сами, легко ли работать писателю, когда онъ со всѣхъ сторонъ только и слышитъ о томъ, что мы переживаемъ время упадка литературы! Надо имѣть мѣдный лобъ и оловянные безстыжіе глаза (!), чтобъ спокойно выслушивать, какъ вамъ говорятъ прямо въ лицо, что вы принадлежите къ выродкамъ (?). А кто установилъ такіе взгляды на современную литературу? По какому праву? Кто наши цѣнители и судьи? Да читали ли они насъ? Умѣли ли они прочесть то, что̀ у насъ написано?“... (??)

Авторъ какъ будто хочетъ смягчить раздражительность своего друга, но въ сущности еще его подзадориваетъ:

„— Все это правда (?),—замѣтилъ я,—но это вѣдь такъ бывало *во всѣ времена* (?). Вѣдь *всѣ* поколѣнія говорили объ упадкѣ литературы въ ихъ время, а она все шла впередъ и впередъ. Это, вѣроятно, органическое свойство роста литературы. Трудно сказать, кто создаетъ это положеніе“...

Послѣднія слова вызвали цѣлый взрывъ ожесточеннаго негодованія со стороны друга.

„— Редакціи! Отсутствіе въ редакторахъ любви къ литературѣ,— вотъ чѣмъ создано это положеніе. У нашихъ современныхъ редакцій нѣтъ даже простой любви къ истинѣ,—у нихъ все это замѣнено грошовымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, погоней за рекламой, жаждой большого числа подписчиковъ"...

Далѣе, на цѣлые десятки страницъ идетъ обвиненіе противъ „редакцій", которыя оказываются виновными въ отсутствіи всякой любви къ литературѣ, въ гнусной эксплуатаціи литературнаго труда и въ гибели талантовъ. За невозможностью указать сполна обвинительные пункты, приводимъ нѣсколько отрывковъ.

„— „Время упадка!" А никому и въ голову не приходитъ подумать о той почвѣ, о томъ климатѣ, какой создали редакціи (!) для произрастанія литературныхъ произведеній. Вѣдь эти произведенія не родятся и не ростутъ въ воздухѣ,—имъ нужна почва, въ которую они могли бы углубить свои корни, а иногда требуется и уходъ за ними. У насъ, благодаря условіямъ цензуры, редакціи окружили сами себя (?) ореоломъ мученичества. Но никто изъ господъ редакторовъ до сихъ поръ не догадался сопоставить тотъ ужасный гнетъ (?), который лежитъ на литературѣ въ видѣ цензуры редакціонной, не имѣющей ничего общаго въ своихъ основаніяхъ съ цензурой правительственной.

„Онъ схватился обѣими руками за голову, точно въ припадкѣ головной боли, и почти-что простоналъ (!):

„— О, эта цензура личныхъ симпатій и антипатій господъ редакторовъ и издателей!"

Ему приходила даже мысль, что хорошо бы составить книгу о „безобразныхъ, безцѣльныхъ, безсмысленныхъ притѣсненіяхъ", какія испытываютъ „таланты" отъ редакторовъ и издателей".

Г. Луговой „улыбнулся" и замѣтилъ:

„— Да, вы правы: еслибъ написать такую книгу, картина получилась бы сильная и яркая".

Дальше, новая тема:

„— Представьте себѣ положеніе молодого начинающаго писателя, идущаго въ наши редакціи, гдѣ есть одно желаніе—жать не сѣявши. Да, скажите мнѣ: гдѣ редакція, сдѣлавшая хоть какой-нибудь посѣвъ? Разыскиваютъ (?) онѣ таланты? Пересаживаютъ (?) ихъ въ болѣе плодородную почву? Укрываютъ ихъ отъ непогоды? Подвергаютъ онѣ себя риску неурожая? риску гибели затраченнаго труда? Риску обманутыхъ надеждъ? Нѣтъ, всѣ эти риски предоставляются однимъ талантамъ, растущимъ на волю Божію, а редакціи... редакціи сидятъ неподвижно, какъ турки (!), поджавъ ноги калачикомъ, и, покуривая кальянъ самодовольства, поджидаютъ, не придетъ ли кто новенькій, не принесетъ ли чего хорошенькаго"...

Г. Луговой спросилъ друга, чего же онъ собственно хочетъ отъ редакцій?

„Онъ сдвинулъ брови, посмотрѣлъ на меня и сухо произнесъ:

„—Я, собственно, ничего не хочу... Я только думаю, что можетъ быть было бы лучше, еслибы онѣ не занимали въ литературѣ неподобающаго имъ мѣста, не являлись бы самозванными (?) вдохновителями (?) писателей и руководителями писателей. Я думаю, что было бы лучше, еслибъ писатели выступали съ своими произведеніями, какъ выступаютъ художники на выставкахъ—на артельныхъ началахъ. А такъ... чего мнѣ хотѣлось бы отъ нихъ!.. Я ничего не хочу... я умираю... я хочу только ругаться. Я оглядываюсь на пройденный путь и мой, и моихъ товарищей, и мнѣ думается: сколько истинныхъ и большихъ талантовъ гибнетъ въ самомъ зародышѣ отъ дыханія самума въ пустынѣ нашихъ редакцій. Постойте, я вижу, вы хотите возразить мнѣ избитой фразой: „истинный талантъ никогда не погибаетъ, истинный талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу и достигнетъ своего разцвѣта". Какой вздоръ!—простите меня. Да, есть много примѣровъ, что большіе таланты пробивались, несмотря на неудачи. А кто считалъ и оцѣнилъ тѣхъ, которые не пробились и погибли? Должно быть, лишніе были"...

Дальше опять идетъ длинное обвиненіе „редакцій": онѣ совершенно равнодушны къ интересамъ литературы, гонятся только за наживой, эксплуатируютъ и угнетаютъ „таланты" и т. д. Редакціи обвиняются въ томъ, что не заботятся о разысканіи талантовъ, не поддерживаютъ ихъ „авансами"; мимоходомъ обвиняется литературный фондъ, выдающій слишкомъ малыя пособія. По мнѣнію „таланта", редакціи именно обязаны выдавать „авансы", и даже не понимаютъ собственнаго интереса въ поддержкѣ талантовъ авансами. Дальше, „талантъ" распространяетъ эту обязанность редакцій на цѣлое общество, даже государство: „таланты" должны быть дороги для цѣлой націи, и если теперь строятъ „народные дома", то „пора понять, что нужны дворцы (!), въ которые каждый писатель, достойный этого имени, могъ бы входить какъ въ собственный домъ",—и т. д.

Не будемъ останавливаться на томъ, существовалъ ли въ дѣйствительности этотъ умершій талантъ (въ современной литературѣ крупныхъ талантовъ такъ немного, что ихъ можно сосчитать по пальцамъ,—а объ такомъ „талантѣ", какого изображаетъ г. Луговой, мы по крайней мѣрѣ не слыхали), или это—фикція, обобщеніе извѣстнаго взгляда, настроенія, существующихъ въ литературномъ мірѣ, и которые авторъ хотѣлъ изобразить. Такъ или иначе, авторъ не остался объективнымъ, безучастнымъ разсказчикомъ; напротивъ, онъ видимо

сочувствуетъ не только лицу, но и его рѣчамъ, которыми и наполнилъ цѣлую книгу.

Изъ приведенныхъ образчиковъ читатель могъ видѣть, что эти рѣчи нерѣдко чрезвычайно странны. Правда, авторъ иногда прерываетъ ихъ возраженіями, но эти возраженія такъ несущественны, что только поощряютъ оратора: „талантъ“ не обращаетъ на нихъ вниманія, и несетъ свое... Возраженія могли бы быть серьезнѣе: быть можетъ, онѣ могли бы въ такомъ случаѣ доставить „таланту“ извѣстное нравственное удовлетвореніе и успокоили бы его; или, если „талантъ“ есть фикція и олицетвореніе, здравыя возраженія могли бы, въ чисто теоретическомъ отношеніи, побудить къ болѣе серьезному пониманію дѣла, т.-е. самыхъ существенныхъ интересовъ литературы. Если „талантъ“ хотѣлъ только „ругаться“, то разсужденія съ нимъ безполезны. Самъ г. Луговой, вѣроятно, достаточно понимаетъ упомянутые интересы литературы, и можно бы было думать, что во многихъ случаяхъ могъ бы и успокоить своего друга, и не вводить въ заблужденія своего читателя.

Напримѣръ, мы упомянули выше, что совсѣмъ не понимаемъ, какой „искренности“ добивался „талантъ“. Если простой, житейской, дружеской искренности, то это—дѣло чисто личное, частное, въ большой мѣрѣ дѣло собственнаго характера. Если же рѣчь идетъ объ искренности литературнаго и общественнаго убѣжденія и дѣйствія, то „талантъ“ взвелъ на „весь литературный міръ“, будто бы ему извѣстный, весьма нескладное обвиненіе, и видимо этого міра даже не зналъ. Г. Луговой безъ сомнѣнія знаетъ этотъ міръ лучше, и могъ бы сказать своему несчастному другу, что дѣло не такъ безнадежно, что въ литературѣ къ счастію всегда бывали люди искренніе, преданные высокимъ задачамъ литературы, мужественно защищавшіе ея достоинство, наконецъ лично достойные и правдивые. Чтобы не говорить о современникахъ, г. Луговой могъ бы въ недавнемъ прошломъ назвать имена Ивана Аксакова, Достоевскаго, Салтыкова, Вл. С. Соловьева; въ болѣе давнемъ прошломъ могъ бы назвать настоящаго героя личной и литературной искренности въ Бѣлинскомъ; могъ бы назвать Добролюбова и многихъ другихъ...

Далѣе, г. Луговой могъ бы объяснить своему другу, что слова его о цензурѣ, какъ „маленькомъ звенѣ“, совсѣмъ легкомысленны. Самъ „талантъ“ могъ не встрѣтить здѣсь никакихъ неудобствъ для своихъ твореній; но для цѣлой литературы, для важнѣйшихъ вопросовъ научныхъ и общественныхъ это „звено“ чрезвычайно важно. Съ нимъ прежде всего связанъ самый объемъ предметовъ, допускаемыхъ или недопускаемыхъ для литературы, т.-е. для общественной и національной мысли, для практическаго народнаго интереса. „Звено“ столь су-

щественно важно, что почти полвѣка тому назадъ, въ эпоху „великихъ реформъ", сама власть сочла нужнымъ обратить вниманіе на этотъ предметъ и предположила мѣры для смягченія цензуры, т.-е. для извѣстнаго освобожденія литературы; мѣры не были проведены до конца, но одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія образованнѣйшихъ людей цензура, практически, стала менѣе требовательна и притѣснительна, стала болѣе внимательна къ потребностямъ литературы и просвѣщенія,—и благодаря этому наша литература съ шестидесятыхъ годовъ обогатилась множествомъ научныхъ сочиненій (хотя бы въ большинствѣ переводныхъ), изданіе которыхъ было бы ранѣе совершенно невозможно: очевидно, этимъ оказана была великая услуга нашему „просвѣщенію".

„Талантъ" этого не понималъ, и считалъ вопросъ совсѣмъ неважнымъ—съ точки зрѣнія только своихъ стишковъ или повѣстушекъ.

Далѣе, г. Луговой могъ бы объяснить своему другу, что толки объ „упадкѣ литературы" созданы вовсе не редакціями. „А кто установилъ такіе взгляды на литературу? По какому праву? Кто наши цѣнители и судьи?"—допрашиваетъ „талантъ". Да установили *всѣ*, потому что всѣмъ видно, что современная литература никакимъ образомъ не можетъ равняться съ тѣмъ ея разцвѣтомъ, когда въ одно время явились въ ней такія могущественныя дарованія, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Салтыковъ, Достоевскій, Островскій, нынѣ здравствующій гр. Л. Н. Толстой: даже при маломъ литературномъ смыслѣ пришлось бы допустить, что современная литература (которой всѣ, конечно, желаютъ всякаго благополучія и успѣха), не можетъ равняться съ этой богатой исторической плеядой. „По какому *праву*" судятъ объ упадкѣ литературы?—смѣшной вопросъ:—по праву каждаго читателя составлять свое мнѣніе о произведеніяхъ литературы, а заключенія объ „упадкѣ" выводятся просто изъ того, что на этомъ совпадаетъ масса отдѣльныхъ впечатлѣній.

Приговоры „таланта" о „редакціяхъ" также могли бы побудить г. Лугового проще объяснить своему другу дѣйствительное положеніе вещей. „Редакціи" называются у „таланта" только „торгово-промышленными"; онѣ торгуютъ „моднымъ литературнымъ товаромъ"; онѣ невѣжественны, не имѣютъ никакой любви къ литературѣ, оказываютъ вопіющее „неуваженіе къ авторскому труду" и т. д. Въ противоположность имъ, писатель есть—„человѣкъ, который не занимается ничѣмъ, кромѣ посредничества между землей и небомъ (!), кромѣ рожденія новыхъ идей, за эксплуатацію которыхъ другіе будутъ получать потомъ пригоршнями всѣ блага земныя... что̀ такое писатель? Чужеядное растеніе! Паразитъ!"

Входить въ подробныя объясненія по поводу „торгово-промышлен-

ныхъ редакцій", „неуваженія къ авторскому труду", „посредничества между небомъ и землей"—нѣтъ надобности. Ограничимся двумя-тремя замѣчаніями.

„Талантъ" видимо имѣетъ очень смутное представленіе о журналахъ и редакціяхъ. Не знаемъ, въ чемъ и какъ обижали его редакціи неуваженіемъ къ авторскому труду; считаемъ даже возможнымъ, что редакціи дѣлали ошибки въ оцѣнкѣ произведеній,—ошибаться можетъ каждый,—но „талантъ" видимо не понимаетъ самаго существа нашихъ журналовъ. Для него журналъ какъ будто назначенъ только для стиховъ, повѣстей и романовъ,—а также для выдачи авансовъ начинающимъ талантамъ—съ цѣлью „разысканія", „пересаживанія ихъ на болѣе плодотворную почву", „укрыванія отъ непогоды", и т. д. Но съ давняго времени русскій журналъ имѣетъ характеръ вовсе не періодическаго сборника беллетристическихъ произведеній, а характеръ сборника общеобразовательнаго, съ особеннымъ стремленіемъ къ изученію вопросовъ общественности и народной жизни въ широкомъ смыслѣ слова, насколько это возможно по внѣшнимъ условіямъ. Журналъ, вмѣстѣ съ газетой, служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, которое не имѣетъ другихъ органовъ кромѣ литературныхъ—по тѣмъ важнымъ предметамъ внутренней жизни, которые не могутъ не увлекать или не тревожить живѣйшимъ образомъ всѣхъ разумныхъ и просвѣщенныхъ людей общества,—какъ основные предметы общественнаго и народнаго бытія. Ни одинъ крупный журналъ (и ни одна крупная газета) не являлся, за послѣдніе полъ-вѣка, или даже гораздо дальше (напр. до двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія), безъ болѣе или менѣе опредѣленнаго отношенія къ этимъ предметамъ, или безъ опредѣленнаго „направленія". Эти публицистическіе интересы бывали важны не менѣе интересовъ чисто литературныхъ, нерѣдко и совпадали съ ними, отзываясь на подборѣ беллетристическаго отдѣла и на критикѣ журнала: это называли „тенденціозностью"; „талантъ" г. Лугового называетъ это партіями и никакъ не можетъ понять, откуда онѣ берутся и зачѣмъ существуютъ. Онъ пренебрежительно говоритъ о „какихъ-то направленіяхъ", не разумѣя, что въ этихъ „направленіяхъ" совершалась исторія нашего общественнаго сознанія, въ которомъ шло и наше литературное развитіе. „Талантъ" какъ будто не знаетъ прошедшаго нашихъ журналовъ, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ XIX-го вѣка такими дѣятелями тенденціозныхъ журналовъ, или „партій", бывали По̀левой, Надѐждинъ, Погодинъ, Бѣлинскій, старые славянофилы, потомъ Иванъ Аксаковъ, Катковъ, Достоевскій, Салтыковъ, —какъ былъ въ свое время даже Ѳаддей Булгаринъ. „Тенденціозность" Бѣлинскаго была великимъ и плодотворнымъ фактомъ въ развитіи русской новѣйшей литературы...

Еслибы „таланту“ въ разговорѣ съ „редакціями“ случилось изложить свои понятія о ненужности „направленій“ и „партій“,—не было бы удивительно, что его мысли были бы также сочтены за признакъ упадка,—потому что, кромѣ отсутствія сильныхъ дарованій, кромѣ декадентства и подобныхъ извращеній, „упадокъ“ литературы сравнительно съ прежнимъ выражается также въ непониманіи прошедшаго нашей литературы и въ безпринципности.

Г-нъ Луговой не указалъ ему этого, а относительно „упадка литературы“ подтверждалъ его идеи. Между прочимъ онъ дѣлаетъ такія ссылки:

„...Это вѣдь такъ бывало во всѣ времена. Вѣдь *всѣ* поколѣнія говорили объ упадкѣ литературы въ ихъ время, а она все шла впередъ да впередъ. Это, вѣроятно, органическое свойство роста литературы. Трудно сказать, кто создаетъ это положеніе“...

„Талантъ“, конечно, тотчасъ сообразилъ:

„—Редакціи! Отсутствіе въ редакторахъ любви къ литературѣ,—вотъ чѣмъ создано это положеніе“,—и т. д.

Мы замѣтили выше, что „это положеніе создано вовсе не редакторами, а общимъ голосомъ. Но ошибочны также и ссылки на „всѣ времена“. Во „всѣ времена“, когда литература была въ дѣйствительномъ разцвѣтѣ, она вовсе не вызывала жалобъ на „упадокъ“, а напротивъ, бывала предметомъ гордости и за прошлое, и за настоящее. Во времена Пушкина вовсе не жаловались на упадокъ литературы; время Гоголя наполнило Бѣлинскаго восторженнымъ убѣжденіемъ, что у насъ „есть литература“; въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ не приходило въ голову думать, чтобы тогдашняя славная плеяда, начинавшая свое поприще, представляла упадокъ литературы. И въ другихъ литературахъ также—во времена Корнеля, Расина, Вольтера, не жаловались на упадокъ: напротивъ, корифеи французской литературы были предметомъ національной гордости, какъ у нѣмцевъ вѣкъ Гёте и Шиллера, и т. д.

Г-нъ Луговой, вѣроятно, ближе своего друга знакомый съ матеріальной стороной журнальнаго дѣла, могъ бы воздержать его отъ многихъ нескладицъ, которыя тотъ наговорилъ. „Торгово-промышленныя“ редакціи, — если „таланту“ хотѣлось такъ называть матеріальную, денежную сторону издательства,—существуютъ въ такомъ видѣ во всѣхъ странахъ свѣта, потому что иначе существовать не могутъ: издательство невозможно безъ денежныхъ затратъ, которыя должны быть возмѣщаемы и, какъ всякое денежное предпріятіе, могутъ приносить доходъ, бóльшій или меньшій; нѣкоторыя предпріятія и совсѣмъ не даютъ дохода, не вознаграждаютъ самыхъ затратъ и падаютъ. Говорить, что основаніе журнала есть всегда только афера и грубая

эксплуатація, значитъ—говорить неправду, потому что можно указать множество примѣровъ даже въ русской литературѣ, гдѣ журнальная дѣятельность вызывалась именно любовью къ литературѣ и желаніемъ воздѣйствовать на общество въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ интересахъ. „Талантъ" не понимаетъ этой стороны журнала, но нерѣдко именно эта сторона является въ журналѣ господствующей или преобладающей. Редакторы, по словамъ „таланта" поголовно не имѣющіе никакой любви къ литературѣ и не имѣющіе уваженія къ авторскому труду, бывали и бываютъ, конечно, разные; но между ними бывали и такіе, какъ Салтыковъ, которому многіе „таланты" должны были быть благодарны за его „неуваженіе къ авторскому труду", т.-е. за его исправленіе ихъ рукописей... Совершенно невѣроятно, наконецъ, чтобы „редакціи" не дорожили истинными дарованіями,—хотя бы съ точки зрѣнія „таланта", чтобы извлечь изъ нихъ выгоду.

Точно также, мы думаемъ, ни въ одной части свѣта „редакціи" не берутъ на себя „разыскивать" таланты, „пересаживать на плодородную почву", „укрывать отъ непогоды" и т. д., что̀ для нашихъ редакцій считаетъ обязанностью „талантъ". И какъ редакціи узнать, что къ ней приходитъ талантъ, требующій такихъ попеченій,—если онъ является съ произведеніемъ, которое ей не нравится, не кажется талантливымъ? Какъ редакціи „разыскивать" таланты?

Г-нъ Луговой, по нашему впечатлѣнію,—если онъ хотѣлъ изобразить или дѣйствительно существовавшій фактъ, или настроеніе,—напрасно далъ такой тонъ своей книгѣ, не внося никакого противовѣса разсужденіямъ и негодованіямъ „таланта". Безъ этого, рѣчи „таланта" являются иногда такими ребяческими, что читателю можетъ придти въ голову:—могъ ли это быть дѣйствительно талантливый человѣкъ?

Наконецъ, еще нѣкоторое недоумѣніе.

Въ первыхъ строкахъ книги мы читаемъ: „*Сегодня* мы похоронили его, а еще въ прошлую субботу я слышалъ вотъ здѣсь его голосъ" (стр. 1)... Такимъ образомъ, книга начата „сегодня", въ самый день похоронъ. Въ послѣднихъ строкахъ книги, закончивъ рѣчи „таланта", г. Луговой пишетъ: „А *вчера* мы хоронили его, и всѣ повторяли:—Умеръ талантъ" (стр. 139). Неужели книга въ 139 страницъ написана въ одинъ день?—Д.

Б. Ф. Брандтъ. Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи (1900—1901 гг.). Часть первая. Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ. Спб. 1902.

Главной задачей г. Б. Брандта было изученіе промышленнаго кризиса, переживаемаго Россіей, начиная съ 1899 года. Но такъ какъ вслѣдъ за началомъ кризиса въ Россіи послѣдній разразился и въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы, а согласно нѣкоторымъ теоретическимъ соображеніямъ основанія промышленныхъ кризисовъ слѣдуетъ искать въ условіяхъ организаціи крупной капиталистической промышленности вообще, то прежде чѣмъ излагать исторію и содержаніе русскаго кризиса, авторъ счелъ полезнымъ изучить кризисъ западно-европейскій. Плодомъ этого изученія по литературнымъ источникамъ и на мѣстахъ явился указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ. Содержаніе этого труда, впрочемъ, шире того, что̀ можно предполагать по его заглавію. Описанію послѣдняго кризиса предпосланъ краткій очеркъ исторіи промышленныхъ кризисовъ предшествующаго времени; такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ высказываетъ опредѣленное воззрѣніе на причины и условія возникновенія промышленныхъ кризисовъ въ новѣйшій періодъ хозяйственной исторіи и полагаетъ, что его „теоретическія разсужденія вполнѣ подтверждаются фактическими данными“, имъ приводимыми, какъ о прошлыхъ, такъ и о новѣйшемъ кризисѣ въ западной Европѣ, то его сочиненіе—при удачномъ выполненіи,—могло бы быть изслѣдованіемъ о причинахъ и условіяхъ происхожденія промышленныхъ кризисовъ въ новѣйшей исторіи Европы. Разсматриваемый трудъ, однако, далеко не имѣетъ такого значенія.

Въ предисловіи къ своему сочиненію, г. Брандтъ говоритъ: „не будучи сторонникомъ одной какой-либо спеціальной теоріи (происхожденія кризисовъ), авторъ счелъ полезнымъ дать подробный анализъ тѣхъ факторовъ и условій въ современной организаціи народнаго хозяйства, совокупное дѣйствіе которыхъ, какъ въ области производства и потребленія, такъ и въ области распредѣленія и обмѣна, періодически ведетъ къ экономическимъ кризисамъ“. Несмотря на такое категорическое отрицаніе принадлежности къ опредѣленному научному лагерю, мы не можемъ не замѣтить, что авторъ придерживается совершенно опредѣленной теоріи кризиса, и именно той, которая неоднократно развивалась въ русской литературѣ и еще недавно служила предметомъ ожесточенной полемики,—теоріи, видящей главную причину кризиса въ законѣ распредѣленія, свойственномъ капиталистическому строю. Правда, въ приведенной цитатѣ г. Брандтъ,—на ряду съ распредѣленіемъ—въ качествѣ причинъ кризиса выставляетъ условія производства, потребленія и обмѣна. Но вѣдь и тѣ писатели,

которые открыто заявляютъ о своей принадлежности къ „распредѣлительной“ теоріи кризисовъ, ни мало не отрицаютъ соучастія въ произведеніи даннаго явленія многихъ другихъ причинъ, главнѣйшія изъ которыхъ (спекуляція) суть производныя тѣхъ же законовъ распредѣленія національнаго богатства.

Сознательное или безсознательное самоустраненіе Б. Ф. Брандта отъ ученія, въ дѣйствительности имъ раздѣляемаго, выражается не только въ вышеприведенной выдержкѣ (и во многихъ другихъ подобныхъ мѣстахъ его труда), но и въ такомъ изложеніи его воззрѣній, которое не можетъ не затемнять основную ихъ идею. Такъ, важнѣйшимъ факторомъ изъ числа производящихъ кризисъ г. Брандтъ считаетъ „быстрое накопленіе капиталовъ, ищущихъ помѣщенія во что̀ бы то ни стало“ (стр. 12), объясняя, что такое явленіе есть „неизбѣжный результатъ капиталистическаго хозяйства съ его техническими усовершенствованіями и съ его *распредѣленіемъ* національнаго дохода между производительными классами“. Переходя затѣмъ къ мотивировкѣ этого утвержденія, вмѣсто прямого заявленія о томъ, что доля рабочихъ классовъ въ національномъ доходѣ недостаточна для удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей, а доля классовъ владѣющихъ превосходитъ ихъ потребности—г. Брандтъ ведетъ аргументацію такимъ образомъ, что основа сложной комбинаціи явленія—*законъ* капиталистическаго распредѣленія дохода—укрывается за простымъ фактомъ его потребленія. „Дѣло въ томъ,—разъясняетъ авторъ—что производительность труда и капитала въ современныхъ культурныхъ государствахъ возростаетъ гораздо быстрѣе національнаго потребленія въ его цѣломъ“. Если рабочіе классы „обыкновенно *потребляютъ* весь свой доходъ, то этого отнюдь нельзя сказать о классѣ капиталистовъ. Ихъ доля въ національномъ доходѣ „обыкновенно гораздо значительнѣе тѣхъ затратъ, которыя они дѣлаютъ для своего *личнаго потребленія*, включая сюда даже предметы роскоши. Вся эта прибыль имѣетъ тенденцію къ сбереженію“ (стр. 14). Въ странахъ, насыщенныхъ уже капиталомъ, „капитализація прибыли вызывается не потребностью народнаго хозяйства въ новыхъ капиталахъ, а потребностью самаго капитала въ самоувеличеніи, стремленіемъ капиталистовъ посредствомъ сбереженія еще болѣе умножать свои доходы“ (стр. 15). Авторъ два раза подходитъ къ констатированію тенденціи капитала къ сбереженію, путемъ обращенія его на новое производство, но ни разу не объясняетъ категорически, чѣмъ обусловливается эта тенденція; потому ли капиталисты меньше тратятъ на свои потребности, чѣмъ сколько получаютъ изъ національнаго дохода, что доля ихъ въ этомъ послѣднемъ превосходитъ ихъ потребности, или для этого имѣются какія-либо иныя основанія? Нѣтъ у г. Брандта разъясненія

и того, что̀ означаетъ фактъ потребленія рабочими всего ихъ дохода? Значитъ ли это, что, по законамъ капиталистическаго распредѣленія, они получаютъ ровно столько, сколько имъ нужно, и прибавокъ дохода все равно обратили бы, какъ и капиталисты, на производство; или потребности этого класса далеко еще не получили надлежащаго удовлетворенія, и возвышеніе ихъ доли въ національномъ доходѣ имѣло бы поэтому слѣдствіемъ увеличеніе ихъ потребленія. Вопросы эти имѣютъ существенное значеніе для пониманія современныхъ кризисовъ. Если потребности обоихъ классовъ производителей получаютъ надлежащее удовлетвореніе, а національный доходъ между тѣмъ превышаетъ сумму требующихся для этого предметовъ, то перепроизводство продуктовъ не могло бы быть предупреждено никакимъ „распредѣленіемъ дохода между производительными классами", и главную причину кризисовъ—„какъ неизбѣжнаго результата накопленія капиталовъ, ищущихъ помѣщенія и не находящихъ его съ обычной прибылью" (стр. 14)—слѣдовало бы тогда искать въ другой характеристической чертѣ „современнаго капиталистическаго хозяйства", „въ его техническихъ усовершенствованіяхъ и успѣхахъ". Если же у рабочаго класса есть много потребностей, не удовлетворяемыхъ за отсутствіемъ покупательныхъ средствъ, то иное распредѣленіе національнаго дохода могло бы значительно смягчить или вовсе устранить кризисы, и въ такомъ случаѣ главную причину послѣднихъ слѣдовало бы искать въ законахъ капиталистическаго распредѣленія продуктовъ. Излишне, кажется, пояснять, что въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто этотъ послѣдній случай, а если такъ, то г. Брандту нельзя было не указать на несоотвѣтствіе доходовъ рабочихъ ихъ потребностямъ. Онъ и сдѣлалъ такое указаніе, но—согласно своему обычаю—не прямо, а подъ видомъ соотношенія между покупательной силой рабочаго класса и національнымъ доходомъ. „Еслибы возростаніе покупательной силы занятыхъ рабочихъ"—говоритъ онъ на стр. 16—„вполнѣ соотвѣтствовало избытку чистаго дохода, получаемаго отъ новыхъ предпріятій, тогда для предпринимателей не было бы резона помѣщать избытки капитала въ новое производство, такъ какъ оно не давало бы имъ никакого дохода".

Если теоретическая часть книги г. Брандта не свободна отъ недомолвокъ и неясностей, то нельзя считать безупречной и фактическую ея часть, „вполнѣ подтверждающую", будто бы, его теоретическія разсужденія. Для поясненія нашей мысли обратимся къ главному предмету книги г. Брандта, послѣднему кризису въ Германіи.

Въ теоретической части книги г. Брандтъ развертываетъ слѣдующую картину промышленнаго оживленія, заканчивающагося кризисомъ. „Когда въ странѣ накопляется значительный капиталъ, не помѣщен-

ный въ производство, то достаточно внѣшняго повода,—заключенія выгоднаго торговаго трактата, открытія новаго рынка для сбыта, новыхъ технических изобрѣтеній, конверсій % бумагъ,—чтобы этотъ капиталъ устремился въ производство". Однако, „всякое производительное примѣненіе новаго капитала начинается не съ непосредственнаго производства предметовъ потребленія, а съ оборудованія самыхъ предпріятій". „Вслѣдствіе этого, прежде всего расширяются тѣ отрасли производства, которыя производятъ строительный матеріалъ для новыхъ предпріятій—желѣзо, кирпичъ и т. п. Затѣмъ расширяются и другія отрасли, производящія предметы потребленія рабочихъ, хотя, впрочемъ, въ гораздо меньшей степени. Пока совершается этотъ процессъ образованія новаго основного капитала въ промышленности, послѣдняя обнаруживаетъ всѣ признаки оживленія. Но вотъ проходитъ годъ, два, три... новыя предпріятія начинаютъ давать плоды, и вмѣсто прежняго спроса на товары они представляютъ уже предложеніе послѣднихъ". Покупательная сила населенія, однако, увеличилась далеко не пропорціонально этому предложенію, и потому товары переполняютъ рынокъ, цѣны ихъ падаютъ, работа сокращается, оживленіе смѣняется застоемъ и т. д. (стр. 18—19). Изслѣдованіе промышленнаго кризиса въ Германіи, подтверждающее это теоретическое разсужденіе, должно бы показать, что, въ теченіе періода оживленія промышленности, здѣсь дѣйствительно имѣло мѣсто преимущественно „образованіе новаго основного капитала промышленности", а производство предметовъ непосредственнаго потребленія населенія прогрессировало въ малой степени. Эта задача, однако, совершенно не выполнена авторомъ. О производствѣ предметовъ непосредственнаго потребленія массъ въ книгѣ г. Брандта не приводится никакихъ данныхъ; что же касается производства основного капитала страны—авторъ голословно ссылается на ростъ германскаго судоходства, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, сооруженіе грандіозныхъ вокзаловъ, на непрерывныя военныя и морскія сооруженія и лишь относительно электрической промышленности приводятся нѣкоторыя фактическія данныя, оправдывающія теоретическое заключеніе о ростѣ основного капитала страны. Другимъ источникомъ промышленнаго оживленія Германіи во второй половинѣ истекшаго десятилѣтія было заключеніе ею выгодныхъ торговыхъ договоровъ съ сосѣдями, облегчавшихъ сбытъ ея издѣлій за границу. Въ частности, по отношенію къ электрической промышленности, извѣстно, что Германія была почти монополистомъ по оборудованію соотвѣтствующихъ предпріятій въ различныхъ государствахъ Европы. Но и эта сторона промышленнаго оживленія Германіи почти не разсмотрѣна статистически, и, кромѣ суммарныхъ цифръ о ея ввозѣ и вывозѣ и двухъ-трехъ указаній на вывозъ нѣко-

торыхъ продуктовъ, г. Брандтъ не даетъ никакихъ фактическихъ свѣдѣній по этому предмету.

Оставивъ въ сторонѣ собственно производство и торговлю Германіи, изслѣдованіе которыхъ представлялось бы наиболѣе интереснымъ и новымъ,—по крайней мѣрѣ для русскаго читателя,—г. Брандтъ зато остановилъ особенное вниманіе на внѣшнемъ выраженіи промышленнаго оживленія—на учредительной, биржевой и банковой дѣятельности, на грюндерствѣ и спекуляціи, т.-е. на предметахъ, о которыхъ больше всего пишется даже въ русскихъ изданіяхъ и учетъ которыхъ не представляетъ особенныхъ затрудненій. Но и по отношенію къ этимъ предметамъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается данными, касающимися періода оживленія, и лишаетъ такимъ образомъ читателя возможности судить о силѣ послѣдняго сравненіемъ съ обычнымъ теченіемъ вещей.

Слѣдующимъ трудомъ Б. Ф. Брандта будетъ изслѣдованіе промышленнаго кризиса въ Россіи. Нельзя, поэтому, не высказать пожеланія, чтобы эта работа была свободна отъ недостатковъ, свойственныхъ разсматриваемому труду. Особенно важнымъ представлялось бы выясненіе статистическимъ путемъ источниковъ оживленія русской промышленности, предшествовавшаго кризису, и прямого или косвеннаго участія финансоваго вѣдомства въ учредительной горячкѣ. Служебное положеніе автора открываетъ ему доступъ къ такимъ матеріаламъ, какихъ напрасно сталъ бы искать другой изслѣдователь даннаго явленія.—В. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авсѣенко, В.—Люди и жизнь. Повѣсти и разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Алмазовъ, Б. Н.—Роландъ. Вольный переводъ древней французск. поэмы. М. 901.

Андреевскій, С. А.—Литературные очерки. 2-е дополн. изданіе „Литературныхъ чтеній". Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Арефа, Н. И.—Инструкція полицейскимъ урядникамъ. Изд. четвертое. Спб. 902. Стр. X + 188. Ц. 1 р.

Арнольди, А. К.—Ясли. Опытъ практическаго руководства къ устройству дѣтскихъ яслей. Спб. 902.

Ачкасовъ, Алексѣй.—Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. М. 902. Ц. 75 к.

Балталонъ, Ц.—Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. М. 902. Ц. 70 к.

Бенуа, Александръ.—Исторія русской живописи въ XIX-мъ вѣкѣ. Изданіе товарищества „Знаніе". Ч. II. Спб. 902.

Богдановичъ, К.—Два пересѣченія главнаго Кавказскаго хребта: Съ картой, 3-мя таблицами разрѣзовъ и 27 рисунками въ текстѣ. Стр. XXVIII+209

(173—209 по-нѣмецки), in 4°. (Труды Геологич. Комитета. T. XIX, № 1). Спб. 902. Ц. 3 р.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго М. Лучицкой. Т. V: Натурализмъ въ Англіи. Кіевъ. 902. Ц. 12 том.—5 руб.

Бурдо, *Л.*—Вопросъ о жизни. Очеркъ общей соціологіи. Съ нѣм. Е. Предтеченскій. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Бѣляевъ, А.—Докторъ Штокманъ, драма Ибсена. Уральскъ. 902. Очеркъ (изъ газеты „Уральскій Листокъ"). Стр. 11.

Бьернстерне Бьернсоонъ.—Свыше нашей силы. Драма. Перев. Э. Меттерна и П. Воротникова. М. 902. Ц. 50 коп.

Варпаховскій, Н. А.—Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. Спб. 902 Ц. 50 коп.

В. В.—Къ исторіи русской общины въ Россіи. (Матеріалы по исторіи общиннаго землевладѣнія). М. 902. Стр. 160. Ц. 1 р. 35 к.

Вермель, С. С.—Исаакъ Ильичъ Левитанъ и его творчество. Спб. 902.

Виноградовъ, И. В.—Теорія міровoго разума. Тула. 902. Стр. 196.

Винтерницъ, проф.—Купанія, въ общедоступномъ изложеніи. (Приложеніе къ журналу „Народное Здравіе", № 33). Спб. 902. Стр. 31.

Ганзенъ, П. Г.—Опытъ оздоровленія деревни. Съ 5 иллюстр. и вступит. статьею Р. Сементковскаго. Спб. 902.

Гексли и *Мартинъ*.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. И. Петровскаго, П. Сушкина и П. Кольцова. Съ 342 рис. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Гецъ, Ф.—Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. Съ приложеніемъ. 2-е изд. М. 902. Ц. 30 к.

Де-Волланъ, Григорій.—Полная чаша. Изъ семейной хроники Ногайцевыхъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ.—Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 902.

Длусскій, К. М.—Генералъ Онагренко.—Вблизи кровавыхъ камней.—Потерянная бумага.—Неистощимая сила. Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. П.—Азбука законовѣдѣнія. Изъ „Книги взрослыхъ". М. 902. Цѣна 10 коп.

Дьяковъ, Н., свящ.—Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ". Судовыя замѣтки и впечатлѣнія 1899—1900 г. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к.

Дьяконова, П. И., преподавательница Самарской женской гимназіи. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 902. Стр. 154+IV. Ц. 60 к.

Дюрингъ, Евг.—Высшее женское образованіе и университеты. Съ нѣм. Д. Рейтманъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Желѣзновъ, В. Я.—Очерки политической экономіи. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Загоскинъ, М. Н.—Собраніе сочиненій. Изданіе А. А. Петровича. Книга II. Прилож. къ журналу „Родная Рѣчь", 1902. Спб. 902. Стр. 288+69.

Заринъ, А.—Скаредное дѣло. Историческая повѣсть. („Всходы", 1902, № 14). Стр. 181.

Засодимскій, Л.—Въ зимнія сумерки. Сборникъ бывальщинъ, разсказовъ и сказокъ. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ, Г.—Да здравствуетъ жизнь! Драма въ 5 акт. Перев. А. Заблоцкой. М. 902. Ц. 60 к.

Кайгородовъ, Дм.—Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и въ семьѣ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Каллашъ, В. В.—Н. В. Гоголь и его письма. М. 902.

——— Жуковско-Гоголевская юбилейная литература. М. 902.

Карръ, С—Жиронда. Золотой поцѣлуй Наи и другіе разсказы. Спб. 902. Цѣна 75 коп.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. третье. Спб. 902. Стр. VI+348.

Каутскій, К.—Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году. Перев. І. Биска, п. р. В. Водовозова. Съ портретомъ автора. Кіевъ. 902. Ц. 35 к.

Князьковъ, С.—Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. М. 902. Ц. 35 к.

Кедринъ, Е. И.—Пути сообщенія С.-Петербурга. (Докладъ, читанный 19 авг. 1902 въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ). Стр. 26.

Ковалевскій, М.—Русская исторія. Руководство и пособіе. М. 902. Ц. 15 к.

——— Очеркъ всеобщей и русской исторіи. М. 902. Ц. 75 к.

Кожевниковъ, Г. А.—Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собранію зоологическихъ коллекцій. М. 902. Ц. 1 р.

Конрадъ, проф.—Страхованія, въ общедоступномъ изложеніи. (Приложеніе къ журн. „Народное Здравіе", № 32). Спб. 902. Стр. 47.

Корсакова, Е. Я.—Обученіе родному языку въ семьѣ („Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія", вып. XLVIII—XLIX). Спб. 902. Стр. 61. Ц. 50 к.

Круксъ, Вильямъ.—О происхожденіи химическихъ элементовъ. М. 902. Ц. 50 коп.

Кудрявскій, Д., проф. Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изд. 2-е. Юрьевъ. 902. Ц. 40 к.

Кузнецовъ, И. Д.—Очеркъ русскаго рыболовства. Спб. 902. Ц. 40 к.

Кюльцъ, Л., д-ръ.—Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. Съ нѣм. М. 903.

Лавриновичъ, Ю. Н. Народное образованіе въ Петербургѣ. По поводу 25-лѣтняго управленія Петербургской думы городскими школами. Спб. 902. Изд. редакціи журнала „Технич. Образованіе". Стр. 46.

Ланге, Г.—Сто животныхъ. Опытъ краткой зоологіи, по датскому учебнику проф. А. Феддерсона. М. 902. Ц. 50 к.

Литвинскій, П. А.—Изученіе природы малыми дѣтьми. („Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія", (вып. XLVII). Спб. 902. Стр. 41. Ц. 30 к.

Любичъ-Комуровъ, І.—Картинки современной жизни. Съ 37 рис. М. 902. Цѣна 35 коп.

——— На зарѣ.—Сонъ въ руку. Два разсказа. Съ 12 рис. М. 902. Ц. 20 к.

Макаренко, А. А.—Промыслъ красной рыбы на р. Ангарѣ. Спб. 902. Ц. 75 коп.

Максимовъ, Е. Д. — Учебно-показательныя мастерскія въ ряду другихъ учрежденій ремесленнаго обученія. Спб. 902.

Мало, Гекторъ.—Въ семьѣ. Повѣсть. Перев. съ франц. Ч. II. („Всходы", 1902, № 12). Съ иллюстраціями. Стр. 148.

Менроэ, К.—Бѣлые завоеватели Мексики. Съ англ. Н. Дадоновой. Ч. I. („Всходы", 1902, № 16). Спб. 902. Съ иллюстраціями. Стр. 141.

Михѣевъ, Б.—Разсказы. М. 902. Ц. 60 к.

Могилянскій, Мих.—Миражъ. Др. въ 3 д. Къ представленію дозволено. Спб. 902. Ц. 50 к.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Выпускъ первый. Изд.

седьмое, исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Спб. 902. Стр. VIII+160. Ц. 1 рубль.

——— Руководство политической экономіи. 6-е изд. Спб. 902. Ц. 2 р.

Морозовъ, П.—Минувшій вѣкъ. Литературные очерки: Изъ исторіи карикатуры.—Русская литератутура XIX-го вѣка.—Пушкинъ.—Потѣхинъ.—Островскій.—Герценъ. Спб. 902. Ц. 2 р.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. А.—Чѣмъ должна быть наша среднеобразовательная школа. Спб. 902. Стр. 44.

Наживинъ, Ив.—Дешевые люди. Очерки и разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Неврайскій, Ѳ. Ѳ.—Отчетъ о командировкѣ для изученія р. Куры и озеръ Тифлисской губерніи и Карсской области. Спб. 902. Ц. 40 к.

Неймайръ, М., проф.—Вулканы и землетрясенія. Перев. съ нѣм. С. П. Червова. Съ 98 рисунками въ текстѣ и 2 картами. (Прилож. къ журналу „Самообразованіе"). Спб. 902. Стр. 277.

Николаевъ, П.—Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 902. Ц. 2 р.

Новиковъ, А. — О сельско-хозяйственныхъ нуждахъ Тульской губерніи. Спб. 902.

Обломковъ, П.—Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Изданіе третье. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ, съ приложеніемъ трехъ картъ. Спб. 902. Стр. 102. Ц. 70 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Вопросы психологіи творчества. Пушкинъ.—Гейне.—Гёте.—Чеховъ. Къ психологіи мысли и творчества. Спб. 902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

——— Синтаксисъ русскаго языка. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Оглоблинъ, Н.—Красноярскій бунтъ. 1695—1698 гг. Томскъ. 902.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Перев. съ польскаго п. р. С. С. Зелинскаго. Т. VIII: Аргонавты. Ц. за 12 том. 4 р.

Озеровъ, Ив., проф.—Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка. Спб. 902.

Павловская, Р. А., д-ръ.—Очеркъ современнаго положенія дѣла борьбы съ бугорчаткой въ Россіи. Спб. 902.

Пильцъ, Эрн.—Задачи и вопросы для наблюденія окружающей природы. Пособіе для веденія образовательныхъ естественно-историческихъ прогулокъ и для самостоятельныхъ занятій учениковъ. Перев. съ нѣм. П. Фрейберга. М. 902. Ц. 50 к.

Полевой, П. Н.—Историческіе разсказы и повѣсти. Съ 65 оригинальными рисунк. и виньетками. К. Лебедева. 2-е изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 5 р.

Потапенко, И. Н.—Пьесы: Жизнь.—Чужіе.—Волшебная сказка.—Лишенный правъ.—Букетъ.—На лонѣ природы. (Первыя три и послѣднія двѣ дозволены къ представленію). Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к. (Сочиненія И. Н. Потапенко, т. VI).

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы, въ четырехъ томахъ. Т. II: Древняя письменность.—Времена московского царства.—Канунъ преобразованій. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 902. Ц. за 4 тома—8 рублей, по подпискѣ.

Рагозина, З. А.—Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Съ 113 рисунками и 2 картами. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Стр. XV+422. Ц. 2 р. 50 к.

Раевскій, В.—Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми. М. 902. Ц. 2 р. въ папкѣ.

Раковичъ, П.—Графъ Аранда. Драмат. сцены изъ XVIII-го вѣка. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ребьеръ, А.—Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 3-ье. Спб. 902. Ц. 85 коп.

Рейсъ, П., проф.—Основы физики, метеорологіи и математической географіи. Съ нѣм. П. И. Лурье-Гиберманъ, п. р. проф. Гезехуса. Съ 160 рис. Спб. 902.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц. п. р. В. Н. Михайлова. Т. VI: I. Происхожденіе языка. II. Что такое нація. III. Историческія статьи. Кіевъ. 902. Ц. за 12 том. 5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. VII. М. 902. По подп. 6 р.

Рожицкій, Ч. К., врачъ запаса арміи.—Скелеты характера. Популярный психологическій очеркъ. Житоміръ. 902. Стр. 44. Ц. 50 к.

Рожковъ, Н. А.—Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Спб. 902. Стр. 902. Стр. 84. Ц. 40 к.

Рудольфъ, Н.—Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ. Спб. 902.

Рѣдинъ, Е. К.—Икона „Недреманное око". II. Харьк. 902.

——— О лицевыхъ синдикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Комитета по устройству XII Археологическаго съѣзда. Харьк. 902.

——— Критико - библіографическія замѣтки по исторіи и археологіи искусствъ. Харьк. 902.

——— Исторія искусства и русскія художественныя древности. Харьк. 902.

Сеппъ, I. А.—Сферическая тригонометрія. Перев. М. Пирожкова. Спб. 902. Ц. 40 к.

Соколовъ, С. И.—Уставы объ акцизныхъ сборахъ. Часть первая, Стр. CXVI+720.—Часть вторая. Стр. 838+624. Спб. 902. Ц. за обѣ части 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.

Спасовичъ, В. Д.—Сочиненія. Т. X. Спб. 902. Ц. 2 р.

Спасовичъ, В. Д., и *Пильцъ*, Э.—Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Второе изданіе. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р.

Сѣрошевскій, В.—Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Т. II. М. 902. Цѣна 1 рубль.

Тозяковъ, Н. И., врачъ.—Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи, въ санитарномъ отношеніи, и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 1: Врачебно-продов. пункты для пришлыхъ рабочихъ въ Херсон. Екатериносл., Самарск., Симбир. и др. губ. Спб. 902.

Телешовъ, Н.—Бѣлая цапля. Сказка. Съ иллюстраціями. М. 901. Ц. 25 к.

——— Елка Митрича. Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Съ иллюстр. М. 901. Ц. 25 к.

Треспе, I., и *Спасскій*, В.—Краткое руководство къ уходу за комнатными растеніями и устройству цвѣтниковъ въ домашнихъ дачныхъ садахъ и палисадникахъ. М. 902. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ.

Троицкій, В. П.—Вліяніе казенной продажи вина на благосостояніе населенія въ 35 губерніяхъ, въ 1898 г. Томскъ. 902.

Трубецкая, кн. О.—Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Т. I. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. Н. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и пр., изъ Архива кн. Черкасскаго. Книга 1-я. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Фальевъ, Н. И.—Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 902. Ц. 3 руб.

Филадельфъ Голубой. Замокъ коварства и любви. Поэма. На Кавказѣ. Спб. 902. Стр. 32. Ц. 15 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III. 1885—1893. Выпускъ XX. Стр. 241—320. М. 902.

Чикаленко, Е.—Розмове про сельска хозяйство. 2-я книжка. Спб. 902. Цѣна 6 коп.

Шараповъ, Сергѣй.—Сочиненія. Вып. 20 (т. VII). Урожай. М. 902. Ц. 30 к.

Шершеневичъ, I.—Учебникъ русскаго гражданскаго права. 4-е изд. Казань. 902. Ц. 5 р.

Щегловитовъ, С. Г.—Приложеніе ко второму изданію Городового Положенія 1892 года. Новое росписаніе квартирныхъ окладовъ для воинскихъ чиновъ и пр. Изд. неоффиціальное. Спб. 902. Стр. 36. Ц. 25 к.

— Le chemin de fer Trans-Alasca-Sibérien. Extrait du Rapport de M. l'intendant militaire Pavot. Paris. 902. Стр. 17.

Rosenberg-Lautensack.—Der Hofrath erzählt. München. 902. Стр. 188.

Vuibert, H.—La Réforme de l'enseignement secondaire en France. Par. 902.

— Библіотека, состоящая подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Спб. 902. Стр. 115.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Енисейскій золотоносный районъ. Выпускъ III. Съ картой. Спб. 902. Стр. 31. Ц. 65 коп.

— Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 янв. 1902. Выпускъ I. Москва. 902. Стр. 35.

— Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго 2 мая 1869 года Общества для распространенія св. Писанія въ Россіи за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. 92+XI.

— Данныя о родившихся и бракахъ въ Москвѣ за 1901 г. Составлено Московскимъ столичнымъ и губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Москва. 902. Стр. 24.

— Девятый годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи за 1900 годъ, подъ ред. проф. С. Θ. Бубнова. Москва. 902. Стр. IV+241.

— Дешевая Библіотека: № 348. М. Н. Загоскина: Кузьма Рощинъ, пов. Ц. 10 к. № 349. Вечеръ на Хопрѣ. Ц. 12 к. № 350. Брынскій Лѣсъ. Ц. 30 к. № 351. Юрій Милославскій, ром. Ц. 25 к. № 352. Рославлевъ. Ц. 25 к. № 353. Аскольдова могила. Ц. 30 к. Спб. 902.

— Земля и ея жизнь. Общедоступныя книжки, п. р. А. Ивановскаго: 1) Вѣчный снѣгъ и ледъ, С. Анисимова. 2) Солнце, О. Сакминой. М. 901. По 10 коп.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. А. Позднѣева. Т. II, вып. IV-й. Владивостокъ. 901.

— Книга разсказовъ и стихотвореній. М. 902. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1900—1901 г. (Тридцать-первый обзоръ). Спб., 902. Стр. 179. Ц. 50 к.

— Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изд. второе. Выпускъ третій. (Изд. мин. земледѣлія и госуд. имущ.). Спб. 902. Стр. X + 518.

— Новый водный законъ. Руководство, съ приложеніемъ текста закона

20 мая 1902 г. Составили инж.-агрономъ С. Л. Котарскій и пом. прис. повѣр. М. В. Хлевинскій. Спб., 902. Стр. 46. Ц. 75 к.

— Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбов. губерніи за 1901 г. Тамб. 902.

— Отчетъ Одесской городской управы за 1901 г. по народному образованію. 902.

— Отчетъ о дѣятельности общества „Дѣтская помощь" за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. 62.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1901 г. Харьк. 902.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи за 1900—1901 уч. годъ. Вятка. 902.

— Отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ народныхъ училищъ Аккерм. уѣзда, Бессараб. губ. Од. 902.

— Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Первый отчетный годъ. Часть I. Отчетъ финансовый. Стр. 58. Ч. II. Учрежденіе кассы, обзоръ ея дѣятельности и свѣдѣнія объ участникахъ. Стр. 77. Спб., 902.

— Отчетъ Рязанскаго общества устройства народныхъ развлеченій за 1901—1902 г. Ряз. 902.

— Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціею В. Спасовича и Э. Пильца. Второе изданіе. Томъ I. Спб., 902. Стр. VII + 251. Ц. 1 р.

— Памятная Книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1900—01 учебный годъ. Годъ I-ый. Спб. 902.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ третій. 1902 годъ. Съ картограммою. Изд. статистическаго отдѣленія Пермской губернской земской управы. Пермь, 902. Стр. 50.

— Полтавское уѣздное земство.—Отчетъ по народному образованію за 1901 г. Полт. 902.

—— Отчетъ о мѣропріятіяхъ по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія за 1901 г. Полт. 902.

— Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки, п. р. А. А. Ивановскаго: 1) Остяки, А. Добряковой. 2) Жители Кавказа: Аварцы. А. Солодовникова. 3) Якуты и ихъ страна. Е. Ромадоновской. 4) Вотяки. И. Катаева. 5) Буряты, Н. Веселовской. 6) Чукчи, Н. Яньшинова 7) Прибалтійскій край, Н. Пирамидовой. 8) Самоѣды, Е. Полторановой. 9) Киргизы, Э. Вульфсонъ. 10) Амурскій край и наши переселенцы, Е. Вячеславской. М. 902. По 10 коп.

— Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Образовательныя дѣтскія прогулки. Составленъ кружкомъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга. Географическій матеріалъ редактированъ препод. И. Н. Михайловымъ. Съ картами, планами и рис. въ текстѣ. Изданіе Городской Коммиссіи по народному образованію. Спб. 902. Ц. 75 коп.

— Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи за зимній періодъ (декабрь 1901 и янв.—февр. 1902). Херсонъ. 902. Стр. 65.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 11. Яросл. 1902 г.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901—1902 г. П. р. М. Чельцова. Янв.—февр., мартъ—май. Годъ 69-ый. Спб. 902.

— Труды 1-го Съѣзда учащихъ и почетныхъ блюстителей школъ сибирской жел. дороги въ г. Томскѣ. Томскъ. 902.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901—1902 годъ. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. д-ра М. М. Чельцова. Ноябрь—декабрь. Годъ 69-ый. Спб. 902. Стр. 107—263.

— Труды по экспериментальной педагогической психологіи слушателей воспитательныхъ курсовъ при Педагогическомъ Музеѣ вольно-учебныхъ заведеній. П. р. А. П. Нечаева. Вып. 2-й. Съ LXXXV табл. въ текстѣ. Спб. 902. Ц. 60 к.

— Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I и II: Состояніе хлѣбовъ въ началѣ мая и травъ въ серединѣ іюня.—Цѣна на рабочія руки. Спб. 902.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1900—1901 годъ. Матеріалы по текущей статистикѣ за 1900—1901 хозяйственный годъ. Годъ VI. Вып. II. Изд. Уфимской губернской управы. Уфа. 902. Стр. III + 63 + 483. Ц. 1 р. 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gustav Frenssen. „Iörn Uhl". Стр. 524. Berlin, 1902. (G. Grote's Verlag).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вышелъ въ свѣтъ нѣмецкій романъ подъ заглавіемъ: „Іернъ Уль", мало извѣстнаго прежде писателя, Густава Френсена, и сразу имѣлъ выдающійся успѣхъ. Первый критикъ, обратившій на него вниманіе, былъ Карлъ Буссе, посвятившій ему восторженную статью въ „Tag", а вслѣдъ за нимъ и критика, и публика стали единодушно увлекаться произведеніемъ новооткрытаго таланта. Этотъ успѣхъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что романъ Френсена безконечно далекъ и отъ слащавой пошлости, которая такъ нравится нѣмецкой публикѣ, и отъ всякаго рода „новыхъ" теченій, которыя господствуютъ теперь въ лучшей части литературы. Въ немъ нѣтъ ни ницшеанства, ни психологіи эстетически утонченныхъ натуръ, нѣтъ откровеній новой морали,—нѣтъ никакой философіи, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ внимательнаго, искренняго и вдумчиваго изученія простой жизни. Успѣхъ романа „Іернъ Уль" не обусловленъ, такимъ образомъ, ни сенсаціонностью, ни слѣдованіемъ новымъ литературнымъ модамъ, а объясняется исключительно чистохудожественными достоинствами романа.

„Іернъ Уль" задуманъ очень широко: на протяженіи болѣе 500 страницъ пространно и подробно разсказана судьба двухъ большихъ семей, или, вѣрнѣе, двухъ родовъ, составляющихъ населеніе нѣсколькихъ деревень въ Голштиніи, постепенный упадокъ и разореніе потомковъ возгордившагося богатаго рода и возвышеніе жизнеспособныхъ, устойчивыхъ, трудящихся и знающихъ жизнь потомковъ другого. Цѣлый рядъ типичныхъ фигуръ изображенъ въ романѣ, и сила автора заключается въ умѣньѣ осязательно и ярко представить судьбы людей, вникать въ причины паденій и подъема человѣческой души и извлекать мудрость жизни изъ наблюденія простой дѣйствительности. По манерѣ изложенія „Іернъ Уль" примыкаетъ къ лучшимъ реалистическимъ романамъ; въ немъ есть Диккенсовская иронія въ изображеніи грустныхъ жизненныхъ контрастовъ, но онъ чуждъ сентиментальности Диккенса: Френсенъ никогда не жертвуетъ трезвой правдой ради чувствительныхъ эффектовъ. Нѣкоторыя мѣста въ романѣ на-

поминають манеру Л. Н. Толстого по жизненной опредѣленности и яркой пластичности характеровъ и по психологической проникновенности, соединенной съ большой простотой. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у Френсена много вполнѣ индивидуальнаго. Таковъ прежде всего лиризмъ его романа, связанный съ его поэтической любовью къ почвѣ, къ природѣ и людямъ его родины—Голштиніи. Описанія деревни, мѣстныхъ обычаевъ и празднествъ проникнуты необыкновенной свѣжестью и поэзіей. Лиризмъ Френсена сказывается также въ нѣжномъ изображеніи зарождающагося чувства любви между молодыми дѣвушками и юношами той простой среды, которую онъ описываетъ. Поль Гейзе, въ напечатанномъ недавно письмѣ къ автору „Iörn Uhl", очень вѣрно отмѣчаетъ эту черту таланта Френсена: „вы обладаете особымъ умѣньемъ",—говоритъ онъ,—„необыкновенно обаятельно изображать сердечное сближеніе любящихъ". Къ особенностямъ таланта Френсена относится также его мощный, выразительный языкъ, его умѣнье сжато представить иногда на одной страницѣ цѣлую человѣческую судьбу, а также убѣдительность и подъемъ его проповѣдей труда и чистой жизни. Языкъ Френсена выигрываетъ въ силѣ и красотѣ благодаря умѣлому обращенію съ мѣстнымъ нарѣчіемъ (Plattdeutsch), изъ котораго онъ заимствуетъ не эффектныя словечки, а коренныя и характерныя выраженія, очень умѣло переплетая мѣстный діалектъ съ обыкновенной нѣмецкой рѣчью въ діалогахъ изображаемыхъ имъ голштинскихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе соблюдаетъ чувство мѣры, чѣмъ, напр., Гауптманъ, нѣкоторыя драмы котораго написаны сплошь на силезскомъ нарѣчіи и требуютъ перевода на обыкновенный нѣмецкій языкъ.

Авторъ романа „Іернъ Уль"—пасторъ, уроженецъ той Голштиніи, которую онъ такъ любовно описываетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ родился въ деревнѣ Барльтъ, въ южномъ Дитмаршѣ; отецъ его—столяръ. Послѣ очень счастливаго дѣтства, проведеннаго въ деревнѣ, онъ кончилъ курсъ гимназіи въ Гузумѣ, а потомъ прошелъ университетскій курсъ въ Геттингенѣ и Берлинѣ, изучая богословіе. Въ настоящее время онъ занимаетъ мѣсто пастора у себя на родинѣ, въ селѣ Геммѣ, сочетая пасторскія обязанности съ писательской дѣятельностью и ведя—по отзыву посѣщавшихъ его людей—спокойный, счастливый образъ жизни, среди своихъ прихожанъ, окруженный радушной и бодрой семьей. Кромѣ жены и дѣтей, при немъ живетъ старикъ отецъ, бывшій столяръ, сильный, умный, работящій человѣкъ, напоминающій типичныя фигуры голштинскихъ крестьянъ въ произведеніяхъ своего сына. Эта простая и свѣтлая жизненная обстановка объясняетъ атмосферу романовъ Френсена, въ особенности „Іернъ Уля", въ которомъ есть много автобіографическихъ чертъ. Это—книга,

проникнутая протестантскимъ духомъ, проповѣдью суровой морали, труда, смиренія передъ судьбой и исполненія долга. Герой романа, Іернъ Уль, въ дѣтствѣ, готовясь къ конфирмаціи, понимаетъ религію только какъ рядъ практическихъ правилъ жизни; Евангеліе сводится для него только къ проповѣди труда, трезвости и умѣнья честно и добросовѣстно справляться съ своими дѣлами. Впослѣдствіи мораль его расширяется—онъ начинаетъ понимать безкорыстное отношеніе къ людямъ, научается принимать безъ ропота страданіе и „образуетъ свою душу", доходя до высокой гуманности и до полнаго примиренія съ жизнью. Но только эта человѣческая сторона христіанства близка ему, и на этомъ онъ твердо стоитъ, отвергая слишкомъ отвлеченный для него спиритуализмъ Евангелія. Идея книги сводится къ тому, чтобы показать, какъ въ воспріимчивой душѣ образуется среди труда, страданій и неизбѣжныхъ искушеній и паденій вѣрное отношеніе къ жизни, и какъ достиженіе нравственнаго равновѣсія приноситъ миръ и глубокое счастье, каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства. Мысль эта очень простая, но такъ какъ Френсенъ не высказываетъ ее въ видѣ нравоученія, а она сама собой явствуетъ изъ его эпопеи трудовой и тяжелой жизни, то она становится вразумительной, какъ сама дѣйствительность. Повѣствуя о многочисленныхъ печальныхъ сторонахъ жизни, Френсенъ, однако, менѣе всего пессимистъ. Напротивъ того, въ силу своего цѣльнаго нравственнаго міросозерцанія, онъ очень свѣтло и бодро относится къ жизни, не считая зло безнадежнымъ; онъ вѣритъ въ силу человѣческихъ стремленій къ добру и въ нравственную побѣду добра. Смыслъ книги выясняется уже на первой страницѣ романа, въ короткомъ вступленіи, опредѣляющемъ взглядъ автора на страданія и радости жизни. Эта страница очень характерна; мы ее приводимъ и какъ образчикъ манеры Френсена, и какъ опредѣленіе задачи, поставленной и блестяще выполненной въ романѣ:

„Мы будемъ говорить въ этой книгѣ,—пишетъ Френсенъ,—о горѣ и трудѣ. Не о такомъ горѣ, какое было у пивовара Яна Тортсена, который обѣщалъ угостить своихъ посѣтителей особенно хорошей рыбой, и не смогъ сдержать слова, отчего загрустилъ и уѣхалъ въ Шлезвигъ. И не о томъ горѣ мы будемъ говорить, какое испыталъ богатый крестьянскій сынъ, спустившій въ одинъ мѣсяцъ всѣ отцовскія деньги, такъ какъ по цѣлымъ днямъ бросалъ серебряныя монеты въ прудъ. Мы о томъ горѣ будемъ писать, которое имѣла въ виду старушка Вейсгааръ, говоря о своихъ восьмерыхъ дѣтяхъ: трое изъ нихъ лежали на кладбищѣ, одинъ на днѣ Сѣвернаго моря, а остальныя четверо въ Америкѣ, причемъ двое уже много лѣтъ перестали ей писать. И о той заботѣ, на которую сѣтовалъ Геръ Доозе,

когда, на третій день послѣ битвы при Гравелоттѣ, онъ не могъ умереть, хотя у него была въ спинѣ ужасная рана.

„И хотя мы намѣрены говорить о столь печальныхъ и безнадежныхъ, по мнѣнію многихъ, событіяхъ, все-же мы бодро приступаемъ къ писанію этой книги, потому что мы надѣемся показать, что трудъ и печаль всѣхъ людей не напрасны“.

Послѣ этого серьезнаго вступленія, начинается жизнеописаніе героя, наполняющее всю книгу. Жизнь его авторъ потому считаетъ достойной описанія, что, при всей своей простотѣ и невзрачности, она не прошла гладко, а состояла изъ многихъ заблужденій и исканій, и лишь поздно привела къ гармоніи; жизнь эта была вдумчивой и сознательной, постоянно обращенной во внутрь, и потому все, что въ ней случалось, типично и поучительно для всѣхъ, ищущихъ правды. Повѣствованіе начинается съ описанія младенчества Іерна Уля, сына богатаго крестьянина Клауса Уля. Родъ Улей очень великъ; онъ искони живетъ и процвѣтаетъ въ голштинской деревнѣ Вентдорфъ и окружающей мѣстности. На песочныхъ дюнахъ, по близости отъ этихъ деревень, живетъ другой родъ, Креи, народъ предпріимчивый, лукавый и торговый; у нихъ нѣтъ земли, какъ у Улей, и потому они занимаются торговлей, развозятъ щетки и разный мелкій товаръ по деревнямъ, зависятъ отъ богатыхъ Улей, но относятся къ нимъ злобно, страдая отъ ихъ высокомѣрія. Ули всѣ сидятъ въ своихъ богатыхъ унаслѣдованныхъ дворахъ, пьянствуютъ, глумятся надъ Креями и безразсудно тратятъ свои достатки. Самый высокомѣрный и безпутный изъ всѣхъ Улей—Клаусъ, котораго зовутъ „королемъ Вентдорфа“. Онъ такъ гордъ, что при расплатѣ съ рабочими, и даже когда ему нужно платить большія суммы, онъ всегда вынимаетъ деньги прямо изъ жилетнаго кармана, чтобы показать, до чего ему деньги ни почемъ. Онъ проводитъ время въ пьянствѣ, полномъ бездѣльѣ и часто ѣздитъ въ городъ; въ этомъ—несчастіе и его, и другихъ членовъ обширной семьи Улей. Всѣ они становятся добычей ловкихъ биржевыхъ дѣльцовъ, которые льстятъ ихъ высокомѣрію, запутываютъ ихъ въ разныя дѣла и разоряютъ ихъ. Въ романѣ разсказывается о постепенномъ паденіи богатыхъ крестьянскихъ дворовъ въ Вентдорфѣ, т.-е. о разореніи всѣхъ Улей и главнымъ образомъ Клауса, переставшаго заботиться о землѣ и предавшагося разгулу. Креи, напротивъ того, процвѣтаютъ—по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ; они практичны, копятъ деньги и затѣмъ большей частью эмигрируютъ въ Америку, а потомъ возвращаются и покупаютъ землю разорившихся Улей. У нихъ, неимущихъ, сильна любовь къ землѣ, и всѣ ихъ мысли направлены на то, чтобы стать осѣдлыми крестьянами.

У Клауса Уля три сына пошли въ отца, тунеядствуютъ, пьютъ и

ускоряютъ гибель отца. Одинъ только, четвертый, родился какъ бы для того, чтобы искупить грѣхи своего семейства и возстановить тяжкимъ трудомъ то, что погубили его отецъ и братья. Это—Іернъ Уль, младшій сынъ—герой романа; его мать—тихая, блѣдная женщина—родомъ изъ далекаго лѣсного селенія; она—сестра чудака-крестьянина Тиса, который сидитъ въ своемъ гнѣздѣ и соединяетъ неискоренимую любовь къ родному мѣсту съ постоянными фантазіями о далекихъ путешествіяхъ. Всѣ эти путешествія онъ совершаетъ у себя въ комнатѣ, обвѣшанной географическими картами и загроможденной книгами о разныхъ путешествіяхъ. Тисъ никогда не рѣшался сняться съ мѣста, даже чтобы поѣхать въ Гамбургъ, но онъ такъ хорошо изучилъ Америку и Индію, по разнымъ книгамъ, что мысленно живетъ въ далекихъ краяхъ. Его сестра не могла ужиться въ семьѣ Улей. Ее подавлялъ безпутный, чуждый ей по духу мужъ; первыя дѣти—тоже чужія для нея. Потомъ она проснулась къ самостоятельной жизни и стала жить своимъ особымъ міромъ, вкладывая свою душу въ родившагося послѣ ея душевнаго пробужденія маленькаго Іерна. Родивши послѣ того еще одну дѣвочку, Эльсбе, она умерла—собственно по винѣ мужа, который, вмѣсто того, чтобы позвать доктора, отправился кутить въ кабакъ.

Іернъ и Эльсбе выростаютъ, предоставленные самимъ себѣ. Міръ имъ кажется чудеснымъ; гуляя по лѣсамъ и по полямъ, они открываютъ разныя диковины и ищутъ въ своемъ дѣтскомъ сознаніи объясненія всего, что видятъ, такъ какъ у нихъ никого нѣтъ, къ кому бы они могли обратиться за объясненіемъ. Ихъ единственное общество—служанка Виттенъ, которой мать, умирая, ихъ поручила. Она имъ разсказываетъ старыя сказки и вселяетъ въ нихъ вѣру въ чудеса, ожиданія чудесъ въ жизни; ихъ товарищъ—одинъ изъ Крейевъ, смышленый Фитэ, развозящій товаръ по деревнямъ и разсказывающій имъ по вечерамъ про свои, большей частью вымышленныя, приключенія. Фитэ относится практически къ сказкамъ служанки; когда онъ говоритъ о гномахъ, добывающихъ золото для своихъ любимцевъ, онъ точно справляется о томъ, гдѣ можно найти кладъ, потому что онъ уже съ дѣтства знаетъ цѣну деньгамъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы разбогатѣть. Братъ и сестра выростаютъ очень разными въ своей дикой обстановкѣ. Въ маленькой Эльсбе кипитъ бурная кровь Улей; ее томитъ жажда наслажденій, и по недостатку досмотра и материнскаго вліянія она становится жертвой унаслѣдованныхъ инстинктовъ. Она рано начинаетъ увлекаться танцами и развлеченіями, влюбляется въ безпутнаго односельчанина, не слушаетъ ничьихъ увѣщаній, ссорится съ Іерномъ, который всѣми силами старается ее спасти и съ этой цѣлью поселяетъ ее у ея дяди Тиса. Ей очень легко удается

ускользнуть изъ-подъ надзора дяди, и она убѣгаетъ со своимъ возлюбленнымъ въ Гамбургъ и оттуда въ Америку—на свое собственное горе. Брошенная своимъ возлюбленнымъ, она ведетъ жалкую жизнь съ ребенкомъ, не рѣшаясь долгіе годы вернуться домой, гдѣ, однако, братъ и дядя ждутъ ее, употребляя всѣ усилія, чтобы разыскать бѣглянку. Старый Тисъ побѣдилъ даже свою страсть къ домосѣдству, постоянно ѣздитъ въ Гамбургъ и бѣгаетъ по улицамъ, надѣясь найти племянницу. Она возвращается черезъ много лѣтъ, несчастная, разбитая судьбой, и живетъ у дяди, представляя собой еще одинъ примѣръ гибели семьи Улей.

Іернъ—единственное исключеніе въ своей семьѣ; онъ весь въ мать и съ самаго ранняго дѣтства живетъ сознательной душевной жизнью, понимая ужасъ пороковъ своего отца и старшихъ братьевъ. Онъ чувствуетъ на себѣ обязанность возстановить гибнущій домъ и почти инстинктивно отказывается уже въ ранней юности отъ всякихъ личныхъ радостей, думая только о долгѣ. А долгъ у него только одинъ—работа. Онъ знаетъ, что въ ней—спасеніе. Ему рано приходится убѣдиться, что матеріальное положеніе отца расшатано, и онъ хочетъ предотвратить полное разореніе. Первую жертву ему приходится принести очень рано. Онъ съ дѣтства мечталъ объ ученьѣ, и это желаніе въ немъ поддерживалось даже его безпутнымъ отцомъ. Чтобы польстить его гордости, окружающіе говорили Клаусу Улю, что его младшій сынъ будетъ „Landvogt'омъ", и эта мысль ему понравилась. Онъ рѣшилъ, что Іернъ будетъ учиться въ гимназіи и университетѣ, и составитъ гордость семьи. Онъ посылаетъ его къ пастору для подготовительныхъ занятій, но, по своей безпечности и полному равнодушію къ интересамъ сына, даже не справляется о томъ, по какимъ предметамъ мальчику придется держать экзаменъ для поступленія въ гимназію. Пасторъ любитъ англійскій языкъ, и потому обучаетъ Іерна именно этому совершенно ненужному ему языку. Когда нужно ѣхать на экзаменъ, Клаусъ Уль пугается возможной неудачи и отправляетъ сына съ дядей. Оказалось, дѣйствительно, что требуется латинскій, а не англійскій языкъ, и мальчика не принимаютъ. У него остается горькое чувство къ отцу, который даже съ нимъ не поѣхалъ и не узналъ програмны. Во время ученья у пастора, Іернъ случайно услышалъ его разговоръ съ однимъ посѣтителемъ и узналъ, что отецъ играетъ на биржѣ, и что это ведетъ къ разоренію. Все это вмѣстѣ побуждаетъ его отказаться отъ завѣтнаго желанія учиться; онъ рѣшаетъ исполнить болѣе суровый долгъ, остаться дома, удержать отца отъ игры и спасти домъ отъ разоренія. Отецъ сначала негодуетъ,—ему обидно, что сынъ обманулъ его тщеславіе. Братья и ихъ товарищи смѣются надъ Іерномъ, который добровольно превратился въ

простого работника, но юноша твердъ въ слѣдованіи своему долгу и беретъ въ руки домашнее хозяйство.

Личная жизнь Іерна печальна въ юности. Ему нравится внучка пастора, нѣжная, тихая Лисбетъ, но онъ боится ея умственнаго превосходства, считаетъ ее слишкомъ „барышней“ для себя и никогда не выдаетъ своихъ чувствъ къ ней, хотя и она его любитъ: они надолго расходятся. Іернъ страстно влюбляется въ красивую, странную дѣвушку, которая поощряетъ его, чтобы побороть въ себѣ несчастную любовь къ другому. Іернъ болѣе смѣлъ съ этой равной ему односельчанкой, добивается ея любви—но этотъ романтическій эпизодъ заканчивается откровеннымъ объясненіемъ дѣвушки и грустнымъ дружескимъ прощаніемъ. Іернъ рѣшаетъ отказаться отъ женитьбы: та, которую онъ любилъ въ дѣтствѣ, стала ему чужой, потому что онъ подмѣтилъ въ ней снисходительно-покровительственное отношеніе къ себѣ,—а дѣвушка, пробудившая въ немъ чувственность, оказалась святой. Онъ опять углубляется въ мысли о долгѣ и напрягаетъ всѣ свои силы на улучшеніе разстроеннаго хозяйства отца. Его пониманіе нравственнаго долга расходится съ поученіями пастора въ церкви: тамъ онъ слышитъ о блаженствѣ вѣрующихъ, о томъ, что вѣра важнѣе дѣлъ и т. п.—ему же кажется, что Библію слѣдовало бы составить изъ поученій, болѣе близко касающихся жизни простыхъ людей, въ родѣ такихъ; напр.: „тотъ, кто прилежно работаетъ и умножаетъ свое благосостояніе, тотъ будетъ спасенъ“; или: „крестьянинъ, который не вырываетъ плевелъ на своемъ полѣ, губитъ свою жизнь“; или: „за каждый вечеръ, проведенный въ кабакѣ, у человѣка отнимается годъ спасенія“ и т. п. Это евангеліе труда впослѣдствіи расширяется въ его болѣе просвѣтленномъ сознаніи; онъ начинаетъ понимать безкорыстную любовь къ другимъ—онъ видитъ примѣры ея въ жизни, видитъ преданность состарившейся у нихъ въ домѣ служанки, которая отдала ему и его сестрѣ всю любовь, всѣ силы своей души, и самъ созрѣваетъ для подвиговъ любви къ ближнимъ.

Большую роль въ душевномъ развитіи Іерна играютъ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ на войнѣ. Онъ служитъ солдатомъ сначала въ мирное время и пріобрѣтаетъ общее одобреніе начальства и любовь товарищей своимъ умѣлымъ исполненіемъ обязанностей и своей уживчивостью; на войну (1870 г.) онъ идетъ уже резервистомъ, участвуетъ въ сраженіи при Гравелоттѣ, стоитъ подъ Метцомъ и Орлеаномъ—и очень зрѣетъ духовно въ короткое время. Война изображена въ романѣ эпизодически, но очень сильно—съ точки зрѣнія крестьянина, который не понимаетъ ея значенія, а только переживаетъ потрясающій кошмаръ, видя, что каждое сраженіе сводится къ горамъ труповъ и вереницамъ могилъ. Онъ присутствуетъ при смерти това-

рищей, друзей дѣтства—и въ его сознаніи укрѣпляется мысль о какомъ-то отвлеченномъ долгѣ, противорѣчащемъ его незыблемой до того, чисто практической морали. Послѣ войны онъ еще вдумчивѣе относится къ нуждамъ другихъ людей. Дома дѣла ухудшаются. Отецъ Іерна потерялъ все свое состояніе и впалъ въ слабоуміе; старшіе братья ушли изъ дому и являются только за деньгами отъ времени до времени. Община передаетъ бывшій дворъ старика Клауса его сыну Іерну, съ обязательствомъ выплатить долги. Онъ трудится изо всѣхъ силъ, но не можетъ предотвратить окончательной гибели, подготовленной долголѣтнимъ безпутствомъ отца. Много несчастій готовитъ ему судьба: неурожайные годы парализуютъ его усилія, затѣмъ у него умираетъ жена (онъ женился на веселой, бодрой дѣвушкѣ); наконецъ, пожаръ истребляетъ отцовскій домъ. Іернъ еще болѣе падаетъ духомъ, утѣшаясь только любовью къ своему маленькому сыну, напоминающему ему жену. Послѣ пожара онъ поселяется у своего дяди Тиса,—и тамъ начинается возрожденіе его послѣ перенесенныхъ несчастій. Онъ видитъ много любви и самоотверженія вокругъ себя, и его собственный трудъ тоже начинаетъ давать хорошіе результаты. Умственная его жизнь развивается,—онъ проводитъ нѣсколько времени въ Гамбургѣ для усовершенствованія въ техническихъ знаніяхъ, такъ какъ ему поручена большая строительная работа; онъ начинаетъ понимать жизнь и принимать страданія безъ горечи. Все его существованіе обновляется. Настаетъ для него и новая пора любви. Онъ снова видится съ подругой своего дѣтства, Лисбетъ, узнаетъ, что она его всегда любила, женится на ней, къ великой радости своего маленькаго сына, который полюбилъ ее какъ мать,—и въ маленькомъ домѣ состарившагося Тиса, гдѣ вся семья поселяется вмѣстѣ съ вернувшейся на родину Эльсбой, водворяется счастье и благополучіе. Душа Іерна очищена страданіемъ, его практическое пониманіе долга возвысилось до высокой гуманности, и съ этимъ евангеліемъ труда онъ безбоязненно и свѣтло глядитъ въ будущее, не боясь ударовъ судьбы.

Таковъ этотъ романъ, который поражаетъ не идейной глубиной, а вдумчивымъ и простымъ изображеніемъ жизни. Исторія простого голштинскаго крестьянина—типичная исторія человѣческой судьбы. Крестьянскую жизнь той же мѣстности изображали нѣкоторые другіе соотчичи Френсена, въ особенности Граббе и Теодоръ Штормъ, но Френсенъ превосходитъ ихъ въ романѣ „Іернъ Уль“ силой психологическаго анализа и широкимъ захватомъ своей эпопеи труда.

II.

Adolf Bartels. Geschichte der deutschen Literatur (1902. Leipzig, E. Avenarius). T. I, стр. 516; т. II, стр. 850.

Адольфъ Бартельсъ, извѣстный нѣмецкій историкъ литературы, закончилъ въ настоящее время большой, интересный по своимъ задачамъ трудъ—исторію нѣмецкой литературы отъ начала ея до нашихъ дней. Весь колоссальный матеріалъ онъ разработалъ въ двухъ томахъ, причемъ первый, болѣе краткій, вмѣщаетъ всю литературу до конца XVIII-го вѣка, а значительно болѣе объемистый второй томъ посвященъ XIX-му вѣку, такъ что въ сущности заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Это скорѣе исторія литературы XIX-го вѣка, дополненная обзоромъ минувшихъ вѣковъ.

На Бартельса менѣе всего можно быть въ претензіи за неисполненіе слишкомъ широкой программы, намѣченной въ заглавіи его труда. Нѣтъ ничего безотраднѣе огромныхъ исторій литературы, стремящихся къ фактической полнотѣ; онѣ неминуемо сводятся къ перечню фактовъ и имѣютъ лишь библіографическую цѣнность,—задача же историка литературы заключается въ группировкѣ, въ подведеніи итоговъ различнымъ литературнымъ начинаніямъ, и затѣмъ, конечно, въ характеристикахъ отдѣльныхъ писателей. Историкъ литературы, который хочетъ достигнуть этой цѣли, не долженъ гнаться за полнотой, а выбирать только самое существенное, предоставляя библіографамъ исчерпывать фактическій матеріалъ. Бартельсъ именно такъ и понимаетъ свою задачу, выясняя это въ предисловіи. Онъ не собирается увеличивать достаточное и безъ того количество исторій нѣмецкой литературы, т.-е. вторгаться въ область, разработанную множествомъ талантливыхъ ученыхъ. Напротивъ того, онъ хочетъ освободить свой трудъ отъ всеисчерпывающей учености, составляющей иногда тяжелый балластъ, и дать взамѣнъ этого общую картину развитія нѣмецкой литературы, выяснить задачи ея и показать зависимость подъемовъ и паденій литературнаго творчества отъ слѣдованія національнымъ задачамъ или уклоненія отъ нихъ.

Особенность книги Бартельса заключается, главнымъ образомъ, въ группировкѣ матеріала. Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ въ предисловіи, что самыя распространенныя въ Германіи исторіи литературы излагаютъ чрезвычайно подробно литературу минувшихъ вѣковъ приблизительно до тридцатилѣтней войны, а все дальнѣйшее развитіе ея послѣ Гёте или совершенно оставляютъ безъ вниманія, или передаютъ

въ самыхъ общихъ чертахъ. Бартельсъ же наиболѣе подробно излагаетъ литературу XIX-го вѣка, отмѣчая въ предшествующихъ вѣкахъ лишь то, что сохранило значеніе и для нашего времени.

Книга Бартельса относится, поэтому, скорѣе къ разряду сочиненій по литературѣ XIX-го вѣка, которыхъ тоже въ послѣднее время много написано въ Германіи. Но и отъ нихъ книга Бартельса разнится въ значительной степени. Такъ, напримѣръ, „Исторія литературы XIX вѣка" Рихарда Мейера—гораздо болѣе исчерпывающая по своему фактическому содержанію; въ ней больше отдѣльныхъ характеристикъ и общихъ очерковъ смѣняющихся литературныхъ теченій. Нѣкоторыя характеристики писателей у Мейера болѣе блестящи и оригинальны, но преимущество Бартельса—въ болѣе удачной группировкѣ. Мейеръ произвольно раздѣлилъ XIX-й вѣкъ на десятилѣтія и стремится найти литературную формулу для каждаго десятилѣтія въ отдѣльности, что ведетъ къ постояннымъ натяжкамъ и ложнымъ сужденіямъ. Бартельсъ же никакихъ новыхъ перегородокъ не придумываетъ. Онъ даетъ характеристики главныхъ теченій XIX-го вѣка, романтизма, реализма и новѣйшихъ литературныхъ школъ, объединяемыхъ въ послѣднее время въ Германіи подъ удобнымъ названіемъ: „Die Moderne", и, придерживаясь въ общемъ этихъ основныхъ дѣленій, вноситъ лишь кое-какія измѣненія въ подраздѣленія этихъ основныхъ группъ. Такъ, напримѣръ, представителей романтизма онъ дѣлитъ на старо- и новоромантиковъ, а „молодую Германію" съ ея политическимъ либерализмомъ считаетъ уклоненіемъ отъ истиннаго романтизма; новѣйшую нѣмецкую литературу съ шестидесятыхъ годовъ до конца XIX-го вѣка онъ дѣлитъ на періодъ декаданса въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, включая сюда и натурализмъ, развившійся подъ вліяніемъ французовъ, и на „новую школу" (Die Moderne), со средины восьмидесятыхъ годовъ; въ ней онъ видитъ возрожденіе національнаго нѣмецкаго духа; символизмъ и мистицизмъ нѣкоторыхъ современныхъ писателей онъ считаетъ заноснымъ и несерьезнымъ явленіемъ, помимо котораго въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ есть здоровые національные элементы. Мы увидимъ, разсматривая эту часть труда Бартельса, что онъ сильно запутался въ опредѣленіяхъ новѣйшихъ теченій; пока же отмѣтимъ только своеобразность его группировки.

Вѣрная постановка задачи составляетъ главное достоинство книги Бартельса; но къ сожалѣнію, при выполненіи ея, онъ впадаетъ въ частыя заблужденія вслѣдствіе слишкомъ тенденціознаго отношенія къ литературѣ. Бартельсъ—націоналистъ, доходящій до крайностей въ своемъ прославленіи нѣмецкаго духа и въ своей ненависти къ инородческимъ элементамъ въ нѣмецкой литературѣ. Изъ всѣхъ проявле-

ній культурной жизни литература имѣетъ наиболѣе общечеловѣческій характеръ, и въ ней взаимодѣйствіе различныхъ націй въ высшей степени цѣнно. То, что̀ достигнуто однимъ народомъ, становится достояніемъ всѣхъ, такъ что вліянію одной литературы на другую можно только радоваться. Отъ обмѣна идей съ другими странами національный духъ не страдаетъ ни въ одной странѣ, а напротивъ того, развивается, черпая изъ чужихъ литературъ то, что̀ способствуетъ его собственному развитію. Только узкій шовинизмъ усматриваетъ опасность въ духовномъ единеніи одной страны съ другими и ревниво охраняетъ неприкосновенность національныхъ традицій въ литературѣ. Бартельсъ, къ сожалѣнію, становится именно на такую узко-патріотическую точку зрѣнія, преисполненъ національной гордости и старается доказать, что всегда Германія шла впереди всѣхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, говоря о книгѣ Шлейермахера, начавшаго проповѣдь христіанства въ литературѣ до Шатобріана, онъ восклицаетъ: „мы, нѣмцы, всегда идемъ впереди“; съ тѣми же патріотическими цѣлями онъ доказываетъ, что общественныя теоріи Іереміи Готгельфа выше ученія Толстого, что Геббель значительнѣе Ибсена и т. д. Даже еслибы эти мнѣнія были справедливы (а вѣдь никому не придетъ дѣйствительно въ голову ставить Готгельфа выше Толстого), то и тогда подобныя патріотическія ликованія были бы недостойны серьезнаго изслѣдователя. Литература не табель о рангахъ, и въ ней важна не погоня за первенствомъ, а идеи, вносимыя каждымъ писателемъ. Націонализмъ Бартельса сказывается также въ его почти комическомъ антисемитизмѣ, который онъ умудряется проявлять на каждомъ шагу. Всѣ отрицательныя явленія въ нѣмецкой литературѣ XIX вѣка онъ приписываетъ еврейскому вліянію. Евреи виноваты въ томъ, что послѣ господства чистой романтики въ Германіи начался, въ 30-хъ годахъ, періодъ увлеченія обще-европейскимъ политическимъ либерализмомъ и радикализмомъ. Очагомъ этого движенія онъ считаетъ салоны извѣстныхъ „интеллигентныхъ евреекъ“, Рахили Варнгагенъ и др., ставя такимъ образомъ въ вину нѣмецкому еврейству появленіе въ ихъ средѣ даровитыхъ и образованныхъ женщинъ. Эпоху декадентства—а таковой онъ называетъ 60-ые и 70-ые годы—и вліяніе разнузданной французской литературы временъ второй имперіи онъ тоже объясняетъ тѣмъ, что евреи привили въ Германіи вкусъ къ бульварной литературѣ и къ опереткѣ. О Гейне Бартельсъ говоритъ почти съ ненавистью, отрицаетъ его вліяніе въ нѣмецкой литературѣ, считаетъ его подражателемъ Брентано и разныхъ мало извѣстныхъ нѣмецкихъ романтиковъ; съ такимъ же предубѣжденіемъ онъ относится ко многимъ новѣйшимъ писателямъ, которыхъ онъ постоянно попрекаетъ ихъ семитическимъ происхожденіемъ. О

Шнитцлерѣ, Гофмансталѣ и др. онъ не говоритъ иначе, какъ съ упоминаніемъ каждый разъ ихъ еврейства, и попрекаетъ нѣкоторыхъ писателей даже ихъ полу-еврейскимъ происхожденіемъ. Каждый разъ, говоря о Полѣ Гейзе, онъ называетъ его „Halbjude". Все это, очевидно, совершенно неумѣстно въ изложеніи литературныхъ фактовъ; антисемитизмъ Бартельса—еще болѣе лишній балластъ въ его книгѣ, чѣмъ ученость, которой онъ такъ тщательно избѣгаетъ въ своемъ трудѣ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, стѣсняющихъ свободное отношеніе къ изучаемымъ литературнымъ явленіямъ, книга Бартельса имѣетъ и много достоинствъ. Она не блещетъ яркими характеристиками отдѣльныхъ писателей. Бартельсъ слишкомъ ужъ боится учености, даетъ очень мало свѣдѣній объ отдѣльныхъ писателяхъ и недостаточно опредѣленно формулируетъ ихъ дѣятельность и значеніе. Въ этомъ отношеніи книга Мейера болѣе интересна. Мейеръ очень индивидуаленъ въ своихъ сужденіяхъ, и его характеристики иногда далеки отъ истины, но всегда ярки, между тѣмъ какъ очерки Бартельса не даютъ полнаго представленія о писателяхъ. Но общія характеристики цѣльныхъ періодовъ у Бартельса болѣе интересны, обстоятельны и оригинальны. Литературу XIX-го вѣка онъ раздѣляетъ на три основныхъ періода, на романтизмъ начала вѣка, мощный періодъ реализма отъ конца двадцатыхъ до семидесятыхъ годовъ, и новѣйшую литературу, подраздѣляемую имъ на нѣсколько группъ. Самой плодотворной и значительной порой нѣмецкой литературы XIX-го вѣка онъ считаетъ періодъ реализма, достигшій апогея въ 50-хъ годахъ; Бартельсъ выдѣляетъ изъ него два побочныхъ теченія: тенденціозное творчество „молодой Германіи", въ первой половинѣ этого періода, и анти-тенденціозное эклектическое „искусство для искусства" мюнхенской школы (Поль Гейзе, Гаммерлингъ и др.) во второй. Новѣйшую литературу онъ дѣлитъ на періодъ декадентства, т.-е. паденія традицій нѣмецкаго духа подъ вліяніемъ Франціи временъ второй имперіи, сенсаціонности, пессимизма, промышленнаго отношенія къ литературѣ (такое опредѣленіе декадентства не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ представленіемъ о немъ) и на возрожденіе нѣмецкаго духа въ бодромъ, сильномъ и чисто національномъ творчествѣ такихъ писателей, какъ Гауптманъ, Фонтанъ, Детлефъ-фонъ-Лиліенкронъ и другихъ. То, что обыкновенно называется декадентствомъ и символизмомъ, т.-е. поэзію изысканныхъ ощущеній на почвѣ идеализма и мистицизма, Бартельсъ не считаетъ сильнымъ и самобытнымъ явленіемъ, а приписываетъ заграничнымъ вліяніямъ, и, въ общемъ, удѣляетъ очень мало вниманія всей школѣ; лучшихъ же писателей этой группы („Die Moderne") онъ относитъ къ представи-

телямъ національнаго возрожденія, считая однимъ изъ его основателей Ницше. Въ общемъ, эта схема нѣмецкой литературы XIX-го вѣка правильна, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями. Едва ли можно отдѣлять „молодую Германію", а въ частности Гейне, отъ романтизма. Бартельсъ это дѣлаетъ только изъ антисемитическаго предубѣжденія противъ Гейне, желая лишить его творчество всякаго чисто художественнаго значенія (поэзія Гейне—чисто романтическая) и признавая его только глашатаемъ дешеваго французскаго либерализма. Очень произвольно также его обращеніе съ понятіемъ о декадентствѣ и его отношеніе къ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Нельзя, какъ онъ это дѣлаетъ, называть декадентствомъ въ Германіи упадокъ реалистическаго романа подъ вліяніемъ, съ одной стороны, пессимизма, вызваннаго политическими причинами, а съ другой стороны—погони за сенсаціонностью, и смѣшно называть декадентами Шпильгагена и Марлиттъ, еще болѣе путая это понятіе относительно иностранныхъ писателей. Онъ относитъ къ декадентству и оперетки Оффенбаха, и порнографическую французскую литературу, и Бодлэра, причемъ съ гордостью заявляетъ, что Германія никогда настолько не падала, чтобы въ ней былъ возможенъ поэтъ въ родѣ Бодлэра. Столь же странно его представленіе о новѣйшихъ теченіяхъ. Ницше ему дорогъ, какъ проповѣдникъ силы и національной гордости, и поэтому онъ его причисляетъ къ писателямъ возрожденія. Замѣтимъ, что Ницше въ его глазахъ—чисто-національный нѣмецкій писатель, и его славянскому происхожденію онъ не придаетъ никакого значенія, между тѣмъ какъ даже Гейзе онъ выдѣляетъ изъ національной литературы, какъ полу-еврея; Гауптмана онъ тоже причисляетъ къ обновителямъ литературы, и въ то же время очень отрицательно относится къ тѣсно связаннымъ съ нимъ литературнымъ явленіямъ.

Произвольность подраздѣленій литературныхъ періодовъ при вѣрности общей схемы связана у Бартельса съ его пониманіемъ національныхъ идеаловъ. Въ предисловіи къ первому тому, онъ вѣрно опредѣляетъ характеръ нѣмецкой духовной жизни; ея основная черта—индивидуализмъ, противоположный соціальному характеру романской культуры. Въ нѣмецкой литературѣ, выразительницѣ культурныхъ особенностей націи, преобладаетъ борьба, въ то время какъ романская литература стремится къ гармоніи. Въ виду этого коренного различія двухъ націй, задачи нѣмецкой литературы противоположны литературнымъ идеаламъ романскихъ странъ, и всякое вліяніе послѣднихъ можетъ быть только наноснымъ и, по мнѣнію Бартельса, пагубнымъ, отвлекающимъ отъ выполненія національныхъ задачъ. Настаивая на этой обособленности нѣмецкой литературы, Бартельсъ выясняетъ отдѣльныя черты національной нѣмецкой литературы. Сѣвер-

ный характеръ нѣмецкой литературы онъ видитъ въ преобладанiи содержанiя надъ формой, истины надъ красотой, характеровъ надъ гармонiей, индивидуальнаго надъ обще-нацiональнымъ, интеллектуальнаго надъ чувственнымъ элементомъ. Онъ утверждаетъ, что въ Германiи гораздо менѣе цѣльныхъ литературныхъ теченiй, чѣмъ въ другихъ, особенно въ романскихъ странахъ, но что въ ней зато больше характернаго индивидуальнаго творчества. Нѣтъ нѣмецкой драмы, какъ есть испанская, французская драма, но есть театръ Лессинга, Шиллера, Грильпарцера, не сливающiеся въ нѣчто однородное, но сильные и своеобразные каждый въ отдѣльности. Точно также и среди романистовъ есть много крупныхъ и рѣзко опредѣленныхъ индивидуальностей и мало однородныхъ теченiй. Съ этимъ преобладанiемъ индивидуальностей связана и другая знаменательная черта нѣмецкой литературы; ея развитiе сводится всегда къ борьбѣ, къ тому, что почти каждое литературное поколѣнiе за послѣднiе два вѣка имѣетъ свою эпоху бури и натиска.

Такое пониманiе нацiональнаго германскаго духа опредѣляетъ отношенiе Бартельса къ различнымъ эпохамъ нѣмецкой литературы. Уже въ средневѣковой поэзiи онъ намѣчаетъ стремленiе къ самобытности и разнородность отдѣльныхъ талантовъ. Менѣе всего его удовлетворяетъ въ его нацiональномъ чувствѣ эпоха классицизма съ ея стремленiемъ къ гармонiи и красотѣ формъ. Романтизмъ начала вѣка онъ считаетъ возрожденiемъ нацiональнаго духа, побѣдой германства надъ античностью, освобожденiемъ фантазiи и душевнаго подъема, скованнаго въ классическую эпоху стремленiемъ къ античной гармонiи. Литературу романтическаго перiода Бартельсъ ставитъ очень высоко, видя въ ней пышный расцвѣтъ индивидуализма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зачатки реализма, т.-е. созидательной пластической силы, которая для него выше всякихъ идеалистическихъ отвлеченностей. Наиболѣе высоко онъ ставитъ старѣйшихъ романтиковъ, въ особенности Гельдерлинга и Новалиса, съ ихъ чуткимъ отношенiемъ къ природѣ и съ ихъ религiозными (чуждыми, однако, всякаго догматизма) настроенiями, въ которыхъ онъ видитъ побѣду надъ матерiализмомъ XVIII-го вѣка. Изъ отдѣльныхъ писателей эпохи романтизма Бартельсъ ставитъ особенно высоко Клейста, съ его стремленiемъ соединить античные идеалы съ современными и съ его сильно развитымъ реалистическимъ талантомъ. Въ представителяхъ младшаго поколѣнiя романтиковъ, Брентано, Арнимѣ и др., онъ превозноситъ главнымъ образомъ приверженность къ нацiональному прошлому, къ народной поэзiи. Упадкомъ романтизма онъ считаетъ уже отчасти поэзiю патрiотическихъ пѣвцовъ эпохи освободительныхъ войнъ, Кёрнера и Арндта, но еще болѣе „молодую Германiю“ съ ея французско-либе-

ральными тенденціями и міровой скорбью. Гейне, Бёрне и ихъ приверженцы извратили, по его мнѣнію, національный духъ нѣмецкой литературы, и ихъ вліяніе кажется ему пагубнымъ. Наибольшее значеніе Бартельсъ придаетъ эпохѣ реализма, въ которой опять окрѣпъ индивидуализмъ и развилась созидательная пластическая способность, коренящаяся въ изученіи и изображеніи дѣйствительности. Развитіе реализма обнимаетъ періодъ отъ конца 20-хъ до середины 80-хъ годовъ и кажется Бартельсу наиболѣе полнымъ выраженіемъ національнаго духа. „Мы не можемъ себѣ представить нѣмецкое художественное творчество,—говоритъ онъ,—иначе, чѣмъ такимъ, какимъ его создали эти реалисты, и даже въ чисто эстетическомъ отношеніи они намъ кажутся наиболѣе современными". Зачатки реализма Бартельсъ видитъ главнымъ образомъ въ Гёте, въ новеллахъ Тика, въ драмахъ Грилльпарцера, а расцвѣтъ его усматриваетъ въ творчествѣ двѣнадцати первоклассныхъ писателей, изъ которыхъ шесть играютъ созидательную роль, а шесть другихъ — хранители и продолжатели созданнаго ихъ предшественниками. Родоначальниками различныхъ областей реалистическаго творчества онъ считаетъ Вилибальда Алексиса, создавшаго историческій романъ въ Германіи, Чарльза Сильсфельда, создавшаго этнографическій романъ, Іеремію Готгельфа, который первый сталъ изображать народный бытъ, Адальберта Штифтера, углубившагося въ изображеніе природы, Фридриха Геббеля, творца психологической драмы, и Отто Людвига. Ихъ преемники — Густавъ Фрейтагъ, Фрицъ Рейтеръ, Теодоръ Штормъ, Клаусъ Гротъ, Готфридъ Келлеръ и Вильгельмъ Раабе. Изъ всѣхъ нихъ Бартельсъ особенно высоко ставитъ Геббеля, сходясь въ этомъ отношеніи со всѣми современными критиками, прославляющими долго непонятаго, истинно великаго драматурга, который по своимъ задачамъ близко подходилъ къ Ибсену.

Мы уже сказали, что къ новѣйшей нѣмецкой литературѣ Бартельсъ относится съ предубѣжденіемъ, поскольку она имѣетъ обще-европейскій характеръ, и прославляетъ въ ней писателей, отвѣчающихъ его пониманію національнаго характера германской культуры.—З. В.

ЭМИЛЬ ЗОЛА

род. 1840—15 (28) сент. 1902 †.

Глубокое впечатлѣніе произвела повсюду вѣсть о безвременной кончинѣ Эмиля Золà. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые не только обратили на себя вниманіе европейской публики, но и съумѣли удержать его за собою въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій. Извѣстность далась ему съ боя, но, однажды пріобрѣтенная, продолжала расти, укрѣпляясь все больше и больше. Литературное наслѣдство его по истинѣ громадно. Широтѣ его замысловъ соотвѣтствовала выдержанность и неутомимость въ ихъ исполненіи. „Человѣческая комедія" Бальзака создалась сама собою, не по заранѣе обдуманному плану; эпопея Ругонъ-Маккаровъ сложилась, какъ одно цѣлое, въ умѣ автора, прежде чѣмъ ея первыя страницы вылились на бумагѣ. Меньше по объему, но еще болѣе проникнута внутреннимъ единствомъ трилогія о трехъ городахъ. Послѣднимъ словомъ Золà, завѣщаніемъ его, не только литературнымъ, но и соціально-политическимъ, должна была сдѣлаться серія четырехъ романовъ, изъ которыхъ вышло въ свѣтъ два („Fécondité" и „Travail") и начатъ печатаніемъ третій („Vérité"); четвертый („Justice") едва ли написанъ, но въ бумагахъ покойнаго найдется, быть можетъ, его общая схема. Прибавимъ къ этому ранніе романы Зола („La Confession de Claude", „Thérèse Raquin", „Madeleine Férat" и друг.), интересные въ особенности для исторіи развитія его таланта, нѣсколько драмъ и комедій, нѣсколько томовъ критическихъ этюдовъ—и мы получимъ приблизительную сумму труда, рѣдкую во всѣхъ литературахъ. И все-таки писательская работа не всегда поглощала всего Золà. Сначала далекій отъ индифферентизма — не даромъ же онъ назвалъ время, представителями котораго должны были служить его Ругонъ-Маккары, „эпохой безумія и позора",—онъ сталъ мало-по-малу, какъ и многіе изъ его предшественниковъ и сверстниковъ (Флоберъ, Гонкуры, Додэ, Бурже), рѣшительнымъ врагомъ политики. Онъ цѣнилъ только „писанную мысль", только передъ нею преклонялся, только въ ней видѣлъ путь къ безсмертію. Задачей романа онъ провозгласилъ собираніе „человѣческихъ документовъ", воспроизведенныхъ съ возможно бóльшею точностью и возможно бóльшимъ безстрастіемъ. „Самыми великими изъ насъ,—говорилъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ, —будутъ не тѣ, которые стремились къ улучшенію человѣка, а тѣ,

которые изображали его какимъ онъ есть, во всей его жизненной правдѣ". Съ теченіемъ времени, однако, въ Зола совершается новый поворотъ: онъ перестаетъ отрицать значеніе государственной дѣятельности, принимаетъ къ сердцу текущія явленія общественной жизни, задумывается надъ „проклятыми вопросами", порывается служить „великимъ цѣлямъ вѣка". Всего нагляднѣе это выразилось въ участіи, которое онъ принялъ въ дѣлѣ Дрейфуса,—но слѣды новаго настроенія замѣтны уже въ послѣднихъ отдѣлахъ Ругонъ-Маккаровской эпопеи („Germinal", „Argent", „Débâcle") и ярко выступаютъ на видъ въ послѣдней части трилогіи („Paris"). Въ „Travail" онъ идетъ еще дальше, создавая нѣчто въ родѣ утопіи, рисуя картину желаннаго будущаго. Горячій темпераментъ, вѣчно ищущій умъ—не позволили ему замкнуться навсегда въ рабочемъ кабинетѣ, за предѣлами котораго онъ одно время ничего не хотѣлъ видѣть. Къ нему вполнѣ примѣнимо восклицаніе, съ которымъ обратился къ самому себѣ Д. Ф. Штраусъ, приступая къ послѣдней борьбѣ съ своими противниками (вызванной его книгою: „Der Alte und der neue Glaube"): „Auf, alter Krieger, lass das Bangen und gürte deine Lenden; im Sturme hast du angefangen, im Sturme sollst du enden". И въ этой послѣдней бурѣ Зола стоитъ выше, чѣмъ въ первой. Тогда онъ защищалъ, вмѣстѣ съ свободой творчества, такія крайности ея, которыя граничатъ съ униженіемъ искусства; теперь онъ касался тѣхъ сферъ, въ соприкосновеніи съ которыми искусство черпаетъ глубину и силу.

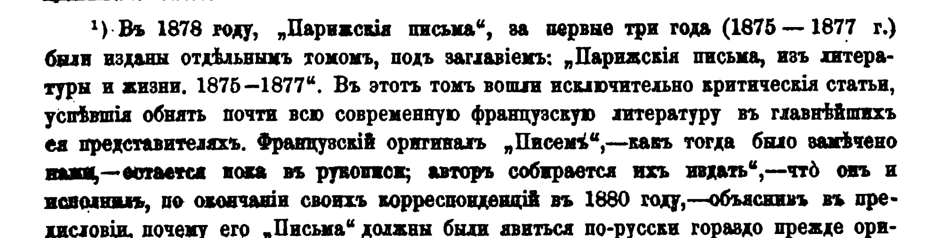
Подобно Стендалю, Бальзаку, Додэ, Флоберу, Гонкурамъ, Зола не былъ членомъ французской академіи, хотя—въ противоположность многимъ изъ только-что названныхъ писателей—нѣсколько разъ ставилъ свою кандидатуру. Почувствуетъ ли академія хотя теперь, что ея ошибка, нисколько не умаливъ репутаціи Зола, несомнѣнно повредила ей самой, еще разъ рѣзко подчеркнувъ ея исключительность, ея односторонность? Безспорно, къ Зола неприменимы слова, вложенныя кѣмъ-то въ уста академіи по поводу смерти одного изъ мастеровъ французскаго слова (кажется—Мольера), оставшихся за ея стѣнами: „Rien ne manque à sa gloire—il manquait à la nôtre". Слава Зола не можетъ быть названа полной и безусловной; въ его дѣятельности есть и слабыя стороны, его произведенія не безъ недостатковъ — но все-же онъ стоялъ на высотѣ, достигнутой немногими его современниками, и оставилъ неизгладимый слѣдъ въ французской литературѣ. Значеніе такого учрежденія, какъ французская академія, прямо пропорціонально тому, насколько широко и свободно оно отворяетъ свои двери для всѣхъ сказавшихъ, въ художественной формѣ, новое, самостоятельное слово. Ничѣмъ академія не могла бы лучше опровергнуть преувеличенныя обвиненія, взведенныя на нее

Додэ въ „Immortel“, какъ избраніемъ Эмиля Золà. Быть можетъ, она только откладывала его со дня на день, не рѣшаясь на отступленіе отъ традицій—или, лучше сказать, отъ рутины; но смерть не ждетъ, и потеря времени оказалась потерей невозвратной.

Для „Вѣстника Европы“ Эмиль Золà былъ особенно дорогъ, какъ многолѣтній его сотрудникъ, „Парижскія письма“ котораго (числомъ 62), съ 1875 по 1880 гг., служили украшеніемъ журнала [1]). Здѣсь помѣщались, съ 1872 г., сначала извлеченія изъ первыхъ частей „Ругонъ-Маккаровъ“, потомъ переводы нѣкоторыхъ изъ числа послѣдующихъ частей, способствовавшіе ознакомленію русской публики съ дарованіемъ Золà. Начиная съ 1880-го года, ему былъ посвященъ въ „Вѣстникѣ Европы“ длинный рядъ статей; въ одной изъ нихъ [2]) была разсмотрѣна построенная имъ теорія экспериментальнаго романа, въ другой (1882, № 8) дана общая характеристика Золà, какъ романиста, основанная на первыхъ десяти—единственныхъ, появившихся къ тому времени—романахъ Ругонъ-Маккаровскаго цикла. Изъ позднѣйшихъ частей этого цикла въ „Вѣстникѣ Европы“ были разобраны шесть: „Au bonheur des dames“ (1883, № 6); „La joie de vivre“ (1884; № 11); „L'oeuvre“ (1886, № 6); „L'argent“ (1891, № 4); „Germinal“ (1892, № 7) и „La débâcle“ (1892, № 9).

К. Арсеньевъ.

17 сентября 1902.

[1]) Въ 1878 году, „Парижскія письма“, за первые три года (1875—1877 г.) были изданы отдѣльнымъ томомъ, подъ заглавіемъ: „Парижскія письма, изъ литературы и жизни. 1875—1877“. Въ этотъ томъ вошли исключительно критическія статьи, успѣвшія обнять почти всю современную французскую литературу въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Французскій оригиналъ „Писемъ“,—какъ тогда было замѣчено нами,—остается пока въ рукописи; авторъ собирается ихъ издать“,—что онъ и исполнилъ, по окончаніи своихъ корреспонденцій въ 1880 году,—объяснивъ въ предисловіи, почему его „Письма“ должны были явиться по-русски гораздо прежде оригинала. Къ воспоминаніямъ о покойномъ и къ оцѣнкѣ его дѣятельности „Вѣстнику Европы“ не разъ еще, вѣроятно, придется возвратиться.—*Ред.*

[2]) 1880 г., № 1, „Современный романъ въ его представителяхъ“.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1902.

Правила о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, о курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ. — С.-Петербургскій политехническій институтъ.—„Университетъ или политехникумъ"?—Десятилѣтіе финансоваго управленія.—Конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ.—Рѣзкіе контрасты.—Странныя разсужденія предпринимателя.—Возможная судебная ошибка—Интересный вопросъ.—С. И. Старынкевичъ †.—Post-scriptum.

Преобразовательная работа въ области высшаго образованія, такъ широко начатая при П. С. Ванновскомъ, не остановилась и при его преемникѣ. Обнародованныя недавно временныя правила, 24-го августа, вносятъ много новаго и полезнаго въ жизнь университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Дисциплинарные проступки студентовъ, подлежавшіе вѣдѣнію правленія, вновь подчинены профессорскому суду, уничтоженному университетскимъ уставомъ 1884-го года. Составъ правленія опредѣляется исключительно назначеніемъ министра или попечителя учебнаго округа; главныя его функціи имѣютъ административно-хозяйственный характеръ, совершенно отличный отъ задачъ суда. Дисциплинарная власть правленія не была, притомъ, точно отграничена отъ власти ректора (или директора) и инспектора; не былъ установленъ порядокъ производства дисциплинарныхъ дѣлъ. Этимъ аномаліямъ полагаютъ конецъ временныя правила. Члены суда (въ числѣ пяти или трехъ) и кандидаты къ нимъ (въ томъ же числѣ) избираются совѣтомъ изъ числа профессоровъ, на одинъ годъ, и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа; одного изъ нихъ совѣтъ избираетъ предсѣдателемъ суда. Тамъ, гдѣ есть юридическій факультетъ, по крайней мѣрѣ одинъ изъ судей и одинъ изъ кандидатовъ къ судьямъ должны принадлежать къ этому факультету. Профессорскій судъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительная камера: получивъ отъ начальника учебнаго заведенія весь подлежащій судебному разсмотрѣнію матеріалъ, онъ обсуждаетъ сначала вопросъ о привлеченіи обвиняемаго къ судебной отвѣтственности, и только въ случаѣ утвердительнаго его рѣшенія приступаетъ къ судебному разбирательству, вызывая обвиняемаго и допрашивая, въ его присутствіи, свидѣтелей. Приговоры, которыми назначаются болѣе строгія взысканія (не ниже увольненія изъ учебнаго заведенія), представляются началь-

никомъ учебнаго заведенія, съ его заключеніемъ, на утвержденіе попечителя учебнаго округа; всѣ остальные приговоры (слѣдовательно— и оправдательные) вступаютъ въ силу немедленно послѣ ихъ постановленія. Изъ числа взысканій, налагаемыхъ дисциплинарнымъ судомъ, исключено заключеніе въ карцеръ; затѣмъ они образуютъ слѣдующую лѣстницу: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) лишеніе права участвовать въ курсовыхъ собраніяхъ и быть избраннымъ въ курсовые старосты, 4) переводъ на срокъ не свыше одного полугодія изъ студентовъ въ вольнослушатели, 5) нравственное порицаніе, сверхъ взысканій, указанныхъ въ пун. 3 и 4; 6) увольненіе изъ учебнаго заведенія до начала ближайшаго или слѣдующаго за нимъ учебнаго года, 7) удаленіе изъ даннаго учебнаго заведенія безъ срока, и 8) исключеніе безъ права поступить въ другое высшее учебное заведеніе. Инспекторъ высшаго учебнаго заведенія можетъ объявлять собственною властью замѣчаніе, а начальникъ заведенія—налагать слѣдующія взысканія: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) временное запрещеніе посѣщать учебное заведеніе и 4) предложеніе подать прошеніе объ увольненіи изъ учебнаго заведенія. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему рядомъ съ коллегіальнымъ профессорскимъ судомъ, представляющимъ существенно важныя гарантіи правильнаго и всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, установляется еще судъ единоличный, облеченный весьма широкими правами. Замѣчаніе и выговоръ—не взысканія въ полномъ смыслѣ слова, и противъ объявленія ихъ начальникомъ учебнаго заведенія ничего возразить нельзя; но запрещеніе посѣщать учебное заведеніе и, тѣмъ болѣе, предложеніе подать прошеніе объ увольненіи—предложеніе конечно, обязательное для того, къ кому оно обращено,—это мѣры весьма серьезныя, могущія тяжело отозваться на будущемъ студента. Осторожнѣе было бы, кажется, принимать ихъ не иначе, какъ по суду. Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующую аномалію: постановленіе профессорскаго суда объ увольненіи изъ учебнаго заведенія, хотя бы и безъ воспрещенія немедленнаго поступленія въ другое заведеніе, требуетъ утвержденія попечителя учебнаго округа—а равносильное ему, въ сущности, предложеніе начальника учебнаго заведенія въ такомъ утвержденіи не нуждается. Не указанъ срокъ, на который начальникъ можетъ воспретить посѣщеніе учебнаго заведенія, между тѣмъ какъ для мѣры менѣе суровой—перевода, по постановленію суда изъ студентовъ въ вольнослушатели,—назначенъ срокъ довольно короткій (не свыше одного учебнаго полугодія). Недоказанною кажется намъ, далѣе, цѣлесообразность утвержденія членовъ профессорскаго суда попечителемъ учебнаго округа. Мы знаемъ, что принципъ утвержденія избираемыхъ должностныхъ лицъ представляется, съ нѣкоторыхъ

поръ, господствующимъ въ нашемъ законодательствѣ; но онъ примѣняется обыкновенно къ избранникамъ такимъ учрежденій (земскихъ, городскихъ, дворянскихъ и т. п.), принадлежать къ которымъ можно и безъ административной санкціи. Между тѣмъ профессора, составляющіе совѣтъ высшаго учебнаго заведенія, всѣ безъ изъятія назначаются или утверждаются правительственною властью и, слѣдовательно, всѣ могутъ считаться способными къ исправленію всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ профессора... Вполнѣ правильными и симпатичными представляются, съ другой стороны, соображенія, въ силу которыхъ признано ненужнымъ опредѣлять „устанавливавшееся донынѣ точное соотвѣтствіе извѣстнаго наказанія тому или другому проступку". Подобная регламентація—по словамъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія—„стѣсняла бы только дѣятельность суда, заставляя его примѣнять одинаково ко всѣмъ провинившимся предусмотрѣнное правилами для даннаго проступка взысканіе, тогда какъ желательно, наоборотъ, предоставленіе суду широкаго простора для опредѣленія степени личной виновности каждаго изъ подсудимыхъ. Такой просторъ соотвѣтствуетъ вполнѣ основной идеѣ дисциплинарнаго суда".

Много хорошаго обѣщаетъ въ будущемъ учрежденіе кураторовъ, если ему суждено пустить прочные корни на нашей почвѣ. „При каждомъ курсѣ высшаго учебнаго заведенія имѣетъ состоять кураторъ изъ числа преподавателей даннаго учебнаго заведенія. Кураторъ избирается совѣтомъ на годичный или меньшій срокъ для руководительства студентами извѣстнаго курса. Куратору предоставляется устраивать собесѣдованія съ курсомъ, согласно инструкціи, вырабатываемой совѣтомъ. Кураторы образуютъ коммиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ ректора (директора), для совмѣстнаго обсужденія соотвѣтственныхъ дѣлъ, касающихся разныхъ курсовъ, факультетовъ и отдѣленій. Постановленія коммиссіи должны быть направлены къ согласованію дѣйствій кураторовъ. Коммиссія изъ числа своихъ членовъ выбираетъ товарища предсѣдателя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ (директоръ) не присутствуетъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, предсѣдательствуетъ въ ней товарищъ предсѣдателя". Изъ того, что въ правилахъ говорится о *преподавателяхъ*, а не о профессорахъ, слѣдуетъ заключить, что кураторами могутъ быть избираемы и приватъ-доценты. Этому можно только сочувствовать; среди приватъ-доцентовъ, какъ людей молодыхъ, сравнительно недавно окончившихъ курсъ и именно потому близко стоящихъ къ учащейся молодежи, многіе, по всей вѣроятности, выразятъ готовность посвятить значительную часть своего времени общенію со студентами и съумѣютъ пріобрѣсти ихъ довѣріе и распо-

ложеніе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что кураторы изъ числа приватъ-доцентовъ окажутся особенно подходящими для студентовъ высшихъ курсовъ, уже привыкшихъ къ самостоятельной жизни, а профессора, болѣе опытные и болѣе уравновѣшенные, будутъ лучшими руководителями для студентовъ первокурсниковъ, только-что сошедшихъ со школьной скамьи. Поставить—„den rechten Mann an die rechte Stelle“ будетъ, впрочемъ, призваніемъ совѣта, хорошо знакомаго съ личными свойствами каждаго преподавателя. Что инструкція кураторамъ не установитъ никакихъ излишнихъ стѣсненій, не ограничитъ свободу дѣйствій, необходимую для успѣха новой организаціи—ручательствомъ тому служитъ составленіе ея совѣтомъ. Большую пользу можетъ принести и коммиссія кураторовъ, если только возлагаемая на нее задача—„согласованіе дѣйствій кураторовъ“—не будетъ понята въ смыслѣ установленія однообразныхъ правилъ, все предусматривающихъ и предрѣшающихъ. Насколько желательно отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ противорѣчій,—настолько необходимъ широкій просторъ для личной инициативы, примѣняющейся къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ въ насъ правило, въ силу котораго кураторъ можетъ быть избираемъ на годичный или *меньшій* срокъ. Чѣмъ дольше кураторъ остается на своемъ посту, тѣмъ вѣроятнѣе тѣсная связь между нимъ и курсомъ, столь важная для правильнаго хода дѣла. Куратору необходимо нѣкоторое время, чтобы узнать свой курсъ и быть имъ узнаннымъ. Минимальный срокъ для этого—годъ; для сокращенія его мы не видимъ никакихъ основаній. Конечно, выборъ даннаго лица можетъ оказаться ошибкой,—но вѣдь она возможна и при всякомъ другомъ выборѣ, а между тѣмъ сроки избранія бо̀льшею частью продолжительнѣе, чѣмъ одинъ годъ.

Новыми правилами не допускаются ни общія собранія студентовъ всего учебнаго заведенія, ни собранія студентовъ по факультетамъ или отдѣленіямъ. Собранія студентовъ по курсамъ созываются либо по распоряженію ректора (директора), либо, съ согласія его, по почину куратора, который въ послѣднемъ случаѣ и предсѣдательствуетъ въ собраніи. На курсовыхъ собраніяхъ, въ случаѣ желанія студентовъ, допускается предсѣдательствующимъ ректоромъ (директоромъ) или кураторомъ избраніе курсовыхъ старостъ изъ числа студентовъ даннаго курса. Старосты избираются на годичный или меньшій срокъ для сношеній по дѣламъ курса съ преподавателями и администраціей даннаго учебнаго заведенія и для исполненія касающихся студентовъ подлежащаго курса порученій ректора (директора) или преподавателя-куратора. Подробная инструкція относительно курсовыхъ собраній,

выбора старостъ, числа послѣднихъ, порядка ихъ утвержденія и т. п. составляется совѣтомъ. Допускается образованіе научныхъ и литературныхъ кружковъ, подъ руководствомъ профессоровъ и другихъ преподавателей даннаго заведенія, согласно ходатайствамъ, представленнымъ ректору или директору отъ имени опредѣленныхъ студентовъ, черезъ соотвѣтственные факультеты или отдѣленія. Уставы кружковъ, выработываемые подлежащими факультетами или отдѣленіями, утверждаются совѣтомъ. Руководительство кружкомъ возлагается факультетомъ (отдѣленіемъ), по принадлежности каѳедръ, на профессора, изъявившаго желаніе принять на себя соотвѣтственныя обязанности, или на одного изъ другихъ преподавателей, съ согласія послѣдняго. Руководительство кружками для занятій искусствами, физическими упражненіями и т. п., каковые кружки допускаются по ходатайствамъ студентовъ въ коммиссію кураторовъ,—ввѣряется ректоромъ (директоромъ), на основаніи постановленія коммиссіи, приглашеннымъ для того лицамъ. Вопросы объ организаціи студенческихъ библіотекъ и читаленъ, столовыхъ и чайныхъ, кассъ и т. п.—разсматриваются правленіемъ при участіи коммиссіи кураторовъ. Подача адресовъ, представленіе коллективныхъ прошеній, посылка депутатовъ, выставленіе объявленій безъ разрѣшенія инспекціи, устройство сборищъ, произнесеніе публичныхъ рѣчей, денежные сборы и вообще всякаго рода корпоративныя дѣйствія, непредусмотрѣнныя правилами, не допускаются.

Не касаясь запрещеній, установляемыхъ новыми правилами, остановимся на томъ, что̀ они разрѣшаютъ. О курсовыхъ собраніяхъ можно сказать то же самое, что̀ о кураторахъ: если они привьются на нашей почвѣ, отъ нихъ слѣдуетъ ожидать значительной перемѣны къ лучшему въ жизни высшихъ школъ. Взятыя въ совокупности, они могутъ выразить съ достаточною ясностью мнѣніе или настроеніе цѣлой школы. Если кураторы будутъ пользоваться надлежащимъ авторитетомъ, они едва ли встрѣтятъ какія-либо затрудненія въ созывѣ курсовыхъ собраній; послѣднія войдутъ въ обиходъ, сдѣлаются чѣмъ-то привычнымъ, зауряднымъ и перестанутъ внушать опасенія, такъ долго мѣшавшія ихъ оффиціальному признанію. Цѣлесообразность учрежденія курсовыхъ старостъ давно уже доказана практикою военно-медицинской академіи. Что избраніе курсовыхъ старостъ производится не иначе, какъ по желанію курса—это вполнѣ раціонально; обязательный выборъ могъ бы не состояться или послужить источникомъ взаимныхъ неудовольствій и недоразумѣній. Къ сроку избранія старостъ примѣнимо, хотя и въ меньшей степени, замѣчаніе, сдѣланное нами относительно срока избранія кураторовъ. Устройство научныхъ и литературныхъ кружковъ будетъ вѣроятно зависѣть, de facto, отъ

факультета (или отдѣленія), что значительно облегчитъ и ускоритъ призывъ ихъ къ жизни. Изъ того, что ходатайство объ устройствѣ кружка должно идти отъ „опредѣленныхъ студентовъ", еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ составъ кружка могли входить только одни иниціаторы ходатайства; ничто, повидимому, не можетъ помѣшать присоединенію къ нимъ другихъ студентовъ, и притомъ безъ различія факультетовъ. Для кружковъ литературныхъ это послѣднее разумѣется само собою; но и научный кружокъ (напримѣръ историческій или философскій) можетъ быть интересенъ не для однихъ только обязательно изучающихъ данную науку. Совѣтъ, отъ котораго будетъ зависѣть утвержденіе уставовъ кружковъ, отнесется ко всѣмъ подобнымъ вопросамъ, безъ сомнѣнія, по возможности широко. Для сохраненія единства дѣйствій было бы, какъ намъ кажется, лучше, еслибы разрѣшеніе вопросовъ объ организаціи студенческихъ библіотекъ, читаленъ, столовыхъ, чайныхъ, кассъ было предоставлено одной коммиссіи кураторовъ, съ задачами которой они связаны несравненно больше, чѣмъ съ задачами правленія. Такъ, вѣроятно, и будетъ сдѣлано, когда коммиссія кураторовъ успѣетъ заявить себя на практикѣ.

Только-что открытый с.-петербургскій политехническій институтъ отличается отъ другихъ аналогичныхъ школъ устройствомъ въ его составѣ экономическаго отдѣленія, являющагося у насъ въ Россіи первымъ опытомъ приспособленія юридическихъ и экономическихъ знаній къ требованіямъ промышленности. Предметами преподаванія въ этомъ отдѣленіи будутъ богословіе, исторія хозяйственнаго быта въ связи съ исторіей политической экономіи, теорія политической экономіи, прикладная политическая экономія, статистика, наука о финансахъ, энциклопедія права, исторія, государственное право, гражданское право, торговое право, вексельное право, морское право, гражданское и торговое судопроизводство, уголовное право и процессъ, международное право, общее землевѣдѣніе, экономическая географія, физика, химія, товаровѣдѣніе съ технологіею, счетовѣдѣніе, теорія вѣроятностей, финансовыя вычисленія и иностранные языки. Въ развитіе этихъ предметовъ на отдѣленія могутъ читаться спеціальные курсы: по техникѣ податного дѣла, фабричному законодательству, желѣзнодорожнымъ тарифамъ, таможенному и страховому дѣлу, экономической географіи отдѣльныхъ странъ, отдѣльнымъ группамъ товаровъ, разнымъ видамъ счетоводства (банковому, фабричному, сельскохозяйственному и др.), коммерческимъ вычисленіямъ, коммерческой

корреспонденціи и проч. Преподаваніе сопровождается упражненіями и практическими занятіями въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Вводимая такимъ образомъ комбинація наукъ несомнѣнно оригинальна и позволяетъ ожидать крупныхъ результатовъ. Наши юридическіе факультеты приготовляютъ преимущественно судебныхъ дѣятелей, а не администраторовъ, не работниковъ на разныхъ поприщахъ общественной жизни; выдвигая на первый планъ сначала римское право, затѣмъ гражданское и уголовное, съ соотвѣтствующими процессами, они впадаютъ въ нѣкоторую односторонность и слишкомъ мало удовлетворяютъ запросамъ новаго времени. Возникающій отсюда пробѣлъ можетъ восполнить, до извѣстной степени, экономическое отдѣленіе политехническаго института. Въ основаніи его программы лежитъ политическая экономія, въ университетахъ играющая далеко не выдающуюся роль и изучаемая только на первомъ курсѣ; въ институтѣ она расчленяется на три предмета и дополняется общимъ землевѣдѣніемъ, экономическою географіей и товаровѣдѣніемъ. Такъ какъ предметовъ преподаванія въ отдѣленіи очень много, то нѣкоторые изъ нихъ будутъ, вѣроятно, излагаться лишь въ общихъ чертахъ (напр. гражданское и уголовное право, гражданскій и уголовный процессъ); больше простора, наоборотъ, будетъ отведено предметамъ, соприкасающимся съ политической экономіей—статистикѣ, наукѣ о финансахъ, торговому праву. Весьма важно, наконецъ, ознакомленіе слушателей экономическаго отдѣленія съ одной стороны—съ исторіей, съ другой—съ физикой, химіей, теоріей вѣроятностей. Меньше, чѣмъ большинство окончившихъ курсъ въ высшихъ школахъ, они будутъ страдать отъ спеціализаціи, съуживающей кругозоръ и ограничивающей сферу интересовъ. Это не исключаетъ, однако, возможности, для отдѣльныхъ слушателей, сосредоточиться главнымъ образомъ на той группѣ предметовъ, которая ихъ особенно привлекаетъ. Такому сосредоточенію будутъ благопріятствовать спеціальные курсы, предусматриваемые программой экономическаго отдѣленія. Большой гарантіей успѣшной дѣятельности отдѣленія служитъ имя его декана, А. С. Посникова, бывшаго профессоромъ политической экономіи въ Ярославлѣ и Одессѣ, даровитаго ученаго и публициста, близко знакомаго съ народною жизнью, много лѣтъ работавшаго въ смоленскомъ земствѣ, состоявшаго уѣзднымъ предводителемъ дворянства и соединяющаго въ своемъ лицѣ теоретическія знанія и практическую опытность.

Кромѣ с.-петербургскаго политехническаго института, въ послѣдніе годы открыты у насъ еще три высшія техническія школы: технологическій институтъ въ Томскѣ и политехническіе институты въ Кіевѣ и Варшавѣ. Какъ ни важно, какъ ни необходимо развитіе техниче-

скаго образованія, оно не должно, конечно, идти въ ущербъ образованію общему; не должно быть повода для постановки вопроса: „университетъ или политехникумъ"? Между тѣмъ, этотъ вопросъ ставится, и ставится не безъ основанія. Въ озаглавленной именно такимъ образомъ статьѣ заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго („Русскія Вѣдомости", № 232) указывается на то, что въ западной Европѣ вниманіе къ политехническимъ школамъ идетъ рука объ руку съ попеченіемъ объ университетахъ. Западно-европейскія правительства „далеки отъ мысли, что въ настоящее время долженъ преобладать политехникумъ, затмѣвающій собою просвѣтительную роль университета. Они понимаютъ, что въ нашъ вѣкъ наплыва утилитарныхъ и матеріалистическихъ идей университетъ является еще болѣе нужнымъ, чѣмъ въ прежнее время: въ немъ—протестъ противъ господства этихъ идей. Университетъ, это—синтезъ современной науки, это—убѣжище вѣковѣчныхъ міровыхъ идей, это—крѣпость, подъ защитой которой укрываются уцѣлѣвшіе обломки прежнихъ идеалистическихъ воззрѣній. Политехникумъ, это — ремесло, это — насущный хлѣбъ текущаго дня. Правда, хлѣбъ этотъ необходимъ, но о единомъ ли хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ"? Исходя изъ этихъ положеній, г. Романовичъ-Славатинскій проводитъ параллель между роскошью, съ которою у насъ обставляются политехническіе институты, и бѣдностью большинства нашихъ университетовъ. „Университетскія зданія"—говоритъ профессоръ—„сооружались давно, приспособляясь къ прежнимъ требованіямъ науки, къ прежнему ограниченному числу студентовъ. Но условія науки измѣнились, прежнія сотни слушателей превратились въ тысячи, а зданія казанскаго или харьковскаго университета сохраняютъ свой давній видъ, какой они имѣли въ началѣ прошлаго вѣка. Въ московскомъ университетѣ трудно найти аудиторію, въ которой могло бы помѣститься теперешнее число слушателей. Помѣщеніе университета св. Владиміра въ Кіевѣ—одно изъ лучшихъ, но и оно не удовлетворяетъ потребностямъ времени: число аудиторій не соотвѣтствуетъ числу студентовъ, а главное—въ немъ нѣтъ помѣщенія для библіотеки, одной изъ лучшихъ университетскихъ библіотекъ. Нельзя не бояться за ея сохранность; для нея необходимо отдѣльное огнеупорное зданіе. Правленіе не разъ ходатайствовало объ этомъ, но ходатайства эти, за недостаткомъ средствъ, оставались безуспѣшными,—а между тѣмъ, уменьшивъ расходы на лѣпныя работы и паркеты политехникумовъ, можно было бы съэкономизировать сумму, достаточную для сооруженія зданія библіотеки университета св. Владиміра, въ которомъ могли бы лучше сохраниться ея книжныя драгоцѣнности. Не блестяще положеніе и другихъ универ-

ситетскихъ учрежденій. Въ майскомъ засѣданіи совѣта университета св. Владиміра мы слышали отъ одного изъ директоровъ химической лабораторіи, что въ ея стѣнахъ образовались трещины, въ которыя врывается сквознякъ, а полы не лучше кіевскихъ тротуаровъ, по которымъ трудно ходить, не спотыкаясь". Внѣшнему виду университетовъ соотвѣтствуетъ паденіе уровня профессорскаго сословія. „Гдѣ теперь"—восклицаетъ г. Романовичъ-Славатинскій—„та систематическая забота о посылкѣ талантливой молодежи за границу для подготовки къ профессурѣ, которою такъ отличались министры Уваровъ и Головнинъ? Въ настоящее время факультетамъ нерѣдко приходится вести продолжительную переписку, настойчиво ходатайствуя о посылкѣ за границу одного или двухъ талантливыхъ кандидатовъ для подготовки къ замѣщенію каѳедръ. Обвинять министерство въ небрежномъ отношеніи къ такому важному дѣлу нельзя: въ его тощемъ бюджетѣ на это полагаются весьма ограниченныя средства. Предварительный стипендіатскій стажъ не можетъ служить коррективомъ: число стипендій не соотвѣтствуетъ числу заслуживающихъ ихъ, вслѣдствіе того же недостатка средствъ. Между тѣмъ каѳедры пустѣютъ: старые профессора уходятъ, а молодыхъ нѣтъ"... „Мы хорошо понимаемъ"—таковъ заключительный выводъ автора—„необходимость для Россіи техническаго образованія, но не можемъ не скорбѣть, что забываются интересы нашихъ университетовъ, низводимыхъ на второй планъ. Блестящее прошлое этихъ университетовъ, заслуги ихъ предъ русскою землей даютъ имъ право на уваженіе и вниманіе. Этого требуетъ достоинство нашего могучаго государства, это соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ великаго русскаго народа". Нужно надѣяться, что искреннія, глубоко-прочувствованныя слова почтеннаго профессора не пройдутъ безслѣдно.

Статья г. Романовича-Славатинскаго появилась въ печати за нѣсколько дней до чествованія С. Ю. Витте, по поводу десятилѣтняго его управленія министерствомъ финансовъ. Касаясь одного частнаго вопроса, она бросаетъ отраженный свѣтъ и на другія стороны дѣятельности министерства. Подобно тому, какъ широко развивались высшія учебныя заведенія одного вѣдомства, а въ другихъ высшихъ школахъ господствовалъ застой, вызванный отчасти [1]) недостаткомъ матеріаль-

[1]) Мы говоримъ: *отчасти*, потому что были и другія причины застоя, не зависѣвшія отъ министерства финансовъ. Будущее покажетъ, съ достаточною ли энергіею министерство народнаго просвѣщенія настаивало, до 1901-го года, на увеличеніи бюджета высшихъ и низшихъ школъ.

ныхъ средствъ,—одна отрасль промышленности усиливалась и крѣпла въ ущербъ другимъ. Увеличивались съ неимовѣрною быстротою бюджетные итоги—но скорѣе падало, чѣмъ возвышалось народное богатство и по прежнему оставалось тяжелымъ податное бремя. Повышались или создавались вновь прямые налоги,—но въ гораздо бо́льшей мѣрѣ расли налоги косвенные, падающіе преимущественно на массу народа. Размножалась армія чиновниковъ, вслѣдствіе расширенія сферы казеннаго хозяйства—но съуживались предѣлы земской дѣятельности и размѣры земскихъ средствъ, возводилось въ систему недовѣріе къ земству [1]). Во всѣхъ этихъ сферахъ лицевая сторона медали—которую мы, конечно, не отрицаемъ,—не должна заслонять собою оборотную. Необходимо помнить, что въ шесть лѣтъ управленія Н. Х. Бунге для благосостоянія бѣднѣйшихъ классовъ населенія было сдѣлано больше, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ. Къ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, такъ рѣдко находившей тогда и находящей теперь справедливую оцѣнку, относится учрежденіе крестьянскаго банка, относится начало фабричнаго законодательства; она же завѣщала до сихъ поръ неосуществившуюся мысль о подоходномъ налогѣ. Съ другой стороны, не обрисовались еще результаты нѣкоторыхъ недавнихъ реформъ; нельзя еще опредѣлить, ослабѣло ли, благодаря питейной монополіи, народное пьянство, уменьшилась ли тайная продажа вина, идущая въ разрѣзъ съ предполагаемымъ морализующимъ дѣйствіемъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Опредѣлить значеніе всего предпринятаго и исполненнаго С. Ю. Витте—дѣло будущаго, едва ли особенно близкаго; теперь же возможенъ только одинъ перечень фактовъ, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, и ограничилась повременная печать... Впрочемъ, „Гражданинъ“ (№ 68), перечисляя заслуги С. Ю. Витте и приписывая имъ многочисленность его враговъ, сравниваетъ зрѣлище, которое представляла пріемная министра финансовъ при Н. Х. Бунге, съ зрѣлищемъ, представляемымъ ею въ послѣдніе годы. „Во дни оны, бывало“,—говоритъ кн. Мещерскій,—„зайдутъ два чиновника узнать, какъ здоровье Николая Христіановича, забѣгутъ два жидочка понюхать, не нашелся ли какой-нибудь рессурсъ [2]), и ладно; а въ эти десять лѣтъ можно безъ пре-

---

[1]) Мы не забываемъ освобожденія земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, но думаемъ, что оно перевѣшивается фиксаціей земскаго обложенія, безъ предоставленія земству новыхъ источниковъ дохода.

[2]) Еслибы нашей цѣлью была оцѣнка сказаннаго „Гражданиномъ“, мы должны были бы указать на непозволительность подобныхъ словъ въ отзывѣ о покойномъ безупречномъ дѣятелѣ—но для насъ теперь интересны только факты, сообщаемые кн. Мещерскимъ.

увеличенія сказать, что въ пріемной С. Ю. Витте перебывала вся многомилліонная Россія, съ ея помѣщиками, съ ея купцами, съ ея фабрикантами, съ ея аферистами, съ ея проектерами, съ ея жидами, съ ея счастливыми и несчастливыми; каждому нуженъ былъ С. Ю. Витте, каждый увѣровалъ въ него или слишкомъ много, или слишкомъ себялюбиво". Если эта параллель соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то нельзя не сказать, что изъ двухъ крайностей предпочтительна первая. Вовсе нежелательно, чтобы въ массѣ дѣловыхъ людей—или людей, считающихъ себя дѣловыми,—преобладали уповающіе на министерство финансовъ, ожидающіе отъ него великихъ и богатыхъ милостей. Въ русскомъ обществѣ уже безъ того достаточно развита привычка слишкомъ много разсчитывать на казну и слишкомъ мало—на собственную дѣятельность.

Съ 4-го по 7-ое сентября засѣдалъ въ Петербургѣ девятый конгрессъ международнаго союза криминалистовъ, въ составъ котораго уже нѣсколько лѣтъ входитъ русская группа (подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго). Открытый рѣчью министра юстиціи, Н. В. Муравьева (избраннаго, въ послѣдній день сессіи конгресса, почетнымъ президентомъ союза), конгрессъ разсмотрѣлъ вопросы о значеніи психическихъ элементовъ преступленія (сравнительно съ его матеріальными послѣдствіями), о патронатѣ, о реформѣ предварительнаго слѣдствія и преданія суду, о торговлѣ женщинами, объ условномъ осужденіи, о суммарномъ производствѣ. Предоставляя себѣ возвратиться, при случаѣ, къ преніямъ и постановленіямъ конгресса, мы приведемъ теперь только одно изъ принятыхъ имъ положеній, какъ доказательство важности его трудовъ. Обсудивъ первый изъ перечисленныхъ выше вопросовъ, конгрессъ, огромнымъ большинствомъ, призналъ, что „каждый подлежитъ наказанію за послѣдствія своего дѣянія только въ мѣрѣ тѣхъ послѣдствій, которыя онъ предвидѣлъ или могъ предвидѣть". Это—одно изъ выраженій того научнаго направленія, которое профессоръ ванъ-Гаммель назвалъ стремленіемъ къ уменьшенію матеріализаціи уголовнаго права. Важнымъ признается, съ этой точки зрѣнія, не столько реальный результатъ преступнаго дѣйствія, сколько настроеніе лица, его совершившаго. Отсюда необходимость изученія индивидуальныхъ свойствъ преступника. По выраженію проф. Гарро, „вниманіе суда должно быть обращено главнымъ образомъ на волю и личность, насколько онѣ проявлялись во внѣшнихъ фактахъ". Нельзя сказать, чтобы такой взглядъ всегда клонился къ уменьше-

нію отвѣтственности; наоборотъ, онъ влечетъ за собою признаніе незаконченности преступленія только возможнымъ, а не необходимымъ поводомъ къ смягченію наказанія. Съ особенною яркостью, зато, обнаруживается имъ неправомѣрность суммарной расправы, предпринимаемой безъ точнаго установленія вины, безъ всесторонняго, спокойнаго изслѣдованія намѣреній каждаго отдѣльнаго лица; болѣе чѣмъ когда-либо становится немыслимой отвѣтственность за чужія дѣйствія, даже при наличности точекъ соприкосновенія между ними и дѣйствіями обвиняемаго. Какъ ни велико, особенно у насъ въ Россіи, разстояніе между теоріей и практикой, коллективное мнѣніе людей науки, компетентность которыхъ стоитъ внѣ всякаго спора, не можетъ, въ концѣ концовъ, остаться безъ вліянія на теченіе жизни, на ходъ событій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть одно мѣсто изъ вступительной рѣчи министра юстиціи. „Не облеченный никакою оффиціальною санкціею"—сказалъ Н. В. Муравьевъ,—„союзъ (криминалистовъ) пріобрѣтаетъ все бо́льшее и бо́льшее нравственное значеніе, съ которымъ уже считается наука, а скоро будутъ считаться и законодательства. Результаты вашихъ тщательныхъ изслѣдованій не имѣютъ никакой обязательной силы, но нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что и при отсутствіи формальныхъ велѣній auctoritas rationis въ свободной области идей бываетъ иногда болѣе сильной и болѣе устойчивой, чѣмъ ratio auctoritatis закона"? Не менѣе важное значеніе имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, и слѣдующія слова г. министра: „какъ и подобаетъ ученому обществу, въ словесныхъ дебатахъ и печатныхъ работахъ союза царитъ полная свобода, и эта свобода, разумная и плодотворная, нимало не опасна, ибо, являясь строгонаучной и, слѣдовательно, умѣренной и сдержанной, она нисходитъ съ мирныхъ высотъ отвлеченнаго мышленія лишь въ мирномъ стремленіи къ общему благу". Такой взглядъ на ученыя общества и на ихъ свободу даетъ право надѣяться, что въ близкомъ будущемъ состоится, наконецъ, второй съѣздъ русскихъ юристовъ (первый происходилъ *двадцать-семь* лѣтъ тому назадъ), о созывѣ котораго давно уже ходатайствуетъ с.-петербургское юридическое общество, по своему составу и характеру своихъ задачъ мало чѣмъ отличающееся отъ союза криминалистовъ. Русскимъ юристамъ, отдѣльно взятымъ, едва ли будетъ отказано въ томъ правѣ, которое было дано имъ вмѣстѣ съ юристами западной Европы... Приведемъ, въ заключеніе, еще одну цитату изъ рѣчи Н. В. Муравьева, относящуюся къ прошедшему, но бросающую свѣтъ и на желанное будущее: „въ эпоху стараго права разсматривали преступника какъ непримиримаго врага, котораго нужно покорить, смирить страхомъ или раздавить, уничтожить во

чтò бы то ни стало, чтобы его самого наказать, а ему подобныхъ устрашить, при чемъ оставлялись въ сторонѣ какія-либо иныя заботы болѣе сложнаго и возвышеннаго порядка. Съ теченіемъ времени возникаетъ великое гуманитарное движеніе, которое смягчаетъ эту дѣятельность, проникнутую чувствомъ мести, и рѣшительно вводитъ принципъ справедливости въ суровую область публичнаго преслѣдованія преступленій".

Въ то самое время, когда конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ, при участіи и одобреніи высшихъ представителей администраціи и суда, установляетъ руководящія начала для дальнѣйшаго „гуманитарнаго движенія" въ области уголовнаго права, изъ глубины Россіи слышатся—къ счастію, единичные—голоса, призывающіе назадъ, къ „эпохѣ стараго права". Въ черскомъ уѣздномъ комитетѣ предлагаются и принимаются слѣдующія положенія (формулированныя сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей", г. Бодиско, и, конечно, вполнѣ одобряемыя этою газетою): 1) необходимо безуклонительное присужденіе къ наказаніямъ и взысканіямъ за всякіе проступки противъ собственности, какъ бы таковые ни были малозначительны, *дабы карался не столько фактъ, сколько нарушенный принципъ* [1]), и *конечно* независимо отъ причинъ, коими проступокъ вызванъ. 2) Такъ какъ въ мелкихъ проступкахъ противъ собственности бываютъ часто погрѣшны малолѣтніе, необходимо привлекать къ отвѣтственности родителей за то, что не воспитываютъ въ дѣтяхъ уваженіе къ чужой собственности. 3) При проступкахъ противъ собственности коллективныхъ, при потравахъ общественными стадами и табунами, порубкахъ и т. п. должна быть введена коллективная отвѣтственность, гражданская и *уголовная*. Первое положеніе идетъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ конгресса криминалистовъ, пріурочивающимъ отвѣтственность съ одной стороны къ матеріальнымъ послѣдствіямъ дѣянія, т.-е. къ *фактамъ*, съ другой—къ настроенію преступника, то-есть, между прочимъ, къ *причинамъ, коими поступокъ вызванъ*. Слѣдующія два положенія несовмѣстны съ принципомъ еще болѣе безспорнымъ, давно не возбуждающимъ сомнѣній ни въ наукѣ уголовнаго права, ни въ судебной практикѣ культурныхъ государствъ—принципомъ уголовной отвѣтственности каждаго только за *лично имъ содѣянное*, а не за чужую вину... Съ торжествующимъ злорадствомъ московская газета указываетъ на то, что проектъ г. Бодиско одобренъ крестьянами, которыхъ въ черскомъ

---

[1]) Какимъ образомъ можетъ быть *караемъ принципъ* — это тайна черскаго законодателя.

комитетѣ столько же, сколько землевладѣльцевъ. Многіе ли изъ нихъ, однако, не принадлежатъ къ числу должностныхъ лицъ, прямо зависимыхъ отъ предводителя дворянства (г. Сухотина) и земскихъ начальниковъ? Можно ли, вообще, говорить о самостоятельности чернскихъ крестьянъ, разъ что они поставлены лицомъ къ лицу съ близкою къ нимъ „сильною властью"?...

Послѣ глубоко прискорбныхъ событій, происшедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ губерніяхъ полтавской и харьковской, многіе губернаторы—какъ, напр., черниговскій, херсонскій, вновь назначенный полтавскій,—предприняли объѣздъ ввѣренныхъ имъ губерній, лично разъясняя крестьянамъ тяжелыя послѣдствія, ожидающія ихъ въ случаѣ насилія или посягательства на чужую собственность, и съ особенною настойчивостью повторяя эти разъясненія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ проявлялись признаки волненія. Такой образъ дѣйствій вполнѣ понятенъ, его цѣлесообразность безспорна: своевременно данными указаніями могутъ быть предупреждены серьезныя бѣдствія. Что касается карательныхъ мѣръ, то на принятіе ихъ, какъ извѣстно, закономъ уполномоченъ судъ, при наличности дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ, въ предѣлахъ и формахъ, закономъ установленныхъ, и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ процессуальныхъ требованій. Отступленія отъ общаго правила допускались до сихъ поръ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, послѣ крупныхъ, коллективныхъ нарушеній порядка; но теперь, повидимому, они распространяются дальше. Во всѣхъ газетахъ появилось сообщеніе о поѣздкѣ саратовскаго губернатора въ уѣзды балашовскій и петровскій. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, въ с. Глѣбовкѣ, нѣкоторые крестьяне позволили себѣ грубое самоуправство по отношенію къ имуществу сосѣднихъ владѣльцевъ—сбивали яблоки, увозили снопы, съѣли приготовленный на кухнѣ обѣдъ, разбили окна въ школьномъ зданіи. Разслѣдовавъ обстоятельства дѣла и выяснивъ главныхъ виновниковъ, губернаторъ приказалъ задержать 15 человѣкъ и подвергнуть ихъ наказанію (какому—это не сказано), но затѣмъ простилъ ихъ, въ виду ихъ раскаянія и клятвеннаго обѣщанія исправиться. Въ петровскомъ уѣздѣ дурнымъ поведеніемъ отличалась въ особенности крестьянская молодежь двухъ обществъ, урлейскаго и чернышевскаго. Губернаторъ, собравъ сходъ, объяснилъ крестьянамъ опасность и вредъ допускаемой ими распущенности молодежи. Подъ вліяніемъ этого разъясненія крестьяне тутъ же на сходѣ, съ разрѣшенія губернатора, постановили извѣстныхъ среди нихъ „головорѣзовъ"

подвергнуть наказанію. Въ обоихъ случаяхъ, какъ видно, не былъ соблюденъ обычный порядокъ, т.-е. обвиняемые крестьяне не были привлечены къ отвѣтственности, по принадлежности, передъ волостнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ или окружнымъ судомъ. Судебною властью не располагаетъ, по закону, ни сельскій, ни волостной сходъ; не видно также, предстояло ли въ настоящемъ случаѣ такъ-называемое „periculum in mora"... Направленіе уголовныхъ дѣлъ въ компетентный, по закону, судъ всегда и вездѣ служитъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы напомнить населенію о необходимости безусловнаго уваженія къ закону,—а уваженіе къ закону является лучшимъ средствомъ къ воспитанію народа въ духѣ законности.

Замѣчательно и весьма симпатично почти единодушно-отрицательное отношеніе нашей повременной печати къ проектамъ постройки въ обѣихъ столицахъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ (метрополитэновъ), съ которыми выступили недавно г. Балинскій и его компаньоны. Не повторяя доводовъ, разбитыхъ съ достаточною силою, мы хотимъ только подчеркнуть одну любопытную черту въ рѣчи г. Балинскаго, произнесенной въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Возражая Е. И. Кедрину, ставившему ему въ вину обращеніе прямо къ администраціи, помимо городской думы, г. Балинскій выразился такъ: „есть зыблемые и незыблемые принципы. Принципъ городского самоуправленія—принципъ не незыблемый, такъ какъ вѣдь трудно сказать, что лучше этого принципа ничего нельзя выдумать; правительство можетъ видоизмѣнить его... Кромѣ того, всѣ учрежденія имѣютъ надъ собой контроль, думу же никто не контролируетъ". Это послѣднее соображеніе—болѣе чѣмъ странное именно теперь, послѣ ревизіи Н. А. Зиновьева, да и вообще идущее въ разрѣзъ съ городовымъ Положеніемъ,—прямо взято изъ реакціонныхъ газетъ; подъ ихъ очевиднымъ вліяніемъ написано и все остальное, въ явный ущербъ логикѣ. Изъ того, что *правительство* можетъ видоизмѣнить городское самоуправленіе, еще не слѣдуетъ, что его можетъ игнорировать частный предприниматель. Не г. Балинскому судить о томъ, въ какой степени „незыблемъ" принципъ самоуправленія; пока онъ существуетъ, онъ для всѣхъ одинаково обязателенъ, какъ обязательны и вытекающія изъ него условія. Когда наступитъ конецъ переходнаго положенія, такъ давно тяготѣющаго надъ нашими городскими думами вообще и надъ петербургской думой въ особенности,

тогда немыслимы станутъ разсужденія въ родѣ тѣхъ, которыя позволилъ себѣ г. Балинскій.

Въ началѣ сентября въ Севастополѣ рѣшено военно-окружнымъ судомъ, по законамъ военнаго времени, дѣло о рядовыхъ Степановѣ и Земляномъ, обвинявшихся въ убійствѣ капитана Бабенко и его жены. На судѣ Степановъ, сознаваясь въ преступленіи, утверждалъ, что въ немъ участвовалъ и Земляной, до конца отрицавшій свою вину. Оба подсудимые были признаны виновными и приговорены къ смертной казни. Послѣ объявленія приговора Степановъ заявилъ, что оговорилъ Земляного ложно: послѣдній не только не былъ участникомъ убійства, но даже не зналъ о немъ; убійство совершено Степановымъ вмѣстѣ съ „вольнымъ человѣкомъ" Иваномъ, и похищенныя деньги они спрятали на улицѣ подъ рундукомъ. Въ указанномъ Степановымъ мѣстѣ денегъ не нашлось; тѣмъ не менѣе, заявленіе его о ложномъ оговорѣ Земляного не осталось, какъ сообщаютъ газеты, безъ движенія, и въ мѣстныхъ военныхъ сферахъ усиленно говорятъ о необходимости пріостановить исполненіе приговора и возобновить слѣдствіе. Допустимъ, что заявленіе Степанова подтвердится или окажется, по меньшей мѣрѣ, правдоподобнымъ—и представимъ себѣ положеніе обвинителей и суда, еслибы невиновность Земляного обнаружилась уже послѣ исполненія приговора. Судебная ошибка возможна вездѣ и всегда—но при тѣхъ наказаніяхъ, которыя знаетъ нашъ общій уголовный кодексъ и дальше которыхъ онъ идетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, возможно, хоть отчасти, ея исправленіе. Безусловно невознаградимой является только смертная казнь. Вмѣстѣ со всѣми другими соображеніями, говорящими противъ примѣненія, среди глубокаго мира, законовъ, установленныхъ для военнаго времени, не пріобрѣтаетъ ли упомянутый выше инцидентъ характеръ напоминанія, которому не слѣдовало бы остаться безрезультатнымъ?

До сихъ поръ не было слышно, чтобы обязательныя постановленія, издаваемыя мѣстною администраціей на основаніи положенія объ усиленной охранѣ или вообще въ видахъ охраненія спокойствія и порядка, примѣнялись къ періодической печати. Между тѣмъ, въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ редакторъ-издатель издаваемаго въ Иркут-

скѣ „Восточнаго Обозрѣнія“ былъ подвергнутъ, по распоряженію администраціи, денежному штрафу въ сто рублей, за нарушеніе пункта 1-го обязательнаго постановленія, изданнаго мѣстнымъ губернаторомъ 19-го іюля. Этимъ пунктомъ воспрещено распространеніе вымышленныхъ или основанныхъ на слухахъ извѣстій, могущихъ возбудить тревогу въ населеніи. Извѣстіе, навлекшее кару на „Восточное Обозрѣніе“, какъ намъ сообщаютъ изъ Иркутска, было напечатано 28-го августа, и состояло въ слѣдующемъ: „Агреневъ-Славянскій пишетъ въ „Саратовскомъ Листкѣ“ (письмо датировано Благовѣщенскомъ, отъ 24 іюля): идетъ злая гостья (холера) изъ Харбина, гдѣ по 800 заболѣваній и по 400—500 смертей ежедневно. Всѣ бѣгутъ изъ Харбина, а сегодня мнѣ прибывшій оттуда (выдержавшій, конечно, карантинъ) разсказывалъ, что по рѣкѣ Сунгари, впадающей въ Амуръ, на которой стоитъ Харбинъ, плывутъ сотни труповъ умершихъ китайцевъ. Вотъ какіе тамъ порядки“! Совершенно очевидно, что свѣдѣнія, почерпнутыя изъ газеты (въ добавокъ — газеты подцензурной, какъ „Саратовскій Листокъ“), не могутъ быть названы ни „вымышленными“, ни „основанными на слухахъ“. Не менѣе ясно и то, что извѣстіе о происходившемъ 24-го іюля въ Харбинѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Иркутска, не могло возбудить, 28-го августа, тревогу въ населеніи этого послѣдняго города (тѣмъ болѣе, что *наканунѣ* въ „Восточномъ Обозрѣніи“ появилось сообщеніе объ ослабленіи въ Харбинѣ холерной эпидеміи). Для насъ, впрочемъ, интересна не столько фактическая, сколько юридическая сторона вопроса. Мы думаемъ, что особыя условія, въ которыя поставлена наша повременная печать, исключаютъ возможность закономѣрнаго распространенія на нее дѣйствія обязательныхъ постановленій, грозящихъ административными взысканіями за нарушеніе изданныхъ администраціею правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мотивируется, обыкновенно, установленіе подобныхъ взысканій? Необходимостью *немедленной* репрессіи, не задерживаемой процессуальными формами и обрядами. По отношенію къ повременной печати такая репрессія существуетъ постоянно, какъ въ видѣ цензуры, могущей зачеркнуть любое слово, любую фразу, любую статью (или—если періодическое изданіе принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ безцензурныхъ,—задержать выходъ въ свѣтъ даннаго нумера или данной книжки), такъ и въ видѣ административныхъ каръ, восходящихъ отъ предостереженія до полнаго запрещенія. Есть ли, затѣмъ, основаніе присоединять къ этимъ мѣрамъ, достаточно разнообразнымъ и достаточно сильнымъ, еще одну категорію административныхъ взысканій, создаваемую обязательными постановленіями? Положимъ, что вымышленное извѣстіе, могущее вызвать тревогу въ населеніи, распространяется

устно, тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ лицомъ. При нормальныхъ условіяхъ возможно только одно: преслѣдованіе такого лица въ общемъ судебномъ порядкѣ. Это можетъ показаться, съ извѣстной точки зрѣнія, слишкомъ медленнымъ, слишкомъ слабымъ средствомъ огражденія порядка—и вотъ, администрація облекается дискреціонной властью, рѣшенія которой исполняются немедленно и безапелляціонно. Ни въ чемъ подобномъ надобности нѣтъ, когда распространителемъ тревожныхъ слуховъ является печать, и безъ того уже вполнѣ зависимая отъ администраціи. Слѣдуетъ надѣяться, что иркутскій инцидентъ останется единственнымъ въ своемъ родѣ.

Въ статьѣ г. Сулиговскаго: „Городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго", напечатанной въ іюньской книгѣ нашего журнала, была отдана справедливость полезной дѣятельности бывшаго президента города Варшавы, генерала С. И. Старынкевича. Этотъ заслуженный дѣятель, съумѣвшій сдѣлать многое при условіяхъ мало благопріятныхъ, скончался въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ и погребенъ на одномъ изъ варшавскихъ кладбищъ. Въ день его похоронъ, по словамъ его брата (см. № 240 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"), всѣ занятія и работы въ Варшавѣ были пріостановлены, всѣ жители города, безъ различія національностей и сословій, пожелали отдать послѣднюю честь покойному. Это не помѣшало „Новому Времени" напечатать корреспонденцію, авторъ которой, признавая, что С. И. Старынкевичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и въ русскомъ обществѣ Варшавы, отзывается о немъ такъ: „Какъ всѣ либералы-западники стараго закала, покойный, хорошо отличая здоровыя національныя требованія отъ шовинизма у другихъ народностей, готовъ былъ видѣть проявленіе шовинизма во многихъ вполнѣ основательныхъ требованіяхъ русской народности и государственности. Какъ человѣкъ съ притупленнымъ русскимъ національнымъ чувствомъ, онъ не съумѣлъ въ Варшавѣ соблюдать равновѣсіе между русскими интересами и интересами польской народности, нерѣдко склонялся въ пользу поляковъ и мало заботился объ охраненіи памятниковъ русской старины въ Варшавѣ". Въ подтвержденіе своего мнѣнія корреспондентъ приводитъ два факта: С. И. Старынкевичъ не могъ указать, гдѣ останавливался въ Варшавѣ Петръ Великій, и одинъ разъ не напечаталъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ" объявленіе (касавшееся городскихъ водопроводовъ), посланное имъ въ польскія газеты! И на этихъ-то основаніяхъ, до смѣшного слабыхъ, строится увѣреніе, что С. И. Ста-

рынкевичъ былъ человѣкъ съ *притупленнымъ русскимъ національнымъ чувствомъ*! Братъ его тысячу разъ правъ, утверждая, что патріотизмъ покойнаго былъ „не грошовый, не показной“, а разумный; онъ понималъ, что „лучшая политика, вѣрнѣйшее средство для уничтоженія розни національностей—это вполнѣ добросовѣстное, благородное, честное, разумное и сердечное исполненіе возложенной на него обязанности заботиться о благосостояніи города и его населенія“. Еслибы такихъ русскихъ должностныхъ лицъ, какъ С. И. Старынкевичъ, въ губерніяхъ царства польскаго было больше, гораздо больше,—положеніе этихъ губерній было бы не такимъ, какимъ мы видѣли его недавно въ книгѣ В. Д. Спасовича и Э. Пильца [1]).

Post-scriptum.—Въ послѣднее время въ газетахъ появилось весьма важное сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, слѣдующаго содержанія: „Въ интересахъ выясненія недостатковъ нынѣшней высшей школы и изысканія способовъ къ ихъ устраненію, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ Ванновскій, циркулярно просилъ попечителей подлежащихъ учебныхъ округовъ предложить совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ совѣту учрежденіямъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній высказать свои соображенія относительно желательныхъ измѣненій въ уставахъ и штатахъ, а также сообщить мотивированныя заключенія по нѣкоторымъ опредѣленнымъ вопросамъ, касающимся устройства высшей школы. Съ осени минувшаго года стали поступать въ министерство ожидавшіеся отзывы и для разсмотрѣнія послѣднихъ, а равно и включенія ихъ въ общій сводъ, была организована при министерствѣ особая коммиссія, которая нынѣ закончила печатаніе своей работы. Вслѣдствіе сего въ настоящее время для обсужденія вопроса о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія образовывается, съ Высочайшаго соизволенія, особая, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ, тайнаго совѣтника Зенгера, коммиссія, съ участіемъ представителей высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, по выбору совѣтовъ университетовъ и соотвѣтствующихъ совѣту учрежденій, а равно и представителей министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія“. Первое засѣданіе этой коммиссіи было назначено на 30-ое сентября.—Итакъ, и въ сферѣ высшаго образованія иниціатива, которую взялъ на себя П. С. Ванновскій, не осталась безслѣдной. Залогомъ

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, сент. 902 г., стр. 340.

благопріятнаго для высшей школы исхода работъ коммиссіи служитъ, между прочимъ, ея составъ. Представители, выбранные самими совѣтами, явятся лучшими выразителями и усерднѣйшими защитниками пожеланій, господствующихъ въ профессорскомъ мірѣ. Роль, въ этомъ случаѣ данная совѣтамъ, — вмѣстѣ съ предоставленіемъ имъ права избранія кураторовъ и членовъ профессорскаго суда, — позволяетъ ожидать, что новый университетскій уставъ возвратитъ совѣтамъ значеніе, утраченное ими, въ 1884 году, къ явному вреду для университетской жизни.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ.

Съ разрѣшенія Комитета Попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ, съ предстоящаго октября мѣсяца членами Совѣта сего Попечительства, докторами медицины М. В. Богдановымъ-Березовскимъ и Е. С. Бориспольскимъ, открывается въ С.-Петербургѣ (Крюковъ кан., д. 7) „Дѣтскій Садъ" для глухонѣмыхъ дѣтей дошкольнаго возраста и при немъ *специальные классы* для больныхъ *съ разстройствами рѣчи* (заикъ, косноязычныхъ, нѣмыхъ (афатиковъ) и психически-глухихъ) и для больныхъ *съ разстройствами слуха* (глухихъ, тугоухихъ и глухонѣмыхъ съ остатками слуха).

Дѣтскій Садъ будетъ находиться въ вѣдѣніи и непосредственномъ покровительствѣ Попечительства Г. И. М. Ѳ. о глухонѣмыхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь. — Октябрь. 1902.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина. Т. II. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 902. Ц. за 4 т. по подпискѣ—8 руб.

Въ новомъ изданіи, настоящій томъ содержитъ въ себѣ средніе вѣка русской литературы, начиная отъ татарскаго нашествія и до самаго конца XVII вѣка, а слѣдовательно около пятисотъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ исторія русской литературы ограничивается собственно одною восточною Русью, испытавшею на себѣ монгольское иго, а самое время можетъ быть названо по преимуществу московскимъ. Сдѣлавъ общую характеристику нашихъ „среднихъ вѣковъ", авторъ приводитъ сначала легенды о московскомъ царствѣ, религіозныя воззрѣнія того времени и подводитъ итоги первыхъ двухъ вѣковъ, XIII—XIV-го. Начиная съ XV-го вѣка, появляется, рядомъ съ Москвою, вліяніе кіевской школы на ходъ нашей образованности и вмѣстѣ обнаруживаются начатки сближенія ея съ западною образованностью, постепенно усиливавшагося до самаго кануна преобразованій Петра Великаго. Каждая глава этого тома снабжена обширными библіографическими примѣчаніями.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. X. Политика, исторія и критика. Спб. 902. Ц. 2 р.

Настоящій выпускъ состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по словамъ автора, имѣютъ тѣсную идейную связь между собою. Каждая изъ этихъ частей озаглавлена именами трехъ лицъ, уже умершихъ, и „которыхъ—говоритъ авторъ—я знавалъ еще живыми; они дѣйствовали по одному и тому же направленію и считали возможнымъ разрѣшеніе въ будущемъ русско-польскаго конфликта и вопроса—по взаимному соглашенію сторонъ и на началахъ справедливости"... Первый изъ нихъ маркизъ Вѣлепольскій, жизни и политикѣ котораго посвящена наибольшая часть тома; затѣмъ слѣдуютъ В. А. Арцимовичъ и Владиміръ Соловьевъ.

Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Образовательныя дѣтскія прогулки. Съ картами, планами и рисунками въ текстѣ. Изданіе Городской Коммиссіи по народному образованію. Спб. 902. Ц. 75 к., въ переплетѣ.

Школьныя прогулки, въ послѣднее время, вошли въ программу учебныхъ заведеній и заняли въ ней замѣтное мѣсто, какъ одно изъ важныхъ образовательныхъ средствъ, почти на ряду съ классымъ обученіемъ. Настоящій путеводитель имѣетъ, конечно, главное значеніе для школъ города Петербурга и ближайшихъ его окрестностей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ служить и образцомъ того, какъ должны составляться и издаваться подобные путеводители. Текстъ путеводителя по окрестностямъ Петербурга составленъ цѣлымъ кружкомъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ С.-Петербурга, причемъ геологическія свѣдѣнія помѣщены по указаніямъ и совѣтамъ покойнаго проф. Мушкетова, а планы и карты выработаны д. чл. Географ. Общества, Н. Н. Михайловымъ. Весь матеріалъ путеводителя подраздѣленъ на три группы: естественно-историческую, историческую и географическую. Самое изданіе выполнено весьма изящно, и тѣмъ не менѣе осталось, по цѣнѣ, общедоступнымъ.

Цѣли воинскаго наказанія. — Н. П. Фалѣева. Спб. 902. Ц. 3 р.

По опредѣленію самого автора, трудъ его представляетъ попытку научнаго изслѣдованія воинской кары, какъ одного изъ средствъ охраны правопорядка, установленнаго въ арміи; если карательная власть государства въ арміи не имѣетъ опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей, а самыя цѣли не соотвѣтствуютъ ни культурному уровню общества, ни интересамъ арміи, или карательныя средства оказываются неспособными достигнуть цѣлей воинскаго наказанія,—то, заключаетъ авторъ, „такая карательная дѣятельность—вредный балластъ въ экономіи государства". Само изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: за общею частью слѣдуетъ историческое развитіе цѣлей воинскаго наказанія, начиная съ римской эпохи и переходя къ эпохѣ феодальной, и наконецъ къ нашему времени—во Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи; слѣдующій отдѣлъ посвященъ системамъ воинскихъ наказаній въ различныхъ государствахъ и въ нашемъ воинскомъ уставѣ; наконецъ, послѣдній отдѣлъ трактуетъ о цѣли воинскихъ наказаній и различныхъ ихъ формахъ и пріемахъ, какъ у насъ, такъ и за границею.

Баронъ А. Буксгевденъ. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. I. Пекинскій договоръ 1860 г. Портъ-Артуръ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ видно изъ предисловія, автору удалось при началѣ китайскихъ событій 1900 года достать обширный матеріалъ, касающійся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ и имѣющійся, впрочемъ, также въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Содержаніе изданной теперь въ Портъ-Артурѣ книги обнимаетъ наиболѣе интересный для русской дипломатіи періодъ 1859-60 гг., завершившійся пекинскимъ договоромъ, который впервые доставилъ извѣстность графу Н. П. Игнатьеву, какъ дипломату. Впослѣдствіи авторъ предполагаетъ сообщить свѣдѣнія и о послѣднихъ событіяхъ 1900 и 1901 годовъ.

Н. В. Никитинъ. Преступный міръ и его защитники. Съ 11 портретами. Спб. 1902.

Уголовные процессы, излагаемые въ настоящей книгѣ, хорошо памятны нашей публикѣ, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть названы сенсаціонными въ полномъ смыслѣ этого слова: таковы дѣла объ убійствѣ профессора Донберга, о дуэли Максимова, объ Аннѣ Коноваловой, о Тальмѣ, о пожарѣ дачи Краевскаго. Эти процессы, надѣлавшіе въ свое время много шуму, производятъ въ книгѣ г. Никитина впечатлѣніе яркихъ бытовыхъ картинъ, освѣщаемыхъ съ различныхъ сторонъ обвинителями и защитниками; одно изъ дѣлъ, по своему характеру и подробностямъ, напоминаетъ сатиру Салтыкова: таковы приключенія Іосифа Коссицкаго, которыя кажутся какъ бы эпизодомъ изъ исторіи города Глупова. Составленная вообще умѣло, книга г. Никитина не только интересна, но и поучительна во многихъ отношеніяхъ.

3 2044 015 517 527

STALL-STUDY
CHARGE